

Лариса Кольцова
Планета по имени
Ксения

18+

Лариса Кольцова

Планета по имени Ксения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69586555

SelfPub; 2023

Аннотация

В последней книге цикла «Три жизни трёх женщин Венда» появляется первая возлюбленная героя по имени Ксения. Она прошла через таинственные и закрытые для большинства народов Земли Центры омоложения, дающие подлинную юность. И она вовсе не отказалась от устремлений всей своей предыдущей жизни. Пусть и задавленная, невостробованная в течении десятилетий, её любовь к главному герою всё также жива. Но станет ли её путешествие в запредельный мир новой планеты счастливым? Какие обретения и разочарования ждут её там?

Содержание

В коконе одиночества	4
Начало третьей жизни Ксении	60
Всем чужая	113
Две жены под одним куполом	178
Сокрытое становится очевидным	386
Обретение имени	480
Кристаллическая слеза планеты	566
Опостылевший город под куполом	642
Возвращение домой!	707
Вот Луна разбросала свои побрякушки...	817
Спустя годы	888
Зов из Созвездия Рая	1011
Обретение новой судьбы	1110

Лариса Кольцова

Планета по имени Ксения

В коконе одиночества

Глубинные страхи Ксении

Она не приходила на ногах, не прилетала на крыльях, не приползала на брюхе, – она просто появлялась, отделяясь от тёмных полей, лежащих за ночным лесом, и наваливалась. У неё и не было ни ног, ни брюха, как и самой зримой воплощённой в веществе формы, но у неё имелось словесное обозначение, имелся и категориальный статус в философских словарях, и она ощущалась как ноющая пустота. Через идеальные прямые линии проложенных наземных дорог для сверхскоростных, молниеносных потомков древних поездов, через полу заброшенные тропы для редких пеших, обленившихся людей, через мельчайшие просветы между деревьями она тяжкой пульсацией, как ленивая старческая кровь проталкивалась, будто через аорты, сосуды и капилляры.

Чем она была, эта пустота? Обиженными лохмотьями, остаточными обрывками, отброшенными обрезками материала Художника для его несравненного Творчества, не вошед-

шими в рамки Замысла? Возможно, она просачивалась на битком забитую людьми, зверьём и прочей живностью маленькую и тесную Землю из межгалактических глубин?

Человеку так важно осознавать свою принадлежность не только к Солнечной системе, к Млечному Пути, но и к целому Мирозданию, где и малой, пусть и точкой, но он является составляющей частью бесконечности Вселенной. А тот, кто отрицает эту включенность, ниспровергает только себя самого, а уж никак не само человечество, вселённое во Вселенную.

И червяк, и слизняк, и кошачья блоха, гнусная палочка Коха? И они? Да. И они подселенцы в непостижимом этом космическом обиталище. А ты уверена, нашёптывала пустота ей в душу, что твоя Солнечная система с твоим Млечным Путём в никуда не являются отринутой Творцом свалкой неудачных экспериментов? Медленно уничтожаемой, не исключено, что и благим Энтропизатором? В сверх человеческом смысле, если? Это как? В бесчеловечном? Но, в бесчеловечном Мироздании откуда бы и взяться человеку?

И вот она, – проекция ничто, служебная функция Энтропизатора, внедрялась всюду, где зияли прорехи, возникали каверны, скрипели трещины повреждений, петляли тупики упёрто-самонадеянных проектов и колыхались трясины смертоносных заблуждений, чтобы внушить своё несомненное торжество, заявить о своём первородстве, о тёмном могуществе Хаоса.

Но она хотела и жизни тоже, хотела дыхания, потому и лезла в осиротевшие, покинутые и жалобно одинокие души, ища там места и сворачиваясь клубком, как бездомная кошка, нашедшая тёплый укромный уголок. Отогревшись, она вонзала туда когти, перебирала мягкими лапами в сладострастном удовлетворении от найденной жертвы, слившись с которой получит своё, наконец-то, разумное бытие.

Сейчас эта метафизическая тоска пританцовывала, тёрлась шерстяным брюхом о сердце женщины, не имеющей возраста. Но самой женщине казалось, что она отжившая и сухая, забывшая вкус того, чем и питается женщина всю жизнь. Вкус любви. Запах любимого, чьё-то неудержимое к себе стремление, ночное восхищение, покрывающее собою все дневные неурядицы, жёсткую правду и пластичную кривду человеческого устройства. Неужели это было? С нею? И может быть опять? Да нет. Какое там стремление, да ещё и восхищённое. Так бывает только в юности, так было и у неё...

...Следы оставляя в некошенных травах/ Пройдя через сизый реликтовый бор/ Как в детстве идём мы по шпалам, по шпалам/ И лёгкими пьём бирюзовый ликер...

Кто придумал эти строки? И она, и он, они вместе шли и сочиняли, а потом... Свалились в траву, на удивление тёплую, мягкую, несколько высушенную предосенним солнышком, но не настолько, чтобы она кололась и раздражала кожу. И насекомые, живущие вокруг в её дремучих для ма-

лых сих тварях измерениях, уже не так активничали как летом, утомились от своей бурной жизнедеятельности, притихли, не досаждали вовсе. Потому и не мешали их встречному устремлению...

Ноги, руки, всё переплелось, уподобились корням, у которых никогда не поймёшь, где заканчивается одно растительное щупальце и начинается другое. Если деревья растут близко-близко, как и бывает в лесу, и переплетаются ими там, в сырой чёрной глубине почвы. Но деревья прохладные и безмолвные, а их тела были горячие и стонущие. И погружение в любовь было таковым, как если бы одушевлённое земное тяготение утягивало её вглубь и темень, а она извивалась кверху, к свету, но сила эта не пускала и продолжала незримым тросом утягивать в вековечную почву и подпочву всего сущего. Окатывала дыханием зева праматери, и это она стонала в ней, принимая в себя через неё, как через синапс, маленький и временный, из трепещущего нерва – из любимого импульс страсти вместе с извержением молодого семени, чем и питается эта праматерь сущего всегда, от начала живого творения. Все девушки испытывают это, если любят, ошеломлённые не своей силой, вырывающейся из их столь ещё и зажатого тела. Все женщины, по замыслу все, должны ликовать в этом, столь и кратком своём счастье, отдавая силу своей праматери, – плату за выделенную напрокат красоту и желанность земного тела.

Она помнила, о чём думала тогда, – нет, не думала, о чём

она и могла думать в тот миг? – ощущала в себе свою мать, свою бабушку, и все женские предыдущие поколения. Говорят, что такое же ощущение женщина испытывает и в процессе родов ребёнка, но Ксении не было дано испытать этого. Но вдруг и придётся? И родить, страшно и подумать, от него? От других не надо ей.

Дальнейшее развитие сна закинуло её на пригородную платформу, где они вышли уже после той прогулки. Она знала, что той платформы уже не существует, как и того старого маршрута. Она была там, долго бродила по таким же дремучим зарослям, выискивая прогулочные тропинки, а они там нашлись. Многие всё ещё гуляли там, подчиняясь некому незабытому прежнему алгоритму давно ушедшей жизни, когда любили приходить сюда, чтобы уехать куда-то со своей целью, а то и вовсе без таковой.

Она забралась на поваленный фрагмент старой платформы и села, свесив ноги. Было высоковато, было тепло, отменно и беспечно как в том самом времени, что ей и снилось. Она и на самом деле там гуляла однажды. Семенила по остаткам разобранных наполовину шпал древней дороги, никуда уже не ведущей. Сидела на той самой плите – останце платформы, глазела то в сизые пространства, то небеса, чья синь маскировалась дымкой бесцветной облачности. От чего небо казалось потолком, ни высоким-ни низким, ни далёким-ни близким, как говорят в сказках.

И вдруг, – не во сне, а в той реальности, что и послужи-

ла рабочим материалом для сновидения, – она наткнулась рукой на мужской контактный браслет. Кто-то снял и забыл тут. Чтобы вернуть его владельцу, необходимо было отнести в ближайший пункт потерь. Трогать, влезать в чужие информационные глубины не считалось проступком, но и не желательным, конечно. Хотя любопытство у иных женщин это как вторичный половой признак. Без соприкосновения с живой кожей своего владельца, браслет обычно закрывался от доступа тех, кто его и хватал. Но тут в нём возникла, видимо, некая неполадка, потому что он ожил сразу же, как только Ксения надела зачем-то его на своё запястье. Вернее, активировался лишь один из его сегментов, когда она услышала голос, – Да сколько же можно тебя вызывать? Ты спишь, что ли? Или утонул где?

Голос показался знакомым, а следом и личико обозначилось, Рита! Она с изумлением вглядывалась в Ксению, не находя слов. Потом спросила, – Ты? Откуда у тебя контактный браслет Венда?

– Нашла, – просто ответила Ксения. – Гуляю тут. За городом. Села, поела, дальше пойду.

– Чего поела? – спросила Рита строго, но мягко, как заведующая учебной частью школьного городка.

– Пирожок, естественно, – ответила Ксения. – Захватила с собой в рюкзачке, – она показала Рите маленькую бутылочку с водой. Никакого пирожка на самом-то деле не было.

– Странно, – сказала Рита, – что браслет активировался

при контакте с посторонним человеком. Впервые наблюдаю такую вот аномалию

– Так я ему и не посторонняя. Если уж даже его вещи так считают, в отличие от самого хозяина. А я сама по себе и есть аномалия, как ты же не раз мне о том и говорила.

– Ты где? А! Вижу твои координаты. Ну и глушь! Ты чего там забыла?

– Я гуляю в свободное время, где хочу.

– Когда вызовешь общественный аэролёт после прогулки, занеси браслет в ГРОЗ. Оставь внизу у дежурного робота. Я потом туда подойду. Если захочешь, можем вместе попить кофейку в «Башне ветров».

– Отличная идея! Там кофе изумительный. Только я в походных шортах и в майке. Буду эпатировать тамошний ГРОЗный муравейник.

– Да кому ты там и сдалась. Кстати, я заодно сделаю тебе сюда свободный пропуск, чтобы ты приходила в любое время, как захочешь кофейку изумительного откусать. Или со мной войти в родственное общение вдруг пожелаешь. Мы же не чужие с тобой.

– Почему и нет? Я ведь по жизни своей бродяжка неисправимая, а также и дочка твоя, мамочка.

– Будет ведь искать! – проворчала Рита, имея в виду рас-теряху Венда. – Что у него с головой? Потерять контактный браслет в каком-то диком поле. Чего он там делал-то? А ты сама? По следам его, что ли, ходишь?

– Нужен он мне! – как бы возмутилась Ксения без всякого возмущения на самом-то деле. – Я и узнала-то случайно, что он вернулся. Уж и не помню, кто сказал... Кажется, Елена из экспериментальных оранжерей, что у озера расположены. Я там купаюсь обычно. Она и сказала, что сын её в «Сапфире». Вернулся в числе всей команды, как срок командировки на Троле завершился. Почти все уже домой вернулись, а сын её вынужден задержаться там. Она плакала ещё...

Рита что-то нажала там, у себя, и браслет Венда на руке Ксении оказался заблокированным. Ей надоела её болтовня. Ксения вздохнула. Прижала браслет к губам, опять вздохнула, – Даже твой контактный браслет узнал меня. Даже он отозвался. И ты отзовёшься на запрос моей души рано или поздно. Знать бы, где ты тут бродишь? И опять мы с тобой разминулись...

Это произошло в те самые первые дни после возвращения Рудольфа с Трола на Землю. Тёплый пасмурный предосенний день, от которого Ксению нынешнюю отделяло ровно десять лет.

«Мне уже пятьдесят, полвека. Третью жизни прожита. У той же Вики две девчонки стали невестами. И у многих моих сверстниц есть внуки. В прежние времена это был уже конец женского расцвета. А у меня он и не начинался. Я увяла, не успев расцвести. Что дальше? Уповать на то, что в сто лет жизнь только начинается»?

Надежда с опорой на сверхсовременные технологии

Надежда окутывала её, как атмосфера планету, не пуская в её живое тело вселенскую тоску-бродягу окончательно. С её убивающей всякий росток надежды, как и само стремление к будущему, радиацией.

«Сиди, тварь безликая, в замусоренном предбаннике, коли впёрлась! Грейся пока, соси мою живую энергию, но скоро, скоро я тебя вышибу из себя! Наведу в себе сверкающий порядок, такой же, какой внешне создали мне волшебные передовые медицинские технологии Земли».

Она, Ксения, слава Создателю! не родилась в какое-то там средневековье или в Эпоху войн и катаклизмов мусорной, зашедшей в ловушку цивилизации. Она – женщина ослепительного будущего для тех, кто тогда жили и страдали. Да и для многих ныне живущих она тоже, пока что, женщина будущего. Дорогие и секретные технологии не были доступны большинству.

Она прислушивалась к току своей крови. Нет, эта кровь не тыркалась по старчески в переплетениях и узких лабиринтах изношенных сосудов, она струилась в ней, омывая её ждущее сердце, питая живым согретым кислородом её не спящий мозг. Сосуды упруго и юно напрягались в ней от освобождающихся из бывшего забвения желаний, кровь звенела в

них предвкушением того, что вернётся. Всё ещё сбудется, и она станет матерью, для чего и появилась на свет. Она отдаст свой долг праматери, для чего же та и переполняла её своей силой и жадой своего продолжения через неё, Ксению?

И Ксения трогала себя, не веря, что эта атласная кожа ей родная, упругое, ожидающее чрево тоже её. И пряталась под простыню от страха, представляя, что темнота вокруг не земная и напитанная жизнью, а та, что ей предстояла – чёрная, в льдистых и убийственных сполохах гибнущих и нарождающихся вновь Галактик, бездна Космоса. Куда предстояло ей провалиться, как в сон без сновидений, чтобы оказаться там, на спутнике, рядом с ним и выполнить свою жизненную миссию. Миссию любви. Или не оказаться уже нигде и не выполнить ничего.

Не получалось спрятаться от темноты, напирющей из-за стены, а стена не была для неё препятствием. И вопросы, на которые Ксения не знала ответа, находились не в темноте, а в ней самой, и только казалось, что напирают они извне. Это они страшили, а не безлунная лесная темнота вокруг её уединённого дома.

После того, как отец женился на Рите, он покинул старое обиталище навсегда. На самом деле Риту звали Кларисса Бете, она была дочерью отца швейцарца и русской матери, так она говорила, но звалась Ритой., За глаза «Кошачий Глаз», якобы названная так в честь планетарной туманности, оставшейся на месте погибшего мира. Туманность обладала неве-

роятной структурой, феерической и загадочной красотой, испускающей газ в виде скоростных струй, узлов, сплетений и концентрических кругов. Она завораживала и околдовывала тех, кто её наблюдал на почтительном расстоянии, и была несовместима с жизнью человеческой. Туманность, конечно, а не Рита. Агония запредельного и древнего мира напоминала из безмерной дали фантастический зелёный глаз, у Клариссы – Риты глаза природно-серые, обладающие по свидетельству редких очевидцев способностью светится в темноте зелёным пугающим светом. Те, кто были не в курсе, не понимали природу свечения, но Ксения знала причину. Так проявляли себя последствия тайных технологий, возвращающих утраченную молодость. А сколько раз её возвращала себе Кларисса – Рита, не знал никто.

Получалось, что Ксения теперь вечный должник Риты, женщины или химеры женщины, это кому как хочется считать, но Ксения всегда ненавидела её. Ненависть, подспудная, длиною в несколько десятилетий не ушла и после «дара богов», обрушившегося на непутёвую дочь – падчерицу.

Рита стала женой отца Ксении тут же после смерти мамы. У этой ненависти – ревности не имелось срока давности, её нельзя было задарить, замолить, чего Рита и не собиралась делать, бросив Ксении волшебство омоложения, как ничего не стоящую милостыню. Дала ей шанс, нищей замарашке, так и не выбившейся в Золушки, не получив взамен и пустякового реверанса внешней благодарности. Ксения все-

гда читала в кошачьих по разрезу и себялюбивых, отсвечивающих тайной, очах ненавистной мачехи своё определение, своё место в её иерархии ценностей, вернее, вне пределов этой иерархии. Она для Риты всё равно, что погибшая пыль некогда и прекрасного порождения великолепного отца.

Кратко Ксения так могла бы оформить беспощадную мысль Риты – приговор себе. Зачем была длинная и страшная эволюция Земли, земного человечества, Млечного Пути, вступившего в фазу зелёной долины, то есть плывущему или катастрофически бегущему к своему концу и завершению, в объятия неведомого Энтропизатора, называемого раньше чёрной дырой, аттрактором? Неужели, всё это для того, чтобы появилось пошлое и пустое существование рыжеволосой дурёхи под маленькой провинциальной и тоже рыжей звездой, под которой, правда, жили и другие, мнящие себя покорителями и венцами творения? Неужели, эти вселенские затраты относились и к ней, Ксении, неудачливой и бесполезной представительнице планеты Земля с полностью провальной судьбой?

Но сама Ксения кидала её невысказанное мнение через левое плечо, как и её авторитет, или статус, что там было в действительности, в ГРОЗ, как и саму ГРОЗ. Ни много, ни мало, а саму Галактическую Разведку Объединенной Земли. Тоже мне «галактическая разведчица», проторчавшая всю жизнь в небоскрёбах на Земле, а также в постелях видных представителей этой звёздной касты, где она умело пускала

им межзвёздную пыль в глаза, изгибая известными кренделями своё неувядающее ведьмино тело и задирая ноги выше их голов. Ксения про себя звала её «чёрной дырой», но уже в сугубо земном, а не космическом смысле. Много кого засасывало её силовое поле, её женское обаяние, её, на взгляд Ксении бутафорский, ум.

Да разве могла Рита знать про неё то, что знала о себе сама Ксения? Разве знает или может знать другой человек в своём самомнении непознаваемую бездну другого человеческого существа? Если каждый, как малая бесконечно точка в масштабах Вселенной, есть её безразмерное зеркало? Ксения, как умный человек, на это не претендовала никогда и считала тех, кто так мнил, людьми ограниченными. И Рита, то есть Кларисса, – и чем эта Кларисса ей не угодила? – в этом смысле для неё ограничена, не тонка, не интуитивна, не сострадательна к ближнему, потому что недобра изначально. Недоразвита до нужной ювелирной кружевной изысканности своего женского существа, «не» и «не». Её создателем определенно не был русский милосердный Бог, который в момент перед запуском русских женщин в живую Вселенную, подковывал их, как Левша своих блох, золотой подковкой души и не использовал при этом чертежей и математических расчётов. Её-то, Клариссу Бете, выверяли, рассчитывали и соизмеряли с эталонами практичные боги Запада, а вместо поцелуя в темечко снабжали ценником и техническим паспортом с гарантией безупречного механического

функционирования.

Но думая так, Ксения вовсе не возносилась перед высокопоставленной мачехой, а когда-то и соперницей, Ритой. То, что знала она о себе, то, что думала, было и хуже, чем беспощадная аттестация Риты, но совсем не так, иначе, по-другому. Прошлая жизнь хранилась в ней, как спрессованный и не раскрашенный пласт чьих-то бездарных рисунков, вроде и не имеющих к ней, настоящей, отношения, хотя она и сотворила их своим личным «гением», как ей тогда мнилось.

Откровения мачехи, столь же невыносимые, как и она сама

Помнила ли Ксения своего «меченосца Космоса»? Того, о ком напомнила ей Ворона Рита в своём каменном многоцветном гнезде, созданным для неё Вороном Вороновичем, отцом Ксении, улетевшим куда-то в своём звездолёте, проколотившем, как игла ткань Галактики, и канувшем где-то в её изнанке?

А как жаждал он, папа Ворон, спасти своё чадо от недостойного избранника. И средства для этого избирал тоже недостойные. Да никто потом, как ни был лучше и добрее, не дал ей даже в приближении того, что давал он, «меченосец» несравнимый, стёршийся, если в деталях, сохранённый как главное событие её жизни. Записи с ним она не смотре-

ла никогда, – у неё их не осталось, полностью уничтоженных в порыве ненависти. Весь нечёткий и расплывчатый в океане её памяти, он периодически выныривал из синих туманных глубин, на какое-то время оставляя, как кит, фонтан на поверхности. Она стряхивала долетающие брызги, давно не ощущая ни их вкуса, ни их горечи, поскольку это было всего лишь её внутреннее кино.

За тридцать с лишком лет он, понятно, сильно изменился настолько же, насколько давным-давно возмужал и заматерел. Правда, до какой степени одеревенелости он покрывлся непрошибаемой житейской корой, до какой непохожести на себя прошлого необратимо изменился, ей предстояло узнать, попав на спутник, решившись прыгнуть в космическую прорву, как в смерть.

И оказалось, что смерть, о которой она столько мечтала в свои особенно тяжкие и тёмные часы, очень её страшила. И Ксения ворочалась и вздыхала, ложилась на спину и таранилась в потолок, по отражающей поверхности которого скользили смутные тени фантомных существ, иногда людей, иногда животных, забрасываемые в дом через прозрачную панель ночным шевелящимся лесом. Их облик зависел от воображения того, у кого и возникала нужда их рассматривать, наделяя призрачной жизнью.

Ксен любил спать в шёлковых пижамах, и шёлк ещё больше делал его не похожим на мужчину, на того мужчину, который ей нужен, которого она, с чувственным замиранием,

любованием перебирала в его ускользящих деталях. Десять лет тишины и гармонии и вот опять... Он оказался вынут из её памяти на поверхность произволом чёрной Вороны Риты. Древняя Рита-Кларисса возжелала ради своих только целей пихнуть Ксению туда, к нему на страшный спутник. Ксения не стала спрашивать: «А чего же не желаешь сама туда вернуться»? Потому что знала почему.

Неожиданно Ворона сама поведала ей, не вдаваясь в обширные подробности, но живое воображение Ксении дорисовало картину в её целостности, как проходила там её жизнь, на спутнике Гелия.

– Представь, – начала Рита, – я просыпалась, а на подушке лежали пряди моих волос, я могла и облысеть там. Легко. А париков и восстанавливающих центров там же нет. Я ходила стриженная, как мужик, к тому же я не вылезала из комбинезона, рост у меня высокий, а грудь маленькая, так что новоприбывшие принимали меня за молодого человека, за парня. Девки изучали на предмет сближения, а ГОРа Венда принимали за... Ну, не будем уточнять. Пока до них не доходило, кто я.

А он ныл, поскуливал по ночам, потому что был одновременно страшен и жалок, как брошенный в покинутой инопланетной колонии пёс. Правда, такой пёс, какой описан в старинной сказке, у которого глаза как мельничные колеса, а сам размером с лошадь. Вонял, казалось, уже не смываемым потом от каждодневных стрессов и перегруза: «Где твоя

прежняя виртуозность, игра? Я устаю и хочу полноценного расслабления». Какая там игра в ледяной, окружающей жуте? Сидишь, как мышь под колпаком, дрожишь от каждого звука тревожной сирены, от любых неполадок в системе искусственной атмосферы. Ведь обосновались на самом холодном континенте планеты, поскольку самый стабильный он там.

А он мне: «Ты стала похожа на издыхающую механическую куклу»! У меня же пропали все интимные желания, и я до сих пор удивляюсь тем бабам, которые там умудрялись бесперебойно функционировать. Вот отбор поставлен! Таких киборгов выплавляют в этих Космодесантных структурах. У них нервная система не иначе как из искусственных нейроволокон. Их ничто не берёт. Ну, действительно, отряхнулись как собаки после пробега от своей усталости, погрелись о бока друг друга, и снова бодрые, жизнерадостные. Говорю это не из желания унижить как людей, так и собак. Поскольку я против собак ничего не имею, тогда как люди способны порой вызывать разрушительные эмоции и переживания даже в моей закалённой и бронированной душе, а общения с людьми никак не избежишь, пока живёшь...

Она на какое-то время делала краткий перерыв, собиралась с силами, и Ксения ждала. Устроившись на огромном диване поудобнее, она слушала её, как ребёнок страшную захватывающую сказку, леденя, а не имея сил прервать жуткое повествование.

– Признаюсь честно, чуть не отдала там свою душу, не знаю, кто там есть в том мире, такой же Вселенский Творец или кто другой. Это тоже загадка для поколений и поколений современных метафизиков, если уж и с Землёй они не разобрались за тысячелетия. Но и сам он, Венд, как кузнец отбавал свои положенные удары, – с ходу, с налёту и спиной – отход ко сну. Бессловесный, механический секс, как вколачивание свай в меня, и всё это не считаясь с моим настроением, а утром совершенно бодрый подъём. Я же лежу и, правда, издыхаю там. Сил не было от постели оторваться. Казалось, встану и рассыплюсь вся на фрагменты...

Тут же, мгновенно, Ксения считала её ложь. Рита просто в силу их давнего знакомства, в силу того, что она была женой отца Ксении. И хотя сама Рита никогда не жила под одной крышей с Ксенией, всё таки ж, невольно объединились они в единую родовую душу. Как бы уже и не тайна они друг для друга, не за семью печатями. Печати сильны только для тех, кто Риту не знал близко. Ксения слишком хорошо знала своего отца, и уже через него, воспроизводя его облик в себе, считывала Риту. Пусть это и странно для тех, у кого не развиты тонкие и особые настройки в голове. Понимая отца, она понимала и всякую, приближённую к нему, женскую душу.

Рита лгала. Она менялась лицом во время лжи. Подспудно напряжённая мимика не соответствовала небрежно-сказанному. Умышленный цинизм прикрывал её некогда пережитое и нешуточное, отчаяние. Не было у неё на спутнике

никакого секса! Она только мечтала о подобном экстремальном виде спорта, а не было ничего! Неясно, по какой причине он её отодвинул от себя там, где не могло быть ни одной по-настоящему красивой женщины.

– И хоть бы погладил, приободрил, пожалел, потискал нежно и утешительно, – продолжала Рита, нервно и кокетливо поводя плечищами, нежно – девическими по качеству кожи и широкими по-мужски. – Но на этот раздел человеческого существования там и слов нет. Это же смешно! Там у человека только функции. Он же быстро и очень убедительно вошёл в свою главную роль. ГОР – эталон мужества, выносливости, рутина, грубость и полное отсутствие слюнявства, так они именуют неизбежные человеческие проявления слабости.

Искоса и неявно она отслеживала воздействие своих слов на Ксению, – Одно и было там исключение, Рамон Грязнов. Самый чистый там человек, нежный, весёлый, сострадательный. Девки вокруг него хороводы завивали. Всякой же женщине, где она ни будь, нужно нежное слово, ласка во взгляде, архаичное снисхождение «сильного пола» к «слабому». Иногда, не скрою, вдруг возникала потребность в этом специфическом неравенстве, всю жизнь мною отрицаемым. Да куда там! Стал ревновать! А мне что Рамон, что свая титановая, всё едино. Меня тошнило от любого проявления физиологии как таковой. Хотелось только одного; домой! Домой!

Тут Ксения подумала и о том, что причиной его охлажде-

ния, действительно, могло стать внутреннее оледенение самой Риты, проявившее себя внезапно и не подчиняясь её воле. Всё-таки Рита принципиально презирала ложь, выраженную словесно. Другое дело, что ложь проявляет себя и в умолчаниях, а о многом сообщают и вообще расплывчато, – то ли фас, то ли профиль, додумывай сам, как фантазия подкажет.

Рита остановилась, чтобы передохнуть, сделала затяжной вдох. Подняла, ставшие во время исповеди страдальческими, глаза к высокому потолку, на котором зеркальные вставки причудливой мозаикой отражали её холл и её саму. Через бледность на узких скулах проступил румянец, это было проявлением внезапного счастья при мысли, что всё рассказанное осталось позади, отринуто, неправдоподобно, кошмарно. Она же здесь, в светлом чертоге сияющего настоящего – заслуженного праздника. Она улыбалась, вынырнув из космической черноты, из искусственной тесноты под куполом, из-под псевдо супружеского, такого негреющего пледа на свободу, под синие небеса, под прочный родной потолок небоскрёба могущественной и тоже давно родной ГРОЗ.

– В конце концов, до несгибаемого Венда дошло, что я могу и накрыться худым куполом, и он, скрипя зубами, всё же отпустил меня. Там, понимаешь, такие правила, если Главный не хочет отпускать, никто на Земле не имеет права вмешаться. Как бы на время человек перестаёт существовать для Земли, и это по-настоящему страшно. Я же, окрылённая

ещё на Земле своей тягой броска в глубокий Космос, забыла составить контракт для невоеннообязанного члена команды, и тем самым перешла автоматически в число его рабов, а по сути, это так и есть. Он мог и распылить меня, и спроса бы не было. Может, я покушение на него готовила, кто докажет обратное? А учёные, не входящие в их десантуру, вольные люди и на них невозможно им там покуситься без проблем для себя в дальнейшем.

Так вот в чём дело! Он возненавидел её там и, не шутя, желал её физического уничтожения. Значит, было за что возненавидеть ему ту, кто не отлипала от него как хроническая болезнь во всю его жизнь на Земле. А тут и в Космос пропёрлась, повисла, пиявка извилистая – бровь изломанная, губищи вампирские.

– Надо было так сглупить? Так он и оттянулся по полной, мстя мне за моё своеволие над собой на Земле в прошлом. Он оказался зверски мстителен. И он ничего не забывает, вплоть до обидного себе слова. И мстить умеет, сволочь, даже с отсрочкой на много лет. То, что ты видела в первую нашу встречу, это я уже макияж земной навела, а видела бы ты меня там! Сквозь меня можно было узреть то, что за мною скрыто. Я стала, как иные душевнобольные, хрустальная, но буквально. Стукни он меня пару раз во гневе, и я бы сыпанулась вдребезги. Но до этого не дошло. Просёк, что контракт там или его отсутствие, а с него спросят за меня. Найдётся тот, кому это надо. Отпустил. Плакал на прощание как сосу-

нок, от груди не могла оторвать. Забыл своё, хотя и дикое, но спутниковое величие. ГОР! Я простила его, конечно, за всё. Но это сейчас. А там я его ненавидела. Я там и плакать научилась. Можешь себе представить это? Вся морщинами пошла, как трещинками. Так он в порыве злобы орал: «Комета блуждающая ты, а не женщина! Не придуряйся, что всех тут нежнее! Будешь пахать, как и все на той делянке, что тебе и предписана. Здесь нет твоего маринованного перца советника! А то выкину тебя для употребления рядовой десантуре, ты им и такая в радость!» Я слишком обольщалась по поводу своей власти над этими психами. Вообще же, я несу в себе сильное разочарование в собственной профессии, усталость невероятную. Думаю так; отдохну, как следует, верну себе прежнее равновесие и сменю род деятельности.

А вот это было чистой правдой! Ксения злорадно усмехнулась.

Он заставлял её там работать. Он отселил её в персональный закуток и провёл зримую черту между собою, главным там, и ею, ничтожеством ни к чему там не годным. Рита заметила усмешку. Мимолётно-гневым взглядом перехватила эту усмешку и сорвала её с губ своенравной падчерицы. Ксения понимала, что Рита вовсе не отвечает ей взаимностью на ту мучительную и ядовитую смесь чувств, какие она излучала из себя. Рита всегда была выше всякой никчемной или пошлой обыденности, даже не будучи добрячкой.

Рита передёрнула заметно похудевшими и ещё не набрав-

шими округлость плечами, как будто тот абсолютный холод, что остался за пределами родной материнской атмосферы Земли, опять придвинулся к ней вплотную и давит из-за незримых и кажущихся не надёжными стен купола.

Ксения изучала её совершенно юное лицо, какое она приобрела в своих закрытых святилищах за гранью досягаемости для остальных, то есть большинства землян. Будто она только-только вышла из подросткового нестабильного периода и едва вошла в свою всё ещё воздушную юность, колеблемую вешним ветерком и зыбкую для зрения, тем и особенно прекрасную, без будущей и неизбежной зачерствелости черт. И не могла поверить, что женщина без пяти минут старуха первой встречи и эта юница одно и то же лицо!

Рита следила за её реакцией, вызванной изучением красочной и первозданной будто персоны, она это и видела, и чувствовала, и усмехалась усмешкой опытной стервы, мало вяжущейся с лучистой личиной полудевы –получёрта.

– Согласилась бы отдать мне свою волю за такой же себе подарок? За юность?

Ксения ощутила веяние космического ледяного абсолюта в своё лицо. И вслед за этим её накрыла волна жара. Она вспотела мгновенно.

– Зачем тебе?

– Да? Нет? Кратко!

– Да что тебе моя воля? Ты как Мефистофель, в женском только роде...

– Отвечай! Мне некогда. Вводная интимная часть беседы окончена. Не ты, другую найду. И без затрат на омоложение. Подлинную девчонку, любую красотку. Это что проблема? Без твоих тут комментариев. Начитанностью в другом месте сверкнёшь. Хотя и там не ею тебе сверкать будет надо.

– Там? Чем сверкать? Перед кем? Я не пони...

– Там, на спутнике Гелия. Сверкать будешь тем, что спрятано в твоём нижнем белье. Чего притворяешься дурочкой? Передо мной не надо. Понятно, это произойдёт после того, как тебя введут в девственные формы. И отправят во Вселенское путешествие. И не воображай, что сумеешь отвертеться потом или увильнуть. Контракт подпишешь сейчас. До погружения в фазы омоложения.

– А что бывает за нарушение контракта?

– Никакого нарушения не бывает. Оно невозможно. Человека просто берут и сажают в звездолёт, а на Марсе погружают в стазис – камеру до места назначения. Всё!

– К кому я полечу? Кто он – нержавеющей сплав сказочного пса и кузнеца, злой и страшный киборг, воняющий трудовым потом, а заодно и поскуливающий от человеческой усталости в твою подмышку... Это трогательно, а совсем не страшно. Проявление минутной слабости в сильном человеке, когда живая душа сжимается от давления неизмеримой бездны, – всё это в нормальной женщине способно только усилить привязанность... Когда двое наедине под чужой звёздой... Так кто же он? Тот, кому ты не сумела дать под-

держку...

– О ком я тебе только что рассказывала? Не поняла?

– ГОР?

ГОР- означало на сленге космодесантников Главного Ответственного Распорядителя земной базы.

– Ты уставала от него там? – спросила Ксения без церемоний. Не она же затеяла эти откровенности о подушках. – Он раздавил тебя бесперебойной сексуальной функциональностью, или он сдал? – тонкая усмешка опять проявилась на губах милейшей утончённой падчерицы. – Давил своим невозможным характером? – Ксения деликатно исправила свою оплошность.

«Кошачий глаз» заметно мигнул, затем сузился. Не от стыда, конечно, и не от злости, а от того, что изобразил превосходство своего существа как высшего, над Ксенией как непомерно низшей.

– Тебе это интересно? Тебя же не пугают его характерные особенности? Ты боишься, что он утратил то, что для тебя в нём было самым ценным, за что ты и терпела всё остальное в нагрузку? Хотя и не нагрузка это, а полноценный груз, от которого и я прогнула свой хребет. Выносить такое давление, – это надо быть пластичной или же по-настоящему воздушной. Женщина с чёткой личностной структурой рядом с ним обречена на слом. Как женщина женщине, как подруге и родной к тому же, могу сказать, что я охотно сбрасывала его и другим. Там были желающие, кому он подходил по разме-

ру и темпераменту. В этом плане на него не действуют, повторюсь, ни физические перегрузки, ни нервные перетряски. В других все эти хваленые и перепроверенные вживлённые механизмы защиты человека в иноземных сферах рано или поздно дают сбой. Но не в его случае. Закалка Трола всё же сказывается. Хотя там, на Троле этом, по меркам безжизненного мира был рай земного типа. Жаль, что меня не пустили на Трол. А как я хотела тогда. Всё могло бы сложиться иначе. С ним и со мной, это я имею в виду.

– С тобой?!

– Были и собственные, сугубо профессиональные интересы, сама ведь понимаешь. Говорю тебе, его невозможно долго выносить. Он вытягивал из меня всю силу там, требовал какой-то самоотдачи.

– Боже мой! Невыносимо! – не удержалась тут Ксения, хоть так давая понять Рите, что ложь её не съедобна для той, кого она перекормила этой отравой ещё в подростковой юности. Рита прищурилась ещё больше. При этом рот ощерился, и что означала гримаса, отвращение или смех над той ситуацией, было непонятно. Юное лицо пропало, вместо него возникла жуткая маска.

– Он ничуть не постарел, но... ты же понимаешь, там нет тех, кто ему нужен. Он весьма разборчив...

Искусительница расширила, наконец, свои кошачьи окуляры, молниеносно блеснула ими в зрачки Ксении, породив в ней временное ослепление.

– Ко мне бесперебойно поступает вся информация оттуда. Ты же тогда не согласилась, вот он и вызвал бывшую «жену», и у них начался повторный расцвет отношений, давший и плоды. У неё там четверо детей родилось от него.

Ксения болезненно затаилась, не желая выдать своей зависти и ревности Вороне. Но Ворона и сама была переполнена тем же.

– Если бы ты не улетела назад, ну мало ли, не смогла? Интересно, какой бы ты стала там? Волосы бы выпали, кожа резко постарела, веки обвисли, и глаза были бы тусклые? Ты, если учесть количество этих твоих омоложений, не можешь покидать Землю, и все эти вживлённые защитные штучки в тебе не работают там, в иных средах, как происходит у других людей, не избранных. Ты уже полностью, по сути, искусственная. Условно живая. А как будет со мной?

– Я не обижаюсь на твои ругательные выпады. Тебя что-то задело в моих речах? Ревность к той? Да это смех! Та, к кому ты ревнуешь, – поглупевшая, подурневшая от своего безостановочного конвейерного материнства инопланетная пчелиная матка. А чего ей там и делать, если всю работу делают другие, а она только и сидит в своей геометрической и нелепой конструкции, сооруженной там ей на радость. И ты – роскошная женщина, редкая, замечу, в наше время. Ты способна пробуждать атавистические влечения в любом сапиенсе, даже самом умственно-развитом и стерильном от прошлых животных излишеств. Меня уже одолевают по по-

воду тебя мужчины. Кто ты, что тут делаешь? И это, заметь, интересуются не мальчишки, а солидные статусные люди. А что же будет, когда ты вернёшь себе юность? Если, конечно, согласишься на мои условия.

Так вот в чём дело! И дара богов не жалко ради осуществления мести. – Что же ты не смогла её одолеть? Ту? Заставить его забыть о ней? – Ксению ничуть не заинтересовала информация об озабоченных, «статусных» инкогнито. Может, их и не было ни одного, а это был неумелый комплимент Вороны.

– Я другая, чем ты. Да и не было у него ко мне той безумной любви в прошлом. Я сама его соблазнила, сыграла на мальчишеском любопытстве. А тебя он любил. Ты сама всё испакостила настолько, что и поправить было ничего нельзя. Ты же рехнутая была! Я всегда говорила твоему отцу: «Лечи ребёнка!»! «Нет! Она нормальная, но слишком эмоциональная. Остынет». Но ты же не остыла? Хотя и покрылась коркой льда, я же чую, какие в тебе спрятаны гейзеры до сих пор. Нет? Конечно, Ксен не тот, кто опробует их на себе. Шкура тонка у него для таких экспериментов. Ты же умышленно их закрыла, ты всё же научилась владеть собой. Но думаю, его ошпаришь, как и тогда. Грехи твои он простил. Да просто забыл всё, да и сам-то...

Рита – искусительница или благодетельница?

... Ксен сопел, уткнувшись носом в ложбинку на её спине, это единственное, что ему и было позволено, верх интимно возможного, после её телесного катарсиса, возвращения молодости, ослепительного возрождения или рождения Афродиты из пены засекреченных островных Центров омоложения на теневой стороне цивилизации, в том смысле, что спрятанной.

Ксен напоминал собою её любимого в прошлом миниатюрного таксу Харлея, с которым он в своё время боролся за место у неё под боком, ругаясь, что она приучила собаку спать рядом в постели. Пихал его, ругал зубастым и вонючим карликовым бегемотом, но такс упорно расчищал себе местечко у хозяйки не под бочком, так в ножках.

– Это же извращение! – бурчал муж на собачьего фаворита, – Что ты тут спишь с человеком? Тут тебе не конура собачья, не твой домишко.

Но маленький такс был вроде неполноценного, но ребёнка для одинокой женщины, не считающейся с чувствами мужа-приживала, которым она не дорожила. Дом был её, а Ксен мог жить, а мог и не жить. Ксен жил, не уходил.

.... – Как он там жил? На том Троле? – она вопрошала Риту о том, о чём спросить было не у кого. Она была уверена, что Рита ничего не расскажет. – Там, кажется, был расцвет

архаики? Или правильнее, закат цивилизации? – Ксения не могла решиться на прямые расспросы о Нэе. А Рита неожиданно и охотно затараторила как заурядная сплетница.

– Так и жил. Жутко, архаично. Утратил даже подобие человечности, разлагался, в общем, на не лучшие составляющие фрагменты его некогда горделивого «я».

– А ту Нэю где он нашёл? В их притонах?

– Зачем же в притонах? Она была дочь лучших представителей той планеты, местная аристократка, хотя и обнищавшая, кажется. Потому и клюнула на него. Их правящие кланы живут очень закрыто и обособленно от большинства. А большинство там такое, дикое и пёстрое, грязное и толкучее, как и положено быть сброду, живущему в нижних уровнях архаичных социальных пирамид. Но ты не бойся. Я его после того тёмного мира починила. Он стал как новенький. А то, что я нагнала на тебя страху, так это я слишком эмоционально обрисовала тебе своё состояние неприспособленности к таким мирам, к колониям, короче. Я всё же порождение земных оранжерей, а там? Но ты-то другая. И он, представь его преобразование, стал семьянином! Многодетным отцом. И у тебя иная задача, несколько опять его разложить. Я, конечно, грубо утрировала то положение, в котором они там существуют. Там дисциплина и стальные рамки для каждого, там своеобразный монастырь, и единственное отличие – там дозволена интимная сфера проявлений жизнедеятельности. То есть семьи и прочее, но в чётко заданных скобках,

понимаешь? У них же и дети там растут, их воспитывают и учат на конкретных примерах. Там нет, и не может быть излишеств ни в чём. Ну, конечно, есть своя специфика, как и в любой закрытой колонии, но ты полетишь с мужем. Семейная пара, а это значит привилегированный круг в закрытом семейном сегменте. Да вы с Ксеном по контракту полетите, вы в подчинении ГРОЗ, а не у ГОРа непосредственно будете находиться.

– Я боюсь его встретить. Я даже в мыслях этого не делаю. Чего мне стоило его забыть.

– Ты можешь обманывать Ксена, себя, но не меня. Ты жаждешь повторения того, что утратила. Ты веришь, что только он даст ребёнка твоему окаменевшему чреву. Ты же верила всегда в теории твоего отца. Он пусть и такой-сякой, этот Венд, он создан для тебя. Вы две части когда-то разорванного целого. И я это всегда понимала.

Имя было, наконец, произнесено, и Ксении сразу же стало легче дышать, напряжение покидало её.

– А та?

– Она же не земная женщина в той степени, как ты. Она следствие какого-то не поддающегося пониманию и изучению эксперимента, сотворённого неведомым и неизвестным нам миром. Вот и проверим её на стойкость к воздействию агрессивной среды.

– Какие же у них дети?

– Прекрасные дети. Земные, как и положено. Ничем не

отличимые от наших детей Земли. Мы же их и на Земле изучили, полностью.

– На Земле? Она тут оставила детей?

– А кто бы ей их отдал? Лететь это был её выбор. А дети не могли делать выбор в отличие от тех, кого она родила там.

– Скажи, у неё же был другой муж. Как он отнёсся к её бегству?

– Не знаю, как отнёсся. Но дети по закону его. Две дочери Рудольфа и одна его собственная, но он их удочерил всех. Воспитанием занимается совместно со своей матерью. Если бы он был против, её могли бы и не отпустить. Но он взял детей себе, а ей дал вольную от них. Она могла бы их вообще отдать в общественный сектор воспитания, или в другие семьи, но это заняло бы время, а так он ей, что называется, стал попутным ветром в спину.

– И Рудольф простил ей измену?

– Сам её позвал. И любит, так передают мне мои источники. Преданно и горячо.

– Чего же мне лезть?

– Надо. Хватит ему семейного счастья. Заигрался. Не заслужил больше. Он и вообще-то не заслужил никакого счастья после того, что вытворял.

– Тебе зачем рушить его жизнь? Если, конечно, я сумею сотворить эту подлость. Ты же сама удрала. Из семейного и вымечтанного тобою, так я понимаю, закутка?

– Я не могу там жить. Он же нужен мне здесь. Хватит ему

там торчать. А он не хочет возвращения.

– Но если он не захочет меня?

– Шутишь, что ли? Там новенькие все нарасхват, а тут возврат юного и волшебного видения.

– Но если жена всё простит? А он не захочет её оставлять даже после нашего сближения?

– Она не простит. Она не ты.

– Я ему тоже не прощала.

– Да всё ты прощала! Кому врёшь? Придёшь, увидишь, победишь! В награду я буду и здесь, на Земле, в оговоренные дни позволять тебе любить его. По взаимному согласию, конечно. Если захотите этого.

– Уж и уверена во всём...

– Что не устоит против тебя? Да. Он же не ангел. Хотя в молодости своей до чего же был и похож! Кудри светились, как в нимбе, лицо точёное, взгляд глубокий, лучистый и отчасти печальный. Что сделала с ним жизнь, или что другое? Не знаю. А ты каким его помнишь?

– Наглым. Всегда. Ты его, видимо, испортила к тому времени, когда меня с ним свела.

– Что?! Свела? Это было случайно! Я и понятия не имела, что он на тебе споткнётся до такой степени. Я думала даже, что ты не в его вкусе. Да ты же глупая была, хотя и хорошенькая как солнечная фея. Вот и станешь опять солнечной феей, а глупость при тебе, кажется, так и сохранилась. Это уже пожизненный диагноз.

– Умным слишком много жизненных благ надо, таким как ты. А уж мы-то, глупые, всегда готовы потесниться, подчиниться, обойтись тем, что остаётся от щедрот умников.

– Не умничай. Тебе и не идёт. Твоя красота тем и привлекала, что без лишнего ума была. Ну, согласна?

– Не люблю я его уже давно. И забыла совсем.

– Полюбишь заново. Вспомнишь. И потом. Это же последняя твоя возможность заиметь полноценного ребёнка по любви и естественным путем. Ты же отказалась от возможности иметь ребёнка искусственным путем? Хочешь же только по любви и любви взаимной. Нет? От Ксена же не получается? А от него будет. У вас полное созвучие. Если было, то и осталось. Это тоже, если хочешь, пожизненный диагноз – любовь. Хотя часто люди и загоняют её в подсознание, но это не уничтожаемо, поверь мне. Только вместе с самим человеком это и уходит.

– Не хочу. Я всё забыла.

– Ничего ты не забыла! Он торчит в тебе, поэтому ты и не смогла жить полной и счастливой жизнью. Он мучил тебя и тогда, и всю жизнь ты была несчастна из-за него. Отомсти ему! За то, что с тобою сотворил. За забвение тебя, за слом твоей души, за то, что мог жить и наслаждаться с другими, а ты нет. Отомсти за всё его подлое существование!

– Да как?

– Разрушь его семейную идиллию. И брось. Оставь одного.

– Думаешь, я смогу?

– Ты сможешь.

Ослепляющее счастье юности

Ксения была из тех немногочисленных людей, кто любил купаться в ледяной воде. Она купалась поздней осенью, ранней ещё весной. Этому её научила Лора, уверяющая, что холодное купание лучшее средство не стареть долго. И обладая уже возрождённым, заново юным телом, Ксения не изменила своей привычке. Она стояла одна на серповидном пляже лесного озера, того самого, где и видела его в последний раз перед отлётом. А он её не узнал, так ловко она замаскировалась большой розовой шляпой и очками, да и постарела она тогда, изменилась всё же. Он же запомнил её двадцатилетней девушкой. Он пришёл с какой-то распушенной дешёвкой, готовой отдаться всем желающим, не будь его рядом. И Ксения вспомнила, как та фефёла трясла своим обременённым похотью задом у всех на виду, в символическом купальнике, всё открывающем тем, чьим глазам была охота по ней елозить. Она приседала от прохлады воды, но с умыслом возбудить чужие эротические помыслы чужих ей самцов.

– Бр-р-р! – Ксения отмахнулась от мерзкого воспоминания, разбила его ладонью о гладь холодного озера. Вокруг не было ни души. Где-то в отдалении кто-то в лесу перекрики-

вался со своими гуляющими детьми. Она окунулась юным телом, усталой душой, чтобы и её встряхнуть и уравновесить в себе все части собственной прежней разлаженности.

– Я стала как прежде, – сказала она себе вслух, – и у меня всё впереди, ничего нет позади, мне просто приснился тяжкий сон, и сейчас я сброшу его в холодный поток, – и она поплыла туда, где в озеро вливалась наполненная вешней водой маленькая речка.

Выбираясь на уже тёплый песок из ледяной воды, она фыркала и отряхивалась, а душа расправляла свои тайные морщинки. Вода этого озера была особенной, она хранила в себе память о её подлинной молодости и всегда возвращала её, оживляя некой загадочной субстанцией, спрятанной где-то в банальных молекулах H_2O , в их незримом сцеплении. Ледяного заплыва хватало надолго, а чтобы избежать судорог, Ксения принимала перед погружением стимуляторы.

Когда-то это было только их озеро. Но в ночь его свадьбы с Лорой Ксения пришла на берег с Рамоном Грязновым в яростном, злом желании всё осквернить. Разбить хрустальную память, думая избавиться от Венда. Но не получилось избавиться. Чистейший целомудренный Грязнов плакал, сидя на песке и пряча лицо в коленях, жалуясь на невозможность забыть подлую и глупую Лорку. Ксения топила пальцы в его завитках, тихонько рвала их вверх, желая ему боли, но он ничего не чувствовал. Потом они искупались, как два малолетних дурака, вопя и брызгаясь, надеясь на приговор

свыше тем двум дуракам – Рудольфу и Лорке. И приговор был приведён в исполнение неумолимым и высшим Судьёй, конфисковавшим их намеченное счастье, но и им с Рамоном Он, этот непознаваемый и скрытый ото всех Судья, всыпал того же. Уравновесил, так сказать. Просили покарать? Я исполнил. Но и вам дать ничего не могу. Не за что. Не желай другому того, чего не хочешь для себя.

Дрожа, она закуталась в пушистую простыню – полотенце и села на молочный песок, привезённый откуда-то и не похожий на пески подмосковные. Неестественно-белый, искристый, он слепил глаза и казался неуместным на фоне подмосковной природы, искусственным каким-то. Лично она любила естественные мягко-палевые пески, отмели, да где их было взять в мегаполисе? Вспомнилась удивительная первобытная глушь у маленькой зелёной речки, которую они как-то с отцом нашли и где? В Подмосковье! Там был природный мягкий песок, матовый, как тальк, но не такой белый, конечно, а цвета заварного крема. На берегу валялось поваленное дерево, росли кувшинки и речные лилии, и не было ни души. В следующий раз там проходили какие-то съемки, а третьего раза не было. Попасть бы туда опять. Но где это было? Она не помнила. Знал отец. Но у него уже не спросишь. В то время он, отец, был у неё единственным человеком мужского рода, кого она любила. Её внутреннее спокойствие было подобно той реке, почти неподвижно-стеклянной, безмятежно-тихой.

– У моей приёмной в ГРОЗ вечно толкутся курсанты. То один шляется по коридорам, то другой. Спросишь: в чём дело? Чего-то беспомощно врут, но чую, тебя караулят. Не вздумай с ними связываться. Ни с кем! Они обречены Космосу.

– Папа, там у вас есть высокий такой блондин с волнистыми волосами, у него нашивка в виде крылатого дракона на форме. Я слышала, что один из учебных звездолётов, к экипажу которого приписаны те, кто носит такой символ, называется «Велес». Велес же умел принимать вид дракона. Тот парень часто мне встречается... Он кто? У него такое лицо, как будто он уже на звёздах. Умное и ... Не знаю, короче, но другие ребята не гордятся собой нисколько, все простые и симпатичные, а этот другой. Необычный...

– Других не держим, и простых у нас нет, поскольку отбор очень суровый по всем параметрам. И кудрявых там не сосчитать, – отец с усмешкой погладил свою лысину.

Во второй раз он вспомнил первый разговор.

– Его Рудольфом зовут. Рудольф Венд. О нём ведь спрашивала? – отец, не глядя на неё, задумчиво изучал заросший противоположный берег подмосковного леса, похожего на джунгли. В то лето дожди и жара вызвали к жизни фантастическую обильную растительность.

– Он не русский? – удивилась Ксения.

– Русак. По отцу если. А мать? Она смешанных кровей, а поскольку даже в своей юности она отлично владела рус-

ским языком, подозреваю, что без русских предков там не обошлось. Она же любит всё архаичное, и поведение своё строит по музейным, замшелым этикетам, напускает на себя какую-то высоко породную спесь: «Кто там вы? А кто я»! Кажется, сын всегда был ей без особой надобности. Она не считает его высокохудожественным произведением, какового бы ей пристало иметь при её личном, да и фамильном совершенстве. Видишь ли, папаша из настырных простаков подвернулся, она и дала маху. Но это не моё, понятно, мнение. Она так всю жизнь считает. Осталась сиротой, вот и вышла замуж без родительского совета. И жили, как водится, весьма недолго. Очень непростая мамаша, таков и сынок. Высмотрела? Когда и успела? – спросил он, но так, что Ксения почувствовала его неудовольствие. Почему оно было?

– Мне всё равно. Мне никто не нравится. Я только оценила чисто объективно.

– Неужели никто? Скрытничаете? – тормозил отец. – Ты что же, спящая красавица? Выпала из современности?

И ругал мать, отдавшую её в архаичный балет, сделавшую её чудной, не такой, какими были сверстницы. Да причём и балет? У них было так же, как и вокруг, как везде. На берегу в тот день снимали исторический игровой фильм для школьников, скорее всего. Глушь оказалась обманчивой. И отец говорил ей, вот бы где тебе жить! В том прошлом. Бедно, горестно, войны, но романтика, накал чувств, чего нет ни у кого сейчас. Зря ты, говорил он, не хочешь выбрать се-

бе другую профессию. Бросай ты эту сценическую благоглупость, эти свои «па дэ трау».

– А у вас? Настоящие отборные покорители Вселенной? Не то, что артисты? Или поклонники с цветами? Тебя бы это устроило, если бы я нашла у вас подлинного мужчину? У вас же совсем другая жизнь.

Отец молчал. Не опровергал, не подтверждал. Когда в её жизни возник такой «космический покоритель», папа приложил все свои галактические по мощи усилия, чтобы растащить их в разные стороны. Но «покоритель», как более тяжёлое тело с мощнейшей гравитацией стащил с неё её живительную атмосферу, уйдя в свою космическую бездну. А её вышиб с привычной орбиты. Оставив свою уютную прежнюю гравитационную ямку, привычное вращение, она превратилась в бесприютную комету.

В сшибке и в отталкивании, иногда недолго и зависая, вращаясь у других не менее притягательных, но ненужных уже тел, она покрылась копотью столкновений, льдами одиночества, пока не вышла на мирную, хотя и отдалённую орбиту вокруг маленькой планеты, совсем не первой в списке, по имени Ксен. Светило с их вселенских координат было маленькой, не греющей звёздочкой, сама планета пустынна и сера. Ведь для того, чтобы заиграли фантастические ландшафты, нужен свет любви, а света не было. И не выявленные красоты планеты стыли в ледяной же неизвестности. То ли они были, то ли их и не было.

Итак, он тыкался холодным и преданным носом, собачьим по своей ласке, в её ноги, как делал это и её любимый некогда такс, но в отличие от таксы, он не будил в ней чувства умиления к брату своему меньшому. Однако, он её спасал, не давал продрогнуть окончательно. Спасал от мировой пустоты, от не нужности уже никому.

Коварная Ворона хотела использовать её, как таран для разрушения семейной крепости Рудольфа, куда благополучно спрятался этот космический «покоритель» после своих подвигов в чужих мирах. Он оказался в своей жизни столь же бездарен, как и Ксения. Он не совершил великих открытий или свершений, как иные. Он тупо сидел в недрах неблагоприятной планеты и разлагался в элементарные частицы. Мечь отца Ксении оказалась ужасной, но другим остриём этого оружия он так шибанул свою любимую дочь, что сделал её такой же калекой. А сам пропал в красноватом смещении неизвестной старой Галактики. Он был виноват и перед мамой, считала Ксения, чью недолгую жизнь он не лелеял так, как обещал ей это в молодости. Но это была уже другая история их с мамой взаимоотношений, их любви, их разлада. Но и там эпицентром бедствия была эта Рита – Кларисса – «Кошачий Глаз» – Ворона.

Чья крона выше – того и свет

– Страшно мне, – призналась она Ксену.

Они сидели в лоджии – террасе и пили чай из маминых чашечек с синей кобальтовой сеточкой и вызолоченной внутренней поверхностью. От этого казалось, что это не чай, а жидкое горячее золото. Ксения ловила натянутой поверхностью плескающегося чая утреннее солнце и плескала его на стол. Она любила кофе, но Ксен не пил его никогда и по утрам заваривал только чай, думая и Ксению приучить пить его по утрам. Но она, вздыхая и тихо злясь, вставала и варила кофе, иногда это делал робот, иногда, всё же, Ксен. И так каждое утро он её допекал своим чаем. Из-за этого Ксения любила вставать раньше, чем он, чтобы в одиночестве попить кофейку. Закусить сладким, которое он тоже ругал, будто не видя в упор, насколько ей не грозит полнота, о вреде которой он не уставал ей рассказывать поучительные истории. Иногда Ксения из вредности, если он не замечал, сыпала ему в чашку сахарный песок, он плевался, а она с тем же занудством доказывала ему, как полезен сахар для питания мозговых нейронов. И сквозь эту инфантильную утреннюю возню в ней пробивалась мысль о том, до какого же ничтожества скатилась дочь великого человека из ГРОЗ и его тончайшей и изысканной жены-несчастливicy. Она приобрела себе в наследство причуды и неумную привычку гово-

ритель в лицо собеседнику неприятности от отца, а также его чрезмерную открытость, забыв унаследовать его карьерное преуспеяние и мощь характера, а от мамы унаследовала способность быть несчастливой даже там, где другие находили россыпи счастья.

– Ты только подумай, – отозвался этот сладкоежка, воющий с сахаром, но поглощающий при этом кекс с шоколадом и изюмом, – сколько возможностей у нас появится после исполнения контракта на спутнике. Мы приобретём круглый самодвижущийся дом за полярным кругом, где будем зимой жить под полярным сиянием. Этот перестроим на новый лад, закажем сверхсовременный дизайн, возьмём новый аэролет с несколькими режимами скорости и высоты. У тебя появится возможность отдыха от нелюбимой рутинной работы, пусть и на время, но какое по насыщенности! Пропутешествуем по всем континентам Земли, и не только. Вот я ни разу не был на Марсе. А ты? Много где и была?

– Да я уже всё прочла. Весь контракт. Всё. Согласилась. Не уговаривай. Я только боюсь.

– Ну, это и естественно, – он взглядывался, ширя голубые и вечно детские, зависимые глаза на неё, ставшую иной, другой, как бы и его дочерью по внешнему возрасту. Из той прежней жизни, когда ему не было к ней доступа. И опять не стало. После выхода из Центра омоложения она его к себе не подпускала. На его хныканье разрешала только полежать под бочком, лживо объясняя, что целых три месяца, то есть

больше по времени, чем до отбытия, ей нельзя. Ни в коем случае. Он верил и смирялся. Психологически ни он, ни она ещё не справились с её новым обликом.

– Я очень боюсь реакции на тебя этих заскоружлых освоителей-поисковиков и прочих космодесантников. Вдруг будет такая нереально красивая девушка. Они там весьма специфическая публика, огрубелая, оторванная от норм Земли. Мне, конечно, дали гарантию, что у них там стальной и суровый шеф, всё держит в руках и с большим опытом работы в иноземных мирах. Там вообще-то не забалуешь. Не Земля – милостивица. За бунт, за серьёзные нарушения – ликвидация. Очень быстро и жестоко, но как иначе? Природа человека оказалась с изъяном и её не лечит никакой технический прогресс. Никакая супермощь нашей цивилизации не способна сделать из нас ангелов. Или же мы идём не тем путем?

– Да закрой ты свой лекторий! – вяло оборвала Ксения, – дай собраться с силами в тишине. А что ты будешь делать, если этот эталон дисциплинированности и гарант твоей безопасности полезет ко мне туда, куда тебе доступа сейчас нет? Вызовешь его на первобытную дуэль? Ты со своим экспериментальным огурцом с грядки, выращенным размером с дубину, а он против тебя с одним лишь кулаком. Чья будет правда, как думаешь? Он этим кулаком разможжит твой зелёный огурец вместе с твоим носом в лепешку. Ты хоть когда видел этих космодесантников вживую? И оружия у тебя не

будет, как у человека не военного. Там фауны живой нет, и все служащие безоружны. А у них оно на поясе присутствует, как деталь дизайна.

– Но ты сама? Твоё человеческое желание или его отсутствие? Там же не мрак первобытности царит.

– Там холод, необитаемость, но полная опасности. За куполом искусственного мирка. Но представь, этот шеф – эталон и образец не только хозяина земной колонии, но и мужественности, и как знать, вдруг он обладает ещё и магией сексуального притяжения. Что если я увлекусь?

– Да нет... – Ксен замолчал в растерянности, не понимая, где шутка перешла во вполне серьёзный намёк. – А на Земле мало что ли мужчин? Их миллионы и миллионы. Всюду. Но ты же никогда...

– У замкнутого пространства несколько иные психологические законы, не знал этого? Вот представь, вошли в скоростной лифт мужчина и женщина, а лифт застревает между уровнями, а робот – техник сломан на данном секторе слежения, и пока сигнал не дойдёт до дублирующей системы, они вдвоём. На улице они и не обратят друг на друга внимание, а там будут друг друга изучать пристально и впритык. И часто бывает так, искра между ними зажигает их сердца неодолимым влечением. Всё зависит от того, проявят ли они взаимно эту изучающую инициативу, или кто-то из них отвернётся в сторону.

– Какой нелепый и беспредметный разговор, – Ксен ел

кекс, очевидно наслаждаясь его ванильным ароматом и мягкостью.

– Ты похож на кекс, – сказала она, имея в виду его мягкость и лёгкость, с какой его могут сожрать при желании сильные челюсти. Но он решил, что она имеет в виду его нелепость. Его, ставшую ей неподходящей, заурядную внешность, его заурядную жизнь среди множества ему подобных заурядностей.

Она подняла голову вверх, щуря глаза и утопая ими в синеве майского неба через ажурное плетение недавно распустившейся липы, очень старой, росшей у окна столовой. Большая часть её кроны прикрывала панель-стену лоджии, сейчас открытую. Это был второй этаж. Внизу тоже была терраса, но открытая полностью и по ступеням можно было выходить к соснам, а через них к их бассейну на улице, сейчас пустому и без воды.

– Чья крона выше, того и свет, – сказала Ксения, глядя в крону липы. Но Нэя со спутника ничего не могла ей ответить, а Ксен не понял о чём она.

Со временем, изжив большое количество дней и лет, устав от настоящего, человек начинает тосковать о прошлом, где его счастье покоится на дне памяти в неизменности. А если его достать? А если вдохнуть жизнь в его застывший лик? И прикасается жадно к устам прошедшего, и часто вдыхает эту жизнь, включает ответное биение.

...Нэя сидела за столиком кафетерия со своим трогатель-

ным пузиком, иногда она смещалась в образах Ксении на лесную тропинку. Молодая и пригожая, круглые глаза страдальчески и пугливо влипли в самые зрачки Ксении. Земные женщины никогда так не смотрели, у этой было какое-то феноменальное зрение, а возможно, и прочтение тайных мыслей, способность проникновения в глубины сознания и ещё глубже, туда, где сознание смещалось в спектры ультра и инфра человеческого и общечеловеческого подсознания. Возможно ли это, бороться с нею, звёздным суккубом, тактикой давно отринутой женщины, женщины разлюбленной, а также и заумной стратегией Риты – Клариссы, пусть и омоложенной несчётное число раз, но тоже всего лишь женщины, да ещё и с изношенной душой? Ксения очнулась.

Ксен смотрел так, словно опасался подъёма температуры у тяжелобольного человека и был начеку со своими методами защиты. Он всё списал на следствие длительных процедур омоложения. Его же предупреждали, психическая нестабильность имеет место быть в первое время. Плавающее состояние, некоторая неадекватность в поведении. Это была полная чушь, считала Ксения. Она была ясна и чиста душой как никогда.

– Налей воды в бассейн и подогрей! – приказала она Ксену как службе. И он ушёл исполнять её просьбу-приказ. Ей же хотелось побыть одной, настроить душу на юное звучание вслед за телом, вызвав в себе свет юности, разрыть окаменелости прошлого, освободить от наносов, чтобы они ожи-

ли под излучениями божественного бессмертного неба, чтобы белые облака стряхнули с них пыль. Казалось, на глазах облака темнели, забеременев скорым дождем. И этот будущий дождь уже окончательно омоет её вскрытые, готовые к повторной молодости чувства, даст им блеск и новизну, как фарфоровой чашечке, умытой после чаепития и поставленной в прозрачную горку, чисто ожидающей своего нового наполнения.

Подлинной юности нет возврата в дом, полный старых грехов

Она вертела чашечку в руках, помня, как прикасалась к ней губами мама, а Рудольф, сидя рядом, чай не пил. Развалившись с продуманным изяществом, а в нём всегда дремал актёр, он скрывал за развязностью своё волнение и неуверенность, боясь не маму, а возможного появления отца. Но отец так и не вышел пить чай с ними. Он вышел через другой выход, и они увидели, как с площадки поднялся вверх его аэролёт. И Рудольф оживился. Небрежность позы пропала. Он с радостью заёрзал и взял чашечку с уже остывшим чаем, с шумом его вытягивая своими прекрасными губами. И Ксения видела, как любитесь им мама и как горда она его любовью к своей любимой дочери, в отличие от неприязненного властного отца. Что за счёты были у отца с ним, с мальчиш-

кой? Мама ей открыла потом. Отец в молодости был страстно влюблён в мать Рудольфа, но она его отвергла. Вышла замуж и родила сына тоже от другого. И поэтому он видел в сыне прежней возлюбленной продолжение соперника, едва только стало очевидно, что причудливая игра жизни свела его дочь и сына соперника от той, его отринувшей.

Откуда мама это знала? Да от Риты. Мама для чего-то общалась с этой параллельной женой отца и делала вид, что ничего не понимает и не знает. И Рита ей подыгрывала. Гипнотически, не мигая, изучала маму по-кошачьи, когда вот также сидела тут и пила чай из старинных чашечек, мурлыча приятности и женские пустые новости. Нет, из других, из кофейных, Рита не любила чай, а только кофе. Маленькие кофейные чашечки тоже были с сеточкой, но уже золотой на кобальтовом фоне. Это происходило тогда, когда папа отсутствовал на Земле, и мама приглашала Риту, а Рита всегда прибывала с «дарами данайца». Может, мама считала, что такое дружеское сближение лишит соперницу наглости и жестокости увести отца окончательно? Она притаскивала маме то редкую статуэтку, то чашечки эти, зная любовь мамы к экзотической красоте прошлого, столь отличной от безликой штамповки, выходящей из подземных заводов, где всё производили неживые роботы. А в этих чашечках таилось прикосновение человеческих рук, их изготавливающих, расписывающих, тоже с привлечением машин того времени, но всё же и контактирующих с живыми руками людей-творцов.

– Маргарита, – так звала мама Риту-Клариссу, а та незаметно морщилась, но любезно и мягко поправляла:

– Я Рита. А Маргарита это не моё имя.

– Но это полная версия.

– Моя полная версия – Кларисса. Но это имя я не люблю уж совсем. Я выбрала Риту.

Мама соглашалась, но упрямо забывала всё при следующей встрече. Или это была её бессильная месть и протест?

– Я полюбила эти чашечки, – и это было правдой. – Вот что значит дар от души. Пью из них чай или кофе, – а сервизов было два, кофейный и чайный, – и благодарю тебя за щедрость души. Как ты всегда умеешь угадать?

– Ничего хитрого. Если я что-то приобрету такое, что мне сильно нравится и самой жалко с этим расстаться, то я знаю наверняка, что человеку дар придётся по душе.

Рита слегка улыбалась, но тепло улыбки не касалось кошачьей внимательности глаз. Могла мама не знать о её связи с отцом? Могло быть такое? Ксения с мамой не говорила об этом никогда. Зачем? Всё было шито-крыто. У таких людей, разведчики всё же! невозможно было ничего понять по внешним проявлениям, на публике если. Но Ксения узнала об их связи случайно.

Мама тогда опять попала в медицинский Центр. Ксения примчалась как-то раньше срока с практики, балет был к тому времени отброшен, или она была отброшена балетом, неважно это, а за соснами, за жасмином, в бирюзовом бас-

сейне... Прозрачная вода преломляла низ, уродуя отца... Ксения уже вскарабкалась на второй этаж в лоджию и изучала их подводный секс в нехитрое увеличивающее устройство, оставшееся у неё с детских лет. Она понимала, что уподобляется библейскому Хаму, застигнувшего отца в недолжном срамном образе, но не могла себе приказать не смотреть. Эта мерзавка, как бледная водяная змея оплела его каким-то немислимым кольцом, чёрные волосы плавали вокруг неё, как страшные своей одушевлённой чернотой водоросли. Лицо отца было отвратительно искажено, его дёргало как от тока, это и был ток преступной любви. Ядовитая гадина откинулась от него и легла на поверхность воды и не захлебнулась, плавучая тварь, держась при помощи движений рук, совершая бессмысленный со стороны заплыв на месте и не отпуская его, зажав своими ногами его бёдра. Звуковое сопровождение отсутствовало из-за дальности места действия, но явно оно было. Она совершила ловкое движение и опять оказалась прижатой к телу распутного папаши, завилась вокруг него человекообразной лианой, и их свело общей судорогой скрытого источника электрического напряжения, так это выглядело со стороны. Ужасно, непереносимо для постороннего свидетеля, для девочки, для дочери, да ведь кто и приглашал этого соглядатая? И чужая пронзительная, хотя и не должная, радость перетекла в её душу вселенским омерзением и такой же пронзительной, но тоской-отрицанием порядка земных вещей. Или их беспорядка. Ксения забилась к

себе и вышла к ним, когда они пили кофе на веранде внизу. Он в зелёном купальном халате, она в шортах и спортивной майке.

– Давно? – спросил опешивший отец, спихивая блудную кошку Клариссу с коленей и пролив кофе на свой халат. Та спокойно села рядом, нога за ногу, размер этой ноги был огромный, как у доброго мужика, да и сами ножищи, как у бегуны на длинные дистанции. Колени, если сравнить их с точёным совершенством мамы, были как булыжники, а плечи вешалка и есть вешалка, прямые и лишённые намека на округлую женственность. Грудь спортивная, но почти плоская. Соски победно торчали из тонкой ткани, промочив её влагой, которую она не вытерла со своей кожи. Она подняла руками прямые и длинные волосы, встряхивая их, как бы жестом просушивания.

– Купались? – спросила Ксения-лицедейка, изображая безразличие.

– Только что пришли с озера, – соврала также безразлично, не менее одарённая лицедейка, Рита. – Летели мимо, решили купнуться. – Она так сказала «купнуться».

– Купнуться – совокупиться! – засмеялась Ксения, дочь своего несдержанного ни в чём отца. И в словах тоже. – Я пришла, а ваш аэролёт стоял на площадке.

– Да мы пешком ходили. Это же рядом, – всё так же спокойно и сдержанно ответила Рита.

– А ты в домашнем халате, что ли, ходил на пляж? Шёл

через весь посёлок? – обратилась дочь к отцу.

– Почему в халате? – смутился он, – переоделся только что.

Он, как фокусник, достал из кармана халата чудесное кольцо с ярко фиолетовым камнем-кабошоном. Его причудливая поверхность казалась оплетённой узором из узких листьев, создающих объёмный голографический эффект.

– Видишь, какой редкий по красоте чароит? – спросила Рита таким тоном, будто это она и дарила ей перстень.

– Маме отдам, – с вызовом сказала Ксения, но увидела жалкое лицо сильно покрасневшего прелюбодея, даже лысына покрылась пятнами. Он не умел скрывать своих эмоций, как и все рыжие. И вдруг подумала, что не может он предпочесть божественно изысканной маме эту человекообразную лошадь, каким-то колдовским чудом завладевшую бело – мраморным и чётким лицом девушки. И волосы, как жёсткая и чёрная грива у лошади, и сильный круп с тонкими относительно мощного тела, но стройными ногами. В глазах, гипнотически уставившихся на неё, была связывающая Ксению сила, так и не давшая ей возможности запустить в неё стеклянной, массивной, зелёной вазой со стола, на которой лежали распечатанные крекеры вперемежку с яблоками. Они всё поняли, что она всё поняла. Но могли и не знать, какое зрелище только что предоставили ей. Хам вылез из Ксении не до конца, она так и не смогла заснять их на контактный браслет. Это был бы верх или низ? Их взаимного уже и

общего падения. Она стукнула собственного хама по лбу и заставила его умереть в себе. Ради мамы, а не ради этих сношающихся где попало вороной кобылы и её лысого коня, понуро повесившего вдруг голову и виновато хрустевшего пеньщиком, разламывая его лошадиными белыми и крупными зубами. Было очевидно, что он травояден, несмотря на свои габариты, а девка-оборотень могла в следующий раз обернуться и сучарой зубастой, и он полностью в её копытах, в лапах, в присосках, в руках, одним словом.

... – Артём суров с вами, со своими учениками? С детьми, как он вас называет, – спросила тогда мама у Рудольфа.

– Он строгий, но справедливый. Всегда. Мы его уважаем, но не боимся. – Ответил Рудольф, нервически теребя своё ухо.

– Думаешь, он простит тебя после того, как выловил тебя у Ксении здесь? – в лоб спросила мама.

С пепельными пушистыми и лёгкими волосами, собранными вверх яркой заколкой-бабочкой, с синими промытыми глазами, в голубом летнем платье, хрупкая мама казалась девушкой. Рудольф изучал её, даже забыв о Ксении.

– Вы очень похожи с дочерью, – ответил он на её вопрос, – но у вас разный цвет волос и глаз.

– Не боишься своего начальника? – опять спросила мама.

– Нет. Почему я должен бояться, если мы любим друг друга?

– Врёшь! Боишься ты. Глаза тебя выдали, когда ты его

ждал. Но чего ты испугался? Он мог тебя побить?

– Вы шутите? Если не избил сразу, то теперь-то чего?

– Ты – нахал, – засмеялась мама, – зачем так? Залез ночью в родительский дом девушки? Пришёл бы с предложением руки и сердца, с конфетами там, с цветами, как и принято было всегда.

– Вы смешно говорите. С предложением руки и сердца. Так никто уже не говорит.

– А я вообще старомодная. Во всём. Я выпала сюда из другого времени. Из прошлого. Мне здесь трудно. Тяжело.

– Вам тяжело? А на вид вы будто невесомая, светлая и весёлая. Ксюня в вас. Будто и нет у неё такого отца. И она только ваша дочь.

– Какого? Такого отца?

– Ну, сурового, огромного. Воина. Героя Земли.

– Именно от героев и воинов рождаются самые прелестные дочери. Не знал?

– Нет.

– Ведь таких мужчин сильно любят девушки. А от страстной любви только и рождаются красивые люди. Ты любишь мою Ксению?

– Да. Люблю. Зачем же я по-вашему и залез к ней как преступник? Не могу без неё. Даже дышать становится трудно, если долго не вижу. Она как кислород, – он застеснялся своего признания, скулы порозовели, и он нагнул голову, пряча глаза в чашке с уже выпитым чаем, словно искал в ней же-

ланные остатки спасительной жидкости. Нашёл на один глоток и хлебнул. Мама засмеялась опять.

– А глаза у тебя такие...

– Какие?

– Не простые, – вздохнула мама, – как и у Артёма. Вы не сможете с ним договориться на равных. Он так и будет тебя давить, как высший по статусу и званию, а ты будешь артачиться. И боюсь, будет взрыв между вами...

– Мамочка, – прошептала Ксения, прикусив край золочёной чашечки, как будто стараясь поймать то мамино касание к пережившей её чашке, – ты всё поняла тогда. Предвидела этот страшный взрыв, разнесший нас в стороны друг от друга. Но и отброшенная, засыпанная комьями грязи, моя любовь и не подумала согнуться. На этот раз папа уже не встанет между нами. И я рожу своего ребёнка, твоего внука или внучку, мамочка. Я хочу повторения. – Нет. Это будет иначе. Без повторения прошлых ошибок, без всяческих ошибок вообще. Это будет возрождением того прекрасного, что было у них в то прекрасное первое время...

Начало третьей жизни Ксении

Последнее утро прежней жизни

Первое время, с головой отуманенной неожиданно вернувшейся любовью Рудольфа, Нэя не тосковала о дочерях. Не до того ей было. К тому же через девять месяцев родилась её третья по счету дочь, но первая здесь на новой Земле. Земля прежняя в её воспоминаниях ушла так далеко и глубоко в недра памяти, а тяжесть этих воспоминаний не вызвала у неё желания их тревожить, что постепенно стали они казаться ей посторонними, не ей принадлежащими. Будто сданы на хранение неким, физически автономным от неё самой, лицом. Образы, вполне ясные, не вызывали не только муки, но и особых чувств вины и сожаления, даже причастности своей к покинутым детям, к оставленному земному второму мужу. Выходило, что она неполноценная мать?

Но постепенно, поначалу примороженная резкой необычной сменой жизни, память стала оттаивать и вызывать боль. Особенно ночами. И Нэя поражалась, сетовала на жестокость Антона за его отказ высылать ей записи о детях, игнорирование её просьбы. Простив самой себе своё собственное временное, зачерствелое беспамятство в первые годы суще-

ствования под куполом – в новом городе на новой планете. Антон порвал с ней окончательно, он жил где-то так, как будто никакой Нэи и не существовало никогда. Да и вряд ли он обитал на Земле, став таким же странником – космодесантником, как и Рудольф, и вряд ли уже и вспоминал о беглянке. Но Елена – его мать? Почему она оказалась так жестока? То, что дети стали её полностью, Нэя и не сомневалась. Елена не отговаривала её и, казалось, отпустила с лёгкостью, но ничего не простила, презирала, считала матерью – кукушкой, птицей, бросающей своих птенцов в чужие гнёзда.

Какой стала Алина, упрямица Елена, как выросла и изменилась Лора? Молчание Земли чётко дало ей понимание их отношения – Антона и его матери, правильное, полное отсутствие всякого отношения. Она перестала для них существовать.

Однажды Антон приснился ей, и что удивительно, она увидела его на Паралее возле того сиреневого кристалла, где прошли её лучшие короткие годы. Впрочем, не мог Антон присниться в земном обрамлении. Земля Нэе не снилась никогда. Чужая планета, не ставшая родной, не давшая ей подлинного счастья, как и предсказывали Тон-Ат и Хагор. Давшая лишь самообман души, убежище от разлада с Рудольфом, эрзац любви.

...Антон бродил по террасам вокруг сиреневых стен и там, на Паралее из её сна, они столкнулись как въявь, как когда-то в лесопарке. Он был прекрасен, но грустен. Он ска-

зал ей, что у него внутри открылась пустота, та самая, оставшаяся после Икринки, которую Нэя, закрыла. Пустота опять вскрылась, проявилась под светилом Ихэ-Олы, и он вдруг понял здесь, на Паралее, то, чего не понимал на Земле. Что любил её, Нэю, и только её уход дал ему это понимание. Из его жизни повторно ушла радость, в которой он пребывал, не ценил, считая всё это естественным фоном своей жизни. Первое же время тоска была такой острой, что он с лёгкостью покинул Землю. Улетел на Паралею, где долго бродил по всё тому же парку, по садам ЦЭССЭИ, как душевнобольной ища встречи с той, которой тут нет, и уже не будет.

– Так ты на Паралее? – спросила Нэя удивлённо, – ты бросил наших девочек?

– Неизбежность при моём профессиональном выборе. А мама получила смысл и наполнение своей жизни. Когда ты оставила нас, я жил один, так случилось, что Наташа оказалась не той, кто смогла тебя заменить. Она быстро потеряла интерес ко мне, или это я потерял. Короче, это произошло взаимно. Как будто наши с ней отношения держались на тебе, а исчезла из моей жизни ты, стала неинтересна и она. Я скучаю по тебе, но простить тебя я никогда уже не смогу. И я запретил маме отвечать тебе, чтобы ты тосковала точно так же, как тоскую я, чтобы ты прочувствовала своё предательство.

– Разве не ты сам и стал предателем?

– Нет. Все прочие мало что значили для меня. Я всегда

возвращался к тебе, к нашим детям, а ты предала и их тоже...

Проснувшись, Нэя долго раздумывала над тоскующим посланием его души, а то, что это было именно оно, сомнения и не возникло. Она вспомнила, что Рудольф получал краткое и скудное послание о том, что Соболев Антон Георгиевич отбывает с Земли, а девочки удочерены его матерью Соболевой Еленой Антоновной и новым мужем матери Арсением Ивановичем Рахмановым. Ей Рудольф ничего не сказал, а Артур, не зная об этом, проговорился. Послание было знаком того, что у Рудольфа и Нэи Венд на тех детей права навсегда утеряны. И было бы желательным, что дети во избежание психологической травмы не узнали о том, кто их настоящая биологическая мать. Источник отправления остался неясным. Нэя была уверена, что сообщила об этом Елена – мать Антона. Она так и не простила Нэю. Неожиданная жестокость её бывшей земной матери удивляла, поскольку Нэя хорошо помнила её доброту и великодушие. Любя свободу, земляне хотят её только себе, но не тем, кто их окружает.

Она встала и подошла к голографической стене, всматриваясь в контуры того сиреневого, переменчивого здания, что осталось на Паралее. Кристалл отсвечивал зелёным, – изображение менялось, в зависимости от того, день или ночь чередовались над куполом города. Утро чужого мира освещало иллюзорный ландшафт на стенах спальни, розовеющие кроны колебал ветер мира, где она родилась, но которого не существовало здесь. На пустынных дорожках никого не бы-

ло, да и не могло быть, и не появится. Объёмная иллюзия – обманка для глаз, плоская на ощупь, если прижать ладонь к стене отсека. Безлюдный унылый ландшафт огибал пределы искусственного мирка под куполом, нет там ни лесопарка, ни зданий, ни Антона, никого из насельников Паралеи, нет и Паралеи. Нэя всё всматривалась, как будто надеялась увидеть нечто реальное.

Причина крылась не в Антоне, и даже, как ни ужасно это, не в оставленных детях, а в самой Паралее. Она хотела туда. Хотела вдохнуть полной грудью в родной атмосфере, напитать глаза размытым изумрудом родных небес. Это не просто сон. Это знак некой близкой перемены, присланный неведомо с каким метеоритом или с пролетающей кометой, что и обронила информационную пылинку. А может, то был чудепальнейший загадочный луч или радиоволна? Расшифровку послания ей делать не хотелось.

– Нэя, – сказал проснувшийся муж, – иди ко мне...

Она нырнула к нему под лёгкий плед, и он сжал её, подчиня себе.

– Какое редкое утро, никто не орёт, не зовёт, – он имел в виду спящих в отдельной спальне детей. Его руки скользили под тонкой тканью ночной рубашки, словно он надеялся отыскать там нечто, чего ещё не находил прежде за те девять лет, что они тут прожили. Ласкал набухшую грудь, ни о чём не спрашивая. У неё была четвёртая беременность – уже несколько недель, и она боялась ему сказать, как-то подозре-

вая, что всплеска радости у него не возникнет. Подчиняясь её упрямому желанию рожать одного ребёнка за другим, он, как она чувала, иногда впадал в отчаяние.

– Ты же обещала, ты же дала слово, что принимаешь противозачаточные средства! И опять обманула! На кого я тут похож в глазах всех? Какой-то архаичный божок плодородия... Да ради того, чтобы нас вывозить отсюда, когда придёт срок, потребуется спецрейс с особым детским отсеком. И ведь все бабы из-за тебя с ума сдвинулись. Все вдруг разом принялись за деторождение...

Детей у них появилось четверо. Последними родились близнецы, два мальчика. Старшая Альбина – любимица Рудольфа. Светлая, как и первая Елена, с изумрудными в синюю крапинку глазами. Последующие все мальчишки. Светло-русый, похожий на отца, Андрей. Одинаковые, темноволосяные, синеглазые Анатолий и Алексей. Альбина ничуть не напоминала первую капризницу Елену. Очень послушная девочка, нянюшка и воспитательница их маленького семейного детского сада.

– Видишь, – говорил Рудольф-отец, – моя природа доминантная по отношению к твоей, и это естественно. А близнецов, уж так и быть, я решил подарить похожими на тебя. Это справедливо, поровну. – И он гладил переплетение косичек на её голове, из которых она перед сном вытаскивала свои многочисленные заколки с камушками.

Дети стали для Нэи после любви к их отцу всем прочим.

Только муж и дети, до остального ей не было и дела. Её мир оказался замкнут, как произошло это и на Земле. Тем ни менее, он переливался и сиял от счастья. Она мечтала о такой семье всю жизнь. Рудольф принадлежал ей. Навсегда. Навеки. Так она теперь считала. Окружённая детьми, а к ним прикнули, к их детскому саду, и двое мальчишек Артура, вечно занятого вместе со своей женой обязанностями в городе, Нэя с Альбиной были погружены в заботы о своём маленьком воинском братстве.

Нэя не сразу стала замечать, как редко Рудольф приходит к ней в их пирамиду – спальню. Но ведь она так уставала за тот интервал времени, что соответствовал земному дню, и к условному вечеру ей часто хватало сил лишь на то, чтобы добраться до подушки. А Рудольф уставал ещё больше, перегруженный строительством бурно растущего города. Город под куполом рос, он уже выбросил свои щупальца в необитаемые прежде пространства, и новые галереи завершались в конце новыми куполами.

– Что ты думаешь о новенькой девушке с её странным и немолодым коллегой? – спросила Нэя у него после того, как он расслабился и почти засыпал, уткнувшись в её плечо, с которого стащил сорочку. Она потрогала кружевную бретельку, с неудовольствием заметив, что он её оборвал. Опять надо чинить, а здесь каждый лишний сантиметр кружева – роскошь. Здесь мало тканей, все ходят в совершенно одинаковых комбинезонах. И спят в спортивных майках, однооб-

разных и скучных.

«Какая я стала мелочная», – усмехнулась она, – «совсем как нищенка на Паралее». Ей даже не пришло в голову, что это последнее их любовное утреннее милование. Она была уже настолько избалована его нежностью, что подобные пробуждения, стали обыденностью её жизни. То, что возможна какая-то другая жизнь, Нэя забыла. Однако, вопрос выско-чил сам собой.

– Ты о ком спросила? – пробурчал он в подушку, намере-ваясь досыпать. Иногда он мог позволить себе и не вставать рано.

– О новеньких.

– Их же много.

– Девушка, та, рыженькая, она же... – Нэя пыталась подо-брать определение девушке, – Юная, что уже необычно для подобного места. По возрасту-то как смогла попасть в столь сложную экспедицию, да ещё на такую должность? Откуда бы взяться необходимому профессионализму в её-то годы? Так все говорят. Кто она? И почему тут?

– Понятия не имею. Я ни о чём их не спрашивал. Тебе ин-тересно, так и расспроси. У женщин быстро устанавливаются контакты. Я-то чего полезу в душу к посторонним людям?

– Выходит, у той женщины была дочь? Не бывает же тако-го странного сходства между чужими людьми. Или бывает?

– Чего ты бормочешь? Какая женщина и чьё сходство?

– Да та, твоя знакомая из прошлого, я ещё рассказывала,

что встречала её на Земле, в лесу у Ботанического Сада. Забыл?

Он не отвечал.

– Как увидела я эту девушку, так и вспомнила ту женщину. Только почему она говорила, что Надмирный Свет её отверг? Если у неё была, есть дочь? Ты ведь знаешь, как я запоминаю людей? Да и трудно было забыть. Я эту новоприбывшую рассмотрела подробно. Одно лицо, только юное совсем.

– Игра природы. Своеобразный двойник, – отозвался он

– У меня сразу возникло чувство, что я её знаю, она ещё не раскрыла и рта, а я знала, каков тембр её голоса. Конечно, он несколько звонче и нежнее, чем был у той дамы в лесу. Она возникла так неожиданно, и я до сих пор не верю до конца, что не видела очередной сон. Может, это опять рецидив той аномалии, которая проявлялась у меня на Паралее, потом в первые дни моей жизни на Земле? И хотя при общении женщина вовсе не несла бессмыслицу, всё происходящее тянуло на абсурд.

– Так и спросила бы, не встречались ли мы с вами на Земле?

– Каким же образом я могла задать ей подобный вопрос? Если в то время, о каком я и веду свою речь, она была совсем небольшой девочкой. А я общалась с женщиной.

– Может, та особа была её матерью. Сама же так сказала.

– Женщина жаловалась как раз на то, что не способна родить себе ребёнка.

– Чего ты пристала ко мне с какими-то дурацкими своими воспоминаниями? Мало ли кого и где ты встречала. Похожих людей повсюду полно.

Нэя могла бы сделать ему замечание, что семейные разговоры по утрам вовсе не обязательно должны быть преисполнены научной и прочей значительной глубиной. А просто поворковать о пустяках?

– На месте Вики я бы следила за Артуром, – сказала она. – Он ничего не ест в столовом отсеке, когда приходит туда без Вики. Сидит и смотрит на неё в упор. Умышленно садится поблизости и почти не ест. А она как слепая. Ты обратил внимание? Ни на кого не глядит, ничего не видит и не общается ни с кем. Смотрит на всех так, будто это не люди, а игровые голографии. И ей ничуть не интересные, к тому же.

– Разве Артур увлётся новенькой? – спросил он внезапно бодрым голосом, – не замечал.

– Да на неё все смотрят. Кроме тебя, конечно. Она тебе как? Ну, честно? У нас же всё начистоту. Помнишь, договаривались?

– Нэя, я так устаю, что мне все кажутся на одно лицо. Все одинаково одеты, за исключением тех, кого ты совратила своим примером. А она? Вечно в шапочке до бровей, рабочий комбинезон. Бледная какая-то. Почти прозрачная, худая. Я даже понятия не имел о цвете её волос. Я и не видел её толком. Она ещё не отошла от полёта. Ксен говорит, что она болеет, с трудом адаптируется. Он даже не грузит её ра-

ботой. Она спит целыми днями. И ночами.

– Ксен? – поразились Нэя, – Его так зовут?

– А ты чего удивилась? Имя странное? Кажется он Ксенофонт. Да, имя странноватое, архаичное. Ну, это у каждого свои причуды. Или у его родителей было завихрение в голове, что его так называли. Хорошо ещё, что не Альдебараном, или каким –нибудь Хроносом. А то и Астероидом, могут обзывать, или Квазаром. Да у нас в ГРОЗ есть такой один Астер. Астер и Астер. Что думаю за имя – женское какое-то? А некоторые его Роем звали. Я думал это фамилия. Оказалось, что он Астероид.

Рудольф с весёлым увлечением перечислял забавные и странные имена коллег и сослуживцев, не беря в расчёт, что для Нэи все их имена были всего лишь набором слогов разной конфигурации и звучания. И странности их имён, если они и были, ей таковыми не казались.

Кларисса Зотова это имя – маска

Его попытка уйти от обсуждения новеньких, что обычно и происходило при появлении новых лиц, насторожила. Это же так естественно, что внутри семьи все обсуждают своих коллег, обретающихся вне этого тесного круга.

Да и в самом маленьком новом городе новеньких долго изучали, обсуждали, наблюдали за ними. Так происходило

тут со всеми. Законы замкнутого маленького мира. Он не хотел обсуждать эту пару. Не хотел о них ничего ей рассказать. Хотя по долгу службы знал всё о новоприбывших. Он же совсем недавно с ними лично знакомился и с их личной базой данных. Это было и его обязанностью, как Главного Ответственного Распорядителя новой земной базы, их ГОРа.

– Её как зовут?

– Разве ты не спросила её об этом?

– Она ни с кем не общается. Она даже не пришла к нам в Центр Досуга знакомиться. Все обиделись и сказали: «Да и не нужна она нам»! Она ото всех прячется. Как спросишь? За руку, что ли, её хватать?

– Её зовут Кларисса. Так записано в её базе данных. Ей восемнадцать лет. Фамилия Зотова. Есть ещё вопросы?

– Практикантка, выходит? А этот Ксен? Он отец?

– Он муж. В противном случае, юную девушку сюда бы не допустили. В дикий и страшный мир, который обустроивается для сносного обитания голодным мужичьём, в основном. Ты не понимаешь или прикидываешься?

– Кто посмел бы её тронуть? Здесь же есть законы.

– Одно дело те, что сочиняются на Земле, и совсем другое дело те законы, которые работают здесь. Здесь не трогают только замужних женщин, все остальные... уж как сами устроятся.

– Женщины – да. Но не молодые же девушки...

– Какая нормальная девушка сюда сунется? И главное, кто

её сюда пустит? Если она не невеста или не жена? Одинокие здесь – это земной стареющий неликвид. Так что у неё муж.

– Такой некрасивый и старый? Да ты шутишь! Наверное, он сфальшивил, занёс в базу данных сведения, что её муж, а сам отец, да, Руди? Она же сбежала с Земли по причинам личного порядка. Несчастливая любовь, например. Когда мне было плохо, мне тоже хотелось сбежать куда угодно. Только некуда было.

– Тебе всегда было куда. Ты, во всяком случае, всегда находила, куда тебе сбежать от меня подальше.

Нэя уловила раздражение в его голосе, и это прозвучало странно, непривычно. Здесь, за девять лет, так произошло впервые. Он никогда не раздражался, не вспоминал прошлое. Это являлось табу, их взаимным, наложенным на прошлое. Она попыталась уйти от возможности ссоры на пустом месте.

– Я дала свою книгу, которую пишу, почитать Артуру. Он сказал: «Сплошные диалоги, а в промежутках между ними персонажи бесконечно совокупаются». Он ничего не понял. Разве жизнь не состоит из этого? Разве возможно представить себе мир безмолвных людей, и не думающих к тому же, не рожающих детей. Как те затворники Кристаллов. Если нет слов, нет и мыслей, потому что мысль возникла из единения людей, а объединили их слова. Мысль – это порождение коллективного разума людей, а не иначе. Хотя и принадлежит она по видимости каждому в отдельности. Но это

же не так. Нет коллектива, какой он ни будь, нет и отдельной личности. Слова это живая, развивающаяся, развивающая связь, соединяющая людей. Она, как и всё живое, может болеть, может отмирать, может быть уродливой, а может опережать в своём развитии отдельно взятого человека, да и даже целые сообщества людей. Слова предшествуют делам, порождают саму их возможность, а потом уже совершённые дела, прекрасные или гнусные, порождают новые слова, и так бесконечно.

– Слова, слова, слова, – отозвался Рудольф, – так сказал один принц из печальной сказки, читая книгу.

– Принц? Вика зовет Артура принцем. Говорит, что его так звала мать. Когда Артур улетает на нашу «Маму» за пределы купола, Вика натывается на людей и стены, настолько переживает за него. Я тоже переживаю за тебя, но не демонстрирую этого. К чему? Артур с ребятами называет эти исследования «пикник». «Летим на пикник»!– И все радуются, настолько там прекрасно. Они берут с собой и женщин – поисковиков. Я настолько им завидую, в хорошем смысле, конечно. Они говорят, когда начнётся более полное освоение других континентов, то поселившись там, все забудут о Земле старой уже окончательно. Насколько здесь лучше, простор и первозданная тишина. Почему ты ни разу не брал меня с собой? Почти все женщины на спутнике была на просторах «Мамы». Там есть долины, леса, моря. Ты обещал мне когда-то сокровища гор. Но не этих же мрачных и заморожен-

ных, что нагромождены за пределом нашего купола. Там-то какие сокровища? Там владения Абgrundа, как ты говоришь.

«Мамой» они называли голубую планету. Город под куполом на замороженном континенте являлся первым подготовительным этапом в освоении самой планеты. Выстроенный маленький город под куполом впоследствии станет резервной базой, гарантирующей выживание в нестабильной среде великолепной драгоценной находки, вдруг засиявшей однажды перед глазами первооткрывателей. Маленьким новым город являлся лишь, в том смысле, если соотносить его с размерами самого космического тела, на которое посягнули пришельцы, и в которое уже успели и внедрится. Город имел и подземные уровни, сугубо технические.

– На планете опасно. А ты постоянно, если не на сносях, то кормящая мать. Иногда у меня такое ощущение, что я тоже весь пропах молоком, детскими кашами, их записанными трусишками. Я тру, тру себя, но, похоже, запах застрял у меня в ноздрах.

– Ты говоришь так, словно устал от детей и от меня, а я...

– Если я и устал, то совсем от другого. Я устал быть игрушечной, по сути, верховной властью корявого, как считают иные на Земле, спутника. Ведь его в ГРОЗ так и называют «Новым спутником». Устал от затянувшегося отрыва от дома, от надоевших лиц, от деятельности, в которой я мало отличаюсь от робота. Кто и ради каких целей запрограммировал меня на эту каторгу? Кто воспользуется трудами, в кото-

рые вложен ресурс стольких жизней? А главное, ресурс моей единственной и неповторимой жизни. Почему кто-то будет жить и наслаждаться, как сказал Артур – вести утонченные диалоги и сладко совокупляться в промежутке между ними, а я, а мы как компьютерные программы только функционировать? Что есть благо целого человечества? Благо всегда чье-то персональное преуспеяние, возвышение над всеми прочими, которые для этих вознесшихся лишь потребляемый ресурс. Мне противно служить закрытой корпорации, которая прячется за вывеской «благо целого человечества». А мы тогда кто? Но я заложник здесь, мы все полностью зависим от породившей нас цивилизации, и стать дикарем в набедренной повязке под иной, пусть и животворной звездой, мне не хочется тоже. Да её ещё и поискать надо, эту звезду и эту свободную планету. А эта планета уже под когтями «блага человечества». Её так просто не выцарапаешь. А тебе какая разница, подлинные или голографические окна в помещениях, в которых ты пребываешь. Если дальше этих окон ты никогда и не съёшься. Так было на Паралее, так на Земле, так и здесь. Какая разница тебе? Погуляла вокруг зданий и опять в них нырнула. Твоя деятельность всегда только в замкнутых стенах. Поэтому и мир твой благой и тёплый, душистый и ограниченный. Ну, если иногда и случается переполох, когда старушка жизнь метёт своей метлой комнатный сор. Ты маленькая комнатная цикада, живущая в уютной щёлочке под плинтусом, для неё замкнутый домиш-

ко – и есть её необъятная Вселенная.

– Когда-то я была щебетуньей, феей-бабочкой, теперь стала серой бесцветной цикадой в щели под плинтусом. Недурная эволюция. Но это так и есть. Я хочу на Паралею, – ответила Нэя на его раздражение, – навсегда. Хочу там жить. Мне надоело здесь. Я устала быть непрерывно размножающейся цикадой.

– К Антуану?

– Разве он на Паралее?

Почему Рудольф связал её тоску о Родине с Антоном? Как будто вместе с нею смотрел её сон.

– На ней родимой. Разумов туда его вызвал, как бывшего старожилы. Там такие дела! Но я никогда, ты слышишь, никогда не вернусь туда! Не смотря на то, что там объявилась ещё одна моя дочь. А ты можешь вернуться. Имеешь и право. Но для этого тебе, как минимум, надо вернуться на Землю, а оттуда с очередным экипажем направиться туда. Но без меня. И без детей, естественно.

И он отодвинулся от неё. Таким вышел этот странный утренний разлад.

Кларисса и Ксен Зотовы – семейная парочка нелюдимов

Планета, вокруг которой вращался ярко-синий спутник,

была признана уникальной и приоритетной для дальнейшего перспективного освоения. На её самый стабильный и наполовину замороженный континент шли грузы с роботами, технологиями и людьми. В дальнейшем планету будут обу-страивать для долговечного уже обитания, изучив её тектонические процессы, поняв динамику её бурных трансформаций. Она голубела, если смотреть на неё из около космических далей, как сфера лунного камня, стоящая у них в спальне на таком же кристаллическом столике. Планета казалась Землёй, манила синевой, лучистым живым своим дыханием, но вблизи была пока ещё непредсказуемо опасна. Прибывало всё больше специалистов. Гелия, – таковым было её черновое название, временное, – уже не считалась захолустной колонией для исправления тех, кто оступился в суровом и непредсказуемом Космосе, нарушив земные нормы там, где никаких норм не было и в помине.

Вот в одну из лабораторий и прибыл невзрачный тихий человек, биолог, специалист по технологиям и синтезу продуктов питания. Он выглядел хрупким, но пропорциональным, седым абсолютно, и не то чтобы малым по росту, а скорее невысоким. Волосы он отрастил настолько, что собирал их в хвостик, и словно гордился своей патриархальной сединой. Имея чуть розоватое и свежее лицо, при ближайшем рассмотрении оказался нестарым. На лице не имелось ни единой морщинки, глаза поражали ювенальной чистотой.

В целом, выглядел он не похожим на прочих здоровых

парней и рослых мужчин, что населяли город. А юная жена его так же резко отличалась от здешних женщин, как иной лилейный цветок на косогоре, сплошь заросшем лопухом да прочей лебедой. И в этом смысле новый сотрудник Ксен, не отличаясь богатырской статью, но признанный специалист в своей отрасли, нашёл, что называется, биологический шедевр для себя в качестве жены и спутницы, не побоявшейся прыгнуть за ним в даль безмерную и непредсказуемо опасную.

Всё это чрезвычайно всех интриговало, возбуждало интерес и любопытство. «Мал золотник, да дорог», – смеялась парни. Муж экзотической красавицы был замкнут, необщителен и вечно погружён в свои разработки. Кто придумал ему его странное имя? Кто накопал его в филологических архивных залежах прошлого? Вероятно, его оригинальные родители. Оказалось же, что молодая жена Кларисса, тоже биолог и успела выучиться для работы в лабораториях синтеза пищевых продуктов.

Кларисса поражала не только своим столь ранним освоением необходимых наук и навыков, в которых многие вполне обоснованно сомневались. Рядом со своим невзрачным и седым мужем она выглядела как женщина – фейерверк, затмевая не только его до полной уже неразличимости, но и всех остальных женщин, что под куполом обосновались, низводила до уровня бесцветных и зрительно несовершенных.

И скоро в этом убедились все, когда она вылезла из свое-

го утомлённого и серенького кокона, спрятавшись в нём поначалу. У неё оказались пышные, торчащие вверх, как пламя на голове, рыжие волосы, природные. Кошачьи, изумрудно-зелёные, как две спелые виноградины с чёрными зернышками внутри – недобрыми зрачками, – крупные глаза, поднятые к вискам, как у незабвенной Риты. Но гораздо красивее и заманчивее они казались, томные, будто она досыпала на ходу, никого не видя и ни на ком не фокусируясь особенно-то. Она видела какие-то свои собственные грёзы или сны на ходу, улыбаясь сама себе. Фигурные и ярко- коралловые губы её были в вечной улыбке отстранённого от мира Будды, и никому эта улыбка не предназначалась персонально, а, видимо, лишь ей самой, её неизменному внутреннему благополучию и найденной нирване.

Грудь торчала как у манекена из любых её одежд, но скромных. Чаще всего она ходила в рабочем комбинезоне, имея на это свои соображения. Помимо юного тончайшего лица, ярчайших солнечных волос земной феи, скорее, чем обычной женщины, она обладала длинными стройными ногами, гибкой спиной и тончайшей талией. В городе и его ответвлениях начался переполох.

Нет, она не страдальца и не беглянка от некоего несчастья, – так решила Нэя. У неё имелись какие-то иные цели. И цели эти, не ясные ни для кого, встревожили всё женское население города под куполом. Кларисса стала вечным скандалом в их космической деревне. Женщины только её и об-

суждали. Молодые мужчины временами сходились из-за неё в рукопашных схватках, а муж Ксен вроде как и не при делах, ничуть ею не гордился, ничуть её не ревновал, а глядел как на расшалившуюся не в меру, младшую свою ассистентку – коллегу, журуя лишь за рабочую дисциплину.

Узнавание, но принятие навязанной игры

Самые первые ночи на новом месте Ксения плохо спала. Имя Кларисса, её прикрытие, её легенда, у Ксении вызывало негодование. Рита не могла не всадить в неё хоть такую колючку после своего невероятного «дара анонимных богов». У паршивой овцы хоть шерсти клок выдрать в отместку за всё то несоответствие предыдущей жизни падчерицы тому, чем её и осчастливил пропавший в непроглядной вакуумной черноте отец Воронов. Он же заработал такую вот божественно-олимпийскую привилегию. Оставил завещание передать единственной дочери эту условную «амброзию», отказавшись сам стать земным «олимпийцем».

Рита оформила Ксении новые документы, соответствующие новым возрастным данным, чтобы не тревожить окружающих. Вот ведь вредина! Всучила Ксении своё же имя! Почему сама Рита отвергала законное имя Кларисса, под которым значилась, не знал никто. А тут ещё и давняя Лора-соперница носила при своей жизни имя Кларисса, тоже не ис-

пользуя его в силу личного неприятия. Лору мать наградила при рождении именем Кларисса, а Рита могла выбирать себе любое. Скорее всего, Рита не имя, а псевдоним.

Рано утром новоявленная Кларисса пришла на детскую площадку. Всё было непривычно, сдвиг во времени, январные утренние небеса за незримым куполом. Деревья – подростки шелестели, обдуваемые искусственным ветром. Круглый шар – сфера, изображающий планету, на которой они жили, лениво вращался на прозрачной искусственной скале. Из-под сферы-фонтана выплёскивались успокоительно журчащие струи. Цветной, то голубой, то лиловый туман окутывал скалу и чашу, куда сливалась вода. В те мгновения, когда туман, создаваемый специальным устройством, рассеялся, Ксения, взглянув вниз, увидела себя, как зыбкое привидение в белой кофточке, со струящимися волосами, отражённую водой. Она вздрогнула и обернулась. Неподалеку стоял Рудольф. Она увидела взгляд исподлобья. Взгляд из прошлого. Он ждал. Но чего? Потом развернулся и ушёл.

Рудольф вряд ли узнал Ксению. Ту, прежнюю, возможно, узнал бы и сразу. Несмотря на то, что после пятидесяти лет она стала как-то стремительно блёкнуть, заметно опережая в этом своих ровесниц, став на вид сверстницей их мам. Так проявила себя расплата за слишком затяжную вселенскую тоску. Но все эти налитанные, как осенней слизью, задумчивые меланхоличные дни стремительного увядания она выбросила на Земле, окончательно скинув их за гелиоцитом

родной солнечной системы, едва они вздумали волочиться за нею следом.

На новой Земле проснулась совсем другая уже женщина. Женщина без прошлого. По сравнению с тем далёким юным обликом в ней произошла перемена. Она вовсе не стала подобием себя в юности. Лицо неуловимо изменилось. В нём не наблюдалось и тени неизжитой инфантильности, особой нежной неопределённости черт, как бывает в юности подлинной. Тело, трансформированное омолаживающими технологиями, пошло отчего-то в рост, бедра округлились, а грудь для чего-то заметно увеличили, явно следуя указаниям неизвестного эксперта. Или же так проявляло себя фонтанирование переизбытка юных гормонов. И Ксения тому ничуть не радовалась, все эти сексуальные ловушки – обильные полусферы ей мешали. Она любила спать на животе. Она и на свою прежнюю грудь не могла нарадоваться, – маленькая, но упругая, по форме подобная тем, какими щеголяли каменные нимфы в историческом парковом заповеднике, стыдливо прикрывающие их белыми ручками, – к чему ей и прилепили эти передние округлые дыни? Ксения привыкла ходить, расправив плечи, грудь колесом, поясница в пленительном прогибе, балетная выучка, а тут? Она поневоле грудь выпячивала, не умея, да и не желая ходить по-другому. Как? И выглядела вызывающе, страдая от вульгарного вкуса Риты. Менять же что-либо, не было времени. Сама-то искусительница была выше этих низких запросов самцов, а

Ксению считала самкой и слепила соответственно этому запросу.

Но Ксен пришёл в восторг, как и все маленькие мужчины, бывший любителем обильных форм. Конечно, ему не удалось прикоснуться к юному роскошеству жены, но он нёс в своём сердце ожидание её любви на далёкой и столь же юной планете. А пока она только позволяла ему собою любоваться во время переодеваний и купания в домашнем бассейне. Маленький слуга обновлённой богини, он радовался за неё бескорыстнейшей радостью самого её родного и близкого человека.

Врастание старой души в новое тело

Есть ли у души лицо? Когда человек забывает о своём лице, душа всё равно живёт и дышит, а лицо без души существовать само по себе не может. Самое прекрасное и совершенное, без неё оно рассыплется в земной тлен. Глядя на своё новое лицо, и то и не то, Ксения, ставшая носителем ненавистного имени «Кларисса», первое время ощущала зыбкость, плавающую нестойкость в себе, и не верила зеркалу, будто смотрелась в свой сон. И всё же это была она. Её глаза, её тёмно-медовые ресницы, а их тоже нарастили, вернув им молодость. Ксен наравне с радостью страдал. Видя её новую и радуясь внешне, скорбел внутренне, будто похоро-

нил прежнюю жену, а эту боялся, трогал робко и то же, как и Ксения, барахтался в чьём-то чужом сне.

Но душа постепенно привыкала к своей новой оболочке и возрадовалась, наконец, своему соответствию новому лицу и телу. Ведь душа и не думала стареть. Ксения уже любовалась собою. Носик стал тоньше, губки фигурнее и полнее, скулы выше, лёгкую нежную тень, как в былые времена, отбрасывали на них её трепещущие ресницы. Она опускала их в привычной задумчивости, прикрывая глаза от мешающего дневного света, а также зная их неотразимое сияние для ловцов того самого, для чего её и подготовила мачеха – подлинная Кларисса. Она изготовила из неё живой опасный манок для того, кого мечтала зацепить крючком за рёбра и приволочь к себе на Землю. А то вошёл во вкус неуёмной деятельности на благо человечества! Человечество перетопчется и без его блага, а ей, настоящей, давно и тайно древней Рите -Клариссе, оно насущно необходимо – благо владения последним, так она считала, возлюбленным. Душа её устала, не различала уже чужих лиц, как ни были они пригожи, стремилась к нему, чтобы затихнуть в семейной идиллии после длинной и насыщенной жизни. Это был не каприз, не её своеволие, а её невозможность уже полюбить другого.

Попривыкнув, Ксен ещё на Земле до отлёта уже заявлял права на владение, но Ксения, предвкушая новую жизнь, не хотела его, это как после душа натянуть потную старую одежду. Она стала его ловко избегать. А Ксен, поскольку и

раньше редко заявлял о своём мужском праве на неё, покорно отодвинулся сначала на край супружеской постели, а потом ушёл в бывший кабинет её отца Артёма Воронова. Кабинет остался нетронутым с тех пор, когда отец ещё жил с мамой Ксении, и вообще жил, так как сейчас вопрос о его бытии или небытии оставался без ответа на самом высочайшем уровне ГРОЗ. Ксения же наполняла себя новым ожиданием, но и страхом тоже. Ксен ушёл «налево», таково было забавное словечко, употребляемое мамой Никой при её жизни, мама была любительницей архаики во всём, и Ксения это унаследовала, не саму любовь к старине, а словечки мамы. На работе Ксена, в исследовательском аграрном Центре по выведению новых сортов овощей и злаков, была некая тихая ботаничка без настоящей жизни, по поводу жизни прошлой в виду её замкнутости никто ничего не знал. Живя среди своих чащ гигантских ползучих лиан огурцов, тыкв и кабачков, затерявшись в дремучих кустарниках с перцами и томатами, огородная затворница вовсе не была подобна зелёной тле в своей неприметности. Нет. Милая, женственная и свежая, благодаря вегетарианской диете. Тихая только, отчего никто не сумел её там найти, где она заблудилась и сама. Ксен нашёл и пригрел на своей так же одинокой груди. Иногда к ночи Ксен приносил в дом своё гордое и удовлетворённое, не ею – не Ксенией, мужское самолюбие и достоинство, от чего его настроение было приподнятое и лёгкое. Они пили чай, он шутил, и они разбредались каждый в свою половину её

дома, оставленного Ксении отцом после его ухода к Рите – Клариссе.

Ксения, теперь тоже Кларисса по новой базе данных, предполагала без печали, что Ксен, вернувшись из космической командировки, как и было прописано в контракте, на Земле покинет её наверняка. Конечно, он обнадежил обещанием свою верную коллегу, которая так и будет ждать его в овощных джунглях. А по его возвращении они вместе поселятся под Северным сиянием, где будут тихо медитировать в круглом доме под круглой прозрачной крышей – куполом, всматриваясь в полярную даль в сторону полюса, не возникнет ли там мираж былой Арктогеи? Ксен был сторонником теорий существования миллионы лет тому назад великой Гипербореи, почерпнув сведения об этом из архивов её отца – сторонника той же теории. У отца же и свои прозрения или фантазии, это кому как, были на сей счёт, и Ксен воспринял их с полным доверием.

Войдя в норму после перелёта, выйдя из реабилитационного закрытого отсека, они предстали пред очами Главного Распорядителя полувоенной по своему устройению базы спутника Гелия. Почему и кто обозвал планету спутником, уже никого не волновало. Несмотря на блестящие свои перспективы, это была всё же скучная и далёкая база в том числе и для штрафников – военных. Тут жили и семьи с уже рождёнными в новом мире детьми, разветвлённая и продолжающаяся развиваться инфраструктура жилого города полуво-

енного типа, но яркости и комфорта было мало. Ксения, в шапочке, бледная, похудевшая, полубольная после звёздного сна в стазис – камере, стояла в серебристом обтягивающем комбинезоне, жмурясь и страшась, что он узнает её. Он не узнал. Но тарасился весьма откровенно, щупая глазами её фигуру.

Человек, который её рассматривал без стеснения, но и без выраженного чувства общечеловеческой любви и дружелюбия, ничем не напоминал того, кого она ожидала тут встретить. Память сохранила тот облик, что явился в Альпах, а этот? Она не узнала бы, не знай, что он Рудольф Венд. Не двойник ли? Не злая ли насмешка непостижимой, как та же Судьба, Риты Бете? Не ошибка ли, что возникла при полной идентичности имени ГОРа нового спутника? Ведь в базе данных, кроме цифрового кода, имени новой космической колонии не указывалось вообще! Новый спутник, и всё! Имя предстояло ещё выбрать. Таков был обычай. Имя всякого нового мира зачастую являлось коллективным творчеством тех, кто там и обосновывался, обживался и созидательно трудился.

Бритоголовый, раздавшийся в кости, он поразил её неузнаваемостью, отталкивающей грубой физиономией, жёстким взглядом, ничуть не осчастливленных внезапным появлением двух новых сотрудников, глаз. Он, похоже, даже не понял с первого взгляда, каков её наличный пол. Она была выше по росту Ксена, так что тот мог быть принят с

первого взгляда как раз за жену того существа, чья голова, упакованная в плотную шапочку до самых глаз, еле держалась на своей шее от пережитых и непривычных перегрузок. К тому же она обладала узкими бёдрами, длинноногая. И в то время, как он вглядывался в её грудь, она зорко изучала уже его.

Мощность сменила былую стремительную силу, огрубевшая брутальность яркую мужественность. Этот был чужой человек, мрачновато-важный, как древний полководец из исторических фильмов. Ни веселья былого, ни озорных блёсток в зелёных и прозрачных, как богемский хрусталь, глазах.

Подавляющей глыбой он придвинулся к ней ближе, чем к прочим прибывшим и, казалось, что душа его учуяла нечто, потому что он вдыхал, дрожа всё теми же трепетными ноздрями, воздух у её тела, едва не впритык к ней. Даже Ксен замаялся, задвигался, переступая нервно с ноги на ногу. Но, всё же, не узнал. Особенно долго изучал её бюст. Вероятно, сравнивал с тем, который помнил, сопоставлял нагло торчащий сейчас с маленьким, но прекрасным в своём совершенстве, о чём Ксения знала и без него. И тоже жалела о произволе над собой Вороны – Клариссы, но ведь личную волю она продала за юность!

Трудно было сказать, какой вердикт он вынес её внешности, но взгляд его прилип к груди надолго, до неприличия, и это у всех на виду, у тех, кто тут толпился в холле для зна-

комства. Понять по его лицу нельзя было ничего. На нём не отразилось ни капли живого мужского чувства. Он именно вспоминал её, как она поняла. Соизмерял ту прошлую с той, кто стояла рядом. Наверное, удивлялся, как и она, неувязке своих воспоминаний с прибывшей женщиной. Он отлично знал, кто был её мужем на Земле. Как и о прибытии семейной пары Зотовых осведомлён заранее. И личные дела уж точно просмотрел. Таков закон. Котов и кошек в мешке тут не приняли бы. Рита зря играла. Ксения поняла, он её ждал!

– Фамилия? – спросил он у Ксена, поскольку они стояли в группе вновь прибывших космических десантников и прочих исследователей-практиков.

– Мы Зотовы, – поспешно ответил Ксен, заслонив собою Ксению, – Ксен и Кларисса Зотовы.

И он отошёл, занявшись другими людьми, более ему важными, чем они, агробиологи, служебный планктон в его мнении.

Уже в столовом отсеке в один из дней, увидев факел её волос, он смотрел долго и пристально, как будто пребывал в ожидании её ответа на вопрос, который не задал.

Что было смоделировано Ритой, то и случилось

Потом уверял, что узнал сразу, но Ксения не верила.

– Но если бы я явилась тою же, что и была тридцать лет

назад? Не изменившись ни в чём? – спросила она тоже потом.

– Я любил тебя прежнюю. А эту, кем тебя стала, не могу. Ты влечёшь, но ты не она. словно бы заболеваешь эйдетизмом, щупаешь образ, которого нет. Но я его ощущаю и вижу. Ты сродни болезни.

– Может, прекратим эксперименты по вызыванию духов прошлого? Скажи, и я улечу, – она напускала на себя невозможное в действительности равнодушие, терзаясь его нежеланием вернуть ей прошлую любовь.

Но он не хотел, чтобы она улетала.

– Раз возникла, то уж и торчи здесь! – ответил грубо. – Не хочешь, уматывай на Землю.

Но она хотела, и она не умотала. И потом, когда ей думалось, что не хотела уже, всё равно ходила. И он никогда не говорил ей о том, о чём она всё равно знала. Как он, ближе к местной ночи, когда город затихает, сидит в своём рабочем отсеке, не присутствуя там душой, потому что душа бродила где-то, за пределами купольного города и этого спутника, и за гелиопаузой всей этой чуждой системы жёлтой звезды... А если он не бродил, то её, Ксении, незримое прикосновение отвлекало его мысли уже всё равно. Она посылала ему свой импульс, и он его улавливал. Он отрывался от своих насущных задач и компьютеров, глядя в пустующее пространство, где она должна была предстать перед ним с минуту на минуту. Для его жены и детей в эти ночные часы места не нахо-

дилось ни внутри, ни снаружи.

Правда, с отступлением и временным затишьем их взаимной стихии, всё возвращалось к привычному распорядку. Он бесцеремонно выпроваживал её твердой рукой семьянина и сурового вождя, не знающего ни слабости, ни только что пережитого беспамятства. Уворованными же у чужой жены ночами оживали все их прежние любовные игры юности, слова, за что она и терпела его дневное лицедейство. Он целовал её запястья, и они начинали ныть, её глубинные жилки и сосуды, и он говорил:

– Дурёха ты, дурёха...

После генерального, глубинного омоложения ей говорили врачи, что прежние черты восстановятся, останутся юными, но она постепенно вернёт себе подлинный облик, соответствующий не последним годам, разумеется, а соотносимый тому, который и был. Постепенно. Но тут, то ли его память о ней, прежней, вливалась в неё вместе с его семенем, то ли все процессы ускорились в ней, но она быстро стала меняться, возвращаясь к себе, к той, какой и была. Лицо слегка раздалось, нос стал шире, губы, утратив своё бутоноподобие, расплылись её прежней усмешливой, хотя и манящей формой. Даже веснушки слабенько так, но стали проявляться. Каждый раз Ксен столбенел, глядя на неё, как она входила в зелёные гущи оранжерей, где печальный, обманутый в своих ожиданиях, он самозабвенно отдавался своей необходимейшей для всех работе, но никем не ценимый сам по себе:

– Ты становишься прежней. Нет, стала. Ты скоро вернёшься ко мне?

– Угу, – бурчала она невнятно, думая о чём угодно, но не о своём возврате в семейный закуток.

А душа уже узнавала свое бывшее обличье, словно сбросившее новенькую пленку красивой и стандартной безличности, в которую была упакована новенькая Ксения, ставшая Клариссой. По утрам из зеркала смотрело её собственное лицо, но покрытое лучистой молодостью. Изнутри приступом тошноты приходил страх, вдруг это маска? И она неожиданно свалится, явив ей и всем окружающим её истинный возраст, как произошло это с Вороной на спутнике? После приступов рвоты она судорожно осматривала подушку на предмет выпавших волос, но ничего не происходило. Её организм был силён и подлинно молод. Ей и в голову не приходило, отчего эта смена настроения и самочувствия. И чтобы удержать эту молодость, она и впрямь уподоблялась маске, боясь лишний раз засмеяться, гася в себе эмоции, могущие всплыть наружу и смять лицо неожиданной морщиной. Ксен с тревогой глядел на позеленевшее от утренних приступов лицо, гнал к врачам, догадываясь о том, о чём не хотела догадаться она сама.

Женщины в городе считали её фальшивой, неискренней, и постепенно вокруг неё возникло отчуждённое пространство, куда никто не совал свой нос и свой язык. А мужчин её безмятежное по виду, статичное точёное лицо околдовывало.

вало, влекло, и она это знала. Конечно, он не был таким, как прежде. Тем, кто в нетерпении сбрасывал свою одежду едва ли не у порога того жилища, где доводилось им оказываться вдвоём в их юности. Тем, кто, переливаясь через край своим любовным к ней влечением, демонстрировал ей это наивно и бесстыдно, гордясь собою, своей мужской доблестью. Такого уже не было. Но вспышка их телесного единения, полнота слияния, были всё те же, как и в юности. И Ксения знала, что не только телесным было это единение, это слияние. Это был разлив их становящейся опять общей души.

Из каменного сосуда она превратилась в живой и эластичный. И вот стали заплывать контуры её точёного тела – вазы, и стал выпирать переполненный изливаниями любовной энергии из твёрдо – каменного и огненно-живого источника её живот. Это произошло стремительно быстро, и все колонисты, и мужчины и женщины, удивлённо смотрели ей вслед. Все догадывались, что её Ксен тут никак не поучаствовал. Но кто? Об этом знали только Ксения и Рудольф.

Ночной Рудольф, потому что дневной Рудольф тоже был тут абсолютно не причём. Днём он не замечал её по-прежнему, как и в первые дни прибытия. Она умышленно лезла ему на глаза, задетая отчужденным безразличием, пусть и наигранным, но обидным. Шла животом вперёд, тоже наигранно не глядя, когда он гулял со своей женой по вечерам. Пикантность ситуации была в том, что и жена гуляла с животом. И они сталкивались этими животами на пешеходной дорожке

их малого мира, были уже как бы и родными телесно, но жена, отодвигаясь в сторону от траектории движения Ксении, смотрела ей в лицо синими круглыми глазами, тараша их с каким-то детским любопытством женщины – дурочки. Женщины, не ведающей о том, что её разлюбил тот, кто держал её за руку. А он замирал от вида брюхатой «Клариссы», под каковым именем она тут присутствовала для всех, с гордой и затаённой радостью, уловить которую дано было только Клариссе – Ксении, ничуть не радующейся в ответ.

И почему? Ведь она столько мечтала об этом попадании в её, столь долго ждущую этого мишень. И не ревность была тому причиной, и не желание занять место дурочки – жены, а её мучительное раздвоение, вдруг настигнувшее её в моменты ею выстраданного, вымечтанного соединения, вернувшего молодость уже и чувствам. Всё было прекрасно, и всё было ужасно запутанно. Как и всегда в её жизни. У её счастья была темная тень – её обида на него. Одна половина её маски улыбалась, а другая половина плакала. Одна половина Ксении играла и радовалась, другая половина страдала и корчилась. Она и рвалась к нему, и она же стремительно убегала от него в своих мыслях. И это было ей наказание за её блуд, за её подчинение чужой воле и собственным страстям, за её прошлое, за её настоящее, за всю её неудавшуюся жизнь, которая не делилась на две половины, а была одна. И в этом натяжении, надрыве двух половин одной женщины пульсировала её боль, о которой знал только один человек,

над кем все тут потешались, это её Ксен, всё в ней принявший и всё понявший. В который уже и раз. Всё терпящий. Но его Ксения никогда не считала своей удачей.

Общение с врачом Викой – необходимость, взаимно вредная для здоровья

В самые начальные времена её прибытия, её сближения с намеченной одушевлённой целью – Рудольфом, и когда никто ещё не видел её выпирающего живота, тугого и огромного как барабан африканского фольклорного персонажа, поскольку живот в то время пока что отсутствовал, Ксения купалась однажды с врачом Викторой в небольшом подземном бассейне.

– Как ты решилась на рождение детей? Тут, где и жить-то страшно? – спросила она у Вики. – Здешняя жизнь представляется мне эфемерной и призрачной. Сон не сон, и явью не назовёшь. Но если этот сон рассыплется, то рассыплется он вместе с нашими реальными жизнями.

Вика ухмыльнулась.

– Поживёшь здесь и сама родишь, – изрекла она пророчески. И сделала отвлечённое рассуждение по поводу сказанного. Здесь обостряются все инстинкты, жажда выжить, жажда своего продолжения. Ксения смеялась ей в лицо, уже зная, что с нею происходит, с самого того первого безумного,

яростно-вихревого сближения, утащившего их неведомо куда, на бывшие исхоженные тропы, да запредельного отсюда – не достанешь, как ни старайся, мира родной Земли. Но Вика ничего этого знать не могла. Вика завистливо, но влюблённо изучала Ксению.

– Ведь на Земле я бы уже и не позволила себе родить детей. Я свою социальную норму выполнила, двоих родила и вырастила. А здесь... всякий сам решает. Иные возвращаются из космических колоний с кучей детей. Скажу тебе, многие женщины ради этого и отправляются в космопоселения, чтобы родить, если уж на Земле не задалось по той или иной причине, у всех разной. И жена Венда, родив на Земле двух дочерей, здесь родила четверых! Одна девочка, трое мальчишек...

– Выходит, я попала в инкубатор по производству детей.

– Нет, – серьёзно опровергла Вика, – детей здесь мало.

– Ты кормящая мать, а выглядишь отлично, – заметила Ксения. – Кто же нянькается с твоим малышом, пока ты тут занялась собой?

– Альбина с ним. Он же спит ночами как взрослый. Я опытная в этом смысле. Умею выстроить распорядок жизни ребёнка сразу же так, чтобы он спал ночами. И заметь себе, я уже приступила к своим рабочим обязанностям.

– Альбина? Да ведь она и сама ребёнок!

– Какой же ребёнок? Вполне выросла. Последить за ребёнком пару часов вполне себе в состоянии. Здесь у всех свои

обязанности.

– Как в древние времена, – детки в няньках... Кто же с твоими детками, с учётом того, что второй грудничок, в твои рабочие часы?

– Всегда находятся те, кто этим и занят. У нас же детская группа в Досуговом Центре, типа детского садика. В основном, там Нэя распоряжается. Это и есть её основная работа, – дети. Тут не делят детей на своих и чужих. Их не так и много.

– Похоже, ты да Нэя всех переплюнули по многодетности. Неужели ты, опытная женщина, думаешь, что сумеешь привязать детьми к себе молодого совсем человека? Здесь – да, а потом? На Земле он забудет о тебе.

Вика, если по виду, не обиделась, – Он на Землю пока что не собирается. А дети так и будут моими. Мои дочери на Земле уже взрослые. И скажи ты мне, зачем человеку долгая жизнь без детей?

Ксения ухмыльнулась, – Вот что значит женщина – подательница жизни. Вика, ты реликтовое существо. Я на Земле неплохо жила без детей. Как многие и многие.

– Выходит, тебе такого и не надо. Природа теперь у большинства куцая в этом смысле.

Ксения промолчала.

– Конечно, на Земле, скажи мне кто, что я опять дважды буду матерью, вот бы я посмеялась им в лицо. Но если уж на чистоту, то жена ГОРа как-то совсем уж вышла за разумные

пределы. Я ей говорила, есть двое, куда тебе третий?! – Вика расширила глаза, будто упомянула о некоем несусветном ужасе. – И вот же, родились близнецы! Что у неё и осталось от её прежней красоты? Стоит ли удивляться, что собственный муж перестал видеть в ней женщину...

– Откуда ж сведения? – встрепенулась Ксения.

– Так она сама же предложила всем женщинам устроить ночную группу для детей, – таинственным полусшёпотом продолжила Вика, приподняв краешек завесы над личной жизнью ГОРа. – Там и живёт практически с чужими, ну и своими, детишками. Да и муж работает ночами, а когда они спят вместе, для всех тайна. – Старожилы говорят, что сюда она прибыла реально неземной красоткой. И где её красота теперь? Всё ушло в детей, буквально...

– И хороши дети?

– Дети как дети.

– Каким же образом возможно потомство у землянина и инопланетянки? Да ещё такое обильное...

– Не знаю, что за тайна этот Трол, какова его история, но она, если по сути, земная по антропологии. Я изучала её детей, её саму, и вот представь, её митохондриальная ДНК, которая передаётся детям от матери, то есть только по женской линии, и не смешивается в новом поколении, изменения происходят во времени из-за незначительных мутаций, ничем не отличается от человеческой! Один вид, понимаешь? Иначе, какие дети, откуда? Если рассматривать мито-

хондриальные ДНК двух разных видов, то оценивая скорость дрейфа их генов, можно узнать, как давно у видов был общий предок...

Ксения, зевая, отвернулась от нудной лекторши, и Вика, скривившись от её темени, замолчала. Но поскольку тема Нэи её захватила, а чужие тайны, как это и бывает обычно у большинства женщин, распирала её душу невысказанностью, Вика продолжила, но сбавив научный градус для убогих на голову, в данном случае для Ксении.

– Она... – Вика задумалась над тем, не нарушает ли она врачебную этику. Вика была здесь человеком Риты, и единственная, кроме Рудольфа, была посвящена в тайну Ксении, с которой её связывало и прошлое обучение в одной Академии в молодости. – Тут такое дело. Она, как и ты, проходила ту самую процедуру омоложения. Кажется, это было не на Земле, а в той космоколонии, где она жила прежде. Но проводил процедуру один гений, поэтому Нэя так молодо выглядит, на самом деле она значительно старше. Моложе нас, конечно, но не настолько молода, как можно судить по внешности.

– Сколько ей?

– Ей за сорок лет по биологическому возрасту.

Ксения присвистнула. На вид Нэе едва за тридцать лет. Но Ксения никогда не забывала её такой, какой встретила в Альпах, в невероятном платье, с волшебным блеском загадочного кристалла на пальце. Кристалл же сиял на ней и те-

перь. Нельзя сказать, что Нэя стала некрасивой, но её красота уже вступила в фазу усталости. Поэтому та девушка из рестораника в предгорьях Альп плохо увязывалась с тою, кто жила на спутнике. Невысокого роста женщина, одетая всегда в скромные платья, с забранными в затейливую причёску волосами, вечно окружённая своими и чужими детьми. Единственное, что отметила Ксения, так это её пристрастие к бальной по изяществу обуви, часто украшенной камушками. Ноги её были стройны, походка легка как у девушки, ступни изящны и узки до неправдоподобия. Ксения беззастенчиво изучила её и пришла к выводу, что она изменилась настолько к худшему по сравнению с той, какой встретила её в лесу у озера. Она словно бы угасла, при том, что не состарилась в классическом понимании такого вот явления. Кожа лица безупречно гладкая, но болезненно бледная, если не обесцвеченная, а она даже и не думала о косметике. Девять лет не велик срок для Земли, но, видимо, на спутнике выцветание шло быстрее. Она утратила внутреннее сияние, так бы Ксения определила то, что видела здесь, и то, с чем её сравнивала. Она как бы ушла в некую тень, слизавшую её красочность, её воздушность. Тот земной Антуан – сын прекрасной Елены, вряд ли стал жалеть о ней, если бы увидел её. Или Рудольф за эти годы так придавил её? Лишил чего-то, чему нет и названия, но у чего есть зримое проявление. Такая женщина не могла доставлять мук ревности. Ксения хорошо помнила, как Нэя задела её, обозвав, по сути, старой

тогда в лесу у Ботанического Сада.

Нет, Ксения не была злопамятна, но ведь женщины никогда не прощают тех, кто унижает их внешность, кто даёт им понять их недостатки, о которых они и сами знают. И как могла она покинуть таких чудесных дочерей ради возможности усладить свою... тут Ксения выразилась сама в себе непристойно о Нэе, но так она и думала, искренне не понимая её. Какой похотью надо обладать, чтобы бросить двух дочерей, плюс одну приёмную, ради мужика, изменявшего ей в открытую, едва он глянул на неё своим магическим взглядом исподлобья? На момент таких вот размышлений Ксения начисто забыла, что и сама не умеет, и не умела прежде, ему противостоять. Но Нэю она беспощадно припечатала: звёздная шлюха, потащившаяся за ним из невысказанной колонии, или что там этот Трол из себя представлял? Женщина, у которой всё завязано на низменных рефлексах, для которой вторая сигнальная система – вершина её развития, и третьей, высшей, разумно-нравственной в ней нет и в зачатке. Ксении было необходимо обесценить соперницу, чтобы не страдать самой от укоров совести.

Фигура Нэи всегда скрывалась обширными платьями, не стремилась она к соблазну мужчин, а только к будничному удобству. Комбинезоны не любила отчего-то, но причёски восхитили Ксению. Она решила их повторить, но ничего не вышло. У соперницы были виртуозные ручки. Врач Вика подарила ей несколько заколок, и Ксения усердно и попугайски

точно, хотя и коряво, создала себе подобие на голове причёски жены своего любовника. Для этого она выравнивала волосы специальным гелем, чтобы не вились, как спиральки. Ей понравился свой новый облик. Нет ничего зазорного в том, чтобы перенимать у врага то лучшее, что у него есть, решила она. Рудольф заметил, потому что стаскивая заколки, он хмыкнул насмешливо, – Зачем мне твои шипы? Уколешь ещё. – А после закинул её голову и впился в шею, будто хотел перегрызть ей горло, сдавив при этом грудь руками, обретшими «нежность» железных зажимов. Так что Ксения лягнула его ногой, которую он ловко перехватил и пихнул её на постель, едва не перекрутив её всю вместе с ногами. И стоны или крики протеста ничего не меняли в его безумном намерении искалечить её. Останавливался он всегда сам и только сам, когда понимал, что нельзя переходить грань, за который щерится элементарный садизм. Как будто он мстил ей за напряжение своего желания, за подчинение своему влечению к ней, за нарушение им семейной верности, за её появление здесь. Перепады дикой страсти наряду с размеренным привычным течением были его особенностью всегда. Возникновение этих неожиданных порогов и водопадов в реке любви, в которой они утопали с ним регулярно, предсказать было невозможно никогда, как и понять, что их вызывало. А чего понимать? Сказала бы Вика. Перверсия такая – садист – нарцисс.

Ничего и не вернулось...

После этого случая Ксения перестала копировать Нэю даже в мелочах, а свои туфельки, которые захватила на спутник, тоже по случайности украшенные камушками, снятыми с маминых туфель, она спрятала подальше в свой вещевой контейнер. И носила только спортивную обувь. Да и кому тут были нужны дизайнерские изыски? Опасный, страшный своей непредсказуемостью, оторванностью от человечества и очень сложный мир окружал её.

Как-то она стала умолять его с отчаянием, оставленным давно у той сетки, в степях у космопорта, – Радик! Радик, верни мне прежнее! Пусть всё станет как тогда!

Ксения, ставшая космической блудницей, металась на узкой постели блудного космического мурлыки, перенесённая внутренним вихрем на юную, принадлежащую только им двоим Землю. Зная, что на подлинной Земле уже нет и не может быть того близкого синего неба, того яркого, но совсем не палящего солнца, прямо дышащей зелени лесов, хрустальных трелей птиц, казавшихся настолько же вещественными, как и цветы и листья, и их можно было трогать. Как и сам бирюзовый воздух перебирать ласково пальцами вместе с его ангельскими волосами, когда он лежал на её коленях, прикрытых батистовым платьем, которое она сохранила и притащила сюда с собою. Только ни разу в нём не щеголь-

нула здесь. Она тщательно отбелила его, вернула чёткость старому рисунку на старой ткани, ведь платье провалялось более тридцати лет в кладовке, в старых дорогах сердцу вещах. И обновлённое платье обхватило обновлённое тело с тончайшей и едва ощутимой лаской, текстильные волокна, казалось, помнили её до сих пор. И юная светлая девочка смотрела из зеркала на печальную душу, не соответствующую своей форме, как ни обманывала себя сама Ксения.

– Я не Радик, а Рудольф Ростиславович, твой шеф и распорядитель твоей блудной судьбы. Вспомнила бабушка свой девичий стыд. «Радик»! – повторил он, издевательски передразнив её страстный призыв.

– Скотина! – Ксения ткнула его локтем в железный по твердости бок, сильно и совсем не играя, может, даже желая поссориться на ближайшее время, желая вызвать гнев и даже удар. А что? Ему не привыкать. Надо встать и гордо уйти, думала она, продолжая валяться рядом. Сил, чтобы встать и гордо уйти, не было. Как будто она была связана верёвками. Верёвки были корнями прошлого, опутавшими настоящее.

– Ты думаешь, что отлив себе эти колокола, – и он ущипнул её за грудь, – обновив себе шкурку и оседлав старую скотину, ты можешь въехать в рай, откуда нас изгнали давно? Я и дорогу туда забыл. Успокойся и не надо твоих девичьих конвульсий. Кого ты теперь-то обманываешь? Разве ты девочка Ксюша? Ты некая Кларисса, прожившая длинную и скитальческую жизнь, не знаю, к счастью, её маршрутов и

главных персоналий судьбы «Клариссы». Живи тем, что и есть.

Она повернулась к нему спиной, едва не плача и злясь на себя за открытие ему того, куда он плевал прежде и куда плюнул только что, по привычке, по наработанному в прошлом алгоритму и тоже вернувшемуся вместе с его влечением. Докопаться же до первоисточка их чувства уже невозможно. Слишком велики завалы, слишком заросли они бурьяном и сорными корнями, давно смятые и истлевшие в порошок тлена. Рудольф потрогал её лицо, нащупав влагу на тонких нежных скулах. Прикосновение было настолько бережным, что стало щекотно, и она засмеялась, оторвав руку от лица и направив ниже, туда, где и был скрыт источник отторжения любой мысли и любой глупой боли. И «скотина» тотчас же откликнулся на её желание, ведь ничего другого ему и не требовалось от неё. Жаркое и большое, тёмное, а потому и скотское вполне, забвение входило в неё и плавило невысказанное, неизлечимое, недолжное и неотменяемое никаким светлым разумом...

Вика – единственная подруга и такая же недоброжелательница, как и все прочие

Ксения совершенно не помнила и не вспомнила Вику. Но Вика помнила её хорошо и отчётливо, как и те события, ко-

которые она описывала ей, где и когда они встречались, но, видимо, для Ксении она была только безликим фоном наравне со многими, кого память размыла до неразличимости как себе обременение, не нужное ей, памяти. Ксения приходила к Вике в её медицинское обиталище, где Вика была женским врачом. Врачей на спутнике было несколько, и Вика одна среди них женщина, почему женщинам было проще с ней, хотя на взгляд Ксении она была заурядной бестолочью. Да и какой хороший врач сюда напросится сам? Мужчины другое дело, у них за плечами были свои тайны, свои промахи, а эта-то чего тут забыла? Мужем её был сын Рудольфа Артур. Но был он не мужем вообще, а мужем здесь, потому что Вика была старше и не обольщалась насчёт своего места рядом с ним. Она понимала и принимала свою временность для него, то, что в дальнейшем с молодым и обладающим прекрасной внешностью мужчиной будущего у неё нет. Но что и не временно в жизни? Считала Вика и жадно ловила дни своего уходящего женского счастья, благо дни и ночи тут были длиннее, чем на Земле. У неё родились здесь дети, два мальчика, и они вечно ходили в том хвосте, что тянулся за Нэей в числе её собственных и прочих детей. Ведь сама Вика была занята работой, а Нэя как бы и бездельничала.

По рассказам Вики у Нэи были потрясающие способности шить и изобретать одежду, украшения и бельё. У неё было несколько роботов для шитья одежды и прочих, рукотворных лишь отчасти вещей. Нэя только изобретала покрой, фа-

сон, цвет и узоры, а шили и вышивали машины, но кому сейчас есть нужда с этим возиться вручную? Она возилась и вручную тоже, наряжая тут всех немногочисленных детей, наряжая женщин и тех желающих, у кого был спрос на её творчество, украшая быт людей и давая иллюзию полноты их оторванного от Земли бытия. Многим это было важно, и её ценили. Поэтому она практически и работала в их Центре Досуга, где и обретались целый день дети тех, кто пошёл на этот подвиг – на деторождение в иноземном мире.

Вокруг Нэи вились ещё чьи-то жены, занятые в том же Центре, но Ксения не ходила туда никогда, не общалась ни с кем из здешних женщин, списав их всех в неинтересный себе человеческий хлам, полагая, что нет, и не может тут быть тех, кто ей равен по интеллекту. Кроме врача Вики, которую Ксения в душе тоже слегка презирала.

– Всё равно, – продолжила Ксения свой допрос, потому что ответ Вики её не удовлетворил, – какая сила может толкнуть женщину на роды здесь? В крошечной тьме, по сути? В искусственном мире под куполом, хрупком и зависимом от всего. От куска какой-нибудь, проносящейся случайно, космической и сумасшедшей глыбы, от нестабильности системы защиты, да и от внутренних неполадок всяческих тут систем. А если сбой в силовом поле купола? Я дрожу на уровне подсознания, как приговорённый к казни, которому её отсрочили на неопределённое время.

– Какая сила их толкает на деторождение? Разве твой муж

лишён этой силы, если ты вопрошаешь об очевидном? О том, что происходит между мужчинами и женщинами, где бы они не находились, если они молоды и здоровы. А мы, слава Богу, не в земляной яме сидим, где ничего не видно. Как же рожали женщины в Эпоху Войн? Любили в руинах, рожали в полях, в землянках, спали в домах, похожих на норы зверей, и никто не давал им уверенности в завтрашнем дне. А у нас комфорт. Но чувства – они здесь предельно обострены.

– Я тоже решила, – вдруг созналась Ксения.

Вика сузила монголоидные, хотя и расширенные косметическим вмешательством, глаза.

– Решили здесь с Ксеном дать земной побег в не земном мире? Тоже? Заразил пример здешних женщин?

Ксения плюхнулась в зелёную воду бассейна. Мелькнул её голый ослепительный зад. И слепящая её задница, притягивающая нескромный взгляд Вики, изящный изгиб поясницы, чудесная женственная спинка натолкнули вдруг Вику на хульные мысли о Ксении.

«Б... вселенская» – решила она. Слово родственное блуднице, но короче и весомее. Вряд ли это и Ксен. А кто? И Вика вдруг представила, что почувствовал бы Артур, узри он Ксению в её таком виде. Она ревновала, все замечали его взгляды и в спину и в лицо равнодушной ко всем Ксении. Она ко всем проявляла редкое равнодушие, она обитала словно в пустоте. Почему это? Вика успокоилась. Подумала, что она и сама ещё вполне себе ничего. Здесь во всяком случае чего

ему и желать? Она, Вика, одна из лучших женщин здесь, до прилёта этой...

Вика мысленно повторила определение Ксении, так называемой «Клариссы». Женщин тут мало, а самцов – страдальцев больше в разы. У неё был выбор по прилёте. Артур пришёл к ней сам. Мужественный, красивый и моложе гораздо, он жаждал её заполучить тоже. Первое время у Вики голова шла кругом от любви того, кто был здесь самым лучшим. Сколько же счастья пережила она под куполом, какого никогда не переживала на Земле.

Чего она всполошилась, почему Артур? У Ксении огромный выбор среди тех, кто свободен. Она ходила к ним в их мужские отсеки на посиделки, игнорируя общество женщин, они играли в архаичные игры, компьютерные детские развлечения от скуки и тоски. Кажется, там были в ходу и карты, и ещё что-то типа рулетки. Но она, Ксения, чего ради туда ходила? Говорит, ради общения. Какого? Мужики об этом умалчивали, Артур отмахивался, женщины сочиняли. О её оторванности от норм Земли, о её раскованной природе, а вернее, о её склонности к эксгибиционизму. Она танцевала для них древние эротические танцы типа стриптиза ради собственного развлечения, а они ей за это отчисляли цифры со своих счетов на счёт её и Ксена. Любили её, боготворили, но не прикасались к ней никто, чего не проявляли никогда по отношению к своим здешним временным подружкам. Так уверял её Артур, говоря, что она пристойная и верная жена

своего мужа, а с ними просто развлекается от скуки бездельных часов отдыха, не любя женское засахаренное словоблудие и лицемерие. Но что же выходит? Женщины были правы в своих подозрениях? Ксения подтвердила это только что.

Ксения в это же время раздумывала о Нэе. Она думала о ней, пожалуй, чаще, чем о Рудольфе. О нём чего было думать? Он был уже её дополнением, во всяком случае, телесным и регулярно совершающимся. Связующим звеном между Нэей, встреченной в Альпах и Нэей, обитающей на спутнике, – разными и не похожими одна на другую Нэями, – была та, что встретила её в лесу, где гуляла со своими дочерьми. Она уже не околдовывала, как та в Альпах, мерцанием иного мира, юностью, бьющей в глаза, но ещё и не была столь проста, какой она стала на спутнике.

Та лесная встреча подействовала на Ксению настолько болезненно, что она еле добралась до своего дома, чуть не свалившись в лесу под деревьями. Как назло она не взяла с собой контактный браслет, она вообще не любила технику. Да и кому, думала она, звонить, только Ксену, а он и так вечно в доступе. И дело было не в пригожей, доброй и сочувственной женщине, внимающей ей, хотя и страх в ней был, это Ксения уловила. Не было в ней уже ревности. К кому? Ведь к тому времени Нэя сбежала от звёздного повелителя к другому. Но сам взрыв в ней, в Ксении. Её вышибло вскрытой памятью резко больным ударом, как от сжатой пружины, которую высвободили от её зажатости, из устоявшейся

тихой привычности, и она сидела в молодых, кружевных, весенних папоротниках, окутанная паутиной чрезмерно сухого мая. Рядом сидела и грустила такса, понимающая её взбалмученное состояние. Но именно после той исповеди в лесу, вынырнув из самопроизвольно вызванной наружу лавы воспоминаний, обжѐгших не остывшим, вязким жаром и Нэю, Ксения и освободилась, наконец, от Рудольфа на целых девять лет. Стала жить, как будто его нет, и никогда не было. И собственное прошлое стало чужим и неинтересным ей. И она говорила Рите правду, что забыла его. Появились какие-то другие интересы, друзья, жизнь подарила ей своё утешение. И была ли это заслуга волшебницы со звѐзд, или так совпало, что встреча эта вскрыла её застарелый гнойник, чем стала в ней её жизнь. Всё вышло из неё в том лесу, осталось под узорчатými папоротниками, в их сквозной дымчатой сени, в весенней и очищенной снегами почве, из которой, как это и ни странно, вырос затем белый лилейный и безупречный цветок, окутанный тенью леса и тех же папоротников. Ксения же вернулась в пустой гулкой дом, сама такая же пустая и гулкая, – без памяти, но и без боли. И Нэю она на это время тоже забыла.

И надо же было такому случиться, что это её забвение и дало им примирение, счастье и семейную тишину, Нэе и Рудольфу. Было это совпадением или проявлением какого-то неизвестного ей закона мироздания? Будто это она, та прошлая и страдающая Ксения и насылала облака и бури в их

жизнь, мешая взаимной гармонии. А отпустила она их своей душой, вытряхнула память о них и о себе прежней из себя, и всё у них наладилось. А ей самой жилось тоже тихо, хорошо. Ожили маленькие бытовые радости, интерес к окружающим людям, только никакой любви уже не было. Нигде. Ни в настоящем, ни в прошлом, и думалось ей, не будет и в будущем. Что ей в этой любви? Нет её. Не было никогда. И быть не может того, чего нет в самой природе вещей.

Всем чужая

Почему Вика покинула Землю?

Никакой любви. Нигде. Ни в настоящем, ни в прошлом, и думалось ей, не будет и в будущем. Что ей в этой любви? Нет её. Не было никогда, и быть не может того, чего нет в самой природе вещей. Вика никогда не считала себя неудачницей. Но после того, как выросли её дети, а муж ушёл от неё за вторым изданием счастья, ограниченный мирок её обустроенной и ясной Вселенной пошёл трещинами. Через них потянуло страшным и непонятным Хаосом, лежащим за пределами её скорлупы. Она была в меру ограниченная, добрая, общительная, милостивая женщина, считающая себя русской. Лишь однажды покидала она Землю, в дни стажировки на искусственном спутнике, в купольном селении ещё во время учёбы в Академии.

После расставания с мужем, а расстались они довольно спокойно, ведь бессмысленно взывать к чувствам, коли их не осталось, Вика, не умея ни с кем сойтись вновь, стала впадать в уныние. И тогда её свекровь – психолог познакомила её с Ритой, а Рита предложила работу на отдалённом новом объекте, так называемом «Спутнике, Гелия», где преоблада-

ющим населением являлись мужчины. Мужчины отборного вида, молодые и свободные. Космодесантники, мужская элита, если считать по физическим параметрам. «А их ум? На что он тебе?» – спросила насмешливая и строгая в то же время красавица. – «Интеллект может и быть, а удовлетворения от него никакого при этом. Ты просто забудешь там свои неурядицы, да и заработаешь на последующую жизнь на Земле вполне себе достаточно». Так Вика попала на Спутник Гелия.

Первые впечатления о новой планете и «отборной высочайшей категории мужчин» вошли в её закрома, куда она сбрасывала жизненную жатву, как кошмар. Как самое страшное и сумбурное в её жизни событие. В её жизни благополучной и земной женщины, прожившей эту самую жизнь как дерево, не в смысле бесчувствия, а в смысле том, что жила она на одном месте, где и было ей светло и привольно. Не было в ней тяги к пространственным перемещениям, и росла она только вверх, веря в благословение синих небес. Но выкорчевала её семейная драма, задрала корнями вверх, оголила стыдное, ткнула носом в жёсткую землю.

Едва она прибыла, и все узнали, что новенькая врач – женщина одинокая, но ничуть не корявая, как её, едва она вышла из Центра местного досуга после знакомства и чаепития с местными дружелюбными жительницами, окружила толпа молодых мужиков. Они без церемоний, принятых на Земле, стали её рассматривать и обсуждать друг с другом, буд-

то её в это время и рядом не стояло. Вика не была красавицей, почему и хранила верность любимому мужу в течение стольких лет, не было и соблазна. А сама она его не искала, соблазна этого. Не считая одного раза. Восхитительному по своему качеству, но провальному по своему последующему развитию. Ибо никакого развития того сказочного сюжета не последовало. А потому и постыдного, как она его и засчитала. Широкоскулая, с очаровательными ямочками на щеках и волнистой пышной косой, заплетаемой по-девичьи, обладая невысоким ростом, несомненной привлекательностью, Вика не являлась броской, к тому же была инертной в своём поведении, что и оставляло её всегда неприметной на фоне девушек и женщин, даже менее красивых, зато энергичных и громко о себе заявляющих. Но себя она принимала и любила всегда.

Хотя опять же... Раз проявила бурную и буквально безрассудную активность, и чем закончилось? Ничем. Остались сладкие сны, детские по своей дурасти надежды на повтор, которого не случилось...

Один из молодцев схватил её за плечо, развернул к себе и нагло, хотя и не без нежности, исследовал ручищей её грудь, после чего сказал, – Да она рожалая! Грудь обвислая. Чего не подправила?

Вика смотрела на него, не веря своим ушам и его наглым рукам. Её будто погрузили в заморозку. Вследствие переживаний она сильно похудела ещё на Земле, а так она была, как

называл её бывший муж в приступе благодушия, «пончик в клубничном сиропе». На спутник же она прибыла похожей на заваливающуюся оладышку, почти плоская и кислая.

– Меня муж и такую любит, – еле прошептала она, забыв, что никто её уже не любит.

– А мне нравится, – сказал другой, тоже молодой и ничего себе, симпатичный и весёлый, – грудь естественная, а сама щупленькая, как я люблю. Полюби меня, и я подарю тебе такой аппетит, что ты в скором времени превратишься в сметанный колобок, – и, смеясь, обнял её. – Что надо! – констатировал он, – девушка, может, и не земная мечта, поскольку на Земле все реально зажрались окружающими красотами, зато космическая находка для одиноких странников.

Они дружно заржали, как кони, да и напомним ей табун диких животных. Будто низ и был самой главной составляющей их существа.

– Ноги у неё коротковаты, а задница большая. Если только на любителя... – подал замечание какой-то пошляк.

– У-у, какая тугая у тебя попа, никто не любит? – спросил ещё кто-то, ущипнув сзади. Вика не различала их лиц и не понимала сколько их. Много. Не понимала, что это их игра, развлечение.

– Почему не любит? – спросила она обиженно.

– Признак такой, – охотно объяснил ей знаток, – если ягоды твёрдые, долго никто не любил.

Ей стало ещё обиднее, но это было правдой в её случае.

– Губки у неё румяные, – они осматривали её, как лошадь на базаре, разве что в рот не лезли. Откуда ей пришло такое сравнение с лошастью? Из какой-то старой книги, наверно. И что это такое «базар»? Она смутно это себе представляла по фильмам на исторические темы. Но что за падение людей в дикость предстало перед нею! Да разве такой участи она достойна? Буквально сослали в какую-то космическую тюрьму! Пусть и обустроенную, и местами красивую, как картинка. Да тут и была игрушечная имитация земной среды.

– За что? – спросила она у пустоты, не обращаясь ни к кому персонально.

– Кому не нравится, проваливайте, я беру её себе, – сказал один из одичавших парней, тот самый весёлый здоровяк, и тронул за плечо уже более мягко. Вика и не была против него лично. Но униженная сценой изучения и насмешек, возмущённая, она стукнула его локтем и, выбравшись из их гогочущего табуна, побежала жаловаться Главному Ответственному Распорядителю, ГОРу, как здесь кратко называли шефа колонистов на спутнике Гелия.

Но и этот ГОР был для неё страшнее оголодавших мужиков. Более стыдного, чем то, что её с ним связывало, не испытала она и за всю свою жизнь. Не потому, что тогда стыдно было, а то, что потом пришло. Осознание, что она стала случайной женщиной из тех, каковых не помнят. И смиряло лишь то, что он ту их безумную по несолидной необдуманности и спонтанности встречу не помнил. Смиряло и добав-

ляло боли. Она вглядывалась в его глаза без того усилия, что могло бы быть, не произойди та их близость на берегу подмосковной речки, и не находила в них подтверждения тому, что тогда предавался с ней совместно насыщенному сексу именно он. Тот водопад ощущений едва не обрушил её всю целиком в реальный уже отрыв от приобретённой женской устойчивости. Пошатнул основы её житейского ума-опыта. Таких мужчин у неё никогда не было. Да и каких мужчин? Одни муж и был....

Не обозналась ли она? С кем же тогда его попутала? Особо-то в давнее прошлое они и не углублялись в процессе беседы, заветных имён не озвучивали. Он принял её порыв, одарил своим же, -ураганным, без преувеличения, – и чего теперь-то? Она запомнила на долгие и долгие годы, он нет. Может, и действительно, не он был? Похожий лишь? Тот был моложе, яснее, добрее. Этот монумент из тех, что воздвигают павшим и не сдавшимся героям былых эпох. Цветочки преподнести можно, голову склонить в знак признательности, даже если не знаешь сути самих подвигов, а чтобы броситься такому в объятия?

Она задвинула то приключение в летний «день непослушания» куда-то поглубже, и потребовала у живого и здравствующего «монумента» объяснения тому, чему её и подвергли его, между прочим, подчинённые.

То, о чём он поведал, повергло её в не меньший ужас и трепет. Оказалось, что в таких инопланетных и удалённых

колониях женщин обычно мало, и их используют не только исходя из профессиональных умений, умственных способностей и прочих качеств, но эксплуатируют и природный естественный, сугубо женский уже потенциал. Мужчин много, женщин мало. Каков вывод? Семейные пары не шли в счёт. Их тут мало, и они были вне этих игр.

Бритоголовый, здоровый человек-монумент, который должен был быть ей защитой, над нею вроде бы насмехался? Он не мог понять её паники. Чего она сюда и прибыла, если... Она не знает правил обитания в подобной космической ойкумене? Её не предупредили? А кто, собственно, ей и посоветовал сюда прибыть? Если же она сомневается в смысле оплаты её сверхурочных трудов, то пусть не беспокоится. Цифирь на её счете будет железно прирастать. Это свято. Это нерушимо здесь. Женщины обогащаются. За короткое время. И отбывают себе восвояси, очень всем довольные. Но многим настолько нравится такая вольная и любвеобильная жизнь, что их отсюда и насильно не выгонишь, на Землю. Зачем же здесь и оказываются неудачницы, одиночки и стареющие искательницы приключений? А также, будем уж и откровенны, неизлечимые потаскушки.

– Я потаскушка? – залилась слезами Вика.

– А кто ты? – спросил он вполне любезно. – Внеси ясность по поводу загадочной мотивации, толкнувшей тебя сюда.

Давясь слезами, она рассказала ему свою историю. Вернее, напомнила, ведь когда-то же и рассказывала, слов-эпи-

тетов не жалела! Опасный, как и все они тут, бритоголовый предводитель банды, засевшей под инопланетным куполом, ей сказал, – Ну и кто же решил тебе устроить райскую жизнь? В благодарность за какие твои прошлые проступки тебя сюда сослали? Или заманили, что одно и то же.

– У меня не было никаких проступков ни перед кем! Я всегда и всем самоотверженно служила! Родным людям, своим пациентам, человечеству в целом...

– А зря! – ответил он, прищурившись, как пребывающий в затаённой активности кот, выглянувший из-за ширмы человека-монумента. – Никогда не стоит забывать о себе.

Потом объяснил, что все женщины, если одинокие, тут свободные и уважаемые коллеги, защищённые земными законами, но слабо защищённые от вполне понятных домогательств. Так ведь и они прибывают сюда, зная это. И спасение от участи похищения, – условного, конечно! – скорый поиск того, кому, как и ей нужна идиллическая семейная гавань без штормов, но и без бурных чувств.

– Не переживай, – сказал ей человек по фамилии Венд, – Весь вопрос в том, придёшься ли ты по нраву тому, кому и прислана?

Этого посылка Вика не поняла. Или не захотела. Но потом, разобравшись в своих смятых чувствах и ощущениях уже тогда, когда спутник Гелия стал колыбелью её рождённых здесь детей и её повторного счастья тоже, она поняла, что он имел в виду. Поняла намёки красавицы из ГРОЗ, по-

няла свою «сверхзадачу», так сказать. Её прислали для самого ГОРа, у которого жена вечно пребывала в беременностях и заботах о потомстве. Поэтому он и насмеялся над ней, поэтому пугал, желая, чтобы она прильнула к нему, как к защите от страшного дикого зигзага своей судьбы. Никто и никогда не тронул бы её, не прояви она сама такого желания. Никогда. Как поняла она потом. А в тот раз она ничего пока что не понимала.

Он посадил её к себе на колени, и как-то незаметно вышло, что Вика не сразу и разобралась, что сидит впритык к человеку, с определением которого так и не разобралась. Близкий он ей или же... Он же всё забыл! Вернее, сидя на самом этом человеке-монументе, она и очнулась от своих раздумий. Монумент он уже не напоминал нисколько. Он дышал в её смятённое лицо, в пылающие ушки, хорошенькие такие, любимые когда-то мужем её ушки, в маленьких мочках которых светилась россыпь бриллиантов, подаренных изменником, – Я тебя вспомнил, Вика...

– А я и не забывала... – ответила она, даря ему ответный поцелуй. – Только учти, я с женатым в связь вступать не буду.

– Даже иногда? – спросил он. – Тебе в тот раз не понравилось со мной?

– Мне понравилось, – не стала она ничего скрывать. – Ты дал мне уверенность, мою женскую, которую потом опять отнял у меня мой негодный муж. Он же вернулся, а потом опять ушёл... У тебя же здесь жена. Как быть с ней?

– Вопрос неправильный. Она как есть, так и останется моей женой.

– Я ситуативной любовницей не буду. Чтобы раз в месяц или пару раз в год... Тут слишком тесный мир. Под куполом. Кем я должна буду себя ощущать?

– Ты хочешь постоянной связи? – спросил он. – Так чем же тогда тебе не угодили те, кто именно такую связь тебе и предлагали? На выбор. Разве выбор здесь плох?

– У меня возникло такое чувство, что я кобыла на торгах.

– Кобыла лишена возможности выбрать себе того, кто и будет ею владеть. А тебе такой выбор дан. Не хочешь, живи соломенной вдовой. Как и привыкла на Земле после бегства своего соломенного мужа.

– Отличный у меня был муж. Но разлюбил. Что же тут поделаешь? Да я и сама-то... Не хочу я о нём и помнить. И не вдова я соломенная, а вполне себе невеста. Тили-тили тесто, где жених, коль есть невеста? – она засмеялась. Она уже сама стала целовать его в губы. Целовались долго, но с какой-то спокойной нежностью, как давно привычные друг другу супруги. Память о прошлой земной юности и породила такую вот глубинную почти родственную нежность. Она знала, что он никогда не полюбит её, как любит мужчина свою единственную женщину. Даже если и способен проявить сексуальное устремление конкретно к ней, к Вике, брошенной мужем, заброшенную на отдалённую планету немилостью земной судьбы. – Хорош ты, Рудик, не отрывалась бы от тебя

никогда. Но ты чужой муж. А я женщина порядочная. Мне к аскетизму не привыкать, и соблазны преодолевать я тоже обучена.

– Как же тогда в Подмосковье? Так сказать, «в глухих лугах остановлюсь, чтобы нарвать себе букет, кого-то там любя». Как там? Что было не так с твоим умением преодолевать соблазны?

– Я же сочла тебя свободным. Ты ничего не сказал о том, что привёз с собой жену с того Трола...

– Хочешь кофе? – спросил он, дав ей освобождение от своих объятий. Нет, так и не надо, не очень-то и хотелось. Так расшифровала его поведение Вика.

– Сразу признаюсь, здесь нет натуральных продуктов. Всё, кроме зелени, ягод и овощей, синтезировано. А в скором времени и фрукты будут совсем настоящие, как деревья подрастут...

Вика почувствовала, когда он быстро и умело изучал её через прикосновения, что он так и не вспомнил тех подробностей, чем были наполнены те мгновения их встречи у подмосковной речки. Просто потому, что они не являлись для него чем-то ценным, незабываемым.

– Ты помнишь, в какое платье я была в тот день? – спросила она.

– В каком платье? Кажется, в красном. Нет?

– Оно было в горошек.

– А, ну да! Нежно-розовое в белый горошек.

– Нет. Белое в чёрный горошек. Ты ещё обозвал меня сладким горошком. А ещё... заячьей капусткой. Почему заячьей?

– Трава такая есть. Свежая, мякотькая, душистая трава. Отрада для оголодавшего зайца, наверное, – откровения не казались обидными, напоминали дружескую успокоительную ласку. Она заглянула в глаза этого человека, зелёные и твёрдые, удерживающие её взгляд на чёткой и определённой границе. Он и не собирался пускать её внутрь к себе. Ничем не заманивал, не лгал, – «Так себе барахлишко, мягкое и серенькое, коли уж ничего нет другого, сошла бы и эта пока. А нет, так и не надо. Услужливых кошечек найти на раз, другой, и более атласные, к рукам привычные пушишки найдутся». – Эти его мысли о себе она, конечно, прочесть не могла, но понять сумела. А как знать, улови она хоть каплю его чувства к себе, жизнь на спутнике приняла бы и другой оборот.

После того, как она выпила суррогат кофе, вполне сносный и на удивление душистый, он попробовал повторить свой натиск. Раз уж пришла, чего ж отпускать, не солоно хлебавши?

– Отпусти меня, Рудик! – взмолилась несчастная Вика, когда рука его коснулась того, что до времени являлось неприкосновенностью, кроме предателя мужа, понятно. Рудольфа же она исключила из своего наличного информационного багажа ещё в то время на Земле, как печалилась о его исчезновении, поняв, что он её благополучно забыл. Сама же

себя навязала, кого винить? Так что окончательное забвение оказалось на данный момент взаимным уже. А где нет любви, нет и ревности. Нет и муки от любого откровения, чего оно ни коснись.

Она подумала вдруг о той непонятной женщине из ГРОЗ, ничего ей и потом не объяснившую, но присутствовавшую на её осмотре у врачей ГРОЗ. Рита Бете. Если судить по первому впечатлению, очень молодая. Но глаза...

Пронзительные, с льдистыми какими-то включениями в них, рассматривала её без всякого чувства, и как бы с некой тайной мыслью, вызывающей тревожный отзвук в душе Вики. Вика вовсе не была дурочкой. Тогда она подумала, что у этой женщины не всё в порядке с психикой. Она была осведомлена, какие вольности позволяют себе сотрудницы этой структуры – все бывшие космические воительницы и вообще мало стандартные. Они редко любят мужчин, так она о них слышала, но её-то это как касалось? Древние, как сам мир, пороки не желали покидать насиженных гнёзд в человеческой коллективной душе, переползая из века в век, частично угасая, частично и размножаясь...

Вике оставалось лишь проклинать собственную веру земной дурочки в прекрасные качества людей Земли, в то, что всё тёмное и злое осталось в прошлом человечества. Содрогаясь при мысли о сексе с нелюбимым и не любящим её человеком, кем он тут, на Спутнике Гелия ни будь, – да зачем он и нужен в таком случае? – она ужасалась параллельно той

альтернативе, что и озвучил Венд. Жить соломенной вдовой и дальше. Тогда ради чего было покидать Землю? Ради наглых и низменных молодчиков, ждущих за стенами отсека их шефа, и вообще за любыми стенами? Приступ отчаяния сдавил её горло, она закашлялась сухим истеричным кашлем. Сцепив маленькие, но искусные ладошки профессионального врача, сжав их до онемения суставов, Вика смело сказала Венду, хотя и было ей страшно.

– У меня за всю мою жизнь был только один мужчина, мой муж. И один возлюбленный, так и не ответивший мне взаимностью. Ведь сам же понимаешь, что считать взаимностью ту нашу встречу, о которой ты забыл, я не могу. Муж предал меня или разлюбил, и никакого предательства тут и нет. Тот, о ком я грезила в снах, так в тех снах и остался. И я просто отсталая от современных норм женщина, родившаяся не в своё время, в далёком будущем, а надо было, видимо, мне родиться в тёмную эпоху косных представлений о морали и верности. Я могу заниматься сексом только по любви. И никак иначе. Я не сумею быть служебной женой. А если это будет, то я... – она опять закашлялась, словно от удушья в вакууме. – Отпусти меня с первым же звездолётом в сторону Земли!

Венд засмеялся, но глаза его потеплели. Ему было приятно смотреть на неё. Вика почувствовала.

– Иди к себе, – сказал он, даря ей надежду защиты, – тебя не тронет никто. Это же была игра, какой развлекают себя

наши мальчишки. Но многим нравится, чтобы никакой семейной ответственности. Здесь, – пояснил он, – не Земля. Здесь не работают предрассудки цивилизации, но никого и ни к чему тут не принуждают.

Вика ушла, унося в себе твёрдое намерение – бежать отсюда с первым же звездолётом, и Венд обещал не чинить ей препятствий.

– Ты не торопись. Посмотри непредвзято, вдруг тебе и понравится здесь. Не сейчас, конечно, но через некоторое время. Здесь же отличные ребята, хотя многие из них и оступились в прежней жизни. Довольно часто это происходит не от ущербности, а от избытка жизненных сил молодости. А добродетельных старцев, ты же видишь, тут нет. Исключая меня.

– Ты старец? Это заявка на комплимент? – удивилась Вика.

– Рад, что ты всё помнишь. Отлично мы с тобой позагорали и побрыкались на том лужке! А уж кто был конём, кто кобылой, судить тебе.

– О каком лужке речь, Рудольф Ростиславович? Вы, наверное, так веселились после своего прибытия на Землю, что всех своих девушек приглашали на некий лужок. Проверяли свою боевую прыть, как я понимаю?

– Ну, старушка, у тебя и впрямь старческие проблемы с памятью, – он рассмеялся весело, но обидно для неё. Ведь он обозвал её «старушкой», а в какой степени это было прав-

дой, в какой ложь, она же не знала. Может, он и считал её старой? От сердца же отлегло. Дружба не утрачена, обиды отказом не причинила. Она ему не очень-то и нужна. Другие «пушишки» уж точно есть в наличии. Когда жена на сносях, это же проблема даже на удалённом объекте для такого-то космического вездехода.

Как счастье с лицом Артура само пришло к Вике

На другой же день к ней в медицинский отсек, специфически женский, пришёл высокий и красивый парень. И от его нешуточного великолепия, и от удивления, от какой такой хвори он пришёл сюда исцеляться? – у Вики дыхание приостановилось. Парень же рассказал ей, отец поведал ему о том, что новенькая врач была подругой его матери. Он и есть сын Лоры, и ему захотелось с ней поболтать о матери, о прошлом. Но Вика-то поняла, не прошлое его интересует, а она. Он тоже одинок.

Вика взглянула в его искристые синие глаза с девичьими ресницами, наследием матери, которая славилась у них красотой, взмахивая ресницами как мини-веерами. Но рот его был твёрд и мужественно очерчен, плечи поражали своим атлетическим размахом. У Вики дрогнуло и куда-то поехало вниз её сердце. Он пришёл оценить её, и в этом не воз-

никло у неё сомнения. Ему претили дамы общего употребления. В этом фантастическом месте могли сложиться самые фантастические комбинации человеческих судеб, завязаться нереальные для Земли контакты, реализоваться невозможные проекты будущего. Здесь земные замарашки могли найти и находили временно опальных принцев.

Вика оживленно засуетилась, засмеялась как колокольчик, порозовела широкоскулым лицом как юная девушка. Полезла за чашками и чайной спрессованной в кубики заваркой, за герметичными коробками с деликатесами, которые имела для уединённой и только своей личной радости, болтая с ним так, как будто он родной и пришёл к ней как самое долгожданное чудо. Возбуждение зашкаливало, психика, её устойчивая психика, дала очевидный крен в сторону неадекватности. Но парень радостно засмеялся ей в унисон, радуясь её невероятной открытости и доброте, сам будучи и открытым, и добрым. И заметно неуверенным, деликатным с женщинами, как поняла вскоре Вика. После нескольких весёлых и открыто-доверчивых чаепитий у неё в медотсеке Вика перебралась к нему жить. Пришлось ей самой проявить инициативу, но он был нисколько не против.

И был забыт муж, и сам столь долго и безответно любимый, во многом придуманный Венд из её мечт-снов, получил от неё только горячую внутреннюю благодарность. Забылось намерение о скорейшем отлёте – бегстве. Женщины приняли её в свой интимный домашний круг общения, а молодые же-

ребцы оказались впоследствии милыми парнями, и никто не задевал её ни словом, ни взглядом. Хотя она и узнала много тут такого из жизни других людей, о чём никогда и не подозревала на Земле. Но так было тут принято, что женщины семейные не общались с женщинами свободными, хотя и не высказывались на счёт друг друга никак. Просто жили параллельно, не пересекаясь, под одним куполом их общей оранжереи, но на разных грядках.

Сложные размышления Вики по поводу Ксении

Ксения же стала исключением из правил. Она жила на своей персональной клумбе. Одна. Где-то сбоку уютился необщительный Ксен. Общалась она только с Викой из числа женщин.

. Глядя на её извилистое тело сквозь прозрачную зеленоватую воду, Вика опять произнесла уже шёпотом:

– Б... – и повторила, – блудница, – злясь на неотменяемую никаким их всеобщим женским остракизмом красоту купальщицы.

«Прикрылась своим бесполом чудачком, дырка ты космическая!» – тут была неприкрытая ревность, бабья зависть, страх за своё положение любимой жены Артура. Но почему она её так тревожила? Разве Артур не принадлежал ей, Вике? Но Вика чувствовала, да и видела в столовом отсеке, где

рано или поздно встречались и сталкивались все не настолько уж и многочисленные обитатели города, что он не равнодушен, хотя бы и глазами своими, видя на дне этого Галактического рукава женщину, подобной которой и на Земле не часто встретишь. Чего она тут забыла? Таким ли тут и место? Такая и на Земле не валялась бы в уценке, даже при том, что была она ношена, переносена на все лады и размеры.

«Ишь, как перелицевали, хабалку», – злилась Вика, – «как девственница задницей твёрдой мерцает, и грудь переделала, ради кого тут»?

И не могла ничего себе объяснить, помня былое сверкание Ксении в их отдалённой уже студенческой молодости. Сколько горя доставила она Лоре, став причиной крушения семейного счастья той, и ребёнок не стал препятствием. А ребёнок? Это и был он, её Артур!

– Почему у тебя такой некрасивый и мелкий муж? – спросила Вика, давно отвыкнув от утончённых церемоний земной цивилизации, будучи и до этого достаточно простой и открытой. – Или ты считаешь, как в пословице: маленькое дерево в сук растёт?

Ксения, которую именовали тут Клариссой, а правильное, не именовали никак, с ней же не общался никто из женщин, надменно и возмущённо сверкнула глазами. У мужиков было для неё много ласкательных имён – «ириска», «нарцисса», за её самолюбование и созвучие с её сложным именем, да и ещё как-нибудь на своём жаргоне в закрытом мужском

кругу, непереводаимо на язык культурного общения. Они все её хотели и злились из-за этого, не могли не злиться.

Глаза Клариссы – «нарциссы» были удлинёнными, несколько приподняты к вискам и пленительны объективно, даже для критической оценки Вики. Как ни относишься к ней, а красота её была бесспорна. Вике было очевидно, как низко ставила она её, Вику, в сравнении с собою. Она не собиралась обсуждать своего мужа ни с кем, а уж тем более с глупой коротконогой врачихой, не смыслившей ни в чём, кроме своего акушерского ремесла.

– Ну да, ты же специалист по проблемам пола, по митохондриальным ДНК, – Ксения издевалась, не веря ни в какую такую генетику в принципе, а не только подвергая осмеянию познания самой Вики. Она распласталась нагишом на матовом бледно-зелёном полу помещения у края бассейна. Она была похожа, белая и полупрозрачная в своей нежности, на туманном как нефрит полу, на картину из тех, что любил Артур, поклонник древнего, да и современного живописного мастерства. На Диану с картин художников невысказанной древности, вроде Коро или Альфонса Мухи. Вика запомнила эти имена, как и сами картины, виденные в музее где-то давно на Земле. Запомнила, потому что старинную живопись любил и Викин папа. Несовременный папа воспитал такую же несовременную дочь Вику. Особенно одна запомнилась, где на перламутрово-зелёном фоне леса прекрасная белоснежная женщина, вне стилей и вне эпох прекрасная,

женственная и волшебная, полуявь – полусон, любовалась на собственное отражение в изумрудном водоёме. И подлая Ксения была подобна ей своими формами, своей вневременной грацией, своей божественной по замыслу, святой по воплощению и греховной по использованию красотой.

И заняло её сердце – вещун. Уведёт она у Вики её Артура. Не для неё, коротконогой Вики, с глазками – тёмными, влажными ягодками, с сердцем ласковым по-матерински, бескорыстным и любящим, такой вот красавец Артур. Самый пригожий и не по достоинству ей отломившийся, а благодаря только временному личному одиночеству из-за места своей временной же службы.

«Уйдёт»! – решила Вика. Не сможет эта кошка – лакомка по кличке «Ириса» пройти мимо того, кто тут заманчивее всех. Вика, а злость стимулировала её хамство, изучала медный, аккуратно подбритый лобок красавицы, раскинувшей стройные и длинные ноги с выточенными, как в мраморе, коленями, видя её девственные по виду, потаённые обычно, места.

«И там она рыжая! Ну надо же», – и Вике хотелось отметить Ксению, её полуоткрытое сейчас нежнейшее вместилище для того самого, чем так гордятся здешние молодые жеребцы. И её тянуло на бесстыдные, непристойные вопросы, – У тебя много мужчин было? Тебя любил хоть кто по-настоящему?

– Много, – Ксения была равнодушна и преисполнена чув-

ства собственного и непревзойдённого совершенства, как оно и положено богине. Мол, не то, что тебя, низкозадую. – А без моей ответной любви к чему бы они мне были нужны?

– Ну и как? Все разные?

– Твой муж Артур похож на твоего бывшего мужа?

– Нет.

– Чего же спрашиваешь об очевидном?

Но Вика, задохнувшись от собственной низости, пёрла, как и положено хамке, до самого края непристойности, – Тебя целовали в интимные места?

– А тебя? – спросила всё так же равнодушно Ксения.

– Мой муж, – решила открыться Вика, как же иначе вызовешь на откровенность другую женщину, закрывшись сама, – никогда не делал такого. До появления Артура я и не знала о таком дивном сексе, какой был, да и есть у нас с ним. Не знала, что можно быть настолько счастливой. Считала, что женский оргазм – выдумка литераторов и лгуний-женщин.

– Что же муж? Не любил тебя, если не ласкал?

– Любил, ласкал, но полного раскрепощения между нами не было. Я ли не хотела, он ли не умел, но потом в силу многолетней привычки мы весьма охладели к подобным делам. Работа поглощала его целиком. А я тоже без дела не сидела.

– Или же другие женщины его поглощали. Жаль тебя. Что ты прожила столько лет не обласканной и зажатой. – Ксения села рядом, свесила ноги в воду, лениво колыхая ими в воде,

нисколько не стыдясь полной наготы. – Я бы с таким и дня не прожила.

– Если бы он был, как твой Ксен, я бы и от поцелуев его сбежала, – ответила Вика обиженно.

– При чём же тут Ксен? – Ксения забрызгала Вика водой, – Ксен моя ограда, чтобы козлы в огород не забредали.

– Ты ему верна? – Вика пыталась ещё больше расширить свои узковатые глаза.

– Верна душой. А так, я по жизни всегда свободна.

– А твой будущий ребёнок чей?

– Ты же врач, специалист по этой митохондриальной ДНК, – Ксения продолжала насмешничать, даже откровенничая. – Всё равно поймёшь, когда будешь проводить своё исследование. Он от Венда. Надеюсь, это наша тайна?

– Конечно! – у Вики отлегло от сердца. Так радостно она вскрикнула это «конечно»! – От шефа? Он любит тебя или вы взаимно только развлекаетесь от монотонных будней? Ты знаешь, я всегда считала избыточно здоровых мужчин не способных к тому, чтобы быть им нежными любовниками. Такие всегда пекутся лишь о себе. Да и эта его подавляющая властность...

– То мелок, то здоров, кто же идеал?

– Ведь он нравился тебе в молодости. Да? Я могла бы и догадаться. Ты же хотела его увести от Лоры. Но кто мог знать ваши тайны, Ксюша. Не обижайся на мою простоту. Тут мы все грубеем, становимся проще, забываем условности далё-

кой цивилизации.

Ксения усмехнулась, – Увести? Да это я, дура, отшвырнула его сама в объятия к Лорке. Будь я не такой идиоткой тогда, он рядом бы с Лорой не оказался. Искренней я была, если перевести это на человеческий язык, а зря, понимаешь? Нельзя с подобными проявлять такую вот зашкаливающую искренность. Тут ты права. Эгоизм без границ, инстинкт собственника. Нельзя мне было настолько расчехляться своей душой, пусть телесно я полностью и открылась! Будь я хитрой, двуличной, как та же Лора, так и жила бы эта Нэя на своей тёмной планете...

– Столько лет прошло... А ты всё помнишь? Так ты ради него сюда прибыла? – Вику переполняла благодарность, будто Ксения только что вернула ей уже потерянного мысленно Артура. Она прижала маленькие, но крепкие ручки к своей всё ещё привлекательной и пышной естественной груди. Сердце – вещун успокоилось, поняв, что тревога ложная. Пристыженная Вика была готова обнять и расцеловать Ксению. Она прощала ей непростительную красоту.

– Сколько я тут живу, Нэя вечно ходит то беременная, то кормящая, то, как кенгуру с сумкой впереди, где сидит её ребёнок. Представляю, как жадно он на тебя накинулся. Что ни говори, старая любовь не ржавеет. Истина древняя, но тоже не ржавеет. А вот ещё есть поговорка, мой папа же был искусствовед по профилю образования, хотя и не работал никогда в сфере культуры. Он был специалист по нанотехноло-

гиям в подземных заводах. Но много знал древних острот. Да вот. Ночная кукушка дневную перекукует. Это для такого случая, как твой. Но ГОР Венд, мне так кажется, с любой готов.

– Тебя что ли хотел? – лениво усмехнулась Ксения.

– До этого не дошло, конечно. Но думаю, он не был против, когда я только что тут возникла. Я отказалась. Это же было до тебя. А до твоего появления я тоже была для них всех заманчивой, потому и выбрала лучшего из них.

– У него была лишь игра. Глаза всюду лезут, но он привереда. Лишь бы с кем не будет никогда. Я тоже такая. Люблю дразнить глазами, но не буду с кем попало. Могла прежде и годами жить в одиночестве, если не любила. А я...

– «С кем попало» – это я? – обиделась Вика.

– Я обобщаю мысль. Причём же ты? Если тебя выбрал первый красавец на спутнике, какая же ты «с кем попало»? Эта Нэя, она какая? На вид сушая дурочка.

– Конечно, дурочка, – согласилась печально Вика, – если не понимает и не видит, каков её муж.

– А ты видела и понимала, пока я не открылась?

Вика промолчала. Нет. Ей и в голову не приходило заподозрить Рудольфа и Ксению.

– Это не измена. Он не нужен мне как муж. И её место мне без надобности. Мне нужно только одно. Родить ребёнка. И ты дала слово, свою эту клятву Гиппократа.

– Причем тут «Клятва Гиппократа»? Но я всё понимаю,

Ксюша. Никто и ничего не узнает. Здесь у меня, вообще, всё перевернулось в голове, все прежние представления, и я научилась хранить чужие тайны ещё в молодости, как врач.

– Первое время мне было настолько плохо, что я решила, – пришла моя погибель, и я рассыпаюсь. Проснусь однажды на том свете. Я боюсь врачей, ты понимаешь? Это вроде невроза. Легче умереть, чем к ним сунуться. Но, к счастью, быстро всё нормализовалось, даже тошнота прошла. Утром я просыпаюсь, как в своей юности. Лёгкая, не отягощённая ничем, словно позади ничего и нет. Впереди только счастье. И я упиваюсь этим утренним счастьем. Что это?

– Ты счастлива тем, что станешь матерью. Лёгкая беременность, и роды будут легкими, так и бывает, как правило. Видимо, у вас с ним столь полное слияние, столь гармоничное, или же ты столько жаждала своего материнства, что твой организм ликует.

– Но это длится только миг. Когда ты знаешь, что уже не спишь, а плавать во сне так сладостно. Но надо вставать, отринув сон. Так и я. Миг счастья и реальность как наказание за него. Давит и гнетёт, не дает удержать это счастье в себе, как незаслуженное мною. Но я хочу счастья и хочу ребёнка. Я преступница?

– Нет. Успокойся. Никто и ничего не узнает. И будь счастлива подаренным тебе шансом. У тебя к тому же заботливый муж, хотя, если честно, он чудак, так считают все, он больше отец тебе, чем муж, и это даже по виду так. И отец довольно

беспечный, настолько и распутивший свою доченьку... Ой!

Как Вике хотелось утопить Ксению

Ксения не дрогнула ни единой жилкой, ни единым сантиметром мимической мускулатуры статичного чудесного лица. Вика даже не была уверена, что услышана прелюбодейкой, присвоившей себе облик вечной девственницы Дианы с картины старинных художников. На мгновение ей захотелось ткнуть самозванку в упругий бок со всей возможной силой своим сильным профессионально натренированным кулачком. Чтобы она кубарем слетела в оскверненный общественный бассейн, где посмела заниматься по ночам сексом с чужим мужем и всеобщим владыкой. Чтобы захлебнулась, пусть и каждодневно очищаемой, а всё равно осквернённой водой. Назвать подобные отношения любовью? Вот уж нет! Будь у Вики сила Артура, да любого мужчины, она бы схватила Ксению за волосы и держала бы, пока та не...

Вика очнулась, подумав о системе слежения, пронизывающей всю территорию под куполом, а также вниз на несколько уровней. Она ненавидела эту женщину уже вдвойне за собственные недостойные мысли, за опрокидывание своих чувств куда-то в агрессивную взлохмаченную дикость, откуда та и зарычала настолько неожиданно для тихой, всегда безукоризненно причёсанной Вики. Она судорожно пригла-

дила свои мокрые, тёмные и густые волосы с модным серебристым отливом. Такой их цвет сотворила ей одна из женщин, бывшая в молодости дизайнером по причёскам, а Вика, никогда прежде не экспериментировавшая над своей внешностью, живущая с собою в ладу, на спутнике превзошла и самых молодых, всё свободное время посвящая своему украшательству и возможному тут улучшению. Слишком много женских глаз было устремлено на её Артура, и ей нельзя было опускаться и почивать на лаврах. Даже при количественном превосходстве мужчин женское соперничество никуда не исчезло. Да и прошлый земной опыт подстёгивал Вику держать форму и, опять же по возможности, фасон. Она жадно впитывала советы мастериц женского соблазна, осваивала мастерство собственного украшательства и, живя в скудной отдалённой космической среде, давно уже превзошла ту простенькую незатейливую Вику, каковой была на благоденствующей изобильной Земле. Скуластое лицо и восточный разрез глаз – такой вот облик унаследован был из неких глубин неоглядного родового котла, не иначе. Родители были классическими жителями среднерусской равнины, русоволосые и светлоглазые, а дочка ни в мать, ни в отца, что называется. А и тут Вика стала ценить в себе оригинальное сочетание черт, уверенно считая себя неповторимо-очаровательной, и многие мужчины этого не опровергали своим поведением. Мнение же тайных соперниц, а они были, были! ей было без надобности, поскольку такое мнение не бывает справедли-

ВЫМ.

Вика отпрянула от прохладной, хрустально-зелёной воды бассейна, будто вода эта стала кипятком и ошпарила не существующим паром. Ксения лукаво следила за выражением лица ласковой по виду собеседницы пронизательным, изумрудным и искристым глазом, скосив его вбок в сторону Вики. И Вике стало жутковато от пронизательной этой искорки, от всей ведьмовской сути той, кого она свысока считала нереализованной неудачницей, ставшей космической бродяжкой.

– На Земле ты и забудешь, скажем так, не совсем честные обстоятельства приобретения своего счастья, – продолжила она сладкозвучно и мягко, как и положено опытному профессионалу своего целительного ремесла – врачу. – Но само счастье останется с тобой. Ты станешь матерью. Без материнства женщина не раскрывается полностью, оставаясь по жизни как бы недоделанной в чём-то. Многие зоны мозга, потенции женского существа так и остаются в летаргическом сне. Увидишь, ты станешь другой. Мир откроет тебе новые необычные грани. Тебе скажет это любая мать.

– Ты добрая. Спасибо тебе. – Ксения погладила Вику по бедру столь ласково и шелковисто, что Вика вздрогнула от её колдовской ласки. И отодвинулась, как от источника неизвестной опасности. Не смотря на её усилия принять и понять эту Ксению, она не внушала Вике доверия, и в глубине, почти не осознаваемой, что-то мучительно стонало от предчув-

ствия беды, заключённой в бесподобной женщине. Для них для всех. Для Нэи, для Вики, для Артура и для Рудольфа.

Как Вика разгадала Ксению

Сегодня ночью они купались в бассейне, и Ксения точно так же сидела на его краю. Он подплывал и хватал за ноги, прижимаясь к тому, что цинично изучала нестройная и тупая врачиха. Казалось, его губы способны только на ласку, только на любовь, и было странно думать, сколько жестоко-стей и грязных ругательств изрыгали они за всю свою жизнь. Ксения прыгала в воду и с визгом висла на его шее, задыхаясь от поднятых брызг, от своей любви. Даже прохладная вода не могла остудить её раскалённого влечения, и она обвиняла его, как подводная змея, желая жалить и обладать и не желая отпускать свою сильную, но и беспомощную жертву. Вода растворяла её вес, хотя для него её вес мало что значил. Вода была соучастницей их близости, она всё ещё хранила в себе память об их новых и таких старых играх. Вода продолжала напоминать Ксении о ночной встрече, отдавая остаточную ласку, когда она сидела и болтала с Викторией, лизала её ноги своим подвижным хрустальным языком, – специальное устройство создавало движение воды, её обманчивое течение, как в живом озере, где бьют подводные родники.

– Ты любил здесь хотя бы раз свою жену? – спросила у

него Ксения, царапая ревнивым взглядом смеющиеся и зелёные, как вода, глаза, вонзая в его плечи игривые коготки.

– Нет, – лгали его зацелованные ею губы, – только тебя, рыжая бродячая киса.

И Ксения вонзила ногти глубже, мстя за ложь, но будто продолжая играть.

– Я уверена, что это и не бассейн у вас, а купель для блуда.

– Если смотреть на мир через зелёное стекло, что увидишь? – спросил он всё так же радостно.

– Что и увидишь, кроме всё той же пошлости, в которой рождаешься, живёшь, тешишь себя иллюзиями неземных прорывов куда-то, и пошло буднично умираешь старой рухлядью всё равно.

– Но ведь всё будет казаться зелёным, если смотреть через зелёное стекло.

– И что?

– А то, что блуднице всюду мерещится блуд.

– Я блудница?

– А кто? Забыла, как совратила меня на моей свадьбе?

– Что же ты, праведник, побежал за мною в лес?

– Потому что ты всегда была ниже пояса. Ты никогда не ведала приличий ни в чём.

– А ты?

– Я же мужчина. А чего хочет женщина, тому не противится и Бог.

– Всё извратил. Почему не устоял тогда, понятно. Мы бы-

ли молоды, не успели ещё остыть друг к другу. Но сейчас? Тоже скажешь, чего хочет женщина? Сам ведь утащил меня к себе. Сам ведь хотел этого?

– Жизнь проходит, а моё влечение к тебе – нет.

– Почему не говоришь – любовь?

– Я люблю жену.

– Врёшь, не любишь! Уже.

– Уже?

– Уже! – и они хохотали от глупого слова «уже». Оторвавшись от смысла целого предложения, оно звучало нелепо...

...Ксения шумно и вслух вздохнула, освободив в себе ночные ощущения. Вика смотрела пристально, не отрывая взгляда от голой груди Ксении, будто примерялась, куда нанести удар острыми зубками, скрытыми за полными, всегда готовыми к улыбке губами. Она притворялась добрейшей, простейшей, но была хитрой и завистливой. И вероятнее всего, думала о ней Ксения, она и сама искренне верит в свою душевную пригожесть, в свою вселенскую отзывчивость, не обладая тонкой способностью к самоанализу. Широкоскулая маска фольклорной азиатской куколки срослась с нею с молодых лет. Такой она была и в студенчестве. Всем родная, всем своя, и никому никогда не интересная.

Ксения прикрыла тончайшими лепестками век туман своих глаз, медные ресницы затрепетали на белом нефрите влажных щёк. Если присмотреться, можно было рассмотреть и глубинные прожилки под тонкой, и скорее всего очень

уязвимой кожей. Вика изучала её с неуместным профессиональным интересом, а вовсе не с завистью, как решила Ксения. Зависть кольнула, но быстро ушла. Вика понимала то насмешливое и лёгкое презрение, которым было напитано отношение Ксении к ней, да и ко всем тоже. Но интерес к этой женщине был сильнее в ней желания отторгнуть её, как и все прочие женщины на спутнике. Ей словно передалась чувственная расслабленность Ксении. И Вика неожиданно, вот также захотела раскинуться на обманно-нефритовом полу, как эта женская обманка, девочка на вид. Шлюха, накопившая в себе яд многолетнего порока. Стареющая змея, сбросившая свою поношенную тусклую шкуру, нарядилась в блестящую и юную. Но не сменила ни свои ядовитые железы, ни свои привычки. И взбудораженное воображение нарисовало Вике, как бродит вокруг Ксении её муж-красавец, как сужает он свои круги, а она, нескладная и неопытная в подобных играх Вика, никогда не уводившая чужих мужей, не имевшая любовников, ничего не сможет запретить ему или отменить его влечение.

Ксения закинула руки за голову, открыв нежные подмышки, и засмеялась.

– Ты думаешь, – спросила она у Вики, продолжающей всасываться взглядом в её грудь, – что красоту можно создать искусственно? Но искусственное подобие будет муляжом красоты живой. Если нет в человеке незримой ауры красоты, всё искусственное будет удручать своей мертвечиной.

Однажды я нашла в музее, в старой тёмной комнатке-чулане прекрасную маску Коломбины, явно созданную руками художника, а не штамповку, и примерила на себя. Каким страшным и пугающе безжизненным было моё лицо в ней.

Ксения умолкла, уносясь в своё отвлечение от уродливого давящего мира. Любовь к размышлениям, став её лекарством, делала её чудной, и в этом смысле она была пара своего чудаку Ксену. Она уже не слушала болтовню Вики, уже забыла о её драгоценном Артуре, к которому её ревновала смуглая и глупая врачиха без всякого стеснения. Впрочем, такие глиноподобные изваяния и не могут обладать тонким самовыражением, у них всё и всегда написано на лице. Вика не понимала и не могла понять, что она, Ксения, была уже давно, со времён своей неудачливой молодости, остужена душой и поэтому была выше своей похоти к чужому мужу Рудольфу, была над ним. Она представила сверху его бритую голову, когда он заходил в своем преступном оргазме, в своём прелюбодеянии, а она только подлаживалась под него, была вонне себя, парила сверху и смеялась над его бритой макушкой. Ксения опять засмеялась вслух. Вика засмеялась тоже, чем усилила смех Ксении.

– Ты над чем? – обиженно спросила Вика, решив, что она смеётся над ней. Причину надменная красавица могла и найти в её отнюдь не идеальном облике, обычном, или же она кажется ей неразвитой?

– А ты?

– Разве я рассказывала нечто смешное? Или я клоунесса?

– Прости. Но я отвлеклась и не слушала. На меня это не
ходит.

Вика и её подлость

– Я рассказывала тебе о Нэе. Четвёртая беременность
здесь, но по счету она у неё седьмая.

– Ужас! Никогда бы не подумала. Но её старшая дочь, та,
что осталась на Земле, не её, – поправила Ксения.

– Так у неё и на том Троле был ребёнок. Чудовищная ис-
тория. Какой-то её воспитатель, кажется, но не простивший
ей чего-то, похитил мальчика и где-то спрятал на далёких
островах. Там он и живёт сиротой, если живёт. Тот старец
погиб давно, и с кем там утраченный сын неизвестно. Для
Нэи это незакрытая рана. Не скажу, что и для Рудольфа, по-
тому что его души никто не видел в наличии, так глубоко он
её прячет, как Кощей какой. Я ей сказала, хватит тебе. Всё.
Твои близнецы должны быть последними. Здесь рождаются
ослабленные дети.

– Как же ты сама?

– Я в этом смысле близка к идеальной норме. Двое вырос-
ли на Земле, двое здесь. Всё. Что касается тебя, мне слож-
но тебя обнадеживать. В таком возрасте, в иноземной среде,
может быть всякое. Искусственная красота это одно, а реаль-

ное здоровье? Будем тебя изучать.

«Ага! Искусственная красота! Застит вам глаза моя красота. Идите и сделайте себе такую. Фиг вам, а не красота. Никто тебе ничего не сделает, коли своей Бог не дал».

Ксения продолжала улыбаться, представляя себя маской Коломбины, и её застывшая улыбка казалась Вике симптомом какого-то не выявленного душевного заболевания.

– Моя мама была верующей. И с точки зрения верующих людей, их заповедей, мы с тобою обе прелюбодейки. И нас не возьмут в рай.

– Я – прелюбодейка? – возмутилась Вика, – мать четверых детей? Муж разлюбил меня, и я полюбила другого, он не был против этого. Мы родили двух прекрасных детей, и я живу с ним, со вторым человеком своей жизни, и других для меня не существует. Вот ты – да. Муж есть, детей нет, любовник – чужой муж даёт тебе ребёнка. Ты с позиций этих заповедей и есть прелюбодейка.

– Но я любила его всю жизнь. Он стал моей болезнью. Вначале хотела найти того, кто его заменит. Хотела простого женского счастья, тихой гавани, детей. Но никто не смог внушить мне любви. В чём моя вина? Скажи? И вот я, наконец, рожу ребёнка от человека, которого люблю. Муж всё знает, дал согласие принять это. А он, чужой муж, мне не нужен для дальнейшего. Пусть любит жену и детей. Я грешница? Если хочу счастья материнства, которого у меня не было на Земле? Если жизнь скомкала мою судьбу, как неудачный рису-

нок на тонком листе, и я всю жизнь скребусь лапками в этих изломах и дикой многомерности такого, в общем-то, гладкого и открытого вначале моего листа судьбы. Но он был скомкан, брошен в отходы, в мусор. И этот лист – моя единственная и неповторимая жизнь, и мне не дадут другого листа. Всю жизнь я разглаживала эту смятую поверхность, пытаюсь дорисовать свой рисунок. Разве я не понимаю, что жизнь моя мятая, и рисунок крив? Но что мне делать? А он говорит: «Столько слов о пустяках. Захотели и купаемся в бассейне. Захотела и рожай. Никакого прошлого нет, нет никакого листа. В жизни всё просто, сложно всё в твоей глупой голове. Жизнь – поток вечно изменяющейся информации, необратимо меняющей и саму эту Вселенную, всегда, постоянно меняющуюся, будь то в развитии её миров, будь то в их разрушении». О, как я это понимаю. Только в миг крайней муки открывается вдруг обольщающее всегда окно мира в его изнанку, а там гудит, как бескрайняя степь, абсолютная пустота. «Абgrund».

– Аб – что? И как это абсолютная пустота может гудеть?

– Это же немецкий язык. Абgrund. Означает бездну. Неодушевлённую, или правильнее, неоформленную, лишённую смысла в человеческом понимании, материю, хаос. Так примерно. Жизнь всегда подвешена над бездной. Так он и говорит: – «Позади уже ничего, впереди ещё ничего. Так что и радуйся этому бассейну, тому, что есть».

– Бассейну? – переспросила Вика, глядя на неё, как на

умалишённую. – Ксюша, ты бы, когда вернёшься на Землю, обратилась в Центр психического восстановления. Но думаю, что ребёнок вернёт тебе утраченное психическое равновесие.

– Когда у тебя рухнул семейный мир, ты не чувствовала себя инфузорией, смятой в бумажном листе, в непостижимом коме, из которого все пути вели в тупик? А ведь казалось, какая белая и ровная была жизненная поверхность твоего листа.

– Нет. Никакого кома. Всё было ясно. Разошлись и всё. Дети выросли.

– Ты просто не любила его.

– Как же не любила, если всю жизнь, пока росли дети, мы были вместе.

– Артура тоже любишь?

– Да. Если родила двух сыновей, то что это, если не любовь?

– Нэя любит мужа? Как думаешь?

– Да. Любит. И это грех, если говорить в понятиях твоей мамы, рушить их семью. Комкать, как ты говоришь, её гладкий лист.

– Он у неё гладкий, думаешь?

– Уверена.

– Но у неё такие печальные и странные глаза. Вот у тебя всё просто, и глаза твои ясные, и у Артура тоже. Красивые и ясные.

– Ты смотрела ему в глаза? Когда это?

В узких глазах Вики закружились глубинные и острые песчинки, она заморгала, словно пыталась рассмотреть Ксению на просвет и уличить в захвате ещё одного чужого мужа.

– В столовом отсеке. Где же ещё? Сидели рядом и болтали. Ругали помидоры Ксена с кожурой, похожей на несъедобную бумагу.

– Ах, да! – Вика успокоилась так же быстро, как и взбаламутилась. Она сама же и затеяла волнение по поводу невкусных помидор из овощных оранжерей.

– Любить такую женщину как ты, – сказала она вдруг, – это счастье для любого мужчины. Ты невообразимо красива. Вообще же я впервые вижу, чтобы женщина с природно-рыжими волосами была настолько необычна. Ты гораздо больше Нэи походишь на инопланетянку. Может, в твоём происхождении скрыта некая тайна? Я слышала, что твой отец и твоя мать побывали в весьма загадочном месте, откуда никто не возвращался живыми. Что там с ними произошло?

– Мне об этом никто не докладывал, – безразлично отозвалась Ксения. – Мало ли кто и где побывал. Я же на Земле родилась.

– Но видишь, красота не принесла тебе счастья, – вздохнула Вика. – А меня любит самый красивый мужчина здесь. Да и мой бывший был недурён, любил меня много и много лет. Но красивой я не была никогда. Как смеялся надо мною один космодесантник из здешних, у меня попа низкая и но-

ги коротки. Но это никогда мне не мешало. И не мешает, – она засмеялась, довольная собой, своей попой, короткими ногами, да и всем под этим куполом. Её ямочки играли на припухлом и милом лице, и было невозможно представить её страдающей и несчастной.

Ксения тоже засмеялась и спихнула её в бассейн, подняв там мини цунами. Но объёмное и коротконогое тело Вики было не способно утонуть. Она, надувая свои и без того круглые щеки, возмущённо отплевывалась, но Ксении уже не было, она ушла в раздевалку.

– Ах ты, б...барракуда! – Но сказать Вика хотела другое слово, не зная смеяться ей или злиться. Всё зависело от чувства, вложенного Ксенией в столь сильный удар. Было это игрой или выражением её презрения, Вика не понимала. Как никогда не понимала и того человека, кто был отцом Артура и их всеобщим шефом. Любил ли он Артура или был к нему равнодушен? Презирал ли подчинённых, о которых заботился и был, по возможности, справедлив ко всем? «Двое ненормальных», – и это был её нелестный приговор им, Рудольфу и Ксении, так называемой Клариссе. Какой злоумышленник взорвал некогда их, столь очевидное ей, единение душ и запустил в них процесс распада, опасный для окружающих? Вика не знала, но как-то понимала причину неудавшейся жизни таких ярких людей, Рудольфа Венда и Ксении Вороновой, сейчас Клариссы Зотовой. Но какое отношение она имела к этому чуду –юду Зотову? Никакого. Ни внешнего,

ни внутреннего. Ни со спины, ни спереди, и ни с какого бока припёка.

Любовь и ненависть Вики к прелюбодейке Ксении

Ксения неожиданно вернулась. Она была уже в халатике и принесла Вике полотенце. Стала нежно растирать её спину, как мать или сестра.

– Ты мне как родная. У нас с тобой общее прошлое, юность. Но я почему-то не помню тебя. Почему мы не общались? Если ты была подругой Лоры, с которой я тоже дружила.

Ксения опять села и свесила ноги в воду. Вика, кряхтя, уселась рядом, укутанная в большое полотенце. Думая о том, что Ксения может быть гораздо опаснее, если утратить за ней близкое наблюдение и по возможности контроль, Вика хотела поссориться с ней и прекратить общение в виду её чуждости и непонятности. Да и негативные чувства, вроде зависти и раздражения угнетали Вику, привыкшую к тихой гармонии в себе.

– Ты была тогда тоньше, изящнее, всё же, – Вика решила не отталкивать Ксению. Да и куда было деваться теперь, когда она стала её пациенткой, будущей роженицей. – Ты ходила прямая и натянутая как струна, и я думала, где тебе да-

ли такую идеальную выправку? Ты набивалась в подружки к Лоре, а я ревновала тебя к ней. Ты глядела Лоре в глаза, как голодная кошка в глаза хозяйке, и никому в голову не могло прийти, что у тебя к ней такие сложные чувства. Лора была супер, это правда.

– Не знаю, – отозвалась Ксения, – насколько она была супер, Он никогда не вспоминает про Лору. Он не любил её. Вот в чём дело. Так что дело не в красоте, в чём-то ином. Ты права.

– Ну, не скажи. В чём ином? – Вика перечила ей, опровергая саму себя. – Раньше женщины в нашем возрасте были почти старухами, и кто же их любил? Кроме внуков, понятно. А сейчас, когда мы долго не стареем, нас и любят дольше. За иное, – усмехнулась она, – скажи ещё, что за прекрасную нашу душу, как писали в старину. Увы. Только организм, тело, на первом месте. Оно первично. Всё остальное вторично. Может быть, может и не быть.

– Ты материалист?

– Я бы так не сказала. Меня обучали диалектике, но не атеизму или примитивному материализму. Может быть, жизнь и иллюзорна, и её формы пребывают в вечной текучке и самоликвидации, это если смотреть на неё из будущего, но пока она есть настоящее, она кажется незыблемой и диктует свои правила. Нет? Ты Венду простила всё, примчалась вон куда! А твой Ксен с его прекрасной душой, как ты говоришь, почему он не занял в тебе пустующего места, когда вы рас-

стались? Потому что они не равны по природным данным, – это я за тебя отвечаю. Мать-Природа вкупе с его матерью поспешили дать Ксену телесную красоту. А я не лицемерю, я полюбила Артура за внешние данные, потрясающие, а характер пошёл в нагрузку. Моё счастье, что оказался он лёгкий, а нет, так и тащила бы, как иные. Как Нэя, к примеру. Я отчего-то думаю, что ей с ним трудно. Такой мужчина может быть завидным лишь для стороннего взгляда, а в семейной жизни? Я думаю, что он подавляющий тип. Что в нас и не материально? Речь, мысли? Но женщины любят и тех, у кого отсутствуют эти самые мысли, и женщин без мыслей, если у них всё на месте, тоже не отбраковывают. Да Боже мой! Куклами заменяют в иных опасных местах, где женщин нет. А мысли, речь, – не будь мозга, субстанции опять же физической, откуда бы им и взяться?

– Эх ты, физик! Какая это удручающая тоска, думать о жизни в понятиях каких-то там клеточных митохондриальных ДНК, о человеке, о его непостижимой сложности рассуждать, исходя из компьютерных графиков и голографических изображений микро клеточных структур? Но ведь есть сверх разум Мироздания. Информационная матрица Вселенной? Где же хранятся скрижали Вселенского Духа и вообще дыхание мира? Разве Бог это организм или тело? Он есть. И в нас Его печать.

Но дочь евразийских просторов не верила в Разум Мироздания, забыв, что живя на Земле в благополучии, в ясную

погоду и после ночей любви с мужем она молилась синему небу, к которому возносилась её душа, а тело-то шлёпало по земле. Вика не поддержала разговор о Боге, она не умела думать на эти темы, не умела говорить о них.

– Подумай о Нэе, – продолжала Ксения, – подумай о том мире, откуда она прибыла. Это не чудо? Он был подобен нашему, наш двойник, хотя и несколько отставший или деградировавший, но полное подобие! Нам и им дан разум, но кем? Дано стремление разгадать себя и мир. Кем? Дано понимание добра и понимание зла, даже если мы не делаем добра и творим зло, мы отличаем одно от другого. Я творю грех, но ничуть не ликую от содеянного, а воруя счастье у другого человека, теряю наслаждение от обладания тем, кого этим счастьем считаю.

– Но это ты такая совестливая. Не все и такие. Большинство, как и в прошлые времена, вырвут счастье у другого и зачавкают ещё от удовольствия. Опять же эти тут космические вояки, сколько среди них убийц, и что? Ржут, радуются жизни. Древних власяниц я что-то на них не вижу, как и молитвенников в их руках. Ходят и в свободное время рыщут, где бы «бабёнку уступчивую словить», как говорил мой папа – белоус.

– Почему он был белоус?

– Он был альбинос, а носил усы. Не встречала таких? А мама у меня тоже блондинка.

– В кого же ты такая мулатка по виду?

– Было, значит, в кого. Ты вот в кого? У тебя папа был лысый всю жизнь, а мама была пепельная шатенка. Я знаю о тебе, Ксения, много чего.

– Что же папа и родился лысым? Он потом свою шевелюру растерял.

– Да. Жизнь груба в принципе. Всегда. Везде. Вот и Нэя рассказывала о своей планете чудовищные вещи. А ты: «В рай не возьмут». Он есть?

– Уверена, что есть. Если ад дан нам в ощущениях, должен быть и рай.

– Если бы я была красоткой, как ты, то и жила бы в раю, – мечтательно проговорила Вика.

– Но ведь тебя любит твой новый муж – красавец и умница? А меня? Кто любит?

– Твой Ксен. Ты же говоришь, что душа важнее всего прочего. Вот и радуйся. А что же любовник, ГОР, дает почувствовать тебе свою нелюбовь? Как же сотворил тебе ребёнка?

– Не знаю я, что это. Но это страдание.

– То есть? Тебе плохо с ним? Нет удовлетворения?

– О чём ты? – Ксения улыбалась, переживая в себе то, что взрывало её и его взаимно сегодня ночью, и она чуть не захлебнулась тут в бассейне... Было это преступно? С точки зрения земной нравственности – да, но разве Нэя – земная женщина? Она всего лишь подруга по отдалённому спутнику. И если уж Ксения прелюбодейка, как называли это лю-

ди прежде, то только для своего мужа Ксена. – У нас же откровенный разговор? Разве это и есть человеческое счастье, если его не лишена и скотина? А рыбы? Их существование сплошной оргазм и метание икры, – Ксения взбаламутила воду в бассейне, после чего стала трясти перед Викой её снятыми трусиками, – жаль, что они не развели рыбу тут, мы бы ловили её твоими трусами, как сетью.

– Многим и того не дано, – суровость Вики была комична. Но откровения Ксении шокировали её. Она вырвала из рук Ксении трусики и натянула их на широкие упругие бедра, гордо выправив свой плоский живот. Она держала форму, чем и гордилась.

– Хочешь сказать, что мои трусы широки, как рыболовная сеть? Но моё достоинство в них прекрасно сохраняется, не в пример тем, у кого всё столь изысканно и с точёной узостью исполнено.

– Не сомневаюсь даже, что ты нигде и никогда не роняла своего достоинства. Завидую тебе.

Ксения развалилась на полу. Вика брезгливо косилась в воды бассейна, представив себе, чем занималась тут Ксения и их ГОР ночью. Она опять почувствовала протест против существования Ксении тут, на спутнике. Так-то пусть себе живёт, где угодно, только бы не тут. Но вспомнила о том, что Ксения призналась ей в отсутствии личного счастья. Это опять примирило Вику с той, чьё перламутровое розовое, подобное диковинной раковине сокровище совсем не явля-

ется для этой, замаскированной под замужнюю даму бродяжки, гарантией любви и счастья, а только лишь источником греховных уворованных радостей. Но и их тут же конфискует её личная совесть.

– И всё же... – Вика, казалось, долго размышляла, прежде чем сказать это Ксении, – я тут такого насмотрелась за эти годы. Тесный замкнутый мир, все как на ладони. Первое время всё распадалось в моём восприятии, словно у меня возникло фасеточное зрение, как у насекомого. Здешняя жизнь дарила столько и такого, чего я не умела соединить с прежними своими представлениями. Но привыкла. Ведь рядом жил мой «принц Артур». Он был моей магнитосферой, защищал от губительных излучений. Так называла его мать Лора: «Мой принц Артур». Что, впрочем, не помешало ей скинуть его деду на руки. За это я перестала её уважать.

– Что теперь об этом? Когда её нет? А я, знаешь, возила ему игрушки, когда он был маленький. Хотела забрать к себе, стать ему матерью, да Ростислав – отец Рудольфа меня изгнал. И представь, Артур совершенно не помнит меня. Так сказал. И на отца он не похож.

Было заметно, что Вике не было приятно напоминание о возрасте Артура.

– Чтобы ты не четвертовала себя своей совестью, я тебе кое-что расскажу. Ещё когда Нэя носила своих близнецов, это была нелёгкая беременность, её разнесло, и она еле ходила, то я пришла как-то к ГОРУ. Срочно было нужно кое-

что выяснить по службе, неважно это, но... Вход в его холл управления не был заблокирован, я и вошла. Стоит тебе говорить, кем и как он там управлял?

– Говори, – равнодушно отозвалась Ксения, поняв её желание уязвить, – если начала.

– Здесь всё запросто. Но я не видела её лица. Она сидела спиной ко мне на его коленях, в батистовом лёгком платице. А что? Удобно, задрала при надобности подол и пошла себе. Она и трусов не носит для таких широких запросов местных обитателей. Она слышала прекрасно, что кто-то вошёл, но и не подумала остановить своей непотребной раскачки на коленях чужого мужа, не делая из подобных случаев тайны. Это было настолько отвратительно! Как удар промеж глаз. Я вылетела со скоростью, превышающей скорость световую. Он потом извинился передо мной, мол, видишь, как живу, всё без отрыва от работы. Ему было стыдно, я поняла, но что можно было поделать? А у большинства ни малейшего стыда, ни в чём. А ты о любви. Какая тут любовь? Или у той из общепита к нему любовь, что ли? Попробуй не подчинись! Главному здесь. Так что не терзайся. Ты или другая, для него не проблема.

– Твой муж способен на такое? Артур?

– Нет, конечно. Он другой. Он верен мне всегда. Был рядом до самых моих родов, и потом ждал. Венд же вечный скиталец по чужим мирам. Он обречён, чтобы выжить, войти в режим биомашин. У космических странников все

функции без нравственной настройки. У нас на Земле от повышенного комфорта мы имеем право на эту роскошь. Но тут...

Вика вглядывалась в лицо Ксении, уверенная, что сделала ей больно, по любому досадила, – Мне как профессиональному врачу было необходимо дать тебе облегчение, чтобы ты не изводила себя терзаниями по поводу недостойного человека. В конце концов, как муж он выбор Нэи, а не твой, к счастью. Ты же получила то, что хотела – зачатие по страсти от человека, которого любила в юности. Или любишь до сих пор?

– Не уверена, что ты вправе брать на себя функции психолога, если ты гинеколог.

– Гинеколог всегда женский психолог.

– Как же Нэя? Она знает, что он так может?

– Знает, не знает, это дело Нэи, а не нас с тобой. Думаю, она верит ему безоголочно. Тех женщин, которые у нас работают и являются по личной жизни свободными радикалами, Нэя не воспринимает как своих соперниц. Она считает, что статус её мужа слишком высок, чтобы нисходить до подобной низости. Она доверчива и наивна. Но я и сама была такой же, аквариумной рыбкой. Блаженствовала в своём ограниченном райском резервуаре, пока не открылась мне безграничная бездна Космоса, показавшаяся мне адом. Но я ко многому и привыкла.

Как Ксения разгадала Вику

– К предательству привыкнуть нельзя. Если привыкнешь, это конец любви.

– Как же твой Ксен? Привык.

– Он не привык. Но ему важно, чтобы я была рядом. Всё остальное он терпит, может, и зубами скрипит как грешник в аду. К тому же я не лгу ему никогда. И не изменяла никогда. Это впервые. Здесь. Ради ребёнка. Он не способен к репродукции. То есть, это я отчего-то не способна к ней с ним. А так, ты думаешь, я не родила бы ему детей? Если же честно, я не знаю, какими соблазнами его сюда заманили, но не удивлюсь тому, что и он, терпеливец, оставит меня на Земле. Не уверена, что простит.

– Сейчас многие женщины отказываются от материнства. Не желают быть страдательной функцией природы, хотя и не отказываются от функции усладительной. Для Нэи же важна лишь любовь Нэи. Она подобна твоему Ксену. Но ты должна очнуться от своего самогипноза. К кому? К этому коту?

– Кот – баюн, кот – колдун, а ещё он кот – б... дун. – Ксения старалась прочитать в тёмных глазах сердобольной врачевательницы её истинное отношение. Но в заметно-раскосых глазах, в скуластом лице тоже было что-то от маски Колумбины. Ровная сонная поверхность, скрывающая каменное дно. И если сама Ксения скрывала своими масками

свою беззащитность, ласковые бархатные пески лежали в её зелёных водах, то у Вики там таились острые заточенные рёбра подводных камней. Ксения испытала радостную удовлетворённость при мысли о том, как издевался над нею Рудольф, когда эта Вика прибыла сюда, пугая дуру участью всеобщей жены. Это произошло от того, что Вика ему не понравилась. Рудольф умел понимать женщин, сканировать их дно, сбрасывая их беспомощные маски. Она была уверена, что никакая нужда не заставила бы Рудольфа прикоснуться к такой Вике.

В том его рабочем отсеке, где всё произошло у них впервые, Ксения почувствовала, что он давно голоден и был наполнен этой своей мужской нуждой. То, что увидела когда-то Вика, мало ли. Сорвался случайно. Но на Вику он не сорвался бы никогда. Он любил свою, загадочную для Ксении, Нэю, непонятно отчего утратившую свою женскую страстность. Может, и от усталости, от истощенности деторождением и личной телесной слабости. Эта его любовь к жене и была причиной страдания Ксении, а не муки совести, как уверяла она Вику, и только ли Вику? Горький осадок своей ненужности тому, кому она отдавалась в бассейне ночью. Он был разборчив, да, но на её месте могла быть и та неизвестная в батистовом платье, кто бы она ни была, а на месте Нэи всегда будет Нэя. Никакого возврата в прошлое не произошло. Вещая Ворона чего-то не просчитала в нём. Или в Нэе.

Нет, в первую встречу он не узнал её. Подойдя, обнюхи-

вал, как добычу. Даже недогадливый Ксен, поскольку мало интересовался другими, и тот что-то почуял. И Ксения видела, как он примерял её мысленно на себя, как долгожданную обновку, изучал, не скрывая, и помрачнел, когда Ксен сказал: «Мы Зотовы». Потом он делал вид, что не замечает её, умышленно попадаясь ей вечерами на одиноких траекториях, будто знал куда, когда и где она появится. Но безразлично отстранялся, пропуская её, и молчал. Ни слова, ни приветствия. И Ксения ни гу-гу, как тень пробежала с бьющимся сердцем, делая вид, что они друг другу просто померещились. В этом был его почерк, его стиль отношений с женщинами. Он ждал первой инициативы с её стороны, он всегда так делал, ждал, когда женщина первая упадёт ему на его мужественную грудь, и только тогда затевал с ними свои игры. В чём потом они могли обвинять его, если хотели того сами?

А там, у скалы фонтана ранним утром, что означал тот взгляд из прошлого, зовущий, увлекающий в ничем не сдерживаемую любовь, как в подмосковном лесу на весенней и влажной поляне? Она не подошла, и он не захотел повторить этого взгляда.

– Не надо было этого делать, – сказала она себе, но вслух. –
Никогда...

– Чего уж теперь, – поддержала её Вика и вздохнула.

– А ведь он ждал. Будто кто обещал ему долгожданную обновку. Конечно, обещала. Вот сука же каменная.

– Кто? – Вика горела любопытством, сузив и без того уз-

кие глаза, тая их жадный блеск.

– Да так. Договорились между собой. Та и выслала меня, как посылку. Правда, скрыла, что я из прошлого. Но он начисто меня забыл. Понимаешь, начисто? Будто и не было меня. Ты знаешь эту теорию, что чем бездарнее человек, тем мельче его память? Память, её объем это и есть эквивалент личности, её обширности или напротив узости. Вот мой отец, он знал в лицо всех курсантов, не говоря уже о том, что помнил сотрудников своего управления по именам. Ты понимаешь, он давно хныкал, жаловался своей второй мамочке из ГРОЗ, – настоящая его мама плевать хотела на его нужды всю жизнь, – что здесь на спутнике ему тяжело, жена вечно на сносях, вот «мамочка» и постаралась. Слепила ему куколку – высший сорт. Да ещё с начинкой, с сюрпризом внутри. Первая юношеская страсть. Он был в моей юности сущий маньяк, гонялся за мною, как с торпедой в штанах. Хватал, находил всюду – «лес, поляна, бугор, яма», – цинизм давал Ксении возможность снизить градус внутреннего страдания.

– Что же вам не хватало тогда?

– Экспериментировали, проверяли любовь на прочность, будто любовь резиновая, но она нежнейшая субстанция, легко рвётся.

– У кого как, – Вика насмешливо хлопнула её по ляжке, – у тебя растянулась на тридцать с лишком лет. Чем не испытание?

– У меня, да. А у него? Ничего нет ко мне, только бы нуж-

ду свою пристроить куда положено, жену ведь укатал совсем.

– Ксения это пошло. Это недостойно тебя.

– Но если так? А я, что за дрянь! Разыгралась! Улететь хочу. Скоро звездолёт прибудет. Забуду всё. Рожу себе ребёнка. Отмоюсь от постыдных следов этих игр. Забуду его, а как это трудно мне, знала бы ты.

Откровения бесстыжей шлюхи завораживали Вику. И в ней не было сочувствия к Ксении, которое она выражала в словах. Её радовали корчи Ксении. Любви ей подавай! Пустому и глупому вместилищу, но шеф умён, он не любит её, он любит добрую незаменимую Нюю. Вика улыбалась в потолок, ловя в его зеркальном отражении сторбившуюся Диану на фоне туманной зелени. Сейчас на Диане был кремовый халат, и она казалась там, в отражении, бесформенной, спрятав в колени раскисшее лицо, утратившее безмятежную чёткость маски.

«Улетай, улетай!» И чем скорее, тем лучше.

Как Вика превратилась в безмозглую ревнивицу

Но Ксения не улетела. Осталась. Вика видела, как она стояла рядом с капитаном прибывшего звездолёта, не таким высокорослым, как Венд, но крупным, очевидно жилистым человеком с бесстрастным лицом. Чёткие и даже резкие черты этого лица показались Вике знакомыми. Но откуда бы? Не в

студенческой ли юности он вместе с Вендом вёл у них семинары по освоению космических модулей для путешествий к околоземным спутникам? Точно он! Роскошные восточные, миндалевидные глаза... А Вика всегда любила восточные типажки. Тяга крови, не иначе. Он даже не особенно изменился. А запомнился потому, что Вика помнила, что у него было необычное имя. Какое-то литературно-историческое. Ратибор? Мирослав? Он о чём-то мягко говорил Ксении, а Ксения стояла в полупрозрачном батистовом платье, белом, с кремовыми и розовато-размытыми орхидеями, и этот рисунок был созвучен по цвету её телу, мерцающему из батиста, как цветок из вазы. Она была идеально стройна, срок был начальный, и он не отражался на её внешности.

«Ишь, напялила ради чужого мужика»!

Капитан, действительно, неосознанно ласкал глазами Ксению, о чём-то ей говоря. У Ксении от слёз были размыты её губы. И тут Вика увидела Артура. Он тоже подошёл к ним, и Вика скрылась за стену отсека, чтобы Артур не заметил её любопытства, её слезку за чужими тайнами. И Артур...

У Вики опять куда-то со стоном и жалобным внутренним писком поехало вниз сердце. Артур обнял Ксению, утешая. Они все вились вокруг неё и утешали. Кроме Рудольфа. Он стоял в стороне, и понять его Вике было сложно. Она только подумала о том, что Венд и в подмётки не годится, яркому до сих пор, красавцу капитану с пышной шевелюрой. Будь тогда вместо Венда ГОРОм такой вот человек, и Вика бы уже

не оказалась никогда женой Артура. Она сама бы обняла его, Ратибора, Радослава? оставшись наедине... «Зря я осуждала Ксению», – так подумала Вика. – «Я и сама нереализованная шлюха. Всякая женщина, дай ей настоящую дикую волю – шлюха и есть». Думать о подобном было неприятно, но перед собою Вика была честна. Капитан задел в ней нечто старое, неизжитое, неизведанное и навечно запечатанное. Он остановил на Вике глубокий взгляд, и Вика была уверена, тоже её признал. Даже не вспомнив, как следует, признал за давнюю знакомую, поскольку ласково ей улыбнулся одними глазами. И она приподняла свою ладонь в знак приветствия ему, улыбнулась и приоткрыла губы, чтобы нечто и сказать кокетливо. Вроде того: «Мы, кажется, были некогда знакомы»? Поскольку была задета Артуром до глубины души. Но знакомый незнакомец тут же от Вики невежливо отвернулся, полностью погрузившись в созерцание Ксении. Вика легонько, но всё же оскорбившись, лишила его своего внимания и опять переключилась на Венда. Тот щурил глаза и слегка скалил зубы, будто в усмешке. Он один знал и понимал все её штучки, думала Вика о Ксении, эти её прозрачные платяица, томные ужимки, как в театре старинных пьес, её маски и глицериновые слёзы. Он смотрел на Ксению, обнимаемую и утешаемую с двух сторон посторонними ей мужчинами, и знал, что всё разыграно для него.

Вика не выдержала и подошла к Рудольфу, – Что за спектакль? – спросила она шутливо, – дама плачет, рыцари уте-

шают.

Но наткнулась на холодный и ставящий её на место, жестокий и не принимающий шуток взгляд.

– Вы что-то здесь потеряли? – спросил он. И казалось Вике, когда она пошла прочь, незримая сила пихала её в спину, настолько физически ощутимым был гнев Венда. Он охранял блудную деву от насмешек, даже невинных. Нет, не была она для него просто примитивной нуждой, а была и ещё чем-то значимым. Но Артур? Он что тут потерял?

Вика долго обдумывала ситуацию, сидя в своем медотсеке. Она ждала Нэю. Нэя должна была прийти для очередного планового осмотра. И она придумала. Ведь рано или поздно эта залётная путешественница по чужим гнёздам, вынуждена будет проходить у неё все исследования, все должные процедуры, и она, хотя это, ух и подло! Слово же дала. Но как бы случайно откроет ничего не понимающей Нэе секретные данные о ребёнке Ксении. Она жалела Нэю и даже Ксению отчасти, но ненавидела Рудольфа. Ненавидела давно. С первых дней своей жизни на спутнике. Это будет месть ему. Человеку, который претил ей уже тем, что существовал.

С теми же раскисшими губами Ксения пришла к Вике сама. Села в кресло. Подобная и сама орхидее в этом своем белейшем тончайшем платье, портила её лишь гримаса плача.

– Оказывается, перелёт для беременных большой риск. Гибель эмбриона почти неизбежна.

– Капитан твой знакомый?

– Ратмир? Разве ты сама его не помнишь? Кажется, он замечал тебя в юности, а ты отвечала ему взаимной приязнью.

– Ещё чего! Я даже имени его не вспомнила. Кажется, он был твоим знакомым больше, чем моим.

– Лично я не общалась с ним прежде никогда. Он был любимым курсантом моего отца. Как и Рудольф. Они все там в своем Космодесантном корпусе знали меня, я часто приходила к папе. Боже, как давно это было! Я выбрала из них не самого лучшего, хотя и самого прекрасного.

– Кто это самый прекрасный? Венд, что ли? Да не смеши ты! Сроду он им не был. Волосы были светлые, а брови как сажёй намазал, да и ресницы, будто глаза углём обводил. Контраст такого рода, надо сказать, говорит о том, что он носитель довольно редко встречающейся наследственной мутации. Внешне человек может выглядеть причудливо и привлекательно, но никогда не узнаешь, а какие там ещё спрятаны в нём ненормальности. Опять же глаза как из богемского стекла, – прозрачные, блестящие, полные надменного чувства превосходства над другими. Я так Лоре и говорила: «Он распутный и пустой! Это же по типу сразу видно. Взгляни на его вампирский красный рот. Присосётся такой, от женщины останется одна шелуха. Душу выпьет как паук муху». А Лора? «Пусть! Зато будет что вспомнить в старости». Где она её старость? Как и её жизнь...

– Так уж и помнишь, что говорила Лора.

– Помню. А теперь он и вообще на истукана железного

похож.

– Они и стояли как истуканы, выпучив глаза, когда я проходила мимо. И только Рудольф весело мне подмигивал. Он был супер! Мутация там или что иное, он был лучше всех. Такая природная красота не может быть от мутации. У него и мать с отцом были что надо. Мутация же всегда уродство, чтобы ты знала. А ещё врач. Он знал, что я буду его... – Ксения, не сдерживаясь, лила слёзы, в сущности, уже внутренне пожилой тётки, упакованной в волшебную кожу молодости. Вика ничуть не жалела её, старую потаскуху. В её возрасте женщины имеют внуков, совершают множество полезных человечеству дел и открытий, а эта? Сидит в своих лабораториях и оранжереях, бездарная ассистентка талантливого мужа, и плещется в бассейне, талантливая лишь тем, что у неё полыхает там между ног, открываясь, как бесстыжая орхидея, чужому мужу, подлому мужу прекрасной Нэи.

Вику переполнял гнев на Ксению, на Рудольфа, на Артура, на Ратмира, презревшего даже самую возможность беседы с нею. На несправедливость мироустройства.

– Почему тебя утешал Артур?

– Артур? – удивилась орхидея – поганка, – я и не заметила его. Наверное, мимо проходил. Он просто добрый.

– Что же твой, не Ксен, а этот ночной утешитель, не утешил?

– Ты злишься? Ты-то за что?

– Ещё чего. Жалею тебя. Таскаться тут тебе с беременным

животом перед глазами этого. Страдать будешь. У него же своя семья.

– У меня своя семья. Я тоже не одна.

– На тебе работает давняя истина, что красота наказание, а не счастье, как думают. Красивая женщина, да и мужчина, уже рождаются как бы для общего употребления. Все их хотят, все рвут из чужих рук. И очень часто они, оказавшись между многих устремлений, или гибнут или падают в грязь. Сколько знала я печальных примеров. Но ты, Ксюша, добрая, хотя и не все это понимают. Я тебя жалею. И завидую несколько, по-бабьи. И в юности вам завидовала, тебе и Лоре. Но видишь, вы не были счастливы. А я – да. И с первым мужем мы жили очень мирно, а с Артуром так и вообще у нас полнейшее счастье. Если, конечно, забыть слякотный период моего женского межсезонья.

Если бы Вика повела себя иначе....

У себя в своей вотчине Вика была и значительна, и весома. Восточный разрез её глаз, экзотически расширенный примесью славянского отца, а может, и косметической нехитрой операцией, пухлые губы и высокий лоб показались Ксении почти красивыми. Она задумчиво смотрела на Ксению, став мудрее и строже, глазами старшего учителя, будто и не смешной Вике принадлежащими. Затем углубилась

в свои, только ей доступные компьютерные графики и таблицы.

– Беременность первая? – спросила она сурово.

– Нет. Вторая.

– Что? Была неудачная беременность? Когда?

– Был аборт. В молодости.

– Что?! Кто же посмел тебя на это толкнуть? Какие причины? Или кто? Он? Рудольф?

– Нет, конечно. Вообще же, имело место преступление через насилие. Отец не хотел, чтобы я родила от Рудольфа ребёнка... Дали мне психотропный препарат... – и Ксения скорчилась, переломилась надвое, упав лицом в батистовый подол на глазах потрясённой Вики. Рыжие спиральки-завитушки рассыпались среди вытканых орхидей. Обнажилась родинка на её грациозной высокой шее сзади, глубокий вырез открывал верх белой нежнейшей спины, на неё не действовало искусственное ультрафиолетовое излучение под куполом. Кожа розовела, но опять приходила в свою сливочную, манящую «котов», норму.

В ней билась, содрогалась живая, но не живущая в обычном времени, а в своем загадочном, память. Она была распластана, как когда-то сама Ксения на сетке у военного космодрома, и так же, как Ксения тогда, не могла побежать и схватить за руки Рудольфа, чтобы никогда не отпускать от себя. Так и память, она билась рядом, но не имела сюда доступа и не могла схватить Рудольфа за руки, чтобы объяс-

нить, что она, Ксения, всё так же стоит у этой сетки и ждёт его своим вневременным ожиданием, живая и трепещущая, ничуть не постаревшая.

Вика встала и, подойдя, стала гладить её густые рыжие завитушки, невольно прикасаясь к шее, от чего Ксения нервно-чески вздрагивала.

– Эх ты, овца ты рыжая, шкурка ты податливая. Поплачь, это можно. Когда женщина беременна, у неё бинарная психика. Формирующиеся энерго – информационные поля ребёнка накладываются на поля матери, и женщина испытывает очень часто возмущения своей до этого спокойной психики, как бы помехи, идущие от другой, но уже живой отдельной, возможно и не только органической, сущности ребёнка. Как знать.

– У меня было шесть месяцев! Он толкался! И потом молоко лилось из груди. Блузка промокла. Всё было проделано с преступной поспешностью! А я, ты понимаешь, ничего не почуяла, я пришла в себя где-то в чужом помещении, лишённая памяти на предшествующие тому события... Рядом возник какой-то бледный как мертвец человек и отвёз меня домой. Он долго что-то нудел мне, требуя с палаческой какой-то свирепостью, чтобы я не выходила из дома целую неделю, лежала и принимала какие-то лекарства. А я, ты понимаешь, в тот же вечер пошла гулять! Я хотела умереть тогда...

– Твой отец был такой зверь?!

– Да. И зверь тоже. Хотя и не зверь совсем. Как Рудольф. Он может быть зверем, но не зверь. Нет. Он заставил какого-то бывшего врача-преступника сделать мне тот криминальный аборт... Где произошло? Я даже не поняла. Где-то в подземных уровнях самой ГРОЗ. А ты думаешь, там космическая вышина у них царит? Божественная гармония звёзд сияет? Там такие баобабы трёхсотлетние и бездушные всем управляют, Вика! Такие лианы ползучие и вечно цветущие у их корней устроились. Наивная ты моя, сколько ты прожила, а с такими «сверх», что называется, «растениями» ты никогда не сталкивалась!

– Ох! – Вика обняла её, прижав к своей жалостливой груди, – этого ребёнка мы сохраним. Будем вместе его защищать, ждать.

Она взирала на несчастную неудачницу-красотку с высоты своего женского благополучия и была великодушна. На Земле у неё взрослые дочери, здесь маленькие сыновья, молодой муж, а что есть у этой бедолаги? Каменный член её жестокого любовника – всё и сокровище, да и то он у них один на двоих с Нэей. Судя по тому, как часто Ксения оговаривается об этом его сокровище, видимо, он ей дорог и желанен. Вика и тут снизошла до её примитивной похоти, пожалела её убогую жизнь. Коли нет уж у женщины иных в жизни утех. И этот её Ксен. Господи, да Вике такой во сне бы приснился, за кошмар сочла. Как говорил её папа – знаток фольклора: «Во сне приснится – лопатой не отмашешься».

А эта, орхидея придорожная, уцепилась и за этакого, лишь бы не затоптали, не заплевали разные бродяги. Каково это женщине бесприютно жить, в какую бы эпоху она и ни жила.

И Вика воспарила в своём безграничном вселенском порыве доброты ко всем обездоленным. Чем и подписала приговор своему, как ей мнилось, нерушимому женскому счастью. Тонкая и чувствительная Ксения, поняв в ней всё, не простила ей ничего, ни своего унижения, ни её воспарения над собой. И никогда впоследствии она не терзалась перед Викой угрызениями совести, как это было в случае с Нэей. И как казалось ей потом, её несерьезное отношение к Артуру вдруг совершило головокружительный разворот в сторону его синих, искрящихся, зовущих её в себя глаз. И она не была против этого прекрасного стройного, но доброго и молодого убежища. Но в будущем. Когда спокойно, главное, спокойно выносит своего ребёнка. Нормально и без осложнений родит его. Под страшным, всегда её пугающим куполом, в чужедальнем аду. И тогда... Что ей эта тунгуска? Пусть отпрянут в сторону, когда на их дороге, нестройных и грубо вытесанных, похожих на древних степных чурбанов, появляются богини, вышедшие из хрустальных и небесных мастерских тайного Творца, несущие на своих сосцах и коленях прикосновения Его гениального резца. «За все твои убогие десятилетия в объятиях неприхотливого мужа, я не отдам и одной ночи с моим Рудольфом». Так примерно могла бы оформить словесно свои мысли и замыслы Ксения. Но

всё это она спрятала за своей живой и незримой маской Колумбины. А поскольку проницательная акушерка как-то подозрительно всматривалась в её, только что лившие горячие слёзы, покрасневшие и по счастью невнятные для прочтения глаза, Ксения спрятала лицо в подол платья, ожидая эффекта окончательного успокоения. Наконец подняв голову, энергично трянула каштановыми, избыточными для её головы завитками-спиральками, сбрасывая с себя позорное размокание на виду у неприязненной специалистки по митохондриальным ДНК. А уж после этого она улыбнулась одной из лучших своих лицедейских улыбок – улыбкой светлой и милосердной богини.

Две жены под одним куполом

Рита как продукт «Эдема» – Экспериментального Дома естественной молодости

Она улыбнулась одной из лучших своих улыбок – улыбкой светлой и милосердной богини, когда, просматривая его послание, увидела, как он растерянно хмыкнул себе под нос после умышленно произнесённой пошлости.

– Я оценил твой подарок. Единственное, что ты забыла, так это шёлковым бантиком её украсить. Хм! – ну точно так же, как делал это в мальчишеском своём времени, когда на её вопросы точно также фыркал породистым носом с чуткими ноздрями в пыль, в которую были погребены старые минералогические коллекции...

...За все свои прожитые годы, которые она умышленно не считала, такое вот потрясение, – но чего именно, глаз или души? Да всего сразу, – накрыло её как будто и впервые. А она настолько устала от людей, что редко их и рассматривала, если были они ей посторонними. Тем более тот, кто был пока что чьим-то, – можно и так было сказать, – младшим домочадцем, существом полузависимым. Себе самой она сразу

же поспешила объяснить, оно, это потрясение, было чисто эстетическим. Радостью для зрения, удовольствием для души, – что вот ведь рождаются же такие необычные существа на Земле. Жаль, что столь редко. Жаль, что столь поздно...

– Я забыла, что у тебя есть сын, – произнесла она, обращаясь к Карине.

– Почему же сразу решила, что сын? – Карина искоса, одним глазом взглянула на свою гостью, и глаз её странно блеснул, как у напуганной чем-то кобылы, так показалось Рите, поскольку возникла немотивированная, но кольнувшая неприязнь к этой музейной хранительнице. Рита сразу почувяла, той не нравится её поведение, – пришла не званной гостьей, недавняя знакомая всего лишь, а ведёт себя так, будто является близкой подругой, тогда как разрешения на такое звание дано не было.

Но причина неприязни у самой Риты крылась в другом. Она сумела расшифровать тревожную эмоцию матери мальчика. Мамаша оказалась чрезмерно проницательной, – Может быть, он всего лишь мой помощник, – и она улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы, когда не разжимают губ, и поди пойми, лёгкая улыбка это или недобрая ухмылка.

– Напрашиваешься на комплимент? – спросила Рита, – само собой удивлена, что у такой женщины, неотличимой от невесты, едва вызревшей, чтобы идти под венец, и такой взрослый сын-великан. Карина, ты не устаёшь меня поражать! – невольно воскликнула она, не удержав при себе вос-

хищения, вовсе не направленного в сторону Карины.

– Я равнодушна к комплиментам. Я слишком уверена в себе и достаточно умна, чтобы принимать их к сведению, – ответила Карина, заметно порозовевшая от гордости за своё чадо, понявшая всё правильно. Рита же подумала, что тут и нет особой заслуги этой задрюги, которой сокровище было передано самим Змееловом, нынешним Вайсом, по генетической эстафете.

«Уж ты точно будешь моим... точно так же, как сама я в невинной юности досталась твоему искущённому деду Змею Горынычу...».

По счастью, Карина тайных мыслей не прозревала, тут она до уровня своего настоящего отца пока что не доросла. Настала очередь уже Рите изогнуть свои румяные и полные губы тайно-насмешливым полумесяцем. Она приблизилась к Карине и прошептала в её ванильное ушко, поскольку дама эта любила такие вот ароматы, – Ты девок-то от него палками не отгоняешь случаем?

– Он девственник, – прошептала ей в ответ мамаша, зардевшаяся ещё заметнее.

– Да ну? – не поверила Рита.

– Ну да... – протянула та неопределённо и опять закосила в сторону Риты своим крупным глазом встревоженной кобылы.

А сам мальчик семнадцати лет от роду, но сложенный так, что иному зрелому Аполлону на зависть, тем временем не

проявил ни капли интереса к их болтовне. Да он и саму Риту вроде бы и не замечал или принял за случайную посетительницу музея по служебной надобности. Рита не могла отвести от него своего взгляда, а Карина будто и растворилась, ибо не значило уже ничего её присутствие рядом. Он показался ожившим ангелом! Но не из таких, кого изображали нежными и женственными. А из таковых, что сурово дежурят у врат небесных с мечом, пылающим в мускулистых руках, чья половая принадлежность и не скрывается, хотя и не используется по прямому назначению.

«Девственник»! – опять изумилась Рита, – «Откуда мамаша знать-то может»?

Он не производил впечатления домашнего мальчика, с готовностью поверяющего мамочке свои личные тайны. Наоборот, между ними, – мамой и сыном, – чувствовалась дистанция, овеваемая ощутимым холодком. С такой мамашей не забалуешь, но и сынок давно и прочно, чувствовалось, отгородился от родительницы глубоким рвом, а чтобы пройти по мосту в его сокровенные покои, мамочке требовалось подать заявку на посещение заранее, и на его усмотрение. И вряд ли она гостила в его душе настолько часто, чтобы знать наверняка о том, прошёл ли он свою тайную юношескую инициацию посвящения в мужчины? Рита за время своего знакомства с Кариной увидела его впервые, успев не раз уже побывать у новой подружки в доме. И даже не увидела там ни комнаты сына Карины, ни вещей его разбросанных, что бы-

ло бы и естественным, хотя разговор однажды и коснулся её проблем с непослушным и очень обособленным юнцом-сынчочком.

«У отца предпочитает торчать в его пустом доме», – как-то сказала Карина, – «мальчишка – несносный индивидуалист, если не сказать, что эгоист».

«Плохо воспитала, выходит»? – без всякого интереса спросила тогда Рита.

«Все вопросы не ко мне, а к системе общественного воспитания», – отбросила вопрос мамочка, точно такая же эгоистка, каким был и сынок. Но это уже Рита додумала, на тот момент мало им интересуясь, хотя задание от Вайса имела, – взглянуть, каков этот сынок, а свои впечатления дедушке изложить. Чтобы проверить условия содержания мальчика – внука Вайса, Рита невинно и поинтересовалась тогда, а где мальчик живёт, бывая в доме у мамы?

«Там», – небрежно указала мама куда-то в глубину дома, но даже и не сдвинулась с места, – «его комната вся покрыта пылью. Он сам не убирается, а мне запрещает и порог его конюшни переступить. Даже постельное бельё не могу вовремя поменять».

«Девушки бывают»? – опять же вяло спросила Рита, тяготясь заданием своего неотменяемого хозяина Вайса.

«Какие ещё девушки»? – свирепо возмутилась Карина, – «Он только что покинул школьный городок. Там, сама знаешь, ранняя половая жизнь невозможна».

«Так за пределами-то школьного городка у них у всех взрослая жизнь начинается как раз рановато», – сказала Рита. – «Ты же не посещаешь дом его отца, а там он всегда один».

«Почему один? Паникин бывает регулярно», – невозмутимо ответила Карина. – «К тому же ты и понятия не имеешь, насколько мой мальчик одержим знаниями. Он постоянно проводит своё свободное время в архивном городке и в старинных библиотеках».

«Да неужели»? – слегка удивилась Рита, довольно смутно представляя, что это за сынок такой, – книгоцей и неряшливый эгоист. Так разговор и был исчерпан, если в отношении сына Карины.

И вот он перед ней не то, чтобы отмеченный хоть пятнышком случайным от пролитого чая или складочкой небрежной по-мальчишески, нет! Он настолько безупречно причесался, что и манекен выставочный не всегда таковым-то бывает. А Рита чрезмерных аккуратистов не любила никогда. Даже побаивалась с юности. С тех самых пор, когда попала в зону неодолимой гравитации Змеелова. Теперешнего Вайса. Правда, последний давно уж и заметно, хотя и не чрезмерно, распустился, смертельно устав и от профессиональной дисциплины. И от укоренённой в бесчисленных его годах, всегда срабатывающей в режиме автоматизма уже, жесточайшей самодисциплины.

Но может и совпадение, как раз только что парень и был

в мужском салоне, где и постригся, а внешняя аккуратность, привитая воспитанием, усилена маминым прессингом. И ни намёка на сутулость, бледность, что можно было бы и ожидать от книжного червя, кем выставляла его мама Карина, сетуя на затворнический образ жизни мальчика. Он буквально был напитан здоровым соком юной жизни, хотя и вполне себе гармонично вписался в старые интерьеры музея. Через витражные стёкла на золотые волосы, не соломенные, а именно благородно-золотые волны довольно длинных волос, а не пошлые дегенеративные завитушки, падали красноватые отсветы. Пыль, поднятая им и медленно оседавшая, казалась нимбом, её взвихрённые остатки от соприкосновения с золотыми потоками света мерцали, струились. Вдрагивали тёмные при светлых волосах ресницы, маскирующие любопытство его изумрудных глаз к появлению незнакомки.

Рита часто задыхалась, как от нехватки воздуха или от подъёма на ощутимую высоту, а он... заметил! Точь-в-точь повторив мамин характерный жест, когда скосил в её сторону загадочно мерцающий крупный глаз под живописно-изогнутой тёмной бровью, но уже... нет! Не коня, а юного и девственно-безупречного небожителя. В строгом, стального цвета костюме, широкоплечий в папу Паникина – лихого потомка донских казаков, мальчик был очень себе на уме. Очень возвышенного о себе мнения, очень заниженного мнения обо всех прочих. Это уже был дар мамы, её вклад в характер сына. А излишнее самомнение Рита тут же ему

простила. Никакое самомнение не казалось в его случае избыточным. Несколько забывшись, она вперилась в его лицо и увидела, чего скрыть было и нельзя. Глаза ангела грустили от подавляемого сексуального напора. Грешная и тайно-старая Лилит-искусительница засмеялась от ответного напора уже собственного счастья, поняв, как легка будет её победа над высокомерным девственником. Он надул свои прекрасные губы, будто она, Рита, лично обидела его тем, что в отличие от него, смеялась и шутила.

– Старая кляча забила копытом, учуяв дух молодого коня, – брякнула вдруг Карина довольно невнятно, да Рита отлично её расслышала.

– Мне уйти? – спросила Рита, поскольку ни её уход, ни её дальнейшее застревание здесь не могли отменить того, что и произойдёт в ближайшее уже время. – Кажется, я отрываю вас от важной работы.

– Да, – ответила мать.

– Нет! – опроверг сын.

– Я имела в виду, что не могу уделить тебе должного внимания, – добавила Карина, – Кажется, мы хотели посидеть в кафе на открытой террасе, там чудесный кофе – истинно натуральный.

– Когда? – спросил сын.

– Да не с тобой! – ответила ему мать.

– Кто притащил во двор замка тех двух лошадей? – спросил сын у матери.

– Рита приехала на старой кобыле, а светлый конь забрёл сюда из конного клуба, – ответила мать. – Его Вежиком зовут.

– А вашу лошадь как зовут? – спросил он у Риты.

– Лили, – ответила Рита. – Я боюсь незнакомых и молодых лошадей, поэтому мне дали прокатиться на старой и послушной, чтобы не сбросила.

– Поэтому на вас такие странные штаны, с замшевой задницей, – сказал сынок.

– Сам-то слышишь, что сейчас сказал? – спросила мать. – Зачем ты обозвал её замшевой задницей? – а сама заходила смехом от собственной и глупейшей остроты. И проклячу не просто так сказала, на Риту и был намёк. – А впрочем, я не знаю, какова у неё там задница на ощупь, атласная или шершавая...

– Карина, похоже, ты уже и без меня в том кафе опрокинула внутрь себя не чашечку кофе, а бокал чего-то более крепкого, – оборвала её Рита.

– Я имел в виду ваши брюки для верховой езды, – пояснил ангел, сбитый с толка, глядя на гостью виновато-умоляющими глазами. Он не умел никогда поставить свою мать на место. Тогда в силу возраста, а потом в силу привычки уже. К восхищению примешалась благодарность, – он почувял! Тонко-чувствительный благородный мальчик, родственная душа.... он дал знак – останься! И Рита осталась.

– Карина, откуда ты знаешь кличку коня? – спросила она

ласково тоном взрослой тётки, обращающейся к милейшему из мальчиков.

– Я люблю верховую езду и совершаю на нём прогулки иногда, – ответила Карина.

– Ну, если ты такая удалая наездница, то заодно уж и захвати мою клячу вместе со своим Вежиком, чтобы вернуть их в клуб. А то мне не хочется туда возвращаться... – Рита уже стояла рядом с ангелом, а тот вовсе не был против.

– Лили может укусить Вежика, – сказала Карина, – она его не любит.

– Не заметно, что она его атакует, – Рита выглянула в окно. Кобыла и конь мирно щипали травку на приличном расстоянии друг от друга.

– Я уже попросил их хозяина, чтобы он пришёл и забрал свой табун, – с готовностью откликнулся ангел, возясь со своим контактным браслетом, – Я сообщил, что девушка, взявшая Лили, боится её агрессии и просит извинений за невозможность вернуть лошадь лично.

– А тебя о том просили? – процедила мамаша и добавила, – В следующий раз, Рита, владелец клуба не даст тебе своих лошадей.

– Пусть сам катается на своей кусачей кляче, – ответил сын. – Я видел, как однажды она чего-то испугалась и понесла его с таким ускорением, что он ободрал себе лицо в каких-то колючих дебрях, куда она его и утащила.

Рита опять засмеялась, глядя на Карину. Та не осталась в

долгу.

– Как бы кусачая кляча не завезла тебя самого в такие дебри, откуда ты еле выползешь потом.

– С чего бы? – спросил он с искренней и чистой наивностью во взгляде, не понимая эзопова языка абсолютно, – Я не люблю лошадей и никогда на них не сажусь. Они воняют своим конским потом и жутко тупые. Даже в лицо человека не способны запомнить, в отличие от собак и даже кошек.

– Я тоже уже давно охладела к таким забавам, – сказала Рита. – Случайно и вышло, что решила...

– Растрясти свою замшевую задницу, – будто бы пошутила Карина. На что Рита обняла её и ответила, – Штаны с замшевой задницей я подарю тебе. Они совсем новые.

– Твои новые на мою старую задницу не годятся...

– Мама, от твоего юмора разит как от не чищенной старой клячи, – сказал матери сын, просиявший от собственного удачного выражения...

Она любила эти воспоминания, часто любовалась ими наедине с собой, как перебирает коллекционер старинные открытки с удивительными ликами несовременных людей. В нём это и было, -самоуглублённость, задумчивость, красота другого времени, – и поэтому он и сам был как живой экспонат, или же она всё придумала потом, покрыв прошлое декоративным лаком? Но как был он пригож и заманчив своей явной уже юношеской силой и застенчивостью неопытного мальчишки. Если бы не Артём, лучшего бы и не надо.

Но был Артём, и её неотменяемая к нему любовь. Не к наличию – весьма и сомнительному – неординарного ума, а к его силе, трепет перед его способностью читать чужие мысли. Он предвидел всё, но не сумел предвидеть последствий своей дикой отцовской ревности. Зачем она, Рита, не родила ему дочь, тогда было ещё можно, и сына тоже, не оттянула избыток его отцовской любви к единственной дочери к другим возможным, но так и не появившимся у неё детям. Жена была больна, а она-то Рита чего не захотела? Страшилась утратить часть безупречной, но уже тогда повторно восстановленной молодости?

Сколько ей было лет? Она не задавала себе этот вопрос, она обнуляла свой возраст, едва выходила в люди возрождённой красавицей из тайных святилищ Земли, закрытых для большинства. Для большинства существовали процедуры попроще, чисто внешние или косметические, оздоровительные на короткий промежуток времени, ведь люди и так научились отодвигать биологическую старость далеко за порог того, что было в прежние эпохи. Чего и больше? Вечными же не были и звёзды.

Вначале он хотел сына от Карин. Карин не захотела. Рита не захотела. Теперь Артёма нигде нет. Или он есть? Но где? И Рита, уставшая от жизни, или был это временный упадок её вовсе не безразмерных сил, вдруг ощутила тёплое и запоздалое чувство к несчастной дочери своего исчезнувшего мужа. А дочери-то уже полвека! И надо ей как-то помочь. Что

это и за возраст на Земле в наше время, некоторые только замуж выходят после того, как насытятся своими карьерами, путешествиями, романами и прочими суетами сует. Но Ксения была особой. Не в смысле исключительности, а в смысле обездоленности. Верующая мама, став сама в своё время неизлечимым инвалидом, но сохранив при этом пленительную внешность, сумела и дочку родить, а вот вторгаться в замысел Творца о своём ребёнке, запретила. То есть, когда Ксения была эмбрионом, её резервы не были вскрыты, и она к пятидесяти годам, когда другие носились девицами по виду, стала неумолимо стареть. Она хранила себя диетами, освежала организм омолаживающими процедурами, но это было всё не то, не истинная молодость.

И Рита решила сделать ей свой потрясающий дар, вернуть ей не косметическую молодость, а первозданную юность. Очень дорогая, очень тонкая, сложнейшая процедура. Умельцы на пересчёт. А у Риты такой гений в знакомых был. У Риты был доступ в круги, где это практиковалось в строжайшей тайне. И Ксению положили в уникальный Центр омоложения под кодовым названием «Эдем», это если в русской версии – Экспериментальный Дом Естественной Молодости, – по сути поместили в искусственную утробу, из которой она вышла девочкой восемнадцати лет.

Вайс торжествовал, он уже предвкушал, что возродившаяся из пены Афродита-юная Ксения будет, наконец-то, принадлежать ему. Станет последней, может быть, зарницей

тускнеющего небосклона его души, даст иллюзию, что закат его жизни ничем не отличим от рассвета. Он уже изучал изображения юной Ксении, предоставленные ему из «Эдема», и мысленно присваивал её. Биологический шедевр сама по себе, каковой была при рождении уже, она стала также и творческой удачей коллектива «Эдема». Вайс предвкушал и был уверен, это его заслуга, без него и его разрешения Ксения там не оказалась бы никогда. В её присвоении себе он не видел особых трудностей, он был уверен, ни одна женщина или девушка на свете противостоять его воздействию на себя не сможет. А он заслужил такую вот красавицу, хотя и не худшими, чем она, обладал в течение своей чисто мужской жизни, своих, казалось, бесконечных десятилетий. И впереди неиссякаемый, тоже так казалось, их запас...

И Рита начала лихорадочно соображать, как бы поскорее и незаметно отправить Ксению на спутник к Рудольфу. Ей такое удалось, а Вайс нешуточно расвирепел. Рита в наказание была выведена им за рамки его сугубо-личного жизненного пространства. Работа за ней сохранилась, Вайс же не был настолько всемогущ повсюду, да и не стремился к такому всемогуществу в мелочах, но только другая женщина стала его интимной подругой и самой ближайшей коллегой по работе, а желающие быть таковыми вокруг него роились в неисчислимом множестве. Рита такой расклад приняла стоически, мудро, задавив все переживания по этому поводу сразу же, не дав им заполнить собою как сорной дурной траве

гармонично устроенную, внутреннюю обитель своей души, подобную ухоженному, долго-долго взращиваемому и оберегаемому саду, где ничему дикому и буйному места нет.

А у девушки Ксении, как ей и полагалось, и память вдруг трансформировалась в девичью. Она вдруг и как бы забыла, кому и чем она обязана. Вайс уловил момент, когда смог ей через третьих лиц напомнить, что без него калитка в эдемский сад не открылась бы никогда. Что именно он условный бог этого тайного святилища. «Кто такой этот человек»? – осведомилась Ксения с улыбкой полного недоумения у посланца, ожидавшего сугубо тайный для всякого ответ. Словно розовое утро струилось вокруг этой девушки, а был вечер. Посланец задумчиво молчал. Он был человеком, близким Рите, и он обо всём поведал ей потом. «У моего отца были немалые заслуги в ГРОЗ, перед Землёй. А он воспользоваться ничем уже не сможет. Так вот и передайте, я сделала это за него. Что возразите? Или существует такая возможность, чтобы молодость отобрать»? «Кто же собирается»? – ответил тот. – «Всего лишь встретиться с вами ему хотелось бы». «Как-нибудь» – беспечно, и самоуверенно тоже, ответила златокудрая современная Афродита, словно бы стряхивая со своих женственных плеч остатки жемчужной пены. – «Вот приду в себя, попривыкну к себе самой, тогда уж, так и быть, устройю визиты в ГРОЗ. Давно там не была...

Была ли она благодарна самой Рите за такой вот дар земных условных богов? Кажется, нет. Но по размышлении Рита

решила, что дочка, доставшаяся ей как никчемное наследство от бывшего и пропавшего мужа, разучилась радоваться. Она исчахла от нехватки душевных витаминов, отсутствия любви. А Рита вдруг почувствовала при взгляде на юницу Ксению, что она её дочь, а сама она, Рита, её мать по нахлынувшему чувству. Ксения же не уронила и лучика благодарности. Взяла как должное свою фантастическую молодость, и всё. Но ведь дети так себя и ведут в отношении родителей. Берут как должное себе любые благодеяния. И Рита не обиделась на новоявленную дочку. Артёма, рыжего по природе, но лысого от чудовищной травмы, полученной на одной из необитаемых планет звёздной системы Ящерица. Его самого удалось вылечить полностью, а по мелочам, вроде тотальной лысины, он не захотел и париться. Некогда ему было волосы наращивать, – великие дела ожидали. А потом и удобство от лысой головы было немалое. Многие в космосе брили головы, а ему зачем? Нику-мать Ксении вылечить не удалось. Ника прожила мало после возвращения из той страшной и мистически-неправдоподобной экспедиции, но дочку родить успела. И вырастить дочку успела.

И Рита, как та самая Макошь – повелительница судеб, решила воссоздать великовозрастной сироте новую судьбу. Она знала без кого, вернее, без изживания кого из своего сердца, дочка не обретёт и повторно своей счастливой доли. Ей был нужен реванш за прошлое. И Рита его устроит. Реванш. А жертва реванша был нужен ей самой. Пусть Ксения

поиграет и отшвырнёт, а она тут и приголубит его. Всем хорошо. И Ксюше – дочке, и Рудольфу – будущей, ни о чём не подозревающей жертве, а главное ей самой. Хорошо всем! За маленьким вычетом из редкого совпадения взаимных, несущих счастье интересов, из их судьбоносного «тройственного союза». Это Нэя. Дети не в счёт. Дети будут обеспечены всем, больше, чем всем. При таких-то родителях. Но Нэя, – ей придётся стать вычитаемым из их светлого будущего.

Только куда её деть? Это не было проблемой для Риты. Мало ли. Счастливая в меру, конечно, жизнь на живописном острове. Пусть шьёт, рисует, творит свой текстильный, фантастический мир. Эти рукодельницы они тоже сбиваются в свои творческие союзы повсюду. Дети будут её навещать. Закатное солнце будет играть на её кристаллическом рабочем столе, а изумрудные летом, или янтарные осенью, или в алмазном инее зимой деревья будут украшать панораму за оконными панелями её дома. Рита для Нэи такой уже приобрела. Это будет уже её «Эдем». А то, что не будет рядом любви мужчины, не одной любовью и жива женщина. Но почему и не будет? Пусть выбирает любого. Только это не будет Рудольф. Он уже ушёл своей душой, хотя и пребывает с нею, и даже сажает свою лёгонькую жену-инопланетянку на колени по вечерам, когда она приходит к нему в его рабочий отсек. Но его мысли где? Его мысленные пальцы уже под тонкой одеждой или под рабочим комбинезоном совсем другой женщины, по земному плотной, но ослепительно-юной и

возвращённой ему, глядят её и хотят её...

Экскурс в далёкое прошлое

...Он повредил ногу на тренировках. Растяжение. Приковылял к ней в шлёпанцах и с букетом. Накануне они поссорились. Это происходило регулярно. Он становился несносен. К воздушной упаковке букета чья-то умелая рука прикрепила драгоценную бабочку из платины. Это был знак его примирения, его мольба о прощении. Рита осмотрела букет. Он обнял сзади, уткнув нос в её шею. Тонкая ткань спортивных шорт не скрывала его намерений, руки елозили по её бедрам, Рита резко повернулась.

– Я ухожу. У меня приглашение. У Ксюши зачётный спектакль. Как раз и подарим ей твой букет.

– Как же бабочка? Сапфиры, как ты любишь.

– У меня от бабочек твоих мой дом скоро превратится в энтомологический музей окаменевших нимфалид и прочих никчемных поделок. Куда мне их? На трусы что ли крепить? Идёшь со мной?

Она дала понять, что неумолима.

– Кто эта Ксюша?

– Дочь твоего шефа.

Тут она заметила, как приоткрылся его ещё совсем непосредственный, мальчишеский рот, в глазах что-то дрогнуло.

– Фея-бабочка? – спросил он.

– Видел разве?

– К нам приходит...

– К вам? К кому?

– Да не к нам, а к отцу в управление. Её парни на спор разыграли, чья будет. Но шеф держит её в хрустальной башне. Я лично думаю, что зря. Она может перезреть...

– Что?! Ей семнадцать только. «Перезреть», – передразнила она, – обсуждают её там. Да вам всем до такой девушки и не дотянуться. Не для вас он её холит, вояки! У вас там другие особы в ходу. Не пробовал со своими звёздными фуриями?

– На фиг они мне!

– Да сами не предлагают.

– Предлагают. Говорят, что классный, супер. Но я же люблю только тебя.

– Если любишь, пойдём на спектакль. Выспишься там, пока я буду оценивать её достижения.

Но удивительное дело, в зале театра, в его старинной и прохладной полутьме он не уснул. Пялился в бинокль и следил за Ксенией.

– Virtuозные девчонки. Ножки у всех, как у настоящих. Как это они их выгибают? И спинки гибкие.

– О, Боже, – вздохнула она, глядя на своего неотёсанного дикаря, не отёсанного в смысле ставшего экзотикой классического балета.

– Могу представить, какой виртуозной техникой секса они владеют...

– Дурак! Молчи ты лучше, – шикнула она на него, поймав возмущённый до яркой вспышки взгляд соседа. Было тому лет за сто с большим лишком. Старик утратил интерес к тому, что происходит на сцене и стал гневно изучать полуголые ноги здорового хама, сидящего рядом, завалившегося в святое место, в Храм Искусств, куда ходили лишь тонкие ценители, рафинированные и уже редкие любители прошлого искусства Земли. Это был театр – музей. Девочки из балетных студий сдавали здесь свои экзамены, здесь оценивали их творчество по десятибалльной системе. И зрители тоже давали свою оценку в режиме прямого наблюдения, посылая свои балы с места на сайт приема зрительских оценок тем участницам, кого решили отметить. У Ксении высоких балов не было никогда, она танцевала неважно. Наверное, единственным человеком, давшим ей высший бал – десятку, был Рудольф.

– Вы, молодой друг, не заблудились? – спросил вежливый стареющий человек у Рудольфа.

– Нет, а вы? – Рудольф сохранял невозмутимую физиономию, но сверкнул на старика настолько выразительно, что тот отпрянул, – катись-ка ты, дедушка...

Старик ушёл от них в другой ряд. Но в фойе во время антракта почитатель балета подошёл к ним, сказав, что в театр не принято ходить в шортах и шлёпанцах. Это неуважение

к здешним традициям. Следовало бы и знать. Но про традиции он сказал, потому что был задет наглым мальчишкой.

– Куда же это вы направили меня? – поинтересовался он у Рудольфа.

– В рай, разумеется. Кажется, там ангелы вас уже заждались. А вы девочек тут разглядываете, ножки изучаете.

– Как знать, – сказал старик усмешливо и беззлобно, презирая хама, – не придётся ли тебе меня опередить. Сколько я в крематории служу врачом и сколько вот таких молодцов, опередивших нас стариков и в этом, провожал впереди себя.

– Мёртвых от чего же лечите там?

– Не мёртвых, а их провожатых, дурак! – и старик встал в позу памятника, взяв себя за лацкан пиджака старинного покроя и выставив вперед ногу. – Девушка, вам не стыдно стоять с ним рядом?

– Стыдно. Извините нас, – Рита стукнула Рудольфа под его голую коленку ногой в праздничной туфле. Старик обвёл их презрительным взглядом уже обоих и ушёл прочь. Те, кто стояли неподалёку, отвернулись с очевидным осуждением.

Мальчик, которого она нашла в пыльном углу музея, куда редко кто и ходил, кроме подобных старожилков, через три года вошёл в своё озверелое возмужание. Мама Карин жаловалась, что он почти постоянно, пользуясь её отсутствием, ломает её постель, упражняясь там с девчонками, которых привозит из своей Космической Академии, или же находит их, где попало.

– Даже бельё не бросает в чистку, оставляя мне эти свои постельные инициалы, меня тошнит от него и этих его сокурсниц.

Рита презрительно отворачивалась от её физиологически тошнотворных откровений.

– Нашёл бы достойную девушку. А то, как Паникин стал. Тот, как прилетает с Марса, сразу гулять, и этот туда же. Паникин мне, радуйся, мальчик нарасхват! Чего нарасхват? Старый блудодей развращает молодого или наоборот? Они спелись – не разлей воду. – Карин любила щеголять русскими пословицами, изменяя их порой весьма своеобразно. – Это плохо. Пусть лучше женится.

– В двадцать лет? – изумлялась Рита, – он же учится. А там пойдут стажировки. Будешь нянчить внуков?

– Ещё чего! – О нет, эта Карин была не из тех, кого легко закабалить чужими проблемами.

– Ты испортила его, – сказала она Рите однажды.

– В таком случае, кто испортил твоего Паникина? Помнится, он был послушен тебе и привязчив как дог. Такой большой, бархатный и головастый молчун, и вечно у твоих ног.

– Ты сравнила! Доги всегда слюнявые, а Паникин чистюля был, каких мало. Лучше всех он был, и зря я его отставила. – Карин так и сказала «отставила», но вполне возможно, что нужным словом было «оставила». – Сразу же и был подхвачен, пока я спохватилась. Что теперь о Паникине вспо-

минать? У него другая семья и дети. Пусть у мальчика будет упорядоченная личная жизнь, пусть и ранняя семья – лучше раньше, чем никогда. У них опасная дальнейшая жизнь. Зачем ты втащила его в эту космическую структуру?

– Ты не была против.

– У Артёма есть дочь. Она образованная и утончённая девочка, как и её мать. Познакомь его. Он тоже был утончённый и воспитанный, пока ты не втащила его в эту ГРОЗ. Его испортили казармы, нечеловеческий режим и распутные девчонки рядом. Он не нужен тебе. Я уверена, что он увлечётся той девушкой, я чувю это. Постоянная девушка образумит его. Познакомишь? С дочерью Артёма?

– Тебе не будет жалко её? Он же её развратит. Мать дала ей старомодное воспитание.

– Я не замечала в нём аномалий. Он просто гиперсексуальный, как и все они в таком возрасте. А так он обладает возвышенными понятиями и приверженец традиционных ценностей.

– Артём убьёт любого, кто покусится на неё.

– Она же должна будет стать женщиной, женой, матерью.

– Они могут не понравиться друг другу.

– Ему сейчас понравится любая. Но утончённая девушка напомнит ему о лучших сторонах его собственной природы.

– Хочешь породниться с Артёмом?

– Чего мне кривить душой теперь, когда моя личная судьба не задалась? Да. Хочу. Пусть он сделает то, чего не было

суждено мне.

– Зачем тебе это? Ты же сама его отпихнула?

– Да. Я пожалела его несчастную жену. Чудесную и редкую женщину, ей и так жить недолго. Я хочу иметь внучку, похожую на неё. Я ненавижу этих космических воительниц с мужичьими мускулами и грубыми голосами. Они все умеют драться, стрелять, и убивать, наверное, управлять этими машинами за пределами земной атмосферы. Они закоптились у этих своих звёзд, став кем угодно, но не женщинами. А я хочу, чтобы у него была женщина, а не вояка с сиськами бабы. Они же там андройды какие-то со вторичными половыми признаками женщины, но не женщины вовсе. Пока он молод пусть рождает прекрасных детей от прекрасной и нежной женщины. Познакомишь? Я же, помнишь, познакомила тебя с Артёмом? Ты как просила. Долг украшает платёжность, – она опять извратила русскую поговорку.

– Долг платежом красен, – поправила Рита. Она не любила долгов.

А оказалось, что он и сам давно её приметил. Разглядел. И возликовал, едва понял, что девушка – лебедь в пачке это она, дочь Артёма. Та, что скользила своими узкими туфельками по сияющим полам вращающегося небоскреба ГРОЗ, опустив медно-золочённые реснички на розовеющие от взглядов столбенеющих десантников полудетские щёки. О ней хотелось говорить лишь возвышенным слогом. Её маленькая грудь стыдливо ёжилась под щупающими её мыс-

ленно взглядами этих бурных вояк. Рита сама однажды наблюдала это в их мужском термитнике. Там и женщины не отличались от мужиков, Карин была права. Не всегда плечистые и громогласные, порой и обманчиво-заманчиво женственные, но все боевые и раскованные, способные убить одним ударом, если случись им обороняться. И Ксюша в своих пестрых лоскуточках – крылышках, цокающая миленькими туфельками, которую даже ей, женщине, хотелось прижать к своим устам.

И он бросает ей в лицо: «хм»! Вместо благодарности!

Ведь тогда Рита на весьма диковатую просьбу Карин о том, чтобы стать ей сводней и найти повод поставить их, Рудольфа и Ксению, нос к носу, лицом в лицо, возмутилась сильно. А Карин: «Девушке пора вылезать из своего хрустального заточения. А если они поженятся»? У Карин тогда появится шанс дать свою любовь внукам, поскольку она хочет внуков общих с Артёмом, а других ей не надо вовсе. Будут они или нет, ей до них как до посторонних всех прочих дела не будет ни малейшего. Уж такая она была, эта причудливая дама, и дать ей общую характеристику: «плохая» – «хорошая» – было нельзя. Рита и не подумала исполнять её просьбу, данную как приказ к исполнению. Это тоже было её особенностью: все её просьбы были приказами, которые никто не исполнял, не смотря на её царственно приподнятый подбородок и надменный взгляд всегда свысока. Несносная особа, пребывающая в добровольном заточении в своём зам-

ке-музее, в своём старом и дряхлом доме, в безвылазном своём одиночестве.

А получилось всё как-то само собой. Они познакомились без всякого устремления Риты к их судьбоносному сочтанию, которого в итоге не произошло. Пират Космической эпохи замучил девочку-бабочку. Захватил, стряхнул волшебную пыльцу. Все эти её убегания от него были лишь её самозащитой от его бешеного напора. От истребляющей страсти, от захвата, грозящего ей просто сломом позвоночного столба, в переносном смысле, конечно. И, всё же, она полюбила его. И когда он это понял, он стал её мучить уже этой её любовью, дергать, не щадя за ниточки зависимости от себя. Это же удел многих девушек в их первом и несчастливом любовном опыте. Но ниточки-то были живыми и росли из Ксюшиного сердца, и он их грубо рвал с её душевным мясом.

Что были у них за отношения? Артём сошёл с лица, жалея дочь и жену. Она, Рита, несла на себе вину за их знакомство. Четыре года они поднимали пыль до стратосферы, чего-то выясняя друг с другом, дрались и разбегались, чтобы опять слиться в своём ненормальном экстазе после короткой разлуки. Постепенно это бы и утихло, пыль бы улеглась, царапины и синяки быстро заживали, но возникла какая-то Лора. И он женился для всех молниеносно. И глупо тоже. Это был удар, который сшиб Ксению с ног. Артём выдал её за своего друга и вдовца, англосакса Робина Бёрда. Это было

уже окончательное обрушение их моста. «Два берега одной реки», как в старинной песне, остались разъединены.

Рита усмехнулась простоте, щемящей чистоте старых песен, их русских и вообще мировых, хранящихся в музархивах человечества. Ушли в прошлое стихи и песни, ушли романы о любви, но не сама любовь. Она, Рита, любила Артёма, дочь Артёма любила Рудольфа. Но кого любили они, Артём и Рудольф, поди разберись. Всех, кто был в тот или иной момент рядом с ними. Вот Карин уверена, что Артём любил её, а жена Артёма была уверена, что её, жену Нику, ни с кем несравнимую маму Ксюши. А она, Рита, убеждена, что её, и только её он любил. Многолюбцы, одним словом.

Неблагодарная падчерица

Ксения не была юной простушкой, но свою непочётную миссию на новый спутник понесла на отросших крыльях светлой надежды. Рита же, решив устроить ему эту «заподлянку», Ксюшу – орхидею из забытого гербария, делала два благих дела сразу. Три даже. Спасала его, вырывая из беспросветных космических глубин назад, на Землю, дарила «дар богов» – молодость стареющей дуре, а главный приз, понятно, себе драгоценной.

Уж если из одной клетки выращивают погибшее древнее животное, то, что для современной медицины воссоздать из

полу увядшей и усталой женщины, забившуюся в свою постылую нору, прежнюю девушку, будто расцветшую только что. Дорого, хлопотно, но ради памяти Артёма, ради самой Ксюши, чтобы она не повторила глупой ошибки и с высоты своих прожитых лет сумела бы, используя свою возрождённую красоту, отомстить ему, наконец. Исцелиться самой и воссоздать свою судьбу заново, без него, с тем, кто будет достойнее, чем прежний. А ей, Рите, так уж и быть, пусть останется он. Всё же лучше, чем одной угасать. Но это на поверхности сознания, а в глубине, в непроглядном колодеце, у самой кромки подсознания – вытянуть его на Землю по любому, присвоить себе окончательно.

Интуитивная Ксения словно заглянула в этот колодец, словно бы встретилась глаза в глаза с коварным духом, там обитающим. Начала ломаться, отбрыкиваться от «дара богов»! Или же она в силу незадавшихся путей-извивов своей жизни стала недоверчивой, стала циничной, стала искать тайные подтексты её усилий. Да какие подтексты? Рита смотрела ясно и по-матерински проникновенно в её обездоленные глаза, хотя и не без строгости к её неразумию. Внушала, что только чувство долга перед ней, перед её матерью, её отцом, наконец, движет ею. Она вернёт ей то, что отняла у «сильфиды – дурочки» жизнь, её женское благополучие, её элементарное, естественное женское счастье. Она упростила редкого специалиста, а это не было просто, это всегда был смертельный риск для пациента пройти подлинное омоложе-

ние, длительная, дорогая и наукоёмкая процедура...

Да кто же устоит перед таким-то искушением?

И «Пигмалион» – объединённые усилия засекреченного Центра омоложения создали из унылой ветоши волшебную юницу «Галатею». Правда, великодушный Пигмалион не влюбился в своё творение, как Франк в Нэю, но один из врачей-кудесников, самый озорной, самый чуткий к женской прелести, напутственно и совсем по-отечески хлопнул по упругой и девственной попе: «Беги, соблазняй, тешься сама, тещь того, кто будет избран тобой в счастливички». И ещё недавно облезлая рыжая кошка, став дивом дивным, презрительно фыркнула себе под нос, ни во что не ставя чужие колоссальные усилия и затраты. Ну, совсем как Рудольф: «Хм»! Чих вам всем на головы. И носиком точёным повела, задрав свой округлый подбородок к улыбнувшейся ей повторно, небесной и лазурной высоте.

Когда Рита увидела его, он поразил её. Связь через визуальные записи, доставляемые теми, кто курсировал в звездолётах от Земли до открытой планеты, возле которой и вращался спутник, была достаточно неудобной. Да другой не было. Планету намеревались сделать второй Землёй, но чистой и девственной, как новая Ксения. Как ни подготовилась Рита к его перемене, поразил всё равно. Она всё читала в его глазах, его мыслях, в его подсознании даже. Он был ошалелый, напитан Ксенией, как старый вулкан, распираемый подземной магмой, готовящейся его взорвать. И хотя он еле

бурчал, касаясь только тем, не затрагивающих его личных переживаний, кроме этого дурацкого бантика, он уже зримо курился грядущим извержением.

«Молодец Ксюша!» – думала Рита, – «тебе отмщение и молодость, мне его грядущее извержение». А то задремал не ко времени, не стар, чтобы киснуть в тишине и зарастать муравой для выпаса коз. В тебе ещё богатые и бурные недра. Энергия любви будит энергию творческую. Талантливый человек, угробленный в начале молодости, замурованный где-то мстительным Артёмом, тоже должен получить свой второй шанс. Рита чувствовала себя Демиургом, Элоим, кто там был ещё?

«Ты же, маленькая и стареющая, усталая инопланетянка, твой роман уже прочитан, и ты стала прошлым. Слабоват ли оказался твой «Пигмалион» Франк, не обладая нужными ресурсами на Троле для проведения столь сложной метаморфозы подлинного омоложения, или природа твоя взяла своё, но ты осталась в другом измерении, под другой обложкой. Кто хочет, пусть читает. А он уже отложил тебя в сторону, сбросил в нечитаемые и ненужные хранилища прошлой информации».

Разговор ни о чём

Вот уже неделю Рудольф не приходил в домашний отсек.

Он и раньше часто ночевал в своём рабочем отсеке, но даже во время строительства подземных уровней никогда не отсутствовал больше трёх дней. Ночевал практически всегда в их «пирамиде», так называли они свою спальню, замаскированную под ту хрустальную мансарду, что была у них на Паралее в «садах Гора».

И ведь когда-то, думала Нэя, этот лесопарк, оставшийся где-то за бездною многих и многих световых лет, в безразмерном вместилище Млечного Пути, в манжете, так сказать, одного из его закрученных рукавов, казался ему ничтожным и скучным. Здесь же не было ничего подобного тому великолепию. За бесцветными, осязаемыми, если к ним прикоснуться, но незримыми стенами купола простирались однообразные и очень холодные пространства непонятно зачем и сотворённого Надмирным Светом мира. Но мир этот обустроивали, как стартовую площадку для броска и запасного плацдарма, для освоения живой и пульсирующей планеты, пока что безымянной. Она ждала своего имени, имея лишь цифровую аббревиатуру, она пристально вглядывалась в тех, кто столь же пристально следил за нею и уже пытался делать свои вылазки на её пригодное, слишком уж пригодное и заманчивое для людей, но, вроде бы, неразумное тело. Антропоморфных разумных обитателей обнаружено не было, пока. Пришельцы же пребывали лишь в самом начале своего движения к освоению планеты, и это движение получит своё ускорение в будущем, в том будущем, когда самих первопро-

ходцев уже и не будет, их существование закончится в этой Вселенной.

Хотелось ли Нэе возврата на Землю? Земля не стала ей родной, как мечталось на Паралее. А на родную планету? Туда, где она бегала босиком в детстве по розовеющим пляжам под лучами своей благословенной Ихэ-Олы, тосковала в цветочных плантациях, страстно любила в переменчивом изумрудно-пунцовом лесопарке, дыша его ароматами и мало ведая о том, сколь страшен был мир за пределами её столь малого, но устроенного мирка? У неё там были свои беды, свои страдания, конечно, не сопоставимые с бедами многих и многих, но ей-то они не казались ничтожными, они сби-вали её с ног и грызли душу и тело, столь же беспощадно, как и несопоставимые с её личной мизерностью катаклизмы вокруг. Даже в самом неустроенном мире можно найти закуток блаженства. Так же, как и на прошедшей уже свой мучительный этап разрушений и заблуждений, задыхающейся некогда в отходах мусорной цивилизации Земле, но очищенной и вошедшей в свой всечеловеческий «рай», продолжали жить страдающие люди.

Рудольф был погружён в свои вычисления, а может просто расслабленно и бессмысленно глядел в свои мониторы. Имел же он право на безделье иногда. Он не обрадовался и не огорчился её приходу, не поднялся, когда она вошла, будто покинул её час назад. Оторвавшись, он потянулся в своём рабочем кресле и сказал ей буднично, – Свари мне кофе и

сделай массаж, у меня устали плечи.

Нэя подошла к нему и встала перед ним, не думая исполнять его просьбу-приказ. Увидев её вопрошающий взгляд, он прижал её к себе.

– Почему ты не носишь комбинезон, как большинство? Ты разлагаешь женщин. Они тоже стали носить платья, отвлекая мужчин от работы, – и он расстегнул пуговики её очередного нежно-голубого шедевра. – На Земле все выпадают в осадок, выполняя наши заказы на пёстрые ткани. «Вы там с ума сошли? Чем вы заняты»? А я отвечаю: – Мы же и любим тоже, и рожаем детей. Дети и женщины не могут жить в казармах, как военные, или как роботы выключаться после своих прямых обязанностей. Скудость впечатлений, голод на образы это может искалечить психику, особенно это плохо для детей, – он отвлекал её, зная за собой вину, имени которой не знала Нэя, боялась знать, не хотела. Она боязливо пыталась прощупать направление опасности.

– Ксен вызывает всплеск эмоций почти у всех. Дело же касается еды! Кто-то смеётся над этим космическим овощеводом, кто-то не доверяет ему. Все дружно обзывают его сдвинутым, когда его постигает неудача, но хвалят, когда он всем угождает. Он же безразличен, как к похвалам, так и к ругани. Похоже, он выбрал спутник как полигон для своих опытов. Неограниченные возможности, никто не спрашивает отчёта, он волен в своих зелёных оранжереях, как Творец. Понятно, что народ немного опасается, высказывая ему в форме

юмора свою настороженность. Что своими экспериментами он модифицирует нас в зелёных гуманоидов, а последующие люди, когда придут сюда, никого тут не узнают.

– Он, конечно, экспериментатор, и тут разошёлся в своём зелёном оранжерейном королевстве так, как никто не позволял ему этого на Земле, на его полях и делянках. Он и не пускает туда никого, чего он там колдует со своей коллегой, никому неизвестно. Но таких овощей мы до его прибытия и не видели. Ведь вкусно? Он невероятно трудолюбивый, ответственный и талантливый человек, и он понимает, что за серьёзные ошибки и спрос всегда серьёзный. Но он и забавен, это правда. Он похож на гнома, хотя он и великий маг в своей сфере.

– А она? Его жена? Что ты думаешь о ней? – Нэя испытующе впиалась в его смеющиеся глаза. Чем его смешил этот разговор?

– Она? Что она? Ты хочешь, чтобы я сказал, что в ней нет ничего особенного, и она полная бездарность, как считают все твои подружки? Но она очень красива. И не бездарность. Хотя, возможно, она залезла не на свою делянку, в том смысле, что агробиология не её призвание. – Глаза застыли лишь на миг, но миг для неё заметный, в этот миг он здесь отсутствовал, не видя её и забыв о чём речь.

– Женщины говорят, что она бездельница, а до её талантов и дела никому нет. Она скрывается под крылышками своего мужа, прячась в его лабораториях, и ни в чём не смыс-

лит. Его не считают настоящим мужчиной. Поэтому она по вечерам бродит по мужским отсекам и показывает им странные танцы с раздеванием. Ваш древний, как и сам порок, стриптиз. – Этот разговор происходил между ними ещё тогда, когда никто на спутнике не знал о положении Ксении, о её беременности. – Я не знаю, правда ли это?

– Они всё сочиняют. Они с ней не общаются, и она ходит к ребятам, одна жена Артура не отвергает её. А ты не хочешь с ней общаться?

– Я её боюсь. Она смотрит так, будто сидит в засаде. И прыгнет, когда я отвернусь. Почему так? Да и безразличие на себя напускает. Как с нею общаться? Я... – Нэя решилась и выпалила, – я ревную её к тебе. Боюсь, что ты, как и все, любишь её втайне от меня. И Вика её боится, я знаю. Все боятся. Зачем её сюда прислали? Так нельзя было делать. Такой девушке тут не место.

– Хочешь быть, как и прежде, первой над всеми?

– Мне не нужно ни перед кем быть впереди. Мне всё равно это. Хотя да, я не хочу быть позади кого-то для тебя. Я не верю отчего-то в её верность странному и смешному мужу. Вика говорит, что у неё был влиятельный отец, но он исчез, как многие исчезают во время межзвёздных перемещений. Но здесь, что она забыла?

– Может, решила изведать все грани бытия, и яркие, и тусклые, чтобы сильнее оценить свою жизнь на Земле? Поскучает здесь и умчится. Вот увидишь.

– Она не волнует тебя как женщина?

– Она чужая жена. У меня же есть своя... – он пытался справиться с её пуговками, прозрачными как росинки на вышитых цветах, которыми рукодельница Нэя украсила лиф платья. – Сделаешь массаж? – Он встал, принялся раздеваться.

– Я спешу в бассейн, – ответила она, не уловив трепета нужного накала в его пальцах, когда он ласкал её. – Сегодня там наш женский день. Вика пошла с детьми в мелкий бассейн, а я пойду и поплаваю в глубоком.

– Вы там плаваете нагишом?

– Кому как хочется. А что? Эта жена Ксена всегда одета, если тебе интересно, в очень закрытый купальник. Но всё равно её все изучают. Она никому не даёт покоя.

– И тебе?

– И мне.

Что было в его лице, когда она напрямую завела разговор о девушке, вернее, женщине Клариссе? Он себя прятал, даже глядя ей в глаза, пытался создать некий экран, и ему это удалось, но сам этот заслон Нэя чувствовала. К чему он был ему нужен? Какое отношение он скрывал к девушке-загадке? Значит, было что скрывать? Или она впадает в паранойю? Здесь, к сожалению, расстройства психики не редкость. Он мог бы сказать: «Кто сравним с тобой»? – как говорил ей всегда. Избитая фраза, но сейчас он её не сказал. Не стал отрицать красоту Клариссы. Стал её защищать от нападков.

– Если не хочешь, – сказал он, но ничуть не обижаясь на её отказ, – то, пожалуйста, не отвлекай меня пустой болтовнёй.

– Я просто соскучилась. Неделю без тебя. А здесь, наспех, я не хочу.

– Я тоже. Сегодня приду. Ну, иди, купайся.

И отвернулся от неё сразу, сделав вид полнейшего безразличия, задетый всё же её отказом. Но никакого желания Нэя в нём и не чувствовала. Надоела? – изумилась она, – так быстро? За девять лет я, что же, полностью себя исчерпала?

Первое время после рождения двух первых детей их любовь шла по нарастающей, и он обижался, когда она, как он считал, поделила свою любовь пополам между ним и детьми, не понимая, что любовь к детям не мешает её любви к их отцу. Но потом как-то смирился с этим уполовиненным, как продолжал считать, чувством, принял закономерность того, что её сердце способно вместить в себя и детей тоже. И Нэя была просто обязана доказывать ему, что любовь к детям не препятствие другой любви, что у них разные вместилища, хотя и пребывают они в одном сердце. Две камеры одного любящего, живого сердца, мать в ней только усиливала женщину-любовницу, благодарную тому, кто дал ей детей.

Нэя пребывала в смятении, видя его ускользание от прежней и взаимной их откровенности. Какая злая или просто безразличная чья-то воля прислала сюда эту Клариссу, ищущую лекарство для своей сонной души и это в таком-то возрасте? Все черты её лица говорили о том, что она пребы-

вает в женской спячке. Но что, если проснётся здесь? Или уже проснулась? Продолжая прятаться за статичным равнодушием прекрасного юного лица. Для чего-то же она бродит по мужским отсекам. А гном, столь же и спящий мужской своей сущностью, ничего не хочет замечать. И если она обратит свой ищущий взор на её мужа, лучшего здесь в мнении Нэи, вдруг он не устоит? Ответит ей? Или уже... У Нэи перехватило дыхание. Во время новогодних праздников для детей и взрослых он был занят в своих подземельях. Они же веселились до ночи. Вернувшись и уложив детей, объевшихся лакомствами и впечатлениями, она вошла в «пирамиду». Он валялся там, раскинувшись среди цветов, вышитых роботом-швейей по эскизам самой Нэи на чудесном постельном белье.

– Я устал, – сказал он ей, – извини, что я буду спать, – и отвернулся от неё. Что было в этом особенного? Устал человек. Но что-то остро и пронзительно кольнуло Нэю в самую сокровенную глубину, в самую сердцевину. Этим «что-то» был оттенок его голоса. Он напомнил тот, что оттолкнул её в подземельях Паралеи и приговорил их первого ребёнка к сиротству. Даже боль она ощутила ту же. Будто не рождённый ребёнок, совсем маленький эмбрион дёрнулся от своего приговора, учуял его. Знакомо и противно потянуло в низу живота. И подумалось именно об этой Клариссе, свалившейся им на голову всем тут, не только и ей. Другие женщины тоже утратили привычное спокойствие. Но Нэе казалось, что

целью этой Клариссы является Рудольф, и только он. Даже если бы он был и хуже и старше, даже если бы он был гном, как и её муж, эта Кларисса выбрала бы его, потому что ей был нужен только первый из всех. Нэя одна смеялась, когда другие жены негодовали, волновались, следили, и она одна сильнее всех страшилась Клариссу.

Нэя – загадка для Ксении

Ксения в привычном одиночестве сидела на краю бассейна, свесив ноги в зелёную воду. Вода причудливо, иллюзорно ломала её ноги, придавая им желеобразное колыхание, и она как ребёнок забавлялась тем, что болтала ими туда-сюда. Купальник закрывал её тело, не надо было дразнить местных гусынь, и был он зелёным и стеклянным на вид, и вся она казалась плотью водяной, а не человеческой. Русалкой. Краем глаза она увидела жену Рудольфа, её сливочное тело в розовых каких-то шортиках и топике, обтягивающим её достаточно здоровую для такой-то миниатюрной женщины грудь. Грудь распирала топик, словно желая выстрелить наружу, явив всем желающим свою обольстительную обильность. «Сексолялочка ты моя», – насмешливо оценила её Ксения. Вика рассказывала ей, что иные женщины, которые рожали тут и кормили своих детей, делали потом инъекции в грудь, чтобы восстановить её форму. Но красоту, если её

не дала природа, не дадут никакие инъекции. У «лялечки» грудь была превосходного качества сама по себе. Ксения на короткий миг перевоплотилась в Рудольфа и как бы его руками прикоснулась к груди «лялечки». Ощущение было приятным.

Нэя, как будто уловив недолжный посыл женщины-русалки, вздрогнула. Всё остальное у неё тоже было вполне, но хуже, чем у самой безжалостной оценщицы. Гораздо, на несколько порядков хуже. Ножки ровные, а вот прочее от родов явно пострадало. Живот уж точно, раз она так тщательно его спрятала утягивающими шортами до самой талии. И что же, мужу совсем наплевать, кого он любил, если любил, когда оно и было необходимо? Ведь сама Ксения прибыла к нему царственным непорочным даром совсем недавно. Она вгляделась в Нэю. Что-то в её лице было странноватое на взгляд людей Земли. При полной очевидности для Ксении, что эта женщина была для многих мужчин весьма притягательной и волнующе-загадочной, она не была земным эталоном красоты. Если женщины той Паралеи таковы, а ведь Нэя не была там самой распрекрасной, то не исключено, что в невообразимо отдалённые и потому потерянные времена обитатели Паралеи и породили самих землян, построив некогда свою дочернюю цивилизацию на Земле. Поскольку сами земляне уж точно Паралею не заселяли. А потом цивилизация там скатилась с горы инволюции в свою печальную низину, разбившись, если и не вдребезги, то став калекой. Но оставила

как напоминание о своём былом блеске и совершенстве красоту отдельных своих представительниц. Сама ли она туда бухнулась, в эту инволюцию, толкнул ли её туда кто извне, оглушённая коллективная душа её создателей, тех, кого земляне обозвали «троллями», ничего уже не помнила.

В чём заключалась её странность? У неё был слишком пристальный, но стеклянно-прозрачный взгляд, статичность мимики, не было ни единой морщинки, не было классической красоты, но не было и изъянов. Живая маска? Пожалуй. Ни грусти, ни задумчивости, ни движения тайных процессов души не отражало это лицо, ни возраста тоже. Оно не было зрелым, но и юным его нельзя было назвать. Оно также интриговало её, как и там, в подмосковном лесу, как в далёких Альпах...

Ксения делала вид, что не смотрит на неё, уйдя в свои глубины и очень серьезные раздумья, но все её раздумья касались лишь Нэи. Они были как раз поверхностными, внешними.

«О чём он с нею разговаривает»? Выходило ли их общение за пределы примитивно бытового контакта? А сексуальный контакт после стольких-то лет уж точно не был насыщен разговорами. Детишки, штанишки, «поели, теперь можно поспать. Поспали – теперь можно поесть». Мысли были крамольными и непристойными, потому что Ксения представляла себе, как и каким образом он любит эту свою жену. Не так же, как её, Ксению! Уж точно иначе. Но как он лю-

бил её, Ксению? Только физиологически, отталкивая своей душой, не пуская её вглубь. Всячески давая понять, что их прошлого нет в нём, как и нет ей места в настоящем. Она только развлечение, отвлечение от рутины и однообразия. Она чужая жена и потаскуха, в отличие от его сливочной жены, давно в нём живущей.

Для чего он привёл её, Ксению, в свою святую семейную спальню, уложил на вышитые нежными и искусными руками жёнушки простыни? Её, потаскуху?

А то первое её утро на спутнике, когда он раскрыл ей в тот утренний миг своё глубинное измерение, позвав без слов? И столь же стремительно его захлопнул, чего-то испугавшись.

Все их объятия были теми же, из прошлого, все их ласки и игры – всё возродилось, и могло ли это не затронуть его души, если заполнило её, Ксению, всю целиком? Она считала, что он лгал сам себе, защищался от неё, чем вызывал не только злость, но и жалость. Он был плохим лицедеем, что для неё было его плюсом. Ксения не терпела лицедейства в мужчинах.

Она следила за плавающей и резвящейся фигурой Нэи, ждала и не уходила. Когда Нэя вылезла по лестнице из воды, Ксения встала и уселась рядом с нею. Нэя вытирала волосы и как будто не обратила на Ксению внимания, не отодвинулась, не ушла, как делали это все прочие. Ксения неожиданно коснулась её тела. Она никого тут не уважала из женщин, считая себя человеком более высокого уровня их земной, мно-

гослошной жизни. Коснулась с намерением потрогать и ощутить её кожу, её плоть так, как это доступно лишь её мужу, чтобы понять его ощущения от этой воздушной, но отнюдь не совершенной по виду женщины. Касания были неуместны и дики, так что Нэя замерла, можно сказать окаменела от выходки Ксении. Перед этим Ксения даже не ответила ей на её приветствие, привыкнув к тому, что её все игнорируют. Но только для видимости, сами же наблюдали неустанно.

– Хотелось убедиться, что такое бывает, – Ксения нацепила свою дежурную улыбку, милую, открытую, зная, как безотказно она работает, вызывая смягчение тех, кому адресовалась. Сама же она нисколько не дарила столь же доброго посыла изнутри себя, оставаясь ко всем безразличной. – Вы мать четверых детей, а выглядите без всякой лести безупречно.

О, женщины! Змеи извилистые и лицемерные! Бедняжка Нэя приняла комплимент за правду, – Многие боятся материнства именно как приговора своей красоте, – ответила жёнушка, заметно осчастливленная неискренней похвалой. – У меня и на Земле остались две дочери, даже три. Но одна из них, старшая, не моя. Приёмная. Но мужу она родная. Всего у меня уже шестеро родных детей. К сожалению, так сложилось, что тех дочерей пришлось оставить у родственников.

– Не вы одна такая здесь, насколько мне известно. А та, приёмная дочь, где её мать?

– Мать погибла на Паралее.

– У вашего мужа богатое прошлое.

– Что же, у него была нелёгкая и непростая жизнь.

– А у вас лёгкая была жизнь?

– Нет. У кого она и лёгкая? Мы же не цветы, а люди.

Жизнь тяжела любому, хотя и прекрасна, даже несмотря на страдания. Ведь и страдая, мы не стремимся её лишиться.

– Кто как. Некоторым она бывает неважно. Вот у вас до моего прилёта был тут Рамон Грязнов. Мне рассказывали. Он искал гибели и лез в самые рискованные экспедиции, ничего не страшился. Но на самом деле страшился самой жизни. И пропал где-то на этой сапфировой красавице, похожей на тот свет. Опустил свой модуль недалеко от эпицентра извержения вулкана. Чего его туда понесло?

– Рамон? Я его не застала, – ответила Нэя печально. – То несчастье произошло до моего прибытия сюда. Но почему вы назвали планету так странно? «Тот свет»? Какой? Как это?

– Эта планета высасывает мою кровь. Я боюсь её. Мне снится, что ночами её душа воплощается в некий зыбкий призрак, и тот льнёт к куполу прозрачным и голубоватым лицом утопленницы, просит моего тепла, вытягивает из меня жизненную энергию. Вот я вам расскажу один из этих снов. Я встала, но не на самом деле, а мне снилось, что я пошла в город. Всё залито расплавленным аквамаринном, – есть такой яркий голубой камень. Растения вокруг от запредельного сияния тоже голубые. Спутник в своей полноте зависла над куполом. И тут я вижу, на искусственной скале в нашем

водоёме, который у детской площадки, сидит женщина. Волосы чёрные, как галактическая бездна над нами, роскошно красива, не земная определённо. Я ей говорю, тебе чего тут? Она же мне: «Я пришла к своему мужу». «К какому мужу? Здесь мужей много». «Мне», – отвечает, – «не надо много, мне необходим только мой муж. А ты отсюда убирайся»! Прыгнула в воду и пошла ко мне, и плеск потревоженной воды был настолько реален. Я вскочила с постели от остановки дыхания, не могла прийти в себя. И что интересно, вся мокрая, словно меня забрызгало водой. Конечно, это от потоотделения, от слабости. Сейчас Ксен пичкает меня всевозможными снадобьями, говорит, что у меня расстройство психики, неизбежное в таких местах. Я же не космодесантник. Это у них кожа будто из металла, не пропускает никаких ненужных излучений. А на самом деле? Всё дело в страхе, который внутри. Мы думаем, что боимся небытия, но того места, где нас нет и не существует для нас, а там, где мы находимся, есть только жизнь. Рамон хотел победить свой страх, он боялся жизни, был меланхолик. Не всех людей устраивает жизнь в том своём виде, как она у них сложилась. Не все ею и дорожат. А многие, освобождаясь от жизни, стремятся избавиться именно что от страха перед нею. Выходит, жизнь страшнее смерти?

Нэя доверчиво, но как бы с несколько другого уровня восприятия слушала её так, как делают дети, заглядывая при этом в глаза Ксении сбоку, стараясь уловить её взгляд.

Ксения надменно вздёрнула подбородок и отвернулась ещё больше в сторону. Обойдётся! Ещё в глаза тебе дай сунуться. Такой посыл нёс её гордый профиль. Ей были неприятны люди, назойливо лезущие в самые глаза, чтобы зрачком в зрачок. Одно дело чистые и безгрешные дети, другое все прочие. А Нэя была для неё из числа всех прочих. Только все прочие были размытым безразличным фоном, а жёнушка раздражающей на этом фоне деталью.

– Какие любопытные сны вам снятся. Мне похожие снились на Земле, в мои первые дни. Земля не стала мне родной, не приняла меня. Здесь сны совсем другие. Да. Но не стоит винить людей за их стремление к счастью. Если касаться прошлого моего мужа, он был так мало счастлив. Да и вообще, оно всегда так коротко, часто обманчиво, счастье.

– Как вы добры к нему. Всё ему прощаете?

– Что же всё? У каждого человека есть прошлое и, принимая того, кого выбрало сердце, принимаешь его всего, чего бы он в себе ни нёс. Если что не нравится, то прощаешь ему, как и себе. Себя-то мы всегда прощаем и оправдываем. Как же иначе жить?

– Это вы. А я себя никогда не оправдываю, если была дура. Впрочем, была и есть. И умру, наверное, душой. А вы думаете, будь я умненькой, как иные, была бы здесь, в крошечной этой тьме? Или вы думаете, ваш муж, будь он умнее, был бы он здесь? Уже не говоря о вашей Паралее.

– Считаете его дураком? – она расширила удивлённые си-

ние глаза. Нет, мимика её была живой и выразительной.

– Ещё каким! – но ответ был невнятен из-за шума и брызг, поднятых Ксенией, она прыгнула в бассейн и уплыла к далёкой стене, украшенной голографическими песками, ракушками и цветами в несуществующей перспективе. Развернувшись, Ксения увидела, что сливочная жена ушла.

«Приняла бы она всё! Вот и принимай всё! А я не хочу его принимать ни с тобой, ни без тебя. Улечу я отсюда. И что сделает мне Ворона? Молодость не отнимешь. А контракт я имею право расторгнуть из-за беременности».

Ксения распласталась поверх воды. Вода выталкивала её, и Ксения лежала на её поверхности, колеблясь, как зелёная морская звезда с белыми щупальцами рук и ног, накапливая в себе яд, чтобы изжалить его за всё. В отместку за краткое наслаждение, долго отдающее потом мукой в каждом её рецепторе, за все его прошлые и настоящие игры с нею, и за самую непереносимую его игру – за роль благочестивого семьянина и многодетного отца. И она засмеялась, вспомнив их игры в бассейне ночью, и от этого веселья утратила равновесие, захлебнулась, набрала полный рот воды и, зло отплевываясь, продолжала смеяться.

И всё же ей было любопытно, как смогла не самая идеально стройная женщина с наивным лицом заставить его принять на себя столь не свойственную ему роль мужа и отца. Когда-то она так мечтала о нём в этой роли, но сейчас ничего, кроме щемящей неловкости не было при касании к тем

воспоминаниям. Возникали жалость к себе и стыд за себя, и ненависть к нему, превратившему её сказочную карету в глупую тыкву, а её саму в замарашку в личном плане. Уж сколько грязи пришлось ей отведать в сумрачных углах чужих душ, а ослепительный бал достался этой, за какие интересно заслуги и качества, какими не обладала бы и она?

«Я лучше, я тоньше, я изысканнее, и наконец, я теперь просто на просто красивее и моложе», – твердила она себе. И его тайные загулы тому доказательство, как он ни корчится потом, как неврастеник, перенося на неё всю ответственность за своё падение.

Мышка пытается играть с котом

Во время обеда в их столовом отсеке Ксения намеренно ухаживала за Ксеном, любя его самой высокой из всех возможных родов любви, не притворяясь в этом, любовью родственной. Она ела с ним салат из общей тарелки, давала ему самое вкусное мясо креветок, выращиваемых в подземном солёном водоеме, самые лакомые кусочки, и умильно глядела, как он жуёт.

Технолог по кухне Нелли, одна женщина среди мужчин – кухонных работников и заправителей их желудков, изобретающих блюда и настраивающих кухонных роботов на нужный режим работы, была специалистом по диетическому и

лечебному питанию, а также и кондитером. Она была свободной лично, то есть ничьей. Её космический муж Рамон давно сгинул, и она переходила в отсек то к одному, то к другому десантнику на спутнике. Она была, как бы оправдывая своё место, пышна, но в меру, аппетитно взбита как белковый крем, белобрыва и улыбочиво-отзывчива. Она любила носить тонкие платья вкусных даже по виду расцветок, сшитых фантазией Нэи и мастерством швейных роботов совместно. Хотела подчеркнуть тонкость своего кулинарного мастерства, хотела для всех быть праздником, наряжаясь под стать своим кондитерским изделиям, благоухая ванилью, клубникой и сладким сливочным пудингом каким-нибудь. Ксении это было неприятно, она тоже любила с юности такие нежные и светлые платья, чувствуя себя в них если не Золушкой, то спящей красавицей или принцессой Грёзой как на сцене, ощущая легкость и красоту своего заметного жадным мужским взорам тела. Но эта Нелли была довольна совсем не теми высокими устремлениями, что Ксения когда-то, воображавшая, что несёт в мир счастье постижения подлинной красоты. Эта повариха могла быть похотливой и неразборчивой, а могла быть уступчивой, но холодной, как и знать. Может, она любила только погибшего Рамона, а может и всех, кто в этом нуждался. Для многих высоколобых животных она была тут столь же вкусна, как и её блюда. Сегодня она замутила виртуозные пирожные на десерт. Они были покрыты сверху розовыми нежнейшими разводами ка-

рамельного мусса и аппетитно манили бело-кремовым нежным суфле. Они напоминали по цвету жену Рудольфа в её розовом купальном костюмчике стыдливой девочки. Только девочка скрывала просторными шортиками свою давно подпорченную женскую наличность.

Ксения, вонзая десертную вилку в суфле, представляла как заправский каннибал, что пожирает эту Нэю, её воздушную плоть. И тут она увидела Рудольфа, следящего за её мысленно-жестоким пиршеством. Он сидел чуть дальше у противоположной стены, но лицом к ней. Она уловила покалывание в губах и поняла его взгляд. Она стала играть сладким и уже противно-приторным десертом. Нежно полизывала его языком, издеваясь над Рудольфом, наблюдающим её непристойную игру. Нэя, сидя рядом с ним, ничего не соображала. Игра достигла цели. Он впился в Ксению взглядом василиска, коробился от её цинизма и не умел противостоять. Она продолжала лизать десерт языком, как голодная кошка и смотрела ему в глаза, дразня тем, что облизывала при этом и свои губы красным кончиком, давая обещание такого же сладкого будущего свидания. Отлично понимая свою пошлость в данный момент, она намеренно унижала его, почти открыто глумясь над ним. Нэя ничего не видела, сидя сбоку от него, занятая едой. Низкая игра увлекала Ксению, возбуждая её злость ещё больше. Ксения уже не была вольна в том потоке, что тащил её в сторону неизвестно какого финала. Рудольф отодвинул ненавистное сладкое. И никто ниче-

го не видел и не понимал, только они двое, переглядываясь ненавидяще-страстными взглядами. Он злился, считая своё влечение пережитком постыдной юности, но не умел отбросить его и в своей мнимой зрелости. Затем резко встал, намереваясь уйти. Ксения засмеялась, глядя рукав комбинезона Ксена, расправляя несуществующие складки, а наивная жёнушка поела десерт как ребёнок, испачкав губы муссом.

«Ну и обжора!» – думала Ксения, – «всё вопиет в ней о недоразвитости, об отсутствии одухотворенности».

Ненависть к ней усилит ночью её наслаждение, которое даст Ксении муж пожирательницы муссов, а то, что даст, она и не сомневалась. Он прошёл мимо, ударив незримой, но жгучей молнией зажатого до времени желания. Мерцание её браслета спустя короткое время подтвердило ей это. Он прислал сообщение – вызов.

«Мурлыка мой страстный», – прошептала Ксения, тая от своих предвкушений.

– Нелли, – прошептала сладкоежка-жёнушка, – ты волшебница. Как тебе удаётся выдумывать подобные рецепты? Это бесподобно! Такие пирожные я не ела со времён своей юности. У нас они назывались «сливочные бомбочки». Они имели такой шарообразный вид, но тоже готовились из сливок и особого растительного желе...

Технолог Нелли проплыла мимо Ксении своей пышной задницей, словно бы созданной косметическим волшебством Земли. Только формы Нелли были натуральными,

раскормленными уже здесь белковыми кремами. Она, как и Ксения, цинично и умышленно покачивала своими выпуклостями – шарами перед ещё обедающими мужчинами. Только грубее были её приёмы обольщения, тупой была и сама кулинар-кондитер. Она села рядом с благодарной Нэей, сладко улыбаясь ей. На гладкой откормленной шее сияли ярко-красные кристаллы шпинели. Их отполированный маслянистый блеск был под стать улыбчивым губам Нелли, пропитанной своей карамелью и кулинарным духом. Вдруг возникшее на ней ожерелье что-то же и означало? Какой знак она являла и кому? Предвкушала близость с любимым шефом, не желающим утомлять свою хронически-беременную жену? Не случайно она сегодня настолько близко оттирается вокруг него под предлогом угождения Нэе. Являет якобы всем свои полушария через тончайшую ткань, а на самом деле, чтобы напомнить ему одному о сладком уединении в управленческом отсеке, когда можно будет выкроить часик. Что-то Ксения не помнила, чтобы кулинар так откровенно выставлялась прежде. Затеяливые платья у неё были всегда, она не признавала униформу, и ей это позволялось тут. Спец по рецептуре для деликатных блюд, она считала, что и обыденная еда должна быть маленьким, но ежедневным праздником для людей. Встречала всех фантазийным оформлением простых закусок, чистотой помещения и собственной нарядностью. Это было и похвально, супер как профессионально, за что её и любили тут все. Но зачем так-

то уж просвечивать упругой гладкостью своих форм? Опытную Ксению она обмануть не могла, как обманула Рамона, как обманывала мужчин на спутнике, выдавая красоту тела за красоту сердца, скрывая своими подсахаренными приклеенными улыбочками презрение к ним ко всем. Ксения бы не удивилась, если бы у этой сдобной и туповатой по виду лепёшки оказался самый солидный счёт для будущей жизни на Земле. Настолько активно она заставляла космический молодняк, а также и прочих одиноких сидельцев делиться с нею своей цифирью, поставляя им ночью уже не затейливые деликатесы в тарелочках, а саму себя. Неиссякаемую в своей щедрости, безблагодатную Цереру.

– Дети тоже были так довольны сегодня, – сказала Нелли. У детей был иной распорядок, они обедали раньше взрослых.

– Я настолько благодарна тебе за твоё умение, в которое ты вкладываешь столько души, – щебетала жёнушка, – ты не просто талантливый кулинар, ты без преувеличения художник.

«И не только кулинар», – произнесла мысленно Ксения, – «а уж как был благодарен ей твой муж, когда ты носила своих детей и не могла его ублажать. То эта художница всей душой и телом тебя заменяла. Ей всё равно кого, она всех любит, всех кормит. Ей что готовить для всех, что бесстыдно оголять свою задницу – бизе, всё едино, всё в радость. Гармоническая женщина, или гастрономическая?»

Ксения ткнула вилку в остатки пирожного, представляя, что это ягодицы приторной поварихи. После чего плюнула в этот раздавленный взбитый и отвратительный сладкий ком.

– Нелли, – сказала она громко, – ты всегда и во всё вкладываешь свою душу. Это видно, это чувствуется сразу. Ты, как мать Земля, любишь всех и всех балуешь своей безразмерной добротой.

Мужики из тех, кто остались, довольно засмеялись, и Ксения встала под ненавистный и презрительный взгляд улыбающейся «матери Земли», давно уже понявшей, кто занял её место в отсеке шефа.

«Ничего, кондитерская ты задница», – злилась Ксения, – «другим больше достанется твоих десертных ласк».

Ксения давно уже её вспомнила. Тот день на пляже, когда Нелли, ещё худосочная, вихляла гладкими полусферами ягодиц, пузырясь такой же грудью, обещая всем желающим свою сладкую, да мало кого влекущую к себе, залежалую тайну в узеньких трусишках. Кроме временно одинокого и голодного Рудольфа. Да и то его лицо было весьма кислым, видимо, он к тому времени успел вкусить дешёвые изыски кулинарши и страдал от их второсортности. Вот откуда тянулась эта засаленная ниточка их взаимоотношений. А как же она раздобрела за эти годы на спутнике! Да и счёт будущих возможностей для жизни на Земле, видимо, набила под завязку. Теперь, главное, свалить домой и добраться ей туда живой. Уж там-то, на Земле, она забудет свою неприка-

янную молодость одинокой и неудачливой обслуги робототехники в маленьких туристических забегаловках, забудет обиды и тяготы всеобщей жены отвязанных десантников на спутнике, гнёт и капризы их шефа, не желающего давать ей ни малейшего привилегированного положения, как ни старалась она его обслуживать. Сбросит накопленную усталость постылой работы, найдёт, наконец, молодого и ласкового мужа, каким был утраченный Рамон. Купит себе и счастливицу дом с аэролётом, переберётся в более шикарный уровень земной жизни, забыв свою прежнюю оральную и прочую открытость и доброту всем страждущим этой самой доброты. Ксения отшвырнула мысли о противной, но и жалкой бродяжке -кулинаруше. Зря она и разоделась. Не нужен её прокисший вчерашний десерт – радость для нищих счастьем, баснословно богатому этим счастьем влюблённому шефу.

«Какая техническая мощь, какой рай земной способен избавить людей от этой, нас грызущей похоти»? – думала она или примерно так думала, когда покорно брела к нему после обеда. Он ждал её у входа в свой совещательный холл, взял за руку и потащил куда-то вниз, в подземелья, где не было сейчас никого, кроме жужжащих и пиликающих роботов.

«Как припекло!» – думала она зло и радостно, – «Ночи ждать невмоготу».

Додумать он ей не дал, прижал её к стене в пустом техническом помещении. Так же зло, как и она, так же радостно присосался к её рту, сжимая грудь сильно и больно, мешая

сделать вдох. Потом резко сдернул комбинезон, открыв застёжку, и рывком оголил её до колен, засовывая руку в промежность, будто проверяя всё ли там на месте. Развернул к себе спиной, согнул пополам ударом в область лопаток, едва не сломал как марионетку, коленом раздвигая, и грубо её ноги, а руками едва не раздирая её маленькие округлые ягодицы, яростно, по животному впахиваясь в неё всей своей несоразмерностью. Не дав приготовиться, не дав никакого предвкушения, больно и едва не разрывая её маленькую, самую сокровенную и чувствительную часть, всегда готовую ему открыться навстречу, но только после длительных предварительных ласк и поцелуев, игривого трения и шёпота, непозволительных при других обстоятельствах слов. Но так он ей мстил – за жёнушку, за своё низкое неудержимое притяжение без согласования с высшими отделами его личного существа. За то, что она с готовностью примчалась сюда. За то, что дразнила у всех на виду. Она сотрясалась от его рывков, а он, обхватив зажимом ручищ её всю, ещё теснее притягивал к себе, а вырваться ей было некуда. Чтобы не удариться головой, она упиралась руками в твёрдую стену, отдающую кислым запахом металла и чего-то удручающе безжизненного. Ксения ничуть бы не удивилась, если бы он при этом саданул её лбом об эту твердь. Если бы расшиб до беспамятства, содрав при этом скальп с её головы во время зверского оргазма, когда схватил за рыжую охалку волос на затылке совсем уж как подлинная, а не метафорическая ско-

тина, содрогаясь в своём бесчинстве. Усиленный эхом пустынного ангара вскрик предельного животного экстаза ей всегда нравился, являясь показателем высокого градуса его желания, сладострастного сброса его невозможного напряжения, и помимо её воли вызвал в ней ответное содрогание даже в такую запредельно низжайшую ситуацию. Так что отделить его низость от своей собственной ей было уже затруднительно. Она соединилась с ним в одно целое и в этом, и тоже закричала, сама не зная от чего. Но уж точно не от ликования такой вот подземной любовью с сорвавшимся с цепи всяких ограничителей князем спутника. Больше от ужаса перед собственной низостью, потому что ей так нравилось тоже, и он знал это. Это она сделала его таким ещё в молодости, она, а не Ритка, позволяя ему всегда и всё, расширяя всегда область его посягательств на себя. Она была для него в их общей юности, как грядка для экспериментов для Ксена, где он мог всё, что ему вздумается. И осталась таковой.

– Сука на букву «б», – сказал он напоследок и пихнул в сторону выхода из лабиринта. – Не умеешь себя вести, так и получай. В следующий раз, если не сделаешь выводов в своей пустой башке, я просто раздеру тебя на две части и выброшу в замороженную атмосферу через секретную шахту за купол, чтобы никто тебя не сумел и зашить потом. Не зли меня больше и не играй в свои б...ские игрища, как будто ты на Земле и чего-то стоишь. Ты ничего тут не стоишь. И ты никому не нужна, кроме твоего гнома, не способного за

тебя заступиться здесь, в том случае, если тебя будут драть простые десантники, если я не буду в тебе нуждаться. Ты слишком многим задираешь вверх то, чего не способна обслужить. Они могут затащить тебя туда, откуда ты не найдёшь уже выхода. Не шути тут ни с кем! И уж тем более со мной. Не ты здесь самая умная. Захочу, позову, а не захочу – нет. Здесь таких полно, на всё готовых, ты что ли одна?

– Я одна на всю Вселенную. Я не все. А тебе после такого бандитского налёта придётся обо мне забыть и вспомнить о своей жене! – из последних сил она старалась не заслезиться, кривя губы улыбкой, держа позу даже в состоянии предельного унижения.

– Таких, как ты, полно везде, а подобных моей жене нет больше нигде. Во всей Вселенной никого, кроме неё. Если дашь ей хотя бы малейший повод для понимания своего приближения, я выполню свою угрозу буквально. Ясно? Скажи, да! – и он догнал её и схватил сзади за шею.

– Да, волчара! – закричала она, путаясь в сползающем комбинезоне, – больше не приду к тебе! Бросай за купол! Никогда не приду!

– Да куда ты денешься. Ты здесь ничего уже не решаешь. Тут не Земля.

– За что ты ненавидишь меня? – Ксения залилась слезами от столь зверской грубости, от беспомощности и боли в оскорблённом теле.

Уже в первый тот день она уловила, когда он приблизил-

ся вплотную, хотя рядом и стоял Ксен, что Рудольф, – пусть Рита и гордилась его починкой, – стал только хуже. Из озорного сумасброда, весёлого всё же, он давно трансформировался в жестокого киборга, как и многие космодесантники с большим опытом работы в иноземных средах, утратившие земные моральные координаты в неземной среде. Но тогда грудь его дышала столь по-человечески взволнованно. Он её учуял. Его не обманула её новая юная маска. Она ощущала себя, своё лицо, именно маской, мало ею разношенной и от этого её сковывающей, делающей её какой-то другой. Но он знал, уже знал, – она. И прибыла ради него. Он её узнал и возликовал телесно, если и не шевельнулся своей очерствелой душой.

На что она тут надеялась? На то, что сквозь мерзлоту космического абсолюта, проросшую острыми кристаллами до самой сердцевины этого человека, проклюнется прежняя любовь их совместной молодости? Смешно. Она брела, плача, тело болело от звериного броска. Она забыла о своей юной возвращённой красоте, чувствуя себя как в том лесу, когда была обижена маленькой инопланетянкой, напомнившей ей о её увядании и жалкости, о безнадёжности её вечной любви, свалившейся на неё из неведомых космических или божественных высот, да вряд ли божественных. Если столько страданий и болезней она пережила. И эта мученическая процедура омоложения, когда она лежала, как в гробу в капсуле, приходя в себя, как после смерти и умирая вновь в бес-

сознательном мареве тесного гробового вместилища, а могла бы и умереть по-настоящему, и были случаи, были. И похоже на то, что за внешнюю юность – обманку для глаз, она заплатила своим зрелым, нажитым в большом опыте умом, если, конечно, он у неё был, этот ум. Судя по тому, что она ему позволяет, никакого ума в ней нет. И слишком изысканным, слишком не по чести оказался дар юности не только этому недостойному бандиту с большой космической дороги, но и ей самой. И она наказана повторно за свою неспособность – сотворить себе другую судьбу.

Ксения споткнулась на ровном месте, одеревенев лёгкими ногами, и он неожиданно взял её за руку, опять прижал к стене узкого лабиринта и стал покрывать её поцелуями, умоляя о прощении, ловя слёзы губами, совершая те действия, которые и должны были предшествовать тому, что произошло. Руки, скользящие по ней, застёгивающие бережно едва не разодранный комбинезон, были руками, которые она узнавала, а те, что ломали и давили её в подземелье, принадлежали неизвестно и кому. Эти руки её любили, и она не могла им не верить, а уста были лживы и омрачены злым космическим духом, под чью власть они все подпадали, хрупкие дети возмнившей о себе слишком уж много Земли.

– Иди, иди к своей исключительной жёнушке! Не приду больше! Никогда! Зверюга подземная! Терминатор с ржавыми мозгами! – И её уста были лживы сейчас, были заморожены обидой и плохо подчинялись ей, она вскрикивала и была

невнятна.

– Это была лишь разрядка, ты слишком сильно на меня действуешь, и я выхожу из берегов, – прошептал он ей в уши, примирительно ласкаясь, боясь, что она сдержит угрозу и оставит его в немилости, в окончательном одиночестве с надоевшей жёнушкой. У Ксении уже не было отца, влиятельного и сильного, это было правдой, но осталась мачеха, а с такой мачехой никто не смел её здесь тронуть. Пусть «дочка» и не любила свою мачеху, та её никогда не дала бы в обиду. Даже Рудольфу. Он облизывал её, как пёс-животина, горячил дыханием. И вызывал желание садануть его в то место, каким он и нанёс ей обиду. Она беспомощно толкала его коленями, но не дралась. На это не было сил.

– Никогда, никогда, ты слышишь, волчара, я не прикаснусь к тебе с добровольной лаской! Пусть тебя твоя кулинарша пирожными «бизе» кормит. Пусть жёнушка муссом растирает и вылизывает твою шерстяную тремингованную шкуру нечеловеческим языком.

– Ты одна такая невыносимая, но всегда прекрасная.

– Ещё бы! Особенно я была прекрасна там, в Альпах, когда ты не подошёл и на моих глазах лизался со своей инопланетной самкой.

– Ты сама не подошла, улизнула, я тебя ждал.

– Ты посчитал меня старухой...

– Ты даже не понимаешь, насколько ты была прекрасной тогда. Я, что ли, молод?

– Так ты же был с ней. Куда бы она делась?

– В то время за нею была очередь из тех, кто жаждал её любви. Сейчас, к сожалению, никого не осталось. Все жаждущие выстроились за тобой.

– И что? Расстался бы с нею ради меня? Тогда?

– Да.

– А сейчас?

– Нет.

– Почему?

– Из-за детей, дуреха. Они была мне дорога только в том Трольском мире. А на Земле что-то необратимо изменилось. Но ты почему обманула и не дождалась? Обещала на космодроме, помнишь, как кричала? Птицы и те шугались твоих воплей. А сама? Нашла этого гнома. А говорила, что я буду твоим.

– И будешь.

– Уже нет.

– Будешь.

Они вышли на поверхность. Над куполом меркло, как старый янтарь, небо Гелии.

– Будешь умницей? Тихой, пушистой киской? – Он обнял её, рискуя, что могут увидеть посторонние, – не зли меня. Мурр? Ну же, поцелуй и прости своего игривого задиру – котёнка. Не обзывай меня смрадным псом. Я могу обидеться. Скажи, мир. Ну? Мурр? Если хочешь, можешь царапнуть в отместку.

– Ты волк зубастый, а не котёнок. Слишком лестно о себе думаешь. Не будет тебе мурр. Не прощаю. – Но это были только слова. Сколько их, подобных, уже и было. Она бессильно елозила коротко остриженными ногтями по его рукам, не желая царапать, любя эти мужественные руки в их ласке, прощая их жестокость.

– Ты болен, – сказала она тихо, – наша общая мама Ритка тебя вовсе не вылечила.

Не удержалась и стала целовать его в губы, и он отвечал, захватывая её в длительный примиряющий поцелуй, а вокруг было светло, и их могли увидеть. А может и увидели. Но он всё не отрывался, придерживая её за спину. Ксении хотелось упасть, хотелось очутиться в его отсеке, чтобы получить то, чего так и не получила она в подземелье.

– Я хочу любви, а не надругательств, – прошептала она, презирая себя, давая себе совсем нелестные определения.

– Потом. Дам тебе знать, когда можно.

– Не сегодня?

– Приведи себя хотя бы в порядок, чучело рыжее, – и он ласково пригладил её кудри. Ксения сморщилась, ощущая боль в затылке, откуда он едва не выдрал ей охапку волос. «И это неземная нетленная любовь?! Мамочка моя, ласточка – страданица! До чего же я и опустилась, твоя дочь – надёжа! Кто же, кто даст мне исцеление от этого ужаса»? Она задрала голову в гаснущее небо ада за райским куполом, не внушающим ей доверия. Вот тогда она и сказала ему, – У меня

внутри идёт генеральная репетиция к самому важному акту моей жизни, к главному моему спектаклю. Выступление состоится через девять месяцев, где-то так. Точную дату установит наша Вика.

– Что? – спросил он, ничего не поняв в её бормотании.

– А ты? Что вытворяешь над будущей матерью своего ребёнка? Я уверена, что будет мальчик. Как и тогда.

Он смотрел через неё, как сквозь окно, в их далёкую молодость. Чего бы она ни отдала в качестве обмена за возврат того времени, своей и его, их подлинной молодости. Всю жизнь. И согласилась бы прожить после этого лишь несколько лет. Но чтобы всё вернуть. Быть им вместе, одним, без Нэй, без Лор, без Ксенов, разумеется. Она прижалась к его груди, спасаясь от видения окружающего, желая, чтобы оно исчезло, как нелепая декорация, как сновидение, а они проснулись в её доме. Там, где и было им лучше всего на свете, когда отца не было, когда он отсутствовал в своих бесконечных путешествиях, служебных проверках объектов, в своей другой семье, наконец. А мама разрешала Рудольфу ночевать у них, у Ксении то есть. Можно даже, чтобы это оказалось домом мамы Карин. Там тоже было им хорошо всегда. Там не было у него никаких жен, никаких ещё детей, там был он только и полностью её. Пусть это окажется так! Ксения, вечная мечтательница, Коломбина безмозглая, «графиня Косель», покинувшая свою башню, зажмурила глаза, чтобы открыть их в другом времени. Но над головой

была разлита в чернильном небе всё та же зловещая яичница чужого заката, слизываемая наваливающимся чужим и прожорливым Космосом, страшным, не оставляющим никакой надежды на чудеса.

Рудольф всё понял. Но молчал. Не отталкивал, ждал, когда она отпустит его сама. И она отпустила, разжала руки, отодвинулась, всхлипнув напоследок. Отпустив из груди задушенное там рыдание, стыдясь плакать вслух в подземелье. А здесь, на поверхности, рыдание выскочило наружу задохнувшимся, угасшим. Как мышиный писк. Жалкий, смешной. И Ксения прикрыла губы рукой. Она никогда не умела театрально рыдать, она не терпела игры в жизни, поэтому возможно она и была плохой исполнительницей в студии и на сцене, самой худшей в этом смысле, в смысле фальшивой красоты поз, но зато самой красивой, самой искренней в любви подлинной. Он пощекотал её носом напоследок, пофыркал в её волосы губами так, как играли они в юности, «как целуются ёжики».

После чего ушёл. Ксения как пустая кукла, из которой вытряхнули наполнитель вместе с осипшей пищалкой, – даже не смогла произнести: «Привет»! – знакомому парню, проходящему мимо, застыла под чужими и злыми небесами.

Неудачная попытка вернуться на Землю

После этого случая Ксения решила улететь на Землю. К Рудольфу она тоже не ходила, в столовом отсеке отворачивалась, на связь с ним не выходила и вела себя так, словно они и не помирились после того поцелуя под закатными небесами. Она демонстрировала ему свой разрыв с ним, страдая без него и лишившись полноценного сна. Однажды они столкнулись почти на том же месте, где расстались после случая в подземельях. Как к мощному магниту металлическая стружка, она притянулась к нему, и они также без слов стали целоваться. По счастью была почти ночь, и их никто не видел. После поцелуя, оторвавшись, Ксения так же без единого слова убежала, а он не позвал её.

Когда прибыл звездолёт и обратно с ним улетали те, чей контракт был выполнен, или срок службы завершён, Ксения пришла к Рудольфу сама. В его холле для совещаний находился капитан звездолёта. Ксения не была связана законами военной космической структуры, она была гражданским лицом, и её контракт включал в себя тот пункт, который давал ей возможность отказа от дальнейшей работы при её личном желании.

– Я улетаю с теми, кто должен покинуть планету. Я имею на это право, – выпалила она, влетев в холл и перебив их беседу.

Холл – это громко сказано. Небольшое помещение, как и все служебные и жилые отсеки здесь. Только функциональность, без единой детали или штриха роскоши или избыточного комфорта. На взгляд Ксении уныло и удручающе убого тут было. Усиливало скуку оторванности, на склонных к депрессии людей давило вязкой тоской, но таковых сюда и не допускали. В ГРОЗ существовали жёсткие нормы отбора, и будущее появление изнеженной Ксении тут не волновало тех проектировщиков и строительных роботов, которые возводили наземные и подземные сооружения. Здесь люди работали, а релаксировать им предстояло на далёкой Земле. Тут выполняли свою служебную миссию, зарабатывали для дальнейшей жизни – кто средства, кто карьерный рост, кто научный багаж. Жёны и дети жили на спутнике, можно сказать, в особых коконах своей личной, семейной, закрытой для прочих, любви. Им разрешалось иметь и комфорт, и персональную фантазию украшения своего бытового сектора, им никто этого не запрещал.

Как он мог, думала Ксения, выживать тут столько лет? Чем он питал свою потребность в созерцательности, если она у него была? Не одной же работой может дышать человек? Или жена в своей иллюзорной прекрасной пирамидке и была для него тем местом, где он получал свои духовные калории?

Когда-то при срочной эвакуации в одной из звёздных колоний, в стазис – капсуле во время перелёта погибли две беременные женщины, а третья, находясь на малом сроке,

ребёнка потеряла. Впоследствии пытались найти способы устранить столь опасное воздействие на эмбрионы, но мало успешно. Продолжились поиски методов защиты женщины и плода во время неизбежных погружений людей в так называемый «звёздный сон». При прохождении звездолётами «нуль – пространства», скрытого в определённой точке звездной короны(а по сути, это была изнанка Вселенной), возникающие при этом чудовищные перегрузки без защитных стазис – капсул выдерживали только специальные люди. Тщательно отбираемые и обучаемые. На Земле их называли «прорывом в будущее». Их вскрытые резервы обладали колоссальным потенциалом в сравнении с прочими, но внешне они не отличались от большинства людей. Таким и был прибывший капитан звездолёта со спокойными, совсем обычными глазами, в которых не сверкали молнии, а сама голова не имела над собой нимба, скажем. Возможно, он обладал и ещё некими скрытыми качествами, не выявленными способностями. Например, читать мысли?

– Вы беременны? – спросил капитан звездолёта. То был даже не вопрос, а утверждение. – Знаете, что такое перелёт в вашем положении?

Рудольф был безмерно удивлён, но вида не подал, держал позу спокойствия и смотрел на Ксению так, словно она была зашедшим сюда без спроса расхлябанным сотрудником, а не его любовницей. То есть со скрытой угрозой в глазах. Ночной Рудольф и Рудольф дневной – это были два разных

для неё человека, в чём она и убедилась в служебных подзельях базы спутника. Повторить подобное ей не хотелось никогда. И было совершенно ясно, что Рудольф не мог ничего сообщить капитану, чужому тут человеку о беременности Ксении. И никто не мог, потому что никто и не знал, кроме них двоих. Да ещё, правда, Вики. Но Вика с капитаном не разговаривала. Зачем ей это?

Капитан продолжал смотреть на неё спокойно и почти безразлично, но вдруг сказал, – Личная обида не причина отказываться от ребёнка, и это в таком возрасте, – он как-то угадал её подлинный возраст?! Может, обладал своими личными наблюдениями на этот счёт, может быть, просто знал о ней больше, чем она о нём. – Ратмир? – произнесла Ксения. – Я узнала тебя. Помнишь меня?

– Да, – ответил он, улыбаясь. – Так ты определилась, кто я? «Монгопеоид» или «евролоид»?

Ксения замерла, не понимая и не принимая его улыбки. Отлично вспомнив, при каких обстоятельствах была озвучена сия шуточка. – А кто, собственно, вы? – она подчеркнула «вы»! Чтобы он не впадал в излишнюю фамильярность.

– Я и сам не знаю, если начистоту. Считаю себя русским. Так велел мне когда-то ваш отец и мой учитель Артём Воронов. У меня не было родителей, и я воспитывался в космическом городке с детства. Ваш отец заменил мне отца. Я никогда его не забуду и соболезную вашей утрате

– А я уже давно не считаю его отцом, так что соболезно-

вать нечему.

Ратмир сидел с лицом Будды из восточного ашрама – бритоголовый, улыбочивый – маска вселенского благочестия, но без малейшего интереса к суетной человеческой негодности. «Будьте как я, а впрочем, как хотите...».

– Что означает твоя шуточка только что? – спросил у него Рудольф, – Не могу её воспроизвести.

– Как-то Ксения спросила, к какой собственно расе я принадлежу? Европейец я или монгол. Она и спросила: «Ты кто, монгопеоид или евролоид»? Она всегда, когда приходила к своему отцу задавала мне этот вопрос. Я не знал, что ответить. Я не знал, к какому виду человека я принадлежу. Я её поправил: «Вероятно, ты хотела спросить монголоид я или европеоид»? – Ратмир отвечал, как робот или как дурак. – Она мне ответила: «Я хотела спросить именно то, что и спросила, поскольку ты ни то, ни другое. Поэтому сказать можно как угодно. Ведь есть же такие имена, как например Феодор, Дорофей, Доротея. Абсолютно одни и те же по смысловому значению, только считаются разными». Она была шутница. Потом всегда, если меня видела, спрашивала одно и то же, поскольку я всегда молчал, хотя и понимал её игру над собою. Уж очень ей становилось скучно от вида нашей внутренней дисциплины. Ведь так, Ксения?

– Шутница, – подтвердил Рудольф. – И как ты помнишь всю ту детскую чепуху?

– Дисциплина, не дисциплина, но нам и там было весело, –

добродушно добавил Ратмир.

– А что же, – обратился Рудольф к Ксении, – ты не спросила для разнообразия: «Ты евроат или азеец»? Тоже смешно звучит.

– Я не поняла ничего из того, о чём вы тут столь увлекательно беседуете, господа космические соратники, – ответила Ксения.

– Суровый отец не сумел её воспитать, – сказал Ратмиру Рудольф. – Ну, а я за него такой пробел восполнил. Пришлось. Теперь она дисциплинированная и не нарушает общепринятых приличий. Видишь, на сей раз ничего у тебя не спросила. Моя выучка.

Ксения выскочила из гостевого холла. Ночью она пришла к нему в тот же холл без приглашения. Ратмира там, понятно, не был, он где-то отдыхал. А может, и не отдыхал, а трудился. Может, ему и отдыха не требовалось. Ксения пришла с намерением потребовать от Рудольфа, чтобы он надавил на Ратмира для того, чтобы её взяли на Землю. Всю ответственность за последствия она берёт на себя.

– Всю ответственность за тебя несую только я. Не удастся тебе сбежать от меня. Я не отпускаю тебя.

– Почему?

– Я успел к тебе привязаться. Я болезненно привязчив, Нюшка. – И он назвал её «Нюшкой» во второй раз после того случая, когда зажал её в промежутке между двумя зданиями на улице. На условной улице, понятно. Так они называли

место под куполом, где были посажены деревья и гуляли по вечерам свободные от работы люди, а днём играли дети.

– Откуда он мог узнать о моей беременности? Если ничего не заметно?

– Поинтересовалась бы. Сам удивился. Ратмир был любимчиком твоего отца, но я не знал, что он был в тебя влюблён.

– Там все были влюблены в меня!

– Скромно.

– Я помню, как вы все жались в этой ГРОЗ по углам, когда я приходила к отцу. Только я никого из вас в упор не видела, ни на кого не смотрела, особенно на мальчишек в униформе!

– Никогда я не жался по углам! Ты что-то путаешь, или же в тебя вшили чьи-то чужие воспоминания, как саму тебя перелицевали.

– Ты нет, потому что был наглец! Я помню, как ты залез со мной в лифт и сопел мне в затылок, разглядывая, как ты говоришь мою бесподобную спинку. Мне стало страшно, я помню, что подумала тогда, вдруг ты схватишь меня сзади и обнимешь? Ты же этого хотел? Так что я тебя помню прекрасно. Наглый тип. Ты выделялся именно этим, но уж не воображай, что своей красотой. Там у вас все были классные ребята. Я ещё спросила у тебя от страха больше, – «Зачем вы красите свои ресницы и брови? Выглядит глупо». А ты, – «Что же мне искусственно надо обесцветить свои брови»? А я, – «Лучше измените цвет своих волос и будьте брюне-

том». А ты, – «Мне и так нормально. Я не глупая девка, чтобы шляться по салонам красоты. Я себя на ярмарку женихов не выставляю»!

– Не сочиняй. Не было такого. В стенах управления ГРОЗ, когда мы там дежурили как младший состав, мы все были без лица и голоса, невидимки, а послушать тебя, так я вёл себя как в ночном клубе.

– Ты меня караулил во всех углах и коридорах. Я всегда ощущала твоё присутствие. Твой взгляд мерцал настолько, что однажды в полутёмном переходе, помнишь, том прозрачном, который соединял два корпуса между собою, во время грозовой мглы, а там не было освещения, ты осветил пространство вокруг себя, как привидение своими фосфорическими зелёными глазищами.

– На улице была гроза, и тебя ослепила вспышка молнии. Не сочиняй небылиц. Я был потрясён тем, что ты перекрестилась, когда раздался мощный удар грома. Вот думаю, умора. Она боится грозы как дикарка. Я остановился, чтобы в случае чего оказать тебе психологическую помощь.

– Ага! Помнишь тот случай! Я нисколько не испугалась. А ты готов был уже броситься ко мне, чтобы поцеловать, как тебе давно и хотелось, или пощупать, не знаю, какого рода возвышенные желания одолевали твою дикарскую душу. Дикарём всегда был ты, а не я. А тут кто-то шествует за мною следом! Кто? Да это же Ратмир! Он тоже следил за мною всегда. Ты не сумел скрыть, как ты взбешён на него из-за то-

го, что тебе не удалось подойти ко мне. Ты даже не ответил на его приветствие и как вихрь унёсся прочь. Помню, Ратмир долго и удивлённо смотрел тебе вслед, хотя след давно и простыл. Он был смущён неловкой ситуацией, сказал мне: «Простите. Я, кажется, вас напугал своим внезапным приближением». Я засмеялась, потому что в упор его не замечала. Ни тогда, когда он приближался, ни тогда, когда он был в отдалении. Он был фоном, как все прочие в том здании. Все, кроме тебя. Я почему-то думала, что однажды ты выйдешь вместе со мной на улицу из своего небоскрёба и объяснишься мне в любви. Я ждала. Я была до жути наивная. Гуляла у вашего уличного фонтана. Он был такой классный. Завинченный спиралью, как рукав Галактики, а ты не вышел ни разу. Боялся. Как моллюск сидел в этой гигантской раковине. Чего не вышел ни разу?

– Боялся, что ты убежишь. Ты так дрожала, когда я приближался к тебе, как будто я собирался тобой закусить. Да и не имел я права на той территории подходить к посторонней девушке. Тебя все обсуждали, и даже разыгрывали на спор, кому ты достанешься. Меж собой говорили, кому достанется эта бабочка, кто её поймает? Я всегда молчал, потому что знал, что счастливым буду я.

– Как жаль, что это произошло. Ты оторвал мне мои дурацкие крылья. Это бы и ничего, да ты выдрал их с моим мясом. Жаль, что я не выбрала Ратмира. Отец говорил мне: «Ратмир самый лучший среди моих космических десантни-

ков. Человек будущего».

– Кто человек из будущего? Ратмир? Чьё такое будущее имел в виду твой отец? Для тебя вырвали бы из рук Ратмира мгновенно! А твой отец никогда не был ни пророком, ни экстрасенсом, ни даже сносным предсказателем. К тому же в те времена он не собирался отдавать свою единственную дочь для любовных опытов десантникам практически нулевого уровня, – мальчишкам и дуракам по жизни, каковыми мы и были тогда. Я заметил, что чем дольше человек живёт, тем цветастее становится на словах его собственное прошлое, тогда как в действительность оно блекнет до полной уже неразличимости. От того многие, как художники на старых стёршихся холстах, пишут картины заново. В зависимости от запросов настоящего прошлое всегда меняется. Вот и мы с тобою сообща сотворили себе прошлое, какого у нас и не было никогда.

– Что же было?

– А что бывает в юности? Щенячий восторг от жизни, нечаянные лужи в чужие тапки, за что тебя бьют по лбу большие и могучие дяди. Иногда ласкают такие же большие тётки, а ты с повизгиванием лижешь им руки. Всё кажется таким вкусным, мир щедрым на чудеса. Солнце, даль, звёзды и мечты, и прочая глупость. Вспоминать тошно, если честно.

– Если бы не наше прошлое, я никогда не полюбила бы такого человека, каков ты теперь. Никогда.

– Зато я научился понимать твоего отца после того, как

потерял свою дочь на Паралее.

Он впервые был откровенным с нею. Может, всё же он испугался потерять её? И она была нужна ему сильнее, чем она считала? Внутри него шло мучительное раздвоение, и он этому сопротивлялся. Он продолжал жалеть жену, мать своих детей, ему было дорого неизвестное Ксении их общее прошлое, но и она, Ксения, тянула его к себе, и их прошлое было живым в нём, а не только в ней. Встреча с капитаном, случайная, кратковременная, подтвердила истину, как тесен мир людей, а в безмерных бесчеловечных пространствах эта особенность человеческой тесноты и толкотни стремилась ещё больше ужаться и предельно уплотниться. Он вдруг заговорил об отце Ксении. О том, что рассказывал ему капитан со странным и эпическим, полузабытым именем Ратмир. Звездолёт, в котором находился её отец, был устремлён по прямой, как стальная игла, линии, и вдруг в этой игле возникло, или было нечто? Что? Как отверстие в игольном ушке, но это, если по масштабам галактическим, отверстие у ушка размером с Юпитер! Куда и провалился звездолёт. Привычная траектория обернулась, так и не объяснённой, внезапно возникшей каверной, куда все и низвергнулись. Впоследствии там пролёг маршрут и других, уже беспилотных кораблей-исследователей, но обнаружено ничего не было. Такие случаи происходили и раньше. Объяснений как не было, так и нет. Иногда звездолёты проваливались, словно в некую изнанку, а потом неожиданно выныривали

там, где их не могло быть, но счастливицы, кого удалось найти, были редкостью. Их годами держали в закрытых Центрах, но ничего объяснить пока не сумели. Сами же выжившие люди ничего не помнили, и восстановить им утраченное не мог уже никто и ничто. Самые тончайшие и точнейшие структуры их мозга не показывали никаких следов воздействия на них извне, но время, что они отсутствовали, было вынуто из них, будто его и не было, а всё то, что несли они в себе, было целехонько в них и не тронуту. Будто некий вселенский шутник нажимал на паузу, а потом их включал, и они продолжали вести меж собой прерванный на полуслове разговор, хотя между началом слова и его последней буквой могли пройти и десятилетия. К последующей интеллектуальной работе такие люди вполне годились, но отношение к ним было, как к неким суррогатным человекообразным дубликатам людей подлинных, все начинали замечать в них некую странность, но в чём она заключалась, никто не понимал, и была ли она на самом деле? Или это было предубеждение психологическое? Но их заметно сторонились и по возможности устраняли от прежних родов деятельности. Так прежде относились люди к бывшим пациентам психиатрических клиник, даже если люди эти были вполне адекватны к окружающему и надёжно пролечены. Или же к бывшим заключённым, вроде и исправились, а вдруг?

– Ты не любил моего отца настолько сильно? – спросила она.

– Не любил? Да я его ненавидел! Но только не думай, что из-за Риты. До того дня, как я познакомился с тобой у театра, я уважал его как никого, пожалуй, на всей Земле. Он был всем нам, не мне и одному, вторым отцом и личным примером галактического исследователя, человеком – прорывом в будущее. И я думал даже иногда, почему у меня нет такого отца. Своего я не уважал никогда... – он замолчал.

– Даже сейчас, когда ты прожил, пусть и не ту, какую хотел, но уже длинную жизнь?

– Он убил нашего с тобой ребёнка. Он превратил в мёртвую слизь наше с тобой будущее. Ты забыла, что ли, всё это?

– Виноват всегда кто-то. Но только не мы сами. – Ксения лежала раздавленная. Маска Коломбины где-то валялась, на лице стыла гримаса плача. Но к счастью, вокруг была спасительная темнота.

Когда у «мышки под колпаком», болит совесть...

Здесь она полюбила темноту. Темнота была укрытием от настоящего, дарила возможность убежать во вневременную иллюзию, хотя лицо Ксении, как говорил ей Рудольф, и не раз, было подобно безмятежно застывшей маске. Той самой венецианской маске, бездумному личику придуманной кем-то карнавальной красоты, и мало напоминало, так уверял

он, прежнюю Ксению в юности. В чём было дело? В том, что он забыл её за тридцать с лишним лет? Или неизбежные трансформации души изменили обновлённое лицо, когда она пропитала чистый и обманчиво первозданный облик полувековой своей горечью? Он не называл её ни старым, ни новым именем, только «Нюшкой», когда ласкал и когда насмеялся. Эта кличка была и лаской, и хулой, всё зависело от его интонации, от момента, то блаженно расслабленного, то отторгающего.

Он включал ночную сферу, Ксения щурила кошачьи глаза, но в голубых наплывах свечения круглой сферы, стоящей на маленьком кристаллическом столике, она, действительно, казалась ожившей маской. Он не стоил того, чтобы она открыто проявляла свои чувства, она научилась их таить, обращала истинную страсть в игру, в ничего ей не стоящий и якобы привычный блуд. Вся она, излишне светлая и абсолютно не принимающая загара, излишне юная и хрупкая, рядом с плотным, крупным, золотисто-смугловатым Рудольфом казалась представительницей совсем другого человеческого вида. Казалась мечтой, выпавшей откуда-то из-под купола, из другой звёздной системы. Так без всякой избыточной скромности думала о себе самой Ксения. В своём внутреннем самоощущении она давала себе совсем не ту оценку, какую имела в юности, а гораздо более высокую. Что ценит юность подлинная? Что понимает? Яркие краски мира, вызывающие душевную резь, уже не были таковыми для неё,

внутри стоял обесцвечивающий фильтр. Тут Рудольф был прав. Мир утратил сочность, но стал изысканней и сложней, он приобрёл горчинку, хотя и не вызывал в ней ничего похожего на оскомину. Сегодняшняя женщина Ксения была не сопоставима по своей внутренней развитости и самоуглублённости с той девушкой, чей облик она носила. Она любила размышления, одиночество, всё то, от чего бежала в своей молодости. Она так и осталась меланхоличной отшельницей в самой себе, даже когда выныривала из кипящей пучины греха, полыхая обожженной и розовеющей кожей. Или это всё же было любовью? И не было грехом? Тем, за что неизбежно следует расплата? Обездоленность в личном плане даёт женщине способность к самораскрытию. Время, которого так много в личном одиночестве способствует размышлению поневоле. Вот тогда и приоткрываются отвергаемые счастливыми, но имеющие место быть истины. Жизнь приобретает многомерность, примитивный восторг сменяет, нет, не тоска, а тихая светлая печаль. Душа поселяется в особом многокомнатном пространстве, по которому интересно бродить в одиночестве. Там можно даже прибираться, смахивать паутину, пыль, накопившуюся за время апатии или страданий, когда эти внутренние покои забрасываются человеком.

И как бы он ни относился к ней сейчас, он уже не был способен ничего возмутить в её тайном внутреннем доме, куда она уже не пускала никого, живя там одна. Бурные, туго

ударяющие в её закрытую душевную цитадель накатывали физические ливни, порождаемые их возникшей близостью, уже ничего в ней не меняли. Внутри было сухо, тихо – уютно, а вовне всё кружилось в мутном неразборчивом потоке, а после отката ярко и промыто блестело. Красота её делалась вызывающей, она ходила тут как второе светило, на неё нельзя было взглянуть, не зажмурившись. Женщины теряли сон из-за неё, а мужчины впадали в эротические грёзы наяву. Для самой же Ксении время, когда она гордилась собою, ушло давно. Нельзя сказать, что она себе не радовалась, но как-то рассудочно, без того горения и растворения в окружающей атмосфере, как оно бывает в юности, когда кажется, что нет в тебе тяжкой телесности, а лишь воздушные и радужные крылья.

Иногда воля слабела, и тогда вырывались признания в бесконечной любви, почти всегда им осмеиваемые или игнорируемые. Ксения спохватывалась, уносила тайные сокровища опять в свой чертог, где и прятала. Нельзя сказать, что она метала бисер перед свиньёй, всё же он не был свиньёй, просто в бисере её не нуждался, считая его мелковатым для себя, мутноватым, не скрывая того, каким прозрачным и дикивинным он уже избалован.

– Что же тут валяешься со мною? – спросила она не без ехидства, – если у тебя всё столь и бесподобно?

Он молчал. Ксения ясно видела, что он не умеет ничего объяснить себе самому. Или же скрывает, и всё не так уж

и благополучно в образцовой семейной идиллии. А что там не так, ей хотелось выяснить, да не у кого было. Рудольф же был тоже на семи засовах от неё.

Так они и жили, глядя друг на друга через свои бойницы и не пуская внутрь к себе. А в темноте, которая была её условием в падении или взлёте, поди пойми, их телесного единения, она ощущала, пронзалась как остриём, – он её любит! Как любил в тех бывших временах. И если так было, то, что такое для него Нэя? В любви к своей жене он не уставал Ксении объясняться.

В отместку Ксения пыталась донести до него свою любовь к Ксену. «Муж – это главная ценность, а ты – случайная интрижка. Плохо? Да! Но мне нужен ребёнок! Не дано нам с Ксеном некоего глубинного совпадения, чтобы возникло зачатие. Так бывает...». Он со смехом её обрывал, ничуть не веря. Конечно, Ксен подкачал в смысле физического облика, уверяла она, но он – кладёшь душевных и умственных богатств. Утончённый талант, вкус, доброта, деликатность. «Так из-за врождённой деликатности он не может тебя оплодотворить? Или же он входит в тайный орден девственников, а тебя взял ради прикрытия, чтобы никто не лез со своим любопытством? Ты же девственницей прибыла на спутник! Разве такое могло быть в нормальной семье после того, как тебе невзначай вернули твою непорочность вместе с юностью?» А Ксения не позволяла себе никогда критиковать его жену, не то, что он беднягу Ксена. Значит, он к нему рев-

новал? Или был Ксен смешон ему? Презираем?

– Ты грубый человек. Твои суждения о Ксене пошлы и поверхностны. Будь Ксен таким жалким и ничтожным, стала бы я с ним жить? Любить его?

– А ты любишь разве?

– Как же я живу с ним, по-твоему?

– Разве ты живёшь с ним? Я-то думал, что со мной. Я догадался! Он законспирированный ангел из «Созвездия Рай»! – и хохотал как дурак. – Точно, ты и прежде никогда не имела с ним близости.

– А ты сам как умудряешься совмещать меня со своей женой? – злость толкала Ксению на ответное хамство. – После моей бесподобной красоты, моего любовного искусства ты уже не можешь довольствоваться тою, кто отцвела давным-давно. Я видела её в бассейне. Она, если и шик, то «шебби-шик», как называли когда-то пусть и уникальные, но старые вещички.

– Ты сама «шебби – шик»! Или так, «девушка – цветущая синтетическая орхидея».

– А ты дедушка – репейник! Сплошные колючки, и вечно прицепишься, всю жизнь не избавишься...

При слове «дедушка» в нём было явно задето нечто больное. Но что? Не в возрасте же и дело. Он пихнул её так, что она слетела с узкой постели, стоящей в рабочем отсеке для отдыха.

– Одевайся и проваливай! Я должен иногда и отдыхать, –

и отвернулся к стене, изображая равнодушную усталость.

Размышляя без особой обиды, привыкнув к его выходкам, Ксения стала одеваться.

– Ни один человек не позволял себе так относиться ко мне. И что? В итоге я ублажаю этого вселенского хама, а не тех, кто того достоин. – Она бурчала, но знала, что опять придёт в его убежище. Было унижительно, плохо, а привычно. Неустранимо для неё, если он сам всё не оборвёт. Он не обрывал.

Когда нет лада с собственной совестью

Гуляя по вечерам за ручку с Нэей, пребывающей в мирном неведении, – во всяком случае, так казалось, – о чём-то воркуя ей, он приходил ночью на своё рабочее место, где у него и было маленькое тайное логово, где он и ждал Ксению. Но для кого оно было тайным? Ей казалось, что об их отношениях знают все. Уже все. Но только не его неземная жена. Встречались они не часто. От чего свидания напоминали вспышку, жаркую и быстротечную по времени. Но остаточный жар долго грел её под незримым куполом., под страшными небесами, под немигающим оком ночного спутника чужой планеты. Огромным мистическим шаром он всходил из-за обрывистой и чёрной линии далеких скал и нагромождений, вздыбленных и застывших хребтов, одним своим ви-

дом мертвящих душу, а вдруг там за ними кто-то и обитал, нечеловеческий и ужасный по виду? Откуда-то приходила та сущность, принимающая облик прекрасной женщины? После её появления Ксению долго знобило страхом, будто сон оставлял после себя физически ощутимые, ледяные и микроскопические кристаллы, застревающие в бронхах, и Ксения кашляла нервическим надрывным кашлем, приходя в себя, после чего лезла Ксену под бок. В отсеке Рудольфа она не спала никогда. Спать он отправлял её домой

Ксен ворочался, вздыхал и томился, но только душой. Жизнь в купольном городе отбила у него, и так-то замкнутого, всякую охоту к общению с кем бы то ни было. Здесь обитали женщины, симпатизирующие ему, общающиеся с ним, так как он умел поговорить о возвышенном, деликатный и тонкий даже по виду. Женщины сразу улавливали его личное одиночество. Ксен же вёл себя с ними как постаревший и человеколюбивый монах, забывший о такой стороне взаимоотношений людей, как физическая любовь-секс. Отчего-то он внушал расположение к себе суровым женщинам – космическим поисковицам и исследовательницам. Тем особенно не хватало тепла и доброты, домашней почти искренности. Неразговорчивый без необходимости в среде мужчин, он был более общительным среди женщин, которых жалел и которым всегда сочувствовал. Ксения же давно относилась к нему как когда-то к своей домашней собаке, которую очеловечивала.

– Пожалуйста, возьми свой плед, не суйся ко мне впри-
тык, – единственное, что он говорил ей при этом.

– Холодно же! – ныла блудная жена, желая лишь согреть-
ся бесплатным домашним теплом. Ксен всегда был горячим,
а она вечно мёрзла здесь. Он не скрывал физической брезг-
ливости к ней, смешанной с жалостью свысока, к неверной
жене, ставшей дочерью по виду, приносящей запах, прикос-
новения другого, о котором он знал. Как и ей, ему всё было
чуждо здесь, всё ненужно, всё тягостно. Но у неё были тай-
ные встречи, которые уравнивали каждодневный мета-
физический ужас, а у него не было ничего. Он растворялся
в работе весь, полностью.

Жена Рудольфа спала в своей уютной иллюзии домашней
пирамидки под чудесными расшитыми простынями, своим
волшебным нездешним творчеством, одна. За стеной спали
её дети, рождённые в нечеловеческом мире. О чём она дума-
ла? И думала ли вообще? Была на такое способна? Ксении
хотелось думать, что нет, что она обладает сугубо конкрет-
ным мышлением, как та же всё понимающая и чувствующая,
но собачка, не способная к абстракциям и отвлечениям, а
значит к подлинно человеческим страданиям. Он же оста-
вался спать в своём отсеке один, прогоняя Ксению от себя. О
чём думал он? Как относился к ней, Ксении, на самом деле?
Зачем длил их отношения, если не нуждался в её признаниях
и в её воспоминаниях. Ведь как-то сам себе он её объяснял?
Он же не был как в те времена неуёмным и молодым курсан-

том, живущим лишь настоящим? Он был уже уставшим, не физически, а душевно, и тайно поломанный в чужом мире Трола неизвестными ей событиями. Молодое и здоровое на вид тело носило в себе душу, похожую на портрет Дориана Грея, И Ксении иногда удавалось нащупать шрамы этой жестокой души, и она содрогалась, вдруг представив себе какой неприглядной коростой она должна быть покрыта. Но это не отменяло её любви. И любви его жены к нему не отменяло.

Ксения всматривалась в столовом отсеке, если Нэя приходила туда, иногда не желая домашнего уединения, в её глаза, не имеющие, казалось взрослой глубины и неизбежной при этом потускневшей усталости взгляда. Глаза словно были промыты загадочной, долго действующей субстанцией, прозрачной росой из неведомого Ксении мира. Хотя мирто на том Троле был жуткий и архаичный, опалённый катаклизмами прошлого. Но, наверное, он был разный, многоуровневый, как и все миры на свете, если они живые. И губы, когда она очаровательно и быстро-быстро что-то говорила окружающим нежным переливчатым голоском, как пела, завораживали Ксению своей подвижной выразительностью, мелькали маленькие и трогательные зубки.

Она была в чём-то и смешной персонаж, похожий на те, кого она изображала на старой гулкой сцене, все эти Бело-снежки, девушки – лебязьи перышки, заколдованные принцессы, ненастоящие, придуманные. А кто придумал её, Нэю?

Она тоже не смотрелась матерью столько уже детей. А ведь она не была создана волшебными технологиями Земли. Тот загадочный Франк только восстановил её на Паралее после последствий, причинённых тяжёлыми родами и последующими болезнями. Она была именно что естественной. Не имела возраста, так казалось Ксении, как не всегда можно определить его у той же собачки, если она здорова, ухожена и любима. Выходило, что муж-кот её любил? Всё также грелся у её коленей после своих походов, мурлыча и потираясь о неё ласковым боком: «Мурр – мурр»?

Не глядя на Ксению, она всегда держала её в своём зрительном фокусе. Ксения улавливала её внимание через пространство непонятно чем, стала бояться смотреть ей в глаза, если они сталкивались совсем близко. Нэя делала попытки заговорить, Ксения находила предлог не идти ей навстречу. Ксении не хотелось её осведомлённости, не хотелось её никуда сдвигать. Ради чего она, Ксения, будет стараться? Ради бесчеловечной Вороны, мнящей себя «супер» женщиной? Себя же Ксения и не представляла, не могла, женой человека, к которому ходила тёмными и запутанными тропами, шарахаясь от ненужных встреч.

Свидетелем был лишь безымянный спутник, назвать который Луной и язык не поворачивался, настолько он был огромен и чужд душе пришлых землян, синий как камень лабрадор. То есть серый по преимуществу, но со сгустками мерцающей синевы по своей поверхности. Он пялился на

захваченную пришельцами планету, жуткий своей огромностью, зловещим сиянием. Он будто манил: «Выйди, иди за горизонт! Там, за этим горизонтом родные ваши дома, ваши близкие. Эта планета «Мама», как вы называете её не без издёвки, и есть ваша мать. Синей иризацией пульсируют её океаны, сгущаются по мере её изучения и освоения континенты. А вдруг там живут местные люди? Где-то прячутся малочисленные и дикие? Вдруг жив Рамон, ушибленный пришелец из синих божественных высот, это если для них? Они молятся ему в своей пещере, а он не может ничего вспомнить, и сидит на замшелом камне, увешанный цветами и плодами, глядя в оранжевое пламя»?

Какая только дичь не лезла ей в голову. В такие минуты гипнотического воздействия чужой планеты, под пронзающими опаловыми лучами зримого осуждения блудной пришелицы со стороны её ночного стража, Ксении хотелось бежать отсюда, как в приступе панической атаки. Она прибегала к Рудольфу, сердце бешено колотилось и долго не успокаивалось. Он нежно и бережно трогал её грудь, принимая сердцебиение, которое сразу улавливал, за любовь к себе и, радуясь такому пониманию. Любовь тоже входила составляющей в сложный спектр чувствований Ксении, но нечто более важное выдавливало её, требовало оставить в тех утраченных временах, в тех земных ландшафтах, которые тоже представлялись утраченными. Чья-то установка билась в её черепушке, чьё-то гневное внушение: «Оставь то, что уже не

твоё. Уйди»!

Она трясла головой, едва не плача, сминая Рудольфом, перевоплощённым из дневного сурового и чуждого шефа в ночного и настолько знакомого любовника. Помимо воли и намерений она опять начинала верить в свой шанс – всё повернуть вспять. Оставляли ли замкнутые в отсеке, но свирепые по накалу ливни, след на её лице? Меняли её внешне или нет? Открывали любопытным зримые знаки её прелюбодеяний, которые она тщила скрыть? Она пряталась под застылой улыбающейся маской, ресницы были полуопущены. Она мало разговаривала с другими и понимала, как нестерпима она женщинам своим фальшивым личиком розовеющей девочки. Они, маску эту, миг сканировали, пытаясь прощупать скрытое за ней, если тайное, то значит и преступное содержимое.

Одна Нэя одаривала её приветливой улыбкой. Но её затаённое сосредоточение на Ксении не было тайным для той, кто пристроилась к другому боку её любимого мужа. Общительная с прочими, но безмолвная по отношению к Ксении, Нэя, тем ни менее, действовала порой так, что вызывала паническую атаку, когда хотелось бежать из столового отсека. Бежать к себе, бежать на Землю, в свой привычный родной дом.

«Зачем я прогнулась перед Ритой»? К такому выводу пришла она однажды. Как бы Ворона отобрала то, что дала? Молодость? Отказалась бы от этой командировки, шуганула бы

Ворону и что было бы? А ничего. Другую дуру нашла бы. Зачем позволила растревожить свою столь упорядоченную жизнь? Лучше бы баобаба того выбрала...

Тут мысли Ксении обрывались. Пугающий Вайс возник как запретный шлагбаум. Она уже давно догадалась, кто именно стал инициатором её телесного обновления. Вайс. Знала, кто и для чего поспешил её забросить на спутник. Рита. Та боялась любви патрона к дурочке – падчерице. У Риты всегда имелись собственные планы для фишек, кои она мнила своей собственностью. Такое направление мыслей всегда обрывалось, ни к чему не приводя.

Стены дома-души оказались картонными. Они уже размокали под натиском ливней, а те вот-вот грозили залить её тихий, тщательно устраиваемый годами, годами! покой, притворившийся крепостью. Маска Коломбины сидела косо, из-под неё был виден нервный предательский румянец легко краснеющего лица, доставшегося в наследство от отца.

«Ты не друг». Но кто тогда?

Ей хотелось прежнего и сокровенного доверия, слияния душ. Когда-то обрубленные корни тянулись новыми и свежими отростками, пытаясь нащупать тот самый портал в повторно приблизившийся, но наглухо закрытый мир по-прежнему единственного мужчины, с его заманчивыми глубин-

ными пространствами, куда беспрепятственно заходила прежде. Уже дерзостью, грубостью, как отмычкой, она пыталась взломать его коды.

– И чего ты добился? Торчишь тут, как и торчал на Троле...

– А это, если хочешь, форма затворничества. Я понял ещё на Земле одну значимую вещь. Отчего мне и расхотелось карабкаться вверх. Во власти, в высшей управленческой бюрократии, – как в своё время среди богатых, у кого были солидные деньги, – нет интересных и талантливых людей. Там люди маски. Бесконечный маскарад бодрых, деловитых, важных и значительных лиц. Но в отличие от маскарада настоящего, маску уже не снять. А маска на то и маска, что она одномерная, у неё нет обратной стороны. Ничего там нет!

– Зачем же тогда люди стремятся к власти и преуспеянию?

– Им вечно чего-то не хватает. Но оказывается, что не хватало им только материальных благ и бесконтрольного распутства. Ничего другого им было и не надо. И придумали байку, власть портит людей. Ничего она не портит. Нельзя испортить то, чего нет. У них и не было никогда того, о чём сокрушаются простаки. Человечности. Они всего лишь вели себя пристойно в силу незначительности социального порядкового ряда, где и появлялись на свет, если не свезло. Вынуждены были. А статистически значимое число настоящих людей, духовно и умственно продвинутых, там, где ему и положено быть, – в массиве тех, кого принято обзывать на-

родной массой. Так что, посмотрел я в своё время вблизи на этих верхоглядов – жителей высоких этажей, и стало мне вдруг нестерпимо скучно. Жить среди них? Напялив на себя фальшивую маску радетеля человечества? Избранности? А кто же избрал? Слепая игра случая? Некие непроявленные зримо Боги?

– Судьба...

– В таком случае, я изобразил бы Судьбу в маске с пустыми прорезями вместо глаз.

– Она так долго носила эту маску, чтобы скрыть движения своей души на лице, что маска приросла к ней... и лица её попросту нет... Да?

– Вроде того.

– Но если нет лица, то не может быть и жизни. Жизнь перестаёт иметь всякий смысл. Потому-то для Судьбы всякая жизнь это лишь расходный материал в её, вечно что-то перебирающих, руках. Она вечно что-то роняет, разбивает, откладывает в сторону, чтобы не найти уже потом никогда. Как моя мама устраивала свою игрушечную Вселенную для собственного любования. Вечно что-то переставляла, меняла, выбрасывала прочь. Искала некую гармонию и никогда не находила. Наш мир создан кем-то очень несчастным, дисгармоничным... Да?

– Да никем он не создан! А непрерывно создаётся здесь и сейчас. И непрерывно разрушается. Это процесс, а мы всего лишь в него вписаны. Одного я не могу понять, как и чем

живут такие вот баобабы, как Вайс и та же Рита? Штерн хотя бы придумал себе миссию очищения мира от злокачественных перерожденцев. А Вайс? Все его открытия и бурная деятельность в прошлом. Он уподобился реальному баобабу – растительному существованию, качая кроной в вышине и выкачивая мощные ресурсы из породившей его почвы. Это и есть смысл его жизни?

– Чтобы Рита блаженствовала в тени его кроны.

– Не уверен, что она там блаженствует. Скорее уж чахнет.

– Получается, что ты стал идейным лбом – этим ловцом обречённого будущего...

– Никем я не стал! Для этого во мне слишком много лени и природного скепсиса. А также отсутствует любовь к человечеству.

– Ты женщин любишь. Разве они не часть человечества?

– Я не люблю женщин. Я их только использую, иногда.

– И жену?

– Она не женщина для меня. Она моя часть, как и рождённые ею дети.

– А Нелли Листикова кто?

– Никто. Технолог по настройке роботов в пищеблоке.

Повариха, выражаясь архаичным языком.

– Угу-угу... А я?

– Завитушка для маскировки пустого места.

– Жёстко! И это о женщине, которую ты, помнится, любил... Я о Нельке этой всё знаю. Она вспомогательной функ-

цией твоей жены стала после гибели Рамона. Когда твоя жена не могла тебе служить, исполняя тяготы по вынашиванию детей, рождению, выкармливанию, дальнейшему сохранению в неземной среде...

– За своё служение Листикова и получает то, что тебе-то уж точно не заработать даже на пару с твоим огородным гением.

– Что же именно?

– То, ради чего она здесь и осталась. Будущие материальные блага. Ей другого и не надо.

– А кто тебе служил, когда Рамон был жив?

– Никто. Я прекрасно без подобного служения обходился. Работы здесь было уж очень много поначалу. На лень и то времени не оставалось.

– И просто поваляться в отсеке рядом с пузатой женой уже было благом?

– Примерно так.

– Ты забыл упомянуть, что Нелли твоя личная вязальщица свитеров. Только ты один тут такие носишь.

– Да всем она вяжет. Хобби у неё такое. Тут у многих странные хобби вдруг возникли. От скудного существования, думаю.

– Угу-угу. Что-то на других я не замечала её изделий.

– Износились, наверное. Тут же дефицит материала, годного для пряжи. А я редко когда снимаю свой рабочий комбинезон.

– Ну да, я так и поняла. А Нэя не видит ничего?

– Чего?

– Измен.

– Их нет! Как можно видеть то, чего нет!

– Да. Трансформация, однако. А говорил, что такое лишь в верхах случается. Но тут ты и есть верховный владыка.

– Ты прожила столь долгую жизнь, ведь мы с тобою почти ровесники. Одно поколение, во всяком случае. Но ты так и не видишь разницу между биофактом, чем является случайная связь, подобная летучему пуху, и тем, что есть настоящая человеческая привязанность, имеющая глубокие корни.

– Разве у нас нет общих и глубинно сплетённых корней?

Он промолчал.

– Ты как дерево-«многодерево», что торчало у фонтана рядом с ГРОЗ, – сказал он. – Помнишь, где мы любили гулять? Так вот, оно наполовину засохло. Ветви обрублены. Его тень стала однобокой.

– За то время, что ты отсутствовал, его срубили.

– Жаль, – сказал он задумчиво. – Там жили пёстрые птички. Помнишь, ты собирала их пёрышки? Ты сделала себе наряд из них?

Ксения смотрела на него как на того, кто заговаривается. – Конечно, нет! И дерево там посадили другое. Большое тоже. Из питомника привезли...

– Перьев было слишком мало. Иначе ты улетела бы давно. Прочь.

– Куда же?

– В другую жизнь. И уже не стала бы моим искушением.

Почему ты так и не улетела?

– Улетел ты! И без всяких таких пёрышек. Твоя Нэя укра-
ла мою судьбу! Мою!

– У неё нет Судьбы в земном понимании. У неё дары её
богини Матери Воды.

– В чём и разница? Судьба переменчива, а вода текучая...
Кто я для тебя? Я же не умею печь пирожки и вязать свитера.

– Я не люблю пирожки.

– Какая разница. Я не умею готовить тебе еду по специаль-
ной рецептуре. Я не умею беспрекословно подчиняться. За-
ниматься с тобою сексом без всякого стыда и где придётся,
будто это встроенная программа, лишённая дополнительных
настроек в виде нежности, расположенности, желания полу-
чить и дать тебе такое же ощущение счастья, наконец! Это
невозможно для вспомогательной функции, а лишь для че-
ловека. Что изменилось настолько, что ты...

– Изменилось то, что сюда влезла ты! – перебил он.

– Кто же я для тебя? Я не жена, не вспомогательная функ-
ция. Значит, я твой друг?

– Ты не друг.

– Но кто тогда?

– Судьба с маской вместо лица.

Нэя и её попытка завести дружбу с Ксенией

Ксения изучала свои фиолетовые камни на перстнях, русский чароит, африканский танзанит, ярко сиреневый амелист-друза, испускающая лучи своими кристалликами.

– Вы равнодушны к камням? – спросила вдруг оказавшаяся рядом несведущая наивная жена. Но так ли уж она и наивна?

– Да, – проямлила Ксения, не глядя на неё, уплетая сосредоточенно то, вкуса чего и не чувствовала. – «Тоже» – это значит, вы тоже любите камни?

– Я? Не знаю. Скорее безразлична.

– Судя по той роскоши, что на вас, вы не относитесь к равнодушным.

Нэя протянула руку с невероятным по величине и красоте кристаллом. – Подарок мужа. Но кольцо я, всё же, не люблю.

– Чего же и носите?

– Память. Хотя лучше бы я его потеряла. Но не удалось. Вам хотелось когда-нибудь избавиться от памяти? Не вообще, а избирательно?

Ксения взглянула ей в лицо. Пристально и без страха. Бирюзовые, будто это были цветные линзы, – но это была её подлинная радужка, – глаза смотрели вопросительно. Она явно хотела вызвать Ксению на откровенность, наивная! Ксения не собиралась ей ни в чём открываться, как и рас-

спрашивать её о чём либо. Понятно, что у Нэи есть свои печальные тайны. Здесь женщины дружили как сёстры, доверяли друг другу, и только Ксения была за пределами их всеохватной дружбы. Она упрямо сидела под своей воображаемой карнавальной маской, но вовсе не кукольный румянец, а нервные пятна проступали на её лице, живая кровь расширила её капилляры.

– Почему вы не приходите никогда в наш Центр досуга? Много работы? Или вы не любите женские посиделки? Только мужские?

– С мужчинами мне проще, – созналась Ксения.

– О вас болтают такое... всякое, но я не верю женщинам. Раньше я думала, что Земля высший мир, и женщины там другие. Но они такие же, как и у нас. Болтливые, любопытные, пристрастные, субъективные и не всегда справедливые в оценках. Вы кто? Бывшая танцовщица?

– Танцовщица? Я была когда-то классической балериной. Но так давно, всё равно, что и не было ничего.

Пожалуй, решила Ксения, рассмотрев её вблизи, она не похожа на тех воздушных персоналий, которых она изображала на сцене в своей юности. В балете ценился особый тип красоты, – девушки, у которых не было никаких излишеств в теле, только миниатюрность, зачастую жилистая. При взрослении многие утрачивали нужный стандарт. У Нэи при невысоком росте имелась заметная, красивая по форме грудь, несмотря на такое количество родов. А в целом в её теле бы-

ли некоторые диспропорции. Ксения рассматривала кисти рук Нэи, похожие на руки недоразвившихся ещё девушек, и тем не менее, её руки были искусны, быстры и виртуозны, трудолюбивы. За кажущейся придурковатой наивностью таилась тонкая и проницательная душа. Добрые глаза смотрели с интересом, открыто, но Ксения не обманывалась. Ангельская простота всё знала? Откуда? Ведь никто не мог ей рассказать, некому тут было. Здесь не принято болтать лишнее, несмотря на искренность. За круг этой искренней задушевности выведены редкие патологические одиночки и она, Ксения.

– Приходите к нам. Мы общаемся, учим наших детей тому, что умеем сами. У нас нет педагогов в привычном понимании, педагоги мы все. Кто чем богат. А вы? Почему бы вам не давать детям уроки ботаники, биологи? Если есть желание – время найдётся.

– Я решу, – ответила Ксения, и вдруг взгляд её упал на шёлковое платье Нэи, расшитое вручную. Она отчётливо и внезапно вспомнила то прекрасное серебристое платье Нэи с кружевными вставками в виде грозди сирени, и то, как девочка Елена – сердитая и капризная упрямец и чудо-фея по виду – его испачкала. Чудесная солнечная явь, давно ставшая навью, осветила вдруг лицо Нэи. Тем самым земным сиянием, в котором она вместе со своими детьми казалась жительницей счастливого высшего измерения, но в котором не дано обитать самой Ксении. В этом измерении обитали

многие и многие женщины вокруг, красивые и некрасивые, внешность роли не играла, как и возраст – юный и не очень мало что решал. Ксения оттуда была низвергнута и, казалось ей, что навсегда. Не проявляло себя в её жизни то, что и понимают под светлым человеческим счастьем.

Нэя и тут светится своей нисколько не повреждённой гармоничностью счастливого существа. Или же любимые дети – источник её внутреннего наполнения и загадочного переливчатого сияния? Как она умудряется с такой кучей детей столь волшебно рукодельничать? Но мысль об этом возникла параллельно её озарению, что под шёлковой тканью заметен животик.

«Ещё»? – поразилась Ксения, – «один или опять двое? Сколько же ей их будет достаточно»?

– Вы ждёте ребёнка? – спросила Ксения.

– Ваш муж любит детей. – Нэя уклонилась от ответа. – Он ведёт у них химию, ботанику и астрономию по совместительству. Дети его обожают. Мне кажется, вы тоже любите детей. Вы добры.

– Я? Добра? Ну, уж нет! Спросите тут любую. Они вам подтвердят, что я стерва.

– Вы добрая. Но вам не хватает детей. Да. От того и одиночество души. Простите, что я влезаю в душу, но, если ваш муж не может подарить вам дитя, найдите и полюбите другого. Вы же красавица и совсем молоденькая. У вас есть на Земле мама? В Подмосковье? Мама с собакой, но возможно,

собаки уже и нет.

– Как смешно вы говорите – «дитя». Так давно никто не говорит. Только в романах старинных так писали. Вы любите читать?

– А вы любите чтение?

– Терпеть не могу. Все эти выдумки о жизни вводят в заблуждение. Бесполезное стремление к идеалу, к чему оно? К тому, чего нет, и никогда не будет. Вам приходилось сталкиваться с изнанкой человека? Это быстро излечивает от идеализма. Или вы всю жизнь прожили в выдуманных вами декорациях, и вам повезло, что ваш муж сумел скрыть от вас чугунную морду бытия, нахально лезущую в открытые окна тех, кто доверчиво распахивает их навстречу жизни. Так было со мной. Вам повезло. Что же, хоть кто-то счастлив, и это делает жизнь намного светлее, чем она есть.

– Чугунная морда бытия... – Нэя задумчиво увела взгляд в сторону, – Где-то я уже слышала похожее определение, но так давно и там, что... Такое чувство, что нет уже никакого «там», нет и той доброй и бестолковой Ифисы, говорившей мне точно такие же слова. Для меня её уже нет. И была ли она права? Тогда нет. А теперь – да.

– Кто такая Фиса? Одна из женщин, что тут и жила, но отбыла?

Нэя непонятно чему улыбалась, обращаясь к самой себе и мало заботясь о том, поймёт или нет её та, кто сидит рядом. Ксения спохватилась, ведь Нэя считает её девчонкой, а

она, забывшись, пылит тут житейской мудростью, несовместимой с собственным внешним обликом.

– Да, – ответила Нэя, – мне повезло. Я была единственная на нашей планете, кто сумел попасть за небесную твердь. Надмирный Свет дал мне такое вот счастье. Любовь. Детей от любимых мужчин.

– Мужчин? Их что же много было?

– Двое. Их было двое. А у вас?

– Не считала. К чему, если нет ни одного ребёнка. Они того стоят, думаете, чтобы их ещё и считать или помнить?

– Как же можно не ценить себя, своих чувств, чтобы так говорить? Я не хочу вас обидеть. Нет. Не обижайтесь. Я просто так думаю. Я помню всех, кто любил меня, кого любила я, даже если это было в далёкой юности, почти детстве. Это самая ценная часть моей души. Её наполнение. Вот у Рудольфа мать – страстный коллекционер редких камней. У неё их столько, невероятное количество, но она уверяет, что знает их всех в их каменное, так сказать, лицо. Потому что, говорит она, то, что дорого всегда в человеке. И если это о камнях, то, что же о людях? Любимые люди становятся частью нас самих.

– А вы что же, знали его мать? Как она вам?

– Очень отчуждённая, закрытая. Не любит людей. Любит только камни. И сама прекрасная, идеальная и холодная. Имея красоту, не имеет в себе тепла.

– Слишком высокопарно. Холодная гадюка, ядовитая, не

дающаяся никому в руки, не любившая никого, никогда. Злая. Вы знаете, как змеи любят греться чужим теплом?

– Вы тоже её знали?

– Да, как-то случайно...

– И его отца? Ростислава?

– Да откуда мне его знать! И вообще, я периодически делаю уборку в своём внутреннем доме, и лишнее вытряхиваю оттуда.

– Я так не умею. Разве так можно? Самому уничтожить свою память? Вы это просто так сказали, чтобы не отвечать? Ну, не надо

– Ваш муж, что он говорит обо мне?

– Ничего. А что он может говорить? Когда вы прибыли, он сказал, что прилетел гениальный садовод-ботаник со своей женой, похожей на уснувшую и так и не проснувшуюся, спящую на ходу красавицу.

– И всё?

– Что ещё? Защищал вас, когда вас подвергали осуждению за обособленность. Здесь и такие люди живут. Но если человек не хочет общежития? Если он отшельник по натуре? Это его право. Работает, а остальное вас не касается. Я тоже не люблю толпиться. Дети моё спасение. Всегда можно за ними скрыться от чрезмерной чьей-то дружбы.

– Люди ужасны, если они назойливы. Здесь таких много?

– Есть, конечно. Но в основном, все чудесные люди, – была она искренней или действительно так считала?

Пока они говорили, в кафе никого уже не осталось. Даже Ксен, приходивший обычно позже всех, а ел он медленно, уже ушёл. Ушли и те, кто пришёл с опозданием. А они всё сидели. Автоматика выключила свет, оставив лишь неяркое свечение на потолке. Бледный сиреневый круг давал неземной отсвет волосам Нэи, скрывал едва заметные морщинки у её глаз, если она смеялась.

«Бывают же такие люди, – думала Ксения, – что все повернуты к ним лишь своей лучшей стороной. Им легко жить».

Она вздохнула. Уходить не хотелось. С милой женщиной приятно даже молчать. – Пойду, – сказала Ксения, – пора мне в свой зелёный райский сектор проверять здоровье фруктов-овощей. Я иногда чувствую себя таким овощным богом, вернее богиней, и завидую беспечной бездумной жизни своих растительных детишек. То, что они мало живут, так это для нас, а для них вполне себе достаточно. Когда их срывают, они, вероятно, думают, что это их изгнание из рая. При условии, конечно, что они думают своей растительной клетчаткой. И вот они неизбежно пускаются в свои путешествия. Кто попадает на хрустальное блюдо в центр праздничного стола под яркое освещение, кто в растительный соус или кипящий бульон, кто в овощерезку, а кто в ледяное безмолвие холодильной камеры. Но итог всегда общий – быть съеденными. За что? За что, -вопрошают они, – нас изгнали из милого рая? За что нас режут и кипятят? Как им объяснить, что они питательный ресурс для более высших существ, ра-

ди которых они и произрастают?

Нэя слушала её, как дети слушают сказку, в которую не верят. Всё равно интересно. Она улыбалась доброй, именно что детской улыбкой.

– Пора мне, – повторила Ксения, – Ксен иногда бывает ворчлив и кидается в меня недозрелыми огурцами, а я срываю их раньше срока, раньше роботов, чем нарушаю заданную программу. Но дети любят маленькие хрустящие огурчики с пупырышками. И я их люблю. – Она продолжала за чем-то сидеть, хотя Нэя не поддержала тему про метафизический ужас из жизни овощей. Она разжала некрупную ладошку вечной пчёлки-труженицы, а в ней была ягодка – клубничка из дорогого турмалина с нефритовыми листочками. – Вот хотела подарить вам, как труженице нашего райского сада, – сказала Нэя. Ксения отшатнулась, узнав ту самую драгоценность, что отдала некогда Нэе в лесу. – Мне зачем? – а рука сама собою потянулась к драгоценности, о которой она уже тогда успела пожалеть. Спасибо, что сохранила, вот что она подумала. И взяла так, как и берут собственную вещь. Если Нэя хотела её в чём-то уличить, отдавая украшение, то Ксения не дрогнула ни лицом, ни душою. Только слегка прикрыла свои блеснувшие глаза юными колдовскими ресницами, вроде как от усталости или резковатого освещения.

Любопытство или сочувствие?

Несколько раз порывалась войти технолог Нелли по своим делам, но Ксения, сощуриив глаза, прошипела ей как кошке, – Кыш отсюда! Иди, отдыхай, – презирая её и всех с нею вместе заодно, как низших. Нэя пристально вцепилась в зрачки Ксении, именно что цепкий и смелый неожиданно взгляд с вызовом, но с вызовом к чему?

– Они всё же есть, эти стрелы возмездия? И что им бездна Космоса? У них же, у высших смыслов, другие законы, а наше пространство, наше время – всё это фикция нашего ума по большому-то счёту.

– О чём это вы? – Ксения тарасила глаза, делая их наигранно девичьими, бестолковыми.

– Я вспомнила одну женщину, встреченную на Земле. В лесу. – Жёнушка изучала тёмно-золотые вьющиеся волосы, упавшие на лоб Ксении, когда она поправляла заколку и сломала её.

Дурочка не знала о существовании секретных технологий в закрытых Центрах. Она пропустила мимо ушей рассказ Ксении о Рите тогда в лесу. Или не поняла ничего. Для неё было бы непостижимым и не объяснимым чудом явление той, которую она встретила девять лет назад, но возрождённой в юном облике, и узнать её она не могла никак. Теперь их роли поменялись на диаметрально противоположные. Ксе-

ния – воплощённая юность, а эта уже близка к черте, за которой, – нет не старение, до этого ей было далеко, но она потускнела, она накапливала в себе процессы неизбежного увядания. Но Ксения само великодушие, никогда не позволила бы себе вести себя так, как эта Нэя в лесу, когда тыкала ей в глаза своё молодое превосходство.

– О каком же лесе идёт речь? Где это?

– У вас есть мама? Может, это она гуляла в том лесу?

– К тому времени её уже не было в том лесу, так как не было нигде. Она умерла.

– К тому времени? Но к какому «тому времени», если вы не знаете, когда это происходило?

– К тому времени, как вы появились на Земле. И вы и Рудольф.

– Кем же была та женщина?

– Кто же знает. Может, сама судьба. Пришла дать вам свой совет или предупреждение. Я же не знаю, о чём вы там с нею говорили. Да и в каком лесу? – Ксения опять опустила ресницы, тая усмешку. – Чего вам бояться каких-то там стрел возмездия, если вы ни в чём и ни перед кем не виноваты? Но бояться вам надо, хотя ваша соперница не здесь.

– Рита? – в вопросе был и ответ. – Рита ему не нужна.

– Ему? А он ей? Думаете, она из тех, кто отдаёт то, что наметила себе?

– Почему Рита такая? Не стареет? Или она не человек? Не такая как вы или я?

– Потому. Прорыв в будущее. Ворон Воронович отдал за её, уж и не знаю какое по счёту, омоложение половину того ресурса, что заработал, вы только вдумайтесь в это! Половину жизни! А мама... Да что там! – у Ксении заблестели слёзы. – Но зачем Фаусту была нужна вторая молодость? Он пустил её на распутство. Потому что понял, что его прошлая жизнь потрачена на поиск того, чем сама жизнь и является. Он искал смысл, а смысл жизни она сама. Сознание потока времени, его мыслящие нейроны, вот что такое мы. Плохо понимающие себя в потоке, куда-то мчащемся потоке, в котором захлебываемся и часто тонем. А кем мы себя осознаём, тут уж кому как повезёт. Кто-то считает себя чистой волной, кто-то грязным и стоячим илом в этом потоке, потому что и есть этот ил, он тоже составляющее реки, хотя и принадлежность её дна. И песчинки, поднятые наверх мутным завихрением, но мнящие себя самим течением. Короче, мы люди – сложносоставные твари Вселенной. У нас разная структура, как у камней. Вот видите у меня все камни фиолетовые, а все разные по изометрии, по свойствам и числу твёрдости. – Ксения протянула ей руку, распялив длинные пальцы. Нэя и не взглянула на камни.

– Кто это Фауст?

– Легенда. Вы бы изучили нашу культуру, чтобы вести с мужем мудрые беседы. Он наполовину немец, а Гёте – немецкая классика. Он это любит. Всё старинное.

– Смеётесь? К чему мне тратить мою короткую жизнь на

чтение вашего старья? Рудольф настолько презирает вашу историю, что говорит, не знай он её, ничего бы не потерял. Времени на жизнь не хватает, не то, что ловить её тени, да и то часто созданные фигой фальсификатора на картонной стене. Так он говорит. Он в юности тратил на это много времени. А если бы влюблялся, гулял, как прочие мальчишки, то всё могло бы сложиться иначе, лучше, так он считает.

«Не попал бы в сети скучающей бабы-оборотня, о которой никто и не знает, сколько ей лет». – подумала Ксения. Может, Рита была ровесницей его матери Карины. Они дружили. Но мать Венда не делала никаких омоложений. А Рита – да. Может, и не раз?

– Та женщина в лесу рассказывала мне... – тут Нэя запнулась, – На спутнике Рита едва не погибла...

– Она чуть не распалась, как гнилая тряпка на свои древние молекулы. Она может жить только на Земле, и перегрузки таким противопоказаны. Она мистификатор. Понять её не просто. Этого не умел никто. Даже мой отец. А он был необычен во многом. Но сидел на её коротком поводке, возможно, он его любил, этот поводок. Всё ей прощал, лизал ей руки, а маме? Обещал вечную любовь, а только укоротил её жизнь, и без того несчастную...

Ксения с ужасом спохватилась, поняв, что опять проболталась. Что было за наваждение? Только что могла Нэя понять в её прорвавшемся потоке откровенности?

– Не бойся ты меня, – сказала она Нэе, – потому что я

и есть та тень, которую создала фигу мистификатора. Если ты захочешь это обдумать без бабьей ревности, ты поймёшь много. А твоя ревность – она и входила в план фигуры, то есть мистификатора.

– Ревность? Я ни к кому не ревную. Уж тем более к Рите. Я даже к Гелии его не ревновала.

– Гелия? Кто она?

– Невозможно описать, если вы её не видели. Возможно, он любил её одну. Но Гелии нет в живых. Хотя, как и знать, что это такое – Гелия? Или кто? Она как-то приходила ко мне, когда мы только прилетели на Землю. Но откуда? Я улавливала её дыхание, трогала руку. Было такое чувство, что сознание куда-то вываливается при ясном понимании, что она не порождение сна, и вовсе не галлюцинация, как думал Рудольф на том озере....

– Каком озере? Здесь, на Земле-2?

– В Альпах. Она там плавала, плеск воды самый настоящий... Он видел, но сказал, что нет. Я же поняла по его глазам, что он видел то же самое, что и я. После того случая он и перестал любить меня.

– А в Паралее любил?

– Да.

– А тут, на спутнике, как у вас...

– Нет.

– Не любил, даже когда ты прибыла к нему, оставив на земле детей?

– Не знаю, что это было. Тоска больше. Жажда спрятаться от одиночества, как это произошло и в Лучшем городе континента на Паралее. Иллюзия же быстро истончается, а многие из мужчин зачастую ищут более плотную, что ли, замену... Если бы я поняла это ещё на Паралее...

– Что произошло бы тогда? – у Ксении захватило дыхание.

– Я так и жила бы там.

Нэя встала, наконец. Маленький, но уже заметный животик пронзил Ксению жалостью и душевной корчей от своей роли смазливой ловушки. Ловушка не имела прав на добычу по замыслу затейника, но эта глупая ловушка была напитана своей, настоящей уже не одно десятилетие, любовью, ставшей твёрдой как застывший янтарь, не поддающейся уговору рассыпаться в мельчайшую пыль и исчезнуть при волевом дуновении, или испариться.

Нелли – кулинар высочайшей квалификации

– А эту, белую ватрушку, словно бы вымазанную белковым кремом, не ревнуете? – зачем-то спросила Ксения, вдруг поймав себя на дикой ревности к Нелли. Уж сколько и в каких грехах обвинял её Рудольф, отпихивая в юности, да и тут позволял себе. А эту сомнительную вдову? «Листик», – и по спине так и норовит провести ручищей, благодарен за какие-то сладкие услуги. Почему Листик? Да потому, что Нел-

ли носила фамилию Листикова. С Рамоном официального союза она не оформляла. Не врёт Вика, хитренькая и ласковая, особое тут бдительное око за личной жизнью обитателей, фиксатор их промахов, разносчик чужих тайн. Вроде как, трёхглазая девица из сказки, подглядывающая за всеми, как ни кажется она многим сонной и безразличной. И представив себе такой вот хитрый глазок, упрятанный где-то в густых волосах Вики, Ксения ощутила почти физическое отвращение к той, кто вовсе не была равнодушной к Венду, даже услаждаясь с его бесподобным сыном, годящимся и ей в сыновья.

Вошла Нелли – «легка на помине», устав ждать, когда они уйдут. Как будто через панель уловила мысли Ксении о себе. На лице застыла неприязнь, усталость, улыбка её всегда предназначалась только мужчинам. Она была реальной хозяйкой в своей столовой вотчине. У неё тут свои неотменяемые и важные дела. Они же с Нэей лишние, и она косилась красноватыми от недосыпа глазами молодой пока, но уже облезлой блондинки. Как будто красные кристаллы на её шее, с которыми она пока не рассталась, отражались в её глазах как в лужах. Даже татуировки бровей и искусственный пигмент ресниц не маскировали её природной бесцветности, некрасивости. Бурча под нос невнятицу, она стала настраивать роботов на уборку столового отсека, мытьё посуды, суетиться короче.

– Чего шепчешь? Давай вслух, мы не обидимся. – Ссо-

риться Ксения не стремилась, но Нелли была ей антипатична.

– Я просто устала, еле на ногах держусь. В бассейн и тот не могу сходить. Сменщик мой впал в депрессию. Не вылезает из своего жилого отсека третий день. Если завтра не придёт, придётся обращаться к врачу и тащить его в медотсек насильно. А если его отправят в сектор психологической реабилитации? Что я буду делать при двойной нагрузке? – Она задрала легкий подол, показывая стройную гладкую ногу, где проявилась лилово-синеватая сеточка поверхностных сосудов, похожих на ветку. – Это что? Нагрузка на ноги такая, что и средства от сосудистых нарушений не помогают. Сколько можно мне топтаться без отдыха? Тут включи, там проследи, а недавно посудомоечный робот заглянул, то так вдарил струёй воды, что с ног меня сшиб. Я ударилась лбом, лицом вниз, на скуле была ссадина – кожа от удара лопнула. Крови было! Так что покалечиться и на кухне можно. Меня используют как низшую техническую службу, а я, может, кулинар высочайшей квалификации. Я в Швейцарских Альпах в фирменной кондитерской школе последний год обучения проходила, между прочим. Золотой диплом кондитера получила. И потом в зоне Золотого исторического кольца на туристических трассах работала в лучшей сети ресторанов. Я такую рецептуру изобретала, что за мной не самые последние специалисты гонялись, чтобы к себе сманить, а я отказалась. До сих пор жалею. Обещали роскошное жильё с видом

на морской залив южно-восточного моря предоставить... Уж и забыла, какое было у него название.

– Да. Там тебе было бы самое место. Давно нарожала бы себе чудесных детей. Детишки от смешанных браков европейцев и азиатов до того милые получаются!

– Сама и плоды метисов. А мне без надобности.

– А! Так ты блюститель расовой чистоты? Это похвально. Да ведь Рамон твой был непонятно какого замеса.

– Я детей ему не рожала. Не всем же любить блондинов гиперборейской наружности. Их не так чтобы и много осталось. На всех не хватает, – довольно благодушно отозвалась Нелли, не чувствуя никакого подвоха. – Твой-то Ксен уж точно гипербореец высшей пробы.

– Да. И без всяких современных фокусов.

– А ты сама?

– Я, знаешь, не изделие из драгоценного сплава, чтобы пробы на себе иметь. Я человек.

– Да и я, вроде, не кукла со встроенной программой и прошитая чьими-то воспоминаниями. А там, кто знает. Если кто из нас и клон с ложной памятью, так в известность никого о том не поставили.

– Даже и не предполагала, что тебя посещают подобные мысли. Трудно тебе?

– Не труднее, чем тебе, – буркнула та.

– А как тебе больше нравится: языком или губами ощущать вкус? – Ксения жгла взглядом спину Нелли, тихой жен-

щины, никому тут не сказавшей и грубого слова за все годы нелёгкого служения. Ставшей тут вдовой. Нелли обернулась. Глаза переливались, как и фальшивые кристаллы её ожерелья, став глазами василиска.

– Ты о чём? – Нелли бледнела на глазах от гнева. Нэя притихла, не зная, как ей себя вести.

– О пирожных твоих. О чём же ещё? Достаточно лишь коснуться слегка губами или совсем уж проглотить деликатес, чтобы оценить всю степень его годности? Или ты уловила иной подтекст? Я о твоей кулинарии. Если тебе пробовать каждое пирожное, так и растолстеть недолго.

– Ты разбалованная соплячка!

По внешнему лицедейству перед другими женщинами на спутнике Нелли гордо и печально продолжала нести звание жены Рамона, вернее, соломенной вдовы Рамона. Он привез её сюда, сманив с собой в опасную колонию, а сам исчез во время вылазки на планету. Он сел в нарушение инструкций один в районе остывших лавовых полей и пропал. Впоследствии его искали, но не нашли. Модуль был на месте, хотя и повреждён при неудачном падении. Рудольф не имел к его исчезновению или гибели никакого отношения. Но пугал Ксению впоследствии его загадочной гибелью, намекая о своей причастности к тому происшествию. Но так он дразнил, играл на её нервах. Рамон же был фанатом риска, как и Артур, как многие тут исследователи. Нелли осталась одна, только возвращаться на Землю не захотела. Может быть, она

не теряла надежды на то, что Рамон объявится, и чудо есть как явление во Вселенной, пусть и не частое.

Её не то чтобы любили на спутнике, но ценили за вкусное сбалансированное питание, за внешнюю ласковость и обходительность. Особенно дети, которых она баловала вкусными обедами на любой детский вкус, десертами. И злость Ксении была несправедливой, низкой.

– Шеф не любит сладкое, – опять начала свою игру Ксения, – чем же ты ему так угождаешь, готовишь-то ты так себе, уж и не знаю, насколько ты специалист-кулинар высочайшей квалификации. Детские пюре, крем-супы, котлетки. Без фантазии. Ты ведь приверженец классики, насколько я понимаю? – Ксения облизнула губы, после чего задержала язык высунутым, словно бы дразнила Нелли, как делают это дети.

– Ему нравится, – Нелли косилась на Нэю, не желая её вовлекать в полемику и понимая непристойный подтекст вопросов Ксении. – От деликатесов устаёшь, отвращаешься быстро, а классика, она не приедается. Любительницы изысков у нас не задерживаются.

– Мечтаешь войти в его сердце? – Ксения выдержала паузу, – через это самое ещё никому не удавалось. Это же не штрафник – простой десантник, а рафинированный человек, много чего успевший отведать и в иных мирах тоже. Инопланетных в смысле деликатесов.

– «Это самое» – это что? – не выдержала Нэя.

– «Это самое» – желудок мужчины. Разве не ясно? На-

правление нашей беседы сугубо кулинарное. Это же игра. Юмор. Нелли всё же поняла. Да, Нелли? «Большой секрет для маленькой, для маленькой такой компании, большой, большой секрет! Ах! Было бы о чём поговорить!» – Ксения напела песенку, – «Не секрет, что друзья не растут в огороде/. Не продашь и не купишь друзей/. И поэтому я всё бреду по дороге/, Всё бреду и пылю тележкой своей/»... Как-то так. Девчонки, как люблю я старинную музыку! Это из муз. архива детского, кстати. Я, знаете ли, историк-любитель. Нелли, ты знаешь эту песенку о «большом, большом секрете»?

– Отстань! Ты со своим маленьким секретом разберись. Со своим, кто как раз и растёт в огороде, с Ксеном. Чего он у тебя такой меланхоличный? Не даёшь, что ли? Вот и пой с ним дуэтом. Может, овощи будут лучше расти. Они же, растения, любят музыку.

Нелли мерцала глазами, мерцала своими бусинами-ягодами, мерцала телом сквозь платице.

– Кого ты тут удивляешь своими тайными и всегда открытыми для обозрения формами? Я вот ела и давилась, глядя на твои полушария. Что впереди, что сзади.

– Не гляди. Тебе это и не предназначено.

– Кому же?

– Ксения, может, мы пойдём? – Нэя встала, боясь их ссоры.

– Мечтаешь приз за свои скачки получить? Стать главной подавальщицей приторных и жирных своих десертов? Хотя,

кто тут на это и претендует, кроме тебя.

– Разве не ты? – Нелли настолько растерялась от наскока Ксении, что не знала, как себя вести. Шлёпнуть негодную девчонку полотенцем или же промолчать?

– Я? Я по другой специальности.

– Оно и видно. Вся позеленела от своих опытов. Не подавись только своим опытным образцом, рот слишком маленький.

– Зато у тебя как у мурены.

– Разве это я караулю свою добычу по расщелинам между жилыми отсеками? И разве меня поставили носом в стену, чтобы стащить комбинезон пониже тех полушарий, что таятся у кого-то за таким скромным и совсем не прозрачным комбинезоном? А и у стен есть глаза – ты не знала? Тут же сенсоры слежения всюду, а в подземельях-то люди работают, следят за порядком... – Нелли запнулась, со страхом взглянув на застывшую Нюю.

Ксения замерла, как приготовившаяся к прыжку пантера. Но Нелли тоже наступала. – Была тут одна до тебя, выше всех нос задирала, а потом лысеть начала и морщинами покрылась, как старый глиняный горшок. Известно, высшая каста. У них же всё синтетическое, барахло внешнее, годное только для земных тепличных условий. А я подлинная. И всегда такой была! Только завистники выдумывали, что я позволяла себе пластические операции. Да на что? Я еле-еле концы сводила, на путешествия не всегда хватало. У меня ни еди-

ной близкой души на Земле не было, чтобы поддержать меня. И я имела очень консервативное воспитание, жила в детском городке для сирот с раннего детства, и характер был робкий, не наглый никогда. А выдумывали, потому что мужики меня хватали глазами везде и всюду, а я головы своей не теряла от них никогда!

– Хватали глазами? И руками тоже! И всё прочее не исключалось везде и всюду! Там, где такое было можно, чтобы без отягчающих последствий. А от того, теряла ты голову, нет ли, что менялось? Если пустая голова твоя как цветочный горшок лишь место для произрастания твоих блондинистых волос!

– Ты-то случаем не теряешь волосы свои по чужим отсекам? Тут нашла целый клочок рыжей пакли, чей думаю? Одна ты тут высшая, да рыжая...

Ксения побелела, как тот самый белковый крем, встала на негнущихся ногах, растопырив руки в сторону Нелли.

– Думаешь, я не понимаю ничего? – пяtilась от Ксении Нелли, но продолжая палить в противницу из своего информационного пулемёта. – Думаешь, сюда посылают девочек подлинных? Только старых, перелицованных душек на букву б, а твой муж – это же фикция! Решила отведать экстрима на склоне лет? Ты думаешь, я не заметила, какой молодкой ты прибыла и во что превратилась за несколько месяцев тут? Тебе же к тридцати уже, если по виду. А там, тебе виднее. Может, ты бабушке моей ровесница, а может, и мама моя те-

бе во внучки годна была бы? Да все заметили, как ты поблёкла! Как ты выгораешь тут, как синтетика на солнце! – Нелли вошла в боевой экстаз, пошла красными пятнами. Бессмысленными движениями она водила по панели, ведущей в хозяйственный отсек-кухню, то приоткрывая, то закрывая её, не контролируя себя. На краткий миг она опомнилась, испугавшись вида разъярённой и словно искрящейся, потрескивающей губительным электричеством, так казалось, надвигающейся Ксении. Попыталась ретироваться за панель, ведущую в хозблок, да та застряла из-за её же неверных манипуляций с открывающим устройством.

– Я не кухонный робот, но ссадинами твоё личико обеспечу повторно! – Ксения вытянула руки с растопыренными пальцами. Вид её был ужасен.

Рудольф – примиритель враждующих сторон

И тут вошёл Рудольф. Он будто почуял накал в кафе издали, учуял грозовой фронт, грозивший всё разнести тут вдребезги. От драки их отделяла минута и меньше. Войдя, он увидел рыжую кошку, шерсть дыбом, это Ксения. Налитую злобой и нахохлившуюся индюшку, это Нелли, и испуганного воробышка в углу с раскрытым клювиком, это Нэя.

– Никак тут генеральная репетиция танца с саблями? – спросил он весело, обращаясь к Нелли, в руке которой ока-

зался столовый нож. – Как я вовремя. Где же музыкальное сопровождение? Пуру – пуру – пум – пум – пу! – и он напел воинственную мелодию из старинной балетной классики «Танец с саблями», удручающе фальшивя, издеваясь над ними.

– Ваше подкупольное владычество, подземное высочество, куда же и без вас, ваше телепатичество? Вы в самое время и подоспели! – Все это Ксения выдала, застыв в неосуществлённом прыжке.

Рудольф посмотрел на неё так, словно она была прозрачной, и через её голову он увидел заманчивую перспективу далёкой улицы. Но там ничего не было, кроме голографических арочных окон, пейзажные интерактивные компьютерные заставки в которых меняли в зависимости от того, насколько они надоедали. Сейчас окна были приглашены ввиду ухода посетителей. За ними была как бы ночь.

– В детстве Нелли тоже ходила в балетную студию. Так что вы коллеги в некотором роде. Вдруг решили потопать ножками. А что? Не устроить ли нам кружок художественной самодеятельности?

– У Клариссы вольное творчество, она каждый вечер топает своими превосходными ножками в клубе у космодесантников. – Нелли высунулась из-за широкого плеча Рудольфа, сверкая ненавистью в сужившихся глазах, но явно боясь развить тему посиделок Ксении у ребят – космодесантников.

– Какое глубокое проникновение со стороны власти в нед-

ра своих подчинённых, то есть, я хотела сказать в их персональное прошлое. И о детстве их его спутниковое владычество всё знает.

– Я и обязан. Я не только ГОР, но и ваш психотерапевт. Поскольку психологи у нас никудышные, как это и бывает свойственно всем практикующим психологам, а наш к тому же страдает хронической депрессией и не пускает к себе никого. Он возненавидел общество спутника, считая, что лучшее человечество осталось на Земле. И я несу на своих плечах и его груз. Давайте, девчонки, исповедуйтесь, что случилось?

– Они поспорили по поводу кулинарных пристрастий, – встряла Нэя, неожиданно обнаружив себя. Две крикливые фурии о ней напрочь забыли. Она словно растворилась в голографическом пейзаже и вдруг выплыла из него. – Кларисса недовольна простой рецептурой наших блюд. Я предлагала тебе, Руд, себя как составителя рецептов, а Нелли настраивала бы роботов. Я очень хорошо готовила, Кларисса, если бы вы попробовали мои блюда, вы бы их оценили. Но он считает, что жена Главного Распорядителя не должна толкаться в столовом секторе. Бойтся, что дети окажутся заброшенными.

– Боюсь, что ты много будешь есть, поскольку ты к этому склонна. Вот Нелли, когда прибыла сюда с Рамоном, была тонкой веточкой, а сейчас она...

– Как бревно, – вставила Ксения, – от чего же ещё Рамон и

сбежал из купольного города на безлюдную планету? А может, нашёл там аборигенку – гибкую веточку?

Блестящий, но тупой, столовый нож, мягко перехваченный Рудольфом у Нелли, был бережно положен на место, вернее, в свалку немытой посуды на неподвижной конвейерной ленте, ведущей в закрытый хозяйственный и кухонный отсек. Тот был отделён красочной стеной-панорамой с изображением уходящей вдаль песчаной косы – от просторного зала столового отсека или кафе, как называли его, где происходили их ежедневные завтраки, обеды и ужины. Прочие чаепития и закуски в любое время каждый практиковал у себя в жилом отсеке сам.

– Сама-то кувшин узкогорлый! Не подавись, когда глотаешь уворованные десерты! – выкрикнула кулинар высочайшей квалификации.

– У кого же я и ворую? Не у тебя ли, вялобрюхая рыбина? – слова изрыгались из Ксении самопроизвольно, как суповая пена из кастрюли. Она даже брызгала слюной, не контролируя себя и будто со стороны слыша собственный визгливый голос, о существовании которого и не подозревала в себе. Рудольф придал им обоим вдохновения, поскольку встал между ними непроходимым барьером.

– Я помню, как ты и на Земле крутила перед всеми своим, якобы заманчиво-кондитерским туловищем! Только у тебя не было и намёка на талию! Ты всегда была как бледный тепличный огурец по своему строению! Пляжные трусы про-

сто прыгали на тебе, когда ты вертела выпуклой задницей от нетерпения, чтобы с тебя их стащили на безлюдном берегу в кустах!

Нелли открыла рот, как будто и была уснувшей рыбой.

– Когда? – пробормотала она, становясь багровой щеками и лбом. Испуганная её состоянием, Нэя дергала её за рукав светлого нежнейшего платья, но оскорблённая кондитерша отпихивала её. Она схватила солонку со столика рядом, метнула её в Ксению, а попала в широкое развёрнутое плечо Гора – невольного Атланта, держащего на этом плече и их взаимоотношения тоже. – Можно подумать! – орала Нелли, – с тебя самой не стащили трусов совсем недавно! После чего ткнули носом в стену, оголив твою нежную, оранжерейную задницу... – наплыв раскалённых эмоций как лава сжёг все откровения Ксении о неких пляжных трусах, и осознания услышанного не произошло.

– Заткнитесь, шавки! – гаркнул Рудольф, – затеяли перелай! За это будешь убираться в подземных казармах всю неделю в ночную смену! Ясно? – обратился он к Нелли, после чего развернулся к Ксении. – А ты, чтобы не вылезала из своего огорода! И носа сюда не совала тоже целую неделю! Питайся там редиской и брокколи. А хлеб тебе муж доставит.

– Ей брокколи грызть, а мне роботов гонять по подземельям? – всхлипнула Нелли. – Я и так ног не чувую, за двоих работаю в кафе, а...

– Ничего, растрясёшь свои полушария, – хихикнула Ксения, ничуть не испугавшись.

– Приказы кто смеет обсуждать! Забыла, где находишься? Неповиновение можно было проявлять на Земле, где ты и жила в сливках и шоколаде! Где тебе и советовали мудрые люди остаться для участия в конкурсах красоты! – Рудольф мало походил на шутника, и Нелли сникла.

– Участвовать в конкурсах красоты? Ей? Да! Конкретно тебя здесь уездили, что ты стала как облинялый манекен со свалки! А что будет, если она тебе не подчинится? – полюбопытствовала Ксения.

– Пойди и прогуляйся в подземные уровни, так и узнаешь сама, – Нелли пятилась в угол, но не могла себя остановить. – Вот уж ты точно тогда будешь похожа на обглоданную рыбку!

– И не мечтай, я же не обладательница золотого кондитерского диплома в сахарной пудре, меня не полижешь...

– Девочки, я вас умоляю! – закричала вдруг Нэя, – Что вы тут устроили! Это омерзительно!

– Я с тобой разберусь завтра. Придёшь ко мне утром, – обратился Рудольф в сторону Ксении, – а ты поняла всё? – это уже относилось к Нелли. Та кивнула, краска сошла с её лица, рот дёргался в желании добавить бранных слов в адрес Ксении-Клариссы. Или же она шёпотом кляла Рудольфа.

– Вот она, благодарность их владычеств! За верную и такую вкусную службу, – опять подала голос Ксения, внезапно остыв от дикой ярости и уже жалея несчастную тупицу ку-

линара, которую спровоцировала на безобразную ссору, чудом не перешедшую в побоище с использованием холодного столового оружия. – Может, явите своё великодушие и милость падишаха своим оступившимся подданным?

– Падишаха? – повторила Нелли, как попугай, не поняв историзма.

– Рудольф, прости девочек! – Нэя сложила ручки смешным каким-то жестом, прижав их к своим чуть прикрытым платьицем плечикам, – трогательно хрупким. Как это с таким тельцем она столько уже рожала, вынашивала детей, выкармливала их? Неподдельная её сострадательность, а также страх Нелли удивили Ксению.

– Ладно, – сказал он спокойно, – поскольку ты и так работаешь за двоих без отдыха, я тебя освобождаю от штрафных санкций, но впредь контролируй свой язык. Лучше прикуси его, если молчать не вмоготу. – После чего свирепо уставился на Ксению, ожидая очередного её выпада.

– Конечно, а то, чем ты будешь пробовать свои десерты? – уже тихо промямлила Ксения, – если прикусить придётся?

И поскольку Нелли онемела, ругаться одной ей было и глупо. Страх перед шефом у Ксении не было ни малейшего, и ей не было понятно, чего так испугалась горластая повариха. Пока Рудольф отправился в кухонный отсек, где чем-то закусывал, звеня посудой, Ксения миролюбиво обратилась к Нелли, – Ты чего испугалась? Белая как сметана стала.

– Ты бы сама послонялась пару деньков возле казарм под-

земных штрафников вместо того, чтобы грызть брокколи у доброго мужа в оранжерее, я бы посмотрела на тебя...

Ксения отшатнулась от неё, словно зев подземных уровней дохнул ей в лицо своим стальным бесчеловечием.

– Разве такое может быть?

Нелли смотрела с презрением, смешанным с её очевидным физическим утомлением.

– Ты бы отдохнула... – проямлила Ксения, теряя свой боевой пыл.

– Ты что ли будешь за роботами следить, а завтра утром подавай вам всем горячий завтрак за чистыми столами. Наш главный повар и так крутится, как бешеная комета вокруг звезды, испаряясь на глазах. Дошёл человек, а другой состав всё не прибывает. Завтра обещают женщину из техцентра нам выделить для работы с роботами. Я хоть отосплюсь за сутки.

– Чего ты не улетишь отсюда? Мало заработала? Или жадная? Я уверена, что на дом с видом на залив тёплого моря тебе хватит, и на персональный воздушный транспорт останется.

– На Земле у меня никого нет. – Нелли оказалась отходчивой, не злой. Уже завтра она забудет содержание ссоры, так казалось Ксении. Они пялились друг на друга, удивляясь взаимно своей безумной стычке.

– У меня тоже никого нет на Земле. Но я хочу домой.

– У тебя есть муж, дом. А что там, на Земле, у меня? –

спросила Нелли.

– Приобретёшь. Теперь ты можешь.

– Что именно – дом или мужа?

– Можешь купить умный дом, к которому в нагрузку всегда найдется муж-дурак. Или муж, который телом не дюж, но вползёт в дом как уж. Тебе ли, красоте сметанной, о том горевать? Бездомные ужи ох и любят домашнюю натуральную сметанку...

От уже и не злых, а больше инерционных издевательств Ксении, только что гневно-краснолицая Нелли бледнела до цвета той самой «сметанки». Но молчала, боясь сурового шефа. Она раскрывала рот, как рыба, немо произнося ответные проклятия, занявшись одновременно подготовкой зала к следующему дню.

– Воркуете? – радостно спросил их Рудольф, выходя и жуя на ходу. – Ну и прекрасно! А я уж за плёткой собрался идти. У меня в служебном холле шикарная плётка имеется для нежных женских ягодиц. Все боятся, потому и слушаются. Не так ли, Листик? С невоеннообязанной публикой насколько мне и сложно.

– Кто тут ещё Листик? – пролепетала Ксения.

Нэя засмеялась вместо онемевшей Нелли.

– Нелли знает, почему она Листик, – ответил Рудольф. – У неё кличка такая. У нас тут скучно. Вот мы и развлекаем себя тем, что одаряем друг друга кличками.

– Листик – лютик, – сказала Ксения, – весело тут у вас. А

для меня какую кличку придумал?

– Хочешь, будь Земляничкой, уж коли ты живёшь в теплицах. Но о плётке не забывай.

– Ты бездарный выдумщик, Руд. Какая ещё плетка? Кого ты пугаешь? Если Клариссу, то она не боится тебя ничуть. Мы, хвала Надмирному Свету, не твои космические десантники и служаки – штрафники.

– Надмирный Свет? – Ксения смотрела на жену космического «падишаха» как на умственно отсталое «дитя».

– Я устроила в одном пустующем жилом отсеке храм Надмирного Света, ну или маленькое подобие, – радуясь затишью, сообщила ей Нэя. – Мне ребята внизу сделали зелёную чашу, и в ней я зажигаю зелёный огонь, – голографический, конечно. Стены я украсила также голографическими зелёными и жёлтыми витражами, пол цветами. Только потолок подлинный, прозрачный. Но там настолько красиво. Многие приходят и отдыхают. Они считают это комнатой релаксации и одиночества, а я не препятствую. Когда человек наедине с собой, он всегда открыт Надмирному Свету.

– А ты там, что же, вроде попа в женском обличье? – невольно спросила Ксения.

– Она там вроде жрицы, – поправила Нелли.

– Какая ещё жрица? – грозно уставился на повариху Рудольф, – Что плетёшь, если смысла слов не понимаешь?

– Нэя у нас всякому домашний психолог... – пробормотала та, птясь и словно бы умаляясь в росте.

– Надо же, как тебя любит твой муж, если разрешает тебе столь экзотические игры в твою незабвенную Паралею, – Ксения и сама не знала, дерзит она Нэе или Рудольфу, но её окатила зависть. Ишь, как потекает капризам своей жёнушки. Захотела поиграть в какой-то там храм неземного света, и на тебе, играй! Игровые павильоны для неё строит, не считаясь с затратами. Массовкой, опять же, обеспечивает...

– Там всё серьёзно, – кротко объяснила Нэя. – Играть в Храме нельзя. Приходи, увидишь сама.

– Сама же говоришь, что там голографическая иллюзия, а не Храм!

– Что Храм, сама наша жизнь – иллюзия, – произнесла Нелли кротким голосом, подражая Нэе.

Ксения невольно засмеялась, – Ну, так и топала бы в подземелья, раз и они иллюзия!

Довольный их видимым примирением Рудольф опять обратился к Нелли. – Как освободишься, притащи что-нибудь перекусить в холл совещаний, поскольку опять ночью работаем, а ребята лучше соображают, когда есть что пожевать. Как обычно, всё организуй туда.

Он обнял жёнушку, увлекая её к выходу. На Ксению он даже не взглянул, будто её тут уже и нет. Нелли подошла к ним. Нэя ласково жалась к мужу, – Он только притворяется суровым, чтобы его слушались, а так-то... Завтра мы со всеми детьми обедаем в «Бабушкиной избушке», – также обратилась она к Нелли, ничуть не удивляясь той кличке, коей

её муж обзывал повариху. – Поможешь мне в настройке робота? Когда выплывешь, разумеется. А то я нашего повара не понимаю, он объясняет бестолково. Ладно? Я вечно всё путаю.

– Кто придумал эту избушку? И где там бабушка? – спросила Ксения.

– Для детей мы готовим там все праздники, а также и для проживающих по их желанию, – всё с тою же приветливостью пояснила Нэя. – Бабушка это же лишь символ домашнего уюта...

– «У козлика не было бабушки/ Совсем не было бабушки...», – пробормотала Ксения.

– Ты не козлик, а коза-дереза из оранжерей! – попыталась опять напасть Нелли. – Надоело там капусту глодать в одиночестве, вот и пришла сюда грызть того, кто и попадётся тебе на пути. Чего я тебе сделала плохого?

– Тихо! – прикрикнул примиритель враждующих сторон, скинув строго-укоризненным взглядом вначале Ксению, потом Нелли.

– В тебе пропал воспитатель для малоумных, – будто чёрт в бок подталкивал Ксению. Она задыхалась от ненависти ко всем присутствующим. Её втянули в безумную драку, унизили, обесценили, а при этом сбежать от них некуда!

– Не шипи, – произнёс он сквозь зубы, – Когда вернёшься в свой зелёный сектор, полей искусственным дождём и себя саму вместе с плодами-ягодами. Сразу остынешь, – и обра-

тился уже к Нелли, – Ты расслышала мою просьбу про ночной перекус?

– Мне самой прийти? – спросила Нелли, лыбясь во весь рот, благодарная неведомо за что. Или радовалась, что гроза минула без особых последствий.

– Бабушку отправь, – съязвила Ксения. – У тебя есть такой робот-бабушка с корзинкой для гостинцев?

– Тебе-то зачем приходиться? – спросил он грубо, считая их обеих скандалистками. – Нагрузи робота и отправь его где-то через пару часов. Напитки у меня там есть, целый запас. Для Артура сделай его любимый микс из зелени вместо гарнира.

– Уж если нет у тебя корзинки, то не забудь записочку прикрепить к контейнеру со съестным: «Милосердному ГО-Ру от благодарных работников кухни»! – не унималась Ксения.

– Какие пожелания будут ещё? – повариха, которая только что лучилась от счастья своей приближённости к брюху управленцев высшего уровня, – но это Ксения так подумала из-за неприязни к Нелли, – задрожала губами, изобразив вдруг своим лицом маску Пьеро-страдальца. Прижав к лицу салфетку, обильно присыпанную то ли мукой, то ли кондитерской пудрой, Нелли невольно пудрила этой съедобной присыпкой свой обиженно-покрасневший носик.

– Да всё стандартно, как обычно, – всё также хмуро отозвался тот, кого она и кормила своими вкусными изобретениями, в чём не имела здесь конкурентов, как бы ни обес-

ценивала её Ксения. – А кто заявится не званым, будет есть то же, что и я. Так что заказ на троих человек, думаю, довольно будет, – Рудольф взглянул в её покорные, как у собаки, глаза, давая понять, что помилование не есть окончательное прощение. Она нагнула голову, непонятно что этим демонстрируя, и вдруг фыркнула в салфетку, заплакала. Невысокая Нэя обняла её сзади, как свою большую мамку дочь-подросток, прижавшись к вздрагивающей спине слезливой и высокорослой поварихи. Рудольф тоже подошёл к Нелли и погладил её по волосам как маленькую, видимо, давая утешение. Какое-то время она хлюпала, не отрывая лица от кухонной салфетки. Но видимо, он всегда так делал со всеми женщинами, живущими тут, по многолетней уже привычке утешая их в больших или малых женских печалях. Утешать Ксению он не счёл нужным, да та и не рыдала.

– Всё, девчонки, мир на всю оставшуюся жизнь! – произнёс он дурацкую фразу, после чего они вдвоём с Нэей и ушли.

Ксения осталась с Нелли, шипя и угасая от недостойной злобы. Корчилась стыдом, одновременным с жалостью к плаксивой поварихе. Бедняжка, она была одна-одинёшенька в целой вселенной. Ни мужа, ни детей, ни родителей, ни подруг. Как и Ксения, Нелли пребывала здесь в неприязни её женским коллективом. Причины имелись. И, конечно, главная причина возбуждения нелюбви – очевидная любовь мужчин не только к её вкусным обедам-ужинам. Как

ни злилась Ксения, не соответствовала её оценка внешних данных Нелли действительности. Подобных женщин в прошлые времена называли так: «модельная внешность». Может, она и не обладала красотой классической и безусловной, но вводила в трепет своими формами весь мужской народ на спутнике. Даже сидя порой за сдвинутыми столами уже после ужина и не расходясь, обсуждая некие и несомненно важные проблемы, они, кто осознанно, а кто бессознательно скользили взглядами по её фигуре, перемещающейся по холлу кафе по своим надобностям чисто-служебного толка. Как бы служебного, поскольку повариха не упускала ни одной возможности, чтобы приманить к себе эти взгляды завлекающим всегда способом. То нагнётся, то выгнется особым образом, а длинные, упругие и молодые, маняще-стройные ноги её всегда открыты не длинным платьем, – комбинезонов она не признавала. То близко-близко подойдёт и коснётся, будто ненароком, кого-нибудь, да так откровенно, что неловко становилось за неё. Только не ей. Она не то, чтобы наглой была, а скрыть не умела, как хочется ей мужской ласки после пропажи Рамона. Красивой формы губы её были буквально налиты многообещающим вкусным соком...

И скользили под куполом скользкие какие-то слухи, как жаждут её увлечь к себе в отсек тихой ночью те, кто свободны от семейных уз, и те, кто такой свободой не обладали, ради определённой, но не озвучиваемой практики, в которой она также слыла специалистом высочайшей квалификации.

И насколько же пустым местом она стала для Рудольфа, напроць отбросившего те воспоминания, где она наполняла и даже переполняла его сексуальной отрадой на Земле, что ему было абсолютно всё равно теперь, кому, сколько и как...

А эта сдобная девушка, «самка» в жестком обозначении со стороны праведных жён, страдала горько от без любовного своего существования. Обращалась она ко всякому: «мой хороший», «мой славный», «моя деточка», если это ребёнок был, «моя милая», если женщина. Но «милые» женщины ответной лаской её не привечали. Одна Нэя её и опекала душевно.

Под бледным и меняющим цвета потолочным освещением, включившимся автоматически из-за позднего часа, Нелли казалась матово-фарфоровой и на удивление юной, – она уже успела ополоснуть лицо. Ксения вдруг подумала, что Нелли и в самом деле очень молодая, а по своему возрасту самая младшая в целом городе, тогда как Ксения девчонка – фальшивка. Так что отеческая ласка шефа была более чем уместна. Саму себя Ксения не видела, поскольку зеркал поблизости не наблюдалось, и, наверное, тоже выглядела как кукла из папье-маше, ненастоящей, одним словом. Если бы посуда оказалась бьющейся, она бы её разбила, но она таковой не была, и единственное, что сделала Ксения, скинула её частично на пол. Но что это за месть, кому, если роботам всё равно, а Нелли в чём виновата?

Мы живые или марионетки в чьём-то вымысле?

Вглядываясь в угасшие чёрные ложные окна, где пыталась рассмотреть себя, она принялась поднимать посуду и складывать на ленту транспортёра. В нечётком отражении вместо глаз темнели провалы, как у посмертной черепашки, и Ксения показала язык той, кто посмела явиться к ней из зазеркалья, пугая её, живую и глазастую красавицу. За стеной мирно позвякивали и пиликали роботы, принимая груды этой посуды. Панель-панорама, частично сдвинутая, открывала недра кухни, ещё более обширной, чем сам зал для приёма еды.

– Да оставь ты, я потом на уборку робота настрою, – Нелли гремела чем-то в глубине своего сумрачного сейчас, гастрономического храма, как алхимик в окружении непонятно чего, каких колб и агрегатов. Полимеры, похожие на стекло и металл, мягко светились из полумрака, расцвеченные огоньками загадочной техники, замаскированной в стенах. Ксения невольно прониклась уважением к владычице всего этого хозяйства, восхищаясь, как ловко она со всем управляется. Нелли причитала вслух, – Как же я его ненавижу! Как же!

– Любишь его? – спросила Ксения.

– Мне любви судьба не отвесила на своих мошеннических весах. Я и без этих выдумок настрадалась настолько... Задавила бы всех! Оставила бы матриархат, а детей выращива-

ли бы в чистейших генетических центрах репродукции, без этих... случек. Я лично там себе ребёнка и закажу. Чего ты так не сделала?

– Несчастливая ты женщина, Листик безымянного семейного дерева.

– И чего же безымянного? У меня есть родственники на Земле. Бабушка, дедушка, даже брат имеется... пусть он и не знает, что у него есть сестра, зато я знаю. Может, и он узнает... потом.

– Видишь, как важно человеку иметь семейное дерево, Листик. А ты хочешь своего ребёнка создать из безликого биоматериала, как мы с Ксеном создаём наших овощных и прочих растительных питомцев.

– Да катись ты к своему абрикосу, земляничка! В свою цветущую оранжерею. Он тебе уже и брокколи припас на ужин и завтрашний обед. Тебе шеф прощения не давал. Он тебе ещё всыплет. Мало тебе в техническом секторе досталось...

– Что ты там звякаешь?

– Да Лёня Губанов, ну тот, кого Гоблином дразнят, хороший дядька, кстати, видел всё. Он как раз дежурил в подземельях, и визуальное слежение ему доступно было. Не думал, говорит, что новенькая такая податливая. Не могла ГО-Ру врезать, куда положено в таких случаях? Чего бы он ей сделал, если у неё муж, да к тому же ценный кадр, поскольку питает наши желудки? К тому же, от ГОРа мало зависит, как

человек причастный лишь к сугубо вспомогательным обслуживающим структурам. Да ведь Лёня даже не соображает, насколько зверски сильный и неожиданный бывает ГОР, когда ему вдруг приспичит. Он и меня на Земле изнасиловал в технических подземельях ГРОЗ! – она прижала к губам ту же салфетку, вытянув её из кармана кокетливого фартучка, словно пыталась удержать уже сорвавшееся откровение, ошеломлённо тараща глаза в пространство кухонного зала, удивляясь себе и пугаясь одновременно.

– Как же такое возможно... – с ответным ошеломлением спросила Ксения.

Нелли могла бы и промолчать, могла бы прогнать Ксению прочь. Но не промолчала и не прогнала, а лишь комкала свою салфетку, разглядывала, будто искала застрявшее там откровение, – вдруг её не вполне и услышали?

– Как бы он мог такое сотворить? – напирала Ксения, в горле её что-то клокотало, и вопрос был озвучен шёпотом.

– Точно так же, как и с тобой.

– Одно дело тут, в отрыве, в бездне, где возможен любой произвол и провал в безумие... а ты же о Земле... где?

– В подземельях ГРОЗ, сказано же! Пригласил туда в какую-то извилину, где нет никаких элементов слежения, всё рассчитал! – она и не собиралась скрывать. Она будто гордилась, что хоть так, а опередила дерзкую огородницу. Народ тут точно скоро -стремительно дичал.

– Да как же ты туда попала?! – шептала Ксения, пребы-

вая всё в том же ошеломлении, – В технические подземелья ГРОЗ? – наверное, даже сама ссора не так сильно потрясла её. – Туда же не войдёшь без особого кода доступа. Или же ты работала в технических бригадах по обслуживанию комплекса зданий ГРОЗ? Как-то же ты в ГРОЗ попала? Со стороны же без нужного образования не сунешься туда...

– Ну, да, – насмешничала Нелли, – я тот ещё технарь!

– Разве нет? Вон как ты ловко здесь управляешься! Да и Рамон где бы тебя отыскал, не будь ты вписана в эту звёздную корпорацию? Пусть и на уровне технической obsługi. Я часто думала о тебе...

– Понятия не имела, что занимала твои мысли.

– Я люблю думать о людях, которых встречаю на своём пути. А как же иначе? Иные как огромные шкафы со скелетами, иные как шкатулки с секретами, а то и гулкая пустота без собственных мыслей и с эхом чужих слов. Только и есть у них, что маленькая чисто женская штучка для большого и уже мужского секрета...

– Намёк понят. Это я пустая штучка? А не ты ли сама?

– Так как же ты провалилась-то в технические подземелья, где и настигла тебя такая беда? – спросила Ксения задумчиво и уже беззлобно, потому и Нелли злобствовать смысла уже не было. Она тоже включилась в доверительное общение.

– Беда? – переспросила она. – Если и беда, то не самая большая, какая может постигнуть женщину.

– Я считаю, что беда. Как и всякий природный катаклизм он непременно что-то рушит из человеческих ценностей. А ведь до чего же трудно человеку даётся освоение, тем более созидание этих самых ценностей! Будь они общественными, будь они чисто личным творчеством, – затратными, если энергетически. Как думаешь, легко ли человеку, когда в нём рушат его внутреннюю гармоничную настройку? А без неё человек не может существовать долго, неважно какая она, – сложно устроенная или совсем простенькая, устроенная на скорую руку по необходимости жить в ладу с собой и с миром.

– Понесло же тебя, философ с грядки!

– Так как же ты оказалась с ним наедине, где никто за тебя не заступился? Где же были твои коллеги из бригады техобслуживания?

– Пристала! Ну уж, удовлетворю твоё любопытство, коли сама рот разинула. Не было у меня в ГРОЗ никаких коллег. Я решила, что для собеседования он меня позвал. Я же не знала, куда именно он меня потащил. Я тогда на спутник оформлялась. Он и завёз на лифте в эту бездну, а там же ни души! Сдавил меня настолько чудовищно, чуть грудную клетку не сломал. Я трепых – трепых! Да толку что? Кому жаловаться, если от него зависело утверждение на спутник Рамона? Будь дело лишь во мне, да я плюнула бы и растёрла эту космическую мечту, когда узнала и разочаровалась, что там вовсе не космические сверхлюди, а такие же, как прочие.

Разве что воспитаны по-особому. Да и профессионализм высокий у них. А нравственность-то, она с уровнем социальной значимости не всегда и связана. У Рамона такой край был в жизни, что не протяни я ему руку...

– Ты не руку протянула, а тебя вынудили подставить совсем другую часть тела. Я тебе верю, потому что там, в этой ГРОЗ, насилием и на более высоких этажах увлекались. А не боишься, что содержание нашего разговора не станет для него секретом? Ну, если он захочет расшить именно эту информацию из системы всеобщего слежения?

– Делать ему тут больше нечего! – презрительно отозвалась Нелли, – как бабские дразги прослушивать. Никогда он такими вещами не занимается. Уж чего тут о нём, да друг о друге и не говорят. Искусственный интеллект доносит лишь ту информацию, что напрямую связана с безопасностью как отдельного человека здесь, так и самого объекта в целом.

– Как же ты могла его простить?

– Простить? А у меня выбор, думаешь, был? Да и потом, он как-то умудрился сразу же обернуться из монстра в такую лапочку, что я и забыла, если честно, обо всём. Ожерелье из натуральных рубинов подарил...

– Вот эту самую фигню, что на тебе болтается? – задетая Ксения не могла определить, подлинная ли игрушка светилась на шее кулинару. – Стукнулся волк о сырую землю, да и обернулся прекрасным царевичем...

– Вроде того. А ты решила, что я как девочка из детского

городка стала бы носить на себе искусственные безделушки? Камушки родные, земные и подлинные. Несмотря на определённую двусмысленность их появления у меня, они всегда приносят мне удачу. Ты сама напросилась на мои откровения, так и получай! А знаю, больные они для тебя, потому что ты в него втюрилась по самую свою плодоножку! А мнёт что? Какие только высоко продвинутые члены не внедрялись в мои внутренности, а этот-то глубже всех умудрился... Самый корешок мой зацепил, душу мою! Только ненужная я ему была и не буду. Ты не первая, кого он покориł этой своей мощной лепкой и силой. Покориł и подавил. Что на себе и прочувствовала ты уже... – она замолчала, став опять краснолицей, как та самая помидорка – забавная мордочка – украшение, висящая на стене её алхимической гастрономической лаборатории.

– Давай, продолжай, коли уж приключилась такая минутка облегчиться тебе от груза нажитого, – стараясь сохранять полное спокойствие, Ксения тоже ощущала, как наливаются внутренней же горечью её собственные глубины.

– В тот самый год, как он вернулся на Землю после своего длительного отсутствия, и произошло... Сказал потом, что одичал на дикой планете, а я похожа на оставленную в прошлом земную жену, уже погибшую к тому времени. Настолько сильно похожа, что он и не сдержался. Не знаю уж, какую жену ему напомнила ты, но кому тебе тут жаловаться? Так и будешь теперь ходить к нему, раз позволила себя к сте-

не прижать. Будешь теперь реальной уже земляничкой, поданной на тарелочке! А тебя тут точно сожрут, будь уверена! Тут земляничка произрастает плохо, а ностальгирующих по земной роскоши много. Только Нэе ничего не говори. Жалко её. У неё опять ребёнок будет. И абрикосу своему ничего не говори. Вытерпишь как-нибудь, тебе и недолго тут. А твой фрукт полезет драться. А ГОР даже здоровых десантников так швыряет, что они с плинтусом целуются. Если к нему с лаской, то он нежный и почти родной. Бывает временами. Plusов всё равно больше, чем минусов. Я, например, живу тут, как хочу.

– Конечно, ты его любишь, – утвердила Ксения. – Он любимчик Судьбы, хотя он и несносен. Поэтому он и наделён такой магической притягательностью в нашем кукольном виртуальном театре. От него буквально корчит временами, убить же хочется... Только разорвать такую вот тягу сил нет! Если нас собрали тут вместе для создания некой задуманной игровой композиции, почему бы и нам с тобой не включиться в игру? Давай полностью раскроем друг другу свои тайны? Ничего что мы с тобою едва не подрались, к чему нам вражда? Нас стравили как бы обстоятельства, а мы возьмём и станем близкими друзьями. Я тут с Викой пыталась сдружиться, но знаешь, она мне чуждая во всём. Ты какая-то трогательная... милая, искренняя, а недостатки, у всех они свои, не в этом же и дело...

– Так ты добровольно с ним пошла? – перебила её Нел-

ли. – Я могла бы догадаться сама. Зачем же иначе ты и направилась с ним в те машинные уровни базы. . .

Ксения не дала ей договорить, – Завидуешь, что ли?

– А есть чему? – отозвалась Нелли. – Лично я сыта им по самое горло!

– Оно и понятно сразу, каким местом ты его ублажала, кулинар высшей квалификации. А что так? Брезговал, что ли, погружаться в более глубокие уровни личной привязанности?

– С чего взяла, что была какая-то привязанность? Он любит только свою жену. И тебе никогда не стать её заменой.

– Как же тогда та, кого ты ему напомнила когда-то на Земле?

– Она погибла. Да и давно всё было. Ты тогда на свет-то едва ли и проклюнулась! – и Нелли снисходительно покачала головой с позиции своего, как она думала, старшинства.

Ксения оскалилась в ухмылке. Только смеяться ей несколько не хотелось. Только ругаться дальше сил уже не имелось. Они обе выдохлись. Ксении хотелось жалобно заплакать, что и произошло бы, будь она реально двадцатилетней. Как в тот самый день, когда стояла у сетки космопорта. Продуваемая неласковым степным ветром. Оставляемая на сирую вечность. Тем, кто теперь-то, вроде бы и как бы, ей принадлежит? А всё одно, не вернулся.

И именно Нелли в те времена была крошкой, сама по возрасту годилась в доченьки Ксении. Какое-то время она обду-

мывала слова Нелли о его прошлой жене на Земле. Он тосковал о Лоре? Тогда, когда вернулся с Трола? Она ощутила жгучую ревность к прошлому. Настолько жгучую, что глаза заслезились от злой рези. Или же ревность к Нелли вдруг прицепилась к несуществующей уже Лоре?

Ничего общего с Лорой у Нелли не было, и быть не могло. Как же тогда Рамон? И он тоже так считал? Вот и разгадка красненьких бус! Что это за пасьянс разложили из их жизней, кто? Судьба? Ксения в неё верить не желала, осмысленно жонглируя самим понятием судьбы лишь как фигурой речи, а если подсознательно? Трепетала даже, а не просто верила. Таковы все женщины. Лора как была, так и осталась единственной её соперницей, вызывающей ничуть не конфискованные прошлыми годами огненные всполохи ревности. И никакому мщению Лора уже не подлежит. Её нет. А все остальные – не вызывают и отдалённо-приближённых к тому аду мук. Они словно бы играют роли в её жизненном спектакле, и только она знает о том, что они не настоящие.

И сама она, настоящая, осталась в том времени, где жила подлинно и умерла подлинно в той степи под жутко-завывающий ветер. Ксения впервые соотнесла те свои чувства, поскольку память о них осталась, с теми, которые терзали её здесь. Они были разными чувствами разных женщин. Она умерла на родной Земле и живёт тут, искупая не отринутые, приросшие к мясу, а потому и не прощённые грехи. И не только она. Но и Нэя. И он, Рудольф. А где-то и Лора со своим

Рамоном. Вполне возможно, что на той сапфировой планете, над её головой. Все остальные – это театр второстепенных марионеток, двухмерных, как игральные карты. И их вполне можно перевернуть пёстрыми рубашечками кверху, плоскими личиками вниз.

– Не похожа ты на Лору Соловей, – сказала Ксения, – Лора красавица и умница была, хотя и соловей-разбойник. Наврал он тебе, чтобы оправдать себя. Он и сам себе всё время врёт, что Трол его покалечил. Да всегда он был таков! А в молодости даже хуже... Теперь-то должность обязывает держать себя в узде, да и темперамент просел основательно. Не тот напор, не та уж силушка...

– Тебе-то откуда знать, каким он был в молодости? И кто такая Лора – соловей? Пела, что ли, хорошо? Ты сама-то о чём щебечешь? – вполне себе добродушно откликнулась Нелли. Несчастливая дочка несчастной матери, уж коли та бросила её, пусть и в комфортно – обустроенное, с добрыми педагогами и отличными игрушками, а сиротство.

– Так звали его первую жену. Лора по фамилии Соловей. Я знаю обо всём из таких источников, о которых тебе лучше и не догадываться. Голову сломаешь, а не поймёшь ничего. Так что бери информацию на веру.

– Соловей? – повторила Нелли, для чего-то подбрасывая, как жонглёр, две чайные ложечки. – Разве может такое быть?

– Нормальная фамилия. Ты Листикова, она Соловей. Только пела она особые песенки своим мужчинам по ночам,

от чего они головы теряли. Но лишь на короткое время. Всегда только короткое. Потому и не была она счастлива.

– Что же ум не помог ей выстроить длительных отношений?

– А ум тут не причём. И красота с добротой часто не помогают. Спроси, что же тогда? А пусть тебе об этом Нэя расскажет.

– Я и без Нэи о том догадываюсь, – ответила Нелли, постепенно отодвигаясь от Ксении в сторону своей загадочной кухни, битком набитой сложнейшей техникой.

– Что же он тебе не рассказал подробности о той, кого ты ему напомнила? Если ты замещала именно её, когда он вернулся на Землю с Трола?

– Всё сумела выведать? Кто же рассказал о таких деталях его прошлого? А! Не говори ничего. Знаю эту осведомительницу. Врач Вика. Она знала его в молодости, а ты с нею одной и дружишь. Не могу я быть похожей ни на какую Лору просто потому, что мою мать так не звали!

– У неё тоже имелась когда-то малышка-дочь, отданная в детский городок...

– И что? Если и есть схожесть с моей судьбой, так что же? Как я заметила, Судьба с большой буквы не стремится к разнообразию, чтобы прописать человеческие судьбы с маленькой буковки. Таковых Лор, а также Нюш полным-полно, как и таких Нелли Листиковых. А Листиковым был мой первый парень. Он смешной был. Но добрый и умный. Мы с ним и

поженились, едва вышли за пределы школьного городка. Я сама его бросила и сильно жалела потом. Я понимаю, что выбирать надо только добрых мужчин, а вот любить их у меня не получалось...

– Рамона же любила. А Рамон добрый, славный. Видимо, Листикова тебе напоминал?

– Так произнесла, словно бы Рамон или тот же Листиков неполноценными существами являлись, а ты от щедрот душевных кинула в их сторону похвалу, как витаминную карамельку. Не можешь ты знать, какими были эти парни! Не могла ты их видеть. И не был Рамон добрячком глуповато-умильным. Ничуть не проще Венда имел он устройство, не глупее уж точно. Но совсем другой, да. Рамона я жалела и ценила. Поверь, было за что.

– Ты всех ценишь, кто хоть однажды залез к тебе под подол.

– Да. Потому что я тоже себя ценю, не ты же одна тут суперценность. Я сама поддерживала веру Венда в то, что я дочь той, перед кем он был виноват. Потому что я хотела питать его вину, хотела усилить его чувства к себе хоть так, удержать...

– Удержала? Да ты и ремешка от Лориной босоножки не стоишь! Она была всего лишь по юности своей чуть и лишена равновесия, а так-то, она талантлива была во всём...

– Я и понятия не имела, что первая жена Венда пела...

– Пела она лишь одну весну, а потом голоса лишилась на

всю оставшуюся жизнь. Мне жаль, что жизнь её оказалась так коротка.

– А мне нет! – ответила Нелли, непонятно чему разозлившись уже повторно. – Так ей и надо за её грехи!

– Какие грехи? – изумилась Ксения. – Словечки-то у вас в ходу! Понятно, для чего вы тут душеспасительный храм организовали.

– За брошенных детей Бог её покарал короткой жизнью!

– Так ты и про Артура знаешь? Про его детское сиротство при живой матери? И об этом Вика наболтала!

– И голоса Бог её лишил! Он всегда лишает грешников талантов!

– Я про её пение и потерю голоса сказала лишь в переносном смысле. Не пела она никогда. Душа её пела как соловей, а потом смолкла, – неадекватная реакция поварихи на неизвестную ей Лору была бы и странной, но не теперь, когда обе они пребывали в заметно сдвинутом состоянии.

– То есть, она и соловьём была в переносном смысле? – не отставала Нелли.

– То и есть, что Соловей её фамилия. У тебя фамилия Листик, у неё была Соловей.

– Никакая я не Листик! Это кличка! Оглохла, что ли?

– Да? Откуда же мне знать? Выходит, ты Грязнова теперь по последнему мужу? Невероятно, как ты гармонируешь с такой звучной исторической фамилией. Рамон же Грязнов. Был.

– Он моим официальным мужем не числился. Хотя Рамон для меня больше, чем муж. И он не был, он есть!

– Ну и ладно. Тут никто никому не муж, не жена, а живут, и кажется, все счастливы.

– Ты, огородница, законная жена огородника Зотова. Нэя – законная жена Венда. Венд – законный муж Нэи, – отчеканила Нелли.

– Трудно нам среди вас, грешников...

– Всё! Устала я от тебя. Иди уж домой на свои грядки, под непролазные куртины. Обрезкой их займись, поливом, подкормкой, так что ты тоже повар, только огородный.

Взаимно шокирующие откровения

Удивительно, но Ксения, презрев запреты высшей власти на спутнике, вечером опять пришла к Нелли в столовый отсек.

– Проголодалась? – спросила та ласково, будто вчера они и не позорились друг перед другом, да ещё в присутствии других лиц. И если Нэя была ни одной из них не особенно-то и важна как оценщик их личных качеств, то отношение Рудольфа уж точно безразличным не было. И вовсе не потому, что он тут «высшее начальство».

Повариха-марионетка, и так-то будто сделанная из сло-бы, буквально рассыпалась от исходившего от неё истечения

вкусной душистости. Помощь, присланная ей, тут не причём. Скорее уж, помощь ей особенно-то и не требовалась. Она всего лишь вошла в привычное своё состояние мягкости и спокойствия. Она была на данный момент одна, на что и рассчитывала Ксения. Вдруг Нелли запела песню!

– ... в который раз/ В несчётный раз/ Ночь жёлтый выставила глаз/ И одноглазой чёрной кошкой/ На крышах улеглась/ А я люблю/ А я молю/ Я все пощёчины терплю/ Но не того, не от того/ Кому постель стелю...

Тихий голос её оказался вдруг мил и чист. Она уже обо всём забыла. Она сняла свои алые бусы и повесила их на стену на милый пластиковый крючок- помидорку поверх своей рабочей униформы, в которой обычно работала в этом производственном, не особенно уважаемом, а всем необходимым цеху, настраивая бездушных якобы роботов, вполне себе умеющих и драться, если они уставали и не получали надлежащего внимания или благодарности. И бусы утратили своё одушевлённое сверкание, обвиснув вялой и тёмной ниточкой, поскольку игра их была сыграна, и им разрешалось увянуть, уйти в ничто, в вымысел.

– За что же страдает тут Нэя? – Ксения без предисловий вернулась к вчерашнему разговору. – Какие грехи она могла совершить на своей Паралее? Кто пострадал там из-за неё? Она настолько добра.

– Ни за какие грехи она не страдает. Она счастливая жена любящего мужа, – отозвалась Нелли, полная любви к Нэе.

– А ты? В чём провинилась ты на Земле?

– В том. Что моя мать была шалава, не достойная и родиться в таком прекрасном мире, как наша Земля. И я, выходит, взяла на себя часть её непомерных грехов, это по твоему религиозному определению. Я же в такого Создателя, которому только и дел, что следить, кто и с кем спит, не верю. У него дела поважнее нашей путаницы. Вон, сколько во Вселенной не порядка. То звёзды взрываются, то планеты живые разрушают какие-то безумные корявые и никому не нужные астероиды. Или слетают со своих налаженных осей и орбит целые Галактики и летят к хрену вселенскому в чёрную дыру – пасть. А тут мы... Рамон тоже считал, что наша жизнь – это умаление, заслуженное нами в прошлом за своеволие и нарушение законов Творца. Прошлое каждого человека – одухотворенное биение плазменного сердца звезды. Но что-то пошло не так. Ты же в курсе, что и Галактики воюют между собой? Не только люди собачатся. И любят они друг друга, как и мы, только необъятной, понятно, любовью. И вот мы в темнице, настолько тесной и скорбной, но на краткий только миг, потому что и тут нам милость безграничная явлена, это если кто понимает и не держится судорожно за быстротекущую мнимость, почитая её единственно лишь данной реальностью. От того у нас внутри безмолвно дышат беспредельные и прекрасные миры и слышен, если прислушаться, пульс вечности в телесной нашей жалкости.

Ксения замерла, не веря своим ушам. И это говорила та,

кого она мнила сметанной лепёшкой? Или это её любящее сердце сохранило, а язык воспроизвёл те размышления Рамона, когда он шептал ей об этом, всегда тоскуя о другой, но засыпая на её груди?

– Что же Рамон? Вы хорошо с ним жили?

– С ним невозможно было по-другому.

– Чего ж ты ему на Земле изменила?

– Ради него и изменила! Глухая что ли? Венд не хотел его зачислять в набранную команду. Так и норовил заменить кем-то другим. Хотя и свыше был приказ. Но кому было дело до рядового состава? Выбросил бы перед самой отправкой, и опять Рамону бейся, ищи другой экипаж. А я, чтобы Венд не передумал, поставила условие – пойду на отношения, если он забудет о Рамоне и оставит его в составе экипажа. После того безумия в техническом уровне ГРОЗ он долго меня умолял о прощении. И вовсе не из-а страха, потому что он там, в этой вашей ГРОЗ, никого не боялся. Рита мне намекала, что главный в ГРОЗ его близкий родственник. Кажется, дедушка.

– Да? – изумилась Ксения. Заявление о дедушке она пропустила мимо ушей. – Не знала, что он способен на то, чтобы хоть кого умолять. Он умеет только требовать.

– А меня умолял! Ласкал, подарки мне дарил. Не только эти бусики, а и другие тоже. Иногда мы улетали куда-нибудь на экзотическое островное морское побережье. Тогда, когда ему и хотелось этого, а я к тому времени работу уже бросила.

У меня в те времена появилось всё! Свобода, какой я не знала до этого в жизни, моя красота, которой он восхищался, развлечения, о которых я прежде и не мечтала. И главное, мужчина, равного которому я не встречала ни до, ни после... и уж не встречу...

– Как же тогда Рамон?

– Рамон это совсем другое. Он отличный парень, но он... всё же обыкновенным оказался. Во всяком случае, похожих на Рамона встретить возможно, а вот... Как ты не понимаешь?

Она замолчала, насупилась и что-то бурчала себе под нос, – Ну, зачем, зачем спрашивается, я развязала свой язык? А всё потому, что никто меня тут за человека не считает. Мне слова сказать не с кем. Одна Нэя, но она же...

– Твоя соперница.

– Да какая соперница? В чём я ей соперница? Если для того, кто с ней рядом, я пустое место! – она прижала подбородок к плечу, нахохлилась и опять уподобилась какой-то горестной птице, повисшей на обледенелой ветке и замерзающей на стылом ветру. Ксении не надо было и слов, чтобы понять, что эта стылая квочка, -существо из низшего разряда даже в сплочённом обществе на спутнике, жрица своего кухонного храма, тайная потаскушка по чужим отсекам ради накопления и обеспечения будущих блаженных дней на Земле, всеми не то чтобы презираемая, а просто не замечаемая в силу приписываемого ей ничтожества. И вот же, она

одержима тем же самым, не исключено что и глубоким, чувством! Какое сама Ксения мнила чем-то таким, что снизошло лишь на неё, а прочие к тому не способны. Не совсем таким, но примерно. А вот почему Нелли низвели до уровня её же кухонных роботов, все дружно и не сговариваясь, того Ксения не знала. Может, они фиксировали отношение, проявляемое к ней ГОРОМ? Наблюдали её ночные бродяжничества ко всем, кто звал и был одинок, как и сама Нелли после пропажи Рамона? Презирали не за то, что не пожелала нести тяготу вдовьего одиночества в пустой постели, а потому что не стала открытой постоянной подружкой такого же одиночки.

И вместо того, чтобы люто возненавидеть её за посягательство на монопольное право владения Вендом, – пусть и в прошлом, Ксения наполнилась диким любопытством и решила досмотреть это негодное кино чужих и запредельных откровений.

– Давай уж, коли начала. Чем же он тебя и одарил, что ты по сию пору не отошла от своей зачарованности?

– Да, – очнулась повариха и с покорной монотонностью продолжила. Что ею двигало? Желание уязвить Ксению или же неконтролируемый рассудком экстаз погружения в то, что она утратила, а забыть не могла. Когда притянула к своему такому хорошенькому, но не безупречному телу приз Судьбы с большой буквы и могла навсегда – пусть это «навсегда» и есть некая условность, – соединить свою жизнь с тем, кто здесь ей уже не принадлежал. Был далёк от неё ничуть не

меньше, чем неведомо где, то ли пропавший, то ли погибший Рамон.

– Я любила купаться, когда вокруг никого, ни единой души! Почему и нет, если за чужой счёт. Я тогда стройная была, совсем юная, беленькая и упругая. Мужчины, парни никогда не проходили мимо меня, как мимо пустого места. Но я всегда спокойная была, мне главное – ласковый чтобы. Я играть любила по молодости, а чтобы так, как другие, с ума сходить – никогда! К тому же для меня в то время любовь и секс не разные явления природы были, как для некоторых, а одно и то же. Нет любви, нет и близости!

Две отверженные особы, обретшие друг друга

Подобная откровенность являлась признаком, что дружбу «огородной богини» она приняла. От личного одиночества изнывала, когда неистребимую потребность всякой женщины просто поболтать от души, не с кем было реализовать. Мужчинам не того от неё требовалось. Кроме разве Лёни Губанова. Да Лёня работал как каторжный, стремясь вернуться на Землю не обглоданным недолей бывшим заключённым, а заслуженным тружеником с приличным счётом. Знал или нет Лёня о похождениях новой подружки? Не хотел знать уж точно, да и никто не стремился его к таким знаниям приобрести.

Ксения оценила степень её откровенности и решила ответить тем же, – Для тебя, может, так и было, а для него-то как раз любовь и секс две большие разницы. Это ты вообразила, что раз он тебя пригласил в безлюдье технического уровня небоскрёба ГРОЗ, то уже и твой по самую эту свою часть, которой в тебя и влез. Ты и начала за ним бегать, будто законная жена, требуя курортный отдых как законную уже оплату. А он такой, где-то жестокий, а где-то щедрый и податливый, не с теми, с кем надо, к сожалению...

– Я никогда не проявляла инициативы на сближение с ним! Я только разрешала ему всё последующее, потому что... он... мне нравился. И по возможности пользовалась всем, что было позволено ему по его статусу, а уж никак не мне. Именно он дал мне возможность посмотреть на многие места родной планеты, закрытые от меня прежде. Хотя он и говорил, что весь земной туризм давно стал голографическим по своей сути, и все туристические маршруты давно декоративные, попросту фальшиво и красочно обустроенные игровые павильоны. А бездумным расслабленным земным созерцателям с определёнными социальными возможностями этого достаточно, раз они с удовольствием и хронически этим пользуются. Мне же всё было в радость и удивление, поскольку я кроме работы и ближайших, вечно людных и намертво вытоптаных пляжей ничего и не видела в жизни, да и то на пару недель в течение полугода. Он мне говорил: «Цени, поскольку ты пользуешься дарами, приготовленны-

ми для другой и более ценной женщины». Я не просила объяснения. Я и так всё понимала. Всё это – путешествия в экзотические уголки Земли и прочее, – было обещано Нэе. Но она настолько утомляла его в тесной жизни рядом под одной крышей, что он сбегал от неё в дни отдыха и проводил их в одиночестве, просто из-за потребности быть одному. Так было уже до появления меня. А когда она, вполне закономерно, в чём я и поддерживаю её, ушла от него, он стал скучать. Одиночества оказалось слишком много. Но если её он любил, то меня несколько...

– Так зачем же, если пару раз дала как взнос за Рамона, потом-то с ним таскалась, как самая настоящая уже потаскуха? Не ври, что ради экзотических побережий. Побережий всюду навалом! Так я и поверила, что столь важны тебе были какие-то там чисто эстетические впечатления от вида природных красот. Как же ты могла после всего, после унижения, вляпаться-то так? И не в ту уже ловушку, что он тебе припас в подземном уровне ГРОЗ, а в его тенета уж совсем другого уровня?

– Ты у меня спрашиваешь? Как я могла полюбить такого человека? А можно было не полюбить, как думаешь? Сама-то взяла бы и отказала. Получил, мол, взнос натурой за возможность сносного моего прожития здесь, и отстань! Я, мол, не потаскуха, а мужняя жена. А ты разве и потом отказала? Нет! Ты как разъяла свою сокровенную щель с готовностью, так и будешь теперь с тою же жадностью глотать все

его милости!

– Ладно уж обо мне. Взревновала, что ли? По жизненно-му опыту твоему оно просто смешно. Дальше-то, на Земле, как же выстраивались ваши взаимоотношения? Где же Нэя-то была? Взаперти что ли сидела как послушная и безропотная мусульманская жена?

– Ушла она от него! Ушки-то прочисть свои маленькие и розовые! К другому! И умница женщина. Беременная, между прочим, а ушла. А тот друг уже давний был, по той планете ещё... так вот. А иначе... впрочем, не знаю я, как было бы, останься Нэя на Земле с ним... – и тут Нэлли опять забормотала, будто в транс провалилась, -Когда он тосковал, он становился настолько понятным и человеческим, а я думала о том, что этот человек сам приговорил себя к одиночеству. Очертил вокруг себя силовой и непробиваемый круг, а у тех женщин, кто приближались слишком близко и заходили за манящий этот контур, будто голову разрядом мощным калечило, соображение туманилось...

– Он всегда и всех приводил к личному несчастью, – встряла Ксения, и сама входя в какое-то трансное состояние, вся вывернутая нижними пластами наружу. – Но насколько он сам был виноват в этом, насколько его родовые задатки, которых он не имел сил преодолеть?

– А он, думаешь, стремился что-то там преодолевать? Да он просто этим пользовался и наслаждался, видя, как бабы сами облизывают его глазами! А потом сами же и... не об

уступках уже речь, а совсем о другом. Когда себя контролировать невозможно. Мужиков-то вокруг океан разливанный, да все смазанные какие-то, не пропечатанные толком, про-рисовка кое-какая, не те все! Это женщин красивых много, а таких, как Венд, много ли ты встречала? Да ещё и умный к тому же, мысли с расстояния считывает... Только не могла я Рамона оставить! И попала я в ловушку, да! Рамон, если бы остался без спутника, псоглавцем бы стал, как ты не понимаешь? У него уже проблемы с психикой начались. Он на Земле места себе искать не стал бы ни за что! Он упёрто отвергал предлагаемую ему работу на Земле и постепенно превращался в бродягу. Считал, что его слишком уж низко оценивают, тогда как у него и профессиональный уровень, и опыт, и интеллект не сравнимы с теми видами убогой деятельности, в которые его пытаются запихнуть. Я ему, да ты соглашайся! На время лишь, а там-то кто знает, какой поворот впереди?

А он: «Не понимаешь ты, что останься я на Земле, навсегда деградирую как человек космический». А сам-то уже деградировал... Пить начал! Его уж вот-вот собирались выселить даже из того временного отеля для проживания, где он застрял. Грозилась из службы занятости, что в обычное рабочее общежитие отселят, если он не одумается и не найдёт себе род полезных занятий немедленно. А во всех космических структурах, – не то, что в ГРОЗ, а и повсюду, – ему отказано было. Я же жалела его, как тебе и не представить!

Только вот... не покинув сразу Рамона, перекрыла сама себе все возможности для того, чтобы стать настоящей женой Венда на спутнике, и уж тогда не нашлось бы тут места ни Нэе, ни тебе! Он так и сказал: «Брось Рамона! Будешь моей женой на новом спутнике. А его я выброшу из списка команды. Он и без тебя не пропадёт, если уж Рита и бывшая жена Вайса под опеку его взяли. Пусть его за волосы из омута вытаскивают, как мы с тобой на спутник отбудем».

Я напомнила ему: «Ты, вроде как, женат». А он: «Я ей муж по тому инопланетному ритуалу был. А тут она лишь гостя. Вроде космического туриста. Врачи вообще не уверены, что ей можно в данный момент Землю покидать. Она и так-то в первое время едва не умерла. Когда прибыли на Землю, у неё все органы поочередно из строя выходить начали, кровоизлияния происходили сами по себе, на коже, внутри, как будто её периодически избивал кто-то незримый. Она целый месяц пробыла в лечебной восстановительной капсуле. Проспала. Потому и не помнит ничего. И выжила, лишь благодаря одному специалисту, универсалу Франку Штерну. Я и сам лишь недавно об этом узнал. И беременность её не факт, что удачной будет. Но если ей так в голову взбрело, родить и через то исцелиться? Как я мог противодействовать? И удра-ла она от меня по собственному желанию. Потому что ещё на Троле в другого влюбилась, да тот не был там свободен. Ты пойми, причина всякого разлада любовного союза, если он возник, заключена одновременно как в мужчине, так и в

женщине. Тут не найдёшь виноватых. Она извела меня своими болезненными капризами. То набрасывается как кровососущее насекомое, то дерётся, едва я к ней приближаюсь. Один раз подошла сзади и держит увесистую каменную сферу, чтобы огреть меня по маковке. Я чудом лишь и успел её руку перехватить. Сам же рассказал ей, как в юности одна ненормальная чуть не огрела меня похожей каменной сферой, вот она и решила совершить такое же покушение на мою жизнь».

– За что же так... низкая тварь... – пробормотала Ксения, – Выходит, что ничего уж и не свято...

Но Нелли не поняла, о чём сказала Ксения, кого обозначила «тварью».

– Я и спросила: «Да за что»? А он: «Как за что? Всякая ненормальная любовь заканчивается трагедией. Или же фарсом. Как в моём случае. И зачем только я её выволок за самый корешок из родного болота, эту психованную нимфею... Бросай Рамона! Если захочешь, тоже можешь стать матерью моих детей». А я: «Сам-то ты адекватный? Где ты, а где я? Забыл, что говорил о непреодолимой дистанции между нами? Я слаборазвитая, а Рамон-то, раз уж тотальный неудачник, точно мне ровня, да и привязан ко мне как к родной. Погибнет он без меня! А ты сильный, влиятельный даже в ГРОЗ, удачливый даже по виду своему. Я тебе не верю. То ты любишь свою жену ненормальной любовью, то и удерживать её не стал. Мало ли что бывает в семье? Стерпится,

слюбится. Всё перемелется, мука будет знатная для вкусных пирожков. А ещё моя прабабушка говорила, что красна изба не углами, а красна пирогами». Он сказал: «Я тебя отлично понял. Жаль, что я не ошибся при первом же взгляде на тебя. Очень уж хотелось потом, чтобы моё мнение о тебе было ошибочным. А оно оказалось правильным. Матрёшка ты пустотелая, вся в свою мать! Хочешь быть женой двух мужей? Так ни одного в итоге не получишь!» После этого он не мог уже относиться ко мне серьёзно, раз я...

– Договаривай. Стала откровенной шлюхой!

– Точно такой же, как ты здесь!

– Не стала бы ты никогда его женой, чего возомнила-то себе? – стремилась или нет Ксения к повторному обострению отношений с весьма странной новой подружкой, но следующий её же вопрос внезапно потушил возникшую искру, – О Рите забыла, что ли?

– Рита была женой Вайса...

– Официальной женой она была моему отцу, и осталась пока что его соломенной вдовой. Поскольку мужа нет ни рядом с ней, ни в списках погибших. Потому она и свободна в своём выборе, кого хочет, того и приблизит. И уж Риту тебе не одолеть было ни за что. Они с Вендом пара – железный сапог железному сапогу – не разлей вода. Жена многих мужей и муж многих жён – идеальная гармония душ. Не обделил наш космический Программист их энергией бешеной, прорисовал отлично, красок не пожалел... Только зачем те-

бе ум-то его сдался для дел столь безрассудно-интимных, где отнюдь не глубокими мыслями обмениваются...

– А вот и дура ты! – но ни капли злости не прозвучало в поставленном диагнозе, а только снисхождение, – Если не понимаешь, что умный партнёр во сто крат сексуально привлекательнее для всякой нормальной женщины. И как ты ни изворачивайся, а не одну лишь сперму в тебя вливают, но и ум тоже, и душу, хотя и будут впоследствии такое отвергать. С умным всякая женщина качественно меняется...

– А с дурой всякий «партнёр» расплывается до состояния такого же идиота, – тут Ксения приподняла уголки губ, радуясь удачной реплике.

– Тебе виднее, у тебя партнёры-идиоты не переводятся, как я понимаю, – и Нэлли ощерилась в ответ, как клоун, развлекающий детей.

– Шефа нашего идиотом считаешь?

– Не о нём речь, а о твоём огородном пугале.

– За что же ты так Ксена-то не любишь?

– Ты жена, ты его и люби. А шеф, насколько я понимаю, уже забыл о твоей жертвенной уступке, да и вряд ли он обменялся с тобою в подземном уровне хотя бы парой фраз. И не уверена, что и в дальнейшем, если это дальнейшее реализуется, он будет с тобою общаться глубоко – душевно...

– Уж так глубоко, как тебе только мечтается, – с мягкой снисходительностью тоже отозвалась Ксения. – Он ведь и прежде, когда ты твёрдо-свежим огурцом была, не баловал

тебя, как я понимаю, совместным глубоким погружением в пучины наслаждения. Всё поверху, да спешил, и вряд ли ниже приторных губ и дынных грудей твоих спускался... А если со мною-то как раз и глубоко? – в подобном странном откровении не было и капли вызова, а только подчёркивание несомненного факта.

– А если и глубоко, то лишь в сугубо определённом смысле, чисто по потребности, огородница ты бесстыжая! – но отбрёхивалась Нэлли вяло и даже добродушно в пику Ксении. – Одни огурцы и дыни у тебя на языке. Поскольку Нэя в тягости, а здоровье у неё слабое, ему её жалко, а тебя-то пусть муж твой жалеет.

– Бедная Нэя! – так сказала Ксения, но дело было не в Нэе, а в муке, внезапно сжавшей её саму. Поскольку в ней ожили те пустые годы, когда она бродила по Земле параллельно с ним, едва не бок о бок, вернувшимся и тоже одиноким. Но развлекающим себя пустышкой Нелли вместо того, чтобы прийти к ней в старый дом её отца, где она продолжала его ждать вопреки всему...

Странная дружба в мире наизнанку

Придя в третий раз, она уже знала, что повариха её ждёт. Та уже накрыла ей столик, заботливо снабдив отверженную от столовских благ Ксению лучшим, чем и было возможно.

Ксения села за столик с чувством изголодавшейся дочери, пришедшей к матери затем лишь, чтобы подкрепиться. Ей не давала покоя загадка сближения Венда и Нелли, произошедшая на Земле, и она назойливо не оставляла всё ту же тему, затронутую в прошлые разы.

– Почему он выбрал тебя? Если были другие, кто любили его на Земле ещё до этого Трола, до этой Нэи... его ждала одна женщина! Искала с ним встреч... бродила по его следам...

– Кто бы это мог быть?

– Считай, что мама моя...

– Твоя мама? – тут Нелли задумалась, с материнским почти сочувствием вглядываясь в «бесстыжую огородницу», забросавшую её недавно непотребной ботвой оскорблений. – Красивая твоя мама была?

– Да. Шедевр из тех, кого сам Создатель целует в темя. Талант, который может и не быть безупречным, но всегда неповторимый, поскольку дар свыше, а потому и редкость.

– Не было таких! А если и были когда, то одна из них вышла замуж, а потом уж погибла, а другие и неведомые мне тоже вышли замуж и принудили себя забыть о нём навсегда. Так уж в жизни всё устроено, таков вот неотменяемый алгоритм всеобщего существования.

– Вру я тебе и не краснею. Не было в то время мамы моей в живых.

– Что же, с детства ты уже сирота?

– Сирота, – Ксения опустила голову, устав от собственной непристойной игры. – О другой женщине я тебе поведала... А знаешь ли ты, что любовь всегда находится под защитой высших сил? Земная душа связана с ними особыми звенящими и тончайшими струнами, как незримыми нитями. И когда одна душа переплетается в волшебный узор с нитью другой души, любовь и возникает. Обычно же бестолковое переплетение и касание одних нитей с другими ничего и не означает, кроме путаницы, – узлы безобразные навязать можно, узора не возникнет. И Боги мстят тем, кто возомнит вдруг себя этакой «мойрой судьбы», она же Макошь из русских мифов, над которой не властны и Боги, ткающая эти самые живоносные нити и имеющая право их обрезать по своему произволу или какому-то высшему замыслу. И вот некие злыдни рвут струны любви, вторгаясь в жизнь любящих людей. Эти струны драгоценные, но они хрупкие на грубое воздействие...

– Так ведь зачастую и не злыдни, не намеренно, а стечение жизненных обстоятельств всё и портит. Не заметишь и как, не поймёшь и кто... Сразу и видно, не с кем тебе тут и поговорить по душам. Нэю вон до бледности заболтала, меня чуть до греха не довела, – ткнула бы столовым ножом и чего? Урон-то не велик был бы, а как жили бы мы с тобой под одним куполом? Подумала? А всё потому, что сама себя закопала – «сидит девица в темнице, коса на улице». Вот и сидишь в грядках, как редиска. Муж-то весь в научных эфир-

ных высотах витает, не до тебя ему. Чего такого выбрала, красотка же ты!

– Загадка про морковку, а не редиску, – глупо поправила Ксения.

Нелли махнула салфеткой в её сторону, – Я давно уж не маленькая, чтобы детские загадки помнить. А ты сама-то откуда можешь знать о какой-то там женщине, бродящей по следам, которые ветрами давно сдуло, дождями смыло? Помню, нашла я там, на тропинке в парке возле ГРОЗ, одну штучку из красного ископаемого перламутра, красивую. Ещё подумала, кто потеряла? Там и оставила у дорожки, где фиалки были высажены...

– Отличная ваша память, мадам кулинар высочайшей квалификации. Не эта ли? – и Ксения достала свою подвеску из симбирцита на замшевом шнурке.

Нелли смотрела неотрывно, явно что-то соображая, но, не желая в то же время понять явленную отгадку давней уже загадки. – Шнурок на шее нехорошо как-то носить, – пробормотала она, – никогда не понимала, как могут люди вешать себе на шею булыжники такого размера. Ко дну утянет, как купаться станешь...

– Где же тут купаться? Если только в бассейне. Так там вода прозрачная, всякий увидит, спасёт. Купол прозрачный, весь город тут прозрачный, не дадут пропасть, народ добрый у нас, все друг другу роднее родных.

– Так считаешь? Или издеваешься, как и привыкла? Да,

тут все хорошие, каких на Земле я лично редко где и встречала.

– Очень хорошие, особенно мужчины, которые тебя трахают за вознаграждение, а ты, такая хорошая, отказать никому не можешь. Где же твои принципы, что секс и любовь неразрывны для тебя?

– Всё в прошлом. Какие уж теперь принципы, когда я сплю и вижу, как просыпаюсь на Земле в собственном доме, а за окном сад, не твоему тепличному чета, и птицы поют! Вокруг ирисы, мои любимые, всех видов и расцветок. А в ангаре под прозрачным раздвижным куполом мой собственный аэролёт. Представляешь? Голография сбоку такая роскошная будет, сама изобрету, чтобы как ни у кого. Не придумала пока какую. Пантеру! Как у Рамона была. Только вот... Рамона рядом уже не будет никогда... – и она опять заплакала безмолвно.

Но вместо того, чтобы пожалеть безутешную, пусть и соломенную вдову, Ксения вдруг разозлилась. Рыдает, а на Рудольфа глазами влюблённо-собачьими и чего-то ждущими глядит, трётся вокруг всякого, чей зазывающий сигнал учует...

– Божечка, ты мой! Да как же так произошло? Кто ж теперь мне таким собеседником-то будет? Защищать кто будет? Такой души родненькой я уже нигде не встречаю... Божечка, сделай так, чтобы нашёлся он!

– Как смешно ты говоришь: «Божечка», – только и сказала

Ксения ей в утешение.

– Так прабабушка моя говорила всегда, она больше всех меня жалела, маленькую ещё... умерла потом... Она художником по росписи фарфора была. Я в детстве так любила играть в фарфоровые куколки, а она всё мне разрешала. Один раз я разбила какого-то деда с золотой рыбкой, а бабушка мне: «Что же ты наделала! Как же я без моего дедушки буду теперь жить? Мы же с ним втихомолку общались». И сделала вид, что плачет. Я тоже в слёзы, так жалко её стало! А она смеётся. Потом специально ради меня раздобыла где-то на аукционе старых фарфоровых изделий такого же почти, вот я радовалась: «Бабуля, ты теперь опять будешь с ним разговаривать»? Она коллекцию своих авторских работ, да и другие штучки мне завещала. Я всё у матери Рудольфа оставила для сохранности. Потому что родные мои и при моей жизни на Земле обо мне не вспоминали особо-то. Выставлю ту коллекцию в своём доме в хрустальной витрине до потолка и буду любоваться по утрам, когда солнышко будет освещать все мои наследственные сокровища...

– Коллекцию фарфора? – с изумлением Ксения взирала на ту, что любила фарфоровые куколки, как и мама Ника когда-то... и не верила, не желая допустить наличия у такой женщины, чья личная ценность как-то сомнительна, никаких, даже самых никчемных и смешных, но только маме присущих особенностей. – Почему же Карина Венд согласилась?

– Да какое ей в том стеснение? Дом огромны й, а она там одна.

– Она что же, чаем тебя поила?

– Предлагала. А Рудольф отказался, спешил.

– Отказался... а в дом к матери привёл?

– И чего?

– И как она тебе показалась? Не хамила тебе?

– Нет. А показалась какой? Красивая женщина, очень вежливая...

– И ты о таком доме мечтаешь? – Ксения едва не задохнулась, привёл её в дом Карины? В качестве кого?

– Кто бы не мечтал о таком-то доме! – восхищённо ответила Нелли. – А какой сад! Дорожки там разноцветные, дверь на веранду вся целиком из витражей...

– И кем же тебя его мать посчитала?

Нелли уставилась на неё с выражением ответного изумления, – За ту, кем я и была. За знакомую девушку своего сына... Я ей рассказала, что отбываю на спутник, чтобы заработать себе на дом. Она согласилась сохранить бабушкину коллекцию. А если что случится с ней, ну мало ли, адрес решит поменять, то она оставит данные, где всё и будет пребывать в целости и сохранности до моего возвращения... Божечка, неужели, когда-нибудь я опять буду жить на Земле? – и она опять прижала к глазам скомканную салфетку.

– Да почему «когда-нибудь»? Кто тебя теперь-то удерживает? Ради чего ты здесь? Ради подачи здешним управлен-

цам эротических десертов на ночь, что ли? Вали отсюда, пока живая.

Все тайники открыты, обесценены...

Нелли очнулась от самозабвенного плача, шмыгнула носом и с ответной хамоватой насмешкой спросила, – А тебя саму какая нечистая сила сюда притащила?

Ксения молчала, вытащила из-за пазухи свою подвеску и вертела её в пальцах, – Догадайся с трёх раз!

– На что намёк?

Ксения молчала.

– На то, что ты его знала прежде? – Нелли опять зарозовела от волнения.

Ксения молчала.

– Ты прошла процедуру омоложения перед тем, как за-
явилась сюда?

Ксения молчала, но губы изогнулись лукавым полумеся-
цем.

– Я не уверена, что булыжник, что ты в нос мне суешь, тот самый... Мало ли на свете любительниц таких украшений. Мало ли кто там бродила... У Риты точно такая же заколка в волосах была, из такого же поделочного камня в смысле... вот Рита и обронила.

– Плохо же ты знала ту Риту, чтобы такое о ней говорить, –

Ксения входила в азарт игры на нервах друг друга. – Рита никогда и ничего не теряла, а только у прочих отбирала. И дом свой как сундук кощеев набивала драгоценностями.

– И не стремилась, если честно, узнать её поближе, как она тут отиралась, не знамо зачем. Всю душу мне выворачивало, как её видела. Умчалась она скоренько, так я будто задышала после удушья. Ты её знала?

Ксения молчала.

– Исходя из того, что твоя семья всегда была связана с космическими структурами, ты можешь многое и о многих знать. Что же не зазвучали у него в душе те хрустальные струны, о которых ты рассуждала, если он был с кем-то там связан?

Ксения молчала.

– В разлуке с тобой возникла у него Нэя, что и объяснимо. Столько лет он был на Троле, где вполне могли местные уже мокши связать ему другую судьбу. Это для женщин проблема даже там, где мужиков полно. Вот мне прохода от них нет, а веришь, не нужен никто! А ещё женщины наши смотрят как-то искоса, будто я себя на свалке космических поломок нашла, чтобы раздаривать всем своё время и силы задаром. Я не поломка им тут ржавая, так что в моём-то лице тебе осуждения как раз нет и быть не может. Как и Нэя, чтобы знала ты, ни о ком слова не то, что плохого, а неласкового не скажет.

Ксения сидела ни гу-гу, ела хлебец, будто и действительно

изголодалась из-за своего отлучения от столовой.

– Что же ты не пришла и не заявила ему прямо о том, что ждала его? Что продолжала любить...

– Во-первых, не мокша, а Макошь, – владычица времени и судьбы. Во-вторых, не надо буквально понимать то, что есть лишь образ, метафора сложного явления в человеческой жизни, о котором в двух словах, а также в миллионах существующих уже книг никто сказать не сумел, если по существу. А в-третьих, вроде ты сама же именно так всю жизнь себя вела, никому себя не навязывала, – ответила она, наконец, с набитым ртом, так что прозвучало невнятно.

– Прожуй! – потребовала Нелли. – И брось ты эту корку, я тебе с собой пирожков дам горячих. Подоспели уже к завтраку, к утру. Самые свежайшие тебе достанутся.

– Не любят мужчины тех, кто себя навязывает! Не ценят, будь ты из самых драгоценных сплавов, побегут вслед за медяшкой звенящей, если настоящая и чисто золотая будет себя предлагать задёшево! Вот я и хотела, чтобы встреча вышла как бы случайной! Нэе не рассказывай ни о чём. Прошу тебя.

– Могла бы и не просить о таком. Я не подлая, не идиотка. Сколько же тебе лет? Скажи мне, отчего твоя Макоша позволила таким, как ты и Рита, жить дольше, чем положено всем остальным?

– Не обо мне вопрос твой. Я ровесница Вике всего лишь. Лишь и обновили меня слегка... считай, что косметически.

А вот Рита... не тебе одной загадка эта не даётся. Мой отец премудрый и тот не решил эту загадку. А Макошь обмануть нельзя. Оплошность случилась, клубочек вдруг закатился куда-то, из рук обронила. Бывает так у иных мастериц ручного творчества. Нитка и растянулась больше необходимого. А вот как поднимет она тот клубочек, как рванёт нить к себе, и нет Риты с её тёмным колдовством, с её запрятанными в кощеев сундук тайнами.

– Сказочница! Странная ты особа. Правильно все тебя опасаются. Не ягодка ты земляничка, а волчья ягода! Колдунья, как и Рита.

– А вот меня тянет к тебе, будто драка нас и сплотила. Так бы и сидела, уютно мне с тобой. По-домашнему тут у тебя. И поняла я вдруг, чем ты прельстила Венда. Чем прельстила его Лора. Домашностью какой-то, чего сроду у него в жизни не было, простотой душевной тоже. Хорошая ты баба, Лютик.

– Он меня ромашкой жемчужной называл. Давно. Теперь уж и забыл об этом. И странно, что и Рамон называл жемчужной, но русалкой... – она долго и шумно вздыхала, давно уж опустевшая от жемчуга ракушка-жемчужница, вдруг вспомнившая своё былое сияние, – Я всё помню, только мои воспоминания к этому, что здесь в упор меня не замечает, даже когда смотрит, уже отношения не имеют никакого...

– И даже когда трахал, не замечал?

– Когда современный мужчина превращается в древнее

животное, – а в этом они не повинны, тут к богам-создателям все претензии, – смотреть им в глаза бессмысленно.

– Информационная загрузка от Рамона? Удобно, когда во всём можно обвинить некое мифическое древнее животное. А не сама ли женщина жаждет такого превращения? Неужели, ты и Нэю ничуть к нему не ревновала?

– Я с Рамоном тут была счастлива, как и всякая жена с мужем. А мы были с ним муж и жена.

– Ну, да. А потом-то, когда Рамон сгинул? Ты первая к нему пришла? Или он сам позвал?

– Никто никого не звал. Без слов взял, что и необходимо ему было. А я отдала, потому что Рамону отдать уже ничего невозможно.

– А Нэя что же?

– Когда у такой миниатюрной женщины огромное брюхо, в котором двое близнецов толкаются в подготовке к выходу в эту вселенную, а сама она не знает, на какой бок удобнее лечь, чтобы уснуть и трясётся от страха за их сохранность, какая ей разница, кто там облегчает ночную тоску её мужа. Она же знает, что любимая она одна на целую вселенную.

– Одна плюс ещё одна, плюс ещё одна, плюс ещё и ещё... что в сумме? Мульти возлюбленная на целую мульти вселенную.

Ночной мультик от бессонницы

И опять, выждав время, Ксения пришла в столовую. И опять ждал её аккуратно накрытый столик, за которым сидела задумчивая и усталая Нелли. – Пришла? А я уж подумала, не притомилась ли ты от собственной болтовни?

– Рассказывай тут! Ждала же меня, мульти-возлюбленная, страдающая от вечной заброшенности.

– Сама ты мультик для пустячного досуга. Ритиного производства, не иначе.

– Ты точно приобрела от своего шефа некое провидческое свойство. Не зря он в тебя и пролился не единожды. Качество твоей личности явно повысилось. Рита – моя мачеха, да будет тебе известно.

– Я ж говорю, одна семейка. Так разве Вайс твой папа?

Ксения засмеялась невесело, – Чей он папа, многих в живых уж нет, а кто остались, не дай Бог тебе их увидеть. Одним взглядом в камень обратят, как та самая Медуза.

– Какая ещё медуза, – проворчала Нелли и укуталась в большое полотенце, сняв его с помидорки-крючка, как будто любопытство к семейным тайнам Ксении вогнало её в озноб.

– Горгона. Древний эпос.

– И кому они нужны, твои макоши и гаргоши. Трепло ты уникальное. Выходит, забыла и сама, кто из этого сказочного содружества тебе папа?

– У меня потрясающий папа был. Он исчез примерно так же, как Рамон. Никто до сих пор не знает, что, где и как? А у Риты мужей много было.

– И детей много?

– Задала же ты вопрос! Никто не знает о её детях ничего. Я одна у неё, да и то я падчерица.

– Чего же у тебя с твоим гением садоводства совместные плоды, дети-то, не появились?

– А это загадка даже для врачей. Он здоров, и я здорова, а детей нет.

– Плохо. Как ни обтрепали мне тут душу, на Земле у меня обязательно семья будет. И дети, возможно... Может, я и Листикова своего найду, и мы помиримся. Если он свободен, конечно. А ты поделишься своим опытом, как находить своих прежних по исчезнувшим уже следам.

– Провидица ты хренова, если не поняла, что поиски оказались безрезультатными. А может по твоей вине? Ты зачем к нему приставала, если у тебя Рамон был?

Нелли молчала.

– Ладно. Чего уж теперь упрекать в том, чего не исправишь. Ты же обо мне не знала. А Нэя сама от него ушла. Буду к тебе приходиться, когда мой домашний арест закончится, – сказала Ксения.

Нелли молчала.

– Если у тебя тут подруг нет, у меня нет, отчего бы нам и не подружиться?

Нелли молчала.

– Пока ты не отбыла с первым же звездолётом отсюда, будь с тобой по душам общаться.

– Только колдунов мне тут и не хватает! А если и права ты со своей Макошей, значит, не была ты настолько ценной ему, чтобы он о тебе помнил. Скажу тебе по секрету, поскольку дела уже давние, как бы я была рада, существуй она, возлюбленная его юности, на самом деле. Но ты же для него всё равно, что не существовала. Он же не искал тебя!

Тут уж Ксения ничего не ответила. Права была Нелли. Не искал, не существовала, если для него.

– От скольких ненужных переживаний меня избавило бы это, возникни ты вовремя. Я же не сразу настолько сильно к нему привязалась. Я во второй раз вообще не хотела к нему приходить, я боялась его ужасно. И сдались они мне, его побережья безлюдные... Чего ж ты не пришла к нему сама, как бы по душам поговорить, то, да сё, не навязывая себя, а там всё и ожило бы. Так же бывает сплошь и рядом. Люди расстаются, а потом жалеют, опять соединяются. Я бы Рамона по любому устроила в набранную команду, потому что мне это обещал самый влиятельный человек в ГРОЗ. Вот так! Ты не думала, что я была такой красоткой и на меня обращали внимания уж куда более значимые мужчины, чем Венд?

– Что ж ты сразу-то не устроила своего Рамона, а попёрлась в какой-то подземный уровень для «собеседования» с таким вот незначимым в то время челом как Венд?

– На что напрашиваешься? На предельную откровенность, от которой тебя корчить будет?

– С чего бы это?

– Себя со стороны не видишь. Да в тебе все молекулы дрожат, как он в столовую входит, не вижу я разве? Ложка в твоей руке трясётся как под электротоком и мимо рта твоего попадает твоему мужу в ухо. Благо твоё, что Ксен твой и сам чуня огородная!

– На вопрос мой ответа не будет? Попёрлась с ним зачем, если знала, чем может закончиться турпоход в неизвестные глубины подземелий ГРОЗ?

– Потому что дура была! Потому что он мне понравился! Потому что я сама рада была его вниманию и с охотой приняла все его дальнейшие предложения, не понимая их бесперспективность для себя! Довольна? Кажется, ты выпотрошила из меня все мои секреты... и как тебе это удалось?

– Потому что ты мелкая душа, хотя и живописная из себя. Бывают, знаешь, речушки такие светлые, для взгляда отрадные, в пушистых зарослях, у берегов кайма белая и мягко-песчаная, а мелко, хоть плачь, – нырнуть не получится, лишь по щиколотку воды от берега до берега. Головастикам, да рыбкам с мизинчик там лишь и плавать. Потому-то чуть раскрылась ты, всё из тебя и посыпалось, – сказала Ксения очень тихо, уходя мыслями отсюда туда, где она всё также продолжала бродить по парку возле системы небоскрёбов ГРОЗ. Где остановилась у фонтана, а ей показалось, что там,

в бирюзовой воде, всё ещё плавала мозаика бликов, оставшихся от отражения того, кого она искала. Она чувяла, он тут был только что, может, воду пил, может о ней думал? Она сняла свой кулон из симбирцита – алого и золотого ископаемого перламутра, и прижала его к сердцу, как знак того, что это его послание. Подвеска была его подарком ей ещё тогда, когда никакой Лоры и на горизонте не просматривалось, когда смешно было и представить, что он может обратить внимание на кого-то, кто не она... Это был знак их грядущего воссоединения, несмотря ни на что...

– Зато ты глубокая, – так же спокойно и тихо ответила Нелли, загружая полный пакет горячих пирожков для своей новой подружки.

– Да. И настолько, что тебе того не постичь... и никому из вас здесь не постичь...

– Ксена угости, не забудь. А то он такой худенький, а за столом всё время что-то высчитывает, и когда ест, неизвестно. Пришла я тут к вам в теплицы набрать зелени всякой для приготовления специй, а сквозь гущу зарослей вижу, стоит наш шеф и жуёт сорванный с куста сладкий перец. Потом он разинул свой рот и вытаращил глаза, а твой муж подносит ему стакан синтезированного молока: «Специально для таких самовольных расхитителей моих владений и держу», – а сам тоже рот разинул и хохочет громогласно. Шеф выпил и ему: «Ах ты, стручок чёртов! Да я тебе анус этим перцем твоим натру!» А Ксен ему: «Нечего лезть в чужой огород, ес-

ли ты тут не хозяин. Бывает и малый стручок, а иному дылде в глотку так вдарит, что молоком только и отпоишь. Многие тут хватали ртом воздух, для чего и бидон с молоком держу. По замыслу сладкий перец должен был получиться, а вырос кусака растительный. Тут как раз экспериментальная у меня зона, я его уничтожить не успел, один работаю». Молодчина он, бесстрашный... я тоже засмеялась, а шеф ему: «Жена твоя чем занята? Роботы почему не задействованы»? «Сам у неё и спроси, чем она занята. Ты её чаще меня видишь. А с роботами полный порядок. Настройку только нужную включу». Он мимо меня протиснулся, зубами щёлкнул у самого уха, вроде как пошутил, а сам то ли от удущья недавнего, то ли от гнева, то ли от смущения красный, как и перец. Потом ушёл...

И что-то ещё плела она, словно баюкала. Плела и плела, забыв о своём хроническом недосыпе, невзирая на глубокую уже ночь, когда по графику в городе многие уже спали и видели предутренние уже сны. И Ксения уже спала с открытыми глазами, убаюканная голосом женщины, как будто и созданной для тёплого уюта, семейных посиделок и ласкового материнства.

... Сквозь густую тень удушливых кустов черёмухи Ксения видела своё прошлое лицо, своё пожизненное ожидание чуда, которого не произошло. Лишь однажды её посетило наваждение, что он прилетал к ней. Она готова была выпрыгнуть со второго этажа открытой лоджии ему навстречу.

Несмотря на то, что рядом пил благоуханный чай блаженный по жизни Ксен. Но это было ошибкой. Кто-то перепутал дом, посадив аэролёт на их площадку, как объяснил ей Ксен. Осталось до сих пор ощущение того, что прилетал он, что судьба чиркнула её по носу, ударив сильной волной, вызвавшей приступ удушья...

И сейчас Ксения чётко осознала, что прежний земной Венд и этот «спутниковое величие» – разные Венды. Она хотела крикнуть тому вдогонку: «Я почувствовала тебя! Вернись»! Но крик был заперт внутри той самой нахлынувшей плотно-непробиваемой волной муки. Ксения расстегнула воротник, испытал то же самое удушье, пытаюсь скрыть явное смятение показным сочувствием к Нэе. Вовсе не глупая Нелли исподтишка наблюдала за дрожанием прикрытых ресниц Ксении.

– Ревнуешь ты Нэю? А я никогда не ревновала. Люблю её как сестру родную. Да кто б её не полюбил? И ты полюбишь, как подольше тут поживёшь. Она как росинка прозрачная, сама нежность и искренность. Я вот люблю женщин добрых, отзывчивых, поскольку я и сама такая же. Одна она мне тут душа близкая.

– Вот как. Росинка выходит прозрачная, а я кто в твоём мнении?

– Ты? Ускользаешь ты от всякого понимания, но уж ясно не голубица ты кроткая, не лебедь бело-пушистая. Глаза у тебя странные, вроде и озорные, а глубинно-грустные.

И смотришь ты порой так отрешённо, что я сразу же заметила, что-то не так с тобою. Думала, девчонка, а глядит как конкретно уже покусанная судьбой тётка. Только когда бы и успела эта малолетка настрадаться?

– У Нэи тоже глаза странные, будто детские. Видимо, не страдала она никогда, – сказала Ксения.

– Да тебе и не представить, что она испытывала, если ушла, будучи беременной, в никуда. По сути-то, на чужой планете.

– Всех-то ты жалеешь. Сама что ли настрадалась? А по кому ты страдала? По Рамону, понятно, но эта печаль твоя открытая, а потому она душу не грызёт, как печаль тайная, которую человек скрывает от всех. По Листикову? Вот уж не поверю. Ты его и в лицо-то вряд ли помнишь. Детство это было. По Венду ты сохла, потому ты и растолстела здесь, привыкнув заедать свою горечь пирожками и тортами. Ты же художник сладкого творчества. И кондитерские художества твои бесподобны, признаю.

– Я? Сохла? По счастью мне подобное чувство не грозило в силу моих личных качеств и специфики обстоятельств нашего сближения. Обстоятельств настолько гнусных, что они были способны задавить любое положительное чувство, возникни оно тогда...

– И опять ты врешь! Может, с другой так и произошло бы. Только не с тобой. Ты сорви-голова была, так думаю. И чувственная ты без меры по сию пору. Чего ж о пубертатном

том периоде говорить...

– По себе и судишь. Хочется тебе, видимо, чтобы я такой же была, тебе не так и стыдно за свои здешние художества, юница поддельная. Я всегда осторожна и слабо эмоциональна не только в отношении мужчин, а и вообще по жизни. Зато я злопамятна. Я ему ничего не простила.

– А было что прощать? – спросила Ксения, маскируя полусонным безразличием заворчавшее, завозившееся злое и ревнивое чувство. Раскованный секс в огромных и безлюдных подземельях ГРОЗ – это же незабываемое впечатление! Такой мощный выброс эндорфинов, за это лишь благодарить надо. А потом столько было у беспородной шавки путешествий, удовольствий и опять вольный секс на безлюдных пляжах, – да она пропиталась этой благодатью от самой своей сокровенной завязи до умненькой по-бабьи макушки. Хитрая девочка, она сумела скрыть своё продуманное поведение за простодушием. Плати за свою вину! И он платил. Он соvestливый и щедрый тоже. Не простила, говоришь?! Так похоже на правду, когда эта неизлечимая шлюха даже днём приходила к нему за желанной себе порцией обеденного секса. Прямо там, в присутственном, что называется, месте, не снимая своего батистового балахона, требовала выплат оставшихся процентов за давно уж погашенный должок – якобы поругание юной сироты.

И не удержалась. «Прости, Вика, но, если любви меж тобой и Нелькой нет, она и не появится даже при моём молча-

нии», – Вика лично видела, как ты его не прощала, сидя на его коленях в позе лотоса, белого и невинного.

– Вика – сплетница! Нельзя мне было ему отказывать, как ты не понимаешь! Я же одна совсем. Конечно, всякого человека можно выставить ничтожеством, недобрый взгляд всегда отыщет за что укорить. Мать моя, грешница, одарила меня ослабленной волей, не самой качественной генетикой. Не попади я в райские условия детства, какие созданы на Земле для сирот, а останься с нею, то страшно и представить, чтобы она со мною сотворила... Какой чертополох рос бы в моей душе...

«А сейчас-то что в тебе растёт»? – злобилась Ксения на захватчицу прошлых времён, где вместо этой задрыги она могла бы купаться рядом с ним в тёплых бирюзовых водах у песчаных берегов среди рыб-ангелов и мерцающих морских звёзд. – «Розы что ли насадила в себе? Жирные белёсые поганки на трухлявой субстанции твоей дрянной наследственности – вот что в тебе растёт! И сама ты поганка бледная с кружевной ядовитой пелеринкой на стройной упругой ножке. Дрянь несъедобная!»! Бледное подобие Лоры, но имитация съедобного гриба, заняло то самое место на поляне ушедшего времени, предопределённом только ей, Ксении, как произошло это и в начале молодости. Она же, как тот цветок – лесной ангел, обречённый увянуть в тяжком сумраке и вдали от солнечных троп.

Да что теперь, если похлёбка из ядовитых грибов давно

сварена и давно съедена. Заботливая «мама» Рита очистила для себя организм любимчика от чужих токсинов. А тот, уже чистенький, вымытый, возжелал себе такую же чистенькую, отмытую от собственных заблуждений страданием, Нью.

– К тому же он считал меня примитивной, и до сих пор считает. А я в отличие от той прежней девчонки давно уж взрослая стала... – уже прочно настроившись на миролюбивый лад, роняла свои откровения – споры созревшая для житейской мудрости поганка. Как важно ей было высказаться хоть кому, кто проявил к ней настолько живой интерес впервые за все годы её никчемного существования. – Да и не он один. Если же умело пользоваться чужими заблуждениями, это всегда плюс при условии, что этот плюс не во зло другим, а только тебе лично в небольшой прибыток. Если мужчина понимает своё психологическое порабощение женщиной, поскольку она делает это через его мощные бессознательные уровни, которыми не всем дано управлять, то он служит женщине с готовностью, всегда оплачиваемой личным счастьем. А если не понимает, то всё равно служит, только с обратным результатом – хроническими неудачами в сугубо личной жизни.

Ксения раскрыла рот, не ожидая от повара-технолога подобных просветительских лекций по психологии полов. Но Нелли снисходительно пояснила, честно не желая присваивать себе чужую мудрость, – Рамон объяснял мне. Он был умный. Не знаю, любил ли он меня в подлинном смысле, но

он никогда не считал женщин за недочеловеков. Тем более тех, с кем он делил личное пространство.

– Ты так могла? Подчиняться Венду, зная, что любви не будет никогда?

– Заладила! «Любви»! Не бывает вечной любви! Ты её тут нашла? А ведь ради этого и примчалась! Жизнью рисковала. А что нашла? Поимел тебя, где попало, потому что жена его не любит! Да и... опять птенчика очередного ожидает. Чего тебя так удивляет? Что без любви трахаются? А ты Ксена никак любишь страстно? Если человек голоден, он ест то, что ему доступно, и не всегда то, чего бы хотел. Я вот жажду свежего натурального крабового мяса, земных спелых вишен, облитых солнечным светом прямо с веток, как любил это и Рамон. Но если ничего нет? Ем то, что синтезируют в секторе пищевых разработок, или то, что выращиваете вы, «растительные боги» – ты и твой муж.

– Ты подслушала наш разговор с Нэей?

– Надо мне было! Ещё чего! Просто я устала и ждала, сидя в соседнем вестибюле, а панель была приоткрыта. Что-то я не пойму тебя. Ты настолько удивляешься тому, что Главного можно не любить женщине, что возникает подозрение, что сама ты в том прошлом была с ним лишь в романтических и полудетских отношениях. Втрескалась конкретно лишь по малолетству тогдашнему! Вообразила о нём что-то, чего в нём и не ночевало. А зря! Он не любит никого!

И вдруг зазвучало в ней коварное шелестение Риты, когда

та остерегала её в юности от близости с Рудольфом: «Карина навывдумывала себе что-то, решила, что вы поженитесь. А ты знай, не женится он ни на тебе, ни на другой. Ему оно во-век будет не надо. Для него женщина возникает как явление природы только тогда, когда требуется использовать её в качестве краткосрочной функции приложения к себе. А если ты, как девушка яркая и общительная, дружила с нормальными парнями, то разница в отношении может тебя шокировать. Очень больно тебе будет, поскольку голубица ты, а он волк! Цапнет, даже играючи, а калекой останешься от такой игры. Не веришь отцу, мне поверь».

– Когда на спутнике рядом возникла та Рита... – произнесла Нелли, так что Ксения вздрогнула. Могло ли быть случайностью упоминание Риты именно в данный момент? Похоже, общение протекало и на более глубоких уровнях, чем могло это показаться. А Нелли определённо что-то улавливала в страдальческих и рваных, хотя и беззвучных вибрациях психики Ксении, поскольку совершенно не злилась на недавнюю, спровоцированную не ею, а Ксенией, безобразную ссору.

– ...я была рада, не представить тебе как. Рита его отслеживала всюду, как дух над ним витала. А у меня с Рамоном была такая чудесная жизнь, хотя и каторга тут была вначале, не представить тому, кто не понимает о чём я. Да и у Венда вся сила в деятельность по обустройству базы пошла, не до баловства тут было вначале. Он как-то и отдалился. Даже и

забыл обо мне. А там Нэя вернулась к нему...

– «Голубица, голубица, на тебе хочу жениться, – произнесла Ксения, – Дай потрогать твой бочок». «Уходи-ка прочь, волчок»! Но волчок её схватил и за сердце укусил»... И ты туда же, голубицу-то к чему упомянула?

– Нэю? – не поняла её Нелли. – Так она к нему вернулась. пожалела его, я думаю. К тому же их связывало некое значимое для неё прошлое – привязка такой крепкой бывает, если мужчина первый, всё простишь. Он же на спутнике один был, ему трудно, думала она. Да ведь так оно и было.

– Как же ты в таком случае?

– Все считали меня женой Рамона. И Венд тоже смотрел на меня как на пустое место. А Венд был настолько щепетилен в этих вопросах, что ни Рамон, никто ничего о наших отношениях на Земле не узнали.

– Рамон и на Земле у тебя был. И сам факт его наличия где-то поблизости не мешал вашей взаимно-безудержной страсти, как я понимаю.

– Не было никакой страсти, как ты это понимаешь. Была его потребность скрасить одиночество и моя уступка ему. Ну, да, мне было с ним не только выгодно, интересно тоже... иногда и приятно. Всё осталось в прошлом. Здесь ничего не было.

– Рассказывай «не было»! Свидетели есть, что было!

– Да когда? На спутнике при жизни Рамона не было! А Венду никто бы тут не отказал, стоило ему захотеть! По-

сколькy он отличный шеф, и другого нам не надо!

– Ты до сих пор не забываешь, как тебе было с ним на Земле. И понятно, ты не могла ему отказать, когда у него и возникала потребность. Не завирайся тут, что жена его не любит. Любит, как ты и не представляешь себе, потому что у тебя любовь другая совсем. Чего ты только не подтянула к понятию любви, – потребность в сексе, чувственность, психологическую зависимость, скуку одиночества, всё в кучу. Ты глаза-то её видела, когда она за ним наблюдает? Обожаение, какого ни у тебя, ни у меня нет! Другое дело, что она то и дело на сносях, а тут ты – конкурсантка и победительница прошлых затей на лучший десерт года. Ты же и на Земле кондитером была.

– Мне всё равно, каким бредом наполнена твоя голова. Если тебе нечем себя занять, то сочиняй. Но про себя, пожалуйста.

– Нэя видела тебя на Земле с Вендом, – сказала Ксения.

Дружба и вражда – детали одного узора, украшающего неземное заточение

Нелли уставилась на неё так, словно впервые увидела и удивилась, с кем это она тут болтает неумолчно и столь длительно, что, казалось, за целую жизнь свою столько не говорила. Как на призрака даже, поскольку с заметным испу-

гом, – Откуда взяла...

– Как же трудно ей было увидеть тебя здесь. Примириться с твоим наличием на спутнике, – продолжала Ксения. – Я же сама видела, как ты купалась с ним в подмосковном озере, а Нэя сидела в тени веранды, вот он её и не заметил. Возле Ботанических садов это было. Осенью...

Нелли молчала.

– Я тоже там купалась. Как раз только и вышла из воды, как вы туда залезть собирались. Конечно, ты-то никого вокруг и не замечала, кроме самой себя. Сеанс самолюбования, весь маленький пляж стал для тебя большим подиумом для щедрого показа себя, любимой, тем старушкам и детям, что там и купались в последние солнечные деньки перед наступлением зимы. Под искусственным куполом было, что там натянули. Вспомнила?

Нелли молчала.

– Такое не забудет никакая любящая женщина, а Нэя-то его как любила, так и любит. А вот в смысле прощения, увы! Прощают даже такое. Вы там, на острове, трахались или просто отдыхали, уже насытившись друг другом на одном из экзотических побережий?

Нелли молчала.

– И узнай, хотя бы теперь, что именно ты повинна в том, что я оказалась в этом... «Эдеме». Как увидела я тебя возле того озера, всю из себя юную и жемчужную, русалку падшую, в бесстыдном купальнике, веришь, скрючилась от зависти!

Глянула на себя в зеркальце, аж губы запеклись от злости. Что ж такое, думаю, кто посягнул со мною красотой телесной соперничать... и всё же рядом ты со мною не стояла... А до твоего явления в искусственных белых песках Подмосковья забыла я, что и сама женщина ...

Нелли молчала.

– И Рамон твой был в Нэю влюблён. Рита мне о том рассказывала. Он ещё на Земле Нэю знал. В гости она к нему ходила...

– Врёшь! – напряжённым шёпотом отозвалась Нелли.

– Ревнуешь Рамона-то? А говоришь, что нет в тебе ревности ни к кому. Обожал её тайно, наблюдал за ней всюду, где мог. И Венд об этом знал. Оба они, Рамон и Венд, как были с юности, так и остались непримиримыми соперниками. Женщины только менялись, а соперничество было всё то же по его накалу. Скажешь, кто придумал-то всё это? Не способны мы с тобою вылезти за рамки того пространства, куда нас и заключили, чтобы такое понять. От того и сбежал Рамон, что не мог он Венда уже выносить. А ты, увы! Не была ему настолько уж и важна.

Нелли молчала.

– Представь, что стоило Нэе быть к тебе дружески расположенной. Когда ты захватила её место под земным солнцем? Не возникла бы ты, она бы не ушла. Не Рита была ей страшна, как ей мерещилось. Ты захватила её место, и она почувствовала это. Он же забросил её окончательно. Пото-

му и ушла она, куда глаза глядят. К маме Антона Соболева, где и дождалась возвращения самого Антона, ничуть ей не нужного, как и сама она нужна тому не была. Как пелось в древней песне: «Просто встретила два одиночества/ Разложили костёр/ А костру разгораться не хочется/ Вот и весь разговор/. И бросила она Антона легко, и дочку свою от него тоже легко оставила на Земле. И страдает до сего дня только по первой своей дочери Елене. Там ещё, правда, одна была девочка, самая старшая, Лора, кажется. Так её Нэя и вовсе забыла, поскольку та была рождена на Паралее её же соперницей. А Рита на то и Рита, чтобы никому не мешать в личной жизни, что она умеет проделывать виртуозно. Никто не нужен ей по-настоящему. Только мой отец и был ей дорог.

Нелли сидела настолько тихо, не шевелясь, что, если не знать, что она там, вполне можно было посчитать, что Ксения тут одна, сама с собою разговаривает. Откровения о тайной и безответной любви Рамона к Нэе поразили бедную повариху в самую сердцевину её существа.

– Конечно, Рамон ни сном, ни духом не догадывался о твоих прежних отношениях с Вендом. Иначе он бы пронзил тебя своим кинжалом с обезболивающим воздействием. И ты умерла бы, даже того не поняв, не почувствовав. Такой вот гуманный способ убийства существует. И не от любви безумной, а от гордости, что ты посмела рогов ему навешать, да ещё врага его обласкать. Не был он умнее Венда. Простоватый Рамон был, доверчивый опять же, за что и был он из-

гнан из тайного общества этих «лбов» уже после отбытия им наказания в колонии. Не зачли они его стараний и его страданий. Наоборот, считали его дураком, подставившим прочих под гонения. Единственно что, вылечил его один специалист из той же секты, но там была скорее личная инициатива того человека из чисто-человеческих уже соображений. И некуда было Рамону податься. Один он остался в этой жизни. Здоров по-прежнему, а толку? Рядом никого, все его знания, профессионализм псу под хвост. И грозила ему участь именно что стать псоглавцем, то есть стать безработным скитальцем, коего рано или поздно сослали бы на планету, что похуже была той колонии, где он едва не погиб. А то, что именно ты посодествовала его устройению на спутник, он знал. Только думал на Вайса. А к Вайсу ревновать это всё равно, что к памятнику каменному. Он Вайса за живого человека не держал. Потому они на таких и охотились... очищали, так сказать, человеческий всепланетный организм примерно так, как в индивидуальном организме больного человека очищают почки или желчные протоки от камней.

Нелли молчала, пребывая в глубокой тени, так как сидела там, где освещения не было, устав за целый день и от суеты, и от яркого света. Ксения играла с фиалкой, которую вытащила из кармашка своего комбинезона. Эти фиалки, голубые, белые и бархатно-фиолетовые, растущие в их зелёном секторе, были личным подарком Ксена для неё, он за ними и ухаживал, а Ксения срывала их ради украшения своей при-

чѐски иногда или просто так, не ценя, как не ценят сорную траву. При этом она не разрешила Нелли вытащить из почвы ни единого кустика, когда та попросила их для украшения кафе, – хотела их размножить. «Ещё чего! Чтобы мужики, сытно перекусив, срывали их ради своих баб? Это моя сугубо личная собственность!» Но фиалки всё равно появились всюду и у всех, кто любил цветы. Ксен никому не отказывал, потому и дар его Ксения предельно обесценила.

– Кажется, такие нравы, что тут и укоренились, называются «промискуитет», – начала Ксения, не зная, что именно скажет дальше. Она расстегнула застѐжку на комбине зоне, спустила его с плеч, любуясь на свою девственно-снежную грудь. Охватила её руками, представляя, что это его руки... Ей сильно захотелось его ласк, его объятий, глубинно заныла та пустота в ней, где были лишь его права безраздельного владения... и она лихорадочно соображала, как сделать так, чтобы в самое ближайшее время он возжелал того же... Чтобы пришѐл в зелёный сектор, а уж как его туда заманить, она придумает, а домашний раб Ксен осуществит её затею. И уж там-то, едва он её увидит... там всё и произойдѐт, если услать Ксена туда, не знаю куда... А эти, Нелька – хлам и Нэя – чудо инопланетное смеют отираться рядом с ним, претендовать на его внимание, отгрызать мышинными зубками жизненный ресурс того, кто самой небесной Макошью – архетипом вселенской Судьбы был предначертан только ей, Ксении, изначально.

Став вдруг порочной лицедейкой, она продолжала поучать миролюбивую повариху тоном учительницы начального цикла обучения, – Поясни тебе, что такое «промискуитет», поскольку в школьном городке, а также на кулинарных курсах уж точно таких тем не раскрывают. Первобытный общинный секс. Инволюция. Не исключено, что, когда мы освоим планету, мы превратимся в настоящих пещерных людей. А далёкие потомки, которым придётся повторно вылезать из диких пещер в течение тысячелетий, найдя остатки наших построек на спутнике и артефакты на самой планете, будут ломать голову и размышлять о звёздных пришельцах, принесших их предкам дар цивилизации.

– Какая же бессмыслица моя жизнь, – отозвалась Нелли.

Бесконечный изматывающий сериал продолжается

Никто так и не отследил или и не пытался, что Ксения ежевечерне нарушает режим изоляции. С каждым разом Нелли становилась всё задумчивее, всё тише, а Ксения ощущала себя так, будто ходит ради милости к полоумной родственнице. Зачем? А чтобы та не ощущала себя забранной беспощадным контролёром качества по имени Судьба.

– Рамон пропал и утащил за собою всё наше совместное прошлое, – сказала ей Нелли.

– А как быть Вендом? – гнула свою линию Ксения. В этот раз она облачилась в нарядное земное платье, чтобы дать понять поварихе своё несомненное женское превосходство в наличных и безупречных формах. Подчеркнуть, что той утешиться нечем. Принимая всепрощенческую позицию Нелли как само собой разумеющееся, Ксения вовсе не была столь великодушна к ней сама.

– Да никак! Я и вспоминаю-то о нём лишь тогда, когда он требует приготовить ему ужин для работы ночью. Вот опять заказ был...

– Ваши прошлые отношения давно для него пылью стали, да и ты смахнул со своей души, и нет ничего! Не было у тебя никакого прошлого. И сама ты пустяшная, вроде камушка дуплета, подделки под драгоценность, когда сверху что-то вроде прозрачной смолы, а понизу тонкий срез подлинного самоцвета. Вот и выходит, ты подделка под роскошь. Для Лёни Губанова лишь и ценность по скудоумию его. Не стоит тебе пренебрегать таким парнем, который спит и видит тебя своей женой. А тогда-то, в том минувшем времени, в Подмосковье, бесподобна ты была! Озиралась вокруг, а ничего не видела, но я-то тебя рассмотрела. Кожа сияла твоя, и глаза сияли от восторга, и были они как камушки уже триплет – тоже подделка, но уже трёхслойная. Поверху соблазн, а под ним – мука твоя от понимания собственной запутанности, а ещё глубже, как подложка, разгорающаяся любовь, очевидно несчастливая... Я психологичная женщина, тонкая, гла-

застая как ястреб. Могу издалека, свысока наблюдать, а меня и не заметят. Мне дар такой от отца моего достался. Бесподобная ты была, а всё же объективно женщина плохая. Из тех, кто не умеет и не хочет страсти свои контролировать. Не даётся таковым счастье, поскольку они причина чужих страданий. Неужели, верила ты, что сумеешь такого подчинить своей русалочьей и бесстыдной вертлявостью? Единственно, чего ты и добила, что задумалась я вдруг о предложении того самого Вайса, что подкатывал ко мне давно уж, обещая вернуть юность. Я же думала, ему моя искусственная юность будет в услужение, а лично мне она зачем? Разве я старая? Разве я фарфоровая игрушка, вроде тех, кои мама моя отдавала на реставрацию, чтобы восстановить их внешнюю глазурь и краски первозданные, а все-таки поддельные? Я и так иных молодых лучше. А при той, очень сложной и таинственной, большинству недоступной процедуре фатальные случаи не редкость, чтобы ты знала. А мне до того хорошо жилось в те времена, до того тихо и не напряжно, что и мысли не было жизнью рисковать ради... кого? А вот ради Венда я согласилась! Обману, думаю, этого Вайса! И обманула! Женщина всегда сумеет обмануть даже самого вечного кощея, да ещё если таких премудрых Василис две! Рита же дорожила этим кощеём, мне отдавать не хотела. А ты не переживай. Ты пока что девчонка по летам своим, и мужей этих будет у тебя столько, что в их череду ты и забудешь свой опыт горькой любви. А пока хватай того, кто полюбил тебя тут нешу-

точно, как все об этом жужжат, и прощает тебя за то, за что другие редко прощают. Вдруг и не понадобится тебе уже ни твой Листиков, ни кто-то другой. Подумай об этом. Лёня тоже скоро на Землю вернётся. Потому я и открываю тебе глаза на то, что настоящая роскошь это я. Потому я и имею право выбрать себе самого роскошного мужчину на этом обглоданном астероиде.

Нелли молчала. Лицо Ксении, вздумай Нелли всмотреться в неё, напоминало ту самую древнюю полуобнажённую куртизанку Форнарину с цветком и многозначительной улыбкой на лукавых губах. С такой улыбкой можно одинаково как давать обещания любви, так и втайне усмехаться над тем, кого обманывают. Но простодушная Нелли смотрела исключительно вглубь себя самой.

– Ладно, философ, катись отсюда. Отужинала и скажи тётке спасибо за то, что тебе не пришлось грызть брокколи на грядке, – отлично овладев собою, всё с тою же добродушной интонацией откликнулась Нелли. – У вас, конечно, отличная там брокколи. И я научу тебя, как её готовить. Брось её в подсоленный кипяток, подержи там совсем немного и сыром тёртым, твёрдых сортов, посыпь, очень вкусно. Только воду после варки брокколи употреблять не стоит. Если готовишь суп, то бульон не должен быть тем, где эта зелёнка варилась. Добавь её уже готовой в приготовленный бульон...

– Я к тебе не на курсы приготовления вкусной и здоровой пищи пришла. Хотя думаю, Ксену и приготовлю, раз он

не любитель регулярных посещений столовой. Не любит он общаться, а вот людей любит. Старается ради них и живёт лишь мыслью о благе человечества. А я людей не люблю, а общаться с ними обожаю. Странно, да?

– Я тебе сыр сейчас найду, у меня есть в маленьких герметичных упаковках. У нас в пищевом центре роскошные сыры умеют синтезировать, от подлинных не отличишь. Женщина-разработчик – гений в сфере своей специализации. Да у нас тут каждый второй гений. Другим тут и делать нечего... – Нелли вдруг замахала на Ксению своим полотенцем. Она или опомнилась от захвативших её саму откровений, или сильно уже устала от визитов Ксении, села за столик и положила голову на руки, – Пойду, посплю пару часов, а там Никитич, может, и без меня обойдётся. Только настройку рецептурную поставлю.

Мольба Никитичем был её коллега-повар. Нелли напрочь забыла про наказ своего деспотичного шефа, приготовить тому ночной ужин. А Ксения злорадно не напомнила, чтобы Рудольф остался голодным, а Нельке завтра задал трёпку. Пусть опять плачет своими всепрощающими глазами побитой собаки.

– Тебе жарко что ли? – всё также простодушно спросила Нелли, увидев, наконец, что Ксения почти обнажилась, но, не проявив ни малейшего интереса к её явленным прелестям. – И точно, душновато у нас. Сейчас настрою атмосферный регулятор... а ты иди спать.

Ксении совсем не хотелось спать, не хотелось и уходить. Ксен баловал её, давая возможность отсыпаться и взвалив всю работу на себя. – То, что ты рассказала тогда о штрафных санкциях – это же отрыв от цивилизации. Полный... – Ксении стало вдруг прохладно в платье, и она пожалела, что не надела комбинезон. Её приглашали на выход, надо было встать, а ей не хотелось.

– Почему? Если он назначает только настройку роботов для уборки помещений и приготовления еды? Всё остальное не от него зависит. Не знакома разве с понятием асоциального моделирования человеческих сообществ, если они в отрыве, как ты говоришь, от цивилизации? Ему тоже тут не сладко. Не знаю даже, спит ли он вообще? Его счастье, что у него такой сын рядом. Артур – его ангел-хранитель тут. А то мне Лёня Губанов рассказывал, да и Рамон тоже, этих ГОРов убивают в подобных колониях постоянно. И следов не найдёшь. Всякое бывает. А у нас даже ни одного бунта не было. Потому что наш ГОР справедливый, сострадательный, хотя и требовательный. Но разговор-то не о нём. О тебе.

– Разве не о тебе? Я не понимаю, чего ты тут торчишь, если тебе всё опротивело, да и не удивительно. Было бы удивительно, если бы тебе тут нравилось. Ты же не исследователь, как другие женщины, они одержимы своими поисками Галактических тайн, своим преодолением ограниченной природы человека, своим стремлением нечто понять, о чём нет и тени в твоей голове. Но не для того сказано, чтобы тебя

обидеть. Я тоже не принадлежу к их числу. Я уж точно не авангард, хотя и не охвостье, к счастью.

– Как я улечу? А если они найдут Рамона? Артур же сказал, что тел найдено не было. А модуль нашли пустой, хотя и повреждённый.

– Рамон, – повторила Ксения, – стебель-кипарис... Не мечтай. Он нашёл свой рай и свою гурию, в которых ему было отказано на Земле.

Вопрошание к Божечке, – будет ли явлена его милость?

– Божечка ты мой! Как же ты меня запытала всю! Я же говорю, я слабовольная, никому не могу отказать. Вот и тебе не отказала, поддалась тебе на безжалостное растерзание. Каждый раз об одном и том же неустанно талдычишь, в какой позе, да сколько раз... О чём мечтаешь? Если ты теперь меня заменила.

– Божечка мой! Как ты и говоришь. Где это я? – Ксения встала, – а что, если пойти и помолиться Надмирному Свету в Храм, который устроила Нэя?

– Он тебе не поможет, – пробурчала Нелли, повернувшись к ней спиной. – Кажется, я сейчас повалюсь на пол от усталости. Пойду спать. Мне бы только до подушки, даже душ не могу принять, хотя и потная вся...

– Хочешь сказать, что у Нэиного Надмирного Света целая планета своих грешников – та Паралея? И что в мире божественных смыслов своя иерархия и своё разделение обязанностей?

В ответ Нелли нажала на пульт, и стена-панорама бесшумно и мгновенно скрыла её из глаз Ксении. На остановленной и чистой ленте транспортёра для посуды рядом с пакетом пирожков лежали три маленькие серебристые упаковки с сыром. Это было трогательно. О сытости людей в городе под куполом она заботилась неукоснительно. Её личный отсек был там же, где и у всех, в жилом городке, но в кафе имелся и маленький отсек отдыха, вроде купе с удобным диваном, куда она и залезла, чтобы отключиться. И опять Ксения испытала жгучее злорадство, что поварихе завтра достанется от беспощадного и столь восхваляемого шефа. Она представила ради утешения себя самой, как Венд бьёт Нельку плёткой, на самом деле несуществующей, а та стоит на коленях, безропотно подставляя свою гибкую и модельную спину под удары. Или же он сошлёт её в те самые подземные уровни, как и грозил вначале, а она опять же упадёт на колени, как крепостная перед барином когда-то в чёрном времени бесправия и бесчеловечия. Но скорее всего, он лишь прожжёт её своим металлически-раскалённым взглядом, без слов даже, а она опять же! Повалится на колени и обхватит его ноги, умоляя простить, без слов взывая к былым временам, где была для него... кем? Всегда чужой женой, которую он скра-

дывал у другого, презирая её за участие в совместном обмене Рамона. А себя? Да нет, конечно! Этот утёс всегда возносился над морем житейским, мнил себя уникально-хрустальным и подсвеченным изнутри сиянием высшего мира. Вклад бабушки Вайса через маму Карину был передан ему без всякого расхищения. А у той предназначение такое было, – хранить чужие ценности. Вон и Нелькины безделицы хранит у себя...

Ксения едва ли ни заскрежетала зубами, негодуя, что Карина не скинула модельную шлюху с мраморных ступеней ещё на подступе к своему дому, а милостиво приняла её у себя, чаю предложила и стеллажи выделила в своей кладовке. Ах ты, Божечка, какое расположение! Что же происходило тогда на самом деле? Каковы отношения были? Неужели, он влюбился в Нельку с первого взгляда, не настолько и серьёзно, а близко к тому? И только возрастная дурость её и следование каким-то усвоенным нравственным традициям, впечатанным в её башку не иначе как прабабушкой-художницей, напевно читающей ей сказки на ночь, не позволили ей бросить Рамона? И вывод, он печален и тяжёл, как слеза разлюбленной женщины, – у него нет, и не было никогда, единственно-любимой.

Застывшие и неподвижные огоньки – имитации звёзд стыли в имитации выключенных высоких псевдоготических окон. На стене-панораме Куршская песчаная коса, в реальности где-то находящаяся в русской Прибалтике, тянулась к

синей полосе не то залива, не то моря. Белый песок казался вязким и настоящим. По такому песку бродила некогда молодая Лора – мать прекрасного Артура, искала своё утраченное или по глупости отброшенное женское счастье. Она смеялась в лицо Ксении, когда они сидели в баре, и Ксения заявила ей, что родит сына Рудольфу. Заявление казалось Лоре маниакальным бредом, но бред воплотился в пронзающую, нет, пока ещё не счастьем, а его предчувствием, реальность самой Ксении. И Лора в том времени понятия не имела, что жизнь сведёт вместе её сына и её соперницу на одном спутнике, и с её судьборазгромной ошибкой – Рудольфом в придачу. Можно было к этому приплюсовать и Рамона, чьё украшательское старание столового отсека и сотворило панораму на панели-стене. Что было связано у него лично с этими прибрежными местами? Песчаная коса, зовущая туда, куда никому не было хода в этом реальном пространстве, никому не надоедала и не раздражала пока, и голограмму не меняли уже достаточно долго. Рамона на спутнике давно не было. И был ли он вообще, не знал никто.

«Кто и зачем», – подумала Ксения, – «придумал ненужное, ничего не могущее уже исправить, второе издание моей судьбы и меня самой? Лучше бы всё осталось, как оно было, а я так и доживала бы, оставшись в том пласте времени покинутого навсегда мира, оставаясь тихой старой Ксенией в старом доме, где так и живут, безмолвно свернувшись, дорогие воспоминания. Но чьи они? Какое ко мне-то они име-

ют отношение? И как, где хранит информацию о своих прошлых жизнях Рита, если она человек многосерийного издания? И если человек мечтает о вечности, в процессе которой он будет неизбежно забывать и отбрасывать своё обременительное прошлое, то в чём она, вечность? И что она есть такое для человека?»?

Вопрос повис в пустоте. Отвечать на него было некому.

Сокрытое становится очевидным

Момент ситуативной подлости, породивший трагедию

В чём она вечность? И что она есть для человека? – Вопрос повис в пустоте. Отвечать на него было некому. А он возникал в ней снова и снова, опускался на душу при пробуждении как утренний туман, делая перспективу ближайшего будущего неразличимой, непонятной, тревожной. В последнее время Ксения ни с кем не общалась, вернее, с ней никто не общался.

Встречи с Рудольфом стали редки, и не до метафизики ему было, уж тем более с ней.

– Как думаешь, чьи мы рабы или игрушки? – спросила она у него.

– Мы не рабы. Рабы не мы. И если ты игрушка, то моя.

– Ясно всё с тобой. То в один голографический интерьер впихнули, то в другой, ты всюду его деталь, а может, и несущая конструкция, поскольку переполнен невероятной значимостью. А вот я в последнее время живу как под одеялом, где и душно, и темно, а вылезать страшно. Я слабая и непрочная, а вокруг холод и необъятность, в коей любой са-

мый невообразимый монстр может быть реальным и неодолимым, как и всякое могущество.

– Зря ты покинула свою подмосковную рощу.

– Зря, – согласилась она. – А был выбор, думаешь? С одной стороны обжитой уют, личная никчемность и дальнейшее нарастающее увядание, а с другой – повторная юность и полёт навстречу жуткой авантюре, которая лишь по неисповедимому чуду обрела твоё лицо... А могла бы вполне завершиться и гибелью.

Он молчал, он окаменевал, а ей в такие минуты казалось, что она попала в Кашеево царство, где обитали каменные люди. Ксению накрывал озноб, тошнота, паника с потребностью вырваться за пределы навязанного и полностью искусственного обиталища туда, где она не смогла бы сделать и вдоха. Поэтому и выдоха бы уже не последовало. Она помчалась в сантехнический блок, и слышала его затяжной вдох и задумчивый выдох ей в спину. С её стороны было преступлением вешать на его плечи каменного «атланта» уже своего ребёнка, поскольку и рождённые на спутнике бедняжкой женой были больше его обузой, чем отцовским счастьем. В понятие «обузы» входила и сама жёнушка. Счастье с тою оказалось кратковременным, как и прежде было, но испарившимся уже навсегда.

Ксен, по возможности, избегал блудную жену, задушевных разговоров с ним не вели тем более. Зачастую он вёл себя с нею, как глухонемой, оставляя все необходимые реко-

мендации и задания, надиктованными на её рабочий планшет. Она притихла и редко выходила из оранжерей и лабораторий биосинтеза, перестала приходить в кафе и заказывала завтраки и обеды к себе в оранжереи. Вместе с нею стал редким гостем там и Ксен. Его отсутствие мало кто заметил, только уставшие и не первой молодости женщины, любительницы его послушать и сами пофилософствовать, имеющие в его добром лице деликатного слушателя. В то время как отсутствие нелюбимой женщинами Клариссы замечали все влюблённые в неё обитатели мужского рода-племени. Вика рассказала Нэе, как Кларисса заливалась слезами, умоляя капитана звездолёта взять её на Землю. Но капитан был неумолим. Клариссу оставили.

– Разве она подчиняется законам ГРОЗ? Она же человек из ведомства Космопоиска, а у них другие установки, и никто не смеет её удерживать, – Нэя была откровенно огорчена откровенно отбраковкой Клариссы для перелёта на Землю, что и не скрывала.

– Вряд ли капитан имел право забирать на свой борт посторонних лиц, он же прикреплён к военному ведомству, а её может забрать только гражданский звездолёт. Вот когда прибудет какой-нибудь грузовой, тогда её и заберут. Чего она сюда сунула свой нос? – Вика сама себе же ответила, – она и на Земле не бедствовала. Ей не надо было зарабатывать, как иным бедолагам, на дальнейшую пристойную жизнь на Земле. Но ведь зачем-то влезла сюда? Можно понять таких

как Нелли. Здесь они нужны всем, а на Земле?

– Как думаешь, – спросила у неё Нэя, – какие отношения у Клариссы с Ксеном. Многие не верят, что он её муж.

– Пусть не верят. Он её муж. Она его любит. Не наблюдала разве, как она нежна с ним? Она ему под стать, такая же со странностями, такая же ранимая и одинокая.

– Одинокая? При муже и при своей юной красоте?

– Одинокая лично. Причём тут красота? Муж? Личное одиночество это болезнь, если хочешь. Диагноз. Разве твой муж не из этой же породы индивидуалистов?

– Рудольф? В таком случае мы все заключённые своей индивидуальности. Хочешь сказать, что он несчастен и одинок со мной?

– Понятия не имею. Я никогда не изучала его и не стремилась. Это я так сказала, не подумав.

Всё улеглось и затихло. На спутнике стало скучно. Кларисса перестала бродить по вечерам к мужчинам на их посиделки, будоража при этом женское население, перестала появляться всюду, где люди собирались вместе. Она и Ксен обитали как два моллюска, каждый в своей раковине, и оба вместе в своем научно-исследовательском, экспериментальном обиталище по выращиванию овощей и зелени, куда не совали носа другие, все прочие. Они соприкасались только с другими пицчевиками, но исключительно по работе, и не соприкасались с теми, чей профиль работы был иной.

Спустя несколько месяцев Кларисса появилась, пришла в

кафе обедать, и всем показалось, что у неё за легкомысленной и какой-то пляжной кофточкой, не иначе вытащенной из запасов, привезённых с Земли, с нашитыми ракушками и жемчужинами, небольшой арбуз, который она спрятала, чтобы позабавить окружающих необычным его цветом или ещё что. Решила похвастаться причудами мужа Ксена, любителя плодоовощных экспериментов. К тому же она придерживала своё скрытое полушарие рукой. Поэтому так и решили вначале те, кто в тот момент присутствовал в кафе. Но оказалось, что дело совсем не в арбузе, а в том, что красавица в том самом известном положении, которое не скрыть. Нэя, находившаяся в том же самом положении, делала всё для того, чтобы живот скрыть, шила особые платяца, чтобы в их складочках и оборочках всё скрывать, а Кларисса отнеслась к своему положению с природным бесстыдством. Ходила, живот выпячивала, не обращала внимание на переполох, который опять устроила в женском курятнике. Мужчинам было всё равно, ведь у красотки имелся муж, и тут была его забота, а больше ничья.

Как-то Нэя у доктора Вики увидела в рабочем её мониторе в мед. отсеке генетические таблицы Клариссы и её будущего ребёнка. Она только что была у Вики перед Нэей, а Вика не скрыла их в базу её данных, заболтавшись с кем-то за пределами мед. отсека. Нэя же умела немного понимать эти таблицы, пройдя тут свой многотрудный опыт материнства, и уже успев устать от него. Ей было почти сорок лет, и она

решила, что этот ребёнок будет её последним. И Вика советовала ей остановиться и восстановить свой женский ресурс.

В этих данных, нагло раскрытых, как глаза самой Клариссы, таблицах, формулах, Нэя с трудом, но сумела разобраться в том, что Кларисса носит ребёнка Рудольфа. Нечитаемая для подавляющего большинства женщин на спутнике врачебная тайнопись сказала ей о том, о чём она давно догадывалась. Вика не появлялась долго, как будто давала Нэе время, как будто знала, что она влипнет глазами в информационную паутину, касающуюся постороннего человека – Клариссы Зотовой. Отцом ребёнка являлся вовсе не Ксен Витальевич Зотов, а Венд Рудольф Ростиславович. Никакой человек на Земле, невзирая на наличие или отсутствие настоящих отношений к женщине – будущей матери, не имел права скрывать своего отцовства, иначе трудно было составить генетический паспорт ожидаемого ребёнка. Другое дело, что информация была конфиденциальной, врачебной тайной. Была ли Нэя сражена? Потрясена? Нет. Уж если Кларисса, как говорили, обошла половину мужских жилых отсеков города, минуя, конечно, семейные, могла ли она обойти шефа? Женщины уверяли, что Кларисса обладает реликтовой низостью, что она не раз устраивала молодым десантникам танцы с элементами стриптиза, когда ещё была без пуза, разумеется. Она скрашивала бедным космодесантникам их нелёгкий труд, но только ли танцами? Кто видел? Кто слышал? Чем она там занималась? Одна наедине с тол-

пой одиноких мужчин?

Вика возмущалась, – Да вы что! Кларисса ходила туда, но там был Артур, а где Артур, уж простите, ничего за гранью дозволенного быть не может.

– Твой Артур вне подозрений? Особенный?

– Да. Особенный. Здесь вам всё же не притон времен эпохи Войн. А если у вас что-то не в порядке с личным внутренним пространством, так приберитесь там. Почему надеяете других людей низостью, в которой отказываете с возмущением себе? Кларисса чистая и замужняя женщина, она ходила туда от скуки, раз уж вы её отлучили от себя.

– Да кто отлучал эту задаваку!?! – женщины возмущались, брызгали на Вику-защитницу слюной. Самоотверженные и развитые женщины – они всего лишь отвечали Ксении взаимностью – теми же самыми чувствами, кои она в них и возбуждала своим наглым поведением и затаённым пренебрежением ко всем. Дар юности не сделал её ни умнее, ни добрее, ни душевнее. Напротив, ум истончился, если и был когда, доброта иссякла, а душа ссохлась, будто её прожарили на адской сковородке. Она утратила свою тончайшую внутреннюю и неповторимую настройку, она лязгала внутри самой себя какими-то синтетическими заменителями, тщетно пытаясь вернуть себе утраченную и прежнюю искристую душу-начинку. Поэтому он и не ощущал в ней ту, чьим чистеньким и промытым аватаром завладела залётная душа из тех, что для него была «потёмки».

– Она же всех презирает, высокомерничает, будто она тут венценосная особа, а мы чернозём какой, о который она боится и ножки замарать.

– Не глядит же ни на кого!

– Ксен – не муж он, а прикрытие!

– Невоспитанная и недоученная девчонка захотела острых космических ощущений, слышали, кто был её отец? Кто у неё мачеха? Она из верхних этажей ГРОЗ, не сама, так по родственной линии. Она путешествует, коллекционирует жизненные впечатления.

– Дело известное. Тут многое можно себе позволить. А Ксен, вы видели? Спокоен, отстранён от всех, его ничего не касается. Отгадайте загадку, сам в земле, а хвостик наружу, кто это? Правильно, Ксен. Единственное, что он и способен создать, так это гибрид редиски с огурцом. Ну, уж никак не ребёнка.

Нэя держалась в стороне от подобных обсуждений. Она тихо сидела рядом со швейным роботом, рисовала, вышивала, словно отсутствуя, сразу же удаляясь, едва дело доходило до слишком уж острых обсуждений Клариссы. Занималась с детьми, далёкими от проблем женщины Клариссы.

Когда Вика вернулась, изобразив полный вид уверенности, что деликатность Нэи не позволила ей сунуться в чужие таблицы, она свернула открытую информацию, уже не являющуюся тайной ни для кого. Тесное информационное поле людей в замкнутом пространстве обладало такой насыщен-

ной плотностью, не имея возможности рассеяться за пределы живого купола, что все живущие давно превратились в теплепатов. Всякая невысказанная мысль, скрытое чувство приобретали тут зримые и осязаемые очертания. И открытые данные генетических исследований стали лишь катализатором застывшего мыслительного процесса, которому сама же Нэя препятствовала развиваться в понимание очевидного. Она одна и была в неведении того, о чём давно знали все окружающие.

Странная стычка Артура со своим отцом

В первые годы на Земле-2 Артур жил один. Когда пришла Вика, заурядная, но женственная и милая, Артур пришёл к ней сам. У них родилось двое детей, два мальчика. Вика спешила компенсировать себе утраченное на Земле, или же действительно полюбила, что никого не удивляло. Артур был из тех, кто на Земле на такую Вику уж точно не взглянул бы. Именно под влиянием Вики Нэя прекрасно разбиралась в тонкостях медицинской науки. Что касается отношений Клариссы и Нэи, то их не было. Кларисса чуралась Нэи, как и всех прочих. Не считая того долгого разговора в столовом отсеке.

Обладая до беременности роскошной фигурой, Кларисса так и осталась равнодушна к одежде, всегда одеваясь в ра-

бочий комбинезон, но и в нём поражала своим совершенным сложением всех. Она имела привычку щурить кошачьи глаза в пустое пространство, на людей глядела равнодушно, как сквозь стекло или мимо их, устремлённых на неё, глаз. Лицо её обладало идеальным овалом, тонким и прелестным по форме носом, узкими скулами. Лоб казался возвышенно-безмятежным, не сминаясь ни единой складкой при её и вообще-то малоподвижной мимике при разговоре или редком смехе, а сочный красивый маленький рот – невинным, голос чистым, но негромким. Она и ела аккуратненько так, слегка опустив над столовыми приборами голову, не глядя при этом по сторонам, тщательно усмирив широкой лентой или шарфиком непослушные, обильные и скрученные спиральками пряди волос, открыв высокий лоб полностью. Она не могла не волновать, и сплетни о ней распускали женщины, среди которых не было тех, кто был ей равен по своей красоте.

Единственное, на взгляд Нэи, что её портило, так это, как ни странно, роскошные волосы, вечно растрёпанные и падающие этими рыжими спиральками на её плечи. Она была как львица, взявшая у льва поносить его гриву. Нэе всегда хотелось навести на её голове порядок, с такими благодатными дарами природы было грех так их распускать в полнейшую беспризорность. Но когда Нэя через Вику передала Клариссе красивые заколки и деликатные советы придти в их Центр Досуга к мастерице по причёскам, Кларисса того не сдела-

ла, а заколки прилепила сама безо всякого смысла, где они болтались, как случайно запутавшиеся в её гриве. Она вообще была безразлична к себе, такой вывод напрашивался при взгляде на неё. И это при такой красоте? Почему? Но если эта небрежность и не мешала её успеху? Если это и был её стиль? Естественность, лёгкая разболтанность во всём? Она смеялась, говоря Вике, – а Вика, разумеется, добросовестно всем передавала, – что если бы она, Кларисса, навела на себя необходимый лоск, они бы тут все ослепли. Они поняли бы, как обидела их всех природа в сравнении с нею, как лишена природа чувства справедливости и равенства, – того, к чему стремятся люди в процессе исторического развития, – а их мужья и тайные или явные любовники разлюбили бы их в одно мгновение. Да и сейчас они близки к тому. Но Кларисса благородна и скромна, именно из жалости к ним.

Все негодовали! Тварь рыжая, карнавальная хлопушка, только и умеющая что выстреливать бессмысленными конфетти мусорных слов. Пустая во всём, в своих глазах, похожих на крашенные стразы, в своих словах, в своих делах, сидя на шее одержимого трудоголика Ксена. Удивительно, кто засеял её пустую утробу? Но не Ксен. Всем было ясно. Если на Земле не сделал этого, то уж тут-то и вряд ли.

Нэя не слушала. Нэя не любила злословие, помня своё печальное прошлое на Паралее. Она приходила вечером к Рудольфу в его рабочий отсек, когда он был там. Когда после дневной сутолоки, гомона множества людей, он оставался

один. Это был совсем не тот роскошный и просторный холл, каким он владел на Паралее в подземелье, или на поверхности в «Зеркальном Лабиринте». Здесь было проще, но уютнее, человечнее, душевнее. И сам Рудольф был другой. То же проще, человечнее, добрее ко всем, чем было там, в прошлом. Да и вообще тут преобладала атмосфера домашней семейственности, тут было слишком тесно внутри, слишком опасно и непредсказуемо снаружи. Заселение и обустройство планеты, которая продолжала висеть над ними без имени, ничуть по этому поводу не огорчаясь, было делом сменщиков, которые придут на смену тем, кто обустроил спутник, как плацдарм для главного натиска на цель. Конечно, тем, кто пожелает остаться, никто и не будет чинить препятствий. Но таких тут немного.

В один из вечеров Нэя пришла незадолго перед ужином в рабочий отсек мужа, чтобы им вместе пойти в кафе, – так называли они столовый блок. Она прижалась к нему по многолетней привычке, отрывая от работы, от компьютеров, от расчётов. Рассказала о проделках детей, о смешных происшествиях в их замкнутой колонии. Он слушал, продолжая думать о своём, глядя её скорее механически, чем руководствуясь нежностью. Нэя отвела его руку.

– Вика считает, что ты одинок. Что ты тайный печальник. Но я-то знаю, что всё дело в твоём высоком самомнении, ты мнишь себя выше тех, кто тебя окружает. Остальным чего-нибудь да не хватает до статуса венца творения. И ты счи-

таешь, что вполне годишься на роль управителя всей этой планетой, что наверху. Но кто позволит тебе? Да и обустроить её – жизни твоей не хватит. Вот нашим детям мечтать об этом ещё реально. Но не тебе.

Он со смехом прикрыл её губы.

– Ты счастлив? – спросила Нэя в его ладонь.

– Чем это?

– Мною, детьми, будущим.

– Это да.

– Спроси, а ты?

– А ты?

– Нет.

– То есть? Почему?

– Ты знаешь сам.

– Нет, не знаю.

– Человек не может быть счастлив любовью в одиночестве. Любовь счастье соединения, сдвоенное. И никак иначе.

– Ну и?

– А ты меня не любишь.

– Давно придумала?

Нэя прижала его ладонь к губам, запечатала их и ничего не сказала.

После ужина и болтовни со всеми в уютном кафе они ушли гулять вдвоём по городу. К ним присоединился Артур. Он шёл сзади и молчал, но не отставал. Галереи, ведущие в новые запланированные пригороды под куполом, ещё

пустующие от застроек, казались открытым пространством континента, расстилающегося вокруг, бесконечного, необитаемого и всё равно захватывающе великолепного. Если нет живого духа, способного отразить его в себе, то в чём смысл его существование? Пока не прибыли сюда те, кто и дали ему почувствовать своё бытие тем, что вонзились в его скальный бок невероятными машинами. Прогрызли его на километры вглубь, устроив там себе внутренности собственного обиталища, а уж потом вынырнули наверх, прикрывшись куполом, прозрачным пузырьём, как одушевлённым глазом, чтобы обозреть его безмолвные вековечно окрестности.

Если представить, что ни впереди, ни позади ничего нет, а Нэя представила себе именно это, то сдавливал страх. От подобной игры воображения у неё приостановилось дыхание, судорожно дёрнулся ребенок внутри. Она замерла под уга сающим золотисто-лиловым куполом, окрашенным красками уходящего светила. На смену ему выплывал голубой лик пажа планеты. Он в моменты своего раннего появления казался светлым и ангельски безмятежным, как и не возникало мысли о том, что и саму его королеву корёжит от катаклизмов, судорог сдвигающихся и наползающих друг на друга континентов, словно она рожала какое-то своё, неизвестное никому из людей будущее. На этом же континенте всё тихо и застыло – статично. Он спал и видел свои загадочные сны, и никто не давал им гарантий, что он тоже не проснётся. Но это не будет скоро, а может, и никогда не будет. Мо-

жет, сон его был сном вечности? Необитаемой, бесконечной и условной вечности. Ведь все эти категории существовали для людей, а не для него. Из глубин звёздного колодца на-ползала на купол беззвучная и загадочная ночь.

Артур шёл на расстоянии, он отчего-то не хотел встречать в их дуэт. Рудольф остановился, чтобы подождать его. Его тяготило молчание Артура, и он хотел включить его в разговор.

– У тебя что, обет молчания?

– Планета «Мама» всё ещё без имени, – ответил Артур. Планету называли «Мамой», уж коли у неё не было собственного имени.

– Мы никак не можем придумать ей имя. В ГРОЗ сказали, сами изобретайте по праву первых обитателей, таков закон Космоса. Это раньше кабинетные хмыри называли объекты, к которым не имели никакого отношения. А теперь имя должны дарить те, кто первый освоил пространство, но у нас кто в лес, кто по дрова, как любил говорить дед. Ругаемся и спорим, и никто не хочет соглашаться с другими. Да и у спутника планеты обозначения как такового нет. Сколько времени ему гипнотизировать нас без всякого имени? Тут и вылез «постник и молчальник», по твоему определению, Ксенофан: «Назовите планету Ксения. Что означает «Чужая».

– А вы? – спросил Рудольф.

– Почему «чужая»? Если она уже наша? Да и потом, его осмеяли все. У тебя жена Ксения, так ты хочешь и планету

присвоить? Тебе мало одной Ксении? Или напротив слишком много? Ты одну-то удержи. Ну и пошло. Он едва в эпилепсию не впал. Пена пошла изо рта от злости. Он псих, оказывается! Замахал кулачками, но не гляди, что маленькие, завёз одному так, что тот свалился. Мы, конечно, удержали упавшего от ответного удара возмездия, а то Ксении пришлось бы стать вдовой. Где она такого раскопала? Все удивляются. Такая девчонка и муж – гороховый стручок – огородный старичок!

– Она с ним давно, с молодости, – сказал Рудольф, – не всегда же он и был старичком. Кажется, она знала его ещё в своей балетной юности, безнадежный воздыхатель и почитатель её таланта. Но, если честно, таланта не было.

Артур и Нэя остановились и застыли в поразившем их удивлении.

– С молодости? – спросила Нэя, – а сейчас у неё что?

– Давно? – спросил и Артур. – Это же сколько лет тому?

Рудольф понял, что сказал нечто лишнее. Очень лишнее.

– Ты знал её? Так она... Нелли говорила, что она вовсе не такая молодая, какую кажется. Ты ведь знал её? Она вовсе не Кларисса, а Ксения.

– Кларисса? – удивился Артур, – кто Кларисса? Ксения – Кларисса?

– Кларисса – это её имя по базе данных. Но она его не любит, она зовет себя иначе. Вот и всё, – пояснил Рудольф.

– Сколько же ей лет? – поинтересовался Артур. Нельзя

было сказать, что для него это что-то и значило.

– Знал, не знал, какая разница, кого и чего я знал когда-то, – ответил Рудольф Нэе.

– Я догадался давно, – встрял Артур, – у неё глаза в темноте светятся, как у сиамской кошки красным светом. А так бывает только у тех, кто проходил полное и генеральное омоложение в закрытых Центрах. Особый побочный эффект. Из-за химической реакции, протекающей в клетках человека после...

– В темноте? – поразился Рудольф, перебивая его, – в какой ещё темноте? Это где?

– Однажды погас свет в отсеке, где мы и собрались с ребятами поиграть, в том числе, и в архаичные картишки, – спокойно пояснил Артур, – тут она и засверкала глазами, но я – человек посвящённый, я понял, в чём дело.

– Кто же посвятил? – спросил отец.

– Да уж не один ты продвинулся в своих познаниях за столько-то лет... Всяких людей я повидал...

– Имеешь в виду Рамона – бывшего сектанта из секты Лбов?

– Один Рамон, что ли, эксперт по всем тайнам мира?

– И для чего же замужня женщина посещала ваш мужской клуб по интересам?

– Приходила сама, как выгонишь? Женщины на спутнике включили полный игнор в отношении неё. Она скучала, а в общем-то, ничему и никому не мешала. Даже напротив,

весёлая...

– Хочешь сказать, она обновлённая версия прежней женщины, вроде биоробота?

– Не стал бы я столь категорично такое утверждать... ведь не исключено, проблемы со здоровьем и потребовали такого радикального вмешательства... Забыл, как с Нэей было...

– Так значит, игрушка... – Рудольф долго молчал, устремив взор в безмолвные дали. И вдруг засверкал на Артура глазами, буквально искрящими гневом и презрением, непонятно на кого направленных, но уж точно не на Артура. – С ума ты сошёл! Я сразу бы понял, если бы так было. К тому же у биороботов имеется техпаспорт и совсем другой нечеловеческий код. Или же этот гороховый стручок умышленно скрыл собственную куклу под кодом своей жены?

– Но ведь это преступление, – довольно безразлично отозвался Артур. – В подземных уровнях, где полно биороботов, есть тот, кто и отвечает за их программное обеспечение. Может, к нему и обратишься?

– Она настоящая женщина! А не кукла!

– Конечно. А ты засомневался, что ли? Тут тебе не Земля, где возможен всяческий обман между человекообразными мошенниками. И главное, зачем?

– Откуда я знаю, зачем. Может, испытывали новую модель для отдохновения космических странников... – он вдруг осёкся. – Беременная кукла? Такое невозможно!

– Как мы узнаем, что там у них возможно, а что нет –

в секретных лабораториях? – стало очевидно, Артур откровенно играет на нервах взвинченного отца. – Может, Ксен по совместительству и занялся на Земле тайным клонированием своей подруги? Привёз её сюда как опытный образец. Может, он законспирированный исследователь в особо засекреченном жанре творчества? И грядки в его плодоовощных джунглях лишь ширма для более значимых урожаев?

– Заткнись, бездарный юморист!

– Конечно, я ничуть не сомневаюсь, что тебе известно то, чего не знаем мы все. И конечно, я ничуть не сомневаюсь, что Ксения живая и подлинная женщина. Я даже сумел её понюхать, когда однажды воровал у них огурцы. Она подошла к грядке и стыдила меня за воровство урожая, не прошедшего необходимый контроль. – Артур поспешно объяснял обстоятельства, где он умудрился обнюхать скандальную огородницу. – Она обладала абсолютно женским и неподражаемым ароматом, коего лишены биороботы. А глаза? Ты же не станешь отрицать, что в её глазах искрится живая неподдельная душа?

– И обнюхал, и в глазах успел пошарить!

– Я сразу её узнала, я видела её на Паралее, – Нэя смотрела в сумрачное небытие спутника. О ней вдруг забыли и муж, и Артур, а она неожиданно разрядила возможность их немотивированной вроде бы ссоры.

– На Паралее? Ты что? – дёрнул её Рудольф за рукав, – очнись! Какая Паралея?

– Мне показал её волшебный туман в Храме Надмирного Света. А ещё я видела её в «Ночной Лиане», находясь под воздействием того напитка, ты помнишь, как он назывался? Она пришла и села за наш столик. На ней всегда была маска. Я попросила её снять, а она сказала: ещё насмотришься, до такого состояния насмотришься, что и жить не захочешь. Я помню, но тогда я думала, это бред.

– Мы, кажется, говорили не о Паралее, а о названии нашей планеты, – перебил их Артур или умышленно увёл их разговор в сторону, поняв, что они прикоснулись к чему-то накалённому и чреватому, опасному. – Что ты думаешь о таком имени как Ксения?

Но Рудольф начисто лишился своего мирного расположения духа, настроенности на вечернюю задумчивость.

– Что ты пристал ко мне с этой Ксенией! Или успел воспользоваться её расположением?

– Ну, ты и пошляк! – сказал Артур спокойно, но презрительно.

– То есть? И ты говоришь мне это, своему отцу и шефу?

– А ты? Сыну и подчинённому?

Они стояли друг против друга. Артур был выше отца. Он и в плечах был шире. Его глаза мерцали холодом, будто отражали в себе дали спутника, заливаемого сейчас голубым свечением живой планеты. Артур был самым бесстрашным фанатом по её изучению и отлучался туда часто и надолго с такими же сорвиголовами. Пока он отсутствовал за предела-

ми обитаемого континента, Вика сильно беспокоилась, боясь за него. Она, будучи намного старше Артура, сознавалась Нэе, что никого, никогда не любила как его, Артура. Любил ли Артур её так же сильно? Вряд ли. Нэя считала, что Артур лишь принимал её любовь, почти материнскую в своей самоотдаче, а сама Вика считала, что он её последняя любовь в этой жизни. И единственная, потому что прежнего мужа она и помнить не желала.

Вика – всем близкая, но никем не любимая

Женщины и мужчины на Земле не обращали внимания на возраст друг друга, до определённых пределов, конечно. К чему, если тридцатилетний Артур и пятидесятилетняя Вика смотрелись почти ровесниками? Она рассказывала Нэе, что именно благодаря знакомству с матерью Артура по годам юности, она, Вика, и обратила на себя внимание Артура. А так, вряд ли он и пришёл к ней. А тут, когда она прибыла и умирала от страха и одиночества, ему кто-то сказал, новенькая врач была подружкой твоей матери. Он и пришёл из любопытства. И Вика не скрывала того факта, что она не произвела на него ни малейшего впечатления. Но разговорились о том, о сём. Он пришёл опять и...

– А что же ты хочешь, космическое одиночество, оно способно толкать людей в объятия друг друга, даже если на Зем-

ле они прошли бы мимо, не взглянув на того, с кем делят жилой отсек здесь. Или ты думаешь, что у тебя иначе?

– У меня? – Нэя была оскорблена, – ты думаешь, что я встретила его здесь?

Вика в то время понятия не имела, кто Нэя и откуда она. Но её мнение царапнуло настолько больно, что Нэя долго потом рассматривала себя в зеркало, думая, что в ней не так, что могло вызвать у Вики такое пренебрежение к её роли жены Рудольфа?

– Ты миленькая, – снисходительно похвалила Вика. Она могла бы и промолчать, но её распирало изнутри, как и всякую сплетницу, за что и презирала её Ксения. – Если бы ты видела, какой необыкновенной женщиной была его первая жена...

– Расскажи мне о ней, – попросила Нэя. – Это же всё равно, что жизнь другого и умчавшегося за горизонты событий эона...

Опять же, Вика могла сослаться на вполне естественную утрату памяти о тех событиях, уклониться, но она рассказала ей всё, что помнила, что присочинила сама, интерпретируя события, спустя годы и согласно своему сегодняшнему осмыслению прошедшего. И Нэя понимала это, слушая вольный и художественный пересказ Вики о прошлом Рудольфа.

– Почему вы все столкнулись здесь, на Земле-2? Как думаешь?

– Чему удивляться? Мы же учились в Академии Косми-

ческой Жизни. Это учебное заведение входило в структуры Космопоиска. А в космических структурах очень продуманная кадровая политика, там стараются подбирать людей по возможности наиболее дружественных и близких друг другу, знакомых по возможности в прошлом, связанных определёнными узами дружбы, юности, учёбы, разными событиями, чтобы избежать страшных эксцессов, возможных при чужеродности в психологическом смысле. Были случаи, когда в колониях устраивали войны, и пока спасатели добрались до тех мест, там не оставалось в живых никого. Представляешь себе такое?

– Каким был Рудольф? Ты его помнишь?

– Ещё бы я не помнила! Лора бросила Академию из-за одной девицы. Муж и настоял на этом, когда они поженились. Тем самым Лора выпала из нашей компании. Он был не то, чтобы и близок нашему кругу. То есть совсем не близок. Он просто учил нас обращению с модулями перед стажировкой. Высокомерный, красивый и наглый. Тяжёлый тип. Лора попала под его каток, и уже не смогла стать прежней. Ей было непросто с ним. Да он и нуждался в ней мало. Он ни в ком не нуждался. Но она приклеилась намертво. Я отговаривала, не дружи с ним! Он же настолько очевидно лез ко всем привлекательным девушкам, лишь бы кто и отозвался на его сомнительные призывы развлечься с ним. Да к той же Ксении всегда лез и ни от кого не скрывался. Я же сама была тому свидетелем. Конечно, у нас-то на курсе таких заметных

ребят, как те, прибывшие из космической Академии, можно сказать, что и не было. Может, один Рамон и выделялся из всех, но он настолько был смешным, наивным в те свои юные годы... Хотя Ксения общалась со мной и с Лорой, но была, что называется, вещь в себе. Лора поначалу к ней тянулась, но потом перестала с ней общаться. Эта Ксения и разбила вдребезги её жизнь. Да свою не наладила...

– Как же ты говоришь, разбила, если он и сам в ней не нуждался?

– А в ком он нуждается? И тогда, и теперь? Я не уверена, что и в тебе, ты уж прости...

Но такова уж и была эта Вика. Как врач на высоте своего акушерского мастерства, но как человек... Вика часто проявляла хамоватость и грубость, маскируемые под искренность.

– Лора была красива?

– По Артуру нельзя этого понять? Может у некрасивой матери родиться такой сын?

– Конечно, может. Как же отец? Не участвует в творчестве? Это же совместный проект.

Отрицать этого Вика не могла. Но Рудольфа она не выносила, умело скрывая свою неприязнь под льстивой манерой общения.

– Расскажи про ту Ксению.

Тут Вика замыкалась, говорить больше, чем и сказала, уже не хотела.

– Мне нечего о ней сказать. Она тоже бросила учёбу, так и не доучившись. Ушла в какие-то искусствоведческие сферы. Не знаю уж, какие искусства она освоила впоследствии. Бесплодный человек во всех смыслах. Как я слышала, у неё и детей нет.

Но как-то взяла и проявила непонятную инициативу.

– Я не знала, откуда Ксения появилась в столь неподходящем для неё месте. Учиться она откровенно не хотела, жила как-то от всех в стороне. Ни с кем не входила в дружественные объединения, скажем так. Замкнутая, высокомерная. Общалась только со мной и с Лорой. Лора не понимала её и говорила, что Ксения производит на неё странное впечатление человека, говорящего одно, а думающего совсем иное. Она стала преследовать Рудольфа, едва Лора с ним сблизилась, и я решила, что у Ксении не всё в порядке с психикой. Да и сама Лора, несмотря на доброту и лёгкость характера, проявляла неразборчивость в выборе друзей. А я близкий друг Лоры ещё с периода жизни в школьном городке понимала, едва Рудольф положил на неё свой глаз, что она попала в сеть коллекционера. Он сильно терзал её своим непостоянством, а она не хотела с ним порывать. А тут эта Ксения. И Рудольф бросил Лору с ребёнком, или почти бросил. Как тебе это? Появлялся у неё раз в неделю. Она же кормящая мать, одна с ребёнком в семейном бедном отеле, ничего не знает, где, с кем её же муж. Она мне доверяла, надо же было хоть кому-то излить душу. А та тварь блудная

повисла на нём, присосалась.

– Ксения? Но может быть, Лора сама влезла в их судьбу, а не Ксения сделала так первая?

– Этого я не знаю, кто там был первой, кто второй. В результате он усвистал от них обеих на Трол. Не знаю, как он там жил, и знать не хочу. Лора оказалась привязчивым человеком. Да ведь и Артур такой же. Когда он узнал, что я из Москвы, он и пришёл. А тут, представь, я была подружкой его матери! Так мы и подружились. Нэя, это невозможно и представить мне было тогда, что младенец, которого кормила Лора, будет моим мужем на далёком спутнике!

– Странное смешение возрастных групп среди землян очень часто не приводит их к искомой гармонии, – сделала своё заключение Нэя.

Вика не услышала, воспоминания захватили её настолько, что она надолго ушла в себя. Две дочери Вики выросли, и она уверяла Нэю, что они мало в ней нуждались, когда она покинула Землю. Она считала, что до Артура ничего не смыслила в любви, прожив такую длинную жизнь на Земле без него, и только тут она поняла истинный вкус счастья взаимного доверия и понимания. Но история жизни Вики, мало интересовала Нэю...

Привет из «Созвездия Рай»

Рудольфу не хотелось портить прогулку, и он примирительно обратился к Артуру, – Если честно, назовите, как угодно. Но Ксения? Почему «Чужая»? Зачем программировать заранее планету на то, что она будет всем чужая? Мы построим на ней счастливый мир, дадим ей прекрасное будущее, к которому столько стремились у себя.

– Мы? Мы же не Боги? А если последующие поколения совершат грехопадение? Люди могут и тут повторить все свои родовые грехи.

– Зачем же так мрачно? Наши дети будут лучше нас. – Рудольф обнял Нэю. Но и это не смягчило Артура. Рудольф вызывал неприятие у своего сына, и Нэя явственно видела это.

Ах, Вика, Вика! Улыбчивая и дружелюбная внешне, она влила колоссальную порцию яда в отношения сына к своему отцу, и без того сложные и запутанные, руководимая искренним презрением к молодому и прошлому Рудольфу, ранившему его мать, такую же юную Лору на всю оставшуюся ей и недолгую, как оказалось, жизнь. Что шло от скудоумия Вики, а что от личной её неприязни к Рудольфу, которого она не желала простить за свой эмоциональный шок на спутнике? Когда едва ступила на его каменистую поверхность, а он не защитил, напугал, да ещё смел цинично её ощупывать без

стеснения и всякой любви, хотел использовать как разовый и грошовый материал. Её, бесценную и ранимую, уже раненую личной катастрофой, но всё равно наполненную идеалами и надеждой. И не прощение его Викой гораздо больше было вызвано не тем, что хотел использовать, а тем, что забраковал её, не принял как женщину, присланную ему в долгосрочное употребление. Но это было подспудно, это было тайное понимание, которого Вика не хотела принимать. И уж тем более чужое прошлое не имело к этой неприязни никакого отношения.

Артур пристально смотрел на Нэю. Казалось, его неприязнь к отцу распространялась и на неё.

– Я уже забыл, как Нэя выглядела на Паралее, – сказал он, – мне помнится, у неё было много и других талантов, не только быть родительницей. Нет? Ты превратил её в какую-то родильную машину. Или ты хочешь заселить своими потомками всю эту планету? И Вика считает, что Нэя утомлена и должна отдохнуть.

– Вика? – Рудольф скривился. – Может, объяснишь своей домашней и верной собачке, что это не её собачье дело? И не твоё тоже, а это я объясняю тебе. Или же ты нашёл в её недоразвитом лице недостающую мамочку – воспитательницу для себя? Недополучил внимания и ласки в заброшенном детстве? Пошёл отсюда, куда и шёл! – И Рудольф схватил Нэю за рукав так сильно, что ткань затрещала, после чего потащил её прочь от Артура. Артур направился вперёд, в

пустынные территории под куполом, где работали бесперебойно роботы.

– Придурок! Он смеет учить меня, отца и своего шефа! Вместе со своей пустоголовой душой! Да я слова ему не сказал, когда он клюнул на эту отбракованную и использованную каким-то ослом ослицу. А мог бы. Отдал бы её в низовой уровень, где трудятся наши подземные братья – штрафники. Они тоже люди. А врачей у нас и так девасть некуда. У нас и не болеет никто. Потому что я, как шеф и профессионал своего дела, людей люблю и умею щадить. Они что, наши врачи, без неё не сумели бы роды принять? Да я и сам это умею. И после того, как я устроил ей здесь курорт под звёздами, она ещё стучит своим стоптанным копытом в мою сторону? Да я могу завтра же скинуть её в недра на профилактику, пусть другое облегчение и лечение людям даёт. Им там тоже не сладко. Артур в первую очередь мой подчинённый, а уж потом всё прочее. Он же дурачок наивный, в мать весь, внушаемый и недалёкий.

– Он стал взрослым. И давно. А ты не умеешь этого принять. Привык, что он всегда подчинённый, вечный мальчик. И за что ты так Вику оскорбляешь? Пусть и заглазно. Так нельзя о женщине, и о женщине не самой тут худшей. У них дети, семья.

– Тут не Земля. Тут я им Бог и царь, и главнокомандующий. Раньше за хулу на подобных персон жгли на кострах. Или замуровывали куда поглубже, если милость проявить

хотели. А ты как хотела? Распустить всех, быть лояльным и великодушным, а потом какой-нибудь урод взорвёт всех к Хаосу в чёрную пасть, как это было с семьёй Франка? Когда террорист взорвал весь город под куполом? Потому что сын Франка ему поверил, решил проявить вселенскую любовь к подонку. А сам доктор спасся, потому что отправился на орбитальную базу, где заболел человек.

– Причём тут Франк? – Нэя не знала подробностей семейной трагедии доктора.

– Да притом! Что всё начинается с пустяков, с малого. Они все должны понимать, кто я, и кто они. Только неукоснительная дисциплина во всём. Не только в поступках, но и в мыслях. Ты думаешь, я не знаю, кто и о чём говорит здесь в своих отсеках? Другое дело, что я отслеживаю только то, что касается общей безопасности. А ты не верь умалишенной Клариссе, она сама не понимает, чего несёт. Видишь ли, моя маленькая и доверчивая бабочка, у неё проблемы с психикой, неизлечимые, и мачеха отправила её сюда за любовным удовлетворением, которого ей нельзя было предоставить в том количестве, в каком ей это потребно, на Земле. Конечно, можно заблокировать любую потребность человека, но человек в целом страдает неизбежно. Как реакция на чрезмерное подавление одного центра, возникает перенапряжение в другом. Да это и не касается никого тут. Никого!

– Артур – мужчина с непростым характером, как и у тебя. Да и кто прост? Не унижай его. И Вику.

– Ни одной чертой, ни единственной, он на меня не похож! А на кого? Я и сам не понимаю, да и не хочу этого понимать. Чего теперь? Да он лучше и чище меня, я знаю. Он в свою мать. Мягкий, привязчивый. А Вика – победительница, используя свой бабий опыт, подчиняет его себе.

– Она плохая? Годная только для утилитарных нужд низшего состава?

– Ну, я погорячился. Вика вполне себе... Но ему нужна молодая и непосредственная девушка, ты понимаешь? И он такую найдёт, я не сомневаюсь. Чтобы стала полностью его. Без тягостного опыта души. Чтобы всё было только в будущем, понимаешь? Доверчивая, жизнерадостная девушка, какой была ты на Паралее...

– А теперь я унылая разве?

– Нет. Ты повзрослела с неизбежностью.

– Постарела?

– Нет. Ты вошла в апогей раскрытия всех своих человеческих талантов и зрелого уже ума.

Во время прогулок Рудольф заодно инспектировал свои владения. Роботы выгрызались изнутри наружу, так как предварительные работы проводились вначале внутри космического объекта, а уж потом выходили на поверхность. Там в глубине были скрыты внутренности купольного города, без которого он не мог существовать на поверхности. Вокруг росли деревья, и их пока еще тонкие стволы, высаженные не в строго геометрическом, но всё же продуманном по-

рядке, чтобы избежать очевидной искусственности, уже зеленели своими хрупкими ветвями. Рудольф отлучился, чтобы обсудить нечто по поводу строительства с дежурным инженером, а Нэя осталась одна.

Небо над куполом погасло. Сияли звёзды, мерцали разноцветные туманности, каких нельзя было видеть ни с Земли, ни с Паралеи ввиду особенностей атмосферы и местоположения среди галактических координат. Огромный, фиолетово-синий сейчас спутник планеты навис низко над линией чёткого горизонта. Чем выше он поднимался, тем меньше становился его диск, тем светлее лик. Это зрелище не могло приесться. Отрешённо любуясь единственным пажом космической королевы, носящей временное имя прекрасной женщины Гелии, Нэя не заметила, как рядом возник человек.

Он выглядел не столько худощавым, сколько худым с перехлёстом, и она не сразу его узнала. В последнее время на спутник прибывало много новых людей. Она уже не всех знала в лицо, не успевала запоминать, многие редко выходили на поверхность, работали внизу, да и пути её не со всеми пересекались. Человек стоял в отдалении. Ей показалось, что угрюмый затворник Ксен, о ком только что и говорили, вышел прогуляться там, где царило полное безлюдье. Ксен заметно худел день ото дня, то ли ставил на себе эксперименты новейших диет, то ли изнурял себя собственным же подвижничеством.

Было уже темно, галереи освещал естественный, бледный

и призрачный свет от звёзд и пажа Синьки. Искусственного же освещения так и не включили в виду отдалённости недостроенных ответвлений города. Здесь не существовало пока никаких функционирующих объектов. Но она почувствовала скорее, чем увидела, что человек смотрит на неё неотрывно.

– Привет, щебетунья, – сказал он тихим и страшным для Нэи голосом. Страшным, потому что его появления казалось опрокидыванием всех привычных законов Мироздания. Хотя и что тут было привычно, что обыденно в самом новооткрытом непривычном мире? А так, голос и голос, обычный, и слова произнесены на привычном уже, земном языке.

– Не о такой жизни ты мечтала когда-то, да у кого тут мечты и сбываются?

– Я вас не знаю, – пролепетала она, – не вижу лица.

– Да узнала ты. Только испугалась. Ты изменилась. Хотя душа твоя так же мила мне и неповторима прекрасна.

– Кто же вы? – и пока она озиралась, ища Рудольфа, как в кошмарном сне теряя твердь под ногами, пытаюсь обрести опору и подмогу себе от охватившего её чувства ужаса. Ужас, будто вырвался он из-под купола, ощутимо имел какой-то непостижимый привкус космического холода, от чего её зазнобило, как от прорыва этого холода, заныли даже зубы, как будто она его глотнула внутрь себя, и Нэя приоткрыла рот, чтобы его вытолкнуть наружу, чтобы не заиндеветь и не погибнуть внезапно.

«Он галлюцинация»! – вскрикнуло её напуганное сознание. И в этот миг человек исчез. Просто пропал и всё.

Рудольф взял её под локоть, и Нэя дёрнулась, как человек, которого внезапно и резко разбудили. Они пошли дальше к освещённому сектору, и она повисла на нём, отяжелев от внезапной решимости.

– Вот, – это же так легко взять и вынуть всё то, что она знала. К чему притворяться? – Теперь почти в одно время у тебя появится сразу двое детей.

– То есть?

– Ну как же, у Клариссы будет ребёнок, чего она и не может уже скрыть ни от кого.

– Да, – отозвался он с напускным безразличием. – У меня, как у ГОРа, в нашей колонии появятся два маленьких новых жителя. Кларисса заразилась всеобщим здесь материнским устремлением. – Он стал перечислять других, у кого тоже скоро родятся дети. Пребывал в уверенности, что Нэя ничего не знает?

Она всё увидела сама, все тайны Ксении, воспользовавшись отсутствием Вики. И как знать, было ли то отсутствие и забывчивость Вики случайными? Вика же слишком хорошо осведомлена о том, что Нэя могла понять хитросплетения медицинских графиков, вникнуть в тайны умышленно открытой чужой информационной базы данных. Сама же Вика и посвятила свою любознательную хроническую пациентку в некоторые тайны своей профессии. Дефицитом времени

Вика здесь не страдала, с Нэей же её связывали почти родственные узы.

– Как же к этому относится её Ксенофан? Он признаёт её ребёнка за своего?

– Почему ты спрашиваешь у меня? Ты ведь только что с ним общалась. Вот и спросила бы.

Но Нэя никогда в жизни не общалась с Ксеном. Он её не замечал, как и большинство обитателей спутника, и вряд ли отличал в лицо от прочих.

– Я? Да я знаю его лишь в лицо.

– О чём же ты так увлечённо с ним общалась?

– С кем? С ним? – Нэя даже остановилась, – это был совсем не Ксен. Это был, я не знаю кто. Или знаю, но не верю. И ты не поверишь.

– Не Ксен? Но он же один здесь такой, тонконогий кузничик и говорун.

– Но это не был Ксен. Ксена же я знаю в лицо.

– А кто? – с искренним изумлением он глядел на неё пристально и странно.

В полутьме он сам видел издали худощавую фигуру человека в чёрном комбинезоне, с неприбранными седыми волосами, разбросанными по плечам. И подумал о том, как опустился неубедительный ни в чём, даже в своих селекционных растительных экспериментах Ксенофантик, упорно именующий себя именем какого-то древнего философа Ксенофана. Почему не убедительных? Потому что у него баклажаны бы-

ли вкусом как щавель, капуста обладала вкусом лопуха, хотя, по правде, лопух пробовать ему не приходилось, а горошек вообще был сладкий как подсахаренный. Горький и вязкий, как перец его же производства, произрастающий из искусственной почвы теплиц спутника, взгляд этого премудрого Ксенофана преследовал его всюду.

Возможно, Зотов вынашивал мысль о его убийстве, только не был он Рудольфу ничуть не страшен, а жалок настолько, что и Ксения вызывала удивление своим выбором подобной жизненной опоры. Тогда как опорой он мог быть только своим бледным лианам с пупырчатыми огурцами на них.

На замечания Рудольфа по поводу невкусных овощей, – Что это за тюрю ты нам произрастил?

Не всегда, если по справедливости, и плохих овощей, но иногда и похожих на свежескошенную траву по своему безвкусию и обманчивому аромату, Ксен смотрел в сторону, сосредоточенный на чём-то своём. Иногда он храбро, и даже как высший низшему, слегка презирая, совал ему в подбородок, поскольку был невысок ростом, свой планшет с убедительными доказательствами полезности и сбалансированности его трудового продукта. Полезного настолько, насколько этого не ведают многие люди в условиях Земли, лишённые доступа к подобным гениальным разработкам. А он, не Ксен, а Ксенофан Витальевич, поскольку он не мальчик-практикант, а достойный уважения и немолодой уже учёный, ещё на Земле исцелявший своими уникальными разработками –

овощами и зеленью прибывших из других космических колоний людей, заработавших там жуткие авитаминозы, дистрофию и нарушивших всю биохимию своих организмов. Поскольку у них там были именно те, разрекламировавшие себя подлинными неучи и пробивные прохвосты, кормящие людей вкусной отравой и суррогатом подлинной еды.

Наверное, это так и было. За текущий год, действительно, не было случаев массовых расстройств пищеварения. Как и резких проявлений аллергии на производимое в зелёном секторе «синьора Горошка». Но поскольку не признанный гений обычно монотонно и невнятно бормотал свои оправдания себе под нос, не звучало убедительно, а графики его и формулы постичь было невозможно. Также неубедителен он был для всех в роли мужа красавицы, редкой и для Земли, чего уж об этом месте говорить. Решив, наконец, поговорить с Ксеном завтра наедине о его внешнем опущении на виду у всей колонии, Рудольф передёрнулся от вида его давно не мытых седых косм.

Зрением Рудольф обладал прекрасным, а человек и в полутьме производил впечатление неряшливое, костюм на нём сидел как-то перекошено и болтался как на пугале. У себя в растительной тени может хоть голым в набедренной повязке ходить – овощам и ягодам всё равно, но окружающих людей стоило бы и уважать. Лучше, конечно, в чалме как древний йог, чтобы не осыпать нежные шкурки плодов своей перхотью. Голову он не мыл месяцами, если в земном измерении

времени, и забирал волосы в хвостик. Хвостик этот высоко вывалился наружу из-под плоской шапочки, вроде тибетейки, косо сидевшей на его гениальной засаленной макушке. Ксения страдала, уверяя Рудольфа, что на Земле он был чистюлей и модником, любителем разумного, но изысканного комфорта, а тут полностью изменился в сторону зловещей утраты психического здоровья, став апатичным неряхой. Это было проблемой, поскольку с его отбытием на Землю, колонисты лишились бы главного начальника над зелёным сектором, пусть и чудака, но талантливый огородник и редкого труженика.

«Я сотворила что-то ужасное с ним. Я ещё буду за это наказана дальнейшей жизнью. Так невозможно выкручивать человеческую душу. Зачем я подписалась на всю эту авантюру?» – обольстительная огородница бросалась в Рудольфа этими обвинениями как огрызками от яблок, не больно, но противно. Возразить ей было нечего, исправить всю ненормальную ситуацию, – каким образом? Оттолкнуть её от себя – куда? За пределы купола если. А с Ксеном что? По головке погладить, повиниться и утешить, съев целый контейнер его репы, закусив тёртым хреном? И Нэя...

– Кто? – повторил он, с беспокойством вглядываясь в Нэю, сжавшую голову в плечи и трясущуюся. – Ксен один такой, оригинальный малыш. Его ни с кем не спутаешь. Только такая оригинальная особа, как Кларисса – бродячая киса и могла такого избрать. – В оскорблении в адрес Ксении зву-

чала неподдельная злость.

– Ты знаешь, что никакая она не Кларисса. Ты всё знаешь. И чего ты злишься? На кого? Это был не Ксен. Я что ли слепая, по-твоему? Он сказал: «Привет, щебетунья»! Привет из «Созвездия Рай», – добавлю я. Твоё любимое некогда обзывание меня. Не скажу, что мне оно нравилось. Но если учесть нежность момента, его породившего, то я его и любила. Да. Это обозначение. Ты тогда любил меня.

Рудольф развернул её лицом к себе, вглядываясь в неё, будто хотел найти подтверждение тому, что она его дурачит.

– А сейчас что?

– Ничего. Не заметил?

– Нэя, – сказал он ласково и обнял её, прикасаясь к животу через платье, – ты дурёха. Я люблю, как и любил. Просто мы привыкли друг к другу. Ты скучаешь? Сегодня я к тебе приду. Поговорим как прежде о твоей любимой и отвлечённой чепухе... – И он поцеловал её в ухо, – ты ведь сама не хотела меня видеть в последнее время. Говорила, что устала безмерно и ничего не чувствуешь. Я и не тревожил тебя.

– Не тревожил? А кого же тревожил? – Нэя отстранилась. – Не стоит. Мне одной лучше. Я уже привыкла обходиться без тебя.

– Как хочешь, – ответил он с ледяным спокойствием.

Они остановились возле новой детской площадки.

– Здесь мы построим для детей лабиринт космических блужданий. Представь, как весело им будет здесь носиться.

– Я скучаю по лесопарку на Паралее, – опять сказала Нэя, не дождавшись его оправданий, поняв, что их и не будет. – Он был невероятно красив, и я была там счастлива. Земля похитила у меня моё счастье. А ты никогда не любил «сады Гора» на Паралее. Всегда их ругал.

– Если бы я не любил их, зачем бы я украсил нашу спальню изображением лесопарка за стенами? Если бы мне не было дорого всё то, что с ним связано? И чем плохо тебе было на Земле? Тем, что ты всё испортила сама! Удрала к Антуану – хроническому вдовцу. Чего с ним не полетела на Паралею, раз ты по ней скучаешь? Тебя притащили сюда связанной по рукам и ногам? Нет. Ты примчалась на лёгких крылышках, моя бабочка, ты хотела меня сама. И я тебя тоже.

– Я очень изменилась, Руд? С тех пор? Скажи, я стала уродиной?

– Что ты плетёшь? Ты стала только лучше. А в смысле красоты ты не меняешься. Я не замечаю.

– А многие говорят за глаза, я знаю, «За что шеф любит эту хронически брюхатую малышку? Похоже, её мать была тоже оригиналом и отказалась от вмешательства в её развитие, как и мать Ксена. И мать Ксении, добавлю я. Но это не помешало ей стать редкой красавицей.

– И тебе не помешало.

– Как ты думаешь, Ксения говорит своему Ксену, твоя уникальная доброта, твой талант, мой малыш Ксен, сам ты, дороже мне всех прочих мужчин, с которыми я делю своё

ложе? Потому что духовная связь, спаянная долгими годами важнее прочего. Говорит?

– Понятия не имею, о чём она ему там говорит. Ну, так гуляем или нет?

– Я пойду. Хочу спать. Дети ждут.

Второе появление Хагора

Те несколько дней, что прошли после той прогулки, Рудольф вёл себя так, будто ничего и не произошло. А что произошло? Он же как был, так и остался в уверенности, что Нэя ничего не знает. И она, используя вовсе не забытые и очень давние уроки актёрского обучения, изображала прежнее неведение. А после оживлённого обсуждения имени для планеты в столовом отсеке, после привычной суеты в «Сиреновом лотосе», она вдруг почувствовала, что сил ни на что уже нет – ни на жизнерадостный обман окружающих, что ведёт она счастливую семейную жизнь, ни на саму жизнь под куполом. А также спокойно обдумала вдруг то, что отпихнула от себя в полуобморочном ужасе – явление Хагора. Когда-то обещанное его возвращение не было ни приступом её душевного расстройства, ни внезапным миражом, насланным инопланетной пустыней. Впервые за все годы она отключила голографическую иллюзию, найдя с лёгкостью нужную панель, спрятанную в стене, оказавшись в по-

мещении похожем на все прочие служебные отсеки спутника. Серебристо скучный, пустой, сразу ставший из обители уединения камерой заключения. Одна стена оказалась прозрачной, тонкая плёнка иллюзии, сойдя, открыла тёмно-коричневые, с наплывами красного пустыни под золотисто-розоватым меркнувшим небом. Было в этом ландшафте нечто, напомнившее иллюзорную пустыню в холле отца Рудольфа, где они сидели под новогодней ёлкой, и где едва не свалились под раскидистые её лапы, забыли о папе Ростиславе, дремавшем на диване и замаскировавшемся в пушистых ветвях. Когда же он их стал прогонять подальше от себя, в другую комнату, они не могли расцепить рук... Даже скала, видневшаяся неподалеку, была похожа на тот дико затейливый диван папы. Но это не был диван, а скальное образование, похожее на плиту опрокинутой как бы стены. Да откуда тут могли быть стены? Стены чего? Это была лишь причудливая игра местного ландшафта. Увидев его впервые за девять лет, именно с этого ракурса из их спальни, Нэя удивилась его давящей мрачной безнадёжности, как будто до этого она не видела подобных необъятных и пугающе необитаемых далей, никуда не ведущих, ничего не обещающих и не манящих неизведанным, всем тем, что обещают живые миры. Если бы она видела эти пространства каждый день, засыпая и просыпаясь, она не смогла не только зачинать тут своих детей, но и просто существовать и давно бы сошла с ума. Или так показалось сейчас в приступе её отчаяния? Отключив иллюзию,

она словно проснулась в страшной замкнутости безысходности, в клетке под куполом, куда был закачен воздух для дыхания, с ясным представлением, что там, у этих скал, за ними, за тем горизонтом, что пучился угрожающей чернотой, ничего нет. Никогда не было. Не будет. Непригодная для человека атмосфера, чистое ничто, бессмысленная протяжённость, где отсутствует живородящий дух, разноцветная и переливчатая вибрация живой материи.

Нэя сжималась в какую-то болезненную точку сингулярности, уплотняясь в своём горе. Куда ей бежать отсюда? От своих детей? От тех двоих удрала, едва повеяло дуновением остывающего чувства Антона, как дважды убежала от переменчивости Рудольфа, и на Паралее и на Земле, но тут? Некуда. Замкнутое пространство, тюрьма, расположенная на поверхности и под поверхностью каменистого тела под крапчатой от звёзд и туманностей бездной. Небо гасло и краснело, наливаясь пепельной серостью, как гаснущий костёр. И Нэя вдруг увидела на скале-диване чью-то фигуру, принятую вначале за чёрный зубец, останец разрушенной перепадами температур скалы. Но зубец зашевелился, встал во весь рост и оказался человеческой фигурой. Он отделился окончательно от скал и пошёл по направлению к ней, всё ближе и ближе.

Она могла рассмотреть, что он весь в чёрном, или казалось так, но в тёмном точно, с более светлым, красноватым как небо над ним, лицом. Чем он там дышал? Нэя не испы-

тала страха, ибо реальность сдвинулась в ней в сторону сна, при этом она ясно понимала, что не спит. И когда он подошёл вплотную к стене их жилого отсека, непонятно как проникнув за защитный силовой купол, она увидела, что это Хагор.

Хагор протянул ей руку, почти прижав её к прозрачной стене отсека, и на пальце блеснул кристалл, точно такой же, какой был у неё на пальце – тот самый подарок Рудольфа. Она невольно взглянула на свой кристалл, он светился ярким пульсирующим свечением, отливая то красным, то голубым. И она услышала слова Хагора или его мысли внутри себя?

А Хагор был уже рядом! Он был здесь, в её семейной недоступной, как они мнила, маленькой крепости. Она отпрянула, переместилась к другой стене помещения, и таким образом между ними осталась достаточная дистанция. Но страшно ей уже не было. И даже возникло странное ощущение, что тех лет, что минули со дня её последней встречи с Хагором в горах Паралеи просто не было. Они были транс уровнем сном, её собственной фантазией, наваждением, куда её засунул колдун-пришелец Хагор, а поскольку времени в таких состояниях не бывает, сравнимых с привычным, то пройти мог миг, а могла и вечность. Она огляделась по сторонам и потрогала собственное платье. Платье было белым и очень похожим на то, в каком она и была в тот день, когда натолкнулась на Хагора.

– Я тоже помню эту встречу, моя незабываемая фея с Па-

ралей, – прошептал Хагор. – Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, что ты для меня единственная... хотя времени для меня в твоём понимании нет. И не отвращайся от этого иллюзорного облика, привычного тебе по Паралее. Совсем скоро ты увидишь настоящего Хагора и уже не пожалеешь, не вспомнишь ни о чём, что останется за пределами того мира, где ты со мной и окажешься...

– Ничего путного я от тебя и не ожидала услышать, – только и ответила ему Нэя. Хагор вытянул руку к ней, но не приблизился, оставшись там, где и стоял.

– Этот Кристалл, что на тебе, я оставил как-то в одной из пещер. Рудольф же нашёл ту пещеру, облазил её, забрал, что показалось любопытным, а саму пещеру целенаправленным взрывом завалил. И сам я не ожидал, что через него у меня получится одарить тебя таким вот подарком. Не сумел он избавиться от моего наблюдения, не смог выбросить Кристаллы, на то я и рассчитывал. А сам я лишь трансляция твоего Кристалла. Я пришёл за тобой, моя красавица. Своими прекрасными мечтаниями и светлыми мыслями, своей всепрощающей любовью ты не сумела изменить то, что было сотворено его родовыми эгрегорами, его земными родителями и отшлифовано земными условиями, а также условиями вседозволенности на Паралее. Не всегда дано нам изменить то, что не нами создано. Лишь их Создателю это под силу, а может, и Ему уже нет? Но ты ведь устала и сама, познав земную любовь и земное вероломство? Да и не обманывал

он тебя никогда, всегда говорил о себе всю правду, но ты не хотела её принимать всю. Материнство твоё истощило тебя, а его привязанность, став привычкой, не даёт тебе того, что прежде. Может, он тоже остыл, как остыла ты сама, не желая себе в том признаться. Возвращайся.

– Возвращаться? Куда? На Паралею?

– Нет. На Паралею тебе ни к чему. Тон-Ат уже не примет тебя. А кому ты там нужна? На Землю? Но доктор Франк, кто любит тебя по-прежнему, Землю покинул. А когда вернётся, кто ж знает. Дети, оставленные там когда-то, о тебе забыли. Как и здесь только дальнейшее усиление усталости, дальнейшее взаимное остывание. Что неизбежно в их мире почти для всех. Нет у них ничего постоянного. Понимание вечности недоступно. Завтра я буду ждать твоего ответа. Я же говорил тебе, что не стоит неправедный человек твоей любви, и дар твой не по плечу ему.

Хагор говорлив, как и всегда. И также страшен....

– Ты можешь рассказать мне о моей матери? Кто она была? И кто был Тон-Ат?

– Тон-Ат? Он стал добровольным, нет, не изгнанником, а беглецом. Ему было скучно жить. Он утратил веру в наше совершенство раньше и разлюбил свой Кристалл, отче-

го тот погас. И Тон-Ат с радостью покинул, ставший постылым ему, наш великолепный мир. Он хотел найти истоки и разгадку разумного бытия во Вселенной. Смысл всего – вот что ему было важно! Он не мог простить нашему миру, что тот отказался от развития, что лишил каждого своего обитателя, и его в том числе, способности творить жизнь, подобную себе, но в чём-то всегда другую, способную к дальнейшему изменению и дальнейшему следованию в неизведанное, вперёд. А если в провал небытия? В разрыв выстраданной гармонии на элементарные частицы и реликтовые излучения? В ужасающие гамма-всплески и глубочайший последующий распад, возврат в круговращение пылевого Хаоса? В точку непредставимого сжатия? В чистое ничто? Вопрошали у него наши мудрецы? Туда хочешь? Там хочешь найти смысл, где цена твоему смыслу, как пылинке в сравнении с необъятным Абсолютом, творящим миры и определяющим их дальнейшую погибель? Но этот бунтовщик, наделённый комплексом Творца, мечтал о деятельности, одержимый стремлением ко всеобщему совершенству, поскольку был несовершенен сам.

Он скорее сбежал сам, чем был изгнан, на Паралею и возрадовался. Там был тот самый полигон, куда он и смог бы приложить свои усилия преобразователя, применить свой воспалённый ум. Они, то есть социум Паралеи, взрастили в себе страшную и часто смертельную болезнь – касту социальных паразитов. Паразиты эти и были причиной хрони-

ческого воспаления их коллективного ума, приведшего их к окончательному безумию – мировой войне. Тон-Ат с трудом, но сумел положить конец их многочисленным войнам, приведшим к исчезновению большей части их обитаемого пространства. Для этого он, используя наши невероятные достижения, просто уничтожил всю воинственную и растленную элиту, и воевать стало некому. Обосновавшись на островах Архипелага, где раньше были курорты для каст правителей, и где жило полудикое население, он стал готовиться к обустройству планеты под себя, решив сделать её своим детищем, решил стать Демиургом этого мира. Но на Паралею вторглись земляне! Они, несовершенные сами, но самоуверенные и одержимые Вселенским величием, решили присвоить себе его Паралею! Он ждал землян в горах. Их звездолёты ему довольно часто удавалось сбивать с их курса, но его ресурсные энергетические Кристаллы истощались, а в них и была заключена его мощь. И когда люди стали обустроиваться в горах, он развязал против них бесполезную борьбу, больше уже от отчаяния. Их было множество, а он один. Не считать же его окружения из местных дикарей? Их он презирал и не верил им никогда.

Звездолёт «Змеелов» был самым первым. Он пробился сквозь внешнюю границу, водородную стену ударной волны Ихэ-Олы, преодолел гелиопаузу, пояс раскалённого газа, астероидов, комет. Он был затянут в гравитационное поле внешней планеты системы – замороженного газового гиган-

та, едва не был разорван ею, потому что он выпал из режима нулевого пространственного перемещения, но добрался всё-таки до Паралеи, внутренней планеты земного типа. А потом по его пути последовали уже и другие. Вся эта героическая эпопея не всегда приводила к добру членов экипажа. Паралея не для всех была главной любовью жизни, но разве был у них выбор? Тон-Ат выжидал, наблюдал за их деятельностью в горах. Они отлично сумели обустроиться на благодатной по своей природе планете. А уж в горах-то и вовсе царила первозданная безлюдность, обитатели селились на роскошных равнинах, где для богатой и изобильной жизни было всё. Но, как тебе известно, ваша жизнь там не была ни богатой, ни изобильной. Пришельцы-земляне обустроились в горах непостижимо быстро. У них были все навыки для выживания и в более агрессивных средах, а тут в безмятежности и красоте гор они расслабились. А этого делать было нельзя. Та, кто была матерью твоей уже матери стала, в сущности, заложницей Тон-Ата, ведь он не собирался уступать планету никому. Он отринул свою цивилизацию, породившую его, не ради того, чтобы войти в соглашение с пришельцами, посягнувшими на его мир, каковой и была Паралея в его мнении. Наши поначалу дали ему шанс для исправления. Он же, как ты понимаешь, он этот шанс отбросил, куда подальше от себя. Он не собирался возвращаться. Тем самым он стал преступником перед своими, но ему было всё равно. Они были бессильны, как он считал, покарать его тут, на Паралее.

А тем временем женщина с Земли, захваченная Тон-Атом, родила девочку в неволе, твою матушку, которую впоследствии считали местной. Насколько далеко шли планы Тон-Ата, настолько он и ненавидел землян, конкурентов себе, так он считал. Свою воспитанницу-сироту он полюбил безмерно и не хотел отдавать её никому, и ревность тоже была одной из множества причин, по которой он не пожелал спасти твоего отца. Таков был этот субъект! Властный и не желающий ни с кем делить свою власть над планетой, которую избрал себе и считал своей собственностью. У него не было путей назад, и он пошёл на то, что впоследствии обернулось против него же. Он недооценил землян, их настырность, их сплочённость, их целеустремленность, их непостижимую смелость. Ведь столько звездолётов пропадает звездолётов в межгалактических пучинах, бесследно испаряются, где-то захлопываются в неизученных гравитационных капканах, просто теряются, выбрасываемые в необозримые рукава, лабиринты и коловращения холодных туманностей, а также пронзаются смертоносными лучами беспощадных гамма-излучений, против которых защиты нет ни у кого из живых.

Необычная заложница вошла в его сердце помимо его кристаллической воли, и он выдал её новорождённую девочку за свою дочь. Никто из его подданных, тех, кого он сумел в таковых превратить, не знал, что маг-владыка не был наделён репродуктивной способностью. Заложница, хотя и не

была к тому времени невольницей, вскоре угасла, хотя он и поместил её в райских плантациях дивных цветов и роц. От психологического слома, от местных инфекций, от всего в совокупности, от чего он был не способен её исцелить. Горевал ли он, не знаю, ибо та история скрыта за пеленой времени. Странная штука время! Оно как вода, течёт и кажется прозрачным, когда смотришь на прошедшее событие с расстояния нескольких дней, а чем глубже, тем более плотным и непроницаемым оно становится.

К тому времени, как подросла твоя матушка, он сумел создать целую агентурную сеть для равнинной страны, которую мечтал захватить полюбовно, так сказать, без кровопролитий. Кровопролития были ему невероятно тяжелы, невыносимы, а на убийства землян он пошёл, повторяюсь, из-за крайней необходимости, чтобы сохранить планету себе, и только себе. Здоровье его начало сдавать, своё бессмертие он оставил в прошлом, и теперь подлежал, как и все местные, воздействию и болезней, и старости. Да и утратившая праведность душа, придавленная непомерной кровавой ценой за власть, была у него угнетена. Пусть они были и пришельцы, но люди, живые и развитые, разумные души! Не отличимые от него самого.

У него тоже были устроены тайные базы в горах, и там действовала его охранная структура, а земляне к тому времени посыпались сверху, как горох из рваного мешка, всё больше и больше! Агентура Паука – Тон-Ата была выбита из

гор быстро и молниеносно. Горы являлись самой удобной и совершенно безлюдной частью планеты, тут и стали земляне строить свои базы. Они проявляли беспощадность к лазутчикам Паука, а островитяне отвечали им тем же. Им тоже удавалось разрушать время от времени объекты землян, поэтому те вынужденно прятали значительную часть своих построений под поверхностью. Убивали и те и эти, поэтому впоследствии Рудольф, захватив твою матушку в плен, посчитав её за шпионку, пошёл на серьёзный проступок против своих. А у них было на этот счёт железное предписание – шпионов не щадить! Если бы был жив тот Шандор, он понял бы по браслету твоей матери, кто она, вернее, чей потомок, это же был опознавательный знак землян звездолета «Змеелов». Но Рудольф об этом ничего не знал. Он был новичок. А психически разбалансированный Шандор погиб внезапно и не успел никого толком ввести в курс дела. Там шла скрытая война и лютовали обе стороны. Он же отпустил её, но всё вышло так, как оно и вышло. Неудачное место, неудачное время. А если бы отпустил раньше? Если бы доставил до самого дома? Но он сбросил её на опушке леса у кромки пустынного поля, где она и попала в эпицентр перестрелки уголовников и службы охраны порядка Паралеи.

Тон-Ату, как я говорил, удалось войти в структуру внешней разведки равнинной Паралеи, он не только имел там агентурную сеть, но и выдал свою подростковую приёмную дочь за военного аристократа-вдовца, твоего будущего отца.

Вот так вы и появились на свет, твой брат и ты. Прочие события тебе известны и самой, хотя и не в их полноте. Да чего теперь к ним возвращаться.

Можно ли верить Хагору?

– Где же теперь Тон-Ат? Твои соотечественники простили его? Ведь простили же тебя за все твои преступления.

– Не тебе судить о моих преступлениях. Никто не давал тебе таких высших полномочий. А твой защитник и учитель как был, так и остался на Паралее. Чего хотел, то и получил. Он вовсе не был убит твоим Рудольфом, как ты и сама поняла потом. Поскольку Рудольф не знал, что лишить его жизни на той планете можно было только изъятием Кристалла из его головы. Тон-Ат вскоре пришёл в себя, очнулся, поразмыслил и понял, что надо менять весь проект для своего желаемого будущего. Он скрылся в горах Архипелага, а горы там такие, что затеряться в них не составило и труда. Там полно скрытых и заброшенных городов после погибшей цивилизации. Он взял с собою только твоего сына и ту женщину, что его воспитывала, и ушёл только ему одному ведомыми тропами. Взял он также и дочь твоего брата, которой он дал имя Инара, что означает «другая». Ты ему уже была не нужна. И девочку, и мальчика как родных детей воспитывала местная женщина – его преданная слуга. А твоему сыну

он дал имя Руднэй. Он включил его в свой замысел будущего и также одержимо работает теперь над его воплощением. Но с учётом прежних ошибок и уже окончательно оторвавшись от нашего созвездия. Никому уже нет до него дела. Ни Инэлия, ни Хор-Арх, заброшенные своими соотечественниками, забытые ими на далёкой и маленькой, неблагополучной планете, не составят ему конкуренции. Да и будут ли они к тому стремиться? Я не думаю. Они вполне себе счастливы обретением друг друга. Создали себе воображаемое подобие сияющего кристалла из своего дома и сада Инэлии, и счастливы там счастьем двух птиц на одной ветке. Правда, надо добавить, что там и третья юная птаха щебечет, но им только веселее от этого. Они дарят окружающим своё сияние и учат их обретению гармонии и ладу с прекрасным миром, в который вселил их Всевышний, за это местные и прочие, приходящие за исцелением душ, их почитают, охраняют, кормят и поят. А чего им ещё надо?

– Дочь Нэиля? А ведь я не забыла, как Мира на Паралее рассказывала мне об этом. Только я тогда решила, что она заговаривается. Подумала, не вымысле ли это несчастливой женщины, хлебнувшей напитка Мать Воды... Так Тон-Ат выкрал ребёнка Нэиля?

– Разве мог Тон-Ат допустить, чтобы его потомство, – а он считал тебя и Нэиля своими потомками, – пропадали без его опеки? Правда, ни тебя, ни тем более твоего брата, ему так и не удалось сделать действующими персонажами свое-

го вымысла. Поскольку его прошлый замысел не воплотился, следовательно, он так и остался вымыслом – всего лишь мысленным романом для его собственного прочтения. Может, иногда в непогоду, когда в горах воют ветры, стонут камни и хлещут ливни, размывая все тропы и руша старые искрошенные породы, он в своём пещерном городе и читает его, перелистывая страницы своей души и обливаясь слезами. Как знать.

– Как бы я хотела увидеть своего Руднэя!

– К чему тебе? Твой сын никогда уже не полюбит тебя, не поверит тебе, даже если бы ты смогла ему всё рассказать. Он счёл бы тебя за полупомешанную выдумщицу того, чего и быть не может. Ты выбрала необратимые пути. Необратимые в том смысле, что возврата на Паралею тебе нет. Ты уже не нужна Тон-Ату, как не нужен ему и Рудольф. Вы так и остались его неудачей, и этого он никогда ни тебе, ни ему не простит. Он стоял на той самой площадке в хрустальной обсерватории на вершине горы и смотрел вслед твоему мужу, когда тот с тоской удалялся прочь, и горько усмехался над его самонадеянностью, над его недалёким умом. А он всегда считал его ограниченным, поскольку слишком уж далёк он был от праведности, твой Рудольф. Но мстить ему он не стал. Не потому, что был настолько великодушен, а потому, что не мог. Ты, его родная составляющая часть, не давала ему возможности свершить месть. Твой Руднэй дорог ему как никто в целой Вселенной. Тон-Ат ещё в бытность твоего пре-

бывания на Земле не терял надежды на твоё возвращение. Хотел, чтобы твой сын узнал о тебе. Обиды и гнев прошли, а его любовь к тебе осталась. И если бы ты выбрала тогда, ещё живя на Земле, старого доктора, то и отбыла бы с ним на Трол. Так и хотел доктор, мечтая увезти тебя подальше от Рудольфа. Разумов звал доктора Франка к себе на Паралею. Только ты презрела его любовь, посчитав её за старческую. А зря! Это если для тебя лично.

– Если у меня тут родилось четверо детей, как ты можешь говорить о том, что всё было зря? А как ты сам тут очутился?

– Я прибыл сюда в своём каменном корабле – межзвёздном скитальце. Я опустил его в районе Чёрных гор, тех самых, что видны из твоего окна. Я не могу покинуть своё кристаллическое прибежище, поскольку у меня нет способов существовать на этом объекте. А строить такие волшебные города под сферами, как делают это земляне, я не умею. Но, у нас же есть с тобой канал связи.

– Тон-Ат... – произнесла она задумчиво, – он был таким же путаником, как ты сам. А мнил себя праведником...

– Испытания, выпавшие на его долю, были подобны эрозии, раскрошившей и его каменную душу. Он утратил праведность, поэтому его ущербная нравственность и давала ему ложные подсказки во всех его действиях на будущее. Он многое осознал с той поры, и я думаю, что он изменился, как изменился и я сам. Ибо ничто не стоит в неподвижности, и всякий живой процесс куда-то и течёт – или в сторону своего

усложнения и качественного преобразования, или противоположно. Любая же злокачественность пресекается свыше, рано или чуть позднее, а неизбежно...

– Перестань своё монотонное гудение, как ветер над безлюдными пространствами. Тоскливо слушать тебя! Ты напомнил вдруг, как же тоскливо мне, недоразвитому существу, было рядом с премудрым Тон-Атом. Как же тоскливо, по-видимому, ваш мир, населённый такими вот мудрецами. И сбежав из вашего мира, Тон-Ат так и не сумел исцелиться от собственной окаменелости. А вот Хор-Арх был совсем другим! Инэлия тоже была душевной женщиной, хотя и странной. Но как же мог мой Нэиль быть таким беспутным гулякой, если бросил свою крошечную дочь.

– Он был всего лишь продукт своей среды, хотя и напичканный премудростью воспитателя. А поскольку тот не был праведником, потому и все его уроки прошли впустую для Нэйля. Творческая среда, сама знаешь, полна соблазнов. Красивые и распущенные в своих нравах девушки не давали ему прохода. И Гелия оказалась самым сильным и самым опасным соблазном для него. И как ни корёжился он от страданий, доставляемых ею, он так и не сумел её покинуть, как хотел едва ли не каждый день своей жизни. Он знал о том, что Тон-Ат взял его дочь к себе в Архипелаг. Это дало нужное успокоение его совести, он в отличие от своего дружка Реги-Мона не был настолько уж бесчувственным к последствиям своих действий. Он считал, что обретёт в горах

Архипелага полноценную жизнь, став открытым и действенным соратником воспитателя в деле освобождения планеты от окончательной гибели. Гелия висела на нём неодолимой гирей. Она губила и его, и себя своей врождённой глупостью, своей неодолимой красотой для всякого, кто хоть однажды прикоснулся к её прохладной шёлковой коже, кто заглянул в прозрачную глубину её магических глаз. Всё это, и красота и глупость достались ей по наследству от матери Инэлии. Единственное, что она не унаследовала от матери, так это её похоти к мужчинам. Конечно, и Инэлия сделала выводы для себя впоследствии и выдавила из себя эти животные комплексы, принесшие столько горя и ей, и её дочери Азии. Она сумела стать стерильной и прозрачной как дистиллированная вода. Чистейшей и настолько же безжизненной. Она способна, конечно, утолить жажду тех, кто к ней тянется, но дать им что-либо иное и ценное, – нет. И если она настолько нужна бедному и убогому Хор-Арху, то что же, он обрёл то, что искал всегда. Тишину и прохладу, сияние для созерцания, любовь без ответа. Пустышку вместо подлинного млека.

– Ты ревнуешь его к Инэлии? Она вовсе не является пустышкой. Она добра и сострадательна к любой живой душе. И Гелия не была глупа. А ты был ревнивым и недобрым. Ущербным.

– Может, ты и права. Да что мне теперь Инэлия, предавшая меня. Что мне Гелия, не оценившая моей любви. Я при-

нёс своё приглашение тебе.

– Куда? В мир безумия?

– Не повторяй жестоких слов Тон-Ата. Я никогда не был безумным. Запутавшимся и заблудившимся, – да! Заброшенным и никому не нужным, кроме беспомощной малютки Икринки, – да! А теперь я приглашаю тебя в Созвездие, прозванное землянами «Раем». Тебе будет подарен мир, который ты сможешь раскрасить красками своего воображения, наделить образами своей мечты. Мир, полностью сотворённый из того, чем грезит всякая возвышенная душа. Такой мир даётся всякому доброму человеку после его испытаний в проявленной вселенной. И только представь, из какого материала строится посмертный мир злодея, из каких чёрных закопчённых обломков и бессвязных обрывков его деяний, невнятных мыслей и порочных чувствований. Представила, каков он, ад, и что есть рай? А ведь раем может стать даже малый глоток свежей воды для путника, тень под цветущим и раскидистым деревом для скитальца. Мы – живые и разумные существа в Мироздании – дети Всевышнего. Только думать об этом для многих очень уж хлопотно и отвлечённо.

Его рассказ только подтвердил те откровения Тон-Ата, что он и озвучил ей в том страшном древнем метро. Не такой уж он и фантаст, кем всегда считал Хагора Рудольф. И всё же, смысл его прихода в чём? Не ради же просто «поболтать по душам» он и явился, заточив себя ради этого в какой-то загадочный каменный объект, как делали джинны в древних

земных сказках?

– Почему же и не ради такой встречи? – Хагор уловил её не озвученные мысли и дал ответ. – Если я любил тебя в Паралее наравне с Гелией? Вы обе были моими прекрасными возлюбленными после Инэлии, отвергнувшей меня в такой страшный период моего существования, моей потерянности, в моём крошечном одиночестве, когда её любовь стала бы для меня спасением. Моя живая разумная душа не могла существовать без любви! А Инэлия, вырвав меня из моей безмятежной жизни на Родине, бросила в пучине бедствий чужого и враждебного мира! Я заболел там, я был несчастлив и никому не нужен, как грязный шелудивый котёнок в чужой подворотне... Я помню до сих пор твои шёлковые ладони, твой тёплый аромат... У Гелии, к сожалению, были всегда прохладные руки, безразличие ко всем без исключения, хотя красотой она тебе и превосходила...

– Пришёл зачем? – перебила его Нэя.

– За тобой, моя возлюбленная, моя незабываемая! Уже столько раз я озвучил тебе своё намерение. Только оказавшись вдали от тебя, понял я, что ты лучшая. И там, где увидишь ты моё истинное лицо, ты поймёшь, что и я достоин твоего ответного расположения... Помнишь, я показывал тебе свой Кристалл? Так вот, он вовсе не умер. Он ожил! Как вернулся я окончательно на Родину после длительного исцеления на одной из периферийных планет под живительным излучением Красной Звезды, он засиял прежней своей кра-

сотой и засияет вдвойне, как я приведу тебя под его своды. Мы будем уже сдвоенным существом. Приходи к Чёрным горам. Я буду ждать. Ты сможешь дойти туда в скафандре, а я встречу тебя. Вход в Созвездие «Рай» будет открыт только несколько земных дней, а там... Тебе решать. Твоя воля, твоё и действие.

– Безумцем был, безумцем и остался. Если ты вообще есть хоть где-то.

– Конечно, я только отражение, но отражение не может существовать без того реального объекта, что и даёт ему иллюзорное лишь по виду существование. Что тебя ожидает? Ну, вернёшься на Землю. Одна, но с кучей детей, которым ты полностью посвятишь себя, но у которых вскоре будет отдельная от тебя жизнь. А твоя собственная жизнь что же? Кто сможет полюбить тебя так, как люблю лишь я один? Моё внешнее уродство было преградой для того, чтобы ты мне ответила взаимностью, а в том совершенном мире ты будешь сражена моим совершенным обликом!

– Чего ж ты не поразил меня прямо сейчас? Своим совершенным обликом, – засмеялась она. Хагор взирал на неё во все не с обидой, а с обожанием.

– Инерция восприятия. Тут задействованы уже особенности твоих наличных структур. Ты так привыкла меня воспринимать, и явись я в настоящем виде, ты бы меня не узнала. Не поверила бы ни за что. Если бы к тебе в данную минуту вошёл неизвестный человек и, бросившись к тебе, сказал,

что он твой муж и явился с раскаянием и любовью, ты сказала бы ему, невзирая на его внешнее, но чуждое для тебя, совершенство, иди ты прочь!

– Иди ты прочь!

И тут Хагор внезапно прикоснулся своим, зловеще мерцающим будто бы радиоактивным сиянием, Кристаллом к её животу.

– Теперь уже ничто и никто не связывает тебя с этим захватчиком чужого! Я избавил тебя от самой возможности физической боли. Чтобы ни случилось, тебе не будет больно...

И будто раскалённая игла коснулась её тугого, как барабан, живота... и что-то, вроде камушка, ухнуло тяжестью вглубь. Она ахнула и, ощущая этот миг как прелюдию собственного умирания, села на постель...

Помощи просить не у кого...

Но ничего ужасного не произошло. И боли она не почувствовала, кроме мимолётного укола и последующего внутреннего как бы онемения.

– Мама! Кто это? С кем ты разговариваешь? – закричала старшая дочь Альбина, незаметно войдя в помещение.

В ту же секунду Хагор померк, также быстро, как и местное светило, называемое землянами «Регина». Няя поспе-

шила закрыть панорамное окно привычной голографией, лишь бы избавить утомлённое зрение от вида наступившей ночи, захватившей всё зримое пространство снаружи, но укрыть устрашённую душу ей было нечем. Привычный обман вернул привычное самоощущение, сознание отвергало только что услышанное и увиденное. Она не желала, не имела сил и думать уже о том разладе, что намечался у них в семье. Она подошла к Альбине и обняла её, – Нет никого.

– Кто-то стоял... там, – девочка со страхом смотрела на то самое место, где и стоял только что Хагор. – дядя... старый, чёрный.

– Тебе показалось. Это была тень от необычного светового явления из-за мощного электромагнитного выброса Регины. Смотри, вспыхнуло и пропало! А я всего лишь разговаривала по связи с Викой, и она указала на свой браслет, незаметно для дочери активировав вызов Вики.

– Нэя, ты ужинать идёшь? – спросила Вика.

– Я не могу прийти, а вот Альбина придёт. Пусть Нелли упакует мою порцию и передаст её Альбине. Я дома поужинаю.

– Ты не ужинала, мама?

– Ты же слышала. Иди, принеси мне то, что Нелли и передаст.

– Но ведь уже поздно...

– Ты же не хочешь спать, если играла так поздно с подружками? А я есть хочу, только в кафе мне не хочется, устала.

Иди!

– Тогда я и себе выберу что-нибудь повкуснее.

– Как захочешь.

Девочка послушно вышла. Нэя пошла в детскую. К младшим детям.

Близнецы спали, убаюканные не в меру взрослой Альбиной, а Андрей осваивал новую игру, тихо бубнил что-то и раздражался, не понимая её, водя пальчиком по маленькому плоскому экрану, лежащему на столике.

«Бедные мои дети»! – так мысленно воскликнула Нэя, впервые применив к ним это определение, – «бедные мои затворники, звёздные изгой! С чего началось мытарство моей бабки, той, кого я никогда не знала, тем и заканчивается участь её внучки, моя, а именно, тусклое существование под чужими звёздами, под лютым враждебным светилом, под обесцвеченными давящими небесами, в личном одиночестве, в отрыве от родной поверхности. Зачем, для чего я покинула Паралею, уж коли родилась там? Чего я искала и что обрела за годы блужданий? Каков итог моих странствий? Да. Дети. Мои дети», – утешила она себя.

Подошла и поцеловала в нежную щёку сына, прижалась губами и носом в светлые вихры, пахнувшие отчего-то сыро-ежками, теми грибами, которые они собирали с Еленой на Земле. Андрей не любил мыть голову, и Нэя тянула до последнего это взаимное мучительство. Он орал от нежелания закрывать глаза, а она злилась на его капризность. Он буд-

то боялся, что, закрыв их, ослепнет навсегда, такая была у него фобия, и спать он не любил, до последнего тараша глаза в ночник – сферу, бывшую и их межкомнатной связью. И только Рудольфа он боялся, сразу притворялся спящим, но, когда тот выходил, глаза снова были бодрые и открыты. Зато спал он до обеда. Самый разболтанный её, в смысле режима, ребёнок. Она ему рассказывала перед сном много сказок, историй. И вот уже Альбина засыпала под её бормотание, и даже сама она клевала носом, не всегда понимая, что плетёт, а он всё бодрствовал и бодрствовал, пока не входил Рудольф и не нажимал ему особую точку на спине, после чего он и засыпал мгновенно. Рудольф тоже хотел спать, а без Нэи засыпать не любил. Да когда это было? После рождения близнецов эта его привычка сошла незаметно на нет.

Он всё чаще и чаще оставался спать у себя. Говорил, что ему мало надо времени для сна, а думается лучше всего по ночам. И это стало происходить уже до появления Ксении-Клариссы на спутнике. И намеки Ксении на Нелли сместили Нэю. Нелли однажды сама рассказала, как мечтала в юности о единственной и чистой любви на всю жизнь, которой ей не было дано, а появившийся в облике Рамона просвет в хмурой облачности её жизни быстро был затянут прежней беспросветностью. И детей она не хотела. Считала, что не нужны они ей, нечего ей передать им в наследство. Ни талантов у неё, ни ума, ни радости от своего существования, а только вялая лень и покорность любым увлекающим

её течению. И вечно они несут её, не понять в какую сторону, в солнечную мягкую бархатистость песков, где можно отлежаться, или на очередную беспощадную скалу, готовую ударом без жалости отшвырнуть её в мутную пену. Нелли была безмерно уставшим человеком. Быть соперницей она не могла, имея склонную к апатии, поникшую душу. Но детей тех обитателей, кто жили в городе под куполом, Нелли любила, готовя им невероятные пирожные, целые кулинарные города и башни из песочного теста, чтобы их радовать, а также песочных человечков и зверьков, разыгрывая целые спектакли во время их пиршеств. Дети, понятно, отвечали ей взаимностью.

А вот Кларисса не обращала на детей ни малейшего внимания, даже избегала их, как будто ей было невыносимо сознание того, что у кого-то существуют они, дети. Смотрела на них, как на некое недоразумение, и даже затеяла разговор однажды в кафе с одним из мужчин, что рожать тут детей это расхлябанность на грани преступления, обрекающая детей на такой чудовищный риск и эксперимент по выживанию в неземной среде. Неужели нельзя предохраняться? Спрашивала она аудиторию, прислушавшуюся к её громкой речи, а явно не того одиночку, с кем вела разговор, уж если в ваших телах кипят такие гейзеры страстей, и вы не желаете элементарно усмирять свою животную природу? Женщины отвечали ей кипящей, но молчаливой ненавистью, мужчины прохладной и тоже молчаливой усмешкой. И после этого, когда

произошло её явление народу с оттопыренной, легкомысленно-подростковой и короткой кофточкой на пузе, все дружно, не сговариваясь, заулыбались. Мужчины весело и насмешливо, женщины – язвительно и с презрением. К «расхлябанной», по её же определению, шлюшке, не сумевшей притормозить выброс своего потайного гейзера навстречу тому, кто и впихнул ей то содержимое, которое теперь уж и не скрыть. А ведь как обличала! Как выступала против детей, обличительница чужой несдержанности! Никто из женщин не порадовался за Клариссу, под каковым именем она тут себя преподнесла им, а мужчины отнеслись с добродушной снисходительной поддержкой к той, которая назвалась в их среде Ксенией. Что им было и за дело до их с Ксеном судьбоносного решения заиметь ребенка в опасном и непредсказуемом мире, не они первые, не они и последние. Да и где человеку не опасно, где предсказуемо живётся? Мало ли и на Земле несчастий и трагедий?

Разговор по душам, преисполненный ненависти

Никогда Нэя не поступала так прежде, никогда не входила она в его рабочий отсек по ночам. Без приглашения и днём не приходила, а тут? Нешуточный страх возможного безумия толкал её к нему на исповедь, чего не было уже давно. И она опять не удивилась тому, что увидела, как не удивилась

у Вики в мед. отсеке распахнувшим себя тайнам.

В боковом помещении, за рабочим отсеком, созданным для отдыха, слышались голоса. Нэя нажала панель, она не была заблокирована, никто её не ожидал, да и никого тоже, и увидела то, что и было ожидаемо. В этой обители отдохновения «космического воителя» на узкой довольно постели для отшельника-одиночки сидела Кларисса, она же Ксения, а сам «воитель» валялся рядом с выражением довольно-го кота, обнимающего свою брюхатую кошку с надутыми полушариями груди, сливочно-белыми, с торчащими нахально и победно в сторону Нэи сосками, пигментированными её беременностью. Живот ничуть не мешал их любви, так это было, по-видимому, и Ксения не стыдилась своей пузатости, считая себя прекрасной всегда, в любом положении, сидя до бёдер голенькая и гладенькая, как речная белейшая галька. Стройная юная нога так же победно попирала грудь чужого мужа, будто она, как и положено победителю, припечатала своей стопой того, кого повергла ниц.

Они оба воззрились в сторону внезапно открывшейся панели. Кошка спокойно и безмятежно, как и обычно, а кот ничего не успев толком понять. Нэя улыбнулась им буднично, как будто она вошла в столовый отсек, припозднившись, а все уже доедали свою, созданную в пищевых лабораториях сметанку. Кошка нервно лизнула узким языком пересохшие губы. Это был единственный знак её смятения. Улыбка же Нэи полностью оправдывала её прозвище, часто даваемое ей

Рудольфом: «Дурёха»!

Жену он «тревожить не хочет», а эту продолжает любить и с арбузом. Или уж она ему настолько в новизну, что пузо там не пузо, ему всё равно. Временный изъян, а вернее, неэстетичное дополнение к фигуре соперницы не могло отменить факта неудержимого влечения к ней этого «эстета».

Нэя поражалась своему отстранённому спокойствию, едва ли не безразличию.

«Может, Хагор прав, и я тоже остыла»? – так спросила она себя, ожидая, когда же из глубокой скважины души прибудет её страдание обманутой жены. Но ничего не прибывало. Было пусто и тихо. Или это Кристалл на её руке всё ещё нёс в себе отголоски слов Хагора, всё ещё глубинно мерцал, чем и давал ей спокойствие, укрывал незримой сферой от человеческих переживаний, как имело это место у безутешного Антона при его встречах с потусторонней Икринкой? Подавлял колебания её ошарашенной души?

Нэя вспомнила браслет матери – змею, который подложила в его ботинок на пляже, где он купался с Нелли перед отлётом на спутник. А тот, который он сломал в хрустальной пирамиде, был второй. Тогда она не знала, что браслеты разные, а сейчас поняла спустя столько лет.

«И чем тебя обогатило такое вот знание»? – спросила она у себя самой. Да ничем, кроме того, что мысли вертелись вокруг прошлого и отвлекали от всей этой настоящей мути непотребной. Почему так произошло, что мама попала на

базу землян именно в руки Рудольфа? Тут прослеживался очевидный сюжетный ход игрока, скрытого за декорацией по имени жизнь. По этому же самому замыслу и Хагор явился, как тот самый джинн, но не из лампы, а из какого-то камня – космического скитальца, именно сейчас, когда ей так захотелось сбежать от неисправимого мужа. Но куда можно было сбежать здесь? За декорацию, изображающую жизнь, невозможно выскочить. А Хагор сказал, можно! И протянул руку. Наверное, страшную, но это был жест любви...

И её вдруг накрыл яркий свет жаркого утра, когда Руд стоял перед нею, прижав её к лаковому мощному дереву в лесопарке на Паралее и демонстрировал свою готовность к безудержной любви... Такого уже не будет никогда. С его стороны. А со стороны Хагора такое и невозможно. Хагор предлагал любовь ангельскую и сияющую, понять суть её теплокровному человеку не дано. И как ни разверни ситуацию, настал тот самый момент, когда пришло понимание всего того метафизического ужаса без всякой уже надежды, что накрывает человека разлюбленного бесповоротно или же никем нелюбимого, что приблизительно равноценно, какой и наполнял физическую жизнь изгнанника Хагора. Вот тогда-то Хагор к ней и прилепился, узрел её будущность, а теперь и поспешил со своими дарами, никому в целой вселенной не нужными. Его фантастический Кристалл нестерпимо сиял и столь же нестерпимо обжигал ледяной стужей вечного одиночества, уж коли жил он в мире нетленного совершенства.

Рос как всякое живое существо и готовился к почкованию, требуя напитать живой эманацией вызревающую почку будущего Кристалла. Такой пищей должен стать её будущий ребёнок, а она сама обогревом для замерзающего Хагора. Это не было в буквальном смысле пожирание или сожжение её лично как поленницы дров, а вид симбиоза, осмысленного единения, перетекающего в разумное единство некоего качественно уже иного существа. Мерзко, потому что страшно. Страшно, потому что непонятно. Мерзкие страшные существа, Тон-Ат, Хагор, без приглашения влезли в жизнь её земной бабушки, потом матери, не оставив в покое и её. Рудольф так и не стал от них защитой. Он и не умел, даже если и хотел, сам попав в ту же самую ловушку. Но если подумать, то жизнь тоже ловушка, выход из которой только один. За ней пришли, и за ним придут. Неизвестно лишь когда и при каких обстоятельствах. Человек может пытаться управлять своей жизнью, но он не может изменить те обстоятельства, которые ей предшествовали и сделали её именно такой, а не другой. Как и говорил ей Тон-Ат, что последствия иного действия могут быть растянуты на несколько поколений вперёд.

Она не думала в этот миг о детях и даже не осознала своего материнского предательства, повторного забвения родных детей. На ней стояла стопа блудницы, и это она была опять повергнута ниц. Вместо отчаяния накрыла усталость, тяжкая как старость, как та, что угнетала Нелли после гибели

ли Рамона, вынужденную носить её в молодом теле, не давая ей выдохнуть открыто свой внутренний немощный протест и обнародовать свою душевную изношенность. Она не имела на это права, поскольку рабочий контракт, добровольное принятие на себя обязательств, время отбытия на отдых с последующим вознаграждением пока что не пришло. Физика тела в норме, душа адекватна происходящему вокруг. Другим не легче, никто же не ноет. Нэя тоже скрывала свою изношенность, чем и была ей близка Нелли, в этом смысле родственная душа под высасывающими вампирскими небесами в мире, не предназначенном для человека.

– Как прежде увлекательно было жить, а теперь-то такое занудство, что хочется закрыть эту книгу и отбросить её прочь, задвинув ногой под диван! – сказала она и засмеялась, видя его ошарашенное лицо, видя растрёпанные волосы беременной женщины, видя, что они ничего не поняли из сказанного.

– Мне тоже что-то не хочется читать вот уже несколько, даже не лет, а десятилетий, – ответила Ксения.

– Выходит, ты с рождения не любишь читать? – спросила Нэя.

– Смотря с какого рождения вести отсчёт времени. У меня же было два рождения, – ответила она, осознав, что голая, поспешно закрывая грудь его рубашкой.

– В подмосковном лесу ты была намного красивее, – сказала Нэя. – Потому что естественная и милая. Хотя и

несчастливая. А теперь ты мерзкая какая-то. И счастливой ты ничуть не кажешься, и наверное, не будешь ею никогда.

– Ты провидица что ли? – спросила Ксения. Рудольф молчал и, вроде как, уподобился немому персонажу на сцене, от которого слов никто и не ожидает. Есть такие персонажи, – шевелятся, что-то даже переставляют, зажигают свечи или их гасят, гремят театральным реквизитом. Могут быть, а могут и отсутствовать. О нём вдруг забыли обе женщины.

– Да, – ответила Нэя. – Я прошла в юности выучку у такого мага-пришельца, который обездвижил бы тебя одним лишь взглядом, или перетащил туда, где тебе и место.

– А где моё место? – спросила Ксения беззлобно.

– Под диваном, – ответила Нэя.

– В каком смысле? – спросила Ксения.

– В том смысле, что не всегда надо вещь из старого хлама вытаскивать на белый свет для любования. Хлам на то и хлам, что в нём могут обитать сорные формы жизни вроде блох, микробов и личинок паразитов, – ответила Нэя.

– Ты философ, – сказала Ксения.

– А ты форменный паразит, питающийся потребностью иных мужчин к вечному обновлению одного и того же, если по сути. Вчера было в новинку, сегодня уже так себе, а завтра будет уже невкусно. Когда-нибудь ты согласишься со мной.

– Никогда я с тобой не соглашусь, – сказала Ксения, включая зелёные фары в глазах. – Будь ты в самом деле провидица, сидела бы в своей Паралее, как тебя уж наверняка

убеждал твой маг. Он обязан был предвидеть, что ты, а не я, присваиваешь себе чужую долю. Мою! Была уже одна такая, хваткая, и где она теперь? Я обездоленная, но никогда за чужое ни разу не ухватилась! Моя прежняя судьба искусила мою душу, как волчица немилосердная, а теперь мне другую судьбу подарили! Мне его дед, самый главный человек во всей ГРОЗ, подарил реализацию фантастического чуда – моё новое юное тело. Теперь ты знаешь, какой я была в прошлом, когда он желал меня безумно, и опять я такой же стала! А он, пусть перегруженный прежней жизнью, пусть уставший и далеко уж не тот сексуальный террорист, кем он был для меня, он мой! Я одна любила и люблю его при всей его неоднозначности. Любила юного, страстного, неверного, любила отсутствующего, когда его изгнали с Земли. Жила с ним и в разлуке, ложилась с ним спать в своих мыслях, люблю и теперешнего! И буду любить в будущем до конца уже!

– Заткнись, дура полоумная! – заорал он на Ксению, – а твой конец наступит уже сейчас! Никакого будущего у меня с тобой быть не может!

– Тон-Ат предвидел, – согласилась Нэя, – и он предупредил обо всём.

– О ком ты? – спросила Ксения, – кем он был? Мужем твоим?

– Нет. Не мужем, не отцом. Хотя и считал иначе...

– Нэя, – наконец встрял Рудольф, отнимая у Ксении рубашку и напяливая её наизнанку. – Ты можешь всё происхо-

дядшее понять неправильно. У меня одна жена, это ты.

– Конечно, я так и подумала. Я жена правильная, а она жена неправильная, – ответила Нэя. – Ребёнок тоже будет считаться неправильным?

– Это твои дети – гибриды с невероятным числом мутаций, а мой...

– Молчать, я же сказал! – повторно заорал он на Ксению и закрыл тою же самой рубашкой её рот. Она что-то замычала.

– Прочь, скорее прочь! – прошептала Нэя, и гнев, казалось, естественный в такой ситуации, вдруг стал её смирением, её пониманием, что Рудольф не виноват в том, что он земной человек, уже давно заменивший свою прежнюю любовь к ней своей привычкой. И любя своих детей, просто жалел её, мать этих детей. А горячую Ксюшу он, может, и не жалел, но страстно желал, как когда-то только её одну, Нэю – «искусницу». Продукт, взбитый в миксере такой вот страсти, что называется, подан на блюде очевидности.

Тяжкое осознание собственного предательства

Едва Нэя ушла, Рудольф бросил в Ксению её одежду.

– Одевайся, идиотка! Чего ты выставилась?

Только в чём же она была виновата перед ним? Она насмешливо вытянула губки трубочкой, издевательски имитируя поцелуй на расстоянии.

– Самое забавное в этой ситуации, что мы обе брюхоногие идиотки, и она, и я, – Ксения засмеялась своей удачной, по её мнению, шутке.

– Эх ты, многодетный папочка! Хорошо ещё, что она не вцепилась мне в лицо, как Лорка тогда, и не оставила свой автограф, вот была бы потеха нашим блюстительницам из женского курятника. Мне опять пришлось бы от их гнева сидеть взаперти и обедать наедине с огурцами и кабачками на грядках. Чего взволновался, пятнами весь пошёл, да куда она от тебя денется со своим выводком? Старость опять же на носу. Сорок лет ей, а без всякого вмешательства извне, тут на спутнике, при неблагоприятном радиационном фоне, она быстро станет накапливать продукты скоротечного старения в себе, и процесс явления из радужной бабочки сморчковой куколки, бр-бр, несколько наоборот, чем бывает в природе, не заставит себя ждать. Во что тут превратилась эта секс-бомба Нелли? А? А она моложе Нэи. А я? Как выгляжу! А ведь я их всех тут старше! Всех этих семейных квочек и горластых задир – ваших спальных десантниц.

Ксения, довольная на вид, погладила свои полушария, но делала она это ему назло, довольной она вовсе не была. Она привалилась к нему, уперев свой живот в его бок. Поелозила стриженными коротко ноготками по его животу, лаская грудь, теребя золотистые заросли на этой груди, забыв уже о Нэе и зная только свою любовь к нему, ставя её выше всего прочего. Не найдя отклика своей ласке, она села рядом, за-

крыв живот, но оставив открытой грудь.

– Я так люблю себя, – сказала она, – эта любовь к себе пришла ко мне недавно, и её не было у меня в прошлом. Я люблю себя, как свою собственную дочь, которая родилась после меня, а сама я, та, что была, осталась в том гробу, где меня воскрешали. Теперь я лучше понимаю Ритку с её самолюбованием и нежностью к себе, любимой. В натуральной молодости мы не умеем себя ценить, вот в чём дело, отдаём себя бездумно, не ценя, разным проходимцам. Конечно, есть такие редкие разумницы, которые ценят себя с того момента как сидят на младенческих горшках, но это был не мой случай. И ведь как гениально всё рассчитала наша подлинная Кларисса – Рита, она знала, ты не устоишь! Ты любишь меня сильнее, чем в юности, как бы ты себя не обманывал своими внешними рассуждениями, как бы ни обижал меня. Ты тоже научился ценить то, чему не знал цены в молодости. А она, увы, твоя Нэя, она в тени той стороны горы, куда падает закатная тень...

– Замолчи, ты... кукла огородная!

– Я не обижаюсь. Послушала бы твоя жёнушка наши интимные откровения, она бы онемела от шока. Свою низость от неё прячешь, а со мной всё можно. Какие словечки мы знаем, а она нет. Не научил её за столь долгое проживание тому, чему обучал когда-то меня? Нет, конечно. Ей только наше уважение, только наш солнечный лик, а тёмную сторону кому тут отдавал без меня? Нельке этой? То-то я смотрю, –

видок у неё зажёванный весь! Уж Рамон точно её до этого довести не сумел бы. Рамон был романтик, мальчик-одуванчик, лёгкая душа. И отлетел легко. Всем же прочим душа Нельки без надобности, а основная работа у неё в столовом секторе – не бей лежачего, так что она свои похождения использовала как необходимую физическую нагрузку. Правда, ей от разболтанных роботов порой доставалось. Они били её то водой, то током, именно что лежачую.

Тут Ксения весело рассмеялась, вспомнив откровения кулинара и властителя над ревнивыми кухонными роботами. Не иначе они считали её своей собственностью, раз периодически окатывали её водой, словно бы устраивая ей очищение после её ночных увеселений. Любопытно было, что сбой её робототехники всегда совпадал с её очередным романом, как сама она и говорила об этом. Человек Лёня Губанов по кличке Гоблин, настраивающий и ремонтирующий бытовую робототехнику, так и считал, что роботы мстят своей хозяйке – поварихе за то, что она перестаёт воспринимать их за единственно близких себе существ, к чему они уже привыкли. Увлечётся Нелли кем-то по случаю, а уж излучения её рук меняются, тончайшая настройка у человека уже не та, вот роботы и улавливают это, мстят за измену. Да ведь никто и не доказал, что невозможен интеллект на ином вещественном носителе, нежели белковые структуры. Даже искусственно созданный, он всё-таки интеллект, подобный человеческому, а во многом и превосходящий своего созда-

теля.

– Что и за вишенки без твёрдой косточки, – Ксения повторила слова Гоблина, намекающего на беззаботную и сладкую жизнь Нелли, каковой её считал. Жизнь – сладкое суфле, торты и карамель. Не любя сладкое, Гоблин презирал заносчивую блондинку, однажды и навсегда отказавшую ему в утешении. Слишком много было вокруг симпатичных и ласковых говорунов в отличие от угрюмого молчуна, мало сказать некрасивого, а почти уroda Лёни Губанова, пусть и виртуозного техника – ремонтника.

– А ты не можешь иначе, всегда прессуешь душу любого, кто рядом с тобой. Вот и карамельку Нельку всю изжевал, как осталась она без Рамона – защитника.

– Тоже защитник нашёлся! Нужна она мне была, как вчерашняя хлебная корка. Я и в упор её не видел, когда встречал. Она на спутник напросилась не ради Рамона, а ради собственного будущего устройства по более высоким стандартам. Вот и вся правда её с Рамоном романа. Да и был Рамон настолько другой и более высокой формации человек, чем эта – именно что завалившаяся корка от хлебов прошлых столетий. Корыстная насквозь и несъедобная, если уж честно.

– Да ведь грыз ты и эту, вовсе и не чёрствую, а мягонькую слобную корочку, уж сознайся! А как меня увидел, так и устыдился собственной животной всеядности. Нэя же давно утратила своё горячее излучение, остыла она, устала безмер-

но. Но я до чего и ловко отводила глаза всем этим ревнивым до чужого счастья особам, – они думали, что я принадлежу кому угодно, но только не тебе. В этом я удалась в папу – конспиролога, он это умел, напустить туман вокруг, когда надо было. Всю жизнь он позволял себе всё, а кто знал? Человек непостижимой чистоты, чести и мудрости. И только я знала, что он запутанный и даже не двойственный, а тройственный, что он многое позволял себе такого, чего не допускал для других, был мстителен, деспотичен. Как жесток он был ко мне, к тебе, а сам сочетался священными узами брака с Ритой едва ли не на другой день после смерти мамы. И вот видишь, передал эту эстафету тебе, Ритку, в смысле. А ты всю жизнь ему подражал, даже башку брешь под него, даже интонации его воспроизводишь, сам этого не понимая...

– Я не собираюсь сочетаться ни с какой Риткой. У меня есть семья.

– Семья? Это не та, что сюда заглянула на огонёк? И кого воспитывает на Земле Елена, мать Антуана? Не твоих ли двух дочерей? Они твоя семья? В этом ты пока что не превзошёл своего учителя, у него детей было уж очень много. А дочь единственная – я. И знаешь ли ты, что Рита умышленно познакомила нас с тобой, чтобы досадить отцу, зная, что он помешен был на телегонии, а ты обязательно меня развратишь. Тот пытался научно доказать её всю свою жизнь, верил, что информационные и биологические носители женщины засоряются случайными и ненужными ей партнерами,

а первый мужчина необратимо меняет её существо во всех смыслах, и его информацию уже не удалить из той, которую он распечатывает впервые, уж прости мне этот сомнительный термин. Ставит, так сказать печать на мягкий воск, а тот застывает и несёт в себе эту печать навеки. И дети от других будут рождаться с признаками первого мужчины у женщины, даже если дети эти будут от других. А тебя он ненавидел, как своего соперника, к тому же! Молодого своего заместителя для Риты, когда он был вынужден доказывать всем, какой он образцовый семьянин. Ревновал люто, но понимал, что это неразумно. Напоказ любил тебя, выделял, старался встать над низкой подкладкой жизни, старался быть высоким образцом для своих подчинённых, пока не узнал обо мне. Как? Его златовласое чудо – единственный плод на его больном, в общем-то, родовом стволе, попал в лапы тому, кого он мечтал убить в самых сладких своих мечтаниях! Но положение не позволяло. Стерильная карьера, вершина ослепительной его жизни, как же он мог тебя убить? И он подсунил тебе ловушку Трола. И любовница, и дочка оказались от тебя отрезаны, как он думал, навсегда. А ты часто вспоминал обо мне?

– Никогда.

– Почему?

– Потому что. Забыл.

– Врёшь!

– Зачем?

– Ты хочешь сказать, что не любил меня?

– Нет, конечно. Я разделял правоту теорий твоего отца, но его лично я презирал, и никогда, ты слышишь, никогда я не подражал ему, ни в чём! Едва только исцелился от своего очарования им.

– Ты же говорил, что ненавидел.

– И презирал. Потому что это не он, а я трахал его любовницу и его единственную дочь в его собственном доме. А он что мог сделать мне?

– Он? Да он угробил твою жизнь! Нашу! Он сделал тебя преступником, заточив на Троле! Рита говорила мне, что там ты нашёл себе моё подобие, это ещё до Нэи, и глумился над нею, избивал, ревновал, пока она не погибла там, случайно попав в эпицентр взрыва звездолёта. Это её дочь живёт на Земле?

– Нет.

– А ну да. У тебя же там был гарем из местных жён. Там всё было можно.

– Я жил там примерно так, как монах. Нэя стала моей второй женой после Лоры. А Гелию я женой никогда не считал, как и тебя.

– Что же, бывает такое в жизни, как любишь ты выражаться. Жил как монах, а детей повсюду много. А кстати, твой бывший подчинённый обхаживает одну из твоих дочерей. Какую именно не скажу, поскольку по именам их не знаю.

– Кто обхаживает?

– Ага! Тебе Рита ничего не докладывает! Олег Пермяк. Так кажется его фамилия. Друг Антуана Соболева. Помнишь такого? Ведь второй муж твоей жёнушки удочерил твоих дочерей ещё тогда, когда ты умотал на спутник Гелия. Не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал. Вот и мой Ксенофан будет папой нашего малыша.

– Чему радуешься? И над кем издеваешься? Олег был отличным парнем, хотя и недоразвитым во многом в силу юности. Не думаю, что стал хуже, уверен, что он сумел развить себя, поскольку задатки в нём были немалые. И не удивительно, что он полюбил её, она и в детстве была необыкновенной.

– Вся в тебя? – Ксения скалила свои зубы, зля его, дразня. – Разве могут твои драгоценные биоматериалы, которые ты даришь на изготовление будущих детей, быть обыкновенными? И неважно, что воспитывает их кто-то другой.

– Нашла себе сень у своего Ксена и радуйся! Кому бы ты и была нужна, кто бы тебя выдержал, если бы не этот румяный, полезный для здоровья нектарин. Где твой папа его выкопал? На какой грядке? Или это уже была твоя самодеятельность?

– Неважно это. Нектарины на деревьях растут, а не на грядках, это к сведению. Спасибо, что не хреном облезлым обозвал, я бы не удивилась. Уж сколько оскорблений я и наслушалась за свою жизнь. Ты вот почему на мне не женился тогда? Лорку пожалел?

– Я ценил её.

– Врёшь! Чего там было ценить! Ты меня любил! Ты мне назло...

– Никто тебя не любил и не любит, кроме твоего Ксена. Так что держись за его хвостик и не отпускай.

– Гад ты, не знаю только, ползучий или летучий. Скорее последний. Ты не испугался своей жены?

– Нет. Она простит. Она всегда прощает. Ей же некуда отсюда бежать.

– Для этого ты и утопил её в счастье беспросветного материнства. Куда она денется с таким-то выводком? Но ты гад! – Ксения смеялась ему в лицо, напрашиваясь на удар, зная, что он не посмеет её тронуть.

– Не разродись тут от своих сотрясений, – грубо одёрнул её Рудольф и встал, чтобы одеться и уйти домой. К Нэе.

– Скажи ей, что повинную голову меч не сечёт, – посоветовала Ксения, не думая уходить от него и удобно устраиваясь на его месте. – Как хорошо, что места стало больше. Я хоть выплусь, как следует. – И повернулась к нему спиной. – Беги, беги, утешай. Скажи, что мне её место без надобности, пусть перетерпит, у меня свой муж имеется. Ты для меня только донор генетического материала для моего ребёнка. Главный чертежник, так сказать, архитектор его будущей Вселенной, как говорили твои любимые исторические масоны, кажется. Ваш циркуль, мой строительный раствор, и кирпичи мои, а строить будет Ксен. И только Ксен. А ведь я говорила, не надо сегодня, я чувствовала, – Ксения бормо-

тала себе под нос, и вряд ли он её слышал.

Ушёл он быстро, оставив включенной голубую сферу. В её мягком сиянии Ксения осталась одна. Она удивлялась своему спокойствию. Спать ей совсем не хотелось. Она потрогала тугий живот, беспокоясь скрытой, но уже чрезмерно подвижной жизни своего ребёнка, растревожила она его, что ли, весьма резвыми для её срока играми с папочкой. Кожа и мышцы всё ещё хранили остаточные ощущения его ласки, они были важнее его грубых по форме слов застигнутого на месте преступления мужа. Пусть теперь оправдывается, ему полезно получить по загривку, да не из таких эта Нэя, такая и слова дерзкого не скажет, самое большее зальётся втихомолку слезами.

– Ну, что ты? – обратилась она к ребёнку в своём животе, – чего и ты ещё расшумелся? Растревожила тебя неутомная мамка? Пора всё же уняться. Но я не виновата, сынок, он всё хочет и хочет, потому что он любит меня, сынок, меня одну. И тебя любит. А его слова, считаешь, они обидные? Да, слова обидные, но это от беспомощности. Ничего, пусть объясняется со своей святой половиной, со своей ангельской и безупречной курочкой-наседкой. Нам с тобой что?

И будто уговорённый ею ребёнок притих, или тоже устал резвиться и бить её изнутри, да так, что живот порой ходил ходуном.

– Не сердись, я больше не буду баловаться. И ему не позволю.

Безумное решение Нэи

Дома её с опозданием охватил лютый стыд. Как будто это она сидела полуголой перед посторонней женщиной, а та её изучала ненавистным взглядом. В тот самый момент, когда Ксения успокаивала свой живот, точно так же трогала свой живот и Нэя. Считается, что у обманутой жены болит в душе, а у Нэи болело тут, в прежде счастливейшем месте, которое она мнила магнитной неодолимой ловушкой для него. И отринутая она вся сжалась от стыда за своё бессилие, стала сама себе противна, нестерпимо, да куда было деваться? Стонало где-то в глубине, втихомолку как бы поскуливало, и Нэя старалась не пускать эту физическую сейчас муку в душевную плоскость. Не надо, чтобы и душа заболела, пусть на душе будет тихо-тихо.

Нэя вспомнила философию Ифисы, своей подруги на Паралее. Ифиса всегда умела быстренько находить своей магнитной ловушке нового утешителя, убеждаясь, что её манящие свойства целехонькие и ласковые по-прежнему.

«А если душа заболит»? – спрашивала она и отвечала сама же, – «Это может перейти в хроническую форму, а за выболевшей душой может потянуться расстройство всего остального». Ифиса учила её противостоять ударам, обидам, закрывать от них душу. Но как это? Нэя всё пропускала че-

рез душу, и теперь нагруженная низкой болью душа опустилась, слившись с лоном, и стонала там, заставляя вздрагивать не родившегося ребёнка. Как было уберечь его от человеческой несправедности, ещё ничего не знающего о том, что это такое – мир человека. Ах, Ифиса, где ты, утешительница и почти мать? Корыстная в мелочах, но бескорыстная в своей преданности и неподдельной любви.

Она заметалась в своей обустроенной пирамидке. Как и заключённая в ней душа. Дети, роды, кормления, уход за ними, страхи, – она заматерела в течение этих лет, стала уплотнившейся материей, утратив прежнюю воздушность. Давно отпали от неё былые крылышки, как он говорил, феи-бабочки. Она превратилась в тяжёлую, почти подземную в своей ограниченности, питающую соком своих детей какую-то пчелиную матку, вечно спрятанную в своей скучной, но необходимой материнской деятельности. Он уже давно любовался только детьми, а уж никак не ею. Почему ей не приходила в голову простая мысль, что эта потребность в любовании женщиной, никогда его не покидала, и ему хочется изысканной любовной игры ничуть не меньше, чем раньше. Она же, став многолетней матерью уже стыдилась играть в прежние игры, творить им совместно захватывающие друг друга милые непотребства, когда за стеной плакали или визжали дети, пусть и тихо сопели во сне, но она помнила о них ежесекундно, и отчего-то считала, что время неистовства страсти ушло. Что это не сочетается – мать и раскован-

ная любовница. Закрылись источники прежнего изобретательства, пересохли как-то от бессонных ночей и безоглядной, всё захватившей мысли о благе детей. Она превратилась в бесполоую рабочую пчёлку, жужжа с соседками и снуя беспрестанно в своих хлопотах. Прошлое было райским цветением, а сейчас время выращивания появившихся розовощёких плодов, а их четверо. Нэя вкладывала в эту любовь то нерастраченное чувство, пополам с виной, которое не отдала своим оставленным на Земле девочкам.

«Это мне кара за них», – решила она.

Он пришёл спустя некоторое время и лёг рядом, не раздеваясь, на спину, глядя в конус пирамиды. Верхняя её часть в виде усечённого объёмного треугольника был черна, пропуская через себя ночную космическую тьму потустороннего для человека мира. Нэя развернулась к нему, сама себя не понимая, прижалась к нему. Увеличенные живот и грудь мешали её вспыхнувшей вдруг нежности, и в этом своём всепрощении она, страдая, видела некое извращение своей натуры. Но он и не подумал перед ней оправдываться.

– Мы с ней сегодня только разговаривали. Она хотела ребёнка, и совместное будущее нам не нужно обоим. Она только хотела, чтобы я прикоснулся к животу, чтобы уловить движения мальчика. Вот и всё. Отношения закончены. Это правда, Нэя.

Конечно, сейчас она не была ему желанна, но она знала, что даже если бы она и не была на сносях, он вёл бы себя

точно так же. Он утратил к ней былое влечение, и последняя беременность была следствием их очень редких уже сближений. Он голубил её как близкого родного и зависимого человека, но давно не желал, как свою возлюбленную. Всё просто закончилось. И произошло это резко, а не постепенно, из-за Ксюши, но и без Ксении он её разлюбил.

Девять лет близкого каждодневного обитания в тесном мире колонии среди, по сути, каторжной работы, не могли не повлиять, не сожрать почти без остатка их страсть. Через год им возвращаться на Землю, но захочет ли он остаться там с ней? А она этого хочет? Он повернулся к ней лицом, провёл рукой по её животу, полностью отсутствуя для неё в своём глубинном погружении. Рядом с нею лежала лишь его тоска и его усталость. И вместо того, чтобы избить его градом упрёков, залить плачем подло обманутой жены, Нэя спросила:

– Ты устал? От меня?

– От всего, – ответил он, – и меньше всего от тебя.

– Это впервые у тебя, если здесь? Ну... измена...

– Ты считаешь это изменой? Я не оставлю тебя никогда, никому. Это то, что должно лежать за порогом твоей реальности. Тебе вообще не надо волноваться по поводу того, что я уйду. Да и куда я уйду?

– Почему такая вот беда для посторонних людей выглядит как анекдот? На Земле ты уйдёшь?

– Ты будешь рядом всегда. Но я же предупреждал тебя,

что я не могу существовать без своей полностью свободной от тебя, только своей территории, где волен делать то, что мне необходимо. Без этого я не умею жить, без воли или своеволия, пусть так. И тебе необязательно было приходить туда, куда тебя не звали. Ты нарушила наш уговор.

– У неё же твой ребёнок родится!

– Пусть родится. Она улетит на Землю и забудет меня. У неё муж, повторная юность. А муж не собирается, кстати, её покидать, и он сам разрешил ей ребёнка. Он не был способен дать ей зачатие, а ей было необходимо это. Искусственное же оплодотворение она принципиально не приемлет, по своим соображениям. У нас многие так поступают. Это разрешено этически.

– Зачем же она пришла сегодня, пузатая?

– Соскучилась. Мы просто общались.

– Зачем она разделась?

– Ну вот! Я же объяснил. Я любил её в юности на Земле, до высылки на Трол. Я обещал ей своё возвращение, хотя если честно, на словах-то я её не прощал. Но тогда я не знал, что полюблю тебя.

– Вы поссорились тогда? В том прошлом?

– Поссорились, – усмехнулся он, – так поссорились, что я женился, а она вышла замуж. Это было глупо и бездарно с обеих сторон. Это всё перечеркнуло, как оказалось, всю эту святую и нерушимую любовь. Мы совместно залили «неземное чувство» обоюдной и чёрной как смола злобой, обидой.

И ничего не осталось. У меня разве что желания её убить не было, а так, ненависть, отвращение к тому, что было. Настоящий мужчина так себя бы не повёл, но разве я им был? Она тоже ждала ребёнка в то время, как Лора родила Артура. Моя мать сказала мне: «Бери её в охапку и беги на край света от её отца, от ненужной тебе жены». Но разве был край света для её отца? Жестокий и мстительный, он... Ну, это и не важно. Ей сделали изуверский аборт на приличном уже сроке, и она пошла после этого вразнос, но это были уже проблемы её мужа, а не мои. Я смотрел, как Лора кормила сына, и её окутывало сияние любви и к сыну, и ко мне. И я тоже начинал любить его, её. Но не очень это понял. И улетел, думая, что разрубил свой дурацкий узел, запутанный моими же руками. Вот так это было. А сейчас, я только твой. Ну ещё, конечно, я принадлежу работе.

Нэя гладила его, благодарная ему за откровение. Пусть и режущее её всю на стонущие кусочки. Давала ему уверенность в своём прощении, но зная то, чего ещё не знал он. Это было как первые капли дождя. И они, эти капли, не будут последними. Лгал он или нет? И да, и нет. Любил он Ксению вчерашнюю или сегодняшнюю, но он её желал, и там всё было, и Нэя видела это по их лицам. В отличие от его слов, лица были правдивые в тот момент, и у него, и у неё. Подстроенная Ритой случайность его падения за пределы семьи, таковой не была для него и для Ксении. Они стремились к этому давно и долго, к тому, что было утрачено, просто Ксения это

чётко понимала, а он нет. Если даже замкнутое пространство маленькой колонии не помеха им, то на Земле они открыто вернутся к тому, к чему и хотят. Ксения была ей явлена как знак. Что всё его прошлое на ней, на Нэе, заикливание закончилось. И она ему не нужна. И чем быстрее будет уходить его былая молодость, тем яростнее он будет утверждать обратное, всё сильнее и мощнее он будет стремиться к той, которая восстала из былого, явив ему лик их общей юности. И если тогда он её мало ценил, то теперь он будет её держать из всех сил. А она уже схватилась, жадно и отчаянно, и это не от скуки, не от их оторванности и почти отвесного зависания над ужасающей бездной, ежесекундно готовой поглотить тут всех. Это серьёзно. Это не то уединение, которое тут имеет место у прочих за их закрытыми панелями. И поэтому Ксения в отличие от тех, кто тут грешат неверностью, выглядит неумно, нетактично, неосторожно и неловко. Потому что она сбросила тут свою маску, она под нею начала задыхаться и, не имея сил притворяться, явила себя Нэе. Она ей обещала это ещё там, на Паралее, в её видении открытого Хагором будущего, которое она приняла за галлюцинацию. Хагор же там был тогда, в «Ночной лиане», где-то рядом, притаившись в зарослях сумрачного маленького зала – оранжереи... он всегда был где-то рядом. Он шарил, как в своём кармане в информационных потаённых кладовых Рудольфа, и показывал глупой пьяной девочке кино, воплощая для неё образы его прошлого – её будущего. Он так развлекал

кался там, прячась от своей метафизической тоски и телесной смертной обречённости, которая для него, некогда бессмертного существа была страшной непереносимой мукой, кислотой разъедающей, была адом не метафорическим, а реальным. Хагор никогда её не обманывал.

Она нашла свою заветную шкатулку, привезённую с Земли, подарок папы Ростислава, где она хранила розовый конвертик, единственный, сохранившийся у неё с юности, с их аристократическим вензелем, ей дала его в своё время бабушка как знак непростого происхождения их семьи. Бабушке это было важно, а Нэе? На Паралее – да, а тут это было никому не интересно. В этом конвертике Нэя прятала засушенные лепестки цветов с плантациям Тон-Ата. Они всё ещё сохраняли тот аромат, и это было чудом. И она написала на этом конвертике тот стих из старинной легенды далёкой неведомой страны, легенды, которую в детстве рассказывала ей мама – о любви волшебной девушки к недостойному человеку. Но тогда на Паралее Нэя изменила окончание фразы и как бы изменила свою судьбу, девушка дала возлюбленному шанс на исправление ошибки, а сейчас она написала так, как и было в той легенде: «На волшебной горе/Мы любили друг друга/Но нашей любви пришел конец/И больше никогда не сольются наши пути».

Девушка из легенды была мудрее Нэи, нельзя прощать того, кто предал любовь. Она положила наивный конвертик на его подушку. Почему она в эти минуты не думала о детях?

Она не хотела жить с ним рядом и ради них. Она всегда приносила себя ему как дар. Она была всепрощающей. Она простила ему погибшего брата, простила за родившегося на сиротство и сгинувшего в неизвестности первого сына, в чём тоже был виноват он. Простила за несчастного Реги-Мона, к которому был подослан свирепый наёмник, и были эти дары всепрощения напрасны и чрезмерно велики для него, для его несправедливой души, не сумевшей ничего оценить. А сейчас этих даров в ней больше не было. И дно души было пусто, как дно лаковой шкатулки, усыпанное засохшими лепестками иного мира. А его любовь в последние годы была ей подачка, и постепенно перестала вызывать в ней отклик. Он стал ей почти безразличен, и безразличен был ребёнок, живущий в ней. Единственный из её детей, кому она так и не придумала имени, а обычно имя изобреталось уже на первых месяцах срока...

Она горько ухмыльнулась, воспринимая откровения Хагора как разновидность его же устного творчества, как запретельный сюрреализм, но, однако, внезапно и ярко представила то, что и обещал Хагор. Как она, маленькая как в детстве, чистая и невесомая как та самая нимфея, кем обзывал её Рудольф, будет бегать босиком по разноцветным лучам играющих и живых Кристаллов, не умеющих никого предавать, обижать и дарующих вечность...

Обретение имени

Гримасы судьбы

Вечность... «Какая ещё тебе вечность, потаскуха при живом добром муже, низкая блажь мужа чужого. У всего того, что безнравственно, постыдно, недолжно для человека, обретшего звёздное измерение, нет, и не может быть, никакой вечности. Инфузория в тувельках»!

Кто с нею говорил, в то время как голова пребывала в полусонной отрешённости? Голос был определённо знакомый, женский. Не кроткая Нэя, не такая же тихая и безвольная мама Ника, а мама Карин стала голосом бичующей совести. И ответить ей было невозможно, поскольку пребывала Карин на Земле, да и нечего было ответить.

Если бы это было давным-давно, да ещё и на другой планете, когда Ксения порхала по старинной сцене, едва касаясь её подростковыми ногами, изгибая ступни в пуантах, делая массу ошибок на придирчивый взгляд профессионалов, – она была очень заурядной танцовщицей, но потрясающей девушкой! Она гордо вскидывала точёную голову с предельно зализанными при помощи геля волосами, сверкала диадемой с фальшивыми камушками. Вот если бы тогда её, де-

вушку – «лебяжье перышко», обозвали «постоялым двором для бродяг», она заплакала бы навзрыд, роняя с себя сказочный лебяжий пух, уткнувшись в тонкие руки. В то время её загадочный Творец ещё продолжал их шлифовку, они были отчасти детские, эти руки, но даже совсем юная красота форм была очевидна любому, ей предстояло расцвести в уникальную женщину.

Но когда и было! Она давно утратила чувствительную к малейшему дуновению воздушность. Она старалась не обращать внимания на его внешнюю колючую коросту, она чувствовала в нём его тайный «центр личного я», куда имела некогда доступ. Она чувствовала, что и теперь «центр» не утратил память о той их «святой», мучительной и взрослой, но совсем ещё подростковой в своей жестокости и неценённости любви.

Историю своих родителей Ксения знала, понятно, с их слов. А своим родителям она верила свято и безоговорочно. За некоторым вычетом, произошедшим в процессе её горького взросления. Отец не любил маму в том смысле, как понимала любовь Ксения. Он её жалел. Он тяготился, но не мог оставить мать Ксении, как не может нравственный человек бросить больного домочадца.

Её отец входил в тот мизерный и несчастный процент людей, которые были браком великих программ усовершенствования человека Земли. Тех, кто, по не всегда понятным причинам, выпадали из конвейера по изготовлению новых

совершенных землян и становились обречёнными на годы долгих исследований и исцелений в разнообразных лечебных центрах. Последствием, видимым, его выпадения из общего потока было то, что у него рано выпали волосы на голове, не было ресниц и бровей. Но ресницы и брови ему вырастили, и роскошные к тому же, а череп остался лысым на всю оставшуюся жизнь. Он был огромного роста, в два метра, и ум его не был столь же бракованным как тело, вечно чем-то болеющее, не смотря на его огромность. После продолжительного периода лечений-истязаний тело выздоровело окончательно, а сам он учился и совершенствовался всю остальную жизнь и достиг значительных высот в своей личной карьере. В одном из центров, специализирующихся на поломках в генетике человека, он встретил такую же несчастную, как и сам, девушку. Но несчастную в другом роде. Внешне она была само совершенство, но обречена на короткую жизнь, и приговор был не только беспощаден, но и не отменим никаким могуществом земной науки. Она тоже была браком, жалким процентом из числа неудач в великой сборке нового будущего человека Земли.

Таковой была легенда их жизни, и она навсегда осталась правдой для ничего не знающей об их прошлом дочери. Они поженились, лысый гигант с сияющим грустным, но влюблённым взором и хрупкая мама. Доминика, так её звали, а если коротко, то Ника. У них вскоре родилась она, дочка их любви. Их невозможная, как все считали, но появившаяся

она – Ксения, Ксюша. «Нюшка» – как ласково обозначал её Рудольф, интимно ласково. Мама категорически отказалась от вмешательства в течение её беременности, она не хотела рожать суперчеловека. А если брак? К тому времени она стала верующей и отвергала гордыню человека, осмелившегося дотянуться до края ризы Творца.

Ксения родилась премилой, здоровенькой, всем на радость. Волосы её были ярко каштановыми в красный оттенок нарождающегося хрустального утра, девочка – заря, глаза зелёные, как у любимой маминой кошки Пуськи, а веселья «через край, хоть отбавляй», как смеялся отец. «Черешенка ты моя», – звал её папа. Он приносил ей черешню и втыкал сдвоенные ягодки в её отливающие красноватым блеском густые спиральки волос. «Мои волосёнки» – радовался совершенно лысый папа. «Где они у тебя?» – и девочка гладила его блестящую маковку, чем вызывала его мурлыканье от счастья. «Мои глазки», – но девочка и тут не соглашалась. «Мои, а не твои!» – и заглядывала в отцовские, они жмурились от блаженства. «Ты похож на лошадь!» – таким был вывод ребёнка, после чего «лошадь» сажал её на плечи. «Где же моя лошадиная грива?» – спрашивал счастливый отец «лошадь», – «И почему лошадь?» «Из-за глаз», – отвечала девочка Ксюша, – «Когда я вижу лошадок, мне их жалко, что на них все катаются. И тебя мне жалко». «Кто на мне катается?» – рычал папа, которого обозвали лошадью. «Я», – отвечала наездница.

Мама была любитель и коллекционер старинных статуэток балерин и танцовщиц. Мама была со странностью, так все считали. Она безвылазно жила дома, редко его покидала, не работала на памяти Ксении никогда, и родных у неё не было, а родителей, о которых она много рассказывала Ксении, никто и никогда не видел. Где они обитали, осталось загадкой. В детстве Ксения спрашивала о них – о дедушке и о бабушке, слушала ответы, а потом спрашивать перестала. Девочку Ксюшу мама отдала в балетную студию. Учила её игре на рояле, у них дома был белый рояль, роскошный и сделанный под старину. Играла мама Ника превосходно, но не могла, к удивлению дочери, вспомнить места своего обучения музыке, как и своих учителей. Вопросы ставили её в тупик, огорчали, она надолго замыкалась в себе, и Ксения перестала спрашивать маму о многих вещах.

– Мама больна. Не травмируй её бесконечными расспросами. К чему тебе её прошлая жизнь? У тебя своя будущая жизнь на подходе, об этом и размышляй. – вот что говорил ей отец наедине, когда при возвращении домой заставлял ушедшую в себя жену и сразу определял причину её душевной непогоды, но ничего не объяснял дочери.

Зная о том, что век её не будет долог, мама вкладывала в Ксению все свои силы, всю свою невероятную любовь, и забросила лысого спутника. Сил на него у неё не хватало. А он, кроме своей лысины, да ещё неуравновешенной психики, особенно-то ничем и не страдал, поэтому он быстро завёл

себе параллельную семью, но, правда, без детей. Это было не его условием, а нежеланием той другой обременять себя детьми. Время от времени, жалея свою недолговечную половину, он возвращался, да и Ксюшу любил безмерно. А та параллельная жена тоже не скучала. У неё всегда кто-то появлялся. Она была умница и гордячка. И тоже вполне красавица, но на особый вкус. Мало женственная, на взгляд Ксении. Она часто приходила на спектакли и постановки старинного классического балета. И как-то пришла туда в театр – «храм Искусств» со своим очередным заместителем папы Ксюши.

Ослепительная улыбка из прошлого грешницы

Она стояла с ним в бутафорской уличной колоннаде после спектакля и ждала Ксюшу с огромным букетом фиолетовых роз, сверху которого парила на незримом креплении бабочка с синими звёздчатыми сапфирами на своих крылышках и с вкраплениями росинок – малюсеньких прозрачных камушков между ними. Таков был её подарок законной девочке своего беззаконного мужа. Ксении исполнилось к тому времени семнадцать лет, она была тайно влюблена, но отношений дружбы не было ни с кем. Да и папа охранял её девичью честь от чужих посягательств, он был старомоден.

Рядом с Ритой в той же облупленной колоннаде под древний стиль «ампир» среди яркого солнечного дня стоял па-

рень. Он был чуть ниже ростом, чем её папа, но тоже такой, что Ксения задохнулась. Она порозовела от бешено застывшего сердца. Он смотрел исподлобья зелёными блестящими глазами, как делал всегда, когда встречал её во вращающемся небоскрёбе ГРОЗ, куда Ксения последнее время зачастила. Будто бы к папе в гости, а на самом деле, чтобы встретить ненароком его, того, кто и сиял ей навстречу, отлично сканируя её радость и волнение. Почему-то блеск глаз особенно поражал, поскольку ни у кого больше глаза так не блестели. Смущение всегда мешало рассмотреть его подробно. Он вполне мог быть и заурядным, если объективно. Но скорее всего, заурядным он не был, поскольку все дальнейшие события подтверждали его заметность не только для неё одной. Светлые волосы вились, как у мраморного бога, тающего на постаменте рядом с подобными же изделиями под ту же древность, торчащими тут в парке вокруг музея – театра повсюду. Майка открывала мощные бицепсы и мало скрывала великолепную мускулатуру, в сравнении с которой изваяние под древность казалось жалкой ожиревшей бабой, а не Аполлоном – солнечным воителем. Он так и сказал Рите:

– Этот мраморный истукан похож на некрасивую бабу. Другое время – другие каноны красоты. Сколько можно обожать поделки дикарей из прошлого? Я ничего не понимаю в балете, какую «сверх» мысль он несёт, кроме ложно ему присвоенной? Его же придумали праздные аристократы для

утешения своей потребности наслаждаться созерцанием голых ножек, что было им запрещено той установкой и моралью, что царили в обществе. Я прочитал, пока мы там сидели смехотворное либретто, всю ту чушь, что старичье обсуждает с таким видом, будто это научный отчёт об открытии чего-то, мало доступного идиотам, вроде меня. Тот старик... – Рита не дала ему договорить, – Замолчи! – она строго одёрнула его как собственного сына-балбеса. – Успокойся и не колышь волшебную атмосферу изысканного места, где таким, как ты не место. Просто прими на веру, что ничего не понимаешь в этом.

– В чём? В средневековом стриптизе? Это да! Не ценю, не въезжаю. – На нём были тренировочные шорты и совершенно пренебрежительные к подобному месту пляжные шлепанцы, будто он заглянул в «храм искусств» по дороге на пляж. Ноги поразили наряду с нахальной мускулистостью своей загорелой стройностью. У них были ладные мальчишки, те, что из танцоров, но в них не было и намёка на столь мощную космическую устремлённость к звёздам, каковой был залит как солнечным полднем пришелец из учебных казарм. Он сиял как воплощённый эталон, он был роковым соблазном, уведшим в безвылазную тьму.

С этим надо было что-то срочно делать, хвататься за ускользающее здравомыслие. Она оглядела его нелепые шлепанцы, принимая букет от Риты. Не сунуть ли букет в его счастливую физиономию? А потом деликатно сообщить, ал-

лергия, знаете ли, да вот и оса к цветку прилепилась, не отстаёт. Он покорно взял букет в свою руку, держал и помахивал им, тая досаду.

То ли за то, что она в его определении занимается «средневековым стриптизом», то ли от смущения, в которое он её вогнал, она стала преисполняться отторжением от него. Шорты особенно раздражали, сообщая о его пренебрежении к месту, где сохранилась не уловимая глазом, но существующая особая воздушная телесность муз. Как и сама их служительница таила невысказанную претензию к грубияну, за просто припёршемся сюда в спортивном виде, как в один из филиалов своего тренировочного центра, провонявшего потом и прочими там смазками-гелями.

– Ногу повредил на тренировке, – сказал парень, хотя Ксения его ни о чём и не спрашивала. Они пошли втроём, и он сильно хромал, загребая своей гигантской шлёпанцей. Швырял песчинки в открытые босоножки Ксении, потому что старался идти рядом с нею. Как можно ближе, едва не наступая на её ножки.

– Бабочка – мой подарок, – сказал он небрежно и, отодрав украшение от цветов, сам букет отшвырнул от себя. Тот удачно упал прямиком на скамью возле дорожки.

– Как раз бабке какой-нибудь подарок от высших сил, – произнёс он. Рита молчала. Только глянула краешком насмешливого искристого глаза, всем своим видом показывая, – ей к его дурацким выходкам не привыкать.

– Возьми бабочку, – он протягивал руку, – она драгоценная, а не то, что ты подумала.

– Я ничего и не подумала, – Ксения нагнула голову, застеснявшись. Так проявляло себя мамино утончённое воспитание в отрыве от шумной орды сверстников. Она невольно сравнила свои изящные босоножки, на которых цокала, с его нелепыми шлепанцами, а также его здоровый размер ноги со своим маленьким, и собственная ножка показалась ей неземной.

Мама не то чтобы запрещала, а привила отвращение к простой, бесполой и удобной обуви, каковой злоупотребляли прочие девушки. Мама требовала утончённости и во всём внешнем. Узкие мысочки, плетения тонких ремешков, застёжки как украшения, и чтобы цвет обувки обязательно сочетался с прочей одеждой. А одежда всегда женственная, воздушная. Не яркая, а незабываемая для того, кто обратит внимание. Тут тоже сказывалось мамино влияние и её «вещное», как говорил папа, мышление. Вещное от слова вещь, то, что далеко от духовности в папином понимании.

Облучаемая льющим из зелёных мужественных глаз чем-то, что не было вещественным, хотя и чисто-духовным не являлось, Ксения вдруг ощутила себя тою, кого изображала на сцене, – сказочным духом – сильфидой. И она преисполнилась чувством собственной красоты, тем более, что он пялился на неё как на чудо, недостижимое для него, неравное ему по его человеческому несовершенному составу. От

такого напора восхищения было трудно дышать, и она отвечала Рите на какие-то вопросы прерывисто и косноязычно, не находя элементарных слов, будто и говорить разучилась.

Рита, с кем-то переговорив по своей связи, сказала, – Ребят, я вас покину. Ксюша, Рудольф тебя проводит, – и скрылась в одной из аллей стремительно и поспешно. Но Ксения ничуть не огорчилась этому. Парень Рудольф ей сказал:

– Ты, правда, такая лёгкая? Что тебя можно так швырять? – имея в виду балет, где только что это наблюдал. Но она выступала во второстепенных ролях, и её-то как раз никто не носил и не «швырял», как он выразился. Но, по-видимому, они там на сцене все казались ему одинаковыми. Все белые, все тоненькие, все в облачных пачках, все под белой пудрой.

– Попробуй, – сказала она, не зная, что ему ответить.

И тут он поднял её, как не имеющую веса. Вероятно, ему и хотелось продемонстрировать ей свою силу.

– Никогда не видел у девушек такой тоненькой талии, – сказал он, – ты же пёрышко. Волшебное пёрышко, – и обшарил её своими глазами так, что у неё ноги стали ватными непонятно почему, от странного томления пополам со страхом. Под воздействием таких непереносимых ощущений захотелось убежать от него. От нахлынувшего стыда за свою неловкость тоже хотелось спрятаться, хоть на время, чтобы всё обдумать и разобраться, что это с нею происходит? Как в лифте, где он придвинулся однажды непроизвольно-

но близко, а в ней приостановился ток крови и дыхание тоже. Он стоял впритык, как в том лифте, в небоскрёбе ГРОЗ, но уже спереди, озирая её рыжую макушку сверху, чуть пригнувшись, чтобы видеть лицо, которое она ещё больше гнула вниз.

– Ты чего? – спросил он тихо, – ты меня боишься, что ли? Я настолько страшен?

– Нет. – Ксения храбро устояла в радостные блестящие сине-зелёные глаза парня Рудольфа. Она и была храброй всегда. А тут нашло что-то, непонятное. Этим «нет» она ответила на два вопроса сразу. Что не боится никого, и что он не урод.

– Ты смешная, маленькая, – сказал он, тая от нежности, в проявлении которой тоже был смешным. Каменный Аполлон глядел мрачно и насуплено из своей тени. Казалось, он хотел отменить свою каменную неподвижность и выстрелить из своего лука в того, кто посягал на его служительницу. А также отомстить тому, кто оскорбил его нетленную красу, обозвав «бабой». Ксения рассмеялась на выражение лица каменного истукана, вызванного исключительно игрой светотени, но тем самым она сняла своё чрезмерное напряжение, и ей стало легко, радостно.

– Действительно, какие несовершенные представления у древних людей были о красоте человека. И вообще о его возможностях. Но, согласись, до сих пор есть люди, которым далеко до Аполлона.

За постаментом как раз и прятался один из таких, кому было далековато до эталона, с букетиком, составленным из колосьев и васильков. Мальчик – экзотический любитель старинного искусства, худенький и неуверенный.

– Твой фанат? – спросил Рудольф, вкладывая в вопрос всё своё возможное презрение к возможному сопернику.

– Почему мой? Мало ли чей... – Ксении вовсе не хотелось того, чтобы её поклонники выглядели настолько смешно. Так она отреклась от Ксена, а до этого случая дружелюбно с ним общалась, и так она окончательно влюбилась в Рудольфа. А потом...

Был какой-то, в течение нескольких лет невразумительный, ком её дальнейшей жизни, состоящий из несовместимых между собою чувств и его к ней, и её к нему. Страсть, нежность, бесконечные расставания из-за вспышек его непереносимой грубости, из-за его непослушания её капризам. Разве так было у подруг? Те вертели своими приятелями, как хотели, а этот не поддавался дрессировке. Знал, знал античный бог, наперёд знал грядущую неудачу, разрушительное соединение двух несовместимых людей из фантастического по отношению к нему будущего, презирающих гороскопы и расположение планет в зодиакальных созвездиях.

– Не судьба! – так бы он мог крикнуть, удайся ему раскрыть мраморные уста. Он погладил бы божественной дланью, затаённую под его тенью голову Ксена, указав дурочке на её ослепление, спасая рыжую голову от солнечного удара

судьбы.

И опять о прошлом. Как неземная любовь стала адовым мучением

Любовь омрачали его дикие поступки, её убегания и невозможность убежать. Он брал её, где ему вздумается, в лесу, на пляже, на каменном полу у своей матери... Эх, стыд, ох, глупая юность! То, что можно заклеить, став окончательно зрелым человеком, но что невозможно уже исправить, как и покалеченную судьбу, особенно судьбу женскую. Лорку он сделал женой в отместку ей, Ксении. А, похоже, с космического гуся вода сошла вместе с боевыми перьями. Только она и могла любить такого, каким он стал. Да ещё вот Нэя...

Но в инопланетную душу входа не было, и что там она чувствовала и как, неизвестно. А всё потому, что не забылись неопишуемые, волшебные по тонкости и насыщенности, по счастью своему любовные ночи в нормальных человеческих условиях, и было их гораздо больше, просто дикие выходки запомнились надолго из-за того, что причиняли незаслуженную острую обиду. Но он считал, что заслуженно она терпит. За игры на его ревности, на его, зашкаливавшей за человеческий предел, любви. Но это он, а не она, изобретал свои головоломные игры с нею, меняя условия игры в самом её

процессе, не давая возможности себя обыграть никогда. Если Ксения пыталась ввести его в пристойные рамки культурными словами, это на него не действовало, а когда она стала применять ругательную архаичную лексику, ему неожиданно понравилось.

Смеясь, «историк-любитель» требовал, чтобы она ругала его, когда ей охота, – Должно же хоть что-то осквернять твои уста, приближать тебя к земным стандартам, а то тебя и любить невозможно, слишком уж ты совершенная, нечеловечески-эталонная, и я заскучал от своего убожества в сравнении с тобой.

То он не давал ей отдышаться от себя, таская её повсюду за собой, то сменял эти периоды полным её забвением. И ловко ускользая от неё тогда, когда она скучала и нуждалась в нём.

Отец заставил её учиться, пихнул в одну из Академий Космопоиска на биофак.

– Не фиг болтать ногами по пустому пространству. Сливков не собьёшь этим. – Надо было сказать «масла не собьёшь», но он не понимал разницы.

В чем-то её отец был похож на рехнутого её возлюбленного. Противоречивостью и покоряющей силой, смешанной порой с тонким психологизмом и умением быть нежным как эфир. Умением неожиданно вознести к звёздным высотам ту, которую перед этим отбраковывал в утиль и отпихивал от себя. От немислимых контрастов неокрепшая душа девушки

ки-пёрышка пошла внутренними трещинами. Ксения теряла ощущение тверди под ногами, пошатываясь на зыбучей хляби, теряя понимание и себя и жизни вокруг. Аполлон в колоннаде был прав, своим духом пребывая в настоящей в тысячелетиях пророческой мудрости. Когда метал незримые молнии из каменного зрака в сторону будущего осквернителя одной из своих маленьких муз, и указывая ей перстом на макушку таящегося сбоку Ксена с колосьями. Вот он тебе нужен. Он! Тот, кто и будет лелеять, ценить. А не потрошитель твоих эфирных идеалов.

В итоге он и оставил её с душою, похожей на взлохмаченные остатки волшебной некогда Галактики, которую расплющило и растащило на туманность невозможной гравитацией чёрной дыры. Попользовался по ходу жизни и отбыл восво-яси, не считая её жизнь ценностью, а душу наличествующей и способной к страданию. Рудольф считал, что она получила всё «поделом». Поделом за что? За то, что была подсунута ему Ритой или судьбой, – и та и другая были злодейками, – не по его ранжиру, не по его уровню развития на тот момент.

Отец – земная сволочь с ликом космического пришельца

Как прав был отец в этом, и как не прав в своих зверских действиях против них обоих! Узнав про их связь, отец едва

её не побил. И в этом они были похожи, чуть что, так хватать ручищами, едва не ломая кости воспитуемого, оставляя синяки на запястьях. Руки Рудольфа тоже были алчны на желание её «приголубить», да боялся он своего шефа и её отца, синяки могли иметь следствием расследование бесчинства. Она скрыла от родителей свою беременность, но мать догадалась и сказала отцу. Догадалась поздно, потому что лечилась последнее время и долго отсутствовала дома.

Рита, спец на все руки, сама лично провела её обследование. И сообщила страшную весть. Ксения носит в своей утробе будущего генетического урда. И не в каком-то там смысле метафорическом, а самом что ни на есть буквальном. Сделать хоть что-либо уже поздно. Только операция. Но для такого сложного вмешательства Ксении необходимо обратиться в Центр репродукции, а там... Возникнет к ней много вопросов у врачей. Почему запустила? Почему сразу не пришла, как поступают все нормальные девушки? Что стало причиной, что беременная женщина обратилась за помощью на исходе шестого месяца беременности? Это же ЧП! Её непременно отправят на обследование в систему «Сапфир», что само по себе не страшно, а необходимо, раз уж с психикой проблемы очевидны. Это означало одно, Ксению занесут в информационную базу системы «Сапфир», если не в «Суссанну».

«Суссанна» расшифровывалась неизвестно как, но Ксения для себя это странную аббревиатуру разгадала. прибли-

зительно так, – Система устранения стойких состояний аномальных нарушений психики».

И отец, не желая позора ни себе, ни дочери, сунув ей в рот непонятную капсулу, сделал безвольной и покорной болванкой на время действия препарата. Отвёз в тайный подземный и неизвестно для какой цели существующий бункер. Там некто засунул её в прозрачную полусферу, усыпил и сделал аборт на сроке в шесть месяцев.

Вместо благодарности, она воспылала к нему ненавистью. Сдвинутое состояние психики мешало понять его отчаяние, его, как это ни жутко, правоту. Мало того, Ксенией вдруг овладела маниакальная мысль, что Рита её обманула! Всё же, не Богиня Кали она, чтобы на все свои многочисленные руки орудовать, не гинеколог, не спец в подобной и весьма специфической сфере деятельности. Как ни обширны впихнутые в неё познания, она не реинкарнация какого-нибудь Асклепия или Гиппократы – целителей, рождённых от мифических, но всемогущих Богов. Рита так поступила из чёрной зависти, из-за ревности к тому, кто полюбил юную Ксению настолько неистово, как саму Риту сроду никто не любил. Или любил, но так давно, что она о том забыла. Своей памятью о прошлых жизнях она расплатилась за очередную юность в том самом ЭДЭМе. Она уже не метафизическом уровне ненавидит тех, кто способен рожать себе детей при посредстве истинной любви.

Рудольф был к тому времени женат, появлялся, когда

вздумается, и не нёс перед нею никаких обязательств, лишив исключительной значимости, зачислив в разряд прочих и случайных, тех, которые разовые. Так, по крайней мере, он себя вёл с нею. Нисколько уже не считаясь с её тоской, с долгим одиночеством, с заброшенностью после того, как она привыкла быть с ним постоянно в течение трёх лет. Стала женщиной с известными уже потребностями, считала его своим мужем и не могла смотреть в сторону других. После варварской операции из груди лилось молозиво. Она гуляла с той же самой безотказной Викой по набережной, смеясь неестественно и глотая зимний воздух, чувствуя, как под шубкой на платье проступает молоко из груди. Вика ни о чём не догадывалась.

Они пошли в какой-то ресторанчик, и незнакомый парень пригласил её танцевать какой-то немислимо архаичный медленный танец. Ксения сбросила на спинку кресла кофточку, осталась в тончайшем платье, подобная фее Снежинке, как и обозвал её Рудольф на том самом диване в доме у мамы Карины. Она обняла партнёра по танцу за шею, прижалась к нему как к родному, просто потому, что пребывала именно что в сдвинутом состоянии.

Глядя на промокшую тонкую ткань на груди, он спросил с удивлением, – Что это у тебя?

– Я кормящая мать, – ответила Ксения.

– Где ж ребёнок? – всё заметнее удивлялся парень.

– Ребёнок умер, – ответила Ксения и глядела как безумная

в его испуганные очень молодые глаза. Он вежливо усадил её на место, расшаркался как тот же архаичный паж и умчался, как из огня выскочил.

– Чего с ним? – удивилась Вика.

– Дурак, – Ксения куталась в кофточку поверх платья. Наконец и Вику кто-то пригласил поелозить ногами по полу, и Ксения её покинула.

Она отправилась в тот небоскрёб, где имел квартиру, помимо дома за океаном, Роберт Берд. Он был как раз в Москве. И он оказался на месте. По-хозяйски Ксения легла в его постель, ставшую для неё уже чужой. И бывший муж не удержался и полез к ней ласкаться. Он решил, она пришла мириться. Дальнейшим поведением она дала ему понять, что надежда соединить несоединимое тщетна. Она всего лишь устала и решила прилечь отдохнуть.

Он тоже спросил, – Что у тебя с грудью? – пугливо удивлялся, но продолжал лезть с осторожными ласками. Она хотала над его непониманием и от ужаса собственного отчаяния. Резко отпихнув его, хотела уйти, но он и сам сообразил, что происходит. Всё-таки, он был опытный в этом смысле, не мальчик. Он приложил к её предплечью особую пластину. Она всосалась в кожу, истечение из груди прекратилось, Он не дал ей уйти, но не ради того, чтобы воспользовался тем самым правом доступа, что остаётся порой у бывших мужей к своим бывшим жёнам. Как к такому факту ни относись. Он сильно за неё переживал. Они проговорили до утра. Ксения

ясно помнила, что ей с ним было хорошо как с родным, он умел утешать.

– Забудь ты этого подонка, – сказал он ей, – Не смей его никогда прощать.

– Какого из двух? – спросила Ксения, имея в виду отца и возлюбленного.

– Обоих, – ответил утешитель, поняв её по-своему...

– Дура, чучело безголовое! – учил её дома один из «подонков» – отец, – У Венда жена, и он её любит! А ты была из мести мне!

– Нет! – Ксения захлебывалась от тайных безмолвных рыданий.

– Люби кого угодно, только не его, не этого гада ползучего, которого я скоро трансформирую в гада летучего. Пусть летит туда, не знаю куда! – злоба его была не за то, что был он «гад» по отношению к ней, а за то, что его когда-то любила Рита. Не так уж и много лет прошло, чтобы чувство Риты окончательно выветрилось, остыло, осело в глубинные пласты пережитого, раз уж Рудольф сам её бросил. Рита как и обычно без проблем нашла к кому прижаться на досуге. Она стала одной из возлюбленных отца Ксении. И эта парочка сообща принялась ревновать Ксению к одному и тому же человеку, к Венду. Отец ревновал по отцовски, а Рита... Да разве есть на свете такой человек, чтобы обладал кодом от её души-сейфа?

Последний разговор между ними, дочерью и отцом, про-

изошёл не в родном доме, а на территории возле дома. Отец топтался возле двери, ведущей на веранду, ставшей собственностью дочери по негласному разделению общего некогда дома, но войти не так и посмел. Незаметно, аккуратно, но настойчиво, она увлекала отца в сторону того входа, что и располагался с обратной стороны здания. Там красовались колонны, украшающие фасад дома, помпезная лестница вела к столь же помпезным, хотя и просевшим несколько от тяжести, дверям, рос заброшенный уже сад, чахли остатки цветников. В свою половину дома отец также не вошёл. Дочь стояла в тени сильно вымахавшего клёна, играла листьями-ладошками, отец непрестанно менял дислокацию. То на лестницу забирался, на чугунные перила опирался, то вниз спускался, и нигде не мог обрести точку покоя, – Это ж не дом, а какие-то графские развалины, – только и сказал он.

– Кому бы и разваливать понадобилось твой дом? – спросила дочь.

– Сам рушится. Если в доме не жить, он быстро ветшает. Получается, даже дому необходимо, чтобы в нём жила живая душа. Чего ты тут всё забросила?

– Я в своей половине всё до блеска чищу, всё украшаю, всё чиню по необходимости. У меня всё уютно, всё вокруг одухотворено. Для меня и одного этажа много. А ты сам свой второй этаж одухотворяй.

– Когда мне, – отмахнулся он.

– Настроят себе домов от жадности, а жить-то оказывает-

ся и некогда!

– Где я жадный-то? У Риты живу.

– Так у тебя и квартира в небоскрёбе рядом с работой есть.

– Так ты там и живи, если хочешь.

– После того, как там обитала кобыла, проигравшая все скачки, уж спасибо за предложение.

– Что ж так-то, кобыла? Злая ты какая-то ко всем, вот что я скажу.

– Видимо, твой характер мне и дан по наследству.

– Разве ж я злой? Да добрее меня и во всей ГРОЗ человека не отыщешь! Ты у Риты спроси, какой я? Она скажет, всем хорош и для всех ценен Андрей Воронов, да слишком уж сдобен по своей натуре. Все моей добротой и широтой пользуются. Разве что не режут на ломти как каравай.

– Венд тоже великодушный был, заметный. Вот девчонки на нём и висли, а он не умел от них отряхиваться, когда необходимо...

– Альфа-самец! У него программа такая – доминировать и размножаться! И той дуре сломал всю психику, – он опять что-то пробуянил про «гада», радуясь, что его уже «трансформировали», в героя, и он благополучно сражался с враждебными племенами Трола. Осталось лишь пожелать ему от всей души набраться в почётной ссылке ума-совести. – Дурочку эту, Лару полоумную, покинул с малым ребёнком...

– Что же ты, жалельщик брошенных жен, да малых детушек, так далеко его катапультировал? – спросила Ксения,

глядя на него с тем равнодушием, с каким и общаются со случайно забредшим на чужую территорию человеком.

– Не я! – он пучил глаза на дочь как филин, ослепший белым днём. И только спустя годы и годы, дочь поняла то, чего не понимали окружающие его другие люди, сослуживцы, влюблённые в него женщины. Отец был безумец, покалеченный человек, только было замаскировано это безумие его достаточно сильным интеллектом и мощной работоспособностью. А она и Рудольф стали жертвами его тайной духовной инвалидности. Не исключено, что и ещё кто-нибудь – Ксении не было известно.

– Мать верила всю жизнь, что ей Бог тебя послал за её молитвы. А этот! – и у отца от бешенства выступала пена в уголках губ, – всё, что было в тебе святого, чистого, разложил на элементарные частицы, исковеркал твою женскую судьбу. Как ты будешь жить? Никому теперь не веря? Детей воспитывать, имея в душе столько мусора?

– Где они, мои дети? Ау! – Ксения не простила отца до самого его исчезновения где-то в далёком Галактическом провале. Не простила и после. Никогда уже не простила. Вину за всё она возложила на его плечи, так уж случилось.

Ещё когда Рудольф не улетел на Трол, а гулял по Земле, он узнал о злодеянии шефа-отца после того, как Ксения вернулась из обители отринутого мужа-утешителя. Как раз об «утешителях» Рудольф, конечно, не подозревал, признавая сексуальную распущенность только как собственное пра-

во. Сама Ксения проделала подобное не из желания безнравственно поразвлечься, а было это, что называется в «ледяную полыню пылающей головой», расправа над остатками всё ещё животрепещущей любви – муки к Венду.

Но и после этого посещения, как поправились она, близость с Бёрдом, как её ни оценивай, а супружеская, раз так и не развелись, не являлась для неё настолько уж и непереносимой, раз уж Венд возвращаться в прежний формат любви-страсти не собирался. Это уж потом, когда умчал он на Трол без гарантий возврата, что и понятно, Ксения ни единой уже мыслью к Робину не прикоснулась, не говоря о том, чтобы к нему вернуться, Забыла о нём, как и не было его никогда. Венд же, муж чужой, но так и остался единственным возлюбленным.

...Перед тем самым, их общим с Викой, походом в ресторан, он был у неё дома. Мама расстаралась, выцепила его как-то и потребовала через связь его прибытия, срочного! Добавив, что хозяина дома не будет. Посещает хозяин свой дом очень редко, Он и примчался с утра пораньше. Всё же маме он никогда не мог отказать ни в чём. Он прижал к лицу запачканную молозивом ночную рубашку Ксении, и ничего не сказал, шипел в белоснежную ткань, как раскалённый железный брус, опущенный в ледяную воду. Разве что пар не шёл. Потом отшвырнул платье прочь и ушёл...

Тот разговор с отцом у стен родного дома был долог, да бестолков.

– Он сказал, что никогда не отрётся бы от своего ребёнка. Он любил только меня. И в будущем он будет любить только меня. Никто не может запретить любовь, так и навязать её. Я буду его ждать! И тебя он проклинал! За то, что ты натворил!

– Ну, уж теперь и слов у него не найдётся, чтобы благодарить за свою доблестную карьеру! На такой свалке, что вряд ли он оттуда вылезет живым! Пусть служит на благо Земли, а в дни отдохновений будет утешаться с местными жрицами из притонов разврата. Там реликтовая цивилизация упадка. Вот где он найдёт применение своей дурной силе.

– И в чём отличие-то от твоих усладительных отсеков в самой ГРОЗ? – коварно спросила Ксения.

– Замолчи-и! – взревел он. – Распатал он тебе все нравственные устои! Ты же нравственный инвалид! Что ты такое говоришь своему отцу?

– А у тебя они есть, эти самые устои?

– Ты больная! – произнёс отец, покрываясь пятнами нервного потрясения.

И тут Ксения не удержалась и выдала ему блок архаичной материны в качестве утешения.

– Матерная брань как злокачественная вибрация разрушает человека даже на уровне клеточной физиологии! Я отрежу кончик твоего языка, чтобы ты стала косноязычной. Это менее печально, чем явление плюющей сквернословием человекообразной самки! Потому что ты уже утратила звание человека разумного.

– Мне вырастят из моих же клеток новый язык. А ты за свои преступления утратишь свой звёздный статус навсегда.

Это была запоздалая месть родителю за маму, не только и за себя. Мама принимала всё покорно, смиренно, понимая несоответствие своего здоровья и потребностей отца. Как бы ни были они скромны, а ей всё равно излишни, поскольку мама начисто утратила потребность в естественных женских радостях. Она продолжала его любить чисто духовно, хотя и имела «вещное» мышление, если в его определении, то есть предельно материальное, убогое.

Человеческие воспоминания никогда не бывают последовательными и полными, некоторая их часть, иногда и значительная, проваливается неизвестно куда. Так Ксения перед тем, как навсегда стереть из памяти Робина Бёрда, ведь и не худшего человека в наихудший период её жизни, ещё пару раз его навестила... А всю оставшуюся жизнь искренне считала, что Ксен Зотов был первым её мужем. Вероятно, ей передалась по наследству и некоторая странность матери, ведь та тоже плохо помнила или начисто не помнила значительные куски своей жизни.

Стоило ли разорять чужое гнёздышко?

Чтобы ни говорили окружающие, а Ксенофана Ксения любила. По-другому, конечно, чем Рудольфа, но любила. Ина-

че бы и не жила с ним. Ксен был заботливый, понимающий, чуткий. Он был редкий человек. Чистый, человечный. Вроде бы, их и много вокруг, а всегда они бывают редки во все времена. Ксен не мешал ей быть собой, ничего никогда не требовал, родственник из тех, кто незаменим. Но он не мог ей дать ребёнка. Не получалось у них зачатия. И он разрешил ей заиметь ребёнка не искусственным путем, а по женскому влечению, чтобы она сама выносила и родила. Это не было ему легко, он же не был чуркой без души, или кабачком каким.

– Чей он будет? – говорил Ксен, – да чей угодно. Главное, что твой. Чтобы здоровенький и красивый, наш, в общем.

Ксен любил её. Она была, как тот синий василёк в его букете из колосьев, с точёными лепесточками паразит на его жизни, которой она придавала живописную красочность, его дисциплинированной и однообразной, колосющейся научными свершениями и всечеловеческой пользой, правильной и скучной жизни. Она вольно жила и питалась в безопасности его обширных делянок, была украшением не только ему, но и чужим глазам тех, кто пытались не раз и не два забраться к нему в хозяйство. Не из надобности к его полезным колосьям, а к цветущему заманчивому сорняку, которым хотели украсить пустоватый уголок в своём житье – бытие. Но Ксен вставал на защиту своего, раскинув руки, следя и не пуская тех, кто обманывался его внешней безобидностью. Все полезное и всё бесполезное было только его. Не

ваше. Кыш отсюда! Он не раз говорил ей, что мог бы и убить соперника, появившись он, его не страшили недра страшных далёких планет, где добывали ресурсы преступники. И перед Рудольфом он бы не спасовал, но тут всё решала Ксения, а не он. Перед Ксенией Ксен был беззащитен. Он как хлебный колос гнулся перед её нереально прекрасной сейчас головкой, стелился, хрустел под тяжёлой подошвой соперника, о котором всё знал, но молчаливо ждал своего выстрадавшего будущего на Земле, когда всё унижение останется позади. А Ксения и ребёнок будут только его. Он был слеп к её очевидной порочности. Или уж настолько безоглядно любил? А сам скрипел зубами в подушку в одинокие ночи и мечтал о самоубийстве, если не плакал от попорченной мужской чести, но боялся не смерти, а Божьего Суда?

Лежа в постели Рудольфа, Ксения прислушивалась к безмолвной пока жизни своего ребёнка внутри себя. Ей не хотелось ничего загадывать, ничего представлять на ближайшее время. Поражало умение Рудольфа разъединять в себе телесное и душевное, Ксении казалось, что свою душевность он полностью утаскивает к своей маленькой наседке в её игрушечную пирамидку. Нельзя было даже сказать, что он выталкивает её, Ксению, из своей души точно так же, как из своего отсека, сразу или почти сразу после всего того, что между ними происходило. Он её туда и не пускал, в то потайное обиталище, что именуют душой, оставаясь для неё закрытым. Вернуть прошедшее ей не удалось, и это было глав-

ной болевой точкой во всех её размышлениях.

Однажды она была у него в сокровенной домашней сердцевине, в его замысловатой пирамидальной спальне. К чему он придал семейному жилому отсеку такую странную геометрию, Ксения не понимала, а спрашивать? Ей это незачем. Для чего пригласил к себе, тоже не понимала и не могла бы сказать, что ей было от этого комфортно. Напротив, было неуютно там находиться, он и там не пустил её дальше условной прихожей своего, по-прежнему закрытого существа.

Доверчивая домашняя птичка-курочка потопала со своим выводком на праздник для детей и взрослых в Центр досуга «Сиреневый лотос», вот так его обозвали, центр их посиделок и, так сказать, культуры, личного творчества и совместного общежития. Многие дети там и жили, по сути, имели свои отсеки отдыха, где за ними следили воспитатели из числа добровольцев, любящих детей не только собственных, но и детей в принципе. В тот день было приготовлено какое-то невероятное угощение, искусственная ёлка и спектакль для детей и взрослых. Мероприятие охватывало собой практически целый день, а папа под предлогом ночной работы в подземельях спутника хотел отоспаться в одиночестве.

Не без страха Ксения переступила черту его жилья, ощущая себя кощунником, посягнувшим на чужую святую территорию, где всё было сотворено и отлажено для сокровенной домашней жизни с любовью, и не для неё, бродяжки. Так иноверец должен входить в алтарь чужого храма, где ему не

место, где всё пронизано незримой вибрацией чужих молитв и чаяний, и как тонкий человек она не могла ни страдать от своего святотатства, но он позвал, и она пришла.

Пришла зачем? Если ничего не вернулось из того, что жаждала она воскресить в своих чаяниях. Ради чего берегла сокровища прошлого, память, обернутую в нечто, чему не было названия, но что она разворачивала бережно, дабы ничего не повредить и не утратить после очередной своей ре-визии. А он не помнил почти ничего. Она пыталась в первое время соединить перлы своего тайного клада с теми, что были у него. Словно для того, чтобы нанизать всё это на новую и прочную нить вместо порванной. Но убедилась в том, что нечего ей и надеяться на восстановление утраченного.

Никакого драгоценного ожерелья ей не собрать. Найти в захламлённом ящике, чем было отделение его памяти о прошлых женщинах, то, что ей необходимо, оказалось невозможно. Настолько там всё оказалось перепутано, не прибрано, настолько хозяин не придавал ни малейшей ценности собранному добру, где всё свалил в груды, а многое выкинул без сожаления. Человек конкретного действия, реальных, а не отвлечённых чувствований, он редко туда и заглядывал, если заглядывал вообще, когда ему было? А если случалось в редкую тоскливую минуту, то неизбежно спотыкаясь обо что-то из того, что выкатывалось ему навстречу из потревоженной груды, он отшвыривал это в досаде. Всё было не то, всё ненужное, не пригодное уже ни к чему. Прибраться бы,

всё вымести вон, да хлопотно, проще пнуть и закрыть, забыть. Приходится же людям существовать на одном обжитом пространстве с отходами своей цивилизации, куда от них денешься? Так и память у иных, как свалка или как мусороперерабатывающий завод в глубоких шахтах, где чётких форм былых изделий, как и их былой безукоризненной красоты, ценности, или простой полезности не распознать уже никак.

Ксения заглядывала и отшатывалась. Её охватывало отчаяние. И предпочитала топтаться «на коврике в прихожей», удерживая себя от безрассудного заплыва в окончательную уже гибель. Любовные игры не отменяли его противоречивой природы, его эгоизма и непредсказуемости. Он мог, как и тогда, сделать самое несообразное. Мог жениться, а мог и выбросить в замороженную атмосферу за пределы купола. Кто ему тут закон и ограничитель, кроме него самого? Другие люди? Жена? Да плевал он на других людей – подчинённых, а жен – сколько у него было, и сколько может ещё быть.

Но думая так, Ксения ничуть не обманывалась на этот счёт. Если и удастся отгиснуть от него его «чародейку», то в свободное пространство втиснется, и немедленно, Рита – разработчик коварного замысла. Так чего ей, Ксении, и стараться ради Риты? Пусть живёт со своей доверчивой и милой наседушкой, так радостно кудах – тах-тах тающей над своим выводком. Зачем разорять такое, насиженное не ею, тёплое гнёздышко?

Артур – очередной заскок или попытка спасения?

Да и другой, тайный, параллельный поток раздумий тѣк в её сознании наяву и во сне, в трансформерах бессознательного. Это была, действительно, тайна. От Ксена, от Рудольфа, от всех тут насельников, кроме одного. Тайной был Артур.

Как-то он пришѣл к ней в оранжерею. Сорвал несколько бобовых стручков и захрустел ими, после чего их выплюнул и сказал, – Ну и гадость! А горошку зелёного сахарного нет?

Ксения молчаливо указала на ровные стволики в посадках гороха, на которых висели совсем ещё плоские стручки. Он стал хрупать зелёными незрелыми шкурками, но ему быстро надоело, и как-то поняла Ксения, что цель визита не страсть к бобам и гороховым стручкам.

Рослый, бритоголовый, умопомрачительно синеглазый, с волевым подбородком из тех, что возбуждали её на том самом уровне, на уровне низа, ведь возвышенные уровни арендовал Ксен, Артур тем ни менее мерцал глазами мягко и робко. Яркие, но также мужественные губы были сжаты. Разговорчивым он не был. Чѣрный комбинезон подчеркивал стройность и силу. Не человек, эталон, образец пришѣл к ней неизвестно зачем.

Он долго наблюдал за её возней среди упорядоченных за-

рослей и геометрически сложных узоров многочисленных рядов-рядок. Она занялась своими делами, оставив его в одиночестве у зелёных насаждений. Если бы увидел Ксен, то крика бы не избежать. Ксен не терпел праздношатающих-ся бродяг на своём священном экспериментальном огороде. Ксения ждала, что вот-вот Ксен высунется из своих подземных глубин и зашипит на пришельца. Самой ей вовсе не хотелось его прогонять. Чего ему было надо? Ксения знала, потому и не спрашивала. Тот визит произошёл в самом начале её жизни на спутнике.

– Я тебе нравлюсь? – спросил он.

– Да. И что?

– Я хочу, чтобы мы подружились.

«Подружились» – какое знаковое словечко! Папенька не иначе вписал его генетически в лексикон своего сына.

– Как думаешь, зачем я тут? – Ксения стащила перчатки, испачканные в питательном растворе для растений, брезгливо их осмотрела и выбросила в контейнер для отходов, а Артур внимательно следил за всеми движениями её рук, как будто усваивал её уроки по уходу за зелёной массой, так всем необходимой в пищевом рационе.

Подобная детская пристальная внимательность забавляла её, как и всё происходящее. Он наклонил голову к плечу:

– Зачем? Зачем все, затем и ты.

– Я могу работать где угодно. У меня много профессий. Но у меня тут своя сверхзадача.

– Какая?

– Заиметь себе ребёнка. – К тому моменту Ксения его как раз и заимела, но знать об этом – никто не знал, даже Рудольф.

– И не абы от кого и как, а по взаимному глубинному совпадению, больше чем по влечению, скорее по сверх влечению. Это была теория моего отца. Суть в том, что для зарождения полноценного, максимально одарённого потомства, нужна искра Божья. А она дар, от того среди людей столько хлама, что дара им нет. Или мимо проходят, или бросают через левое плечо. Что это «искра Божья»? Это любовь. И такая любовь, которая плавит внутренности человека, даёт ту нужную температуру, то давление, что и порождает алмаз. Ну, это всё метафора, понятно. А так, теория моего отца – она очень сложная. Он считал доказательством этой теории, не будешь смеяться? Себя, мою маму, меня. Всех тех, от кого, как он говорил, глаз не отвести, мимо не пройти, от кого озарение распространяется на всю округу. Что именно озаряет эту серую округу, уже не важно, ум, талант, красота, иногда всё вместе. Поэтому раньше и говорили о талантливых людях «Бог в темя поцеловал». Такие люди всегда добры и человечны, они всегда несут на себе отпечаток гения Творца, Его поцелуй. А Творец, Он же благ. В Нём нет ничего от тьмы и зла. Нельзя человеку пренебрегать даром Творца, если Он входит в сердце. Его не проспшишь, сердце же начинает гореть и петь! Сердце, подчеркну, а не область генита-

лий. Это уже вторично. Это средство, инструментарий. Ну, не важно это. Утомила?

– Можешь не продолжать. Я всё понял. Ты прибыла к моему отцу? Любила его на Земле в молодости? Первая любовь. Как и у моей матери. Видимо, дар был очень большой, раз он решил поделить его на части между вами.

– В молодости? А я стара?

– Не напрягайся. Вика меня посвятила в твою тайну. А то решишь, что я провидец.

– Да, – признала его правоту Ксения, не очень сердясь на Вику, не принимая её болтливость, но понимая её открытость возлюбленному мужу. – У меня за много лет не произошло зачатия ни от кого, и от мужа в том числе.

– Ага. И от мужа, в том числе, – повторил он, мерцая усмешкой. Эта усмешка была не иначе, как их родовым свойством, он стал сразу похожим на своего отца.

– Я только от него могу получить здорового, качественно-го ребёнка. Ну, естественно, максимально здорового и умного для моих возможностей, а не вообще. Он может быть и не очень удачным в сравнении со многими, но от других у меня будут ещё хуже.

– Твой отец был мистик? Я мог бы дать тебе ещё лучших детей, чем... Не будем называть имен.

Ксения поразила его приткности.

– У тебя двое уже. И жена, кажется.

– Почему кажется? Есть, да. Но она жена только тут. Она

это знает. Я свободен и не давал ей гарантий на будущее. Я же не знал тогда, что ты тут появишься. Но я и на Земле стал бы тебя завоёвывать.

Он придвинулся ближе. Он был значительно красивее отца. Но был ли он умнее, это ещё вопрос. Её обдало жаром, или вернее его накалом, который он и не пытался скрыть.

– Я... У меня будет ребёнок от твоего отца через положенный срок. Уже.

– Ну и пусть будет. А потом? Хочешь, чтобы был от меня? Оставайся здесь и рожай мне. Если улетишь, я рвану за тобой. Твой стручок не в счёт. Все видят, что он фикция.

– Почему?

– Ты королева, а он жалкий огородник. Кричащее несоответствие. Если бы не я, тебя разорвали бы тут на сувениры, но я всех умею держать в нужном формате. Не столько отец, сколько я. У него сила, а у меня авторитет. Это важнее в таких местах. Это был риск – появляться тебе тут. А отец? Что ему до твоих теорий. Он практик, рациональный функционер, а не поэт, и давно забыл тебя. Ну, увидел, вспомнил, воспользовался, раз ты не против. А дальше? Что дальше?

– Буду рожать. Мне и не нужно никакого «дальше». Моё «дальше» с ним и не связано.

Ксения подставляет передник для признаний Артура

– Я буду тебя любить. Ты здесь самая красивая, самая лучшая. Не здесь, не так, а лучшая всюду и везде. Потрясающая, особенная, нужная мне, самая удивительная женщина после... – и он замолчал.

– После твоей Вики?

– Нет. Но это уже не важно. Давно не важно. Когда я тебя увидел, я думаю о тебе каждую ночь.

– А днём забываешь? – Ксения с улыбкой смотрела в мальчишеское потрясение его глаз. Плечистый мужик, огрубелый космодесантник говорил как наивный мальчик и тронул Ксению настолько, что у неё защипало в глазах.

– Днём? Я мечтаю о тебе постоянно. Я не помню, чтобы видел на Земле таких девушек. Только на той Паралее. Там были среди огромного количества несуразной серости редкие лица, лёгкие и сказочные девушки. Колибри. Но нам запрещали иметь их в постоянных подругах. Были страшные трагедии из-за этого. Трудная служба, законы конспирации, женщинам было нельзя к нам вниз. Нельзя было, чтобы те, верхние люди догадывались о нашем присутствии в горах и в глубинах их планеты, о нас, как об эмиссарах другой планеты. Понимаешь? Не потому, что мы хотели им зла, а потому, что мир их был несовершенен.

– Как же Нэя? Как же Рудольф её там нашёл?

– Он из особых структур ГРОЗ, а таким, как он можно было жить иначе, чем нам, простым солдатам.

– Ты плохо спишь по ночам? – Её тянуло к безобидным подковыркам над ним. Совсем как в школе над тем, кто нравится, – Ночью нужно спать, а не думать.

Он не улавливал нюансов в её голосе, не понимал скрытой игры. В нём присутствовала простота его матери, определённая ограниченность, ясность и открытость, он не страдал запутанностью и сложностью в своей мотивации, как это было свойственно его отцу, но его появление было ей настолько приятно, что она удивилась сама себе.

– Сплю я нормально, я же не неврастеник. Хотя бывает, конечно, как и у всякого человека тут, минуты пикового нервного напряжения, потом спада, тоски отчасти. Это нормально. Внеземная среда – она не для слабаков. А ты – просто восхищаешь меня. Всегда спокойная, ироничная, всегда смотришься – блеск. А Вика? Она чудесный человек, но, похоже, у меня к ней всё истончилось, всё в прошлом. Она была для меня как средство от одиночества, хотя это и обидно было бы ей, если бы она узнала. Но кто ей скажет? Пусть думает, что была любовь. Я был одинок, очень. Наши девчонки, те, что тут работают, служат, они слишком раскрепощенные, слишком циничные, подчёркнуто функциональны в смысле секса. Мне так не нравится, мне это не подходит. И Вика, когда появилась, чистая, ласковая, открытая женщи-

на, в ней нет двойного дна, нет склочности, как это у многих дам тут проявляется, хотя она и была первое время несколько подавлена, но когда мы подружились, она стала совсем другой, жизнерадостной. Наверное, жестоко будет ей узнать правду, но это произойдёт только в том случае, если ты скажешь мне, что ты согласна принять моё чувство. Захочешь ответить.

– Как же твои мальчишки?

– Моими так и останутся. Я хочу много детей, как у отца. Но от любимой женщины. От такой, как ты.

– Смешной ты... – Ксения неожиданно положила руки на его бесподобные плечи. Если бы Рудольф говорил ей это! Смотрел как в той колоннаде, как у того фонтана уже здесь на спутнике. Какой выброс произошёл тогда из его замороженных глубин? И почему он заморозил его опять? Она ощутила острую тоску, желание, чтобы вместо сына тут стоял его отец. – Зачем ты бреешь голову? Ходишь, как отполированная каменная сфера. Отрастишь волосы, если я попрошу?

– Отращу.

Ксения приподнялась, а он нагнулся, и они соприкоснулись губами, слегка, без поцелуя.

Ксен сидел где-то в своих подземных лабораториях, программируя роботов, которые никогда не смеялись над ним. Ксения замерла от своей испорченности, это было и подлинное влечение к молодому, объяснившемуся ей в своём сильном влечении, внешне потрясающему человеку, но это была

и её страстная жажда мести Рудольфу.

– Я хочу впустить тебя в себя, – прошептала она, но ощутив его напряжение, поняв тот очевидный смысл, который был и не скрыт в её словах, испугалась и поправила себя, – Впустить в свою душу. Постепенно раскрыть тебе себя, но не сразу. Не скоро. Ты должен понять меня, а потом уже принять во мне всё. Чтобы это не было так, как у большинства тут. Дичайшие всплески чувств, а потом длительное отвращение, от которого тут некуда прятаться, все постоянно на виду друг у друга. Ты меня понимаешь? У нас так не должно быть. Я должна выносить ребёнка твоего отца, в противном случае это будет похоже на извращение. Носить в себе ребёнка Рудольфа и спать с сыном Рудольфа. Тебе не хочется, чтобы было так? Ты перестанешь сам же уважать меня.

Из своих подземелий вылез Ксен. Он настолько пребывал в своём собственном мире, или же настолько был уверен в Ксении, хотя в чём он мог быть уверен после того, что происходило у неё с ГОРОм на маленьком замкнутом объекте, чем мог утешать себя, Ксения не понимала, что не обратил на Артура особенного внимания. Так же могла придти и Вика, и Нэя, и кто угодно. Мало ли. Захотелось человеку свежего огурчика, укропчика, лучку на хлебец. Что удивительного? Он сонно кивнул, даже не взглянув, кто и зачем пришёл. Артур для видимости набрал редиски и сорвал пучок лука.

– Придёшь? – спросил он, – вечером? Мы играем в старинную игру. Раскопали тут такой дремучий архив, не знаю

уж чей. Вот, осваиваем правила игры. Покер, называется. Рудольф в гневе. «Вы что, совсем разложиться решили? Это же откат в железно-каменный век! А то вот ещё бывает, так называемая «русская рулетка». Не желаете ли собственную душу на кон ставить»? Отчитывал как школьников, а мы да, да, шеф! Позор нам! Мы больше не будем. А сами иногда дурим помаленьку. А ты, Ксен? Придёшь?

– Покер – джокер, – Ксен, наконец, удостоил Артура взглядом, – Играете на цифирь? В противном случае в игре нет интереса.

– Разумеется.

– И как у вас обстоят дела с мастерством блефа? Вряд ли среди вас найдётся кто-нибудь, кто сравнится в этом с Ксенией.

Артур посмотрел на него как на говорящий кабачок, то есть как на невозможную нелепицу, и вскоре ушёл.

– Повадились, – ворчал Ксен, – как козлы в огород. Все грядки вытоптали, то укропчику им, то помидор «вынь да положь»! Идите в столовый отсек, да берите. Нет, сюда прутся! А тут закрытый сектор, люди работают.

– Кто ещё? Ты говоришь о нём во множественном числе.

– Он не первый. Просто я всех отвадил. Шеф тут залез. Я вышел, а он даже оторопел: «Ты чего наверху»? – «А вы чего»? – спрашиваю. «Лучку», – говорит, – «захотелось, перьевого с хлебцем». Я бы пришёл в его служебный отсек без него, представь, и шарил бы там в его мониторах? А ко мне

всем можно! Может, это негодные к пище образцы? Прежде чем в рот тащить, надо же контроль качества по всей форме провести. Тут же полигон, хоть и зелёный. В прошлый раз в баклажанах было повышенное содержание радиации, а если бы без проверки и сразу на стол? Но что они понимают, а ещё смеются: Гороховый стручок! Или как там? А если б стручки у самих отсохли, не до смеха бы было всем.

– Не бубни, надоело.

После прихода Артура Ксения уже не напрашивалась к Рудольфу, но он сам её звал, и она приходила, даря ему себя, как благо свыше, как милостыню, презирая того, кому подавала, как часто и бывает. Но это было её самовнушением, очередной игрой на отвлечение от очевидного, от своей любви вовсе не к Артуру. Доверчивый Артур взял с неё слово, что она не будет ходить к шефу, не думая за ней следить. Он сам был человеком слова и верил другим, он обещал ей ожидание того времени, когда она родит, чтобы потом он мог любить её по-настоящему и всецело одну, отправив Вику на Землю. Что будет там, в будущем? Ей не хотелось думать ни о каком будущем. Здесь на спутнике она жила только настоящим.

Каря для грешницы

Тогда же, когда они с Рудольфом валялись в семейной пи-

рамидке, в греховном укрытии, Ксения с любопытством изучала шёлковые вензеля затейливого орнамента из сказочных цветов. Семейное бельё, любовно украшенное рукодельницей женой, жгло голую спину и бёдра коварной прищелицы. Всё было изготовлено для их, Рудольфа и Нэи, священного интима, а на шёлковых лепестках, казавшихся только что сорванными в неведомых садах, елозили и стонали осквернители её доверия и попорченной чистоты её дома. Места, где она в любви зачинала детей, где верила в хрустальное будущее, уже не существовало, как и реальности того ландшафта, который переливался то зелёным, то сиреневым туманным массивом, и колыбался от такого же иллюзорного ветра, каким был сам. Само место также превратилось в иллюзию семейного единства.

Всё это Ксения прекрасно понимала, страдала этим пониманием и жалела Нэю. Впервые она настолько остро жалела её, вдохнув аромат её белья и её осязаемого, разлитого всюду доверия к мужу и любви к своим детям, ничего другого у неё не было, кроме пирамидки, голографической картинки и детских отсеков за стеной с игрушками и кроватками детей. То был её мир, весь как на блюдечке, маленький, замкнутый, святой и разорённый пришедшей воровкой. При попустительстве отца семейства. При его соучастии в разорении. Он только что признавался ей в том, как ему с нею потрясающе.

– А с нею, с твоей курочкой, тебе как?

Прежде Ксения не задавала ему таких вопросов никогда. Тема его семьи была для неё табу. Но сейчас он сам же и порушил все границы, отделяющие сакральную часть круга обитания Нэи от того пространства, где обитала Ксения. Он сам смешал их в своей постели, пропитал выделениями любовницы ложе жены. Ксения потерлась взлохмаченной головой о подушку Нэи, как собака, метя захваченную территорию. Жалость шла из источника, в котором как бы и не было пола, от её мятущегося духа, а трение волос о подушку – уже от инстинкта, от злого и радостного захвата места соперницы. Хотелось всыпать и ему заодно, словесно, из запаса тех словечек, которые шокировали его, как и её отца в своё время. И Ксения злорадно выругалась.

– Тебя возбуждают непристойности? – спросил он усмешливо, но оскорбился на поправление своих чувств к ней. Но в чём он ей объяснился только что? В каких таких чувствах? В своей зависимости от того, что регулярно происходит между ними и будет происходить неизвестно до какого финала? Да ведь никакой зависимости и не было. Тьфу ему на это! Или не тьфу? – Воображаешь, что схватила меня за горло?

– За горло? Мне кажется, что это какое-то другое место, где-то ниже.

– Пошлячка, вечно всё способна испортить. С моей щебетуньей мне так, как ты себе и не представишь. Тебе не с чем сравнить подобное. Как никогда не было и не может быть с тобой. Потому что я её люблю.

– Почему не любил меня?

– Потому что ты всегда изменяла, ты же... – он не стал отвечать ей тем же, чем оглушила его она только что. Но он умел сделать больно и простыми словами, раз уж она первая начала недостойную игру.

– У неё – священный бутон, а у тебя – постоянный двор для бродяг.

– Я так поступала в отместку тебе.

– Это неважно. Это лишило тебя моей любви. Навсегда. Я могу любить только тех женщин, которые всецело мои, безоговорочно всё принимающие от меня.

– Нэя тоже уходила от тебя на Земле в отместку.

– А я её и не простил. Не думай. Я не умею прощать. Поэтому я с тобой, а если бы не это, тебя бы тут не было. А Лору я любил, потому что она никогда не смотрела на других, как на объекты влечения или мести мне. Она всегда была моя. С того самого дня, как согласилась стать моей.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я умею вас, дурёх, считывать и понимать.

– Ну и что же ты, великий провидец, читаешь сейчас в моей душе? Что в её тайниках?

– Мне нет дела до твоих тайников, как и до твоей души. Ты же не моя вещь. А она, Нэя, моя. И её я знаю всю досконально. Я говорю только о тех женщинах, которых люблю. А что мне ты? Когда я любил тебя, я понимал в тебе всё, даже то, чего не понимала ты сама. Когда же ты мне опротивела,

ты была мне не интересна, в смысле прочтения твоих, как ты выражаешься, тайников. Что у тебя там, кроме копоти и грязи? Чего ради мне совать туда свой нос. Ты нужна мне совсем для другого.

– Как орудие мести своей золотой курочке?

– Можно и так сказать. Но не только...

Непереносимые для слуха фразы не мешали ласковым прикосновениям, он оглаживал её как хрупкую драгоценность.

– Просто ты всегда гостеприимна, никогда не устаёшь. Не хочу её утомлять. Ей трудно тут жить. Она маленькая и хрупкая, она рождена на неблагоприятной планете, у неё мало сил, не то что у такой кобылицы, как ты. – И он больно ущипнул её за бедро. Ксения лягнулась. Он схватил её за ногу.

– Копытца побереги, а то вдруг выверну ножку ненароком.

– Сам ты парнокопытное чудовище! Твой сын совсем другой, чем ты! Артур он...

– Что тебе до моего сына? – В глазах Рудольфа, в зрачках засверкали острые и опасные лезвия, – даже не смей произносить его имени! Он не как ты. У него нет от тебя противоядия, змея.

– Сам Змей Горыныч! То змея, то лошадь! Всю фауну перечислил!

Ксения не могла вылезти, как ни старалась из его железных тисков.

– Можешь помечтать, если хочешь. Но когда я тебя выкину, не воображай, что я позволю тебе ползать в его душе. Я буду за тобой следить и раздавлю тебя сразу, если что замечу.

И хотя Ксении стало жутко от его страшных глаз, его слова её развеселили. Он ничего не знал! Что Артур таскается к ней и Ксену в оранжереи, где Ксен сделал из него батрака себе, используя его готовность там отираться в свободные часы. Что Артур ждёт не дожждётся его заменить на боевом посту, а она, Ксения, несколько не боится Рудольфа и его угроз. Когда родится ребёнок, что он сделает ей? Соскальзывание к пределу допустимого придало ещё большую остроту её ощущению – страху пополам с весельем.

– Как я могу, о провидец и повелитель! А курочка твоя не догадывается ни о чём?

– Нет. Она доверчива и любит.

– И тебе не жалко её?

– Жалко.

– Ну, ты и гад! – она хохотала ему назло, как делала это всегда, даже тогда, когда он тряс её за мнимые измены, накликав подлинные. Воспитывал гад! Потом ему уже не было дела до её нравственного облика, он женился на Лорке.

– А твоя цветочная Лора как тебе верила! Блюла себя. Но что в итоге? Ты же её бросил насовсем. А она долго верила, что ты вернёшься и, прочитав своим всевидящим оком, или что у тебя там, что она жила монашенкой годы и годы, ожидая тебя, поймёшь её беспримерную верность и възрыдаешь

на её груди! Ну и что? Дождалась?

– Заткнись! – и он больно схватил её за ухо.

– Ухо оторвешь, зараза! – Лягнуться он ей не дал, зажав так, что она и шевельнуться не могла.

– Будешь прикасаться своим змеиным жалом к тому, к чему не смеешь, я тебе его отрежу, как в средневековье. В подземельях есть один отсек, специально для неисправимых преступников приготовленный. Я, понятно, всё сделаю под полным наркозом, но кончик ядовитого языка будет усечён. Усвоила? – О! Как это напомнило папу, как будто Рудольф был с ним сиамским, хотя и разделённым давно близнецом. Конечно, он лгал. Но злоба его ложной не была, и Ксения умолкла. Дразнить его было весело, но опасно. После его диких трансформаций на дикой планете Трол он был не тот, что прежде.

– Веселишься, идиотка. А зря. Здесь же космический отдалённый пиратский, по сути, остров. Здесь, прежде чем навести порядок, знаешь через что пришлось пройти? Ты бы у Риты поинтересовалась, как она тут заткнулась в щели и носа своего гордого не высовывала. Даже она, ты слышишь, даже она боялась меня. Здесь непредсказуемый мир. Здесь такая убыль людей, кто их тут считает? Ты думаешь, они из уважения к моим заслугам ходят передо мной по струнке все? Кроме тебя, потому что я тебе всё позволяю. За твои сладкие услуги. Ты мне заменяешь тут мой любимый воздушный зефир, которого тут нет. Способствуешь выработке соответ-

ствующим гормонов радости и не больше. Здесь тебе не благодатная старушка Земля, здесь своя жёсткая иммунная система, карающая чужаков, а чужаки те, кто не хочет исполнять железные законы. И нарушители просто распыляются. И на это есть санкции свыше. А у тебя уже нет твоего папы, способного за тебя спросить. У тебя нет никого, ни в этом мире, ни на Земле. Кроме облезлого немощного Ксенофунтика твоего. Ясно? Сколько их тут было, пропавших при облётах и исследованиях планеты «Мамы», сколько было аварий, случайных и нелепых смертей по неосторожности. Да и просто исчезнувших неизвестно где, убредших неведомо куда в приступе умопомешательства. Здесь же люди с ума сходят запросто! Необитаемый, огромный и неизученный мир вокруг! А я тут для всех как Бог, карающий и милующий. Без иерархии в таких местах нельзя! Не выжить! Поэтому не зли меня! Предупреждаю. Залезла сюда и сиди тихо, как редиска в своей делянке, когда нужно будет, тебя дёрнут за хвостик. Ну, понимаю, решила испробовать своё волшебное воздействие на мне, отыграться за прошлое, и я тебе милостиво позволяю порезвиться, но знай свои рамки. Ясно? Скажи, да!

И он зажал её шею так, что Ксения испугалась уже настоящему.

– Да, – прошептала она.

– Ты же помнишь того шоколадного мальчишка-красавца Рамона? Он же тут служил. Не знала? И где он? А как сю-

да рвался. А я его предупреждал. Он тоже всё юморил, потешался. Решил, что после своей зловещей Пантеры попал в мир добрячков.

– А ты злой?

– А ты не знаешь, какой я стал?

– Рита сказала, что вылечила тебя.

– Вылечила? От чего? От моей натуры? От того, что во мне змеиная кровь матери Змеихи? Я хороший лишь настолько, насколько я сын своего отца, и настолько же опасен, как сын своей матери. Природа моя такая, детка. И только доктор Вечность меня и вылечит. То есть, Смерть. А Рита – смерть разве?

Ксения отвернулась, нырнула под уютные расшитые, как это делали в старину, простыни.

– Страшный же ты! Дура Лорка, как она радовалась, что ты её выбрал. Она же ничего не знала обо мне. – Ксению несло от реального страха перед ним совсем не в смирение, а к ещё большему буйству. – Мы как раз проходили практику в городе на искусственном спутнике, и она всё трендела нам о том, как ты её любишь, какие уникальные камни ей даришь. И всё бусики свои целовала, красненькие. А я над ней смеялась, в душе, конечно, я и не подозревала, чем всё закончится. Знала бы ты, думаю, сколько их у меня валяется в доме по пыльным углам, и каждый-то камешек омыт слезами. И тебе придётся это сделать. Увидишь! Но она не знала ничего ещё. Что ей предстоит. «Мерлин, мой Мерлин». Дракон, ко-

торый выдавал себя за Мерлина, и чья огнедышащая пасть её спалила, дурру. У меня-то у самой чешуя была защитная, как ты это говоришь, я была защищена настолько, насколько была дочерью своего броненосного папы, и настолько же беззащитна, как дочь своей нежной и добрейшей мамы. А Лорка? Она сгорела полностью.

– Тебе надо писать сказки для детей, моя Шахерезада, – сказал он, любуясь ею и оглядывая, будто и не душил только что. – Мне всегда везло на талантливых девочек. Всё же семейные радости пресны сами по себе, без такой приправки, которая живёт теперь в наших оранжереях. Ты моя фантастическая сексуальная игрушка, только живая, а потому и бесценная. Почему Нелли нарасхват, а куклы валяются в подземных отсеках, и никто не хочет их активировать? Потому что по-настоящему всегда лучше, а играть в самообман наедине с собою смертельно тошно даже там, где человечность с лёгкостью может испариться раньше утраты физического тела.

– Гад, – прошептала Ксения, жалея Рамона, о котором знала давно, знала, что он был мужем Нелли. – Вы все тут умерли, именно что раньше физического тела. – Она не сказала, «ты умер», боясь его. – Не заслужил ты своих семейных радостей, и эту искусницу не заслужил. Зря она примчалась к тебе. Зря. И я тоже зря.

Ксения не уставала разглядывать и удивляться искусной цветной вышивке. Что за технологии она использовала?

Объёмная, какая-то неземная работа, тем ни менее Нэя как-то всё это тут проделывала. И не технологии это, а её искусные руки. Ксения накрыла себе лицо, чтобы скрыть мимику ненависти к нему, любуясь сквозным узором, через который был виден конус пирамиды, и небо, будто летний земной закат охватил неземное небо всё целиком. От его красоты было больно глазам, из них лились слёзы. Вензеля, вышитые чудесными пальцами, были мокрыми.

Он стащил простыню с её лица и, не сводя глаз с Ксении, как будто и ждал этого момента её страдания, вошёл в неё и долго, умело растягивая время, терзал её без всякого ответа с её стороны. Не потому, что этого ответа не было, а потому, что Ксения не хотела его обнаружить, прикусив зубами ткань с вышивкой. Она не умела его не любить даже тогда, когда ненавидела.

– Кричи, – потребовал он, и только после её крика завершил свою манипуляцию с негодной вещью, которой она и была.

Девушка-лебедь, утратившая крылья

В тот же день, когда вернулась она из чужого и осквернённого святилища, которое таковым уже и не являлось, то достала из серебристого контейнера статуэтку, обернутую в шуршащую бумагу в ландышах. Бережно открыв, вот так же,

как открывала свою память, увидела маленькую балерину – лебедя. Ксения взяла её в руки и сунула в рот, как ребёнок, фарфоровую изящную ручку, которую откинула в сторону хрупкая белоснежная красавица в многослойной пачке и затянута в корсет. Неужели было то время, когда и она, также одетая, летала подобно пёрышку, если смотреть издали, в сказочных и выдуманных мирах. Те миры были придуманы творцами прошлого, как зримое, пусть и игровое, воплощение мечты человечества о райской гармонии или, по крайней мере, о вечном стремлении к ней. А разбилась банально, как неуклюжая дура, не будучи фарфоровой, плюхнувшись своим доверчивым лицом в грязь. И всплыли из памяти те шлёпанцы, в которых он припёрся туда, куда все ходили в изысканных реликтовых нарядах, и женщины и мужчины, редкие ценители старинного искусства. И в шлёпанцах тех тоже был явлен знак: не твоё! Держись подальше! А не только та игра солнечных бликов на мраморном лице Аполлона, стоящего в тени, которые оживляли его, и он казался гневным. Люди – ценители смотрели на Рудольфа с недоумением, косились на него, выходя из театра. Рудольф был нарушителем их этикета, принятых тут правил, он был чужак. Из-за постаментов торчали колосья с васильками, там таился, придавленный неожиданным появлением соперника, Ксен. Но на что он мог надеяться в то время, если бы не утрата девочкой-пёрышком своего полёта. Легковесный ветерок обернулся уничтожающей бурей...

Ксения думала об Артуре, о его лёгкости, доброте, он не будет расщепляться острыми занозами и ранить её, он будет целым в её объятиях, даже отправив несчастную Вику на Землю, он же не обещал вечности, а честно всё объявил с самого начала. Вдруг Артур станет её, Ксении, наградой?

– Что, родная? – спросил внезапно подошедший Ксен, целуя её в рыжие завитки на шее, открытой подобранными вверх волосами. Он не знал, что совсем недавно её хватали за эту шею с намерением задушить, и Ксения заплакала от запоздало осознаваемого унижения. Конечно, никто бы её не задушил, все это было лишь направленной на её подавление жестокой игрой.

– Вспомнила своё прошлое? – он потрогал балерину в её руке, – Откуда это? Здесь и такие игрушки?

– Из маминой коллекции взяла с собой одну на счастье. А дома всё убрано. Как она умерла, я всё и убрала, вот ты и не видел. У меня их до сотни будет. Разных эпох, разных стран. Когда вернёмся, я сделаю домашнюю экспозицию, как было у мамы. Конечно, мальчика обучать бальным танцам не будем, а девочку – обязательно отдадим в школу искусств.

Ксения, развернувшись, обняла Ксена:

– Как жаль, что ты не смог мне подарить ребёнка. Особенно хороша бы была от тебя девочка. От таких мужчин, как ты, рождаются миниатюрные и утончённые девочки. Почему так, Ксен? Почему у нас нет детей? Почему не выходило? Мне жаль тебя, себя. Жаль нас с тобой.

– Мне тоже жаль, но не себя, а только тебя. Но я всё равно ценю твою любовь и тебя, самую лучшую на свете, во Вселенной. Ты же знаешь, что мне не была важна твоя юность, которую ты себе вернула. Я любил тебя и той, какой ты была. Хотя никогда не забывал ту фигурку на сцене старого театра. Ты не была лучшей танцовщицей, это правда, но я видел только тебя. Зачем ты бросила всё? Ты могла бы со временем приобрести больше мастерства.

– Не до танцев мне было, да и отец уговорил бросить, заняться более значимым делом. Я послушалась. Это же было хобби, а не профессия.

– Какой я был дурак! Мне надо было не прятаться тогда, а выйти и всё тебе объяснить. Что не твоё, что будет всё плохо. Но ты ушла с тем, я долго смотрел вглубь пустой аллеи и не верил, что это всё. Я считал себя неполноценным внешне, молодой же был, думал, что это важнее, чем ум и душа и прочее.

– Рита всё и подстроила. И думать в отношении неё, что она несёт кому-то благо – немыслимо! Милый, значит, ты не страдаешь? Простил?

– Я же всё позволил сам. Ради чего тебе жить, если не ребёнок? А я всегда буду тебе предан. Всегда с тобой.

Он лгал, он страдал, и он ничего ещё не решил окончательно. Пусть такой, огородный стручок – гороховый старичок, как они там все его дразнили? Но он был мужчина, и Ксения была уверена, что на Земле они расстанутся. Другая

женщина даст ему не только верность, какую он заслужил, но и ребёнка тоже. Родного.

– У меня хорошая память, – сказал Ксен. – Я помню Риту и того, кого она привела в тот день. Он был похож на пирата, высматривающего добычу. Рита загадочная женщина, я даже предположить не мог, что она пригласит меня работать на спутник. Она сказала, твоя Ксюша не поедет, не мечтай, но для тебя это шанс продвинуться в своих исследованиях, да и заработаешь себе средств немало. Она и представить не могла, что ты возьмёшь и согласишься.

Ксен так и не знал до сих пор, не понял, не мог соединить в своей исключительной, как он говорил, памяти в одно целое того юного «пирата» и сурового шефа – ГОРа с бритым черепом и с каменными чертами лица.

– Когда я думаю о тебе, мне жаль, что Всевышний лишил человека вечной жизни и счастья. Такие мысли у меня возникали и при виде мамы. Но когда я смотрю на многих тут, и вообще на иных людей, я понимаю, зачем он так поступил. Чтобы положить предел человеческому беззаконию, греху. Как думаешь?

– Я мало думаю о метафизике бытия. Я больше озабочен своими опытами, разработками. Я не знаю, что правильно, что нет. Но с тобою рядом я хочу вечности. А ты?

– Ты не обижайся. Но я устала от жизни. И вечности я не хочу. Может, потом, когда появится ребёнок, я стану счастлива. Оправдаю через своего потомка надежды мамы и отца

тоже. Они так любили меня, – Ксения закрыла лицо тонкими пальцами и склонила шею грациозным изгибом умирающей девушки-лебедя. Но искренне, ничуть не заботясь о том, как выглядит. Зрителей же не было, а перед Ксеном она никогда не заботилась о надуманной красоте. Грация была природной, отчасти следствием незабытых уроков давнего времени. Перед Ксеном она была, как и наедине с собой, тою, кто она и есть. Ему и в голову не приходило, какие планы она вынашивала на будущее, грезя человеком, который не только удовлетворит её мечь, но и даст любовь. Артур. Он заключал в себе эти две возможности.

Она тут же спохватилась, отгоняя все мысли, все печали. Ей вредно расстраиваться, тревожить своего будущего малыша в его надёжном, как он там считает, мире – чреве матери.

Поистине неземное великодушие

«Курочка» подарила ей детские вещички, едва её живот стал зримым достоянием всей колонии. Курочка была отзывчива. Она продолжала несколько побаиваться Ксении, но, всё же, подошла в кафе и сунула ей сверток в красивой упаковке, сказав:

– Всё новое. Я сама сшила и вышила. Вашему будущему малышу.

Ксения, приняв подарок, ахнула красоте вещиц, тому

невероятному искусству, с каким чародейка их смастерила. Она не удержалась и тут же раскрыла свёрток. Содержимое засияло радужными цветами и тончайшей работой. Обрадовавшись, она сказала:

– Вы как Марья-искусница из сказки, когда ей все изделия ткали волшебные птицы. У вас они есть, эти радужные птицы? Где вы их прячете?

Сидящий в числе прочих Рудольф при её ахах и вскриках про неведомых птиц странно и как-то болезненно дёрнулся. Ксения фиксировала все его мельчайшие движения, слова, нюансы настроения, хотя и не стремилась к тому. Вроде бы она старалась не смотреть в его сторону, но всё замечала и всегда. – Ваш дар был бы очень востребован в театральном мире. У нас всегда были проблемы с художниками и мастерами по костюмам в этом жанре.

– У себя на Родине я обучалась на художника по костюмам для театра. И не только, конечно, но и этому тоже. – Курочка выглядела гордой своим признанием. Ксения взгляделась в её небесные и ясные глаза. Они не имели подводных течений, как глаза ребёнка, были без взвеси тёмного ила, поднятого жизнью со дна, неужели так безмятежна и светла была её жизнь? Возможно ли это?

– У вас там был театр?! – изумилась Ксения.

– Да. Я училась в театральной школе.

– Разве так бывает? – Ксения смотрела на неё как на свою, из бездны Галактики свалившуюся сюда коллегу, страдая за

её наивную иллюзию счастья, за осквернённое и вышитое постельное бельё, на котором, и за дело! Глумились и над ней самой, Ксенией.

– Так ты актриса? – И душа её теплела к этой женщине, и жалость вытапливалась из её ледников всё сильнее, – у вас было искусство? Я и понятия об этом не имела. Все же говорили: – «дикий, ужасный Трол»!

Она растерянна, чтобы скрыть самой себе не понятные чувства, стала тщательно изучать содержимое объёмного подарка. Но побоявшись, что случайно испачкает дары, отложила их бережно на пустующее сидение, после чего принялась за фиолетовый и нефритово – зелёный салат на большом блюде – шедевр Ксена. В тот день так случилось, что после вчерашнего чаепития в честь чьего-то дня рождения не убрали столы, и они стояли в том порядке, как и вечером, то есть слитно, одним большим столом, за которым все и уселись из тех, кто пришли в этот час обедать. Рудольф внимательно наблюдал за их беседой. А потом, протянув руку, он вытащил блюдо с салатом из-под самого носа Ксении, и стал его поедать сам. Словно бы Ксения была проверяющей блюд на предмет их съедобности и безопасности.

– Клариссе это важнее, – сказала ему назидательно курочка с добрыми синими глазами, – и опять поставила тарелку перед Ксенией, – она будущая мать, а не ты.

– А я будущий отец, – засмеялся Ксен неожиданно для всех и тоже потянул блюдо к себе, – да ешьте все! Всем хва-

тит, зелени у нас, овощей в избытке. А там и капуста с экспериментальной голубикой на подходе.

Ксения заметила, как насмешливо сверкнули глаза Рудольфа, но он быстро опустил глаза в сухарницу с синтезированными хлебцами, но практически настоящими и по вкусу, и по пищевой ценности. Почти рядом сидел и Артур. Ксения уловила в нём неприятие Рудольфа, не вообще его в целом, а в данный момент за явленное отношение к Ксену. Артур, поскольку был настроен на Ксению и на всю ситуацию вокруг неё, уловил насмешку отца. Она была слишком очевидна. А что понял или не понял Ксен, понять было невозможно. Казалось, он даже за обедом погружён в свои раздумья, на обеденном столе рядом с ним лежал крошечный планшет, и он продолжал в перерывах между поглощением еды что-то вычислять.

Ксения ласково погладила седые волосы мужа, поправила затянутый хвостик, лежащий на воротнике комбинезона. Пусть все видят, как она любит его, как родного. В этом не было фальши. Артур ласкал её глазами столь же синими и чистыми, как у жены его отца, будто и он был её братом. Он как будто ждал ответ на вопрос, который только что задал, но они не обменялись и словом. Ксения утонула в них вместо своего ответа. Он не сидел, как в другие дни к ней спиной, и Вики рядом не было, и притворяться было незачем, а всем другим дела не было до их переглядываний. Она была осторожна, она обманула даже Рудольфа, и это наполняло её

весельем. Спит его недреманное око, которое всё видит, всё считает в других душах. Он ничего не замечал, настолько не ожидал от неё ничего подобного, не чуял её замыслов. В ответ на её весёлый настрой, ребёнок сильно толкнулся в ней, заставляя задержать дыхание.

– Ну, как же насчёт нашей «Мамы»? – спросил вдруг Артур о планете. Споры о том, как назвать её, ни к чему так и не привели. Все те, кто сидели, технари, военные, учёные, уже решившие разбредаться по своим делам, задержались.

– Имя должно быть простое и понятное. Я тут посмотрел в расшифровках старых имен, «Ксения» – вовсе не означает чужая. Как и большинство имён, оно имеет много толкований. Например, есть и такое объяснение – гостеприимная. Да какая разница, что означает? Сколько наших колоний и планет носят названия, ни о чём не говорящие людям? Какие-то древние вояки, мифические персоналии, животные, как будто эти объекты открыли древние охотники и назвали тотемными именами. Пусть у «Мамы» будет женское имя. Ксения. Мне нравится. А кому нет?

Все галдели, смеялись, но было всем всё равно. Многие спутники и планеты не имели и вообще имени, а только буквенно-цифровые обозначения. Рудольф шурил глаза, будто свет был ему чрезмерно ярок, а его курочка стояла сзади, обняв его за плечи. И Ксении тут пришлось в голову при взгляде на нервные движения её рук, что курочка не так проста и примитивна, и о многом тут догадывается на счёт своего

хитроумного муженька – всеобщего тут провидца и владыки. Она и за Ксенией тонко и незаметно наблюдала. Всегда. Она всегда и всё чувствовала, но как? Возможно, интуиция любящей жены ей это подсказывала.

– Очень красиво будет звучать, – сказала жёнушка, – как думаешь, Кларисса? Пусть будет Ксения. – Она обратилась к Ксении через стол, да и наш Ксен будет так счастлив, он же первый это предложил. Всем было всё равно, но как человек предложил, все восстали против него. Почему?

Все засмеялись непонятно чему.

– А то пишут какую-то буквенно-цифровую абракадабру. Если уж никак не придумаете сами, пусть будет Ксения. – И она стала тормошить плечи Рудольфа, лезла в его лицо своим лицом, но он отворачивался.

– Мне всё равно, – сказал он, – назовите хоть колесом, хоть перекасти полем. Как решите. Это же не принципиальный вопрос. Нам тут жить. Под ней, потом на ней. – Все опять засмеялись. – Нужно же и ей имя.

– У меня одну из дочерей на Земле зовут Ксения, – сказала Вика, только что пришедшая и скромно притулившаяся с тарелкой у самого края сдвинутых столов, там было просторно и осталось много нетронутых закусок.

– А у меня маму так зовут, – сказал кто-то из парней.

– А у меня бабушку, – и все опять засмеялись.

– Имя земной женщины. Прекрасно, – сказал довольный Ксен. – А то я предложил просто как замену аббревиатуре из

пустых звуков, своё любимое имя. У меня маму так звали. Её уже нет в живых. Ведь никто до этого ничего не предлагал.

– И мою маму так звали, – пискнула неожиданно курочка, и все удивленно на неё посмотрели, так как знали, кто она и откуда. – Ксеня, – произнесла она и густо порозовела непонятно от каких чувств.

– Удивительное созвучие, – отозвался ей один лишь Ксен.

«Оставь меня в покое!»

Все стали расходиться. Рудольф исподлобья глядел на Ксению. Артур, Вика, всегда торопливая и успевшая поглотить большое количество закусок за короткое время, а также и нежно воркующая о чём-то Нэя, обозначаемая безжалостной соперницей как «курочка», ушли вместе. У всех была работа-забота, и только они втроём остались. Ксен ел медленно, всё ещё возясь со своим десертом, и всё также прерываясь на свои вычисления и графики, время от времени восклицая и чему-то негодуя. Он ни разу не взглянул на Рудольфа. Он никогда ни на кого особенно не смотрел. Только на свою Ксению, если не был занят своей работой. Ксения почувствовала, будто шепнул кто, не надо ей сегодня к нему идти. И она сказала ему об этом, когда они вышли, она первая, он следом. Ксена оставили дожёвывать и додумывать то, что ему было необходимо.

– Не надо сегодня.

– Почему? Если я хочу. Пойдём опять в лабиринты.

Ксения вздрогнула при одной мысли о том ужасе.

– Мне кажется твоя птичка, щебетунья, как ты её называешь, обо всем догадалась. И давно. Не стоит расшатывать нам свои семейные устои.

– А что, твой евнух-охранитель догадался?

– Он не евнух, – Ксения оскорбилась, – Он нормальный человек. Он сам позволил мне ребёнка, зная, как мне это важно. А биологический отец его не интересуется. Вместо тебя мог быть кто угодно.

– Рассказывай. Кто угодно. Я голову отвинтил бы любому «кто угодно». Здесь всё принадлежит мне. Другое дело, что мне никто не нужен. – Рудольф продолжал её теснить к стене, – когда родишь, я дам тебе вольную от себя. Отпущу на Землю. Но сейчас, пока в тебе моя часть, ты тоже моя. И я этого хочу. Если не придёшь вечером, то изнасилую в лабиринте, как в тот раз, за непослушание. Поняла? Скажи, да.

– Да, – Ксения пихалась, но не сильно, – Нелли – сметанную ватрушку насилуй, ей не привыкать, а я будущая мать. Я устала от тебя, я наигралась в эти дурацкие игры молодости.

Он целовал её в шею, прикусывая мочку уха. В любую минуту мог выйти Ксен, в узком лабиринте коридора мог также кто-нибудь выйти из-за поворота.

– Приходи. Твоё пузо ничуть не помешает. Но если бы ты знала, как я соскучился по нормальному сексу. Угораздило

же тебя влететь так молниеносно. Чего ты брыкаешься теперь? Или ты думаешь, что ты тут уникальная? Чем? Своей обновленной мордашкой? Я не придаю ей никакой ценности, если ты о себе много воображаешь. Если я зову, значит, ты мне нужна. Хочешь, продемонстрирую это?

– Ладно. Не теряй свой хваленый самоконтроль. А то и правда тут накинешься. Вот позор будет, если кто увидит. – И она вывернулась, боясь того, что он способен и не на такое, а отвечать за его наглость придётся ей перед лицом всей тут честной компании. И от них не скроешься, просто негде тут будет. Она будет опозорена, а ему что? Как и в прошлом, ответственность за его изошрённые забавы всегда несла она. Может, это и правильно. Будь она другой, иначе сложилась бы вся её жизнь.

Ксения выбралась на внешнюю поверхность под купол. Её покачивало отчего-то, и было чувство, что живот опустился ниже, но было только семь месяцев. Самочувствие было неважное уже давно, только Вика не обнаружила никаких отклонений ни в чём. И было у Ксении подозрение, что Вика – бестолочь, и что-то у неё не то, там внутри. До любви ли ей сейчас?

Он догнал её и пошёл рядом, провожая её до оранжерей.

– Я не такой, каким был твой отец. У меня есть своё представление о должном и о недолжном. И я никогда не слежу за близкими мне людьми, как это делал он, не веря никому, следя за всеми. За тобой, за Ритой. А по сути, он тем са-

мым проявлял собственную несправедливость, не веря никому и всех тестируя всегда, саму жизнь, самого Бога. И вот Всевышний и подверг его самого тесту, который он и не осилил. А я людям верю порою больше, чем себе, поскольку вижу, когда человек лучше, чем есть я сам. Я слежу лишь за теми, кто может нести угрозу нашей колонии, и в принципе, только за врагами или могущими таковыми стать. Но никогда, ты слышишь, никогда я не опущусь до слезки в личном плане. Ни за одной женщиной я этого не делал. Я и так вижу, и понимаю, на что они способны. Поэтому не переглядывайся с Артуром в полной уверенности, что я подобен безглазой и бесчувственной породе. Твоё пузо не мешает твоему флирту, не будет мешать и тому, чему ты себя тут определила.

– Чему? Определила чему? Я считала, что это любовь, наша, прежняя, а ты говоришь, смеешь говорить мне такие слова, проявлять такое отношение, как будто я самая негодная вещь на свете.

– Да, именно вещь, и негодная к тому же. Тебя сюда никто не звал. Ты постоянно предъявляешь мне неоплаченные долговые обязательства из прошлого, даже когда молчишь. Ты постоянно пережёвываешь обиды, которых я не помню. Я и тебя не хотел помнить, но ты же сама напомнила о себе. И потом, ты плохо читала свой контракт. Слишком была в себе уверена? Там есть сноска. «Принимаю также на себя обязательства дополнительных часов работы в случае необходимости, предъявленной Главным Ответственным Распоряди-

телем...». Ты не отказалась и это принять, а стоило бы поинтересоваться, что это означает. Но ты не одна такая идиотка тут. И ваше счастье, что я здесь главный, а не какой-то заиндевелый в многолетнем вакууме тип с отмороженным сочувствием к себе подобным, вроде того незабвенного Кремня, и особенно к вам, к женщинам.

Никогда не интересовалась, каким деспотом он стал в той космической колонии, куда этот мешок, набитый гранитными внутренностями, был заброшен и назначен потом ГОРом после убийства предыдущего ГОРа? И вот ведь деталь, тот человек, что того ГОРа скинул в пропасть, защищал свою жизнь от маньяка, кем тот ГОР и был. Он всего лишь по случайности стал свидетелем того убийства, что и совершил ГОР, убив женщину, обнаружившую во время проверки все те нарушения, что он и позволял себе вдали от Земли, вообразив себя владыкой целого мира. И Кремень знал об этом. Однако же, парня того, доброго и совсем молодого, оговорил и сослал в отдалённую уже колонию как преступника. Потому что боялся, что и его делишки наружу при тщательном расследовании наружу вылезут. Он не отличал там женщин от мужчин, и всех одинаково бил за малейшееслушание. Оказался элементарным садистом. Разбор его полётов уже на Земле стоил ему карьеры. Чудом не упекли на какой-нибудь объект за добычей полезных элементов. О ГРОЗ ему пришлось забыть. А ведь твой отец души в нём не чаял, провидец хренов! Как и ты, впрочем, была ценителем его, Крем-

ня, большого сокровища, не скажу, что душевного, поскольку оно было несколько иного свойства...

– За что ты так со мной?! – Ксения мысленно отмахивалась от его слов, не хотела в них верить, в их цинизм, в их космический отрыв от всего человеческого.

А ведь и не один отец Воронов возносил её, все в ГРОЗ из тех, кто её знали, души в ней не чаяли. Как же, самый большой силач и скромник при этом, надёжный друг и добряк – широкая душа, такая широкая, что садись в неё как в лодку и катайся себе. Вот уж эта лодочка и потопила потом людей, да и вёслами по лбу так огрела, что те, кто выбрались живыми из того космического сонного заливчика, навсегда усвоили, что не зря нечистой силе приписывают ужасный облик. Не зря! Народ исторически никогда не был дураком, даже если множество его представителей подобны недоразвитым эректусам – прямоходящим обезьянам из сомнительно достоверного палеолита какого-нибудь. И были, и есть. Разве недостаточно было только вида его несовершенной внешности, чтобы понять, каков знак качества был наложен на него свыше за все свершения в отрицательном смысле его предков. Ведь чтобы так нарушить свою природу, надо было постараться не одному поколению. Родовые эгрегоры – слишком серьёзная вещь, чтобы отрицать их наличие, как и сами врождённые поведенческие автоматизмы. Но люди слишком доверяют всякой тупой бытовой мудрости – «с лица воду не пить», «не красна изба углами – красна пирога-

ми», «красота обманчива» и прочее. А вот хрен этим мудрецам в глотку, поскольку внешней красоты не бывает при внутреннем неустройстве никогда! Сколько встречал он безнравственных уродов, они никогда не пленяли своей красотой и внешне. Вечно что-то торчит у них не так пристрочено, вечно нарушена та или иная соразмерность в их облике, как ни стараются их исправить в косметических здравницах. И только она одна была самым невероятным в его юности земным совершенством, самым большим его очарованием, ставшим самым невероятным обманом и самым большим самообманом.

– Пусти меня! Уйди! Ты сам этот вечный обман и мой самообман...

Принятая в столовом отсеке еда давила её изнутри, при том что Ксения чувствовала себя наполовину голодной. Ребёнок занял настолько много места в её теле, что мешал уже всему. Мешал спать, ходить, есть, и даже дышать, когда малейшее волнение охватывало её. А источник её волнения был один – тот, кто мнил себя непогрешимым совершенством и являлся таковым для неё всегда, он же её главный несправедливый судья и владелец негодной вещи, каковою её считал.

Ксению настолько поразило как напоминание о забытом Кремне, Сенечке Каменобродском, так и его, Рудольфа, неугасимая злость и ревность к тому, что произошло настолько и давно. То, что она считала навсегда исчезнув-

шим из его-то памяти уж точно, ту их общую, горькую, ту прекрасную молодость на прекрасной и совсем другой Земле. Той Земле, которой нигде уже не найти, не обрести повторно, поскольку другие информационные потоки омыли её лик, изменили облик городов, ландшафты, лица и сами души людей, смыв к неведомым берегам вечности одних и сотворив новые поколения. Ей не хватало дыхания от наката и его и её собственных чувств. От понимания, насколько всё живо в нём, как будто только вчера намертво стёртый с её интимных файлов Сенечка посмел прикоснуться к ней.

– Ты виновата точно также в искривлении моей жизни, если уж на то пошло, не меньше, чем я виноват перед тобой. Когда я женился, ты сама не хотела оставить меня в покое, и носилась за мною повсюду, что дало повод твоему отцу обвинять меня в аморальности. Я же хотел только избавиться от тебя, остыть от того безумия, в котором пребывал по твоей вине. Ты и тогда хотела всё вернуть. Зачем? Зачем это было делать сейчас? В прошлое нет дверей.

– Хочешь, я улечу сразу же, как будет можно это ребёнку? А до того времени сидеть безвылазно в оранжереях. Ты тогда успокоишься? Нет. Ты сам не оставишь меня в покое. И всё ты врешь! Врешь сам себе. И тогда, и теперь. Не бегала я за тобой. Ты сам не давал мне дышать, ты сам... Ты и здесь любил, а говоришь «особые услуги».

– Да. Ты как болезнь. Но это рецидив прошлого. А люблю я одну Нюю. Тебя же любил давно. Ту первую нормальную

мою девочку. Но ты же сама начала дурить. Ну, вспомни. С чего всё началось? Все те «вихри враждебные», в которых мы вертелись тогда? У тебя же снесло голову от собственной красоты, успеха у всех встречных и поперечных. Нет? Я не мог тебе ничего простить. Сейчас, да, я не довёл бы тебя до того, до чего доводил в то время. Я же был сам мальчишка. Но тогда я любил, а сейчас уже не могу, не умею.

– А это? Что это? Смотри на это уродство, которое ты мне сотворил. Это что было?

– Как ты можешь так говорить о будущем ребёнке, идиотка! Сама ты урод неизлечимый! Да! Ты продолжаешь действовать на мой низ, но уже не трогаешь ни ума, ни души. По-человечески это непотребно, и я всё понимаю.

– Я тоже понимаю, но не хочу принимать. Зачем мне это?

– А зачем было нужно, когда примчалась сюда? Я тебя звал? Сама ты всё понимала и хотела этого.

– Был плебей, им и остался!

– Я по матери из аристократических древних родов, переkreщивающихся с королевскими домами, а ты из поколений русских извозчиков, или кто там был? Какие-нибудь трактирные половые, бегающие с самоварами в рубахах навыпуск и в валенках с вышитыми подсолнухами.

– Что? Какие это подсолнухи на валенках? А твой отец кто был? Из каких домов? С кем он там совершал перекрёстное опыление? – задыхалась уже от смеха Ксения.

– Из казаков. Из прирождённых воинов.

– А не из сброда исторического, не из бродяг по большим дорогам? Мало ли кто там заглянул на огонёк в ваш королевский дом в исторической-то тьме? Какой же ты смешной! Сам как ребёнок. Кому это важно теперь? Что это значит? Твоя родовая спесь несусветная глупость. В тебе всегда было столько наива. Мой отец, помню, хохотал над твоими выходками всегда, когда не был ещё разозлён твоей последней выходкой, твоей женитьбой.

– Теперь он хохочет в чёрной дыре, куда вляпался, благодаря своему уму, лишённому всякого наива, ведь он это он управлял звездолётом. Или куда там он провалился? А ты как была моя подстилка, так ею и осталась. И я ещё тебе делаю честь этим.

– Оставь меня, – попросила Ксения, сразу устав от него, – я уже получила от тебя всё.

– А я нет, – ответил он, – ты ещё долго будешь платить мне за то, что спровоцировала моё падение здесь, а может, и вообще моё падение по жизни.

– Я? Как же это?

– Ты была первой, кого я полюбил по-настоящему, я умирал от тоски, если не видел тебя больше суток, по твоей чистоте, твоей воздушности, целовал твои пальчики на ногах, а ты... Извалялась с первым встречным после ничтожной ссоры. Да и потом, с кем ты только не была! Проснулась спящая красавица, сбросила свои пуанты и галопом помчалась по ночным клубам всех подметать, кто этого хотел, понятно.

– Я в отместку тебе так делала...

– Ты была девушка, и если раз так сделала, надо было гордо уйти. А ты носилась за мною, на всё шла, лезла, даже когда была Лора. Потому что понимала моё ещё не остывшее влечение. Но любви, уважения уже не было. И в этом я был не волен. Я так устроен. И уже никогда не полюблю тебя.

– Твоя инопланетная фея тоже убежала. Даже дочь заимела от другого.

– Она была изгнана мною самим. Всё было иначе. Она гордо ушла. Я сам её умолял вернуться ко мне. Она не стала бы унижаться как ты. Не к кому было уходить, ушла бы в одиночество. Ты, к сожалению, не сопоставима с ней. Ни в чём.

– Как же зовёшь? Зачем, если...

– В низости своей ты, конечно, её превосходишь. А я, веришь, устал жить всё время на горной вершине. У меня уже кислородное голодание. Хочу такую как ты. Я всё же не создан звёздным жителем.

И подумал, что будь она ему верна, то и бы они прожили в райской низине всю жизнь, как и большинство людей, не устремлённых в заоблачные высоты. Иллюзия всё это. В Космосе же и нет никаких высот. Это только на Земле – верх, низ, общепринятая пространственная система координат. Как говорил её отец ему в лицо: «Ты гад ползучий». Создали из гада ползучего гада летучего, но гад не может летать. Вот он и ползает, как и ползал, и в Космосе тоже. А птичка-щелбунья Нэя продолжает порхать, как и порхала

прежде в недостижимой своей высоте. Это очень улаживает высокие сферы души, но потребности гада никуда не исчезли.

– Я без тебя дремал, – сказал он Ксении, – Моя щебетунья меня убаюкала, а ты всё разворошила, всю мою пригретую брюхом привычную подстилку, так что теперь грей моё брюхо, мне иначе неудобно..

Они стояли в центре их обитаемого мирка, под куполом. Он уже ничего не боялся. А те, кто их видели, не обращали внимания, из чего Ксения сделала вывод, ни для кого они не сенсация.

– Чем всё же не устраивала тебя твоя щебетунья? Конкретно?

– Всем устраивала. Она слишком воздушная. Она же порождение другого мира, её надо щадить, мы люди очень плотные, меня для неё слишком много. Поэтому ты и была нужна, чтобы взять на себя мою избыточную тяжесть. Ясно? А тебе ничего другого было и не надо. Все эти твои воздушные полёты остались в твоём полудетском периоде. На фиг они тебе сейчас?

– Ну да. Я как стойловая кобыла. Захотел сел, поехал, захотел – оставил в стойле.

– Кобыла не кобыла, это всё слова. Я уже на тебя настроился. Поэтому терпи, если влезла ко мне.

– Ну, ты и муррзавец! Мур- мурр, больше не мирись со мной. Предъявляй право на свои дополнительные часы, а в

душу не лезь!

Он со смехом засунул руку между её ног:

– Всё зависит от того, где у тебя её локализация.

Ничего не хотелось сейчас Ксении так непереносимо и отчаянно, как оказаться на Земле в доме отца и матери, где она жила с Ксеном тихо и мирно. За это она отдала бы сейчас свою никчемную молодость. Ах, Ритка – змея соблазнитель, выманила её из тихой тени, из насиженного закутка. Как бы она сейчас расставила мамину коллекцию, натёрла бы до блеска прозрачные полочки, включила разноцветную подсветку и, сев в свой любимый диван в холле, любовалась бы стройными фарфоровыми рядами, а потом сама представила бы зеркальной стене забытые позиции, и никто не стал бы смеяться её неуклюжести, некому там было. Иногда она так делала, и к ней там, на Земле, возвращалось ощущение забытой воздушной лёгкости, состояние пёрышка, у которого нет никакого низа. И никто был ей не нужен, ни этот воитель, ни Артур. А Ксен, он что есть, что нет его. Он ничему не мешает. Он всегда был извне. Рядом. Нужный, незаменимый, не замечаемый.

Ей не спалось. Да и не могла она уже уснуть на чужом месте. Она поймала себя за мысль: «Чужое место». Это было «чужое место», так и не ставшее её местом. Не было здесь её места. Только там, в их обжитом кое-как закутке с Ксеном, в одном секторе с их лабораторией и оранжереями. Она оделась и пошла к себе, к Ксену. Он ещё не вернулся из сво-

их миров формул, цифр, сплетений химических элементов, их бесконечных пасьянсов, которые изобретал. Какую все-ленскую тайну он стремился разгадать? Какие хитроумные узлы распутать, завязанные неизвестно кем? Разве мог его уникальный ум заменить какой-то искусственный супер интеллект?

Рудольф своим практическим и весьма ограниченным умом в подметки ему не годился. Вояка и потенциальный душитель. Но главный человек на спутнике надо всеми, гордый своей «супер» человеческой оболочкой. Ксен же не гордый, у него нет такого надутого внешнего качества, но ум этого маленького человека глубок и велик. А они все, десантники, потешаются над тем, чего не в состоянии понять и приблизительно. «Гороховый стручок – огородный старичок». Кто бы вас тут кормил так сочно, если бы не такие вот волшебные огородники? Туман рассеивался, и у розовеющей полосы нарождающегося будущего дня, на таком близком, – рукой можно дотянуться, – горизонте кто-то маячил, кто-то ждал её...

Страшная тайна Лёни Губанова

Произошло это событие как раз перед тем, как Нэя в скором времени бесследно и необъяснимо ни для кого пропала. В купольном городе поднялась невообразимая суета, нечто

вроде торнадо, в который затянуло всех. Всех, кроме Лёни Губанова. Полусонный по виду и как всегда неспешный, он один продолжал сидеть в своих подземных уровнях, и его, как ни странно, никто так и не потревожил. Настолько все живущие вверху воспринимали его не причастным к событиям, происходящим в их замкнутом социуме.

И никому не пришло в голову, что загадочное событие, связанное с драгоценной пропажей, напрямую затронуло и Лёню. Но к моменту наступления той небывалой и трагической суматохи сам Лёня, как и все остальные, пребывал в младенческом неведении, а что же произошло? И только очень продвинутый психиатр и смог бы раскрутить ту свёрнутую в незримую уже точку информацию, что и таилась где-то в лабиринтах подсознания Лёни.

...В то условное утро, – ибо какое же утро в подземных технических и уже вещественно-реальных лабиринтах глубокого залегания? – Лёня спал и видел чудесный сон. Ему снилась Нелька в голубом длинном платье, с белым шарфом, играющая на скрипке. Нелька играть на скрипке не умела. Когда-то на скрипке играла мать самого Лёни. И голубое шифоновое платье было у матери, длинное до пят, из-под которого виднелись узенькие мыски белых туфельек. Почему именно Нелька обрядилась в платье матери, об этом во сне Лёне никто не сообщил. Только у мамы была короткая стрижка, волосы тёмные, а у Нельки длинные и очень светлые. Они сливались с шарфом, окутывающим её плечи. Зо-

лотистые пылинки в потоках застывшего и будто бы стеклянного Солнца кружились в вальсе вокруг шарфа и волос...

Кто-то постучал. Лёня вскочил и не успел он продрать глаза, так и не смахнув с них солнечные пылинки, как в его личный отсек вошла Нэя. В её руках зачем-то был рюкзак.

– Лёня, – обратилась она к нему ласково и певуче, – я гуляла по нижним ярусам...

Лёня обомлел, не понимая, зачем она тут?

– ...мне стало нехорошо. Можно я полежу на твоей постели. А ты куда-нибудь отлучись на часик-полтора. Ты же всегда найдёшь, чем тут заняться. Уходи же, скорее! А то я упаду...

Поскольку Лёня спал в неурочное время, он был облачён в рабочий комбинезон. Он вскочил, засуетился, делая попытку связаться с врачами, но маленькая жена Венда с неожиданной силой выхватила у него контакт и отбросила в сторону, – Я сказала, не надо! Полежу и всё! Само пройдёт!

Решив, что она сошла с ума, и уже не задавая никаких вопросов, поскольку женщина не обычная, а жена самого ГО-Ра, он вышел наружу и прикрыл за собой дверь.

Она крикнула вдогонку, – Лёня, не смей никому ничего сообщать! Через час всё будет в норме! Я уже приняла лекарство!

Решив выждать положенный час, он отправился на осмотр вверенных объектов. Пойти против её воли, означало одно. Она перестанет его замечать, обидится, не будет ласково об-

щаться, прикрывать мелкие грешки по возможности. Например, то, что Нелька к нему иногда приходит даже в рабочую смену. Нелька – её подружка, и Нэя вполне может настроить её против него. Да и вообще...

Если сошла с ума, почему он должен ставить ей диагноз? Разве он врач? Пришла женщина, попросилась отдохнуть. А зачем пришла в подземные уровни, пусть муж потом выясняет.

Вернулся Лёня почти через два часа, углубившись в такие дальние уровни, в которые давно уже и не залезал никто из живых, только роботы там и копошились. Он вполне здраво рассудил, что Нэя могла и прикорнуть. Так зачем будить?

Войдя, он обомлел уже от леденящего ужаса. Нэя стояла посреди его личного отсека в невероятно нарядном платье, что само по себе не стало бы причиной того, что у Лёни буквально отнялись ноги, и он не мог сдвинуться с места. На постели лежала окровавленная медицинская простынь, а на ней какой-то предмет, завёрнутый в кусок такой же медицинской простынки.

– Лёня, ты немедленно уничтожишь без следа эту простынь и то, что на ней лежит. Я только что скинула мёртвого, недоношенного ребёнка. Никто не должен о том узнать. Ты отлично знаешь, как и где можно уничтожить всё, что угодно, без всякого следа.

С нарастающей степенью ужаса Лёня смотрел в пустую и потемневшую синеву её глаз на сине-бледном лице. Так что

она напоминала скорее говорящую покойницу, чем живую женщину.

– Тебе совсем скоро возвращаться на Землю. Зачем тебе разбирательство, почему я оказалась у тебя? Я могу сказать что-то и не то. Такое, что тебя опять замуруют в какую-нибудь полую планету. Ты не женишься на Нелли и не увидишь Землю ещё долго. Ты скроешь все следы моего присутствия у себя, ты зачистишь все информационные носители на нужное время. И не говори, что ты того не умеешь. Ты отлично владеешь этим умением. Ребёнок всё равно умер. Умер, ещё находясь в утробе! Да это и не ребёнок, а недоразвитый пока эмбрион, зачаток человека.

Судя по её изменённым глазам, так что они казались провалами куда-то в синюю бездну, скорее... Нэя приняла какое-то сильнодействующее лекарство. Вполне уверенно, что было бы и удивительно, не находишь Лёня в состоянии эмоционального шторма, Нэя прошла мимо него и скрылась за открывшейся панелью, утащив и свой рюкзак.

Не имея ни малейшего желания рассматривать то, что таилось в куске простынки, он лишь убедился, что там ничего уже не шевелится. Лёня выжидал довольно долго, не желая становиться убийцей, пусть и недоношенного плода. Но ни шевеления, ни писка так и не возникло. Пот градом капил по его спине, настолько ледяной, что его потряхивало. Потом одним махом он сгрёб окровавленную медицинскую простыню, не пропускающую жидкость, и скомкав её дере-

вянными руками, потащился в самые нижние уровни, чтобы уничтожить в плазменной топке то, что и держал в охапке...

Куда и в каком направлении пропала жена ГОРа, он не знал. Голова его работала чётко, и данное задание он выполнял как безупречный робот. Страх затаился где-то на уровне живота и мерзко сползал в ноги, делая их также деревянными, но отчасти. Он всё-таки мог двигаться.

Лёня не был безжалостным убийцей, а всего лишь несчастным и довольно мягкосердечным человеком. Он жалел и подбирал котят, когда жил на Земле. Он всегда умилялся детишками, он любовался красивыми девушками, никогда не позволяя себе ничего низкого или циничного в отношении них. Он имел друзей и любящих родителей. А то, что произошло однажды, то, как он столкнул в пропасть, в бездну, одного гнуса, Лёня и теперь поступил бы также. Тот человек убил женщину, зарезал её, думая, что никто не видит, а нечаянному свидетелю Лёне пригрозил, вытерев свой нож о его курточку и штаны, что сам станет свидетелем того, что убил Лёню. Тот человек был ГОРом, то есть его шефом на одном из космических объектов, а та женщина обнаружила бесконечные нарушения деятельности ГОРа и третирование вверенных ему людей. Она прибыла в группе проверяющей команды инспекторов, а задержалась, к своему несчастью, ради вдруг найденного друга юности. Помощником у того ГОРа был Семён Каменобродский. Семёна все считали парнем неплохим, но у него давно уже во мнении Лёни по-

ехала крыша, то есть сдвиг мозговых структур просматривался вполне чётко из-за его же сумбурных порой поступков и странных речей. Особенно после того, как покалечилась его любимая жена-красавица Вега Корунд. Но как-то не находилось Каменобродскому замены, а Лёня дни считал, что вот уже совсем скоро вернётся он, молодой практикант, на Землю заслуженным уже профессионалом среди прочих строителей космических колоний. С накопленным багажом во всех смыслах.

Лёня не уступал в силе полубезумному ГОРу. И взвесив, что тот точно его подставит, сбросил мразоту в адскую бездну, как тому и подобает. Но доказать ничего не смог. Каменобродский и слушать его не стал. И разбирательство более тщательное произвести тоже не поспешил. Он отослал Лёню в полую планету, к настоящим уже преступникам, где Лёня и оставил невозвратные годы своей молодости. Мразь ведь успел предварительно стащить с Лёни его браслет связи, фиксирующий всё досконально, после чего и скинул эту неподкупную и неустрашимую штукловину в ту же адскую расщелину, вслед за женщиной.

Поверил ему только Венд, когда уже оказавшись на более щадящей работе, на вполне себе статусном и вольном спутнике Гелия, Лёня рассказал в личной беседе всю ту историю. Но вернуть Лёне годы жизни не мог, понятно, дав обещание скорого возвращения на Землю с отличной аттестацией его заслуг и безупречной профессиональной работы на спутни-

ке. А также обещал личное содействие в пересмотре его дела уже в земных условиях, используя все связи, как и компетентных людей в самой ГРОЗ на Земле. За что Лёня получил бы некоторую компенсацию за пережитые страдания из-за также преступной халатности со стороны уже Каменобродского. И хотя Венд, во мнении Лёни, принадлежал к той категории лиц, кого именуют подавляющей личностью по своему воздействию на окружающих, он был, очевидно, справедливым, психологичным и умным. Слов и обещаний в вакуум не бросал.

Поэтому, узнай о том, что натворила его жена в отсеке у Лёни, Венд уж точно отправил бы бывшего уголовника туда, откуда его и доставили. Планета по её черновому названию «спутник Гелия» после тех мест казалась Лёне если и не раем, то его приходей. В панике Лёня и затёр всю информацию в наблюдающей системе, что наловчился делать уже давно. Никаких подтверждений его словам уже не имелось бы. Рокковое повторение прошлого, – пусть и не детальное, но столь же страшное по своей сути, – могло укрыть лишь молчание. Молчание камня, молчание идиота, каким многие и считали бывшего рафинированного мальчика Лёню Губанова, сломленного жутким событием во время его первой же космической практики...

Вернувшись в отсек, он уловил остаточный запах крови, разумно включил вентиляцию, после чего поспешно сбегал в туалет. Сев на постель, он вдруг подумал, а не являлось

ли происходящее продолжением его странного сна? И ничего не было. А теперь он проснулся, и следов произошедшего нет, что и естественно. И Лёня, бывший и амнистированный уголовник, являясь по факту тeneвым, образно выражаясь, ГОРом подземных уровней, не уступая в своей технической компетентности, а то и превосходя ГОРа настоящего, то есть Венда, вдруг успокоился. Мысленно уже нажал незримый значок «удалить информацию» в своей собственной голове, после чего повалился в бездну сна, пытаясь остатком бодрствующего сознания ухватить Нельку за подол голубого платья или за кончик белого шарфа, чтобы вернуть её в прерванное солнечное сновидение... И вот уже что-то голубое и переливающееся своими гранями, как некий дивный суперкуб, летело ему навстречу... то была Земля! Приближающееся и неотменяемое никаким привидевшимся бредом, блаженство...

Лёня так никогда и не узнал, что вовсе не его ухищрения помогли ему скрыть информацию с фиксирующих и вездесущих систем слежения на спутнике, восстановить которые не составляло особого труда для ГОРа Венда. Точно так же, как в своё время Каменобродскому, чтобы спасти Лёню Губанова от незаслуженной им кары. Но Каменобродский того не захотел по причине сугубо шкурной. Опасался, что тёмные тайны скинутого в пропасть ГОРа – убийцы повлекут для него уже лично нежелательные последствия. Начнут расследовать всю деятельность бывшего ГОРа на спутнике

досконально, а потому и самому Каменобродскому достанется, поскольку тот часто прикрывал делишки своего непосредственного шефа. Это навлекло бы штрафные санкции, а Каменобродский стремился вырваться со спутника поскорее, чтобы уже полноценно излечить изуродованную Вегу Корунд. Проще было пожертвовать судьбой Лёни Губанова.

В подземные лабиринты приходил Хагор. И уничтожил все записи настолько основательно, что восстановлению они уже не подлежали.

Кристаллическая слеза планеты

Погружение в прошлое. Столкновение с «праведницей» мамой Кариной

У розовеющей полосы нарождающегося будущего дня, на таком близком, – рукой можно дотянуться, – горизонте кто-то маячил, кто-то ждал её... И едва она протянула руку, как ладонь упёрлась в стену, и Ксения очнулась. Болела спина. Она всегда спала на животе, а теперь в её положении так лечь было нельзя. Из растревоженного Рудольфом улья памяти вылетали, как жалящие пчёлы, воспоминания о событиях, о которых не то, что не хотелось и думать, хотелось, чтобы их никогда не происходило бы. Но они, всё же, некогда произошли, раз оставили после себя такие многочисленные раневые каналы в душе. Душа не тело, она не зарастает новыми клетками, она только прикрывается зыбкой плёнкой из последующих дней, на которой оседает их пыль, иногда грязь. Пленка становится тусклой от наносов, непрозрачной, пока не случится, как внезапный шквал ливня, как порыв ветра при столкновении атмосферных фронтов, некая перемена вокруг, и всё обнажается, и всё болит. И Ксения шарила в полусне руками, – где, где эта сорванная, спасительная и

нажитая временем защита?

Как было у них впервые? Рудольф привёз её в дом своей матери. Вечно пустующий, он был заполнен стеллажами с разноцветными минералами, срезами, друзами кристаллов и каменными сферами. Разные по размеру, разные по цвету – от нежно полупрозрачных до сумрачно непроницаемых, матовых, перламутровых, зловеще чёрных. Это был не дом, а филиал минералогического музея, так сказала ему Ксения. Мама – коллекционер, – ответил он.

– Я устал. Встал рано.

Перед этим они бродили по местному городку, заглянули и в окрестности гор, сходили в ресторанчик, где поели, но больше дурачились. И он без проблем завалился при ней, стащив шорты и оставшись в одних трусах, майку сбросил уже в постели.

– А душ? – спросила удивлённая Ксения, глядя на его пыльные ноги.

– Устал, – повторил он, – всё завтра. Ложись тоже. Я не трону. Я уже сплю.

И она легла. Конечно, он тут же облапил её во всех смыслах, но не перешёл за грань. Не тронул того, чего трогать было ещё нельзя. Утром на аэролёте прибыла мама Карин. Высокая, в обтягивающем её ярко-синем платье, с голубоватыми волосами, – они волнами вздымались над её лбом, стояли и не падали как фарфоровые. Нет, она не была седой, она только создала оттенок своим платиновым волосам. Было ли

это красиво? Декоративно – да, но и как-то вычурно, нежизненно, как у манекена в древней витрине для заманивания потребителей, жаждущих роскоши. В ней была некая глубоко скрытая аномалия, не поддающаяся расшифровке вот так с налёта. Тем более, совсем молоденькая девушка, какой была Ксения, не была способна разгадать загадку этого дородного сфинкса с лицом радушным, как наливное яблоко. Переливчатые глаза на этом лице таили некую опасность возможного взрыва. Неизвестно, что могло его спровоцировать, но до времени она его сдерживала, решила прощупать ситуацию. Их растерянные лица отражали совсем ещё недавний восторг взаимного любования друг другом, губы Ксении припухли от поцелуев, первых, настоящих и взрослых поцелуев в её жизни.

Мама вошла без предупреждения и, как бы, без всякого личного отношения к их совместному уединению, когда робот приготовил кофе, а она любезно прикатила маленький столик к их постели. Вернее, постель была мамина. Саму маму никто не ожидал, но мама как-то почуяла на расстоянии, что «свято место» не пустует без неё. Постель сына была узкая, как у монаха какого, и находилась в его отдалённой и отделённой от маминой роскоши кубатуре, пустой и неинтересной.

– Ты русская?

Ксения кивнула. И мама перешла на чистый русский язык, – Других у него и не бывает.

Рудольф вылез из-под роскошного, под жирафу, мамино-го пледа. Он имел вид виноватого мальчика. Встал перед мамой. Сама мама, прямая как швабра, сказала спокойным голосом, не предвещающим дальнейших карающих действий.

– Ты стал педофилом, сволочь? – на том же чистейшем русском языке, то есть действие было рассчитано на Ксению, и с треском дала ему по лицу всей своей мощной дланью, украшенной браслетом из сапфиров, а также перстнями, на низанными на пальцы. Она решила, что Ксения ещё моложе, чем она была в действительности, из-за её миниатюрности. Ксения же как все балерины сидела на диетах.

– Мне уже восемнадцать, – Ксения решила спасти незадачливого партнёра, – но я балерина, вас ввело в заблуждение моё сложение, – и она прошла, одетая только в кружевные нижние шортики, босиком по полу, на пальчиках, подойдя к стенному шкафу, чтобы взять свои шёлковые брючки и блузку. Мама оглядела её полуголую фигуру, почти отсутствующую грудь, ничуть не поверив совершеннолетней якобы гостье.

– Что же старая сволочь Паникин не позволяет девок к себе водить? – Мама сохраняла невозмутимость, будто и не было этого удара, унижающего её взрослого сына в глазах девушки.

– Сволочь Паникин – это кто? – спросила Ксения, дерзко глядя в её слегка выпуклые, холодновато и свысока мерцающие глаза, даже глазищи.

– Паникин – это его столь же беспутный отец. Иногда они на пару привозят к себе девок и не стесняются. Живут сообща. Вы там ещё не побывали?

– Нет. Спасибо, – издевательски ответила Ксения, – я уже перенасыщена знакомствами, так что ещё одну сволочь, пожалуй, и не осилю уже. – Ксения имела в виду самую мамашу с её невозможным архаичным козырьком из голубых волос, с её ледяной злобой, но сконструировала фразу умышленно двусмысленно.

Он сидел бледный и ненавидел свою мать. Ксения это понимала. Загар, украшающий его мужественное, хотя и молодое совсем лицо, будто выцвел.

– То сидел как Илья Муромцев, – она так сказала, не Муромец, а Муромцев, – на своей русской печи, – и слово «печи» она произнесла с ударением на первом слоге «печи», – до двадцати лет почти, а теперь замучил, замучил своими девками. Никак не остановится. Как джин из бутылки, – у этой дамы была весьма оригинальная манера выражать свои мысли, когда она переходила на русский язык.

– Причём же тут джин? Джини же бесполое, – опять задержала Ксения, отхлёбывая кофе и нарочно с шумом, чтобы её позлить плохими манерами, – и зачем же останавливаться, когда мы только начали, а вы не дали нам кончить наши дела.

– Закончить, – поправила специалист по русскому языку, – джинны же как раз обладали полом, согласно восточ-

ной мифологии.

– Нет, как раз кончить. И при чём тут вылез из бутылки восточный джинн? – И хотя у них ничего не было, и долго не было ничего и потом, Ксения, чтобы отомстить ей за него, добавила, – Ох, как же я устала! Он такой страстный, такой темпераментный, а мне всё мало и мало. Ещё хотелось, да вы помешали. Полетим сейчас к Паникину довершать начатое, там уж нам не помешают кончить. – Она издевалась ей в лицо. Злорадно представила явно озабоченную поисками сексуальных усад и, конечно, хронически неудовлетворенную мамашу голой, что было и нетрудно при подобном платье, прошла опять, но тут уж больше перед ним, показывая свою красоту в утреннем свете. Приподнявшись на цыпочки, втянув животик, пригожий и девственный, приподняв с вызовом грудь, закинув руки за рыжий затылок, крутанулась вокруг своей оси, полностью и счастливо охваченная собственной игрой, лёгкостью, несомненным юным совершенством. Редко кому такое дано и в юности, – смотри, стареющее манекенное пугало! Жаль, что твоё лицо из музейного фарфора не умеет выражать эмоций. Он забыл и о маме и об ударе. Он поверил в её желание ехать им вместе в дом к папе, и очень огорчился, когда узнал, что это была игра маме назло. Не за маму огорчился, а за себя.

– Вам не нравилось, что он сидел как Муромец, – и она сделала ударение на последнем слого, – а теперь вам не нравится, что он спит с девушками? – Ксения сразу раскусила

противоречивость натуры мамы, а было-то ей самой всего ничего. Но она была в папу и за словом в карман не лезла.

– С девушками не спят. Спят со шлюхами. Девушек берут в жёны.

– Кто это шлюхи? Вы из какого века сами-то будете? Мы такого понятия в школе не проходили.

– Прочь отсюда! Маленькая дрянь! И ты, большая дрянь, тоже можешь убираться! В кое-то время выберешься домой, а там вечно кто-то спит на твоей же постели. – Она сунула нос в смятые простыни, чего-то там искала. Ясно чего. Следы преступления. Брезгливо сгребла их белой и мощнейшей ручкой и сбросила на пол. После чего гордо и прямо удалилась. Ксения ахнула, вырез сзади на её платье был по самое то, открывая её безупречную гладкую спину и кое-что пониже, но едва-едва. Маменька-то, решила Ксения, и правда, сексуально-озабоченная! А может, настолько гордилась своей красотой, над которой было не властно время...

Погружение в прошлое. Страдалец Рамон

По неисповедимым законам души, всегда стремящейся упорядочить хаос, из колышущихся, то засыпающих, то нервно вздрагивающих глубин, из поверхностных снов, сплетающихся в какие-то одушевленные водоросли, шепчущих обрывки давно отзвучавших слов, как живой возник Ра-

МОН.

... На нём был светлый оливковый костюм, в каком он был на пирушке по случаю бракосочетания своей бывшей подружки с Рудольфом. Он не хотел приходить, он считал это высшей формой проявления идиотии, но Ксения явилась к нему и умоляла, умоляла быть им парой, для видимости только, прийти им вдвоём и скомкать предателям их торжество. Разлить на их празднике соединения, как разливают вино на свадебных столах, горькую отраву для их коварных душ – их с Рамоном также счастливое соединение.

– К чему унизительный карнавал? – спросил праведный Рамон.

– Да, – согласилась Ксения, – карнавал, но весёлый. Мы устроим аттракцион смеха и слёз из их свадьбы. Нашего смеха и их слёз.

И Рамон повёлся, подчинился, ему было всего двадцать лет, чего он понимал тогда, с чем было ему сравнить первое юношеское страдание? Он казался стройным стволом, увитым нежной зеленью, вокруг которого порхала на танцевальном центральном пространстве рестораника аметистовая бабочка Ксения. Им хлопали, они были бесподобны в совместном танце. Пластичный худощавый Рамон тут же улавливал ритм и сразу же соответствовал движениям Ксении, танцовщицы профессиональной. На миг - вполне возможно, он мог бы перетечь в длительный поток времени будущего, – Рамон забыл о тупо на них глазеющей Лоре, он

был во власти Ксении. Но Ксения даже на миг не забывала о том, что это игра, а Рамон – нанятый актёр для её спектакля. Рудольф не смотрел, делая вид, что увлечён беседой с отцом. Где и пообщаться с отцом как не на своей свадьбе, злорадствовала Ксения, ловя волчьи и затаённые взгляды счастливого жениха.

Уже ночью, после их уединения в лесу, Рудольф вышвырнул её возле дома и улетел на угасающее пиршество. Но Ксения переделалась в красное платье, став из розы фиолетовой розой алой, и вернулась в «Русский Терем». Корунды и шпирель, красиво закрепленные на тончайшей цепочке, застыли на её шее, как раны от зубов хищника, когда она вошла в зал, где уставшие гости, рассыпались бессвязно, утратив некий объединяющий центр, каковым были тут вовсе не жених со своей бледной невестой, а Ксения и Рамон. Рамон где-то бродил в кленовых и дубовых аллеях и вернулся случайно, а может, и нет. Он увидел Ксению, и они слились в объятиях у всех на виду...

Сейчас, пересматривая картины той далёкой жизни, Ксения отметила тот момент как свой упущенный шанс, тот самый, о котором сложили пословицу – куй железо, пока горячо. В тёмной тени сидел мрачный жених, так вышло, что освещение убавили ради утомлённых глаз людей. И Рудольф почти не просматривался в своём углу, куда он забрался, устав от толпы людей, большинство из которых не знал, и знать не хотел, от притихшей и будто посторонней ему неве-

сты, от своего центрального места на данном мероприятии, где его выставили как музейный экспонат. Но на свадьбе настояла традиционная селянка – мама Лоры. Став центром реанимированного веселья, Ксения льнула к Рамону, спина горела ожогом от сумрачного, как адское пекло, застывшего взгляда новобрачного. А Лора именно тогда и осознала, как ни была она утомлена и болезненна, – она ждала ребёнка, этого самого Артура, – что произошёл в её жизни некий перекос, и кто виновник? Захотелось ей такой же утраченной лёгкости, кружений и смеха, и даже прижаться к смуглой груди Рамона, хотя бы и напоследок. Захотелось отчаянно, на безумный лишь миг, прежней жизни, которая, было очевидно, никогда не вернётся. Она пыталась понять загадку притягательности Ксении, решила, что всё дело в красном платье и в свежей живой розе в её волосах, а розу эту Рамон оторвал от одного из букетов, украшающих стол. Подойдя к букету, он даже не взглянул на невесту, как будто она не имела отношения к тому веселью, что тут творилось за счёт её родителей. Инициатива старомодного свадебного пиршества принадлежала стороне невесты, потому родителям Лоры и пришлось всё устраивать и финансировать. Лора обиженно вздёрнула губы, Ксения заплодировала игре актёра. Лора нашла глазами затерянного жениха и увидела то, чего не понимала до поры до времени. А именно, что он не сводит с Ксении глаз, и даже тогда, когда не смотрит, он всё равно её видит. И с таким лицом, как у него, пристойнее находиться

на поминках, чем на своей свадьбе.

– Бездарный спектакль, – сказал он ей, когда она подошла и устроилась рядышком, прильнув по законному праву к его плечу. Что он имел в виду, Рамона и Ксению, или их свадьбу, Лора не поняла, и вид его не располагал её к вопросам и уточнениям. Она знала, что он не хотел реликтовых обрядов и диких посиделок с пением и плясками. Но уступил напору матери невесты, скрежеща зубами. Родня невесты была удовлетворена, родня жениха отсутствовала полностью. «Уж не сирота ли он»? – вопрошал один из родичей. Правда, в разгар веселья явился краснощёкий папа жениха, чем и ответил равнодушному родственнику. Лора думала, что это Рудольф пригласил Рамона, а тот привёл с собой Ксению, и втайне негодовала на него за то, что он хотел таким образом развлечься страданиями Рамона, кого она отвергла ради него. А Рудольф решил, что это Лора позвала Ксению, как институтскую подругу, а уж Ксения и устроила тут коловращение тел и дикий ор, визг от возбужденной языческой радости всех вовлеченных в праздничный вихрь присутствующих. Жених и невеста сидели в затемнённом углу зала, и о них все как-то и забыли. Человек с мистической составляющей в своём существе усмотрел бы недобрый знак будущего неустройства в явленной картине. Кислые новобрачные, погружённые в тень и отрешённые от веселья в свою честь. Но мистики или отсутствовали или с первобытным гиканьем отплясывали вокруг эпицентра радости. Вокруг девушки с

алой розой в волосах, упавшей из причёски на оголённые плечи. В туго скрученных, медовых, искристых спиральках остался алый лепесток. Алое платье казалось волшебством, как и она сама. Полупрозрачное, голубоватое в синий перелив, как камень адуляр – лунный камень, продуманное тщательно платье невесты, не оценённым меркло где-то в углу, и о ней забыли все, как и о женихе в его светло-стальном наряде. Они были скучной серостью, они уже никого не интересовали...

На планете «Ксения» живёт Рамон

Видение вызвало у Ксении улыбку, с которой она незаметно перетекла в свой сон. И во сне тоже был Рамон. Ожидал её, сидя на лесной поляне, окружённой стволами, уходящими в непомерно высокое небо, чьё сияние они даже не затеняли своими сквозными вершинами, похожими на гигантские кружевные зонтики. Его обнажённое до бёдер тело было неотлично по цвету от розоватых и смугло бежевых стволов, гладких и словно запотевших, с капельками душистых смол, выделяемых из древесных пор. На бёдрах было нечто вроде мочала или экзотических листьев, сплетённых в юбку до колен. Он оброс курчавой бородой, и она сливалась с его длинными волосами, тоже курчавыми. На сильной шее болталась растительная бечёвка с красными камнями, похо-

жими на капли загустевшей крови от укусов хищника. Присмотревшись, Ксения не увидела травы под ногами, а нечто подобное мху, растёртому с песком пополам. А рядом сидела на сером и плоском камне также полуголая Лора в такой же дикарской юбчонке, в своих красненьких бусиках, бесценном для неё даре Рудольфа. Обвислая голая грудь неоднократно рожавшей женщины не вызывала у неё ни малейшего стыда и желания её прикрыть, как это и бывает у дикарей. Волосы её подлинного русого цвета украшали красные же цветы. Где-то там, за деревьями, визжали незримые дети. И было потрясающе тихо, прекрасно и нереально обыденно в то же время, удивляло только отсутствие певчих птиц и мошкеры, как это должно было быть в подлинном лесу. Присмотревшись к стволам, Ксения обнаружила на них странное пёстрое шевеление. И в ту же минуту, как будто желая ей всё объяснить, рой крупных бабочек взвился ввысь и так, не рассыпаясь поштучно, они вели свой чарующий танец неким осознанным хороводом, сплетаясь в узоры, меняя их, пока не исчезли в бледно-зелёных застывших кронах. Не было ни малейшего намёка на ветер. Равнодушная лицом, ничуть не изменившаяся ни в чём, кроме этой странной испитой груди, Лора, так и не встретившись глазами с Ксенией, скрылась в стволах по направлению детского крика и смеха. Ксения отметила даже упругие и стройные её ляжки, как будто это были ноги девушки – подростка, но Лора таковой и была в её памяти, очень стройная, очень упругая, только грудь её та-

кой уж откровенно использованной не была, понятно. А тут, во сне, Лора была как бы бесконечно рожаящей дикаркой, бесконечно выкармливающей своих детей. Самих же детей увидеть не удалось. Крики их затихали с той стороны, куда и ушла Лора. Там слышался шум водопада, и оттуда явственно ощущался влажный дух большой, очень большой воды. Или гигантской реки, или безбрежного озера. И точно, – там висело радужное сияние, расплывённых в просветах между стволами, мельчайших капель бушующей близко воды.

Рамон протянул Ксении ладонь. Её внутренняя поверхность была почти белой, не смуглой, каким был он сам. И там сиял кристалл, тот, Нэин. Ксения узнала его сразу.

– Что это у тебя? – спросила она.

– Слеза планеты «Ксения», – так он ей ответил.

– Почему же она плачет? Ей не нравится имя, которое мы ей присвоили?

Рамон повел её куда-то через эти стволы, но в сторону противоположную той, где скрылась Лора. И открылась другая полянка, так напомнившая ей ту, на которой они «мирились» с Рудольфом после своей первой ссоры в майском подмосковном лесу. Но только травы не было, а была почти плоская, замшевая от мхов, светлая и нежно-зелёная поверхность. Здесь уже росло что-то вроде подлеска, кустарники, но также полупрозрачные из-за своей кисейной растительности. Глаза Ксении зажмурились от неожиданности того, что никак не ожидала она тут увидеть. Большой, прозрачный

кристалл, явно искусственный, вроде тех столов, что были у них повсеместно на спутнике, стоял в центре поляны. Только был он вытянутым по форме и, очевидно, полым внутри. В нем мерцала некая жидкость, отливая то сиреневым, то зеленоватым отсветом. И тут сон стал кошмаром, потому что в жидкости этой Ксения увидела Нэю. Она покоилась на самом дне прозрачного саркофага в белом полупрозрачном платье. Усыпанная лепестками неведомых цветов, принятыми вначале Ксенией за её вышивку. Глаза были широко открыты и синели, всматриваясь туда, куда даже во сне не могла заглянуть Ксения. Маленькие босые ступни с покорно застывшими пальцами вызвали приступ жалости, непоправимого ужаса и резкой боли, от которой Ксении захотелось проснуться. Даже плача, она понимала, что это сон.

– Вот он, наш первый подарок ей, – сказал одичавший Рамон из сна.

– Ей? Кому?

– Ксении. Планете, которую мы прилетели присвоить себе и заселить своими потомками. Ведь до этого на ней не было смерти разумных существ. Как и самих разумных существ, правда. Но если она гостеприимно и доверчиво открыла себя, приняв под своё девственное небо человеческую жизнь, она смиренно должна принять в себя и человеческую смерть.

– Но почему она, Нэя?

– Почему же ты спрашиваешь об этом у меня, а не у себя? – усмехнулся бородатый человек из сна. И тут она уви-

дела, что в руке его было нечто зажато, нечто блеснуло металлом. Он как-то незаметно извлёк клинок из своей растительной набедренной юбки? Или этот клинок вынырнул из мрачной тьмы её собственного подсознания. Тёмно-синий зрак смуглого золотистого человека – силача, облитого потом, или же и смазанного чем-то жирным и растительным тоже, наливался нечеловеческим и жестоким безумием. Умлять его было также бессмысленно, как делать это, скажем, обращаясь к чудовищно громоздкой, как такса с крыльями, и с длинным отвратным телом стрекозе, зависшей на нижней ветке такого же чудовищного дерева с лоснящейся корой. Фасеточный глаз насекомого вряд ли воспринимал Ксению так, как это делают люди с себе подобными. Может, она и не видела её, и Ксения не существовала в её мире, где ей и не было отведено места. Там струилось и рассыпалось на цветные фрагменты нечто, настолько далёкое от понимания нормального человека, как будто это был экран, отражающий безумную круговерть сошедшей с ума планеты. Да и откуда у неё был ум, если планета не имела на своей поверхности носителей разума? Захотела бы стрекоза её искушать своими твердыми хитиновыми челюстями, и что? – услышала бы её писклявые увещевания? Чем бы это? Так и страшный дикарь в облике Рамона был лишён человеческого слуха и жалости. Да откуда Рамон? Какой Рамон? Расстройство мозгового кровообращения, спазм сосудов, вызванный, не исключено, излучением колдовской и чужеродной планеты. Она

облучала спутник ночами, и нечего было шататься по темноте, когда она совершала обзор своих владений. Нечего было копошиться на его поверхности. Полагалось спать в закрытых полностью отсеках, с экранирующими любые ненужные световые излучения жалюзи на стенах дневного обзора.

– Рамон! – но крик застрял, зажатый горловым спазмом, и острое, отливающее нестерпимо синим бликом, орудие нацелилось на её живот! Бугрились чудовищные мышцы руки бывшего космодесантника и бывшего уголовника, концентрируя в себе силу для удара в беременное лоно.

– Зверь! – дико закричала она, вспугнув медитирующую синюю стрекозу, и почувствовала саднящую боль в оборванных голосовых связках. Отвратительно и больно, похоже на ток малого, но ощутимого напряжения, стрекоза задела её жесткими, как гофрированная жесь, крыльями по лбу. На гладкой груди Рамона, лишенной растительности, под коричневым соском Ксения увидела изображение человеческого лба с бровями и закрытыми веками чуть ниже. Мерзкая татуировка уголовника была покрыта капельками пота, как будто это вспотел нарисованный лоб, принадлежащий лицу, не имеющего своего завершения. И Ксению затошнило, стало выворачивать, как в первые недели беременности...

Артур объясняется в... чём?

Темнота тесного спального отсека окружала Ксению. Уйдя, сон оставил боль в животе. Остался и липкий страх, осталась непереносимая тошнота. Ксения свесилась над полом, и её вырвало. Ксен спал у себя в подземной лаборатории, где использовал для этого узкую надувную кровать. Он ни разу не ночевал рядом с женой. Так они решили, не сговариваясь с первого же дня своей жизни тут. То есть решила Ксения, а он принял без обсуждений.

Откинув странный и поразивший её сон, желая забыть его, Ксения выползла из постели, судорожно принялась затирать гигиеническими салфетками следы своего непонятного спазма. Хорошо ещё, что она ничего не ела вчера, только пила. Испытывая отвращение к себе, она, тем ни менее, почувствовала значительное облегчение. После тщательного умывания и полоскания, залив себя дезодорирующим средством, она решила пойти погулять под куполом.

Синий, как лик мертвеца, спутник висел в зените над своей живой планетой, захваченной пришельцами. Ксения готова была поклясться, что только что побывала на одном из её нестабильных континентов, перенесённая туда неведомым и могучим духом для некоего назидания ей. Она вглядывалась в светлую, туманящуюся в как фата атмосферу над куполом, в которой плавал мёртвой плоской маской её спутник. Он

казался ей зловещим вурдалаком, жаждущим её крови. Чтобы ожить самому. Образы сна продолжали угнетать её страхом, не отпуская от себя.

Она села у фонтана, сделанного для отдыха и игр детей. Он журчал в тишине совсем по земному, да и как могла журчать вода, струящаяся из под крутящейся сферы на каменной подставке – скале? Сам гигантский кристалл, прозрачный и голубой, как Земля, как планета «Ксения, успокаивал своим мирным сиянием. Кто придумал название? Артур мог лишь озвучить чьё-то пожелание. Мог Рудольф попросить его вынести это имя на обсуждение? Или первым был Ксен?

Вода создавала, благодаря специальной установке цветной туман. Он клубился, как атмосфера вокруг мерцающей сферы. Её кто-то обнял. Она знала кто. Артур. Он сел на край фонтана. Его волосы уже отросли и были довольно длинные. Чудесные, тёмные волосы, и он сразу помолодел и похорошел, и уже не был похож на пирата с добрыми глазами.

– Милый, – сказала Ксения.

– Ты знала, что я гуляю тут по ночам? Один?

– Да, знала, – солгала она.

– А Ксен? Не ревнует?

– Нет, конечно. Он же понимает, что я имею право на бессонницу. Он считает, что я чрезмерно волнуюсь.

– А ты?

– Нисколько.

– Не боишься?

Он обнял её, как мальчишки обычно обнимают своих девчонок, совсем по-молодому. Да разве она была старая? Разве испытала она такое чистое к себе отношение со стороны красивого парня хотя бы раз? Исключая Ксена, совсем не красивого, и давно уже не парня. Если бы не ночной болезненный приступ, от которого у неё до сих пор остался привкус отворачивания к себе, она бы и поцеловала его. А так, она отворачивалась, и он понял это как её целомудренное отторжение от постороннего ей пока что человека. Всё же она носила в себе продолжение совсем другого мужчины. Ксения зачерпнула горстью воду и стала пить. Ещё раз ополоснула губы, провела ладонью по всему лицу. Вода проходила через фильтры и была пригодна для питья, в отличие от той, что заполняла бассейны под поверхностью. Те годились лишь для купания. Здесь же играли дети, часто без особого присмотра, они всегда стремились эту воду пить. Артур стал целовать её руку, перецеловал каждый палец. Целовать беременную чужим ребёнком? Это было выше её понимания. И это не было ей приятно, скорее тяготило. Разве может быть прекрасна беременная женщина для постороннего мужчины? Он же был ей пока что посторонним.

– Ты любил свою бабушку Карину Венд? – Ксении были важны все подробности его жизни, все взаимоотношения их рода – племени.

– Я её не знаю. Она не признала маму и меня тоже. Счи-

тала её, как бы, помягче сказать?

– Шлюхой? Она всех так обзывала.

– Вроде того. Меня дедушка воспитывал. Брал из школы, и потом из десантного училища.

Ксения прижала его голову к груди.

– Люблю тебя.

– А я тебя. У тебя грустное, умное лицо. Волшебные глаза, волосы, как у Афродиты со старых картин, они как золотые струи... я не умею объясняться в любви.

– И не надо. К чему?

– Почему вы расстались с отцом? Он не мог тебя не любить, если даже сейчас...

– У него, понимаешь, не было такого понятия как любовь. Он дружил, играл, мучил, что ещё? Он не умеет никого любить. Но его почему-то все любили. За что? А меня полюбил только Ксен. А я его нет.

– Я буду любить тебя. Хочешь этого?

– Вика будет страдать.

– Не будет. Ну, будет, конечно. Но мы сразу договорились, что наши отношения на время. Она была очень одинока, и я тоже. Если бы Вика была как ты, я любил бы её всю жизнь. Или как... – Артур замолчал.

– Твой отец считает меня плохой. Обзывает постоянным двором.

– Каким двором?

– Ну, гостиницей, отелем для временных жильцов. А двор

– это из его исторических терминов.

– Сам он – этот отель, но из которого он вечно выселяет своих жильцов, или они сами убегают.

Ксения тихо засмеялась. Артур стал в неё плескаться водой из фонтана, и она громко взвизгнула.

«Где Нэя?»

Бесшумно и необъяснимо незаметно около них возник Рудольф. Он был странный и не увидел Ксению, так ей показалось. Он спросил Артура тихо и так, будто губы его замерзли, – Где Нэя?

– Где? – глупо переспросил Артур, – дома, где же ей быть?

– Она пропала. Просто исчезла. И это... – он разжал руку, в кулаке был смят розовый комок материала, подобного бумаге.

– Что это? – Артур схватил комок из его руки.

– Стихи какие-то. Дурацкие в её стиле, в вензелях.

Сфера-кристалл давала достаточное освещение, чтобы можно было прочитать наивные стихи. Написанные на русском языке аккуратным детским почерком.

Ксения прочитала, разгладив конвертик, а это был изящный конвертик с умопомрачительным и тончайшим запахом, и из его глубин посыпались засохшие лепестки неведомых цветов, и ожил сон, и заболело внизу живота.

– Она от тебя ушла. Чего ты и ждал после всего? Я же тебе говорила, ты не послушал.

Рудольф смотрел сквозь неё, не видя ничего и не слыша её нравоучений.

– Куда? Мы что, на Земле? – спросил за него Артур, – куда ей уйти отсюда?

– А подземелья?

– Там уже всё проверено. Почти всё. Нет её нигде, – он отвечал Артуру, по-прежнему не видя Ксении. Или не хотел её замечать. – Из отсека хранения пропал скафандр внешнего выхода. Там же снаружи минус пятьдесят градусов по Цельсию!

Ксения, глядя в его остановившиеся глаза, вдруг осознала, как ударенная незримой молнией, свалившейся из-под купола, что она всегда, всю жизнь любила только его и любит до сих пор. Его одного. Всегда. Вчера. Сегодня. Завтра. А все прошлые и настоящие, Ксен, Артур, были лишь щитами, за которыми она пряталась, как от невыносимой муки, как от дракона её опаляющего, и всё равно любимого.

Она ощутила схватку, возникшую в пояснице и ушедшую вниз живота, а сам живот закаменел будто. Но было только семь месяцев. Она, забыв о них, испугавшись за себя и ребёнка, нажала сегмент Ксена, понимая, что Рудольфу до неё, её неожиданно пришедших родов и дела нет сейчас. Ему дорога, необходима, как воздух под куполом, только его золотая курочка, только его забавная и добрая синеглазка-щебе-

тунья, а до Ксении никакого дела нет, и не было никогда. И не было её в его памяти, а значит, и в его прошлом не было, а где же она была, её с ним любовь? Не здесь же, где он её открыто унижал, пользовался и тут же выпихивал, не считая её никем, даже брезгуя считать её любовницей. За что она-то всю жизнь его помнила, и он был составляющей её существа, причём где-то в центре, в самой сердцевине её составляющей, и оторвать было невозможно, если только вырезать внутри кружок –пустоту. Но где вырезать? А главное чем?

Если бы пропала, умерла она, не было бы на его лице ни этой смертельной паники, ни этого детского по беспомощности отчаяния. У него, оказывается, были человеческие чувства, но ей они не достались. За что? За что он был к ней именно таким, безжалостным, беспамятным, и ещё с разными «без» и «не», никогда не нуждающийся ни в ней, ни в её любви, ни в её ненависти, ни в чём. Чем была она хуже этой курочки-наседки- щebetуньи? Особенно в её чистой и воздушной, лёгкой как пёрышко юности. С её красотой, весёлостью, любовной горячностью. Что было не так в ней? И осталось.

Ксения закричала от боли. Они встали как вкопанные рядом с ней, забыв на миг о пропавшей Нэе. Выбежал Ксен, не успевший связать свои волосы в хвостик, маленький и жалкий, растерянный, с застёгнутым не до конца комбинезоном, и он сваливался с него на бегу, открывая вполне себе мускулистые плечи. И чего они смеялись все над ним, как над гно-

мом? Волосы рассыпались по голым этим плечам, белые и длинные пряди как у женщины, и Ксения заходила от истерического хохота сквозь боль, глядя на его смешную фигуру, нелепо махающую руками. Понимая, что от них не будет толка, Ксения, едва отпустила схватку, нажала сама сегмент женского врача Вики. Ещё у них были врачи мужчины, специалисты широкого профиля, но Ксении они были не нужны, а Вика сама решит, нужен кто ей в помощь или нет. Артур пришёл в себя и помог ей встать.

– Пошли, – сказал он и легко взял её на руки, чтобы отнести в медотсек, куда и прибудет Вика. И Ксения, когда её отпустила боль, благодарно прижалась к нему, стараясь не смотреть на Рудольфа. Ксен пошёл за ними следом.

Обнаружение Нэи

Нэю обнаружили за пределами купола в районе ближайших горных складок. Не настолько и далеко, так что нашли её в течение пары часов непрерывного поиска. Она была хорошо осведомлена о системах контроля и защиты за столько лет жизни в колонии, так что её проникновение за купол, через подземные лабиринты и заблокированные выходы, не было предметом особенного удивления. Она не использовала при этом никаких машин для поверхностного перемещения, не умея толком ими пользоваться, и ушла в од-

ном лишь защитном скафандре. Найдена она была за границей обрывистых скал на ровной площадке, будто и сотворённой для такого случая. Все защитные системы костюма были в идеальной норме, а она была мертва. Для безумного самоубийства ей достаточно было выйти за пределы купола в одном платье, в котором она и пребывала костюмом, чтобы с неизбежностью замёрзнуть. Но видимо, у неё была какая-то иная цель. Какая?

Она же лежала в достаточном удалении, если учесть её пеший маршрут. Обнаружили её сверху во время облёта, даже не успев удалиться на приличное расстояние от самого обитаемого объекта – города землян. В таком костюме, да ещё в морозозащитной маске, она могла бы прожить несколько суток, используя систему обогрева. В суматохе не сразу обратили внимание на одну, но самую важную подробность. Нэя в последнее время была с довольно большим животом, а теперь он у неё отсутствовал!

Вытащив её из костюма в подземном отсеке, Рудольф обнаружил её в расшитом беленьком платье, слегка прикрывающем её колени, и без всякого заметного следа беременности на исходе восьмого месяца, если по земному календарю. Если родила, то где, и где следы этого, а также где сам ребёнок? И само это платье, оно было скопировано с платья Ксении, и тщательно были вышиты кремовые цветы орхидеи на груди и рукавах, где ткань была совсем прозрачной, а ниже платье имело подкладку. Оно облегало её на-

столько плотно, что возникало тут же понимание, с каким усилием она напялила это платье на живот, когда он был. И где произошло её освобождение от ребёнка, когда? На эти вопросы не было ответа, как не было их на Паралее, когда он присутствовал при вскрытии своей дочери. Нэя не разбилась лишь из-за того, что её частично защитил костюм, выдерживающий удары и большое давление. А то, что она была сброшена сверху, сомнений после исследования в медицинской капсуле не осталось ни малейших. Однако же, внешние повреждения не являлись бы смертельными для неё.

Потрясение населения города под куполом было настолько велико, что на пару дней все погрузились в угнетённое молчание, почти не разговаривая друг с другом. У них и раньше происходили редкие случаи убегания за купол в близлежащие пространства людей, у которых просто лопались, так сказать, несущие конструкции, и они элементарно теряли рассудок. И если никто вовремя этого не замечал, то и происходили такие ЧП. Но тут болезненно воздействовала странность и необъяснимость всей ситуации в целом, скрыть которую было невозможно. Нэя, хотя и без признаков жизни, в наличии имелась, а ребёнка нигде не было. Столкнувшись с подобным, было отчего впасть в мистический ужас. Но в ту самую ночь, когда она исчезла, над полюсами планеты зафиксировали небывалые вспышки электромагнитного излучения. Затем сияние с яркими зелёными всполохами в ночное время наблюдали и над континентом, в центре кото-

рого и был расположен купольный город землян.

Тело Нэи в том самом платье, в каком она и отправилась на свидание к Зелёному монстру, а то, что это был Зелёный Луч, Рудольф не сомневался, было положено в кристаллический саркофаг. Его специально синтезировали для этой цели в подземном цеху. Тело поместили в особый гель, чтобы никакое воздействие световых лучей не оказало влияние на её облик. А сверху плотно пригнана и запечатана монолитная крышка, так что беглянка оказалась в прозрачном кристалле, из которого сбежать она уже не сможет никогда. Без посторонних глаз роботы погрузили саркофаг в грузовой отсек пилотируемого модуля, после чего туда втиснулся и Рудольф.

Кристалл Нэи

На умеренной широте планеты, в первозданных зарослях гигантских лесов относительно недавно успокоившегося континента, в самой центральной его части, у бескрайнего озера, оставшегося от захлопнувшегося океана, он и оставил её в безмолвии окружающего мира. Теперь не голографический, а подлинный нерукотворный лес окружал её. И цветущие как в палеозое Земли, как было это и на Паралее, деревья роняли на её нетленное кристаллическое жилище пунцовые лепестки. Рядом никого не было, и поэтому он мог пла-

кать, встав на колени и положив беспутную голову на прозрачную, отливающую то зелёным, то сиреневым, монолитную верхнюю поверхность кристалла, за пределы которого она уже не выйдет никогда.

И даже если бы он разбил, как царевич из сказки, её хрустальный гроб, никакой поцелуй не оживит её, потому что в этой кукольной оболочке было пусто, и никакой Нэи уже не существовало как живой души. И он понятия не имел, где она находится, потому что их Галактический Творец не сообщил им координат того места, куда они все отправляются по завершении своего пути. А у неё мог быть к тому же и свой Отец, тот самый Надмирный Свет, которому она осталась верна, даже покинув свою родную обитель. Над Которым он столько надсмехался, и в Кого никогда не верил. Ибо зачем, думал он, такому ничтожеству как человек, Творец подарит бессмертие, когда он и в короткой своей жизни ничего не ценит и никого не любит по-настоящему. Не считать же в самом деле ту функцию, что одинакова и у человека и у прочей твари, за некое священное качество?

Огромные стеклянные стрекозы зависали на уровне глаз, и он отмахивался от них, а одну даже удалось сбить. Райский мир растений и насекомых. И больше никого, не считая затаившейся в мелководных морях и обширных континентальных болотах загадочной живности. Мир до сотворения человека.

– Какой прочный кристалл я создал для тебя, моя щебету-

нья, – сказал он, и странно прозвучал его голос, отразившись от розовеющих и аппетитных на вид стволов, похожих на сухой шоколад. Те кристаллические гады могли бы и позавидовать его нетленной красоте. И когда исчезнет этот лес, окаменеет в чёрных пластах, придавленный тяжёлой задницей последующих эпох, весом в миллионы лет, она всё равно останется нетронутой в их глубине. Кристалл выдержит и жар, и холод, и давление, и безвоздушные объятия вечности. Он не уничтожим в принципе, пока будет бродить по своей орбите эта «Ксения», какие бы события или их отсутствие ни протекали на ней.

Он поцеловал то место кристаллической стены, за которой были видны её трогательные и навеки окоченевшие пальцы на ногах. Он так и сохранил её в том одеянии и без обуви, как она и была. Единственное, что он сделал, положил у изголовья маленький контейнер-коробочку, в котором она хранила кольцо – его подарок. Рудольф был уверен, что кольцо лежит там. Он даже не открыл контейнер и не знал, что кольца там не было. Оно осталось валяться в их спальне, закатившись за диван и коробки со всякой домашней мелочью. Состав геля, в котором она была законсервирована, напитал её умершие клетки, и они розовели, как у молодой девушки во время её дневного сна. Рудольф поднял голову в светлое бесцветное небо, подёрнутое пеленой испарений, в котором расплылась серебряным сгустком чуждая людям Регина, солнце этого мира. Мира вполне земного и пригод-

ного для дальнейшей колонизации людей.

Он услышал звук сверху. На поляну опустился корабль – разведчик. Артур. Он вышел оттуда с напарником, и они долго стояли у границы леса, у стволов деревьев, не желая подходить к саркофагу. Эту поляну выжгли земные роботы ещё задолго до того, как Рудольф доставил сюда Нэю. Обширная поляна была нужна, как стартовая площадка для посадок, и она уже успела затянуться зелёной замшевой растительностью.

Но, всё же, Артур подошёл, глядя на кристалл с опаской ребёнка, никогда не видевшего смерть. В случае с Артуром это было не так, конечно, смертей-то ему повидать пришлось немало с самых юных лет службы ещё на Троле – Паралее. Напарник, ровесник, выразил своё удивление только глазами, лицо его было неподвижно как маска.

– Ты нарушил инструкцию, – сказал Артур бесцветным голосом, – без подстраховки летать нельзя. Забыл?

И замолчал, надолго погрузившись глазами в сердцевину кристалла.

– Почему у неё открыты глаза? – спросил он, наконец.

– Не знаю. Открылись отчего-то, сами по себе, уже когда гель наполнил ёмкость. Я подумал, пусть она смотрит. Ей так хотелось увидеть настоящий лесопарк за стенами нашей пирамиды. Теперь он и будет настоящий. Каждый день разный, то пасмурный, то раскалённый, то вечерний и прохладный. Правда, это дикий лес. Но какая разница?

Он говорил о ней, будто о живой, но Артур принял его пояснение как должное. Спокойно. С пониманием.

– Я не хотел тебе говорить, но на планете обнаружены следы жизнедеятельности разумных существ, хотя и на стадии дикости.

Слышал или нет Рудольф его сенсационное заявление, он не прореагировал на это никак. Сейчас не существовало на свете никаких сенсаций, никакие обрушения привычных прежде представлений ничего не значили для него. Он и сам пребывал в данный момент в непроницаемом для звуков и живых вибраций кристалле вечности, рядом с ней. Чтобы она привыкла к своему новому положению, и ей не было страшно, когда она останется одна.

Тектоническая подвижка судьбы

Рудольф так и не пришёл в родильный отсек к Ксении. Ксения же родила мальчика. И когда она вышла, и им случилось встретиться, он прошёл мимо неё как мимо пустой стены, у которой она стояла. Ксения проводила его горящими и сухими, нечитаемыми со стороны глазами, а наблюдающих и любопытных вокруг было много. Она не была ему нужна, и ребёнок её не был ему нужен. Точно так же как было на Паралее после гибели Гелии, он утратил все чувства и стал непроницаемо-каменным, не уронив, как считали женщины

ни единой слезинки по поводу страшной кончины жены, ничего никому не сказав по поводу этого. Словно и не было тут никогда такого удивительного существа как Нэя, а дети свалились к нему из галактической бездны. Детей он любил и общался с ними, как и прежде, сказав им, что маме срочно пришлось покинуть город, и она вернулась на Землю. Где и ожидает их. Ложь всего лишь отодвигала страшную правду. Для произнесения этой правды не имелось наличных сил ни у кого из окружающих. А потом... уж как-нибудь. Можно будет день за днём изобретать сериал маминых приключений. Сочинить, например, что мама решила навестить Родину Паралею, а потом... Как получится.

Вскоре Рудольф со своими детьми покинул пределы новой планеты, так и оставшейся без имени. Прежнее название «Спутник Гелия» как-то отпало само по себе, а новое так и не удосужились законно оформить отчего-то. Спорили, обсуждали, смеялись...

На Земле его ждала Рита. Она гладила его гладко выбритый череп и плакала. Это были слёзы радости. Какое ей дело до Нэи? Была, и нет её. Рудольф опять стал отращивать волосы, и они росли наполовину седыми, как будто были слегка посыпаны серебряной пудрой. Рита приняла его давно ожидаемое и спрогнозированное возвращение к себе как должное.

Он вошёл в самые верхние уровни структуры ГРОЗ, где очень быстро заимел репутацию весьма жёсткого, но кри-

стально честного и лишённого всяких страстей человека. Почти аскет. Понимающий других, умеющий прощать чужие огрехи, а также помогающий тем, кого ещё можно было спасти. Не несущий в себе злопамятства, а также... безразличный к женщинам. Являлась ли исключением для него Рита? Никто не знал. Но они жили вместе, и всегда были вместе.

Артур остался в купольном городе и стал там после Рудольфа временным ГОРОМ. И не потому, что был сыном Рудольфа, а потому что так решили сверху, а внизу никто не возражал. Он уже имел значимый авторитет, не смотря на относительную молодость, а также и большую любовь всех, кто на спутнике жил. Ту народную любовь к себе, которую никогда не знал его отец со стороны своих подчинённых. Вика с детьми тоже улетела. Вместе с Нелли. Последняя была безмерно уставшая, печальная и одинокая. Она так и не дождалась своего Рамона.

Голография Паралеи была удалена со стен бывшей спальни Нэи и Рудольфа. Ведь этот лесопарк был чуждым для Ксении и достаточно безразличен Артуру. Или Артур так говорил, потому что на самом деле ему было тяжело видеть это помещение таким, каким оно и оформилось при жизни Нэи. После отлёта отца Артур и Ксения перебрались в эти жилые отсеки, как более удобные и просторные для совместного проживания.

Детская детей Нэи стала детской мальчика Рудика, сына Ксении. Убираясь в помещениях, наводя там свой поряд-

док, Ксения обнаружила за коробками с разным хламом Нэи, тесьмой, кружевами, нитками для рукоделия и прочей разной всячиной, то самое кольцо, которое потрясло её своей игрой на руке Нэи. Ксения не знала того, что Нэя оставила кольцо в конверте, но Рудольф, смяв конверт в руке, бросив его в припадке отчаяния в угол, не заметил, как оно оттуда выкатилось. Он поднял конверт, когда успокоился и не заметил закатившегося в угол, да ещё под диван, кольца.

И Ксения подумала, что такого особенного, если она возьмёт его себе на память о Нэе? Ведь Рудольф улетел. Кому его вернуть? Не выбрасывать же подобную редкость. И она стала носить кольцо с кристаллом, попросив у знакомого парня сделать само кольцо шире, для чего пришлось несколько истончить сам металл, поскольку у Нэи были очень тонкие пальчики.

Однажды она, это произошло вечером, подошла к панорамной стене спальни. Постепенно Ксения привыкала к пугающим её прежде и завораживающим её теперь пространствам холодного континента планеты, столь подобной Земле. Их созерцание вносило особый настрой в её сердце, бесстрастную тишину и отрешённость от всего того, что осталось за той чертой, которой стала для неё смерть Нэи. Она убегала глазами за далёкие хребты и непонятные впадины, возможно, что вырванные древними падениями обломков чужих миров на тело планеты. Если у планеты –двойника Земли есть свой Бог, думала Ксения, то он похож на Буд-

ду, нашего своего нирвану, где существует чистое ничто, и нет бесконечных перевоплощений и гомона страдающих и глупых живых существ.

«И что»? – спросила она гипотетического Будду, – «нравится тебе такая нирвана? Безлюдная, неоглядная и не страдающая никакой переменчивостью, не умеющая плакать, а также и радоваться. Чем ей? И кто, если бы не мы, дал этому миру хотя бы призрачное отражённое существование, дав ему свои мысли и свои глаза? Зачем мир, где никого нет? Есть он разве? Пока его никто не видит, его и нет». Это были её обычные размышления на сон грядущий.

Нэя приходит из своего Кристалла

Приглядевшись к тени, нависающей от стоячей скалы над скалой плоской и приземистой, она разглядела одинокую женскую фигуру в светлом одеянии. Ксения отпрянула вглубь помещения, сразу поняв, кого она видит. Здравомыслие боролось в ней с мистическим ужасом, хотя не было ничего внешне страшного в маленькой женщине, сидящей там, в полосе гаснущего лимонно – жёлтого вечера, на смену которому шёл лютый холод ночи. Но она не могла сидеть там, где, скорее всего, её и не было. Рудольф отвез её в кристаллическом гробу на другой континент. Тёплый и блаженный по первому впечатлению, он был отвергнут из-за жутких

землетрясений и извержений, что там и происходили почти непрерывно.

Видел ли хотя бы раз привидение Нэи её неутешный муж? Изменник Рудольф. После того, как заключил её тело в непроницаемый, похожий на подсвеченный лёд, кристалл? Ксения ёжилась как от озноба, но не могла представить себе, как он выглядел тот «кристалл вечности» для Нэи. Или же и не хотела себе этого представлять.

Можно было немедленно закрыть окно маскировочными жалюзи и встряхнуть себя, – галлюцинации были тут делом обычным для тех, кто не выдерживал такой жизни по тем или прочим причинам, но лично у Ксении их не возникало никогда. Не считая жутких снов в первое время адаптации к условиям здешней жизни. И почему-то ей казалось, что это внешнее по отношению к ней явление, и с её самочувствием оно никак не связано. Она была уверена, – это неуспокоенная душа то ли сознательной самоубийцы, то ли сошедшей вдруг с ума разлюбленной жены.

Возможно, Рудольф её и не видел. Возможно, Нэя пришла только к ней и является персонификацией только её больной совести. Только что она могла изменить в свершившемся абсурде? Чему она должна приписать её явленный укор, если это он? Расстройству своей психики, так и не сумевшей исцелиться от укусов бесчеловечного Космоса? Сну наяву, который надо поскорее забыть, как и покинуть сам спутник, который тем ни менее, дал ей то, чего у неё так и не случи-

лось на Земле?

Что могла Ксения знать о мести Хагора, который всё же нанёс сопернику свой сокрушающий удар. Она ничего не знала о событиях на Паралее во всей их полноте, как и о самом Хагоре.

Чтобы убедиться в своей вменяемости Ксения позвала Артура. Потрясённый, он подошёл к окну-панораме, и зыбкая фигура махнула ему рукой. Артур разглядел невозможное, но очевидное, её светлое лицо, её облачное платье, а лицо это плакало и улыбалось одновременно. Такого он рассмотреть, конечно, не смог бы, но так ему померещилось.

«Мираж»! – решил Артур, взглядываясь в женскую фигуру, – Фата-Моргана? – спросил он вслух. За куполом был лютый холод наползающей ночи. Рудольфа нет на спутнике, и что она могла сказать Артуру? Он поднял руку в своём приветствии, вполне осознавая, что это бред, и в то же время понимая, что бредом это не является, и уж тем более это не является его и Ксении, их совместным бредом.

Он нажал то место, где стена соприкасалась с окном, на пульт, регулирующий проницаемость прозрачной поверхности. Окно покрылось как бы туманом, маскирующим всякую видимость. После этого Артур повелительно, – и как естественно у него это получилось! – приказал Ксении оставаться в помещении. А сам вышел, чтобы в техническом отсеке облачиться в защитный костюм для открытого уже пространства.

Ксения уже не видела того, что располагалось непосредственно за их стеной. Да там ничего и не было, кроме пустого промежутка между их стеной с панорамным обзором и границей купола. Их отсек располагался одним из крайних. Он был развёрнут в сторону открытых во все стороны неодоушевленных пустынь и причудливых скал вблизи, рассыпанных по прихотливой ломаной линии, смыкающихся с отдалёнными и более высокими скальными образованиями, частично покрытыми льдом. За ними был обрыв, за которым поднимались такие же удручающие и постепенно проваливающиеся в сплошную черноту ночи, утратившие своё дневное многообразие и объёмность форм, скалистые нагромождения.

Нэя так и продолжала находиться там, куда и приблизился Артур. Он поражался своему ненормальному спокойствию, не понимая, почему нет страха, нет даже удивления! Проявился тот самый феномен, как с дочерью Рудольфа и женой Антона – загадочной инопланетной сестрой самого Артура. Он не был объяснён тогда, не мог быть объяснён и теперь. Тот Зелёный Луч, что пробил атмосферу Паралеи тогда, забрал то, что посчитал нужным и оставил Паралею то, что она породила.

Тело же Нэи, замурованное в прозрачную сверхпрочную капсулу, было предоставлено в распоряжение планеты «Ксения». И никто не смог бы ответить на вопрос, как отнеслась планета к этому странному «дару» в виде микроскопической кристаллической песчинки, заключающей в себе умершую

женщину, ибо чем и была та капсула, если сравнить её с масштабами самого планетарного тела? Мало ли останков космических скитальцев в виде метеоритов и их осколков внедрены были в её недра, утонули в её водах и просто распылены по поверхности за время её существования. И то, от чего содрогалась человеческая и разумная душа, чем было это для неё, живой, но безмолвной чужой планеты?

Артур считал себя психически здоровым, и он не стал отшатываться от призрака, а она не приближалась слишком уж близко. Как стояла у гладкой поверхности скалы, так и осталась. В городе под куполом все спали, а если нет, то по гостям так поздно никто не шатался.

Артур верил в реальность фантома, даже понимая его невозможность. Нэя или то, что маскировалось под её облик, подняла руку в приветствии, зеркально отображая его приветствие себе. Она вдруг обернулась в сторону города, таинственно мерцающего вблизи как гигантский новогодний шарик, в котором замурован столь же сказочный город. Жест был до того живым, что Артур всхлипнул, сделал шаг ей навстречу.

– Стой, где и стоишь, – приказала она тоном, какого он никогда у неё не слышал прежде. И тотчас же автоматически выключилась мягкая подсветка внутри купола, что время от времени происходило в пределах города в ночное время. Он смутно ожидал, что она тут же исчезнет, едва призрачный свет перестанет проникать снаружи, а реальный уже

свет ночного спутника, так и не удостоившегося имени, прогонит призрак, как и положено по закону жанра. Вообще-то, имя у спутника имелось, – то Синька его звали, то Снежок, поскольку цвет его менялся с синего на голубой вплоть до белого. Но закон жанра не сработал. Она осталась и выглядела вполне себе не призрачной, хотя подойти и потрогать её не возникло желания. Артур никогда бы не признался, что ему элементарно жутко. Его немного потряхивало.

– Холодно-то как, – сказал он, хотя обогрев внутри костюма работал, как ему и положено. Он отчётливо понимал, что дело вовсе не в температуре и продолжал надеяться, что никчемное отвлечение мысли развеет все космические чары в пыль, как тому и положено опять же по закону жанра бытовых быличек о появлении злокозненных духов. Но была ли она привидением, тем более злокозненным? Или... трансляция? Кого и откуда? Нэя же погибла, и мёртвое её тело засунуто полубезумным Вендом в прозрачный гроб с консервирующей жидкостью. Завтра же проверить! Вдруг её там уже нет? Он нашёл в одном из карманов фонарик и выронил его из трясущихся рук.

– Сядь! – потребовала она, – и успокойся. У меня сеанс связи по времени ограничен.

И тут он сразу же успокоился, плюхнулся на покатое, как каменный диван, скальное образование и стал пялиться на неё. Примерно так же, как в монитор большого игрового компьютера для детей.

– Привет, Звёздный Ангел! – улыбка Артура не была весёлой, а кривой, поскольку губы не желали изображать приятного оживления от прихода незваной гостьи. Он не надел маску, и щёки уже пощипывало. «Обморожусь», – подумал он почти лениво, как если бы сидел расслабленно в потоках жаркого ультрафиолета в шезлонге.

В волосах фантома он ясно различил мерцающие, как отблески созвездий, её вечные заколки! Или и они были иллюзией, создаваемой уже его памятью? Он невольно протянул к ней руку, но задержал её в нелепом положении, не зная, что предпринять дальше, о чем её спрашивать, и кого собственно?

Когда есть вещи поважнее мистики

Ксения ушла кормить ребёнка, своего Рудика, рыжеволосого, как и она сама, в бывшей детской бывшего жилища Рудольфа и Нэи. Она кормила его из бутылочки, но он был уже сильным, сжимал соску беззубыми дёснами как тисками, и она радовалась, ведь целый месяц он провёл в восстановительной камере в медотсеке, родившись недоношенным.

– Рудик, кушай, я отдам тебе всю свою возможную любовь, своё сердце, всё, чего не было у твоего папы. А у тебя будет много, много маминой любви. У тебя будет моё понимание тебя во всём, моя нежность, моя забота. У тебя на

Земле столько сестер и братьев, ты не будешь одинок, вы будете дружить, я постараюсь, чтобы это произошло. И я сама рожу тебе, обещаю, ещё кого-нибудь, родного тебе, сестру, брата, как захочешь. Ты не будешь одиноким, как был одинок в детстве твой папа. Как была одинока я. И папа, он ещё захочет увидеть тебя. Я не сомневаюсь в этом, а он самый прекрасный у нас, самый любимый для твоей глупой, так ничего и не понявшей в нём, мамы. А ты, когда вырастешь, будешь такой же пригожий, но добрый, очень добрый, великодушный, и ты никого в этой жизни не заставишь страдать. И Артур, он, – это странно сынок, но он твой брат, а то, что мы с ним, так это от одиночества, а человеку так страшно одиночество, жизнь теряет смысл и краски, если человек одинок. Ты понимаешь? И мы люди, несовершенные, бестолковые, глупые, вот такие, как я, а подавай нам любовь. Но мы все заслуживаем эту любовь, любовь – жалость, если уж не любовь – восхищение. Без любви как жить? Душа гложет, слепнет, перестает чувствовать других. Конечно, бывает жизнь без всякой любви. Вот на Земле есть такие существа в океане, разновидность моллюсков в раковине, они живут несколько сотен лет. Но чем жизнь их отличается от существования камня? Ни они ни к кому, ни к ним никто, нет у них ни чувств, ни времени, ни общения, и можно ли это назвать жизнью? Только поглощение и выделение.

Кольцо на её пальце меняло цвета, оно из бесцветного стало наливаться сапфировой синевой, а затем побледнело

и стало розоветь, после чего сгустившись до рубинового, насыщенного, почти малинового цвета, померкло и показалось пустяковой стекляшкой, угаснув, как осколок битой старинной бутылки, брызнувшей нестерпимым блеском от случайно коснувшегося его солнечного луча. Ксения потрясла рукой, в которой держала бутылочку. Камень вернул себе отшлифованную прозрачность, зеркально и искажённо отразив в своих плоскостях помещение детской. Рудик закричал от неудовольствия, что от его губ-ягодок отняли вождельный имитатор материнского сосца. Ксения продолжила кормление, любуясь сыном и его активной жадностью. Как жаль, что ей не пришлось, как она мечтала, кормить его грудью. Как жаль.

Ксен не захотел покидать спутник. Он так и остался работать в своих лабораториях и оранжереях, куда уже не ходила Ксения. Мимо Ксении он проходил, как и мимо всех прочих, не здороваясь, не замечая. Он общался только с Артуром, да ещё с одной, довольно пожилой жительницей на спутнике, и она перебралась к нему в оранжереи, чтобы заменить Ксению по работе, что оказалось не так и сложно. Выходили или нет их отношения за границы работы, никто не знал, да и не интересовался никто.

Однажды Ксения застала Ксена беседующим во время обеда в их столовом отсеке, в их «кафе», с одним техником-наладчиком роботов, который большую часть времени проводил в подземных уровнях. Ксения нарочно пришла

позже всех, чтобы не встречаться с женщинами, которые от неё отворачивались, все. Ни Ксен, ни этот угрюмый технарь – подземный рабочий по кличке Гоблин, ещё не пришли к тому времени. Они пришли обедать следом за ней чуть позже, так и не увидев её. Придя первой, она тихо села в угол за ширму, имитирующую японскую раздвижную стену, это было комфортное местечко для тех, кто не любил есть у всех на виду. Таких укромных мест тут было немного, как и тех обитателей, кто страдал неприятием себе подобных. Но Ксения как-то пристрастилась там прятаться, и залезала туда даже тогда, когда в кафе никого не было, кроме наладчика кухонных роботов, повара-мужчины, оставшегося без своей помощницы Нелли. Пока Ксения поглощала свой обед, Ксен с Гоблином и вошли, не прерывая свой разговор, начатый за пределами кафе.

Вначале говорил тот, кого и звали Гоблин. Он соответствовал прозвищу своей сумрачностью, некрасивостью.

– К нему, конечно, не прильнёшь как к родному отцу, это да. Он сантиментов не разводил с мужиками, если только с девчонками позволял себе... но тем ни менее, бывают ГОРЫ и похуже, уж поверь, я на всяких насмотрелся. Чего у него не отнять было, так это справедливости. И тут ты, Ксен, слишком уж изысканное имеешь устройство для такого-то места, вот что я скажу.

– Я человек не военный, конечно, и такое подавление чужой воли, такая авторитарность мне казались невыносимы-

ми. Мне стало легче дышать, когда он отбыл. Как будто он один вдыхал в себя весь воздух, закаченный под купол, я задышался в его присутствии, но не скажу, что это был страх. Нечто иное. Я бы назвал это несовместимостью.

Ксения догадалась о ком они, но дальнейшие слова Ксена повергли её в изумление и сомнение по поводу его адекватности.

– Особенно легче стало моей жене. Ведь Кларисса была на грани помешательства, а понимал это только я. А сейчас она счастлива, и я рад. Чем я мог ей помочь? И каково это, такому изнеженному существу, бывшей в юности балериной, оказаться здесь, родить к тому же, и оказаться ненужной тому, кто совратил её на такой вот путь. Могла она пойти поперёк его воли?

– Те, кто смел это делать, лежат в нижайших подземных уровнях в специальных капсулах вместе с теми, кто так или иначе тут погиб или умер от разных причин. Много и самоубийц. Пока не решено, что с этими останками будут делать. Может, так и оставят в глубинных пластах. Кто туда нос сунет?

– То есть? И женщины погибали?

– Не скажу так. Женщины, хм-хм, – Гоблин похмыкал то ли от удерживаемого смешка, то ли от неловкости самой темы, – Женщины всегда ему подчинялись. И не скажу что без любовно. К тому же, тебе ли не знать, что женщины не склонны к бунтарству. Во всяком случае, у нас ни одной не на-

шло из породы сумасшедших бунтарок. И вот загадка, в такой среде, где многие мужчины не выдерживают, они, ни одна из них, не свела счёты с жизнью. Впрочем, женщины все тут из добровольно прибывших, а их контракт включает в себя пункт отказа от дальнейшей работы при случае их личного на то желания. Как думаешь, почему замкнутое пространство так часто сводит иных людей с ума? Даже если это по виду комфортабельный городок. Не были они в особых зонах, вот что я скажу!

Ксен абсолютно не слушал Гоблина, как сделала вывод Ксения, слушая продолжение их беседы.

– Если, конечно, Артур не захочет отпустить её, а он всё же не похож на отца, я обращусь в самую ГРОЗ, – сказал Ксен.

– Да ты что! – ответил Лёня – Заплутал совсем умом в своём зелёном секторе? Уж и тут знают, какую высокую управляющую должность ему там преподнесли на золотом буквально подносе. Он в особой обойме, мой друг. С юности, а то и с детства, по особым программам таких обучают. Не то что мы с тобой. Пролетарии всякого разного там труда. А ты не в курсе? К нему твои жалобы и поступят. А чего тебе теперь-то на него жаловаться, если его тут нет?

– Артур сказал, что не имеет полномочий на пересмотр контрактов, поскольку должность его всего как бы временная. Если только возникнут экстренные обстоятельства, когда человеку и необходимо отбыть на Землю.

– Ну, а как ты хотел? Это ж затраты-то колоссальные, что-

бы людей отсюда вывозить в неурочный срок без причины. Только потому, что кому-то тут разонравилось. Тут же не детский лагерь отдыха: «Мама, мне тут не нравится! Я домой хочу»! Думать надо было тебе ещё на Земле.

– Моя мама умерла. Отец в далёкой космической колонии обжился настолько, что и забыл о Земле. Не о том я тебе и говорю, Лёня! Я имею право на разрыв контракта в любое время. И я не оставлю Клариссу. Мы опять будем рядом. Я забуду этот мир как период страшный в моей и её жизни. Я хотел заработать на то, чтобы дать ей возможность более достойной жизни, а вот что вышло.

– Ни один мужик не осудил тебя здесь, – промямлил Гоблин с набитым ртом, – что понимают бабы, живущие тут представлениями Земли. Они посчитали, что ты слабак. Но кому нужен был твой героизм, если бы и ты лежал в тех подземных склепах? Или ты думаешь, кто-то стал бы разбираться, что с тобою могло произойти? Произойти же могло всё, что угодно. Рамон пропал на «Маме», действительно выполнял запланированный облёт, а бабы и те, кто им подобен, разжужжали, что причина в Нельке. Да она за счастье считала к прежнему ГОРу сунуться сама, и все это видели. Рамон никогда не стал бы из-за неё лезть на рожон. Рамон быстро тут понял, что у девки были две слабину, жадность к финансовым средствам и неудержимая открытость, нет, не души, а того, что расположено несколько ниже.

– И тем ни менее, у прежнего ГОРа и у Рамона были пер-

пендикулярные отношения. Из-за некоего разлада в их прошлом. У меня есть свой инсайдер. Катастрофическое приземление и нет человека. Обычное тут дело. Сам же и сказал открытым текстом.

– Но! Тел Рамона и его напарника не нашли, – довольно суровым тоном ответил Лёня.

– Кларисса – чистейшая женщина. При такой красоте она всю жизнь вела уединённый образ жизни. Мы не расставались с ней никогда.

– Велика ли она у неё – вся-то жизнь? Ей сколько? Ты бы постарше, помудрее себе женщину нашёл. А то девчонка! Да ещё такая... Придумал же – такую девушку с собою в военную колонию брать. Боялся на Земле оставить?

– Она любила меня. Дело сложнее, чем кажется со стороны.

– Короче, куда ни кинь, всюду тебе выходил клин. И откажись ты от такого выгодного контракта, ушла бы и тогда. Потому что красавица всегда обходится дорого любому. У них комплекс вечной нехватки, им всегда всего не хватает, то любви, то поклонников, то средств и возможностей. А если всё и в полном комплекте им достаётся, то обязательно будут считать, что достались гаду из гадов. Знал я таких. Лучше простую женщину выбирать. Вот у Артура была Вика. Хорошая женщина. Так нет! Спровадил её и сыновей не считал, которых тут выходила ему. Перехватил эстафету у отца и рад. Чему? Она ж и от него как колобок укатится. Наплюй

ты, Ксен! Теперь она не твоя проблема.

– Моя мама хотела мне блага, но она воспитала меня слишком уязвимым, потому что чрезмерно возвышенным и доверчивым. Из-за чего моя жизнь в личном плане не сложилась.. Будь я таким, как эти из ГРОЗ, смогла бы она пренебречь мною? Я попал сюда-как бы и чудом, поначалу радовался открывшимся возможностям, а что вышло? Где я оказался?. У нас с нею на Земле чудесный дом, в лесу. Это ей осталось от её выдающегося отца, а он был великий человек. Он преодолел то, чего не сумел преодолеть в себе я. Он стал нужным всему человечеству, доказав, что не супер люди, а обычные, созданные по образу Божию, могут всё и без этих вмешательств в глубинный замысел Творца. Только такие и способны на гениальность, только их Создатель целует в темя при их рождении.

– Знал, выходит, её отца? Кто ж такой?

– Воронов Артём Андреевич. Не слышал?

– Нет. Я в ГРОЗ никогда не был вхож. Слишком уж закрытая структура. Там, как я слышал, правят наследственные уже кланы.

Гоблин частично загораживал Ксена. Ксения следила за ним через ажурную ширму, невидимая сама, с чувством острой жалости к своему маленькому, трогательному, опозоренному мужу. Он как будто и не видел того, кому он всё открывает, человекообразной болванке, только и годной для наладки бездушных роботов, равнодушному, постороннему

человеку, ставшему почти обездушенной частью глубинного механизма города под куполом, откуда тот редко и вылезал. Когда-то он попал туда за тяжкое преступление, но отбыв срок, настолько сросся с подземельями, что и не просился обратно на Землю, может, понимал, что никто там его не ждёт и никто ему не обрадуется.

И в этот самый миг на Ксена снизошло то самое творческое вдохновение, что, казалось, давно уж покинуло его. Его творческий ангел сумел-таки разыскать его и в такой безразмерной удалённости от Родины, в этакой космической пустыне. Ксения прижалась к прорезям в той ширме, что и отделяла её от столового зала.

Глаза Ксена заиграли, хотя и заметно не добрым свечением, черты лица стали строже, подтянулись, а сам он преисполнился значимости. Даже его жалкий хвостик, с которым он не желал расставаться, не имел уже значения. И он заговорил, как пророк обличающий, глядя в неведомое никому будущее.

– Вот что я тебе скажу. Никому не принесёт счастья эта новая Земля-2. Они заташат сюда вместе с прежними названиями и спящие споры прежних болезней. Они устроят тут те же самые свалки и социальные перекосы, как бы ни старались отдельные подвижники и мечтатели построить тут свой искомый рай. Наступят на те же самые, метафизические только, но грабли. Хотя это будет уже пародия на пережитое когда-то, этот их проект Земля-2 не станет от того менее

кровавым и жестоким. И тому доказательств столько... Ты не в курсе, сколько ужасных миров понастроили они где-то, куда мы с тобой, по счастью, не попадём.

Гоблин хмыкнул, – Уж мне ли и не знать...

Ксен его не услышал, – А сколько таких вот космоколоний – поселений уже уничтожено? Ты разве о том знаешь? Сколько навсегда отгородились от родной планеты с требованием не напоминать о себе тем, кто землянами прежними считать себя уже не желают? И уничтожают любой звездолёт, что смеет к ним соваться... Сами же стали заложниками своих сверхмощных технологий эти, что мнят себя самой продвинутой частью остального человечества. Не станешь же устраивать смертельные побоища с каждым таким ушедшим в свободный отрыв объектом? Выстраданная этика человека космической эры не позволяет. Да живите, как вам и заблагорассудится! Почему же надо думать, что тут будет иначе? Уверен, кто-то уже припас тут местечко для будущего своего владычества. Не ради тебя, Лёня, и не ради меня, конечно. Мы так, рабочий одушевлённый инвентарь... Всё тут подготовим для заселения и забудут о нас. Будут лишь гадать, спустя столетия, а кто же окультурил растительные виды, вроде бы, не имеющие ничего общего с местными дикими образцами? А кто воздвиг однотипные поселения? Кто ковырялся в недрах, забыв там странный свой инструментарий или те же саркофаги? Они непременно сотрут коллективную память о прошедшем для будущих поколений, что

вовсе не трудно, как оно тебе теперь и кажется. Постепенно вливая ложь в информационные потоки, они вконец изменят их состав, как было когда-то и на нашей старой Земле. Что мы знаем о ней? Откуда мы сами там появились? Бог? Эволюция? Некая прабабушка некоего Дарвина решила вдру очеловечиться? А зачем оно ей, живности бессловесной изначально, и понадобилось? Или это некие хищные палеолюдоеды вывели для себя сорт прирученных двуногих и очень питательных собратьев? Как уверял некий древний антрополог ли, палеолингвист ли, короче, учёный, работающий на стыке все известных на тот момент наук... Они, те каннибалы, вроде как и развили древнюю интердикцию в суггестию, а уж поедаемые суггеренты в ответ развили свою контрсуггестию, что и стала зачатком речи, а уж потом и мысли, то есть разума. Коллективного вначале по своему происхождению, а уж потом он, разум, стал индивидуальным приобретением каждого человека. Или не стал. Поскольку по-настоящему разумных существ и теперь не густо, Лёня, Вот что я тебе сообщаю...

Очнувшись, Ксен всё же разглядел собеседника, кому изливался о столь сокровенном, и замолчал. Гоблин изучал его искоса и, как показалось Ксении, с жалостью.

«Даже такой жалеет его, но только не я», – она укоряла себя, но не ощущала вины.

– Деградация, Ксен, также неотменяемый процесс, как и то, что ты понимаешь под развитием, эволюцией. Мы пита-

ем друг друга своими мыслями, а уж всякий использует это для выращивания своего личного уже творческого продукта, порой и токсичного. Таким образом, мы растём и дальше, развиваемся благодаря мыслям окружающих нас людей, и в свою очередь питаем и развиваем окружающих, своих детей, если есть чем, разумеется. Мысль уже не загонишь туда, откуда она и произошла, в темень, а те, кто к тому стремятся, на самом-то деле идут против замысла Творца, для чего-то и толкнувшего человека в это самое русло неостановимого движения. Можно, конечно, построить дамбу, искривить это русло, что и проделывали все эти экспериментаторы и самонадеянные практики, но это всегда приводило к социальным катастрофам, а человек с его разумом никуда пока что не исчез. На данное время мысль можно уничтожить лишь с самим его носителем.

Ксен застыл, не ожидая от Лёни такого вот речевого потока. Явно удивился, что он также не лишён раздумий о том, что выходит за рамки его служебной деятельности. В сущности, никто толком и не знал, каково прошлое у Лёни Губанова.

Ксения ощущала жалость к Ксену, а вины как не было, так и не возникло. Со стороны он выглядел, как и прежде, деятельный, погружённый в свои разработки, отрешённый от всех. «Мистер Боб» – так дразнил его Артур, но беззлобно, без издёвки. Здесь возродилась такая вот особенность людей – награждать друг друга кличками, прозвищами, не всегда и

безобидными. В частности, этот техник из подземелий «Гоблин» злился, когда его так звали. Но и собственное его имя было созвучно кличке – Лёня Губанов. И прозвали его так не за непропорционально большую голову, которую, не могли ему исправить никакие спецы по пластике лица, а только из-за привычки сокращать личные имена. Губ. Лён. – Гоблин. Артур носил фамилию деда – Паникин, и прозывался Пан. И Ксению мужики дразнили «Ириска», сокращенное от Клариссы. Ей это категорически не понравилось, и она потребовала звать её Ксеня, с чем они и согласились. Так было и удобно – Ксен и Ксеня. Тогда они ещё были для всех муж и жена.

Нэя как одно из лиц «Созвездия Рай»

– Зачем ты ушла? В какую изнанку Вселенной? Как могла ты забыть о детях? – Артур, произнося все эти банальности, не верил сам себе. Да он ли это произносит?

– А разве не ваш мир – изнанка Вселенной? Это вы жестокие, самопровозгласившие себя вершиной творения. У вас никогда не было совершенства. Не было в прошлом, нет и сейчас. Когда-то я верила тому, что на Земле моя жизнь будет прекрасной. Но ничего прекрасного там не оказалось. А здесь? Я поверила в возврат его любви. Не произошло никакого возврата. Я рожала и рожала, не видя иного смысла

в своей жизни, ради какого прекрасного будущего, которое рано или поздно всё же настигну...

Артур опять подумал о кристаллическом саркофаге, безмерно далёкой, застывшей слезинке на маленькой круглой поляне, окружённой гигантскими деревьями. На стволах их дремлют бабочки, а с ветвей, похожих на колючие и сквозные хвойные лапы, осыпаются лепестки, вот удивительно! Нежнейших цветов ярких оттенков. А о чём подумала Нэя, было ему неизвестно. Ведала ли она о том прозрачном кристалле, где она обрела свой вечный покой или нет, этого Артур не знал. Он смутился своих сумбурных размышлений. Как могла Нэя, которой уже нет, ведать о том, что произошло уже за чертой её жизни? А это нечто, примерившее на себя её платье, её заколки, прикрыв неизвестно что её прелестным неповторимым лицом, подобного которому уже нет и не будет никогда, как и её щебета и застенчивой улыбки. Остались её открытые синие глаза, замороженные навеки в жидкости саркофага, но им не дано ничего уже увидеть. И этот бесполой, бесчеловечный посланец из химерического мира, лежащего по ту сторону их Галактики, вскрывший, да, бессмертную, это очевидно, информационную матрицу Нэи, присвоивший себе всё то, что принадлежало только Нэе, но что это нечто посчитало своим, какую цель он преследует? Такое видение происходящего было Артуру понятнее, чем признать живое наличие самой Нэи где-то там, куда нет доступа никому из людей.

– Я пока ещё рядом. В пределах системы звезды Регина. Поэтому я и могу выходить на связь с тобой. Только выйти из каменного яйца-сферы я уже не смогу. Мы ждём корабль-матку. Как только он появится, мы уйдём отсюда навсегда. В «Созвездие Рай», как обзывал этот мир Рудольф.

– Мы? Это кто же мы?

– Я и тот, кто за мною был послан. А также мой ребёнок.

– Кто же в таком случае лежит в саркофаге на планете «Ксения»?

– Ты же прекрасно знаешь, что ребёнка во мне не было. Да и... Осталась только телесная и довольно уже потускневшая ракушка, в которой и обитала моя душа – разумный космический моллюск. Насколько уж я разумна, судить не мне. Думаю, что и Рудольф, и ты так не считаете. Выдираание из этой ракушки – очень болезненная процедура, скажу тебе. Да ведь не больше тех родов, что мне пришлось пережить. А уж как я рожала у себя на Паралее, такого тебе точно не представить. И ведь выжила. Очень уж живучая оказалась, а мнила о себе, что умру от любого житейского сквозняка, случись он. Меня там так зашили, что я женщиной уж точно быть перестала. Доктор Штерн – реальный волшебник скроил из той ветоши, кем я стала, новенькую девушку, только лучше бы я осталась на своей Родине, лучше бы послушалась совета Тон-Ата. Жаль, что я так и не увидела своего первого сына Руднэя. Ни в его детстве, ни в его теперешнем возрасте. Какой он? Он, отчего-то я так думаю, мой самый удачный

сын, самый одарённый и прекрасный, каким и был его отец в те времена, да и я сама, когда мы его и сотворили на пару. А прочие дети, ты не поверишь, уже не казались мне необыкновенными. Я видела ясно, они все заурядные. Я легко забыла тех, рождённых на Земле, забуду и здешних. Тон-Ат же говорил, что я буду плохой матерью. Он никогда не ошибался. Он был маг и провидец. Скоро я перестану страдать. Плакать о детях Венда. Ты знаешь о том, что я как была, так и осталась Нэя-Ат. Ат – это приставка, подаренная мне Тон-Атом. А он мне свою приставку к имени не предложил ни разу, а я родилась аристократкой и не могла ни о чём просить.

– Дети Венда... ну, да. Теперь они только его. Это правильно. Как бы тебя не обманул этот неведомый «древний великолепный мир». О каком Руднэе ты говоришь? Разве тот ребёнок с Паралеи остался жив? Откуда такие сведения? От кого? Ты выдумала это ради самоутешения.

– Рудней не выдумка. Он так и живёт на Паралее. Его вырастил и воспитал мой отчим Тон-Ат. Не знаю, будет ли это для него утешением? Думаю, что он всегда жалел о том поступке, ставшем причиной того, что сына забрал Тон-Ат... Останься я в Лучшем городе континента, Тон-Ат не сумел бы его забрать у меня. Иногда Тон-Ат, как и Хагор, любил преувеличить своё могущество, а на самом-то деле и он имел ощутимые границы для своих безграничных хотелок. Тон-Ат первым объявил себя смертельным врагом землян, вообразив, что одолеет их с легкостью. Потом он переосмыслил

свой проект преобразования Паралеи, но не своё отношение к землянам. Рано или поздно он их оттуда вытеснит окончательно. Образно говоря, мой сын Руднэй обитает теперь в той книге, где меня как действующего персонажа нет. А твой сын там появиться, хотя как персонаж второстепенный.

– Ты неисправимая фантазёрка. И ты уже придумала дальнейшие события? Наполнила ими воображаемое пространство своего романа?

– Конечно. Думаю, что Ксения допишет остальное. Тогда, когда у неё возникнет потребность в этом. А может быть, это сделает кто-то и другой.

– Антон – настоящий дурак, что не удержал рядом с собою такую женщину как ты... – зачем-то пробормотал Артур.

– Антон, к сожалению, был слишком юным для меня. Он на тот момент всё ещё не был по-настоящему взрослым и пребывал в развитии и постоянном изменении. Поэтому того Антона, которого ты вспомнил, уже нет. Есть другой Антон. А уж как он себя проявит в дальнейшем, это уже не моя книга.

– Как же я любил тебя на Паралее, Нэя! Я полюбил тебя с первого взгляда, когда ты гуляла среди голографических городов в холле «ЗОНТа», или как вы его там называли «Зеркального Лабиринта». Я подумал, что ты тоже фантазия, мечта. Откуда она взялась там, – подумал я, – словно вышла из воздушных зданий, из тех несуществующих ландшафтов, созданных неизвестным художником, из лазурных

рощ, из ажурных аллей, ведущих к неземным горизонтам. Ты смеялась от восхищения, а я впервые был потрясён женщиной как никогда до этого. Я пришёл к отцу и сказал, что хочу знать, кто ты, где живёшь. Я думал, что тыходишь в его внешнюю агентуру. Я же никогда не выходил за стены ЦЭССЭИ, да и по лесопарку мы гуляли редко, в основном, в безлюдных горах. Я сказал, что хочу подружиться с какой-нибудь девушкой, имея в виду тебя.

«Помоги мне в этом», – сказал я отцу. Он сказал, что красивые девушки в мире Трола продажны. «И она»? – спросил я, набравшись смелости, – «Та, что создала эту разноцветную «Мечту» на радость всем местным обитательницам»?

Он ответил, – «Она слишком дорогая для тебя, чтобы ты на подобную женщину претендовал. Не дорос пока. Ищи себе другую».

Я ему не верил. Я же видел твоё лицо. «Она не может быть продажной».

Он ответил, – «Она живёт как на Земле, в райском благополучии. Это дорогое удовольствие. Это и есть моя плата. И она это знает. И поэтому она принадлежит мне. А ты успокойся и даже не смотри в её сторону».

Я с трудом сдержал себя, чтобы не ударить его. С тех пор я его и разлюбил. Прежде-то ещё питал надежду хотя бы на мужскую дружбу с ним, раз уж отцовской любви мне от него не досталось. После возврата на Землю думал, век бы его не видеть и забыть навсегда. Так он сюда меня вызвал, а гла-

ва ГРОЗ утвердил мою кандидатуру. Пойти против означало лишь одно, уйти из ГРОЗ. Надо бы уйти, как Антон и Олег. А я вот... Одно утешало, что тебя рядом с ним нет. Пусть ты где угодно, с кем угодно, лишь бы не с ним... Когда ты тут объявилась, я хотел отсюда сбежать. Но опять остался. Чего, думаю, ломать так удачно начавшуюся звёздную карьеру. Что мне эта женщина? Тем более от той девушки, с которой, взявшись за руки, я шёл по подземному лабиринту, будто в своё совместное будущее с ней, ничего уже не осталось... Это когда доктор вылечил тебя после того, как Антон вернул тебя в подземный город. Я вообразил, что ты теперь свободная и вполне сможешь выбрать меня... Дурак же я был! Мальчишка совсем. Ты не обижайся, ты и здесь очень красивой была, но ты стала другой женщиной. Не той, какую я так любил в юности, когда трогал твои милые косички, а ты смеялась. Но ты шла опять к нему...

– Я была старше, чем ты. Мне даже не приходило в голову, что ты влюблён...

– Старше? Семь лет разницы – это старше? По земным понятиям это ничто. На Земле всё повторилось. Он бросил тебя одну в чужом мире. А я всё ещё помнил о тебе, только опять не успел. опередил Антон. Но и Антон не любил тебя. Почему ты не искала меня на Земле?

– Я ничего не знала.

– Ты сделала своих детей сиротами. Ты знаешь, что это? Я рос без матери и отца. Мать то болела, то была занята поис-

ками своих путей и своих мужей. Меня любил дед, я помню только его любовь, как он катал меня на плечах, и я держался за его густые волосы, или как он бросал меня к облакам. Он и был мой отец. Но я всегда знал, что есть другой отец, кому я нужен не был. И не простил ему этого до сих пор. И считаю его только своим шефом, не более того...

– Ты рассказал мне всё это, желая сделать больно?

– А тебе больно? Разве может голографической картинке быть больно? Больно твоим детям, которых ты бросила, больно было Антону и тем девочкам на Земле.

– Антону? Не смейся, Артур. Он был рад избавиться от меня.

– Ты не хотела простить ему случайного увлечения, но Венду ты прощала всё! Ты вращалась вокруг него, как возле тяжелой планеты, раба неодолимой гравитации. И когда он притянул к себе из космической бездны несчастную, давно отброшенную в прошлом, блуждающую комету, она врезалась в тебя и лишила тебя твоей атмосферы, вышибла с привычной орбиты. Лишь поэтому ты и смогла уйти. Мне жалко тебя, звездный ангел...

– Жаль, что мы разошлись в нашей жизни. В том смысле, что ты появился на Троле настолько поздно и был настолько моложе меня с моими представлениями о том, каким должен быть мой Избранник. Артур, я тебе скажу, и тебе это не понравится. Отпусти Ксению. Пусть она любит его. Он нужен ей. Не ты.

– А она ему?

– Тоже. Он просто этого не понял. Но он поймёт. А Ксения будет любить наших детей, потому что любит его. Как никто. Отпустишь?

– Она не просится.

– Она попросится. Не препятствуй. А ты полюбишь, твоя жизнь только началась, по вашим понятиям и возможностям ты настолько молод. Передай Рудольфу, пусть он простит, но я не выдержала, я безмерно устала. Передашь?

Она внезапно исчезла. Артур на негнущихся ногах пошёл по направлению к городку. А когда обернулся, увидел, что она опять рядом, за его спиной. Для чего-то приблизилась. Он испугался как маленький. Зачем она так играла, или от неё подобное и не зависело? И тут же возникло чёткое ощущение, что она не хочет так быстро с ним расставаться. Она подняла руку – открытой ладонью к нему, в жесте то ли прощания, то ли утешения, а уж потом направилась, как самая настоящая и живая туда, где совсем близко находилось нагромождение скальных выступов из ледяной подошвы пустыни. Она прошла через них, как через пустоту, будто никакой преграды и не было, и оказалась у склона ближайшей горы, похожей на отполированную стену древнего сооружения. Опять обернулась к нему, отчего-то зная, что он приклеен к тому же месту, и слегка уже приподняла руку точно для прощания, но... рука обвисла, а сама она сжалась, словно почуяла окружающий холод. После чего и погасла, сразу,

как выключенное изображение. Исчезла.

Если бы Артур не был бритоголовым, то совсем скоро он заметил бы в зеркальном отражении не один седой волос на своей голове. И чтобы он подумал? Это сообщение ему о том, что он уже давно и безнадёжно взрослый? Или что он маленький совсем мальчик, переживший нешуточное потрясение, не совместимое с привычными и устоявшимися представлениями о Мироздании?

Приблудный призрак или нечто другое?

Ночью, когда он вздремнул в рабочем отсеке, где прежде работал отец, к нему пришёл Хагор.

Артур приподнялся на локтях с дивана для отдыха, узнавая его, но не веря своим глазам.

– Прибыл на своих стрекозиных крыльях? – спросил он глупо. – А фею с собой не захватил?

– Это я общался с тобой за пределами купола. Никакой Нэи больше нет. Сам же понимаешь. Она не могла к тебе прийти. Она не ангел, а всего лишь женщина, на одну половину земная, на другую половину трольская, как вы говорили о людях Паралеи – Трола.

– Чего вы забыли на Паралее?

– Паралея это наш мир. Мы породили его. Только он немножко выпал из-под нашего контроля, пока мы занялись

нашими внутренними неурядицами. Туда прибыли гребне-головые агрессоры-колдуны. Всё там порушили, всё вывернули шиворот навыворот, как вы говорите. И себя наполовину уничтожили, а выжившие частично деградировали, частично вписались в социум Паралеи, но обо всём забыв. Только мы занялись выправлением путей этого мира, как вы пришли туда без спроса. Да ещё самонадеянный Тон-Ат надумал создать там гибридную расу из людей Земли и людей Паралеи. Чтобы оздоровить привоем новой расы их дичающее древо, дав им то, чего они лишились, попав в силовое поле Энтропизатора. Частично Тон-Ат и преуспел в своих начинаниях, как сам же и понимаешь. У него и на вашей Земле имелись сторонники. Хотя они не понимали, что их всего лишь вписали в чужой проект будущего, которое не будет иметь к Земле никакого отношения.

– Зачем ты так поступил? – Артур тоже на одну половину своего сознания бодрствовал, а на оставшуюся половину пребывал в сновидении, как он сам же и решил. – Зачем обманул меня призраком Нэи? Да я понял сразу, это призрак, а не реальная Нэя!

– Хотел послать тебе утешение. Чтобы ты поверил в бессмертие. А потом подумал, что это может ввергнуть тебя в состояние стойкого расстройство психики. А ты тут ГОР. И в отличие от отца ты очень хороший человек.

– Выходит, и к Антону приходил ты?! А не Икринка, как он думал...

– Как бы тебе и объяснить такое? Там было задействовано несколько действующих лиц. Антон был одним из этого трио. Вторым, понятно, был я со своим неуместным утешением. Ну, а Икринка, хотя и была дочерью землянина, отчасти и порождение нашего мира. И такое вот воздействие породило затем стойкое расстройство психики у Антона. И не у него одного, надо заметить. Леснику, другу моему на Паралее, тоже такое вот соприкосновение с неизведанным миром, причинило немало переживаний. Но он простак, а такие всё непривычное швыряют за левое плечо. И дальше живут себе без проблем.

Была там ещё одна бродяжка, да... она и без того была полоумная давно. Не отличала явь от бреда порой. Женщина, рождённая от одного из ваших, сама она не обрела счастья. Отличаясь нездешней красотой, замечена была добрым, да беспутным по молодости моим знакомцем, тем самым, кто и стал потом лесником и моим соседом. Он в том городке жил с рождения. А девонька проживала на самой отдалённой, заречной окраине из того же городка. Казалось бы, нашёл счастье, хватай в охапку и не отпускай уже. Так нет! Задурил, включил какой-то ничтожный расчёт, загубив доверившуюся душу. Дочку свою, от него рожденную, не смогла она спрятать, отдали в приёмную семью, как на Паралее и водилось. Да ты и знал дочку эту. Ласкирой её звали, как и бабушку Нэи. Совпадение имён не всегда есть совпадение судеб. Имя означает ласковая и сладкая. Хотя обе носительни-

цы такого вот имени судьбу имели неласковую и горькую... Я тому гребнеголовому, что погубил девоньку Ласкиру, отомстил, хотя и не сразу. Навёл на его след мстителя Сэта-Мона. Сам-то он никогда бы не нашёл того, кто сына его Реги-Мона убил. Поскольку Реги первым стал стрелять, как на Паралее и водилось. Военные там все были преступными душегубцами. А тот, на кого Реги напал, всего лишь применил приём самозащиты.

– Ты, дед, был там вроде как мойра Судьбы. Только мужского пола.

– Насчёт пола, ты не торопись со своими утверждениями. Урнинг я, как обозначил меня тот же Венд. Выше пола я, ибо развитие наше слишком уж увело нас от того, что у вас есть причина как личной дисгармонии, ведущей в вашем прошлом к дичайшим извращениям, вплоть до умственного и нравственного уже распада тех или иных сообществ, запускаемых всегда корыстными нечестивцами, так и счастливого сопряжения полов. Но как оказалось, не туда мы и устремились... А то, что я чрезмерно увлекался судьбами людей Паралеи, как и землян, внедрившихся туда, так что же. Увлекающийся я. Времени много, заняться особо-то нечем было. Игрался больше, неизжитое моё детство являлось тому причиной. Молод я, если в нашем измерении возраста.

– Что ж по виду-то всегда старец ты был? – изумился Артур, – И там, на Паралее, да и теперь выглядишь так, что как говорят, краше в гроб кладут.

– Не слушал ты меня. Я слишком там поистратился, а носитель себе выбрал неполноценный. Каковой был под рукой, таковым и воспользовался. А потом и подавно, здоровье-то поддерживать чем было? Если я весь свой ресурс угрохал на то, да на сё, не соображая, что в ином мире он весьма ограничен. Вместо того, чтобы нам заодно действовать, мы сцепились с Тон-Атом. А он меня куда как старше, мощнее гораздо. Никто же не посоветовал, не трогать его хотя бы. Какowymi бы ни были спускаемые сверху указания, действовать всегда надо своим разумением. Если уж во мне видели расходный материал те, кто меня на Паралею и направили, самто я должен был включать свой разум? Душа-то моя кому, кроме меня, дорога? А у меня там в советчицах одна Инэлия увечная и была, которая со мной даже не разговаривала. К тому же, впоследствии все наличные силы отдал я ради спасения Антона. Ресурса Кристаллов-помощников не хватало уже, поскольку там и другой, мне не нужный, обозначился! Ведь угораздило же и ещё одну спасительную капсулу туда же и сбросить... чтобы рядом оказались...

– А тебе хотелось, чтобы и он сгорел вместе со всеми?

– Не хотелось мне такого никому. Но раз уж такое произошло... И кто сказал мне за это спасибо, как вы и говорите? Да никто!

– Так на то ты и Ангел, как себя обозначил, чтобы творить добро бескорыстно.

– Не скажи. Ведь и Ангелы любовью питаются.

Поскольку словоохотливый дед влил в его сознание столько информации, что Артур уже и запутался, в чём суть их пространных бесед где-то за гранью реальности, скорее всего, он уже утрачивал саму связность мышления. Пришлый не то призрак, не то инопланетянин, как-то поспособствовал, однако, расторможенности его речевых центров, и Артур заговорил столь же пространно на тему весьма далёкую от заданной собеседником.

– Вот я думаю, не Ксен ли причина тому, что я тут впал в состояние странных видений? Он всё изобретает какие-то диковинные сорта, скрещивая змею и трепетную лань, если в растительно-пищевом смысле. Всё ищет некие тайны в мире растительном, чтоб способствовали естественному омоложению организма, его очищению и стойкому здоровью. Без злокозненных вмешательств в организм со стороны самонадеянных современных алхимиков – микробиологов-генетиков-хирургов и прочих модификаторов, вплоть до откровенных уже шарлатанов всех мастей, которые вечно забивают поры всякой рыхлой структуры. Так он рассуждает. Порой таким изыском накормит, что непонятно, что ты ешь? То капусту со вкусом цитруса, то лук, сладкий как карамель, а то и ягоды, словно напитанные лимфой насекомых каких-то. Рот сводит, как попробуешь. А он: «Чего ж вы хотите? И у гения бывают неудачи». В общем-то, все довольны. Но порой замечаю, что подвержены бывают порой необоснованной эйфории. Опасно это, воображать себя растительным демиур-

гом... – тут Артура, по природе своей малоразговорчивого, повело в настоящий уже сон.

– Как там Антон? – спросил его Хагор. – Не слышал ли о нём?

– Антон выздоровел давно. Хороший парень Антон. Лёгкий человек в лучшем смысле этого понятия. Не легковесный, а добрый, надёжный и отзывчивый. Настоящий друг мой из тех, о ком никогда не забывают. Да... везения ему личного так и нет, – разоткровенничался вдруг и Артур. Дед отчего-то навевал такое состояние домашнего доверия. Вот будто сидишь ты за чайком с каким-нибудь стареющим родственником в летней беседке, а рядом кошка пушистая лежит и мурлычет. А ты её гладишь...

– Да ведь Антон буквально мне сын. Я воскресил его, используя не только ресурс своих живых Кристаллов-помощников, но и свой собственный! Так что и он, как и Рудольф, не совсем уже и прежний. А ты знай, что всякий мир, непохожий на твой, но с которым ты соприкасаешься,ходишь в контакт, становится частью тебя, как и сам ты частью его. Ведь так и сами люди переплетаются информационно, умножая свой мозг на мозг другого человека. К сожалению, не только в хорошем смысле это так, но и в плохом тоже. Одни обогатит, другой уполовинит...

Тут Артур встрепенулся, сонливость отступила, – После взрыва Финиста спасся вместе с Антоном Олег...

Дед закивал, заколыхал своим тёмным одеянием, не име-

ющим вмятого фасона, – Он и сам по себе по счастью остался живым. И даже пострадал незначительно. Я поначалу не понял, кто тот, кого ждала Икринка? А потом увидел его золотые завитки и догадался. Другой же был тёмной масти. Он-то как раз сразу и очнулся. Подзакоптился, конечно, а так ничего, здоровяк был, таковым и остался. Да. Пометался я там по пеклу неостывшему...

– И как же сам-то не поджарился?

– У меня имелся ради такой цели Кристалл – защитник от воздействия внешних неблагоприятных факторов, как вы говорите. Он и одел меня спасительной сферой. Да. Мечусь я, взываю к безотрадным и немым небесам: Кого спасти-то?! На двоих ресурса Кристалла-помощника точно не хватит! Пока первого в чувство приводил, так и углядел, не тот! Не та масть! Пришлось уже свой личный ресурс отдавать Антону, поскольку часть энергии Кристалла-помощника ушла на первого. Конечно, Олегу такое не повредило. Оклемался сразу, встал как после здорового полноценного сна. А златовласый-то, не дышит! Избранник Икринки задохнулся! Завыл я так, что в округе услышали уж точно. Но потом списали всё на стоны и вопли умирающих людей. А какие там люди могли и остаться? Пепел один, метал искорёженный, да две капсулы, отброшенные взрывной волной. Ибо наши проектные мудрецы и тут оказались сильнее воли Тон-Ата. Они поспособствовали тому, что спасительная капсула с Антоном была отброшена далеко от центра гибели всех прочих

несчастливых тролльцев, так и землян с Финиста. Да я-то недоглядел! Пока с темноволосым возился, пока разглядел, златокудрый земной Ангел-мечта моей Икри дух испустил, как писали когда-то в ваших древних книгах. Но по счастью не успел Энтропизатор душу его конфисковать. Клиническая смерть, как вы обозначаете. Тут уж не пощадил я себя и спас моего златовласого мальчика. Деточке своей Икруше дал я радостные дни и ночи, наполненные любовью... Как и обещал....

Тут старик заплакал, захлюпал совсем уж по-человечески. Синие и абсолютно не старческие глаза его заискрились влагой.

– Став человеком, познал я страдания великие. Познал муку, познал горчайший вкус зла, которое на Паралее сотворил собственным уже безумием. Но и любовь я познал. Любовь к женщине, любовь к детям, привязанность их ответственную испытал, слаще которой и нет ничего. Хотя... женщины меня ответно не любили. Даже моя избранница Инэлия стала на Паралее шлюхой. Не обладал я силой, им необходимой, вот в чём незадача. Инэлия так и говорила: «Я не виновата, что ты выбрал мне такой негодный носитель. Вот и тянет меня к мужчинам даже против моих же умственных запретов на это». Я смирился, не упрекал её особо-то. Так уж вышло, впопыхах я действовал. Молодой я был на тот момент, где дурачок, а где и мерзавец, одним словом. Зато, благодаря пережитым испытаниям, открылась мне вся глубина любви.

Вот и тебя люблю отеческой любовью. Да ведь и отца твоего я люблю. Ибо давно уж он часть меня самого. Потому и Нью любил я...

Артур как-то сразу и вдруг утомился на него смотреть и отвернул лицо в сторону стены, чтобы дать глазам отдых. Хагор тоже замолчал, и только его колеблющееся одеяние, замечаемое краем зрения Артура, напоминало о том, что он тут. Не испарился, не исчез.

– Странен ты, и в то же время как-то подозрительно простоват. словно бы персонаж из игрового фильма на историческую тему...

– Я таков, каким ты и способен меня воспринимать. А то, что в твоё сознание не влезает, то мимо тебя. Когда ты кота гладишь в минуту своего отдыха и потребности отвлечься на домашнем диване, ты ему гипотез о структуре Вселенной не излагаешь. Ты даришь ему ласку более развитого существа более примитивному. Он это по-своему чувствует, льнёт к тебе, поскольку другой кот его шерстинки перебирать не станет, ломтик лакомства не предложит. То есть он лезет к тебе за особыми ощущениями, вкусной подачкой, чем не способен одарить его природный мир, ограниченный для этого кота жёсткими инстинктами, непреодолимыми автоматизмами.

– Кот может и поцарапать, если ему не понравится твоя навязчивость, – поддел его Артур.

– Было и такое. Натерпелся в своё время. Но уж больно тянет поиграть в прежние, привычные когда-то игры.

– А в голову не приходит, что игры твои не просто абсурдны, а и жестоки? Если, конечно, у тебя есть подобие головы и души. Неужели, даже не догадываешься, какую боль вызвала гибель этой женщины... у всех...

– Она и моя боль неизбывная, красота незабываемая. Она частичка и моей души. Светлая и отрадная составляющая моего жизненного приобретения. Я любил её во время своей жизни на Паралее. Спас я её однажды от самого Чёрного Владыки. Она ведь к этому божеству планетарных недр едва не угодила. Бабка по недоумию дала ей эликсир жриц Матери Воды. Не той Мать Воды, что пили трольцы в своих домах яств. Это-то баловство больше, пустяковая отрада для душ и тел.

А бывшая жрица Ласкира-Ювейл, бабка Нэи, сунула ей самый настоящий эликсир. Не учла того, что девочка не была подготовлена к такому вот воздействию, не прошла то особое воспитание и тренировку, чему подвергали будущих жриц Матери Воды. Что привычное для тех прикосновение самого Владыки планетарных недр, может отключить сознание, а то и стать смертельно опасным. Забыла, что над внучкой довлело проклятие Матери Воды из-за того, что сама она, Ласкира – Ювейл, не выполнила волю своей Богини. Не отдала внучку в закрытое поселение, где и обитали служители культа Матери Воды. И так уж вышло, что Рудольф-баловник решил развлечься с тем Кристаллом, что я ему и отдал в своё время. Не будь такого, погибла бы Нэя уже тогда.

Я лично схватился с тем жутким фантомом, что и вызвала глупышка из планетарных недр. Это стоило моему Кристаллу немалых сил, но она была вырвана из-под власти подземного духа...

– Ты сказочник, дед. Хороши были бы сказки Паралеи, не будь они столь страшны и нелепы....

– Это для тебя силы планетарные и одухотворённые есть сказка. На самом деле ты просто не вхож в те измерения, где они и существуют, недоразвитое ты существо! Она же решила, что виноват в помрачении души её на тот момент был я. И Рудольф заодно со мной. Так уж эти женщины устроены, что во всех их глупостях и несчастьях виноват кто угодно, но не они сами. Тем ни менее, я её спас. Поскольку любил я её. И не мог не любить. Ведь по своей же недальновидной игре я врос в душу Рудольфа Венда. А Рудольф Венд, отец твой, уж больно вождедел радостей от соития с этой прекрасной девушкой. Нет, до любви настоящей он не сразу созрел. Потом уж полюбил её. А я так сразу, как увидел, так и обомлел. Не нашего ли мира ты порождение, отрада для глаз моих? Ласка для души моей? Про телесное умолчу, ибо не для меня такие забавы. И теперь люблю я её, страдая неутешно. Но такова уж моя природа, служить своему Творцу и Матери, то есть Красной Звезде, забывая при этом о личных привязанностях.

Артур уже дремал.

– Спи, спи, недоразвитое существо, хотя и качественное

весьма. Отвёл я душу в приобретённом некогда навыке к общению с недоразвитыми существами. Столь любопытными и столь сложными для постижения. Освобождаю тебя от ненужных воспоминаний. Наутро забудешь ты обо всём....

Артур ощутил, как Нэя ласково дотронулась до его волос, – Я любила тебя как своего старшего сына.

– Прощай, Звёздный Ангел. Прости меня... – это было обращением к пустоте.

– За что? – беззвучно ответила Нэя в том пространстве, которое именуют душой, вызывая пульсацию отнюдь не вообразимой боли.

Опостылевший город под куполом

Ксения – пустое место для женщин

«Прости меня», – это было обращением к пустоте.

«За что»? – беззвучно ответила Нэя в том пространстве, которое именуют душой, вызывая пульсацию отнюдь не вообразимой боли, такой внезапной, что Ксения присела на обрамление уличного игрового бассейна для детей.

Рудик уже ходил. Он топал нестойкими ножками, переваливаясь, в ярко-синем комбинезоне, сшитом руками загадочной несчастливцы, рождённой в несчастливой Паралее. Комбинезон Рудика украшала аппликация иноземного ландшафта. Красные скалы, бирюзовое озеро, лиловые цветы, казавшиеся настоящими. Женщины на детской игровой площадке иногда подходили к ней, но тотчас давая понять, что к Рудику, трогали аппликацию на его комбинезоне, восхищались.

– Нэя сотворила? Только она так умела, – они печально вздыхали. Прошёл год, но Ксения так и не была прощена женским сообществом. Нэю же старались не вспоминать. Произошло некое коллективное вытеснение тяжелого и необъяснимого факта за пределы сознательной жизни всех.

Но тут имя было произнесено, и все задумались, замолчали. По сути, никто толком и не знал о Нэе всего. Одни считали её рождённой на отдалённой планете -колонии, другие знали об её инопланетном происхождении, о том, что она была порождением иной, не земной расы, – но второе было настолько же невероятно для многих людей, никогда не бывших на Троле, как и её гибель на приличном расстоянии от купольного поселения, – у основания древних гор. Об этом старались не вспоминать, не тревожить мрачной тайны, которую, это все понимали, никто им не объяснит. А так – нет тайны и жить проще, легче. И про Вику старались не говорить, не вспоминать. Но было очевидно, приняв Ксению по необходимости в круг общения, её не прощали. И общались поверхностно, – «здравствуйте», – и в сторону. Иногда пара незначительных фраз, необязательных вопросов, на которые никто не ждал ответов. «Ну, что мы уже ходим»? – и мимо, мимо. И так ясно, что мальчик ходит.

– Она любила всех детей на спутнике, – опять заговорила о Нэе очередная нарушительница табу, привлечённая, однако, заметной бледностью Ксении. Присев рядом, она ожидала, что обособленка попросит помощи, но не дождалась. Боль отпустила, и Ксения сделала глубокий вдох, заплескала рукой в воде, смочила губы, а потом и вовсе умыла всё лицо, засмеялась, забрызгав и встревоженную женщину. Та невольно отстранилась, удивляясь неуместному веселью. Хотя, почему и не уместному, если вокруг играли и копоши-

лись чудесные земные дети, настолько невероятные в таком месте, настолько пригожие. Фантастический мир уже не мог быть чуждым и бездушно-пугающим, если на его теле, пусть и обособленные под фантастическим куполом, жили и любили люди, рождались дети.

– Нэя и нам тоже шила одежду, – продолжала женщина, не зная, о чём говорить с Ксенией, не понимая всю вопиющую неуместность такого вот разговора с той, кто родила мальчика от мужа этой самой Нэи. – Она всех детей любила как родных, всегда умела успокоить любого крикуна, она и похожа была на волшебницу. Откуда шеф её раздобыл? Она не любила говорить о прошлом. А у нас не принято лезть в душу никому.

«Оно и видно!» – Ксения молчала, и женщина ступевалась, уже жалея, что затеяла разговор с высокомерной подстилкой нового молодого шефа. Ксения ощутила в ней скрытую неприязнь к себе, маскируемую елеиным голоском. Гораздо честнее были те, кто продолжали её игнорировать. Женщина упрямо продолжала ненужный им обоим разговор; чем кормите малыша? Да как спит, как зубки, как животик? Какие слова говорит?

– Едим всё, – отвечала Ксения, – спим хорошо, зубки растут, животик в норме. Говорим: мама, папа Ту.

– Папа Ту? Это что?

– Папа Ту, – это папа Артур.

– Почему же Ту?

– Артур – для ребёнка имя не выговариваемое.

– Он считает ГОРа папой?

– А кого он должен считать папой? Вашего мужа, что ли?

Наконец молчание. Ксения с облегчением осталась одна. Какое-то время сладкоголосая женщина сверлила спину Ксении оскорблённым взглядом, как заточенным сверлом, но сверление не приносило результатов, спина у Ксении была крепкая. Она носила комбинезоны, они выдерживают и более реальное агрессивное воздействие среды, если надо. Его не разорвёшь, не проткнёшь, в комбинезоне не страшен даже нож, если бы кто-то, маниакальный, воткнул его ей сзади. И какой урон могли ей причинить негодующие глаза наравшейся на грубость дурочки? Пытающейся отдуваться за всех тех, кто демонстративно презирает Ксению, плюя на ритуалы общественной вежливости. Уж она-то точно не пробьёт брешь в её броне.

– У вас есть свой муж. К чему вы задеваете моего? – она произнесла эту фразу беспомощно, укоризненно. Она была не из тех, кто любит ссориться, она из тех, кого легко обидеть. Ксении стало её жалко.

– Да я это так, пошутила неудачно. Я вообще склонна к неудачным шуткам. Не обижайтесь.

– Вот ещё. Я и не думала, – и отошла на приличное расстояние, и теперь близко уже не подойдёт. И не надо!

Рудик играл струями фонтана, ловил брызги крохотными пальчиками, радовался, сияя умильными зубками. Ксе-

ния подкидывала его вверх, к розово-золотистому чужеземному небу, чуждому ей, но родному её сыну. Купол был столь прозрачен, что не был заметен. Мальчик радостно тянул к куполу ручки, вытягивал милые губы, стремился как-то выразить свой детский восторг жизнью.

Взаимно несладкая жизнь с Артуром

Последнее время прибыло много новых людей, специалистов, космопоисковиков, то и дело отправляющихся в полёты на «Ксению», а среди них появились и молодые девушки, чего не было прежде. То есть жизнь не только под куполом, но и на просторах планеты вступила в новую фазу, развернутую и интенсивную. Артур стал редко бывать в жилом домашнем отсеке, рано уходил, поздно приходил, часто отлучался с экспедициями, и в его новой насыщенной жизни что-то происходило, что-то, не имеющее отношения к Ксении.

– Работы столько! Всю ночь приходится вести мозговой штурм. А завтра опять на реальный уже штурм «Ксении». Выбрали место для ещё одной базы... – Артур не умел лгать. И о ребёнке, которого предлагал, уже не напоминал. Она чувствовала, не нужны ему дети. Тех, кто отбыли, ему оказалось достаточно. К тому же рядом жил весьма беспокойный Рудик. А Ксении тоже достаточно того, что у неё есть её земное солнышко Рудик. Она терпела его плач, его капризы,

никогда не раздражалась, целуя его ножки, ручки, пузико. И он смеялся, когда она щекотала его нежный животик, делала ему массаж, напевая странный речитатив, непонятно откуда взявшийся в её памяти:

– Потягушечки – потянушечки, порастушечки моей душечки, – она гладила бока ребёнка, ощущая рёбрышки, а он кряхтел и тянулся от удовольствия. Возможно, она где-то это видела. Возможно, так было с ней самой в её младенчестве. Потом он начинал заливисто смеяться, и в порыве безумной любви к нему, она прикидала к горошине пупка, дула в него, чем только усиливала его смех.

Артур молчаливо и как-то грустно наблюдал её игры с ребёнком.

– Какой прекрасной ты оказалась матерью. И прекрасная стала невыносимо. Была чудом, а стала суперчудом! – лез миловаться, не обращая внимания на бодрствование ребёнка, хотел переключить на себя её ласки. Ревновал её к Рудикю. Ксения мягко отталкивала, обещая милость после того, как ребёнок уснет. Не сейчас же, не на его же глазах? Артур упрямо лез, как настырный, забалованный домашний кот, навязывающий своё мурлыканье, трущийся не в то время, когда его хотят приласкать. Он оказался настолько другим, чем отец. Тот всегда и всем дарил себя как высшее благо, как суперценность, которую ему жалко отдать, да так уж и быть, являл время от времени свою милость. Артур же всегда готов излиться, как безудержный ливень, не жалеющий себя,

своё обильное и молодое чувство, и гораздо больше был озабочен своим наполнением, которое непременно надо отдать, вовлечь другого в совместное ликование, в щедрое пиршество жизни.

«Поздно, слишком поздно я тебя встретила», – так могла бы Ксения ему сказать, но, конечно, не говорила. Любовь не возникла. Она уступала, жалела, принимала, как временное отступление от чего-то важного и значимого, которое всё равно наступит. Но не с ним. Не с Артуром. В ночной темноте, в уединении чужой, так и оставшейся ей чужой! спальни, в которой они были захватчики и святотатцы, красота молодого отменного парня ничего не значила для неё. Не наступило продолжения тому томлению, что возникло в оранжее, когда они впервые поцеловались, или когда играли у фонтана перед самым рождением Рудика. Как будто то жуткое зелёное свечение, охватившее небо в ночь её родов и одновременно в ночь пропажи Нэи, стёрло всё то, что обещало начаться, заморозило завязь нежно набухающих возможностей, стряхнуло куда-то, не дав им раскрыться, отцвести, налиться плодами. Или же всё и было изначально её бессознательным бегством от себя и самообманом, превратившимся в обман Артура. Его очарование ею, породившее надежду, обернулось их взаимным разочарованием. Поспешная прелюдия не стала законченным шедевром, а так и осталась наброском к чему-то несостоявшемуся. Ей стало всё безразлично после бегства Рудольфа, всё лень и всё неважно.

Артур был сбит с толку, винил во всем себя, что несколько поспешил, не дал ей отдыха, не дал времени для привыкания, не чувствуя в ней того глубокого и живого корневища прошлого, которое не собиралось отмирать. Напротив, ждало новой возможности, чтобы выстрелить бурным побегом вечно нового и такого старого устремления к одной единственной цели, у которой было имя Рудольф. Была ли в этом её ненормальность, или ненормальным было то большинство, которое не ведало такой верности и неотменяемой привязчивости сердца к одному лишь субъекту, каковым бы он ни был, с кем бы он ни был, забыл или помнил, отвергал или тосковал тоже.

Артур стал уходить от неё, когда выдавался свободный вечер, к девчонкам из новоприбывшим. С ними было весело, они где-то собирались шумной компанией, вне работы и служебной субординации, во что-то играли, дурачились, танцевали, общались как-то, наверное. Молодежи появилось много. Ксению они не интересовали, казались безликими, – другое поколение, другой язык, повадки. Её внешняя молодость не маскировала того, что она не из их братства – племени, она другая, чужая. Она – человек другого времени своего взросления. Ей было с ними скучно, они все казались дураками. Если же имелись среди них умные, то казались напыщенными собою, и всё равно дураками. А Артуру было с ними хорошо! Он почти такой же, как и они все. Чуть старше, чуть значимее, чуть опытнее. Но это для них, а не для неё. Ей

не нравилось жить в роли воспитателя подрастающего поколения. И её стало тянуть на Землю. По ночам тоска доходила до состояния растерзанности всего её существования, до еле сдерживаемого желания завопить, заколотиться от отчаяния при мысли о далёком доме, о галактической бездне, через которую нельзя взять и сигануть, как бы этого ни хотелось.

– Отпусти! – плакала Ксения, – не считай, что я хотела обмануть. Я не думала, что так скоро иссякну здесь. Я словно утратила пол.

– Я тебя не держу, – страдая сам и не желая утешать её, отвечал ей Артур, – как только будет возможность – сваливай! Вика предупреждала меня, что ты...

Он едва не плакал, не договаривал, о чём же предупреждала мудрая Вика с её вещим сердцем.

– Что ты не способна никого любить. Ты муляж женщины, пустая заготовка под красочной маской, в которую забыли вложить душу.

«Ругай, ругай, – думала она, – пусть так, если тебе легче».

– Ты сам разлюбил Вику. Это произошло уже до моего прибытия. Да ты и не любил её никогда.

– И тебя не люблю. Я любил одну Нэю. Но так сложилось, она не была мне ... – И косноязычный мальчик не умел найти нужного определения.

– Предназначена? Предначертана? Конечно. У них на планете свой собственный фатум, и он не включал ни тебя, ни твоего отца в продуманные чертежи её судьбы. Рудольф же

поломал всю стройность предначертанного ей пути, и вот итог. Плачевный и страшный.

– Фатум, судьба – блажь всё это! Где ты воспитывалась? В архивах что ли? Такое чувство, что твой отец заделал тебя твоей матери в каком-то древнем книгохранилище, насыщенном информацией о всяких там эгрегорах или предначертаниях рока. Если бы я встретил Нэю раньше, или если бы отец не встретил её так рано, я бы никогда не дал ему приблизиться к такой девушке. Я бы дал ей счастье...

Вокруг Артура вился хоровод – кольцо из новоприбывших девчонок. Хотя от них не отставали и прочие женщины города под куполом. Они сплетались в забавные конфигурации, как серебристые бабочки вокруг гордого и красивого, рослого ствола – молодого шефа, заманчивого и самого по себе, а тут ещё и статус Главного Ответственного, вот уж их кружило! Ему ли злиться? Но он злился, болезненно воспринимая откровенную холодность Ксении к себе.

– Зачем ты вообще сюда вторглась? Тогда, в оранжерее, сказала бы честно: «Не люблю. Не полюблю. Люблю Рудольфа и точка». А ты? Полезла с поцелуями.

Это было неправдой. Но Ксения не опровергала. Он всё равно был бессилён вытолкнуть её к Ксену – к несчастному мистеру Бобу, он всё равно приходил по ночам к ней после посиделок и развлечений – отвлечений от работы и от неё. Ложился рядом под плед своего отца, обнимал, прижимал, бормотал, ощупывал её, как слепой, это была она, – осяза-

ние не обманывало. И он, как пёс тщательно вдыхал её всем носом, всё на месте, а подмена, так или иначе, произошла. И вместо желанной девушки в его обладании находилось её подобие – кусок льда в девичьей шелковистой оболочке, которая и обманывала органы чувств, но не душу Артура.

Ксения была не властна над своим ледяным нутром, она старалась замаскировать его игрой, ускорить кровоток в себе, усилить излучение физического тепла, обмануть его скользкой и опытной лаской, она ныряла в тот же самый омут самообмана, увлекая туда и его. Но иногда и с ясной головой принимала его в себя, без счастья, может быть, но и без холодности. Её подпитывала месть Рудольфу, – ты так со мной, а я так с твоим сыном! Да к тому же Артур не сопоставим с Ксеном, а и к чудаку Ксену она привыкла за столько-то лет одиночества. И даже любила по-своему. Как знать, а вдруг и тут привычка сделает своё, и она полюбит его?

Бедняга Ксен

Ксен стал приходить к ней. Он всегда знал, когда Артур в отлучке, но Артур и дома-то возникла не всякую ночь, а уж днём и подавно под домашним кровом ему делать было нечего. Ксен приходил днём. Ксен безмолвно садился на гостевой диван в их тесном холле. Вздыхал, смотрел, как Ксения возится с мальчиком. Иногда брал его на руки, расцве-

тал, веселился, играл, смеялся с ним вместе. Рудик проявлял свой характер, дружелюбный и открытый. Но с Ксенией Ксен ни о чём не говорил поначалу. Только о делах своей оранжереи и лабораторий, зная прекрасно, как ей наплевать на подобные новости. Глядел жалкими глазами, влажными, собачьими, зависимыми, просящими возврата к тому, что вернуть невозможно. Он ненавидел этот спутник, так он ей однажды сказал, отвратился от лабораторий и оранжерей, его задавили подземелья, душит купол. У него скоро онемеет язык от постоянного молчания.

«Слышала я, как ты молчишь», – усмехнулась про себя Ксения, вспомнив его исповедь Гоблину.

– Как же твоя новая коллега?

– Полупомешанная одинокая женщина, она никогда не слушает меня. Да и никого. Она просто отдыхает перед отбытием на Землю в наших с тобой оранжереях, – он сказал «наших с тобой», как бы говоря ей, что воспринимает её уход, как временную блажь непослушной девочки, которую тотчас же и простит, если она вернётся, – ей разрешено у меня, так сказать, отдышаться.

– У тебя там по совместительству зону восстановления, что ли, сделали? Или явили тебе высшую жалость, чтобы ты не одичал, как отшельник? Ты с нею не очень откровенничаешь на мой счёт? Не жалуешься?

– На что? Если и есть повод для жалоб, то у тебя скорее. Я виноват в том, что заманил тебя сюда.

Он был уверен, что он инициатор её прибытия сюда. Что она помчалась сюда ради него, за ним. До чего же он жалок в своём самомнении, в своём непонимании женщины, с которой столько прожил рядом, считала она. В своём вечно неадекватном, отстранённом видении мира и людей вокруг.

– Я устал жить на том свете, – сказал он, – хочу домой. И я не оговорился, ибо это место, где мы находимся и есть «тот свет», чистилище древних, оно не живое, а мы не мёртвые, и живём здесь, где жить невозможно.

– Скоро будут осваивать остальную и столь цветущую «Ксению».

– Пусть это делает тот, у кого есть сила и вера в будущее. Я устал. Ты полетишь со мной? Или останешься с этим мальчишкой, возомнившим себя повелителем нового мира? Навивный, он не понимает, что когда их фонтанирующими, бескорыстными, безмерными, как они мнят в своей молодой самоуверенности, силами освоят эту планету, эту прекрасную Ксению, придут подлинные владыки и объявят себя кастой новых богов и божков. Как могла ты, утончённая и требовательная женщина, пойти на связь с этим придурковатым солдафоном?

– Решила из двух зол выбрать большее.

– Намёк понял. Но не верю тебе, потому что на Земле ты могла выбирать в своё время, но остановила свой выбор на мне. Что изменилось здесь? Мы вернёмся, купим новый дом, если тебе надоел старый, родительский. Не нужен мне, если

по здравому размышлению, дом за полярным кругом. Зачем мне северное сияние за панорамным окном моего дома? Мы будем жить, как и привыкли, в Подмосковье. Помнишь, как там было? Раннее, первозданное будто, утро. Птичий щебет в перламутровом розово-зелёном лесу, запах ближайшей реки, туманное дыхание сонной воды, рыб, водорослей и жемчужных речных лилий. Тайный трепет природы, похожий на замирание юной невесты в ожидании прихода жениха – нашего Солнца. И вот оно, тая свой жар и маскируя его утренней ленью, с прохладцей вваливается в её чертог, всего миг, его никогда невозможно уловить, а уж они слились в неразрывном светоносном объятии.

– Да ты поэт, мистер Боб! – засмеялась она, выхватывая Рудика из его рук.

Ксен замычал как от боли, уронил голову в жилистые руки работяги и закачался из стороны в сторону. Рудик, смеясь и не умея ещё в своём младенчестве уловить тяжесть его состояния, вцепился в его седые волосы, пытаясь стащить резинку с жалкого хвостика. Он любил хватать людей за волосы, и делал это больно для них, но чем была вызвана эта его особенность, Ксения не понимала, считала, что сказывается природа его отца – мучителя. Ребёнок заливался хохотом, Ксения разжимала его цепкие пальчики, Ксен ничего не замечал. Наконец он поднял голову, уставился покрасневшими мутными глазами на Ксению:

– Ты умышленно не хотела рожать от меня. Ты просто не

допускала меня к себе в такие дни. Вот и всё наше несовпадение. У Инги на Земле родился ребёнок. Мой. Ты слышишь, мой! – Ингой была та его коллега по работе, к которой он шастал во время их отдельного обитания в одном доме перед отлётом на спутник.

– Чего же мне предлагаешь? Радоваться? Так я рада. И я тебя никогда не держала. И понятно, не держу теперь. Вернётся к семье.

– И этого дуралея ты не любишь, дуришь ему голову. Он стал на себя не похож. Сумрачный, а какой был? Так и сиял своим оперением красавца. Что ты за человек! Об тебя вытирали ноги, но тебе это самое то! Половая тряпка, дрянь, раскрашенная под ангела! А нормальных людей ты не способна любить. Ты вторая половина того садиста, ты мазохист! Скажи, а он бил тебя? Бил. Я помню, как ты пришла и плакала, а на шее и руках были синяки. Я же наблюдательный. Придушит, как кот воробья, и трахает! А ты трепыхаешься в его лапищах, верещишь... Тварь! Как я мог жить с тобой столько лет!

Ксения поставила Рудика на пол, и стала наотмашь бить Ксена по седовласой голове, по плечам, спине. Он же покорно мотался от её ударов, как соломенное чучело. Рудик сильно закричал от страха, и она опомнилась.

– Уходи, пугало из мешковины, вот ты кто! Воображал, что такая женщина как я тебе ровня? Ты мне был нужен только в качестве домашнего раба. Понял? Да ты и понятия не

имеешь, что это значит – настоящий мужчина, способный вырвать из женщины крик восторга, когда заживо сгораешь от его проникновения, испаряешься как в плазме и воскресаешь обновлённой на молекулярном уже уровне. Да, я была счастлива, когда он... Ну, не важно. Тряпка так тряпка. Может и хуже. Я была счастлива быть его вещью, а над тобою я не хочу быть и госпожой!

– Распущенная, негодная, неблагодарная! Бог ещё воздаст тебе за всё!

– А что Бог? Он лично тебе прислуживает? Только и дел Ему, как мстить за тебя! За твою персональную мужскую несостоятельность! С чего ты взял, что у Инги твой ребёнок?

– С того самого. Я перед отлётом видел её генетические расшифровки и её зародыша тоже. Она просила: останься! Но я же мистер Боб с зелёной биомассой в голове. А ты ведь думаешь, что все женщины, как ты, самки безудержные, не ведают верности и воздержания.

Ксен встал, повернулся, как оловянный солдатик, как неживой, всем корпусом, не отрывая рук от лица, и ушёл. В пальчиках Рудика остались седые волосы, Ксения брезгливо выпутала их, и протерла ладошку гигиенической салфеточкой. Она была спокойна, она знала, что Ксен простит ей всё. Не задевали его оскорбления, настолько же безразличные, как и он сам. Но никогда прежде он не позволял себе так распускаться. Жизнь на спутнике подорвала его психическое здоровье, это было очевидно. Себя она виноватой не

чувствовала.

Разговор по душам через бездну вакуума

Артур не пришёл ночевать раз, не пришёл и другой. А там и счёт она потеряла, сколько ночей без него. Она же на широкой постели, прекрасно высыпалась без него. Рудик не будил её ночами. Вика научила её нужному распорядку, чтобы ребёнок спал в том же режиме, что и мать.

Жить одной, с одним лишь Рудиком, что может быть слаще. По утрам она хватала его и тащила в свою постель, чтобы с ним поиграть, повозиться им вместе. И вовсе не печалилась об отсутствии Артура. Мало ли. Такой ажиотаж вдруг разгорелся с освоением другого уже континента.

Искренне уже не ждала. Развод? Так и не было никакого законного брака. А что было? Распутство, как и считали все, или почти все, женщина из города под куполом. Но всё же, спустя несчитанное количество дней, однажды утром Артур вошёл в спальню. Спокойно и отстранено глядя на её голые плечи, на раскинутые по подушке волосы, он даже не приблизился к ней.

– Отец прибыл на одну из ближайших промежуточных баз, прибывший космический связист передал, что появилась возможность связи. Я не стал тебе говорить сразу. Я уже успел пообщаться с отцом. Он хочет, чтобы и ты лично при-

шла в отсек связи. Ксен уже там.

– Почему Ксен? Он-то чего...

– Ксен уже давно изъявил желание покинуть безымянную планету, хотя по факту мы все придумали ей имя. Но почему-то имя Ксения вызвало недоумение у всех. Ведь такое заурядное женское имя редко у кого находит отклик, а сам новый спутник Земли настолько уж неординарен сам по себе, настолько его открытие из ряда вон эпохальное событие века. Тут уж не от только от жителей мизерного купольного города, так сочли в ГРОЗ, зависит столь значимое дело, как наименование планеты, чьё будущее уж точно не будет соответствовать определению «Чужая». Планета уже нам родная. А в перспективе она всем землянам будет родной, можно сказать, двойником нашей уже Земли...

– Господи! Сколько же слов! А проще нельзя изъясняться? То молчит как глухонемой, а то разошёлся с утра пораньше...

– Ты уже и сюда перевезла своего Господа? – спросил он. – К кому обращаешься-то? Земные Боги, кажется, не стремятся покинуть своих родных пределов. Это мы всё снуём, как микробы воздушно-капельным путём, вернее, космическим, заражая собою другие планеты...

– Метафизик, однако, – Ксения вылезла из-под пледа, при нём стала надевать комбинезон, а он даже не взглянул на неё ни разу, изучая через панорамное окно залитые обманчиво-приветливым светом звезды – светила Регины необита-

емые пейзажи «того света», как назвал этот мир Ксен.

– Рудик спит, – сказал Артур, – к нему сейчас придёт одна из женщин. Я попросил. Она последит за ним.

– Тебе нет необходимости кого-то просить. Ты можешь приказать, ты ГОР, – поправила его Ксения. – Твой отец никогда и никого ни о чём тут не просил. Он приказывал. И всё!

– А тебе? Тоже приказывал? – Артур развернулся в её сторону. Прекрасные синие глаза с женственными ресницами глянули на Ксению с лица мужчины. Она заметила, что он давно не брился. Вряд ли он гостил у девицы с таким-то колючим, как кактус, подбородком. И ещё впервые пришла мысль, что именно эти глаза и мешали ей испытывать полноценное влечение к нему, тормозили её всегда. Напоминая о сопернице, изуродовавшей и её и свою личную судьбу в самом её уязвимом месте – в начале юности. Ксении стало трудно дышать, как из-за приступа астмы, но не бронхиальной, не аллергической, а душевной. Она дёрнула застёжку, освобождая шею от давления комбинезона.

Артур следил пристально за каждым её движением, любовь к ней боролась в нём с наигранной холодностью. Нет, не быть ему таким, как его отец. В лучшем случае его бледным имитатором. Ведь стоило бы Ксении затеять свою игру с ним, и его поражение было бы обеспечено. Но ей этого не хотелось. Не сейчас. Даже обманывая её своей независимостью от её чар, он анализировал свой эффект, произведён-

ный на неё своей неумелой игрой, в которой видел вершину своего тонкого и изощрённого поведенческого мастерства. Ксении хотелось рассмеяться ему в лицо. Не было, и нет в тебе этого умения, как не было его и у твоей простоватой красавицы матери, над которой она, Ксения, торжествовала даже на её свадьбе.

Всегда торжествовала, всегда глумилась, прилипая к её мужу, но к своему отнятому возлюбленному, к потерянному дураку, также мнившему себя повелителем и знатоком чужих сердец. Следя за её усмешкой, высунувшейся невольно, как змеиный язык из её души, Артур на какой-то миг заколебался. Решал, а не воспользоваться ли сном ребёнка, редким утренним моментом, когда никто не сможет помешать его неустрашимому желанию, пусть и разбавленному скорбным знанием, – в облике молоденькой светлолицой женщины – опытная старая змея. Вспомнив о том, что к Рудику вот-вот придёт приглашённая женщина, Артур посуровел ещё больше. Но не было властности в его глазах, всегда уступчивых, всегда пребывающих в подчинении её очередному сумасбродству.

– Пошли, – колючий, мужественный, красивый подбородок горделиво вздёрнулся вверх. Ксении на миг захотелось потереться о него щекой, уколоться и застыть. Осторожно лизнуть языком. Дурачок, захочу пойду, захочу останусь. И пусть твой папаша оставит при себе то, что он там надумал сказать-приказать. Теперь он тут не повелитель, повелитель

другой, и этот другой её подчинённый.

Он шёл рядом, стараясь держать себя как чужой, как ей посторонний. Это что-то новенькое в его поведении раззадорило её. Ксения пихнула его плечом. Он улыбнулся. Она взяла его за руку.

«Да куда ты денешься!» – сказала она мысленно любимую фразу из лексикона его отца.

Из отсека ГОРа вышел Ксен. Не замечая будто Ксении, обратился к Артуру, – Рудольф согласен на мой отлёт. Вам пришлют другого агрибиолога-разработчика, – и как обычно в последнее время прошёл мимо Ксении, как мимо пустого места.

Она с замиранием вошла в отсек. Закрылась панель, и Ксения вздрогнула, увидев прямо перед собой Рудольфа в большом экране на стене отсека связи, будто он непосредственно тут в маленьком помещении. Ксения вздрогнула от неожиданности ожидаемого, а всё же, пронзившего её невозможно удалённого, по сути своей миража, а не человека, о котором и в данный момент не могла бы сказать, каково её отношение к нему?

Ксения, поправляя заколки в волосах, глупо заволновалась по этому поводу, как будто он видит её в реале, нервозно засуетилась, устраиваясь в кресле. Заколки ведь принадлежали его жене, и выходило, что она, Ксения, кто-то типа мародёра, если по существу вопроса. Но на спутнике была такая острая нехватка женских мелочей, а заколки-то валялись

в оставленном жильё никому не нужные. У неё же волосы торчали в разные стороны, если их не обуздывать, не укладывая в причёску, – хоть стригись под парня. Что почти все женщины и делали. Да и представить такое, что он помнит чьи-то заколки, чушь невозможная. Делать ему больше нечего. К тому же валялись эти заколки в детском отсеке бывшего дома четы Вендов. Альбина уж точно их там растеряла, как собиралась. У Альбины же волосы были очень длинные, и мать обучила её виртуозно формировать из них всякое разное, затейливо-привлекательное. Детские заколки, одним словом, почему на неё все женщины в городе и смотрели как на полупомешанную дуру. Впрочем, они и прежде редко когда скрывали, хотя бы и прищуром, своё отношение к ней. Всегда плохое, а игнорировать не получалось. Попробуйте в замкнутом мирке под куполом хоть кого не замечать. Хочешь-не хочешь, а взгляд сам по себе спотыкается на тех, кто не нравится, раздражает, осточертел, опротивел...

Он показался ей каким-то несусветным выдуманном фараоном на каменном троне, только каменные его ноги широко были раскинуты в стороны, в отличие от смиренно-школьных и зажатых, хотя и величественных, поз пустынных истуканов древности. Да и купола-шапки со змеем-аспидом на голове его не просматривалось.

Он смотрел пристально, и она не сказала бы, что с нежностью или любовью. Спокойно. Не особенно радуясь на показ. Вообще не радуясь. Будто и не было года разлуки, а они толь-

ко что виделись, в столовом отсеке например, такое вот чувство накрыло Ксению. Ксения, чтобы укрыться от его взора, отъехала на подвижном рабочем кресле Артура в угол помещения, забавляясь тем, что суровый взгляд иллюзорного истукана не упирается в противоположную стену, как ему бы и полагалось, а отслеживает её своевольную траекторию.

– Привет, – сказал он тем же самым голосом, бесподобным для слуха Ксении, и не поднял руки для приветствия.

– Привет, – прошептала себе под нос и тоже не стала его приветствовать рукой, обидевшись на нарушение принятого ритуала связи между людьми в Галактике.

– Как живёшь?

– Как все, – и Ксении уже не хотелось смотреть ему в лицо. Она разглядывала свои колени, ноги сильно похудели после рождения ребёнка. И сама она сильно похудела. Но Артуру нравилась её хрупкость. Он говорил: «Тонюсенькая моя». Она отчётливо представила, чтобы сказал Рудольф про её нынешний вид. И даже сам тембр голоса слышала: «Ты стала совсем такой же, как тогда, когда дрыгала своими ногами на сцене, но топала, как конь. Совсем миниатюрная стала».

– Почему же конь, а не кобыла? – спросила Ксения у собственных мыслей вслух.

– Какая кобыла? У тебя с головой-то всё в порядке? Или страдаешь затяжной послеродовой депрессией?

– Не страдаю и не страдала. Просто иногда я свои мысли ловлю на лету, будто они чужие... – и она замолчала, поняв,

что несёт чушь.

– Ты сильно устаёшь?

– Да как все. Почему устаю? Я же в лаборатории и оранжерее не работаю пока. Из-за ребёнка. Наверное, могла бы. Но его куда? На грядку с огурцами сажать, так он все огурцы сожрёт. Он много ест. Прожорливый. В рот тащит всё, что находит. А был слабый такой. Искусственное вскармливание.

Она ждала дальнейших расспросов о ребёнке. Но он ничего не спрашивал. И Ксению охватила обида за то, что он даже не пришёл посмотреть на рождённого сына, не озабочился этим. Мёртвые оказались для него важнее живых.

– У нас мало времени, – сказал он не сразу, с учётом же определённого зависания как изображения, так и звука, общение и не могло быть полноценным. К тому же временами его лицо распадалось на отдельные пёстрые фрагменты, слагая из него порой чудовище из непредставимых галактических глубин. Она засмеялась. Ведь и она моментами превращается для его зрения в такой же трансформер из распадающихся квадратов.

Наверное, от этого он смотрел отчасти рассеянно, не хотел фокусироваться, пусть и на женщине по ту сторону экрана. Ксения подняла лицо и, подъехав в кресле вплоты к голографическому монитору, упёрлась в него глазами, пытаясь вынудить его сосредоточить свой взгляд. И тогда вдруг увидела в его глазах то, что там и было. Его ничуть не изменив-

шее отношение к ней. Его глубинное, так его и не покинувшее, не истаявшее в лучах беспощадного Энтропизатора, особое отношение, принадлежавшее всегда только ей одной. Поскольку он обращался к ней, будто она рядом, состоящая из молекул осязаемого настоящего, а не визуальная только.

– Хочу тебе сделать одно деловое предложение. Тебе незачем оставаться на спутнике. Возвращайся. Уже есть распоряжение открыть твой личный счёт. Ты не будешь теперь ни в чём нуждаться и не будешь пока работать. В смысле на общество. Жить будешь в своём прежнем доме. Там проведён ремонт – полное обновление всего дома. Пока тебя не было, Рита распорядилась. Подошла к делу, можно сказать, с художественным вдохновением, с бережливостью, чтобы ничего там не изменить радикально, а только восстановить то, что обветшало.

Ксения отметила его фразу: «пока тебя не было». Будто мужа Ксена там и не было никогда. И не будет впредь. «Рита распорядилась». Распорядитель!

– А если мне не понравится её реставрация? Как это без меня – меня женили? Всё же дом мой, а не Ритин.

– Тебе понравится. Она сказала, что нашла то, что в твоём вкусе. А нет, так всё изменишь. Кто будет против? Теперь к делу. Рита и я, мы занятые люди. По целым дням.

«Рита и я»? Он живёт с Ритой? Как такое возможно? Её словно за горло схватили чьи-то жёсткие, нечеловечески-безбожные пальцы. Да уж! Коли Судьбы невзлюбила, от

её оплеух не увернёшься и до самой смерти.

– И по ночам вы люди занятые? – Ксения не могла отказать себе в ехидстве хоть так.

– У меня командировок много, и я отлучаюсь не на дни, а месяцы. И дети из-за малолетства не могут быть отданы в закрытые школы. Только старшая дочь туда определена. А маленькие? Я же не хочу отдавать их в дошкольные учреждения, как сирот, как детей из неполных семей. Ты понимаешь? Нанимать же посторонних воспитателей, как хочет Рита, я тоже не хочу. Я хочу им любви подлинной, домашней, семейной.

– Хочешь, чтобы я была им за приёмную мать? – через усилие она удержала на кончике языка: «А чего ты ждал от биотрансформера Риты, у которой чувство материнской любви давно уж истлело в былых её жизнях. Как ты можешь с ней жить?! Или и сам такой же? На Троле подлинный мой Радик остался. И кто-то, какой-нибудь высший разум, с нашим не соотносимый, подсунул обманку, раскрашенную под того, кого я ни разлюбить, – не забыть не смогла». Она успела обдумать и такую длинную думу, ожидая, пока трансформер вновь соберётся из подвижного калейдоскопа в лицо Рудольфа Венда, – Нет! Ну как тут общаться?! Постоянно вижу вместо тебя какую-то образину без образа... трансформер из мира Ирис...

Про Ирис после смерти мамы ей рассказал дед-лесник. Не отец же. Дед Артём Андреевич сам прибыл к ней. Привёз

чудесного котёнка, сказав, вылитая Пуська, хотя след её кошачьей лапки давно и простыл в пучине прошедших лет. А этого пёстроного, черепашьей масти, другая кошка окотила, а словно по заказу Ксении. Дед напомнил, как она хотела себе Пуськино подобие в качестве домашней живности. Ксения о том забыла, но котёнка взяла, конечно. Неизменного, если внешне, деда чаем напоила в тех же зелёных чашечках с лилиями. Он сервиз тоже ей привёз. Новый, понятно. Где-то раздобыл реплику той архаики. Сказал, свадебный подарок, мол. На свадьбе же не пришлось погулять. Догадался, что любила она его посуду...

Как и положено самоуглублённому фараону, Рудольф и бровью не повёл в ответ на её возмущённый вопль по поводу некачественной связи, когда то сигнал исчезал, то лицо рассыпалось.

– У тебя свой сын. То есть он наш. И это важно. Они все будут вместе, как и положено родным людям. А ты любишь детей, я знаю. Ты добра. Ты к тому же дружила с Нэей.

И когда это она с ней дружила? Или он так думал?

– А потом... – тут его глаза блеснули странным и ярким чувством, но он опустил их вниз, поняв, что нечто выдал. – Ты не будешь равнодушна к моим детям.

– Почему так решил? Я не профессиональный воспитатель, я же...

– Воспитатель, какой он там ни будь профессионал, чужой человек. Ты любишь меня, я знаю, до сих пор, и не будешь

им чужая.

– Люблю? Тебя? – она задохнулась. – Нет! Нет!

– Предвидел твоё возмущение. И даже то, как ты замашешь руками. Можешь даже плюнуть в моё изображение. Только потом не забудь почистить экран. Но кому лжёшь? Себе если. Мне не надо.

– А, ну да. У тебя же всевидящее око. – Ксению несло в злость, в обиду, вдруг вспыхнувшую, как реакция на его холодный официальный тон, высокомерное отстранённое лицо, пусть глаза внезапно и выдали затаённые чувства. – Хочешь, чтобы я заменила тебе твою драгоценную, но утраченную космическую добычу? – она услышала его голос внутри себя: «Её никто не заменит. Тем более ты». – А что я? Плохая по-прежнему? Хороша лишь в смысле низа? А низ твоей природы тоже будет желать того же, что было здесь? Или как? Рита всё даёт, не только одухотворяет твою жизнь?

Видимо, не желая её отказа, он изображал из себя умудрённую смиренную любезность перед тою, на кого хотел наорать даже в таком вот нестандартном случае. Ксения отлично это понимала.

– Речь ведь идет о детях, а не о наших взаимоотношениях, – через заметное усилие он сделал попытку улыбнуться, настолько ему того не хотелось. А ведь та, кому он адресовал свой лицедейский посыл, пребывала всё равно, что на том свете. Так что тут уместнее было бы соорудить скорбную гримасу.

– Если ты согласишься, ты не будешь жалеть.

– Скажи уж прямо, что соскучился по мне.

Он промолчал, что было и понятно. Но глаза его молчать не умели. Не вообще, понятно, тут уж он был спец по части маскировки, а перед нею ничего скрыть не умел. Она шарилась в самых глубоководных его слоях, пусть и были эти слои в данный момент иллюзорным воспроизведением отдаленнейшей, всё равно что и не существующей, подлинности. Никакие страдания были не в силах отменить то, что она успела выхватить из космической бездны и принять в себя. Ему ли было ей лгать. В этом смысле он был как запойный алкоголик. Он мог долго жить в аскезе, но запои любовью были неукротимы и сильны. Он же всегда был таким. Что изменилось?

– А ты как? Скучаешь без меня? – взгляд исподлобья был тот самый, как тогда у фонтана в первое утро её выхода под купол. – Ты одна осталась у меня. Из того, что мне дорого. Остальные, все прочие, кто рядом, мне не нужны. Её нет, а мне ничто не мило уже в жизни, кроме работы и детей. А тебя я не забыл. Сама же понимаешь, чего стоит мне такое признание.

– Как же Артур? – Ксения мысленно схватила себя за свой болтливый язык, но слово вырвалось. Она вдруг поняла, что он ничего не знает об Артуре, об их сожителстве. Потому и вёл себя он именно так, будто она осталась его собственностью. В противном случае, он и не пожелал бы никакого

общения.

Ни Вика, ни Нелли, ни Ксен, никто, ничего ему не сказали. Они оказались лучше, чем она о них думала. Они не посчитали себя вправе унизиться до подобных откровений Рудольфу. Или жалели его, и без того ставшего вдовцом с кучей малолетних детей. Зачем было настраивать его против сына. А на Ксению им начхать! Они исходили исключительно из чувства любви к Артуру и жалости к Рудольфу. И Ксения была благодарна им за это.

– Артур, пока он заместитель, не решает, кому запрещать отлёт, а кому нет, – продолжал Рудольф, – Так что ты можешь даже и не спрашивать его позволения на своё отбытие. Как решишь, так и будет. Правда, есть уже приказ о его назначении тут ГОРОм после меня. Затем будут осваивать «Ксению», будет назначен целый Совет управленцев, но пока по инерции всё решаю я. Прибудешь на Землю с первым же звездолётом с этой негостеприимной Ксении?

– Я подумаю, – заломалась Ксения, ясно понимая, что не останется она тут, не сумеет не вернуться на его зов.

– Как ребёнок? Как его назвала?

– Он уже не такой маленький, каким родился. Налился, как огурчик на грядке. Крепенький такой! Загляденье и восторг! Зовут, как и тебя.

– Мне успели сообщить, что ты назвала его как меня. Никогда не любил своё имя. Я хотел с тобой проститься перед отлётом, но мне сказали, что ты спишь с младенцем, и он мог

закапризничать, не дать тебе необходимого отдыха. Ты тогда сильно ослабела после тяжёлых родов, да и вообще всех испытаний. Он какой? В смысле внешности? Опиши, пожалуйста. Твои слова важнее визуального облика. – Он лгал, лгал. Она не спала, она отлично зафиксировала для себя тот день, тот час. Она ждала. Он не пришёл.

– Рыжий, вихрастый как я. Горланит, будь здоров! Если его что не устраивает, может и стукнуть погремушкой по маковке тому, кому посчастливится быть рядом в минуту его раздражения. А так улыбается во весь рот и гукает, когда доволен.

– Мне ещё передали, что он похож на твоего отца...

– Почему отец? Он же лысый был.

– Твой отец не всегда же был лысым. Но даже лысым он оставался рыжим. Это вообще особая подраса в европеоидной расе. Я так считаю. У них самое позднее происхождение по сравнению с другими народами Земли. Особый генотип. Особый темперамент, строение волос, даже состав крови. Они импульсивны, страстны. Они более молодые эволюционно, чем прочие. И я не хотел тебя обидеть, сравнив его с твоим отцом. Тебе же, как его любимой дочери, не может быть неприятно, что твой сын похож на твоего отца, на ваш род.

Ксения отметила его ударение на «твой сын». И не обиделась. То ли устала обижаться, то ли и сама так считала. Она мать-одиночка, Ксен не в счёт. Ксен и не стремится усыно-

вить Рудика своим сердцем. Вернее, она сама дала Ксену по рукам, не буквально, но фигурально выражаясь, когда он тянул их к ребёнку как к своему собственному. Не твой! Не скрываю. Не навязываю. Не пытаюсь лицедействовать ни перед кем. А то, что по закону Рудик Зотов, сам решай, коробит тебя это или без разницы. Разруливай ситуацию с фамилией в любую сторону. Мне по фиг!

– Ну да. Род извозчиков и трактирщиков с самоварами. Куда уж моему сыну до ваших королевских высочеств, которые никогда не носили валенки с подсолнухами.

Следующую фразу он произнёс слегка небрежно, но добродушно, – Ты там не заводисься, рыжая киска – мурыска, вместо ответа на моё предложение? Я уже предвкушаю твою ответную ругань. Ты там как? Никому не уступила ещё? – он засверкал глазами насмешливо, но ревниво. – Твой Ксенофантас никогда и ничего в упор не видел. Он хоть понимает, что сын не его? Или ему всё равно? Он мне сказал: «Моему сыну необходимо вернуться на Землю. И жене необходимо также. Срочно! Ей для здоровья, а ему для развития». Ты плохо себя чувствуешь?

– Ксен просил тебя, чтобы я вернулась? – удивилась Ксения.

– Он считает, есть опасность утратить тебе психическое здоровье. А также опасность нежелательной тебе связи. Это с кем же?

– Может, твоего старшего сына имел в виду? – Ксения на-

приглась. Но она обожала рискованные игры с огнём.

– Я долго соображал, с кем там ты могла бы? Никого там нет. Один Артур ничего себе, да ты не в его вкусе.

– А кто во вкусе Артура?

– Он любил Нэю. Ещё со времени его пребывания в Паралее. Он вообще любит покорных и нежных женщин, на которых всегда такой дефицит. Мягких, женственных и преданных всегда.

– Как его мать, к примеру.

Мистическое продолжение диалога, разнесённого в пространстве, поскольку в реальности он никогда бы такого не сказал, – Он считал всегда, что его мать была идеалом. Как то и свойственно тем, кто были сиротами в детстве. Наверное, я нарушаю некую запретительную черту, если вторгаюсь в глубоко личную сферу своего сына. Но как-то чувствую, что Артур самый близкий тебе человек среди тех, кто живёт на спутнике. Но ты же знаешь, что Лора была той ещё штучкой. И не ты, не я не сумеем её забыть уже никогда. А ты? Счастье их всех, что не знали тебя такой, какой ты была тридцать лет тому. Ты бы им всем головы отвинтила. Как мне в прошлом. Чего мне стоило от тебя вылечиться и забыть, знаю только я один.

– А сейчас?

– Все твои скачки и призы остались в прошлом. Внешность отреставрировать можно, но душу? Ксюня? Где взять молодую энергетику? Ты думаешь, что ты полностью преж-

няя?

– То есть? Я старая стойловая кобыла, которой отполировали шкуру, но не сменили старое сердце?

Ксения веселилась. Его всевидящее око дремало, даже спало глубоким сном. Он не ведал о её связи со своим сыном.

– Я вовсе не хочу сказать, что ты хоть на один нюанс своего обновлённого облика опять постарела. Я был бы и рад тому. Мне абсолютно, категорически! претит такое вот тайное обновление иных за счёт всех прочих. Я не то хочу сказать. Ты была бы мне намного милее, останься ты прежней. Возможно, моё несправедливое к тебе отношение было продиктовано именно твоим внешним изменением в угоду самому низшему и дрянному, что есть в человеке. Я скажу тебе ещё откровеннее, чем говорил на спутнике. Я полюбил бы тебя только прежнюю, пусть и с недочётами от естественного увядания всякого человеческого существа. А так, ты стала другой, не подлинной, а словно бы собственной копией, какой-то перезаписью старой программы на новый вещественный носитель. При этом же всегда неизбежны различные, а порой и существенные, искажения при передаче информационного сигнала с одного носителя на другой. Тебе необратимо изменили всю твою глубинную структуру, так что ты не прежняя Ксения. Но не унывай от моей чрезмерной откровенности. Ты ещё для многого годишься. В тебе уже нет прежних неуправляемых взрывных реакций, да это только к лучшему для тебя, и для всех окружающих тоже.

– То есть, Риту мне не одолеть?

– К чему тебе было одолевать неких соперниц, которые не имели к тебе персонально никакого отношения?

– Рита ещё старше, чем я.

– Если рассуждать вообще и отвлечённо от личных привязанностей, если согласиться с тем, что она не только привлекательная женщина, а совершенство, то всё равно она не та женщина, которую я хотел бы видеть рядом с собой. Меня отвращают те, кто дают заявку на сверх человеческое величие, а при этом не дотягивают до человечности в самих себе. Говорю предельно откровенно. С тобою я никогда не шифровался. Ты же знаешь.

– А кто тогда Рита? Твоя тягловая кобыла? Или же сивка бурка – вещая каурка? – от неожиданной злости Ксения, самонадеянно тыкая в панель рабочего компьютера Артура, перевела изображение в настольный монитор, чтобы уменьшить размер собеседника, игнорируя большой экран на стене. Но он и сам по себе вдруг погас, следом пропало изображение и на мониторе. Они сообща как бы не соглашались с её произволом. Заодно уж выключилось и освещение в помещении, где она и находилась. Что-то не то она затронула, не соображая ничего в чужом хозяйстве. Замерев, она решила, что теперь делать? Только ни в чём не сознаваться. Мало ли какой глюк? Она-то при чём?

– Ты всегда пыталась обернуть меня лицом к прошлому, – раздался голос из мрака. – Ты думала, что я помнил о тебе

как о своём утраченном счастье? А ты вот явилась и всё мне вернула как всемогущая фея? – он бубнил совсем тихо, или же проявляли себя нелады со связью. – Нет у меня о тебе никаких упоительных воспоминаний! Ты же ненормальная была! Забыла?

Монитор Артура засветился, и звук нормализовался тоже. Включилось и освещение, тогда как большой экран пребывал в молочной и безвидной млечности. Став лилипутом, Рудольф уже не был так убедителен и внушителен. Ксения злорадно щёлкнула его по крохотному визуальному лбу. Но лилипут всё так же свысока её укорял, мнил себя безупречным образцом человечности.

– Ты чего там размахалась ручонками? – спросил мальчик-с-пальчик голосом великана.

– Соринка какая-то приклеилась, мешает видеть тебя в привычной безупречности.

– У тебя же никогда не было тормозов! Никаких! Ни в чём! Ни в прошлом, ни в настоящем. Про будущее не знаю, не учился на пророка. Угрозило же меня тогда прийти, то есть притащиться, нога же болела! в ваш театр. Ты же, «пёрышко волшебное», растоптала мою любовь к себе, как кобыла в ярости, одну пыль от всего оставила! Разве я один был во всём виноват? Что, кроме любви я сделал тебе плохого? И такой любви, которой я не мог уже подарить никому. Потому что ты была, в некотором смысле, главной моей любовью.

– Вот именно. «В некотором смысле». Этот твой «некото-

рый смысл» и был виноват во всём. Я просто не хотела тебя ни с кем делить. Как этого не хотела и твоя утраченная жена, как не хочет никакая любящая женщина. Это же невозможно человеку. – Ксения наклонилась к уменьшенному Рудольфу, не уважая, не боясь, ненавидя и любя его.

– Не стоит нам целоваться, – так он понял её жест, – Бесполезно же.

– Дай хоть прижму тебя, – смеялась она, вертя монитор. – Может, и уловишь биение моего большого сердца, мой мальчик?

– Прекрати кривляться! – рыкнул мальчик-с-пальчик, не догадываясь о своём визуальном умалении. – Я вдруг вспомнил твою маму Нику Анатольевну, когда навестил ваш заброшенный дом во время его ремонта. Твоя мама Ника терпела всю жизнь от твоего отца такое незаслуженное пренебрежение, что я, будучи человеком, собственно посторонним для неё, но не для тебя, хотел размазать твоего отца по столу и залить его лысину водой из круглого аквариума, в котором стоял огромный веник сирени. А самим этим веником отхлестать его по наглому лицу.

– Какой веник в аквариуме? Ты о чём? Сравнил. Она была очень больна. Она это именно что позволяла из-за любви к отцу. Но он всё равно страдал от своей вины.

– И что интересно. Он никогда и ни о чём не страдал!

Вот это было попадание! А виртуальный колдун продолжал, – Жил, как хотел. Делал, что хотел.

– То-то ты подражаешь ему всю жизнь. Особенно этим своим бритым черепом. Он-то был лысым от поломки своей природы, а ты зачем?

– Зря ты тогда подумала, что я хоть в чём ему подражал. Никогда! Я его ненавидел так, как ты и не представишь. На Паралее я редкой ночью не убивал его в своих снах. А то, что я брею свой купол, так там, на Троле, мода у нас такая возникла. Не хотели мы носить трольские причёски, вот и всё объяснение. А над теми, кто отпускал там волны волос ниже ушей и едва не до плеч, мы все потешались. Вот я и привык. Помнишь, как смеялись в детстве, – «лысый муж – находка для женщины, он заменит в вашей спальне луну в тёмную безлунную ночь».

Он засмеялся своей же дурацкой детской шутке, уйдя от неприятных воспоминаний о ненавистном человеке, которому всегда подражал, этакая любовь со знаком минус. О своём бывшем учителе, сопернике, ставшим опасным, – не врагом, а распорядителем дальнейшей участи провинившегося ученика. Но кто в действительности-то распорядился так, чтобы поток всех последующих событий помчался по тому самому петляющему руслу, в ту самую изломанную перспективу будущего... У Ксении заболело сердце. Защемило как тогда, когда ей было двадцать. Загудели колючие ветра, вбросили в горло горькую пыль и удушье...

Изображение вдруг само по себе перешло с монитора на большой экран, увеличилось, чуть-чуть лишь и уступая по

своим размерам реальному прототипу. Маленький рабочий монитор при этом не погас, так что Ксения могла наблюдать и за большим Рудольфом, и за маленьким одновременно. Настоящему Рудольфу собственное визуальное раздвоение ничуть не помешало, он о том и не догадывался.

Она реально закашлялась. И уже в переносном смысле взяла себя за горло, чтобы не расплакаться. Да и нечем было. В глазах стояла застарелая, возрастная видимо, сушь.

– У меня до сих пор осталось подозрение, что ты так плохо относился и относишься ко мне, потому что ты мстил и ему тоже. Даже теперь. Это не я, а ты, как норовистый конь, всё растоптал в пыль, ты мучил меня, а я только и могла, что делать ответный ход.

– Только зачем нам теперь все эти экскурсии в наше прошлое?

Он опустил глаза и как будто увидел на её руке кольцо. Кольцо Нэи. Ксения как раз в этот самый момент поводила ладонью по тому, что он назвал «куполом». Он ничего уже не сказал и не спросил, но сразу потух. Оживление пропало, он смотрел на Ксению как на привидение и утратил дар речи. Ксении была непонятна его реакция. Чего он там увидел по ту сторону экрана? Может, кто и отвлѣк. А камень Нэи? Что особенного в том, что Ксения его присвоила? Валялся же бесхозный, закинутый. Тут до неё дошло, что он не может знать о её житье – бытье в своём бывшем жилом отсеке.

И она предусмотрительно сообщила, – Я убирала твой

бывший отсек. Так получилось. А там, среди пыли и прочего, в той пирамиде, ну ты понимаешь, где... Оно и валялось, кольцо Нэи. Красивое. И я взяла. Когда прибуду на Землю, верну тебе. Мне только жалко стало, что кто-нибудь посторонний возьмёт, вот я... Или оставлю себе? Пусть останется мне как память о Нэе? А то вдруг ещё кто-нибудь посторонний присвоит?

– Кажется, у нас там ворон нет, – ответил он жёстко. – Чтобы бирюльки таскать в свои гнёзда из чужих отсеков.

– Есть, – уверила она его, – Каких только клювастых и прочих пичуг с птичьими мозгами сюда и не нагнали. Свиристят, галдят, мужиков наших заклевали совсем своим домогательством. Мужиков же у нас вдоволь, а они-то, срань горластая, ошалели от такого их выбора...

– На то они и молоды-зелены, чтобы щебетать и порхать, – замолвил он своё милосердное словечко за всех чохом из числа прибывших на спутник.

– Ты какой меня видишь? В натуральную величину или как дюймовочку на своём столе?

– В самую натуральную величину я тебя вижу. Тут тебе не архаичная стоянка, а передовая, космическая, промежуточная база.

– А-а, – протянула она. – Знала б, так приукрасилась бы, что ли. А то вскочила и помчалась, лохматая, да неумытая...

Опровержения она не дождалась, – Ничего. И такой сойдёшь. Ксен срочно отбывает со спутника. Я дал ему разре-

шение. А то он головой как-то заметно сдвинулся. Нет? Хотелось бы ошибиться. А ты, как знаешь, – уже не глядя куда-то в сторону, он махнул рукой, и связь погасла.

Она осталась одна. Да она и была одна среди бело-алюминиевых по цвету стен. Не осталось никакой радости ни от самого зрелищного сеанса, ни от сказанных слов. Хотя его зов был принят, понят, как ни тщился он его замаскировать заботой о детях. Он её ждал. Не удался план Вороны. Не нужна она ему. А Ксения нужна!

Артур, не верящий очевидному

За пределами рабочего отсека ГОРа стоял заметно расстроенный Артур. Глаза от того, что он выглядел побледневшим, стали ярче, беспомощнее.

– Ты подслушивал? – спросила она, чувствуя себя выпорошенной и вялой. Отчего бы это?

– Это мой долг, – ответил он, – от меня здесь нет тайн ни у кого. Зачем ты трогала мой рабочий монитор? Нельзя никому постороннему прикасаться тут ни к чему! А если бы активировала какую-нибудь программу, не для твоего ума предназначенную?

– Я посторонняя?

– Разве ты тут мой заместитель? Ты всего лишь овощевод и фруктопроизводитель. Да и то ты в отпуске по уходу за ре-

бёнком. Ты согласна с ним? Ты улетишь после всего к нему?

– После чего «всего»? – её поразила его низость. Смел подслушивать, да ещё врёт о необходимости так поступать.

– После того, как он тебя использовал, унижал и презрел не только Нэю, но и тебя с твоим ребёнком. Все знали, что ты была у него по ночам в рабочем отсеке, когда он тебя звал. Но тебя жалели. Жалели Ксена. Здесь никто не говорил ему слова «нет». Здесь же не Земля. И ты не можешь даже знать того, доберёшься ли ты отсюда живой вместе с Рыжиком. А мы вскоре построим город на «Ксении». Мы будем первыми аборигенами на ней. Это будет наша планета, наша новая жизнь. И наши возможные дети, и Рыжик тоже, они будут считать её единственной Родиной. Подумай об этом. Зачем тебе вступать дважды в одну и ту же реку? Тем более, что она оставила после себя только сухое русло. Не боишься остаться одна на Земле, уже дважды обманутая человеком, для которого слово, данное женщине, не значит ничего? А я не виню тебя в твоём однолюбии, это признак твоей качественной природы. Но я уверен, что ты полюбишь меня. И также я уверен, что наши с тобой потомки заселят «Ксению» – вторую Землю, и может быть, более счастливую Землю. Не улетай! – Он обнял её, большой и маленький одновременно, поскольку был открытым и трогательным в проявлении своих чувств. – Если ты обиделась, что я не приходил так долго, то я был предельно занят всё это время. Перед отправкой в каждую экспедицию столько надо всего предусмотреть, что-

бы не вышло, как было с Рамоном.

– Конечно, конечно. Там ведь столько девчонок и за каждую отвечать кому ж как не тебе? У каждой экипировку проверь, носик утри, если всплакнёт от страха. Одно дело теория, другое практика. А ведь прочим шалопаям как такое ответственное дело доверишь, как проверка девического корпуса перед отправкой в экспедицию...

– Я не общаюсь с девчонками, чтобы сугубо лично.

– А чего же не попробовал? Вики – воспитательницы рядом нет, гуляй себе на воле.

– Прикасаюсь к девушке, которую не любишь, чуть глубже определённой границы? Я тебя полюбил. Ты понимаешь, что я серьёзен?

– Ты забудешь обо мне, когда я покину пределы этой чужой Ксении. Ты молодой. Ты же забыл о Вике.

– Ты не Вика. И я не забуду. Остаешься! Нет. Улетай! Но я знаю, что ты вернёшься. Пока ты будешь проходить необходимые приготовления к отлёту, я не хочу до этого момента тебя видеть. Потом я буду обязан по должности присутствовать при отлёте звездолёта...

Артур развернулся и стремительно пошёл от неё, напоминая со спины этой стремительностью, а также своей мужественной комплекцией отца настолько сильно, что Ксения, как в некоем затмении бросилась за ним. Остановившись, он обдал её ледяным холодом синих глаз, безмолвно оттолкнул, понял, что порыв не имеет к нему никакого отношения.

Когда он ушёл, рядом возник Ксен, вышел с другой стороны.

– Ты тоже всё слышал? – спросила она. – Подстроился заранее на то, чтобы уловить сигнал? Как Артур?

– Я никогда не подслушиваю чужих разговоров, в отличие от кого бы то ни было. Полетишь со мной?

– Чего спрашиваешь, если и так всё понимаешь?

Блестящая и глупая Эльза

Неприятное столкновение произошло в тот день, вернее, поздний уже вечер, когда Артур с командой опять отбыл на другой континент. Ксения уложила Рудика и пела ему колыбельную, а она научилась сочинять ему песенки.

– ...Спит голосистый сверчок. / Спит в уголке паучок./ Кошка в корзиночке спит./ Рядом котёнок сопит./Только лягушка не спит,/ И у колодца сидит,/Выпучив глазки, глядит,/ Всё комаров сторожит./ Только одна мошкара / Будет не спать до утра./ Будет жужжать и летать,/А лягушка их будет глотать... – она могла бесконечно тянуть однообразную мелодию, плетя наивные вирши и входя в ритм, не могла остановиться, даже когда Рудик заснул.

Она бродила мысленно по смешанным хвойным и листовым лесам своего детства, где обитали эти самые паучки и сырые лягушки. Где в прекрасном отчем доме спали неко-

гда пушистыми клубками в своём кошачьем домике мама-на кошка Пуська с котёнком. Серебряная Луна, раздвигая хвойные резные ветви, хотя и не имела для этого рук, высунулась печальной маской Коломбины из старого музея бытовой культуры. Луна не умела улыбаться, даже любя свой подлунный мир. А то, что Луна любила людей, Ксения не сомневалась никогда. Однако, какие ужасы сочиняли в историческом прошлом о Луне сумасшедшие мрачные мистики! Например, Гурджиев с его теорией о периодически падающих зловещих лунах. С его вымыслом о Луне, которая пасёт людей как овец, чтобы питаться их кровью, когда в их сердцах она возбуждает тягу убивать и уничтожать себе подобных в кошмарных войнах, – ей, лунной злодейке, на радость. Но откуда в душе возникало такое щемящее ответное чувство к ней – светлой скиталице по ночному земному небу, вдохновляющей и завораживающей столько мечтателей, чьи фантазии населяли её сияющими духами и волшебницами? По Гурджиеву – так это самообман, внушаемый злым сатанинским божеством. Она мёртвая, она вампир, не имеющий в себе собственной жизни, живой души. Но смотреть на мёртвое невозможно без глубинно сотрясающего ужаса! А Луна, она порождает и порождает творческий полёт, стихи и музыку, стремление к несбыточному и любованию, и восхищение всегда. Так можно смотреть только на недостижимого ангела в вышине. Ах! Как не хотелось оттуда, от родного порога, освещённого её внутренней, её живой и прекрасной Луной,

возвращаться в своё строго замкнутое настоящее, где не было ни лесов, ни лягушек, ни колодцев с артезианской земной водой, расплёскивающейся ледяными драгоценными струями из детских ладоней...

Ксения очнулась мгновенно, вспомнив, что именно тут обитает её сын, её смысл, её земное солнышко. Она положила голову на подушку рядом и дышала им, его ароматом, как пёс, заходясь в обонятельном экстазе, растворяясь в своей животной материнской любви. В самой святой любви. В божественной любви к своему творению.

«Как я могла жить без тебя? Как могла я не понимать такой любви, выше которой нет ничего. Она рождается из плотской любви, из любви женщины к мужчине, и уже сама рождает из себя ту же самую любовь женщины к мужу, но уже на более высоком витке спирали. Ребёнок освящает любовь родителей, снимает с неё грех эгоизма вдвоём. Боже, я славлю тебя за дар мне, за данную способность прикоснуться к чуду любви Творца к его порождению, к Твоей вечной тайне. Не случайно женщина гармоничнее, красивее мужчины, она ближе к Творцу, приближённее к нему, и на ней, на матери отблеск Его милости и света. Его бескорыстия и доброты».

Ксения лизнула языком нежное запястье сына, его ручка была сжата в кулачок. Всё ещё пребывая в материнском соединении сердца со всем Мирозданием, она вышла в холл, чтобы пройти в спальню, и замерла. Там сидела девица. Од-

на из тех, кто наводнили в последнее время спутник.

На девушке был не обычный для всех прочих обитательниц комбинезон, а серебристо-перламутровый. Голографические переливы от бирюзового к розоватому рождали некие подобия фантастических пейзажей, – это была новейшая разработка, более изящная и женственная, нежели те, которые были у Ксении и прочих женщин, прибывших на спутник раньше. Он имел много карманов и кнопочек непонятного предназначения, вряд ли декоративного, скорее функционального. Блестящая особа, ничего не скажешь. Стройна, узка, стремительна и нагло вато величава. Взирает свысока, хотя ростом до Ксении и не дотягивает. Она показалась Ксении неким гротеском на саму себя, какой она впервые влетела под купол города на спутнике.

Ксения как-то внезапно ощутила себя вчерашним днём. Она уже не успевала ни за модой, ни за техническими новинками. Как ни обманывала внешность, внутреннее течение её времени уже замедляло свой бег вперёд, и было это не от лени или замедления всех умственных реакций, разве она была старухой по биологическому возрасту в отличие от той же Риты, к примеру? А Рита щёлкала любые новинки как семечки, то есть с лёгкостью. Нет. Это было от понимания, что это «вперёд» неизбежно разочарует, что это «вперёд» всегда только «вперёд ногами» к известному пункту назначения. Исцелив тело от накопленного груза молекулярных ошибок, ей не исцелили душу от возрастного пессимиз-

ма. Поэтому Рудольф её и не принял до конца, – ему и своего пессимизма хватало.

К груди девушки была приколота эмблема или это была связь, разноцветная Галактика, похожая на радужную спираль морской ракушки. У незнакомки, совсем молоденькой, волосы завивались спиральками, слегка золотились, но Ксения сразу поняла, что волосы закручены искусственно. Вздёрнутый носик и припухлый рот явно знали цену своей неотразимости. В светлых глазах заявляла о себе та разновидность высокомерия, что присуща незрелым, но рано надкушенным плодам – существам. Ксении редко нравились современные молодые девушки, как оно обычно и бывает у всех дам старшего поколения. И дело тут было не в зависти. Ксения считала себя значительно, качественно лучше этой космической бродяжки. Нормальные родители, подумала она, не отпускают своих дочерей в далёкий Космос. Только те, из производственных слоёв земной жизни, кто пренебрегли в своё время избыточным на их взгляд длительным обучением и вполне рано ушли в жизнь, выбрав себе более быстро усваиваемые профессии. Они, как правило, были относительно равнодушны к судьбе подросших детей. Вырос и катись, зарабатывай свой хлеб в поте лица, как и я. Кому-то из таких подкидышей везло, они проходили сложные фильтры для зачисления их в космические городки.

Дальнейшее подтвердило её подозрения. Девица что-то комкала в своих руках, какой-то шуршащий пакетик. Ксения

удивлённо, но ничего не говоря ей, в одной белой, до колен, когда-то праздничной, а теперь заношенной рубашке Артура прошла в спальню, а девица потопала за ней. Она ещё не начала говорить, а Ксения знала, о чём она ей скажет, или примерно знала.

Ксения залезла в постель, давая понять, что незваной гостье тут не место. Досадую на свою безалаберность, на то, что не заблокировала входную панель. У тех, кому надо, доступ есть всегда, а случайным нечего лезть в чужое пространство без предварительного сообщения о визите, что являлось нарушением норм здешней жизни. Но дальнейшее показало, что это вообще вываливалось из всяких норм. Только один Ксен мог так запросто ввалиться, пусть и ругался, а был же свой. Но эта?

И опять делёж одного на двоих?

– Что там у тебя? – спросила она грубо у девицы, имея в виду пакет. Он раздражал особенно. Ясно было, что не подарок Рудику. И не ей.

– Эльза, – девушка произнесла своё имя.

– И что? Мне надо знать твоё имя?

– Я хотела поговорить с вами. Очень серьёзно.

– Как иначе. Пришла бы ты, на ночь глядя, если бы не твоё «серьёзно»?

– Мы не переходили на «ты».

– Ну, так перешли. Чего уж. Давай вываливай свои серьёзные откровения. Только я их знаю. Пришла мужа моего требовать? Так бери. Я же улетаю скоро. Очень скоро.

– Он вам не муж. И ребёнок не его. Здесь все знают. А я...

– А ты?

Она открыла свой пакетик. Маленький. Из него выпала белая тонкая майка, используемая в качестве нижнего белья. Дальнейшая дикая импровизация поразила даже Ксению, прожившую на свете полвека и уже больше. Майка была из тех, что подлежат долгому употреблению, выдерживают многократные стерилизации, была самой простой, используемой как нижнее дополнение ко всеобщей тут всем рабочей униформе. На ней красовалось пятно засохшей крови. Ксения лишилась слов от дальнейшего откровения.

– Мы спали на этом с Артуром, – сказала юная бродячая кошка.

– И чего? Ошиблась отсеком? Здесь не прачечная. Да и неприлично спать с мужчиной при определённых обстоятельствах нашей женской жизни.

– Я была девственницей. Он мой первый мужчина. И он сказал, что и у него я – если в этом смысле, в смысле чистоты, – первая.

– Судя по уликам, которые ты суёшь мне в нос, до чистоты тебе, как до сердца той Галактики, что изображена на твоей бесстыдной груди. Бедный и вечный мальчик Артур! Таков

удел всех роскошных мужчин – быть добычей тварей. Как думаешь, что отвратнее всего в жизни?

Она молчала, пяля на Ксению наглые юные глазки, поводя кончиком носика, порозовевшего от гнева.

– Борьба человеческих самок за свою добычу. А он ведь твоя добыча? Главный Ответственный Распорядитель. Да и сам по себе – приз, если честно. Где бы ты на Земле обратила на себя внимание такого мужчины? Ты, курносая дешёвка! И девственность хранила ради такого случая. Чтобы подстелить себя самому выгодному сожителю. Мне он не надобен. Но знала бы, как жалко его тебе отдавать. Подумаю ещё, может, и останусь. Из вредности. Тогда тебе ничего не светит. И зря пропала твоя жертвенная кровь.

– Вы пошлячка. Но о вас никто и слова доброго тут не сказал.

– Ну, уж о тебе скажут. Не сомневайся.

– Он вас не любит. Он брал меня с собой. У этой планеты совсем скоро отберут ваше недостойное имя и дадут новое, ей подходящее. А «Ксения»? Это так, игровая запись в базе данных, которая легко устранима. Мы видели на одном из континентов стоянку первобытных людей. Это тайна. И я первая её узнала. Я даже видела в зарослях заросшего смуглого человека. Но он скрылся. А некоторые ребята уверяли, что там есть и белые люди. Видели женщину с длинными светлыми волосами и с детёнышами.

– Она что, обезьяна? Если женщина, то у неё дети, а не

детёныши!

У Ксении похолодели ноги, задрожали руки, которые она скрыла лёгким пледом. Она ясно помнила своё видение, или всё же сон? Накануне гибели Нэи. А эта дурында продолжала, не могла остановиться. Или хотела блеснуть своей приближённостью к ГОРу и его тайнам, о которых он никогда не говорил Ксении.

– Мы обнаружили также останки давно разбившегося звездолёта, и экспертиза дала однозначное заключение. Маркировка материала совсем не та, что у звездолётов, прибывающих сюда с самого начала её открытия. Но это земной звездолёт. Вы знали? Там могут быть одичавшие люди Земли, потерпевшие некогда аварию. На этом континенте нет зверей, хищных то есть. Это райский континент для человека, даже в случае его беспомощности. Съедобные корни, плоды, цветы. Насекомые – это же чистейший протеин. Правда, территорию болот не изучали ещё. Если не считать бурной тектонической деятельности это планета мечты, будущий новый дом нового человечества. Все дряхлые и старые останутся доживать на прежней Земле. Дряхлые не означает возраст, – сочла нужным пояснить Эльза. – В смысле своей информационной загрузки. И Артур сказал, что я тоже смогу стать в новом мире праматерью будущих людей...

– Слушай, праматерь будущего, а ты хорошо рассмотрела того дикого человека? Опиши его мне.

Эльза с удивлением уставилась на Ксению. Её поразило

равнодушие и нежелание той принять битву за Артура. Однако, она затряслась при одном упоминании о дикарях планеты. Пока премудрая Эльза раздумывала над странностями прежней и несомненно! устаревшей подруги супер красивого, супер храброго, супер умного ГОРа, ей вдруг стало очевидно, что сама она – новая избранница местного полубога сделала что-то не то. Нельзя было проявлять свою значимость для него столь постыдным образом. Демонстрация попорченного нижнего белья была лишней. Хватило бы и слов. Убийственный факт для ненавидимой всем здешним сообществом сожительницы Артура, факт неоспоримого приближения самой Эльзы, скреплённого её девственной кровью, показался ей тем, чем он и был. Вопиющим диким поступком, дурным тоном, её низостью и свидетельством её жалкого тупоумия. Но на войне все средства хороши.

– Как я могла его рассмотреть? Он промелькнул в стволах леса и исчез, словно под поверхность провалился. Я испугалась и закричала.

– Думаешь, ты вкусная для дикаря? Щуплая синтетическая дрянь!

– Я? Я натуральная, а вот вы, тут все говорят, из тайной касты вечной молодости. Вы старуха, обманывающая своей оболочкой, в которой спрятано старое нутро.

О, как знакомы были Ксении эти обвинения, срывающиеся некогда из её собственных уст в адрес Риты!

– Бери свой флаг торжества и позора и вали отсюда! А то

я устрою тебе повторное прободение, но уже в области твоей головы, хотя не думаю, что для тебя это станет уроном. Что у тебя там, кроме воздуха и пенопласта.

Пока они так «разговаривали», Ксения вылезла из постели и подошла к девице. Неожиданно сложив пальцы в кулак, она стукнула резко и сильно тем местом, где было кольцо Нэи, девицу Эльзу по лбу. Из надбровной дуги юной идиотки полилась кровь. Но ранение было пустяковым, поверхностная ссадина. Так могла бы стукнуть саму Ксению Нэя. Не стукнула. Могла бы Вика, могла бы и убить за всё. И была бы права в глазах всего населения спутника, где Ксению ненавидели, презирали, игнорировали, жаждали исторгнуть за пределы купола. Но никто не стукнул. И не убили.

– Моя бедная коротконожка Вика, – сказала Ксения, – ради кого же я постаралась убрать тебя отсюда? Оторвала тебя с кровью от любимого друга, от отца твоих детей? Ради этого писклявого пупса?

Ксения с отвращением вытирала кровь с её лица её же майкой.

– Ничего. Автограф станет более насыщенным. Тебе будет чего показать своим детям, как память о твоих путешествиях по отсекам чужих мужей.

– Он пришёл ко мне, а не я к нему!

– Здесь и у сильных людей сносит адекватность в дым. Так что не вини себя слишком уж. А он, – что же ты хочешь, – порождение своих родителей. Мама была любительница за-

лезть не на своё, и папа страстный открыватель новых ощущений. Таковы они, эти люди. А ты не знала? У, какими же противными, какими невыносимыми они бывают! Не доверяй им сокровенное. Поди и спрячь это!

Ксения швырнула в неё комом отвратительного свидетельства не только её дурости, но и низости Артура – рыцаря прекрасных дам.

Девчонка захлёбывалась от сдавленных рыданий. Откуда выпало это чудо клинической идиотии? И зачем космический рыцарь полез к половозрелому младенцу в кудряшках жертвенной овечки? Других желающих не было? Это вряд ли. Ксения поцеловала кольцо Нэи.

– Моя маленькая бедная пришелица, знала бы ты, чем завершится идиллия космического единения и братства на спутнике имени твоей предшественницы – одной из жён твоего мужа. А с каким счастливым сердцем, с каким звёздным полётом в глазах прибыла ты сюда, по рассказам Артура. Неужели и эту девственную планету мы, люди, превратим в такое же запятнанное непотребство, каким стала наша собственная Земля, данная нам для жизни и райского будущего? Или нет. Земля была дана для трудов и умирания, для искупления от грехов. Но грехи пропитали её всю настолько, что даже технические прорывы не смогли очистить её информационные поля и структуры. И вот мы тащим, как бактерии свою гнойную инфекцию дальше и дальше в глубины Вселенной. И никакие сияющие комбинезоны не могут

облагородить потливых и похотливых тел.

– Вы ничего не поняли. Не выслушали. Напали... – Эльза пыталась справиться с собственным раздавленным состоянием. – Я пришла не хвастаться перед вами. Я хотела дать вам знать, с каким человеком вы делите семейный отсек. Я не звала его. Да, я очень уважала его, если не боготворила, но я и в мыслях не держала того, чтобы стать ему кем-то ещё, кроме младшей коллеги. Но он вошёл без спроса, стащил с меня ночную экипировку, я не могла кричать или звать на помощь. Это было невозможно в отношении него. Я лишилась чувств, всякого понимания, что происходит. Хотя я и не скрываю, что люблю его, полюбила с первого дня, как увидела... А он вытер меня этой рубашкой после всего, засунул её под мою подушку и только сказал: – «Прости. Я и не знал, что ты девушка, чего же ты не предупредила. Но раз так случилось, я тебя не оставлю. Не переживай. Ты останешься мне другом, как и была до этого. Только родным и близким другом». И уснул. Он всегда устаёт, недосыпает, я смотрела на него спящего, необыкновенного, и даже ненавидя за произошедший ужас, продолжала любить, люблю... Я вовсе не собиралась занять ваше место, в мыслях не держала, но... Я хочу, чтобы вы знали, если он опять придёт ко мне, я его не оттолкну. Я не собираюсь, как иные играть в недостойные тайные игры! Вы сами должны принять то, что произошло, сделать вывод. Если тот, кого вы считаете мужем, так поступает, зачем он вам?

– А тебе? Зачем тебе чужой муж? Попробуешь с другими незанятыми и увидишь, будет также восхитительно, если не восхитительнее.

– Я хочу, чтобы он был счастливым. Захотела сразу, как только он встретил нас, когда взглянул своими прекрасными глазами, а в них была грусть. Я считаю, что я достойнее вас, и Артуру просто не повезло. С кем тут было?

– Счастливым? Счастливых людей, чтобы надолго, не бывает. Человеческий ум есть то, что отрицает такую категорию бытия, как счастье. Оно иллюзия, мгновенный самообман, состояние счастья всегда отменяет человека как существо мыслящее. Мысль – страдание. И происходит так от того, что в человеке нет полноты. Нет совершенства, да и будет ли когда? Человек же обречён стать тленом, звёздной пылью, и нет ни малейшего приближения к разгадке того, что есть смехотворно маленький галактический рассудочный слизняк – человек и та чудовищная необъятная прекрасная Вселенная, невероятным чудом втиснутая в его смертные мозги.

Девчонка с любопытством слушала Ксению, забыв о своей царاپине и унижении, на которое она напросилась сама. Ксения в белой рубашке – тунике, как древний пророк, только с молодым и раздумившимся от возбуждения лицом клеймила негодное человечество.

Ксения признаёт своё поражение

– Вот и оставьте его мне, если он слизняк. Вы не любите его.

– Ты любишь поэзию? Ты знаешь что это? Искусство древних людей. Вот послушай. Я тебе прочту: – «Не люби богатый бедную/Не люби разумный глупую/Не люби румяный бледную/Золотой полушку медную» – Это Марина Цветаева. Да к чему тебе это? Весь бардак от дисгармонии людей, от их не совпадающих друг с другом душ и устремлений...

А ведь это она запустила весь этот процесс распада устоявшихся связей людей на спутнике. Другой вопрос, чего стоят эти связи, если их так легко разрушить? Но и распад, как и его противоположность – воскрешение, начинается с малой величины. Возможно, с одного единственного человека.

Она вспомнила мамины проповеди, которые слушала, но отбрасывала потом от себя, куда подальше.

«Мы все воздействуем на судьбы других людей. И не верь тем, кто говорит, я не виноват, таковы обстоятельства. Все виноваты. И я, и он, папа».

Ксения обратилась к давно уже несуществующей матери: «И я? И Рудольф? И тот тоже, который прячется, носится по первобытному лесу с утратившей разум от катастроф и потерь спутницей, которую он любил всю жизнь, а теперь обрёл на краю Вселенной, в первозданном раю»?

– Не думаю, что их можно обнаружить на огромной планете, если они того не захотят, – обратилась она к Эльзе. – А они не захотят. Он не захочет. А она? Она уже не имеет в себе таких мысленных конструкций – «хочу – не хочу». Она живет в сфере нерасчленённых анализом чувств и ощущений, как жил мой пёс, к примеру. «Хорошо – плохо. Вкусно – горько. Голод – насыщение».

– Я не понимаю вас, – заявила глупая Эльза. Она пришла в себя после нанесённого удара, глаза были ненавидящие. Стало очевидно, что смазливое лицо обладает способностью вводить в заблуждение своей простотой. Это была та самая простота мелкой, но всегда способной ужалить ядовитой и плотоядной мушки. Она была из тех, кто способен ради себя – «чуда» и «совершенства» на всё. Если подвернётся случай, то куснёт, обгадит, оболжёт, убьёт по-тихому. Это не Вика. Врёт, что Артур пришёл сам. Заманила, дала понять, что отказа не будет ни в чём.

Ксения припомнила, Эльза одна из тех новоприбывших девушек, которые одевались на вечерние посиделки в коротенькие майки – топики, позволяющие желающим оценивать размер их тугой груди на любой вкус. У некоторым девушек в этом самом пупке сиял пирсинг. Дикое наследие дегенеративных эпох, опускающее женщину до уровня живой и комфортной, но вещи для специфического употребления. А девчонки, упиханные в узкие брючки, не понимали этого абсолютно, считая модным штрихом к своей неповторимой ин-

дивидуальности. Ну, камушки в теле как у древней наложницы из гарема, мало ли, детские игры умственно ограниченных девочек. Ксения решила тогда, что в числе прочих прибыло ещё несколько потенциальных скиталиц, подобных отбывшей «святой простоте» Нелли. Тогда же вспомнилась вдруг, непонятно и к чему, Вега из братства «Звёздный Персей». Правда, Вега была ярче и характернее, она больше подходила под определение кобра, и ей удалось мало возможное – плюнуть сладким ядом в очень высокую мишень, охмурить папу Артёма Воронова, отодвинуть саму Риту, пусть и на короткое время. Когда же закаченный яд рассосался, он отшвырнул от себя мелкую гадину, украшенную бриллиантами, вживлёнными в бритый лобок.

– Можно себе представить, какой внушительный контейнер для личного барахла приволокли сюда все эти космоде-сантницы. А я вот одно платьице с собой, да пару рубашечек взяла, да и те не носила, раз – другой если. Мы всё больше в служебных комбинезонах. Не до жиру – быть бы живу. Только Нэя... – но тут Ксения схватила себя за болтливый язык. Перед кем это она откровенничает? Или уж от навязанного ей женщинами режима остракизма она готова разговаривать с каждой встречной – поперечной.

– Тут же не тюрьма, а я не уголовница какая, – отозвалась «поперечная». – Когда у нас был курс половой этики для отбывающих в сложные среды космических поселений, то нас учили также не забывать о себе как о женщинах. Нас отбира-

ли не в краткосрочную экспедицию, а для проживания, пусть и в опасной, но обжитой людьми среде.

– Ну, уж если обучали и способам проникновения в обжитые другими среды, то куда ж мне с тобой тягаться, космодесантницей.

– Я не космодесантница. Я космопоисковик.

Сколько их прибыло сюда девушек – космопоисковиков, космодесантниц, галдящих, весёлых, а самая мелкая из них вышла в лидеры в том смысле, что оказалась в объятиях первого и лучшего мужчины на этих первозданных и необъятных просторах. Почему так?

Без приглашения Эльза села на диван, воспользовавшись задумчивой отрешённостью Ксении. Положила тренированную, но женственную ножку на ножку, с комфортом откинулась, и даже засунула подушечку Нэи под собственную спинку для удобства. Эльза быстро адаптировалась в предлагаемых и неприятных для неё условиях. Она давала Ксении возможность рассмотреть себя со всеми подробностями, чтобы явить свои мнимые преимущества и не оставить надежды на выигрыш. Она была, пожалуй, и смешна, но смеяться не хотелось. Существо из тех, с коими никогда не общалась Ксения, инстинктивно избегая подобных всегда, распознавая их чужеродность с первого взгляда. Видимо, Эльзу неплохо обучили на занятиях по психотренингу, и она без сомнения обладала массой своеобразных талантов для выживания во враждебных средах. Уходить поверженной она

явно не спешила.. Ксения даже не замечала долгого взаимного молчания, уйдя в свои размышления и не желая говорить с вторгшейся девушкой, но и не ожидая от неё никаких уже откровений.

Наконец Эльза заговорила, промокнув позорной своей майкой рассеченную кожу над пушистой, тонко оформленной бровкой. Пришлось Ксении пойти и достать для неё лечебный пластырь для быстрой регенерации кожи. Она словно бы стала всему миру матерью через своё уже материнство, а эта дуручка по возрасту годилась ей в дочери.

Ядовитая последующая речь ясно обрисовала Ксении ту перспективу, которая ожидала бы её, останься она тут. Серия публичных скандалов, тайных мелких подлостей и низких разборок кому-то на радость, кому-то в отвращение – вот что было бы обеспечено ей как сопернице и не прощаемому уже врагу маленькой амазонки.

– Вы плетёте словесные макраме как умалишенная бабка, сидящая на скамье в какой-нибудь обители умирания. Помню, моя мама заставляла меня в подростковом возрасте навещать свою выжившую из ума прабабку, и она разговаривала похожим языком. Я ничего не понимала, а она плела свои листья из ниток и уверяла меня, что когда ещё работала тут в числе медперсонала несколько десятков лет тому назад, то своими кружевами дарила радость даже безнадёжно больным людям. Вот и тебе, говорила она, я свяжу шаль на счастье, вот и наша жизнь как это кружево, сложное, а простое

из одной всего нити. Ну и всякую чушь. Помню, я выкинула её нитяное творчество в первый попавшийся утилизатор за пределами Центра. А она воображала, как я очарую, обрядившись в эту смехотворную паутину, своего мальчика, если он увидит меня в подобной «рукотворной красоте». Можно представить, каким аттракционом смеха я бы стала, появившись я в нашем космическом городке в старушечьем шедевре. Старческие представления о жизни такая же рухлядь, как и сами старики. Никакой мудрости у стариков нет. И как бы они ни молодились, они никогда не обманут тех, кто молоды по-настоящему. Всегда есть признаки, позволяющие отличить подлинно молодых от имитаторов. Их всегда выдаёт речь, их непонятная болтовня.

– Это при условии, что они разговорчивы. А бывают же и молчуны. А бывают же и такие, к которым таким юным прозорливицам, как ты, входа не найти, настолько высоко они обитают, настолько надёжно спрятаны в своих райских обителях. Ты жила в Подмосковье?

Вот уж воистину Подмосковье переезжает в Космос! Так вот чья прабабушка связала ту шаль для мамы? В том самом медицинском Центре «Утренняя Звезда». Название, как бы, глумливое, если понимать смысл устройства подобных Центров. Но и не назовёшь подобный лечебный центр «Звездой вечерней»? Слишком наглядный символизм. Слишком цинично. К тому же там столько людей возвращали себе здоровье, и это факт неустрашимый. К тому же, мама не была ста-

рой, а совсем молодой, только больной. И ей добрая милая женщина связала изумительной красоты шаль, чтобы она радовалась и грела свои зябкие плечи, отдыхая в тени, как она любила. Можно ли вообразить себе больного печального человека, сидящего под клёном в лесопарке «Утренней Звезды» в короткой сексуальной юбочке? И чтобы из-под майки на голом исхудалом животе под пупком блестел пирсинг? Вот это и будет аттракцион смеха. Но смеха особого, inferнального какого-то. Человеческая одежда должна быть совершенной в том смысле, чтобы она смотрелась прекрасной и была удобной в любое время и в любом возрасте или месте. Взять, к примеру, русский сарафан. В нём женщина и в поле работала, и в хороводе кружилась и под венец шла, и дитя качала на своих коленях. И грехи отмаливала в старости в храме, после чего её в гроб укладывали в сарафане же. Вот это было, что называется универсальным изобретением. А сейчас?

– Вы выжили из ума, что очевидно, и ваша омоложенная кожа тут вам не в помощь. Все в городе знают об этом. Вы старая. Вы подделка! Поэтому нормальному человеку не понять вашей старческой закисшей премудрости! Я не понимаю ни одного слова из того, что вы тут брэнчали. Вы – дура, и это тоже не моё открытие.

– Да и зачем тебе понимать? И говорить тебе много не надо. Займись лучше тем, к чему твой рот и язык приспособлен лучше всего. Если честно, что-то я не встречала половозре-

лых молодых людей, которые любят проводить философские диспуты рядом с милой и всегда готовой к самоотдаче девушкой, которая к тому же совершенство и прекрасно усвоила курс половой этики для практики в дальнем Космосе..

Она сама же себя одёрнула мысленно. Эльза глупа в силу возраста, а так, нормальная девушка. То, что она тут устроила и потом наговорила всякой скверны, так это от безудержной влюблённости, от обиды опять же, от желания отнять Артура у той, кого отвергли все живущие в городе под куполом. Глупая Эльза и совсем молодой косноязычный Артур, чем не пара друг другу? Его первая женщина Вика стала ему, сироте, по сути-то, заменой столь рано утраченной матери. Пусть познает любовь юной девушки. Придёт время, насытятся мудростью, как осенняя земля затяжными дождями, тогда и наговорятся в обителях умирания под тенистым клёном, растущим над быстрым и чистым потоком.

«Но вот чего не знает Артур и эта премудрая Эльза, я вернусь на планету своего имени. И тогда я найду этих людей, которые обитают на ней. Не я, так наши потомки неизбежно встретят друг друга. Я вернусь...»

Возвращение домой!

Игрушки из детства

«Я вернусь...». На Гелию? Неужели, она могла так думать и так говорить? Никогда она туда не вернётся! Не будет такого! Ксения сжала в руке хрупкий стеклянный цветок – синюю орхидею с жёлтой сердцевинкой, и тонкая ножка обломилась. Цветок стал бесполезен, – поставить его внутрь высокого фужера на синей ножке было уже нельзя. Она положила его на полку рядом с фарфоровой кошкой, сидящей в фарфоровой же клумбе. Ничего, даже красиво. Игра была вовсе не игрой, а осуществлением замысла, возникшего на спутнике. Ксения расставляла мамины фарфоровые миниатюры на специальных полочках, приобретённых для этого. Полочки и ниши сияли хрустальной прозрачностью на белой стене, а прибывший с роботом молодой дизайнер создал ей многомерную феерию загадочного стеклянного царства. В нём и предстояло теперь жить бывшим маминым, а теперь её красавицам из фарфора. Некоторые были редкой ручной работы, а также изделия обычного, но уже старого ширпотреба, ставшего антиквариатом из-за своей редкости. Почему мама это любила, трудно сказать. Вероятно, такой была

мечта её детства – стать балериной, но жизнь распорядилась иначе. Она думала, что её вымоленный у Бога шедевр, их с отцом идол любви станет вот такой, но не фарфоровой, а живой мечтой.

Многочисленные фигурки перемежались маленькими вазочками из фарфора на основе ракушек-жемчужниц, невероятно хрупкими. В них мерцали хрустальные букеты из синих, жёлтых ирисов, из фиолетовых и красных тюльпанов, белых подснежников, голубых колокольчиков, разноцветных орхидей и прочих, приобретённых мамой изделий художника-стеклодува. Не увядающие вот уже несколько десятилетий цветы в обрамлении зелёного стеклянного ажюра из несминаемых ветром и непогодой листьев. Но достаточно было неосторожного прикосновения, удара, и они рассыпались в колючие и режущие, бессмысленные осколки. Вот уже несколько таких цветов были уронены и утрачены, а Ксения отчего-то думала, глядя на них о Рите с её прельстительной и такой же непрочной красотой. Искусственной, лишённой трепета и благоухания, волшебной природной ауры. А также, что было странно, думала она о матери. Не то странно, что мамыны игрушки напоминали о маме, и не могли не напоминать, а то, что Ксения сопоставила её саму, маму Нику, с таким же искусственным цветком. Прекрасным и ненастоящим, с бесполезным созданием, если в том смысле, что она ничего не давала окружающему человечеству, не участвуя в его непрестанной многообразной деятельности, будучи до-

машней затворницей. Все вокруг стремились сдуть пылинки с неё, боясь прикоснуться чуть грубее, а она всё равно мгновенно разбилась.

Ксения дунула на несуществующую пыль, на синий лепесток цветка.

– Мама, – прошептала она, – что за блажь твоя коллекция, прекрасная бесполезность, стеклянная радужная мечта о гармонии.

И всё же хрупкая печать неких творцов одушевляет и эти пасторальные личики, и эти твёрдые на ощупь и воздушные по виду лепестки. Какой никчемной ни посчитают любую из этих комнатных безделушек, а кто-то же и вложил в них свой замысел, да и талант, пусть и социально ничтожный, легковесный, а человеколюбивый, – мама любовалась всем этим, радовалась, перебирая и играя.

Ксен ходил за её спиной, хмыкал, – Дети же всё побьют.

– Нет. Они умные. Зачем им? Их хорошо воспитали родители. Даже маленькие никуда не лезут без спроса.

Она выгнала Ксена – преданную няньку к детям, занявшись своим волшебным действием, своей игрой – населять хрустальный мир маминой мечты маминой же коллекцией. Все папины знакомые знали об увлечении мамы. Ей их дарили, доставали в разных уголках Земли. Ведь сейчас таким излишеством быта, бестолковым на взгляд современных людей производством, никто не занимался. А коллекционеры собирали их повсюду, где находили, возвращали им блеск и

чистоту, ставили в свои ниши для созерцания.

«Ника, это ж какая мощная информационная грибница мелкобуржуазности застряла в твоих информационных родовых носителях, что ты настолько обожаешь эти бессмысленные бирюльки», – так снисходительно говорил папа, скрывая определённую брезгливость по отношению к подобному бараклу, но потакая больной жене.

Ксения так старалась, как будто мама вот-вот вернётся и ахнет от счастья, увидев, какой подарок она ей сделала. Она отходила в сторону, смотрела сбоку, поправляла, комбинировала их в соответствии с цветом и формой, чтобы они не просто стояли, как частокол, а создавали определённые игровые композиции, входили в некое взаимодействие друг с другом. Возникло полное растворение в захватывающей игре, она разве что не говорила за них кукольными писклявыми голосами. Она наделяла их особой жизнью, старалась, чтобы ни одна из них не затёрла, не оттеснила другую.

Одновременно с этим занятием, она вспоминала дни и обстоятельства, когда появилась та или иная фигурка, и что происходило в то время. Они, каждая из них, была слепком ушедшего времени. Зримым оттиском дня их приобретения, вспоминались даже отдельные события, но, правда, рассыпанные в беспорядке, как бусины старого ожерелья, и собирать это ожерелье хлопотно, и носить всё равно не будешь. Так что и не стоило всё это усилий. А в коробочку памяти уложить нужно, убрать, мало ли.

Фарфоровые девочки умиляли грацией, изгибами, точёными конечностями, тончайше проделанными оборочками балетных юбочек, выгнутыми ступнями в крошечных пуантах. И ни одной похожей, все разные, все неповторимые. Кармен в красной юбке и чёрном корсете, с розой в волосах, маленькая балерина-девочка, устало нагнувшаяся над завязками пуантов, белоснежная фея Жемчужина, красочная Жар-Птица. Как любила всё это мама, перебирала, протирала пыль, любовалась и играла время от времени. На каждой такой штучке хранилась память маминых прикосновений, и Ксения задерживала их в руках в тщетной попытке уловить её живое тепло, войти в контакт с её давно отлетевшей душой.

– Ласточка моя, как любила ты эту фарфоровую слащавую дребедень, и я, кажется, начинаю её любить.

Вот родной русский «соц-арт», понятно, что это было только его воспроизводство с древних изображений. Сказки. Голубоватые, сине-зелёные с поблекшим золотом одеяния – царевна с царевичем на сером волке, словно окутанные вечерним туманом. Невыразимо-печальная Алёнушка с белейшим козлёночком, гордая Малахитница с каменным сизым цветком и зелёной ящеркой у ног. Красота! Но есть и фарфоровые старички – согбенный дед у волны с золотой рыбкой, дед Мазай на лодке с зайцами, горестная коричневая бабка, заломившая хрупкий локоток, подпирающая кулачком крючконосое личико, горбится у трещиноватого ко-

рыта. Этих вниз. Старые вниз. Чтобы не мешали хотя и старинной, но сияющей фарфоровой молодости. Они плохо сочтались между собой, даже будучи игрушечными.

А вот тут в самой верхней нише будут обитать самые прекрасные дамы из коллекции, чтобы дети не побили, в случае чего. Высший свет, давно не существующий на белом свете, он и здесь занял самый высокий уровень экспозиции. Фарфоровые «пампадуры», как обзывал их отец, с неувядаемыми личиками. В фарфоровых кружевах, в застывших складках пышных платьев, из которых высовывались их розовато-телесные ручки и ножки, плечики и грудки, пили чай из крохотных фарфоровых чашечек, сидя за фарфоровым столиком. Другая пара играла в малюсенькие шахматы, а у ног кавалера лежала малюсенькая же, но металлическая и вызолоченная шпага. Одна из куколок сидела за фарфоровым комодом и смотрелась в настоящее зеркальце. На подзеркальнике стояла вазочка с хрупкими тюльпанами. В руке мизерная щётка для волос. На высунутой кокетливо ножке туфелька с золотой пряжкой. Рядом опять же кавалер с треуголкой в руке. Нагнулся почтительно к другой сидящей даме. Дама в сине-голубом затейливом платье с бесчисленными рюшами, на коленях книжечка, прижатая ручкой в белой перчатке, на пальчике даже колечко с мизерным камушком. У кавалера на камзоле изображены букетики цветов, пышное жабо, короткие штаны и туфли с пряжками. Женственное лицо выражает застывшее неизменное счастье.

У Ксении захватывало дух от радостной игры как в детстве, – в чудесном, залитым ясным негаснущим светом детстве. Ей хотелось и самой стать фарфоровой в бледно-зелёной и сиреневой одежде, усыпанной букетиками полевых цветов, вечно улыбаться бисквитным лицом и сидеть без малейшего страдания, мысли и стремления к чему бы то ни было за чистейшим не разбиваемым стеклом, не пропускающим ни пыль, ни влагу, ни дуновение, ни саму жизнь.

«Да, да! Мелкобуржуазная пошлость», – соглашалась она с давно отсутствующим отцом, – «я такая и есть – вся пошлость и вся мелкость, и что-то было не в порядке с твоими отборными и выверенными в преемственности поколений генетическими носителями, мой дорогой папочка. Что-то там не сложилось у вас с мамой в неподвластной вам информационной глубине. Что-то вы не то и не так сделали, коли породили такую недотёпу».

Заняв руки, глаза, Ксения приводила в порядок свои впечатления о жизни на спутнике, расставляя их тоже по своим внутренним полочкам, нишам. Об Артуре она не вспомнила ни разу. Не было его в её жизни. Настолько хорошо постаралась «премудрая – глупая Эльза» запачкать всё то хорошее, что у них было, что одна только мысль об этом эталоне мужской красоты с его развернутыми плечами, узкими бёдрами, стройными длинными ногами, вызывала болезненный спазм отторжения. Двуличный синеглазый кот со своим мурлыканьем о вечной любви, космический бродяга вместе со сво-

ими тайнами, открытыми первой встреченной пипке, но не ей, Ксении, которую он ни разу не взял на планету «Ксения», не предложил даже этого, был стёрт, как пыль, безжалостно с её внутренней экспозиции. Нет ему там места.

Рудик пытался какое-то время хватать фигурки, капризничал, но Ксену удалось сманить его вместе с тремя мальчишками Рудольфа на свою половину.

Дом ненужных вещей и воспоминаний

Пришло время привести всё пережитое в надлежащий порядок. Всё сорное прочь, то, что коробит, туда же, всё, что побито, запорчено, того считай и не было никогда. Не поддавались выбросу мысли и воспоминания о Рите. Примерно, как огромный загромождающий пространство шкаф, но не обычный, что выбрасывают при помощи роботов-грузчиков, а такой, необычный, что подпирает, скажем, потолок жилого помещения. Тут надо не шкаф ломать, а сам дом.

Рита для некоторых уточнений в той самой информационной базе Ксении, что и необходимы ради получения более высоких пособий на детей, опять предложила ей посетить её роскошный, почти королевский чертог в ГРОЗ. А должность-то у неё была так себе. Но ведь как-то умела она вечно и всюду царствовать. Она возглавляла Центр каких-то психологических исследований людей, обитающих в иноземных

средах, где изучали последствия этого обитания, его воздействие на человека, способы и методы лечения и исправления порушенной человеческой психики.

В её кабинете – огромном холле всё было заставлено ди-ковинными конструкциями, почти незримыми, отчего казалось, что кристаллы и друзы кристаллов висят в пустоте. Камни и срезы, чудесные невероятные порождения подземных духов, узоры и наплывы каменных картин украшали непомерное пространство её царства, будто и не психологом она была, а главным повелителем всей их ГРОЗ. Но Ксения знала её равнодушие, её полное пренебрежение к познаниям о тайной жизни минералов и камней. Всё это было нужно ей, чтобы пускать разноцветную пыль в глаза своим посетителям. Всё это привозил ей её, Ксении, отец, потом Рудольф, мать Рудольфа, и другие тоже понемногу. Они в этом понимали, а она-то что? Как ворона натащила всё в своё воронье гнездо, пусть и дворец. Сидит тут, всех ослепляет, кто бы ни вошёл, сразу уважение ей.

– Зачем тебе? – спросила Ксения, увидев её сокровища будто бы впервые. Даже не скрыла своей насмешки. Она как и отец презирала тех, у кого «вещное мышление».

Рита умела считывать не только эмоции, внешне порой и слабо проявленные, но и мысли уловить, хотя бы те, что скользят неглубоко. И только лишь снисходительно тронула улыбкой свои полные губы, – Существует с исторических давних времен направление, изучающее воздействие кри-

сталлов, камней на психику человека, на его организм в целом.

– Литотерапия? Это же бред.

– Нет. Всё серьёзно.

Рита и сама была, как изделие из цветного камня. Чёрные волосы блестели и были гладкими, убранные в причёску на затылке, глаза мерцали серым кристаллическим и холодным блеском, губы красные, рубиновые и твёрдо – каменные. Платье как подвижное текучее стекло обливало её узкую длинную фигуру, не без женского шарма. Грудь у Риты была почти плоская. Она терпеть не могла никаких излишеств в теле человека. А возраста у неё не было. Каменная дева. Она не стала уходить от дела, презрела интерес Ксении к камням, оборвала её насмешливое намерение проэкзаменовать хозяйку сокровищ. Взяла в оборот сразу, что называется с порога.

– У тебя будет всё в этом мире, чего нет у других, тебе подобных. В том смысле, что они такие же недоучки и неудачницы в смысле личной реализации. С твоей стороны требуется лишь одно. Не напоминать о себе Венду и не искать с ним встреч.

– А я ищу?

– Вот и умница.

На чём и расстались без сожалению с обеих сторон.

Уже дома, отдыхая на своём новом диване, заодно и озирая свою, то есть мамину, коллекцию, Ксения погрузилась

в недавнее прошедшее. Впервые радуясь тому, что этот прожитый ею эон, остался позади. Ксен повёз куда-то детей на очередные развивающие экскурсии, а Ксения могла себе позволить мысленно уже окунуться в тот самый, конфискованный необратимым временем, ушедший за горизонт событий эон. И начала с самого начала. Вот будто книгу собралась создать, для чего и требовалось реанимировать хотя бы подвижность и полнозвучность образов из внутреннего киноархива...

... На Рите и тогда что-то искрилось, не то в волосах, не то на плоской её груди, заодно уж и на юно-высокой по виду шее.

– Есть вакансия биоинженера – разработчика на спутнике Гелия. Поедешь со своим мужем. Работа как раз для него. И для тебя. Там тебе не будет жёсткой дисциплины, ты не из военного ведомства, ты техперсонал, а для таких там – воля. Только работа как конечный результат. А так спи себе хоть сутками вместе с овощами на своих грядках. Они растут тихо, не шумят, а это ты любишь. Для Ксена огромное поле исследований и внедрений своих прежних разработок. По факту нужен лишь он, а ты будешь его ассистент, помощница. У вас будут открыты счета, а это, скажу тебе, не те кошкины слёзки, что вы привыкли с ним экономить. Когда вернётесь, ты сможешь не работать какое-то время, ничего не делать, живя, как тебе хочется. Приобретёшь персональный аэролёт, как был у твоего отца. А не этот общественный с вечно из-

ломанным компьютером внутри и плевками на полу, за который ещё и приходится опустошать личный счёт. Помню, как-то я отправилась на таком, а он вместо Альп приволок меня в Албанию на Балканы. Или ты пользуешься бесплатным подземным общественным транспортом?

– По-всякому. У Ксена есть аэролёт.

– Я тебя умоляю. Это же корыто. Птеродактиль какой-то. Тебе не стыдно? Младенцы и то, наверное, смеются, когда видят это чудо вековой давности.

– Я не избалована. После потери папы я ко многому привыкла.

– И зря. Ты опустилась, моя дорогая дочка. Твой Ксен – монах в миру. О нём и речи нет. Но ты? Ты же была роскошная девочка, шедевр, недоступный абы кому. Ну ладно. Ксен – гений своего рода. Ему доступен язык природы, мира растений. Я не хочу его задевать. Но тебя необходимо встряхнуть. Ты рано собралась в старухи, моя дурочка. Ты не знаешь наших возможностей. Ты не знаешь, какой подарок приготовил тебе твой отец. Не успел слегка. Но я-то на что? Ты возродишься, как Афродита из пены. Ты заблесташь утраченной юностью. Ты унаследовала возможности отца, для чего же он столько и работал?

Ксения не могла поверить своим ушам. Это было похоже на сказку. Но разве не находилась она в сказочном дворце, где и были скрыты сказочные возможности?

– Ты знаешь, что я не лгу никогда. Противно. Говорю по-

этому сразу. За этот тебе дар ты отслужишь на том спутнике столько, сколько выдержишь. У нас здесь, ты же понимаешь, нет добрых фей и бескорыстных волшебников. За всё есть плата. А с тебя она будет чисто символическая. Твоя командировка в далёкий Космос. И вот тут я перехожу к главному. Там, на спутнике, у тебя будет определённый комфорт проживания, а в придачу к нему то, что ты любила всегда. Думаю, в глубине души любишь и теперь.

– Это что?

– Не что. Кто. Мужчины. Самые отборные, сильные космические воины, исследователи. Каких мало встретишь на Земле. Поверь.

– Что мне они? У меня же муж.

– Ксен, что ли? Ну не смейся. Соглашайся. Ксен-то рад. Ксен мечтает о своём доме в районе русского Севера. Вот такая блажь у человека. Готов бежать с Земли хоть сейчас. Но без тебя нет. Но это всё присказка. Сказка же в том, что там ждёт тебя главный приз.

– Что это?

– Не что. Кто. Там Главный Ответственный Распорядитель на спутнике наш общий знакомый. Ну? Догадалась или сказать?

Ксения села в кресло, чтобы не дрожали ноги.

– А он жив?

– А ты не знала? У него там процветание и детей четверо уже. Целый выводок. И тут он двух дочерей оставил. Ещё

одну дочь она родила на Земле другому мужчине. Она старается, пока ты спишь в своем хрустальном гробу, спящая красавица. Где твои дети? Представь себе, с кем он там живёт. И тут появляешься ты, юная богиня. Он не выдержит, и будет опять твой. Ты ведь хочешь этого до сих пор?

– Какая она, его жена? Инопланетянка эта?

– Сложно сказать вот так, одним словом. Она маленькая, даже вроде смешная поначалу, но с неземным притяжением. Я даже не исключаю факт особой суггестии на мужчин, некое волновое воздействие непонятной природы на особые зоны человеческого, не тела! Там всё глубже. Души. Она серьёзная штука. И одолеть её не удалось и мне, если начистоту. Он её любит. Но ты, я уверена, в его прошлом была более для него значима.

Рита оглядела её скептически.

– Вернём тебе твою фантастическую молодость, и вперёд – покорять всех. Ты не разучилась своему прошлому оболъщению? Танцы прежние не забыла, Колумбина?

И Ксения содрогнулась внутри себя. Откуда Рита знала про Колумбину? Неужели он был так болтлив и низок, что всё ей рассказывал? Или подруга – мама Карина что-то наплела? Гнусная мама Карина, злая и мстительная.

– Рудольф, я так думаю, уже насыщен, если не перенасыщен своей семейной идиллией. А там кто тебе будет равен? Сама знаешь, какие женщины туда стремятся к тем отборным мужчинам. Самые ненужные здесь, самые обойдённые,

некрасивые, неудачные. Ну? Согласна?

– Он меня не простил. Я уверена.

– Да когда и было? Он и сам-то такого накуролесил на Троле. Его самого ещё прощать и прощать. А ты была в его вкусе, как никто. Он же любил тебя, как ненормальный. Думаешь, это проходит? Исчезает без следа? Нет. Хотя он, вроде, никогда не вспоминал о тебе, но думаю, как увидит, то всё вернется. Ты же этого хочешь? Тебе же не хватало его всю твою жизнь. А теперь, когда молодость твоя утекла, как кварцевый песок в песочных старинных часах, в безвозвратную бездну, ты страдаешь каждую ночь. Нет? Но к бездне есть ключ, тайный и доступный мне. Да, это непростая процедура. Она сложна и мучительна в некоторых своих моментах. И я не буду скрывать, есть редкий процент неудач. Но ты станешь прежней, Ксюня.

– Неудача это как?

– Неудача означает конец всему. Жизни. Но, какая это жизнь, когда ты раздеваешься, а твой мраморный прежде животик, твоя сводящая всех с ума грудь, ножки, ручки, всё растекается, как кислое тесто? Кожа суха, как кора старого дерева, в каких-то наростах, подтеках. Никакие кремы и омолаживающие уколы не дают длительного, а главное, нужного эффекта. А душа хочет прежнего. Мужского внимания и ласк, их подчинения. Нет?

– Я еще не дожила до этого ужаса, о чём ты говоришь. Я ещё вполне. И мужчины меня замечают. Только мне не

надо ничего. Тогда Рудольф у озера застрял около меня, не узнал, а затормозил, хотя был с девчонкой. А если я и буду тот редкий процент? Я не хочу так рано умирать.

– Можешь и стать цифрой в подобной статистике. И что? Все когда никогда, а умрём. А то, что он заметил тебя у озера, так для разового использования хотел употребить. Для полноты земного бытия решил испробовать просроченную засахаренную дамочку. А потом бы и выплюнул. Да и когда это было? Почти десять лет прошло. Ты сейчас-то себя видишь, кем ты стала в сравнении со своими сверстницами? Да. Учудила твоя маменька! Выкинула финт. Чего Артём думал, я не понимаю.

Каменная симфония рассыпалась на бессвязные цветные фрагменты. На груду брызг и осколков. И они не желали оформляться в голове Ксении в осмысленную картину. Да и не было в её холле никакой целостной картины. Какофония цвета и бессмыслица подобранных бессистемно минералов с разных континентов, разных времён, глубин земных и космических. Всё вперемежку, всё раздражало глаза. Утомляло, давило. Или кристаллы вовсе не были ни в чём виноваты? Рита была похожа на мага в пещере, на древнего экстрасенса – шарлатана, на ведьму, таящую в себе зло и опасность. Она всё, исключительно всё в этой жизни делала всегда и только для себя.

– Ты меня слышишь? Ты сомлела что ли?

И змея подколодная поставила перед нею старинные

песочные часы, заполненные искрящимся кварцевым песком...

Раскачка души от прожитых событий

Прибыв на спутник Гелия, Ксения, как было и задумано, произвела сотрясение всех жизненных основ среди местных мужчин, вызвав чёрный смерч в душах их избранниц и жён. Но Рудольф не узнавал Ксению. Его взгляд скользил по ней, как по девушке, которую он видит впервые. Встречая её, он будто не выделял её особенно-то, смотрел рассеянно и никак. Она была поражена его бритой головой, не узнавая в нём прежнего белокурого Венда. Возмужав за эти годы, он стал горой из мышц и величия. Он был суров и высокомерен, и не вызывал ни малейшего желания подойти к нему и напомнить об их общем прошлом. Наблюдая его со стороны в минуты его благодушия, когда он был ласково снисходителен к своим подчинённым, Ксения испытывала к нему нечто сродни ненависти, отвращаясь от властного, раздавшегося, ставшего полностью чужим, человека. Она непрерывно жалела, что прибыла сюда.

Его жена ничуть не впечатлила её. Ничего иноземно прекрасного в ней давно уже не было. Она утратила свою чарующую непохожесть на всех как-то довольно быстро. Как происходит это с новогодними фигурками, усыпанными пе-

реливчатыми блёстками, оставляющими в руках радужное сияние, но к концу праздника становящимися тусклыми и пыльными, вызывая грусть и скуку. Маленькая, тихая, с быстрыми движениями, и прежними были только глаза, чистые и добрые. Эта её доброта, тишина и примиряла Ксению с её присутствием рядом с ним. Да, впрочем, и он был для Ксении посторонним, неузнаваемым.

Ей было гнетуще, тоскливо, как будто жизнь её закончилась, и она высажена на последней некой метафорической остановке, обдуваемой тёмными враждебными ветрами ледяной пустыни. А обратного транспортного средства нет, не будет, и ей предстоит только неведомый ужас впереди. Или так, как будто ей преподнесли нарядную коробку в подарок, а открыв, она узрела оскорбительную пустоту. Нэя тоже не узнала Ксению. Да и как она могла бы это сделать? Юная тончайшая особа, всех сторонящаяся и замкнуто молчаливая, ничем не напомнила Нэе болтливую даму, встреченную с такой в подмосковном лесу.

Постепенно она притерпелась, стала дружить с молодыми космодезантами, игнорируя женщин. С ребятами было весело, особенно ей нравился один из них, Артур, сын Рудольфа и незабываемой Лоры. Лора вторглась в их первую трещину, вызванную первой серьёзной ссорой, вошла в неё и расширила её до пропасти, в которую и сама потом свалилась. Ибо старая истина, которую все знают, а никто к себе не примеряет до времени, какую мерою мерите, такой и вам

отмерится, кажется придуманной для пустого назидания.

Мальчик – эталон и при этом скромный, живущий так, словно он самый обычный и заурядный, но к разочарованию Ксении женатый и имеющий тут двух детей. Поэтому она сразу очертила Артура запретным кругом и общалась с ним умышленно вскользь. Это было её правило по жизни, не стачивать своих зубов о стены чужих семейных цитаделей. Не вступать в битвы за чужое добро, не вызывать на себя град стрел огненной ненависти. Дружеское незначительное слово и в сторону, подальше от него. Другие, прочие, с кем было просто и весело, не тревожили её как женщину совершенно. С неё сдували пылинки, ею дорожили, её боготворили, но она была замужняя, занятая, а это было святой нерушимой заповедью в замкнутой колонии – занятых женщин не тревожить!

По прошествии некоторого времени она шла как-то из того места, где был, условно говоря, мужской клуб. Ей как привилегированной особе был туда доступ, исключительно благодаря её юной красоте и весёлости, умению их развлечь и порадовать, хотя бы зрительно, а и это дорогого стоило в такой однообразной и страшно оторванной от дома, и опасной к тому же иноземной среде. Она действовала на них как лёгкое искристое вино, они щеголяли перед ней своим умом, юмором. Только Артур был молчалив и недоволен её отдаленностью, которую почуял, но не стал сам приближаться, потому что был болезненно самолюбив. Теперь Ксения счи-

тала, что зря она именно в то время оттолкнула неуверенного Артура, пошла всё же на сближение с Рудольфом. Если бы Артур опередил отца, всё сложилось бы иначе. Там на спутнике что значили её договоренности с Вороной? А Вика так и эдак потерпела поражение, но теперь-то Артур достался ничтожной фифке и дуре. Вот тогда-то в дни её раздумий по поводу вовсе уже не Рудольфа, а Артура, её «прикидываний огурца к носу», как говорил о таких жизненных коллизиях Ксен, она и столкнулась с Рудольфом на полуночном пути из этого славного местечка к себе, к Ксену. Уткнулась буквально носом в его грудь и встала, поразившись его появлению как из-под земли.

– Добрый вечер, – сказал он таким узнаваемым голосом, и было в этом голосе нечто, что не оставляло ей надежды вырваться от него.

– Да уж ночь, – ответила она, невольно дыша его забытым запахом, взволновавшим наплывом оставшегося родным духа. Магнит не утратил своей силы, маленькая опилка души притянулась плотно и мгновенно.

А он тем временем притиснул её к стене отсека в том месте, где их никто не смог бы увидеть. Увлёк подальше от народной тропы с явно недоброй целью. И уже шарил по её телу, оглаживая, как свою законную добычу. А здесь на спутнике его добычей были все из женского состава. Другое дело, что он так не делал, не ходил сытый волк в подчинённую ему овчарню. Не шли они ни в какое сравнение с его Нэей. И она

долгое время наполняла собою и его свободное время, и его жилое персональное пространство. С избытком. Полностью.

Ксения отбрасывала его руки. Не того она хотела. Самое непереносимое было то, что он её не узнавал. А это означало, что не помнил. В темноте она плохо различала его лицо.

Игра ли

это ради развлечения и розыгрыша загулявшей чьей-то молодой жены или напором, вызванным внезапно вдруг накотившим желанием пообщаться потеснее, понять было нельзя. Ясно стало лишь то, что тут мужчины с женщинами церемоний архаично-романтично-бальных не разводят. Ни балов тут тебе, ни романтики. Тесновато как бы, зависли как декорация в ёлочной игрушке на фоне замороженных пейзажей. И точно также как в комнате, пейзажи эти простираются за границей того, что и есть подобие оконного стекла. Защищает от холода, от опасности, но и ограничивает само пространство жизнедеятельности, хотя и не полёт фантазии. Опускаться или распускаться тут никому взаимно не давали, но всякое же наверняка происходило...

– Как же твой Зотов? Ты постоянно бродишь к парням...

– А вы тут ко всему прочему ещё и блюстител семейных устоев?

– Меня мало волнуют устои твоего Зотова. Меня волнуешь ты. Давно я тебя отлавливал, да ты как-то ускользала всё. Ты почему ко мне ни разу не пришла?

– К чему это? Редиска и капуста и без вашего одобрения

или вмешательства растут себе. У меня сфера деятельности мало связанная со сферой вашего контроля. У вас своё, у нас огородников своё. Мы другому ведомству подконтрольны. И мы тут в автономном положении. Так было в договоре.

– Здесь все подчинены мне. Вокруг же бездна, или ты не в курсе, где проснулась?

И только когда он дёрнул её за ворот комбинезона, явно для того, чтобы его открыть, ну и нравы тут были! Ксения вскрикнула, – Прекрати, Мерлин подкупольный! Ты слишком разыгрался!

И он замер, прикоснувшись к ней всей грудью. Это было похоже на темноту и духоту того леса, где они стояли в день его свадьбы.

– Значит, мне не померещилось? Но как...

Прошлое всегда где-то сбоку. Только протяни руку....

Так сложилось, но Ксении пришлось покинуть сцену из-за Рудольфа. Утратив свое порхание, расплющенная земной силой тяжести, она доставила столько горьких минут маме, когда та поняла, что не суждено её дочке стать воплощенной мечтой матери. Мечта так и осталась несбыточной, застыв напоминанием этому в виде её маленьких фигурок балерин, зарастающих пылью, а впоследствии и вовсе убранных в ко-

робки и втиснутых в стеллажи кладовки. При этом мама бодро говорила, – Как хорошо, Ксюня, дышать легче стало. А то не дом, а лавка старьевщика. Пошлость всё это. Безвкусица. Китч.

– Это что значит «китч»?

– Подделка под подлинность, слащавая красота, примитив, мнящий себя искусством.

Ну, китч так китч. Ксении до них не было и дела. Поиграла мама и бросила. Убрала и, правда, светлее стало, чище. Пыль не так заметна. Ксения же стала учиться на биофаке в Академии Космопоиска. В ту пору их любовь была в упадке, но временами вспыхивала с прежней силой, чтобы опять, мерзко чадая, угаснуть до времени. Дело доходило и до взаимных драк. Ксения была из тех, кто на удар отвечает двумя. Так учил её отец. Или всё дело было в её воинственном характере. Она не уступала ревнивому космодесантнику ни в одной ссоре, обзывала его и первая налетала, царапая и стуча кулаками по его могучей груди.

Как-то в Академии, куда он напросился вести у них практику по освоению посадочных модулей перед стажировкой в купольных оранжереях искусственного спутника, она увидела, что он блаженствует за чашечкой кофе с Лорой в ближайшем к учебному корпусу кафетерии. Ксения ни за что не хотела, чтобы он появлялся у них. Как чувствовала, что увидев такое количество хорошеньких девчонок на расстоянии вытянутой руки, будущий космодесантник, а в насто-

ящем курсант из казармы обязательно решит попробовать себя на предмет своей мужской неотразимости. Ведь во время обучения он оставался наедине с каждой из девушек в закрытом пространстве тесного модуля на некоторое время, чтобы терпеливо объяснить каждой из тупиц, как и что. И никто, в общем-то, его не впечатлил. Так поначалу решила Ксения.

Она успокоилась. Она так и осталась для него непревзойдённой. Лора сама стала задевать его и делала это постоянно на пару со своим Рамоном. Да только Рамон оказался не в курсе, что Лора влюбилась в космодесантника. Рамон стал ширмой, за которой Лора – шкодливая девчонка пряталась после каждой насмешливой выходки против Рудольфа Венда. Рамону доставалось, а она отстранённо стояла в стороне, опустив редкостные ресницы, главное её сокровище, и взмахивала ими, запуская в разъярённый объект насмешек синие лучи невинного взгляда. Она не умела одеваться, носила платья-балахоны. А тут она преобразилась. Стала носить уже узкие короткие платица, длинные стройные ноги напоказ, сменила пигмент волос, став яркой блондинкой. И кофе пить уходила в самый удалённый от места учебы кафетерий. Он был расположен на озеленённой крыше здания, парил над парком, но туда редко ходили студенты биофака из-за нехватки времени. Пока кто-то из их группы не донёс об уединениях Лоры и того грубого десантника, что вёл у них практику по модулям. В том самом парящем кафетерии

они и миловались, мурлыкали, о чём-то беседовали, нежно соприкасаясь щеками, о чём-то заманчивом и таинственном для окружающих. Иногда они вызывали аэролёт и улетали вместе. Куда? Да кто знал?

Лапуся Рамон по фамилии Грязнов бродил одинокой тенью в тенистых аллеях парка, Лора же всё хорошела, будто Рудольф любовно отшлифовал несколько блёклые грани её существа, и она заискрилась и заиграла, преломляя в себе лучи и расщепляя их в радугу. И что оставалось Ксении? Такой же выцветшей тенью, как Рамон, она скользила по их следам, но они умело прятались от неё. И дело закончилось их свадьбой в тихом лесном ресторанчике рядом с посёлком аграриев, где и жила Лора. Со стороны жениха прибыл только папа Паникин. Ксения узнала о свадьбе от сокурсниц и притащила туда Рамона, хотя их никто не приглашал. Это был отчаянный выход, и платье Ксении имело наряду с вызывающим фасоном, полностью оголяющим её прекрасную спину, траурный оттенок. Оно было тёмно-фиолетовое, почти чёрное. Пышный подол был собран вокруг бёдер, как елочная гирлянда, точёное узкое тело бывшей балерины несло в себе вместе с отчаянием невероятную вызывающую красоту. Она пришла намеренно позже и затмила невесту. Отныне на неё одну все и смотрели. Светло-голубое платье невесты показалось дрянной тряпкой, обвисшей на прямой и лишённой женственных форм фигуре.

Скромник жених, притихший на своём месте в светлом

же стальном костюме, задеревенел лицом при виде диковинной пришелицы, прилепившейся к Рамону, её не сразу и распознали, вот что значит театральная выучка! Отенок кожи густо-кудрявого тёмного шатена Рамона напоминал сливочное какао – он также привлекал внимание. Это был тот самый удар, который обрёк их будущий брак развалиться тотчас же, едва ли не на следующий же день. Лора совершила глупость, и она знала об этом всё время, пока жила-мучилась с неверным муженьком. Всем казалось, что это свадьба Ксении и Рамона, потому что как вошли они, так и оставались центром всеобщего веселья.

Но в дальнейшем из их актёрского дуэта ничего не вышло. Рамон был Ксении не нужен. А в тот вечер равных ей не было. Фиолетовые и нежно-сиреневые аметисты блестели на шее, в ушах, браслетах. Кожа, не способная загорать, сияла под рассеянным освещением потолка, оттеняемая тёмным и глубоким цветом наряда. Лора казалась в сравнении с нею унылой сорной лебедой рядом с экзотической бархатной розой. Ксения нашла силы подойти к ней, обнимала и желала счастья, мысленно желая ей только краха и скорейшего. Рудольфу хотелось исчезнуть с собственной свадьбы, сделать вид, что это была неудачная шутка, но кто бы ему позволил?

Она слегка опьянела и была уверена, что после всего Рудольф ушел из неё уже навсегда. Ненависть к нему была такая, что прежнее чувство шипело и чернело под её воздействием, как от ядовитой кислоты, и шло удушающее испаре-

ние, в котором Ксения задыхалась. Только чудом она не подошла и не ударила его свадебным бокалом по лицу, не разбила о его лоб хрупкое и ни в чем не повинное стеклянное изделие, и чтобы не сотворить такое, хлопнула бокал об пол, а все заорали: «Горько»!

Лора повисла на Рудольфе, тянулась к его лицу, а этот истукан кисло подставлял себя, не разжимая надменных губ. Положение спас папа Паникин, затеяв свой бесконечный тост. Трудно было сказать, узнал ли он Ксению, или уже забыл начисто, или считал её баловством сына.

– Живите ради детей, – начал этот вечный беглец от своих собственных детей, которых имел по рассказам Рудольфа немало.

– Для чего нам и даётся любовь, как не ради детей? А сколько чистой радости дают нам их родные души, их доверие, их преданность нам. Они отвлекают нас от самих себя, вечно недовольных, вечно эгоистичных, зацикленных на своих лишь переживаниях и часто мнимых неустройствах. Они нам как лекарство от самих себя.

Никто не слушал его занудство даже ради приличия. У стариков была своя свадьба, у студентов и приятелей-знакомых Лоры своя, у Рудольфа, одинокого на собственной свадьбе, непонятно что происходило в душе. У Ксении и Рамона своя игровая постановка – феерический водевиль на публику. О позор! Они, помнится, и пели что-то, орали, как и все вокруг.

– «Вот она любовь, вот она любо- о -овь! Вот она любо- о -овь безответна – а – я»!

Там кукушка кукует....

Песня была грустная, как и большинство русских застольных песен, а все подхватили с весёлым крикливым и архаичным задором, кто в лес, кто по дрова.

«Там кукушка кукует, моё сердце волнует. Я хорошая, я пригожая, только доля плохая»...

А это откуда? Из каких таких музейных закровов? Это что-то осталось в ней невнятным обрывком мелодии-стона после прослушивания любимого музархива. Нет. На той гулянке никто так не пел. И слов таких не знал. За гулом, за топотом, за шумовой завесой была скрыта, корчилась их с Рамоном раздавленная и оплёванная любовь. У каждого своя.

Незримая кукушка пророчески меланхолично и где-то за пределами далеко кликала о грядущих неурядицах в памяти Ксении. Как в том майском лесу, когда она, семнадцатилетняя, прекрасная, встретила и помирилась с Рудольфом, лёгким и прекрасным, и жил он к тому моменту на свете всего-то двадцать один год. Задолго до его знакомства с Лорой, до его отлёта на Трол, после которого он так и не вернулся никогда. К ней.

А тогда, на свадьбе той, Ксения поняла, что он сказал ей

правду, что Лора порядком уже беременная, и живот заметен, если приглядеться. Она зарыдала в голос.

Рамон вывел её в лес. Они долго гуляли среди клёнов и старых густых лип, и он пытался её веселить. Шумел настолько сильный ветер из-за резкого прибытия холодного атмосферного фронта, что казалось, по вершинам деревьев носится скоростной экспресс, ломая сучья, ветки, что вместе с листьями сыпались на дорожки. У Ксении дрожали голые плечи. Рамон в белой тончайшей рубашке, вспотевший, горячий и взбудораженный, утративший ориентацию в пространстве и вообще везде, отдал Ксении свой смешной оливковый пиджак. Он был похож на карнавальный персонаж со своей кудрявой головой и смеющимся бессмысленно ртом. Реликтовая бабочка-галстук болталась на его голой шее, так как ворот рубашки он расстегнул. Он орал ту самую песню: «Напилася – а – я- а пьяной, не дойду я –а до дома»... «Там кукушка кукует, моё сердце волнует»! Или же не пел он ничего, и вместо него пела память Ксении. Лес гудел. Кукушка молчала.

Подкараулив Рудольфа в холле ресторанчика, она будто случайно изогнулась перед ним, якобы с намерением поправить ремешок у расшитой камнями туфельки. К нему задом, к пиршественному залу передом, как избушка в сказке, но он-то расшифровал её умысел, он знал все её уловки и манки. Ксения ела из одной вазочки с Рамоном одно мороженое на двоих, целовала губами холодную ложечку, согревая со-

держимое в ней лакомство, лизала его язычком. Рамон лез к ней, как надоедливый уже телок, мягкими полными губами хватая мороженое огромными кусками. Потом он притащил откуда-то большую ложку и грёб ею торт – мороженое с большого уже свадебного блюда, наполнял им вазочку Ксении и жадно сглатывал то, что было на ложечке Ксении, а Ксения заливалась смехом, умышленно громким, понимая, как полыхает внутри Рамона ад и горе, которые не было способно остудить мороженое.

Бледная Лора, и это было странно и смешно, если и не ревновала Рамона к Ксении, то следила за их игрой с завистью. Она была в отдалении и не могла почувствовать внутренних, испепеляющий Рамона жар, она думала, что ему весело и хорошо. Всё это время Рудольф не сводил глаз с Ксении, забыв, что он на собственной свадьбе, а рядом невеста в нескладном платье. Ксения продолжала его дразнить. Потом встала и покинула зал, а он выперся за нею, будто тоже по необходимости. И уже в тёмном ночном лесу всё произошло у них со злой и не собирающей их оставлять страстью, под гул того злого ветра и безмолвие всего остального. Затем Рудольф вызвал аэролёт, затолкал туда Ксению и отвёз её домой. Перед домом он почти вышиб её на площадку. Злость испарилась, несчастье осталось.

– Скажи всем, что это маскарад! Шутка!

– Это ты шутка. Маскарад. Гримаса Коломбины. Лора настоящая, и я её люблю, – и отпихнул. Песчинки, взметнув-

шиеся от струи воздуха больно ударили по голым ногам. Фиолетовый подол, собранный тонкой ниткой в пышную фантазию у бёдер, так что она была похожа на фею, высунувшуюся из фиолетовой розы, был оборван, он защемил его закрывшейся сферой аэролёта, Ксения дёрнула подол, и нитка распустилась. Ксения потащилась в дом с фиолетовым хвостом позади, подметая уличную плитку дорожки, и была похожа на птицу, волочащую за собой сломанное тёмное крыло. Мама, конечно, ничего ей не сказала, но поняла, что всё плохо. Отца, к счастью, дома не было.

Но пока Лора носила в себе будущего красавца Артура, чьим отцом был то ли Венд, то ли некто неизвестный. Потом на него – на невинного ребёнка и возложит непутёвая мать собственные грехи. Столь же непутёвая Ксения третьей лишней влезла в их святой брачный союз, поскольку таким его не считала, а третьей лишней считала как раз Лору. Лора не умела мстить изменнику, любя его до безрассудства, да он и отбыл вскоре так далеко, так надолго, что всё равно что умер для несчастной соломенной вдовы. Лора отомстила тем, что перестала любить сына, отбросила его любителю длинных тостов деду Паникину. Но так случилось несколько позже, а не тогда, когда Рудольф и Ксения продолжали совместное безумное житие-бытие, прерываемое его семейной жизнью с Лорой. Или Лора и Рудольф вели совместное житие-бытие, прерываемое его любовными загулами с Ксенией. Они скитались по разным местам, и определённого места

у них не было. То дом его матери, невыносимый для Ксении, то вечно пустующий и неряшливый дом Паникина – папы, то дом родителей Ксении, когда отбывал отец, а в последнее время он делал это всё чаще и чаще. Маленький мальчик Артур окончательно переселился в детский космический городок для тех, чьи родственники осваивали просторы Вселенной или же навечно там канули. Но и это было гораздо позже того печального дня, когда разудалый гуляка Венд отбыл на Трол. А в те дни их «тройственного союза» Ксения уже не лила слёз, не могущих ничего исправить, и ущербная любовь приносила ей такое же ущербное счастье. Да и Венд прежним уже не был. Она стала его аномалией, грехом, пусть и не религиозным, но нравственным. Он уже успел привязаться и к Лорке, жалел её, и всё равно бросал одну, когда тоска гнала искать Ксению. А Ксению терзал оскорблениями и ревностью, отлично понимая всю абсурдность предъявляемых обвинений. Уверял, что именно она, Ксения, мешает ему хранить верность Лоре, а он того только и хочет, и если бы она его разлюбила, ему было бы проще и легче жить. Ксения тоже в долгу не оставалась.

– Ты всё врешь, – говорила она, – ты прогнулся перед моим отцом.

Он сам ей рассказывал, как отец Ксении вызвал его и сказал: «Или ГРОЗ или катись, в случае если не оставишь мою дочь в покое. Мне всё равно, кто с нею будет, но это не должен быть ты! Оставишь её – служи, я даже помогу тебе, нет –

я выкину тебя и её за обочину моей жизни, и буду жить так, что у меня нет дочери. А за что вышвырнуть тебя из структуры ГРОЗ, я же найду предлог. Ты же понимаешь это. Если уж с твоим отцом я сумел такое проделать, то с тобой и по-давно». Что там было с тем забавным Паникиным, Рудольф никогда не говорил Ксении, она не спрашивала. Всюду были свои интриги, свои битвы и вражда, соперничество и зависть, тайная подлость и жажда власти. Жажда вершин, на которых всегда тесно, где лишних и менее ловких сбрасывают вниз, а в лица оставшихся дуют ледяные ветры чёрного вселенского одиночества. Мир людей, меняясь социально и технически, мало менял самого человека.

– Тебе всё равно я или Лора?

– Раньше не был нужен никто, кроме тебя, а теперь мне всё равно. И ради тебя я не собираюсь, как в подростковом возрасте стоять на распутье и выбирать кем стать, как жить. Ты уже не та девушка, ради которой я мог бы пойти поперёк твоему отцу.

– А ради кого мог бы?

– Таких не существует.

Ксения обнимала его за шею, трогала волосы, светлые и вьющиеся, они были жёсткими на ощупь, как и он сам. Где был тот человек, который любил только её одну? Тот, кто мыл её ноги в лесном озере, приходил ночами в лес недалеко от их дома и ждал её под соснами, освещённый новорожденным месяцем. Невозможно было себе и представить тогда,

что он будет жить с другой, что он вышвырнет её со своей свадьбы с этой другой.

– Зачем тебе Космос? Что в нём? Ты можешь стать геологом, как и хотел, попасть в составе геолого-разведывательных экспедиций на другие планеты, если тебе так хочется. Давай всё начнем сначала. Я согласна на любые трудности, на простую жизнь в самом простом семейном отеле. Что мне мой отец?

– Ты согласна, а Лора как? А ребёнок? – он не сказал тогда «сын», сказал «ребёнок».

Рудольф ушёл и не обещал вернуться....

Он забыл её настолько прочно, что не узнал даже тогда, когда прижал к стене отсека, как случайную подвернувшуюся ему ко времени бродяжку.

– Ксюшка? – прошептал он с присвистом. А что означал тот взгляд у фонтана утром, в первый её выход под купол спутника? Когда он узнал и ясно дал понять, что узнал. В укромной расщелине между двумя жилыми отсеками он продолжал играть в удивление и неожиданность открытия, – Разве это ты?

– Ну, ты и слепень! – игра, а то, что он играл, было уже ясно, раздражала Ксению. Мужчина должен быть прям и открыт. И все эти подростковые игры в надуманные лабиринты

тяготили и не вызывали желания их анализировать. – Я-то поначалу думала, что ты только изображаешь, что не узнал из-за своего двойного почетного статуса ГОРа и многолетнего семьянина.

– Я и не глядел как-то, чтобы пристально. Загруженность. Вижу, девушка похожая, но времени-то сколько прошло? Тридцать с лишним почти. Как же ты докатилась до жизни тут? Я же думал, что ты порхаешь в таких высших сферах, что и не разглядеть тебя нам, тем, кто внизу, да ещё и отсюда. Как же отец – космический орёл не позаботился о тебе? Не нашёл какого-нибудь очередного туза?

– А ты? Служил, служил и дослужился? За что тут?

– За всё. За хорошее и за плохое, – он пытался в темноте рассмотреть её подробнее. – Ты какая-то другая стала, – и лез без всяких церемоний в целях исследования неопознанного сразу, залётного и загадочного объекта. Ксения прижалась и замерла, как идиотка, как тогда в своём прошлом, где он её не ценил, раз забыл навсегда. Кто-то прощуршал в полутьме совсем близко, кому-то не спалось и не сиделось в замкнутом пространстве.

– Пошли ко мне, – и вся его важность и непоколебимая устойчивость семьянина исчезла, как исчезала она и в прошлом в те времена, когда он неудачно и поспешно женился.

– Как же? Семья? Жена...

– Она дома. Спит давно. Я редко там живу. Не мешаюсь ей. Даю отдых, она устаёт от жизни здесь, от детей. Их же

четверо. Пошли?

В вопросе был приказ идти, не мешкая. Это было следствием многолетней привычки повелевать всеми, кто рядом.

– Я же с мужем тут, – Ксения с возмущением оттолкнула от себя его руки.

– Надо же было постараться отыскать себе такого. Осталась балетная привычка к сказочным эльфам?

– Он хороший. Лучшего мне и не надо.

– А я его вспомнил, – вдруг засмеялся он, – у нас же тренировали память. Он вечно стоял после твоих спектаклей с пёстрым веничком в руках и жалко так глядел тебе вслед.

– Его вспомнил, а меня нет?

– Я ещё тогда дал себе установку забыть тебя. Заблокировал. И всё. Мне было тяжело тебя помнить. Я же любил тебя. Ну, не ломайся. Если я всё вспомнил, я не отвяжусь.

Вот так просто, обыденно произошла их встреча после длительной разлуки. И не было никакого потрясения у него тем, что дан ему был повторно дар её юности. И Ксения пошла в его отсеk. И в тесном жилом отсеке рядом с его рабочим помещением, с его командным пунктом, где не было ни малейшей не то что роскоши, но и минимального уюта, на узкой казарменной постели всё и вернулось к ним. А доктор «Пигмалион» из закрытых и тайных центров омоложения сыграл с Ксенией шутку, он вернул ей, пятидесятилетней по опыту прожитой жизни, но ставшей восемнадцатилетней по физиологии и внешности, вернул ей, стыдно ска-

зять, её девственность. Вначале она решила, что отвыкла от такого мужского и яростного напора, от партнёров могучей комплекции,

Она закричала, поразившись сильной боли, пока ещё не соображая, кому предъявлять претензии за случившееся. Эскулапу из засекреченного Центра ЭДЭМ или утратившему чувство меры огрубевшему владыке купольного города, а заодно и целой планеты. Таковы были минуты послевкусия от супружеской измены и прихода в себя. Он тупо и ошалело смотрел на своё ложе многолетнего одинокого сна, где отдыхал от супружеской и тесной жизни, наполненной криками, плачем и возней маленьких детей. Ни одна женщина не соприкасалась с поверхностью этого отшельнического ложа, и понять произошедшее было сложно, тем более отуманенной и опустошённой произошедшим головой.

Поначалу он решил, что она не предупредила его о своей временной и сугубо женской неполадке, видя кровавый маркер на собственной постели для служебного лишь отдыха. Но само её поведение такое положение дел опровергало.

– Может, это всё же не ты? – задал он нелепый вопрос. – Ты просто разыграла меня? Используя знания о событиях моего прошлого? Ты её дочь? Но Рита ничего не говорила мне о том, что у Ксюшки есть дочь. А этот Ксен-фантик твой папа? И ты, девственница, пошла к чужому мужику в его логово? Если уж не каждый отец пасёт своих дочерей как белых гусынь на лужке, мать-то как отпустила тебя сюда, девочка?!

Он не отрывал рук от неё, – нежная узкая и юная девушка не могла быть Ксенией из прошлого. Он осматривал её руки, ноги, как будто она была фантомом. Как будто он пребывал в некотором расстройстве, и не переставал при этом её жалеть.

Ксения могла бы сыграть на его заблуждении, и он не посмел бы уже относиться к ней так, как стал относиться впоследствии. Но не была она способна на игру подлую и недостойную. А он будто прочитал её мысли.

– Можешь не напрягаться в своем мыслительном процессе. У меня есть действенный способ проверить, кто ты.

Зловещая загадка, оставленная Рамоном

Он нажал известную ему точку в стене, и там вскрылась маленькая ниша. Из неё он извлёк странный браслет в форме изогнутой пантеры, хватающей лапами диск. Подойдя к ней, он прижал к её предплечью холодный металл. Ксения вздрогнула от непонятного страха.

– Не пугайся, – он ласково погладил её и лег рядом, любясь браслетом. – Красивая штучка. У неё прелюбопытная история, и я сейчас расскажу её тебе.

Диск в лапах пантеры стал розоветь. Спустя короткое время он сделался алым. Рудольф продолжал любоваться непонятной игрушкой. Вскоре круг в лапах пантеры-браслета принял свой прежний цвет.

– Ну вот, – сказал он, – я всё понял. Ты не дочь, и это проще для меня. Не хватало ещё мне влюбиться. Так это всё же ты, моя порочная старушка-девочка, – при этих словах он без особых церемоний овладел ею повторно. Но Ксения и не сопротивлялась. Счастливая и без всяких уже мыслей, она надела странную диковинку на своё запястье, и диск опять порозовел и опять стал алым. Он грубо вырвал браслет из её рук и засунул под свою подушку.

– Опасная игрушка. Это приговор таким, как ты. Смертельный приговор, окажись этот браслет в руках его подлинного владельца, а не у меня.

Любуясь уже её испугом и непониманием, он стал целовать её точно так же, как делал и в прежние времена. Очерчивал этими прикосновениями контур её лица, после чего полизал её в губы.

– История любопытная для таких, как ты, счастливицков. Но ты там среди этих членов «Туманности будущего», причем они пишут слово «туманность» в её последнем слоге через букву «а», и это мотивированная ошибка. Расшифровка такова: – тело, ум, молодость – ангелы настоящего и будущего. Красиво. На других языках своя аббревиатура. Ты низший чин, и тебя не посвятили во многие их тайны. Но нет таких тайн, которые не постигла бы участь общественного присвоения. И тайны становятся тогда никому не интересными.

Тебя включили в этот союз избранных по одной простой

причине. Твой отец зарезервировал местечко для себя на будущее, а сам сгинул. Ну, Рита, как его верная вдова, хотя не исключено, что вдова соломенная, и он ещё объявится, быстренько воспользовалась правом места и отдала его тебе, чтобы не завладел посторонний.

В среде этих людей, как часто это и бывает, возник свой революционер. Он решил так, если они не хотят поделиться рецептом молодости с остальным человечеством, если понимают несовершенство и большую дороговизну процедуры, то они не имеют человеческого права пользоваться этим втайне от остальных. Благородный человек! И он основал нечто вроде воинского ордена убийц для этих людей-перерожденцев. Он и создал браслет – детектор на их выявление. Металл диска особенный. Он сразу вступает в реакцию с кожей такого юного «ангела» – старика, по сути. И меняет свой цвет. Так тайный убийца застрахован от ошибки ликвидации случайного человека.

Сам вождь, назовём его так, обладает массой талантов. Он умеет менять внешность, да это и нетрудно при наличии множества сторонников из числа врачей, меняет свои данные о возрасте, имя и прочее. Его трудно, невозможно найти его врагам. Но однажды вычислили и в отместку убили его семью, всех, даже внуков. Взорвали купольный город на одной из планет, где они обитали. И всё. При этом угробили массу остальных людей. Это было как бы в назидание мстителю и борцу за справедливость. Вот тебе твоя справедли-

вость. На всех! Но главаря тайного ордена не поймали всё равно.

Самое забавное, моя малышка, что я двадцать лет работал бок о бок с ним на Троле, и он был превосходный и добрейший человек. Наш врач и родной отец всем моим подземным штрафникам, он не мог обидеть и бабочку. Кстати, о бабочках-однодневках. Он сумел вернуть юность и моей жене, тогда-то я и заинтересовался им по-настоящему. Там, на Паралее, она имела несчастье заболеть, утратила довольно быстро свою немыслимую красоту, непрочную, как и всякая красота в мире. И этот чудесник не смог, а он полюбил её, не открыть своих возможностей. Нам всем он возвращал там только утраченный пигмент волос, кто был этим озабочен, сам он был бел, то есть полностью седовлас, пренебрегал этим кокетством, презирал мужчин, озабоченных внешностью. Его недооценили, понятно. Он оставил на Земле разветвлённую сеть из своих адептов и приток новобранцев не иссякал в его рядах.

Один из его приверженцев, молодой фанат справедливости, попал за попытку подобной ликвидации статусного и вечно молодого старика в полуую планету пожизненно. Но когда там произошёл бунт, он спас всех жителей на поверхности, за что и получил амнистию, как раскаявшийся полностью. На Земле он стал изгоем, обречённым только на низшее прозябание обслуживающих слоев малоценного человечества. И он стал проситься опять на любую работу низше-

го техперсонала, но только в Космос. Его не брали нигде. И это закономерно. Но здесь на спутнике Гелия в первое время были адские условия существования, и сюда брали много кого, а также и преступников, которые работали в недрах, пока спутник осваивали для поселения. Я, по своим личным уже соображениям, брать его не хотел.

Рита снизошла. Великодушная. Ты её не любишь, а она редкий человек. Она его зачислила в низший воинский контингент. Он прибыл сюда со своей космической женой. Ну, теперь ты знаешь, что это такое. У этих людей существуют свои тайные пособия, по которым они определяют этих «ангелов будущего», за которыми и начинают охоту. Сама понимаешь, они не подходят ко всем встречным и поперечным и не прижимают к ним свой браслет. Будучи человеком, посвящённым в приметы таких избранных, он стал наблюдать за Ритой, когда она появилась здесь. Может быть, он и был ей благодарен, но у них свой кодекс чести, где личное расположение на последнем месте. Было чистой случайностью, когда я вошёл в один из отсеков, где он готовил Риту на заклятие. Он уже собирался направить ей в грудь, в сердце своё оружие, а они убивают особо жестоко. Конечно, что он был в сравнении со мной? Он же не получил такой подготовки, поэтому я вышиб из его рук оружие. Я не стал связываться с Землёй, чтобы отправить его отсюда для суда, но не стал его и ликвидировать, как настаивала Рита. Он сидел в подземельях. А мне было жаль его убивать. Можешь себе

представить? Но и на спутнике я не мог уже его оставить. Что было сделано? Как думаешь?

– Ты выбросил его в открытый Космос? – спросила она, ужимаясь от невольного страха.

– Я же говорю, я не хотел его убивать. Потому что он стал мне невероятно симпатичен. Но и оставить его не мог. Я предложил ему жизнь в обмен на информацию, которая меня интересовала. Я сел с ним в межпланетный челнок. И отправился на планету, на нашу «Маму». Там я его и оставил. А впоследствии на место его высадки, скинул сломанный модуль, чтобы все поверили в его неудачное приземление и дальнейшее исчезновение без следа. Никто же не знал о его тайной принадлежности к секте «Ловцов обречённого будущего». Поэтому их и прозвали «лбы», от сокращения «Лоб», у нас же страсть к аббревиатурам. И Рита не узнала о том, что я оставил ему жизнь. А ты знаешь. И можешь меня теперь шантажировать такими сведениями. Но ты не будешь никогда. Я знаю.

– Значит, на планете живёт человек? Поэтому мне кажется, что она одушевлена. И кто-то смотрит на меня оттуда.

– Может, живёт, может, уже и нет. Там вполне могут оказаться дикари местного эволюционного производства.

Немного о грустном – о Лоре

Краткий миг воспарения в былое счастье быстро сменился привычным заземлением. Но он и прежде доводил её контрастами, а розовощекую Лорку укатал до психического расстройства.

Ксения хмыкнула, вспомнив, как недалёкая лыжница стала рыскать в информационных хранилищах в поисках исторической лабуды, чтобы соответствовать интересам своего роскошного в её мнении «космического воина», осчастливившего её своим выбором. Уж так осчастливил! Оставил после своего отлёта на Земле исхудавшую, как лыжную палку, еле державшую в своих иссохших ручках синеглазого потомка «королевских династий», правда, смешанного с незнатной кровью разудалых казаков. Да и сама осчастливленная не могла похвастаться исторически выдающимися генами. Или же гены скромно умалчивали о своих былых подвигах и достижениях в былых временах.

Всё это было бы смешно, если бы не закончилось психическим расстройством Лоры. Однажды она вышла из дома и забыла, кто она, как её зовут и куда ей идти. Она вдруг очнулась как от сна в каком-то аэролёте, не помня как там оказалась, и обратилась к попутчику, отчуждённо сидящему рядом, не подскажет ли он, как ей добраться до Трола. Она купила вишни и везет их мужу, он их ужасно любит, и он

ждёт её. Она стала искать корзинку с вишнями, но, понятно, найти не могла. Вишня была где-то потеряна. Также она поведала ему, что ей пришло сообщение, и что удивительно! Без всякого посредства той же Галактической Связи. Причём же тут ГС? Так спросил заинтересованный попутчик.

– Ну как же! Ведь Трол – планета, открытая Трофимовым Олегом. А вы думали, что это название населённого пункта?

– Как же сообщение? – Напомнил ещё более заинтересованный попутчик.

– Да я была у него сегодня ночью, – ответила несчастная брошенная жена. – Мы ели вишни, и я была в том самом платье, которое сшила сразу же после нашей свадьбы. Такое платье было у той девочки из нашей группы, у Ксении, и я поняла, как нравится ему красное платье. Тоже себе заказала такое же. Я ходила к его шефу, стояла на коленях, просила отослать меня к нему, но он пригрозил отправить меня в Центр психического восстановления. И, правда, вызвал какого-то человека, очень похожего на вас своей пышной шевелюрой. Лысый же деспот велел меня сдать охране. Я попала туда в их небоскрёб, потому что я украла код допуска у мужа. Если ещё раз придёшь, сказал мне лысый, полыхая злыми глазами, попадёшь на острова системы «Сапфир». Больше я не пойду в ту страшную гигантскую ракушку».

– Чем же она так страшна? – спросил у неё человек, ставший свидетелем неадекватного поведения молодой женщины.

– Она же обладает нечеловеческой архитектурой, – ответила Лора. – И это не случайно. Мама уверяла меня, но я не верила, что их там обрабатывают особыми методами, и они утрачивают человеческие качества. Я лично в том убедилась. После этой космической каменной ракушки, когда я вышла из неё, я забыла там своё имя. И не могу его вспомнить. Я только помню, что у меня есть принц Артур. Но не помню, где он. Не помню, была ли я с ним, когда ходила к тому лысому тирану или же нет?

– Принц? Это его имя?

– Имя – Артур. А принц это потому, что в нём течёт королевская кровь. Но кому это важно теперь? Это же смешно. К тому же ещё в древности его предки по линии отца вступали в мезальянс с людьми другого уровня социального конструкта той эпохи. Теперь никого не волнует, чья у кого там кровь. Но тогда! Я понятия не имею, как мне попасть на Трол, но и своего маленького принца я тоже потеряла. Где он?

Человек заботливо вызвал нужную службу помощи для несчастной женщины, заодно он обнаружил закрытого в квартире семейного отеля маленького мальчика, которого она оставила, того самого «принца Артура». Ребёнок радостно играл в своём манеже и даже не плакал, видимо, привыкнув к маминым частым отлучкам. В манеже рядом с ним находилась домашняя белоснежная кошка. Сам мальчик румяный и сытенький, ничуть не заброшенный, угощал кошку из своей бутылочки с кисло – молочной смесью. Кошка не отка-

зывалась от угощения, заботливо облизывая и губки ребёнка. Лора была заботливая мать. Но кошка всегда своевольничала, оставаясь без присмотра, и поэтому забралась в манеж к мальчику. Вреда ему она причинить не могла, как уверяла потом Лора, но тот человек, а это был Ратмир, ничего и никому не рассказал о кошке, только шефу. Также он не стал рассказывать никому постороннему, что мальчик был оставлен матерью в полном одиночестве. Ребёнка тотчас забрала мать Лоры. Иначе Лору могли лишить материнских прав на сына.

Всю ту печальную историю Ксении рассказал отец, потому что тот случайный попутчик Лоры и был один из космодесантников, дежуривший в офисе её отца в тот день, Ратмир. Он и провожал Лору домой по приказу шефа, а уже в процессе общения с ней ему и стало ясно, что она утратила адекватность происходящему. После своего выздоровления она отказалась от своего «принца» Артура, что, впрочем, не мешало ей без всякого чувства вины навещать его у деда и считать себя нормальной матерью.

Как бы и подневольная страсть

– Так что же, – спросила Ксения у него, – твоя жертвенная, послушная и воздушная инопланетянка утратила свою незаменимость?

– Она устаёт. Я же тебе сказал. Я её люблю, жалею.

Непостижимо, но было так, их мысли текли в одном русле, он озвучил то, о чём она думала.

– Артюша- генерал думал, что упёк меня в преисподнюю, а на деле там был почти рай, если не замечать того, что планета была подпорчена местными бандитскими разборками их главарей. Мы неплохо там устроились. Там было много живописных мест, дивные девушки, хотя и спрятанные за жуткими лохмотьями. Бедность – бич всех диких сообществ, насекомые, паразиты, инфекции. Там был такой промысел у местных. Они рыскали повсюду, как бешеные стаи шакалов и находили редких красавиц в их грязи, на каких-то задворках их мира. Затем их отмывали, наряжали, обучали для того, чтобы они услаждали досуг богачей. Мы жили там как полубоги, а это, скажу тебе, искус, который выдержать было трудно. Спасала только железная выучка профессии, но душу там всегда можно было отвести. Девушки были похожи на взбитые сливки, воздушные и неземные, и если ими не обжираться ... но у меня всегда было развито чувство меры.

– Это да! Такой разговор тому свидетельство. Звёздный воин он, а звёздный бандит – не хочешь? Мерзко и слушать тебя!

– Там было нельзя иначе. Мы сами себе были психологи и понимали, как нам лучше. Там не Земля, а Артюша психолог был никакой, в отличие от той, кого любил всю жизнь. Вместо наказания он устроил мне курорт, хотя и с элементами

экстремального включения, зато то, что испытал я там, ему не удалось испытать никогда. Я только на Троле догадался, почему люди, там служившие и оттуда прибывающие, искажали подлинную информацию. Они зарезервировали планету Трол как элитную ссылку для своих людей, кого нельзя было по тем или иным причинам прикрыть от закона в случае его нарушения. А на деле устроили там милый уголок отдохновения.

– Он не любил Риту. Только маму. Рита была от его нужды, от того, что мама болела.

– Пусть и от нужды. Но где та грань, отделяющая любовь от нужды? Вот ты кто? Любовь или нужда?

Ксения закрыла уши руками, в его подлых откровениях было намерение её унижить, обесценить. Надо было встать и немедленно уйти, не приходить больше никогда. Но она не ушла и стала приходить к нему по ночам. И будто не разделяли их космические бездны и годы её тщетной веры в возвращение утраченного, будто и не было у них общей памяти. Вернее, у неё она была, а у него не было ничего, никакой памяти о прошлом – прах, пыль. Он жил только настоящим, он не хотел иметь к тому человеку из её прошлого никакого отношения.

Она возвращалась от него. Спутник совершал оборот вокруг светила Регина вместе со своей планетой по времени около тридцати земных часов. Ночь была длинной, и их рабочий и биологический режим не совпадал с течением мест-

ных суток. Иногда новый старый возлюбленный был нежен, иногда деловито быстр и бесцеремонно выпихивал прочь, как только она приходила в себя, так что даже комбинезон ей приходилось застёгивать на улице. Редкие встречные «жаворонки» с подозрением, с тайным любопытством косились на её лохматую голову. Волосы вились и разлетались вокруг головы нимбом, лучистым в первых лучах Регины, но нимбом грешным. Янтарные потоки чужого светила были равнодушны к грехам и делам пришлых чужаков. А Ксения, увы или ах! Часто несла в себе остроту переживаний, наполняющих её счастьем, пусть и ущербным, ворованным.

Его же курочка, вылупившаяся где-то в другой звёздной системе, спала в своей пирамидке, уставшая от забот о маленьких детях, и вряд ли была озабочена отсутствием мужа, вряд ли имела время и силы анализировать нюансы проявлений его чувств. Да и насколько была она способна переживать как человек? Или так думала Ксения, так себя утешала? Там на их Паралее женщины нежны и ласковы, как незабвенная мамина кошка Пуська.

Рудольф раньше часто сравнивал Ксению с кошкой, когда оскорблял, говоря, что из милого рыжего и ручного котёнка она стала драной и гулящей кошкой. Но она никогда не была драной, всегда безупречно одета, с безупречной ровной спинкой. Она любила белоснежные блузки, воздушные платья, обувь только изящную, идеально сидящую на небольших ступнях. Да, наедине с собой она любила себя, она це-

нила себя, но не умела отстаивать свою ценность и позволяла себя топтать. Ксения не знала, как это прекратить, не было у неё сил отказаться от него, оставить, забыть. Не дала ей природа власти над своей, наверное, низшей, природой чувствований.

«Презирайте, презирайте!» – говорила она мысленно неведомо кому, – «а уж как я сама себя презираю». Такой вот мучительный, не иначе как наследственный, выверт натуры, безволие и позволило Вороне сделать из неё колдовскую куклу для порчи чужого благополучия, стать игрушкой, какой-то пластиковой замусленной дешёвкой, чья яркая раскраска тоже дешёвка, и у которой нет, не может быть обновления ни в чём.

Вот что значит не найти своего верного и благодарного спутника, не узнать его, пройти мимо, и все дары втуне, и тогда в прошлом божи и природные, и теперь рукотворные, хотя и сверхсекретные. И надо же ей было схлестнуться с хромым бродягой, пришедшим в храм искусства в пляжных шлепанцах. Нога зажила у него быстро, но почему-то он вспоминался ей с этой хромой ногой особенно часто, будто и не носил он другой одежды, кроме шорт, майки и тех шлепанцев. И был-то в них пару раз, а вот запомнился.

Но не хотел Бог вмешиваться в её недостойные и ничтожные глупости, вразумлять и освобождать от мук. Да и где Он? Ксения глядела в небо, напоминавшее цитрин, янтарь, это если думать возвышенно. А если нет, то на мочу отстой-

ную, вот на что оно похоже, это чужое гнусное небо, и нет, не может быть у такого мира Творца, наделённого благостью и милостью. Он остался на Земле. А ты чего впёрлась сюда? Кого послушала? Кому подчинилась и кому отдаёшь себя? После минут наивысшего взлёта наваливалась тоска – расплата.

– Ты для чего-то внушила себе, что я единственный, – сказал он, – ты просто открывала через меня физиологию любви. Я был в этом смысле первым. Но потом ты столь же страстно училась делать это и с другими.

– Гад ты, ползучий или летучий! Будь, кем хочешь, но так говорить женщине, прилетевшей сюда исключительно ради тебя. Я не забыла ничего. А ты... У меня было мало близких людей, но ты был самый худший из всех, кого я знала! – внутри её свернуло жгутом. – Нэя тоже неплохо проделывала это с другими. Даже ребёнка родила на Земле.

– Заткнись! Мне неохота ничего помнить и перебирать, как чётки во время молитвы, свои и уж тем более твои воспоминания. Мне нет дела до твоих порнографических открытий. С кем, как, на чём, на ком верхом.

– А мне до твоих рассказов о «секс» путешествиях за гранью всего земного! Не буду я к тебе больше ходить! Скотина!

– Да куда ты денешься, Коломбина обшарпанная! После твоей реставрации ничего в твоей голове не изменилось. – Вот такой была временами эта их любовь! Была куклой, ею и осталась!

Немного о прошлом «праведной» Карины

Как-то разговор зашёл о его матери. Какой она была? Спросила Ксения. В том смысле, в каком бывает женщина в личной своей жизни. Была она у неё или нет? Личная жизнь?

– Она была такая же, как ты. Никому не умела отказать.

– Откуда знаешь?

– Оттуда. Мой папа, столь ею презираемый, часто навещал её. Когда она меня изгоняла, она думала, что это способ сохранить её для меня на почитаемой высоте. Но я всё понимал. Я постепенно утратил к ней любовь, а потом и уважение.

– Бедная королева без трона! А как она гордилась своей родословной и своим достоинством. Но что это такое, её достоинство женщины? В отсутствии которого она меня всегда обличала...

– То же самое, что и у тебя, что у вас у всех. Ничем её «достоинство» от других, я думаю, не отличалось.

– Как же ты презираешь мать! Не удивительно, что ты ни во что не ставишь женщин. Даже свою святую добычу со звёзд.

– Мужчины определённого сорта вполне заменяли моей матери трон. Она всегда находила над кем царствовать. Но над собою я уже не позволял ей.

– Ага! Не позволял он! А как затрещину тебе отвесила, так ты сидел, съёжившись перед ней. Забыл о том утре в Альпах? Она вбила тебе послушание с детства, лупя тебя по щекам, по плечам за всякую ерунду.

– Откуда ты взяла?

– Мне отец рассказывал. Он защищал тебя от её гнева не раз. Да ты и не помнишь, конечно. Мелкий был.

Он долго молчал. Ей удалось задеть его за болезненное и постыдное место. Помнил он всё!

– Я давно вырос. И мысленно возвёл её на эшафот, мне было необходимо вырвать из себя её власть над собой, и это произошло, когда я перестал любить её. Не стало власти, не стало любви к ней.

– Боже! Кого я полюбила..

Договорить остальное, смелости не хватило. А то бы сказала о том, что её отец всегда понимал и его, и всю его семью, почему и не хотел сближения своей кровиночки со столь тайно шербатым, пусть и героически-знаменитым родом. Насколько же отец был лучше, хотя тоже был мурзавец. Стаж Венда на Троле именно отец потребовал засчитать ему за блестящую карьеру. А он там жрал неземные взбитые сливки и не подавился ни разу, зараза! И это в то время, когда Лора сидела на острове «Сапфира» с раскуроченной любимым мужем головой. А она... Да ладно уж об этом.

Мать осталась его болевой точкой даже теперь. Когда отец улетал в свои звёздные командировки, его дом превращался

в гостиницу для друзей, и сыну-школьнику уже некуда было возвращаться на каникулы и выходные. Приходилось перебираться к матери. Он уставал от этого вечного социума и любил одиночество. Он затворялся безвылазно, но Карину и это раздражало. У неё иногда появлялись друзья-мужчины. Её так и не почившие окончательно отношения с бывшим мужем Паникиным вовсе не означали воссоединения отцов и детей. Вот тогда он и полюбил музей, где работала Карина, и вообще все музеи на свете. Занялся изучением истории. Там было тихо, мало людей, молчаливые коллеги Карины любили его. У него там была даже собственная башня, которую ему выделили для уединения и занятий. А то бы ему пришлось слоняться по планете, когда она выгоняла его. Его в музее же и кормили, обожали, жалели и понимали его заброшенность. Он стал своеобразным сыном музейного полка. Матери было дело только до себя. Увившись своими ожерельями, украсившись своими перстнями, каждый из этих перстней был весом с добрый булыжник, она преображалась в языческую богиню, ждущую своих молитвенников и рабов. А она ведь иногда могла ударить его наотмашь и этими камнями, что и украшали её очень красивые длинные, талантливые без сомнения, пальцы. Правда, талант, столь ярко проявивший себя в её внешности и умственном развитии, ничем выдающимся или значимым так и не сумел одарить человечество.

Ладошка как кувалда. Она могла бы стать и женщиной –

борцом, женщиной – космодезантицей, но оказалась слишком утонченно-развитой для подобных видов деятельности. Аура профессорского дома, где она выросла, оказалась слишком плотной, чтобы её преодолеть и выйти на иные просторы профессиональной реализации. Ксения-то увидела её позже, когда Карина стала уже остывать. Когда она уже устала ждать всегда несовершенных и быстро надоедающих друзей, когда уже не готовила ради них изысканные обеды, утомившись и от бесконечных бесед, ни разу так и не поразивших ничем новым, бесед. Поражал только Воронов – герой-любовник, но муж чужой, да и любовник всегда чей-то ещё. Для Карины времени у него не имелось в наличии. И сына точно также она критиковать устала, хотя и брюзжала, брызгая в него иногда остаточным паром. За всё. За манеру одеваться, за безвкусию увлечений, за громоздкую фигуру, унаследованную от отца. Тут он ей был благодарен. Благодаря её, словесным в основном, оплеухам он стал едва ли не эталоном земного мужчины, не вылезая из тренировочных и прочих спорткомплексов.

Карина же, так уж вышло, любила миниатюрных мужчин, таких примерно как Ксен. Таковым был отец Карины – академик и «квадратный трёхчлен всех мировых академий», как смеялся над ней сын Рудольф Венд. Не над бабушкой, а над спесью мамы. У Карины же и первый муж был богатырём, и первый возлюбленный такой же, если по комплекции. И оба уроженцы далёкой от Альп России. Рудольфу

пришлось в детстве пообщаться с Вороновым, с отцом Ксении, и помнил он его довольно ярко. И думал потом, что любила его мать в действительности-то здоровяков-богатырей, но назло им впоследствии предпочитала миниатюру. Стройно-худощавые мужчины с безупречными манерами, в основном, появлялись у них в доме, но никогда и ничего по-настоящему для её души не значили.

«Рудольф, дорогой, ты уже уходишь? Как жаль мой мальчик. Нет ни малейшего желания торчать со мной». – это уже она говорила очередному рафинированному другу, всякий из которых на взгляд мальчика – сына был недоделанным. То большеголовым, «репоголовым», при тощем теле, то «голова миндалём», как обзывал он кого-нибудь из них, когда сообщал матери своё мнение о её гостях.

Мама же также сообщала то тому, то другому гостю об особенностях родного чада, хотя редко кому из них такие сведения и были надобны, – И дом ему тюрьма. Мальчик так рвётся познать весь мир. И это правильно. Даже кофе с нами не выпьешь? А у нас такой замечательное жаркое с белыми грибами и шпинатом, шоколадный торт-суфле. Но ты не любишь, знаю, знаю. Не буду тебя и злить.

И мальчик, пуская голодную слюну, уходил из дома, добирался на подземном транспорте до нужного места, в основном это был музей. Куда же ему ещё? Она не давала ему карманных средств. А в школьном городке на каникулы и выходные финансовые средства выделяли только сиротам и тем,

у кого родители отсутствовали на Земле. Только Ростислав Паникин, его бесподобный, добрейший и умнейший, совершенно-сложенный отец, наглядный образец человека будущего, ему ни в чём не отказывал. Да был он не частым гостем на Земле.

В музее старушка-хранительница кормила его тонюсенькими немецкими бутербродами и чаем. Иногда ещё какая-нибудь служительница музыки Клио, более щедрая в силу молодости, приобретала для него какие-то лакомства, вроде маленьких, жёстких печений в красивых коробочках, но ужасно невкусных. Но он и этому радовался. А мать в это время лакодилась с худощавым гостем взбитыми сливками и шоколадом, или гуся тушёного уплетали с яблоками, а то и дыню с пармской ветчиной. Она любила разнообразие. Дом её почти всегда пустовал, когда он учился и жил в школьном городке, но именно тогда, когда возвращался сын, наступало нашествие худосочных гостей-друзей для «души». Трудно сказать, каковым было это «душевное» общение, и происходило оно только за столом или продолжалось на её белоснежных простынях, на которых она не разрешала ему точно также задушевно общаться потом с подружками, когда пришло их время.

Он не очень-то её и слушался впоследствии. Не мог же он располагаться с девочками на своей узкой и жёсткой постели. Она уже заранее приучала его к будущим тяготам космической карьеры. Как это ни странно, ему это помогло потом,

в казарме. Даже там жизнь мало отличалась по своему комфорту от того, к чему он привык у матери. Но это всё потом. А тогда ему, одинокому мальчишке, не оставалось места и там, в его узком домашнем отсеке. Она гнала его зачастую и оттуда. Он должен был уходить. Куда? Ей это было всё равно.

«Иди к друзьям!» – говорила она, не понимая, как уставал он от этих друзей, живя в школьном городке. Как необходимо ему было одиночество хоть иногда. Отдых от себе подобных, побыть, что называется, в вакууме. Ему не хватало как раз безлюдья. Он обожал затворничество в те годы своего взросления.

Когда забыть не получается

Ксения подумала о своём отце. За что он любил его мать? Анаконду, которая наделила сына своей роскошной шкурой и рептильной начинкой, а его отец Паникин, простодушный и не особенно умный, дал ему свою мощь и энергичность. Как было ей устоять в свои неполные семнадцать?

– Ты и тут царишь. Чего тебе ещё? А мой отец, где он? – И Ксения костенела от своего сиротства, от того, что лежит тут рядом с прохвостом беспутным. Но, всё же, опыт долгой жизни не пропал даром. Худо-бедно выработалась и устойчивость к его выходкам, не то, что прежде. Душа её не была столь нежна и мягка, как младенческая пяточка Рудика,

а была вся в жизненных натоптышах. Чтобы её пробить требовался очень тонко заточенный инструмент, а Рудольф был уже стёсан в этом смысле всей своей предыдущей жизнью, и ушибы, получаемые ею, не всегда и ощущались. Она быстро усвоила его развязный язык, переняла его манеру скрывать подлинные чувства за насмешкой. Стало даже весело, кто кого превзойдёт в этом умении, хотя веселье это давало всегда горькую отрыжку.

«Ещё чуть-чуть поживу тут и улечу, а его забуду», – а это «чуть-чуть» всё набирало силу. Она не хотела улетать, когда было можно. И вдруг стало нельзя. Пришло время, и живот стал заметен всем. К факту скорого появления ребёнка Рудольф отнесся с безразличием, как будто к нему это не имело отношения. Ведь у неё муж, и это забота Ксена. Многие догадывались об истинном положении дел. Небольшой городок, замкнутая под куполом жизнь не давала места для укрытия тайн. Ксен делал вид, что всё нормально, отражая от себя любые взгляды, как нечто, не ему предназначенное. Он жил в своём своеобразном уже куполе под куполом, и мнение людей о себе никогда не волновало его.

В ещё более отграниченном от общего обитаемого пространства под куполом, как в своеобразной музыкальной шкатулке обитала и жена Рудольфа, Нэя. Милая и приятная мелодия, раз и навсегда запрограммировавшая её изукрашенную шкатулку, погружала её в особое пространство, куда она не очень-то и допускала прочих. Она видела окру-

жающее сквозь свою неземную и, казалось, радужную призму, никогда не покидающую её странную эту способность, излучающуюся из её глаз доверчивым бирюзовым сиянием. Как Ксен вечно торчал в своих подземельях, действительно, подземный гном, так и она редко появлялась на открытой поверхности поселения, пребывая где-то в своих хлопотах и закутках. И внешность её соответствовала такому её состоянию, она была похожа на изображение радостной рождественской открытки, вечный праздник, вечное кому-то поздравление, но открытки прошлогодней, с затёртыми уголками и никому уже не нужной, кроме детей, разумеется.

Так же и Ксен походил на гнома небольшим ростом, белыми длинными волосами и чёрной шапочкой, натянутой на голову. Кому он подражал этим маскарадом? Вероятно, древнему алхимику или никому не подражал, а так ему было удобно прятать неухоженные волосы. Как многие творческие и одержимые люди он забывал о внешности, а в периоды вдохновения – о еде и сне, не вылезая из своих лабораторий, общаясь только со своим загадочным внутренним миром и внешним миром своих питомцев-растений и роботами подземелий...

И вот всё это осталось позади, поглощённое тем, что Нэя называла Энтропизатором в своих дневниках. Звёздный ковш сгрёб и этот интервал их жизни, сбросил в неведомые информационные хранилища Вселенной, если допустить их существование, а Ксения в них верила. Не ради пустой слу-

чайной расточительности они живут и впитывают в себя безмерной душой безмерную эту Вселенную, кто её измерил? А кто измерил душу? Грешат и корчатся, плачут и стареют, расцветают в неповторимой красоте юности. Рождаются в крике и умирают со стоном – шелестом сухого, а бывает что и сорванного до времени листа. С дерева, корни которого затеряны в чёрных глубинах, крона устремлена в неведомое, а звёздной энергией напитан бесконечный разветвленный ствол.

Насущное требует жить настоящим

Их старый дом посветлел, ожил, наполнился запахом леса, запахом нагретых солнцем сосен, детскими криками, смехом. Детям было просторно, весело. Открытую террасу-лоджию забрасывало хвойными иглами, шишками. Дом стоял в лесу, это же был привилегированный район для управленческой элиты, к которой не принадлежали ни Ксен, ни Ксения. Но дом ей оставили за заслуги отца перед человечеством. Ксен опять работал на прежнем месте, в своём Центре разработок и восстановления пищевых ресурсов планеты, а Ксения сидела дома, куда Рита и привезла ей детей Рудольфа. Рита же снабжала её всем необходимым для жизни.

Пока робот выгружал коробки с продуктами, Рита отстранённо от Ксении стояла рядом, перекидываясь с Ксеном пу-

стыми фразами, ни о чём не спрашивая у самой Ксении, ничем не интересуясь. Она не могла запомнить детей по именам и вечно их путала. Рудольф не приехал ни разу. Ксения так и не увидела его после сеанса связи на спутнике.

«Что же», – думала она, – «даже дети любимой наседушки стали ему не нужны, что уж и говорить о моём мальчике. Кто он ему? Да никто».

Как проявление этой обиды, возникало сожаление, что психанула на Артура, покинула спутник, он же планета Ксения, а теперь стала как наёмная нянька. Как низший разряд людей земной жизни, дешёвая обслуга чужого дорогого благополучия. Она одиноко ложилась в свою обширную постель, утратив непостижимого в его мотивациях любовника, исчезнувшего привычно и безболезненно для себя лично и больно, опять больно для неё. Артур же стёрся начисто, едва Земля приняла её в свои гравитационные объятия, словно на Земле Артуру места не было. Живого же мужа она мужем не считала, но Ксен упорно надеялся на другой разворот событий.

Ложилась почти поперёк неуместной этой ширины, поджав ноги к животу, застывала в скорбной позе не ко времени усопшего молодого скифа в древнем кургане, и смотрела безмолвные, редко цветные и с внятным сценарием, чаще серые и клочковато-мутные сны. И ни одного счастливого. Для кого-то другого были написаны счастливые сценарии неизвестным постановщиком, на её долю у него не хватало

или таланта или желания, или и того и другого.

Насколько было легче прежде. Всё можно было списать на взаимное юное разгильдяйство. А теперь на что спишешь? Всё повторилось на новом витке спирали. А уж кажется, вкладывала всё своё достояние, но став взрослее, терпимее, увереннее и умнее, хотелось надеяться на это. Какую глубокую и долгую привязанность хранила и питала она к этому человеку, какое всепрощение явила, а всё зря. Псу под хвост, как говорил в таких случаях любитель старых поговорок её отец. И этот вызов через ГС опять обман. Он звал, манил как в юности, а она опять коченела в одиночестве.

Ксен в роли прежнего мужа казался невозможным настолько, что даже странно было ей думать, что столько лет она жила с ним под одной крышей. Они общались, как общаются между собою домочадцы, вместе пили чай и ужинали, занимались с детьми, болтали о том, о сём и разбредались каждый в свою часть большого дома. Дети любили Ксена, толкались с ним в его половине, когда он прибывал со своей работы. Он никогда на них не ругался, хотя они, совершая налёт на его жилое пространство, были подобны смерчам, сотрясающим его научную тихую обитель. Но он упрямо оставался, на что-то надеялся. Старшая дочь Рудольфа и Нэи, Альбина, была отдана в закрытую школу для детей, прибывших из далёких поселений – космических колоний. Но каждые выходные и одну неделю в месяц она проводила у Ксении и Ксена в окружении своих братьев. Послушная,

серьёзная и умеющая таить, уже умеющая! Все свои сокровенные переживания в себе, маленькая светленькая девочка.

В один из дней вместе с Ритой из аэролёта на площадку перед домом вышла высокая дама в сером облегающем и длинном платье, с совершенно белой, как снежная вершина в Альпах, головой. Волосы были уложены пышными волнами и блестели от заколок в прозрачных льдистых и сверкающих камнях. И не случайно вылезли в мыслях эти Альпы, как оказалось.

Легка на помине....

В холл вошла мать Рудольфа. Не улыбаясь, но с милым выражением, она заявила Ксении, – Всё же, вы с ним сошлись!

Рита почему-то ничего ей не объяснила.

– Странно, – промолвила Ксения, – Как раз накануне много думала о вас. Выходит, сама же послала запрос на вашу выдачу в некое бюро завалявшихся вещей. Вот вы и прибыли сюда...

Карина ничего не поняла в её бормотании, уловив лишь, что речь о каких-то и чьих-то забытых вещах, и решила проявить положенную для всякого незваного гостя вежливость.

– Разве ты оставила у меня свою коллекцию старинных фигурок? Я отдала их Нелли Листиковой. Она у меня была.

Мы пили с ней горячий шоколад у меня на открытой террасе. До чего же любезная девушка, до чего же русская красавица. Со светлой косой, с ловкими ручками. Всё сама потом убрала у меня в доме, оставив мне на память одну из чудесных фигурок известных когда-то русских мастеров-фарфористов. Только мне зачем?

– Нелька стала носить косу? Надо же... Она вышла замуж?

– Замуж? Так она сказала, что сразу же с мужем и вернулась с того спутника. Теперь они вместе обустраивают новый дом. Вместе путешествуют на приобретённом скоростном аэролёте. Счастливая и светлая пара...

– И как вам её муж? Хорош собой?

– Скорее, нехорош. Но глаза его буквально светятся то ли от счастья обретения такой вот девушки, то ли он добр по своей природе.

– ну, хоть кому-то удача прибыла с того спутника... А Листикова это не та девушка, с которой ваш сын отбыл на спутник в самом начале его освоения?

– Рудольф? Чтобы он отбыл с кем-то на спутник? Такого не было!

– Но ведь девушек-то он к вам приводил перед тем, как туда отбыть?

– Мало ли кого он приводил. Раз уж мой дом это и его дом, ты так не считаешь? У меня дом огромный. Места всем хватает. Он в Альпы прогуляться иногда прибывал, почему бы ему и не прихватить когда с собой девушку? Помнится,

и ты с ним вместе меня посещала...

– Не сказала бы, что вы были рады своим гостям. Во всяком случае, меня горячим шоколадом вы не угощали ни разу.

– Ты совершенно не изменилась, рыжая хулиганка! Как это тебе удалось? Ты действовала мне на нервы, хотя и нравилась ты мне всегда. Твой отец не умел воспитать единственную дочь, а как здорово он проделывал это с мальчишками из космических корпусов.

– Мама воспитывала меня любовью и только любовью. Да к тому же то, о чём вы говорите, было так давно, что я и не помню ничего.

Ксения включила кофемашину, достала сладости, кое-что из лёгких закусок. Они сели вдвоем за столик, а Рита ушла к Ксеню бесцеремонно осматривать его половину, или проверяла условия существования детей. Дети играли в лесопарке, а Рудик спал у Ксена в кабинете. Ксения не испытывала ни малейшего волнения или неловкости перед женщиной – кошмаром своей юности, будто они виделись каждый день. Ведь она была у себя в доме, а та незванным гостем.

– Это твои дети? Ваши с ним?

– Рита не рассказывала вам?

– О чём?

– Да так. – Ксении было лень ей всё объяснять.

– У него до отлёта на ту ужасную планету Трол была только ты. А эта, что навязалась, Клара? Лариса? Она же была у него от обиды на тебя. Ты не знала? Когда ты ушла из балета

учиться в эту сельскохозяйственную, что ли? Академию, он очень переживал по поводу того, что тебя уведут от него более интересные соперники. Я говорила ему: «Кому там? Какие-то будущие труженики полей в ужасных космических агропоселениях? Картофельные начальники, каким стал твой отец – бывший блестящий и мужественный герой, и настоящий опустившийся обжора – бабник, краснощёкий синьор Помидор»? Рудольф напросился вести там практику по этим модулям, чтобы контролировать тебя. Он не мог развязаться с этой Ритой столь быстро и окончательно, как хотел. Я знаю, что все ваши ссоры были из-за неё, из-за Риты... – она перешла на шёпот, но Рита была довольно далеко, через несколько комнат от них. – Ты вечно его изводила. Он приехал как-то и сказал: «Мама, я женюсь. Я её люблю». «Женись. Мне-то что». «Её отец против. Но мне всё равно. Кто сейчас слушает отцов? Она шальная дура, но я сумею её развить и воспитать. Ещё не всё потеряно с ней». И представь, привозит ко мне эту Клару, что ли?

– Лору.

– Ну да. А где же рыжеволосая фея? – спрашиваю. А он: «С нею покончено. Она...». И сказал такое, что не умею передать, не приучена это говорить в приличном обществе. А эта Клара была ему не нужна, что очевидно стало мне как матери сразу же. Он так и сказал: «Я женился на первой встречной, чтобы забыть рыжую...». И он опять стал обзывать тебя. Но я видела, случилась непоправимая ошибка.

«Все ссорятся», – сказала я, – «дурак, ты будешь жалеть».

«Мы не ссорились», – так он сказал, – «но мне нужна преданная жена, послушная, а не эта – рыжий смерч. Теперь пусть подметает весь мусор. Мне безразлично. Я её вышвырнул из своей жизни».

«Жестоко! Жизнь накажет тебя за растоптанное чувство, первое и чистое чувство девушки», – так я сказала. Но кого он слушал? А сегодня Рита говорит: «Летим к детям Рудольфа». А тут ты.

Она не вспомнила о встрече той ночью, когда Рудольф прилетел в Альпы после возвращения с Трола. Как будто она чего-то боялась. Или не знала, как увязать ту Ксению и эту молоденькую женщину, что была сейчас перед ней. А если и догадывалась, знала, то не желала этого касаться.

– У вас прекрасная память, – весьма равнодушно отозвалась Ксения, чтобы хоть что-то ей ответить.

– Да. Тренированная многими десятилетиями работы в музеях мира. Сейчас я работаю у себя на Родине, в музее-замке в Альпах. Живу, где и прежде. Ты помнишь мой дом? В нём мало что изменилось. Я консервативна. Тебя не забудешь! Эту огненную голову! Ты стала красавица, а была очаровательной хулиганкой. Но ему такая и была нужна, как ты. А сам он где?

– На работе, – Ксения не понимала, почему мать Рудольфа ничего не знает о его жизни.

– А то был случай. С ним не бывает нормальных случа-

ев. И тот был ненормальный. – Её манера говорить потешала Ксению, но видимо так происходило из-за её плохого владения русским языком, а не потому, что она была комическим человеком.

Сама забудешь, так другие напомнят

– Он притащил из Космоса Аэлиту. Был такой старый-старый русский роман «Аэлита». Очень красивый возвышенный роман. Так умели изображать чувства только в далёкую старину. Архаичный, но необыкновенный роман. В юности, изучая русский язык, я плакала над историей фантастической любви. Почему у меня так не было никогда? Та, кого я называю Аэлитой, реальная инопланетянка была не такая, она только обманывала своей внешней утончённостью облика. Я действительно забыла её имя. Простое и глупое какое-то, как и она сама. Но не помню и всё. Настолько хотела о ней забыть, что забыла на самом деле. Она совершала космическое секс-турне, а он хотел на ней жениться. Я помню, они сидели за моим столом, и она умела как-то воздействовать на сексуальные центры наших земных самцов, особый род врождённого умения их племени, я думаю. Он вскочил из-за стола как маньяк, неожиданно, и потащил её в мою постель, в мою спальню на моих глазах, я еле успела убежать из дома. Он рассказывал, не мне, а Рите, что на том Троле осо-

бенные женщины, и были случаи, когда от таких вот умелиц земные мужчины умирали прямо на них или под ними, кому как не повезёт. Майн Гот! Она впоследствии сбежала от него и здесь на Земле нашла ещё кого-то. Он ходил как загробная тень, так эта космическая присоска сумела не только прилепиться сама, но и отравить его сердце, душу, всю кровь. Но на вид сущее ничтожество, полудурок какой-то. Она сидела за гостевым столом в моём приличном доме, обряженная в... – тут Карина задумалась, подбирая определение. – В какую-то неприличную тюль...

– Тюль? – переспросила уязвлённая её бесстыжими рассказами Ксения, – что это?

– Такой текстиль, весь в дырочках и прозрачный. Она имела весьма красивую, неестественно-надутую грудь и выставляла её на любование всем желающим. К сожалению, она не была роботом, созданным для целей, о которых не говорят в приличном обществе. Она была одушевлённым женским и по виду абсолютно земным существом, юным и натуральным. В противном случае, она бы так его не заводила. Чего уж, даже я любовалась на неё. Её нежнейшим лицом и показной, как оказалось, кротостью. Когда она встала из-за стола, то тут уж и явила всю свою низость. Не упускала ни малейшего повода, чтобы не принять непристойную позу, нагнуться перед ним, якобы чтобы поднять ложечку. Или вот. Встала, якобы рассмотреть мою коллекцию, и нагнулась над витриной, а платье-то прозрачное, а трусы-то чисто сим-

волические. Только для того и разыгран был весь спектакль, чтобы дать ему понять свою неугасимую похоть. Превратить мой дом в непристойный закрытый клуб? У него даже кровь к лицу прилила, он чуть не подавился. Это было нечто из мира насекомых, что ли. Ей нужно было только одно. Только оплодотворить свою инопланетную утробу и заполнить наш мир своим выводком – своими личинками. Мир человекообразных насекомых это отвратительно. Мне хотелось запустить в неё вазой с фруктами, выгнать вон, но из-за любви к нему я вытерпела. Вот, думаю, сколько земных девушек было у него, и ни одна себя так не вела, а я ещё была ими недовольна. Да. Но ей хотелось много впечатлений. Потом она всё же улетела в своё созвездие. Майн Гот! Ещё не хватало, чтобы она нарожала тут космических уродцев, или кого там производят подобные мезальянсы? Но, всё же, заимел с тобой нормальных детей. Хотя... И ты и он, вы же ненормальные оба.

Пожилая, но не старая внешне женщина, была столь далека от Рудольфа, что Ксения и не знала, что такие отношения вообще существуют между родными людьми. Она не знала ничего о его жизни. Рита ничего ей не рассказала, Рудольф тоже. Зачем это было делать Ксении?

– Я всегда понимала, что ты была необходима ему. Когда возвращался из России, всегда был такой радостный. Садился на открытую террасу, смотрел на Альпы и ничего не ел. Мечтал о тебе. Я не видела его таким окрылённым никогда.

А Рита, – тут мама Карина опять перешла на шёпот, – она его подавляла. Только ты окрыляла. А Клара? Он вечно был с нею груб, капризен. И мне стал грубить. Я ей говорила: «Мужчину надо уметь воспитать. Иначе он будет сидеть на твоей голове». И я оказалась права. Она стелилась, но он не нуждался в ней. Как это не понимать? А тебе с какой любовью он выбирал подарки, советовался со мной. А той не дарил ничего, так пустяк если.

Тут мама разглядела алмаз Нэи на руке у Ксении. Ксения пыталась объяснить себе, что это память о спутнике, но дело было в другом. Невозможно было одолеть тягу к красоте неотразимого камня, присвоенного ею чужого наследия. Но ведь оно было выброшено. Разве нет?

– Что у тебя такое? – мама Карин впиалась глазами в кристаллическое великолепие на безымянном пальце Ксении, отливающее то синим, то зелёным, то голубым. При определенном повороте руки кольцо тотчас же и обесцвечивалось, но начинало сиять куском льда, в который, как в плен попал солнечный луч, и начинал метаться и гореть маленьким фейерверком, рассыпаясь на колючие искры.

– Это же феномен какой-то!

– Рудольф подарил, – солгала Ксения.

– Такую роскошь? – её глаза горели фанатичным огнём застарелого коллекционера.

– Он привёз с Трولا. С той планеты, где жил двадцать лет.

– Невероятный камень, – она держала руку Ксении свои-

ми холёными, но далеко не изысканными руками.

– Как красива твоя рука! – похвалила она Ксению, – мне не привёз ничего, – добавила она обиженно, – я имею в виду ничего подобного. Но и зачем мне? Только такой красавице и следует это носить.

– Какая уж я красавица! – печально ответила Ксения. – Мне полвека.

Мама Карин взглянула странно и искоса, прекрасно давая этим взглядом понять, что разгадала её тайну.

– Молчи об этом. Кому какое дело, сколько тебе действительно лет. Мне восемьдесят лет. Но я не собираюсь быть старой. Да. Но мы же не в те жуткие времена живём, когда старели после сорока лет. Я сравнивала, изучала старую иллюстрированную литературу. Женщины сегодня, которым шестьдесят – семьдесят лет, по своим физическим характеристикам являются как тридцатилетние женщины прошлых веков. Но ты и тут всех превзошла. Тебе на вид двадцать, больше не дашь. Ты стала моложе, чем была тогда, помнишь, ночью? – и она осеклась.

– Да, молода, хороша я, сказала она, уползая. Живу я всего лишь сто лет. – Ксения процитировала стихотворение, которое недавно читала детям из старой коллекции маминой антикварной электронной детской книги, оставшейся у самой мамы со времён её детства. А теперь задействованной Ксенией для детей. Это была сказка о черепахе, не желающей быть бабушкой. Но мама Карин не поняла её и посмотрела,

приподняв брови, как тогда тридцать лет назад.

«Ну и кретинка!» – сказали её холодные глаза.

Безразличие к собственным внукам

– Ну что же! – и она встала из-за столика, – вы нашли друг друга, – и скорбно, совсем по-старушечьи сжала свои ещё свежие и не старые губы. – Я никогда не пью кофе, даже чай редко. Только чистую воду. И тебе советую. Поддай мне свежую воду. Ледяную! – она так и сказала тоном ледяного приказа: «подай»! Ксения без слов указала на кран, из которого и набирали отфильтрованную воду для питья. Стаканы стояли рядом на подвесной полочке. Лёд хранился в маленькой морозильной камере, встроенной в стену, тоже рядом. Карин с брезгливым лицом вполне уверенными движениями проделала манипуляции с водой и кубиком извлечённого из морозилки льда. Выпила медленными глотками, не меня выражения брезгливости, будто пила невозможную горечь. – Ты всегда была образцом достойного поведения, – сказала она, после чего тщательно и собственными руками вымыла стакан под тем же краном, предназначенным только для питья. Бережно поставила стакан на место. – Я не люблю оставлять после себя даже самый незначительный мусор или беспорядок. Нигде. И я никогда не ем в чужих домах. Ничего. – Да вы как старообрядец какой! А посуду у себя после

гостей не выбрасываете? Вроде как осквернённую греховными прикосновениями чужаков? – Тут уж Ксения разозлилась по-настоящему, не понимая, к чему Карин так внимательно следила за её приготовлениями и не сказала о своём сектантском презрении к угощению в чужом доме. Видимо, в этом была явлена тоже разновидность презрения, но уже издевательского. – Достаточно и элементарной стерилизации, – ответила Карин. Ксения взяла с полки тот самый стакан, из которого пила гостя, и выбросила в домашний утилизатор, открыв для этого стенную нишу. Бабуля проследила за её действиями с улыбкой. Она была довольна тем, что вызвала досаду хозяйки. А Ксения жалела только о том, что не бросила стакан в её нелепую башню на голове, и засмеялась, представив, как бы смешно она накренилась набок. Смех начисто ликвидировал её подступающий гнев. Карин же мало волновал ущерб в чужом доме, ведь это бы стакан Ксении.

Они вышли из дома в приусадебный лес. Дети играли на мягком покрытии игровой площадки, прячась друг от друга в лабиринте. Ксен сидел под развесистым кустарником черёмухи, густым и обширным, ставшим деревом от старости, и блаженно улыбался, следя за детьми. Многопрофильный робот, которого Ксен звал по домашнему «Васькой», косил газон, мягко жужжа при этом. Рудик проснулся и был тут же, он рвал цветы в клумбах, радовался и пихал их в рот.

– Не видишь, что ли, ребёнок цветы жрёт! – возмутилась Ксения.

– Фу! – сморщилась Рита, – Ксюша, ты верна себе.

Мама Карин молчаливо и вопросительно разглядывала детей. Ксен выстроил их в ряд, как послушных солдатиков перед суровым и пристрастным генералом бабушкой, свалившейся с неба. Она изучала их внимательно, но без старческого умиления в глазах. И Ксении стало жаль их остро, пронзительно, так что захотелось прижать, заласкать, наговорить много ласковых утешительных слов.

«Сироты вы мои», – так она подумала, ощущая жгучее наполнение глаз, – «никому вы не нужны теперь. А какой подвиг совершила ваша мамка, родив вас в резервуаре, вмонтированном в недра преисподней, знаю только я. Ибо и сама познала, что это – роды под куполом, там, где никогда не знаешь, что будет завтра, и будет ли оно, это завтра. И где она теперь ваша предательница мамка? Которая одна и любила вас так, как никто уже не сможет». – И она дала себе клятву спонтанно, страстно, что будет любить их как родных, как своего Рудика, не отличая их, всех вместе, неважно будет или нет любить их родной отец.

– Вот этот, – бабушка указала на длиненького и белокурого Андрея, самого старшего из присутствующих детей, ему было шесть лет, – на Рудольфа похож. Очень, очень похож. Одно лицо. А эти? – она пронзительно уставилась на трехлетних близнецов Толика и Алешу, – в кого? Темноволосые, а глаза светлые слишком. Рудольф беленький был в детстве, а ты рыжая. И глаза у него всегда яркие были, аква-

мариновые с очень густыми ресницами. А эти? – и она сурово, вопросительно упёрлась в Ксению взглядом старого инквизитора.

– Ты даже в семейной жизни осталась верна себе, – заключила она, имея в виду, что дети чьи-то, а не Рудольфа. Рита улыбалась, как сфинкс.

– Ах, да! – Мама Карин быстро утратила интерес к детям, – я забыла, что ты жила на спутнике. Было жутко? – Она проигнорировала отчего-то Рудика. Ксения взяла его на руки, и только тогда она сказала, – А этот рыжий какой! Майн Гот! Неужели в тебя будет?

– В моего папу, Артёма Воронова, – гордо ответила Ксения.

– Разве он был рыжий? Лысый, как каменная отполированная сфера.

– Что же, что лысый? У него же порода была рыжая.

– Ярко каштановый. Вот каким он должен был быть. И мог. Но не хотел отдавать этому восстановлению своё время, считал, что внешность мужчины – это дело десятое, – поправила Рита.

– Разве я сказала, что он всегда был лысым? Мне ли и не знать, каким молодцом он был! Ты-то разве видела его когда с волосами? – обратилась Карин к Рите с заметным неудовольствием.

– Русский репейник, – пробормотала она себе под нос на русском же языке, с умыслом для Ксении. И дальше произ-

несла уже для всех прочих, – Он был приставучий, колючий и ненормальный. Цеплял всякую девушку за подол, едва она приближалась к нему на близкое расстояние. Ты, его дочь, вся в него! Я смогла его стряхнуть в отличие от твоей матери. Твоя мать была кротким ангелом, и в тебе ничего нет от её утонченной непохожести на подавляющее большинство, из какового и был твой отец, и есть ты сама. – Что её разозлило? Рыжие волосы ребёнка, ответ Ксении или замечание Риты? Но она стала, как пасмурная серая туча.

– Это же не является наследственным фактором, то, что он был лыс, – зло ответила ей Ксения. «Тумба бесчувственная! Хоть бы слово ласковое сказала детям, хоть бы гостинцы захватила, если знала, что летит к детям. Бабушка – лошадушка! Не прокатишься на такой лошадушке!»

– Ну и дети у тебя! На все цвета, – она оглядела дом. – Что же у Рудольфа такой старый дом? Он же теперь в высокой обойме в управлении космической разведки. А дом как из прошлого. Правда, он всегда любил всё историческое. Как и я.

– Это дом моего отца Артёма Воронова, – перебила её Ксения.

Рудик, привлечённый заколками гордой бабушки, оказавшись близко, он сидел на руках Ксении, схватил бабушку за волосы всей пятернёй.

– Ай! – взвизгнула она, как девочка и обиженно схватила его ручку. Он заплакал от её грубости, но заколку успел

вырвать с солидным пучком её волос. Заколка имела в себе включения дорогих натуральных камней, а он не отпускал её из маленького цепкого кулачка. – Майн Гот! – ворчала мама Карин, – сломал причёску! Что и хотеть от ребёнка. Какова мама, таковы и дети. Надо бить за это по рукам.

– Попробуй, – злорадно усмехнулась Ксения и передумала отнимать у Рудика заколку. – Кто позволит? – Башня на голове накренилась и повисла над одним ухом «доброй бабушки». Рудик словно выполнил тайное желание матери – несколько подпортить безупречный вид ледяной альпийской и незваной пришелицы.

– Я Рудольфа держала в узде. Детей нельзя распускать!

– Он что, лошадь был? «В узде». Не знаю, впрочем, в какой узде его вы держали, в молодости он был хулиган и драчун. Вечно с кем-то дрался, а уж что вытворял...

– Ты давала к тому повод.

Ксения развернулась спиной к дорогой гостье, поставила Рудика в газон. Рита и Ксен уже не слушали их препирательств и обсуждали проблему спутника Гелия.

– Первое время я ходил как пьяный. Это была жизнь после жизни. Земля – вот где подлинный рай, и оценить её мне пришлось со стороны, а это, скажу я, не то, что услышать от других. Эйфория не оставляет меня до сих пор... – Ксен изливал душу Рите, а она продолжала улыбаться застылой и дежурной улыбкой повелителя пустынь – сфинкса, чем была невыносима Ксении. Или причина была в другом. В том,

в чём Ксения себе не признавалась. Рита чувствовала её состояние, прощупывала её, понимая, как хочется Ксении задать вопрос о Рудольфе. Но Ксения гордо молчала, а Рита не без скрытой и торжествующей издёвки ничего Ксении не говорила. Ждала её унижительных расспросов, того, что она не выдержит, выдаст свои чувства. Но Ксения выдерживала. Вела себя так, будто это её дети. И больше ничьи. Они были соперницы, и обе это понимали.

Рудик уже копал заколкой почву в газоне.

– Забери же! – приказала Ксения Ксену, – а то поранится.

Ксен аккуратно вынул большую острую заколку из его пальчиков, сунув в руку мальчика заботливо протянутый Толликом совок. Но бабушка брезгливо отшатнулась от драгоценности, испачканной в земле, а Ксен, не понимая ценности вещи, решив, что искорки на ней это стекло, а не россыпь бриллиантов, небрежно сунул её в карман своих шорт.

– Не вздумай её выбросить, – шепнула Ксения. – А с этой фурии не убудет. Настоящие редчайшие камушки. Она им и счёта не имеет.

Карин подозрительно прислушалась к её шепоту, но о заколке не напонила. Гордо направилась к ступеням открытой террасы, через которую был вход в жилое помещение со стороны участка леса и цветников.

Небольшая стычка напоследок

– Пойдём в дом! – сказала повелительно мама Карин, – я должна делать новую причёску.

Они направились в гостиную, оставив детей на улице с Ксеном и с Ритой. Увидев её экспозицию фарфоровых балерин, а также блёклых, безмерно старых по времени, юных барышень в кринолинах, кавалеров с белыми буклями и всех прочих сказочных персонажей из других веков, Карин заинтересовалась, забыв о лохматой голове.

– Ты собрала эти редкости?

– Нет. Это мамины.

– У меня в запасниках есть что-то подобное, что не представляет культурно-исторического интереса. Я тебе подарю несколько оригинальных вещей. Помнится, я тебе уже дарила. Танцующую девушку.

– Нет. Ничего вы мне не дарили.

– Ну как же! Я помню. Она была невероятно изысканна, а Рудольф ещё сказал, что она похожа на тебя.

– Да нет же!

– Ах, да! Это же была Аэлита. Это ей я подарила. Ты простила ему роман с иноземной красавицей? Он её невероятно любил. Да я уж рассказывала. Бросался на неё в моём присутствии. И это, заметь, после того, как пришёл ко мне после целого дня валяния с ней в постели у себя в доме. Вот у ко-

го стоило бы поучиться тебе, искусству вызывать такое желание к себе со стороны мужчин. А на вид? Что в ней было? Кроме её несомненно оригинальной внешности, я не сказала бы, что она обладала классической красотой, как ты. – Она мстила ей за причёску и утрату заколки. Жалела. Но держала фасон. – Всё время её целовал, глядел в её глаза, как вышколенный домашний пёс. Никогда не видела его таким. Но это же было ненормально! Я ему говорила. Только не вздумай делать ей детей! Уж лучше ты, чем та. Хотя и ты не подарок. Но ему лучше и не найти, такому уроду.

– Разве он урод? Он же всегда был красавец.

– Я имею в виду его характер. Или он стал у него другой? Не колотит тебя как прежде?

– Когда это он меня колотил?

– Тогда в музее. Он схватил тебя за волосы во время вашей ссоры, и чуть не выдрал тебе твой роскошный хвост, обзвав тебя рыжей драной кошкой. Ты так визжала. Я боялась, что сбежится весь музейный персонал! К сожалению, я не имела уже над ним власти, а то бы я отхлестала его по наглой морде за подобное отношение к девушке в публичном месте. Но тогда я поняла, что ваш разрыв неизбежен. Удивительно, как вы и встретились потом.

Вошла Рита. Она слышала последнюю часть повествования Карин и удовлетворённо мерцала глазищами, но сделала вид, что тоже заинтересовалась коллекцией. Ей было весело. Ксении хотелось тоже схватить её за хвост, её причес-

ка была как раз такой, как тогда у самой Ксении в музее. Длинный хвост, перетянутый на макушке красивой заколкой из золотисто-красного симбирцита – древнего окаменевшего перламутра. Почему-то Ксения была уверена, что Рита взяла эту заколку из россыпей сокровищ своей подруги Карин. Будучи жадной, корыстной, она всегда вела себя так, что дорогие безделушки для неё ничего не значат, и бесцеремонно брала их у других знакомых приятельниц и подчинённых женщин без возврата. А у Ксении так вообще вела себя, как будто это её дом. И странное дело, Ксения никогда не одёргивала её. Тут Рита сказала, вытянув заколку из волос, поскольку заметила интерес Ксении к ней, – Узнаёшь? Твой подарок, – после чего тряхнула своей роскошной гривой.

– Мой? – поразилась Ксения, – когда было? Не помню...

– Помнишь, приходила в ГРОЗ отлавливать его, когда он вернулся?

– Нет! Не было такого никогда! – Ксения стала алой, стала задыхаться от волнения.

– А он именно тогда расстался с Нэей и бродил неприкаянный. Кажется, даже к тебе хотел наведаться. Вот тогда-то его и ухватила та обесцвеченная метла. Не догадываешься, о ком я? Всё тогда могло сложиться иначе, если бы ты послушала меня и пришла ко мне в тот самый день, когда я тебе и велела. Ради тебя он вполне мог и отказаться от этого спутника, сожравшего десять лет его жизни! Он сделал бы невиданный карьерный взлёт, как ему и было уготовано сверху, –

теми, кто его ценил и ждал давно. Но гордец как всегда решил идти своим путём, поросшим чертополохом. Как и ты не слушалась меня никогда, потому и не пришла ко мне, а пошла пить кофе в «Башню ветров». И пила столь долго, что думаю, булькала потом как водяной. Зато на твоё пустое место как раз и пришла пустая растрёпа ...

– Разве не о твоём баобабе тогда шла речь? – почти прошептала Ксения. – Ты говорила мне о том, что будет встреча с тем, кто изменит мою жизнь чудесным образом. Каким же образом...

– Ты о Вайсе? – Рита засмеялась. – Конечно, он отчасти сумасброд, но я никогда и близко тебя к нему не подпустила бы! Зря ты его и боялась. Вайс сам никогда бы ко мне не пришёл. К нему сами все пути ищут, да редко кто находит. Я другие твои мечтания хотела осуществить, дурочка! А ты не поняла ничего. Ведь он и сам тогда тосковал о тебе. Мне ли было не понять! К Вайсу тебя ревновал и уверял меня, что ты как была, так и осталась самой прекрасной женщиной планеты. Такие слова не говорят о женщине, если её не любят. Таскался ко мне, как по встроенной программе, хотя делать ему у меня было и нечего. Потому что сам того не понимая, тебя ждал! Я же ему открытым текстом сказала, что ты по ГРОЗ бродишь, как тень отца Гамлета, только не загробная к счастью, и его ищешь. А ты в то самое время, когда я, как пошлая сводня, держала его у себя под надуманным предлогом и ждала тебя, как мы и договорились, куда ты направилась?

И опять десять лет космическому псу под хвост пошли!

– Ты конкретно ни о чём мне не сказала, чтобы я поняла как нужно.

– А ты слушала чем? Или в наушниках была? Мелодиями из музархива услаждалась, старомодная ты моль! Куда уж конкретнее то было.

– Он всегда знал, где можно меня найти...

– Там же твой верный кум Тыква жил, ты забыла? Как и теперь живёт. Вот видишь, всё ты помнишь, – равнодушно дополнила Рита, указывая глазами на возникшего в помещении Ксена. Но Ксен попил водички и ушёл.

– Пустая метла это кто? – наступала на Риту Ксения. – Ты о Нелли? Она любила только Рамона.

– Она и любила только Рамона после того, как на спутнике он ей сказал, что не научился пользоваться оружием, а здесь ему будет легко спрятать её труп за пределами купольного поселения в чёрных скалах. Если она сделает из него объект для всеобщего презрения и неуважения. Она струсила настолько, что стала тихой и пристойной девочкой. Рамон на спутнике и Рамон на Земле – это разные Рамоны. Она поняла раз и навсегда, что попала не только в другую систему звёздных координат, но и в другую систему ценностей.

– Она продолжала любить Рамона и после его исчезновения, – сказала Ксения. – Рамон был для неё больше чем мужем. Можно сказать, отцом, которого у неё не было, а также учителем. По-моему, он тоже её любил. Она так и не пове-

рила в его гибель. Чувала, что Рамон жив. Хотя, конечно, суровых клятв верности хранить было уже незачем.

– Чего там она чувала? Если он погиб. Такой злодей настолько запугал её, что даже его смерть не сняла оковы страха с её задавленного существа.

– Кто злодей? Рамон? Да ты шутишь! И никого он не запугивал. Он был на такое не способен.

– Знаешь ты, кто и на что способен! Он был зловредный сектант, ничуть не раскаявшийся убийца с личиком галантного пастушка, вроде того, что у тебя тут выстроились фарфоровым частоколом.

– Где теперь живёт Нелли?

– Прекрасно устроена, – встряла мама Карина. – Я же тебе говорила. Муж сильный и добрый человек, сама красавица, дом последняя разработка строительной индустрии...

– Она сообразила, находясь на спутнике, что из прежней половой невоздержанности можно сотворить источник дохода, – дополнила сведения Рита как всегда на свой манер, мягко произнося гадости о людях. – У неё отличный дом и образчик транспортного средства последней разработки. Она вышла замуж за Лёню Губина или Гоблина, не помню фамилию. Он вернулся к ней после отбытия срока заключения на спутнике. Милый союз, хотя муженёк не первый сорт, если честно. Да ей не привыкать к бывшим уголовникам. Что ни говори, дефектная природа всегда себя проявляет, как ты её не шлифуй самым продвинутым воспитанием. А у неё и

воспитание было так себе, периферийное какое-то.

– Тот Лёня её любил. Я сразу поняла, что-то слишком он большие претензии к ней предъявлял, а она в упор его на спутнике не замечала.

– Дела мне нет, как слушать тут новеллы о ваших спутниковых мелодрамах! – скривилась Рита, обрывая Ксению. – Чувствуется, как ты напилалась там чудовищным примитивизмом, неизбежным во всех замкнутых и не крупных по численности человеческих обществах.

– А ты сама?

– Я вовремя оттуда сбежала. Я сроду бы туда не попала, если бы не беспокойство за Венда. Если бы не моя буквально материнская забота о нём. Он отправился туда, не будучи полностью душевно исцелённым. Это только ты всю жизнь не вылезашь за пределы своей драгоценной скорлупки, а я и о других привыкла заботиться. Иначе жизнь моя смысла не имела бы, – процедила Рита.

– Ну, так и я сбежала вовремя.

– Сбежала, когда поняла, что тебя оттеснят в самый заброшенный угол без защиты Венда.

– Как и тебя саму без защиты Вайса давно оттеснили бы в самый никчемный угол вашей ГРОЗ! И даже за её пределы выставили бы! Ты никому там не нужна, кроме своего Вайса. И тут нет оскорбления, потому что честно. Мы обе с тобою барахло из прошлых эпох, хотя и красиво смотримся. Как мамина коллекция...

Тонем властного приказа Рита оборвала её, – Если считаешь себя барахлом, то не включай меня в свою компанию! Я так и поняла, что некая молодая прыткая особа на спутнике спихнула тебя с твоих завоеванных позиций, отсюда и твой пессимизм. Понятно, что я ни с кем не поделюсь своими прозрениями, уровень моего развития не тот, чтобы честно вещать о том, что человеку знать не только больно и тяжело, а не всегда и нужно.

– Что за странные у вас препирательства? – встряла в их непонятный для себя диалог Карин, выходя из глубокой задумчивости. – Ксения, ты знаешь Вайса?

– Нет! – закричала Ксения. – Я никогда его не знала, не знаю и знать не хочу!

– Тогда чего и кричать? Мало ли кто и кого когда-то и где-то ждал. А у этой, – она небрежно кивнула на Риту, – вечное желание испортить людям настроение, поскольку её саму Бог радости лишил.

– Разве только меня одну? – спросила Рита.

Карин её проигнорировала, обращаясь только к Ксении, – Важно то, что есть у тебя теперь. А у тебя счастливая семья, чему я рада и чему я удивляюсь. – Она побродила по обширной комнате, где и был домашний музей Ксении, вернее, музей памяти её матери. – Почему у вас так скромно? Не считая твоего музейного хлама. У тебя даже нет интерактивных обоев или голографических безделиц, хотя я и сама не люблю иллюзию роскоши, которой нет в действительности.

Рудольф же любит, чтобы было всё красиво, современно. Я приучила его к изысканности в быту. Я сама всё это любила, люблю до сих пор. Музей на дому – это не его стиль. У него аллергия на музейную ветошь. Он разлюбил всё музейное ещё в юности, когда торчал у меня из-за своего снобизма, потому что презирал сверстников. Это было. Да. В подростковом периоде он был отшельник. Одна женщина, не буду называть её имени, быстро излечила его от тяги к прекрасным миражам. С тех пор он не любит ничего архаичного, романтического, пасторально-клубничного.

– Истеричного, комичного, неприличного, – продолжила, издеваясь, Ксения. Карин заглядывала в её рот, как будто силсилась сосчитать её зубы, но манеры – это было не про неё, залежалую аристократку, живущую в музейной башне. – У меня зубы не антиквариат, не надейтесь, я подлинно молода. И кусаться я умею.

– Ужасный дом! Неопрятный...

– Неохватный, незнатный. Дом потомков русских извозчиков и нечёсанных подавальщиков блинов с жирным коровьим маслом. А на ногах валенки с подсолнухами. А рот после блинов мы утираем подолами. Туда же и сморкаемся, когда приходим в дом с мороза. А то ещё любимое занятие – бросаемся бубликами, если ссоримся.

– При детях? Тебя следовало бы стукнуть по макушке чёрствым бубликом. Но я их не вижу на твоём столе. Я понимаю твой юмор. Но не принимаю его. Я о доме, и я уточню

свою мысль. Дом, как и его хозяйева, лишён всякого стиля. Безвкусный. Но Рудольф всегда не имел вкуса. Это по линии его русского отца. Хотя Паникин никогда не носил валенок, тем более с цветами. В основном космические ботинки.

– Конечно. Куда ж нам, русским, до вашего немецкого строгого, но сверкающего чистотой и умеренностью стиля. А валенки Паникин носил, я как-то видела его в лесу в новогодние праздники. Он ещё залез в сугроб и потерял там валенок. Вот была потеха. Такой большущий белый валенок, правда, без вышитых подсолнухов.

– И что же? Потом пошёл домой в одном валенке? – уже откровенно смеялась Рита.

– Нет. Рудольф вытащил валенок из сугроба, а папа отругал сына за то, что это он набил валенок снегом. Я, помню, даже согрелась от смеха, наблюдая их возню. Кажется, папа Паникин был в подпитии. Он орал на весь лес. Акустика в морозном воздухе великолепная, а мороз был нешуточный.

Карин не понравились насмешки над бывшим мужем, она ещё презрительнее сжала свои подкрашенные мерцающей помадой губы. Испорченная причёска придавала ей комический вид.

– Дом хорош своим месторасположением, просторностью, своим архитектурным замыслом. Я имела в виду его внутренний дизайн, отсутствие заботы о месте проживания. Ты не могла ни повлиять на его вкус, это происходит с неизбежностью. Культурный мужчина под влиянием распушенной

жены неизбежно распускается и сам. Женщина всегда наполняет мужчину собою. Как безупречно выстроенный дом можно испортить внутренней бестолковой начинкой, так и влияние жены на мужа подобно этому.

Карина вспоминает Артёма

– Это дом не Рудольфа, – устало напредила Ксения, понавив, что эту усохшую душой швабру не переспоришь, – а бывший дом моего отца, оставленный им мне. И на спутнике Рудольф был совершенно безразличен к изыскам быта. Знали бы вы, какая там нищета в этом смысле. Только необходимая функциональность во всём. Минимализм. Думаю, он отвык от ваших этих изысков.

– Артём был управленец крупной структурой. Что же он так просто жил?

– Артём был человек очень скромных запросов, – подала свой голос пасмурная Рита, – он не нуждался в роскоши. Более того, презирал её. Он был человек большого ума и всегда жил интересами высшего свойства. Любил научные поиски, разгадывал тайны Вселенной, а не прохлаждался в комфорте и не бездельничал даже в минуты своего редкого отдыха.

«Ха-ха»! – мысленно прокомментировала Ксения её помпезную речь, сказанную, будто вдова стоит у его памятника. «Можно подумать, ты давала ему бездельничать в эти редкие

минуты! Тащила в бассейн, где снимала свои трусы и висла на нём, как похабная мартышка на стволе»! Ксению распи-рала ненависть к Рите – бывшей мачехе и настоящей сопернице. Притворщице и лицемерке, строящей из себя ледяную статую свободы от мирских соблазнов, устремлённой гордой главой в космические высоты.

– Он не тратил время на поиски удовольствий, – добавила Рита, отвечая как будто на мысли Ксении.

– Чего его было тратить на поиски? Удовольствие само приходило к нему. Он был там у вас и царь, и вселенский ваш женский повелитель. Нет?

– Нет, разумеется, – холодно возразила Рита, – не надо мерить по себе. Не одними удовольствиями и жив человек. Жизнь на спутнике плохо сказалась на твоей психике. Ты слишком мало времени провела в «Сапфире». Не считаешь?

– Нет, разумеется. Не надо мерить по себе. Не одним холодным рассудком и живёт человек. Не считаешь?

– Я хорошо помню Артёма во всех его характерных особенностях, – опять встряла мама Карин в их перепалку, замаскированную под спокойный разговор. – Он был недругом Паникина. Бедняга Паникин и не подозревал, какого беспощадного врага обрёл в его лице. Он вышиб его за глупую неудачу одного полёта навсегда, а карьера его так хорошо начиналась. Твой отец имел тайный вес в этой структуре ГРОЗ. Но камуфлировался под простака. Под того, кто всем, как это? Ближнего человека, да. Или близкого? Я всегда пони-

мала, что их структура слишком сложна для бесхитростного Паникина. Я никогда не жалела о его уходе оттуда. И всегда сожалела, что сын туда влез. И рассказать вам причину, по какой изгнали Ростислава в действительности? Вы не поверите.

– Может, не стоит? – спросила Рита.

– Почему же? Ксения ничего такого не знает о своём отце. Ей будет интересно. На одном праздничном мероприятии мы и встретились. Я помню, как не хотела никуда идти. Но Ростислав настоял. Он гордился мною. А я была нестандартна во всём. Я не была слащавой и трафаретной красоткой. Я всегда была крупная, может, не так пышна, как теперь, но мною все восторгались. А эти русские мужчины, они все говорили, что я по виду русская красавица. Гиперборейская богиня, так назвал меня твой отец. Мне не надо было так откровенно наряжаться. Но наивный Паникин хотел блеснуть своей женой перед своими коллегами. Ну и блеснул. Я пришла с обнажённой спиной и плечами, а спина у меня была божественная, это правда.

Бабушка не страдала избытком скромности и теперь, не смотря на солидные годы, – Кто там был рядом? Какие-то примитивные подделки под подлинность. А я вся настоящая, грудь, волосы, зубы и прочее – всё своё и природное. Всё блестяще неповторимое. Да. Это же чувствуется на расстоянии, от такой женщины идёт незримое, но обжигающее сияние.

И Карин гордо подняла весьма ощутимо пополневший подбородок, а когда-то очень красивый, упрямый, и выпрямила плечи. От поднятой вверх головы шея разгладилась и стала совсем как у молодой женщины. Рита отвернулась, давась от смеха. Сделала вид, что рассматривает коллекцию балерин, тех, что стояли в нижних закрытых нишах.

Вспомнила бабушка свой девичий, но не стыд, а триумф

«Гусыня самовлюблённая»! – вот что подумала Ксения, также насмешливо слушая её самовосхваления. Но Карин ещё только входила в экстаз своих откровений. Она на удивление женственным движением освободила волосы от заколок и тряхнула красивой белоснежной гривой, отбрасывая её на спину. С распущенными волосами она как-то удивительно помолодела и похорошела. Или погружение в собственную молодость преобразовало её на глазах слушательниц.

– Помню, это был ваш русский культовый праздник встречи Нового Года. На мне было серебристое платье – космический дизайн, звёзды и туманности из камней на груди. Все замолчали, когда я вошла в банкетный зал. Твой отец, он... Ну, это не важно. Мы танцевали. Он был ценитель красивых женщин.

– Ну да, – Ксения оторопело смотрела в рот бабули, по-

рядком забыв за прошедшие годы её характерные особенности. – Вы же говорили. Русский репейник, вот и зацепился за ваше украшенное драгоценностями платье.

Рита хмыкнула вслух. Она вертела в руках фарфоровую балерину.

– Ничего не произошло особенного, просто он говорил мне что-то...

– Что-то интимное? – съехидничала Ксения.

– Вовсе нет. Банальные любезности. Тогда-то Паникин при всех запустил в него тарелкой со съестным. Но попал в моё платье, так как партнер по танцу ловко увернулся.

– Кавалер! – заметила Ксения, – «погибай, пропадай, именинница!»

– Какая именинница? Не было там никаких именин.

Рита уже откровенно смеялась, но давила смех, отчего ощерившись, стала некрасивой. Ксения не раз замечала, как уродует её смех, ей мало свойственный. И как вообще уродует смех недобрых людей. Она не умела смеяться. Ксения тоже засмеялась, но звонко, весело, зная, что смех только украшает её. Мама Карин обиженно смолкла.

– В чём смех? – фраза была сконструирована тоже смешно. – В том, что дурак испортил мне моё платье? Испортил праздник людям вокруг? Его ревность происходила от его глубинной ущербности. Да. Нормальный мужчина не ревнив. Он всегда на высоте в любой ситуации.

– А что же сделал отец? – Ксении было интересно дослу-

шать финал истории.

– Он? Сорвал с ёлки шар, самый большой и запустил ему в голову, Паникину! – тут Карин ловко изобразила пантомиму бросания несуществующего шара в лицо Ксении. Растопырив ладонь, она наслаждалась собственной внутренней картиной. Реанимация прошлых боев, какие велись за неё лучшими русскими мужчинами, пусть это и происходило только в её памяти, делала её реально прекрасной в данный момент. – Но шар был лёгкий, стеклянный. Он не мог причинить вреда. Он упал и разбился. Не об его бестолковый лоб, а о покрытие пола. Все смеялись. Ситуация была бы и разряжена, пусть я и осталась в испорченном платье. Но Паникин повторно набросился на Воронова. Повалил его на стол, раздался звон, грохот. Ростислав был невероятно силён. Он же происходил из особого рода тяжеловесов и борцов. Артём ему уступал в силе, но поскольку они оба одинаково владели своими боевыми приёмами, победить не мог никто. Мало того, он принялся избивать уже поверженного Артёма кулаками по лицу! Разбил ему нос. Потекла кровь. Тот ответил не менее увесистым ударом, рассёк Ростиславу бровь. Одним словом, казачий бой! Все не сразу поняли, что происходит. Они сцепились каким-то рычащим звериным клубком. Опрокинули столы, разлили напитки, смешали в кучу праздничные блюда, повалили кресла. Банкетный зал превратился в какое-то архаичное поле для сражений. Даже на улице такую дикость не встретишь уже, а тут в управленче-

ском небоскрёбе ГРОЗ, в банкетном зале «Зов Галактики»! Конечно, их быстро призвали к порядку. И возможно, простили бы такое, анекдотическое больше, ледовое побоище ради праздничного настроения. Сочли бы издержками слегка вышедшего за рамки традиционного зимнего карнавала. Испорченные угощения? Да ведь туда не есть приходили, а веселиться, развлечься, пообщаться. Ну, вот и повеселились, развлеклись и пообщались на славу. К несчастью, там было высшее начальство ГРОЗ, что было совсем уж редким исключением для подобных мероприятий. Может, соблюли бы наши бойцы меру и в своём безобразии, высшие управленцы также благодушно списали бы произошедший кулачный бой на отголосок древней русской традиции. Кто-то даже сравнил Ростислава с неким купцом Калашниковым, а Артёма обозначил как Кирибеевич.

– Надо же! – восхищённо вставила Ксения, – какая продвинутая публика там находилась!

– Таким всесторонним гуманитарным образованием среди той публики обладала только я. Я и назвала их так, проведя историческую параллель, – горделиво пояснила Карин.

– И зря! – насмешничала Ксения, – вы запустили программу негативного развития сюжета. Ясно теперь, почему высшая власть в лице Грозного царя не встала на сторону праведного мстителя за поруганную честь жены!

– Какая честь? Досадный сбой возможен в любой, даже в самой прекрасно отлаженной системе. Все бы так и решили.

Всякое же бывает с живыми людьми, уж коли и роботы выходят из строя. Только Ростислав сам напоследок повалил Артёма на огромную ель. И как ни крепко она была привинчена к креплению на полу, не устояла. Опять грохот, посыпались шары, хвоя. Смех смешался с воплями гнева и прочим шумом. Были задеты и те люди, что стояли рядом с елью и не ожидали подобного. Имелись и легко пострадавшие. Два русских медведя перекатывались в густых хвойных ветвях, как в тайге какой, не уступая один другому. Наконец, выдохлись все. И борцы и зрители. Праздник завершился на славу. Удался! Так говорят в подобных случаях у вас, у русских. Этот дуэт действительно напоминал старину, им не хватало только оружия.

– Не дуэт, а дуэль, наверно, – поправила Ксения.

– Наверно. Дама раздора – я стояла в испорченном платье у всех на виду. Но я и в этой ситуации не позволила себе уронить своё достоинство.

– А что же Грозный повелитель ГРОЗ? Что сказал он? Приказал тащить на Лобное место зачинщика? – любопытствовала Ксения.

– Ты образована, – похвалила Карин. – То и сказал. Я и воспроизвела его заключительные слова. «Позор! Вам в тайге с медведями только и обитать, да и то в прошлом времени, а не быть представителями звёздного человечества». Однако, твоему отцу всё сошло с рук, а вот Ростиславу – нет. Его и признали зачинщиком безобразного скандала. – Карин взя-

ла пару заколок, положенную на сидение дивана, и заколола волосы в длинный хвост. Остальные три блестящие штуки она оставила на месте.

– В этом я и не сомневалась, – Ксения взяла у Риты из рук балерину и поставила в нишу за стекло. Чего её мусолить? Разобьёт ещё. А то и утащит. Заметно было, что фигурка ей понравилась. Рита была падкой до чужого имущества. Вполне могла утащить. Стояла и прикидывала, как бы незаметно сунуть к себе в изысканную сумочку, которая болталась у неё на плече. Сколько, помнится, она утаскивала маминых вещей при жизни мамы, когда приходила к ним в её отсутствие. Мама потом искала и не могла понять причин пропажи. А Ксения, чтобы мама не переживала и не узнала правды, говорила, что это разбила или взяла себе она, Ксения. Подарила подружке какой-нибудь. Не знала, что подарить. Ну и взяла.

– Так что же было дальше?

– Ничего. На следующий день, уже вечером, когда Паникина не было дома, Артём явился с извинениями. Но я уже очистила платье. Чего было и помнить?

– Где же был Паникин?

– У него начались неприятности по поводу инцидента. Его вызвали к начальству, на перепесочку. Так они говорили. Артём приехал, зная, что его нет. А то бы они и мой дом разгромили. А у меня там камни, коллекция. Там не обошлось бы смехом, там они раскроили бы друг другу головы.

Не знаю, кто кому. Кто успел бы первым.

– А вам как хотелось? Кому желали вы победы?

– Мне было всё равно. После этого я выгнала Паникина вон.

– После того, как душевно пообщались с моим отцом на своих белоснежных простынях?

– Нахалка! Ничего такого не было!

– Ксения, ты опять вываливаешься из всяких приличий. – Сурово, но наигранно, скрывая удовольствие от всей ситуации их взаимного трения, сказала Рита. – Нельзя же обижать своих гостей!

– Я не обижаюсь на неё, – удивительно мягко возразила Карин, – она была такой всегда. Говорила, что думает. За эту её особенность ей и доставалось в жизни, я думаю. А я за это её всегда жалела. Я помню, как после их сближения, а она была почти ребёнком, но ребёнком порочным, она ходила передо мною голая по комнате, и это тогда, когда я застучала их в своей постели, и она ещё досадовала на то, что я не дала им возможности продолжить их утренний секс.

– Да не было ничего у нас в то время! Мы дружили полгода, прежде чем что-то и произошло! Это вы в своём незнании своего сына и вообще из-за неумения понимать людей так подумали. Я была, да это правда, совсем девчонка. И он ничего себе не позволял. Он очень долго за мной ухаживал. Это было так по-старинному. Так необычно. Жаль, что быстро закончилось.

Душа Карины – холодные змеи и страстные розы

– Один из главных управленцев в структуре ГРОЗ, тот самый упомянутый вами Вайс, мне сказал, – продолжала как ни в чём ни бывало Карин, – Вы жена этого распустёхи? Невероятно! Вам нужен кто-то другой, а не этот лихой казак, не умеющий собой владеть. Вы утончённая, вы же королевой были там среди всех прочих! Вы как никто. Я ответила, вы близки к истине. У меня в роду были королевские предки. У меня есть и генеалогические древние таблицы. Не музейные, а именно семейные реликвии. А потом... – она умолкла, не желая распространяться. Рита вышла, ждала её у аэролёта на площадке.

– Я не обижаюсь на твои колкости. Потому что виновата перед тобой. Это горькая история нашей с твоим отцом любви, глупая, как часто и бывают все истории в юности, но самые чистые и неповторимые по силе своего чувства. Я не знаю, кто там был виноват. Неважно это. Но перед отцом Рудольфа, перед сыном виновата только я. Одна. И это я познакомила твоего отца с этой дрянью Ритой и сломала жизнь твоей матери, а ей и так было непросто жить. И своему Паникину я жизнь поломала.

– Почему же вы не простили его за такой пустяк, как скан-

дал на вечеринке?

– Он не простил меня. Я уже не молода. Прошлые грехи гнетут мою душу. Я не была счастлива в молодости, да и потом тоже. Сын не любил меня, не хочет меня знать и теперь. Но за что? За то, что я была строгая мать? Я не хотела, чтобы он стал распустёхой, как его отец. Тот вечно шёл на поводу своих страстей, агрессии. Да. В кого же ты думаешь Рудольф такой? В меня? О нет. Я всегда была кристальной, я умела себя держать в руках всегда, моё воспитание никогда не позволяло мне распускаться, и уж тем более идти на поводу низких устремлений, если они к тому же затрагивали чужую судьбу. Я не нашла себе достойного человека. А твой отец, он был занят к тому времени, как решил исправить ошибку молодости и вернулся ко мне. Какой был у меня выбор? Стать причиной горькой печали твоей милой матери? Но Рита, эта пиявка, присосалась к нему и отправила Нику раньше времени в иной мир. Я так говорю, потому что верю в наше бесконечное существование, но в других мирах. Не скажу, что меня радует такая вера, мне хотелось бы стать чистым ничто. Но я как-то не уверена, что оно есть. То есть в этом заключено противоречие. Не может быть того, чего нет. Ничто это ничто. То, чего не существует. А мы, увы, существуем и страдаем. Почему твой отец не убил Рудольфа за то, что он сотворил с тобой в юности? Потому что он помнил, как брал его на руки в его детстве и подбрасывал вверх, а также, кто его мать. А так? Рудольфа и не нашли бы нико-

гда в бесконечном Космосе. Сколько гибнет там людей? Но твой отец лишь наказал его. Хотя были и другие люди, кто не дал ему погубить сына Паникина, ведь и отца Рудольфа он ненавидел. Он был очень опасный и мстительный человек. В чем-то он был патологический. Как многие неординарные и сильные люди, кстати.

– И кто же был тот спаситель? – Ксения слушала её неожиданную исповедь, не сомневаясь в её правдивости. Да и умела ли она лгать?

– Был один. Он любил меня настолько нежно, как тебе и не представить. Но это была больше отеческая любовь, если ты подумала нечто иное. У меня с ним было, скажем так, родство по крови. Он невероятно умён, если не сказать, что гениален. Он охранял Рудольфа на той планете. Он не дал его погубить твоему отцу. Но не ради Паникина. Конечно, нет. Ведь Паникина, когда его вышибли из ГРОЗ, не защитил никто.

– И часто вы с тем человеком встречались? – зачем-то спросила Ксения. – Кто он?

– Тебе зачем? Я уже давно не встречалась с ним. Признаюсь, видела его и в своём детстве. Он несколько раз навещал моих родителей, что-то требовал от них, а мне было отчего-то страшно. Казалось, что причиной их всегда напряжённых бесед была я, маленькая на то время девочка. Потом уж он надолго куда-то исчез. Исчез буквально из пределов планеты. Так объяснял мне отец. И я успокоилась. Он казал-

ся мне угрозой. Не знаю, в чём она состояла, но так я чувствовала. А потом при редких встречах, будучи уже взрослой женщиной, никакой угрозы я не ощущала. Дети всегда фантазёры. Вероятно, чем-то он меня поразили в детстве. Но чем именно, того я не помню. И странно, что он с тех времён моего детства ничуть не постарел, ничуть не изменился. Или уж так казалось. Ты можешь и догадаться, о чём именно я тебе намекаю, я не буду ни опровергать, ни утверждать, что Вайс не является для меня человеком посторонним.

– Он ваш отец? А у тех родителей, у Вендов, вы были приёмной дочерью? Вероятно, там была непростая история, печальная по сути-то своей...

– Для меня, старой женщины, это не имеет уже никакого смысла. А вот бедный Паникин был ему невыносим. Вероятно, он считал его не тем человеком, кто мог стать достойным в его понимании соратником и уж тем более другом, каким был, к примеру, твой отец, не смотря на солидный возрастной перевес Вайса. А уж каково оно, понимание Вайса о достоинстве и ценности человека, не мне судить. Паникин и сам не редко умудрялся заводить врагов на пустом месте, хотя человеком был и остался добрейшим. Не честолюбивый потому что, а честный и откровенный порой до дурости. Но Паникину, насколько я понимаю, это принесло лишь счастье и семейное благополучие. А то он тоже мог сгинуть в бескрайнем Космосе, как и твой отец, как многие и многие. Космос прожорлив. Как тот Хронос из древнего ветхого мифа.

И я рада, что вы с Рудольфом живёте, наконец-то, на Земле. А не где-то там, в Галактическом мегаполисе болтаетесь, как иные несчастные люди. Но опять же, если верить, то Земля им не нужна. Им и там хорошо. А как было там тебе, в той бездне непонятного мира?

– Хорошо было. Раз дети там появились, как думаете? Там обострённые чувствования, особые. Может, я и жалею, что вернулась. Как знать.

Карин холодно и надменно, но явно уже простив распущенное семейство за свою испорченную прическу, поцеловала Ксению в лоб как мёртвую, с лёгким отвращением что ли. Или отчуждённо, без чувства, а ради своего понимания пристойности.

– Я желаю тебе с ним счастья. Думаю, что вы уже давно одумались и стали, наконец, взрослыми. Пора. В таком-то возрасте. – И она укоризненно посмотрела на Ксению, словно осуждая её за неподходящую истинному возрасту молодость. Конечно, она догадалась обо всём. О той процедуре, через которую она прошла в «Эдеме». Или как называли тот засекреченный центр на тайном языке сами прошедшие через омоложение – «Туманность будущего», где слово туманность писалась через «а».

– Заколки! – напомнила Ксения.

– Возьми себе. Должна же я хоть что-то подарить тебе, раз уж так некстати набилась в гости. Тебе не помешают. У тебя очень неприбранная голова. Можешь не подвергать их сте-

рилизации. Камни достаточно подержать под струёй холодной, проточной воды и тщательно протереть, желательнее чистым хлопком или льном. Я обижусь, если ты откажешься от моего подарка. Я не ожидала, что мы навестим тебя, поэтому я не припасла подарков ни тебе, ни детишкам. Мне хочется оставить приятный след о своём визите. Спасибо тебе за радостный приём.

Рита, если бы знала, что драгоценные заколки будут отданы Ксении, уж точно прихватила бы их себе. Не испорти Рудик бабушкину причёску, никакого подарка не было бы. Так что дар был в некотором смысле невольный и Ксении не нужный.

– Камушки – ваши русские, натуральные. Якутские алмазы. Огранка камней старинная, так называемый «советский стиль». Редкость для настоящего времени. Были подарены мне отцом Рудольфа полвека назад, приобретены им на каком-то аукционе всяческого старья. Были отреставрированы художником по камням для возвращения им неповторимого блеска. Я не ношу на себе безделиц никогда. Поскольку я и сама не безделица какая-нибудь.

– Музейный хлам, одним словом, – сказала Ксения, подразумевая не камушки, а саму маму Карин.

– Нет. На музейную роскошь они не тянут. Заурядный ширпотреб старого времени. В противном случае, я их тебе не подарила бы. Всякая щедрость должна иметь границы. Чтобы никогда о ней не пожалеть впоследствии. Я щедра,

дарю прекрасные камни и изделия всем, к кому бываю расположена. И никогда о том не пожалела. Поскольку и в своей доброте соблюдала меру. Что и тебе советую. Во всём должна быть мера. Мера – одна из основных божественных основ нашей Вселенной. Без меры не существует ничего. Только хаос.

– Вот оно влияние отца – философа! Всякая ваша речь с неизбежностью перетекает в мудрое назидание.

Карин уловила издевательский подтекст Ксении, несколько нагнула голову и глянула исподлобья, чем непереносимо напомнила манеру своего сына! Возникший всплеск ненависти к ней Ксения сразу же поделила на них двоих, – на саму Карин и на её сына Рудольфа.

– О каком отце речь? – спросила несносная старуха, хотя старухой-то она не выглядела ничуть. Хоть замуж отдавай!

– О вашем отце, о Венде, который вас и воспитал.

– А у меня разве был какой-то и другой отец? К чему эти пояснения?

– Сами же говорили только что о Вайсе...

– Ничего я тебе не говорила, болтушка несносная! К тому же Вайс – это не фамилия, а больше профессиональная кличка. Эти люди из ГРОЗ постоянно меняют свои клички, когда радикально меняют свою жизнь. Поверь, и с твоим мужем это когда-нибудь произойдёт. Ты выбрала не лучшую участь для себя. Он уйдёт от тебя с неизбежностью.

– Для этого необходимо, чтобы он ко мне пришёл, – про-

бормотала Ксения.

– Что значит «пришёл»? Откуда пришёл? Если он всё время обретается здесь. Это меня, свою мать – единственного человека, любящего его подлинной любовью, он так и не захотел впустить в свою жизнь.

– Да с чего вы взяли, что он тут живёт! – не выдержала Ксения, не желая поддерживать нелепую игру.

– Просто я чувствую здесь его присутствие, его тень, если хочешь, – ответила мама Карин. Ещё раз холодно – официально кивнув, она двинулась на выход. Ксения подошла к открытому окну, отслеживая её маршрут. Бабушка прошла рядом с играющими детьми, как мимо посторонних, не попрощалась с Ксеном. Спина её была полуобнажена и теперь. Неплохо и выглядела. Хотя она и ожирела. От возраста. Но именно полнота придавала её лицу не свойственную ей прежде мягкость черт, и внешне она была даже симпатичнее, чем тогда, когда влетела роскошной фурией в свой дом в то первое их утро с Рудольфом. Ксения брезгливо отстранила её чашку от себя подальше и так же брезгливо стала пить свой остывший кофе, кусая пирожное и не чувствуя никакого вкуса.

– Где оно, наше семейное счастье? И где оно наше несбыточное соединение? – спросила она у пустого сидения, на котором и сидела только что ушедшая, так и не состоявшаяся свекровь. В последнее время как-то уж подозрительно часто Ксения разговаривала с отсутствующими людьми так, слов-

но бы они были рядом. И говорила вслух. Эта особенность, возникнув на спутнике, не покидала её и на Земле. Была ли это своеобразная форма не тяжёлого, а всё же душевного расстройства, или так проявляла себя потребность её общительной от природы натуры, вынужденно ограниченной в общении ввиду необычных обстоятельств последних двух с половиной лет, спросить было не у кого. Существенных отклонений в профилактическом секторе «Сапфира» после прибытия домой на Землю у неё не обнаружили. А ей всё казалось, что это произошло раньше, в том глубоко-тайном центре возвращения молодости, когда её прежнюю душу приторочили как-то набекрень. И вот она волочилась за нею следом, не всегда поспевая, не всегда совпадая с окружающей реальностью, большей своей частью так и оставшись с той прежней Ксенией в её ушедшем времени, не принимая другого по сути-то вместилища, как и времени настоящего. Если это и была проблема, то какой из двух Ксений она принадлежала? А старая вредина её раскусила сразу. Умышленно строила из себя выжившую из ума старуху, на свой манер подсмеиваясь и допуская как бы из жалости, как и подобает высшей и великодушной, низшее и убогое существование Ксении в этой Вселенной.

Вот Луна разбросала свои побрякушки...

Бессонная ночь

Само существование Ксении во Вселенной не могло быть бесполезностью, если она была вызвана откуда-то и явлена на планете Земля в Солнечной системе – маленькой бисерной завитушке в колоссальном звёздном плетении Млечного Пути. И все-то бисеринки сплетены одна с другой, и все-то атомы, их составляющие сцеплены друг с другом, и все-то события и времена, люди с их судьбами и бессмысленной по виду толкотне есть суть и основа, наполнение, а значит и смысл? Целого Мироздания. И тот, кто унижает, высмеивает, изничтожает человека, гадит словесно и делами на всякую обитающую рядом душу, отказывая ей в её, не своёвольном и случайном, а высшем призыве в явленный мир, а также и себе в том отказывая, посягает на само Мироздание, а значит и на его Творца. Да. И никак иначе.

Была ли это специфическая форма самооправдания себя перед собой, желание восстановить в себе самоуважение, так и не обрётённое по возвращении со спутника, она не анализировала. Возвышенные раздумья очищали, так ей казалось.

Это всё равно, как слегка отодвинуть пыльную штору на закрытом окне, ахнуть от восторга и на миг стать и самой частицей светового потока. А если ещё и открыть панель окна во вселенскую необозримость, то сразу станет очевидно, как ничтожна и ограничена темнота в собственном мышинном закутке – в собственном закавыченном сознании. Нужно было совсем немного усилий для этого, – всего лишь найти то внутреннее окно в светлую бесконечность.

В одну из ночей Ксения долго ворочалась в своей постели, которую вполне можно было назвать «соломенно-вдовьей», в виду двусмысленного положения одиночки при живых, так сказать, мужьях. Горестен и беспокоен был её сон, а вернее отсутствие его, безотвязны и назойливы тоскливые думы. И всё возвращало её в ту самую исходную точку, с которой и началось её, в который уже раз неудачное восхождение к миру счастья. Вот также, помнится, лежала она, и в ней саднила, вскрытая жестокой и непонятной Вороной, та самая скважина, ведущая в другое время. Оттуда и выплывали, как клубы сернистых испарений, удушливые образы позорного провального прошлого, не приведшего ни к чему значимому, ни к чему желаемому и загаданному в святой и чистой юности. Да что же это за порочные замкнутые траектории, по которым таскается она, как осёл на верёвке вокруг какого-то там древнего жернова. Что это «жернов»? Ксения представляла плохо.

Рудик спал в кабинете Ксена. На ночь Ксен рассказывал

ему сказку, там он и засыпал.

«Не принести ли Рудика к себе»? – думала Ксения, прислушиваясь к шороху. По дому бродяжничал Ксен, страдающий творческой бессонницей, или и он тосковал. Принести ребёнка к себе, прижаться и вдыхать родной запах, похожий на запах сдобной сливочной булочки, уснуть и избавиться от дум. Не обманула она сама себя, не удалось ей избавиться от опустошенности былых кипящих недр, в которых завывала, как заслуженное возмездие, жуткая тоска, не смотря на цветущую юную оболочку.

Она впервые подумала о том, что сексуальная нужда не имеет ничего общего с любовью, что можно любить человека и упрямо стремиться к нему даже тогда, когда он не способен дать удовлетворения сексуального, что так упрямо и настырно твердят сексопатологи всех времён и народов. Вот у неё были нелюбимые и случайные партнеры прежде, но они были способны, умели, давали ей то, чего никогда не испытывала она с Вендом. А стремилась она, продолжала лезть к нему, а не к ним. Грубо говоря, этот человек редко приводил её к той наивысшей точке сближения мужчины и женщины, о чём не принято говорить открыто. Или не умел, или был охвачен лишь собственными ощущениями, или же она тогда пребывала в девичьей чувственной недоразвитости. Она всегда желала дать ему предельное счастье, одновременно не желая чрезмерно-затянутого его глубинного погружения в себя. Она не была тогда страстным коллекцио-

нером сексуальных впечатлений, коим всегда и всего мало. Она была юной, но не была виртуозной и горячей наездницей в буйном табуне Эроса, как та же Лора. Скорее уж, пугалась горячих вихрей, обдающих её слишком белую и тонкую кожу жаром перегретых инстинктов. Ей, напротив, не хватало куртуазной прохладной тишины и старомодной нежности. Раньше она не понимала ничего, была верна ему, и жила какими-то иными чувствами, радуясь отражённой от него радостью, считала, что у женщин и не бывает иначе. Женщина не мужчина. Лора не бралась ею в расчёт, Лора для неё навсегда осталась порочной, нимфоманкой. Но, оказалось, бывает и весьма ощутимая сладкая отдача. А любви она всё равно не породила, как только проявлялось лицо того, кто не был нужен её сердцу, кому не было места в её жизни. И тогда пришло понимание, что с юными страстями пора завязывать. Они обман, они низки и никчемны. Как ни странно, они дарованы всяческим Лорам, больным на голову, а она, тончайшая и нежнейшая женщина Ксения не годы, а десятилетия! Всю свою цветущую женскую пору прожила стерилизованной кошечкой в семейных подушечках с ласкающим её Ксеном. И всегда только по её правилам или капризам, и никогда против золотой и уникальной шёрстки... Мур-мур, – день и ночь душа призывала «мурзавца»...

Ксен протягивал надёжную и лишённую когтей лапу друга, в его по собачьему преданных и также по собачьему красивых, поскольку очень уж простодушных глазах жило толь-

ко её отражение. Для него как для верного пса не важна была внешность той, кого он обожал. Обожал во всякую минуту, ожидая своей минутки ласки и вполне заслуженной кормёжки. Кормёжка всегда происходила взахлёб и быстро, как и бывает у вечно голодных псов. Животная горячая слизь была по-домашнему привычной и не вызывала брезгливости. Друг клал лобастую голову на грудь и тихонечко постанывал от блаженства, которое она принимала свысока и милостиво, подспудно и хронически страдая от неполноценности отношений, бывших для внешних наблюдателей заурядно-семейными, стандартными, хотя и достаточно бесцветными. Очевидно скучными, не дай Бог таковых ни нам, ни нашим дочерям, – вот что думали её подруги. Ни детей, ни любви, во всяком случае, с её стороны, но дружба, надёжность, тепло и уют были всегда.

Душа Ксении – роза, упрятанная в змеиную шкурку

За что мама Карина любила Ксению? За некое родство душ? Только на спутнике всё и началось. Ларчик открылся! Маленький, он оказался бездонным, как бочка Данаид. Вновь открытая скважина фонтанировала под бешеным давлением как горячая пахучая нефть, грозя полыхнуть ревушим пламенем, в коем пощады не будет никому. Её и не слу-

чилось, пощадь. Оргазмы плавил не только внутренности, но и куцый ум спалили напрочь.

А вы? – обращалась она к воображаемым обличителям. – никогда не обжигались всей своей кожей просто потому, что не существует правил безопасности с тем космическим огнём, что и есть метафора любви? Пусть и не все, конечно...

– А ты? – обращалась она к дотошной блюстительнице Вике. – Разве вы жили в гробнице Тутанхамона, чем был мой дом, заваленный старыми вещами и прочими винтажными якобы сокровищами, будучи не мумиями?

Она обращалась и к Нэе, – Ведь и ты не была когда-то такой вот куколкой с чудесно-выточенными ручками-ножками, в которой спала живая женщина с живыми, хотя и задавленными желаниями. Тебе ли не понять меня? За что мне был дан такой вот тюремный срок длиной в полвека? Венд мой! По праву старшинства моей, как оказалось, вечной любви. Он мой по роду-племени, по планетарному родству. Стремление к новообретённому Венду не ослабевало, не щадило, она шла и шла, цокая копытцами, как буриданов осёл, опять осёл! Кто такой Буридан? За какой там морковкой! И не могла остановить движение. Задыхалась от скорости своего устремления, которое всё обещало и обещало, как горизонт, нечто такое, чего никогда не оказывалось в наличии.

Рудик! Как она забыла. Вот он и был тем, кто из будущего тянул её именно в заданном направлении. Маленький

сын, вот кто способен избавить от погружения в вязкие жидко-глиняные мысли бестолковую «соломенную вдову», кто способен своим младенческим тихим сопением раздвинуть захлопывающуюся от подобных раздумий перспективу дальнейшего существования.

Ночной бродяга Ксен казался старым скрипучим призраком в заброшенном театре среди ветхих кулис бывшего спектакля. «Отреставрировала она!» – злилась Ксения. Как было ветхо, так и осталось. Только и сменили декоративное покрытие пола и потолка, а в остальном? Кроме вещественного опустошения ничего не изменилось. Пошарила тут, стащила все памятные вещи отца, кое-что мамино, реставратор! Специально и залезла, чтобы всё ценное стащить. Хорошо ещё, что коллекцию мамы Ксения запрятала очень далеко, в кладовку, куда Ворона поленилась заглядывать, уверенная, что там один хлам и пыль с пауками.

Ксения вспомнила, как загорались у Риты глаза на мамыны безделушки, как выманивала она у неё ценные вещички в обмен на свои никчемные дары. Она дарила маме в их совместном прошлом какую-то бижутерию, обманывая, что драгоценности подлинные, а они все были синтезированные подделки. Мама же ничего не понимала и радовалась дарам двуличного Данайца. И только Рудольф выводил «дары данайца» на чистую воду, так сказать. Проверял их на подлинность нехитрым прибором, а маме они ничего не говорили, чтобы её не огорчать. Просто Ксения внушала ей, что эти

камни ей не подходят, не приносят необходимого психо-физического восполнения, и ещё плела какую-то чушь, после чего отбирала «подарочки» и выбрасывала прочь. Что касается матери Рудольфа, плечистой и гордо-позвоночной, прямой как столб бабушки – красавицы, то она дарила маме только редкости подлинные. Вредность удивительно сочеталась в ней с щедростью.

Пол нещадно скрипел под шагами ненормального Ксена. Вот так реставрация! И в прозрачной стене спальни не работали от старости светозащитные жалюзи, а Луна как ненормальная светила в лицо. Насыщенное свечение её было похоже на прожектор. Космическая безотвязная спутница подошла подозрительно близко к Земле, или Ксении уже мерещилось. И напоминала зловещую голубую планету, висящую над спутником Гелия, ту, которой присвоили имя «Ксения». Но имя могли и сменить. Кто-то в ГРОЗ предлагал назвать и новую планету, и весь проект её будущего заселения «Земля – 2». Ксении было всё равно, как и той, думается, космической «Ксении». О планах переименования объекта радостно сообщила ей Рита.

И сколько уже времени она валяется? Час? Три? Не хотелось смотреть на время, и было легче при мысли, что и Ксен не спит. Бродит там, о чём-то раздумывая, как страж, как ночная нянька. Следит за сном детей в перерывах между своими вычислениями и нашептыванием текста в рабочий планшет.

Я задыхаюсь в этой маске!

Дневной самообман заканчивался, когда наваливалась ночная бессонница. «Муррзавец» выбирался из неё и ложился рядом на пустующее место. Это был род извращения, не иначе, но ночью стыдиться было не перед кем. Коломбина с душою из папье-маше, выпавшая из чулана однажды в музее, выбиралась вслед за ним, льнула к нему, задыхалась от несбыточного счастья, что он наполнит её жизнью. Из пустых прорезей на месте глаз текли настоящие слёзы, горячие, ядовитые от застойной и не вышедшей полностью и при жизни на спутнике тоски, они жгли юные скулы не молодой тётки.

– Это ты, – сказал ей Рудольф в той музейной камере, служившей неким подобием мусорного контейнера для бесценного старья, оказавшегося сомнительным с точки зрения искусствоведов. – Вечная кривляка, – и пнул маску, печальную и белую как Луна. Побрезговал взять её в руки.

– Почему я? – обиделась первозданно-юная Ксения, именно такой она была в то время. – Разве я старая? Пыльная? – И подняла, бережно сдувая пыль с изумительного лица. С такой вот пылью прошлого были неспособны бороться даже специально настроенные роботы. Земное вещество словно бы покидало ненужные музейные предметы, упорно стре-

милось вернуться в утраченное состояние своего блаженно-го предшествующего небытия. В пылевое «безвидное» протооблако, отринув свою структуру и форму, свою память и свою жизнь...

– Потому что у тебя душа из «папье-маше», как у неё.

– Почему из папы Маши? Что это?– спросила она.

– Не видишь, слоёный прессованный картон, пропитанный клеем. На вид она как настоящая, но дрянь и ничего не стоящий хлам. – А тогда он уже злился на неё за её выходы. Правда, через край она пока не перегибалась, но была к тому близка.

– Всё это в утилизатор! – приказала мама, заглянув в комнату – чулан, где хранились древние театральные маски.

– Зачем? – спросили они дружно.

– За тем, что они уже отыграли своё.

Они с Рудольфом любили помогать матери разбирать запяски. В музее было много укромных местечек, где можно было романтически уединиться. Хотя Рудольф умудрялся любую романтику свести к одному и тому же, чем и был озабочен наедине с Ксенией. И чем в большей степени место было неподходящим, тем больше ему нравилось хватать её и присваивать с такой алчностью, как будто других мест уже и не будет. Именно тогда и свалились со старого стеллажа все эти маски чудовищ и мертвенно бледных красоток. Они с грохотом посыпались вниз, чем и привлекли суровую маму. Они еле успели занять к её приходу, вернее прибегу,

пристойную позицию, сделав вид, что они тут убираются. Но мама, фыркнув им в лицо и пнув маски ногой мужского размера, велела им, как генерал подчинённым солдатам тащить всё в утилизатор. Поймав их на не должном, она решила их поэксплуатировать на славу.

– Есть на свете места, где ты ведёшь себя пристойно? – спросила мама Карин у Ксении, едва Рудольф, нагруженный как робот, утащил всю рухлядь, освобождая так нужное ей пространство для такой же и даже худшей кладки, но отчего-то супер ценной для человечества.

– Что есть ваша пристойность? – спросила Ксения.

– Хотя бы не стоять кверху задницей в храме Клио. Пояснить для не просвещённых, кто она? Муза истории.

– Вы думаете, что ваши древние короли и королевы так не делали? – И Ксения спряталась за пыльной маской, показывая ей язык. Но тут же закричала и сбросила маску с себя.

– Я задыхаюсь в этой маске!

– Он не уважает тебя. Я постоянно натыкаюсь на тебя при подобном занятии. А что же другие девушки со своими парнями не попадаются мне никогда? Не думаю, что в этом отношении они отличаются от тебя и от него физиологически. Но ведь они находят и время и место, не роняя достоинства. – И она подняла её трусики с пола. Почему она находила её с Рудольфом всюду, будто имела специально встроенное устройство для их поиска именно тогда, когда не надо.

– А вы умеете это делать, не роняя женского достоинства?

– Почему твой достойнейший отец не сумел воспитать тебя? Единственную дочь.

– Когда бы ему и заниматься моим воспитанием? Он или путешествует среди звёзд, или работает на благо человечества, или изучает достоинство Риты, а она уж точно не роняет его нигде.

Карин поднимала золотистые брови, слишком идеальные, чтобы быть натуральными, похожие на тончайшие кручёные плетения золотой цепочки. Grimаса выражала её крайнее презрение.

– Когда он бросит тебя, я не удивлюсь. На таких – не жёнятся, ни в прошлом, ни сейчас.

– А в будущем?

Но она ушла, услышав шаги возвращающегося Рудольфа. При нём она не отчитывала её никогда. Он к тому времени уже не почитал мать, как прежде, и грубил в лицо...

Привидение Нэи

Ксении очнулась, уже стоя у прозрачной стены спальни. Или она встала, пребывая в подлинной отрешённости от настоящего момента, опять заблудившись во времени? То ли от призрачного света Луны, то ли от того, что она пребывала в полусне, и её мозг видел сны, но вместо своих привычных клумб и газона она увидела бесконечные пространства вро-

де полей.

Тёмно-синие и призрачно голубеющие в свете земного спутника цветы заполняли их, а сами поля уходили куда-то, где в реальности рос лес, внезапно исчезнувший, что и говорило о том, что она видит сон. Пространства чем-то напоминали своей огромностью и пустынностью спутник Гелию, но были живыми, дышали туманом и прохладой. Она уловила их аромат и влажную насыщенность атмосферы через открытый верхний сегмент стены. Так бывает после грозы, потому что в воздухе ощущался запах озона. Станный ландшафт, будто укрытый прозрачным дымчатым шифоном, не вызывал удивления, как нечто обычное, и отметив это, Ксения догадалась, что спит и видит сон, дарованный ей свыше как награда за переживания последних ночей.

Горизонт изгибался вогнутой дугой, как края огромной чаши, на дне которой и стояла Ксения. И стена уже оказалась позади, а она не помнила, что вышла. Поля цветов были разделены ровными дорожками по всей своей протяжённости, и кто-то шёл оттуда ей навстречу. И снова Ксения не почувствовала страха или трепета, будто ждала неведомую гостью. На какой-то миг почудилось: мама! Её невысокая тонкая фигурка, длинные волосы с подростковой чёлкой на высоком лбу, доброе родное сияние синих глаз. И всё видно настолько отчётливо, а была ночь, пусть и освещённая ненормальной по своей яркости свечения Луной, похожей на серебряный старинный поднос для самовара. Как ни банально срав-

нение, а похоже. У дедушки был такой начищенный самовар на подносе. Дедушка, отец отца, был любитель русской экзотики. Любопытно, что Рудольф никогда не встречался с ним и не был у него в доме, но, тем ни менее, обозвал предков Ксении родом официантов, «половых», как звали их в старину, с самоварами. Ксения, заворожённая, с бьющимся отчаянно сердцем ринулась ей навстречу. Женщина подняла руку в приветствии, принятом между землянами в Космосе, и тут Ксения узнала её.

Это была Нэя! И не было происходящее похоже на сон! Кольцо сверкало на пальце Ксении нестерпимо, ярче Луны! Ксения как раз забыла его снять перед сном, всё хотела, да лень было вставать, а потом мысли отвлекли. Оно словно насыщалось лунным холодным блеском, разгоралось и увеличивалось в размере. Платье Нэи было расшито такими же голубыми цветами, а само было нежно-зелёное. Волосы собраны в хвост высоко на затылке и открывали нежную, трогательную в своей хрупкости, совсем девичью шею.

– Ты звала меня, я и пришла, – сказала Нэя. Поняв интерес Ксении к платью она пояснила, – В этом платье я проходила обряд зажигания зелёного огня в семейном алтаре, в Храме Надмирного Света с несчастливцем Реги-Моном на Паралее.

– Так помимо Рудольфа и Антона у тебя и на Паралее был муж? – удивилась Ксения.

– Тот обряд был ложным, за что и покарал нас Надмирный

Свет. Так я хотела отомстить Рудольфу за всё, но отомстила Реги-Мону. Он был убит. И не был ни в чём виноват. Передо мной. А так – да, он во многом был виноват. Перед другими.

– Ты стала как девочка, – сказала Ксения, – ты была такой в Альпах. Как я желала тебе зла тогда! Но я ревновала, я ждала его двадцать лет. А тут ты.

Нэя обернулась назад, никак не прокомментировав признание Ксении, приглашая её этим жестом полюбоваться на диковинный ландшафт.

– Когда я жила среди плантаций Тон-Ата, моего воспитателя и защитника, я была, как я думала, несчастнейшей из женщин. А оказалось, что это было моё счастливейшее время, у меня всё было в будущем. А теперь и моё будущее стало прошлым и несуществующим. Как я любила его, гуляя среди синих цветов, веря в свою счастливую встречу с ним, как обещал мне это Тон-Ат. Он не обманул. Всё было. И счастье, и дети, не только обиды и боль. И полёты в другие миры. Но всякому будущему суждено стать прошлым. И мои дети, рождённые от земного человека, уйдут в прошлое, и твои переживания тоже. Никто не узнает о них, не вспомнит о них в том будущем, что лежит за порогом нашего настоящего времени.

К чему же тогда мы страдаем и любим, и вечно стремимся к тому, что также исчезнет? Испарится, как аромат моих волшебных духов из его памяти. Тон-Ат выращивал инопланетные цветы на своих плантациях, создавал мне волшеб-

ные духи. А если цветы высушить, то напитки из них давали тишину памяти и надежду на новое счастье. Таково было их воздействие. Они усиливали лучшие качества человека, все его ощущения. Они будто промывали засорённые участки души. Но не оупляли, не погружали в мир несбыточных или коварных иллюзий. Поэтому Тон-Ат умел исцелять души людей Паралеи. Готовил лекарства из их корней, эфирное масло из их лепестков. Он был химик, врач и маг. Он говорил мне: «Не спеши, моя девочка, убежать из этих райских мест. Нигде не будет тебе так хорошо, как здесь у меня». Но я не верила ему. Я не могла ему простить моей разлуки с Рудольфом тогда, не простила и теперь. В годы нашей разлуки произошла с Рудольфом страшная трансформация души. Не будь тех лет, мои дети были бы уже взрослыми, а я осталась бы цветущей и сильной до сих пор. Он не встретил бы тебя на спутнике, не разлюбил бы меня никогда. Но что-то помешало событиям сложиться благоприятно для меня.

– Я знаю что. Это была моя любовь. Более сильная, земная. Это я ждала и звала его, и это моё будущее отодвинуло тебя в прошлое.

Нэя ничего не сказала ей на это.

– А сейчас ты где? – спросила Ксения, поняв, что каким-то образом источником света является её собственное кольцо, в гораздо большей степени, чем Луна, уже сдвинувшаяся куда-то вбок, и помутнев при этом. Она зашла за облако, как за дверь, исчезла окончательно, но темнее не стало.

Ровное освещение так и осталось.

– Там, – ответила Нэя, – где у меня всё впереди. И всегда будет впереди. У нас нет будущего, ведь оно всегда отменяет настоящее. А мы ценим только его, своё благословенное неизменное настоящее.

– Понимаешь, не будь моей любви, не попал бы он на твою планету. Мой отец, желая разлучить нас, забросил его так далеко от дома, как только и было возможно. Только он не отменил моей любви к нему.

– Он забыл тебя на Паралее. Твоё будущее стало моим настоящим. Возникло странное наложение наших судеб. Их непостижимое замыкание. Я вовсе не виню тебя.

– Понимаешь, ты должна меня понять. Кругом множество людей, а ты одна, и нет возможности изменить такое положение дел. А юность ушла, и молодость стала утекать в прошлое. Одиночество превратилось в какой-то непрошибаемый кристалл вокруг моей души. Я оказалась замурована в собственном одиночестве, и ничего нельзя было изменить. Не получалось. Люди не могли пробиться ко мне, даже если они появлялись. И до сих пор валяюсь я тут одна, обречённая ветшать в своих воспоминаниях, как в декорациях бездарно провалившегося спектакля. Но только не было в этом спектакле, как у тебя, благоуханных плантаций. Не было мечтаний и грёз, как у тебя. Всё было у меня плохо и больно, всё быстротечно и мутно. Как свалили меня после спектакля в тёмный чулан, так и провалялась я там всю жизнь, и валяюсь

до сих пор, как маска Колумбины. А душа моя, что в ней, если она из папье-маше, слоистого прессованного картона? Никогда не любил он меня, как тебя в хрустальной пирамиде, не любил и не ласкал моих детей, да и не было их у меня, а рождённый на спутнике ему не нужен. А ты, хотя и натерпелась, прожила свою женскую жизнь насыщено. А я что? Только Ксен, не нужный мне, всегда рядом.

Когда-то ты была гордостью своих родителей, домочадцев, я тоже. Но я стала их горьким и постыдным разочарованием, неудачей, в отличие от тебя. Тебе повезло, ты не успела никого разочаровать. Ты осталась чистая и в своём, как считали обыватели Паралеи, падении. Талантливая, светлая. А я? Бездарная, кому светила в жизни я? Только и есть у меня, что мой мальчик, моё солнышко запоздалое, полученный незаконным путем, если принять на веру существование высших по отношению к человеку заповедей. Путем моего вмешательства в чужую и налаженную жизнь, по сути, вымоленного по-нищенски у того, кто когда-то обещал мне подарить всю Вселенную.

Ты вот грустишь в своих уже вечных цветочных плантациях, а я? Закрою глаза и многое вспоминать мне стыдно, горько. И винить мне некого. А ведь так хочется найти виновного, чтобы не сильно мучиться своей несостоятельностью. Люди во все времена думают, что будущее будет прекрасно, если сравнить его с тем, что они имеют в настоящем. Но так ли это? Вот люди далёкого прошлого – они все мечтали хоть

однажды о том, как чуден будет мир будущего, как светел и ясен, какими добрыми и могущественными будут те люди. Но никакое самое прекрасное явленное будущее не может отменить несчастья отдельно взятого человека, живущего в нём. И в какой степени виноват Рудольф в моей неудавшейся личной судьбе, в какой я сама? Нет у меня ответа.

О детях своих не беспокойся. У нас с Ксеном всё есть для того, чтобы они были счастливы. Им хорошо. Они стали друг другу родными, мой Рудик и твои дети. Да они и есть родные, по крови. Альбина приезжает, катает маленького Рудика в коляске по лесопарку, они все вместе играют, балуются, а меня признали за маму. Я им сказала, когда Рита привезла их мне: «Я ваша мама». И они зовут меня мамой, они послушные, а теперь уж и привыкли. Только старшие Альбина и Андрей зовут меня «мама Ксюша», потому что часто вспоминают тебя и называют, когда рассказывают о тебе, «мама Нэя»...

Нэя утерла глаза рукавом туманного расшитого платья, оно сливалось с фоном зелёных стеблей и синих бутонов цветов, и она казалась плывущим над плантацией фантастическим облаком, опустившимся совсем низко. Облако плакало.

- Как благодарна я тебе, Ксения. А знаешь ли, мою маму тоже звали Ксения? Ксенэя, так её имя звучало по-нашему.
- Как же возможно земное имя на другой планете?
- Она была дочерью земного человека. Её мать дала ей

имя, которое придумал её отец на будущее. Только, увы, в этом будущем не оказалось его с ними рядом. Он погиб на Паралее. В то время там была война. Там всегда шла скрытая и явная война. Земляне умели определять пол ребёнка до его рождения, и он знал, что будет девочка. И когда все земляне погибли, то его воля была исполнена, мама получила земное имя. Вот и у моих детей теперь мама Ксения. А счастье у тебя будет. Будет оно коротким или длинным, какая разница. Счастье не подчиняется категории времени...

Будет ли спрос за погубленное чужое счастье?

Ксения очнулась. Стена была наполовину раздвинута, и прохлада, идущая снаружи, напитанная ароматом разросшейся и запущенной сирени, наполняла комнату. Лунная ночь сменилась пасмурным утром, обещающим дождь, а бестолковый Ксен для чего-то настроил робота Ваську на полив цветников и газона. Сам Ксен беседовал с Рудиком, как с взрослым человеком, Рудик тоже проснулся и сидел рядом с ним на игровой площадке на мягком покрытии. Ксению всегда смешила манера Ксена разговаривать с детьми, как со взрослыми. Никогда он не сюсюкал, не менял голоса, как делает большинство, и уверял Ксению, что дети понимают всё. Он мог обсуждать свои творческие поиски вслух, объяснял им сложные формулы, если они спрашивали, что они озна-

чают, и злился их непониманию или быстрой утрате интереса к его урокам. Самым терпеливым его слушателем был Рудик, поскольку не понимал ничего из того, о чём ему бубнил седовласый воспитатель.

После возвращения со спутника Ксен постригся. Короткий, седой ёжик волос делал его похожим на поседевшего не ко времени юношу. Он обладал худощавой стройной комплекцией, чистым светлым взором, нежным румянцем на тонко слепленном лице, и тайно рассматривая его сейчас, Ксения не могла ни отметить его привлекательности, того, что собственно и было причиной их сближения в своё время. К тому же он оказался умён, добр, обладал мужественным, но мягким голосом, был привязчивым и верным ей на долгие и долгие годы. Пока она сама не отпихнула его в сторону. Но и на этой, отринутой Ксенией стороне, Ксен не оставлял её и детей. А та Инга никогда не интересовала Ксению. Уйдёт он к ней? Да, пожалуйста! Но он выжидал, не делал окончательного выбора. Там рос родной ребёнок, а тут? Дети соперника, жена, ставшая бывшей.

Старшие дети ещё спали. Было рано. И Ксения, всё ещё пребывая в потрясающем видении прекрасных цветочных плантаций, ощутила в себе странную и забытую лёгкость как в молодости, когда просыпалась, никого не любя, а только пребывая в своих девических и смутных ожиданиях. Она приблизила ладони к лицу, и ей явно померещился аромат тех цветов, и сразу вспомнилось, что точно таким арома-

том было напитано постельное расшитое бельё в пирамиде – спальне Нэи и Рудольфа. Она так и не смогла привыкнуть к роли захватчицы чужого пространства и чужого имущества, и теперь жалела, что оставила и пространство и роскошное бельё следующей обитательнице, невыносимой до физически муторного чувства, отвращения к ней при одной только попытке проявить её в памяти. Премудрая Эльза будет валяться на вышитых не для неё простынях, раздвигать свои юные, но отвратительные ляжки, стирать своим задом волшебную вышивку цветов чужой планеты, пачкая их своими выделениями... И через эту заблудшую тварь Ксения проникалась отвращением к Артуру, потому что он, как и любой мужчина был обречён пропитаться и духом и соком той, с кем делил ложе, как выражались целомудренные писатели в прошлых веках. И у бесстыжей в пошленьких кудряшках Эльзы нет там ни малейшего интереса к жизни той удивительной, космической скиталицы, ради которой и была выстроена экзотическая постройка. Где возродилась история инопланетной любви, и чьему горестному закату поспособствовала злополучная Ксения.

Давно замечено, что разрушители не умеют построить ничего путного там, где они оставляют испепелённый очаг – лишай после своего разрушения. И ещё ни одна любовница или любовник, активные и яростные разрушители чужого благополучия, не создавали и близкого подобия тому, что разрушали. О, эти разрушители, тараны, наделённые недю-

жинной мощью в пробивании любовно возведённых чужими руками стен. Они не умеют строить, им не дано терпения и мудрости, им подавай всё теперь и всё сразу. И отпировав на руинах, на раздавленной груди побеждённых, откричав свой победный клич, глуша стоны неудачников, они являют свой кислый и серый лик уныния, встречая отрезвляющий рассвет нового дня. Тот самый истинный свой вид, когда сверкающее забрало – боевая личина победителя сброшена, когда маскарад отшумел своё. Где отрадный уют, казавшийся скукой, где привычно любящие и доверчиво устремлённые навстречу глаза, ставшие однажды источником раздражения, где годы взаимного душевного созидания личной Вселенной, рассыпавшейся на мельчайшие осколки, оказавшейся хрупкой, как новогодний шар? И невозможно уже не то что собрать, а и понять, как и что с чем там было скреплено. Только мучительный образ утраченного, только жёсткой шваброй метёт пол новая хозяйка – судьба, вытолкнувшая старую и не устоявшую в битве судьбу мягкотелую, уже прошлую, бездомную.

Да, у иных людей много судеб, и разные у них лики. И как уязвимо то, что воспевают веками, как некую бессмертную субстанцию богов. Это любовь. Твои бальные туфли невозвратного бала – получай их в лицо и утрись своим стоптанным старьём! Пусть побеждённые плачут! Их слёзы, как кровь для вампиров, у победителей розовеют щёки, наливаются соком торжества их похотливые органы, и поэтому не

плачь, не моли, а уйди гордо, ни разу не обернувшись. И пожалуйста, никогда не прощай предателей, не пой их своим страданием. Не надо. Их будущее – в нём их возмездие.

Сладкое и больное прикосновение «Созвездия Рай»

После того как Рита с явным облегчением, но тщательно скрываемой радостью, отвезла детей в дом Ксении, Рудольф не знал, что ему теперь делать. Он не мог себя заставить войти в дом бывшего своего врага, пусть и сгинувшего в неведомых изнанках Вселенной. И сама Ксения. Как к ней теперь относиться? Отношения, бывшие у них на спутнике, были уже невозможны на Земле. А стать прежними голубками из молодости, хотя и вечно клюющими и выщипывающими друг другу перья, они тоже уже не могли. Рита стала почти безразлична ему. Все вокруг, другие женщины безразличны полностью. Тоска по детям требовала себя заглушить тем, чтобы их всё-таки навестить. Но как они встретятся с Ксенией? После их ненормальных взаимоотношений на спутнике. Что он ей скажет?

По связи ему было передано изображение совсем другой женщины, не похожей ничуть на развязную Коломбину их инопланетного мирка, но не похожую и на ту шальную потрясающую девчонку из юности. Перед ним сидела худень-

кая, обтянутая комбинезоном, сжимающая узкие точеные колени, неизвестная ему женщина. Бледная, слегка выцветшая, печальная, и только волосы были Ксюшины, рыжие в кольцах, все витые и непослушные. Их было всегда много, слишком много для её бестолковой головы. И смотрела она не так, как Ксения – скиталица Космоса, или Ксения – балерина. А как кто? Что в ней изменилось? В ней было явление вдруг то, чего в ней и сроду не было. Какое-то смирение, даже покорность, не ему, нет, а своей судьбе, так и приговорившей её к одиночеству. К тому, к чему она была меньше всего и способна, ведь и Ксен, и даже Артур были лишь разновидностями её глубинного одиночества. И только ему было оно очевидно, потому что и сам он был одиноким. Рита не была той, которая давала бы исцеление от личного одиночества. А Ксения такой могла быть.

Да знать бы, как возможно им соединиться после того, что на планете этой... хм-хм Ксения, и произошло. Стать неким монолитом наперекор неодолимым законам жизни, разбившим их на две несовместимые половины, уже обкрошившиеся от времени части единого целого когда-то? Она даже не захотела показать ему ребёнка, уверенная, что он в нём не нуждается. И здесь на Земле не прислала ему записей о нём, убеждённая в том же. Она вообще ни разу не вошла с ним в контакт, не отозвалась ни разу. Рита сама показала записи о детях, но умышленно сделанные так, что рыжика там не было, их общего с Ксенией. Она делала вид, что уверена в

отцовстве Ксена. К чему Рудольфу чужой сын? К чему ему чужая жена? А чужой якобы муж и якобы отец Ксен торчал там повсюду. Занимал огромное пространство.

– На фиг ты мне этого гнома суёшь в нос? – злился он, наблюдая счастливые игры новоявленного отца и воспитателя, – без него нельзя? Чего он там забыл? Или в няньки ты его наняла?

Рудольф редко видел сны. Только на Паралее они его преследовали с болезненной и яркой реалистичностью. Но там всё списывалось на местные особенности, на психическую неустойчивость, вызванную отрывом от родного мира. На Земле же снов не было вообще.

И вдруг он очнулся где-то, а помнил, что лёг спать. Вернулся он домой усталый, и ловко увернувшись от настроившейся на другое занятие Риты, замаскировался под непробудный сон. Но спать не хотелось. И он валялся, что называется «сна ни в одном глазу». И тут же очнулся, но где?

Он стоял, как будто на дне гигантской чаши, горизонт уходил вверх, и была, вроде, ночь, но такая, как в северных широтах летом, белая ночь. Просторные плантации нежно-синих и бледно-голубых цветов уходили в белёсую дымку. Вокруг расстилалась горная Паралея. Он стал вращать головой в поисках башен на далёких горах, но их не было видно, настолько удалены были сами вершины отсюда. Мир вокруг таял в молочном мареве. И мысль возникла та самая, какая возникла в Архипелаге во время ночного подлёта к нему на

фантастических и нелепых крыльях Хагора. Он ещё подумал, что напоминает гигантского птеродактиля, и его сделали персонажем нелепейшей и фантастической истории – выдумки скрытого где-то в другом измерении некоего автора, страдающего от своей исковерканной или просто не устроившей его судьбы, как часто бывает с теми, кто сочиняет, кто таким образом исцеляет себя. А ещё то самое прозрение: вот оно место! Где и скрывалась беглянка Нэя от него целых семь лет. Потом два года она таилась в глухом лесу у столицы, но тогда он её уже не искал. Не забыл. Но не искал давно.

Было настолько тихо вокруг, даже беззвучно. Милая родная, она возникла как облачко, плыла по идеально-ровной белой тропинке в светлом платьице. Очень красивом, как и все её одежды на Паралее, им осмеянные на Земле, почему она и перестала их творить. Стала шить стандартные земные платья и сразу утратила часть своего магического воздействия, став маленькой и обычной, не особенно и красивой землянкой.

Или земная свобода вскружила ему голову, и она перестала казаться единственной и абсолютно незаменимой, как была на Паралее? Не беря в расчет её страдающие чувства, он пожирал глазами первых встречных, торчал в бассейнах и на пляжах с раскованной девицей...

Он пропал в отсеке для релаксации у Риты, и мало ли чего происходило в тот безумный период, когда оборвалась цепь жёсткой дисциплины, когда временно позволялось всё

для восстановления психического равновесия. А уж кому чего было надобно, всякий выбирал себе сам.

Её волосы, поднятые в пушистый девчоночий хвостик высоко на затылке, открывали шею и плечи. Легкий завиток чёлки сразу напомнил ту юную купальщицу, не умеющую плавать, из квартала Крутой Берег на Паралее, тогда как перед ним стояла давно взрослая женщина-многодетная мать. Он созерцал её слегка выпуклый лоб, усиливая в себе щемящее чувство мучительной утраты, до спазм в горле. К тому же призрачное освещение растворяло в молочном сиянии её тёмные обычно волосы, и они казались намного светлее.

Она подошла совсем близко и прижалась к нему. Он уловил её запах, не только запах тех духов, уже забытых, но и её телесный, живой и мягкий, который не забывал никогда, как и свои проникновения в неё с момента первой их любовной ночи в доме Гелии, и все последующие. Никогда не утратилось ни одной детали, не забылось ни одной подробности, как и память о любом изгибе её тела, выражениях её лица и мерцании её глаз. Он никогда не замечал её старения на спутнике, потому что не с кем было её сравнивать, пока не явилось чудо сотворённой заново Ксении.

Но сейчас Нэя не была той, увиденной впервые на берегу реки, потом в кафе сладкоежек и, наконец, в Саду Свиданий, застенчивой девочкой, которую он развлекал трюками с собственным исчезновением на глазах у всех в тот душный вечер на столичной окраине Паралеи., И как этой своей

режиссурой гордился! Сразил с первого взгляда. Насквозь, в самое её нетронутое ещё никем сердце. Она благодарила его за чудо, которое на самом-то деле есть всегда творчество двоих. Трогательные неуклюжие ещё объятия...

«Поплакать бы, будь я женщиной. Даже Боги плачут от утрат, даже они не властны над Богом Времени, отбирающим и у них целые миры, сотворённые ими по любви и вдохновению».

– Я не хочу забвения, – сказала женщина из Паралеи, которая на Земле утратила свои иллюзии, а с ними и часть своей неземной красоты. – Я решила отказаться от него. Пусть я буду горевать бесконечно, я это заслужила, но забыть тебя и наших детей я не хочу.

– Зачем ты так поступила? Чем могла угрожать тебе Ксения? Разве она требовала твоё место?

– А ты не понял, что это было нужно и тебе тоже? Она родилась на Земле, как и ты, и только она должна была стать твоим восполнением. Но вас разорвали в том прошлом времени, и разрыв пришёлся по её живой сердцевине. Поэтому ты и не ощутил особой боли, отпал от неё, а она осталась калекой в глубинном своём существе. Её оторванная часть как бы закапсулировалась в тебе, продолжала там таиться, не заявляя о себе и став твоей частью. А у неё всё болело и кровоточило настолько, что её ущербность лишила её способности быть женщиной и не дала полюбить другого человека. Она так и осталась неполной, и только ты и мог дать

ей полноту существования. Но ты не страдай. Мне тут хорошо. Я дома. И за наших детей я спокойна. Ксения любит их, не может ни любить, любя тебя. Она из тех редких людей, что оставаясь в душе вечными детьми, не умеющие принять взрослой жизни, любит детей и понимает их мир. Она любила бы и посторонних себе детей, любых.

Нэя прижалась к нему лицом, к его груди, как делала прежде. Рудольф стал целовать её пушистые волосы с капельками тумана, отчего-то кристаллическими на вид, – они мерцали, как её вечные заколки, которые она сбрасывала только на ночь...

Да иди, ты... хоть в своё «Созвездие Рай»!

Очнувшись, он увидел, что рядом не Нэя, а Рита, прижавшаяся к нему.

– Почему ты всхлипывал во сне? Как маленький, – спросила она, блестя в полутьме глазами, с красным переливом расширенного зрачка, как у дикой кошки.

– Мало ли. Приснилось что-то. Видимо, из детства.

– Ты видишь сны?

– Я их не запоминаю.

– А твоя мать впала в детство. Не рано ли? Выглядит она как невеста. Правда, как невеста без места, – так говорили в старых поговорках. Жениха бы ей. Может, он встряхнул бы

её от пыли в голове. Давай найдём ей старичка из наших ветеранов – космодесантников? Такого, чтобы активного не по возрасту и наскучавшегося в далёких запредельных мирах. Ей такой и надобен, другого она просто вышибет вон. Её, ты только представь, тянет на какие-то исповеди. И перед кем? Перед вечной бродяжкой Ксюшей. Она, когда мы летели с нею обратно после посещения твоих детей, плакала всю дорогу и бубнила о какой-то своей вине. Перед кем интересно? Перед Ксюшей или перед тобой? Я не понял.

– Перестань унижать Ксению! И с чего бы она тебе стала Ксюшей? Тоже мне мамочка нашлась!

– Так я и есть для неё мамочка! Пришлось ради неё побегать, помучиться. А деток, сам знаешь, на выбор перед их рождением не приносят. Как всё же жаль Артёма, до чего неудачную дочь он породил.

– В чём неудача? Она во сто крат превосходит своего отца и мать по своим внешним данным. И умом Творец, в которого она верует, её не обделил. И таланты есть, пусть и не проявившие себя, но тут уж... Кому жалобы слать, непонятно.

– Если бы не Ксен, она бы давно опустилась в человеческий ил. Дом отца был так страшно запущен, все его коллекции куда-то задевала. Говорит, отдала детям в какую-то школу для их музея минералогии. Там же были уникальные, бесценные образцы, кристаллы иных миров. И где всё? Кто оценит уникальные редкости в какой-то там школе для обычных, не одарённых, а именно самых простых детей? А что,

отвечает, надо было кому-то из вашего кружка «Юный старец» отдать? А для детей подобная коллекция может стать пропуском в мир увлечений и открытий, стимулом для дальнейшего стремления в другие миры. Сама же играет в куклы, фарфоровые статуэтки чистит и полирует. До детей ли ей? Дети носятся по лесу, как животные, сами по себе. Там же кустарник, деревья, они на них лезут. Ягоды лопают без меры. А если отравятся? Маленький ребёнок один топает по площадке без присмотра, ест цветы с газона. Дети же всё тащат в рот. Вот она Ксюша – воспитатель!

– Дети её любят, жизнерадостные, ко всему проявляют активный интерес, это и есть самое настоящий показатель отличного воспитания.

– И ещё рассказывает с такой идиотской радостью, как у неё мальчишки соседские пристают и предлагают усыновить всех детей вместе с нею. Караулят её под соснами, проходу не дают, в бары и на гулянки зовут. Ксен устал их отгонять, а они ему: «Дедушка, ты не бойся, если что, мы сразу женимся. Не обидим сироту. И всех её братьев и сестру усыновим и удочерим. И тебя в заброшенности не оставим». Она же хохочет, вопит как дикарь в лесу, так что эхо стоит над деревьями. Носится с детьми, как очумелая, и не поймешь, чем от них отличается. Шишками с ними кидается, купается до посинения. Ксен при них как старый дед, только кряхтит и ворчит. Они его не слушаются, ясно.

Он молчал, притворившись спящим. Может, отстанет то-

гда? Но Рита отлично понимала, что он не спит.

– Может, заберём детей? Отдадим их в хорошую закрытую структуру воспитания и образования? А она пусть с мальчишками новую судьбу налаживает, на что ей и спущена свыше, а не по достоинству её, вторая юность. Хотя и заработанная, но не ею, а её отцом. А ребёнка её Ксен хочет взять себе. У него есть уже один. Женщина его прошлая родила сына, так она не против ещё одного ребенка принять. Ксен внушил ей, что ребёнок его, может сам в это верит? Он уже понял, что Ксению не вернуть. Это же всё до времени, её монашество невольное. Ты же понимаешь? А ну как сорвётся, что могут увидеть дети?

Ну что? Забираем? Давай завтра? И без объяснений. Это же твои дети, а не её. Своего пусть оставляет до поры, пока не надоест в мамочку играть. А там Ксен всё проконтролирует, мы договорились. Он её пасёт – будь здоров! И вот подумай, совсем не рад, что она обновилась. «Зачем», – говорит, – «у меня жену похитили? Хотя, что это я? Я за неё счастлив». Да где там счастлив! Конечно, он ей не нужен, когда ребята молодые её пасут на каждой тропинке, и это в лесном посёлке! А в городе что будет? Когда она вылезет из своего заточения?

– Нет. Дети должны жить в семье, пока маленькие.

– Это Ксюша-то семья? Её аутист Ксен?

– То Ксен для тебя образец, а то уже и аутист!

– Нисколько он не образец, но человек очень хороший.

– Раз человек хороший, в чём и проблема?

– Он тоже не без странностей. Он читает им какую-то макулатуру про мальчиков-колокольчиков, играет с ними в дядьку Молоточка. Они бегают от него, а он их догоняет, якобы с целью стукнуть. Что за кретин? А ты сознайся, думаешь о ней, о Ксюше? Хочешь её трахнуть? По старой привычке. Я позволяю. Пользуйся. Она не будет против. Только боюсь, войдёт опять во вкус, не до детей ей будет, побегит подметать опять все публичные места. Ну? Хочешь её? Стонешь ведь во сне так характерно, а меня не хочешь. Тебе было с ней лучше, чем со мной?

– Не пытай. Отстань! Раньше ты не была ревнивой. Тебе и не идёт. Ты стареешь, что ли? А тебе было лучше с Артюшей, сознайся?

– Да, – ответила она спокойно, – всегда лучше. Только с ним и было счастье. Только его любила. Нет ему равных на Земле, и не будет уже никогда. – И глаза её заблестели, будто во тьме в них зажглись звёзды. – У меня могла бы быть такая же златоволосая дочь, такой же сын, как у тебя. Но я не посмела из-за своего врождённого благородства навсегда оторвать его от больно й и несчастной жены, дурры – дочери, все равно ставшей ничтожеством. Только я упрашивала его не оставлять Нику окончательно. Чему она мешает, говорила я. Дай ей иллюзию короткого счастья в её обречённой жизни. Если бы у меня родился ребёнок, он ушёл бы от Ники. Он был цельной натурой и раздваиваться бы не стал.

Не то, что ты. А потом время было упущено. После повторного омоложения рожать уже нельзя. Только Ксюхе можно, потому что это у неё впервые. Но она состарится неизбежно, а повторного шанса ей не даст никто. Я выбрала тебя, считая, что буду тебе как мать, как высшее благо, но ты так не считаешь. Ты плачешь по своему инопланетному чуду – юду во сне, а днём тоскуешь по рыжей метле, которая подмела в течение своей жизни едва ли не полконтинента...

– Заткнись! – зашипел он от ярости и сдвинул ладонью её злые губы. – Если бы ты любила Артёма, как говоришь, ты не стала бы такое говорить о его дочери. Да, я о ней думаю, даже когда сплю. Нэи нет, пусть будет она. Не дура она вовсе. А если и дура, думаешь, женщину любят за её всеохватный ум? И детей она любит так, как не умеешь никого любить ты, кроме себя одной и единственной для себя всегда. И не шипи ты, я спать хочу!

– Да иди, ты, хоть в своё «Созвездие Рай»!

И он отвернулся от неё, желая продолжения сна, прерванного Ритой. Сознательным усилием он восстанавливал в себе ландшафты Паралеи, где был столько же счастлив, сколько и несчастен тоже. Рита отодвинулась и будто перестала существовать, а цветочные плантации не появились больше.

Счастье живёт на Земле

Возникла зелёная река, уходящая за ту же изогнутую дугу горизонта, будто бежала эта река не вниз, а вверх, сливаясь с бледно нефритовым небом, в белёсых прожилках высокой облачности. Он сам себе показывал фильм, воспроизводя его сознательно, но в какой-то миг, всё же, сознание размылось, и своё взял сон. Река же продолжала течь и во сне, розоватый пляж приблизился настолько, что он вышел из своего сна на тёплый песок, в его вязкую реальность, теряя в нём свои пляжные шлёпанцы, те самые, нелепые, в которых и пришёл в театр. Они были нахлобучены из-за поврежденной ноги. Нога опять заболела, и он, хромя, поднялся по косогору вверх, а песок осыпался вниз, увлекая за собой одну шлёпанцу, а вторую он скинул сам.

Девушка сидела на старых бревнах, покрытых уже высохшим налётом речной тины. Она загребала босыми ступнями песок и держала старинную книгу в своём пунцовом подоле. Подол был задран и открывал её девичьи ляжки, упругие, раздвинутые, – было жарко, а она была тут одна. Но она не была Нэей. У неё были ярко-каштановые волосы, забранные в хвост на макушке, завивающийся, как спиральная плазменная галактика. Озорные, и всё равно доверчивые глаза зеленели, как у смешного котенка и тарацились в самое дно его души, прося принять в себя как дар её драгоценное дове-

рие. Улавливалось даже шевеление её тончайшего шарфика на волосах, вызванное дуновением с реки.

Он сел рядом с нею, схватив за открытую ногу, понимая, что ему всё можно, ведь во сне он был мальчишкой.

– Ксюня, ты, оказывается, умеешь читать? Не только и дрыгать своими бесподобными ножками.

Не отвечая ему, она стала целовать его в открытую грудь.

– Ты когда-нибудь устанешь от этих своих дел? – спросила она радостно.

– Рядом с тобой никогда.

– Но, ведь мы же должны будем как-то жить с тобой семейной и достойной жизнью, как говорит твоя мама? А не только заниматься этим.

– Для чего же и нужна семейная жизнь, как не для этого?

– Надо же будет и работать, зарабатывать детям и себе на пропитание.

– Сколько ты хочешь детей?

– Много. От тебя много. От других ни одного.

– Никаких других у тебя не будет. Я же голову отвинчу всякому, кто к тебе приблизится.

– А сам? С Лоркой зачем сидел в кафетерии? Пирожные и вишню вместе ели? Она растолстеет, вот увидишь, она обжора. Она уже громоздкая!

– Лорка? Да это ты худеющая.

– Если критикуешь, значит разлюбил.

– Нет. Никогда не разлюблю.

– Не будешь с Лоркой любезничать?

– Она просто так подошла. Интересуется историей. Мы сидели, болтали. А ты сама? С другими зачем заигрываешь?

– Тебе назло.

Он поймал её губы.

– Не будешь меня злить?

– А ты?

– Я первый спросил.

– Я как ты. Я твоё отражение...

И он раздваивался, как часто и бывает во сне. Она гладила его бритую голову, но в том времени, откуда она возникла, у него были волосы, и он ими гордился, понимая, что нравится девчонкам.

– Зачем ты без волос?

– Они же поседели.

– Восстанови пигмент.

– Не хочу. Всё равно я старый. К чему мне теперь, когда Нэи нет. А Нэя любила меня всегда таким, бритоголовым.

– Значит, и я старая?

– Нет. Ты навсегда останешься молодой для меня. Таковой, какой ты вошла в ту колоннаду в своих прозрачных туфельках и белом костюмчике, как волшебное пёрышко, как Звёздный Ангел.

– А Нэя была ангелом?

– И Ангел и не Ангел.

– Её любил сильнее, чем меня?

– По-другому. Но её нет рядом. А ты ведь осталась. Вернулась.

– Ты вернёшься?

– Вернусь...

Утром он проснулся один. Пока пил кофе, пока окончательно просыпался, замерцал вызов на браслете. Рита.

– Ты где? Уже умотала?

– Я больше к тебе не вернусь. Живи, как хочешь. И на работе меня не ищи. Робин Бёрд давно зовёт меня в заокеанский сектор, так что я приняла его предложение. Ты мне не нужен. Беги к своей Ксюне. А то пока в спину не толкнёшь, так и будешь слёзы лить по ночам. Я не привыкла навязываться никому, как Ксюня. Я сама всем за благо. Бедный Артём, знал бы он, чем всё закончится...

Он отключил связь.

«К ней повадился ночами домовый...»

И опять Ксения проснулась. Внезапно. Накануне же так устала и, засыпая, радовалась, что бессонница оставила в покое, ушла, наконец. И Луна была тут совсем не причём. Кто-то лёг в её постель, тот, кто незаметно проник в её дом. И она знала, кто, и знала прекрасно, что ни сном, ни кошмаром он не был. Только он и был способен на такое. Её накрыл не забываемый никогда запах, обхватили мощные руки, и в

ненормальной стремительности происходящего не было времени, слов, размышлений или страха...

– Я сплю? – спросила она, повернувшись и уткнувшись в его грудь, обтянутую тонкой майкой, – ты кто? Домовой?

– Бездомный домовый. Пустите к себе пожить, – и он стал её целовать. Лег на спину, и Ксения пристроилась на его груди.

– Эх ты! соломенный жених, а я твоя соломенная вдова. Опять потом исчезнешь? Проиграли всю жизнь с тобой, двое ненормальных, как сказала о нас твоя мама. Но если ты хотя бы все те годы любил, и тебя любили, то я? Меня никто, и я никому. И что смешно, хотя опять же плакать хочется, когда ты был ещё на Земле, я, и правда, носилась как рыжий смерч, кого-то искала тебе на замену, всё мечтала, найду другого и в тебя плюну своим презрением. Но умчался ты в бездну, я сразу окостенела. Как будто небо село на мою грудь, как безжалостный древний завоеватель, раздавило во мне всё, лишило дыхания, и не стало во мне ни чувств, ни ощущений, паралич самых сокровенных устремлений и души и тела. Жизнь после жизни. И кончилась моя ослепительная молодость, и стала я только по видимости женщиной, а внутри законченной мумией прошлого времени. И не было у меня больше ни – ко – го. Скажешь, Ксен. У меня спрашивали на «Гелии» ребята про него, он кто? Мужик или? Ведь там, в Космосе, все люди другие, искренние, без своих шуршащих или там блестящих фантиков с обозначением их особых ин-

гредиентов, которых в действительности может и не быть. Я не знала, что им ответить. Они чуяли то, о чём я не могла никому говорить. О том, о чём ты знаешь, узнал в ту нашу первую встречу на спутнике, у тебя в отсеке. Почему я и ходила потом, в купольном городе, как исчадие сексуальных революций прошлого, потому что великое оледенение подошло к концу. А твоя Нэя... Космос дал, Космос взял. У меня не было к ней ревности, будто была она и не женщина, а наваждение. Только жалость осталась, как к человеку.

Он ничего не отвечал, может, и сам был её наваждением? Галлюцинацией из тех, какими, случается, страдают реальные вдовы, милующиеся с призраками ушедших мужей. Но он был реален. Более чем. Жестом, характерным ещё со времён их молодости, он сбросил с себя майку как тогда, когда от нетерпения раздевался уже в постели, бросаясь туда часто одетым.

– Почему сразу не разделся? – ворчливо, как старая жена, спросила Ксения.

– А если бы вышибла сразу? То что, я голым улепётывал бы от тебя?

– Тебя вышибешь. Будто так легко.

– Нет в тебе никакой романтики. А ещё бывшая Сильфида или Жизель, кем ты там была?

– А уж у тебя-то романтики было сколько! Привёл девушку впервые к себе в гости, а сам завалился в постель с невымытыми ногами: «Спать хочу»! А сам приглашал кофе пить с

мамиными пирожными. Да ещё лез ко мне, как к собственной жене, романтик.

– Спать хотелось. Даже сейчас помню. Встал рано в тот день, на тренировке ногу повредил, а Рита потащила в какой-то старинный театр. Там выпишься, так она сказала. Я устал, а там была скучища, но шумная невероятно.

– Ну да. Под одеялом твой сон пропал. Помнишь? До сих пор помню, что я думала о твоих невымытых ногах и от этого не хотела с тобой целоваться.

– Причём же были ноги? Я же не ноги тебе предлагал целовать?

– Я не привыкла к таким хамам. Вот думала, уйду утром и забуду его.

– Зачем же легла? Могла и умотать домой. Я не был против.

– Потому что я не могла от тебя оторваться. И как-то сразу оно произошло. А утром твоя мать принялась исследовать простыни на предмет нашего позорного соития. И это после наших святых тогда поцелуев. Хотя и был ты с грязными ногами, а я в первый же вечер завалилась к тебе под бок. Со стороны, что можно подумать? Я же возненавидела её. Сразу. Навсегда. А почему у тебя не было в доме матери собственной постели?

– Была. Но узкая. А у неё целый королевский по своему масштабу альков, и почти всегда пустовал. Она в своём музее жила, в боковой башне у неё была квартира. Я же в казарме

тогда жил, и когда приезжал, то и пользовался благами светской жизни. Она злилась. И ты тогда была совсем не причём.

– Видишь, сколько интимных подробностей я вспомнила. Как бережно я всё берегу в себе, и смешное и святое. Можно сказать, каждый факт обернут в редкую полупрозрачную упаковочную бумагу, любовно хранится, бережётся. А ты забыл меня начисто, и даже на спутнике, когда я явилась прежней в своей сияющей юности, ты меня не вспомнил.

– Не вспомнил, потому что такой не ожидал. Да и не была ты сияющей, а почти прозрачной, синюшной, еле душа с телом была связана после реабилитации. Вот, думаю, удружили! Детей присылают. Девчонку с придурковатым папой. Ты стояла и шаталась после коматозного ужаса. На грани того и этого света. Ксен твой, в отличие от тебя, был как помидор молочной спелости. Розовый, щёки надутые. Ну, думаю, дедок силён! А дочка еле-еле душа в теле. Куда он её притащил, чучело огородное? Но потом посмотрел ваши данные, и опять – открытие. Муж и жена! Но я забыл его фамилию, и то, что он и есть твой муж. У меня слишком загруженная память, чтобы помнить о таких мелочах.

– Конечно, конечно. Я так и думала всегда, мелочи жизни, к чему о них и помнить?

– Не злись, всё я помню. И знал о твоём прилёте, и ждал тебя, и узнал сразу.

Он загрёб её ручищами, и постель как в древней сказке – страшилке опрокинулась в колдовскую пропасть, но это бы-

ла сказка совсем другая и совсем не страшная, и у Ксении отключилось восприятие реального времени и окружающего мира тоже...

Очнувшись, она плохо понимала, где она, на Земле или на спутнике, в каком из домов, где приходилось им обретаться в поиске вечно недолжного уединения. У папы ли Паникина? У мамы – спесивой королевишны? У давно забытого мужа, сосватанного ей отцом? Где только ни приходилось им скитаться в те времена их взаимной одержимости друг другом, во времена их любви, опрокинувшей её с дороги, ведущей в солнечную даль, а приведшей в какую-то придорожную ямину-обрыв. Там она и пропрыгала с одной кочки неустойчивого личного равновесия на другую. Такой приветливой кочкой и был её Ксен.

Ни техническое могущество Земли, ни суперкомпьютеры и волшебные технологии, ни деятельно-влиятельный папа, ни любящая мама, ни Ксен – кочка не дали ей личного счастья. На ней Вселенская гармония решила оборваться. Придорожный обрыв был столь бесконечен, что уже и не верилось, что существует ровная параллельная дорога, залитая солнцем, по которой шествуют счастливицы. Только всё было ещё хуже. Оступившись, девушка «волшебное пёрышко» никогда уже не смогла вернуться в ту точку отсчёта, что осталась где-то в колоннаде старого театра. Но что бы она там изменила? Побежала бы в противоположную от него сторону, как и хотела вначале? И столкнулась бы с влюблённым

Ксеном с полевым букетом. Так Ксен и сейчас, вон он, спит в отдалённой комнате, бывшем кабинете её судьбоносного некогда для очень многих отца. Ксен же и так никуда от неё не делся.

– Так уж у нас с тобой всё не задалось, не сложилось, – сказал ей домовый приглушённым голосом Рудольфа, поскольку за стенами спальни в тишине гулкого старого дома отчётливо были слышны шорохи и шаги колобродящего Ксена, охваченного творческими поисками или вполне понятной тоской одиночества и дальнейшей неопределённости в своём существовании. Было слышно, как он уронил чашку на пол и вскрикнул совсем недалеко от дверной панели, поскольку Ксен любил бродяжничать с чашкой чая в руках. Так ему лучше думалось или его тоска изгонялась горячим чаем.

«Ручкой белою скорей меня укрась...»

– Включил своё всевидящее око? – засмеялась Ксения, намекая на то, как тонко он уловил её размышления, – как ни ненавидел, как ни пинал, как ни вышвыривал из жизни, а память тебе не подконтрольна, а влечение твоё осталось. Работает теория моего отца. И ребёнок у меня получился сразу же, в первые же разы на спутнике. Я не верила, что у меня оно будет – моё материнство.

– Решил, всё же, тебя простить. Срок давности. Да и вооб-

ще. Ты заслужила прощение рождением твоего и моего рыжика. Ради него, ради детей, которых ты любила, я тоже решил опять тебя полюбить. Кому будет хорошо от нашей гордой разъединённости, от сведения давно потерянных счетов? Детям нужна семья. Мать и отец. А любовь, ни любовь – это всё юношеские игры, оставим их прошлому.

– Кого ты тут обманываешь, лёжа передо мною нагишом? Рассуждаешь, как премудрый старик. Это ты-то? Всё такой же ненормальный, как называет тебя твоя матушка. Залез к замужней даме, сцапал как в молодости, и ещё лежит тут и рассуждает. А если бы я была с мужем? У меня же муж есть, в отличие от тебя, безутешный вдовец. Что касается Клариссы Бете, она не является в моих глазах твоей женой.

– Нет у тебя никакого мужа, кроме меня. Не ври.

– Я сплю себе, и вдруг! Просыпаюсь в ручищах какого-то домового из кошмара! Маме моей часто снился сон, будто приходит к ней домовая и лапает её. Ну думаю, наследственность! Я и тогда, в молодости, так подумала. Когда у нас произошло впервые... Помнишь? Мы поссорились из-за Риты. Ты мне врал, что она твоя куратор по каким-то очень уж важным для тебя вещам.

– Я не врал. Если бы не она, меня никогда не взяли бы в Академию ГРОЗ. Туда с детства ребят готовят, а я был пришлый. Рита и загружала в меня ту информацию, без которой там нельзя.

– Загружала она! А в промежутках между загрузкой по-

гружения в пучины сексуальных мистерий. Я сказала, чтобы ноги твоей не было у меня, а я тебя и не вспомню больше. Да. Тогда у меня была при мне моя женская гордость. Но ты же домовой, влез как-то и за дело! И повадился каждую ночь. Представь, как я ошалела впервые.

– Да рассказывай! Ты меня ждала. Ты всегда чувствовала меня на расстоянии. Ты только притворилась спящей. И умышленно оставила открытым окно. Первый этаж. Кругом лес. А ты знала, что я брожу рядом и жду тебя на условленном месте, на которое ты не хотела приходить.

– И ты повадился! И чем кончилось?

... Чем? Только они разыгрались, а тут, бац! Свет свыше озарил их преступную мистирию, и грозный лысый её создатель мечет молнии из глаз. Милый друг сразу же забился под простыню. Ну как он мог и надеяться там затаиться, такая гора из мускулов?

А папа так ласково, играя весёлыми молниями, манит его, – Штаны-то накиньте, молодой вы мой гость незваный. Побеседуем как мужчины? А знаете ли, что девушке всего семнадцать? А вам? Что-то лицо мне ваше знакомо»? У вас же там у всех фантастическая память. Особые методы тренировки.

Ух, он испугался! А чего собственно? Узнал шефа своего. Думал, что он к Рите сразу побежит, как из космопорта, а он домой. Ему мама была дороже яркой поганки, маскирующейся под съедобный гриб. Этой трухи, которой современ-

ные колдуньи придали внешность девицы.

Папа же говорил о ней: «Она – несчастье мое, болезнь моя, душевная или телесная, не знаю того. Но люблю я только тебя, Ника». Мама ему верила всегда, Ксения нет. Пока не ушла мама навеки за черту земной окружности, за грань человеческого существования, как же отец изменился сразу. Из Космоса своего не выплывал практически никогда. Вот тебе и привязанность! Мамы нет, кто мешает теперь? Он же перестал вдруг болеть этим суккубом или как их называли верующие люди? Как будто мама и давала им энергию для их страсти. А не стало её, и все стало пшик! Серный дым, ругань каждые полчаса, она зубищи скалила на него, будто сожрать хотела, страшная делалась.

Ксении пришибить её хотелось, как и отца когда-то. Ратмир тоже помнил ту историю. Ратмир на спутнике сразу узнал Ксению, всё понял, зачем она здесь, и что у неё с ГО-Ром за отношения. Он потом подошёл и сказал: «Зря простила! Не стоит он. Не способны такие люди ничего осознать. Всё повторится. Только, как говорили в древности, трагедия превратится в фарс. Но ребёнка сохрани. Он принесёт тебе счастье».

А кто в её прощении нуждался? Да она сама же и напросилась на всё! Что не знала, куда и зачем полезла? И не сказала бы она никогда, что гибель Нэи можно отнести в разряд фарса.

Мост в прошлое разобран, но ведь река всё та же?

– Сознайся хотя бы теперь, что к тому времени, как при-
была я на спутник, ты информационные носители стёр, за-
был меня.

– Если бы я обладал памятью мушки дрозофилы, я бы не
попал в такие сложные структуры никогда, – ответил он.

Вот она и нарезала круги вокруг него, ожидая, когда же
проснется память-соня? Сама вокруг его маршрутов ходила,
как в лунатизме бывает, и себе ни в чём не признавалась.

– Признайся, что мне врал, что не любишь? Ты всегда ме-
ня любил...

Он промолчал, но кто ж не знает, что молчание знак со-
гласия? И нарочно иногда разыгрывал спешку, необязатель-
ность некую, пытался дать ей понять её глубоко периферий-
ное расположение. Так, мол, звёздочка тусклая, торчит на
небе, а в беззвёздную темень и такая сойдёт. А сам часы счита-
л, чтобы опять испытать всё то, что она и считала утрачен-
ным.

– Или ты серьёзно думал, что я из папье-маше? И ничего
не понимаю? Вот так ты и приучал меня к лицедейству, как
тогда, так и потом. И что ты за урод был в коже ангельской?
Поясню заодно, что на той Паралее ты её начисто утратил.

– Когда ж и было, что я давал заявку на то, что я ангел

во плоти?

Таким шершавым и опалённым он там предстал перед ней, что она дар речи потеряла. Ну, есть владыка подземных недр! Вылез их встречать! Как тот самый призрак, что преследовал Нью с Паралеи даже на Земле. О чём и успела Ксения прочесть в дневниках несчастной его жены. Изложено понятно, но от понимания ускользает. Призрак, явь или существо из другого измерения?

У Ксении ноги подкосились. Думала, умру, если признает вот так слёту. Не мужик, а киборг какой-то закопчённый! В объеме – два прежних Венда, дышит шумно, грудь колесом, как будто не кожа у тебя там под одеждой, а панцирь какой. И бацище грубейший, как из шахты подземной, аж гул стоял в отсеке, и вибрация пошла по всему телу, как от сотрясения какого. Да ещё голова эта бритая, мама родная! Клон её отца в его худшие дни. Да туда ли она попала? Так и подумала, Ритка заподянку устроила, в тюремную колонию послала. Если уж ГОР у них такой, то каковы же остальные насельнички?

И опять полюбила из верности прошлому чувству? А он? Сам же к себе утащил, а потом опять выставил, свалил на неё свою собственную низость. Только она опять в красном углу своей души его образ поставила, любовно перебирала все их встречи, все его слова...

Отец ей говорил: «Не тот он человек, дурочка. Он мелкий, ему негде тебя в себе хранить. Он быстро отказался, быстро

забудет. Никто ему не нужен, ни ты, ни жена, ни сын».

– Отец думал, что я обольщалась, и ничего не понимала. Только я твои ангельские пёрышки радужными блестками никогда не раскрашивала, – а про себя добавила: «Как твоя Нэя» – Я всегда понимала, что лик ангела – иллюзия, ведь и крыльев у тебя нет, да и зачем они мне? Я земной любви хотела.

– Ты её и получала.

– Любви, а не муки, какую ты давал. Эх, папа «Череп Судьбы»! Да не закинь он тебя за ушко да под чужое солнышко, куда бы ты и делся от меня? Особенно, когда я молодая в настоящем смысле, из плазмы вся была. – и добавила мысленно: «И не дети Нэи, а мои собственные были бы сейчас взрослыми, а я цветущей и радостной, без серой паутины в душе от вековой заброшенности. Дурочка ангельская, она описывала в своих дневниках, что если бы он сразу, едва с ней познакомился на той Паралее, привёз с собой на Землю, то она была бы счастлива. Никогда! Я бы тогда с ещё большей лёгкостью сдунула её, во мне тогда такие грозные фронты бушевали! Куда ей до меня было?»

– Видишь, – подытожила она свои долгие размышления и озвученные мысли тоже, – мой отец забросил тебя так далеко, а ты, совершив космическую петлю во времени, вернулся ко мне. И мы опять вместе, валяемся с тобой в моём доме, да ещё в его бывшей спальне. А Рита? Она где?

– Она? Спит в своём дупле, как и полагается змее. А я

буду, как твой папа «Череп Судьбы» жить на две семьи. Как на это посмотришь? Мне по моему положению много чего позволено. А ты как знаешь. Можешь и отказаться. Другая найдётся. Нелли, например. Она ни за что не откажется.

– Ты не похож на отца. Не радуйся. Это я так сказала ради красного словца.

Ксения с возмущением завозилась, делая попытку вылезти из-под общей простыни. Вот скотина, он и не думал мяться. Он лежал как скала и не думал её пускать, продолжая при этом теснить к стене, – Скажи, у тебя в юности было красное платье?

– Было. – Ксения не одолела тяжести судьбы, у которой было туловище кентавра, – Белый горошек по нежно-пунцовому полю, из натурального шелка. Мама, кстати, шить умела. А что? Мы отдыхали с папой на Клязьме в глуши. Помню, я сидела на поваленном дереве у берега. Речка зелёная, кувшинки желтые, белые, а рядом за мостом ветхим и старым раньше поселение где-то было...

– За мостом? Там был мост?

– Ну да. Каменный, старый. А у берега, представь, шли съёмки игрового фильма на историческую тему, там был сооружён какой-то древний плот, на каких раньше переправлялись через реки.

– Плот? Кто на нём был?

– Тётки в старинных костюмах, их же снимали.

– А ты?

– Я смотрела.

– Что ещё делала?

– Читала. Нашла старую книгу у мамы, электронную, представь, и читала. На меня тётки кричали, ругались, что я порчу им пейзаж.

– И волосы твои были повязаны шарфиком? Лёгким и воздушным?

– Да. Было ветрено. Волосы мешали читать, я и повязала его, – Ксения удивилась, а вдруг он не сочиняет про всевидящее око? – Ты же не мог видеть...

– Не мог, а видел. Ты была умница, любила читать старые книги?

– Любила.

– Но как могло такое быть? Подобное совпадение...

Ксения трогала его лицо. Он отвернулся, пряча себя.

– Совпадение? Кого или чего?

Ответа не было. Они помолчали. Прозрачная стена казалась тёмно-синей, усыпанной осколками звёзд, подобна стеклу, из которого делали раньше новогодние шары. Ксении захотелось встать и проверить, вдруг там опять открылись бескрайние плантации, исчезнувшие, как говорила Нэя, но где-то продолжающие свое неувыдаемое уже цветение. В неких информационных спиральных запредельных метагалактических миров.

– Ксен тебе не мешает? Не пристаёт?

– С ума ты сошёл! Нет. Детей любит. Возится с ними, ко-

гда возвращается к нам. Счастлив даже. Спит в папином кабинете. Я ему позволяю. Но он, если честно, и не спрашивает моего разрешения. Он считает этот дом своим тоже. Уверяет, что всегда мечтал о многодетной семье. Считает, что мы его семья. Ну, и пусть, ведь не выгонишь.

– Ну, и пусть. Он им как дядька молоточек.

– Какой молоточек? Ты откуда взял?

– Такой. Из сказки. Колокольчики шалют, а дядьки – молоточки стучат, чтобы не забывались.

– Ксен добрый. Да и кто ему позволит стучать?

– Я шучу. Это же из сказки ветхозаветной. А тогда детей били.

– Ветхозаветной. Твоя мама Карин стучала тебя почище молоточка. В твоём детстве. После моей мамы осталась старая электронная библиотека. Ксен ею пользуется. Говорит, там есть шедевры. Хотя, мы приходим из рода извозчиков, но мы очень любили читать, не в пример тем, кто из королевских домов. А хорошо тебе было в твоём старом постоялом дворе? Бродяг давно нет. Так что он твой полностью.

– Ну, прекрати. Запомнила. Мало ли, что я порой несу. Всё запоминать зачем? Неужели ты поверила, что я, как твой отец буду жить на манер маятника? То к тебе, то к Рите? Я не вернусь уже к Рите. Зачем она мне? Она воображает, что много на что повлияла. Но в ГРОЗ всё решилось без участия её старого маринованного огурца. Он слишком законсервировался, слишком оторвался от реалий. Она ничего не зна-

чит там во всех смыслах. Я лично только ей подыгрывал, как и твой отец, питал её чувство личной значимости. Она умна и нечеловечески красива. Но...

– Это она-то? Именно нечеловечески. Но ведь у всякой технологии есть свой предел могущества. И она не сможет бесконечно насиловать свою молекулярную структуру. Она с неизбежностью распадётся на элементарные частицы. До какой же степени утомления она их и довела!

– Ты говоришь жестокие вещи, но сама по себе ты добрый человек. И тем ни менее, я думаю, что в твоём лице вождь «лбов» не нашёл своего ярого приверженца. Ты бы стала ему служить верой и правдой, не смотря на своё обновление, на свою причастность к тем, кого он приговорил к небытию. Но он и сам из них, и не отказывается от вольнонаемников, кем бы они ни были. Он даже самооправдание себе имеет. Считает таковых «омоложенцев» раковыми клетками человечества. Наростом на других, полноценных и здоровых людях. Считает, что только весь организм в целом должен достичь бессмертия, а не отдельная колония взбесившихся клеток этого несовершенного целого. Поэтому тех, кто проникается его верой, он принимает и даёт отпущение грехов, обещая им отпущения и со стороны Создателя. Но конечно, требует тотчас же и дел. Ибо вера без дел – мертва есть. Смогла бы Риту лишить жизни?

Ксения вздрогнула, – Нет, конечно! Но... Я могла бы быть бабушкой, иметь внуков, как свои сверстницы. А я?

– Всё это никуда от тебя не уйдёт.

Надо было выбираться из тягостных разговоров об опасных сектантах. Были ли они справедливы? Была ли она сама справедлива по отношению к Рите, давшей ей шанс на повторную судьбу? И чтобы она почувствовала, если бы Рамон занёс над нею ритуальный нож не в бредовом сновидении, а в реальной жизни?

– Я прожил, к счастью, только половину срока возможно-го у нас на Земле. А в прежние времена я бы уже стоял у порога старости. Но то, что лучшие годы прожиты не лучшим из возможных способом, не делает меня завидным мужем для тебя. Но остальную свою жизнь, я буду надеяться, что большую половину, мы будем с тобой жить иначе. Да нам и нельзя с тобой жить скверно. Дети дают нам с тобой шанс всё исправить. Я не обманулся в тебе, ты полюбила их. А Рита? Принять детей – да, но любить? Зачем? Относилась идеально – безупречно, но без души.

– Ты же вызвал меня не только как няньку? Ты уже понимал, что я буду их любить?

– Да.

– Ну, конечно, у тебя же всевидящее око, – и Ксения, смеясь, спряталась в простыни, – вдруг опять будешь душишь? Из-за насмешек над собой. Ты же хотел не няньку, а меня?

– Да.

– У меня тоже есть всевидящее око. И было всегда, – дополнение к твоему. Теперь у нас с тобой их пара, как и по-

ложено. Надеюсь, мы будем смотреть ими друг на друга, а не в разные стороны, как раньше?

Возвращение блудного отца к своим детям

Своим хохотом они, очевидно, вызвали негодование Ксена. Он уже умышленно громко шаркал по паркету, обновлённому усилиями «реставратора», будто старый пес, цокая по нему чем-то, как это делают собаки своими не втяжными когтями. Вероятно, он ходил уже обутый в уличную обувь, собираясь уходить.

Ксения, накинув халат, пошла в половину, где он обитал, чтобы забрать спящего Рудика. Самого Ксена там уже не было. Ксения увидела огоньки аэролёта, поднявшегося над посадочной площадкой. Рудик спал так крепко, что не проснулся даже тогда, когда она принесла его к Рудольфу. Он поцеловал его мягкие завитки, хотел положить на свою выпуклую и могучую грудь, но Ксения положила сына рядом на подушку, боясь, что ребёнок проснётся и испугается.

– Ну конечно. Я же монстр, – обиженно, как маленький мальчик, сказал взрослый дядя, папа не единожды уже.

Светильник-сфера, похожий на планету «Ксения», на которой они встретились, мягко освещала их уже совместный дом. Ксения легла рядом и прижалась лицом к спящему Рудиду, а рукой трогала бритую голову Рудольфа.

– Ну что, Череп Судьбы? Может, отрастишь уже свои волосы? Вернёшь мне свои, пусть и поседевшие, но кудри?

– Как скажешь, – ответил он, – седина бобра не портит.

– У нас будет старинный обряд. Свадьба. В том самом «Лесном Тереме», помнишь его? И твой папа Паникин будет говорить нам тосты, длинные и скучные, про детей. На мне будет алое платье. К тому времени, как мы соберёмся, я не думаю, что мой живот будет заметен, а я собираюсь родить тебе и девочку, мою лично, ну и твою тоже. Я почему-то думаю, что сегодня мы её и сотворили с тобой. Старшие наши дети будут бегать рядом и по всем залам того «Терема». Представь, как будет им весело! Маму твою тоже пригласим. Все будут думать, что у нас серебряная свадьба, а мы ничего не будем переубеждать. Ладно? Моя мама перед своим уходом мне сказала: «Первая половина твоей женской жизни началась и, боюсь, продлится печальной и неудачной. А вторая будет светла и счастлива. Ты ещё испытаешь вновь своё счастье. Судьба подарит тебе и свою светлую сторону».

– В отличие от меня, ты заслужила счастье, – сказал он.

– Но если оно будет у меня, как может его не быть у тебя?

Уже рассветало. Рудик проснулся и таращил глаза на Рудольфа без всякого испуга, что было странно. Он даже пытался трогать его бритую голову, хмуря свои каштановые бровки.

– Он тебя узнал, – Ксения обнимала сына, – я ему показывала в записях тебя, и на большом экране тоже. Говорила,

это папа. Однажды он смотрел мультик, а там был громоздкий и головастый бегемот с большими глазами, гладкой головой, и Рудик сказал: «Папа»!

Ксения встала, включила свою любимую с юности запись песни, найденную где-то однажды молодым Рудольфом, и сохранённую именно потому, что впервые она услышала её в минуты их совместного наивысшего счастья. И сейчас Ксения была уверена, что он начисто забыл безнадёжно-грустную песню, и непонятно слушал её или спал, поскольку закрыл глаза. Песня звучала очень тихо, но слова разобрать было можно.

– Я вошла как звезда /Над печальным скитальцем./Он схватил, но меня удержать не сумел./Заструилась звезда по наклонному небу/ И упала в свой тёмный и горький удел./ Что мне делать с душой,/ Где звезда воссияла?/Где угасла она, но во мне всё сожгла,/Слезы счастья ли, боли – в стихах воспевают,/Но морщина, как след от слезы пролегла./И сказала она: что ушла моя юность./И в изломе согнула начало пути/Зелена и свежа только первая зелень,/Пыль на травах, а мне даже нет двадцати./Вот луна разбросала свои побрякушки/ На деревья и крыши, на поле-диван лёг туман/ Закурил, задымил, замечтался,/И зовёт и манит всех, кто молод и пьян./ Я бегу в его зов подмосковный и пряный/И шаги, как во сне по земле нетверды/А за мной будто тень моё горе-лунатик/Мне б найти хоть осколок упавшей звезды...

Она прислушалась. Андрей, Толик и Алёша спали в быв-

шей детской Ксении, ставшей их спальней. Она взяла Рудика на руки, но он уже успел оросить простыню и бок Рудольфа.

– Почему не просишься? – сурово, но наигранно спросила Ксения, целуя его сонное личико, и вся наполняясь прежним счастьем тех времён, когда и звучала пророческая песня – плач, а Рудика не было на свете.

Она отдала его Рудольфу, но окончательно проснувшийся Рудик, всё же, заорал при виде незнакомого мужчины, поняв, что тот не Ксен, а кто-то чужой, да ещё в постели у матери. И этот мужик целовал его в пузико, чем пугал ещё больше.

– Ну вот. Он думает, что я бегемот, – сказал папа Венд почти обиженно.

Ксения опять взяла Рудика на руки, прижала к пушистому халату, успокаивая.

– Это твой папа, и он звёздный воин, как и был твой дедушка. Он вернулся со своих звёзд, и уже будет с нами всегда. Помнишь, я тебе обещала? А дедушка тоже вернётся. Я верю. Мы его простим, и он простит нас. И мы все встретимся, ведь впереди у нас длинная жизнь. Как же дедушка сможет не увидеть тебя? Не узнать о твоём существовании? Моё рыжее солнышко, моё земное долгожданное счастье!

Возник звук открываемой дверной панели, и показалось, как и в прошлом сейчас ввалится сюда непрошенный, неожиданный отец, и они вместе, Рудольф и Ксения, одновременно обернулись с мгновенным испугом, но в открытом

проёме стоял Толик. Ксения сразу определила, она уже не путала близнецов, они были слегка разные, чуть-чуть, но достаточно для неё различимые.

– Папа! – сказал Толик и подошёл сонный и хмурый в пижамке, оставшейся от выросшей давно из неё Альбины и потому девчоночьей, розовой со стрекозами и ромашками, или цветами похожими на ромашки. Ксения не морочилась особенно-то, пижама и пижама. Рудольф схватил его и посадил на свою грудь, глядя тёмные волосы мальчика.

– Толик! Привет! – взлохматил его волосы, радуясь ему.

– Ты прилетел уже? Насовсем? – спросил Толик спокойно, не радуясь в ответ. Почему? Или отвык, или в этом была скрыта его детская обида? Могло такое быть? Ксения не знала. Она считала его маленьким, в отличие от всё понимающего Андрея. Или он отчасти досыпал на ходу. Час был ранний.

– А мама? С тобой? Прилетела уже?

Дети и не думали забывать мать.

– Когда ты вырастешь, – ответил Рудольф, – тебе предстоит самому искать то Созвездие, куда она от нас улетела. А пока тебе придётся жить с мамой Ксюшей. Ты разве не любишь её?

– Люблю. А папой Ксен, что ли, будет?

– Нет. Папой, что ли, буду я.

– Ну, хорошо. А Ксен?

– Ксен улетел, – сказала Ксения, жалея запутавшихся от

их собственной запутанности детей. – Но он будет возвращаться. В гости. Он же любит тебя. У него есть свой сын. И он вскоре познакомит вас с ним. Будете играть вместе.

– Ты будешь с нами играть в дядьку Молоточка?

– А ты научишь?

– Научу.

Толик посмотрел на маленького Рудика, уснувшего под боком у отца. Серьёзно сказал, – Тише вы! Ребенка разбудите.

Они засмеялись, одновременно целуя отбивающегося от них Толика. Тот был серьёзен по-мужски в своей смешной девчоночьей пижаме с кружевами.

– Ну чего ты обрядила его, – засмеялся Рудольф, – он же будущий космический воин. Сними! – И стал стаскивать девчоночью пижаму. Но Толик не хотел подчиниться, не видя в ней никакой крамолы и пихая от себя руки отца.

– Не надо, – Ксения отстранила руки Рудольфа, – в следующий раз я не буду её напяливать на него, а сейчас оставь. Он же не понимает, ему без разницы. Я её оставлю для своей дочки. Она мне нравится. Нэя шила волшебные вещички. Ладно? Оставлю?

– Для дочки? – спросил он.

– Для Ариадны, – ответила она и, встав на колени, положила голову на грудь лежащего Рудольфа. Толик стал её гладить, и Рудольф тоже.

– Сколько же у меня любимых мужчин, подумать только!

И все мои!

– А ты ещё не верила в то, что называется счастьем, и считала его, как и моя мать, романтическим вымыслом, бреднями.

– Она так считает? Разве?

– Она так считала. Раньше. Она как-то притащила мне старую венецианскую маску, ещё до моего отлёта на спутник Гелия, и сказала: «Отдашь Ксении. Она просила найти. Это Коломбина. Отдашь»? Я сказал, что отдам, чтобы отвязаться от неё. Но маску я сохранил.

– Спасибо, – Ксения роняла на его грудь влагу, но были ли слёзы остатками тех, что не израсходовались в прошлом, или вновь открылись их источники, она не знала. – Зачем мне маска? Я так устала её носить всю свою жизнь. Ну её!

– Мне тоже, – сказал он, – осточертела маска суперчеловека и космического воителя. Хочу быть заурядным обывателем. Тем, кто есть сейчас.

– Человек не бывает заурядным. Это всё выдумки тех, кто привык носить свои игровые маски, усыпанные мнимыми блёстками сверх значимости. Они презирают тех, кто искренний и живёт с собой в ладу, каким бы он ни родился на белый свет. Умный или не очень, главное, чтобы счастливый. А мы уже наигрались? Как думаешь?

– Вполне, – ответил он, – будем просто жить с тобой.

Рудик опять завозился и захныкал. Толик сполз с отца и лёг позади Рудика, обняв его. Рудик, успокоенный, затих ря-

дом с Толиком.

– Сыро тут, – только проворчал Толик. Он был слегка ворчлив. Энергично сменяя простыню в ком, он стал устраниваться досыпать. Серый свет не располагал к вставанию, а приткнувшийся к нему Рудик усыплял его.

– С ума сойти! Ну и идиллия, – сказал счастливый Рудольф, любуясь на детей. – Даже не верится, что я до этого дожил. Ты оказалась права. Помнишь, кричала мне, что я вернусь к тебе? Тогда у сетки? Ты верила или кричала от отчаяния?

– Верила ли я? Я просто знала. Хочешь узнать продолжение того ужасного дня? Я сразу же полетела в сектор межконтинентальных перелётов. Пересела в общественный сверхскоростной аэролёт и направилась к Робину. Потому что мне пришла в голову идея, взять у Робина оружие, а я знала, где он прячет его, а потом вернуться и убить своего отца. Да он даже и не прятал. От кого было? И вот я держу эту маленькую штучку в руке, а Робин вдруг оказывается рядом за моей спиной. Когда успел войти? Если его дома не было? И спокойно так говорит, «Ты никогда и никого не сможешь убить, тем более своего отца». Я же и рта не успела раскрыть.

«Твой отец отслеживает каждый твой шаг. Не знаю, когда и где, но он сумел вживить в тебя чип слежения. Поэтому, если ты приблизишься к нему с этой штуковиной на опасное для его жизни расстояние, то по определённом сигналу ты немедленно будешь обездвижена. На краткий миг, но вполне

достаточный, чтобы он тебя нейтрализовал. А что после? Ты же не хочешь попасть в систему «Суссанна»? Прямо в объятия твоей будущей мачехи?»

А он уже знал о смерти моей мамы. «Рита, конечно, приведёт тебя в чувство, сделает так, что никто и не узнает о причине твоего психического расстройства, а ведь это именно оно – психическое расстройство, только ты того сейчас не понимаешь. Только скрыть факт твоего пребывания в системе «Суссанна» не сможет и она, а это будет как приговор твоей будущности. Тебя после всего могут не допустить никуда за пределы Земли. Как знать, вдруг тебе понадобится? Я имею в виду космическое путешествие. Ведь твоя жизнь только начинается. А он всё равно никуда от тебя не денется, если написан тебе на роду. Твоя любовь не позволит ему сгинуть». Робин всё знал о тебе, о нас. Робин жалел меня, жалел людей. А я его ничуть. Ни тогда, ни теперь. Он был настоящий человек, хотя и выглядел занудой.

– Почему же был? Если он есть?

– Для меня был. А так, есть для кого-то.

– Жаль его. Ему никогда не везло с женщинами. Хотя он всегда берёт их, всегда ценил. Любых. Какие оказывались рядом. Может, с этой ему повезёт?

– С кем?

– Да так. С одной вечной странницей. Надеюсь, она всё же устала.

– Как и ты?

– Кто устал? Я? Да я силён как юноша! Будто вчера жил в казарме, и меня буквально распирают желания. Если бы не дети, я бы тебе доказал...

– Я и так вижу, – засмеялась Ксения, – а я только сегодня родилась. И я уже другая, чем та, кого ты помнишь по спутнику. Я буду терпеть тебя любим. Я своим всепрощением превзойду и Нэю. Но не знаю, хорошо ли это?

– Не надо мне твоего всепрощения. Оно тебе вряд ли и понадобится. Уже.

– Уже?

– Уже, – и они опять засмеялись дурацкому слову «уже».

Тектонические подвижки продолжаются

Как ни странно, но Ксен вернулся на спутник Гелия. С ним отбыла Инга, а мальчика, своего и Ксена сына, она оставила своим родителям. Ксен заключил новый контракт. И как поняла его мотивацию Ксения, так он хотел заглушить своё горе отвергнутого мужа. На Земле-2, по сведениям из ГРОЗ, ему все были рады. Там шло грандиозное строительство, и оно уже охватывало планету на других её континентах. Требовалось всё больше и больше специалистов всех профилей. Скучать и предаваться тоске там времени не было.

И Ксен умчался в звёздную бездну, которую столько про-

клинал и уверял Ксению, что туда – никогда! Но видимо, для него это была разновидность харакири. И жив остался, и лицом в грязь не упал, и мужское достоинство сохранил. Да ещё и с верной спутницей там объявился, да ещё и дважды став отцом впоследствии в инопланетной колонии. Чем утёр нос всем его жалельщикам прежде. Что было ему терять на Земле? Ведь Ксения была утрачена им уже навсегда. А сын? Что же. Он подрастёт и прибудет к нему, к ним.

Ксения и Рудольф остались на Земле. Они уже набродились по своим космическим пустыням, утратив там свои миражи и свои временные, как оказалось, оазисы, манившие вечным пристанищем и поившие целещей водой забвения. Они были нужны Земле. Рудольф своей ГРОЗ, а Ксения детям и ему. Она вдруг научилась шить, а вдобавок и вышивать, и когда Альбина прилетала на выходные, то с гордостью демонстрировала свои достижения, спрашивая, не хуже, чем делала мама? Альбина кивала, но что это означало? Ксения любила также показывать Альбине свою игру на белом мамином рояле, отчего Альбина, наделённая прекрасным музыкальным слухом, страдала от её игры, как и Рудольф в своё время. Ксения понимала, вздыхала и закрывала крышку рояля. И опять, в следующий раз, хвасталась своими вышивками на постельном белье. Она запомнила узор Нэиных шедевров и старательно их воспроизводила. Она ждала рождения своей девочки. Альбина изучала её исподтишка и непонятно о чём думала.

Именно на Земле девочка неожиданно раскрылась с новой стороны. Она стала закрытой в своих проявлениях, проявляя стремление обособиться и от домашних. Ксения решила, что в ней сказывалась природа бабушки Карин. А так? У них в семье был лад и доверие всех ко всем. Ей было тяжело думать, что Альбина слишком хорошо помнила мать, и могла не простить им того, что она, Ксения, заняла место её матери. Но такие мысли она гнала. Альбина смотрела без всякого интереса её вышивки и прочие поделки из текстиля, – Мама, зачем тебе? Всё же делают роботы, благодаря высоким технологиям, и делают превосходно.

Ксения всматривалась в её лицо маленькой довольно девочки – подростка и поражалась её взрослости. Она смутно вспоминала ту светловолосую няньку у озера, которая катала коляску с ребёнком Нэи от Антона Соболева. То же самое лицо, так ей казалось, было у другой девочки по имени Лоролея. А сейчас та девочка, встреченная в лесу с её матерью и сёстрами, стала девушкой. Как бы хотелось Ксении увидеть ту девушку, тех остальных девочек Нэи. Но она понимала, как болезненна Рудольфу скрытая от неё часть его жизни, и благоразумно старалась её тоже не касаться.

– Тут же человеческие руки, как ты не понимаешь разницы, дочка, в них же душа, – и она старательно пыталась объяснить Альбине разницу рукотворных вещей и тех, что производят неживые машины. И никогда не объясняла Альбине, какая память вдохновляет её на самом деле.

Хрустальная пирамида из дневников Нэи и та пирамидальная спальня со спутника, где родители зачали самую Альбину в том времени, которое было похищено у самой Ксении, вот каков был весьма непрозрачный источник как вдохновения, так и приступов тоски самой Ксении. Ревность даже к прошедшему времени не оставляла её никогда. Параллельная Нэя – Ксенэя из загадочной Паралеи прожила за неё ту жизнь, которая была изначально приготовлена только ей, Ксении земной. Но вместо этого она провалялась в тёмном чулане, совсем как та присыпанная блёстками, прекрасная карнавальная маска для невесёлого карнавала жизни. Для которой некто написал некий вычурный сценарий, или которую создали под этот сценарий? Как такое объяснишь не то что девочке-подростку, но и собственному мужу. К тому же он и не знал ничего о дневниках бывшей жены, написанных на русском языке. И в какой степени они являлись художественным романом девушки, а потом женщины, выросшей в неведомой колонии-поселении землян в Космосе? То есть чистой воды вымыслом.

А Нэю сам Венд нашёл где-то, на одной из промежуточных баз в Галактике. Они там встретились, сошлись, и у каждого из них были свои причины верить в этот совместный вымысел. Или же некто заставил их принять всё за правду? А в какой степени это была правда о жизни Нэи, непонятного существа из иных миров, так разительно похожей на земную женщину, на самую Ксению, будто она раздвоилась и прожила

две жизни, обособленно одну от другой. Будто это она населила своей непомерной тоской ту Паралею, создала её и воплотилась на ней в Нэю, или же Нэя придумала и Землю и саму Ксению, написав роман, когда пребывала в заточении в своих плантациях в течение стольких лет? И которая из них придумала его, Рудольфа Венда, героя своих мечтаний и мук? И насколько он совпадал с подлинным своим прототипом, а насколько на него совершенно не походил. Кто же раскроет вам эту тайну? Так думала она, улыбаясь над своими вышивками, и прислушиваясь к жизни ребёнка в себе.

Они жили не на «волшебной горе», и даже не в «райской низине», как говорил некогда Рудольф, а на обычной, суетной, вечно меняющейся и очень сложной Земле. И если вы думаете, что это конец, то это не так. Конец всё ещё впереди. Над вечерним лесом повисли крупные низкие звёзды, каких никогда не увидишь в мегаполисе, и казалось, что забравшись на старое дерево – на огромный шершавый дуб, растущий у самой дороги, их можно ухватить рукой. Будущий человек – пока ещё не рождённая девочка стучалась изнутри, заявляя о своём нетерпении покинуть обжитую и тесную обитель. Нетерпение было смешано и со страхом, совместным со страхом матери от их совместного предстоящего им двоим испытания. Ксения остановилась и прижалась к старому обширному стволу дуба, обхватив свой раздутый и твёрдый живот. Рудольф ласково прикоснулся к её виску, целуя и успокаивая, поскольку срок только семь месяцев, волновать-

ся глупо, и повторения ранних родов, как было на спутнике, у неё не предвидится. Ксения благодарно тёрлась лицом о его пальто, страстно обнимала его, как будто они были теми же самыми юными парнем и девушкой, которые целовались у этого же самого дуба в другом времени. Он, древесный старожил, словно узнал их и был рад заодно с Ксенией, так ей казалось, и она спиной улавливала, как радостно гудели под его корой оживающие весенние соки. Только тропинка была не различима в фиолетово-чёрном, но совсем не страшном сумраке, где они гуляли.

Спустя годы

Семейная прогулка, что называется, «из-под палки»

Они гуляли по берегу реликтового озера. Месяц май. Из-за прохлады отдыхающих не наблюдалось, – встречались только редкие и куда-то спешащие хмурые пешеходы. Дул сильный ветер, и озеро переливалось от бледно-голубого к насыщенно-синему цвету. Ксения, шурясь, подставила лицо ветру. Она оказалась здесь впервые. И ничего бы не потеряла, если бы находилась сейчас дома. Но кого винить, если сама же всех сюда вытащила?

Рудик пытался вскарабкаться на высокую насыпь древнего моста, похожего на римские акведуки, законсервированного как памятник архитектуры. Рудик ушло девять лет. Ксения с Рудольфом всё не могли решить, в какую закрытую школу его отдавать после школы начальной. Рудольф хотел, чтобы Рудик, как и остальные мальчики учился в школе, принадлежащей структуре ГРОЗ, а Ксения не хотела. Пусть хотя бы младший сын останется в их семье полностью землянином.

С ними поехала Альбина. Она окончила среднюю школу,

ей без пары месяцев восемнадцать лет! Возраст выбора дальнейшего жизненного пути. А у неё всё застопорилось, она всё отбрасывала, не желая погружаться в глубины какого-либо профессионального познания. Будучи умницей, производила временами впечатление странной ущербной отшельницы из-за избыточной самоуглублённости, отсутствия интереса к общению со сверстниками. Она тревожила Ксению и оставляла равнодушным к её скрытым проблемам отца. Сегодня она не хотела с ними лететь на озеро, но Ксения уговорила. Это же зародыш будущего мирового океана, это же уникам Земли, чудом спасённый во времена, когда мог исчезнуть с лица планеты полностью. А ещё, представь себе, существуют местные легенды о существовании различных реликтовых чудес в его водах, по его берегам. А вдруг там до сих пор обитают драконы в подводных пещерах, и как раз в этот день один из них вынырнет взглянуть на небесную высь? «Может, и фантастические, говорящие птицы там обитают»? – засмеялась Альбина. – «Вдруг я такой экземпляр и встречу»? – Альбина любила птиц, любила их слушать, распознавать их пение, различать по оперению, изучать существующие их породы.

«Встретишь, непременно», – засмеялась Ксения, радуясь тому, что девочка согласилась.

Альбина сразу убежала от отца и матери в прибрежный лиственный лес, чтобы они по обыкновению не навязали ей Рудика, тогда как сами будут наслаждаться природной

тишиной, исследованием неизвестных мест. Так что им пришлось гулять втроём.

Аэролёт оставили на площадке в районе живописной горы. Туристы, если и мелькали, то немногочисленные. Или день выдался негостеприимным, резко ветреным. Остальные дети пока что продолжали учиться в своих школьных городках, а младшую дочь Ксения оставила в старых Альпах у бабушки Карин. От ветра ломило в висках, в ушах, Ксения, болезненно чувствительная к контрастам температуры, отчего-то не догадалась взять с собой косынку или шапочку. Ей уже не хотелось гулять. Хотелось в уют, хотелось есть. Поторопее бы попасть в тепло ближайшего ресторанчика!

– Последнее время, – сказала она, – я часто думаю о том, что жизнь бессмыслица. Не вообще жизнь, – такого кощунства я и в мыслях не держу, – а жизнь лично моя, и ещё многих и многих людей, которых я имею удовольствие, а вернее неудовольствие, наблюдать. Подобные мысли приходят ко мне постоянно, когда я бываю одна, а я почти всегда одна. Нет. Тут не упрек, а фиксация того, что есть. Тот, Кто создал наш мир, Он, вероятно, имел грандиозные замыслы, но вмешательство кого-то или чего-то ещё лишило смысла появление на Земле некоторой части разумных существ. И если иные разумные опровергнут мою разумность на основании такого вот упадничества, что же – я с ними не буду спорить. А думаю я вот что. Если существует неизбежный конец всего, то наличие жизни обесмысливается. Это как умножать

на ноль. Любое число становится нулем. Я даже допускаю, что идёт грандиозная битва между тем, что есть бытие в метафизическом и прочем смысле и тем, что ничто. И Тот, Кто создал Вселенную, возможно, давно устал от борьбы и всё бросил на произвол. Пусть само как-нибудь и разрешится. Отсюда и возникли теории как космогонические, так и религиозные, о неизбежном разрушении, уничтожении, грехопадении мира. Как бы интуитивные прозрения очень плохого состояния окружающей человека Вселенной?

– А если Вселенная совсем не причём? И в плохом состоянии, всё ещё плохом, пребывает сам человек, определяемый тобою как разумный? Так ли уж он и разумен?

– Так ведь человек, как составляющая Вселенной, всего лишь отражает в себе, как в мизерной капле, тот перевес Хаоса и уничтожения, торжества тьмы, по сути, над наличием всего лишь брызг света в этой самой бесконечной тьме. Слово бы над ничтожеством разума изгаляется некто ужасный, придумав даже в короткой жизни невероятное количество мучений, разновидностей самой смерти, чёрной силы, лишённой даже намека на сострадательность, чудовищность инфекций, катастроф и прочих трагедий. И те люди в прошлом и настоящем, вступающие в некие контакты, сговоры или что там, с силами безбожными, неужели они не понимают, что договориться с мраком невозможно? Даже если мы брошены, у нас нет выбора, кроме служения Свету. Тому, Кого Нэя называла Надмирный Свет. И даже понимая свою

недолговечность в явленном мире создавать свой, пусть и смертный, конечный, но Рай?

– Хочешь сказать, что Создатель – бракодел? – ухмыльнулся Рудольф, явно не желая отвлечённых рассуждений. – Так ты уверовала в Надмирный Свет? Откуда ты вообще знаешь о религиозных представлениях Нэи?

– Я как-то на спутнике была в том отсеке, где она и устроила маленький Храм Надмирного Света. Тогда мне было смешно, но не теперь... – Ксения резко замолчала, не встретив с его стороны желания поддержать направление беседы. Он отвернулся от неё. Лицо выражало скуку, – от вида окружающего озера, от неё, от бессмысленных разговоров, ни к чему не приводящих. И упоминание имени Нэи, первое упоминание за все последние годы, не произвело на него ни малейшего впечатления.

– Иногда мне кажется, что я сама и была Нэей, что я придумала её, и она лишь форма моей душевной болезни...

Ксения так и не показала Рудольфу дневники бывшей жены, и ей вдруг стало казаться временами, что она сама и написала пространный роман о похождениях звёздной бродяжки, перенесла свои собственные страдания на вымышленный персонаж.

– Если тебе так легче думать, пожалуйста, – отозвался он, и она вдруг увидела, и тоже впервые за последние годы, как он постарел. Она редко видела его в домашнем затворничестве. И тут явленный вид его возрастной усталости, – именно

усталости, а не увядания биологического, – потряс её. Само такое его состояние исключало всякую любовь к ней, если она и была у него когда-то...

Он охладел, он угас! Не в смысле обобщающем, а конкретно к ней. Синяя, переливчатая гладь огромной воды даже зримо несла в себе холод и безразличие к присутствию людей на ограничивающих её берегах. Ксению всю целиком сдувало куда-то в сторону от бешеного напора отнюдь не летнего, пронзающего ветра.

И этот ветер напомнил вдруг ей своим завыванием те сизые степи, где впервые ей открылась гудящая чёрная бездна, над которой она зависла, – беспомощная соринка в краткосрочной вспышке явленного света. Она схватилась за уши, чувствуя боль в них, и Рудольф снял свою куртку с капюшоном и, накрыв плечи Ксении, нахлобучил капюшон на её волосы. Ей сразу стало легче, а ветер также внезапно затих, как и накрыл своим яростным порывом.

Яркое солнце мгновенно согрело. Ксения стащила куртку, но Рудольф отмахнулся от неё, – Жарко!

Так что в его порыве проявила себя лишь потребность сбросить груз в виде излишней куртки ей на плечи. Ксении пришлось теперь таскать куртку на себе. Она обвязала куртку как юбку вокруг собственных бёдер, но ураганный натиск больше не повторился. Гулять, тем не менее, ей уже не хотелось. Чего хотелось Рудольфу, понять было сложно. В своих мыслях он отсутствовал, и рядом с собою мыслей этих она не

улавливала. Но уже давно привыкла к такой вот характерной его особенности. Он также внезапно возвращал себя, как и удалялся без объяснений, и не только сугубо физически так происходило. Зачастую и обретаясь в одном доме с нею, он пребывал где-то и ещё. Хотя, как и «зачастую», – в доме он появлялся как редкий гость, а не муж и отец. Таковы были правила его жизни, которые она принимала. Ни о какой ревности с её стороны и речи не шло, поскольку интересы его жизни давно уже исключали наличие других женщин. Как некое значимое наполнение его жизни они отсутствовали, а Ксения чувствовала его тончайшей настройкой своей души, интуицией любящей женщины. Или же она обольщалась? Но если так ей легче жилось, и никто не убеждал её в обратном?

Вскоре она увидела, как из прибрежных лиственниц, разговаривая с неизвестным мужчиной, вышла Альбина. Её стройная, но сильная фигура всегда заставляла Ксению замирать от приступа любования дочерью, пусть и не родной по крови. Она не пожелала надеть прогулочный спортивный костюм, надев шёлковую длинную, бирюзовую как вода, и струящуюся от ветра юбку, обула изящные белые ботиночки, желая использовать прогулку для того, чтобы пофорсить собою.

Ещё дома поверх волос она нацепила ободок с опалами, подаренный Ритой. Ксения тотчас же узнала драгоценность! Ободок тот самый, что она помнила на Рите в день похорон матери...

Ей стало настолько резко неприятно от такого вот открытия, что она еле удержалась, чтобы не стащить его с волос девочки.

– Сними, дочка, эту... гадость! – воскликнула она и приронила к «дарам данайца». И будто коготь внезапно всунули в мякоть ладони. Или же возник разряд статического электричества между нею и волосами Альбины?

– Гадость? – изумилась Альбина. – Красиво же. Невероятная редкость. Мне Рита Бете подарила.

– Ты когда её видела в последний раз?

– Она вдруг приехала в наш школьный городок и сказала, что она давняя коллега отца. Видела меня в детстве. Я её даже не вспомнила. Подарила мне на выпускной бал.

– Опалы – тяжёлый камень, весьма сложный по своему влиянию на человека. Не носи! Я прошу. Убери в шкатулку, если нравятся, но сними ты эту херь старушечью!

– Ты почему так говоришь? Разве Рита старуха? Мне не показалось, что она старая.

– Она ведьма! – Ксения умоляюще прижала руки к груди, увидев испуганное недоумение дочери; в душевном ли здравии сама мать?

– Она... очень нехорошая. Вот увидишь, что в скором же времени произойдёт что-то, что никому не принесёт счастья. Ну, выброси!

Пока Альбина раздумывала над причудой матери, Рудольф сам стащил ободок с волос дочери и бросил его на ди-

ван в гостиной. Он всего лишь не хотел терять время зря, а с Альбиной он не церемонился никогда. Ксения поспешила достать дочери драгоценную заколку из своей уже сокровищницы, украшенную натуральным лунным камнем с дивной иризацией. Альбина поломалась, но приняла навязанный подарок, после чего вокруг высокой нежной шеи навертела несколько нитей искристых золотисто-голубоватых бус – имитацию под лунный камень. Это были ожерелья из шкапулки уже её родной матери, – украшения Нэи, так любившей всё переливчатое, но ничего не понимающей в натуральных камнях. Альбина всегда игнорировала украшения, не носила ни перстней, ни серёжек, и почему она на сей раз навертела на себя такое количество бижутерии, Ксения не поняла.

Уже не критикуя Альбину, почуяв, что доза насилия над нею и так достаточно высока и без того, Ксения сдержанно похвалила её вкус, решив, что Альбина вот так своеобразно отомстила отцу за навязанную прогулку. Рудольф не любил, когда женщины украшали себя камнями и прочей дребеденью, как он выражался по поводу того, что не имело функциональной целесообразности. Он внушал дочери, что глупо современной девушке как древней наложнице или рабыне вешать на себя трескучие побрякушки – нелепые поделки из камней и металлов, если только они не заключают в себе технических приспособлений, как бывает необходимо женщинам в космических перелётах и путешествиях. Насколько

Альбина его слушалась, а насколько проявляла равнодушие к украшательству, Ксения не знала наверняка. Девочка была скрытной и обособленной в своей индивидуальной жизни, прячась от домашних в своей комнате, закрывая её изнутри. Она уверяла Ксению, что из-за мальчишек, из-за братьев, чтобы они не имели доступа в её «девичью светёлку», как называла её убежище Ксения.

Отец даже и не обратил внимания на её наряд, погружённый с самого утра в свои закрытые и, судя по его пасмурности, невесёлые раздумья. Он также поехал на отдых будто из-под палки, только чтобы угодить Ксении, вечно одинокой, вечно ноющей о том, что у них нет того образцового семейного единства, как бывает у других. Получалось, что ей одной и было необходимо это единство.

Появление человека с эмблемой птицы Феникс

Длинные, с завитками у красивого лба, волосы девушки путал ветер, она отбрасывала их от лица и чему-то смеялась. Мужчина также одетый в тёмно-бирюзовый, спортивный по виду комбинезон с голографическим изображением сверкающей в пламени птицы Финист на груди, вызвал у Ксении всплеск тревоги.

– Вот тебе и птица, то есть птич, – лёгок на помине! – произнёс Рудольф, – Сам не убиваемый Финист к нам при-

пожаловал. Не иначе, Альбина – провидица.

Эмблема могла быть инфантильным украшением, а могла являться и знаком принадлежности встреченного человека к космическим структурам. Они выделяли себя, даже находясь в обычной земной среде. Не все, но те из них, кто страдали «манией космического величия», – так считал Рудольф, смеясь над подобными бахвалами. И на Земле они продолжали носить на гражданской одежде знаки своей принадлежности к тому или иному экипажу звездолёта. Ксения считала, что не в напыщенной бравате дело, а только заслуженная их гордость от причастности к звёздному братству. Эти люди проходили через серьёзные испытания и непредставимые для расслабленных обывателей Земли опасности. Они исчезали и гибли в невероятных количествах во время своих странствий и исследований. Они в своём большинстве представляли собою передовое человечество, какими на её взгляд во все времена являлись и являются профессиональные люди – практики-исследователи галактических глубин.

Неизвестный человек оказался по росту выше Рудольфа. Его густым каштановым волосам, коротко остриженным, не угрожал ветер, – причёска его выглядела идеально в этом смысле. Он держал Альбину за руку, выше локтя, будто боясь, что она упадёт, и не отрывал от неё взгляда, не обращая внимания на них, родителей. Альбина, смеясь, вела его к ним.

– Кто он? – спросила Ксения у Рудольфа, – она его знает?

Рудольф не ответил, пристально глядя на приближающегося человека.

– Папа! – Альбина, выдернув руку, встала впереди человека. – Ко мне пристал маньяк! Сначала шёл по дорожке за мной, а теперь вот, – и она обернулась к тому, кто остался позади. – Подошёл и спросил: «Ты мираж или ты реальная девушка»? Отвечаю: «Я живая, я Альбина Венд». «Нет. Ты Лоролея. Но так не бывает»! Я ему ответила: «Я знаю легенду о Лоролее, живущей в озере или у озера? Она зазывала чудесными песнями людей, сидя на скале, распустив свои длинные волосы, после чего те, кто ею очаровывался, тонули. Но я не умею петь. То есть, у меня есть и голос, и песни я пою иногда, но в одиночестве, поскольку страдаю от избыточной застенчивости». Те, кто меня не знают, считают меня заносчиво й, – добавила она, обращаясь уже к незнакомцу, ничуть её не испугавшего, как она уверяла. – И тут он схватил меня за руку! – Альбина возмущённо и явно наигранно приподняла узкие бровки, тёмные при её светлых волосах. – И вот довёл, не выпуская моей руки. Наверное, уже синяк проявился.

– Ты прекрасно пела. Я же слышал. И на скале ты стояла, и волосы у тебя из солнечных лучей. Когда ветер поднимал их вверх, они сияли, – произнёс человек, совсем не страдающий застенчивостью и мало смущённый появлением родителей девушки.

Альбина нарочно погладила блестящую насыщенно-би-

рюзовую ткань своей курточки, демонстрируя негодование, которого не было и в помине. Человек «маньяк» подошёл к ним совсем близко. Его золотисто-карие глаза сощурились им навстречу от яркого солнца открытого места.

– Я подошла к самому краю скалистого берега, смотрела вдаль. Вокруг настолько красиво, нереально прозрачная перспектива, и я даже разглядела далёкие ажурные строения на противоположном берегу, хотя видеть отсюда тот берег невозможно. Чистое небо до самого горизонта. Говорят, тут бывают миражи. И вдруг кто-то трогает меня за курточку. Я подумала, что Рудик подкрался. Надо же, думаю, как незаметно подобрался и как ласково притронулся. А он, вообще-то, сразу бы заорал в самые уши, чтобы испугать. Оборачиваюсь, стоит незнакомый дядя и улыбается, как будто он мне родной! Я же чуть не свалилась вниз! Я, конечно, не боюсь никого, но подкрадываться к человеку, стоящему у самого края высоченного берега, это же...

– Я бы тебя спас, – продолжал смеяться человек, искрясь от непонятого счастья.

– Соболев? Антуан, кажется? – спросил Рудольф, отчего-то не протянув руки знакомому, как оказалось, человеку.

– Венд Рудольф Ростиславович? Шеф! – отозвался он с явной насмешкой, – хотя вы мне уже давно не шеф.

– Рудольф Ростиславович Венд – мой папа, – сказала Альбина, уловив их недружественную заминку.

– Папа? А, ну да... – глаза человека Антуана стали расте-

рянными, открылись широко, невзирая на резкий солнечный свет. Солнце светило ему в лицо, а он будто этого не ощущал. Но скорее всего у него были солнцезащитные линзы. А вот Ксения о них не подумала, считая, что раз север, то к чему они? Он переминался перед Рудольфом, как провинившийся школьник, вдруг утратив свою первоначальную статью.

– Она дочь Нэи? – спросил он, наконец. Итак, отметила Ксения, табуированное имя «Нэя» было произнесено в этот странный день во второй раз.

– Да, – ответила за мужа Ксения и протянула мужчине ладонь, – Ксения.

– Антон Соболев, – он любезно пожал её пальцы и неожиданно осветился улыбкой, преобразился, из только что насупившегося, став внезапно лучезарным. – Антуаном меня никто не зовёт. Только мама звала. Только ей я и прощал такую блажь. У меня отец француз, но мы с ним посторонние люди, так что я не признаю той версии имени, которое он мне дал. Не сочтите за неуместную откровенность, но это вроде просьбы не звать меня Антуаном. Антон, – повторил он с бесподобной улыбкой. Красавчик! Ксения смотрела на него замороженным взглядом. Подобные мужчины всегда редкость. Но любовались им только её глаза, отдавая должное его несомненной красочности, украсившей очевидную мужественность. Единственное, что Ксению раздражало, так это его украшение, этот пижонский выверт – птица Феникс в оперении языков пламени.

Она и сказала, поскольку уловила неудовольствие мужа его появлением, лишь бы угодить Рудольфу хоть так, – К чему вы украсили себя этой птичкой? И кто именно решил зажарить её на огне?

– Ну, что вы! – сиял незнакомец, – это же символическое изображение.

– Хотите сказать, символ особой, орденой так сказать, принадлежности человека к тем, кто никогда не создаёт семейной пары? В прежние времена птица Феникс являлся символом вечного воскрешения, и кажется, не имел пола в том смысле, чтобы порождать птенцов. Был даже такой момент в истории, что когда шла борьба с расплодившимися чрезмерно и очень агрессивными людьми с нетрадиционной ориентацией, они вместо эмблемы единорога взяли себе птицу Феникс как архетип некоего неуничтожимого, природного явления. То есть, делая заявку на то, что всякое извращения есть неотменяемая данность Всё самое лучшее из порождённого творческой фантазией человечества, они присваивали себе, безнадежно это оскверняя, вплоть до радуги, всегда служившей символом небесной чистоты и красоты... – она замолкла, поняв, что её заносит не туда.

Он засмеялся, – Да вы что? Шутите так? Это же мой рабочий костюм всего лишь. Я так привык к нему, что и забываю порой, что на мне. Он удобный. Лёгкий, имеющий в себе термонастройку.

– Ваш звездолёт носит подобное название? – опять спро-

сила Ксения, поскольку все прочие не поддержали разговора.

– Нет. Костюм довольно старый, а износа ему нет. Моя мама, видите ли, зачем-то его украсила подобным образом, а я уж... ей всегда хотелось выделить меня хоть чем-то. А я как-то и сжился с этим костюмом. Когда путешествую, очень удобно в нём...

– Мама, чего ты привязалась к человеку со своим допросом? Это смешно! – одёрнула Ксению Альбина. – Ты сама-то зачем мужскую куртку обмотала вокруг штанов как юбку? Ты похожа на какую-то мусульманскую средневековую женщину.

– Так отец мне навязал свою куртку... куда же её?

– Не надо было всех пугать северным холодом, – ответила Альбина. – Теперь вот и расплачивайся за свою перестраховку.

– Весьма неподходящий символ, – подал голос и Рудольф. – Птица с обгорелыми крыльями. Куда же она взлетит?

– Пламя есть символ того самой энергии, что и даёт возможность всякому рукотворному чуду подняться в высь, – мужчина Антуан лыбился так, будто присутствовал на жизнерадостном представлении, устроенном в его честь, – В данном случае, это космический корабль. А то, что кто-то и когда-то присваивал себе лучшие из наличных изобразительных символов, ничего не значит. Символ нельзя оскор-

бить.

– Я бы такого не сказал, – не согласился Рудольф.– Есть и запятнанные символы, которыми уже никто не пользуется именно потому, что их присваивали себе негодяи и прочее отребье.

– История сама решила, что выбросить в негодный хлам, а что сохранить.

– История сама по себе не может ничего решать. Решают люди.

Тот, кого обозвали Антуаном, решил круто сменить тему, – Я люблю эти места. Люблю лиственницы. А вы? Люблю само озеро до дрожи души. Всегда, когда возвращаюсь на Землю, прибываю сюда. Всегда. Это место таит много загадок. Мы изучаем Космос, но мы ещё не всё понимаем на своей родной планете...

– Ты всегда был блестящим виртуозом по части произношения затёртых банальностей, – сухо перебил его Рудольф. – А впрочем, зная, что ты в своё время восстал из пламени, воскрес, можно и так сказать, ты выбрал себе правильный символ.

– И только ваша дочь по своей юности не поняла, что я и сам – раскрашенная под оригинальность, но вам-то всегда очевидная банальность. Договаривайте, я не обижусь.

– Которая дочь? Их же у меня несколько.

Антон промолчал, в глазах появилось нечто подобное даже не грусти, а скорби. Стало заметно, несмотря на отсут-

ствие морщин на его сияющем жизнерадостностью лице, что он не так уж и молод, не так уж и непобедимо оптимистичен.

– Вас трудно узнать, – произнёс он, – у вас изменился сам тип внешности. Вы невероятно поздоровели своим корпусом, а вот лицо, напротив, сильно похудело. Я узнал вас только по глазам. Да и с волосами я вас никогда не видел прежде.

– А ты совсем не изменился, – интонация голоса Рудольфа была пренебрежительной, умышленно невежливой. Он явно стремился избавиться от случайно встреченного человека из прошлой жизни, давая тому понять, что их настоящие траектории движения не совпадают. – Если не считать определённую возрастную усталость, которую принято считать за зрелость души, да не все её достигают даже в старости. И хотя ты обесцветился по сравнению с прошлым сиянием, в целом всё тот же молодец, что называется «готов под венец».

– Что же, от вас и это комплимент не по чести. Наслышан о вашем авторитарном стиле управления, но вы и на Паралее не были другим. Сказать честно, едва вас увидел, как автоматически вытянулся в струну. Поджилки дрожат. Может, дадите команду «вольно»? – он смеялся, призывая к более любезному и не такому напряжённому стилю общения. Он был сама приветливость и открытость, так что Ксения засмеялась ему в ответ просто из удовольствия стоять рядом с ним и смотреть на него, привлекательного, мужественного с подкупающе дружелюбным лицом. И Альбина розовела скулами и не отрывала от него распахнутых глаз.

Только Рудольф не смягчился, шутку не принял, а равнодушно отвернулся к озеру, высокомерно потеряв интерес к навязавшемуся спутнику и уйдя вслед за взглядом очевидно смятённой душой в линию горизонта, где небо перетекало в синюю воду, или это тяжкие воды стремились к небесам. Но очевидной его острая тревога была только Ксении. Выражение неудовольствия отца-брюзги, забеспокоившегося о юной неопытной дочери, было лишь маской, скрывшей нечто, что не совсем соответствовало самой ситуации, когда нежелательный встречный и старый знакомый нарушил его тихий семейный отдых.

Антон вовсе не был таким уж и чурбаном, чтобы не понять, – его прогоняют без слов. И всё же он не уходил. Явный упрямец, что всегда заменяет мужчинам то, что сами они считают несокрушимой волей, он не уходил не только по причине встречи с взволновавшей его девушкой, а из-за угрозы утраты собственного достоинства, как он его понимал. Он швырял мелкие камушки в сторону воды и светло улыбался и воде, и небу, и солнцу, короче всей природе в её светоносном торжестве летнего полдня. И сама чудесная девушка являлась не только неотъемлемой частью земной, любимой им природы, но и несла в себе частицу инопланетного мира, входящего наряду с Землёй в неохватное загадочное Мирозданье, в котором они все обитали, являясь составляющими одухотворёнными частицами единой Вселенской тайны. Он властно отодвигал от Альбины счастливой вибра-

цией своей восхищённой души, своей красочной аурой сумрачность её подавляющего отца.

И отцовское неудовольствие, его злая грубость, направленная на необыкновенного человека, оказавшегося старым знакомцем, профессиональным коллегой и бывшим подчинённым отца, уже ничего не значили для неё. Они уже успели договориться между собой, пусть это и произошло только на уровне соприкосновения взглядов, взаимно вздрогнувших и засверкавших от предчувствия будущего счастья их внутренних вселенных – их душ. Альбина, смеясь по-детски беспричинно и радостно, тоже швыряла камушки, соревнуясь с ним в дурашливой игре. Один из маленьких камней угодил в спину хмурого отца, брошенный ею умышленно. А поскольку она была сильной девушкой, удар оказался ощутимым, так что Рудольф дёрнулся спиной. Тут могла быть и месть. Отец обернулся, в его глазах свирепо мерцали всполохи зелёных молний, и он только изготавливался их метнуть, – вполне возможно, что он счёл удар исходящим от Антона, как они, Альбина и Антон, разразились уже неудержимым хохотом. Ксения присоединилась к ним, заражаясь чужой и удвоенной, их сообща радостной энергетикой.

– Папа, прости! Я нечаянно! – сквозь смех крикнула дочь. И ему ничего не оставалось, как слабо улыбнуться в ответ на дружное веселье окружающих людей.

Вконец испорченная прогулка

Ксения обернулась, ища глазами Рудика. Он уже бегал по железнодорожному древнему мосту. Один. Ксения понимала, что ни Рудольф, ни Альбина не хотят покидать вышедшего из леса человека, и ей пришлось пойти самой.

Она вскарабкалась по ступеням насыпи, отвесным, как будто ей пришлось взбираться на Китайскую стену. Правда, она отказалась тогда на неё карабкаться из-за отвесных ступеней и заявила, что не верит в её древность, и вообще неизвестно кем и когда она построена и тысячу раз перестроена реставраторами. Чего голову ломать, а вдруг свалишься? Это был странный феномен, проявившийся в ней, – боязнь высоты. То, что никогда не заявляло о себе прежде. Но реально сносило вниз, голова кружилась. Сейчас лезть пришлось, как ни бойся, да и крутизна не горы всё же, не Китайская стена. Она вступила в гулкие своды сооружения, на давно уснувшие рельсы из старого, очень старого легированного чугуна, если рельсы действительно были древними, которые чистили специальные роботы от ржавчины, неумолимой, как само время. Рельсы блестели, как новенькие, как встарь. Или же они какая-то сувенирная ерунда – декорация для залётных туристов, как та же вечно обновляемая Китайская Стена, исключая её редкие подлинные фрагменты, где-то рассыпающиеся в необитаемых горах глубинной Монголии? Ответить

было некому.

«Они, как я» – так она подумала, – «старые, но замаскированные под новизну».

– Рудик! – позвала она. Сын послушно зашагал ей навстречу по шпалам. Игра ему нравилась. Непонятно, что он себе там представлял, вышагивая по шпалам, широко расставляя ноги. Иногда ему приходилось семенить, и его нелепая сосредоточенность на детской игре выводила Ксению из себя. Ей не терпелось раскрыть загадку пришельца с единогогом, а тут разыгрался!

Шпалы увлекали его в загадочную даль, и он брёл туда, не ведая, что даль обманывает, что былая бесконечная протяжённость дороги на всю страну, – и дальше за её пределы, – давно отсутствует. Отменена, вернее, видоизменена новым временем с его иными молниеносными средствами передвижения, стёрта тем самым будущим, ради которого строилась дорога с невероятными усилиями и человеческими затратами, куда была она некогда устремлена. Но будущее время всегда отменяет свои прежние старые русла течения.

Ксения распахнула руки, хватая его, идущего ей навстречу. Рыжие кудри светились медным нимбом вокруг его лица, похожего на лицо отца, на Рудольфа. Тот же выточенный нос, крупные губы, упрямые пристальные глаза. Из-за шорт ноги выглядели очень длинными, а давно ли казались крепкими, но невысокими столбиками, и она сокрушалась, что он похож на кирпич по своему сложению. «Раскорми-

ла»! – ворчал Рудольф, критически и без всякой отцовской нежности оценивая сына. Глядя на него со стороны, как на постороннего себе, она будто увидела его впервые. Он вырос! А она не заметила. И очень сильно он напоминал... Артура! Только волосы другие, как у неё, – упругие, светящиеся на солнце, колечки. Яркая, нестандартная красота уже проявлялась в его чертах, ещё недавно таких расплывчатых и невнятных.

Увлекая его вниз, боясь упасть сама, Ксения следила за гранитными ступенями, не видя сейчас тех троих внизу. Они продолжали стоять на месте, но уже оживлённо разговаривали. Неприязнь первого момента ушла.

Когда они обедали в ресторане на верхней террасе, откуда был потрясающий вид на, казалось, морскую гладь озера без противоположных берегов, ушедших вдаль и растворившихся там, то Антон, как ни старался, не мог ни смотреть на Альбину. Временами он забывал о Рудольфе и о Ксении, и вообще обо всех. Альбина же делала вид, что ей всё равно, или же она столь избалована вниманием, мужским восхищением, что ей привычно быть всегда в центре. Но это не было так. Для молоденькой девушки она была чрезмерно хладнокровной.

Рудик, пользуясь всеобщим невниманием, подбрасывал им в тарелки кружочки редиса, виноградины или листья салата. От скуки, от врождённого озорства природы. Прозрачный в синеву кристалл здания, казалось, парит над водой.

– Вы не были на островах? – спросил Антон у Альбины, тоже и очевидно для всех паря над обыденностью. Альбина рассеянно ковырялась в тарелке с рыбой «по старым сибирским рецептам». Так называлось кушанье с запечённым до золотистой корочки картофелем и зелёным укропом. Делала вид, что рыба ей важнее внимания красивого мужчины. – Картофель вредно влияет на мышечную вибрацию, усиливает вялость, – сказала она. – Я никогда не ем картофель.

– Тебя никто не собирается кормить насильно, – ответил отец, – сама выбрала данное блюдо.

– Я выбрала рыбу.

– Ну, так и глотай одну рыбу, – всё так же грубо ответил отец.

– Я не акула, чтобы глотать.

– Ну, так жуй! Жуй, а не болтай! – крикнул ей Рудик, с радостью используя возможность, чтобы напасть на Альбину. – А то рыба остынет и все твои мышечные вибрации окоченеют вместе с ней!

– Хватит! – одёрнула своих мужчин Ксения, – напали на девочку всей стаей. Может, тебе что-то другое взять, дочка? Я пойду, поищу среди выставленных блюд? На твой вкус...

Альбина проигнорировала как нападение отца и брата, так и поддерживающую ласку матери. Ксения так и не встала из-за стола.

«Выдержка или равнодушие неподдельное»? – решала Ксения, вдруг подумав о том, что такой, вероятно, и была

бабуля Карин в её юные годы, когда она, по её словам, всех потрясала своей красотой, но сама никогда не роняла своего «достоинства».

«Мне бы быть такой в юности», – думала Ксения, – «такой была бы моя жизнь! Вот как бабка хвасталась, считали за счастье прикоснуться к её мизинцу. А то, что мне вспомнить теперь? Как об меня вытирал ноги мой любимый и первый, он же и последний? Как пользовались зазря и забывали те, кто, впрочем, и мне был не нужен? И откуда у меня была такая мягкая начинка? И это при таком стальном отце. Недогляд матушки природы. Одно даст, другое не добавит. Всем сестрам по серьгам. Кому красота, кому счастье».

Откуда-то выплывали чьи-то и, как мнилось ей, навсегда стёртые лики, как охапка сваленной в забытую тьму чулана макулатуры в чьём-то полуразрушенном доме заброшенного города из забытого эона. Вот и ответ на запрос. Вот и причина уныния. Пришла оплата по старым греховным счетам. Отброшенным и забытым ею, но не забытым Тем, Кто не отменяет своих высших законов. Видимо, людей настолько много, что и не сразу до каждой несправедливой души доходит карающая десница.

– Нет, – ответила Ксения на вопрос Антона, которому никто не собирался отвечать, – мы туда сегодня, вряд ли, уже и двинем. Домой надо. – А к тому времени как она ответила, Антон и сам забыл о своём вопросе, поскольку взглянул на неё непонимающе, с рассеянной прозрачностью во взгляде.

де. Он слегка нахмурил лоб, словно вспоминал не только о том, о чём собственно и шла речь перед наступившей паузой, а и о том, почему рядом с прекрасной юной незнакомкой сидит пасмурная какая-то пара с беспокойным вихрастым мальчишкой, топчущимся на его спортивной обуви? Рудик сидел, вернее, ходил рядом с Антоном, а сам Антон даже не убрал ноги под стол, сел на сидение как-то боком, словно собирался вот-вот встать и уйти. Взглянув на Рудольфа, он очнулся от собственной зачарованности. Вид бывшего шефа явно не был ему приятен. Как и сам он Рудольфу радости не добавил.

– Я завезу вам Альбину потом, – предложил прекрасный наглец, – останешься со мной? Я тут в гостинице остановился... – он обращался к девушке, как будто сидел с нею наедине.

– Кажется, и мы что-то ещё решаем, – буркнул Рудольф, не глядя ни на дочь, ни на Антона. – Ты почему ещё не женат? – спросил он сурово, как и положено шефу, пусть и бывшему.

– Ищу ту, кто совпадёт полностью с тем контуром в моей душе, оставленным, сами знаете кем. – Он не смутился суровостью отца, не желающего вот так запросто вручать свою дочь первому налетевшему птичу.

– Не нашёл?

– Кажется, да. То есть сегодня нашёл.

– Хм! – вот что ответил ему Рудольф, вылавливая вино-

град из ухи и считая, что он положен туда по рецепту, а не озорной рукой Рудика. – Спасибо, что арбуз туда не сунули. Или вишню. А то есть любители фруктовых супов. А по-русски это компот. Правда, мы не добавляем в компот рыбу или креветки. – Он умышленно низводил беседу на примитивный, бытовой уровень, думая задеть этим Антона. – Но она как же? Может, ты ей не подошёл, даже на глаз?

Глава четвёртая. «Загадочная душа Альбины».

Альбина уже освоилась, от её непривычной радостной возбуждённости, проявленной на улице, не осталось и следа. Или она всё привычно запрятала в свои внутренние тайнички. Она без стеснения, без внешне выраженной радости, но и без грусти, взирала на внезапно возникшего человека, предлагающего ей себя в качестве забавно-романтического поклонника, крупными сине-зелёными глазами, похожими очень на глаза бабушки Карин. Сходство не было приятным для Ксении. Но то была женская версия глаз отца, как и характер. Что было в ней от матери? Да ничего. Детское послушание перешло в отчуждённость и закрытость, когда Альбина повзрослела. А Нэя была сама открытость, сама душа, хотя и душа иноземная, но душа прекрасная. Вот грудь ещё красивую от матери она унаследовала. Отчасти кокетливым, отчасти и по необходимости, но очень уж продуманным жестом Альбина убирала назад свои распущенные волосы.

Ксения заботливо сняла со своей шеи шёлковый шарфик, который был узкий как лента, и протянула Альбине. Та

небрежно завязала свои белокурые волосы, а Ксения любовно поправила шарфик, чтобы было красиво. Ксения обожала Альбину за её самое яркое сходство с отцом. У неё, у самой Ксении, тоже были зелёные и длинные глаза, и многие считали, что Альбина похожа на неё, считая Ксению родной матерью девочки. Они никому не открывали тайны рождения своих детей. И Ксения за длинные годы забыла о том, что ей принадлежат по крови только двое последних детей. Все были её. И его.

Достанется же Антону от характера Альбины, если она ответит на его столь поспешное чувство. И Ксения думала так без всякого сожаления о человеке, незнакомом ей абсолютно, о существовании которого она и не знала ещё сегодня утром. Она ощущала лишь материнскую гордость за силу характера старшей дочери. Уж Альбина не в пример самой Ксении никогда не подпадёт под власть и произвол мужского племени. Спаси и сохрани от подобной тирании, никогда из таких отношений не вырастают прочные союзы. Только там, где женщина верховодит, ну или там, где равенство и подлинная дружба. Она тяжело вздохнула.

«Умница дочка! Моё тебе материнское и женское одобрение».

Мужчина – красавец едва дышал от тяжести свалившегося на него впечатления, от вида гордой красавицы. Так думала Ксения, не ведая того, что Альбина всего лишь напомнила ему первую дочь Рудольфа Венда – дочь, рождённую

на Паралее.

– Елена родила Олегу Пермяку сына, – сказал Антон, – знаете о том?

– Откуда? – без удивления отозвался Рудольф, – они же не общаются со мной по воле вашей матушки. Разве нет? – но было ясно, что он обо всём знает.

– Что решала её воля? Если у вас так и не возникло желания найти подход к оставленным детям? Или вы ждали, что они будут сами бегать за вами и вашей отцовской любовью? Тем более, что они считают отцом меня.

– Я рад твоему отцовскому горячему чувству. И твоя мама воспитала прекрасных дочерей. Тебе. А также обществу людей Земли.

– Мальчик родился светловолосым, – Антон пропустил его замечания сквозь себя, как сквозь решето воду. – Весь в Елену. У вас доминантная природа. Сильная. Вот и Альбина очень похожа на первую Лоролею. На Икринку... – сказал он совсем тихо.

– Помнишь о ней? – Рудольф перестал есть, он только делал вид, что очень голоден, и еда ему важнее беседы, навязанной случайным встречным. Антон не ел. Он рвал листья салата руками, но не очень это сознавал, кроша их в тарелку. Рудик столь же увлечённо бросал туда и свою добавку.

– Да прекрати ты! – одёрнула его Ксения.

– Сын похож на вас, Ксения. Хотя, если смотришь на Рудольфа Ростиславовича, то кажется, мальчик – его копия.

Короче, вы оба вложили в него всю свою возможную любовь, – обратился Антон к Ксении, поскольку за столом воцарилось затяжное молчание.

Возмездие прибыло к Арсению из Паралеи

– Моя мама погибла в этом году, – первым прервал молчание Антон. – От пыльцы одного цветка, завезённого на Землю случайно. Сильнейший аллерген, мама вдохнула аромат цветка и... Рядом никого не было. Анафилактический шок. Странно то, что ни у кого другого такой реакции на тот цветок не появилось. Был грандиозный переполох. Вы не слышали о таком вот происшествии?

– Приношу соболезнование, – Рудольф отвлёкся от ухи. – Я действительно ничего не знал. Или информация как-то прошла мимо меня?

– У мамы же была другая фамилия. Рахманова.

– Рахманова? Так она вышла замуж за Арсения?

– Да. За Арсения Тимуровича.

– Мне однажды на спутник пришло сообщение о том, что моих дочерей вместе с Еленой Соболевой удочерил её муж Арсений Иванович Рахманов. Поэтому я и не подумал, что то был наш Арсений из Паралеи.

– Ошибка какая-то вышла. Мужем мамы был именно наш Арсений Тимурович из незабвенной Паралеи. Самое печаль-

ное то, что семена цветка-убийцы привёз с Трола я. Перед самым своим отбытием оттуда я зашёл в цветочный павильон в столице Паралеи. Там благоухали невероятные цветы, а один особенно сразил меня. Он был ярко-голубой, а при определённом развороте светился изнутри как хрустальный, разве что не звенел. Цветок – ангел! Я видел подобные цветы только в саду у Инэлии. Я попросил у обслуживающего персонала продать мне семена именно этого цветка. Они позвали свою хозяйку. Вышла настолько прекрасная женщина, что я буквально онемел. Она была в платье, расшитом цветами и показалась мне знакомой. Но я не мог вспомнить, где видел её. Я спросил, не могли ли мы встречаться где-то в прошлом? Она улыбнулась и ответила: «Если только в другой жизни». Я что-то сказал ей по поводу цветов Инэлии. А хозяйка цветочного павильона мне ответила: «Цветы и выросли из семян, что Инэлия подарила моей маме». «А кто ваша мама»? «Ифиса Лан. В прежние времена она была известной актрисой Паралеи». Имя ни о чём мне не говорило. Я и не был знатоком их искусства. Но семена мне она продала. Содрала такие местные деньги, что я на них смог бы купить всю её оранжерею. Потом, поразмыслив, я вспомнил, что видел её в ЦЭССЭИ много лет назад. Она тогда была совсем девчонкой и работала у нашего Арсения. Об этом я тоже рассказал Арсению уже после случившегося, когда были проведены все исследования. Никто же не знал, что у мамы возникнет моментальное удушье, вызванное пылью цвет-

ка. У неё никогда не было никакой аллергии ни на один запах. Она же всю жизнь провела в мире растений, инопланетных образцов в том числе. А цветы с Паралеи – да мы дышали ими годами, живя там, – и ничего, никогда, ни с кем, исключая, конечно, зловредных насекомых, если они кого кусали. Арсений спросил, как назывался тот цветочный магазин? Станный вопрос, но название павильона я запомнил. «Цветочный дом Олы Мон». Что в названии? Арсений стал белым как мел. «Ты знаешь про поверья местных людей с Трола о том, что существуют стрелы возмездия для грешников?» – спросил Арсений, – «они прилетают тогда, когда виновный уже не ждёт никакого возмездия».

– Ола Мон? Почему Мон? – спросил Рудольф, и сам себе ответил, – а, ну да! Они же носят приставку к имени, взятую от второй половины имени мужа. Только при чём тут эта Ола Мон и «стрелы возмездия», если возник тот самый редчайший случай, спровоцировавший ураганный отёк гортани. Зачем, вообще, было тащить на Землю всяческую заразу? Из практически неизученных миров? Ты страшно виноват в той оплошности, приведшей к трагедии. Вот тебе и «цветок-ангел», ботаник-экспериментатор!

– Я до сих пор подавлен случившимся... – Антон словно ушёл в вечернюю тень, и это при ярком солнечном свете. Он буквально померк своим красочным обликом, очевидно, жалея о спонтанной болтливости. – Только один я знаю, чего стоит такой вот непомерный груз в моей душе. Я привёз

смерть для своей матери в маленьком семечке с Паралеи! Арсений спрятался ото всех где-то в горах, в том селении, где родился. Где до сих пор живёт его отец-отшельник. Отказался от очередного полёта, нарушил присягу. Они с мамой прожили восемнадцать лет. Мои девчонки были привязаны к нему.

Молчали очень долго и, видя, что разговор не клеится, Ксения начала болтать о пустяках, и никто не поддержал её. Так что и она умолкла.

– Арсений – необыкновенный человек, хотя я и не могу назвать его полностью реализовавшим себя, – отчего-то Антону было важно выговориться по поводу, затронутой им же самим, больной темы. – Как-то так всю жизнь он мечется от одной профессии к другой, так нигде и не найдя себе пристанище, так и оставшись где-то вечно запасным, тем, кого используют по крайней необходимости.

– Может быть, он просто бездарен? Доброта характера это же не показатель одарённости человека. – Ксения была уже солидарна с Рудольфом в раздражении против болтуна. Мало того, что разговор был внутренне напряжённым и до этого, так он ещё умудрился влезть в какую-то вязкую колею, из которой не желал вылезать. Был не особенно-то интересен малознакомый и нелюдимый Арсений, кого ей случилось пару раз увидеть где-то и когда-то, и было остро жаль также малознакомую Елену – мать Антона.

В далёком-далёком детстве красивая женщина с длинной

косой подарила Ксении маленький горшочек с кустиком растения, цветущего алыми сердцами. Ксения с мамой пили сок в открытом кафетерии у подмосковного озера, а женщина работала в оранжереях, находящихся совсем рядом. «Он необычный», – сказала незнакомка, – «моя разработка. Он может вырасти в целое комнатное дерево, на ветвях которого будут цвести алые сердца. И тогда он принесёт тебе счастье. Большую любовь». «Большая любовь может принести и большую боль», – ответила мама прекрасной женщине. «Да», – согласилась та, – «может. Только всё равно главное счастье в жизни женщины – подлинная любовь. Не все испытывают её». «Почему вы дарите ей растение»? – мама была нелюдима и не любила, когда кто-то не прошеным влезал в общение к ней. Но женщина с лучистыми, золотисто-коричневыми глазами, похожими на мамину янтарную брошку – две крупные вишенки с золотыми листьями, смеялась: «Потому что я вижу её на пляже едва ли не каждый день. Она такая милая и солнечная, что когда я смотрю на неё сверху с холма, а я тут обычно пью соки, у меня на душе становится радостно. Мне захотелось сделать ей подарок. Вот и всё». «А-а», – холодно протянула мама и даже не притронулась к цветку. Очень добрая дома, она редко проявляла свою доброту при посторонних. Ксении стало жалко женщину и, при всём своём равнодушии к кустику в горшочке, она схватила его и прижала к носу. «Аромат»! – вскрикнула она, а на самом деле цветок не имел запаха. Трава и трава. Женщина

дружелюбно рассмеялась: «Ты чудо»! – сказала она, после чего ушла. А Ксения запомнила её на всю жизнь и, встречая, улыбалась ей и здоровалась всегда. Наверное, женщина на чисто забыла о собственном подарке, но улыбалась в ответ и кивала головой, украшенной уникальной каштановой косой. Ксения выросла, кустик вырос, как и обещала женщина, в большое комнатное дерево, вызывая немалое удивление у знакомых своими размерами. Пришла большая взаимная любовь, а за нею большая боль. Мама умерла, дерево засохло, а большая любовь, спустя годы и годы уже наполовину прожитой жизни, вернулась. Но вот взаимная ли?

– По мне доброта важнее всякой одарённости. Рядом с таким человеком как Арсений всегда легко дышится...

– А при этом ничего и не колышется, – перебил Рудольф, – я помню, как ты под его добрым водительством спал в лабораториях Паралеи и превращался в бездеятельный кисель.

– Он щадил меня после той огненной геенны, из которой мы с Пермьяком выползли и чудом остались живы. А вот вы Олега не щадили, сразу же впрягли его в службу по полной загруженности, и он так и не сумел там восстановиться.

Немного сведений об Олеге

– Олег был здоров как пахотный бык. Не забывай, что в отличие от тебя он прошёл свою закалку и обучение не в ма-

миных цветниках, как ты, а в космических структурах с малолетства.

– Ни быком, ни другим животным он не был, да и не в том суть. Там, в том пекле, произошло чудо. А то, что было невозможное чудо, никто не опроверг. И, кажется, я понял потом, чьих волшебных рук было это дело. Или же инопланетные технологии всё и сотворили, и никакого чуда нет как явления. Волшебник был злой, понятно, и добро его было с прицелом на собственную цель. Тем ни менее, я жив до сих пор.

– И неплохо выглядишь. Тебе стоило бы возносить молитвы тем «ангелам» из Созвездия Рай.

– Может, я и возношу. Как вы узнаете?

– Свой прибыток волшебник от тебя получил. А вот от Олега – нет. А ресурс, я думаю, колоссальный на него ухайдакал. Какой он, Олег, был потом неугомонный ходок, знаю только я. Так что по поводу его загруженности – это ты загнул! Поскольку тот ангел, замаскированный под тролля, был на диво похотлив, он и одарил вас своим завидным качеством. Ты тоже сразу попёрся в Храм Надмирного Света за покупкой инопланетной жены. А после её утраты недолго и вдовел. Да и на Земле после повторного вдовства от тех наработанных алгоритмов не отказался. Сколько раз женился?

– На Земле один раз всего и было, – добродушно и откровенно отозвался Антон, не желая ссориться с Рудольфом по вполне понятной причине. Причиной была сидящая рядом

Альбина, отстранённая и на диво спокойная, осиянная своим бирюзовым одеянием как небесной ризой. Она сняла курточку и оказалась в шёлковой, тончайшей и тоже бирюзовой блузке. И опять полное подобие бабушки Карин, всегда имеющей для себя наивысшую из возможных самооценку в любом своём возрасте, – только подобие юное и ангельское, как ему и положено быть, если девушке только восемнадцать.

– Если Альбина не останется сейчас со мной и не захочет посетить множество интересных здешних мест, то разрешите мне навестить вас завтра, – он опять обращался к Ксении, избегая Рудольфа.

– Ты знаешь, где мы живём? – Рудольф насмешливо изучал его лицо, как бы раздумывая о том, стоит или нет дать ему согласие на визит. – Воссоздавшая тебя некогда заново «плазма ангела», похоже, ещё не иссякла в твоём земном теле.

– Я знаю, где вы живёте. Вы живёте в доме Артёма Воронова, вашего бывшего шефа, чьё место вы заняли.

– Занял?! Меня назначили...

– У вас и без ангельской плазмы, похоже, всё в порядке. У вас всегда рождались прекрасные дети. Всюду, где вам приходилось обитать. Даже и в неблагоприятных мирах. Ваши дочери, ваши сыновья. Вот и младший сын до чего энергичен и до чего на вас похож, – не ребёнок, а плазменный сгусток.

– Пойди и займи моё место, а я посмотрю, как это у тебя получится! – комплимент о детях был отброшен или принят

за ответный выпад задетого насмешками Антона. Рудольф завёлся как мальчишка. – Воронов пропал без вести и, судя по стольким прошедшим годам, погиб с высокой степенью вероятности. Ты даже не в курсе, как совершаются подобные назначения, каким колоссальным количеством голосов утверждаются люди на посты, подобные моему, поскольку ты и близко не подходил к тому месту, которое я, по твоему мнению, всего лишь успел занять своим проворным задом!

– Артём Воронов был мой отец, – встряла Ксения, чтобы разрядить ситуацию. – И дом, где мы живём, мой. Последнее время папа жил в другом месте. И у Рудольфа есть свой дом, но нашим детям удобнее жить там, где жила я. У нас живописнее, просторнее, хотя да, дом очень старый. А дом Рудольфа в мегаполисе, мы редко там бываем с детьми в отличие от него. Дизайн его дома уникальный, он круглый, из современных материалов, и при желании в нём можно устроить любое освещение. Например, днём сделать ночное освещение, а ночью солнечное как бы...

– У меня есть своё. И оно меня устраивает, – отчеканил Антон, перебивая Ксению, совершенно не интересуясь дизайном дома Рудольфа.

– Своё что? – спросила у него Ксения.

– Своё место.

Они все разом замолчали. Альбина оставалась невозмутимой, и при взгляде на неё Антон передумал выяснять отношения с давним шефом и давним же соперником. Или как

обозначить ту рокировку в личном плане, какую они имели в прошлом?

– Не мог себе и представить, что дочь Нэи так выросла. Что время...

– Почему же именно на ней закон Мироздания должен отдыхать? Всё живое растёт, цветёт и увядает, увы, – встрял Рудольф, но без вражды, довольно вяло.

– Время летит, как сумасшедшее, – упрямо договорил Антон замшелую мудрость. Упрямото, видимо, заменяло ему силу характера, которой у него не было, во всяком случае, настолько подавляюще выраженной как у Рудольфа. И Ксения убедилась повторно в своём определении Антона как упрянца.

– Елена счастлива с Олегом? – спросила Ксения, не зная ни Елену, ни Олега лично. – Я помню её маленькой упрямой девочкой. Она утопила игрушку – «звёздного воина», страшно кричала и злилась на мать, потому что та не хотела лезть в тину и грязь. У матери было сказочное, непостижимое по тонкой работе платье. Но девочка так свирепо топала ножками, что я подумала, да, это дочь Рудольфа. И тогда её мать полезла в грязь и испачкала платье. Игрушку не спасла, но девчонка сразу успокоилась. Как будто ей было важно настоять на своём. Любой ценой. Даже если навязанное действие не принесло результата.

Рудольф, ничего не знающий о той их встрече в лесу, замер как истукан, а Антон поглядел на неё с грустным вни-

манием.

– Олег – да, счастлив. Он её любит. А Елена? Она очень сложный человек. Она долго не хотела прощать Олегу его прошлое. Хотя в чём была вина Олега? Ведь тогда Елена была ребёнком.

– А что же Лора? – Ксения знать не знала о перипетиях личной жизни Олега, ей неведомого.

– Лора отбыла в одно из космопоселений. Она пошла по моим стопам. Сказала: «Хочу, как отец, связать свою жизнь с Космосом»...

– По твоим стопам. По отцовским, значит, – неприязненно отозвался Рудольф. Но возразить по поводу «отца» было нечего.

– Да. По моим, по отцовским. Она оставила на Земле не самое удачное начало жизни, а потому без сожаления.

– В чём была неудача? – спросил Рудольф.

– В чём она бывает у юных девушек? – Антон не хотел объяснять ничего.

– Уж не Геракл ли с Паралеи, со своим грандиозным опытом, вывезенным оттуда, явился тому виной? – не отставал Рудольф, – Олег Пермяк?

– Нет. Никоим образом Олег к тому не был причастен. Она проявляла уникальные способности к языкам, и могла бы себя проявить и дальше. Я предлагал ей отбыть со мною в Паралею для практики, но она резко отказалась. Уехала с другом детства. Мы с мамой не возражали, поскольку и бес-

полезно было. Лоролея и сама стала давно взрослой. А я вот совсем недавно вернулся из Паралеи...

– Да ну? Чего ты там забыл? Кажется, там всё сворачивают, – сказал Рудольф.

– Вот затем и был, но не один, а в числе коллег, чтобы проверить тщательно ли была проведена консервация объектов.

– Не узнал ли чего нового о наших прежних и хороших знакомцах из числа «ангелов»? Остались ли они там или исчезли, как и не было?

– Узнал. С чего бы им исчезать? Они же не призраки были. Они там, кажется, надолго устроились, – Антон внезапно оживился, отбросив сдержанность. Он был чрезвычайно общителен и дружелюбен в принципе. – Оказалось, что Инэлия нашла себе странного заместителя того старичка Хагора. Столь же загадочного, но добрейшего Хор-Арха. Он у них там местная достопримечательность. Они молятся на него. Маг и целитель. И ещё... – Антон умолк, заметно собирался с силами, прежде чем заговорить. – Не знаю, стоит ли говорить или оно вам не так уж и важно?

– Говори, если начал, – властно потребовал Рудольф. – Не веди себя как женщина, то скажу, то не скажу!

– Узнаю ваш неповторимый стиль общения, – засмеялся Антон. – Просто не ожидал, что оно вам действительно интересно. Вид у вас, мягко говоря, загруженный.

– Причина тому лежит за пределами данного общения. Мой хмурый вид не связан с тобой, если ты так подумал. У

меня своё грузило на душе. А нашей встрече рад, хотя и не ожидал. И Паралея мне не безразлична. Можно сказать, что и вторая Родина.

– У Инэлии оказалась ещё одна внучка. И тоже отчего-то Икринка. Откуда? Неизвестно это. Я там не был. Сами понимаете, каково мне. Паралея и мне как вторая Родина, хотя я жил и работал там не столь длительно как вы. Но говорю правду, в том городке я не был. Не смог. Посылал туда одного коллегу, сказав, что мне важно узнать, живут ли там те персоны, что когда-то там жили. Он и доставил мне сведения. Живут точно там же, где и жили. Местные считают их святыми – Инэлию и Хор-Арха. Городок стал местом паломничества. Я, кстати, побывал и в Архипелаге. Но не скажу, что обнаружил там что-то любопытное. Кроме красочной архитектуры и заброшенной отчего-то некогда развитой инфраструктуры ничего там нет. Жители точно такие же, как и прочие во всех прочих городах и селениях Паралеи. Резиденция бывшего владыки оказалась тоже заброшенной. Но не в смысле разрушения, её оберегают специальные люди, непонятно кем назначенные для этого. Где сам бывший владыка, никто не знает. Исчез.

– Но обещал вернуться, – насмешливо вставил Рудольф.

– Возможно. Управители континентальной Паралеи до сих пор соваться туда не решаются. Боятся. А уж кто там всеми управляет – загадка. Похоже на то, что там развито местное самоуправление. Короче, тихо, даже сонно. Напомина-

ет покинутый курорт, но ожидающий нового притока туристов на будущий сезон. Мы вынуждены были оставить там всё так, как оно и есть. Послонились и ушли восвояси. Да отбывать велено было как можно скорее.

Воцарилась длинная пауза. Ксения и Альбина ждали продолжения повествования о Паралее, Рудик носился где-то, почуяв волю. Рудольф ушёл в себя и молчал. Первым опять заговорил Антон, – Но я вас искренне поздравляю с вашим высоким назначением. Раньше возможности не было, сами понимаете, – поздравление не производило впечатления искреннего, и напряжение между Антоном и Рудольфом осталось, просто ушло в тень. – Вы были бы удивлены теми явлениями, какие там обнаружили себя. Не буду особенно распространяться. Но того прежнего властителя Паука встречали и после его, якобы, гибели. Иногда Паук был не один, а с молодым человеком, а тот называл его отцом. Хотя их местонахождения так и не обнаружили, как ни старались. Да и местные жители всячески это скрывали, они боготворили своего бывшего владыку, в отличие от земного десанта у них не было к нему претензий. Все собранные нами сведения оказались неправдой. Никакого злодейства бывший хозяин Архипелага своим подданным не чинил, наоборот, он был их защитник от правящего сословия и справедливый судья от их чрезмерных посягательств. Паралея, как была, так и осталась загадкой.

– Паука? – переспросил Рудольф, не понимая Антона, –

а что с ним не так?

– Как же? – в растерянности пробормотал Антон, – вы же сами мне рассказывали, что свели с ним давние счёты за наши потери в горах. Лично исполнили приговор ему... или я что-то путаю?

– Когда и что я рассказывал? Никакого Паука никогда не было. Он был вымыслом Хагора. Я никогда не исполнял никакого приговора. Я даже не был в Архипелаге. Не пришлось. Те места были в ту пору для нас недостижимы по ряду загадочных причин. Я рад, что Архипелаг стал доступен для изучения.

Антон разглядывал собственные тарелки, пряча выражение своих глаз. Мимика его лица была неподвижной.

– Простите, если я затронул то, что для вас табу.

– Какое ещё табу? Я отлично всё помню. Ты что-то напутал.

Паралея не даёт о себе забыть

– Помнится, мы были на «ты». Инэлия... – повторил Рудольф задумчиво, – она была блаженной и гениальной чудачкой. Но мне всегда казалось, что она имеет несколько лиц. Очень сложны для понимания были их поступки и их простая по виду жизнь заурядных селян. Эта божья коровка, безобидный садовый жучок женского по виду пола, чужими

руками, а конкретно моими, пыталась убрать своего врага, а был ли он таковым для нас, для землян, это ещё вопрос. Хорошо то, что тот ложный Паук – выдумка Хагора был великолепным актёром. Он разыграл собственную гибель на моих глазах...

Антон сразу же ухватился за последние фразы Рудольфа, – Значит, вы всё же были в Архипелаге?

– Если считать, что весь Архипелаг умещался в башне звездочёта, куда я и попал на час-другой, то был. Я никогда так и не наступил своей подошвой на почву того Архипелага. Только на облицованную площадку перед входом в башню. Сам Архипелаг мне даже не удалось рассмотреть, поскольку была ночь... – он замолчал. Молчание затянулось непозволительно надолго. Все ждали продолжения повествования, а Рудольф елозил ножом по столу и молчал. – Хитрая божья коровка – гипнотизёр с добрым личиком вечной девочки и с сердцем себялюбивой блудной твари всего лишь желала места врагу и убийце Хагора. А ведь я поверил, что причинил смерть старцу! Каково было с таким-то наличным грузом, да себя уважать, да ещё и воспитывать трудное младшее поколение? И уж потом стали поступать сведения, что он жив – здоров и всюду разгуливает по просторам Паралеи. У меня от сердца как-то отлегло. Их ангельские войны и взаимные счёты нас не касались! Но вон как быстро она утешилась с тем, кто с готовностью заменил ей порченого ангела. Я весьма смутно помню того Хор-Арха, поскольку видел его лишь

однажды и весьма странным было его краткосрочное появление, как и необъяснимое исчезновение потом. Да ты и сам был участником того события...

– Да, – отозвался Антон, – я понимаю, о чём ваша речь...

– И чем они там занимались, растворившись среди местных жителей, мы никогда не поймём и уже не узнаем. Мы были обособленцы там, а они свои, они были растворены в плоти и крови местных. И каковы их цели, мы тоже никогда не поймём, а сами они ничего уже нам не расскажут. Самое неприятное, когда тебя используют в комбинациях, смысла которых никто и никогда не объяснит. Безобидная, святая на вид и молодая, замечу, женщина, играющая под старушонку, вполне могла оказаться их управляющим центром, замаскированным под тихое помешательство тёточки-цветовода. А старичок- лесовичок, покрытый травинками и исцеляющий местных от их болячек, вполне себе мог быть некой куколкой, до времени скрывающей своё парадоксальное будущее, своё непредставимое для нас воздействие на всю планету. И уже тогда я понимал, что в этом будущем времени Паралеи не предусмотрено места землянам. Эти пришельцы с нелепейшей этикеткой «ангелы», которую мы им навесили, пришли взять то, что некогда принадлежало им, было утеряно, трагически покалечено дегрантами, не нами, к счастью. Но мы вообразили, что нашли ничейную территорию. Решили починить сами, не понимая внутреннего механизма её повреждений, вызвавших все последующие аномалии. Пыта-

лись даже ликвидировать того мастера, или всё же правильнее, целителя, который, в отличие от нас, понимал суть поломки... Счастье, что его не убили, как выяснилось, счастье в квадрате, что давно уже не моя головная боль – эта Паралея. Она и так выжрала из моей жизни целых двадцать лет, а по ощущениям, так и всю почти мою жизнь, оставив кое-какую мелочишку из щедрости. И, наконец, счастье в кубе, что Паралею оставили в покое с её многомерными загадками не для нашего ума. О каком таком сыне Паука ты говорил? Если те, свалившиеся откуда-то ангелы были бесполовыми?

– Может, он был приёмным сыном.

Рудольф уничтожал Антона ненавидящим взглядом, – И сколько же было ему лет?

– Я его не видел ни разу. Если по рассказам очевидцев, то где-то чуть за двадцать, как-то так. А что вам дают эти сведения?

– Ничего они мне уже не дадут, не вернут! Что же ты там околачивался, если не сумел выловить самого главного обвиняемого, кого мы обзывали Пауком? Забыл, сколько наших ребят было им уничтожено в горах? Все и всё забыли, как обожрались сладкой отравой обманчивого мира! Мне бы не помешало забвения, в чём ты меня только что обвинил. Только я всё помню. И никакого Паука я никогда не видел просто потому, что тот был вымыслом безумца Хагора. Как и саму Паралею никогда видеть бы не хотел!

– Вы никогда не любили Паралею, а я полюбил её даже по-

сле того, как она едва не спалила меня вначале. После того, как нанесла удар повторно в самое сердце ржавым клинком. После трагической гибели Голубики, ставшей моим первым утешением там, первой девушкой – другом. А Паралея всё же вознаградила меня за причинённые страдания, повторно вручив мне неземной дар. Вы породили на нелюбимой чужой планете уникальный шедевр. Я не разлюбил Паралею и потом, когда был опрокинут и шмякнут о её твердь, обманчиво и радужно цветастую, настолько жёстко, что не год и не два мне потребовалось на восстановление. А те неизвестные, что отняли Икринку и у меня, и у вас, они не были порождениями Паралеи. Их даже трудно назвать злодеями в нашем понимании. Они исходили только из собственной целесообразности, а человеческая жалость, снисхождение – всё это было им попросту неведомо. Я долго терзался их загадкой. И вот что я думаю о тех «ангелах» теперь. Утратив измерение нравственности, они выпали и из самого развития как такового, совершенствуясь только в механизмах приспособления самого паразитизма к меняющимся условиям. Только бессмысленно это, и их будущее – труха, неизбежный апокалипсис, запрограммированный самой их несправедливостью. Они мнили Паралею собственным ресурсом, а меня кем-то вроде одушевлённого, любопытного и очень им необходимого, но скорее животного донора – носителя необходимых энзимов, ферментов и прочих строительных биоматериалов. И только чудовищный, как его ни оправдывай, Хагор понял столь же

чудовищное заблуждение своего ангельского в кавычках и закавыченного в безвылазном тупике мира. А всё же к вам, шеф, Паралея не была столь неласкова как ко мне или к тому же Олегу... – И тут он запнулся, спохватившись, что его давняя горестная утрата была также и личной трагедией Рудольфа.

– Олег долго не мог забыть Паралею, – продолжал Антон, выждав паузу и не дождавшись от Рудольфа продолжения спонтанного и неожиданно многословного размышления вслух о Паралее, что и поспособствовало тому, что и сам он открыл своё нелёгкое, их взаимно связанное прошлое.

– Отныне Паралея закрыта для посещения землян навсегда. И сам проект, и наши базы там – всё свёрнуто. Только я не понимаю, как ты мог отпустить свою старшую дочь в какое-то земным Богом забытое поселение, по сути—то, потеряв её навсегда. Ведь она, по существу, была твоя дочь! Ты отнял её у меня. Я никогда не видел её воочию, и вряд ли увижу. Вот чего я не могу простить тебе. Свою родную по крови, вряд ли, так просто отпустил бы. Использовал бы любые возможности, чтобы оставить рядом с собою на Земле. Или та, другая дочь, не Елена, никогда и не стремилась покинуть Землю? А вот почему-то у Лоролеи такая блажь возникла, и ты дал ей самую полную свободу выбора.

– Мама была тогда жива. Она долго плакала и отговаривала. И Арсений стоял как стена. Но под всякой стеной можно вырыть подкоп. Она всё решила сама, а я был, к сожалению,

очень далеко от дома. Ваши упреки жестоки и несправедливы.

– Ну, да ладно. Всё в прошлом, – сказал Рудольф.

– Прошлое всегда может стать будущим, – ответил Антон.

– Даже если настоящее хуже, никто не стремится в прошлое, – сказал Рудольф.

– Именно тогда, когда перестаёшь стремиться в будущее, прошлое и возвращается, – ответил Антон.

– Ты утратил свою веру в будущее? Или тебе настолько плохо живётся в твоём настоящем, если даже Паралея манит тебя как утраченный рай?

– Да. Она меня тянет. Тянет настолько сильно, что состояние кажется фикцией. Я брожу по Земле и будто ищу некий портал, открыв который, я окажусь там. Поскольку туда, как вы и сказали, все траектории полёта свёрнуты. Почему так произошло? Такие колоссальные затраты, а всё – пшик? Куда исчез Рудольф Горациевич? Он так и не появился на Земле. Просто пропал, как многие и многие до него, и после него. А ведь там так и осталась та загадочная точка, где мир Паралеи пересекался с тем Созвездием Рая. Как я хочу найти его! И Горациевич хотел того...

– Разумов был чуточку с сумасшедшинкой. Он не очень-то и оправдывал свою фамилию.

– Мы все там были чуточку сумасшедшие.

– Ты точно. Но уж никак не я.

– Вы? Да вы были там в хроническом состоянии сумасше-

ствия.

– То есть? – И Рудольф замер с вилкой в руке, свирепо вращая её пальцами, словно нацеливаясь ткнуть дерзкого, навязавшего себя в собеседники знакомого из отринутого прошлого. Прошлое, которое не желал забыть сам Антон и с невольным самозабвением его воплощал в образы-слова, пихая их оживающую пульсацию негодующему Рудольфу в самую душу.

– Вы же были там хронически влюблены. Но прятали себя, выражаясь образно, в некоей монашеской рясе. Я, например, долго считал вас аскетом, но аскетом вечно борющимся с собою. От того вы и были, как бы выразиться? Деспотичен...

– Критичен, хаотичен, иногда ироничен, – насмешливо завершил за него Рудольф. – Жуткий придира, короче. Только я никогда за всю свою жизнь ни в кого не был влюблён. Я или хотел женщину какое-то короткое время, или не хотел её уже надолго. А чтобы они не путались под ногами и не пищали о своём вечном чувстве, я и носил маску злыдня. Вот и всё. Очень действенный метод. А что касается десантников, сам понимаешь, суровый распорядок это обыденность для людей военной профессии.

Ксения возила вилкой по тарелке зелёный горошек, складывая из него узоры, поскольку всё было съедено, и она не знала куда глядеть и каким действием замаскировать свою, вдруг явленную посторонним, включая и взрослую уже дочь, ненужность сидящему рядом человеку – якобы мужу. Уси-

ливающееся раздражение Рудольфа, вызванное появлением Антона, направлено было и на Ксению, навязавшую ему поездку, эту никчемную семейную идиллию, в которой он не нуждался, а пойдя у неё на поводу, был недоволен с самого начала.

И только Рудик не уставал радоваться всему вокруг. Непонятно какими мыслями был он занят, нисколько не интересуясь их затянувшимся разговором и желая только одного, поскорее отсюда удрать на простор, к прибрежным скалам, к озеру. Он то убегал на открытую смотровую площадку, то возвращался, обегая стол и что-то хватая, и опять куда-то исчезал на непродолжительное время. И никто его не дёргал, не замечал, не воспитывал.

Непонятная трансформация кольца Ксении

Антон приковался взглядом к кольцу Ксении. Или он узнал перстень Нэи?

– Какой необычный у вас кристалл. Я точно такой же держал в своих руках на Паралее. Это был кристалл связи с тем миром, откуда приходили те условные ангелы. Только тот был большой по размеру. А по виду точно такой же. Как называется камень? Он земного происхождения?

– Нет. Рудольф привёз его с той самой Паралеи. Кажется, алмаз. Он, как и все природные алмазы, был покрыт коркой

– шершавой поверхностью. Рудольф его очистил в своей лаборатории. И шкала твёрдости точно такая же, как у алмаза, и химический состав тот же – углерод, и элементарная ячейка структуры имеет форму куба. Плотность – 3,51 грамма на кубический сантиметр...

Её никто не слушал, никто не нуждался в глупейшем пояснении, как и в её присутствии рядом. Так ей показалось вдруг, поскольку тема разговора не имела к ней никакого отношения. Антон же, задав вопрос, уже не смотрел в её сторону, то ли утратив интерес к кольцу, то ли ещё почему не желая смотреть на алмаз и на ту, кто его присвоила. Он узнал перстень Нэи, что и было ясно Ксении.

И тут кристалл словно подёрнулся инеем, став непрозрачным, а одновременно и жгуче – ледяным по ощущению, вызвав онемение всей кисти руки. Ксения инстинктивно согнула пальцы в кулак и опять разжала. К перемене цвета камня она успела привыкнуть, и решила, что у неё слишком взбудоражены нервы, слишком много запретных тем разворошил тот, кто был встречен на берегу, кто скомкал их настолько и редкий совместный семейный отдых. И исключительно интересной внезапную встречу могла считать только Альбина. Но что считала Альбина, поди узнай. Антон её развлекал, но вот насколько он затронул эту маленькую ледышку?

Взяв у сына тарелку с нетронутой рыбой, Ксения обратилась к Антону с рассуждениями по поводу местных красот, желая всё же вклиниться в беседу и смягчить неприкры-

тую неприязнь мужа, а своим наигранным аппетитом скрывая смятение. И тут же резко отпихнула от себя тарелку, почувствовав отвращение к остывшей рыбе и невыносимому картофелю. Отвернувшись в сторону, она сплюнула в салфетку то, что успела зацепить зубами, чувствуя себя в фокусе невежливого внимания чужака, которое сама же на себя и обратила. Возможно, он просто не успел вовремя создать вид собственного отвлечения от неё, а вместо этого выразил своё беспокойство её состоянием, словно был готов подставить ей свои ладони на крайний случай. Растерявшись, он протянул ей свою салфетку. Но всё обошлось, и Ксения ловко задвинула собственную скомканную салфетку подальше под стол. Было бы и смешно, если бы не было ей так неловко за себя. Ненавидя его в данный миг заодно с Рудольфом, она мило ему заулыбалась, внезапно ощутив себя в старой ненавистной маске как в глиняной скорлупе, сдавливающей скулы. Ненависть вызывала и всплывшая из небытия, выкликнутая Антоном Паралея. Ксения не желала знать о Паралее ничего, желая лишь того, что невозможно, – чтобы не было никогда, ни в прошлом, ни вообще не только этой гаденькой планеты, но и Нэи. А те дети, что есть, были бы её собственными, которые так и не родились в те её молодые годы. Возник настолько сильный импульс к тому, чтобы тотчас же встать, выйти на улицу и выкинуть сам перстень куда подальше, – в синие глубокие воды, чтобы не выплыл. Она стала стаскивать кольцо, а оно не стаскивалось. Тут уж все

приковались взглядом к её стараниям, и никто не произнёс ни слова. Ксения чувствовала себя мерзким мародёром, воров вещи другой и умершей женщины. Она не должна была брать тогда кольцо. Его надо было выбросить за купол сразу же, в ночь, в тёмные необитаемые дали, в породивший его мрак, поскольку тайна кристалла хранилась там, куда ей самой не было доступа, и соответственно не было там света для неё. Это было бы неким символом избавления от... от чего? От памяти о галактической скиталице, прожившей за неё, за Ксению, её судьбу? «Да», – сказала она себе, – «это моё кольцо по праву, и муж был только мой по предначертанию свыше, и судьба была моя. И заблудившаяся судьба вернулась ко мне, пусть и подстывшая, обгрызенная, да не съеденная окончательно».

И она успокоилась. Искристый металлический сплав с планеты Паралея, чёрный и с золотыми включениями, потеплел на пальце. Кристалл же наполнился синим водяным мерцанием, прозрачной слезой. И Ксения без всякого труда повозила кольцо по пальцу, оно как было, так и осталось чуть-чуть великоватым для её безымянного пальца. А Нэя носила его на среднем пальце, сверху надевая узкое кольцо из земного розоватого золота, чтобы не дать перстню с алмазом свалиться, поскольку он также был ей свободен. Она объясняла Ксении, что не любит тесных украшений, боясь того, что не сумеет снять кольца при случае.

Пока она так возилась, да размышляла, вся её грусть-пе-

чаль развеялась как по ветру, поскольку в распахнутые окна влетал ветер снаружи, только набирающий свою силу. Ксении стало легко и весело. Как и Рудику, который вернувшись с большим бело-розоватым яблоком, непонятно где раздобытым, грыз его у самого её уха, брызгал соком и сопел как самый любимый «ёжик» на свете.

– Где украл? – строго спросил отец, – мы же не заказывали яблоки. – Он решил, что Рудик схватил фрукт с чужого стола.

– Дедушка какой-то дал, – удивлённо и обиженно отозвался Рудик, махнув яблоком в сторону открытой панели входа. – Почему мой дедушка никогда не дарит мне ничего? И где он собственно?

– Не многовато ли будет тебе к такой-то большой и злой бабушке ещё и громоздкого ворчуна – дедушку в придачу? – отец взял из его рук яблоко и оттяпал зубами едва ли не половину. Оставшуюся половину сын вовремя спрятал за спину.

– Ну, ты! Крокодил – командир! Сам себе такое добудь, а потом и ешь.

– Сам ты жадный крокодилий сын, – игра разрядила зависшее напряжение за столом. – Видел я на своём веку таких человекообразных крокодилов, во сне приснится – лопатой не отмашешься, как говорили наши предки в старину. Перед таким не расслабишься, – отхватит вместе с яблоком и всю руку. Реально – человек по виду, а на черепе гребень, как у

рептилии. Зубы выдаются вперёд, сияют, здоровые, и то ли смеётся, то ли угрожающе скалится – не разберёшь. Весь в оранжевой шерсти, но только под одеждой, поскольку и лицо и шея без волос. Кажется, он и не брился, поскольку у него практически не росла борода. Мощный был, квадратный как минотавр... Короче, химера больше, чем человек.

– Расскажи! – потребовал Рудик, – ты с ним боролся? И кто победил?

– Ну, если я перед тобой, то ответ ясен.

– Почему ты раньше не рассказывал о разумных крокодильных людях?

– Ты уже не маленький, – встряла Ксения. – Неужели ты не понимаешь, что отец над тобой смеётся?

Альбина отправилась за фруктами, о которых никто не позаботился. Антон застрял взглядом на её удаляющейся фигуре в бирюзовых шелках.

Глава девятая. «Прошлой дружбы не вернуть. А также внезапная исповедь Альбины».

– Так что же Олег? Он рад сыну? У него есть другие дети? Ведь не могут ни быть. Он же ваш ровесник.

Пришлось Антону вскользь коснуться истории Олега по просьбе Ксении, поскольку неизвестный ей Олег оказался причастен к судьбе той маленькой капризной девочки, утопившей в озере «звёздного воина» – «Мемеку». Смешная кличка игрушки так и осталась в памяти.

– Детей у него не было. Малыш его первенец. Хотя личная

жизнь была запутана и удачной её не назовёшь. Сказалось его прошлое испытание на Троле, – тут Антон умышленно сменил имя Паралеи на присвоенное ей землянами. – Диагноз был жесток. К репродукции не способен, хотя мужчина-то был и остался brutальным и боевым по всем статьям. И вдруг такое чудо! И чудо без всякой такой двусмысленности, о какой вы могли вдруг подумать. Олег явил научному сообществу ещё одну свою биологическую загадку. Под первой загадкой я подразумеваю его чудесное воскрешение после взрыва «Финиста» на Троле. Мы спаслись с ним вдвоём, и фантастически быстро исцелились от ожогов. Да их и не было. Только закопчённые были несколько. Фантастическая планета, о которой я мечтал и к которой стремился, неласково приняла меня в свои душистые объятия. Вначале попробовала удушить. Знали бы вы, как она неопишимо – ярка и необычна по своему виду! А в пору цветения после сезона дождей, если бы вы могли себе представить благоухание её лесов и разноцветную красоту её городских парков. Там и архитектура вполне себе приглядно-забавная, никогда и не представишь, пока не сунешься внутрь, как печальна та жизнь, что скрыта за фасадами, за изумрудными окнами. Была такая старая-престарая сказка про «Изумрудный город» и про живущего там чародея-обманщика. Да. Мне так и казалось временами, что я залип в некой голографической выдумке, если бы... Когда Паралея снится мне, я... я просыпаюсь в слезах как женщина...

– Ты всегда был чувствителен. Ты же прирождённый ксанфик. Зря я тебя уволок в сторону от избранного пути, – как-то заметно смягчился Рудольф. И Ксении тоже стало жаль Антона. Совершенно мальчишеская открытость большого дяди не могла ни растрогать её, и она деликатно вернула его к теме потомства Олега.

– Мальчик Олега его копия, здоров и пригож. Сама Елена сказочно красива, а в силу того, что она была всеобщая любимица с детства, она выросла эгоцентричной. Она долго ревновала его к прошлому. Но как-то у них там всё наладилось. Пока.

– Олег Пермяк, – опять подал голос Рудольф, – примитивный вояка, импульсивный и чувственный без меры. Недалёкий человек, хотя и не без мужского обаяния. Это если для женщин. Не думаю, что он поумнел. Если он никогда не обладал богатым интеллектуальным потенциалом, то что мог он развить в будущем? У него была обманчивая внешность тонкого самоуглублённого человека, но оказалось, он таил в себе опасную агрессивную начинку. И предполагаю, что Елена тоже быстро раскусит его, когда войдёт в свою женскую зрелость, а она у женщин наступает быстро, и союз их скоротечно исчерпает себя. Жаль, что так случилось с моими девочками. Я не сумею теперь ничего изменить в наших отношениях, потому что их нет, и уже не возникнет.

– Почему же? Пока мы живы, всё возможно. Твои дочери нарасхват, – Ксения решила повернуть разговор в русло

лёгкой и приятной застольной беседы. – Они все красавицы. Все как одна. У тебя порода на девочек. Но это не означает, что мальчики твои хуже. Просто девочки необычные получаются. Их сильный характер отличная им защита.

– От кого? – неприязненность Рудольфа распространилась на Ксению.

– От вечно тянущихся к тем, кто красив, мужских лапищ. Именно лапищ, потому что у наглецов всё без проблем, без раздумий и ответственности. Пока умник будет топтаться, да рассуждать, урод схватит у него из под носа самую лучшую, самую уникальную. Вот отчего у красивых девушек так часто случаются трагедии в личном плане.

– Главное, чтобы защита не была похожа на неприступную и шипастую крепость, как было у моей матери. Что толку в её красоте? Ни любви, ни доброты. Никому. Одинокая и сверкающая вершина, хорошая лишь издали и леденящая мозги вблизи.

– Да. Ну, вы и одарили свою матушку сравнением, – улыбнулся Антон, – но вы, шеф, всегда были очень искренним человеком, за что вас и любили.

– Это правда, – оборвал его Рудольф, – твоё счастье, что ты не узнал долгой жизни с моей первой дочерью. Не думаю, чтобы она и в дальнейшем давала бы тебе неземное блаженство. Не в нашей природе – любовь до гроба.

– В вашей. Ещё как в вашей, – вмешалась Ксения, чтобы всё перевести в шутку. – Меня ты будешь любить именно

так.

Антон засмеялся, радуясь Альбине, вернувшейся с вазой, полной яблок и груш. Она села с ним рядом, так и не проронив ни слова. Все набросились на фрукты. Ксения заметила, как дочь под столом, словно бы нечаянно, задевала Антона ногой, а он розовел своими скулами как мальчик и едва не давился яблоком. Она же с отсутствующим видом чистила ножичком грушу, разрезая её на аккуратные дольки – лодочки, и любезно совала их отцу. Она была приучена ещё на спутнике ухаживать за своими домочадцами и старательно исполняла это всегда, и дома и вне пределов дома, если им случалось собираться вместе. Поэтому она не препятствовала Рудикю, когда он стремительно съел очищенную грушу, а сама она так и не попробовала ни одной дольки.

– Ешь сама, – потребовала Ксения, – он и со шкуркой слопает. Не ухаживай, все сами с руками. – Она имела в виду Рудольфа, всё ещё остаточно сердясь на него.

– Я и с огрызком могу! – Рудик выхватил грушу из рук Альбины.

– Если вы не хотите заняться дальнейшим осмотром, то я готов взять с собой ваших детей. Я всё равно только что прибыл.

– Здорово! – Рудик победно поднял вверх руки, одну с грушей, другую с остатком яблока.

– Ага, чтобы я таскала тебя под мышкой? Делать мне нечего, как следить за этой рыжей шаровой молнией! – Альбину

явно не устраивала перспектива прогулки вместе с братом.

– Я сам тебя под мышкой буду таскать! – Рудик швырнул в неё обгрызенное яблоко, – Каракатица водяная!

– Мам! – взвизгнула Альбина.

– Так, – Рудольф взял в руки ложку, – сейчас чей-то лоб загудит как медный колокол.

Рудик присел ниже уровня стола. Ксения перехватила ложку. Альбина под столом сильно пнула Рудика ногой. Он ловко нырнул туда, чтобы отомстить ей, но был перехвачен столь же ловкой рукой отца за медные вихры. После чего извлечён им из-под стола и водворён на своё место. Мальчик притих, но смотрел на Альбину с обидой и исподлостью.

– Невеста без места, – прошептал он, но Альбина услышала, – Каракатица сисястая!

Рудольф схватил его за волосы и довольно сильно дёрнул их вверх, – Рот закрыл!

Рудик, униженный и побеждённый, подавлено притих на своём месте и засопел, делая титаническое усилие над собой, чтобы не пустить слезу. Ксения обняла сына. Должен же хоть один человек поддержать его. Даже если ребёнок не прав, нельзя оставлять его одного против всех. Давно она замечала, что Альбина не любит младшего брата. Девочка хорошо помнила свою родную мать, и Ксения с тайной печалью понимала, что дочь Рудольфа не простила ей того, что она заняла место её матери. Альбина жила за некой стеной, откуда она высовывала свое надменное пригожее личико, живя в их

дружном доме сторонним наблюдателем, послушно – молчаливая и закрытая, но так и не приняв новую семью. Со всем не так, как мальчишки. Они любили Ксению как родную мать, может от того, что плохо помнили Нюю.

– Я помню, папа, тот день, – как эхо отозвалась на смутное появление образа Нэи в душе Ксении Альбина, – когда наш Андрей впервые встал на ножки. Он вдруг так смешно побежал по мягкому покрытию в той странной большой и полупустынной комнате, где вы с мамой спали. Ты сломал руку и поэтому должен был целые сутки провести в покое для надлежащей регенерации повреждённой кости. Ты валялся на полу, на спине, а мама сидела рядом тоже на полу. Я всегда хотела, чтобы Андрея не было, и даже просила маму отвезти его обратно туда, откуда она его взяла. На планету под особой звездой, где в тёплом океане Творец выращивает детей в особых герметичных бутонах, как объясняла мне одна колонистка, считая меня крохой. Да я такой и была. А тут я вдруг приняла его в своё сердце, поскольку он так радовался мне, маме, тебе. Мама была в каком-то воздушном платье, или это была ночная пижама, я не помню, она была как в облаке, она не казалась мне настоящей, а будто тающей, или мне теперь так кажется. А ты здоровой рукой гладил её плечо, как будто тоже боялся, что она растает и оставит нас навсегда. Я чувствовала с самого первого сознательного дня, что она зыбкая и не совсем настоящая, что она исчезнет из моей жизни очень рано. Я помню, как она гладила в ответ

твою ласкающую руку, наклонялась к тебе, роняя на твоё лицо свои распущенные волосы. Она совсем не следила за Андрейкой, а он влетел со всего размаха в стену с изображением инопланетного леса. Он думал, что природа настоящая и стены нет, или не думал ни о чём, просто был глупенький совсем. Он заплакал, и мне стало его настолько жалко, что я прижала его к себе, как будто сама была его матерью. А мама была занята только тобой. Сверху лился золотой свет. На том спутнике очень красивое небо, когда звезда Регина освещала его полностью. Ты был совсем молодой тогда. Начисто забыв о сломанной руке, ты радовался тому, что я играю с Андрейкой и утешаю его, приняв его окончательно. А мама была занята только тобой, и я понимала, что ты важнее для неё, чем я и Андрейка. Исчезни мы сейчас, она и не заметит. Другие матери любили своих детей гораздо больше, чем своих мужей. Но поскольку мама была их всех добрее, веселее, наряднее, то другие дети считали её самой завидной мамой на спутнике. Она была...

Альбина совершенно отрешилась от реальности, поскольку никак не отслеживала эффекта своей внезапной исповеди, не обращала внимания на постороннего, в сущности, человека, возникшего рядом всего несколько часов назад, глядя остановившимися глазами в самое дно души мачехи, отвергая её без слов. Когда пришло осознанное понимание прошлого, или непонимание всей его сложности, она отказала Ксении в прощении. Навсегда. Только это уже не было

способно разрушить любовь Ксении к ней как к своей дочери. «А есть что разрушать»? – спросила вдруг Ксения сама себя, или кто-то у неё спросил? – «Ты только внушила себе, что она тебе дорога. На самом-то деле ты её не любишь. Как и она тебя».

«Провидица»! – хмыкнул в ней всё тот же внутренний голос, и Ксения ощутила его именно как вторжение извне. Ведь Альбина несла в себе частично природу другого мира и вполне могла обладать способностью своей матери как-то понимать затаённые чувства находящегося рядом, влезать в чужой мысленный поток, вряд ли осознанно, но изредка у неё получалось. А уж Ксению-то девочка изучила за столько лет обитания под одной крышей настолько! Но разве она была плохая мать? Разве задела когда словом, поступком, невниманием? Всегда только искренность, ласка, понимание, родное открытое общение. Нет?

«Да, да. Успокойся, ты лучше иных родных матерей. И вина твоя в том, в чём ты и на Страшном Суде не признаешь себя виноватой», – ответил ей беззвучный собеседник.

Альбина являла собою в данный момент, как никогда прежде, женскую версию собственного отца. Губы сжаты, ноздри точёного носа нервически подрагивали. Твёрдый, а вернее, упёртый взгляд в некую внутреннюю открытую дверь, – открытую только для неё в прошлое подлинное или в прошлое наполовину вымышленное, поскольку его детали были дорисованы её теперешним воображением и насто-

ящим чувством. Она упрямо довершала начатый рассказ, – Мама была...

– Прекрасной, – произнёс Антон, – она всегда была прекрасной.

Ксения понимала, что она лишняя сейчас, что она всегда была лишней для Альбины, но уйти сейчас было некуда, а если вообще – из жизни Рудольфа и самой Альбины, то и невозможно. Странная вставка Антона в столь же странное повествование Альбины не вызвала ни малейшего отклика у Рудольфа. Или он его не услышал. Он смотрел на дочь как на глухонемую, вдруг обретшую дар речи, а о чём она там говорила, было неважно.

– Я всегда знал, что ты не любила своих братьев. Ты хотела быть единственной, как другие девочки на спутнике у своих родителей. Тех боготворили, создавали из них капризный и кружевной центр Мироздания, а ты была нянькой и домработницей с малолетства. Ты стыдилась того, что твоя мать была как квочка, вечно окружённая и своими и чужими чадами. На неё всех сваливали, эксплуатируя её неземную доброту и якобы профессиональную бесполезность для нужд колонии, а ты была вынуждена ей помогать, вытирать чужие задницы. – Вот, что он сказал дочери.

– После того, как она родила Толика и Алёшку, она резко похудела и постарела тоже, – продолжала Альбина, кинув через левое плечо его резкую отповедь, – Врач Вика говорила, что последние роды мамы были на грани того, что она

могла и не выжить после них в тяжёлых условиях спутника. Мальчишки высосали из мамы все силы, всю радость, а мама была настолько не приспособлена для такой тяготы. Если бы я была у неё одна, она была бы жива до сих пор. А тогда, живя на спутнике и будучи совсем небольшой девочкой, я всё понимала, подставляя маме своё слабосильное детское плечо, и только рядом со мной мама плакала от усталости, страха и тоски в том зловещем мире под куполом. Я спросила у неё однажды: «Зачем тебе столько детей? Разве не достаточно было бы меня одной»? Она ответила, что обязана была восполнить ту потерю, что понесла в прошлом. Она утратила троих детей и, вряд ли, увидит их когда. Она панически боялась седых волос, а когда они появились, она ловко освоила технику их окраса. Одна женщина-химик специально для неё разработала нужную формулу, и мама добавляла состав в свой шампунь для волос, а сам флакончик тщательно прятала от тебя в моём шкафчике. Почему был тот невротический страх? Многие там сидели, и что? Но она боялась проявить перед тобой то, что естественно для всякого человека – его постепенное биологическое изнашивание. Да разве не естественно стареть и умирать, поскольку смерть только фазовый переход в другое качество жизни, а сама жизнь вечное свойство живой и вечной Вселенной. Мама называла Творца Вселенной Надмирным Светом. Мама объясняла мне многое, она всё понимала правильно. Только недоразвитые существа не понимают ничего. Единственное чего она

боялась, так это утратить твою любовь. А я всегда хотела улететь на Землю с мамой без тебя, как другие женщины со своими детьми оставляли мужей на спутнике не ради временного отдыха, а навсегда. Зачем ты разрешил ей иметь ненужных сыновей, если уже была я?

– Не нужных?! Ты можешь так о братьях?– возмутилась Ксения, пугаясь взрывной реакции Рудольфа. Но никакой реакции не последовало.

– Разве они были нужны тебе? Нужна я? Дай мне кто такой выбор, я бы отказалась вообще родиться на свет. Я всегда любила и люблю только свою маму. А тебя, – она обращалась к отцу, – я не любила ни там, ни тут не полюбила, в отличие от мамы Ксюши. Как бы я могла, если ты всегда отсутствовал. Только спать, вероятно, и приходил в наш жилой отсек. Я не помню, я рано засыпала, поскольку я или училась или работала там как взрослая воспитательница в детском саду. Когда мы отбыли оттуда, как я радовалась Земле! Нашему новому дому, свободе, лесу и купанию в настоящем озере. Мама Ксюша действительно стала мне настоящей матерью. Она с нами играла в игрушки, бегала в догонялки, читала, учила плавать в настоящем водоёме, где водились настоящие рыбы и прочие бяки. А тебя как не было, так и не появился ты рядом. Но не обижайся, мама, ту маму я любила сильнее. Однажды, ещё на спутнике было, она пришла ко мне ночью и села на мою постель. Она стала мне рассказывать о том, что её мать погибла очень молодой, а мать матери

тоже и, видимо, такова печальная традиция в их роду. А её Энтропизатор, она так сказала, и я запомнила, уже явился за ней. Но на нём оказалась весьма неожиданная маска – лицо юной женщины, очень красивой, печальной и несчастной женщины, поэтому я не должна винить маску за то, что Энтропизатор использует её в своих целях. Мне стало страшно. Я приняла её речи за бред. Даже будучи маленькой, я понимала – это бред. Я её утешала, не веря ни в какого Энтропизатора. Потом она спохватилась, стала смешить меня, тормозить, легла рядом, гладила, и я уснула. Но само наличие Энтропизатора бредом не было. Он явился за мамой. Вскоре после той ночи она и пропала навсегда. Мама, – обратилась она к Ксении обычным голосом, даже не выдержав паузы, словно и не было её пространного рассказа только что о жизни на спутнике. – Пожалуйста, выкинь ты ту жуткую маску, что висит на стене твоей спальни, – Альбина сказала «твоей», а не «вашей» спальни, подчёркивая этим что? Редкость появления там отца? Мнимость её, Ксении-мачехи, личного счастья? – Каждый раз, как вижу её, не могу отделаться от чувства, что за нею прячется какой-то Энтропизатор, если не твоей жизни, то твоего счастья. Я выкинула бы её и сама, но не хочу тебя обижать, поскольку ты хорошая, мама. И я знаю, любишь меня гораздо сильнее, чем я заслужила. Лучше сама выброси.

Вдобавок к неудавшейся прогулке ещё и испорченный обед

– Она воспитывалась почти десять лет после своего рождения в космической колонии, – обратился Рудольф к Антону. – Дети, рождённые и выросшие в условиях замкнутых инопланетных поселений, как правило, в чём-то недоразвиты по ряду причин, хотя технически и переразвиты в сравнении с детьми Земли. Они растут в полностью искусственной среде, на «ты» с самыми сложнейшими машинами. Этакий забавный сплав ребёнка и робота. В сущности, они и не совсем уже люди Земли. Многие считают их дефективными, если психически. Здоровье у них, действительно, часто бывает проблемное. И как их не выравнивают потом, думаю, что психические аномалии остаются на всю жизнь.

– Так ведь и на Земле не все сплошь гении да чудо – богатыри рождаются. Чудаков и дураков как производилось, так и производится всегда в избытке, – встряла Ксения, понимая уклон беседы Рудольфа как желание оскорбить дочь, чувствуя его скрытую ярость. Молчунья вдруг неуместно заговорила, посмела обнажить сокровенное и запретное для посторонних. В данном случае посторонние – это Антон и она, Ксения. Рудик опять был не в счёт. Его все считали за маленького.

– Я всегда знал, что ты наполовину робот, – сказал он сест-

ре, – поэтому ты никого не любишь.

Во время шокирующей исповеди Альбины Антон сидел как деревянный истукан, – не ел, не пил, не шевелился, и вроде как не слышал ничего. И Рудольфа он не слушал уже. А может и понял, что папаша пытается отвратить его от дочери. Дурочка, мол, рождённая в неблагополучной сложной для становления будущего человека среде, шёл бы ты... К умницам, к здоровеньким, куда угодно, только подальше.

Альбина встала и, подойдя к Ксении, примирительно погладила её сзади по волосам и изгибу шеи, как будто они только что слегка поссорились, и она просила мать не обращать внимания на пустяки. Так она всегда делала, когда обижала Ксению резкостью на грани грубости. Но ссоры происходили редко. Альбина была послушна и мало разговорчива, потому и ласки были не частыми, а сюсюкаться без повода как маленькая девочка не любила. Ксению охватили благодарность к дочери и стыд за собственные мысли о ней, навивной ещё и явно любящей её девочке, как о притворщице. Она тронула в ответ Альбину за ладошку, любя её сейчас самой подлинной материнской любовью, утешая за неласкового отца. После исповеди Альбина пошла на открытую площадку для обзора, пристроенную для посетителей ресторана. Там можно было съесть мороженого. Антон как привязанный пошёл за нею.

– Что это было? – спокойно спросил Рудольф, не меняя выражения лица, того самого выражения, какое возникло

при появлении Антона и уже не менялось. Вежливый по необходимости, отстранённый, задумчивый, запертый на все засовы изнутри человек. А само недовольство можно было приписать чему угодно – ветреной погоде, кислому самочувствию, не понравившемуся обеду, нерешенной профессиональной проблеме, не имеющей отношения к окружающим на данный момент. Насколько сильно его задел, или вообще не тронул, выброс обычно запертых в глубине эмоций дочери, понять было невозможно. Он слишком умело контролировал своё внешнее поведение – долголетняя привычка работы в иноземных мирах среди сложного населения. Ксения следила, как Альбина, выпрямив гордую спину, а это были её, Ксении, уроки по выправке спины, слегка выгнув поясницу, встала у ограждения площадки, устремив лицо навстречу ветру. Выбившиеся пряди волос взметнулись вверх. Ветер усилился. Облокотившись на то же ограждение, Антон взирал на неё сбоку, не скрывая внезапной заинтересованности в девушке.

– Ишь! Накатило как быстро! – презрительно прокомментировал Рудольф свои наблюдения за парой на открытой террасе. – Он был таким всегда. Герой – любовник. Любимчик баб. – И он оскалился в их сторону странным оскалом, не то улыбки, не то затаённой агрессии. Неужели? Неужели это осталось в нём? Ревность к человеку, к которому ушла когда-то им же выпихнутая, по сути, замученная его откровенным пренебрежением жена? А что Антон? Сразу видно, что

он открытый и благородный человек. Да и красив настолько, что даже неприлично для мужчины. Ещё молод, но достаточно опытен, состоявшийся профессионально. Мечта любого родителя – такой муж для дочери, если, конечно, он состоит как муж для их дочери.

– Не любил его раньше? – спросила Ксения, – но он невероятно обаятельный. И, кажется, добрый парень.

– Напротив, любил его как сына. Зато сынок и дал мне под дых, мало не показалось. Заметила, как этот раскрашенный идол во время беседы не дрогнул ни бровью, ни единым лицевым нервом. Весь его гладкий, оштукатуренный многолетним психотренингом фасад являет всем вокруг безупречного носителя самого высокого вселенского кодекса человечности. Не то что я, занявший по недоразумению место Воронова. Слышала, как он заявил? Вот ему бы – да! Оно было бы впору! Сосунок засахаренный! Глядит в глаза и едва не возносится как воздушный шарик от собственной неземной лёгкости. «А ты, мол, булыжник серый, давно уж я тебя обогнал в своём развитии, давно ты уж мне и не шеф. Не на моей тропе лежишь, стало быть, я о тебя и не споткнусь». Как он был, так и остался ограниченным мотыльком с фасеточным зрением!

– И чей же он нектар сосёт, если он сосунок?

– Прежде он был в кумирне у Разумова. Каждому приятно быть не только лидером, но и кумиром. У Разумова в его корпусе он был рядовым исполнителем, а до сих пор мнит себя

его соратником по космическому устремлению духа. Видела, как возносился надо мною? Превосходство так и выпирало из каждого его слова и взгляда. А сейчас? Я и понятия не имею, где он сейчас. Он так и не вошёл в структуру ГРОЗ. Он где-то, думаю, в гражданских исследовательских структурах. Но я как-то не по существу завёлся. Это глупо и недостойно. Глупо злиться за прошлую рокировку в сугубо личном сюжете и недостойно опошлять и унижать хорошего, красивого во всех смыслах, если объективно и беспристрастно, человека. Альбина умна и психологична, и она не потянулась бы как тёлка к первому встречному расписному прянику. А его мать Елену мне жаль. Она была не только восхитительной женщиной, но по-настоящему прекрасным человеком. Она заменила моим дочерям мать, а в целом, у неё была настолько короткая и мало удачная жизнь. Только ненадолго она и нашла своё личное, может и не счастье, а, как выразился её сын, место под Солнцем. Арсений, конечно, был необычен, романтичен, непрактичен, часто комичен...

– В тебе скрыт поэт, – заметила Ксения, – я уверена, что в юности ты сочинял стишки и стыдишься этого теперь.

– Арсений всегда был склонен к депрессии. На Троле он днями мог не выходить из своего жилого отсека, а потом пропадал в горах без всяких объяснений. Поэтому-то его подчинённые были разболтаны там, никому не подконтрольны. Разумов был добряк и всем позволял личные слабости. А я отчасти презирал Арсения и сам род его деятельности

не очень-то и понимал. Мы жили, по сути, в параллельных Паралеях, как ни забавна эта тавтология, а так оно и было. Почему тролли так называли свой мир? Чему он был параллелен? Я думаю теперь, что их планета и была некой сломанной параллелью тому «Созвездию Рай», создавшему их цивилизацию, но отчего-то их покинувшему. Поэтому те пришельцы и считали Трол, если в нашем наименовании, своей, пусть и никчемной, но собственностью. И Арсений был первым, кто настоятельно рекомендовал покинуть планету и забыть о ней. Иначе, считал он, те «ангелы» могут присосаться и к нам, к землянам, а через нас и к Земле. Как он был прав! А его считали чудиком, помешанным на разгадках древних артефактов. Елена Соболева для такого наследственного отшельника была как дар богов, которым он молился, да и внешне она была богиней. Случайно как-то и где-то, я уж и не помню, когда и где, но я слышал, что он молится на свою жену, считая её неземной пришелицей. Но тогда я и понятия не имел, что его путь пересёкся с матерью Антона. Хотя, что и удивительного? Влюбиться человеку со свободным сердцем в подобную женщину? Ты же видела её сына, а Антон – мужик, и женского неодолимого обаяния матери, понятно, лишён. Я и сам видел-то её пару раз, а помню до сих пор. Боюсь, что такой ущербный человек как Арсений не осилит её утрату. Ущербный не в том смысле, что умственный калека, а психически неустойчивый, ранимый и чрезвычайно тонкой организации человек. Он на Трол попал из-

за того только, что его отец там служил с первых самых лет освоения планеты, но покинул её, а заодно и саму ГРОЗ. А сына для чего-то туда послал. Решать какую-то метафизическую загадку. Видишь, как влияет на качество человека наследственность? Чудак папа, таков и сын. Талант там не талант, а число твёрдости структуры характера это как у иного камня – блестящ, красив да хрупок. Папаша и поспособствовал вызову сына туда, на Паралею. Кажется, его зовут Тимур Иванович. Он был не из последних людей в ГРОЗ. Да рассыпался весь в сплошную мистику. До сих пор в горах своих сидит, разгадывает какие-то каменные скрижали. Как странно, что моя первая земная дочь тоже теперь Елена Соболева. У меня где-то был его контакт...

– Кого? Папы Арсения?

– Да на кой мне замшелый папа Арсения! Я о самом Арсениии.

– Да зачем он тебе? После стольких лет...

Узор судьбы, петляя где-то столько лет, опять вернулся в исходную точку. Это и не понравилось Рудольфу. А Ксения, неожиданно уловив глубинный настрой мужа, сжалась в ответ. Её повторно, как на берегу, словно окатило холодной волной. Некое тёмное предчувствие, как будто в ледяной воде был ещё не растаявший осколок льда, и он воткнулся в её сердцевину, и в ней застонало ожидание ещё не известной, но уже ждущей её беды.

Ксения торопливо погрузилась в смакование повторно за-

казанного байкальского омуля. К ней вернулся аппетит.

– Родной, попробуй, – она бережно подала ему, утешая за удар со стороны Альбины, тарелку с этой удивительной рыбой. Он отставил её в сторону и, видимо, о ней забыл. Рудик засыпал её всю салатным листом, Ксения смахнула избыток зелени на поднос.

– Не хочешь есть, иди на смотровую площадку, – строго одёрнула сына Ксения за его баловство за столом. И он тут же с радостью умчался, прихватив тем ни менее кусок ржаного хлеба.

«Не наелся», – зафиксировала Ксения, но возвращать его не стала.

– Пусть мешает им любезничать, да? – ласково обратилась она к мужу, взяв его руку в свою и глядя её. – Наша Ариадна никогда не надоедает твоей матери. Удивительно, сколько любви таилось в старой королевишне. Она не может жить без девочки. Если долго её нет рядом, Карин тоскует. Она называет Ариадну «моя сбывшаяся мечта». Даёт ей для игр, на разгром, по сути, все свои сокровища.

– Должна же она была полюбить хоть кого-то на этой Земле, – ответил он, ничуть не примиряясь со своей матерью даже сейчас, когда она вдруг преобразилась в ласковую бабушку, считая Ариадну посланием небес себе.

– Вкусно, – похвалил он, поедая рыбу вместе с зеленью, накрошенной Рудиком. Уход Антона вернул и ему аппетит. Глядя на улыбающуюся Ксению, он, наконец, улыбнулся, по-

сле чего сосредоточенно занялся рыбой. – Зелень душистая, такая была только на грядках у синьора Горошка. А где он, кстати?

– Там же, – равнодушно ответила Ксения, – где и был. На спутнике Гелия. Он же вернулся туда.

– Не знал. Или забыл? Да и кто он, чтобы я держал в памяти разную чепуху.

Ксению задело его замечание о бывшем муже. Тем самым он низводил и её саму в разряд какой-то неважной чепухи.

– Он много лет был моим мужем. И на спутник, если ты не забыл, я прибыла как его жена. А ты разбил его жизнь.

– Я? Разве не ты это совершила? Впрочем, тебя можно и понять. Ведь он был способен только к производству растительных плодов.

– Он произвёл там не только растительные плоды, но и плоды иного рода. Детей то есть. Двоих. Он с женой там.

– Представляю, как он утёр нос всем своим жалельщикам. Не зря он мне хвастался своими экспериментами по возвращению не только здоровья, но и потенции тем, кто вкушал его фантастические урожаи.

– Да. Он гений, – и о том, кому предназначалось это определение, Ксения уже не помнила, поглощённая только созерцанием Рудольфа. Её единственный, её любимый, её прекрасный мужчина. Один. Первый. Последний. А то, что было между точками «первый» и «последний», Ксения безжалостно стёрла. Навсегда. Не было ничего. Был только он. Отец

её детей. Её возлюбленный и любовник, не утомляющий её никогда. Не надоедающий, не тускнеющий, на роду ей начертанный. Она могла мысленно произносить всё это бесконечно, да и вслух тоже, не уставая ему напоминать его неповторимость, уверенная, что только с нею он и знал истинное счастье. Всё прочее было блужданием, как и у неё.

– Возвращаясь к «доброму парню», как ты выразилась. Ему пятый десяток пошёл. Вечный жених.

– Ну и? Это много разве? У нас как было, забыл? Страсть бушевала, да и бушует ещё? – и она заглядывала ему в глаза. – После такой роскошной прогулки, как бы я хотела оказаться с тобой где-нибудь наедине... – Ксения соблазнительно потянулась, закинув руки за рыжий затылок.

– Прогулка, как мне кажется, так и не состоялась.

– Но должны же мы получить хоть какую-то компенсацию за то, что не получили искомого блаженства.

– Рудик разве даст уединиться? – отозвался он как изда- лека, полностью утянутый в свои потаённые глубины. С этим надо было срочно что-то делать.

– Мы закинем его к бабке в Альпы. По дороге сделаем большой крюк, но этот крюк выведет нас на орбиту нашего совместного уже путешествия туда, где мы что-то давно не были. Альбину же оставим на распрекрасного парня, к тому же твоему давнему знакомцу и сослуживцу. Побудем с тобой как в юности, совсем одни. Чтобы не таиться, не сдерживать себя, ну ты же понимаешь? – Ксения потянулась к нему

за поцелуем – согласием. Но он был вовсе не в том блаженно-расслабляющем потоке чувств, что она сейчас. Его встретил вдруг возникший Антон, вызвал в нём тёмную внутреннюю бурю. Он даже ел как бы автоматически, скрывая этим действием своё смятение. Почему? Что было там, в прошлом, не так с этим Антоном? Не из-за Нэи же, убежавшей в своё время к Антону? Ведь после того он прожил с Нэей больше девяти лет на спутнике. А теперь он живёт столько же лет вместе с нею, Ксенией. Они живут счастливо, отринув горькую память.

– Радик, – Ксения взяла его руку, прижала к своим губам, – не грусти. Альбина уже выросла. Рано или поздно она должна будет оставить нас. Она найдёт личное счастье. Вот я не оставила отца, как он хотел всегда, и что? Я была самым несчастным человеком, уж в нашем Северном полушарии точно самым несчастным. Ну, я преувеличиваю, а всё же. Твои или ваши взаимные счёты не должны препятствовать любви, если она возникнет. Нельзя влезать в чужую судьбу, если не зовут. Тем более со злом, пусть и отеческим. Человек живёт на Земле лишь однажды, и он должен быть счастлив. Бог не прощает зла, причинённому другому человеку. Хотя Он, милосердный, прощает всё, но только не зло, причинённое другому.

– Это была ты тогда, в первый день моего прилёта в Альпы? Та маска в мониторе? Твоя затея?

– Какая маска? – Ксения углубилась в изучение тарелки. –

Я видела тебя в ресторанчике, и всё. Никакого потом контакта не было. Я и не знала твой пароль входа. Откуда? А что была за маска?

– Да так. Ерунда это. Не помню почти. Ну что? Летим в Альпы? Альбину бросаем на несостоявшегося космического воина? Но зато успешного исследователя, не знаю уж, чего он там исследует. – Он взял её руку, целуя верхнюю часть ладони, и вдруг дёрнулся от её кольца, как обжёгся. От кольца Нэи.

– Что? – не поняла Ксения.

– Уколотся, – ответил он, рассматривая алмаз на кольце. Почти не обработанный, то бледно голубоватый, то нежно-розоватый, он стал вдруг насыщенно-синим, будто впитал в себя глубину кипящего от ветра озера. Изменение цвета не было в диковинку самой Ксении, а Рудольфа это поразило. Он взглянул на неё так, словно она истаяла, стала прозрачной, а за ней стоял кто-то совсем другой. И Ксения инстинктивно и резко обернулась, но там, как и следовало ожидать, не было никого.

– Ты чего испугалась? – спросил он мягко, обещая ей глазами любовь, как она и хотела. – Летим?

Они вышли на смотровую площадку. Рудольф схватил упирающегося сына в охапку и потащил его к выходу, к спуску на нижнюю террасу, а там совсем уже близко от ресторана располагалась площадка для гостевых аэролётов. Так было быстрее, чем объяснять ему что-либо на словах. Разуме-

ется, бабушка не будет в восторге от буйного внука, да куда она денется, если они выгрузят его в её дворик и умчатся без объяснений? Поймёт сама, если не дурра.

Ксения подошла к Альбине и Антону. Антон под предлогом поправить её шарфик, гладил её шею под длинными волосами. Она не противилась ласке чужого взрослого мужчины. Ей льстило его явное обожание, и даже нечто иное, более сильное, как будто он давно её знал и вот опять встретил.

– Алечка, хочешь с ним остаться? С Антоном? Он покажет тебе острова, исток могучей реки, да мало ли чего. Да, Антон?

– Да, – отозвался он обрадовано, – я знаю тут всё.

– Ну, всё – это сколько же времени займёт? – засмеялась Ксения.

– Я остановился здесь в гостинице. Сниму номер для Альбины. А завтра привезу её домой, к вечеру. Зато у неё будет достаточно полное представление об озере-чуде, равного которому нет на Земле. Хотя и очень, очень приблизительное. Но кто помешает ей потом заняться исследованием данных мест? Мы возьмём высотный аэролёт, и я покажу ей, как всё выглядит сверху.

Мысль о возможности остаться без детей и ночью, показала Ксении восхитительной. Хорошо, что Рудольф ушёл, он точно не дал бы согласия.

– Ну ладно. До завтра. – Ксения поцеловала дочь в щёку. Альбина благоухала спелой грушей, только что съеденной на

пару с Антоном. – Развлекайся. Только держи дистанцию, – это она шепнула ей в ушко.

– Мама! – недовольно отодвинулась Альбина, – я что, вчера родилась?

– Нет? – засмеялась Ксения, – ты у нас опытная женщина?

– Во всяком случае, если надо, на место поставлю. Не привыкать! – сказано было громко, и Антон засмеялся, всё поняв.

– Не надо будет никого ставить на место. Я совсем другой, чем тот, о ком у тебя есть опыт. – И он обнял её так, будто были они давно знакомы, и он имел на неё права. Она и не шевельнулась.

«Надо же», – поразилась Ксения, – «уже обнял!» – и засомневалась вдруг, так ли она права, оставляя лисе виноград. Да нет, одёрнула она себя. Виноград зелен, и правда, ещё зелен, а лиса вполне заслуживает родительского доверия. И тут же противоречиво подумала, что рослая Альбина вполне себе созрела, как манящая сочная груша, и ждёт не дожждётся, кому бы устроить сердечное пиршество. Вот сама она точно была зелень – зеленую, и худее и моложе Альбины, когда залезла под одеяло к Рудольфу. Ведь он её не тронул. Полгода не прикасался, а хотел её с первой встречи. Выдержал, а было ему всего двадцать лет. А этот зрелый муж. Отец к тому же взрослых дочерей. И одна из них, – правда, она дочь Нэи и Рудольфа, – уже родила сына. Но Антон воспитывал Елену как дочь, как и свою Алину, ту, что сладко спала в лесу в

коляске и, кажется, ни разу не заплакала во время их с Нэей разговора. Конечно, он редко бывал на Земле, воспитанием занималась его мама, но всё равно. Он отец, и ему можно доверить дочь. Пусть он и влюбился как юноша. Да он и выглядит молодо, только глаза его слишком серьёзны, слишком умудрены для юноши. Это и делает его столь опасно влекущим для молоденькой Альбины. Ксения вздохнула.

– До завтра?

– До завтра! – радостно и в один голос ответили они.

Такая редкая и такая неисчерпаемая любовь...

– Ты помнишь ту весеннюю поляну в лесу? После нашей ссоры? Что ты всегда со мною вытворял!

– Угу, – отозвался он, но помнил или нет, было непонятно.

Не помнил он ничего! И она погрузилась в такое отрадное прошлое. Тем более, что оно реализовалось в будущем! Никто не верил, глядели на неё, как на полоумную, а она своего будущего дождалась. На той самой поляне она впервые почувствовала себя женщиной, в том смысле, что впервые открыла для себя ощущения полноты телесной любви, а до этого только уступала. Но там, в природной глуши... Она отчётливо помнила, как мокро было коленям, жёстко, трава едва-едва вылезла, – но что произошло тогда? Она словно стала самой природой. Она вся наполнилась и взорвалась зве-

риным ликованием, она стала землёй, небом, травой и всякой копошащейся в ветвях и траве живностью. В неё вошёл дух леса, природы – её женская ипостась, что ли...

Потом они, отряхнувшись, ну есть две псины, как какие-то древние бродяги, смеясь, пошли грязные в травинках куда-то вглубь, не зная и зачем. Просто гулять и дышать счастьем, в котором купались. Они забрели в такую глушь, гадая, куда выведет заброшенная дорога. Шли наугад, а пришли к странному многогранному зданию. Вокруг тишина, стены отражали лес и небо, ни души. Даже птицы смолкли. Что это? – спросили они одновременно.

И тут из здания вышли люди, молчаливые и потухшие, они еле двигались. Потом сели в свои аэролёты, там оказалась площадка за стеной кустарников, они её и не увидели сразу. Он первым понял, что это прощальный зал подземного крематория.

«Своеобразный космодром для отправки душ туда», – он указал вверх, – «Но если честно, там их никто не встречал».

Она подавлена. Как странно соседствует в мире смерть и любовь, нераздельно, и пока они ликовали в своей любви, кто-то оплакивал близкого, родного, любимого, неповторимого, незаменимого, прощаясь с ним навеки. И она заплакала тоже. От несправедливости жизни, от её жестокости и неизбежного конца.

Из здания, уже после того, как все люди отбыли, вышел старик. Он даже поначалу напомнил её деда-лесника, белый

и лёгкий, похожий на изображение святого аскета со старых, очень старых картин. Только бороды у него не было, и волосы коротко острижены. Он подошёл и внимательно взгляделся в них. Глаза его не показались добрыми, а скорее насмешливыми.

Он спросил у Рудольфа: «Не рано ли пришёл? А помнится, меня посылал сюда. Да я, видишь, тут работаю. На пенсии давно, а людей поддерживаю в такой ситуации. Многие не выдерживают, приходится дежурить тут врачу. Кто же пойдёт сюда из молодых? Вот я, старик, и несу свою службу. И девочку какую, хулиган, себе нашёл! Лесную фею. Береги такой дар, что не по уму твоему тебе достался. Везунчик ты».

У Рудольфа был такой оторопелый вид, что она засмеялась, а тот старик сурово и с осуждением посмотрел на неё. Видимо, понял, что поторопился с обозначением её как феи.

Рудольф сказал уже ей, когда дед свалил куда-то. А куда, они не отследили, – «Вот память у старого худого мешка! А говорят, что они и себя не помнят». Потом рассказал историю своей стычки со стариком в театре, где тому не понравилось, как нахал себя вёл. И ведь запомнил, и ведь где пришлось столкнуться!

. Я буду любить тебя до своего смертного конца, – произнесла она не без пафоса, – А ты?

– Отстань! Ты уже не та девочка, чтобы тормозить: любишь – не любишь. До гробовой доски. Сейчас и нет никакой доски. Специальный контейнер – вспыхивает в плазме мгно-

венно. И вот ничего нет. Только пепел, отдаваемый безутешным близким людям. Пеплу всё равно, а живых – да жаль. Некоторые увозят пепел к звёздам, на другие планеты.

– Что у нас за тема? – одёрнула Ксения.

– Я разве первый занял о вечности?

– Но к чему он – безостановочный конвейер жизни и смерти? Что есть жизнь? И к чему есть смерть. Пусть бы царствовала в своей тьме вечно, зачем жизнь возникла? Для страданий? Кому они нужны? Или правы те адепты странной религии, которые верят, что существует некий творец, питающийся человеческими страданиями?

– Но ведь кроме страданий есть кое-что получше. Нет? – спросил он, ничуть не проникаясь столь скорбно-пронзительной темой. Это она не по адресу обратилась. Для них, для космических бродяг, такое нытьё есть табу.

– Неужели, и ты умрёшь, Радик?

– Конечно.

– Нет. Ты не умрёшь никогда. И я нет. И наши дети тоже. Мы вечные.

– Свари кофейку, метафизик голозадый, – и он засмеялся, не признавая за ней никогда права на то, чтобы быть мудрецом, хотя бы и временами. Не её это дело. Он упорно заталкивал её в обличье весьма поверхностной особы, какой она не была и в своей юности. Только обманчивость парящей и воздушной лёгкости проявляла себя в ней, обещающая отключение от тяготы окружающей реальности. Это-то и

привлекло к ней сильнее всего. А красота безусловная, никем не оспариваемая, такая бывает разве? Поэтому он всегда ставил её в предназначенный ей угол, символический, конечно, а не буквальный, едва она делала поползновения вовлечь его в глубокомысленные диспуты.

Дома он только отдыхал, и стремления жены вести беседы о главном обрывал, как не ведущие ни к чему, ни к какому разрешению, а значит пустые. Ксения обижалась, думая, что он считает её ущербной. Но он не считал её такой никогда. Он просто устал от всего на свете. А то счастье, снизошедшее к ним в весеннем лесу, не вернёт им никто. И никогда не вернётся к ней прежний весёлый дуралей, так и затерявшийся где-то среди звёзд. А этот – похожий, двойник, обманка глазам и чувствам. Ксения откатилась от него и уткнулась носом в стену.

– Иди ко мне, моя русалка...

Ксения продолжала изучать пустую стену. Правда, пустой она была относительно. Их спальня была выдержана в глубоководном стиле. Стены казались мерцающими волнами с игрой голографических миражей – древних утонувших развалин, полу стёртых и слабо флуоресцирующих. На постельном белье скалили пасти чудовища глубин. Почему у них в спальне такой странный дизайн? Старое наследство, фантазия её отца, – это же была их с мамой спальня. Вот и пришлось Ксении подбирать и бельё постельное, чтобы с дизайном всей комнаты гармонировало. А потом и привыкла как-

то. Менять что-то не было вдохновения. Да и ради чего силы тратить? А силы она в отличие от Ксении прежней очень уж берегла, ощущая их ограниченный ресурс, чего не бывает в молодости первозданной, настоящей и звенящей, никогда.

К тому же ясно видела, Рудольфу всё равно. Ночью он спал. Он не имел привычки пялиться по ночам на стены или рассматривать детали интерьера, как и рисунки на постельном белье. Она лишь мечтала всё сменить, придумать что-то невероятное, радостное, прекрасное, как было у него в той пирамиде. Их соединение происходило обычно в темноте. Он быстро засыпал, так что пожеланий по поводу смены иллюзорного океанариума на что-то другое не высказывал, а утром быстро вставал и отбывал в свою ГРОЗ. Трудоголик, не признающий отпусков и выходных. Часто оставался ночевать в своём круглом, нелепом, пустынном и практически лишённым мебели доме, чтобы отдохнуть от их сутолоки, и непонятно, когда успевал уставать от них? Иногда она думала, уж не бессознательное ли это бегство от неё, такой вот его распорядок? Но что она могла изменить и каким образом? Когда-то, живя одна, она представляла себя навеки затонувшей душой, которая лежит и колеблется во втягивающей её ещё глубже в себя субстанции, иле или песке, что там есть в глубинах вод? И ей ничего уже не надо. На потолке при включении загоралось солнце, будто из-под зыбкого слоя воды, а в ложных океанических глубинах стен мерцали рыбы ли, руины ли.

– Ты чего спишь, как на дне океана? – спросил он лишь однажды в тот их первый раз, незабываемый никогда, когда они воссоединились после возвращения со спутника. Это был поступок, был с его стороны героизм, – отринуть тяжеловесную, опасную в своей вражде ядовитую кобру Риту. Но, то ли Рита утратила былую силу, то ли Рудольф набрал нужный вес, всё произошло легко и без последствий. «Ага»! – ликовала Ксения, – «Разложился твой яд от старости, ведьма. Пришёл и твой черёд становиться маринованной перчинкой, способной лишь на мимолетное щекотание рецепторов и лишённой витаминной сочности». Ну, настолько уж художественно она не думала, но примерно так.

– Меняй, я не возражаю. Придумаешь новый проект, так сразу и изменим всё, – Ксения соглашалась с ним, ведь не её фантазия, а «реставратор» Рита отчего-то не решилась сменить декор спальни. Надо думать, и у неё нечто было связано с таким вот оформлением, память о собственных глубоководных погружениях. Ох, грех! Сплошное кочевничество людей вокруг, не только с планеты на планету, с континента на континент, но и из одной постели в другую, чужую и чью-то.

Он не захотел ничего менять, вернее, проявил полное безразличие, а Ксения по ночам погружалась в свои уже глубины, то любви, то сна, и всё ей было недосуг. Да и зачем, если и так хорошо?

Один раз он, неисцелимый хам, сказал, глядя в голубо-

ватое свечение потолка, – В этой подводной пещере живёт ненасытный моллюск похоти...

Она не включилась в дискуссию, решив, что это такая вот метафора, неудачная.

– Странно, – продолжал он, – когда я вижу красивых женщин, я верю в Творца, но когда я смотрю на то место, где и скрыт их крючочек, чем они нас и цепляют, я перестаю в Него верить. Тут уж явно порождение чего-то иного. Это же самое нелепое из того, что только и можно себе представить. Как в океане – сколько там порождений дичайших планетарных стихий. Если у них и есть своя эстетика, как мало она похожа на божественную.

– Можно подумать, – Ксения обиделась окончательно и пнула его, после чего сжала ноги, – у вас создано всё по райским лекалам. Более нелепое изделие трудно себе и вообразить, чем этот ваш драгоценный... уклоняюсь от сущностного обозначения.

– Ты же его любишь?

– А ты-то чем же пользуешься всегда? Чего обзываешь?

– Я не обзываю, я же говорю, что люблю. Но любить и признавать за эталон прекрасного сам предмет влечения – разные вещи.

– Я тебе не предмет! Не признавай, не люби. Мне что привыкать к подобным развенчаниям меня во всём, во всех смыслах. Можно подумать, что у других ты любил нечто иное, чем у меня. Не нравится – не суй туда свои глаза.

– Мне нравится. И я люблю в тебе всё. Тебе мало доказательств?

– Каких?

– Наши дети. Просто я хочу сказать, что у Творца было своеобразное чувство юмора, или же у кого-то ещё, кто вмешался в акт творения. Скорее всего, нас сотворили тоже на пару, но плохо меж собою договорились, какими мы должны стать. У них, видимо, было разное представление о красоте. И это передалось нам, безумное влечение, обмирание от человеческой красоты и её полное неприятие тоже, тут же. Творец проявляет себя всюду и тут же отвергает своё присутствие во всём. Не иначе, мы незаконнорожденные. По любви и желанию, но не по некоему высшему закону. Вот Он зовёт нас и тут же прячется. Миры нашей Вселенной все падшие. Скажи, что красивого в цветущем дереве? Но его можно созерцать бесконечно, не уставая, до дыхательного спазма. Или в пустыне океана? Он всасывает в себя глаза, душу. Так и женщины. Что в вас, кроме вашей бестолковой суетности, чарующей глаза необъяснимости, обволакивающей пустоты?

– А в вас-то что? Потные и сопящие животные, считающие себя подобием Творца. Иди к своим деревьям и созерцай их. Вон их сколько в лесу. Сядь под дерево и отвергни мир вокруг, пока не получишь нирвану на свою макушку, она тебе всё и объяснит. Стукнет как шишка сосны сверху, вот она я. Всё иллюзия, всё сон. Красота в пустоте. Так что ли?

– Ты глупая, – подытожил он, очевидно же смеясь над нею, – будь ты хоть чуточку умнее, таковой ли была наша с тобой жизнь? Удивительно, но именно твоя глупость и вывернула все суставы у моей судьбы, если она, конечно, есть эта судьба. По мне так нет её. Не будь тебя, не вообще, а в моей жизни, не было бы и никакого Трола для меня, всё было бы как-то иначе.

– Жалеешь о прошлом?

– Нет.

– Если бы тогда знал обо всём, ну, вдруг представим, что-бы сделал в той колоннаде?

Оказывается, он всегда её жалел...

– То же самое. Влюбился в тебя окончательно. Всё произошло раньше. Еще в небоскрёбе ГРОЗ. Но вёл бы себя иначе.

– Как же?

– Не дал бы тебе возможности, чтобы ты надорвала свою нежную душонку в неподъёмной борьбе со мной. Щадил бы тебя, оберегал, лелеял. Ты была создана для того, чтобы стоять в хрустальной нише для любования, с тебя надо было пылинки стирать, а я? Пробовал твою крепость, стуча фарфоровой головой о камень. И потом удивлялся, что ты разбилась.

– Ты смеёшься над моей коллекцией?

– Почему смеюсь? Есть разные женщины. Есть как кухонные и универсальные роботы для рутинной и пожизненной работы, есть мыслители, есть воительницы, а ты женщина – бесполезное украшение. Но изысканное, если такую беречь. Женщина – праздничная безделушка, но дающая душе бессмысленное, в сущности, но детское по остроте счастье. От твоей мамы осталась одна такая безделушка среди прочих. У неё я нащупал склеенную шейку, но она немислимой ценности, кажется подлинник, редкость. Вот и ты. Я тоже, если постараюсь, могу нащупать незаметный, вроде, но осязаемый для меня, склеенный в тебе разрыв твоего целого некогда существа. И я знаю, что этот грех мой, я уронил. Но я тогда брезгливо выбросил то, что расколошматил, а кто-то, всё же, бережно склеил тебя. Может, этих «кто-то» было и несколько. Неважно. Не в этом дело. А в том, что мои пальцы стонут, когда я нащупываю рубец в тебе, которого могло и не быть.

– Ещё, кстати, – сказал он вдогонку своей лекции о типах существующих женщин, – есть женщины – половая функция в чистом виде. Такие в старые времена становились проститутками, и вопреки расхожим слезливым теориям об их несчастной участи, были в основном б...ди по призванию. Им просто нравилось и нравится так жить. У них между ног плотоядная росянка со своим пахучим зевом – ловушкой, вот они ею и орудуют всю жизнь. И мозги у них там и только там. А ты, дурра, хотела своей маленькой нежнейшей штуч-

кой, сотканной из той же плоти, что и крылья у бабочки, кого-то ею уловить? Удержать, удивить? И что? Нашла себе одного – единственного ценителя эльфа с крылышками, Ксеньку мужского рода. Да и тот забрался в пожухлый уже цветок за неимением другого. Ну, какая из тебя б...ь?

– Прекрати! – Ксении показалось, что она вмиг опустела от только что сладостной своей переполненности. Всё вытряхнул. Как и на спутнике так делал. Умел вначале дать радость, а потом всё залить кипучим веществом издевательств.

– Больно же, гад! – она как будто опять оказалась на спутнике, и небо представилось тем же, чёрным, ядовитым, где-то нависшим над куполом. А сверху по-домашнему играло бликами освещение в потолке – через прозрачный плафон цвета морской волны. Она была дома. И дом был её родной. Это на спутнике он был царь и бог.

– Не фыркай как кошка. Ты как была, так и осталась в моей власти. Планета Ксения там, Земля. – Он схватил её за ногу, будто хотел дёрнуть со всей возможной силищей и оторвать.

– Включил своё всевидящее око? Догадался, что я подумала о той планете? Имя не озвучу. Никто это имя не одобрил из тех, за кем и остаётся право дарить имена целым мирам. И не удержится это имя за той планетой, – не желая ссоры на непонятной колдобине, она поцеловала его в грудь. Стоит ли обращать внимание на слова? Рудольф неисправим. Да и чего ему меняться? Ему и так неплохо живётся.

Она же привыкла терпеть. Того, что было раньше, уже не будет. Росянка там, крылья бабочки, но она его не отпустит, не нырнёт в болото стоячего бабьего одиночества. Самое постылое, самое постыдное и ничтожное состояние, какое и может претерпеть на этом свете женщина.

Ксения погладила его ножкой, замурлыкала, раз уж она кошка. Пусть кошка. – Мурр? – полизала его, пощекотала языком.

Сегодня у него был игровой день, разминка, и когти были игрушечными.

Они уснули почти одновременно, но она не обладала умением Нэи входить в его сны. Хотя и Нэя не обладала подобным умением как чем-то, что всегда ей служило. Только иногда, и никогда по запросу души. А как бы само по себе такое происходило, – таков был этот странный дар Тон-Ата, наполовину иссякший к тому времени, как Нэя попала на спутник Гелия, ставший планетой Ксенией.

Ксения продолжала путанно бродить по утраченным тропинкам того самого весеннего леса, а Рудольф в этот самый момент стоял у той сетки ограждения, в степи у космодрома. Но всякий сон это всегда альтернатива тому, что и случилось когда-то...

...Он вышел к ней за пределы ограждения, и они пошли в степь. Бескрайние, серебристые дышали травы – их растительное излучение, их травяная благодать наполняли лёгкие как вьюга. Степь вздымалась, когда ветер гладил её грудь, на

которой они уже лежали. Его кожу щекотали пушистые метёлочки с жёсткими усиками, какие-то дикие колоски, и запах вокруг примчался уж точно из детства, вкусный. Она ласкала его, как умела только одна Нэя. И во сне он не отличал, кто рядом? Важно было одно, она любимая его женщина. Он уже хотел войти в неё, прекрасную, юную, желанную, но почему – то так и не сделал этого. Потом понял, мешает её платье, то алое... И пока она возилась с платьем, он отвернулся, чего делать во сне категорически нельзя. Она тут же и пропала. Степь вокруг покрывалась инеем, и травы чернели...

Страшный лик Хагора

Он проснулся от того, что замёрз. Одеядло валялось на полу, сброшенное туда. Она тоже не спала. И сразу зашевелилась, как только поняла, что и он не спит.

– Я хочу искупаться в бассейне. Пойдёшь? – спросил он.

– Нет.

Вылезать ночью, чтобы бултыхнуться в холодную воду, что за удовольствие? Особенно после горячей любви и такого хорошего солнечного сна.

Наличие уличного бассейна на территории возле дома в те времена, когда тут носились дети, было небезопасным, и его перестали наполнять водой. И только когда они подросли, бассейн обновили и наполнили. Все дети умели плавать.

Ксения прислушалась к тишине за открытой панелью. Пока Рудольф натягивал халат, она явственно услышала, что из бассейна доносится плеск, но мало ли? Он был расположен довольно далеко, и Ксения повернулась к стене, желая только уснуть. Но едва Рудольф вышел, сон пропал начисто.

Полнолуние, поняла она, любуясь через прозрачную стену яркой сферой, плывущей в ажурных прорезях сосен. Находясь низко над горизонтом, Луна казалась огромной. Ксении стало грустно, томительно, как и всем людям, подверженным лунному влиянию. Возникло бредовое ощущение, что она одна, и была и есть, и будет. И вся прожитая совместно жизнь – плод её воспалённой фантазии. И стало неожиданно плохо. Вернулось её вселенское одиночество и ехидно, незримо встало рядом с постелью её утех, жалких перед всесилием одиночества.

И маска Коломбины, висящая на стене, злорадно ей подмигнула, блеснув несуществующим глазом, холодным и мертвенным как алмаз на кольце. Само кольцо лежало на столике, над которым и висела маска. Она будто плыла на голографической волне, ритмично покачивалась наяву или в безумном видении. И страшное проявление накатившего бреда, оживившего мёртвую подделку под человеческое лицо, подействовало как внезапное землетрясение, как световая вспышка в ночи, потому что Ксению подбросило от страха и тотчас же лишило чувства реальности, расползающейся и тающей вокруг. Так продолжалось лишь мгновение, но

мгновение, исполненное непереносимого ужаса. «Переутомилась, переиграла», – решила она. Не девочка же, что из того, что обтянута молодой кожей. Усталость, передозировка любовным баловством? Она как слепая ощупывала своё постельное бельё, дающее ей возврат в явь. Нагруженная прошлым душа пыталась обмануть сама себя, когда резвилась в аквариуме замкнутого хрустального мирка, как золотая рыбка, только вчера бывшая икринкой. Заныли кости, словно в них и забились взъерошенная налетевшим и ознобившим предчувствием беды душа.

Перед самым их возвращением домой к вечеру прошёл сильный дождь. Потом развиднелось, а потом опять небо скрыли притаившиеся из-за леса подушки облаков. Неожиданно в их разрыве выплыл полный лунный лик. Ксения встала и тоже облачилась в купальный халат, после чего и вышла на веранду. Луна уже бросала свои бисеринки на плоские блюдца луж у ступеней и блестящее ограждение лоджии – веранды.

Ксения села в плетёное кресло для отдыха на свежем воздухе, стоявшее на открытой веранде, не желая выходить в мокрый лес, почти вплотную примыкающий к стенам их дома. Под её ногами каталась сосновая шишка, закинутая сюда порывом ветра, предшествующего дождю. Она покатила шишку босой ступней, думая о том, что вот, вышла босой, а возвращаться в дом ей не хотелось одной. Было страшно как ребёнку, напуганному собственной разыгравшейся не в

меру фантазией. И она пошлёпала босиком, поджимая нежные ступни, боясь в темноте наступить на шишки, которых валялось на дорожке множество после ураганного ливня.

Пройдя сосны, она вышла на открытую лужайку, где и был устроен уличный бассейн. Рудольф сидел в халате на бледно-зелёном, но бесцветном сейчас обрамлении бассейна. Он, как-то не свойственно ему, сгорбился, опустив голову как старик, меланхолично размышляющий о бренности всего сущего. Ксения подошла и молчаливо уселась рядом, опустив ноги в прохладную и мягко её обнявшую воду. Рудольф даже не обратил на неё внимания. Резкий контраст между только что бывшей у них, совсем юношеской по насыщенности любовью и явленным безразличием задел её. Она пихнула его локтем, играя, но обиженно. Тогда он обернулся к ней. В его лице было выражение полного неприятия, отталкивания её, Ксении.

Луна светила уже настолько ярко, распахивая дождевую облачность, что не нужно было и освещения, которое он не включил. Только сам бассейн светился изнутри мерцанием скрытых в плитах его дна элементов подсветки. Она имитировала глубоководное океаническое свечение, голубоватое и холодное.

– Иди. Спи, – сказал он спокойно, – не жди. Я пойду спать в кабинет.

– Как тебя понять? – Ксения не могла вместить в себя очередной заскок в его настроении.

– Иди! – и он отпихнул её от себя, – дай же мне побыть одному! Липучка неотвязная! Ты и так проросла в меня, как колония плесневых грибов.

– Идиот же! – она обиженно встала и пошла от него. Всё предшествующее блаженство ночи улетучилось, будто и не было ничего.

Она пришлёпала в спальню и с грязными, в мокром песке подошвами забралась под одеяло в пушистом халате. Рудольф пришёл следом и тоже сел на постель, не пошёл в кабинет.

– Ты не видела на дорожке у входа в дом старика?

– Какого старика? – изумилась Ксения.

– Да так, – и он продолжал сидеть, тоже не снимая халат и не ложась, мешая ей успокоиться и не желая успокоить её сам. Уж шёл бы, как и хотел, в кабинет. Или ложился.

– Искупался? – спросила она и отвернулась.

– Нет. Я разговаривал с ним.

– С кем? – Ксения села, страх вернулся.

– Со стариком.

– Что же он сказал, старик? – она принимала участие в странном диалоге, не желая уточнения, кто этот старик, не веря ни в какого старика.

– Хагор. Кто же ещё. Почему он появился, как думаешь? И каким образом?

– Что он сказал? – спросила она, холодея и не веря в пришествие инопланетного Хагора, но считая его галлюцинаци-

ей Рудольфа.

– Он сказал, что время прошло, и я приблизился к моменту прощения ею.

– Ею?

– Гелией. Но если я хочу получить её прощение, я должен кое-что отдать ей взамен.

– Что?

– Свою жизнь. Не жизнь вообще, а жизнь земную.

– Как же возможна для нас жизнь вообще, не земная? Ты должен улететь, что ли? На спутник имени этой Гелии? Или на Трол? Я не понимаю.

– Нет. Никуда я не должен лететь. Да и не волен я выбирать, лететь или остаться. Я человек, четко вмонтированный в жесточайшую структуру, я её деталь. Что значит моя воля? Какая воля у солдата? Времена былого своеволия давно позади. Это привилегия низших – свобода от всего. Она хочет, чтобы я был с нею. Уже навсегда, если она соизволила простить. А Хагор из-за своего, именно что своеволия, теперь там низший посыльный. Так он сказал. «Я буквально Ангел, что на вашем древнем языке и означает вестник».

– Кощунство какое-то! Ангел он. Вестник. Это какая-то застарелая болезнь, Рудольф. Нет его здесь. И быть не может. Тебя не долечили. Не иначе какой-то приступ. Я не видела никого!

– Он ушёл к тому моменту, как ты пришла. Я и подумал, что ты его встретила. Он пошёл по той самой дорожке, по

которой ты пришла спустя некоторое время. Он не был фантомом, он был реальным. Как на Паралее. От него веяло запахом трольских гор, травами, всем тем, что осталось на Паралее. Он даже дышал также сипло, как и там. И одет в тот же чёрный балахон поверх узких штанов. Я даже потрогал его. Он разрешил.

– И что? Ощутил?

– Не понял ничего. Но он засмеялся. Как настоящий. Это я, сказал, я – Хагор. Не сомневайся. Явился в привычном облике для тебя. Пришёл слегка разворошить твой пригретый тобою муравейник. Вам-то можно было там, на Паралее, ворошить чужие муравейники, что же мне-то нельзя? А ещё он сказал одну вещь, которую я проверю сегодня же...

– Какую? О чём сказал?

– Касается того Арсения, о котором мы с тобой и говорили в ресторане. И как не случайно я о нём вспомнил. Оказывается, Хагор знал Арсения и даже общался с ним в горах Трола.

– Что же он сказал об Арсении?

– Зачем тебе знать нечто, касающееся человека, которого ты никогда в жизни не видела?

– Я его видела в ГРОЗ.

– Пусть. Всё равно ты его не знала и не общалась с ним ни разу. Я не собираюсь удовлетворять твоё обывательское любопытство без всякой цели.

– Что же нужно ей, Гелии? Погибшей, насколько мне из-

вестно, при взрыве на Паралее?

– Ей? Она ощущает пустоту без меня – своего Кристалла, так он сказал. Она простила и хочет любить меня. Она не погибла, а только утратила свою искусственную оболочку, в которую её зачихали по воле Созвездия Рай. Как и самого Хагора. Ну, не бред ли я несусь?

– А ты?

– Я? Я хочу увидеть её хотя бы ещё один раз, и нашу дочь тоже.

– Невозможно, Рудольф! Как? Как она выглядит в действительности, если ты видел только её вынужденный маскарад? А если они непереносимые для человеческого восприятия уроды?

– Они не могут быть уродами. Они слишком высокоразвиты. Это мы для них уроды.

– Нет тут никакого Хагора. Не было. Есть твой бред. Позвонить Рите?

– Не смей! – и он схватил её за запястье так сильно и так яростно скривил губы, обнажив зубы и став пугающе страшным, что Ксения и не шелохнулась. Не встала, не коснулась контактного браслета, лежащего на столике в спальне рядом с кольцом.

– Радик, милый, – она обняла его за плечи, – ложись. Давай спать. Утро вечера мудренее.

И он, послушно сняв халат, аккуратно повесил его на спинку кресла и лёг, обняв её, лежащую в халате.

Длинная ночь, наполненная наваждениями

– Сними, – прошептал он. И она тоже стащила халат, бросив его на пол. После чего прижалась к мужу как к своему ребёнку, пытаясь дать защиту от наваждения ночи. Ну, не совсем как к ребёнку, потому что она с неконтролируемым уже порывом шла навстречу его порыву к ней, в неё... И было пронзительно, всеохватно хорошо и ему и ей, так, как бывало редко даже у них, и никогда в таких случаях непонятно, какого рода усилитель ощущений бывает задействован...

Губы Ксении пересохли как в пустыне, и голосом она еле владела, слыша себя будто со стороны. – Мне сто лет так не было. Что со мной? – после чего заплакала.

Наваждение продолжалось. Всё было как в ту, самую первую их ночь, и чьи-то шаги за закрытой панелью, поэтому Ксении показалось, что отец вернулся. Сейчас он откроет входную панель. Осветит их как преступников, пойманных на позорном деянии. Может, они провалились в некую яму в ткани времени и оказались там, откуда и пошёл разматываться, замыкая и искря, словно из оголённого провода скрученный, под высоким напряжением гудя, клубок всех последующих событий?

Но на веранде, располагающейся сразу за коридором, отделяющим от неё их спальню, действительно шаркали ша-

ги, и Рудольф конвульсивно вздрогнул. Он вскочил и бросился туда. Ксения побежала следом, всё же подумав о халате, который набрасывала на себя на ходу. И там, на веранде Рудольф схватил плетёное кресло и швырнул его в сторону близко стоящих сосен. И Ксении тоже почудилось в том месте, куда и упало кресло, некий рывок фрагмента ночного мрака в сторону. Она сообразила и нажала пульт освещения наружной части дома и самой открытой лоджии. Сосны вместе с дорожкой осветились, но там никого не было.

«Безумие»! – пронеслось в её скомканных мыслях, резанувшее их лезвием, прозрение, – «он безумен»!

От вида безлюдной уличной территории Рудольф внезапно успокоился, абсолютно с нормальным лицом сел в другое кресло, и оно заскрипело, как и всегда под его тяжестью, – Выключи, в глазах резь от света.

Ксения выключила уличное освещение. Она стащила с себя халат и укрыла им Рудольфа сверху, а он, лаская, провёл ладонью по её животу. – Принеси мне мой халат.

Она пошла в спальню, загипнотизированная его спокойствием. Вернулась в его халате, а он так и остался сидеть, укрытый до пояса её халатом. Села напротив него за столик в другое плетёное кресло. Веранда освещалась из коридора, куда были открыты сдвоенные старинные двери в дом. Было тихо, достаточно тепло, и не верилось в только что разыгравшееся тут безумное действие. Нормальный Рудольф сидел рядом с ней, смачно уплетал виноград, выставленный сюда

Ксенией в большой фруктовой вазе из зелёного богемского стекла ещё накануне, как только они вернулись и сидели здесь. Ваза была старинная, подаренная мамой Карин. Стекло было украшено с внешней стороны фарфоровыми белыми лепестками, цветками яблони и вызолоченными веточками. Ручная старая работа – красота.

– Не пугайся ты так, – сказал он, – ты стала белая как привидение. Это не безумие, не наш бред, просто я ещё не разобрался. Но разберусь. Я никогда не боялся Хагора, не знаю уж, откуда они там, на Паралее, возникли. Продукты их местной эволюции или выбросы, выхлопы из чуждых нам миров. Значит, тут существует некое транслирующее устройство, которое мы затащили на Землю, вот и все чудеса. Успокоюсь и разберусь. Признаться, он взял меня врасплох. Неожиданно. Поэтому я и поддался вначале панике. Я же живой человек, ты же понимаешь? Но я успокоился. И ты успокойся. Завтра я всё проанализирую, я уже знаю источник пугающего кино. И сотру его в порошок. А то, что это кино, я и не сомневаюсь. Но такое своеобразное, их «ангельское». Понятно, что определение беру в кавычки. Они бесильны, ты понимаешь? Они сильны только нашим желанием в них верить, идти навстречу их бреду, которому мы дарим действительную плоть из собственного жизненного ресурса.

– Расскажи, что он тебе там говорил? У бассейна. Когда я буду знать, мне станет легче. – Ксению ещё потряхивало, и

она старалась унять дрожь коленей, сводя их вместе. Халат Рудольфа был тёплым и пушисто-объёмным, он был насыщен молекулами его запаха, и это тоже успокаивало Ксению.

– Дурочка, трусиха. Ну ладно. Чтобы успокоить свою глупую девочку, расскажу тебе сказку на ночь. К тому же сам тебя и напугал, космический воитель. Иди ко мне на ручки.

Она подошла и удобно устроилась на его коленях, страшась, что не выдержит и развалится плетёное кресло, но оно, поскрипев от возмущения под двойной тяжестью, прогнувшись несколько своими растительными гибкими рёбрами, оказалось прочным. Он обнял её, и ей опять стало хорошо.

– Хагор сказал мне, что для такого как я честь – приглашение в их кристаллическое совершенство, – и он засмеялся, как и смеются над чьей-то озвученной белибердой. Хотя сам же и озвучил то, над чем смеялся, – Можно подумать, я верю всему тому бреду, что он и притащил для меня как радостную весточку, коли уж он звездный ангел, что и означает вестник.

Общение-то на самом деле происходило до удивления обыденно. Точно так же, как и на Паралее.

– К чему мне твоё кристаллическое совершенство? – спросил он.

– Как же можешь ты отвергать то, чего и не мыслишь? – ответил Хагор.

– А как я могу хотеть то, не знаю что?

– Ваша Земля это подобие вашего же вымысла о чисти-

лице, у вас нет, и не будет рая. На Земле, пропитанной кровью поколений и поколений страдальцев и мучеников, среди которых было колоссальное количество детей, святых и чистых людей, не может и быть уже рая. Но если Паралея была адом, то и у вас он был, и всегда может вернуться. Ваши информационные планетарные носители загажены чернотой, копотью и мусором страшных деяний прошлого. Это остается навсегда, и не в вашей власти очистить то, о чём вы и не подозреваете, чего вы и не понимаете. Только ваш Творец властен над этим, но Он ещё не скоро явит вам себя. Он призовет вас для своего Страшного Суда над вашей цивилизацией, ибо то, что вы мните исчезнувшим, оставило свои рубцы и искривления и на вас, сегодняшних блестящих и разумных по видимости, открывателях новых галактических островов. Раем же вам не быть.

– Узнаю твою велеречивость. У вас, что ли, Рай?»?

– Нет, увы. И у нас только приближение. А то, что было сегодня, встреча дочери Нэи и Антона – не случайность, – оказывается, Хагор об этой встрече знал! Но тут же Рудольф перестал удивляться. Ведь Хагор всегда знал то, что было известно самому Рудольфу.

Тут словоохотливый Хагор дал пояснение. Из-за некоторой невозможности для него он не явил Антону себя, но дал ему понимание того, что у него произойдёт встреча с той, кого он ищет всю жизнь. Указал пути, где произойдёт встреча с тою, кто будет способна заполнить его внутреннюю пу-

стоту. Да тут же и признался Рудольфу, что это будет всего лишь очередной самообман Антона.

– Но и твою пустоту, – сказал Хагор, – не заполнить любовью земной женщины.

Ксения вглядывалась в его лицо, но он выглядел вполне себе спокойно, только сказал, – Какая же пустота у нас в доме! Почему ты, женщина, так пренебрегаешь уютом того дома, где живут твои же дети.

– И твои дети тоже, – сказала она.

– Наши дети, – согласился он. – Ты, можно сказать, друг и товарищ для игр нашим детям, но ты весьма небрежная хозяйшка, уж прости.

– Ты её чувствуешь, пустоту? – Ксению разглядывала его светлеющее в предутреннем сумраке лицо. Как он её ни заговаривал, страх не проходил.

– Не знаю. Я не думаю об этом. Когда мне прислушиваться, приглядываться к себе? Я же занят, нечеловечески загружен, и мне тяжела шапка ушедшего Артёма, если перефразировать то выражение про шапку Мономаха. Артём был энергетический гигант, человек-Галактика, а я всё же слабее, и это говорю лишь тебе одной. Но мне хорошо с тобой, я люблю детей. А остальное время отдано работе. Что мне иллюзорная какая-то пустота, да и где она? Где-то, где, может, ничего и нет. Душа? Что это? Её изобрели праздные люди. Если же человек наполнен деятельностью, когда ему и думать о неких измерениях изолированного от тела духа? Нет этих

измерений. Всё конкретно. Всё поддается измерению, изучению, осмыслению. А то, что не поддается, пока не изучено или же отсутствует как таковое.

– Нет, Радик. Нет. Душа есть. Душа – дыхание жизни. Она стремится к чистоте и лёгкости, и страшно ей жить в грязи и тяжести. Ты, конечно, не болен. Я паникую. Но в тебе ещё остались следы воздействия нечеловеческих миров, странных запредельных контактов с кем-то, кого мы не можем понять, как и их разрушающего, возможно, воздействия. Неких вирусов Вселенной с чужеродной программой. Психика не выдерживает давления чужих звёзд, тёмных образований Галактики и смертоносных очагов невероятных электромагнитных излучений. Мы же не их порождение. В нас частицы нашего Солнца, а там, я же помню, как было у меня. Каждая моя частица ужасалась чуждости того, что было вокруг, содрогалась от своей оторванности от Солнца и Земли. И купол этот – иллюзия безопасности, не обманывал, как и земные интерьеры и голографии, созданные искусственно. Зачем человеку Космос? Хагор и есть духовный вирус, который ты затащил на Землю и не можешь до сих пор справиться с болезнью своей души.

– Он не болезнь. Он есть независимо от того, болен я или здоров.

– И Гелия? Она же погибла от взрыва во время падения «Финиста» на их город. И Хагор, он же там был убит! Ты же рассказывал.

– Не знаю я. Давай хоть немного поспим. Завтра вставать. Заберём детей. Мать уже сходит с ума от того шороха, что навёл в её монастыре Рудик. Он носился по музею как звездолёт, не измеряемый земными скоростями. Хорошо то, что там пусто. Никто не хочет сейчас умиляться затхлою древности и всем этим поискам совершенства, к чему стремились поколения художников прошлого. У современных людей свои поиски и свои заботы.

– Ты помнишь Гелию? – сжалась в комок Ксения, – меня ты забыл быстро. Говорил же.

– Успокойся, я её забыл. Может, её и не было никогда. Она, как ты говоришь, болезнь духа. Может, моя память всё сочинила, преломив в себе впечатления нечеловеческих миров, придумала себе роман задним числом, оформив хаос в земные формы или их подобия.

– Да, – Ксения с облегчением обняла его ещё крепче, словно продолжая спасать от ужасных миражей, насланных враждебным человеку миром иной Галактики.

– Её никогда не было. И никого не было. Была только я. Твоя любовь ко мне. Тоска, принимающая форму обольстительных, но несуществующих красавиц.

– А Нэя? – усмехнулся он, – мираж? Кто же наши дети?

– Нэя – земная женщина. Ты её нашёл где-то, на одном из искусственных спутников во время перезарядки звездолёта, и забыл об этом, перегруженный нечеловеческой усталостью. А она такая же несчастная скиталица, решившая

скрыть своё прошлое, или же ей его удалили, как травмирующий фактор, не дающий ей жить. Она же провела в подземных отделениях «САПФИРА», самых засекреченных центрах изучения, много времени. Она придумала историю вашей любви на Паралее. Она писательница, сочинила всё в своих дневниках, а тебе тоже это внушили, чтобы залечить искалеченную психику. Ты же говорил, что она тебя исцелила. От чего? Чем ты болел до неё? Вот она и вправила тебе твою вывихнутую космическим мраком душу. Но на свой манер. Тебя и её заполнили прошлым, которого могло и не быть. Отец говорил, что существуют фантастические наработки для изменения внутреннего состояния людей, если они повреждаются настолько, что не могут нормально функционировать.

– Ты сама сочинительница сказок. Намудрила. Ты сама не пробовала писать романы?

– Нам кажется, что мы помним своё прошлое. Но что если оно было совсем другим? Это же не случайно, что разные люди, пережившие одно явление или некие события совместно, рассказывают впоследствии всё совершенно по-разному. Каждый своё. Значит, всё было как-то иначе, чем представляется каждому из них. Если субъект неизбежно искажает то, что было объективно. Забудь о Гелии. Её не было. Да ты её и не помнишь. Хагор её придумал. Да он и сам – искривлённый космической бездной отсвет чужедальнего луча. Забудь! – и она подула на него, ничуть не веря в свои

магические способности его исцеления, если поломка и имела место. Ей всё равно было страшно. Но страх до времени осел на самое дно.

– Существуют объективные информационные носители, записи нашего искусственного интеллекта. Не забывай об этом. Но я позволяю тебе думать так, как тебе проще и комфортнее.

Они легли совсем под утро, и он быстро уснул, убаюканный её бормотанием и собственной усталостью. Ксения же так и не уснула, прислушиваясь к тишине, всегда удивительной перед рассветом, будто весь земной мир сжимался от неверия, что и на этот раз светило взойдёт и обхватит свою планету в спасительные и светоносные объятия.

– Ну и детский сад, – пробормотал Рудольф не то ей, не то своему сну.

Скептическое утро

Утром он проснулся вполне себе бодрым. О Хагоре они не сказали друг другу ни слова.

– Как думаешь, Антон привезёт сегодня к нам нашу Альбину? – спросила Ксения. – И если нет, ты знаешь, где его искать? Хотя я верю ему. Ничего плохого не произойдёт.

– Раз увидела и уже верит она! Я не верю Антону. Он всегда ворует моих дочерей. Сначала Икринка, потом отнял

Елену, Лору вторую, теперь хочет утащить Альбину. И не верю я ему, что он не навещал Инэлию. Это за столько лет своей жизни в колонии Трола? И что там за внучка объявилась у Инэлии? Откуда? Я почувствовал, что он лжёт, не так прямо и открыто, но утаивая часть информации. Он даже не сообщает, что мне ничего не стоит узнать всю информацию во всей её полноте. Просто прежде мне не было и дела до него, не было в том нужды. Я вообще забыл о его существовании. И если объявившийся космический скиталец уже оприходовал мою дочь, то я, если подтвердятся мои подозрения на его счёт, просто закрою его где-нибудь в пределах отсталой какой-нибудь планеты. Там ведь тоже управленцы нужны, над псоглавцами какими-нибудь.

– Разошёлся! Чего там-то ничего ему не высказал? И чего помнить о той Паралее, когда у тебя уже здесь, на Земле, дочь утащили из-под носа.

Он молчал. Возразить было нечего.

– А что произошло-то на той Паралели, то есть на Паралее, за что ты его так и не простил?

– На Паралее он утащил мою дочь в свою личную келью неутешного вдовца, в чём ему чета ангелов и подсобила, насколько я понял, пристрочил её к себе, девственницу, в первый же день, а на вид? Херувим позолоченный. И ведь таким остался, ты таяла от него, я заметил. Мужчина никогда не обманет мужчину, тем более такого тёртого хрена как я. А ты – «пусть остаётся с ним»! Тебе не жаль её, она же не твоя

дочь.

– Радик, – Ксения льнула к нему, целуя нахмуренный лоб, глядя грудь кончиками пальцев, умелыми опытными касаниями, чтобы он ощутил прилив умиления, успокоения, забыл о Хагоре, об Антоне, да уж и Альбину пусть заодно. Выросла, чего теперь? К дивану домашнему не пришьёшь.

Да что он и сделает плохого Альбине Антон, мужчина тончайшей, редчайшей природной лепки, а такие не бывают сволочами. Слишком хорош, слишком zalюблен, сначала мамой, потом девушками, женщинами, заласкан судьбой. На нём не было и штриха ущербности. Такие парни не обижают, они оставляют после себя только воспоминание о необыкновенном празднике, посетившем незаслуженно, это если коротко. А надолго? Такие мужчины оставляют после себя только свет в душе, не гаснущий потом долго и долго. Если уходят. Но они не уходят, если остаются надолго. Альбина же давно мечтает о своей личной дольке счастья в этом скупом, – на полноту счастья – мире. Имеет ли реальное существование какая-то инопланетная жена здесь, на Земле, если осталась в своём инобытии? Нет, конечно. Если Антон и оставил некие тайны своей жизни на той Паралее, то что? Он же никогда туда не вернётся.

Рудольф поддавался её заговариванию, никогда не умея ей противостоять. Ксения всегда знала границы своих владений в нём, никогда не посягала на то, куда он не пускает никого. Она никогда не повторит ошибок Коломбины, той

самой, чья маска глядит со стены пустыми глазницами. Слепок её отринутой юности, её погребённых нескольких десятилетий. Она не просто так тут красовалась, она не давала ей забыться даже в любовном забытьи. И свои и чужие ошибки были её, Ксении, стойким фундаментом. Как ей хотелось верить, что вечным. Под оболочкой уверенной в себе, раскованной тридцатилетней женщины жила немолодая и невесёлая, осторожная и пугливая особа, что всегда и умаляла её радость, но это было и залогом умаления её горестей, если они нагрянут.

Как было у него? Как это бывает у мужчин? Они в отличие от женщин умеют разделять свои физиологические и духовные радости, не перетруждают свой дух избытком недостойных телесных переживаний. Часто без проблем любят и в старости так же ярко и радостно, как и в юности, если конечно, тело позволяет. А женщина с годами трезвеет, остывает. Остывание мешает всеохватно любить, но способствует умелому управлению и нужному воздействию. Тем более на Земле с её сказочными в сравнении с прошлым возможностями телесного продления молодости. А душа? Это уж как кто сумеет.

А она, Ксения, давно вошла в свои берега после весеннего разлива. Её вешнее русло заросло сизыми травами забвения, и только в редких сновидениях прилетал тот ветер из серебряных степей, гудела под его напором та сетка ограждения и не пускала её вдогонку жестокому, навсегда уходящему от

неё возлюбленному. И она бежала, бежала вдоль неодолимой сетки, не находя входа в своё прошлое.

Предчувствие утраты

Приняв душ, распираемая изнутри рефлекторной радостью удовлетворённого тела, с уже успокоенной душой, Ксения вышла на веранду и замерла, увидев кресло стоящим на своём месте. Вот и шишка валяется, та самая, сосновая, которую она щупала своей босой ступней. Но, как же брошенное за ограждение кресло? Или его безумие имело заразную природу? Ксения плюхнулась в кресло, четвертое. Остальные, количеством три штуки, так и стояли, как и прежде. Она уже не верила в то, что происходило ночью. Она так и не уснула и не помнила, чтобы Рудольф выходил на веранду. И проснулся он только что, когда она уже вышла из душевой, а он направился в столовую в другой конец дома. Или она всё же вздремнула для себя незаметно, а он принёс кресло с улицы и поставил на место? Рудольф вышел позвать её пить кофе, любезно им приготовленный в благодарность за её утреннюю любовь и утешение.

– Поставила на место? – спросил он о кресле.

– Разве не ты это сделал?

Нет, он не ставил его на место. Кто же тогда? Призрак старика пришёл и поставил аккуратненько? Она пошла вниз по

ступеням и дальше по дорожке, выложенной плиткой под так называемую флорентийскую мозаику, – угадывался вкус мадам «реставратора», к бассейну в окружении сосен. У края бассейна на бледно-зелёном обрамлении валялся пояс от халата Рудольфа. Значит, ночью он тут был. Не привиделось, всё было. Она в задумчивости села на то же место, погружая ноги в воду и глядя на своё отражение в зеленеющей воде, подкрашенной под цвет тропического моря. Голографические кораллы на плитах, устилающих дно, казались живыми и рельефными. Но то был обман зрения. И она увидела рядом со своим отражением на глади воды темноликое отражение седого человека. Он смотрел снизу печально и пронзительно одновременно, и Ксения, дёрнувшись, будто ей всадили в мозг удар током, обернулась, не увидев никого вокруг. Она встала и побежала в дом.

«Это я безумная»! – колотилось её сердце, и было так, словно кто-то сейчас всадит ей нож в спину.

Вполне благостный Рудольф пил кофе из любимых кобальтовых с золотой сеточкой чашек её мамы.

– Нюшка, – сказал он, обнимая её за талию, – ты где носишься? Кофе остынет, – и, распахнув её халат, поцеловал в грудь, как всегда любил делать, будучи в мирном настроении.

– Зачем, зачем ты бросил меня тогда, в моей юности? – почти плача спросила она, – зачем ты улетел в ту Параллель, будь она трижды проклята! Как я могу простить тебя за трид-

цать лет, вычеркнутых из моей жизни! Вся моя жизнь, полноценная подлинная жизнь, а не эта – симулякр и подобие молодости. Во мне сипит старая исковерканная душа! Сохранная тлѣй тоски моя истаявшая душа! Я только и делаю, что разыгрываю перед тобой первозданное счастье ощущений. И не тогда, когда ты обзывал меня, а теперь я и есть папье-маше, Коломбина!

– Это что было? – спросил он спокойно, – что за клич, или плач Ярославны на заре?

– Какой Ярославны? Разве мне светит участь вдовы?

– Симулякр – философский термин, обозначает копию, не имеющую оригинала. Вот как Хагор, к примеру. То есть полнейшее отсутствие подлинности. Если, конечно, они, те химеры, не завладевали каким-то образом другими жителями Паралеи, как-то внедрялись в них. В никчемных пустынных бродяг, или даже недавно умерших, как произошло с Инэлией, – она же была по облику дочерью одного из аристократов с островов. Ведь их тела имели генетическую структуру жителей планеты. Но ты-то подлинная. И оригинал твоей воссозданной юности есть ты сама. Не употребляй слов, которые не понимаешь. Слушай, мать, когда ты перестанешь жить с вывертом шеи назад? Нэи давно нет. А в твоей версии её и не было никогда. Как было – уже не исправишь. Пей кофе, и летим за детьми.

Выход за черту настоящего

Лететь в Альпы не пришлось, его вызвали на работу. Ксении же не хотелось лететь одной. Старушка Карин ничего не скажет Рудольфу, но наговорит кучу гадостей ей. Да и пусть понянчится, отработает свой материнский оброк на Земле. Он же обещал быть к вечеру. Карин боялась Рудольфа, роли поменялись, теперь он рычал, а она забивалась в щель своего молчания.

Непонятное состояние не покидало Ксению весь день. Какая-то монотонная, на грани обрыва струна дребезжала внутри, в бессмысленном усилии сложить ускользающую мелодию. И образы, разговоры, да и сама встреча вчерашнего дня рассыпались бессвязно при попытке упорядочить их, обдумать, что же там произошло? К чему он возник на дороге, человек с изображением единорога на груди, к добру или к худу? Как восклицали в старину при появлении потустороннего духа. И само наполнение счастьем от ночной любви, настолько и редкой для неё, не забалованной этой самой любовью, покинуло её начисто. А струна неожиданно смолкла, как только небо стало угасать, когда свет ещё был, а яркой дневной синевы уже не было.

Через истончающийся, но только по видимости, атмосферный купол уже проступал тёмный лик Космоса с его, пока ещё прикрытыми, бесчисленными звёздными очами. То-

гда опять она увидела силуэт чёрного старика, вышедшего из-за одомашненных сосен, поскольку росли сосны у самых ступеней её родного дома с тех самых пор, как она себя помнила. Увидела не прямо, а краем глаза, сбоку от себя, и пронзённая судорогой страха выскочила на уличную территорию, пролетев веранду настолько стремительно, как будто и пола не коснулась. Но только не было там никого. Старая черёмуха после вчерашней грозы не выдержала натиска ветра и тяжести ливневых плетей по своим грузным ветвям и сломалась. Развалилась надвое, отстояв по инерции многолетнего стояния ещё целые сутки после экзекуции со стороны безжалостной стихии.

Почему вдруг померещился какой-то старик, было понятно. Но стоял ли он там, за раскидистым деревом-кустом? И Ксения робко приблизилась к зарослям. Потемневшие соцветия уже отцветающей старой черемухи мешались с её же юной сочной листвой. Ведь у весенних листьев даже самых старых деревьев нет внешне выраженной старости. А черемуха – старуха, ежегодная невеста, цвела и в этом году на редкость обильно, всегда отравляя своим сладким дурманом утреннее настроение Рудольфа, не любящего назойливый и густой дух её цветения. Он считал, что она пахнет падалью и требовал у Ксении ликвидировать её немедленно. Настырный запах её цветов, действительно напоминающий какой-то безвкусный допотопный одеколон с примесью истлевающей ветоши, доносился до второго этажа, где Рудольф пил свой

кофе по утрам. Не всю лесную черемуху, понятно, а именно эту, росшую у выложенной новой и сверкающей плиткой тропы, ведущей к бассейну. А Ксении было жаль привычного глаза дерева. Отцветала черемуха быстро, а всё лето красовалась у дорожки, даря тень. А в тени было так здорово сидеть в шезлонге, слушать возню птиц и читать, или просто расслабляться в кружевных мечтах о том, о сём.

Ксения сунулась во влажную и промытую вчерашним ливнем гущину сохранившейся половины дерева. Оно дало столько новых и успевших задеревенеть побегов, что это было и не дерево уже, а некий черемуховый мини лес. Не было там никого, как и облегчения от обретения собственного здравомыслия тоже не было. Небосвод пробивало нечто, пришедшее сверху, и доступное для восприятия только ей одной. Мелодия наконец-то сложилась, щемящая и неземная, а потому и невоспроизводимая земными нотами, как и сам образ кого-то одушевлённого силился втиснуться в неё, без насилия, без травмы, а очень и очень вкрадчиво, чуть-чуть лишь и раздвигая скобки привычного. Прикосновение, предназначенное вовсе не ей, но задевшее и её. Вернее, прихваченное за ускользящий край её интуицией любящей жены. Чья была мелодия и чей образ? Чьё прикосновение задело её по касательной? Она поняла много позже. Это и был зов из «Созвездия Рай».

Зов из Созвездия Рая

Фантом горного озера

Почему Рудольф решил сделать эту петлю на аэролёте, и они оказались на закате у безлюдного горного озера, Ксения так и не узнала никогда. Он нашёл ровную и уже пустующую площадку для аэролёта и опустился там. После чего вышел, ничего не сказав Ксении. Удивлённая, она вышла следом. Похожая на пирамиду одинокая гора так же, как и века назад отражалась в розовеющих водах сумрачного и стоячего ледникового озера. Когда-то на её склонах гибли целые группы альпинистов. Непонятны были Ксении люди, пытающиеся хоть тогда, хоть теперь, карабкаться по отвесным камням и ледяным склонам вверх. Зачем? Даже издали красота горы казалась зловещей, и её розовеющая от заката голова поразила Ксению мыслью о том, сколько кровавых жертв было принесено ей безумцами-энтузиастами, и гора представилась Ксении древней матриархальной богиней, напитавшейся этой кровью. Рудольф рассказывал ей, сколько древнейших пещер-храмов и вообще непонятных сооружений-лабиринтов из невообразимых времён было найдено в этих горах. Ксения не видела его лица, но даже по его спине она уга-

дывала его целеустремленность. Куда он спешил? Уже находясь на безлюдном берегу, она увидела на глади озера застывшую, странную белую лодку. Приглядевшись, Ксения, охваченная и будто стреноженная невероятно уплотнившейся атмосферой, сдавившей её дыхание, мешающей не только двигаться, но и удивляться, анализировать то, что ей открылось или привиделось, как думалось ей потом, смогла рассмотреть женщину в лодке. Она находилась совсем рядом с берегом, как было и не рассмотреть! На подобной высоте, когда сама Ксения дрожала в теплом спортивном костюме, женщина в лодке была в лёгком, светлеющем на общем сумеречном фоне вечерних гор платье, и оно сползло с её плеча, как чрезмерно большое для неё, или так скроенное с чрезмерно глубоким вырезом. Одна грудь совершенно обнажилась, и стало очевидно, это юная девушка. Нервным движением она откинула назад свои чёрные длинные и прямые волосы. Глаза мерцали, как глаза ночного животного, у которого зрачки способны расширяться во всю радужку, что-то странное и нечеловеческое было в этих глазах, и в то же время столько женской и неподдельной тоски было в них!

Никогда Ксения не видела таких красивых людей вообще. Она могла рассмотреть её в подробностях, как будто и сама находилась рядом, едва не впритык к ней, но на самом деле достаточно отдалённо. И была уверена, что лодки не было, когда они подлетали к озеру, и взяться ей тут просто неоткуда. Она бы заметила лодку, потому что глядела на озеро,

фиксируя его именно как безлюдное и неприветливое. Длинный изгиб берега просматривался далеко вперёд. Загустевший как желе воздух мешал не только двигаться, но и сообщать. Эта фантастическая нежить пустынных мест бесстыжим жестом, будто она героиня паршивого какого-нибудь фильма из прошлого, спускала платье всё ниже и, едва касаясь себя, плавно проводя по нему руками.

– Хороша я, хороша, – бормотала зачем-то Ксения, – да не по погоде одета. Ты чего же, зараза, не стынешь-то? Не синеешь в таком ледяном холоде?

Фея миража откинула голову, ещё раз встряхнув своими волосами, и засмеялась – случайно или на мысли Ксении? После чего прикрыла одну свою грудь одной ладошкой, а вторую грудь – розовеющий персик, так и оставила для любования.

– Да что у тебя там, сука обледенелая, быть-то может, чего у других не имеется? – это Ксения произнесла уже вслух, – а ну как я спущу с себя исподнее, то и не хуже, чем у тебя будет, а то и лучше.

Заходясь в перебранке с отвлекшим её дивом, Ксения забыла о муже, а он ловко скинул за это время свой костюмчик, уже оставшись, как решила она вначале, в одном нижнем белье. Да что же это! Она затормозила свой бег у кромки воды, чтобы высказать всё, что думает озабоченной девице поближе, на ушко, и ринулась к Рудольфу, отошедшему от неё, пока она увлеклась морализаторством по отношению к

непонятно кому. Вероятно, существо было со скорбной головой, беженкой с одного из островов «Суссанна», там таких чокнутых хватало. Но и это чушь, нельзя было сбежать с островов этой системы никому. Там умели вправлять головы быстро и качественно.

Костюм и ботинки Рудольф бережно сложил на камушках. Он уже по щиколотку зашёл в ледяную воду. Даже в такой момент, Ксения, удивилась. Он сиял плотно облегающим его костюмом для подводного плавания, как водяной, и когда успел облачиться? Под одежду ещё дома напялил? А она ничего не заметила? Ей даже померещилось, что он и маску для подводного плавания на лицо успел пристроить. Зачем? Где взял-то? Фокусник! Облегающий костюм, бронзовый по цвету, потому и показался кожей в сумраке, что Рудольф не успел расстаться со своим южным загаром, – его совершенное сложение завораживало её даже во всей этой дикой ситуации. Она всегда считала, что лучше него нет, не бывает.

...Не просто так Рита глядя на него порой отрешённым взглядом, не уставала на него любоваться. Будто сама выточила его резцом и оглядывала, осматривала, – всё ли вышло, как и задумано? И восторгалась личным творчеством. Как-то Ксения была раз у Риты в гостях, давно уже, при жизни мамы. Ну, как в гостях, – дальше гостевой комнаты, где и пили кофе, не удалось проникнуть. Хозяйка не приглашала, а самой пойти и всё оглядеть, – не такое было у Ксении воспи-

тание. Так вот, Рита ей и рассказала, что пьёт кофе три раза в день, и для этого у неё существуют три чашечки, разные. Одна называется «утренняя». Другая «лакомая», поскольку она пьёт кофе с каким-нибудь лакомством. Третья «для радости души», – самая красивая, алая, с золотым выпуклым тиснением, ручной работы. Рита добавила, что точно также она относится и к мужчинам, кого приблизила к себе. Один обыденный, привычный, другой для того, чтобы им полакомиться. А третий для чистой и сугубо духовной радости. Без стеснения так говорила, просто, но понятно, когда они сидели наедине. Это даёт ей полноту жизненных чувствований. Она словно бы любит совершенное существо, ибо в единственном мужчине совершенства быть не может. За кого она держала Рудольфа, того она не пояснила. Хотя отец на тот момент стал как бы её привычной уже обыденностью...

В сгущающемся вечернем сумраке под тонким костюмом перекачивались мускулы спины, он делал упражнения для разогрева тела, – соображал, куда собрался нырять. А дьявольская лодка, едва Ксения упустила её из поля зрения, еле-еле просматривалась где-то уже далеко! А девка-то без вёсел! Или время ускорилося, или все движения замедлились, но Ксения, всё же, удивилась быстрой смене освещения как в тропиках. Вот только что было светло, а уж и потемнело. Озеро обдавало мрачно-серым ледяным дыханием, и только конус горы алел, ледник отражал закатное солнце, уже незримое отсюда.

Рудольф медленно брёл по плотной воде, она тяжко плескалась от его движения вперёд, а лодка уже отплыла, или правильнее отодвинулась – её передвижение не замечалось, но имело место быть. А девка уже плескала ножками в воде, свесив их за борт лодки, нисколько не нарушая её равновесного положения. Она играла и смеялась от счастья, что сманила за собой идиота и руки тянула к нему, как примитивная ожившая картинка примитивного и наивного фильма из далёких времен. Какая-то нелепая постановка на тему «Майской ночи или утопленницы», или чокнутая Офелия, или Лоролея из немецкой легенды. Вечерний абсурд казался ей сновидением.

– Да очнись же ты! Это наваждение! Наваждение! – кричала она и себе, и ему.

Она видела, как он поплыл бросками вперёд к дурацкой лодке, и звук воды, брызги были реальнее некуда. Тогда-то Ксения принялась судорожно сбрасывать с себя одежду тоже, оставшись в одних трусиках, вошла в воду, не почувствовав ни холода, ни тепла, ничего. Ощущения пропали, поглощённые абсурдом происходящего. Ледниковое озеро не могло не быть холодным, оно не могло быть теплее высокогорного воздуха. Но многолетняя закалка, её купания в холодных осенних и весенних озёрах Подмосковья сослужила ей службу. Она ринулась за ним, уже не видя ни его, ни лодки, но слыша звук рассекаемой им воды, или это был звук ею рассекаемой водной и тугой плоти? Она задыхалась, сразу

взяв неверный ритм движения. Будучи трусихой, она трезво подумала о том, что не приняла стимуляторов, и холодная вода могла вызвать судорогу от сжатия сосудов, и страх умереть вот так, в расцвете жизни, в безумии, заставил её повернуть назад. Рудольф был немыслимо далеко. Запечатанный рот вдруг открылся на берегу истошным воплем:

– Куда ты?! Скотина ненормальная! Радик! Вернись! Объяснись! Радик! Спасите! Хоть кто! – но кто? Кто тут был в свинцовой и безлюдной горной глуши?

Она дрожала так, что ей казалось, сейчас она рассыплется от этой вибрации, пока не заставила себя сосредоточиться на происходящем. Даже со зрением что-то происходило, оно плавилось и утратило чёткость, или же она залила глаза водой? Яростно вытирая глаза шёлковой подкладкой своей курточки, она увидела, что он всё ещё плывет где-то там вдалеке, держится над пучиной, закалка космодесантника позволяла ему выдержать и не такое, но лодка с чокнутой Офелией куда-то исчезла. Гладь озера выглядела пустынной абсолютно, не считая сумасшедшего пловца. Трясучка возобновилась с новой силой, или она и не прекращалась, но Ксения схватила свою одежду и стала растираться спортивной рубашкой, и этого отвлечения оказалось достаточно, чтобы упустить из вида момент его исчезновения.

На поверхности воды она никого уже не увидела. Не веря в то, что это не сон, она села на камень, утратив устойчивость в ногах и не понимая в своём беспредельном ужасе, что ей

делать. Приступ его безумия как-то передался и ей, раз она позволила ему войти в озеро, позволила раздеться, если она тоже оказалась выбита из яви, зачарованная призраком озера. Не было никакой лодки, никакой девушки. Но ведь Рудольф находился рядом, всё время рядом, как она потеряла с ним связь, как это произошло? Как не заметила, что он переделся? Когда и в какой момент? Почему она вместо того, чтобы повиснуть на нём, вцепиться в него зубами, отпустила нырнуть в дьявольскую ледяную пучину? Закричать тоже не получилось, связки оказались сорваны, и жалкое сипение вышло из её горла, да и кому тут орать? Несмотря на мышечный и мыслительный спазм, она уже тыкала пальцем в сегменты контактного браслета, о котором внезапно вспомнила, и первой отозвалась Альбина.

Из-за темнеющей и, казалось, надвигающейся вершины, кренившейся, как некая неустойчивая конструкция, или это кренилось и куда-то падало сознание Ксении, вдруг появился зелёный луч. Словно уходящее Солнце стрельнуло им на мгновение, став само окончательно незримым, и это мгновение застыло над озером. А узкий луч вдруг невозможно распушил себя на манер павлиньего хвоста и засверкал, ударившись о зеркало воды, даже не отразившим его фантастического явления, именно как невозможное, не могущее тут и быть на Земле, но появившееся и не желавшее подчиняться земным оптическим законам. Он был похож на прядь Северного сияния, вытащенную кем-то оттуда и отброшенную сю-

да гораздо южнее. Связь сразу оборвалась. Контактный браслет рассыпался как горячая бумага. Ксения села на острые камни, почти упала, потому что почувствовала спустя некоторое время боль в ушибленной ягодице. А луч канул. В никуда. Исчез.

И тут вдруг до Ксении дошло, что она-то могла с лёгкостью погибнуть, если бы ринулась за ним в одних нижних трусах, ногу свело бы едва ли ни моментально и прощай земной чудесный мир, прощайте милые дети...

– Скотина! Сам нырнул в костюмчике, и меня хотел за собой уволочь в заморозку... не жалко... плевать на всё... Садко умалишённый... к подводному царю в гости отправился...

"Ангел возмездия", явившийся Карин

Карин стояла особняком от всех. Серебристое в изумрудный отлив воздушное здание казалось сделанным из вещества подобного небесной лазури на северных широтах, прозрачного и светло-прохладного. Видимо, это было нужно, чтобы вселять успокоение в несчастных людей, попадающих сюда на прощальную церемонию. Такими же легко-воздушными были и роботы для обслуживания. Карин старалась не смотреть на страшный гробовой контейнер, где лежал в костюме космодесантника – «звёздного воина» её сын.

Она рассеянным скольльзящим взглядом отметила, какой длинный у него, оказывается, нос, а она этого никогда не замечала при его жизни. И какой высокий лоб. Волосы были отчего-то залызаны и не вились, и залысины – откуда это?

Что может быть страшнее в этом страшном мире, чем видеть женщине своё порождение в гробовом контейнере? Чего она не могла ему простить при его живом и всегда надоедливом толкании рядом с собой в его ранней юности? И в детстве тоже. Неужели того, что был он рождён не от того, кто остался для неё навеки в шатре «шамаханской царицы» на побережье, в их любовной палатке, колеблемой утренним морским ветром, их единственного свидетеля взаимной и первой для неё любви. А тот, отец Паникин, он бился головой о контейнер-гроб и задыхался от рыданий, каких она и не слышала никогда и ни у кого. Если бы она тоже подошла и прикоснулась головой к ледяному лбу, она знала, что её голова уже не поднялась бы никогда. И её жизнь прекратилась бы, если бы она ощутила губами ледяное прикосновение этой страшной кары всего человечества, ниспосланного Творцом за неведомые ветхозаветных времён грехи прародителей. И чтобы не упасть, чтобы не уронить своего гордого тела, она стояла вдали, понимая невольное осуждение других людей, подходящих для церемонии прощания прежде, чем ужасная плазменная вспышка в подземном уровне превратит тело в горсть пепла. Роботы упакуют его в маленький уже контейнер-урну, отдав вдове. Не ей, не матери.

Вдова, полумёртвая, как маска Коломбины в плаче, тоже застылом и одеревеневшем, стояла рядом с неизвестным Карин мужчиной, очень красивым, судя по выправке и отменному росту, космическим офицером. С другой его стороны, поддерживаемая им, стояла Альбина, казавшаяся тоже застывшей, бледной. Напуганные дети, ничего почти не понимающие, стыли за ними безмолвной гурьбой.

«Зачем эта ненормальная их сюда привела? Кто и позволил подвергать детей стрессу»?

Риту Карин даже не удостоила взглядом. Рита как тёмно-фиолетовое изваяние, прямая, худая тоже коченела в стороне. Чёрные волосы, зализанные и словно стеклянные, были повязаны чёрной кисейной косынкой. Карин усмехнулась над её старинным внешним трауром. Ладно Ксения, любившая Рудольфа как никто из земных дурр, а эта-то что из себя изображает? Одним мужиком меньше, другой найдётся, ей-то что? Вон и Робин Бёрд рядышком стоит, ниже неё ростом, этой оглобли, мнящей себя суперженщиной.

Это изгнание, предписанное ему свыше, из прекрасного мира Земли было уже не тем прошлым, оно было вечным, навсегда, и этот его последний звездолёт уже был без права возврата. Творец, если Он есть, принимает души своих детей, никогда уже не изгоняя их обратно на Землю, куда отправляет на время. С какой целью? В чём она заключается? Эта цель? Кто же ответит. И у Карин заныло в груди, будто её проломило идущее откуда-то из неё прошлое.

Вот она держит у своей белой в голубых прожилках груди орущего младенца с завитками редких колечек на довольно крупной уже головке, и он замолкает, обхватив дёснами, губами, сжав их трубочкой, её, ставший твёрдым и выпуклым, животный какой-то сосок. Пронзительное ощущение возникло как въявь, в сосок её старой уже плоти вонзили тонкий стержень, и она качнулась, но выровнялась, зная, что ей не к кому прислониться своим безмерно страдающим телом, своим одиночеством. Приговор вечности не подлежит кассации.

«Как хорошо, что я старая», – хотя это не подумал бы никто из тех, кто не знал её лично. – «И мне недолго ждать этого же контейнера и луча, уносящего в неведомую вечность человеческую душу, если она того стоила, туда, где оно было, это Созвездие Рай». А в ад Карин не верила никогда. Адом была зримая вещественная Вселенная. Для неё. Сейчас.

Разбирая вещи Рудольфа у них в доме, Ксения вытряхнула какой-то мужской перстень из кармана одного из рабочих комбинезонов Рудольфа. Большой и тяжёлый, он стукнулся с невероятным и странным грохотом увесистого булыжника, настолько плотным был камень на кольце. Карин вздрогнула от несоответствия звука величине поделки, и не сразу подняла его. Сноп зеленовато-синих искр брызнул от пола, и какое-то время они оседали вниз, эти искры, прямо на её глазах группируясь в сгусток и вливаясь в камень на перстне, а сам камень пульсировал некоторое время, распадаясь на ра-

дужные фрагменты и вновь соединяясь в сплошную черноту. Карин протянула дрожащую руку к этому чуду-юду. Скорее всего, это было некое техническое устройство, замаскированное под безделушку, так она решила вначале. Само изделие было из чёрного металлического сплава с глубинными вкраплениями золота, с чёрным же камнем, подобного которому она не видела нигде, никогда, а она была специалист по камням. Камень был похож на необработанный уникальный чёрный алмаз, и едва она взяла его в руки, он опять стал переливаться радужными бликами в своей чёрной, но прозрачной глубине. И странные капли выступили на его многогранной поверхности, словно он запотел в её ладонях. Но протирая эти капли, она поняла, что это иллюзия, никаких капель нет.

– Что это? – спросила она у Ксении, и та пожала плечами, даже не взглянув, как следует. Карин надела его себе на указательный палец, и огромный перстень на сей раз потряс уже неожиданной невесомостью, как пластик какой, хотя и подозрительно вклеился, почти внедрился в её кожу на пальце. Сам камень охватил своей величиной и средний палец тоже. Рука продолжала дрожать от сумбура необычных впечатлений, и Карин ощутила вдруг резкое утяжеление перстня одновременное с ледяным сжатием извне. Оно охватило её столь же плотно, как и потрясающий артефакт её руку. Её утягивало в некий колодец, зев, воронку, за пределы земного привычного восприятия, с чем ещё было это сравнить?

Продлись это ощущение чуть дольше, и она бы рухнула на пол с грохотом, как само кольцо только что, окончательно утратив и все самоощущения. Но всё внезапно закончилось, и она решила, что это приступ дурноты, перегруз от стресса, сосудистый спазм. Ледяной охват извне исчез, и только его незримая оставшаяся малая часть продолжала сжимать указательный палец ещё некоторое время, но и это онемение вскоре пропало.

Чтобы перстень не свалился, Карин надела сверху еще одно узкое кольцо с восемью камнями по его окружности, сняв его со среднего своего пальца. Кольцо Паникина, обручальное, он от обиды бросил его в её доме, когда ушёл прочь. Кристаллическая радуга слагалась из сапфира, александрита, рубина, изумруда, розоватого берилла-воробьевита, топаза золотого, аметиста и аквамарина. У Карин были крупные для женщины руки, а пальцы тоже не были тонкими, и с возрастом она только поздоровела, нарастила себе телесность, как старая липа, оставаясь цветущей на вид.

– Чёрный, – решила она вслух, – как раз траурный, и память будет. Ксения же скользнула бессмысленным взглядом, пребывая где угодно, но не рядом с Карин.

Сейчас на её пальце и был найденный перстень, и его внешняя тяжесть сливалась с её собственной тяжестью, идущей изнутри неё самой, и казалась уже мало значительной. Платье её тоже было чёрное, гладкое, глухое до подбородка и кистей рук. Только на груди были редкие блески. Не хо-

телось ей быть безотрадной чёрной колонной для людских глаз. Даже в такую минуту, когда той же Ксении было не до чего внешнего. Саму Ксению обряжала Альбина, сама еле державшаяся на ногах. Мысли о них несколько отвлекли Карин от происходящей церемонии, где коллеги и сослуживцы произносили свои краткие и скорбные речи.

И тут Карин увидела странный взгляд неизвестного красавца рядом с Альбиной, устремленный как бы и на неё, но слегка всё же вбок. В этих глазах было удивление на грани потрясения. И Карин, вздрогнув, обернулась. В самом дальнем углу стоял неизвестный старик в нелепом чёрном одеянии, в каких ходят актёры на сцене в старинных театрах, или персонажи на древних картинах, приблизительно к этому, хотя она, даже будучи специалистом по древностям, затруднилась бы с определением эпохи. Все же нечто из стиля «фэнтэзи». Он был до того стар, что возникла мысль, не грим ли это? Но то, как он еле стоял на тонких ногах, как был сгорблен, беловолос, не подтверждало мысль о неуместном маскараде на чужих похоронах. Может, прибыл из какой-нибудь захудалой далёкой колонии, не успел переодеться, мало ли. Глаза старика сияли из-под нависших и уже чёрных бровей. Лихорадочно, что ли? Или безумно? Он, едва перехватил её взгляд, сразу ушёл из зала. И Карин зачем-то, как в трансе последовала за ним в соседнее помещение, бывшее чем-то вроде обширной прихожей перед основным залом прощания. Там на диване сидели двое неизвестных мо-

лодых космических десантника, судя по их внешнему виду и выправке, и переговаривались.

– Если бы сразу, то запустить резерв организма ничего бы и не стоило. А то, пока прибыла служба спасения, пока роботы нашли его на глубине и вытащили, время было необратимо упущено. Мозг погиб...

– Там возникло странное несоответствие со временем, указанным вдовой. Она говорит, что вызвала спасателей сразу, а экспертиза установила, что тело пролежало в воде много часов. Где она-то была в это время? В отключке, что ли, валялась на берегу? Уверяет, что нет. Но где была столько часов? Не помнит. На расстройство психики не похоже. Полностью адекватная женщина. Рассказала, что прибыли вместе, были всё время рядом. Тогда как могло такое произойти? Там служба спасения буквально рядом, в горах. Там старинное поселение, есть отель для туристов. Они отозвались тут же, прибыли молниеносно, а как вытащили, то оказалось, человек утонул почти сутки назад! Ты-то где была? Тут, говорит, сознание не теряла. Контактного браслета у неё не было, а дочь, вызвавшая спасателей, уверяет, что ей самой вначале позвонила обезумевшая от шока мать, и это подтвердилось, потому и вычислили все координаты, зафиксированные уже на контакте дочери, но у самой мамы браслета не оказалось, и не нашли его нигде. На руке же её остался ожог. Она не помнит и не понимает ничего, как и что...

Карин слушала обо всём впервые, ей никто ничего не

рассказал, а она гордо не спрашивала. С ней никто не хотел общаться, будто и не была она его матерью. Ни Рита, ни Ксения, ни Альбина, напоминая своим характером какую-то сектантку-затворницу, а не юную девушку, кем она была. Все слова через почти сжатые губы, односложно, чѐрство. Рита общения избегала, пряталась где-то все эти дни. Ксения же утратила разум, и её спросить о чём-либо было невозможно. Она провалялась в спальне лицом в постельное бельѐ, впав в полнейшее бесчувствие на целые сутки. Возле неё всё это время сидел человек с белоснежной гривой волос на голове, красивый и отрешѐнный. Он представился врачом из ГРОЗ, но само имя и фамилия ни о чём не говорили Карин, и она их тут же забыла. Отчего-то у Карин возникло впечатление, что она знала этого человека когда-то давно и даже близко. Может, было это в её детстве? Но в то же время лицо его не было ей знакомо. На церемонии прощания его не было.

Старик в чѐрном облачении стоял у выхода и ждал её. Это был другой старик, не тот, что сидел возле Ксении в её доме. Тот был буднично-обычный, нормальный человек, а этот... Что было с ним не так? То, что был он печален, это как раз было естественно применительно к ситуации, но он настолько призывно смотрел на Карин, он словно звал её в свои отеческие объятия, тогда как она его не знала. «Не слишком ли много развелось вокруг меня странных и неизвестных стариков?» – подумала она. – «Что это за нашествие неизвест-

ных родственников, которых я не знаю, и никогда не знала»? Глаза же ветхого старца были промыты синие, яркие и блестящие кристаллическим блеском. От слёз, решила Карин.

– Вы кто? – спросила она, ощущая почти физические уколы, доставляемые его глазами, он как будто тыкал невидимые иглы в её мозг.

– Ангел возмездия, – ответил старик. Он был ей по шею и, опустив свой пугающий взор, уткнулся в её грудь, высокую и ничуть не старую, изучая рисунок на платье, составленный из декоративных «космических», как их называли, кристаллов. И от этого его изучения каждый кристалл становился раскалённой иглой, вонзающейся в тело, в грудь, вызывая боль, как то воспоминание о кормлении ею своего единственного ребёнка в жизни, своего младенца-сына. Там в памяти сын менял свой облик молниеносно, став уже юношей. На его светлые кудри падал свет из витражного окна музея, когда он перебирал старинные минералы и казался ангелом, сошедшим с картины гениального художника в своём стальном костюме и белой рубашке, оттеняющей воротничком его бесподобную, успевшую загореть стройную шею, уже мужественную, но по-юношески нежную. Карин задохнулась, теряя твёрдость в ногах и осознавая, что пол плывёт и колеблется под нею...

– Демон ты, – сказала она чётко, но уже плохо поддающимися ей губами, – он безгрешен как дитя. Все грехи мои. Я отвечу перед Творцом. За всё. Ступай отсюда! – и упала тяж-

ко на серый искрящийся пол, но мягкий, предусмотрительно так устроенный, чтобы никто не смог сильно ушибиться. В таком месте люди теряли сознание часто. Те молодые ребята подбежали к ней, а старика уже не было.

«Ты веришь в существование «Созвездия Рай»?»

Карин очнулась в медотсеке. Рядом сидела милая женщина-врач, круглолицая и добродушная, от неё веяло спокойствием. В самом помещении было прохладно, тихо.

– Вы тут работаете? – спросила Карин. – В крематории?

– Нет. Я же рядом с вами там стояла, не заметили? Я и в доме рядом с Ксенией была, когда вы приезжали. Не заметили меня? Мы вместе с нею работали на Земле-2. Я врачом, она в растительном, пищевом секторе. Не удивительно, что вы никого не замечаете. Такое горе! – и она заплакала, закрыв скуластое лицо ладонями. Но быстро взяла себя в руки. – Врач-старичок, который тут работает, преподавал у нас в Академии, вот узнал, оставил меня с вами. А теперь здесь.

– Отчего же мёртвых лечит? – усмехнулась Карина даже в такой момент.

– У него тут кабинет скорой помощи. Сами видите, что за место. Никогда не узнаешь, какая помощь понадобится живым....

– Да? – пустым голосом отозвалась Карин, лёжа на белом прохладном диване, – Ещё один старичок? Он какой? Почему он как шут из старинной игровой постановки? – она вдруг подумала, не тот ли это старик, из-за которого она и упала в обморок.

– Шут? Почему он шут? Нет. Благообразный старик, очень, очень древний, но проживший невероятную жизнь. Вы не знаете меня, а я мать ваших правнуков.

– Как это?

– Так. На Земле-2 Артур – ваш внук был моим мужем.

– Был? А теперь что с ним?

– Всё хорошо с ним. Это же всегда так на отдалённых объектах происходит. Семьи часто лишь на время службы. Это и не предосудительно.

– Конечно, не в средневековье, кажется, чтобы осуждать повсеместный блуд.

– Там не та Земля, какая окружает нас здесь. Там всё немного по-другому. У нас родилось двое сыновей. Вы счастливая, у вас внуки, правнуки. У дочери Рудольфа Елены тоже родился сын. Видите их сколько, его потомков. И ваших.

– И что? Разве это способно для меня заменить его? Утешить? Это же не мои дети. У них свои матери. А я никогда не смогу попросить у него прощения.

– За что?

– За всё. За то, что не умела дать ему почувствовать свою

любовь, а он считал, что я плохая мать. Он думал, что я считала его своей неудачей. Но всё дело было в том, что я не любила себя и не любила мир вокруг себя. Я всегда была одинока. Ты любишь детей? Люби их. Люби больше себя, и твоя любовь будет их спасением в течение всей их жизни. Она не даст им оступиться, пойти во тьму, если эта тьма потянет их к себе.

Женщина прикрыла узкие глаза веками, обрамлёнными колючими и прямыми ресницами. Сколько же ей лет? Карин была уверена, что она не молода. Уж точно не ровесница Артура.

– Где же Артур?

– Он не успел на церемонию. Он же далеко. Но прибудет. Хотя, чего уж.

– Он красив как был его отец? Хотя почему был? Он и остался.

– Да. Он неповторимо красив, необычайно. Как мало кто и бывает. Он в свою мать. Разве вы его не видели?

– Давно. – Карин было стыдно признаться, что она с младенчества не видела Артура и не интересовалась даже записями о нём.

– Похож на отца? Какой он?

– Он темноволос, а так... – женщина замялась, – Он скопировал свою мать. Во всяком случае, все говорят, когда они находятся рядом, что сын мало похож на отца. – И тут она спохватилась, что говорит о Рудольфе, как о живом и замол-

чала в смущении.

– Если бы он знал, как я ждала его тогда после Черногории, как томилась и плакала втайне. Он бы прилетел, и сын был бы его. Но не случилось. У Рудольфа был другой отец. Но если бы был тот, то и Рудольфа бы не было. Ведь был бы кто-то совсем другой?

– Вы о ком? – Женщина смотрела с сочувствием, явно считая, что она заговаривается.

– Так это.

Вика протянула ей холодный напиток.

– Если он любил меня всю жизнь, как уверял, как смог он так расплющить жизнь моего прекрасного сына. Как был прекрасен мой сын в юности. Кто был ему равен? Он был силён, умён, невероятен, но, правда, его заносило от избытка жизненной энергии. А этот требовал от меня сына, похожего на него, но как я могла простить его предательство? И вот он тоже где-то пропал. А Рудольф? Где мне взять его теперь? Моего мальчика. И другого я уже никогда не рожу. Время моё истекло для материнства, мне девяносто.

– Да что вы? Вам больше сорока и не дашь.

– Ну не льсти. Хотя да, я знаю, на сколько лет я выгляжу. Но что толку выглядеть? Если ничего уже не изменишь? Если я пуста, как туннель в никуда. Почему я не рожала много детей, как хотел Паникин? Какие дети могли бы у нас быть, если судить по Рудольфу. Я была здорова, как мать Деметра. Это мой бывший муж Паникин так меня дразнил. Мать Де-

метра. Вы знаете, кто это мать Деметра? Это аналогия вашей русской Матери сырой Земли. Паникин когда-то объяснял мне свои полоумные теории, что «Мать сыра земля» это не от того, что она сырая в смысле мокрая, а это след древнего звучания, хранящий в себе древний смысл. Тогда каждый слог был носителем смыслового понятия. Ра – это символ и светила и живоносной разумной силы в мироздании, с – союз, это понятно, и они сопряжены в любви и порождают жизнь. Как-то так. Но я не помню. Я никогда его не слушала. А вот Ксения, смотрите, какая она разумная оказалась, а была в юности суцая дурочка. Она родила ему шестерых детей.

– Ксения? – удивилась врач, – У Ксении только двое детей.

– Как? А другие чьи?

– Их матерью была Нэя. Она погибла на спутнике.

– Нэя? Это ещё кто?

– Ну как же. Она была его женой и на Земле. Тут родила ему дочь. Ту, Елену, о которой я вам говорила.

– Нэя? Аэлита?

– Почему Аэлита?

– Но... Она рожала ему детей? Эта космическая блудница?

– Как блудница? – у женщины расширились её узкие глаза, и в них возникло выражение изумления. – Нэя была верна ему всегда. Не считая того их разрыва, виной которому был сам Рудольф. Она была редкой доброты. Женщина Ангел.

– Ангел? Какой ещё Ангел? Ангел Возмездия...

– Почему возмездия? Возмездия за что? В чём был виноват Рудольф?

– Ни в чём он не был виноват. Только я. Одна я. Жестокая мать, не имеющая права на то, чтобы иметь детей. Мать, которая не дорожила им, пока не потеряла его на двадцать лет. Он вернулся, но уже не дорожил моей любовью, не нуждался в ней, его любили другие женщины. А я, вы представьте, в его прекрасной потрясающей юности я подтолкнула его к этой Рите! Да что там, не подтолкнула, а грубо и с насмешкой пихнула в спину. Она развратила его, а он был так чист, мечтателен, он жил в своих мирах, он ещё ничего не понимал в жизни. Он поверил, что она полюбила, и полюбил сам, а она? Разве вы знаете, кто такая Рита? И не узнаете ни от кого. А я скажу вам. Она из тайного клана омоложенных, она очень старая на самом деле. Такая же гулкая и пустая внутри, как металлическая труба, вся искусственная, давно утратившая память о своих прошлых жизнях. Где тут душа? И вот мой мальчик, – волосы струились ниже ушей, казались сотканными из солнечных лучей, на совершенном и уже мужественном лице играл нежный румянец юности. Он был похож на ангела Леонардо да Винчи. Вы знаете, кто это Леонардо да Винчи? Кто сейчас это знает. Он был древний гений. Тоже своеобразный человек-Ангел. Как я любила его, моего Рудольфа, но не умела выразить свою любовь, считала, что её слюнявое проявление помешает ему стать настоящим мужчиной, ведь он жил в разорванной семье. То с отцом-гуля-

кой, то со мной. Я думала, нельзя воспитывать мальчика одной лаской. Но едва он отворачивался, как я мысленно целовала его ангельские кудри. Но майн Гот, эти ангелы!

Карин настолько мало интересовала персону, сидящая в кресле напротив, что она даже не спросила её имени. Она уже забыла и об Артуре и его детях, совместных с этой некрасивой женщиной.

– Вот подумай, я любила отца Ксении всю жизнь, а Ксения всю жизнь любила моего сына. У меня не было детей от Артёма, а Рудольфу детей рожали другие женщины. Как она плакала тогда, когда шла от меня по ночной улице в свою жизненную пустоту, где жила без него. А он? Привёз эту блудную дочь – скиталицу Космоса из какой-то заброшенной и полузабытой земной колонии. Я слышала, что там царит полное падение нравов, в этих оторванных от Земли местах. Люди дичают и деградируют. А как известно, первейший признак деградации – половая распущенность. В этом космические девки наловчились – играть на древних инстинктах. Он и не устоял. Но всё же, Ксения сумела родить мне Ариадну. Я столько мечтала о моей Ариадне. Она очень похожа на меня. Когда она вырастет и родит сына, он будет похож на Рудольфа. Ариадна всегда со мной, когда возвращается из школьного городка. Моя драгоценная и любимая девочка. Я почти не отдаю её Ксении. Зачем ей столько детей? У меня же лишь одна Ариадна.

– Конечно, – успокаивающе погладила её руку женщина, –

никто не заберёт у вас Ариадну. Ведь Ксения хочет покинуть Землю, вернуться на спутник. Она не может простить Земле гибели мужа, говорит, что не будет жить под этими небесами.

– Не будет жить?

– Здесь, на Земле. На спутнике будет. Там открыта планета, во всем подобная Земле, но первозданная. Ей дали имя «Ксения».

– Как ты думаешь, где оно это Созвездие Рай? Если его нет, то зачем мы тут страдаем? В этом аду? Стареем, умираем. Ксения хотела, чтобы его ещё и отпевали в православном храме, но он был равнодушен к архаичной вере. Я католичка, если по происхождению, но я тоже равнодушна к вопросам вероисповедания. Я верю в высший смысл жизни, да, хотя и не понимаю его. Не нахожу. А вы? Вам близки религиозные поиски?

– Мне? Моя мать буддистка, если, как вы сказали, по происхождению. Папа русский, но верующие ли они, я не знаю. Они живут в Приморье. Папа – ихтиолог, а мама выращивает жемчуг и прочую морскую экзотическую фауну на Дальнем Востоке.

Карин ничуть не интересовали её родители, но она была ей благодарна за тихую успокоительную болтовню, внимание к себе. Каким-то образом случайное общение с ласковой женщиной уносило её как мягкий поток от боли, режущей душевную плоть, отдающую во все её физические орга-

ны, сжимающей их оттяжкой, и всё в ней беззвучно стонало. И вот как-то стало легче. Карин уже не вспоминала о жутком чёрном старике. Исчезнув, он утянул эту её непомерную боль с собой во вне, в пространственную щель, откуда и возник.

По потолку – искусственному небу раскинулись розовеющие перистые облака, слагающие своим бессмысленным узором вполне осмысленные картины неземного Рая. Вон берега сказочных морей, вон мерцающие и тающие в дали города и башни, где живут души ушедших из этой Галактики людей, где они отдыхают в селениях своего Творца от утомительной тяжести физического существования. Счастливыми розовеющими, вечно юными лицами они глядят вниз и посылают тем, кто остался, своё утешение и надежду на обязательную встречу. И прощение. За всё.

– Как думаешь, он меня простит?

– Кто? Бог?

– Почему Бог? Я ни в чём не виновата перед Богом. Я несу свою вину только перед ним, своим сыном. Мало дала ему любви.

– Но если вы виноваты перед другим человеком, то это значит, и перед Богом.

– Разве так?

– Да. Как же мы можем причинить непосредственно обиду Творцу мира, только если через его творение.

– То есть, я виновата и перед Богом?

– Вам виднее. Я не священнослужитель культа.

– Думаешь, надо просить у Бога прощения тоже? За недостаток любви? За скупость сердца? За себялюбие?

– Да. Надо. Бог прощает, если человек очень хочет стать другим, добрым.

– Прощает?

– Да.

– Но ведь он не дает нам другой жизни, чтобы всё исправить? Хотя вы, буддисты, верите в реинкарнацию, не думаю, что она есть.

– Я не буддист и не верю в реинкарнацию. Но я верю, что нашим земным воплощением жизнь не завершается.

– Веришь в Созвездие Рая?

– Хочу в это верить.

– Верь. И я верю.

– Вы полетите в Москву, в банкетный зал в ГРОЗ? Там будет поминальный обед.

– О нет! Эта ГРОЗ... Обойдусь без их обеда, без их трескучих речей. Не хочу никого из них видеть и слышать.

Не дожидаясь конца церемонии, она вышла на улицу. Нестерпимо ярким и кощунственным показалось ей утреннее солнце, щебет птиц старинного лесопарка, окружающего кристаллическое многоугольное здание, жизнерадостная круговерть жизни вокруг, пронизанная светом, ветром, сиянием неба и шелестом деревьев. Всё было как всегда на своих местах, давило на глаза буйной яркостью цветущего леса,

освещаемыми солнцем тропинками, маняще убегающими в чашу.

Когда-то, когда Паникин впервые привез её в свою древнюю Московию, она удивилась почти тропическому буйству летней здешней природы. А представляла её как-то иначе, скудной и унылой, хотя никогда и не интересовалась флорой средней русской полосы. И сейчас это впечатление было столь же ярким, как и тогда, но если в те времена оно было захватывающе новым и радостным, молодым, то сейчас горестным, невыносимым. Вечно возрождающаяся красота природы оскорбляла её, раздавленную горем и старую.

Чёрная тень мелькнула на одной из дорожек, углубляющейся в незнакомый ей лес, но она смахнула эту тень с глаз, промокнув слёзы платком. Может быть, это была тень большой птицы, промчавшейся низко под кронами, и из-за слёз, искажающих очертания мира вокруг, показавшейся несуразно огромной. Не было там никого. Ни единого пешехода. Пусто, не в смысле наполнения природной жизни, а в том смысле, что не было вокруг людей. Что им и делать в таком печальном месте? От того, столь пышно и обильно росло всё вокруг, что никто тут не ходил, не гулял без горькой на то нужды. И попав сюда раз, кто бы и пожелал тут повторно прогуляться?

Из здания вышел старичок. Весь светлый, одетый в кремовую рубашку, такие же брюки, и с белейшей пышной шелковой на голове. Вместе с ним вышла та женщина из ме-

дотсека, и Карин поняла, что привидевшийся старец в чёрном ни в чём не походил на этого благостного стража при чужом горе. Чтобы избежать повторного контакта с женщиной, оказавшейся родственницей, не нужной, безразличной, а теперь и неприятной после своих ей откровений, Карин поспешно направилась к аэролёту. Машина стояла на площадке, выложенной плитами нежнейшего цвета, цвета распускающихся бело-розовых яблоневых соцветий, словно это был Дворец бракосочетания, а не крематорий. Кроме аэролётов тут тоже никого не было. Какой-то умник придумал рисунок для покрытия, похожий на китайские иероглифы. К чему это и было тут, в русском Подмоскowie, но безвкусыя хватает повсюду. И прочитав эти псевдоиероглифы было не под силу и китайцу, никому на свете, как и расшифровать смысл отменяющей всякий смысл смерти.

Ксения не верит в абсурд происходящего

Когда выходили из здания крематория, Ксения обратилась к Вике, пока все топтались на площадке, выложенной такими странными плитами, словно это была территория при китайской пагоде.

– Ты заметила? Это же был не он! – она не проронила ни единой слезы, и даже нечто вроде странной, но знакомой Вике по жизни на спутнике, улыбки бродило на её губах. Но

это, как решила Вика, была невротическая улыбка.

– Не он, – всё так же улыбаясь, повторила она, – и я не безумная, не думай. У него не было такого худого лица. А нос? А залысины? Волосы не вились, гладкие. А тело? Я прижалась, оно хрустело под комбинезоном. Твёрдое и хрустит. Это же не он!

– Тело было заморожено, – тихо сказала ей Альбина, трогая Ксению за рукав чёрного платья.

Вдова была обтянута им столь плотно, всё же это было платье времён её давней юности, то, в котором она хоронила свою мать. С тех пор Ксения раздалась, но не понимала этого, и было ей всё равно. Она никогда не носила чёрной одежды и категорически, наотрез отказалась заказывать себе не похороны траурный наряд. В день же прощания она обрядилась в белое батистовое платье с вышитыми на нём орхидеями. Она возбужденно уверяла дочь в том, что Рудольф любил её в этом платье и будет рад, если она придёт в нём, потому что там будет представление с масками. Её тело просвечивало через полупрозрачную ткань, платье было для юных девушек, но Ксения не соображала этого. Альбине с трудом удалось найти в обширной кладовке, в одном из контейнеров для хлама некое чёрное платье, и с уговором, почти силком впихнуть в него Ксению. Она оказалась обтянутой как гимнастка перед выходом, но мало кому и было дела до странностей вдовы.

– Мало ли кого там нашли в этом озере? Да это и вообще

был неизвестный человек. Не он. Он хотел от меня сбежать на свой Трол, он по нему тосковал. Думал найти там свою первую жену, ту Гелию.

– Нет там никакой Гелии, – сказал ей Антон, – она погибла.

– Так на худой конец найдёт двойника Нэи. Или любую, он тосковал по тем сливочным и нежным женщинам. А на земле таких не находил. Он так и не смог полюбить меня. Не смог. В прошлое нет дверей. Так он мне говорил. Он со мной жил из жалости, из любви к детям, а не ко мне. Вот он и сбежал, как дети подросли.

– Ксения Артёмовна, он не мог бы вас так покинуть, что вы...

– Не мог так? Но ведь покинул всё равно. Лучше уж так. Он готовил это бегство. Он дал мне какой-то наркотик, я и сошла с ума, временно. Я сказала, это мой муж, и они сразу приволокли тело сюда. Раз уж вдова опознала. А чего я могла там понять? У меня глаза заволокло серым гелем каким-то.

– Ты не забывай о процедуре опознания другими людьми, о генетической экспертизе, наконец, – подала тихий голос скорбная бледная Рита. – Человек такого уровня, не бродяга какой...

– Вот именно! Уровня! Он заранее всё подстроил. И некто впихнул в базу данных эту твою генетическую экспертизу. Иди, займись расследованием. Теперь, когда вместо него осталась горстка пепла. Да и тот символический. Папа мне

рассказывал, что не остаётся ничего после этой кремации в плазме, где температура несколько тысяч градусов, или сколько? Это же не древнее сожжение в древних печах. Отдают же родственникам, у кого есть в этом потребность, как дань прошлым верованиям, синтетическую пыль – порошок. Я что ли слепая? Я что ли не чувствую, что это был неизвестно кто? Альбина, ты что же, не поняла, что это был чужой человек? А мать? Да где она? Чучело каменное. Она и не глядела в его сторону. Боялась оскорбить свои глазки видом тлена. И дети говорили, мама! Кто это? Волосы тёмные у этого были. У Рудольфа же светлая масть была, а в последнее время из-за седины он был как альбинос. Он же поседел ещё на Троле. В молодости. И он не хотел молодиться. Да вы что! Дура я, по-вашему? Вот был бы тут Артур или Ратмир, они бы сразу всё сказали. А ты! – она стремительно надвинулась на Риту, и та отшатнулась. – Ты же поняла всё! Чего разоделась как куколь! В какой такой траур, когда ты презираешь все человеческие обряды и традиции? На мамины похороны вырядилась, я помню, как на бал! Блестела и переливалась как голографическая картинка! Но мстила мне, я видела, как ты ликовала про себя, как у тебя глаза в глубине злорадно вспыхивали. И теперь, ты нарочно затеяла представление ради меня! Ты что, не видела, что это был посторонний человек? Одна я среди вас умников сумасшедшая?

– Люди часто меняются неузнаваемо, Ксюша. А волосы были смазаны гелем. – Всё также тихо, но пряча глаза, ото-

звалась Рита.

– Да ладно, меняются! Что я слепая настолько? Да он сам и подстроил всё! И экспертизу эту генетическую подсунули в ваш космический суперкомпьютер по его приказу солидарные с ним люди. Он всё это смоделировал заранее, он хотел сбежать и сбежал...

Увидев, что Вика направилась к врачу-старичку, отдалённо стоящему у входа в здание и, поняв её намерение, Ксения отошла ото всех в сторону.

– Не надо мне ваших успокоительных. Я вполне адекватна, и всё понимаю. Не полечу я в вашу ГРОЗ. Сейчас там слетятся все ваши б...ди, будут речи гундосить, вспоминать, как там с ним то, да сё. Все врать будут, а сами хмыкать про себя, вспоминая свои игрушки. Знаю я, как у вас там. Я тут погуляю.

Она пошла почти бегом по тропинке, ведущей в чащу. Альбина хотела бежать за ней следом, но Антон удержал её,

– Может, пусть? Ей станет легче одной. Тут кругом ведётся наблюдение. Она не сможет себе ничем навредить. Вы как считаете? – обратился он к Вике, не отпуская от себя Альбину. Рядом сгрудились несчастные дети. Антон обнял Рудика, стоящего к нему ближе всех прочих.

– Да пусть, – согласилась Вика, – не думаю, что ей что-либо грозит. У неё крепкая психика. А то, что она говорит, это самовнушение. Ей так легче. И пусть. Пройдёт. – Вика обхватила одной рукой Толика, а другой Алёшу. Андрей стоял

возле Риты. Он выглядел совсем взрослым, – высокий и уже вполне себе независимый по виду. Рита взирала на него с материнской и не скрываемой любовью. Он был сильно похож на отца. В его руках был небольшой контейнер-урна, и он не верил, что это всё, что осталось от его отца. Он беспомощно и вопросительно обернулся ко всем, как бы задавая всем вопрос, который он не облёк в слова, но его все поняли и без слов. За ним пряталась от матери ярко-красивая белокурая девочка, наряженная в бархатное тёмно-зелёное платье с чёрным воротником из кружевного шитья, расшитого кристалликами горного хрусталя. Ариадна. Карин постаралась разодеть девочку даже в такой скорбный день. Девочка со страхом наблюдала за матерью, та пугала её сильнее мертвеца, о котором ей сказали, что это отец. Она не поверила в это.

Что касается Ксении, то все делали вид, что это в порядке вещей, подобное поведение безутешной вдовы.

– Где Карин? – спросил Паникин, озираясь вокруг.

– Она улетела домой, – ответила Вика, – я дала ей успокоительное. С ней всё нормально. Очень выдержанная женщина, хотя она так страдала, – Вика умолкла смущённо, чувствуя себя дуррой, так как говорила всем очевидные вещи. Но о чём говорить, она не знала. Публика напрягала её, простую женщину, в основном тут стояли влиятельные лица из космических структур.

– Я поищу Ксению, – сказал Паникин, он был изгой из

числа толпившихся тут сотрудников ГРОЗ. Он держался заметно в стороне от них. – Я найду Ксюшу и отвезу её домой. Вы все не волнуйтесь. – Он уже взял себя в руки после срыва у всех на виду, и был только бледнее, чем обычно, а так по виду совсем спокоен. Все закивали, заговорили разом друг с другом, и каждый пошёл к своему аэролёту, чтобы лететь в Москву, в банкетный зал ГРОЗ, на обед, который их ждал

Понимание запредельно-подлого розыгрыша

Ксения без труда нашла ту полянку. Июньское разнотравье, лиловые, белые и жёлто-фиолетовые лесные цветы, луговые дикарки заполнили всю поляну целиком. И Ксения удивилась, сев на сочное это покрывало, тому, что никогда после того раза они не посещали эту, их заветную с Рудольфом полянку, оставшуюся в них навсегда, хранящую, возможно, в себе, в своей земляной памяти их юную близость. Как хорошо было на ней лежать, мягко и тепло, почему ни разу они не пришли сюда уже летом? Не вспомнили? Нет, и не забывали. Но отчего-то не пришли.

Ксения утопила голову в юной ещё траве, сочной и чистой, не жёсткой. И трава обступила её, сомкнулась над её лицом, над ушедшей сейчас из этого времени душой. Сколько времени она так лежала? Она не понимала. Может, минуту. Может час. Её облепили какие-то жучки, мушки – они

щекотали её кожу, и Ксения села, чтобы стряхнуть их с оголённых рук и шеи. Тут она увидела совсем рядом с собой, что у края непролазной чащи, окружающей поляну, на поваленном дереве кто-то сидит.

– Ну да, – сказала она человеку в чёрном бесформенном каком-то одеянии, сидящему на бревне под свисающими ветвями многоствольного дерева. Вроде, не было никого, как она пришла. Вероятно, он только что вынырнул из чащи, пришёл на своё любимое место отдыха. Обильное ветвями старое дерево настолько искусно замаскировало само бревно, что о нём мог знать только местный житель, или был он гуляющим пешеходом, уставшим и присевшим отдохнуть. И поскольку человек был невероятно стар, Ксения ничуть не испугалась.

И он не удивился нисколько, увидев её, приветливо махнув ей рукой. Его волосы были седые до полного истончения всякого цвета, – пух одуванчика, а не волосы. Лицо тёмное не то от загара, не то от глубокой древности, но доброе до такой степени, что старик казался родным и давно знакомым. Он не возражал против её откровений себе, а ей необходимо было выговориться.

Это же был розыгрыш! Утешала она себя. Он сказал накануне, в ГРОЗ пропал человек, – нервный срыв, он и скрылся где-то, чтобы не попасть в «САПФИР». Его не могли найти. Тот человек особенный в том смысле, что его часто путали с самим Рудольфом. Рудольф обижался: «Ксюня, я похож на

этого лобастого и длинноносого? Он же худой как жердь, а я же брикет, ты и сама мне говоришь...

На деревьях, окружающих поляну, сновали, ныряли в листву и вспархивали птицы. Любопытные прикормленные синички, лазоревки, горлинки сидели на ближайших к ней ветвях и явно её рассматривали, не зная, тревожиться им или ждать от неё семечек. Она же проговаривала всё неизвестному старику, обращаясь и к ним тоже, поскольку они садились на бревно и под самые ноги старца, игнорируя его протянутые ладони. Неясно было, есть там у него зёрна или семечки, но Ксении показалось, что ничего нет. Из обширнейших рукавов маскарадной, не иначе, рубахи он протягивал руки, иссохшие и тонкие как ветки, к птицам с блаженной улыбкой, как делают это маленькие дети, подражая взрослым.

«Выжил из ума, что ли»? – подумала Ксения, отвлекаясь на древнего чудака. Птицы сменяли одна другую, но по виду были все одинаковы, что-то тренькали, как бы в ответ, но в целом вполне себе пристойная аудитория для её размышления вслух, для проговаривания того, о чём она больше не скажет никому. Зачем? Иногда птицы пролетали, как бы и сквозь тело старика, и Ксения моргала, считая, что у неё что-то со зрением от непомерного потрясения. К тому же тот сидел в тени, наполовину скрытый ветвями, и ей вполне могло померещиться самое несусветное, ведь она не спала с того самого вечера ни единого часа.

Она напрягла память, как его звали? Он служил с ним на Троле. Их и там, едва они очутились на земной базе, поначалу путали. И вот случился у Арсена, – вот имя и выплыло! – некий выверт психики от потери жены, и он пропал. Ксения знала жену Арсена. Та самая Елена, что работала некогда в экспериментальных оранжереях возле озера. И она, и он провели длительный период жизни в личном одиночестве, и вот обрели друг друга. Счастливый, как она слышала, союз. Арсена искали, спохватились быстро, но не нашли. Рудольф ещё говорил, если бывший космодесантник захочет спрятаться, хрен ты его найдёшь! Даже на Земле. А уж в Космосе! Арсен был, правда, из бывших «ксанфиков» – космический корпус сбора и анализа флоры инопланетных колоний, как-то так. Но из них многие перебирались потом в структуру ГРОЗ. Их отличало нежнейшее обаяние и обоняние, как шутил Рудольф, специфика их работы такова, что туда шли добрейшие и чувствительнейшие люди. Но и они грубели, и они часто меняли свою исследовательскую хрустальную линзу в глазу на космический меч, так говорил Рудольф.

Старый человек под тенью густого дерева периодически продолжал кивать в ответ на её взгляды, давая ей понять своё глубокое внимание, как если бы она говорила, что выглядело странновато. Да и что она могла сказать? Что ему было за дело до неё? Но сидит, кивает, не мешает и ладно.

Она вернулась к оставленным мыслям, которые переби-

рала как бусины в коробке, будто собиралась создать из них некую композицию. Где же та мысль, что только что она и держала за её ускользящий бочок? Да вот она! Он же говорил накануне, когда гуляли у Байкала, упоминал этого Арсена – как она забыла-то? Тот жил и работал в горах безвылазно, пока его не повесили в ГРОЗ по службе. Потом он женился на красавице Елене, оказавшейся матерью Антона Соболева. Она умерла недавно при трагических обстоятельствах. Арсений едва не помешался от потрясения. Высокогорный климат его лечил, он там родился, но в отличие от Рудольфа не в Альпах, а на Памире. И тут в процессе рассказа Рудольф встал как изваяние и больше ни слова не сказал. Почему? И зачем они полетели вместо Альп в Гималаи? На восток. Памир же рядом. Ну, или почти рядом. Одна же горная система. Он много чего знал, и он уже догадался, что произошло с Арсеном. Он отвёл ей глаза, он же всегда знал эти штучки с гипнозом и сбежал. Всё просто совпало. Поэтому он и любил её напоследок, как давно уже не происходило! Прощался. Нет, ну сбежал, и ладно! Не смог уже дальше её рядом выносить, она же чувствовала. Не из папье-маше же она. И рутина рабочая осточертела, как и её отцу когда-то. Тот тоже сбежал, но вернётся, думала она отчего-то.

А то, что Ворона не узнала его, приняла двойника за Рудольфа, это ещё не показатель, что она ничего не прознала. Она не сердцем, понятно, сердце её каменное, а чёрствым умом своим всё проанализировала, но отчего-то не вы-

дала своего понимания. В глазах её стояло ледяное недоумение, подозрительность, с какой она всматривалась в мертвеца, как щурилась, словно боялась открыть глаза пошире. А сердце Ксении – вещун, как у Вики. И Вика тоже как-то удивлённо вглядывалась в него при прощании, как-то настороженно следила за всеми. Нет! Это не мания. А его отец Паникин? Да он уже был готов, как вошёл, принял на грудь от стресса и не смотрел толком, невозможность принять смерть сына, как и водится. Хлобысь лбом и давай рыдать! И экспертизы никакой особой не было. Зачем она? К чему? Она же и сама билась в припадке. И дети, дети: «Мама! Это же не папа, не он это! Кто»?

Она устала, изнемогла буквально и легла в траву, уставилась в бесконечное, невыразимо синее небо.

Паникин не верит Ксении, считая её полоумной

Неожиданно возник над нею Паникин, нагнул, радуясь своему быстрому обнаружению её, заулыбался. Так-то он был скорбен. Поникший, посеревший, и румянец его характерный слинял.

– Вы похожи на сына, – просто и без всякого надрыва обратилась она к Паникину и села в траву. Постучала рукою рядом, приглашая сесть и его. Паникин подчинился, грузно опустился рядом. Он был весьма здоров телом, и будь он

её близким домочадцем, она посоветовала бы ему похудеть несколько. Как всё же подходят они с Карин друг другу. Два величественных монумента. Надменная и простодушный, но и он, и она богато одарены природой, потомки племени великанов – гиперборейцев, если принять на веру их какое-то запредельно древнее существование в Северном полушарии, когда там был благодатный и райски обустроенный материк, впоследствии канувший в пучину, и в смысле физическом и в смысле мифологическом.

Мысли её вновь принялись скакать, как синички по ветвям, перелетали то туда, то сюда, упархивали куда-то в неоглядные кроны и боялись только одного, возврата к сегодняшней церемонии прощания.

– Да, – продолжала она, – где же старик? – но никакого старика уже не было под деревом.

– Старик? – переспросил Паникин, – какой старик?

– Да так. Гуляющий дед. Ушёл, видимо. До чего и древний. Я впервые такого вижу. На мумию живую похож. Но лицо доброе и будто он меня знает. Всё кивал, кивал и молчал. Я вроде его и видела когда. Но где? Да неважно. Он жив, а те, кто моложе, они уходят раньше. Где же справедливость? Да нет её! Послушайте, послушайте, что я поняла. Нет Бога! Нет и всё! И всю историю человеческую бедные люди тешили себя этим самообманом, как и продуманный обман власть имущих тоже был, стараясь утишить боль несправедливого существования. Ведь всегда находились те, кто выжирали их

жизненный ресурс, утяжеляя и без того нелёгкую жизнь. Он выдумка нашего сознания, наш спасательный круг в непроглядной бездне, которую Рудольф называл «Абgrund». То есть не Рудольф придумал эту самую «Абgrund», а старый немецкий философ Хайдеггер. Ведь иначе мы бы утонули в безумии, без высшей идеи. Без Бога, без справедливости...

Она замолчала, додумывая уже про себя то, о чём и говорила. Как утонул Рахманов Арсений, утратив веру в то, чем он занимался всю свою жизнь. Или он пошёл в свою водную бездну, устав бояться? Пошёл навстречу ужасу смерти ради преодоления ужаса жизни?

– Вы видели того старика? – спросила она. Паникин молчал, уйдя уже в свои мысли.

– Вы же должны были с ним столкнуться. Он был такой развалиной, что я и не видела таких старых никогда. Будто он пришёл из Эпохи Войн, со свалок мусорной цивилизации прошлого...

И опять додумала уже про себя. Вот когда, наверняка, ужас жизни равен ужасу смерти, и они, два ужаса, уравновешивают друг друга, от чего старики и оказываются в нейтральной зоне блаженного идиотизма. И неизвестно, что хуже, они просто отключают свою мысль, своё страдание, и вот вам мудрость святости – растительная тишина дуба в лесу, молчание замшелого неподвижного камня, нирвана буддиста – смирение с этой самой неодолимой ни для кого «Абgrund», в которой все – и деревья и камни, и люди становят-

ся единым ничто.

– К чему какой-то старик? Ты что-то другое мне хотела сказать. Про Рудольфа.

Она спохватилась, – Да! Один парень из ГРОЗ мне и сказал, что на берегу был найден ещё один костюм, спортивный, мужской, а человека не нашли. Сделали анализ костюма. Чей? Арсения Рахманова! Где же сам Арсен? Нет его нигде. Что же он голый убежал в подземную Шамбалу? Так нет её в недрах земных, и не было. Теперь Шамбалу в Галактике ищут. Она называется теперь Созвездие Рай. Почему же никто ничего не понял? Потому. Арсений очень похож внешне на Рудольфа. Ухудшенная копия, так сказать. Вы что же не заметили, как худ был тот человек? Или вы давно не видели Рудольфа? Он же был, как вы теперь. Он весьма раздался в последнее время, бюрократическая работа его достала! Он хотел менять свою жизнь, но понимаете, он не хотел включать в личную перемену меня! Вот в чём дело. Заключение? Это не был Рудольф! Почему никто не понял?

Она желала вызвать у Паникина ответное недоумение всеобщим заблуждением. Паникин молчал, не зная, что можно, а что нельзя сейчас ей говорить. И стоит ли ей перечить?

– Мёртвые все похожи, – ответил он.

– Ну да! – обрадовалась Ксения, – я тоже маму не узнала, когда с нею прощалась. Но тогда я знала, что это она. А сейчас я знаю, что это не он! Он же был здоровяк! А этот? Худощавый. А накануне я вдруг впервые за все последние годы

после спутника подумала о том, как же он раздался! Там на спутнике я тоже так подумала, но потом привыкла к нему, а тут вдруг так ясно вспомнила его молодого, стройного. Ему бы не помешало быть несколько стройнее и теперь, но природа такая у него, костяк раздался с возрастом. А так, лишнего веса не было, конечно. Он как гранит, твёрдый весь, одни мышцы. Он поднимал меня как пёрышко. Он меня так и звал «моё пёрышко».

Паникин гладил её рыжие кудри огромной пятернёй, – Если так любил тебя, почему хотел сбежать?

– Не любил он меня! Он любил воспоминание обо мне, а ту, кем я стала, принял от тоски. Сначала на спутнике, потом здесь, оставшись вдовцом с детьми. Я же всё разрушила сама в юности. Тогда любил. Но не простил. Человек такой. Не умеет прощать. Да и как простишь? Он считал меня б...ю...

– Простодушная ты очень, – Паникин ласково, жалея, изучал её нежное лицо, не имеющее возраста. – Сколько же тебе, если говоришь о совместной с ним юности?

– Мне? Под шестьдесят.

– Не может быть! – удивился он. – Тебе же и тридцати не дашь.

– Считайте сами. Он улетел на Трол, мне было двадцать. Через двадцать он вернулся. Мне сорок. Но я ещё была вполне. Да он обо мне забыл начисто. Потом прошло десять лет его жизни на спутнике. А потом столько же почти мы жили с ним уже на Земле после возвращения. Мне же делали пол-

ное генеральное омоложение. Знаете, что это? Знаете, конечно. А я в свои пятьдесят была по сравнению со сверстницами стареющая уже женщина. Маму же отговаривали от деторождения. Говорили, ребёнок родится ослабленным, рано начнёт стареть, и всплачет! Ну, как рано? Точно также, как это и происходило в Эпоху Глобальных войн примерно. То есть по старинке. Нельзя было на повреждённый организм моей мамы оказывать то воздействие на развитие плода, что и дают потомству длительную и полноценную жизнь в пределах ста пятидесяти лет. Так и вышло. Мои сверстницы бегали в невестах, как и прежде, а я была близка к полному закату своей красоты. А теперь я красивая?

– Да, – согласился он, а сам подумал, о чём она вообще-то? Разве о таком нормальная женщина может говорить после церемонии прощания с мужем? От которого в настоящий момент осталась лишь горсть пепла...

– Пусть вас не удивляет, что я выгляжу, будто я его дочь. Вот поставь меня рядом с Альбиной, и мы с нею как сёстры. Она младшая, я старшая. Вы видели там Риту? Известную на всю ГРОЗ вечную деву Риту, тайна которой всеми обтекается точно так же, как вода обтекает валун, лежащий на её пути. Она жена отца моего, но не мать моя, понятно, матери-то уже нет давно. Вот она и пожалела меня однажды. Как бы. О, это «как бы»! Об этом я умолчу, чтобы вы не утратили не то чтобы равновесие своей психики, ибо это вам не угрожает уже в силу профессии. А уважения к женской породе,

и это даже в таком вашем возрасте нелегко пережить. Она и задействовала свои возможности. Оказалось же...

Мой отец заслужил такую вот редчайшую привилегию, но то ли не захотел ею воспользоваться, то ли не успел. И Рита сумела отдать эту божественную конфету мне. Чтобы никто незаслуженно не воспользовался, не перехватил, не сожрал. Вы же не думаете, что люди, добившись несомненных высот в своей личной и творческой реализации все стали обладателями ангельской световой и безупречной природы? На любые преступления идут, если забрезжит вдруг возможность удвоить срок своего персонального существования ещё на столетие. Но главное и не это, а подлинная молодость! Мне-то к чему оно, ещё одно столетие, если я и до собственных, Богом отмерянных, ста лет не дожила пока. И вряд ли дожила бы, поскольку природа моя ущербная, от больной матери я родилась. Стала неумолимо увядать в пятьдесят лет, как большинство лишь при своём приближении к столетнему сроку. Рита видеть меня не могла без того, чтобы даже зримо не корчиться. Жалела, ибо врач. Ибо я дочь её мужа, а она отца моего любила. А она не лишена и великодушия, хотя я её и не люблю. Ибо так, как я выглядела, женщины выглядят обычно, лишь приближаясь к ста годам. Я же будто из прежних эпох вывалилась. Нет, живи я в Эпоху Глобальных войн, скажем, так и поражала бы в том времени всех своей моложавостью, стройностью и привлекательностью даже. Но ведь когда так и было! А теперь-то я рядом со сверстницами

стала смотреться их бабушкой. Могла я отказаться? Даже если потребовали бы оплатить душой? Дорогушая процедура, и опасная. Высокий довольно процент счастливых вместо земного, и в сущности временного, омоложения прямиком следует в вечность, где все будем вечно юными, как учат нас мировые религии. Но тут уж утешение не для всех, понятно. Итак, вышла я как из пены морской, кто там была?

– Афродита.

– Да. Так звал меня тот, кого вы также считали своим сыном, ваш внук Артур. Ах, милый мой Артур! Вот ещё была история. Но я вам её не расскажу. Поначалу-то Рудольф не узнал меня. Ходил каким-то сумрачным демоном, а в лицо никогда не смотрел. Мол, не вижу тебя в упор. Но чувствую, поле вокруг него искрит от напряжения, рядом пройду, и меня током бьёт так, что я вздрагиваю. А он при этом гордый, важный, отец вселенский. Нэя же истратила там весь свой жизненный ресурс на детей и на жизнь ту, скажу я вам, крошечную. Не в смысле комфорта, а в смысле ознобления души. Сидишь там в ненадёжной, коснись какая тряска, сфере-пузыре, смотреть вокруг не на что. И голографии райские в блоках релаксации мало что дают. Обманка же! Ещё мы с мужем первым моим, Ксеном, жили в оранжереях, а это давало иллюзию подлинной жизни. Растения, цветы, овощи – ягоды. Но и то. Страшно было мне иногда так, что сердце деревенело, и это буквально! Останавливалось. Там многие умирают от сердечной недостаточности. И я очень боялась.

Вот думаю, омолодилась, к чему? Нэя же, звёздочка-путешественница, потускнела неузнаваемо. Какая-то серенькая стала, маленькая, как курочка квохчет над детишками. Он и спал уже отдельно от неё. Да. Он такой. Он мерзавец. А как мурлыкать умел, когда ему было что-то надо, вы и не представляете. Мурр-Мурр, муррзавец и есть!

– И что же? Как же Нэя...

– Вы сами-то не мужчина разве, что вопросы такие задаёте? Это когда у вас безумное устремление возникает к заданной цели, мчитесь как конь с горы, пена изо рта, копыта вдрызг, а как остыл, в конюшне стоит и сено прошлогоднее лениво жуёт. Взгляд расфокусированный, как у коней и бывает, то ли видит, то ли нет. И помнит он разве о собственном забеге? Да ни черта не помнит!

– Другое дело наездница, – сумел втиснуть своё замечание Ростислав. – Она-то уж долго будет помнить о своих победах по укрощению такого вот необузданного скакуна... если шею себе не свернёт. Бывает, что и конь вполне может ноги себе поломать...

– Я сама, как только Паж Синька начинал своё сияющее шествие по чёрному небу адского мира, как кошка ползла к нему, сгорая от влечения, животного и неодолимого, прекрасно зная, что он понимает каждый подлый трепет каждого моего нерва. Мурр-мурр, одним словом. А что Нэя, вы спрашиваете? Я не могла смотреть в её глаза. Я нисколько не торжествовала. Понимаете, я не из тех, кто торжествует

на чужих костях. Я страдала. Но, похоже, она сама его уже не хотела. Сил у неё не было там, ну никаких. Родилась в неблагополучном мире, а под этим куполом и у землян здоровье трескалось. А тут ещё четверо детей, чего ж вы хотите? Какая там красота неземная! Чего у неё и осталось-то от прежнего сияния, вывезенного из своего фантастически-чуждого мира, хотя и был тот в социальном плане косо-криво обустроен. Венд говорил, что был ей верен, пока я не влетела туда как огненная головешка. Может, и так. С кем там ему и было разгуляться? Такой собрался неликвид в смысле женщин! Одна длинноногая повариха с русалочьей кровью и была там, настройщица по кухонным роботам, да и та при муже, воинственном космодесантнике – бывшем уголовнике. Такому покалечить, а то и убить без особых проблем, найдись лишь повод. Рудольф его опасался всегда. Поскольку знал, не все такие благородные как он сам, и ткнуть соперника в спину исподтишка для Рамона с его весьма сложным психотипом человека намешанных кровей в норме вещей. А как Рамон сгинул, русалку эту и подцепили в сеть, на всеобщую уху, чтобы каждому голодающему по кусочку. Зачем она такая сдалась Венду с его утонченными вкусовыми пристрастиями? И когда я там осталась уже без Венда, с моей-то репутацией, все тамошние мужики свои хм-хм.. столовые приборы приготовили к тому, чтобы и меня вкушать сообща. И Ксен для них ничуть не стал бы преградой. Все знали, что не муж он мне, а фикция такового. Огородное пугало, как и

звал его Рудольф. Кого он устроит? И если бы не Артур... Он был как мой телохранитель, и на меня дышать боялись...

– Сурово! – подал реплику Ростислав и тяжело вздохнул. – Распустил, выходит, Рудольф своё народонаселение, если позволяли такое поведение... асоциальное, чего уж...

– Да вы сами-то человек с опытом работы в таких вот сложных мирах-колониях, а удивляетесь. Это с роботами легко управляться, а с людьми не так. Но у Венда дисциплина была на высочайшем уровне, он слюнтяем-гуманистом никогда не являлся. У него из установленных рамок законов и установлений никто и не вылезал. Как и сам он придерживался того же...

Она опять, уже про себя, но как бы по-прежнему обращаясь к Паникину, вела своё повествование. Это была исповедь перед его отцом, раз уж рядом не было того, кого называют исповедником. Но исповедь без слов, адресованная небесам, Тому, кто там вполне может и обитать, как считала мама Ника. Но посыл направлялся не в пределы реальной земной атмосферы – газовой оболочки Земли, а к небесам божественным.

Паникин её не тревожил ни единым вопросом, погрузившись в такое же молчание, точно так же наполненное его раздумьями и его горем. Может, он тоже молился, общался с мирами нави. И был благодарен, что она ему не мешает. Наоборот, они согревали друг друга своей человеческой и родной теплотой.

Исповедь Ксении

«Я ведь сама же первая и попёрлась к нему в рабочий его отсек, насильно же никто не тянул. И он поначалу тоже строил из себя честного отца семейства: «Давай кофе выпьем. Мне всё равно всю ночь работать». Работать ему! Так славно поработали, что я еле ноги домой притащила к своему мужу – огородному пугалу. Ксен решил, что на меня кто-то напал, кто-то съехавший со своей орбиты и озабоченный. Там же такое было не редкость. А я ему: «Да нет. Успокойся. С ребятами засиделись, в карты играли. Я просто спать хочу. Слабость». Он поверил. Он всегда мне верил. Ещё так заботливо витаминный коктейль принёс в постель. Как вспомню, так и думаю, и ты ещё хотела счастья после таких походов? А он, честный семьянин-любовник, утром, осунувшийся и не выспавшийся, в столовый отсек пришёл. На меня и не взглянул, но мужа моего Ксена так демонстративно шибанул со своей дороги, что он, бедный, чуть не упал. Хорошо ребята придержали. Да ещё рявкнул: «Спишь что ли на ходу, кум Тыква»! Он любил давать всем смешные прозвища из старинного фольклора и литературы. Никто не понимал, а ему нравилось даже в никчемной мелочи быть выше своих подопечных. И пошло, поехало. Днём я корчилась, и он тоже в сторону, как конь воротился от меня, а ночью мой без остат-

ка. Нэе принести в её пирамиду ему было уже нечего. Медовый месяц растянулся на год, не могли остановиться до самых моих родов. Потому что память тела. И он не мог это отменить.

Если бы не тот Трол... Кто мог бы тогда нас разлучить? Ну, пофыркали бы и сошлись навеки. Мы были вписаны одним иероглифом в скрижали судьбы, вы понимаете? Причём тут мораль, семья, гордость? Когда мы оказывались вместе в одном помещении, нас тянуло друг к другу, как две намагниченные опилки. Мы просто срастались и отрывались уже с трудом друг от друга. Он даже в столовом отсеке, а там все в основном и толкались вместе, норовил задеть меня, как бы случайно прикоснуться, тронуть. Не знаю, как там Нэя, но все замечали. Наверное, она жила в своём особом мире, она верила ему безгранично, она всех видела в идеальном освещении, особенность такая была ей свойственна. Но думаю, это было знаком её более высокой, чем у меня, организации психики и разума...

Ксению несло в каком-то полубезумном потоке, пока не вынесло на поверхность в том смысле, что она заговорила вслух, – Я прожила пустую и глупую жизнь, я перестала быть женщиной, едва он улетел. Я стала бесплодная и бесцветная, как планета без почвы, на мне не росли цветы, не было и травы, я прозябала в полузабытьи в телесном смысле. Я ждала его как свой дождь. Но этот дождь пролился не в меня, а в ту Нэю. Всё было отдано ей, любовь, дети.. Потому и случилось

всё не так, как я себе намечтала. Прошлое не вернулось. Никогда оно и не может вернуться. Люди меняются. Это я чудом законсервировалась, или же мне был дан несчастный дар – я была и осталась однолюбом. Может, он и хотел, оставшись без Нэи, полюбить, но не смог. А я любила всегда. В разлуке с ним, после его возвращения на Землю, несмотря на его забвение меня, на планете Земля-2, и опять на нашей старой Земле после моего уже возвращения. Как в юности, как на этой поляне когда-то... вы понимаете?

Весь этот пароксизм страдания, смешанный с временным помешательством, не позволил Паникину прервать её. Он даже плохо понимал её порой, но давал ей эту возможность, – излить вместе с бессмысленными на его взгляд речами острое горе, откричать его таким способом и облегчить душу. Ей, бедолаге, опять всё потерявшей. Кое-что он всё же понял из её мало связной повести, наполненной шокирующими подробностями и откровением, которые он вовсе не хотел знать о ней.

«И надо же ему было раздобыть такую», – думал он, жалея сына, словно был он живой, как и уверяла его обезумевшая вдова. Словно ему всё также предстояло жить с этой смазливой дурындой, не знающей приличий в своих откровениях. Может, есть бабы и хуже гораздо, но ведь умеют всё в себе прикрыть белоснежным бельишком своего женского врожденного лицедейства. А эта всю наготу выставила, – на-те, ешьте! И Паникину хотелось прикрыть её неумное, хотя

и искреннее саморазоблачение.

Насколько и была она обезумевшей? Рудольф был человек – сфинкс, и гибель его поставила в тупик не одного Паникина. И тот Арсений? Игра природы? Да он, отец родной, готов был признать, что они были похожи, особенно в молодости, и приводили этим сходством к немалым казусам. Но с возрастом их похожесть, чисто внешняя, стала убывать. Они по-разному оформлялись в зрелость и по-разному менялись в течение жизни. А то, как меняется человек в процессе своего существования, ему ли было и не знать! Скольких знакомых и друзей он не узнавал потом, и даже общаясь, не мог соотнести бывшего человека и того, кем он становился.

Но если бы Ксения сказала ему об этом раньше. Она же никому ничего не говорила. Она словно действовала в русле определённого заговора, сплетённого самим Рудольфом, и проверить уже ничего нельзя. Что говорило в пользу бреда Ксении? То, что он выглядел резко исхудалым против прежнего. Но Паникин давно сына не видел, много уже лет. То, что заимел залысины на лбу? И такого Паникин никогда за ним не замечал. У них природа была другая. Склонных к облысению не водилось среди предков. Ни с его стороны, ни со стороны Карин. Наоборот. И чего это тот Рахманов не восстановил волосы? Или впал в апатию ко всему, или всегда ценил нечто более значимое, чем внешние красоты?

Паникин решил проверить все последующие записи о сыне и сравнить визуальный образ, когда был он жив, с тем, ко-

гда таковым уже не являлся. Заостренный парадоксами стержень сомнения, засунутый в его мозг вдовой, уже закрипел, завращался. Он прислушался к себе, вспомнил странный разговор, который вели между собой Рита и Бёрд – Птич общипанный. Общались они на английском, но Паникин великолепно знал этот язык. О чём они говорили? О том, что Рудольфа засекали при странной встрече с человеком, которого считали сгинувшим в одной из колоний Галактики. Некий Франк Штерн, в своё время гениальный врач и, как выяснилось, человек, меняющий себе биографию и имя по мере того, как его вычисляли спецслужбы. Вдохновитель и организатор опасной секты людей-террористов, «Лбов» – ловцов обманного будущего. Они охотились на сильных мира сего. Отслеживали и уничтожали тех, кто возвёл себя в ранг избранных земного бытия. Что отличало их от тех террористов, которые в прошлые века уничтожали простых и невинных людей, якобы в борьбе с мировой несправедливостью. Последнее время за Рудольфом следили, его таскали на допросы и пытались докопаться до того, где скрывался человек, с которым его связывали некие тайны, судя по всему. Рита возмущалась, нервничала даже в ожидании церемонии прощания с тем, кому уже не грозили никакие допросы и разоблачения. Робин Бёрд бурчал, что наличие идиотов, которые копают как всегда в ложных направлениях, и позволяет совершаться подобным убийствам, как недавнее убийство одного из советников ГРОЗ Вейса.

«И как Рита будет теперь»? – спросил у себя Паникин, – «её неизбежно вытеснят из ГРОЗ. Он уже не будет играть роль её крепостной стены». Вейс был другом отца Риты, её давним бессменным покровителем. Она жила, по сути, под его властным покровом – спесивая, но ничтожная бабёнка, мнящая себя едва ли не гением. То, что она кубарем скатится из заоблачных чертогов земной иерархии куда-то гораздо ниже, грохоча и больно ударяясь рёбрами о ступени понижения, не вызывало у Паникина ни малейшего сомнения, как и сострадания к этой женщине. Да и женщине ли? Древней мумии, упакованной в кожуру молодого душистого фрукта. Напитанная чудодейственными растворами и гормонами кожа одна и являлась вывеской её молодости, а органы, спрятанные за нею, жили исключительно за счёт внешних вливаний и препаратов, которые она ела в большем количестве, чем положенную еду. До какой степени у неё утрачен уже главный источник удовольствия, – удовольствие от хорошей еды, вот что думал о ней Паникин, любитель хорошо поесть. Но что ему Рита? Что он Гекубе, что ему Гекуба?

– Помню я тебя, – сказал он Ксении, – ты на свадьбе его плакала. И я всё понял сразу. Да и многие поняли, кроме Лоры. Она, как и ты, дурочкой была, искренней, открытой, доверчивой. Он любил таких, чтобы было легче ими вертеть. Над умной и сильной женщиной не повластвуешь, не покуражишься. Он же всегда антиподов своей матери искал. Нежных, слабых, податливых. И всегда находил. Краси-

вых, всепрощающих. Взять хоть Нэю. На глазах её крутил с этой горыновной, вдовой твоего отца, мачехой твоей, и что? Всё простила. Вытерпела. Он не хотел Нэю терять. Нет. Он просто так развлекался. Нащупывал предел её всепрощения. Зря ты, конечно, на спутник тот прибыла. Не надо было. Ни тебе, ни ему, видишь, долгого счастья Всевышний не припас. Горыновна никогда бы от Нэи его не оторвала. Вот она и нашла тебя, чтобы их союз порушить. И был это твой грех, за что ты и платишь сейчас.

– Горыновна? Какое любопытное прозвище. Впервые слышу. Я готова была на всё, чтобы родить себе ребёнка.

– Думала, не придётся платить по счетам?

– Разве все платят?

– Все.

– У вас много детей. Вам легко поэтому давать уроки нравственности. А каково было мне? Да и насколько вам легче, чем той же Карин. Видели, как она окаменела?

– Ты думаешь, если детей много, то и жалость, любовь делится между ними по восьмушке что ли? Ты сама-то представь, у тебя же тоже много теперь детей. Рудольф был мой первенец, сын от самой глубокой моей привязанности.

– Был? Но он и есть. Там был не Рудольф! Уж передо мною не играйте. Те, из ГРОЗ, пусть так думают. Значит, так и было необходимо Рудольфу. Не знаю я, с кем мы там и прощались.

Где подлинность, а где инсценировка?

Паникин схватил крупной рукой траву в горсть, сминая нежные и безвольные головки цветов, обрывая их эфемерную красоту, кому и нужную тут, в безлюдной глуши. Но она была зачем-то сотворена, для птиц, бабочек, прочей живой твари, гнездящейся в лесу, и была зачем-то бессмысленно уничтожена тоскующим человеком. Ксении даже показалось, что поляна поёжилась как девушка, у которой вырвали клочок её волос. Но эта чувствительность заключалась в ней, а не в поляне. Хотя, как и знать?

– Зачем вы мнёте цветы? – спросила она его, – пусть цветут и радуются. Как много радости доставляли нам растения там, на спутнике, вы и не представите.

– Думаешь, им дано? Ощущать боль?

– Как же нет? Если живые. А чем же мы от них напиваемся, если не их радостью? Эти цветы, например, они лечебные, а эти, лютики, съедобные к тому же. Мама их сушила и добавляла зимой в разные овощные блюда. Говорила, что пахнет летом, радостью.

– Они произрастают тут каждое лето. Как думаешь, одни и те же, в смысле своей души, или разные?

– Конечно, разные.

– Но у них нет сознания, индивидуальности. Если сейчас они всё те же, что и те, которыми твоя мама ароматизировала

супы. У трав нет смерти.

– Если есть жизнь, есть и смерть, если её мнут, истребляют.

– Они вырастут опять. Всё те же.

– Пойдёмте? – Ксения встала первая. Разговор их был глупым, но отчего-то успокаивающим взаимно. Ксения отряхивала травинки, и Паникин невольно как мужчина, как ценитель залюбовался её идеальными, обтянутыми чрезмерно, бёдрами. Высокая, девичья на вид грудь колыхалась, ничем не стиснутая под платьем, и вся она была чиста в своем неосознаваемом бесстыдстве. А он совсем нескромно подумал, какими блаженными были ночи сына с этой сексуальной, ни в чём не зажатой условностями, искренней, чувственной и доброй красоткой. Он мысленно хлопнул себя по лбу за хульные помыслы о невестке-вдове.

– Я никогда и ничего о тебе не знал раньше. Отчего? – спросил Паникин, и вспомнил, как спросил однажды у Рудольфа: «Кто эта девушка, что плакала на твоей свадьбе?»

Он ответил: «Не видишь, Коломбина. Она меняет свои маски и наряды. Она развлекает публику».

– Ты стала совсем другой, – сказал Паникин – Нет, ты так же невероятно хороша, – он не дал пояснений, с каким временем её сравнивал. Но в себе он воспроизвёл ту девушку на свадьбе сына, от которой, как казалось, летели красные искры, как от пламени и жгли. Рудольф щурил глаза, будто боясь их обжечь. И отец тогда подумал: Любит её что ли?

На кой ляд и женится? На другой. Впоследствии он полюбил Лору как дочь, любил её сына, но всегда понимал, что она ошиблась. Как-то, уже после отбытия Рудольфа на Трол, эта девушка заявила к нему в дом, привезла Артуру игрушки. О не сразу её признал, подумал, вот лезут, сироту нашли, жалельщики! Она пояснила, что подруга Лоры. Паникин догадывался, что друзья и родня Лору осудили за то, что она отеклась от сына. Поэтому он хотел вежливо по форме, но доходчиво спровадить пришедшую немедленно. Потом вспомнил, да это та Коломбина с честного пира! Она уже изменилась, стёрлась как-то. В ней было мало праздничного. Серенькое простое платьице, забранные волосы, в глазах печаль опыта, какого лучше никому и не иметь. У него была особенная, тренированная память. Он помнил всё, и мог при желании вспомнить даже то, чего в прошлом и не замечал как бы.

– Чего уж там... Да, хороша, молода я, сказала она упользая... – Ксения взяла его под локоть. Он нажал сегмент вызова аэролёта, оставшегося на площадке у крематория. Вскоре он завис над поляной, едва её касаясь. Они сели внутрь и больше не проронили ни слова.

Внизу бежала дорожка, ведущая в посёлок, где и живут Ксения с Рудольфом. Паникин опять поймал себя на мысли, что думает о сыне в настоящем, а вовсе не в прошедшем времени. По дорожке быстро и легко почти бежала, подпрыгивая от юной своей, беспричинной радости девушка в воз-

душной юбочке и короткой майке сверху.

Ксения прижалась всем лицом к прозрачной сфере аэролёта. Это было невозможным совпадением, но за нею бежал парень, и он ухватил её за ремешок сумочки, и сумочка слетела с её плеча. Он нагнулся, поднимая её.

– Видите там! – закричала Ксения и указала вниз, – они как мы с ним тогда. Может, эта полянка и для них заветная? Трава возродилась, и те же цветы растут там.

Паникин вздрогнул от её неуместного крика, но ничего ей не ответил. Он взглянул вниз и не увидел ничего, кроме света и тени, их игры и причудливого переплетения. Мелькания древесных крон в бесконечных оттенках зелёного и золотого. Неуловимо быстро перемещающихся в этой зелени птиц, снующих над своими гнёздами, о чем-то поющих, – о солнце, о кошках и о вечности. Птиц плохо было слышно, но Паникин представлял их многоголосье.

Ксения глядела будто в некую линзу. Она видела выбившиеся завитки волос на шее у девушки, – приподнятые вверх волосы были собраны в хвост на макушке. Видела затылок светловолосого парня, одетого в чёрную облегающую майку и светлые шорты... Их скрыла крона раскидистого, старого дуба. Пышная, ведь был июнь, листва набрала силу и стала обильной, поэтому Паникин не видел их. А Ксения видела, как девушка-дриада вжалась в корявое и неподатливое массивное тело дуба, потому что парень вжимал её в этот ствол, целовал. Они как травы, птицы и листья были всё те же, но

совсем другие, чем те, что цвели, щебетали, трепетали и целовались здесь сорок с лишним лет назад.

Паникин же в мыслях о птицах унёсся, как и птицы в ту даль, где рядом с его живым сыном щебетала девушка – пичужка из дальних миров. Она сбрасывала свою белоснежную зимнюю шубку и охорашивалась шёлковыми разноцветными перышками диковинного наряда. Она перемещалась по комнатам его жилья столь же быстро и деловито забавно, как делают птицы в замкнутом пространстве, и опасно косилась в его сторону бирюзовым глазом, – вдруг он её схватит? Немилостиво обругает за нарушение неизвестных ей неких правил и приличий? Пугаясь чужих людей чужого мира, она пряталась время от времени за спину Рудольфа. Рудольф, смеясь, толкал её навстречу отцу, будто она была маленькой и глупенькой девочкой. Но она и была такой на незнакомой планете – потерянной, держась почти судорожно тонкими пальчиками за насмешливого спутника...

Он вздохнул. И Ксения как эхо тоже вздохнула. Аэролёт завис над соснами посёлка.

...Она ощутила спиной шершавую бугристую поверхность коры. Он её давил, и спасение было только в его губах. И когда она вошла своими губами в его, он уже не вдавливал, а прижимал к себе. Отрывал от ствола, тянул, и вот уже травы, которым она не знала названия, так велико было их скромное, но на самом деле обильное северное многообразие, щекотали кожу коленей, рук... И не было уже ей входа

в эту линзу.

– Не войти дважды в один и тот же поток, – сказал ей мужской старческий голос, и Ксения ясно видела, что Паникин и рта не раскрыл.

– Вы слышали? Голос какой-то, – обратилась она к Паникину. – Банальность это, давно покрыт ряской времени ваш мифический поток, ставший болотом. – Таков был её ответ невидимке.

– Нет, – отозвался Паникин, – я ничего не слышу. Это твоя усталость. Ты сколько уже не спишь?

– Не знаю.

– Я две ночи уже. Теперь нам будет легче. Так бывает. Так все говорят. С каждым днём будет легче и легче.

– Не будет мне уже никогда легче.

– Будет.

Жив или нет, но разлука уже окончательная

Линза пропала. И не было никого на той дорожке. Она пустынно извивалась от окраин мегаполиса через лесопарк, переходя в лес, в котором и был их дом, ставший только её домом. Дорожка в лесной посёлок была заброшена, ею мало кто пользовался, и она зарастала.

– Ушли в лес.

– Кто?

– Те, влюблённые. – Кроны деревьев сливались в сплошную зелёную крышу, холмистую и непроницаемую для тех, кто мог подглядеть сверху. Лес таил тех, кто доверил ему свою любовь. Аэролёт опустился на площадку перед домом. Внутри никого не было.

– Информационный банк данных Земли, её живая душа и память хранит в себе нашу любовь. Значит, она была ей нужна и необходима. Она, Земля, отозвалась на мою тоску и открыла мне это. Сейчас. Нашу ту любовь. Её начало. Он тоже живой. Она мне сказала и это. Душа Земли бессмертна, а мы её мыслящие нейроны. Вечные, как и она.

Паникин молчал, ничего не понимая, поскольку плохо и вслушивался в её озвученный поток сознания, или полубессознательного бормотания. Для неё же самой её внутренняя речь была последовательной, связной, и лишь вырываясь наружу озвученными урывками, они и казалась её бредом.

Продолжение исповеди как необходимость исцеления ради другой жизни

«Я всегда была проста и незатейлива. А его окружали такие, умеющие плести свои словесные макраме. Лорка та же. Рита. Лорка была развитее в словесном смысле, уболтала, заплела. Смотрела ему в рот, подставляя ладони для каждого его слова и целуя пойманное как невидаль. Он и растаял.

Вроде, и незачем ему было, если я его во всём устраивала, а тем ни менее, как-то произошло такое вот несчастье. Понятно, что для меня несчастье, а для них-то взрыв счастья, которым их головы взаимно контузило. А потом у неё залёт. Прямое попадание с первого раза».

– Вы Лоре верили? Что она была сама чистота, русская красавица с косой, всему миру будущая и любящая мать, что называется... А он поверил, поскольку я-то никогда ему не лгала. А кроме меня у него длительной связи ни с кем не было...

«А то, что до меня было, так чепуха сплошная и разовая безвкусица, как оно многим бывает и свойственно в юности, если родители не вложили праведных норм для жизни».

– В своей молодости кому он был нужен по-настоящему? Никому. Только мне одной. Тут вам мой упрёк, хотя и запоздалый, хотя и бесполезный уже... Лорка ему сразу промеж глаз и вдарила: «Я буду матерью, а ты свободен решать. Я приму любое твоё решение. Но ребёнка рожу по любому». Он же не мог стать подлецом. А я? Да что я!

«Как только он это сказал, я и пошла в бар, ночной, где толкались его дружки космодезантики, когда им давали волю. Нашла его товарища. Тот был влюблён в меня до расстройств сознания, так Рудольф над ним смеялся. И я нарочно всё сделала так, чтобы Рудольф узнал. И он узнал. Так и произошло моё падение. До этого я только дразнила его, хотела показать, что всем нужна. Но тут... Все эти его ка-

зарменные родственнички видели, как я сидела на коленях у его товарища, и как мы ушли потом. До сих пор помню спиной этот удар о грешную землю. Проснулась, а спина не чувствует любимых касаний... Чьи-то чужие ручки тебя ощупывают... Боже мой! Прости мне всё! Хотя я и получила от Тебя по заднице сразу же, утратив всё, – и Ксения задохнулась, но глаза остались сухими. – Я подло надеялась, что он ни о чём не узнает, потому что сразу спохватилась, не хотела уже огласки. Раскаялась сразу же, поняв, что натворила. Никто бы и не узнал, но возникла Вега, она ему сказала: «Шеф вам как бы всем отец, а его дочка всем будет как бы жена». Так она выражалась, вся затёртая и убогая на голову. «Она с Кремнем вчера отрывалась. Он, видишь, спит в казарме. Тренировки проспал».

– Как подумаешь, какая же ерунда стала причиной его высылки на Трол...

– Причину ты никогда уже не узнаешь.

– Но я её знаю. Рудольф подрался с Кремнем в баре, бросился на того первым, и в драке они разгромили всё помещение. Рудольф Сенечке сломал нос. Он был сильнее...

– Почему же набросился? Наверное, причина была?

– Это была такая мука... и она вовсе не ушла из меня по сей день. Прикасаюсь больно, потому я и обмотала её, эту причину, в несколько слоёв всевозможных самооправданий, самообманов . самоутешений. За драку с него, как с зачинщика сняли его третий уровень выслуги, а он так гордился

своим продвижением. Он был там один такой, способный, умный. И его опустили, как малолетку на первый уровень. Он скрипел зубами, но не ушёл. А надо было. Плюнуть на этих железных воителей. Он не был создан для того, чтобы быть казарменным человеком. Он был утончённый, он был эрудит, а эти там? Роботы, которых программируют, знают больше слов, чем те воители. ...

«Что было потом? Этого я не расскажу. Почему мы опять были вместе и потом? Я бегала за ним, караулила везде, висла на нём, и он не всегда мог устоять. Он был очень темпераментный, да и что там у него было с этой Лоркой».

– Он любил меня! Но не простил...

– За что не простил? – спросил Паникин. – Сам же приревновал, сам устроил драку, а ты оказалась виновата?

«Да как простишь-то такую сучку, какой я оказалась»?

– Ты ведь тоже замуж вышла...

– Потом уже папа познакомил меня с Бёрдом, вдовцом, его жена погибла на какой-то планете, она была героиней, а я дура душой. Но Робин повёлся... Ничего не вернёшь, как я считала...

Аэролёт уже давно стоял на площадке, и Паникин слушал её, не выдавая ничем своих чувств к ней, к тому, что она рассказывала. Как исповедник. Наверное, ей было необходимо освободить в себе место для чего-то ещё, нового, что неизбежно придёт в её жизнь. Вскрыть старые архивы, развеять их по ветру.

Он осматривал старый дом Артёма Воронова, своего бывшего врага. И удивлялся тому, что такой влиятельный и знаменитый в своих кругах человек, жил скромно, и что его примеру последовал Рудольф, а мог бы обитать в немислимых домах, сотворённых передовыми дизайнерами планеты. Кроме буйства цветников, затейливых игровых площадок для детей, и прекрасного леса вокруг, дом был старообразен, невелик, прост во внешнем фасаде. А он представлял себе дом сына, как некий многогранный иномирный кристалл, у которого и не поймёшь, где вход, где выход, и внутри он будто принадлежит другому измерению. Паникин такие дома видел и у менее значимых людей. Но по видимому, Рудольфу не было настолько важно, где обитать. Тихо, удобно, дети, природа, раболепная жена, вышколенная долгим страданием, пронёсшая через десятилетия свою любовь к нему. Чтобы не смотреть на эти стены, вид которых усиливал болезненное брожение мыслей, Паникин поднял аэролёт, понимая, что Ксению прорвало и надо дать ей излить выталкиваемые горем образы прошлого. Он поднялся и повернул в том же направлении, откуда они прилетели, глядя вниз и ища ту поляну. Но попробуй, найди её в лесу.

– Вот она, – Ксения поняла его поиски и указала на огромный старый дуб. Рядом росло дерево – многодерево, из одной точки земли выросло пять деревьев одновременно, они стояли, как в хороводе, сцепившись своими ногами-стволами и откидываясь кронами в разные стороны. Аэролёт опять

завис над поляной, и они почти вывалились в пушистую траву, в часики, лютики, колокольчики. Одуванчики уже отцвели и были призрачно седые, тут же облепив их пухом.

– Рассказывай, – Паникин свалился в траву, раскинул руки, запрокинул лицо в первозданную, не истребляемую никакими человеческими греховными испарениями синеву. Закрыв глаза, решив при возможности заснуть, но делая вид, что внимательно слушает. Странно, но уверенность вдовы передалась ему, и он чувствовал себя уставшим, как после навязанного кем-то карнавала страшных масок, а теперь испытывал облегчение и сонливость.

Самая горькая новелла о любви Ксении

– Я приходила туда, в «Звёздный Персей». Они там обычно толпились. И девицы их, воительницы с железными ляжками. Я входила, подобная цветку, – Ксения продолжала плавное усыпляющее повествование, рисуя образы в воздухе, и Паникин их ловил.

– Я вовсе не восхваляю себя. Так и было. Я умела шить. Я была, что называется, на все руки мастерица и на ноги тоже, я же была балерина. Они раскрывали рты, мужики замолкали, девицы оглядывали, иные с наигранным презрением, скрывая зависть, другие с любопытством. Я садилась на его место и ждала. Он приходил. Не всегда, но почти всегда.

Заказывал роботу напитки, черешню там, фрукты. Он знал, что я верна ему, он умел читать в моей душе, но я видела, когда он подходил, как под его спокойным выражением лица идёт рябь и возмущение. Он не хотел меня прощать.

– Да за что прощать? – опять спросил Паникин, вынужденно принявший роль исповедника.

– Но теперь-то что? Он так и говорил, чем искать другую, тратить на это время, силы, лучше уж ты. А Лоры будто и не было у него...

«Я же вошла в пике своей бабьей страсти. Я так любила его, как не умела прежде. Я при всех садилась к нему на колени. Все знали, что я его, никто уже не лез ко мне. Он ел черешню с моих ладоней, любовно касался губами моих пальцев, глаза мерцали лаской, а словами он меня якобы презирал, и косточки он плевал в мой подол. Я потом их собирала с платья, которое любовно шила к нашей встрече, платье было испачкано соком ягод...

– Сколько так могло продолжаться? Папа и уговорил меня выйти за Робина Птича. Я стала жить на другом континенте. Но расстояние – это же фикция! Мы все равно встречались. Только реже. От чего мне было только хуже... И я понесла, хотела сохранить ребёнка. Мой отец узнал. Его ничуть не волновало что ребёнок не от мужа. Но исследование, проведённое Ритой, выявило, что ребёнок-то родится уродом! О, эта Рита! Она была профессионалом разносторонним. Другое дело, что не желала себя ничем обременять. Устала. Про-

жить столько лет и не устать? Она и любить людей устала, она и ненавидеть их устала. Она жила и живёт как тень загробная, но только того не понимает. И тогда уже, подавив мою волю препаратами, привезли меня куда-то, где меня выпотрошили как рыбу и с пустым брюхом выбросили у родного дома, чтобы я отдышалась и отлежалась. В доме родителей. Потому что отец сказал, что у б...ей нет и не может быть мужей...

«Я сидела у бассейна и думала, утопиться что ли? Но это было и смешно. Я лежу на дне бассейна, прозрачная вода искажает и деформирует моё мёртвое лицо. Грешная Офелия! А мама? Что будет с ней? Я осталась, и всё вытерпела. Я вернулась к Бёрду. Но и он перестал замечать меня, хотя не выгонял. Жалел, что ли? Я стала как домашняя кошка. Есть она, нет, ему всё равно. Кормил только и никогда ничего не спрашивал, как не спрашивают у кошки, где она провела ночь. Спит она где-то в доме, бродяжничает, ему что? За что ему было это? Такой позор и наказание? Все знали об этом, в ГРОЗ...

– Я вернулась к маме. Нужен мне был его дом, пусть и в сказочном месте. У меня мама была одна. Отец практически покинул её. А она умирала. Жить ей оставалось совсем мало. И огляделась я окрест себя, как кто-то там, где-то и в некое время писал, «земля же была безвидна и пуста». «Душа моя уязвлена страданиями стала». Но до окружающих мне дела не было. Страдание жило во мне. Он собирался на Трол. И

Бёрд – Птич куда-то сгинул. Теперь он был одинокой птицей, без гнезда и подруги, не желающей высидеть ему птенцов. Но у него были взрослые дети. Обошёлся ими...

«Я же стала вдруг бескрылой, стала ползать, тыкаясь носом в песок и пыль, перестала различать краски мира. Перестала испытывать влечение к противоположному полу. Начисто. И гулять расхотелось. Кошка спала клубочком в своей бывшей детской, спала и дни и ночи напролёт, но это уже метафорически, понятно. Радовало ли это отца? Да ничуть. Я стала как маска, улыбалась улыбкой – слепком и глядела пустыми прорезями глаз на мир, где ничего не было. Никого, в смысле. Ела, работала, где-то и путешествовала, и при этом спала. И вот, спустя годы после его отлёта, я нашла Ксена, маленького, умного, одинокого, способного не мешать, не будить...

– Мы с моим мужем Ксеном Зотовым вместе работали. И сошлись. До того дня как попала я на спутник, он был единственным у меня с тех лет. Я же погрузилась в эмоциональное монашество, а он не мешал ничему...

«И когда я сказала ему в то утро, когда притадилась, когда всё внутри было разбросано ночным ураганом и разбито вдребезги, наша с ним нирвана, с Ксеном то есть, – «Хочу ребёнка. Хочу родить, пусть и от постороннего самца. Терпи. Ты останешься на своём месте, я на своём, но будет ребёнок. Должен быть. Раз от тебя нет». Он ответил: – «Хорошо, я приму и это. И ребёнка буду любить. Как тебя. Как

твоё продолжение». Но вы думаете, дело было в ребёнке? Нет, конечно. Ребёнок был следствием, которое Ксен согласился принять. Главным было вот что – мои ночные сексуальные пиршества. Всё вернулось ко мне в смысле ощущений. Но оказалось, что не только телесные ощущения мне важны. Моя метафорическая чёрная ряса монашки куда-то свалилась под ту его узкую постель в рабочем отсеке. Может, там до сих пор и валяется, незримая и отринутая моей грешной душой. Мне не удалось стать прежней и кружевной принцессой для него, но из мира безжизненных фигур я опять воплотилась в живую женщину. Я зашипела, расплавилась, а потом остыла в уже пожизненной форме его жены. Пусть и тайной, нечестной перед миром дневным, но пожизненной. Артур был лишь его подобием, замещением, обманом органов чувств...

– Не будет у меня второго Рудольфа. Но может быть я и смирюсь? Как-то я жила все эти годы, до того, как попала на спутник.

Ксения нагнулась над Паникиным и уставилась глазами-виноградинами в его страдающие, добрые и отпускающие её её грехи, родные глаза.

«Я тебе не Судья», – мог бы он ей сказать, но промолчал. В полуседых вьющихся волосах запутался пух одуванчиков. Он щурился совсем как Рудольф, когда пребывал в недоумении от чего-либо. Бури в жизни этой женщины уже отшумели своё, выкорчевали её юное давнее счастье, забросали по-

ломанными сучьями несбывшихся ожиданий, завалили каким-то наносным мусором. Но где и следы всего? Ни сучочка, ни листика, ни песчинки от минувших буйных ветров.

«Какое спокойствие в её лице и зеркальная гладь в глазах», – думал Паникин, удивляясь её женской выдержке. И впрямь женщина-маска. А ведь страдает. Или она накачалась препаратами для успокоения внешнего? Внутри-то её крутило, и в память она ныряла, защищаясь от ужасного неумолимого настоящего.

Паникин поцеловал в прохладную щёку женщину, не имеющую возраста, внешне молодую, а внутри? Какой она была? Под затопившим её горем в ней всё ещё жила страстная и не израсходованная женщина. Так и не успевшая отлюбить своё. Но может, ещё и найдёт кого осчастливить собою. Горе сойдёт, чёрная безвидная земля, как она сказала, зацветёт новой жизнью, новой любовью.

– Пора мне, дочка, – Паникин легко-легко подтолкнул её, и она направилась в сторону аэролёта. Но застыла.

– Я погуляю. Спасибо вам за всё, – и быстро заскользила по траве как по глади какой, к лесу, удивив его девичьим по легкости скольжением, узкая и фигурная, похожая на скрипку в чёрном траурном футляре.

«Оклемается быстро, непутевая рыжая головёнка, отходчивое и скользящее по поверхности жизни существо, – и в горе и в прочих своих состояниях. Душа проста, а память она уже выпотрошила, и будет ей скоро совсем легко», – так он

подумал, поднимая аэролёт вверх. Настроив его на скоростной и высотный режим полёта, Паникин полетел в сторону запада, в Альпы, к Карин.

Оле-Лукойле из «Созвездия Рай»

«Началось», – подумала Карин, войдя в столовую, – «что же теперь, всё посыплется во мне, как бусины оборванного ожерелья? Память отказывать стала»? – Но она ясно помнила, что чисто убралась, прежде чем отправиться на траурную церемонию. Даже в такую чёрную беспросветную минуту жизни она не теряла привычных навыков и стремления к идеальной чистоте вокруг. Даже гудя под страшным напряжением горя, она утром убрала чашку после выпитого, всё равно! Чёрного кофе для того, чтобы там не свалиться в неподходящий момент. Вместо вкуса горячая горечь, расплавленная грязь, а не кофе, но пила, потому что привычка. И убрала после того, как робот всё вымыл и высушил. Чашечка опять красовалась в столовой горке, саксонская, из родительского наследственного сервиза. И вот чашка стояла грязная, с осадком, рядом красовалась на столе не убранная ажурная тарелочка с крошками от сливочного кекса, и опровергала её уверенность своей очевидностью. Разве она ела кекс? До сих пор во рту мерзкое послевкусие от нестерпимо горького кофе, и ни крошки сладкого не было у неё во рту

с самого утра, не считая безвкусного напитка, данного женщиной в маленьком врачебном кабинете в том прозрачном и затейливом, а всё равно страшном здании. Карин притронулась к чашке, как к тарантулу, вскарабкавшемуся на стол, на её чистейшую салфетку, и отдернула руку в ужасе. Чашка была ещё теплая, а время-то сколько прошло? Опрокинувшись, чашка покатилась по столу, и кофейная гуща вылилась, изгадив салфетку. Что в ней, в салфетке, но Карин разозлилась. Она не любила нелепых загадок. Она не верила в привидения, в непознаваемое – необъяснимое. Она верила только в мистику камней, как и все страстные коллекционеры, любя то, чему отдавала свою душу. А любовь всегда иррациональна.

«Паникин, что ли, приходил и не дождался»? – так она подумала. Там она потеряла его из виду, пока сидела в медотсеке и вела мистический диалог с недалёкой женщиной-врачом. Она знала, что он ни при каких обстоятельствах не направится в банкетный зал ГРОЗ с теми, от кого он отплыл давно и далеко в другую сторону. Да ведь Паникин там остался, когда она садилась в свой аэролёт. Со всеми прочими.

– Но... Как же? – она никак не хотела позволять мыслям возвращаться к тому, что происходило безрассветным утром. Рассвет был, как ему и положено, но она пребывала во мгле. Надо жить так, что ничего этого не было. Никакого крематория, никакого погибшего. Кто там лежал? Разве это

был он, Рудольф? Да что за нелепый розыгрыш! Кем устроен? С какой целью? И почему она не смогла себя заставить подойти, какая сила удержала её на месте? Разве так ведут себя матери на похоронах единственного сына? И Ксения, обмирающая от своей любви всегда Ксения, она не уронила и слезинки. Как это? И что за зловещий шут там объявился, из-за которого она грохнулась об пол. Вот это было зрелище! Пол, наверное, загудел под её тяжестью. Как и не треснул. Но был он очень мягкий, пружинящий, она помнила, как свалилась, словно на диван. Там всё предусмотрено.

Было во всём этом нечто, что она определила бы как сюрреализм, как наркотическое видение. И Карин больно уколола себя брошкой, которую вынула из ткани платья, маленький платиновый скорпион, подарок её сына ей. Укол был глубоким, и у неё выступила кровь на подушечке пальца. Нет, не сон, не видение. Тяжкая, неотменяемая реальность окружала её. Она уже забыла про непонятный непорядок, не до грязной чашки, не до тарелки с крошками от кекса и пустяшной салфетки ей было. Сил хватило только на короткую вспышку досады, а потом горе опять накрыло её.

Свалившись в свою постель лицом в белоснежное бельё с легким цитрусовым запахом, как она и любила, Карин дышала, пытаясь глубокими вдохами утишить боль, мешающую ей дышать в полную силу, и больше, чем воздуха ей не хватало другого – смысла своего существования. Ведь жил он где-то всегда вдали от неё, и это было ей естественно, – не

видеть его годами. Что изменилось сейчас? Можно вообразить себе, что ничего не изменилось, и он продолжает где-то там обитать, как и прежде. Или опять отбыл куда-то, на тот Трол, к примеру.

И мысль о Троле вызвала содрогание памяти, и вышла из неё эта «Аэлита» Трола – обитательница неведомого космического борделя, нарожавшая, как оказалась, ему кучу детей. Откуда у неё и были такие способности бесстыдного обольщения? Как он тогда смотрел на неё, дрожа ноздрями и не умея скрыть накотившее внезапное вожделение к кроткой шлюшке, гладенькой и тихой, с бюстом, в который Карин хотелось ткнуть вилкой, чтобы проверить его на подлинность. Вот на этой самой постели сколько же он предавался этой своей неуёмной любви к девкам, используя в молодости любой момент отсутствия в доме матери. Никто-то его теперь не обнимет, не застонет от его проникновения в себя, не затрепещет от пролития горячего семени.

И обжигающая влага лилась из глаз – слёзы, так долго удерживаемые, промочили белую подушку, и плач сопровождался содроганиями, переходящими в крик, заглушаемый этой подушкой, и она её кусала.

– Мой Бог, дай мне поскорее забвение этого мира и его боли!

И забвение пришло, но не смертное, а сон увлёк её в свои глубины, выплеснув её сознание в мировую информационную изнанку Вселенной, называемую древним сумасшед-

шим магом Юнгом «океаном бессознательного», древним царством Морфея, а в действительности включилось действие препарата, данного женщиной – неожиданной родственницей, матерью её правнуков. И она увидела, ясная и успокоившаяся, как старик в чёрном и затейливом одеянии сидит рядом. Он гладил её плечи, руки, будто был её отцом, печально и глубоко глядя в её заплаканные даже во сне глаза. Так она их ощущала, как заплаканные, запухшие и мешающие как следует рассмотреть пришельца. Его же глаза были ярко синие, мерцающие, и не было в них ничего страшного, как и в нём самом, в его тёмном, но благородном, старом лице.

– Успокоилась, моя девочка? Вот и хорошо. У тебя всегда было и есть много пустых и бессонных ночей, я и буду приходить к тебе как Анимус из океана бессознательного, или как дедушка прекрасного Морфея, и я расскажу ту, неизвестную тебе, историю его жизни на Троле. Кто тебе расскажет это как не я. Кому, как и не матери узнать историю его падения, его блуждания в провалах вашего человеческого несовершенного, но всегда самонадеянного существования. Была ли эта смерть ему наказанием? Нет. Ушёл он и от наказания и от смерти, которая шла за ним по пятам. Теперь сам он будет наказанием и носителем смерти тем, кто стремится неограниченно далеко отодвинуть от себя пределы земного срока. Большого тебе сказать не могу. Хотел я сам стать для него Возмездием, хотел увлечь за грань земного обитания,

поймать его на приманку, на ту, которая давно принадлежит вечности. Но дал ему право выбора и ошибся, сделав ставку на его ошибку. Ему же не дала совершить ошибку земная живая женщина, его жена, втащив его в самый последний момент во временные и спасительные рамки вашего мира, и горное озеро не стало преддверием его океана вечности. Но она, та Ксения, по любому бы его утратила. Он давно хотел уйти от неё. Нельзя приобрести любви через несправедную цену. Помнишь сказку твоего любимого старинного Андерсена? Про Оле-Лукойе? Вот я и буду показывать тебе картины иного мира и его прошлую жизнь. Хочешь этого?

– Да, – отозвалась она шёпотом, мало понимая смутную его речь, но уже не страшась его, проникаясь детским, но правильнее всё же, старческим доверием к его синим глазам на твёрдо выточенном, как камень, лице. Руки же его были ощутимо теплы, ласковы...

Карин раскрыла глаза, очнувшись, и увидела Паникина, сидящего на её постели, гладившего её руки. Она приподнялась и обвила его руками, в которых не было возраста, таким жаркими и нежными они стали, и он, бывший муж и отец единственного её сына, тоже обхватил её как в молодости, не ведая в этот миг ни собственной старости, ни отцовского горя.

– Девочка моя, – прошептал он пожилой женщине, – моя страдальца, прости меня за всё. За то, что я не хотел простить твою оплошность, за то, что мы не родили с тобой ещё

и других сыновей, и дочерей тоже. Прости за невозвратное, прости...

– Ты почему не полетел в ГРОЗ? – спросила она обыденно, будто он и не просил у неё прощения за всю их жизнь, оставшуюся позади, и вернуть которую было невозможно.

– Что я там забыл? Я же дал слово – порога этой ГРОЗ не переступить вовек. А завтра мы устроим свой обед в «Лесном Тереме» для своих родных. Ты прилетишь?

– Это там, где была его свадьба с Ксенией? Бедняга, она опять его утратила. Но если он погиб на её глазах, как она уверяла, почему этот «Оле-Лукойе» уверяет, что она его спасла?

– Кто? – поразился Паникин. Ещё одна помешанная, не слишком ли тяжкий это груз для него одного?

– Так он себя назвал. Старик. Имя-то из детской сказки. Настолько и древней, что неудивительно, что ты и не знаешь его. Не считай меня сумасшедшей, я только пересказываю тебе сон. Слишком яркое впечатление, чтобы не поделиться. Успокойся. В «САПФИР» я не попаду. Мне это не грозит. Ты зачем залез ко мне в моё отсутствие и съел мой сливочный кекс?

– Когда? – сомневаясь в её адекватности, Паникин включил мягкое освещение в спальне, чтобы лучше её видеть.

– Да ладно. Разве мне жалко для тебя кусок вчерашнего кекса, дурачок! Я тебе ещё испеку, совсем свежий. Вот встану сейчас и настрою робота на выпечку. Там будет Артур? В

«Тереме»? Та женщина-врач сказала, что он прибудет со дня на день. У него оказалось врождённое свойство кочевника по женским шатрам, как у тебя и у Рудольфа. Он тоже всюду оставляет после себя жён и детей. Но не исключено, что это мамаша передала ему свой кочевнический нрав. Артур будет один или с очередной женой и парочкой чудесных детишек?

– У него нет жены. А дети, наши внуки, правнуки, все будут. Та врач это Вика. Она вполне счастлива и теперь. Она опять вышла замуж уже на Земле. Такие же, как ты или та несчастная Ксения, это редкость. Для большинства у любви век не долгод.

– Животные атавизмы развития, недоношенное, в смысле социальной уже эволюции, сознание, сползание на первобытные отношения, принятые в тасующихся группах кочевого раннего человечества. Бродячие самцы в поисках территорий пропитания набредали на кучкующихся самок с детёнышами, там застревали и шли дальше. И так от одной группы к другой. Древние люди были не стадными, не волками-одиночками, а именно тасующимися группами, сбивающимися в сообщество лишь по определённой необходимости. Отсюда импульсы бегства от одной к другой. Или проще, отсутствие высшей надстройки в сложнейших мозговых структурах, вот что это. У человека же разумного, человека нравственного одна жизнь, одно сердце и одна любовь. И ответственность, человечность в этой любви выше сексуального инстинкта всегда. А то хвалятся своим отвязанным ин-

стинктом от самых ценных, самых подлинно человеческих, приобретённых в мучительном развитии качеств. Выставля-ют вырвавшихся вперёд, отборных людей как неких чудаков в противовес стаду отмытых, рассудочных животных, Он ка-кой, Артур? Почему ты никогда не показал мне его?

– А ты им интересовалась? Чем ты вообще в этой жизни интересовалась, кроме мертвечины? Музейный хлам, камни какие-то. Ты же говорила, это дети чужих женщин, и это их головная боль, а мне и моей предостаточно было, другой не надо, не вынесу.

– Неужели я так говорила? Артур похож на отца? Такой же, как тот мальчик Андрей?

– Мальчик, – невесело усмехнулся Паникин, – Артур дав-но заматерелый мужик. В общем-то, не похож он на отца. В природу матери пошёл, сама же сказала. Волосы южные, ха-рактер душевнее. Сама увидишь. Не плачь, родная. У нас с тобой столько внуков и правнуков, наш сын за нас с тобой уж постарался.

– Артур не его сын. Неужели ты никогда не понимал это-го? Не чувствовал, что это был совсем чужой нам ребёнок? Та Клара была заурядная блудница, а он променял её на ше-девр, каким была Ксения. Он был слишком молод, чтобы по-нимать это тогда. Она обманула его, она разъяла окружность чужого счастья и единения, но ничего не приобрела для се-бя. Вероятно, что-то в тот момент происходило у них, некий упадок, так бывает, к сожалению, она и вторглась в этот не

самый их лучший день. Да и испорчен он был, деформирован этой древней Клариссой-Ритой. Она же периодически пила его свежую молодую силу, а его отравляла продуктами своего распада.

– Какая теперь разница? Артур мой сын. Пусть так.

Карин жалела, что проболталась про старика, но Паникин уже забыл про него, а она знала, что здорова, и старик ей не привиделся, а существует где-то за границей понимаемого ею мира. Да так ли уж и понимаемого, если ничего-то она в жизни не поняла. Кольцо лежало на её дамском комодке, среди парфюмерии, массажных щеток для волос и ожерелий с перстнями. Всё это было свалено в беспорядке. Привычный идеальный порядок давно покинул её дом с появлением Ариадны, именно она – маленькая и уже деспотическая девочка была хозяйкой её прежних владений. Так что Карин не всегда и знала, где и что у неё теперь лежит. Но разве не об этом она столько лет мечтала? Камень на кольце уже не был чёрным, а нежно розовел и был прозрачным, как слеза её материнской скорби, в его гранях отсвечивало её совсем не старое и разругавшееся лицо...

Утром на следующий день, вспомнив о кольце и найдя его, она не могла поверить, что оно то самое. Сплав металла был тот же, чёрный с вкраплениями золотых искр, но кристалл был чист и прозрачен, и лишь слегка розовел, отражая в себе восход, разгорающийся за далёкими вершинами Альп. Карин вышла на смотровую площадку, глядя на кристалл в

призрачном свете утра. И как будто кто-то мягко тронул её за плечо сзади, как обычно делал это Рудольф, ища с нею примирения. Она резко обернулась. Никого не было. Паникин уехал ночью. В отличие от неё, он был человек семейный. И от внезапного понимания, что Рудольф где-то тут, на Земле, живой, и что некто дал ей этот знак, наполнил её чем-то неизъяснимым и лёгким, дал облегчение. Не всем чувствам есть и название.

Купол небес синел и укрывал Землю от космической тьмы, давая тем, кто смотрел вверх, обещание вечности и защиты от этой тьмы. Но и была ли эта тьма тьмой настоящей, или казалась таковой из-за того, что у людей не было органов для её восприятия, как у ребёнка, сидящего во чреве матери, нет ещё открытого зрения и возможности увидеть цветущий сад, где гуляет его мать. Та, которая носит его и вдыхает аромат, переливающихся в живом свете растений вокруг. А он там, в ней, только и способен уловить тихое и спокойно-радостное биение её пульса, страхась в предчувствии своего скорого выхода в чудовищную для него неизвестность, где не будут его защищать околоплодные воды, единственное, что дано ему в его ощущениях эмбриона. Спит мозг, закрыты глаза и не дышат лёгкие, и час его выхода мучителен ему. Но он неизбежен, как ни блаженствует личинка – человек в своём неведении. И крик, открывающий его лёгкие, есть и отчаянное прощание со своей насиженной маленькой вселенной, есть и страх огромного и нового мира, распахиваю-

щего ему навстречу своё подавляющее величие, своё земное тяготение и вечно призывающие вверх звёзды.

Фарс над озером несчастья

В земном мире уже давно не было войн и болезней, косивших целые континенты. Не было распрей ненасытных владык, тех, кто мнил себя главными на пиру жизни, данной им в награду, а прочим в наказание. Мир был ярок и тих, люди не толкались, не ненавидели, не ругались гнусно, не убивали себе подобных миллионами. Но он всё ещё не был Раем. В нём была смерть. И поиски себе подобных миров тоже могли помочь в разгадке и поломке её несокрушимой иглы, чем она жалила живущих. Но что или кто она была? И было очевидно, что всё мировое и вселенское зло связано с нею напрямую. Зло и разрушение живого это понятия – синонимы. И если она есть благо, как учил когда-то Будда, или сектанты-гностики, то почему же Творец мира не дал человеку это знание и понимание, зачем утаил? Если любовь – благо, то всем даётся это понимание открыто и всеохватно. Мир не делает любовь тайной, он являет её всем как свет, и к ней как к свету все стремятся, все жаждут и ликуют, пребывая во благе счастья.

Ксения и Рита зависли в аэролёте над гладью утаённого на высоте гор озера. При солнечном свете оно было мирное

и безобидное, были видны какие-то строения, теснящиеся в скалах. Оказалось, что это обитаемое место. А в тот хмурый вечер ей показалось, что тут нет, и не было от сотворения мира никого, кроме одержимых и редких альпинистов. Ксения прижала к себе маленькую урну- контейнер с пеплом.

– Почему именно тут? С чего ты взяла, что это была его воля? Ужасное место, дикое какое-то. – Рита хмурила высокий гладкий лоб, злилась на Ксению. Её, рафинированную, без пятнышка, без складочки, идеальную и вычищенную всегда во внешнем облике, раздражали рыжие и давно нечёсанные волосы Ксении. Они были повязаны траурным шарфиком, как делали это женщины в старину. На этом стояла сама Рита, повязав голову опустившейся за считанные недели вдовы, когда навестила её сегодня утром и пригласила её проводить к месту гибели Рудольфа.

– Не было никакой гибели, – упрямо заявило это нечёсаное и опухшее от слёз или от снотворных препаратов помело, вставшее с неубранной постели

– Ты хоть бы причесалась, – заметила она Ксении, – волосы превратятся в войлок.

– Я их тогда побрею. Буду лысой как отец, или как Рудольф и Артур на спутнике. Мне пойдёт, я думаю.

Альбина, ставшая поневоле за хозяйку вместо выпавшей из житейской суеты матери, принесла новое чёрное платье. Ксении было всё равно. То, в котором мать была на церемонии прощания, Альбина выкинула, чтобы Ксения опять в

него не влезла. В тот день она страдала за мать, видя, до чего неприлично она смотрелась в том трауре якобы. Схваченная платьем как второй кожей, она казалась голой, и Альбина видела, как смотрели на Ксению посторонние мужчины, и это не взирая на то ужасное место. Им же не жаль было её отца, они пришли как официальные лица, и Ксения их развлекала. Альбина, хотя и девочка, это отчетливо почувствовала. Рита тоже отметила тот непристойный для вдовы вид Ксении и похвалила Альбину, тихо ей сказав:

– Умница. А то она не соображает ничего.

Сейчас Ксения выглядела пристойно, шёлковое платье струилось по её телу мягкими и маскирующими складками, в меру длинное, изящное и, будучи свободным, делало Ксению более худощавой на вид, чем она была.

– Это его Родина, – ответила Ксения Рите на её вопрос о месте, над которым они зависли.

– Чья Родина? – не поняла Рита.

– Арсения Рахманова. Это же его прах. Он будет доволен, что я развею пепел в его родных горах и над тем озером, где он любил купаться. Так Рудольф говорил. То есть, я это поняла из его рассказов.

– Причём тут Арсений? Что ты несёшь? Не надоело сумасшедшую из себя изображать? Детей только пугаешь. Рудольфа в этом мире уже нет. Прими это в себя. И сбрось свой морок. Не внушай его детям хотя бы.

– Где же тогда Арсений Рахманов? И кто убил твоего Вей-

са?

– Причём тут Вейс? – Рита оторопела, в вечно ледяных глазах закрубились слезы.

– Ты же знаешь про секту охотников за всеми нами, из «Туманности будущего»? Ты знаешь. Только ты боишься себе во всём признаться. Ты сразу всё поняла. Только тот, кто принадлежит структуре ГРОЗ, причём её не последнему, а ближе к верхнему этажу, мог сопроводить твоего второго папу или вечного мужа Вейса, кто он тебе был? В его заждавшийся своего обитателя семейный склеп. И то сказать, зажился дедок, триста лет с каким десятком ему было? А почему они, по старинке, хоронят свои кости в склепах? А всех прочих кремируют?

– Трепло! – оборвала Рита, – закрой свой рот и молчи о том, чего тебе не дано постичь. Какая «Туманность» и секта? Это в голове у тебя клубится туманность, и сама ты из секты вечных дураков.

– Я на тебя не обижаюсь. У тебя секретность уже и твой старый костный мозг проела. У тебя, наверное, особый чип имеется? Рудольф, например, умел его в себе нейтрализовать. У него же тоже был, как у всех этих из ГРОЗ. Ему кто-то сделал сверхсложную процедуру его удаления, а на освободившееся место засунул такую особую штучку, которой можно управлять и удалять любую информацию о себе, по желанию. Так что в этой вашей космической канцелярии зря и думали, что все у них на ладошке копошатся. И пример то-

му, твой маринованный вайс гриб, белый гриб – гриб высшей категории. Что за ширму Альбина мне разыскала? – спросила она безо всякого перехода, оглядывая своё просторное платье.

Рита смотрела на неё, словно видя её впервые, но молчала. Ксения открыла верхнюю сферу, зависшего над горами аэролёта. Она долго всматривалась в металлическую, как это казалось сверху, поверхность озера. Назвать её зеркальной язык не поворачивался, настолько невыносимым было ей и это место, и это озеро. Она нажала особое устройство в контейнере и, тряхнув вниз его содержимое, бросила саму урну следом за развеявшимся пеплом. Серебристая ёмкость мелькнула воздушной рыбиной и по неровной дуге упала в далёкую ледниковую воду. Сама Ксения показала после этого обе ладони застывшей Рите. Она совершила траурно-торжественную церемонию быстро и без всякой торжественности, явно желая поскорее освободиться от невыносимого ей груза.

Рита почувствовала себя оскорблённой вдвойне, и за себя и за несчастного Рудольфа. За что ему была дана такая жена? За какую ущербность и грехи? Но были, были и ущербность и грехи, и не было в последние годы с ним рядом её, ангела-хранителя Риты. Она посерела от своей, не вычеркнутой и его гибелью, ревности к Ксении. Возникло желание выпихнуть её следом за пеплом и контейнером в пучину озера, пусть расшибётся, пусть утонет следом, а она скажет, что

неутешная вдовица покончила с собой. Но это если она сломает шею о водную каменную, если грохнуться с такой высоты, поверхность воды. А ну как останется в живых? Кошка непотребная. У кошек же, как известно, девять жизней. Рита закрыла глаза, приводя себя в чувство привычного спокойствия.

– Я спокойна, я совершенно спокойна, – издевательски прокомментировала её привычную релаксацию на ходу Ксения. Поняла, рыжая тварь, её состояние. Но вряд ли поняла, насколько близко стояла сейчас к собственной гибели. У каждого человека есть грань, за которой он теряет свою выдержку.

– Ревнуешь по-старому? А зря, – беспечно добавила вдова. – Он так и так меня бы бросил. Не любил. Но тебя он не любил ещё глубже. Меня, во всяком случае, хотел, и как сильно временами, не представишь! Последний раз перед этой скверной прогулкой на озеро, сколько же раз мы с ним замкнулись? Три раза. И каждый раз как в первый.

– До чего же ты извращена в своих проявлениях! У тебя на лицо патология – эксгибиционизм, так это называется в терминах психиатрии. Но не секрет, что мужчинам такие сучки и нравятся.

– Эксгибиционизм на лице? Так он у всех на лице. Мы же лиц не прячем, как на старом Востоке.

– Заходись, заходись в своем кощунстве. И это во время такой церемонии. Бедный Рудольф! – И Рита вдруг скрыла

своеё лицо в ладонях, чтобы не выдать Ксении своего страдания.

«Отдай мне своего сына»

Справившись с нахлынувшей мучительной эмоцией, Рита опустила руки. Лицо было порозовевшим, несчастным, и от этого показалось Ксении милым, человечным. Она впервые подумала о Рите как о посторонней, как о вечно одинокой женщине, давно утратившей истинную любовь по отношению к себе со стороны тех, кого прельщала, но, по сути, покупала за мелкие выгоды и поблажки, которые устраивала своим мальчикам по службе. Красивая внешняя упаковка не всегда была способна обмануть, и временное влечение никогда не переходило в любовь к ней. Получалось, что в человеке существует тончайший тайный идентификатор истинного возраста души, и симулякр молодости не имеет в себе незримых, но остро ощущаемых, подлинных и трепетных ювенальных излучений? И разве не прочувствовала она, Ксения, всё это на себе, так и не вернув его прежней любви?

Чем была их жизнь? Ксения была поглощена собой и детьми, своими родными особенно, и в большей степени, чем детьми Нэи. И не зря Альбина не любила Рудика, ревновала отца к младшим детям. Да, в этом она могла себе признаться только наедине с собой. А он? Жил рядом, но что

чувствовал и думал о чём? Никогда не оставляло притупленное, конечно, но болезненное подозрение, что явление Нэи в его жизни стёрло в его душе все следы их былой юношеской любви. А она сама, Ксения, пришла впоследствии как одна из череды других и мало ценных для него, случайных отвлечений от главной, необходимой его женщины, и главной этой не стала, хотя и заняла по необходимости её место с ним рядом.

– Не знаешь, куда Альбина дела мое чёрное платье? Я искала, искала, но так и не нашла. Оно дорого мне, потому что я была в нём на прощании с мамой. Я шила его сама. Чтобы не сойти с ума от горя, сидела ночью и шила. Это было в ту ночь, после того страшного и невозможного дня, когда одновременно вместе с нею Землю покинул и Рудольф. Я шила этот траур, о! Это моя тайная подлость! По нему, потому что мои спазматические рыдания были вызваны его отбытием в большей степени, чем уход мамы. Он на Трол, а она – куда? В Созвездие Рай? Я даже и представить себе не могла в то время, что буду в этом платье повторно и в такой ситуации. Но и в какой? Это же не был он. И ведь любой человек заслуживает того, чтобы в день его ухода кто-то, пусть и не близкий облачился в траур. Разве нет? Хотя я совсем не знала этого Арсения. Думаю, его информационная матрица будет мне благодарна, что я высыпала его прах в родное ему озеро. До чего странен был его отец, этого Арсения Рахманова, если выбрал для себя и сына такое оторванное от ци-

визации место. Рудольф рассказывал, он был вроде горного отшельника, когда утратил свою жену-возлюбленную. Я ещё подумала, везёт же некоторым женщинам, что их так любят. Или дело не в них, а в мужчинах, редких в своём однолюбии? Почему мне не попался такой человек? Или тебе? У тебя вечный конвейер. Неужели ты никогда не завидовала людям, у которых жизнь, как кристалл чиста и безупречна? Почему не искала такого человека? Почему не нашла?

– Давай не будем омрачать информационной матрице Арсения момент его прощания с испепелённой оболочкой, – издевательски оборвала её Рита, – давай помолчим, как того требует трагичность момента. Ты классический оральный тип личности.

– Это что?

– Была такая древняя классификация людей по определённым врождённым признакам. Оральный – это тип, страдающий речевым, да и прочим эмоциональным недержанием. Они все время говорят, они не умеют ничего в себе таить, у них чрезмерно расслаблены зоны входа и выхода, ну ты, понимаешь. Но есть и преимущество. Они никогда не страдают запорами.

– Спасибо, утешила. А какой им противостоит, как противоположный?

– Компulsiveный, кажется. То есть чрезмерно зажатый и сверху и снизу.

– Как ты?

– Это же устаревшая, больше причудливая, чем научная классификация. Это из разряда научной алхимии. Это я так. Чтобы тебя осадить. Я не специалист по истории.

– А должна бы ею быть, специалисткой – очевидицей по древней истории. Ладно. Осадила. Давай помолчим.

Рита направила аэролёт вверх и в сторону запада от гор. После долгого, это если для Ксении, молчания, вдова заговорила:

– Как думаешь, люди возрождаются там, в будущем? Я бы хотела возродиться не здесь, а на той Земле – 2. Когда умру, пусть мой прах развеют там. Вдруг там будет лучше, чем у нас? Через неделю прибывает Артур. Он сейчас проходит карантин в «Сапфире», пусть и формальный, но так положено. Бедный и добрый Паникин, он так и не сумел собрать всё рассыпавшееся семейство, как хотел, на поминальный ужин. Карин отказалась, я рассыпалась на изначальные элементы. Альбину этот Антон куда-то уволок. Кажется, он знакомил её с теми сестрами, но они отказались прибыть из-за меня. Как это, представь, сидеть им и оплакивать постороннего им отца и при этом общаться с незнакомой и неприятной для них тёткой? Вспоминая при этом предавшую их мать? Вика отказалась, думая, что будет Артур, а Артур задержался с прибытием. Когда он отдохнёт на Земле, получит нужный инструктаж и переподготовку, я улечу с ним. Там на Земле – 2 строят поверхностную базу. Артур говорил, что все названия там будут земными, как у нас. Чтобы она была полным

подобием нашей Земли. Но не знаю, хорошо ли это? Не программируем ли мы её тем самым на повторение собственных ошибок ценою в миллионы лет? Никто не захотел оставить ей моё имя. Ксения – это чужая. Она же будет нам родной. И тогда, в той будущей жизни я уже не встречу с Рудольфом. Не хочу этого. Этот человек не оценил моего ему дара – любви длиною в жизнь. Мы возродимся, но не встретимся. Зачем? Пусть он ищет свою Нюю в Созвездии Рай. Или Гелию?

– Оставь мне Рудика. Я воспитаю его как сына.

– Нет. Он родился на спутнике Гелия, под притяжением планеты Ксения, и он полетит со мной. Артур сказал, что будет ждать, когда я захочу стать его женой. Я захочу. Потому что Артур мой. Просто мы разминулись с ним несколько во времени. Но всё равно встретились. И я ещё долго буду молодой, я рожу ему детей, я забуду Рудольфа, я...

Будто выбило в ней некую пробку, и из неё полились, хлынули горячие слёзы, заливая лицо, впервые после её многодневного ступора. Какое слово стало ключевым и открыло закупоренные источники слёз? Они заливали её настолько, что мешали ей видеть проклятое озеро и ненавистные эти горы, никак не причастные к её, так и не сложившейся земной судьбе.

Теперь уже Рита смотрела на неё с жалостью.

– Кто бы и сомневался в том, что ты не засохнешь от одиночества, – сказала она себе под нос, смущаясь того, что и

у неё защищало в глазах. – Для чего же тебе и была возвращена твоя молодость, как не ради твоей новой судьбы? Ты родишь там себе столько же детей, сколько и Нэя. Рожай себе до ста лет. Ресурс твой это позволяет. Но этого мальчика оставь мне вместе с детьми Нэи. Возьми Андрея, например. Он взрослый. А эти могут не пережить перелёта. Рудик мне особенно дорог. Я хочу, чтобы внук Артёма – сын Рудольфа остался на Земле. Прошу тебя, Ксения, не отнимай у меня смысл жизни.

И у Риты, у этой внешне неприступной суперженщины, подобной вершине замороженной и прекрасной горы – свидетельницы их последних вместе с Рудольфом минут, – тоже полились слёзы из глаз.

Где-то таяли вечные ледники, давая начало великим рекам равнин, и таяло её время, время живое и чувствующее, но которое не дало никакого начала ничьей другой жизни, никому.

– Не плачь, – Ксения, жалостливая и отходчивая, тронула её бережно и примирительно ласковой рукой. – Хочешь, не хочешь, а мы с тобой родные. И по моему отцу и по бывшему мужу. И я всё же люблю тебя, если жалею. Я не хочу тебе страдания. Я оставлю тебе детей, хотя мне это непредставимо трудно, как ты и не представишь. Но я сделаю это, да, прежде всего из-за страха их потерять. Личный эгоизм это не советчик в таких вопросах. Ариадна родит мне наших совместных с ним внуков. Она же вырастет неизбежно. Вон

Альбина уже просится на жительство к этому Антону. Видишь, как у них всё быстро. А я буду и прилетать к вам, в гости.

И она заливалась накопившимися где-то в ней слезами, ведь со дня того страшного вечера, она не уронила ни одной слезинки. Мысленно она прощалась и со своим сыном, оставляя его Земле, как и хотела всегда, принося в жертву немилостивой Земле свою материнскую любовь. А ей самой Земля без Рудольфа уже не была нужна.

Обретение новой судьбы

«За что?»

Земля без Рудольфа уже не нужна. А она ещё жалела какую-то старую, придорожную, пахучую метлу – черёмуху. А она ещё мечтала о какой-то предстоящей, бесконечной и ленивой отраде в тени своего кусочка одомашненного леса. А она мечтала о редких, от того и потрясающих счастьем, подлунных купаниях с ним вместе в маленьком водоёме за соснами. А она, старая глупая кляча с туго натянутой кожей на упругом своём крупе, так и не исцелилась от простительной только в молодости похоти к тому, кто так и не стал привычной домашней её половиной. Он так и остался редким, загадочным и всегда ожидаемым гостем без подарков. Поскольку подарком был сам. Было ли это хитро-продуманной тактикой его поведения? Или причиной всему была реальная нехватка времени для домашнего каждодневного мельтешения, порождающего рано или поздно притупление этой самой, какой она ни будь по ненормальному её накалу вначале, чувственности? Только он не стал ординарным мужем ни одной из тех скиталиц за любовной удачей, кому посчастливилось или не посчастливилось выйти на его жизненную до-

рогу под прицел его захватнических глаз.

За что? За какие не свершённые прегрешения ей дана такая судьба? «Как ужасно быть женщиной», – думала она. – А ещё ужаснее быть мужчиной. Кем же тогда быть? Вечным ребёнком, нежноликим ангелом, в ком женское начало слитно с мужским, когда и то и другое не развито, не проявлено, а дремлет блаженным утренним предощущением несомненного будущего счастья».

Это случилось после того страшного вечера у пирамидальной горы, который она посчитала уже окончательным вечером своей судьбы – вечером, гаснущим в уже необратимую для неё ночь. Именно тогда кристалл на кольце обесцветился и обрел вид убогого тусклого, бутылочного стекла. Она пыталась его почистить подручным домашним средством, но эффект очищения пропадал тотчас же, и поверхность камня мутнела, покрываясь непонятной дымкой. Скорее по инерции Ксения продолжала носить его, по бессознательному даже автоматизму привычки снимала вечером, искала его утром. Он был как судорожное цепляние за старую и очевидно закончившуюся жизнь. Как безумная надежда повернуть время вспять. Чем она и занималась всю свою жизнь, безумный борец с накатывающимися валами вселенского времени, из неощутимых, но неодолимых лап которого она пыталась вырвать свою любовь, своё прошлое. Но сейчас над вершинами гор она вдруг увидела, что кристалл стал алым, как та гора в тот жуткий вечер.

И к ней вдруг пришла догадка, а по мере нарастания сияния кристалла и внезапное озарение, что в этом кольце заключена причина миражей озера, – появление неизвестной девушки и последующей за этим световой вспышки. Кристалл транслировал неведомый мир, из которого приходили к ней уже дважды, – Нэя, затем страшный Хагор, а тем вечером явилась роковая незнакомка. Она и была Гелией.

Ксения попросила Риту вернуться. Не поняв её намерений, Рита всё же исполнила просьбу, не желая её раздражать. Зависнув повторно над ледником, над сумрачным глубоководным оком гор, расположенным чуть ниже его голубеющего языка, Ксения сняла с руки кольцо и выбросила его в озеро. Зачем она притащила это горе со спутника? Зачем она польстилась на чужое сокровище? А ещё обзывала Риту вороной. Пусть бы кольцо Нэи валялось в пирамиде. Пока сатанинский кристалл не растаял, как тот, о котором рассказывал Рудольф – кристалл Антона, данный ему страшным Хагором. Тут была её вина перед мужем, – это она притащила на Землю орудие мести неумолимого монстра.

– Ты так ничего и не поняла, – сказала ей Рита, – да и откуда тебе было знать о Гелии. Ты думала, как и наивная Нэя, что он стал твоим. Я тоже вначале думала, что без труда верну свою прошлую власть над ним. Но он не особенно-то и нуждался, как в тебе, так и в Нэе до тебя, и даже во мне. – И она подчеркнула особой интонацией слово «даже». Мол, она-то незаменимая всегда, она – то вне конкурса, устраи-

ваемого девицами или жёнами, неважно кем. Она не из их числа, она всегда особенная.

– Он рассказывал мне о своей трольской жене на островах «САПФИРА», и я тогда же поняла, он любил только её одну, потому что так и не сумел её одолеть. И она его любила, только его. Нэиль был её орудием мести. Я в этом уверена. Она была подобна самому Венду, самовлюбленная кристаллическая химера. Я, если честно, ругая тебя, поверила тебе. Только почему ты не сказала о своих подозрениях мне до кремации? Что стоило провести подлинную экспертизу, если та была фальшивкой? И что за поспешность была в последующих действиях, когда всё завертелось с быстротой и сумбурностью дурного сновидения? Никому даже не пришло в голову проверить тебя на вменяемость. Что ты там видела? Что произошло с тобою? С ним? Сейчас настолько очевидно, что ты пребывала в состоянии измененного сознания. И заметь, он не был обыкновенным незначительным обывателем. Тогда чего так спешили? Не разобрались в дичайшем происшествии...

– Не бывает незначительных людей.

– Бывает, ещё как бывает и есть. Но кто-то был заинтересован в лихорадочной поспешности всё поскорее скрыть. Как будто у всех последующих действий был тайный режиссер-постановщик спектакля под названием «Похороны Рудольфа».

– Он сам и был в этом заинтересован. Он и был режиссе-

ром – постановщиком. До чего же ты сама-то незрячей оказалась! А как черепаха: «да, молода, хороша я, сказала она, уползая. Живу я лишь сотню лет». А сколько на самом деле ты живёшь?

Рита во власти эмоций

– Не помню. Я не считаю свои годы. Зачем мне?

– Тебе было страшно, когда Рамон занёс над тобою нож? Или что у него там было в руках? Тот нож был трёхгранный? Он поразил тебя нестерпимым блеском? Какой-то особый сплав, особый клинок, мощнейший удар, и смерть происходит мгновенно.

В глазах Риты закружился тот самый страх, не была она суперженщиной, а обычной, втайне трусливой старушонкой, уставшей, но продолжающей прятаться за телесную иллюзию своей молодости. И умной она никогда не была, или уж утратила частично свою врождённую гениальность, как это ей приписывали? Природу, а правильнее Бога, нельзя же бесконечно обманывать.

– Откуда ты знаешь про Рамона? Неужели Рудольф был так подл, что рассказывал тебе всё?

– Что всё? А ты что же, живя две сотни лет, всё еще оболыщаешься по поводу мужского благородства? Ему нисколько, ты только подумай, был недорог наш союз, дети, я не за-

служила в его глазах и простой благодарности за все те радости, что давала ему. Ни в той моей юности, ни потом. А Нэя? Она что ли заслужила его благодарность?

– Я знала Рамона давно. Ещё когда он появился в ГРОЗ как курсант. Он был переросток на своём курсе, пришёл поздно, но осознанно, и его приняли. Он прошёл все тесты, все испытания, его интеллектуальные и психофизические данные – великолепны. Добряк, в чём-то и смешной парень, но смелый, с ярко выраженным устремлением к справедливости. Всегда. Не знаю, за что его сослали в далёкую штрафную колонию. Данные подобного рода всегда засекречивались. Но судимость с него сняли. А там, на спутнике, он просто помутился рассудком. Там такое происходило со многими. Видимо, он повредился головой в тех местах, где отбывал срок. Жуткое место, повышенная радиация, и прочее. Всё это не могло не сказаться на нём. Восстановление оказалось недостаточным, так бывает. Он простой парень, кто был озабочен им? На спутник же взяли, там не хватало опытных служаков, а Рамон таковым являлся. Но произошёл срыв. Вот и всё. Некоторые направляют агрессию на других, некоторые на себя.

– Не шифруйся. Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь. Они, те ребята, как и их духовные лидеры, считают, что вы несёте в себе зародыш будущей страшной болезни человечества. Вы взбесившиеся клетки, будущие губители и носители духовного, значит, и физического яда для цивилизации

Земли. Нельзя жалкой кучке иметь то, чем не обладают другие. И это не деньги, не еда и дома, как раньше, не гипертрофированные возможности, всё нарастающие и всё более приобретающие злокачественный рост и изощрённость. Вы ещё страшнее. Вы можете заразить собою информационную оболочку Земли, сделать её непригодной для будущего, и из-за вас мир Земли будет уничтожен. Вы уже живёте за счёт ресурсов будущих поколений. Занимаете, по сути, их место. И с этим соблазном справиться страшно тяжело, но крайне необходимо. Новый виток по спирали развития, новое зло в лице всё тех же элитариев – паразитов. Толпо-элитарное зло не может быть истреблено, пока правила жизни диктуют носители погибели, пока они насаждают в преемственности поколений эти правила. Поэтому те охотники беспощадны к вам, хотя и, возможно, страдают по-человечески. Вот как думаешь, плачут клетки – носители иммунитета, убивая свою родную клетку, заражённую опасной дрянью? Поэтому они, «лбы» эти, учатся у вас. Они тоже встали на путь мистификаций, на путь неправды, лично направленной против вас. Ты думаешь, те люди, которые открывают другие миры, осваивают их, постигают, не меняются? Не выходят из-под вашего гипноза? И если в них, в нас есть стремление к справедливости, значит, его кто-то в человека вложил? Почему одним всё, а другим ничего? Если вы пришли к мысли, что человечество не дозрело до вашего прорывного открытия всем скопом, значит, вы не имеете права пользоваться

суперскими возможностями втихую, секретно от большинства, значит надо работать в направлении усовершенствования, чтобы этим обладали все. Или вы неизбежно превращаетесь в нарост, если не как все. Сколько таких наростов срезало с себя человечество, сколько теряло при этом сил и крови. Если бы не этот древний вирус, где бы мы сейчас были? Рудольф тогда ещё говорил мне, что если и на Землю –2 затащат старые порядки, то грош цена будет этому будущему раю. Не будет его и там. Может быть, тот их лидер, он не так и наивен, что вербует себе в адепты таких жестоких людей как Венд? Уж он-то не пожалеет, слезу не пустит. Он не дрогнет, как добрый Рамон над тобой тогда. Заслуг не зачтёт. Закон, если это высший закон, исключений не знает. Какой он и закон, если его можно нарушать из-за первого же сострадательного вздоха над беззащитной и живой душой? Человек всё же не вирус с шипами, похожий на нелепый шарик, похожий на тот, который дают грызть щенкам. У меня щенок был, он в такой шарик играл, рвал его...

Рита слушала её, уйдя в какой-то невидимый кокон, оставаясь зримой для Ксении. Она стала невозмутимой как маска, на которую не направишь эмоций, которую не прошибешь словом. Она включила свою отработанную защиту, как делала это со своими пациентами. Но Ксения достаточно презирала её, давно знала и не прониклась, не поникла перед её профессиональным превосходством. Она почти глумилась над ней, впервые почуяв власть над женщиной, ко-

торая хотела присвоить её детей! Сколько же страданий она ей доставила ещё в юности. Как умела эта змея настроить против неё даже родного отца. Как умела вытащить первого возлюбленного из её, уже семейной, постели. Утащить его, оставив её одну встречать Новый Год. Было и такое. Зачем? А вот так ей захотелось! Все ссоры начинались у них из-за неё, все её бесконечные муки, все трещины в душе, приведшие к последующему разлому личной судьбы.

«Детей тебе! Я ещё покуражусь над тобой, повожу тебя за нос, а фиг ты кого из них получишь! Нашла щенков – дай их ей!»!

– С чего ты взяла, что осчастливить можно всех скопом? – Рита усмехалась, всё ещё пребывая в маске пугающего все-сильного колдуна, которому открыты тайны, неведомые таким жалким людишкам, какой была Ксения в её глазах. – Когда было это возможно? Чем обычно кончалось? И с чего ты взяла, что этим хищникам ночи, этим волчьим «лбам», а уж тем более тебе, известны подлинные мотивы действий их вдохновителей? Может, они просто избрали такой способ борьбы за власть над планетой?

Но Ксения уже выдохлась, да и не нужна ей была месть над бывшей соперницей, не радовала. Неожиданно она выхватила гигиенический пакет из-под сидения, и её вытошнило на глазах изумлённой Риты. Последние дни она почти не ела, только много пила.

– Перебрала антидепрессантов? – голос Риты был сухой

и какой-то старчески скрипучий. Она злобилась, но продолжала владеть собой. Снисходительной она не была никогда, только умело таковой притворялась. Но у самой Ксении весь запал против Риты иссяк. Безразличие, вот что она чувствовала, и её выхлоп был только эхом прошлого. Без Рудольфа рядом, что такое – Рита? И вместе с приступом рвотного рефлекса она изблевала и эту Риту из себя. Окончательно. И тайны не имели никакого смысла.

– Я беременна, – сказала она Рите. – Вика мне говорила, что изобретено средство, сохраняющее плод на раннем сроке во время переходов через нуль-пространство. Конечно, риск остаётся. Но я не останусь на Земле. Это уже решено. И не принимала я никаких антидепрессантов. Я своему будущему Космомыслу не враг. Я знала, что он должен родиться. И мама знала. И он родится.

Ксения покачнулась, хотя аэролёт летел ровно и плавно, но быстро овладела собой.

– Вот подумай, если бы в той лодке сидела я, поплыл бы он ко мне? Нет, конечно. А к той поплыл, забыв себя. Любил её и тосковал, не простив себе своего зверства, но по отношению ко мне он так и мнил себя безупречным. Я видела того Хагора в то утро, а ведь ночью я не поверила Рудольфу, что он приходил.

– То есть? Как видела Хагора? – Рита как будто впервые услышала её упоминание о Хагоре.

– У нас. Возле бассейна. Он сидел рядом и смотрел в воду.

Темнолицый старик с пронзительными, как у птицы, страшными глазами.

– Птицы разве страшные? Тупые какие-то. Бессмысленные глаза, в которых никогда не отражается высших эмоциональных проявлений, свойственных млекопитающим животным. Другая, примитивная форма жизни.

– У него были не тупые, но по-птичьи пристальные, не мигающие, нечеловечески страшные глазюки. И он... – тут Ксения застыла, поражённая мыслью о сходстве видения в бассейне с ветхим и маскарадным старцем из леса, когда тот сидел на бревне под ветвями деревьев у входа в чащу леса. А поскольку он, по виду как бы и старичок-добрячок, сидел себе как убогий странник, любующийся на птичек, она его и не узнала, не сопоставила со страшилищем, глядящим на неё из воды бассейна, как из опрокинутого экрана.

– Так это было нечто вроде трансляции изображения из источника, скрытого где-то, а кристаллы и есть всего лишь передающее устройство, – мой и тот, что был у Рудольфа.

– И что он сказал? Хагор этот?

– Ничего. Ночью я посчитала заявление Рудольфа о привидении Хагора приступом его безумия. Но утром безумие накатило на меня. Мы же давно были как два сообщающихся сосуда. Ты не знаешь, но опровергая сам себя, он иногда так любил меня, так любил! Как в юности, как в первые дни нашего сближения. А в ту ночь, когда произошло зачатие, в бассейне... Дома же дети вечно мешают, вдруг что услы-

шат, проснутся, а я, когда начинаю контролировать процесс любви, я перестаю его ощущать в нужной полноте, и я сказала ему: «Проводи меня искупаться под звёздами». Он пошёл вместе со мной. Он любил меня одну, всегда только меня. Когда мы гуляли у Байкала, я собиралась ему сказать о будущем ребёнке, но появился тот Антон. И я отложила на потом, но никакого «потом» уже не было.

– Да, да, успокойся. Конечно, любил только тебя, – и Рита вздыхала, понимая, что не добьёшься от неё никакого внятного ответа. Поскольку Ксения пребывала на стыке двух миров, двух состояний, – ума и безумия, сна и яви.

– И разве это не доказательство? Мой будущий ребёнок, сотворённый под звёздами. Его будущее там, на них.

– И ты с лёгкостью сможешь переключиться с отца на сына? На Артура? – Рита растирала её в мелкое похотливое насекомое своим взглядом. Её передёргивало, потряхивало от ненависти к тому, что она, Ксения, опять станет матерью. Что тот самый бассейн, где сама она изгалялась некогда над своей поверженной и больной соперницей Никой, в её же доме практикуя свой изошрённый секс с отцом Ксении, стал тем местом, где зародился предсказанный Космомысл – будущий обитатель нового светлого мира новой Земли, будущий прекрасный сын Ксении.

Ксения была уверена, что сын. А эта вечная блудница, думала Ксения о Рите, поганка, мнящая себя богиней, так и осталась пустой и неплодной, трухой женской, ледником

двухсотлетним, или сколько ей там? Что на нём может и произрасти?

Как ни тяжело с Ритой, одной ещё хуже

Ей стало противно размышлять о Рите, и она стала думать об Артуре. Артур примет её любой, Артур её не забыл. Артур живёт там один. Премудрая Эльза оттуда сбежала, а он её и не удерживал. Всё это он откровенно, как и всё, что он делал, сообщил во время последнего своего послания. Он стал немного другим, сдержаннее и умнее, но, как и тогда опять бритоголовый и смешной. Да и много ли времени прошло? Десять лет с того дня, как он объяснялся ей в любви среди огурцов и кабачков. Она совершила свой оборот по замкнутой орбите, но по орбите ли? А не по искривлённому витку своей закрученной и вовсе не замкнутой спирали человеческой судьбы? Ведущей куда?

– Ты и сама из тех, кто принадлежит к «Туманности булдушего», не забывай это, – прошипела ей Рита, – да тебе и не дадут забыть. Напомнят тебе о твоих обязанностях. Или ты думаешь, что это благо дано тебе только для секса в бассейне? Только для того, чтобы фаллос мужа сменить на тот, что ты будешь лизать у его сына? Шлюха! Ты ещё не сделала и первоначального взноса за пользование тем, за что люди жизнь свою кладут...

– Уж не тебе ли я обязана этим? Разве не мой отец сделал свою жизнь тем самым взносом? Я знаю, как ты всегда любила делать дары за чужой счёт. Отец находил что-либо для мамы, так пустяк, конечно, но ей милый, а ты тащила его ей, намотав на него банты своего лицемерия. Ты и в мелочах верна себе. Сделала новый и убогий настил полов в моём доме, реставратор, а взамен вытащила из дома всё, папины коллекции минералов, мамины драгоценности, подарки матери Рудольфа. Хорошо, что я успела часть коллекций детям в школьный городок отдать. Но самое ценное ты прихватила. Да мне не жалко, Рита! Это же пыль космическая, это же смешно в свете вселенской вечности! А ты, неужели, не научилась простой премудрости, которую познала, даже годящаяся тебе во внучки Карин? Всё проходит! Всё, кроме будущего. Оно всегда впереди и потому времени не подвластно, и тлену тоже. Для него только и надо жить. И деревья цветут для будущего, и плоды наливаются тоже для будущего, и детей мы рожаем для него же.

– И стареем? – Рита кривилась в подобии ироничной усмешки, опять уподоблялась ритуальной маске духа зла. Вот уж улыбаться она не умела никогда. Не дано ей было расцветать лучезарной улыбкой, как и всем злым людям, – и умираем? – спросила она, не скрывая презрения.

– И живём только потому, что озаряемся его светом, светом Будущего. И любим.

– Да, у таких, как ты, смысл жизни в любви. Любовь под

звёздами. В бассейне. Чтобы дети не услышали стонов своей неуёмной мамочки. Если бы Нэя не ушла тогда к Антону, он и близко бы к тебе не приблизился. Он не умел прощать. Он так ей мстил. А ты для него постыдное и отринутое прошлое, и его жизнь с тобой стала его карой, которую он сам себе изобрёл.

– Ага, карой. Тебе бы такую кару? А Рита? Тебе бы детишек таких пригожих? Или дети для тебя кара?

Рита замолчала, поняв, что Ксения поймала её на слове. И может передумать оставлять ей детей.

– Дети, – сказала она ещё слаще, ещё нелепее улыбаясь пародией на человеческую улыбку, и как бы придавая всей перебранке шуточный подтекст, – дети, конечно, главный смысл любви людей.

– Какой же смысл у тебя в жизни?

– Их много. Работа, исследования, познания, общение, дружба. Боже, что за детский диспут в начальной школе! Во что ты меня вовлекаешь?

– Неужели ты думаешь, что те «ловцы» уничтожают людей за их молодость? За их естественное стремление к счастью, красоте и здоровью? Что они фанаты жуткой старости и служители следующей за ней смертью? Нет. Они выслеживают только тех, чья жизнь перевалила за две сотни лет, даже за три, тех кто, ничего не давая другим, тратят на себя гигантский ресурс всего человечества. И стали камнем, завалившим путь научному потоку, не дают пробиться вперёд

исследованиям, чтобы для всех остальных не наступило то, чем владеют одни они. Они хотят стать архаичными, долголетними богами над остальными краткосрочными рабами. Как это ты говоришь, над «заурядными людишками». А я даже не исчерпала свой положенный всем прочим биологический срок. Я только постарела раньше большинства своих сверстниц. То, что ты сделала мне «дар», я ценю. Но не знаю, было бы мне хуже, если бы такого дара ты бы мне и не сделала. Мы жили бы с Ксеном до сих пор, я продолжала бы спать и видеть свои сны наяву, но не имея остроты чувствований, не зная счастья, я не знала бы и горя. Что лучше? Что хуже? Это всё равно как вопрос, который часто задавала мне мама. Что лучше – жить, страдать и умереть с неизбежностью, или не родиться никогда? Ведь в итоге между тем и этим знак равенства – ничто. Но смерть это же в чём-то наша умственная абстракция. Это то, что отрицает мир, но мир есть, а отрицание не имеет своего существования. А то, что не имеет существования, того и не существует.

– Но однозначно существует земной ад – это процесс разрушения жизни, который мы наблюдаем, и даже имеем возможность прочувствовать начало и последующую глубину этого процесса на своей шкуре. Ты и понятия не имеешь, о чем я говорю. Ты считала за горе пару морщинок у глаз, утрату всего лишь части своей былой привлекательности. Ты не вкусила подлинной старости, моя дурочка. Ты дитя, которое стремится доказать свою житейскую мудрость старику толь-

ко на том основании, что заимело силёнку, чтобы его толкнуть как следует. Но если опустимся на столь излюбленный тебе организменный уровень с его аналогиями, конспиролог – недоучка, давай представим следующее. Как в человеческом теле соотнести по важности и продолжительности жизни, скажем, ординарную клетку эпителия или любую другую, скажем ту, что являются составляющей слизистой оболочки того самого места, которое давало тебе столько счастья, – и мозговые нейроны? Их жизнь, каждого из них, сопоставима с жизнью самого человека, и они, если их соизмерять с жизнью той же клетки кожи, живущей несколько лет, фантастически долговечны. Где же тут неравенство или несправедливость?

– Ну, если уж напрямчь всю цитоплазму моей ничтожной клетки, то вот что думаю: кто же шепнул тебе, что ты являешься мыслящим нейроном? Чей такой голос? А я это самое? Я-то всю жизнь жила тихо и неприметно, с единственным мужем, бывшим у меня прежде. И в служебных апартаментах личных блоков для услаждающей релаксации не имела никогда, как и персональных холлов для представительских приёмов. Ты, прежде чем оскорблять человека, соотнеси хотя бы своё насыщенное бытие и моё, тихое и порядочное. Или ты страдаешь невротическим переносом своих комплексов на ближнего?

– Мне трудно это принять, но я люблю тебя, – Рита отвернула лицо в сторону вечной синевы, под которой они и

сами казались вечными, – люблю, зная, как ты относишься ко мне. Но люблю как дочь Артёма, единственного человека, кого я любила. И люблю. Потому что его места никто уже не займёт. И я хочу, чтобы ты освободила себя для новой любви, для новой судьбы. Чтобы тебе стало легче жить. А ты, безоблачно живя со стороны объективного зрителя, и просто постороннего наблюдателя, на самом-то деле жила плохо и сумрачно, и это до пятидесяти лет. Лучшую свою пору. Вообще не жила. А теперь мало и прикоснувшись к своему вожделенному счастью, всё утратила. Поэтому, даже злясь на твои выходы, я тебя жалею, совершенно бескорыстно. Независимо от того, как ты решишь поступить в дальнейшем с детьми. Взять их или оставить. Ты думаешь, что так просто меня затолкать в рамки твоего односложного представления обо мне? У меня не было детей. И ты мне в данный момент ближе всех. Как дочь. Но дочь, не любящая свою мать. Можно сказать и так. А это сплошь и рядом происходит с близкими людьми. Вот Альбина не любит тебя. А за что? За то же самое, за что ты меня не любила никогда. И, наверное, это невозможно, и я это принимаю.

– Как же тогда Рудольф?

– Он был лишь заменой, всегда заменой. Как Артур для тебя.

– Можно подумать, ты одна субъект с волей, а все болванки без ума и души. Он сам-то что? Не выбирал свой путь?

– Мы все как космические частицы сталкиваемся друг с

другом, сшибаемся, отталкиваемся, меняем и свою и чужую траекторию. Мы все влияем друг на друга. И нет никакой судьбы.

– Есть. Я была его судьбой. Я. Но влезла Нэя, вытеснила меня. Но и толку? Зачем она покинула свой Трол? Земля не её планета.

– Да, – согласилась Рита.

– На Земле не было предначертаний её судьбы, не было ей места.

– Да, – согласилась Рита.

– Поэтому она похитила мою судьбу.

И на это Рита сказала, – Да.

Рита не была бы психологом, если бы не умела дать ей облегчения. И странное дело, облегчение наступило. Страдание, ещё утром непереносимое, отодвинулось куда-то за горизонт. Точно так же, как исчезали постепенно горы и открывались великие равнины, лежащие за массивными складками – морщинами Земли. И у Ксении в душе возникло ожидание своего будущего при всё ещё стонущей памяти уходящего прошлого.

Кому утешение, а кому неподъёмная тоска

У границы необъятно простирающихся, занятых системой космопортов и космодромов, степей они и приземли-

лись, чтобы перекусить в случайно замеченном ресторанчике. Впервые за эти дни Ксения ощутила голод.

– Тебе всё же легко, – сказала Ксения, – ты никогда ни кому не была привязана. Как мать Рудольфа. Она не пролила не единой слезинки. Стояла как палка, ушла, не захотела проститься. А бедный Паникин кричал в голос. Я даже не слышала, чтобы мужчины так плакали. – И Ксения опять зарыдала в содружестве с отсутствующим сейчас Паникиным. Рита это помнила и видела. К чему она ей пересказывала?

Чтобы Ксения не заметила, она вытерла набежавшую слезу салфеткой, сделав вид, что соринку. Но Ксения утонула в своих слезах, в своих вскрикиваниях и ничего не была способна заметить. Рита сунула ей молниеносным профессиональным движением маленькую капсулу, и Ксения, почти не почувствовав её, быстро и скоро успокоилась.

– Зачем ты? Я собой владею. Дай же поплакать. Мне так легче.

– Зачем ты притащила на церемонию детей? – упрекнула её Рита.

– Они должны с детства знать смерть в лицо. От этого не спрячешь, не спасёшь никого. И мысли о ней важны человеку. Это необходимо принять. Это другая половина нашего существования. Пока ещё не побежденная нами. Да и будет ли когда? Да и надо ли это? Что там, в том Зазеркалье? Но вдруг вечность одушевлённая и мыслит? Вдруг там Бог с его прощающими объятиями? И всё же я – первая, осталась и

последней. Я. Если он и любил кого, то меня.

Рита слегка морщилась от её косноязычия, давно уже заметив, как неуклонно эта особа, обманом получившая свою юность, благодаря милости Вайса, неожиданно заплатила за этот дар заметной умственной деградацией. И так-то не являлась тою, у кого ума палата, а теперь и вовсе лепечет что-то, как самая отстающая в развитии девочка из школьного городка. Боже! Не поминая имя Божие всуе, но как возможно, чтобы эта трещотка рыжехвостая отняла его у неё, у Риты? – Твой. Теперь уже навек. Успокойся.

– Ты представь, – вдруг засмеялась Ксения, глядя, как Рита поглощает фасоль с розовым лососем, – мой кот утром обгадил мне всю гостиную. Он же пушистый. Накануне обожрался лососем, сбегал в лес и всё притащил на своём пушистом хвосте в дом. Вот зараза! – и она продолжала смеяться Рите в рот.

– Лосось до чего же мерзкая рыба. Я его лишь для кошки и заказываю в сети «Океан». А он без конца от него расстраивается своим брюхом, а я никак не могу сменить ему рацион, потому что теперь мне тяжело даже это. Никому же ни до чего нет и дела в нашем доме. И не было никогда.

Не станет нас – а миру хоть бы что/ Исчезнет след – а миру хоть бы что/ Нас не было, а он сиял и будет/ Исчезнем мы – а миру хоть бы что! Любопытно, если Омар был мусульманин, как уверяют, почему он так воспевал вино? И, по сути, изложил в стихах то же самое, о чём печаловался ветхозаветный

Эклезиаст? Строчка в строчку, мысль в мысль. И не один ли это был автор? – Рита покосилась на Ксению, увлечённо поедающую красную рыбу тоже, но гриль с цукини. Рита оставила тарелку с рыбой, Ксения не таила желания её разозлить, но Рита сдержалась. Ксения глупа и не должна вызывать глубоких эмоций, так она себе внушала. Она изучала её успешнее высохнуть от слез бело-розовое лицо, думая о том, как важна мужчинам смазливость женщины, фигурка, а всё остальное большинству не важно. Рудольф сходил от этой дурры с ума в молодости. И она, Рита, предугадала, что и на спутнике он не устоит. И не устоял. Его звёздная фея Нэя стала там угасать. Что же тогда эта их любовь? К чему она Творцу, о котором так любит тренькать балалайка без струн Ксенька? Если все временные оболочки сбрасываются в пыльные кладовки Вселенной, включаются в новый оборот вещества в природе, и далее по Эклезиасту и Омару Хайяму. – «Что там, за ветхой занавеской тьмы/ В гаданиях запутались умы/ Когда же с треском рухнет занавеска/ Увидим все, как ошибались мы.

– Где тут омар? Это же жалкая придорожная забегаловка, – Ксения зачем-то поставила рядом ещё один стакан и тарелку, как делают это язычники на поминальных трапезах. На тарелке лежал кусочек хлеба. – А ты любитель омаров? И что, у мусульман морские деликатесы были культовой едой? Ты увлекалась историей мировых религий? Хотя за такую долгую жизнь ты, видимо, сменила столько профессий и

увлечений, что и не представишь... – она очевидно даже не слушала, о чём только что рассуждала Рита, а только улавливала отдельные слова. – И вот вся твоя приобретённая премудрость осела в тебе, как горькие кристаллы соли на дно, и воды души твоей невкусны, горьки... Зачем столько жить тем, от кого никому нет ни радости, ни тепла. Мудрость и та книжная, ветхая... а ведь есть же данные, что каждая такая процедура заметно умаляет или же стирает? умственный багаж той или иной личности... при условии, что личность изначально имелась. Поскольку зачем же полноценно-развитой личности такие вот игры в превращение личности в розовощёкий манекен? В имитацию того, чего нет. Или же запускаются такие процессы, когда время пятится назад, и понятно, что забирает с собою всё нажитое ценное имущество. Вот я, к примеру. Попала на спутник и жила там дура дурой! Вот как будто из цикла начального обучения вывалилась лишь вчера. Да и теперь-то... – она, оказывается, и сама признавала себя дурой.

Рита прикрыла веки, скрывая усталость глаз, серых и безмятежных по виду. Ну хоть такое признание мирило её с этой полоумной вдовой. А то рыдания, мысли об объятиях Творца и тут же о гадливом коте и каком-то лососе – и всё это соседствует, слеplено в один непотребный ком и в самой жизни. Святость и порнография в любви людей, непереносимое горе и лосось, которым объелся кот, в одном доме, безутешные причитания и смех следом – проявления од-

ной женщины в минуту её зависшего над бездной состояния души. «Умру без сына» – и с лёгкостью отдам, себе другого рожу. А там, на спутнике, на новой Земле -2 ждёт молодой сильный любовник, а она мнит себя великим однолюбом и страстотерпцем в раздвоенном своём существе девушки и пожилой бабы – шлюхи. За что он, Рудольф, предпочёл её Рите?

«Фальшивка, дешёвка, отреставрированная ветошь в дурацком обличье какой-то Коломбины», – немилостиво обругала её Рита. И если бы не её отец, валяться бы ей в морщинах, кракелюрах времени, в своём старом доме, пыльном и захламлённом, и никто о ней и не вспомнил бы. Так и сидела бы в маминой старомодной шляпке с вульгарным цветком, жалкой короткой юбчонке, выставив балетные ножки в такой же жалкой надежде найти на пляже любителя одноразовой экзотики, или пила на своей веранде чай с вишнями вместе с талантливым полудурком Ксеном. Тут Рита подумала и о себе. Кто есть она сама? Если честно и наедине с собой? В беспросветной серой мгле потонули её прежние судьбы – женщина без памяти о прошлом. Неведомая сила словно в отместку за насилие над человеческой природой замуровала все прожитые годы за неподъёмной непроницаемой плитой – ни звука из-за неё, ни светового луча, несущего в себе облики давно любимых и ушедших давно. И при усилии вспомнить только серый туман заволакивает то, что принято называть памятью, а движущие картинки на старых, пусть и

обновлённых информационных носителях навевают скуку и нежелание смотреть, словно это чей-то чужой архив из какой-то нелепой, едва ли не инопланетной жизни. Всё прежнее умирало в ней вместе со старой плотью, а новая искусственная молодость была похожа на влажную тряпку, стирающую пыль и копоть с поверхности вместе с нажитым добром одновременно. Душа скрипела от натуги, не желая себя тратить, как свойственно это подлинно-молодым, да и нечего было ей тратить, сухой и давно остывшей. Равнодушной. Скорее всего, без советника Вейса её карьера в ГРОЗ будет свёрнута, и быстро. Там за её спиной толпятся жаждущие влезть в её обустроенные апартаменты, те, кто не стесняются в бассейнах для релаксации сделать влиятельным и перенапряжённым чрезмерной работой мужам, что? Да то самое. В приличном обществе об этом не говорят. И эти умелицы по снятию избыточного напряжения уже заняли очередь, ожидая её выселения, а заодно и скандала, и слёз бы желательно. А вот вам! то самое в рот, о чём пристойные люди не говорят опять же. Она же без Виталия Вейса и Артёма никто, ничто и звать никак. Что умеет? Психолог никакой, врач? Да не смешите, разрез сделать боялась. Только и умеет важность и задумчивость глубокую изобразить. А Ксенька, дура дурой, а её раскусила, как и Артём, державший её в своё время на коротком поводке. Зная, как важно ей блистать, быть в высоких структурах, парить сверху с ним, истинным орлом, сидя вертлявой и необременительной лазоревкой на его крыле.

Не считать же Робина Бёрда своей удачей? Он чужак, работающий на другом континенте в чужом заокеанском секторе ГРОЗ. Он не карьерист, он исследователь, он, как и гном Ксен для Ксюньки в своё время, годен только для выхода на публику. Мол, нужная всем дама, с мужем и карьерой. И если Ксенька утащит ангелоподобного мальчика с нимбом из золочённых волос, мальчика, который сочетал для неё в себе гены двух её любимых мужчин, в свою безразмерную бездну без возврата, что ей остаётся? Нет. Она ещё в силе постараться, чтобы ребёнку не дали разрешения на звёздный перелёт, пусть утешится детьми Нэи, их же двое. Старший остаётся на Земле. Он уже взрослый и выбирает сам. Девочки Риту не интересовали. Ни та, ни другая. Только мальчики. А дочка Ксенька пусть летит, куда подальше со своим неуёмным мотором в одном месте. Тьфу и тьфу ей вслед, рыжему помелу!

Риту охватил азарт сродни страсти – завладеть сыном Рудольфа и внуком Артёма в одном его прекрасном лице. Она вложит в этого мальчика всё, свои силы, свою запечатанную, так и не востребованную материнскую любовь, свои имеющиеся пока возможности для обеспечения ему не самого низкого этажа в смысле проживания на Земле.

Обольщая, утешая, она гладила руку Ксении.

– Летим? Ты успокоилась? Всё же ты мне, хотя и фырчишь в лицо, а дочь по бывшему мужу.

– Летим. И ты мне, хоть кривишься при взгляде на меня, а жена моего отца. Ладно, будь мамой. Я же сирота теперь

ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ.

Неужели, Рудольф был некогда мальчишкой?

– Обнимают его чьи-то белые руки/Если сердце отдашь, то избавлю от муки/Мой, – твердит ему голос далёкий и ясный/Мой желанный, любимый, родной и прекрасный./Буду верной и преданной вечной женой/Унесу тебя в звёздную млечность с собой...

Рита бубнила монотонно, как некий нелепый заговор, как умалишённая карга, и голос её показался Ксении старым и треснутым, загробным каким-то.

Ксения заглянула в рот к Рите, и несколько не удивилась бы, если бы обнаружила вместо пухлых губ и ослепительных зубов некую щель древне-земляного цвета. Странное предчувствие касательно Риты охватило её внезапно, сырым чёрным холодом повеяло откуда-то, как из пасти вскрытой могилы. Но нет. Красотка никуда не испарилась. На месте. Не ослышалась ли она?

– О чём ты завываешь? Решила всплакнуть вдруг? Реальная плакальщица...

– Стихи, – ответила Рита на её непонимание, – полудетские.

– Твои, что ли?

– Твоего бывшего мужа.

– Ксена? – Ксения усмехнулась, не понимая, к чему это она? – Неужели, и он проходил у тебя свою юношескую инициацию?

– Шутишь! Я даже при упоминании его имени с трудом вспоминаю, какой он, кто он, Ксен. Это стихи Рудольфа. Они смешные, но пророческие. Я частично их помню. У меня тренированная память, а память и человеческая личность это одно и то же. Нет памяти, нет и личности.

Рита посадила аэролёт в пустынной степи, примыкающей к полосе расположенных неподалеку космодромов. Зачем она так сделала? А так ей захотелось. Они вывалились в траву, распластались, и небо накрыло их сверху, стало низким, или правильнее, близким? Трава была жёсткая, пыльная, дождей давно не было, но всё равно было хорошо, благостно, и не верилось, что недавно они с Ритой так шипели друг на друга и обменивались плевками взаимных оскорблений. Солнца не было видно, но и облачности не было, перламутровая матовая дымка висела едва не над самым носом. Небо было слепым, воздух неподвижным, тишина казалась необитаемой.

Ксения раскинула руки, ноги, сбросила чёрные траурные туфли. Высоко над нею кружила птица, служившая ориентиром высоты, с чёрным оперением, и вроде бы всматривалась в Ксению, одетую в такое же чёрное оперение, как могла бы себе представлять это птица, с просторными рукавами, раскинувшимися вокруг рук, как крыльями. Да разве есть

у птиц воображение или ассоциативное мышление? Но зрение-то у них прекрасное. Рита сидела, сторбившись, в серебряном бледно-нефритового оттенка костюме, отчего сливалась с травой, это если для птицы сверху, размышляла Ксения. Травы не имели выраженного запаха, они довольно рано подсохли от сухих ветров.

– Прочти мне эти стихи. Даже не представляла, что он мог сочинять подобное. Когда он был мальчиком? Я уже в двадцать лет помню его мужиком?

– Возрастные гормональные вспышки, человек меняется очень быстро, радикально. – Рита еле шевелила негроидными губами, как нашлапками, всем своим видом показывая, как ей этого не хочется.

– Как думаешь, если бы я была у него первой, с самой юности, он остался бы мне верным на всю жизнь?

Рита не ответила, но Ксения и без её подтверждения знала, да, был бы её навеки. Ксения знала много таких с юности неразлучных пар.

Рита шарила в серебрящейся сумочке, сняв её с плеча. Наконец вытянула маленькую пластину миниатюрного планшета, нашла в нём искомое и без всякого выражения, сонно, монотонно забубнила:

– Позади пятьсот верст/И молчанье снегов. /Брёл он лесом и думал /Что идёт пять веков. /Шёл в метель, голодал/ В кровь он ноги избил, /Но усталость не чуял/ Потому что любил. /К ней он нёс своё сердце/ Сквозь снега к ней он шёл/

Но сказала она/Ты напрасно пришёл/Как тогда говорилось /
Был он гол как сокол /И она повторила/К чему ты пришёл? /
Не богат и не знатен/Никчемн совсем/Ну, а я же невеста /
На зависть тут всем /Было бедное сердце у девушки этой/
Иль она не любила/Возможно, и это/ Минута молчания – всё
решено/Он унёс своё сердце – ей не нужно оно/ «Но куда же,
ты, в ночь»! /Вслед она закричала. /Он же скрылся из глаз/
И лишь даль ей внимала. /Холод, звёзды и всё как в стекле, /
Тишина/Её сердце заныло и, заплакав, она / Стала звать его
громко/ Обещая любить, призывая вернуться/Умоляя про-
стить...

– Ох! – Рита бросила пластину в недра сумочки. Тяжко
вдохнула, переводя дыхание, легла рядом, закрыла глаза.
Бледность вдруг утратившей живое сияние кожи поразила
некой голубоватой мёртвой подсветкой, как у лица усопше-
го, отчего Ксения вообразила Риту лежащей в гробовом кон-
тейнере не без тайного ужаса от этой леденящей иллюзии.

Ксения стащила траурный шарф и кинула его в сторону,
вздыбив руками нечёсанные волосы ещё больше.

– У тебя щётки массажной нет с собой?

Рита бросила ей сумку, Ксения нашла щётку для волос и
незаметно сунула маленький планшет куда-то под своё объ-
ёмное траурное платье.

– Читать дальше? – спросила Рита, возвращаясь в свой
привычный безупречный формат. Лицо имело прежний ма-
товый и бело-розовый оттенок, как и затейливый камень на

её перстне, кажущийся вкусным, – его хотелось лизнуть, чтобы убедиться в том, что он не из карамели.

– Нет, – поспешно ответила Ксения. – Чуть не уснула. Достаточно. Что у тебя за камень?

Рита вытянула руку перед собой, рассматривая перстень, как будто увидела его впервые.

– Пустяк. Сибирский турмалин. Подарок одного давнего возлюбленного. Дешёвка, а я им дорожу. Вернее, случайно тут нашла и вспомнила. А так, ничем я уже не дорожу. Не знаю, кому отдать свои сокровища. Наташила как Кощей за годы и десятилетия...

– Столетия, хочешь сказать.

Рита не отреагировала на колкость.

– Некому отдать. Некому. Можешь понять это?

– Расскажи дальше историю про отвергнутого возлюбленного. Только не читай. Своими словами. Я не люблю поэзию.

– Он заблудился в тайге. Его захватила там богиня ледяной вечности, прибывшая на Землю с одним из метеоритов, который упал в безлюдную тайгу. Парень был красив, молод, чист. Его нашли замёрзшим у скалы. Весной же из скалы забил источник, и его вода исцеляла людей от неразделённой любви, давала забвение.

– Что стало с девушкой?

– Она искупалась в источнике и всё забыла. Он вычитал эту историю в какой-то архаичной книге...

– В чём же пророчество? Его все любили. А он? Кого? Да

никого.

– Богиня вечности стала его последней женой. Но это же сказка. Он не замёрз, а утонул.

– Он не мог физически утонуть. Он просто отвёл мне глаза, внушил какую-то галиматью и сбежал через горные туннели. Он вначале мог и сам попасть под притяжение фантома, но опомнился и решил, что это его шанс, который он давно искал. А прилетел он туда для того, чтобы найти место, где Арсений свёл счёты с жизнью. Он его как-то вычислил. А тут это. Я говорила всем, что контактный браслет сгорел как бумага, рассыпался. А они уверяли, что я его просто выронила в озере, плохо закрепила на руке, и всё. Решили не искать такую маленькую вещицу, хлопотно. К чему? А я теперь уверена, что браслет уничтожил сам Рудольф, там же не могли не остаться записи, бред там или нет, что-то же было?

Ксения встала и вдруг скинула просторное траурное платье на глазах изумлённой Риты и осталась в белом, тончайшем, батистовом, через которое просвечивало её стройное тело девушки, и это не смотря на то, что она была уже дважды мать. По подолу и на груди были вышиты шёлком нежные орхидеи. Она встала на цыпочки, на пальчики и подняла вверх руки. Всплеснула ими отработанным плавным жестом бывшей балерины, сомкнула их перед собой, и прекрасные эти руки заворожили Риту, женщину, своей трогательной девичьей тонкостью, волшебной красотой, которую так мало ценили и любили окружающие её мужчины, или умело скры-

вали это. И пожалела её как мать, но решила, что не пропадёт она, найдёт свою любовь, свою долю. И вся её теперешняя, благодатная красота есть у неё, благодаря ей, Рите. Так и не дождавшейся от неё и слова благодарности, просто сносно-го отношения. За то, что она, ненавистная ей мачеха, спасла её из жующих челюстей старости, дала ей возможность семейной подлинной жизни, хотя и не долгой. Рита любила-лась как эстет её внезапной игрой, её, вроде и не подходящей моменту, но искренней радостью от того, что жизнь её продолжается, лёгкие дышат воздухом бирюзовой атмосферы, глаза впитывают необъятный мир, онемевшее от горя тело приходит в себя, – всем её лёгким кружением – глупого человеческого мотылька.

– О тебе только поэмы слагать, – сказала она, – ты ещё найдёшь своего поэта.

– Эта девушка из его поэмы похожа на его мать. Она и была его детской безответной любовью. А стихи это сублимация не востребуемых чувств. Как много родители программируют в детях. Только любовь важна человеку, важнее воспитания, образования. Рита! Как я отдам тебе детей? Подумай? Они не простят мне потом моего предательства. Их уже предала однажды их мать, бросила. А Рудика? Нет.

– Я воспитаю в них правильное отношение к тому, что произошло. Они сохранят любовь к тебе и отцу. Я сумею. А там, что светит детям в неустроенных колониях? Там и опасно, и образования почти нет. Они на всю жизнь останутся

неполноценно образованными, будут обречены скитаться по таким же звёздным поселениям, или навсегда останутся там. Без права выбора. И как, по-твоему, поможет им в этом твоя любовь? Ты хочешь их социальной второсортности? А перелёт? Это же риск!

– Ладно. Я буду думать. Но как мне тяжело, знала бы ты! Альбина хочет сбежать от меня со дня на день. Приклеил её этот Антон. И когда успел? Рудольф подозревал в нём звёздного кочевника, говорил, он ни за что не останется на Земле надолго. Он получил в себя тот самый вирус «звёздного скитальца», это неизлечимо. Так он говорил. И что Альбина? Будет таскаться с ним? Если он захочет. А то скинет её в первой попавшейся колонии, и всё. Нет женской судьбы. Такая же бродяжка. Боже мой! Как я переживаю. А ведь она не любит меня, совсем не любит. Потому и слушаться не будет, и забудет быстро. Ариадна? Её Карин не отпустит. И если девочку забрать, то старуха, пожалуй, и чокнется от своего одиночества. Что же и выходит? Вся семья вдребезги? Полетели клочки по закоулочкам?

– Да какие клочки? Чего и несёшь, что у тебя за язык – помело какое-то непотребное! Ты уже не девушка, ты зеркалу по утрам не верь, ты же бабка скоро станешь, если Альбина уйдёт, а она уйдёт. И поверь мне, лучше рано, чем никогда. На себе что ли не испытала? Чудом стала матерью. Благодаря кому?

– Тебе, тебе, благо дарующая. Ничего не забыла. Если бы

он указал, где находится тот источник забвения... – и она заплакала.

– Ты можешь подать заявку на коррекцию памяти, – безжалостно отозвалась Рита.

– С ума ты сошла! Он же главная часть во мне. Как я буду жить, как дерево без сердцевины? Как пустая труба, в которой гудит ветер? Нет. Пусть он останется, какой уж был, есть. – И слёзы лились неудержимо, и всё ей не верилось, что это правда. Всё чудилось, что всё вокруг чья-то выдумка, жестокий и продуманный сюжетный ход бездарного повествования её длинной жизни с её коротким счастьем. И она бежала, бежала вдоль той сетки, за которой звездолёт уносил его, но уже навсегда, без возврата.

И степь обняла её, вздохнув порывистым дыханием налетевшего ветра. Затрепетало белейшим крылом подбитой птицы её платье. Дух степи, дух матери Земли обвил её тонкую талию тонкой тканью, продолжая обнимать, как наверно, вечность обнимает людей, приходящих к ней после своих долгих или коротких, но только к ней одной и приводящих человеческих блужданий.

Вся прошлая жизнь – это та же ветошь!

Небо над Подмосковьем, в отличие от далёкой и восточной зоны степей было сегодня пасмурным той гнетущей пас-

мурностью, когда она кажется дымной поволокой, и оно мешало Рите сделать полный вдох, так ей казалось. Утратив синеву, небо будто утратило и свой смысл. Чтобы не задохнуться душной бессмысленно-серой бесцветностью, ей хотелось сунуть голову в бассейн. Но остановила мысль о любовных утехах Ксении в этом их семейном прозрачно-зелёном озерце. Бассейн и был сооружен на месте природного лесного озера, которое осушили, вычистили и оформили под маленький осколок тропического океана. И глупо, пошло это было, так считала всегда Рита, насколько настоящее озерцо было бы лучше. Но у Ники никогда не было вкуса, не тем будь помянута, страдалица.

Ксения бродила возле дома, пиная босыми ногами шишки, валяющиеся повсюду. Она так и бросила дорогое из натурального шёлка, пусть и траурное платье вместе с туфлями в степи.

– Как же пусто, как же мне жить? Чем? Боже, хоть бы Ксен тут был рядом. А нет его уже. Как же мне больно дышать, смотреть. Что же ты наделал, скотина? Бросил, опять бросил.

– Ничего. Скоро красавчик Артур прибудет. Развеешься.

Рита вошла в хозблок и настроила робота Ваську на уборку территории. Всё в доме валялось в беспорядке. Давно не убираемая посуда, грязные чашки из-под кофе, какие-то тряпки, использованные салфетки, одежда, которую вытряхнула Ксения в поисках чего-то. Вместо гардеробной всё валялось в гостиной, и даже в столовой на стульях. И Рита под

тихое жужжание домашнего робота погрузилась в уборку, собирала тряпье, ставила на место всё то, что валялось, где попало. Ксения слонялась по комнатам дома, то приходя, то уходя.

– Ну вот, – она показала Рите на открытую панель входа в комнату Альбины. – Умотала. Все вещи свои забрала. И ничего не сообщила. Будто и не существую я. Нет отца, и я побоку. Или ты думаешь, я помчусь к ним? Выяснить отношения с этим скитальцем? Да я и не умею этого.

– Да ничего, – безразличная к судьбе Альбины отозвалась Рита, – он отличный мужик. Взрослый, главное.

– И Артур, он давно прибыл. Где-то суетится по своим колоссальным делам, связанным с проектом Земля – 2. Сообщение прислал, а сам лика своего ясного мне не явил. На что и надеяться? Теперь девчонки из ГРОЗ налипнут, как полипы, зараза! Рита, почему у вас там все такие озабоченные?

– Наверное, от того, что там много мужчин. У многих сносит голову от их количества. Там же через одного отборный красавец. Лучшие парни континента. Чего ты хочешь? У тебя был бы такой выбор, ты бы осталась монашкой?

– Конечно. Если бы я любила.

– Чего же ты не была верна ему в молодости?

– А он? А! – она едва не наступала Рите на пятки, бродя следом.

Робот приготовил кофе, и Рита пила чёрную маслянистую жидкость с белой пенкой, не чувствуя вкуса, из старинной

чашки Ники. Ксения хранила всё это старьё до сего времени, даже не озаботившись сменить старый интерьер дома родителей, не сменив ни одной вещи в нём. Более равнодушную к миру вещей женщину трудно было и встретить.

– До чего же пошлость эти ветхие чашки с их вышелушенной позолотой, с этой их убогой формой! – Рита скривилась от горечи кофе, от горечи собственного беспросветного одиночества, отбросив чашку в омерзении. У Ники был убогий вкус, а у дочери Ники он отсутствовал вообще как понятие. Для Ксении не существовало никакого вкуса, что касалось отношения её к миру изделий человеческой цивилизации. Есть и есть, а какая форма, цвет, да ни всё ли равно?

– Чего находят придурки в старьё? – спросила Рита у пустоты, глядя на стену, на которой были в голографическом объёме изображены серебристые чашки с чёрным кофе, словно это была не столовая – кухня, а кафетерий какой. Тоже фантазия Ники.

Ксения не тронула и за десятки лет интерьер своей кухни. Рита бы даже не удивилась, если бы узнала, что Ксения не обращает внимания на то, что там изображено на стене, у которой она ест и пьёт каждый день. Живописные подробности собственного дома были для неё вековой данностью, как и лес за стенами. Рудольфу тоже было это безразлично. Считал ли он старый дом – рухлядь семейства Вороновых своим семейным очагом? Он по сведениям Риты был в доме редким гостем. Настолько редким, что возникало по-

дозреение, – у него существовал какой-то и другой дом. Вернее, дом-то существовал, круглая новомодная когда-то нелепица, но представить Рудольфа, торчащего там одного, было невозможно. И насколько, опять же, она была осведомлена, он там не бывал, только Ксения с детьми, когда была нужда обитать в мегаполисе. А где же был сам Рудольф? Или он был тайный многожёнец, – привычка, вывезенная с Паралеи, – и у него существовала ещё некая параллельная жизнь-семья? Или же не существовала, и Рудольф просто скитался, как и Артём в своё время с длительными инспекциями многочисленных земных колоний, не любя Землю, тяготясь Ксенией, и только дети вынуждали его появляться с видом счастливого отца семейства, скучающего по оставленному родному дому. Но никакого такого дома не было у него в наличии.

А что было у самой Ксении? Дети это да, они были для неё всем – смыслом, наполнением, счастьем подлинным. Рудольф давно превратился в бесполого функционера, космического гуманоида, каковые были не исключением, а скорее правилом в структурах ГРОЗ. Жена была в базе данных, как и дети, а личная жизнь – внутренние файлы без доступа, и никто этого доступа не искал.

– Рита, если хочешь, забирай все оставшиеся камни и кристаллы из папиной коллекции. Там в нишах его бывшего кабинета много чего осталось. И коллекцию маминых балерин, всю эту фарфоровую скульптуру, если тебе нравится. Мне жалко оставлять дом со всем этим. Вдруг кто-нибудь забе-

рёт. Решит, что раз оставлено, то и не нужно никому. А то ещё, если я улечу, поселят тут кого-нибудь временно, и всё распылят во все стороны.

– Как это поселят, если ты не дашь на то согласия? Никто не тронет. Если не захочешь вернуться, тогда другое дело.

– Вот судьба вещей, – продолжала Ксения, – собирали, радовались, и к чему всё? Может, Ксен захочет вернуться на Землю. Пусть тогда живёт тут. У него клетушка маленькая, на уровне облаков. Он же жил в простонародном небоскрёбе. Оттуда даже реки кажутся лентами, брошенными на пёстрое покрывало. И Альбина чего умотала? Пусть бы Антон приходил сюда. Но ведь не придёт, понимает, что похититель, что виноват передо мной и перед Рудольфом. Хотя, что Рудольф? Что ему за дело теперь до всех, если он так смог. Всё бросить, всех отринуть.

Она продолжала ругать его, будто он был живой, негодяй и беглец. Дети временно находились в детском центре отдыха в субтропической зоне у моря.

– У тебя сохранились личные вещи Рудольфа? Не твоё барахло имею в виду, – спросила Рита у вдовы. Ксения растерянно и беспомощно смотрела на древнюю и жалкую чашку матери из потускневшего фарфора, стоящую перед Ритой.

– Нет. Я... – было похоже на то, что вопрос поверг её в смятение. – Он же... – она облизнула миглом пересохшие губы, застряв взглядом на незримом для Риты объекте. – Он появлялся в доме, как в гостинице, потом надолго исчезал. В

чём приходил, в том и уходил. Это был его стиль жизни. Он же не смог стать домашним человеком. Брак, семья это так и не стало для него тем, чем является для многих. Больше ради детей он и играл насквозь фальшивую роль отца семейства. Чем он жил, что делал, куда летал, что любил – ненавидел, я не знала никогда. Он не говорил мне ничего, почти ничего, а я из гордости не спрашивала.

Как-то его сослуживцы на одном мероприятии сказали ему: «Она твоя новая коллега? Познакомь». Вечеринка была неофициальная, раскованная в смысле. Никто не знал в лицо его жену, и даже думали, что он сознательный своеобразный монах. У них это в ходу, как будто там действительно некий орден монашествующих, но монашествующих не значит, что святых. Вопрос ему не понравился. Он скривился, даже изменился в лице, небрежно отпихнул меня в сторону, как будто я была в чём виновата. Как будто это я играю в конспирологию. «Ты позорно оделась», – так он мне сказал, оттащив меня в сторону, – «но это вполне в твоём стиле. Где ты раскопала столь чудовищное платье, как будто ты собралась в бар молодых космодесантников для поднятия их озабоченного духа». А я годами не вылезала из дома никуда, даже не знала, что принято носить на эти их «мероприятия отдохновения». Я даже не была ни разу на его рабочем месте. Хотя да, это было то самое место, где работал отец. Самое отвратительное здание на свете. Для меня если. Помню, я так радовалась, когда он, наконец, взял меня с собой... Но бо-

лее неприятного общества я и не представляла себе. Или же я одичала настолько, что любое общество людей стало мне непереносимо. Я произвела фурор – это да. Вот он и заревновал вдруг. Я ослепила там всех, и дело было не в платье, а во мне, в моей красоте, которую он не воспринимал уже давно. В последние годы он и не видел-то меня толком, всё происходило в темноте перед сном, а утром он уматывал, и опять на месяцы. Вот какая у нас была с ним жизнь. А то, что я тебе рассказала про звёзды в бассейне – это аномалия, она возникала иногда как чудо и пропадала на годы. Рита, разве у меня был муж? Но кто был? Тот спутник Гелия, он высосал его душу, или это произошло ещё раньше. На той Паралее... Ты вот удивляешься моему бестолковому дому, а нам с детьми было настолько хорошо в нём жить и без этих дизайнерских вывертов. Рудольф же, похоже, вспоминал о доме, только потому, что в нём жили его дети, но уж точно не из-за меня. Мой Радик так и остался за той сеткой, навсегда...

– Сеткой? Какой ещё сеткой? – Рита подумала о сыне Ксении, а не о Рудольфе – муже Ксении.

– Кто придумал этот ужасный мир, кто впихнул нас в него? За что? За какие прегрешения лично мне досталась такая жизнь? Если уж спрос за ошибки столь велик, почему бы перед рождением не дать инструктаж насчёт того, что должно человеку, а что нет под вечными звёздами. Да и так ли они вечны? Напридумывали себе каких-то вечных ценно-

стей, смыслов, любовей, а нет этого ничего! Зачем мне вечность? Если мне надоела и эта короткая, тупорылая жизнь, в которой всё обман, всё легко разрушаемая нестойкая голография, бессмыслица, свалка для неудачных творений ничемного, якобы «вселенского мирового разума»! А если и среди космических творцов наличествуют безумные представители? А? Тогда мы продукт чьего-то высшего безумия? Замкнутая космическая психушка, где этот Творец играет в крестики – нолики...

– Замолчи! – прошипела Рита, – а то сама попадешь в психушку с красивым названием «Сапфир». – Страшное утомление от Ксении вызывало тупую головную боль уже после посещения ресторанчика в той зоне, что прилегала к космопорту. После приправленного гадкими словами Ксении, вернее, отравленного этим разговором обеда, рыба так и застряла своим запахом в носу Риты, смешавшись с воображаемым запахом мерзкого кота – неряхи из дома Ксении. Где он был, этот кот, неизвестно. Рита его не встретила. Где-то бегал по лесу, ловил несчастных певчих птиц, когтистый гад.

– Тебя не вечность волнует, не звёзды, не ценности, а была или нет у него другая жизнь.

– У него всегда была другая жизнь, не наша общая. Никакой общей жизни со мной не было, я признаю, радуйся. Хочешь дать понять, что у него была любовница? – Лицо Ксении пошло яркими пятнами по тонкой коже несчастного лица. Сказалась наследственность, идущая по линии отца, вся-

кий сильный эмоциональный выброс проявлял себя таким образом. Похоже, что мысли в подобном направлении всегда были для неё табу, и Рита пожалела, что ведёт себя настолько несдержанно, но уже не могла одолеть своего раздражения.

– Но она не значила для него ничего, у неё было много стёртых навсегда лиц и забытых имён, если это и правда, – Ксения слабо защищалась, но шип попал в то самое место, в нужное, в больное.

– И одно из лиц было твоим.

Ксения выхватила из-под носа Риты чашку навечно исчезнувшей Ники, нелепую чашку – артефакт иного времени и пространства, каким-то чудом пережившую не одно поколение своих обладателей. Из таких чашек никто не пьёт, их можно найти разве что среди заплесневелого хлама в забытых всеми посетителями музеях бытовой культуры.

Ксения рассматривала её какое-то время на просвет, чашка мерцала тонкостенным своим боком и трогательной кобальтовой сеточкой. Рука Ксении совершила движение, как будто она хотела стукнуть Риту по лбу этой чашкой, и Рита невольно отшатнулась от убогой на голову вдовушки. Но Ксения грохнула чашку о стену. Она тихо звякнула и отскочила, не потерпев никакого урона, закатилась под стол.

– Так я и знала! Подделка под старый фарфор! Старые вещи невообразимо хрупкие, а эта тварь валяется, да ещё и ухмыляется своим зевом! – Понять словесный перл странноватой вдовы было непросто. Понять её гнев, – не требовалось и

усилия. Рита всадила остриё в ту самую болевую точку. Тот, кого Ксения тщилаась считать своим мужем, никогда им не был. Приходящий из неизвестности гость, уходящий в ту же неизвестность, без обозначения даже приблизительных контуров того места, куда отбывал. В этом и был весь Рудольф. А теперь он просто ушёл навсегда.

Рита вновь ощутила острое чувство жалости, но не к Ксении, не к давно умершей страдальце Нике, а к Рудольфу. За то, что он жил здесь, пил чай или кофе из этого утиля, спал с кромешной дурой – социофобом в спальне, оформленной под сумрачное океаническое дно. За давно обветшавший, неряшливый дом с его старыми тенями, старыми вещами и скрипами в запутанных комнатах. Дом подобно выжившему из ума деду оброс запущенным садом – лесом, как спутанной густой бородой, и, зная капризного эстета Рудольфа, Рита удивлялась, до какого же безразличия ко всему он дошёл, живя тут с Ксенией, так и оставшейся затворницей, позволяя жить тут детям. Что таилось за его полной бытовой отстранённостью? Какие новые тайны к вороху старых своих тайн он добавил? Какие муки или радости испытывал? Этого уже никто не узнает. Во всяком случае, героини данного повествования не получают их объяснения.

– Есть или правильнее была такая японская легенда о демоне, от которого убегал человек, – зло и упорно продолжила Рита, – Демон стирал одно обманное лицо за другим, являя человеку свою пустоту, что была скрыта за очередной

маской...

– Хочешь сказать, что я пустота, прикрытая обманкой – маской? А ты-то кто тогда? Ты сама и есть пустота в маске! Или станешь ею, этой пустотой обязательно. Как ни ухищрайся, а Бога не обманешь! Бог не Никишка...

– Ну вот! То вселенское безумие и бессмыслица, а то и Бога помянула, как всегда всеу.

– Всеу? О, какие словечки мы знаем... -

Ксения не договорила и эту фразу, продолжая метаться по комнате.

– Рита, если бы Бог смог вернуть меня в тот день, к сетке! Я бы её прогрызла зубами, я бы сделала подкоп под неё голыми руками, она же была условная, та сетка, а почва была мягкая, мягкая... Рита, почему я не смогла его остановить? Он же любил меня тогда. И даже после его прилёта в том ресторанчике в Альпах я бы ещё смогла всё изменить, не смотря на присутствие Нэи. Я могла бы броситься на его шею при всех, обнять, придушить, закричать и заплакать от восторга. Его возвращение на Землю – оно же было ошеломляющей невозможностью, как радуга ночью, как свет звёзд в ослепительный полдень. Он же этого ждал! Чтобы хоть кто-то на минуту утратил разум от счастья, что он вернулся. Но почему я не поступила так? Я сидела как примороженная, я играла какую-то дурацкую роль праведницы при ненужном мне Ксенофане, играла гордость, которой не было, забвение его, которого не было. Я могла бы маниакально ходить по его

следам, тормошить и говорить о своей вечной любви и ожидании. Да только не было этого ожидания, а был Ксен рядом, а вечная любовь спала придушенная под подушкой. Вместо этого тупые приколы – укоры через электронную сеть под маской... Ага! Видишь, и тут маска! Мы всю жизнь живём в каких-то масках, и даже вместо того, чтобы признаться человеку в вечной любви, в том, что только и имеет смысл, сказать ему простые человеческие слова, начинаем играть в носителей вселенской гордости, которая выше и якобы важнее жизни. И вот теперь жизнь действительно прошла. Не жизнь вообще, а та, наша совместная линия этой жизни разомкнулась навсегда. Лес, в котором мы любили в юности, с его тенистыми тропами, по которым он бежал за мною – «всё это потонуло во мраке», – и даже эта последняя фраза не моя, а какого-то забытого древнего персонажа из чьего-то прекрасного вымысла. И я вымысел, и не было никакой сетки, гудящей на степном ветру, и никакого звездолёта, уносящего его в Паралею... А любовь? Она была, и она осталась во мне.

Значит, безумная вдова была права?

Рита решила остаться в своём пустом доме, который она также покинула, перебравшись к Робину Бёрду. Иногда она у себя оставалась, когда уставала и не хотела добираться до другого континента, где жил Бёрд. Ей было бы удобнее жить

здесь, да Бёрд не хотел. Ему-то зачем перебираться на постоянное жительство туда, где он, как ни старался, так и оставался чужим. Она представила его круглые глаза, похожие на птичьи. Маловыразительное лицо, вечно невозмутимое, и дежурную улыбку, предназначенную всем и никому в отдельности. Возникло острое неприятие этого человека и мысль оставить его навсегда. Вначале её союз с Бёрдом возник как жест обиды, оскорблённого самолюбия, явленный в сторону Рудольфа. Потом тихо и незаметно пришла привычка. А теперь к чему все эти жесты, застойные привычки, кому они нужны, если ей хочется только одиночества.

Она покинула Ксению и у себя после безвкусного чая легла на диван. И вдруг начала стонать, всхлипывать в голос. Всё то, что она сдерживала в себе, выходило вовне, в подлый и несправедливый мир, в котором она никогда не чувствовала никакого высшего Отца и Творца над своими несчастными, смертными чадами. И мир этот всё равно не отпускал от себя её уставшую душу, всё ещё продолжающую чего-то ждать от него, каких-то необыкновенных даров, встреч, несущих обновление всем чувствам. Словно однажды он вдруг лопнет своей постылой, привычной видимостью и явит иное и волшебно – прекрасное своё оформление, от чего зайдётся сердце, возникнет детская первоначальная ясность во всём, и возрождение будет уже подлинным, а не внешним.

Приступ лишил её сил, настолько он сотряс её и вытрях-

нул из неё всё. Она тотчас же отключилась после стольких бессонных ночей и мутных тягучих дней. Казалось, это бархатные руки вечности подхватили её и куда-то понесли, качая и шепча что-то уже неразборчивое, но очень ей нужное и важное. У вечности было лицо, как это ни странно, Доминики, матери Ксении. И похожее и совсем иное, чем у Ксении. Добрые лучистые глаза, так напомнившие ей вдруг инопланетянку Нэю, смотрели на неё с жалостью, уже не предъявляя ей никакой вины.

Она спала до самой ночи, а когда проснулась, ей было легко. Всё вокруг, погружённое в ночь, казалось несуществующим, а она пребывала в бесформенной и абсолютной пустоте. Только холодно. Она встала, чтобы найти плед. Но вместо этого вышла на открытую террасу, повисшую выступом над садом, погруженным в тишину и неподвижность.

– Холод, звёзды и всё как в стекле, тишина, – прошептала Рита. Она знала, кому он посвятил эту глупейшую поэму. Ей, стоящей здесь и почти ничем от той возлюбленной и не отличающейся. «Почти» состояло в том, что нынешняя Рита никому не нужна. Когда она его покинула, в той его юности, он и сотворил свой поэтический плач. Рита сохранила его.

Она думала, что сохранила, не зная, что Ксения утащила информационную пластинку. Жестокая девушка с бедным сердцем из поэмы это она, Рита. Он в то время и не подозревал, сколько этой девушке лет! Но грех его соращения, сладкий и вызывающий в ней остаточный трепет, так до кон-

да и не изжитый, незаметно для неё самой, непонятно почему, перерос после стольких лет в любовь, уже выпавшую из временного потока. Он был ей необходим. Чтобы рядом. Чтобы видеть. Чтобы прикасаться. Конечно, не как страстный, юный любовник, который вызывал у неё когда-то головокружение, наполнял её ответной вибрацией, о которой она, казалось, давно забыла.

Это произошло как раз в то время, когда она устала от Воронова. Когда разомкнула кольцо своих рук, которым раньше удерживала Артёма и сказала ему: «Пока, отдаю тебя Нике в безраздельное владение». И стало ей так хорошо! Не надо никого и ни с кем делить, что-то там отрывать от чужого, худо-бедно сложившегося, а может, и хорошо-богато налаженного семейного союза, внедряться в него жадным червём-пожирателем. Можно быть гармоничной, сияющей и по-настоящему молодой, забывшей всё. Устремляться к горизонту с такой же невесомой, – метафорической конечно, – сумой – рюкзаком за плечом, как это и бывает у молодых. Ничего не давило, не саднило это плечо тяжестью.

У неё изменилась походка, она словно подпрыгивала, отрываясь от земли, как это было потом у юной Ксении, на которую он и перенёс впоследствии свои бурные чувства. Иногда он возвращался, когда она манила его властным холёным пальчиком, если хотела досадить Артёму, избавиться от которого так и не удалось окончательно. Тот так и продолжал метаться между нею и долгом. Но эксцесс с попыткой утоп-

ления в озере уже воспринимался как событие из чьей-то посторонней жизни, не имеющей отношения ни к ней, ни к тому, кто очень быстро утратил своё ангельское сияние. Он успел познать и других, с удивлением обнаружив, что они не хуже, чем она – «богиня вечности». Хотя и никому из них богиней стать так и не удалось. И так дальше по эстафете, каждой очередной доставалось от его избыточных вулканических извержений.

Даже на удалённой планете по имени то ли Гелия, то ли Ксения, его богатые недра, пусть и лениво остывая, но хлопотали, тяжко перетекая в новую старую любовь, в заново воссозданную Ксению. Кто же знал тогда, что так недолго ему осталось куриться на белом свете? И взрыв, который она предрекла засыпающему Вулкану, обернулся таким скорым концом его. Или? Или что-то произошло такое, о чём она не могла и помыслить? Или догадывалась и боялась смертельно в этом направлении думать?

Он обнял её сзади за плечи, он это умел – подходить не замеченным, бесшумным. Рита обернулась и уткнулась в его грудь, явственно ощутив шелковистую эластичность комбинезона. И вдруг... нечто абсолютно неожиданное окутало её, будто она в облако провалилась. Ткань была насыщена запахом дождя, заброшенных дорог давно окаменелых и пустых руин древних городов, пылью некошенных лугов и ещё чем-то таким, подобным близкому дыханию ледника. В этой концентрации запахов не было тепла, не чувствовалось веяния

родного и близкого человека. Пробивалась и ещё какая-то составляющая чего-то технического, как будто человек весь день где-то работал с техникой. Рите стало по-настоящему страшно.

– Значит, она не сошла с ума и ничего не придумала? – Рита решила, что к ней пришёл не человек, – астральный дух, оборотень, о которых существует столько жутковатых легенд во всех концах света. Ноги Риты стали чужими, кукольными что ли, она куда-то съезжала по нему вниз, и он подхватил её и принёс на диван. Очнувшись, она уже явственно, хотя и было темно, сумела увидеть, что пришедший вовсе не был призраком Рудольфа Венда, и только его высокий рост ввёл её в заблуждение. Но кто это был? Риту затрясло, как будто через её тело пропустили электроток.

– Кто ты такой?

– Когда-то, – ответил ей голос с такой знакомой мужественной хрипотцой, – ты обладала уникальным зрением и отлично видела в темноте как кошка.

– Плед, – сказала она, – мне холодно, – губы были как из глины, расплзались и не двигались. Он долго шуршал в темноте, но помнил, что и где тут хранится. Принёс и укрыл её. Рита с наслаждением закуталась в пушистую невесомость пледа и, согреваясь, несколько успокоилась.

– Может, чаю? – спросила она так, как будто и не происходило ничего того, что произошло не только за эти дни, но и за годы и годы.

– Нет.

– Значит, не Арсений? Венд действительно погиб?

– Я думал, что ты всё же догадаешься. Или уж настолько деградировала за эти годы? Оболочка-то девическая, как и была, а вот душа-то иссохла, интеллект окостенел, как тому и положено по сроку. То есть в твоём случае, все сроки-то уже и вышли. Вроде, ты совсем недавно и встречалась с Вендом в ГРОЗ? Неужели, душа-вещунья ничего не учуяла? А я боялся, что ты реально обладаешь экстрасенсорными способностями, и ещё ругал Пелагею, что лезет тебе на глаза. Но ты и не шелохнулась. И вот выясняется, что ты абсолютно не понимала даже того, кто суций малыш по возрасту, в сравнении с тобою. Того, с кем ты спала, дышала одним с ним домашним духом, кого ты порабощала, коверкала и шарила в его душе как в собственном кармане. С кем начисто забыла обо мне.

– Я никогда к этому не стремилась. Я никогда его не любила.

– А кого ты и любила? Ты давно уже утратила такую светоносную способность. Ты была забыта даже самим Всевышним, как мы сами забываем о безделице, пусть и дорогой некогда, но закатившейся в укромную щель за встроенную мебель.

– Так ты вернулся. Когда? И как надолго?

– Сегодня ночью я покидаю Землю. Не знаю, когда и вернусь. Я же человек свободной Галактической Ассоциации,

как многие и многие сделали это до меня. К чему мне теперь законы этой земной псевдо элиты, маскирующей свой отживший прах в искусственной коже вечной молодости? Этой ГРОЗ, самоуверенной песчинки, вообразившей себя вселенским центром? Жалкая, убогая, провальная самодеятельность горстки земных ничтожеств.

– А... Как же? – бессмысленный вопрос не был задан.

– В горах есть подземный космодром. Там много чего есть. Ты знала, что существует и давно, параллельная этим дохлякам, по-другому организованная, военная структура, которая их приговорила? И если не удалось сразу очистить Землю от них, от их ветхого диктата, то это же произойдёт с неизбежностью всё равно. А ты, моя консервированная ягодка, к сожалению, попала в списки на ликвидацию. Раз ты уже обнаружена, ты обречена. И я не виноват в этом. И не от того, что поверх всем отмеренного срока незаконно ты живёшь. Хотя я и удивился, – сто шестьдесят лет! И эта та, кого я считал своей девочкой? Едва ли не ровесницей своей дочери? Ты не устала? Что нового ты узнала за эти бесконечные десятилетия?

– Ты бы об этом у своей Ники спросил. О многом ли она сумела тебе рассказать? Нажила ли то, что превышает ума, то есть мудрость? Развила ли в себе сверх способности?

– Я всегда знал, что Ника старше меня. Но с тобой уж точно она и близко не стояла. Она на сверхурочную жизнь никогда не претендовала. В неё были вшиты нравственные

ограничители. На некое баловство типа продлённой юности, да, на такое уговорил её бывший муж. Но в вашу засекреченную касту ни она, ни он не входили. Иначе она не смогла бы родить мне дочь!

– Думай как тебе и легче. Теперь это не имеет никакого уже значения...

– Не прямая и биологическая, как в прежние времена, а духовная разновидность каннибализма, – всё та же жизнь за счёт ресурса других, это очень даже имеет значение! Франк Штерн, обладая такими возможностями и технологиями себе в этом отказал! Пока всем не станет такое доступно, не должно и сметь это использовать в кастовых целях! Ведь вы же приговорили Землю к консервации, к прекращению развития. Превратили её в банку с маринованным, декоративным и несъедобным человечеством. Зато как выглядит со стороны! Любо-дорого, всё гладенько и поблёскивает себе, как витринный образец за вечным пластиком. То, что я пришёл, это ради меня сделали тебе исключение. Видишь? – Огромный, худой и лысый человек достал откуда-то сбоку, из невидимого кармана, что ли? Узкий предмет. Рита прикоснулась к нему и конвульсивно отёрнула руку. Холодный металл обжёг её.

– Там внутри ножа есть канал, – продолжал он спокойно, – в нём особое обезболивающее вещество. Чтобы никто не почувствовал боли. Зачем нам человеческая мука? Мы же не садисты. Ты бы ничего и не почувствовала, кроме вне-

запного обжигающего сердце холода. И всё. Конец. Или его отсутствие, прыжок в вечность. Но я не хотел, чтобы тебе проткнули сердце. Я сказал: я сам. Пусть будет то редкое исключение, которое иногда и необходимо. – Он разжал другую ладонь, на которой Рита и не могла ничего увидеть. В полутьме. Что там лежало? Что-то малюсенькое.

– Я сплю? – спросила она беспомощно, отчетливо понимая, что нет, не спит. – Они убивают и женщин тоже? Эти ловцы?

– Какая разница, женщина, мужчина. Какой у вас может быть пол? Пол это жизненная огненная энергия. Какая энергия у вампиров? Вы сосёте её из остального человечества. Живого и загипнотизированного вами. Нежить, вот вы кто. Вас жалеть, а других как? Пусть катятся с вами в обнимку? Прямиком в чёрную дыру? Чтобы согреть вас и там своим тёплым бочком? Да ведь не двадцати годах, накинутых поверх положенных всем прочим ста пятидесяти дело! Проживи ты их естественным образом, вошла бы в число уникамов человечества. Тебя усадили бы на атласную подушечку и изучали бы, бульоном питательным с золотой ложечки кормили. Долгожительство разве преступление? Но ты ж преступница! Я же доверял тебе, был уверен, что ты, полностью открыта мне, моя хрустальная половина. А ты сливала все сведения своему Вайсу, абсолютно все. И это ты выдала двухсотлетнему высушенному крокодилу координаты того космического города-поселения, в котором по дан-

ным разведки мог скрываться вдохновитель «Лбов». А мог и не скрываться. Но город был уничтожен вместе со своими жителями. Точно так же, как случилось уже однажды. И тогда ты слила все сведения своему генетически модифицированному дяде-мужу. Одной-двумя песчинками больше, так ли важно подобное для непомерной по размаху Галактики? Вайс считал, что смерть его основного врага куда важнее каких-то там выселенцев. Сколько их гибнет по любому, теряется, исчезает навсегда. Интересы собственного клана важнее недолговечных и мало ценных персонально для него людей, да он их и за равных себе не считал несколько! А там были блестящие учёные, много обещающие мужественные ребята, ничего не реализовавшие, навсегда исчезнувшие! Прекрасные девушки, семьи и, наконец, дети! С кого спросить? Представь, а тот главный ваш ловец жив! Он изменил не только траекторию своего движения, но и концепцию свою решил изменить. Понял, что сугубо персональный терроризм – архаика и глупость. Всё это уже было в истории. Он был настолько далеко от Земли, и уже мало был озабочен синтетическими жизнями твоего Вайса и твоей. Но вы-то его продолжали бояться! Я лично приговорил тебя, лично вынес тебе окончательный приговор за гибель множества невиновных людей. Но я и проявлю к тебе милость.

– Так ты что? Пришёл меня ликвидировать? – Запершило в горле, каждое слово отдавало болью в глотку, потому что она произносила их через напряжённое усилие над собой,

язык стал сухим поленом во рту. Перенапряжение вызвало сильный, но беззвучный поток слёз.

Он лёг рядом и обнял её, прижал к себе.

– Худой-то какой стал, жёсткий, как деревяшка. Да ты ли это? – она судорожно трогала его лысый череп, ощупывая каждый незабытый бугорок, каждую впадинку. А что забыла, то сразу же и вспоминала.

Он ничего не ответил. Утопил нос в её волосах. Рита замерла, удивляясь тому, насколько тело жило в автономном режиме от её сознания. Оно покорно шло ему навстречу. Колотящееся только что от ужаса сердце замирало от затопившего его старого чувства. Или от нового, выстреливающего свой свежий побег из старого засохшего корневища? Как давно ничего этого не было у неё, – она застонала, сама сорвала с себя блузку, в которой легла спать днём. Круглые как блюдца груди напряжённо устремились заострившимися сосками к его ищущим губам. Она приподнимала их руками, чтобы они не расползались, а ему было удобнее их ласкать. Каждое прикосновение было острым и прокалывало до самой её сокровенной точки, находящейся там, внутри, в глубине. Он ласкал неистово. Сжимал до хруста, до реальной боли и остановки дыхания. Как будто хотел изломать как медведь-шатун. Она попыталась сдёрнуть с себя брючки, посыпались из карманов какие-то мелочи, – брелок-мышка из бело-голубоватого нефрита, брошь Ники, утащенная незаметно сегодня у Ксении, забытая тою навеки в чёрном зам-

шевом мешочке в одном из бесчисленных ящичков декоративного комода. Комод был сделан в виде контрабаса, украшен вставками потускневшего синего и фиолетового перламутра. Художественное произведение, скорее, чем бытовая вещь, где-то приобретён он был для Ники вечно виновным Артёмом. Там же Рита нашла перстень с небесным по цвету камнем, носящим имя «ларимар», взяла его тоже без спросу. Понравился. А у Ксении всё валялось вперемежку с каким-то мусором. Сумбур её головы перетекал в хаос домашний. И странное в такую минуту мысленное перечисление того, что высыпалось из брюк, удивляло Риту и не мешало ей привычно и страстно ласкать его.

– Неужели это повторится? – прошептала она, – за это я согласна заплатить тебе всем. Жизнью.

Он замер в неподвижности, не отвечая на её бесполезное, что она мгновенно почувствовала, ставшее внезапно безответным, стремление. Она раскрылась, она звала в себя свою смерть и знала это, и жаждала любить его с тою же самой силой как впервые. Счастливая, она открыла губы, чтобы сказать ему, как любит его. И в этот миг он прижал ладонь к её полным губам, закрыв их полностью. Маленькая прозрачная капсула скатилась с неё и попала под её язык.

– Хочу спать... – сказала Рита, не поняв, что это было? – Как странно, я вижу время, и оно бежит вниз, вниз... К своему истоку? Но времени нет, есть лишь «дрожание мира», как кто-то там в тех истоках времени называл это...

Какие горячие и родные руки оказались у богини вечности, выплывающей из глубины её комнаты, превратившейся в ледяную тайгу. – Как же ты вернёшься обратно? Если твой метеорит сгорел в атмосфере? А его осколки разлетелись на десятки километров вокруг? – бредовое сновидение овладевало ею так же сладко для неё, так же блаженно, как было у них давно-давно, а теперь он отказался проделать это с нею. Она увидела себя со стороны, своё утомлённое, очень бледное лицо, и слезу, скатившуюся из уголка глаза, оставляющую мерцающую полосу с левой стороны её слегка вздёрнутого носа. Именно его неправильность придавала ей всегда тот особый шарм, который никогда не смогла бы дать идеальная красота. Поэтому она никогда не меняла свою природную форму носа. Это мало кто и замечал, отмечая её слишком уж безупречную надменную красоту. Только те, кто любили её.

Беседа с призраком

Ночью Ксении впервые за долгие десятилетия приснился отец. Он сидел у её постели и смотрел на неё зловещими мерцающими глазами филина – существа чуждого, непонятного, страшного. И пусть знаешь о его безвредности для человека, а страшно всё равно. Ксения натянула на лицо плед, спасаясь от кошмара и вовсе не радуясь тому, кто когда-то

был для неё самым главным и любимым существом в той яркой и солнечной, детской, Вселенной, с которой вместе и канул в вечность. Привидение из сна мягко и настойчиво стащило плед с лица. Зыбкое освещение спальни, благодаря рассеянному и уже предутреннему свету, проникающему через панорамное окно на полукруглой стене, всё же позволяло его рассмотреть. И хотя это был страшно худой и почти старый человек, ничуть не похожий на полузабытого отца, она знала, что он её отец. – Уйди, – попросила она через огромное усилие, поскольку была на грани парализации от страха.

– Я и уйду. Не жить же я к тебе пришёл, – ответил он удивительно буднично и сипловато. Голос тоже был не совсем тот, рыку подобный, что она помнила. – Успокойся. Ты же отлично поняла, что я не привидение. Я не мог прийти открыто и днём. Я здесь на Земле на нелегальном положении. Мне нельзя себя никак обнаружить. Я и без того рискую. Ты же видишь, что я жив и здоров. И я вижу, что ты жива и здорова. Хотя я сильно изменился и постарел, а ты, напротив, не постарела ничуть. А вот изменилась настолько, что я и не поверил бы, что ты дочь моя, а не кто-то другая, тут заселившаяся. Если бы я точно не знал, что ты Ксения Венд. Жена Рудольфа Венда, бывшая Воронова.

– Впервые вижу такой сон, – ответила Ксения. – Хотя нет. На спутнике мне снились подобные же сны. Наверное, там что-то необратимо во мне сдвинулось, и я так и не вернулась к прежней своей норме. Осталась чуточку душевно сдвину-

той.

– Пусть так, – согласился человек с лысым, по-прежнему очень красивым, идеально вылепленным черепом. У него и черты были те же самые – крупные, чёткие, нисколько не деформированные временем, а всё равно он был старообразным подобием прежнего отца. – Так легче. И тебе. И мне. Мы взаимно друг другу снимся.

– В посмертном существовании люди тоже видят сны? Выходит, ты умер старым, раз таким ко мне явился? Даже экипировка у тебя та же, профессиональная. Я тебя и не помню в светских костюмах.

– Я тоже не помню, были ли у меня светские костюмы? Если только в молодости. А потом мне было удобно жить в том, в чём я и работал. Моя жизнь состояла из одной работы. В моём пост существовании ничего особо-то и не изменилось.

– Из одной ли работы? А девушки – десантницы, твои юные красотки из твоего личного, учебного корпуса?

– Я не был феодалом, чтобы обладать личными вотчинами и рабами. Другое дело, что я сам иногда обучал и отслеживал лучших из учащихся.

– Помнишь её, Вегу? Свою любимую ученицу – тайную жену?

– Помню, – отозвался он просто и легко. Без раздумий и без его прошлых привычных шифровок. Лгать он не умел, а правду говорить было не всегда удобно. Поэтому он иногда

отвечал маме на её откровенные расспросы таким образом, что лжи в его ответах не было, а и правды не уловишь. – Как бы я забыл ту, чьи сыновья одни из лучших моих звёздных воинов.

– А! То есть и они умерли? Так выходит «Созвездие Рая» существует? Вы там?

Он не ответил. Молчать Ксения не умела даже во сне. – Жалеешь её, Вегу-златоглазку, хотя бы и в загробном мире?

– Не было у меня никакого гроба, а потому и мира такого я не знаю. Конечно, я жалею тех, кого обижал и заставлял страдать.

– Она пьяницей стала, как и Ростислав. Его давно уже с прежней работы изгнали. На Земле живёт в каком-то аграрном приморском городке. Там и Вега твоя с ним. Она за Паникина замуж вышла, как своего Каменобродского бросила. Уж очень тот Кремень деградировал в космических путешествиях, раскололся своей некогда цельной структурой в полную шизу. Так и сгинул где-то после неблагоприятной космической колонии. А Вега толстая стала, задастая, краснощёкая. Они с Ростиславом как две помидорины на одном кусте. Один большой помидор, а другая – маленькая помидорка. На солнце лоснятся, жизни радуются. Она песни поёт, виноград выращивает, а потом из него же сделанное вино вместе хлещут. По вечерам в море купаются, на закат любят. Конечно, я преувеличила, что она спилась, но жизнь-то её со звёздных высот скатилась в земные долины безвозвратно.

Мне о том сам Ростислав и рассказывал, как в гости к нам наезжал. К внукам своим. Без Веги, понятно. Она меня на дух не переносила и не переносит. А Рудольф редким гостем в моём доме был. Вот так, папа. Как была я одна, так и осталась, ничего особенно-то и не приобретаю. Детей не считаю, с ними жизнь моя была и есть полная чаша. Жаль, что ты так и не увидел моего Рудика. Он вылитый ты. Уж очень Рита хочет отобрать его себе. Придумает что-нибудь. Смастерит какую-нибудь фальшивую экспертизу, что мальчику нельзя покидать пределы Земли. А я не отдам. Если на то пошло, я и сама Землю могу не покидать. Нужны они мне эти недолговечные мужья-любовники. Как думаешь? Или ты там уже не умеешь думать?

– Хотел объяснить тебе ещё тогда. Много лет тому... Да разве стала бы ты меня слушать? Я вовсе не зловещий уничтожитель твоего не рождённого первенца, я вынужден был поступить так, – голос его звучал настолько глухо, что казался реально потусторонним. Но для того, чтобы убедиться, не призрак ли он, надо было к нему притронуться, а она не могла. Не могла и всё.

– Я знал, что ты никуда не обращалась по поводу своей беременности. В расстроенных чувствах ты жила на тот момент. А я-то знал, что родить тебе здорового ребёнка это шанс примерно пятьдесят на пятьдесят. Не его и не твоя вина в том, а у матери твоей природа была серьёзно подпорчена уже. Вот тебе её изъяны и перепали. Заодно с её красо-

той. И как я угадал! Ибо чуйка у меня давно уж нечеловеческая. Так-то вот. Тот врач провёл своё исследование, очень быстро, спец был редкий, хотя и преступивший в своё время черту закона. И сказал, как пригвоздил: «Урода твоя дочь родит. Безмозглого. Без шансов уже исправить хоть что-то. Если бы сразу обратилась в Центр репродукции и материнства, как и делают все, починили бы всё. А так... бессилена». Я ему и сказал, то есть приказал, не теряй время! Он и подчинился. Чего уж теперь?

Она знала, что он не врёт. Она и сама чувала, что-то не то с нею происходило. А на что надеялась? Да на что можно было и надеяться в той ситуации, когда она повредила в уме и сама.

– Рад я, что детишки твои здоровые и красивые получились от него. Рад, что матерью ты стала. Хотя и припозднилась. Может и такое быть, что в том «Эдеме», будь он не ладен! Тебя починили всю до самой твоей малой частички. Обновили всю. А ведь не будь этого Эдема, не возникли бы и Лбы... эти ловцы обреченного будущего. И не появился бы на свет никогда твой Венд ненаглядный. Ведь Соломир Змеелов уже на ту пору, как зачал ту, что Кариной Венд стала, жил вторую жизнь свою.

– Почему... – прошептала она будто замороженными губами, – Ты не нашёл возможности мне об этом рассказать тогда же? Ведь я ненавидела тебя все эти годы, ненавидела... – кажется, он её не услышал.

– Змеелов как тот самый сказочный персонаж, который обещал инопланетному чуду-юду отдать своё потомство за собственную шкуру. На Паралею попал он в плен к пришельцу, а тот и пощадил его при условии, что он сделает ему ребёнка от женщины, там проживающей. Долго тот пришелец искал ту, что подошла бы ему для его целей. И нашёл такую. Подходящую, самую красивую и чистую нашёл. На всю Паралею одна такая и нашлась. ... Соломир нешуточно ею увлёкся, хотел даже уволочь её на Землю и договор нарушить. Да... – он завздыхал, – Аха-ха-ха, ха-ха... У того пришельца был там его же враг. Они были из одной звёздной червоточки на Паралею выброшены, да что-то не поделили. Войну друг с другом устроили. Так тот враг и навёл на след той особы служителя какого-то местного культа, который был одержим ею куда как сильнее, чем Соломир. Она жрицей Матери Воды там была, под властью влюблённого жреца Чёрного Владыки пребывала. Жрец и выкрал её из-под носа Соломира. Соломир же, понимая, что за нарушение договора, за то, что прятал девушку у себя в надежде убежать с нею на Землю, ему смерть от того, кто шутником уж точно не являлся. Он и смылся со сверхсветовой скоростью. Искать её не стал. А тот пришелец, оставшись с кукишем вместе желанного ему приплода, от своего замысла не отказался. Приглядел он потом другого землянина, тоже потомка Змеелова. Ибо потомство у того Змеелова неисчислимое, как я полагаю...

– Хороша сказка. Продолжай. Если уж начал.

– Да. Так вот. После той неудачи неземной пришелец подарил ещё одному сыну Змеелова, появившемуся на земной базе уже после патриарха рода Соломира, одну местную красотку. С тем же наказом. Оплодотворить её. И опять задача вышла. Та девица сбежала куда-то. Ну, потом-то выяснилось, что она девочку родила. А пришельцу девочка была без особой надобности, он и махнул на неё рукой, как оно и бывает с негодным экспериментальным образцом. Пусть себе живёт, но мне-то к чему тратить на неё свой драгоценный ресурс? Но от замысла своего он не отказался, будучи в нашем если понимании как бы и бессмертным. Что ему время? Своего наследника, чтобы соответствовал его замыслу по всем своим параметрам, он всё-таки приобрёл. И мальчик этот родился на Паралее от твоего Венда! Внука того самого Соломира. Хотя мог и другого использовать, тоже потомка Змеелова. Ибо потомство у него неисчислимое, как я полагаю...

– Матерью того мальчика Нэя была? – спросила она.

– Нэя? Не знаю. Имена прочесть в тех образах, что мне и доступны для восприятия, не могу. Ты что же, думаешь, Венду твоему в той Паралее одна Нэя рожала детей? Ха! Или ты, даже проживая вторую свою жизнь...

– Третью, – перебила она. – Первая жизнь была у меня до его отлёта с Земли. Вторая... когда я как тень загробная скиталась по Земле несколько десятилетий. А третья началась

на той планете, что Артур «Ксенией» назвал...

– Тем более. Третью жизнь живёшь, а не поняла, кто он такой, твой Венд. Он же полное подобие того Змеелова! Из всего множества детей самый удачный он получился в смысле этого подобия. Змеелов, впоследствии Вайс, сделал для него столько, сколько ни для одного из своих потомков не делал. Взял в ГРОЗ против всех установлений и правил. Потом все огрехи-промахи его зачищал, вплоть до того, что девицу одну в подземельях самой ГРОЗ твой Венд подверг насилию.

– А твои-то огрехи, как ты тут выразился, кто тебе прощал? Ты тоже Вегу подверг насилию в юном возрасте. И не в подземельях, а в собственном отсеке для отдыха, и тоже в управленческом небоскрёбе ГРОЗ.

– Поклёп на меня возвели. Не было такого. Любовь была у меня с ней. Взаимная.

Чтобы уйти от темы, явно и болезненно его затронувшей, он сказал, – Хорош сынок у тебя! На меня, на деда своего, сильно похож он. Успел я просмотреть записи о нём. Жаль не придётся мне с ним вживую пообщаться-помиловаться по отечески.

– А мне ничуть не жаль! Я даже не скажу ему о тебе ни словечка. Потому что выела моя ненависть к тебе, длиной во всю мою жизнь, все те чувства, что и были у меня когда-то... Нет у меня отца! Нет и воспоминаний о тебе.

– Сам узнает, когда время придёт. И помешать ему в том

ты не сможешь.

– Хочешь сказать, что мне не позволят взять его с собой на планету Ксения?

– Не понравилось кому-то такое вот имя, присвоенное той планете. Переименовали в Землю – два. Решили, что не подходит новому миру имя «Чужая». Она теперь не чужая, а своя.

– Рита развела свою бурную деятельность, что ли? Она к тому же задумала отнять моего сыночка. Раз уж Рудольфа никогда уже вернуть не сможет. И никто уже не может... – Кения заплакала молчаливыми, горячими в буквальном смысле, слезами, прожигающими глаза как кислотой.

– Никто уже не отберёт твоего сыночка златовласого, – произнёс он утешительно-ласковым голосом из давно забытого детства. Учюял как-то её слезный спазм, – Не сможет. Вегу постарайся увидеть перед своим отлётом. Передай вот что. Прошу я прощения у неё и у мужа её Ростислава, пусть не поминают лихом. Скажи также, что её сыновья, рождённые от меня, живы и здоровы. Ростом вымахали выше отца, а красотой в неё, в звёздочку мою переменчивую, пошли. Она ведь первая начала от меня гулять, я и обозлился. Я ни Риту, ни Нику не любил. Одну её. Рита была незаменима для меня тогда по другим делам, Ника болью моей была и осталась. А Вега – юная цветущая вишенка была моей отрадой неопишуемой. Да не уберёт. Занят был очень, то отлучки, то дела неподъёмные и нескончаемые, то битвы с врагами бес-

пощадными. А ты думала? У нас там такие войны и были, и остались под прикрытием синтетически-ослепительных стен и крыш. А тут и налетели на мою вишенку курсанты как стая воробьёв горластых, наглых, голодных вечно. Уж очень притягательной и ароматной она была. И одна почти всегда. Редко востребованная, а в самом соку. Всю и расклевали, за-сранцы! Я озлился, чуть не убил её. А вот выкинуть окончательно так и не смог. Не хотелось совсем уж одному куковать. Риту не считаю я женщиной, и не считал особо-то никогда. Она была оборотень. Коварный и беспощадный, когда дело касалось тех корпоративных интересов и целей, коим она служила. Не мне она служила, как я обольщался. И чтобы не страдала ты, знай, что крепче, чем ту рыжеволосую девочку, дочку мою ясноглазую из самых начальных глав твоей, да и моей, в сущности, жизни никого я не любил. Не знаю уж, почему тебе, клонированной женщине, которую впервые я вижу, досталась память о её юности и обо мне как об отце...

– То есть? Я не я, и хата не моя? Да ты сумасшедший! А что, бывают сумасшедшие призраки? Вот удивительно-то как!

– Ты не та Ксения, – произнёс он сердито, но утвердительно. – Ты только новёхонькая подделка под неё. Ты дубликат. Хотя дубликат и качественный. От подлинника мало отличимый. И даже по-своему более высокого ты качества, если телесного. А с душой своей сама разбирайся. Если она у тебя

есть, а не осталась в тех преступных лабораториях, откуда ты и выпорхнула со своей юной и нечеловечески атласной кожей. От того и не любил тебя твой муж, что чуял обманку.

– Чего он там чуял? И чего ты-то злобный такой? Не мой ты отец, а сыч какой-то из чёрной дыры. Ты сам дубликат! Не знаю уж, где тебя и выпекали такого, всего закопчённого. В аду что ли?

– В аду. В космическом. Космос и есть ад для человека.

– Я и чую. Не отец ты мой, а чёрт – оборотень! – и Ксения в страхе кинула в него подушку. Он перехватил её и стал жадно нюхать, как огромная собака. – Запах узнаю. Запах твоих волос мне родной. Молекулярный состав, вся биохимия, весьма подобны тому, каковы и были у моей доченьки. Продвинулись, что и говорить, засранцы, чуть ли не на место Бога метят. Да недолго им тут царствовать. Скоро придёт им всем конец. Впереди полная перезагрузка всей планетарной программы. Зачем ты согласилась тогда пройти страшную процедуру в так называемом Экспериментальном Доме Молодости? Зачем обольстилась? Согласилась стать пост человеком? Ксюшка, моя глупая и доверчивая душа! Как бы я целовал твои естественные морщинки, твою – несовершенную, побитую временем, а подлинную красоту. Настоящую. А теперь никто и не знает, сколько таких вот дубликатов, сделанных с бесподобного оригинала – творения самого Божественного духа, бродят не только по Земле, а и в других мирах, подобных Земле?

– Я настоящая! Настоящая! Я отлично всё помню. Маму, детство, тебя, чучело лысое и жестокое! И даже не за тот аборт насильственный возненавидела я тебя. Тогда что-то и продолжало во мне теплиться к тебе, какое-никакое, а понимание. Ведь тот эскулап-твой невольник шепнул мне, что избавил меня от рождения неполноценного ребёнка. От муки материнской и самой непереносимой, не дай Бог кому её пережить. Да ещё за такое моё преступное уклонение от преждевременного обследования меня могли и на будущее лишиться возможности стать матерью. И я почувствовала, что он не врёт. Злилась лишь, что инъекцию сделали внезапно, обездвигили, усыпили как собаку бешеную. Утащили в какое-то подземелье, что ли? А чтобы осознанно и уже навсегда возненавидела я тебя у берега той лесной речки, когда ты умывался в ней. Ты же о маме и слезинки не пролил. Даже рыдал всухую. Заколку женскую помню, какую ты из кармана вынул, да в речку бросил. Вега она принадлежала? Она потом назло тебе волосы коротко стригла под мальчика. Ух, какая она злоющая была! Но тебе такая стерва под характер твой и нужна была. Вишенку себе нашёл! Да она волчьей ягодой была, а не вишенкой. Колючая, драчливая, даже на заднице искристые шипы на брючках у неё были. Не любила она тебя, а только хотела на твоих плечах в верхние этажи вашей ГРОЗ проехать без всякого пропуска и должного образования. Она всем давала, кто хотел её п... с живлёнными бриллиантами на лобке! Даже высоко о себе мнящий в те

времена Венд – сын своей мамы-ханжи с нею пробовал на белейших маминых простынях. В ту квартиру в элитном небоскрёбе, что ты щедро волчьей яголке своей подарил, Венд не ходил никогда. Боялся тебя, шефа своего. Вдруг ты туда заявишься, как захочется тебе со своим барахлишком искристым поразвлечься? А я, между прочим, в том «Звёздном Персее» всех лучше была, всех стройнее, чище, хотя и наивная я была до глупости. А перчатки мамины я забрала с того куста. Вернулась и сняла их. Убрала потом, как память о маме. Помнишь это? А помнишь, как катал меня на своём горбу, а я тебя «лошадушкой» называла и жалела тебя? Уйди прочь, привидение нестерпимое! Инкуб сумасшедший! Я не звала тебя. Не о тебе я тоскую!

– Дура ты! Инкуб это тот, с кем женщина совокупляется. Бес, прикинувшийся любовником. А я твой отец. Пожалуй, темперамент-то да дурь прежние остались. Таких и не подделаешь, как ни старайся. Наверное, я действительно чуточку сошёл с ума от своей подозрительности. Жизнь такая уж мне досталась. Не человеческая, если по своей жестокости и испытаниям. Прости меня.

И Ксения вдруг вспомнила старого прадеда. Нахлобучь этому лысому пришельцу из ада седой парик с кудрями, да навесь бороду как Дед Морозу, вылитый прадед из таёжного терема.

– Прощаю. Только целовать не буду. Не целуюсь с призраками.

А он вдруг положил тёплую и вовсе не призрачную, большую ручищу ей на лоб, и она мгновенно отключилась.

Утро другой жизни

Ксения проснулась поздно. Она спала настолько крепко, что в утренние часы уже не видела снов. За прозрачной стеной стоял пасмурный день, явно готовящийся к принятию затяжных осадков. Вставать не хотелось. Спальная комната блестела каждой своей полочкой и вещичкой, ни пылинки не оставила вчера разошедшаяся в своём трудовом энтузиазме Рита. Ксения была ей благодарна, поняв, что тою движет искренняя жалость к ней, запустившей свой дом. Но Ксения и раньше не страдала манией чистоты. Какой с детьми может быть идеальный порядок? Одно уберёшь, другое уже рассыпали, третье разбросали. Рудольф был дома редким гостем, а им и так всем было хорошо. Убирались все вместе и дружно, кроме отлынивающей от уборки Альбины. Она убирала только свою комнату. Но порядок, которым восхищались, и ходили некоторое время чуть не на цыпочках, боясь его порушить, быстро превращался в свою противоположность, которая и была всем привычна. И то, что Рита приняла за дикий беспорядок из-за отрешения Ксении от всего, было отчасти и обычным состоянием их дома. Ксения усугубила его, расшвыряв своё тряпье, и только.

Лёжа, она подумала о том, как было бы хорошо, если бы к ней вместо ночного кошмара, притворившегося её постаревшим отцом, явился призрак мужа. Есть же счастливицы, продолжающие жить с теми, кто навсегда ушёл. Спать с ними, миловаться. Но, то ли Рудольф не так уж сильно её любил, то ли она обладала крепкой и здоровой психикой, он к ней ни разу не пришёл. И в снах его не было. «Жив скотина, вот и не снится, призраком не таскается!» Скорее всего, думала она, насмехаясь над собственным ожиданием, ему настолько осточертели эти бесконечные жёны, что он решил начать свою жизнь заново, с чистого листа, от них всех подальше. И может быть, он проведёт эту свою жизнь после жизни совсем иначе, став неузнаваемым, став суровым аскетом, каким и хотел всегда казаться. Замерцал её контактный браслет, и она услышала голос Робина, но удивиться ему не успела.

– Рита умерла ночью, – сказал он с легким акцентом, – острая сердечная недостаточность. Она была одна. В своём прежнем доме. – Он долго молчал. Решал, стоит или нет говорить ей дальнейшее. – Смерть произошла от естественной причины. Это часто случается с теми, кто... Ты знаешь. Пока это предварительное заключение. Но... – он опять заглох, раздражая Ксению своей знакомой ей манерой цедить информацию.

– Что же. Счастливая судьба! Всем бы такую длинную жизнь – полную чашу, и лёгкую смерть. Или ждёшь соболез-

нований? Кому они нужны? Тебе? Ей? Не думаю...

– Накануне ночью у неё кто-то был, – Робин проигнорировал её тираду на грани издевательства. Но у Ксении не было сожаления по поводу необратимости, и очень справедливой! данного факта, как не было жалости к той, кто давно жила в чужом столетии и ела чужие сдобные хлеба.

– Тот, кто удалил из неё скрытый чип, определив место под кожей, где он был вживлён, был человеком из нашей структуры, что не подлежит ни малейшему сомнению. Также была нейтрализована система визуального контроля в доме, и ни единого отпечатка пальца, ни единого следа. Экспертиза оказалась бесполезной, она словно бы умерла во сне. На столике рядом стоял недопитый чай. Может, так и было. Она вполне могла в полубессознательном состоянии какое-то время существовать и даже совершать привычные действия в автоматическом режиме, приготовила чай. Были случаи, когда люди приходили на работу, по-сути уже убитые, и окончательно умирали уже у всех на глазах. У тех сектантов особый изуверский почерк, не без издёвки. Правда, Вейс был убит острым клинком в сердце у себя на рабочем месте. И та же самая история – ни следов, ни записи в системах наблюдения. Была также ликвидирована вся его секретная база данных, все его архивы зачищены. Он сидел на своём рабочем месте за чашкой недопитого чая, но как в глухой разорённой гробнице, ни единого следа его деятельности и богатого, собранного за многие десятилетия, если не

столетия, материала. Ничего не осталось, нигде. И какая наглая демонстративная жестокость, архаично-дикого по методу преступления! Я предупреждал Риту, увещевал её оставить русских и перебираться к нам за океан окончательно, но она... Они профессионалы своего страшного дела, и ГРОЗ, по-видимому, заражена их агентурой.

– Думаю, это кто-то из свиты её «фавор» приближённых, не поделили мамкину, не всегда верную любовь. Они ей быстро надоедали, утомляли вполне понятной возрастной глупостью. Она слишком заигрывалась с буйным молодняком, в то время как её собственные ощущения давно умерли вместе с её старой шкуркой. Но если новую шкурку ей выдавали в «Эдеме» будь здоров! То чувства реанимировать никто уже не мог. Она была «Дракула». Ты никогда не слышал чудовищную древнюю сказку про упыря, вылезающего из своего склепа и пьющего молодую кровь? Ваш «Эдем» и есть такой изготовитель упырей. Если он устроен по принципу несправедливости для прочих, пусть его не будет! Или ты был свято уверен, что она тебе верна? – завершила Ксения насмешливо, плохо вместили в себя смерть Риты, но чувствуя острую неприязнь к голосу человека, чьего лица ей не хотелось вспоминать никогда. И сейчас она умышленно не включила изображение, чтобы не видеть его, и даже мысленного представления его лица не было. Он был ниже врага, ниже нуля, ниже всех для неё, поскольку был связан навсегда с её собственным падением, в котором не было ни малейшей

его вины.

– Она никого никогда не приглашала в свой дом. Её домашний адрес был засекречен для всех, исключая редких близких людей. Даже ты не знаешь, где было её домашнее укрытие. Иначе, ты была бы последней, кто видел её в живых.

– А, ну да. У неё же был отсек для райских утех. А у тебя такой есть?

– Неуместно шутить сейчас. Ты поняла, о чём я тебе сообщил? Или ты сама ещё не отошла от горя?

– От горя? Какого ещё горя? Да катитесь вы все со своим горем! У меня в жизни теперь будет только безграничное счастье. Я уже выплатила этому горю всю причитающуюся ему дань. Я отдала ему целую жизнь, а новую оставлю для счастья. И никогда больше не напоминай ни о себе, ни о Рите. Она, ты, Рудольф, а также мой лысый создатель «лошадушка» – остались в прошлой Вселенной, в которой я умерла, а воскресла я для других людей, которым нужна. И не вздумай надеяться, что я прибуду в качестве свидетеля. Ни за что! Мир её, измученному бесконечной и бесполезной жизнью, праху. Пока. Надеюсь, это «пока» навсегда!

Он кашлянул, обиженно подышал без слов, лишённый даже права на изображение, и первым отключил связь. И тут рука её обо что-то укололась. Ксения отдернула руку и нащупала рядом с подушкой аметистовый ирис – мамину брошь из далёкого, нереального будто времени. Но оно, окамене-

лое, лежало рядом, это время. Переливалось сиреневым и жёлтым, неувядаемое, неуничтожимое. Откуда выпал этот цветок? Рита, что ли, нашла и положила незаметно? Не могла она. Если бы нашла, утащила бы обязательно. Да, но... Разве не была драгоценность положена в гробовой контейнер к маме? Брошь, сделанная на заказ, а потому и уникальная, вот и ажурный, вроде вензеля, рисунок на золоте застежки. Ксения вскочила и достала из стенной ниши, зная, где это, маленькую лупу с ручкой из пейзажной яшмы для ювелирных изделий. Настроила её на максимальное увеличение и впервые прочла то, чего никогда не стремилась прочесть при жизни мамы, нисколько не интересуясь тем, из каких слов составлен узор на застежке. Русскими буквами, закрученная в спираль, была выгравирована надпись – «Трофимовой Нике от того, кто любит. Генрих».

Так значит призрак приходил? Когда она спала? Но призрак не мог быть Рудольфом, ничего не знавшим о существовании маминой броши, всегда хранимой ею в маленькой шкатулке- башмачке из горного хрусталя. Мама никогда не носила эту брошь, но берегла, не давала её и Ксении. Даже если предположить, что это дубликат той старой вещи, откуда мог Рудольф знать о существовании некоего Генриха, мужа из утраченной прежней маминой жизни? Не мог. Не знал. И Рита не знала ни о каком Генрихе. Никогда не видела эту брошь. Мама её никому не показывала, только однажды и показала маленькой Ксении. Тогда же и сказала: – «Дочка,

когда я умру, ну вдруг? Ведь все умирают когда-нибудь. Положи на мою грудь этот цветок. Исполнишь? А носить мне каменный цветок нельзя. От него болит моё сердце, и я не понимаю причину этого. И отец, хотя и подарил, просил не носить, а только беречь. Цветок заколдованный, как бы. Пока я его берегу, мне ничего не угрожает. Так он сказал. Ты понимаешь»? Тогда же и запрятала. И напонила о цветке только в их последнюю встречу, просила принести и сказала, где он спрятан. Только отец и знал о существовании странного амулета или оберега, чем он был? Только их сокровенное трио, – мама, папа, я, дружная семья. Отец! По-прежнему лысый, по-новому худой и старый. Не был он никаким сном-кошмаром, а был живым и невредимым. Откуда он взялся? В какой чёрной дыре на самом-то деле крутился, запекался. Насажённый на какой такой космический вертел? Что пришлось ему претерпеть, что стал он настолько и старым? По возрасту-то его ровесники глядятся вполне себе женихами. Как устают от честных трудовых подвигов, от карьерных и всегда сомнительных битв, как и нянькаться с внучатами им надоедает, так и опять женихи. Тот же Ростислав Паникин, женившийся на разудалой и весьма раздобревшей во всех смыслах Веге – бывшей космической амазонке. А отец стал копией полузабытого прадеда, кого звал «гусли – самогуды».

Знаком чего был этот каменный цветок – сфинкс? Знаком того, что она, Ксения, вернулась к утраченному началу? К первой главе своей жизни? Но уже другой жизни, той «пост-

скриптус», какая была у мамы в её новом времени после времени ушедшего? Нет. Она будет счастлива, и жить будет долго-долго, вот о чём прошептал ей сфинкс – судьба своими закрученными, фиолетовыми лепестками, переходящими в солнечную яркость сердцевины цветка, похожий на новую прекрасную Галактику, где предстоит родиться Космосу, и где она будет не только любить сама, но и будет любима.

Появление Пелагеи Бусинки перед началом другой жизни, как было и в самом начале жизни прежней

Из тихо рокочущего, как отдалённый океан, сумрака, из сокровенной сердцевины звездолёта, расцвеченной цветными огоньками и мягкой пульсацией управляющих компьютеров, вышел навстречу тому, кто и был в прошлой и навсегда оставленной жизни Вендом, человек. На нём не столько его облачал, сколько болтался на костистой высокой фигуре комбинезон, а сам человек пока ещё слабо был различим в своих детальных подробностях. Тот, кто был Вендом и пока ещё не придумал себе нового имени, а прежнее отринул, потому и был безымянным, подошёл ближе. Меняющийся в своих оттенках и от того радостный свет, будто стоял встретивший его человек в уютном праздничном помещении у но-

вогодней ёлки, сделал его чётко зримым.

Из-под огромного лба, украшающего мощно слепленный природным скульптором совершенно лысый череп, смотрели в упор знакомые яростно-повелительные глаза. Но само лицо, худое и скорбное, казалось незнакомым. И глядя через обозначившуюся явно толщу былых дней, спрессованных в не одно уже десятилетие, они, окружённые еле заметными морщинками усталости зелёные глаза, не узнавали Рудольфа, ставшего временно безымянным. Хотя сам человек знал, кто и зачем прибыл. Во взгляде не улавливалось никакого личного отношения к тому, что таилось в этой плотной толще, зримой только им двоим. Всё личное – жёны, дочери, возлюбленные, вражда и любовь находилось вовне его, в этой самой толще прожитых и отринутых дней – лет, и уже не имело ни малейшего значения для него. Отданное или отнятое? Неведомому Энтропизатору.

Но как выяснилось чуть позже, такое впечатление оказалось обманчивым. Человек первым протянул руку, и Рудольф, ставший безымянным, встретил её твердым рукопожатием. И там, где встретились их руки, пролегла граница, дистанция между ними, разрезающая навсегда их личное пространство друг от друга. Только общее служение, одна цель и стремление к ней было важным, было выбранным бесповоротно. Да и не было его уже, личного этого пространства у тех, кто стали одушевлённым наполнением потрясающей машины, зависшей у водно-ледяного спутника Энце-

лада. Рядом вращались фантастические, колоссальные, не соразмерные с масштабом человеческого восприятия кольца Сатурна. По прихоти людей тѣзки того древнейшего бога времени Сатурна, что пожирал своих детей. Родная, но столь же подавляюще неоглядная, Солнечная система, породившая их на крохотной возлюбленной своей частичке в безразмерных недрах своей загадочной утробы, угрожала вселенским ужасом отрыва от себя, колюче мигая своим центральным плазменным оком. Она была похожа на того самого неопишемого Ангела бездны, усеянного многочисленными глазами по чёрной его ризе. Но большой страх маленького человека это не то чувство, которое имело значение для тех, кто давно оторвался от гравитации – пуповины земной матки. Преодолев этот страх единожды и не единожды, выходишь из-под его власти уже навсегда, и смерть становится не страшнее самой Вселенной с её бесчисленными живыми и мёртвыми глазами разлетающихся и сплетающихся в шибке, новорожденных и угасающих звѣзд, миров прошлого и миров будущего в их становлении и в их исчезновении настоящего.

Бесшумно отворилась узкая панель и в управляющем центре звездолѣта возникли две фигуры. Одна – коренастая невысокая женщина в свободном и даже несколько небрежном комбинезоне, с предельно затянутыми на затылке волосами, увитыми нитями с разноцветными жемчужинами, и он её сразу вспомнил даже через столько лет. Она заметно по-

старела и потемнела лицом. В ней было уже более очевидно, чем около двадцати лет назад, когда они столкнулись в бассейне ГРОЗ, смешение кровей – европейской и индонезийской. Тогда она ещё холила в себе собственный женский шарм, отбеливала кожу, крутила бёдрами, не скрывая своей озабоченности мужским вниманием. Теперь ничего этого не было и в помине. Она усохла и выдохлась, она выглядела уже не метафорической, а вот-вот готовой зримо проявиться «вещей Ягой». Всё ещё полные и не утратившие сочности губы сложились в полумесяц улыбки, а на лбу как третий глаз темнела крупная родинка. Причёска с пукон на затылке, большие выпуклые глаза на широком смуглом лице, родинка в центре лба и полуулыбка делали её похожей на Будду, которого старинные художники, как в красках, так и в камне изображали женоподобным и луноликим. В длинных мочках мерцали ввинченные туда жемчужины с ярко-синими искрами.

И тут вдруг безымянный вспомнил ту их встречу на искусственном спутнике «Борей» в самом начале взрослой своей жизни. И удивился тому, что не узнал Пелагею в «зелёном отсеке» для релаксации в небоскрёбе ГРОЗ. Поскольку тот эпизод из юности начисто выпал из его памяти, а тут вдруг нашёлся. Он даже вспомнил их разговор, что-то на тему смерти и человеческой праведности. А также то, что Пелагея очень хорошо знала его мать и отца. И он, совсем мальчишка тогда, тем ни менее понял, что маленькая и на

его взгляд мало красивая женщина папу Паникина любила в своей юности. Возможно, что загадочная Пелагея как-то смогла впихнуть в его память тот его утраченный фрагмент, который он потерял. Поскольку она пристально и странно смотрела куда-то в такую запредельную глубину его души, что показалась ему не бутафорской, а подлинной магической штучкой из древнего сундука. С такой не забалуешь, такой не соврёшь. И о дочери он вспомнил, той самой, которую Пелагея обещала родить специально для него.

Вторая фигура, которую он принял вначале за худощавого и длинноногого мальчика – подростка, оказалась девушкой с предельно укороченной стрижкой. Её синие глаза на нежном полудетском лице смотрели на него несколько хмуро.

– Моя дочь Лана, – представила её Пелагея, – думаю, что меня ты узнал. Пелагея Змеелов – моё имя.

– Однако, – пробормотал он, – фамилия знаковая.

– Да уж, какая есть. Познакомься, Лана, это Радослав Пан. – И обратилась к новому старому Радославу, – Все твои данные уже внесены в нашу информационную базу. Тебе дан свыше новый шанс на прожитие той самой жизни, о которой ты и мечтал тогда, когда стоял на смотровой площадке спутника «Борей».

Таким образом, он уже не был безымянным, став внезапно Радославом Паном, как в собственном детстве. Подумал о том, как счастлив был бы отец, узнай он об этом. Да не узнает никогда. Радослав ещё раз внимательно взглянул на худую,

высокую в отличие от матери, и показавшуюся бледно-невыразительной девушку, и боль пронзила его при мысли о собственных дочерях, которых он уже, может статься, никогда не увидит. Они все рисовались ему настолько прекрасными, недостижимыми уже окончательно. Альбина, так и не понятая, ругаемая, и даже последняя маленькая дочка жила рядом как посторонняя, непонятно чья малышка, забредшая в дом и сад Ксении. А сам он тот дом своим и не считал...

Девушка, решив, что ритуал знакомства исполнен, покинула отсек управления и скрылась за той же узкой панелью.

– Как же ваша планета с её райскими шалашами? – спросил он, скрывая сильное удивление от появления женщины Пелагеи, – а Франк говорил, что прибудет звездолёт «Пересвет».

– Так уж сложилось, что «Пересвет» прибыть не смог. Смогла я, – и Пелагея – «вещая Яга» сразу прочуяла тот страдальческий всплеск, что был вызван мыслью о детях. – Так ты же сам отказался от райского шалаша, наполненного блаженством и детским визгом. Да и нет, не было на моей «Пелагее-бусинке» шалашей для бездельников. Там одна из наших баз, а также центр для обучения новичков. – Она перешла на «ты», и стало как-то проще, свободнее.

– И это, по сути-то, под крылом самого Вайса? Как же вам удалось? И дочь его? Как вы объяснили ей гибель отца?

– Никак. Он ей никто. Мне жаль Риту, только не его. Но и Рита была преступница без права помилования. В её послуж-

ном списке, – ой, до чего же он страшно неправдоподобен! – если соотнести её осознанно-демонические деяния и её божественную внешность. И в нём, в послужном её списке, не только гибель двух космических городов, созданных не одним поколением людей. А там погибли все жители вместе с детьми, исключая редких счастливчиков, была разрушена вся инфраструктура. И если Виталий Вайс, бывший Змеелов – бывшая легенда Космоса, ставший чёрным Кашеем, породил за свою жизнь много детей и построил много космических городов-поселений, то Рита ничего не построила, кроме своего комфортабельного особняка, и не подарила жизнь ни единому человеку. Зато отняла её у стольких!

Женщина подошла к нему очень близко, подняла лицо, поскольку была невелика ростом. Глаза её странно и диковато блеснули, как бы оросившись слезой. – Ты? – спросила она, – ликвидировал Вайса?

Он отшатнулся, и стало ясно, что скрывать то, что произошло, незачем. Вайс не был другом этим людям, а кем-то глубоко понятию «друг» противоположным.

– Нет! – ответил он твёрдо. – Я не мог по причине, которую не озвучу. Поскольку она является важной только для меня.

– И не надо. Я знаю эту причину. Так кто тогда? Арсений? Он же входил в организацию «Лбов». Был он человеком слегка сдвинутым, а тем не менее, глубоко нравственным, приговорив себя смерти после исполнения приговора

над Вайсом.

– Рахманов? – он невольно, но горько рассмеялся. – Он не слегка сдвинутый, а глубокий уже инвалид. Был. Он не вылезал из своих гор. Он и близко не подходил к управленческому небоскрёбу ГРОЗ все последние годы.

– Тогда кто? Ты же сбежал не просто так? Ты же не мог не отследить того, кто и свершил... – она не договорила. Она плакала безмолвно. И очень быстро овладела собою. – Ты просто обязан был, если не по человеческому закону, то по профессиональному долгу отследить и задержать убийцу. Так почему этого не произошло? Мало того, ты и сам организовал всё последующее представление с собственными похоронами. И у тебя были серьёзные помощники в твоём поспешном отходе. Хотя ты и обманул всех простаков, но не обманул тех, от кого и сбежал. Я спрашиваю, потому что я сама хотела уничтожить Вайса. Хотела этого годы и годы, лелея свои чёрные мечты об этом и вынашивая множество неосуществимых планов. Причину тебе знать незачем. Дела для всех давно усопшие и окоченевшие, но только не для меня. Скажи же, если находишься по отношению к той жизни на том уже свете. Дороги обратно тебе нет.

– Мой отец. Он свёл с Вайсом старые счёты, а поскольку собою давно не дорожил, считая свою жизнь пост существованием, он где-то раздобыл орудие возмездия «лбов», вовсе не являясь их сообщником. В своём роде это оружие – невидимка, поскольку его нельзя обнаружить никакими самыми

совершенными методами, когда человек прячет его под своей одеждой. А голышом, как тебе известно, по территории управления ГРОЗ никто не ходит. Может быть, я и знаю, где он раздобыл то, чем и убил Вайса. А я дал ему уйти и подчистил все его следы.

– Где же он добыл это... ну, оружие?

– У меня украл, когда в доме моём оказался в то время, как меня там не было.

– А у тебя-то как оно... ну, возникло?

– Случайно. У Рамона на спутнике ещё конфисковал, когда он Риту хотел отправить туда, где она в его понимании давно должна была находиться.

– Так значит, Ростислав?! Не может быть... – Пелагея бессознательным жестом закрыла ладонью лоб. Она очень быстро овладела собою. – А все считали его законченным уже алкоголиком. Наверное, по-отцовски он даже считал, что делает благо и тебе заодно. Освобождая властную нишу Вайса для тебя. Ведь так?

– Не думаю, что он даже краем своей мысли думал обо мне. Он всего лишь тихо сходил с ума в своём обывательском уединении с такой же поломанной женщиной, считая именно Вайса причиной краха своей звёздной карьеры. Это была лишь отложенная на годы и годы месть. Ненависть неутолимая грызла его такое великодушное, как все думали, сердце. Он всего лишь играл роль простодушного селянина, скрипя зубами от её непереносимости для себя чёрными

и бесконечными ночами. Последние годы он жил у тёплого моря, виноградник себе устроил, вино попивал. Да и теперь живёт себе, но вот как? Того не знаю. Он же отлично понимает даже остатками своего незаурядного некогда ума, что, если бы не я, его схватили бы сразу же и в самом управлении ГРОЗ. Он и не планировал отход. Он вошёл в ГРОЗ в воображаемой тоге героя-смертника. А когда ушёл беспрепятственно, то и понял всё. Месть не была бы осуществлена никогда, если бы он не нашёл оружие «лбов» в моём доме. Вот тут он и решил сыграть свой последний выход. Раз реквизит оказался под рукой. До подобной нелепицы мог додуматься только мой отец. Поэтому заговор и не раскрыли. Поскольку его и не было. Жаль, что он считает меня самоубийцей, а себя виновником. Но как-то и он должен страдать, если по высшему нравственному закону.

– Прошу тебя, никому об этом не рассказывай. Эта тяжкая тайна пусть будет только твоей и моей. Только ты и я любили Ростислава по-настоящему. Но зачем ты хранил столь опасный сувенир у себя в доме?

– А на память о прекрасном одиноком скитальце Рамоне – любимчике женщин и чистом идеалисте, запятнавшем себя немалой кровью.

– Отцом Ланы является Рамон Грязнов, – уже спокойно произнесла Пелагея. – И несмотря на такой перевес южных кровей, ты заметил, какой белокожей северянкой смотрится моя девочка? – чувствовалось, что девочка являлась пред-

метом невероятной материнской гордости Пелагеи. – Я как та царевна из сказки: «Мать брюхатая сидела и на снег лишь и глядела». Я же глядела в лучистые и ласковые лазурные воды своей планеты «Пелагея-бусинка». Там у нас рождаются изумительные дети. Все девочки как белоснежные русалки, а мальчики невероятно сильные и выносливые, поскольку почти всё своё взросление проводят в мелком океане планеты.

– Рамон Грязнов? Что же он не был взят тобой на «Пелагею»? Когда был неприкаемым безработным и пребывал в каждодневном унижении, толкаясь туда, где никто не хотел его брать?

– К сожалению, Рамон отказался тогда, как и ты. И о существовании своей дочери он ничего не знает.

– Зато он был уверен в том, что у него есть сын. Он и относился к Артуру как к сыну. Сынок, так и звал его. Любил невероятно. Артур считал его всего лишь отличным дядькой, даже в голову не беря, какая причина питает любовь Рамона к нему. И подружка Артура Вика тоже была уверена, что Рамон ему отец... – он помолчал, пытаясь осмыслить смятение Пелагеи, вдруг возникшее в её глазах. – А чем Судьба не шутит? Вдруг Рамон встретит Артура на Земле-2, коли уж рядом теперь будут обретаться...

– Ты помнишь Вику? Бедная моя девочка... думаю, Артур не часто вспоминает о ней... Эх, мужчины, вы неисправимы по своей природе...

– Чем она бедная? И почему она твоя? Знала её?

Пелагея не ответила.

– Почему же Рамон настолько уверился в своём отцовстве? У него всегда были возможности узнать правду...

– Думаешь, ему была важна объективная правда? Рамон всегда был сказочник. Вот и придумал себе сказку о собственной великой любви и о том, что у него есть сын. Нет у него других детей, кроме моей Ланы, о которой он так и не узнал.

– Я слышал о том, что были ещё два сына от той, на которой он женился до своего заключения...

– Он всего лишь их усыновил, как потребовала та женщина. Отлично зная, что он не отец её детям. Просто и ей, и ему было недосуг расторгнуть брак официально. Вот и всё. Наивный Рамон пытался воссоздать семейный союз даже не со своими детьми, но не получилось сразу, не склеилось и потом.

— Не склеилось потому, что стремления к тому не было, а уж с чьей стороны, какая теперь и разница. На Земле –2 и запуск его новой судьбы предоставят ему повторно. Может, и много кому ещё...

– Туманно говоришь. Кто те, что и предоставят?

– Как водится, Боги нового мира.

– Рамон жив?

– Надеюсь на это, как и на то, что ему удалось построить свой первобытный райский шалаш с найденной феей из своей юности. Хотя, поступь цивилизации достанет его там

весьма скоро. И если не его, поскольку планета огромна и на ней легко затеряться, то его потомков. И потомков тех, кто туда сбежал в поисках уже своего Рая. Выходит, ты меня обманывала тогда, предлагая свою планету – райскую жемчужину в качестве своего приданого?

– Вовсе нет. Мне до того было необходимо поднять демографию своей планеты, что я говорила чистую правду. У меня как был, так и остался дефицит народа. Женщины на Пеллаге рожают много детей, там комфортные условия для проживания, а мужчины – они надолго там не задерживаются.

– Твоя дочь напомнила мне Артура, каким он прибыл ко мне на Трол. Я с первого взгляда принял её за мальчика.

– Нет, она девушка. И девушка очень застенчивая и женственная. Только притворяется серьёзной, играя роль космической десантницы. Я не могла отказаться от возможности занять себе ребёнка от такого талантливом красивом человеке, каким был Рамон. И как жаль, что мой репродуктивный возраст уже в прошлом. Лана – она тот самый случай, что в старых сказках назывался «по сусекам поскребли, по амбарам помели». Неожиданный мне подарок от матушки Земли – последний плод, созревший в жаркие деньки моего бабьего лета. Вообще же, у меня, как и у тебя много не только взрослых, но и весьма постаревших детей. Я времени зря не теряла. А ты думал, что я тебе себя предлагала? Я искренне хотела заполнить тебя с твоей чудесной иноплане-

тянкой в свой рай. А уж там и ты, и она были бы свободны в своём выборе. У меня все счастливы, и сам климат, сами красоты планеты просто исключают наличие любых земных трагедий. Инкубатор счастья, одним словом.

Вот заброшу вас с Белояром в одно местечко, заодно и Лану мою вам оставляю. Ответственным воспитателем для неё назначаю тебя. Хотя и понимаю, что доверяю козлу, вернее «козлоному Пану», изысканное растение, которому только предстоит стать настоящим человеком. Лана пока спит в своих детских растительных грёзах, а я хочу, чтобы она стала подлинным космическим человеком. А уж мы с моим первым помощником Андреем вернёмся на свою космическую жемчужину, на бирюзовую Пелагею. Увы, Земля давно мне постылая, и я успела отвыкнуть от неё. Может, я и космополит – предатель, как называли таких людей прежде, – тех, кто лишён привязанности к своей Родине, но уж таков изъян моей природы. И мне всё равно, где умирать.

Пока они с Пелагеей непринуждённо болтали, можно сказать, как давние уже домочадцы, сделав крутой вираж от темы расправы над Вайсом, Белояр, бывший Воронов успел за это время вернуться в управляющий отсек звездолёта. Он намеренно и вышел незадолго перед их беседой, поняв, что Пелагее необходимо переговорить с вновь прибывшим без свидетелей. За ним просочился ещё один сотрудник Пелагеи. Вместе они сосредоточенно занялись приборной панелью, не слушал их совершенно, если по виду.

– Вот уж не ожидал встретить тут подобный расклад действующих лиц, – сказал Радослав Пелагее. – Фантастика!

– Фантастика и есть, – отозвался Воронов, а ныне Белояр.

– А фамилия какая у тебя? – спросил у него Радослав.

– Только не смейся. Меня кличут Кук.

– Странная кличка, если честно.

– Символическая. Самый первый мифологический царь птиц носил такое вот имя.

– Кажется, его убил молодой соперник Сокол?

– Какая разница, сокол, ворон. В моём случае Воронова сменил Кук. – И он знакомо и раскатисто рассмеялся, явив лощины на худых щеках.

– Ты заметно изменился, – невольно пробормотал Радослав, всё ещё с трудом узнавая в нём бывшего своего шефа.

– Я немолод, но на здоровье не жалуясь. От повторной и камуфляжной молодости я отказался уже по этическим соображениям. У меня на эту процедуру, скажем так, не внешний, но внутренний запрет. Вот тут! – и он положил всё также мощную руку на область сердца. – Бесцельно доживать мне неинтересно. А в борьбе я обрету, не бессмертие конечно, но долгую и яркую жизнь, а не дожитие.

Неожиданно голос подал бритоголовый и сразу же узнанный первый помощник командира звездолёта «Бусинка» – звездолёта-призрака, если определять его в системе координат официальной ГРОЗ, – А меня ты не узнаёшь, Радослав?

– Ратмир? В последний раз мы встречались тобой на спут-

нике Гелия. Или ты уже не Ратмир?

Сидящий в круглом кресле, так и оставаясь по виду несколько отстранённым, Ратмир кивнул головой, – Андрей Скворцов.

– Чего так скромненько? Почему не Орлов, к примеру? Коршунов или уж Соловьёв?

Он вздохнул, – Я петь не умею и лишён хищности начисто. А Скворцовой была моя самая любимая воспитательница, которую я звал мамой. Я, как и многие космодесантники, вырос в космическом городке для детей, чьи родители погибли или пропали в Космосе без следа.

К Радославу подошёл Белояр Кук, – Если хочешь, мы можем вернуться за Ксенией, – прошептал он вдруг.

– Больше двух говорить вслух! – встряла Пелагея. – Я умею читать по губам, Кук! Что думаешь по поводу его предложения, Радослав? Время есть. Я могу послать челнок с Андреем за нею, поскольку он на Земле ничем не отмечился, в отличие от вас.

– Уверен, что она не откажется... – произнёс Кук уже вслух, и глаза его вдруг блеснули странной и влажной искрой, по одной на каждый глаз. Скупое, но выразительное. – Пусть так, пусть с огромным опозданием длиною в целую жизнь, а я даю разрешение на её полёт на Трол вместе с тобой...

– Она откажется, – отшатнулся Радослав, не понимая, как отнестись к безумной выходке старого отца, решившего

вдруг исправить неисправимое. – Из-за детей. Она никогда не бросит их на Земле одних, чтобы они называли мамой добрую воспитательницу. А я решил, что ты забыл о том, что у тебя есть на Земле дочь, и что я являлся её последним мужем. – Радослав тут же пожалел о сказанном.

Прекрасная и столь несчастная Ксения – единственная дочь и покинутая жена

Кук яростно и совсем по-прежнему отвердел взглядом, – Я никогда и ни о чём не забываю! Другое дело, хочу ли я помнить о том, что будет ненужным грузом в той жизни, что мне и предстоит. А там, как и знать. Может, уже за ближайшей пылевой структурой мы и сами станем её составной и безмолвной частью уже навеки. До следующего воплощения в другой Галактической игре. Ты же не изменился ничуть. Признался бы уж честно, что не хочешь сам терпеть её рядом с собой.

– Тот, кто был Вендом, разлюбил её настолько давно, что даже не помнит её подлинного утраченного лица. Её вины в том нет ни малейшей. Вина только моя. Забвение её произошло ещё на Троле. А её другое и новое лицо так и не стало мне самым необходимым и родным. Хотя я и благодарен той женщине, возмнившей заменить собою прежнюю Ксению, за тех детей, что она мне родила. Радослав Пан не имеет уже

права на то, что связано с прежним Рудольфом Вендом. Для Земли Рудольф Венд – преступник и убийца. А также самоубийца.

– Вина за дочь только моя. Я погубил её первого и возможного, но так и не родившегося ребёнка. Я покалечил её душу. Согнул хрупкую ось, с которой и слетела её судьба в жуткий чертополох. Она оттринула меня и после твоего отлёта на Трол уже никогда не назвала меня не только отцом, но и словом искренним со мною не обмолвилась. Я до сих пор помню, как она уходила от меня навсегда в дремучие заросли подмосковного леса. Тоненькая, потерянная...

Её волосы казались мне золотым и мученическим нимбом, её босые ступни кололи колючие травы – тернии. Она никому в целой Вселенной не была нужна. И только лесной дурной репейник цеплял её за подол жалкого материнского платяца, что она напялила на себя в тот день траура по умершей матери, поскольку ничего другого не нашла. Она оказалась настолько сражённой своим горем, что могла бы и в ночной рубашке прийти и даже того не понять. Только я один знал, что траур был не по матери, а по тебе! Неудивительно, что ты так и не сумел обрести её повторно. Та рыжеволосая и уникальная девочка навсегда растворилась в тех дебрях, она так и не обернулась ни разу, она ушла без возврата...

Он задохнулся, закашлялся, смахнул выступившие слёзы и продолжил, – Я видел её ночью. Пришёл в свой бывший

дом. Но та женщина, спящая в моей бывшей спальне, не была моей дочерью. Чужое лицо, чужие глаза...

– Как же ты мог увидеть глаза, если она спала? – еле сдерживая страдальческий гнев, спросил бывший Рудольф Венд, бывший муж той, о ком и шла речь. Или же бывших мужей, как и бывших жён не бывает? Они так и остаются частью того, кому и принадлежали? Иногда частью мучительной, иногда ненавистной, редко когда невесомой, почти никогда светлой. Только если в случае преждевременной кончины, наличие таких вот прошлых спутников и спутниц в памяти подобно подводным растениям, мягко колышущимся тонким водорослям, продолжающих своё зыбкое существование в глубине ваших информационных вод. Дно реки-души всё сплошь устлано, то гладкими камушками, то камнями с острыми гранями, иногда и утонувшими во влажном и медленно-текущем песке...

Зачем Воронов – Кук приходил туда, где остался только размытым образом из далёкого прошлого, навсегда мёртвым, не подлежащим воскрешению. Он ничего не мог там исправить, а только вогнать живущую в доме женщину в шоковое состояние, а то и лишит рассудка. Или же Воронов и сам рассудка на миг лишился. Радослав не понимал поведения того, кто из могучего Ворона стал засушенным Куком. Что она, Ксения, могла подумать, когда открыла глаза и увидела огромного старикана у своей постели? Сочла его за того, кто перепутал в ночи чужой дом с собственным и ловко

залез в открытое окно? За сумасшедшего, сбежавшего из системы «Сапфир»? За кого? Она и при дневном бодрствовании его бы не узнала, твёрдо уверенная, что мёртвые не воскресают. А уж тем более не могла узнать в приглашенном состоянии полусна. Чтобы узнать Воронова – бывшего грозного главу ГРОЗ, ему самому потребовалось немалое усилие. И шевельнулась, подала знак из глубин, как некий пузырьёк воздуха на гладь воды, казалось, сдохшая уже ненависть. Но Радослав не дал ей второго вдоха, добавил намертво. Всего лишь удивился её живучести. Как если бы мумия задышала.

Кук злорадно подмигнул ему, будто уловил негативный всплеск, так и не дошедший до поверхности. Глаза Радослава были спокойны, прозрачны, только печальны.

– Тебе бы никогда не поверил, что ты ни разу не опробовал на себе методик омоложения, – сказал Кук. – Как-то подозрительно ты хорош собой, словно бы тебя клонировали. Но Франку Штерну я верю. Его обмануть невозможно.

– У тебя паранойя, Белояр, – подал голос Ратмир, ставший Андреем. Он не слушал, чтобы специально, но Кук очень уж громыхал своим басом, как бывает это с теми, у кого повреждён слух. Только слух Кука был чётко, он просто не овладел эмоциями. На время он ушёл в себя. Дочка, беззащитная, осталась одна с оравой детей на руках. Он подсчитал мысленно, сколько их. Пятеро, кажется. Хотя старший мальчик уже юноша. А старшая девочка сбежала из дома с... одним из «лбов» – ловцом обречённого будущего. С Антоном Со-

болевым.

Это не было хорошо. Поскольку неизвестно, что может произойти с Антоном на Земле. Соболев под кличкой «Единорог» входил в агентуру глубокого залегания, в одну из спящих её ячеек. Но, как и знать. А впрочем, девушка не родная дочь Ксении. Кук об этом знал. Случись что, жену преступника никто не тронет, разве что посоветуют сменить имя. И наличие матери, пусть и не родной, всегда шанс, что поддержка будет. А то, что его Ксения добрейшее существо, любила детей всегда, Кук ничуть не сомневался.

– Зачем? – повторил Радослав, – мало того, что рисковал, ты мог причинить ей психическую травму, проснись она. Или всё же проснулась? Или и не спала?

Кук, он же бывший отец, не признавший свою прежнюю дочь, ушёл от ответа, – Кто и когда совершил подмену? – спросил он у Радослава. – Я думал, что только я утратил её, а оказывается, ты тоже... Некто свыше, о ком мы с тобой даже не имеем представления, попросту перезагрузил её заново как некую компьютерную программу. Можно было навсегда так и оставить её в тех непролазных северных дебрях, не возвращать оттуда. Да жаль было, уж очень хороша оказалась её наличная структура, ей приготовленная яркая судьба, доставшаяся другой. И этот жестокий конструктор только придал той, кого ты, как говоришь, так и не признал за подлинную Ксению, видимость моей утраченной дочери. А настоящая Ксения могла попросту дойти до берега полно-

водной реки, в которую и впадала та лесная речушка, чтобы утонуть в ней, как Арсений Рахманов в своём горном ледяном озере. Но такие прагматики и чёрствые карьеристы, как мы с тобою, никогда не поймём таких неудачных людей, как Арсений и Ксения. Поэтому за твою жизнь, как она у тебя сложилась, в ответе только ты. – Кук отвернулся, уже не желая видеть реакцию на своё повествование, или же попросту устыдился собственного спонтанного выброса гейзера откровений.

Милые домашние беседы в космической беспредельности

Радослав внезапно очнулся. Он не заметил, как тихий бубнёж Кука перетёк в однотонный гул звездолёта. Он стоял рядом с Пелагеей, не увидев того, как она подошла к нему, а Кук отдалился. Пелагея улыбалась, как Буда, отстранённо, словно бы глубоко медитировала. Губы казались грустным полумесяцем, над которым повисла крохотная алая звёздочка – родинка. Она была богата на родинки. Ещё одна, кроме той, что на лбу, была у неё на шее, но пряталась за ниткой из чёрного жемчуга. Пелагея отлично слышала покаянную повесть отца. Ей было жалко всех, но, к сожалению, она не была всемогущей древней богиней, на которую была похожа, а посему и не могла одарить всех счастьем. Как и вернуть

утраченное время. Поскольку именно Время – повелитель богов.

– Садись, – Андрей указал Радославу Пану место в его секторе ответственности. И едва Радослав плюхнулся в кресло, как вместо облегчения ощутил страшную тяжесть. Дороги назад утрачены навсегда. Как если бы ветка отделилась от ствола в собственную сторону роста, а ствол так и продолжает расти по заданному вектору. И оставаясь единым целым, они в своём устремлении вверх будут уже навсегда разнесены в пространстве. Земля и тот мир, куда он направится, отныне будут только параллельными мирами.

Девушка Лана из-за предельно укороченной стрижки и мальчикового костюма на узкой и длинноногой фигурке, так похожая на мальчика с женственным лицом, или же на не совсем оформившуюся пока девушку, опять вошла в командирский отсек. Она подошла к Куку и обняла его сзади за плечи, как себе родного.

– Белояр, я хочу приготовить праздничный обед, прежде чем я с Вероникой и Алёшкой отправлюсь отдыхать. Хотя мы только и делаем, что изнываем от безделья. Ты как? Чего хочешь? Опять синтезировать тебе курочку?

– Угу! – отозвался Кук, отзывчиво потёршись о её ладони затылком. – Ландыш, дочка, только с соусом не переборщи. Не надо избыточной остроты. А вот о вкусах Радослава я ничего не знаю.

Радослав промолчал.

– Ты чего будешь? – спросил Кук, видя, что Лана, названная им Ландышем, сама спросить отчего-то стесняется.

– Да я всеяден. Чем угостят, то и съем. Как я где-то читал, если тебе какая-то еда кажется невкусной, то ты и не голоден. При условии, конечно, что еда качественная и к употреблению годная.

– Белояр, – Ландыш не уходила, явно имея намерение поболтать. – Когда мы прибудем на ту планету, ты обязательно должен меня обучить всем своим магическим штучкам. За это я стану твоей кукушкой – пророческой птицей. Идёт?

– Ещё чего! – подала свой голос Пелагея. – Чтобы разбрасывать своих птенцов по чужим гнёздам? – Пелагея в своём отдалённом углу казалась всё тем же неподвижным Буддой, выточенным из потемневшего атласного дерева. Луноликое женственное лицо, родинка во лбу и высокий пук волос, обвитый нитями искристого жемчуга. Её высокая шея даже не повернулась в сторону дочери и Кука. – Не для него я тебя рожала.

– Да я и не претендую. Куда мне жениться? – широкая улыбка Кука легла глубокими лощинами на его лице. – Мне девяносто уже.

– А не дашь! – успокоила его Ландыш. – Ты такой великолепный, Белояр. Ты самый удивительный человек из тех, кого я встречала за целую жизнь.

– Велика ли она, твоя жизнь? – ответила за Кука мать Пелагея.

– Да, – поддержал Пелагею Кук, – Тебя, дочка, окружают почётные члены Клуба старпёров. Алешку не беру в расчёт. Он дитя ещё.

– Зачем мальчика взяли в такое опасное путешествие? – спросил Радослав.

– Мать его Вероника летит к мужу. Он там, куда мы вскоре и рванём, – ответил Андрей. – А что, Кук, ты и нас с Паном записал в старпёры? Нам едва за шестьдесят. Я себя стариком не чувствую, да и не являюсь им.

– Я Скворцовой быть не хочу, – сказала ему Ландыш. – Чтобы жить потом в твоём скучном скворечнике? А кукушкой ради Белояра смогу. Он выше вас во всём. Он умный и всеохватный, да Белояр? Ты будешь учить меня волшебству. Я знаю, чтобы выучиться по-настоящему, надо иметь самое глубокое соединение душ. Чтобы все твои знания беспрепятственно перетекали в меня.

– Да, мой Ландыш, – разомлел Кук от её девической игры. Но это могло быть и маскировкой под игру. Что на самом деле их связывало, знали только они сами.

– Действительно, – согласилась Пелагея с Андреем. – Такие знатные члены уж никак не могут принадлежать Клубу старпёров. Это ты, Белояр, дал маху. Или кокетничал? На Ландыш глаза свои бесстыжие не пяль, псевдодедушка. А то обижусь, и не приду к тебе в твою опочивальню, – она шутила, и все это поняли.

Но дочь заругалась на мать, – Мама, ты пошлячка! Пора

бы и подумать о вечном в твоём-то возрасте.

– О вечном, бесконечном пел таракан запечный, беспечно доедая остатки пирога... – засмеялся Радослав. – Вот моя мать родилась, когда её отцу, а моему деду, было около ста лет.

– Нет, Радослав. Хотя и прожил ты шесть десятков лет, когда все эти путанные линии судьбы перестают волновать человека, должен узнать, что чета Вендов удочерила твою мать. У неё были другие родители. Они погибли. Я знаю точно, – отозвался Кук, – она русская по своему происхождению. Потому и красивая такая. Была. Не знаю, какой стала.

– Особо-то и не изменилась, – спокойно подал голос Радослав. – Поскольку мне она никогда не казалась красивой.

– Чего ж так? – удивилась Пелагея.

– Не знаю. Я, будь ей чужим, а она будь молодой, никогда такую бы не полюбил. А уж тем более не взял бы её в жёны.

– Откровенно. А меня, будь я молодой как Ландыш, к примеру?

– И тебя.

– А говоришь, что всеяден.

– На той планете, куда мы летим, есть один красавчик, – сказал вдруг Кук. – Правда, о его расовом происхождении затруднительно что-либо сказать.

– На Троле есть земляне?

– Мало их там, Ландыш, доченька. Но и трольцы мужчины хоть куда. Вон ты у Радослава спроси, каковы они. Он же два

десяток лет там обитал.

– Всякие. Есть очень красивые, статные, сексуально бес-
перебойные машины. Но умственно не особенно развиты,
если честно.

– Зачем же мне дикари? – Ландыш упорно продолжала
смотреть в сторону от Радослава, хотя и общалась с ним.
Не привыкла ещё или от застенчивости. – Мужчина должен
быть умнее женщины, а женщина красивее мужчины. Чтобы
он сильно её желал. Тогда и рождаются прекрасные дети.

– Я тебе и говорю. Там есть у старика Разумова сын. При-
ёмный. Арнольд Фиолет. Красава и умница в одном лице.
Деятельный, всеохватный, можно сказать.

– Какое дурацкое имя! – возмутилась Ландыш, словно бы
ей сватали неизвестного Арнольда в мужа. Она плохо пони-
мала нюансы мужской игры с собою, воспринимая все слова
предельно серьёзно.

– Я его помню отлично, – уже серьёзно вмешался Радос-
лав. – Человек-маска этот Фиолет. Он ещё преподнесёт нам
всем не один сюрприз и явно не подарочного свойства.

– Почему? – удивился Андрей.

– Я помню его наглым и всегда фальшиво-жизнерадост-
ным по своему поведению. А всякая фальшь что-то же и
скрывает? А наглость, пусть и открытая всем встречным и
поперечным, положительным свойством не назовёшь по лю-
бому. Я слишком отлично знаю, кем была его мать – полу-
кристаллическая химера. Отец неизвестен, да он и не важен

в данной конфигурации.

– Да ты никак уж ревнуешь нашего Ландыша к возможному сопернику? – оборвал его Кук, желая всех направить в русло прежней лёгкой игры.

– А кто они такие? – ухватилась Ландыш, впервые вперив в Радослава ясные синие глаза. Не девочки, не мальчика, а чистого ангела – женская версия Рамона Грязнова. И опять с щемящей тоской Радослав представил свою дочь Альбину, румянолицую молчунью-гордячку, с глубоко затаённой обидой в наивной полудетской душе на чёрствого отца за утраченную родную мать. И вспомнился ветреный день у озера Байкал – предвестник стылого будущего. Куда-то утащил её из родного гнезда космический странник Соболев?

– Они очень опасные.

– Для всех?

– Да не пугай ты её! – опять одёрнул его Кук, – Стоило же затевать разговор об этом Фиолете! На месте всё увидишь, Ландыш, доченька. Чего он тебя пугает как дурочку какую.

– Для всех, – упрямо продолжал Радослав. – Кроме меня.

– Во как! – рявкнул Кук, – герой! Один он настоящий воин среди сонмища робких актёров, ряженных в космические костюмы.

– А ты вспомни об Арсени. Они реализовали ему свою месть даже через два десятка лет после того, как он покинул Трол. Я же знаю, как его утопили в том горном озере.

– Как же? – подала голос до сих пор молчащая Пелагея.

– Они подослали ему некий фантом, боль его памяти. И тот увлёк его в пучину. Именно так и было.

– Если ты там был, чего не спас? Не помог? – гремел Кук.

– Не было меня там. Именно в тот день и час не было.

– Чем же ты такой для них неуязвимый? – спросил Кук.

– Вот этим, – и Радослав вынул из нагрудного кармана два кристалла. Огромных, сверкающих. Один был синий, второй розоватый. Сжал их в кулаке, – Вот где они у меня теперь! Мне их челюсти или жвалы, не знаю, что у них там, не страшны, – сказал он не без гордости. – Я не одно десятилетие бился над этой загадкой. Но её отгадку я дам вам на Троле. Только там.

Ландыш подошла к нему совсем близко. Но он спрятал Кристаллы, и она услышала, как протяжно они зазвенели странными, одушевлёнными как бы, голосами. – На время забудь о них, – сказал он ей. – Сейчас не время играть, да они и не безделушки. Моя мать хотела их у меня выкрасть. Вот дура! Тот монстр из Кристалла чуть её с ума не свёл... – и он оборвал сам себя.

– Какой монстр? – она была уже рядом, ширила глаза, приоткрыла рот, став совсем ребёнком, зачарованным страшной сказкой. Он увидел, когда она склонилась над его ладонью, в которой ничего уже не было, как выразительно осветилось её пленительное лицо. – Шутишь так? Розыгрыш? – улыбнулась она. Он кивнул головой, чтобы отстала, уже жалея, что так бестолково открыл то, что до времени не следовало.

Прощание с Ксенией. И не только

– Мама, – сказала Ландыш, – я уже видела Радослава прежде. Помнишь, мы были на том новогоднем банкете в ГРОЗ? Как же там было красиво! И с тобой, Радослав, была женщина в искристом платье с открытой спиной. Она подарила мне новогодний шарик, внутри которого был сказочный космический город. Я его сохранила. Потом мы ели с ней черешню за праздничным столом. У неё были волосы яркие и блестящие тоже. Колечками. И заколками очень красиво убранные. Я впервые ощутила зависть к подобной красоте...

Она оказалась такая милая, она обняла меня, поскольку сразу поняла, что я никого там не знаю. Она рассказала мне, когда мы рядом сидели за столом, что в детстве у неё была домашняя лошадка, которая почти каждый день привозила ей черешни в маленькой корзиночке. С тех пор она любит черешню и не разлюбила её за целую жизнь. Я спросила, как же лошадка может жить в доме? Может, в стойле рядом с домом? А она, – нет. В доме. И у лошадки были пушистые домашние тапочки. Очень большие тапочки, в которых она сама, будучи тогда маленькой девочкой, катала своих игрушечных детей-кукол. Весёлая она была. Добрая. Лучше всех там. Она была твоей дочерью? Ой, я не то хотела сказать... –

Ландыш поняла по взгляду, брошенному Куком в их сторону, что она сказала что-то не так. – Женой?

– Да, – ответил он сухо. – Женой. А ты говоришь, жених, – обратился он к Пелагее. – После трёх десятков земных лет, я стану, как и Кук, почтенным членом Клуба старпёров. Если доживу.

– А что Кук? Я не почтенный, а действующий член! Я ещё на Троле и женюсь, – отозвался Кук. – Там дамы в сорок выглядят старше меня. Мне Франк рассказывал много о прекрасной планете Трол, населённой прекрасными феями, хотя и недолговечными, увы. Но мне в самый раз. Найду себе такую фею, а там и будем вместе уже ветшать...

После этого все надолго замолчали, поскольку каждого охватила ощутимая печаль.

– Ландыш, доченька, как же насчёт курочки и праздничного стола? – спросил Кук, – может, хватит историй до времени?

– Иди, Лана! – тоном приказа произнесла Пелагея, всё также монументально сидящая, всё в той же позе медитирующего Будды, но не под деревом, а у сверхсовременной, приборной доски управления большим космическим чудом, но небольшим по своему размеру. – Хватит уже тебе слушать их прогорклый юмор!

– Э-э! Прогорклый! Намёк-то на что? – обратился к строгой Пелагее Кук. – Ты ещё добавки будешь просить у такого вот юмориста, как я.

– Добавки чего? – озорно спросила Ландыш.

– Она знает чего. Того, от чего она уж никак не откажется.

Я же знаю, сколько лет она голодала, как и я. «Наина! Ты ли? Ах, Наина! Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса тебя так страшно изменили? Прошла твоя, моя весна, мы оба постареть успели», – продекламировал Кук, щуря глаза хитрого старого котяры, вовсе не утратившего свои охотничьи замашки.

– Да ты-то откуда можешь знать о моей личной жизни? – всё также начальственно-строго спросила Пелагея, принимая его игру. При декламации стихов она резко развернулась в сторону Кука и замерла, изучая его, как будто видела впервые. – Ты, случаем, сам-то не колдун? – спросила она.

– Мне твоё лицо и без слов обо всём сказало.

– То есть? Я настолько стара?

– Если для Андрея или Радослава, то тут уж... А мне так в самый раз. А по поводу того, колдун ли я, то это для кого как. Для Ландыша – добрый волшебник, а для врагов или соперников – лучше им поперёк моей дороги и не вставать.

– Лана, иди уже. Надо деда покормить. Может, тогда он и успокоится, поняв, что перепутал локализацию собственного голода. Он у него в пустом желудке, а он целые сутки в суете, и крошки во рту не было, вот голова-то и помутилась несколько. Эротоман! Бесстыдник!

Пелагея вдруг засмеялась, сверкая жемчужными молодыми зубами на некрасивом ведьмином лице. – Ну, что же. Не

дал мне Создатель особой красоты. Что есть, с тем и прожила. Не жалуясь на свою жизнь, полную любви и прочей бурной общепользуемой деятельности. И ещё проживу долго и нескучно, на что надеюсь.

Смех был предназначен Куку, чтобы он не обижался всерьёз. Ландыш ушла. Воспитанная, дисциплинированная девочка, по поводу которой Радославу хотелось сказать несколько раздражающей его Пелагее, что зря она и старалась, глазела на какой-то там инопланетный океан. Он отчётливо уже вспомнил, когда в преддверии его взрослой жизни она и обещала ему родить уникальную дочь. Но это же было в той жизни. Чьи страницы уже прочитаны. В другой же и неизвестной жизни не нужна ему её последняя дочь – бледный изысканный живой Ландыш.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – ответила непонятно кому Пелагея. Она успела перехватить полусонными, на самом же деле пронзительными, глазами пристальный взгляд Радослава, что он устремил в спину уходящей Ланы. – Я-то уверена как раз в обратном. – И никто её не понял, кроме самого Радослава Пана. И что за кличку такую ему изобрели «Пан»? Почему не вернули отцовскую фамилию Паникин?

– Не нравлюсь я тебе, а Пан? – игриво спросила Пелагея. – Не переживай, я с вами на Трол же не двину. Тебе и «лошадушки» достаточно будет, чтобы жизнь мёдом не казалась. А уж он-то, как привык всех строить на командном плацу, привычки сей изжить уже не сумеет. Но по счастью, Трол –

планета немалая, даже больше Земли. Так что есть где разбежаться.

Он один понял, о какой «лошадушке» повествовала Ксения девочке Ландышу у новогодней ёлки. А сам «лошадушка» значения рассказу не придал. Если по видимости. А так? Может, он и забыл о своей кличке, данной маленькой дочкой Ксюшей ему, когда он катал её на плечах и кормил черешней.

– Ты о каких лошадях-то? – поинтересовался Кук, ничуть не обиженный на приколы Пелагеи в свой адрес. – О Разумове, что ли? Вроде, у Радослава с ним было прежде полное взаимопонимание. Да – а! – протяжно вздохнул он. Кук стал монументальным и грозным, почти прежним носатым Вороном на высоких своих ветвях. Вглядываясь в бездну, в абсолют бесконечности, в божественный Космос, чьи светоносные пряди были повсюду, и впереди, и позади, он поражал своим вдруг изменившимся видом. Он на краткий миг вышел из игры в доброго дедушку, явив подлинный свой облик беспощадного и ничуть не простака- человека.

– Разумов всю жизнь свою пропахал как конь на инопланетной борозде. И ни одного дела не испортил. А что имеет командирские замашки, так молодец! Иначе как? – одобрительное замечание Кука о Разумове Рудольфе Горациевиче ничего не стоило. Сшибка между двумя матерыми претендентами на лидерство будет неизбежной. Радослав странно поёжился, представив на полмига себя тем молодым дуралем, что был выброшен на Трол. Где его встретил душа-чело-

век, можно сказать, родной как не всякий отец. Разумов. А если бы был такой вот, как Ворон в дни его земной власти? Город землян на Паралее, пусть и подземный, а прекрасный, их дружный мир там был бы подобен уже реально железному аду. И чтобы не думать о том, какие ещё схватки им всем предстоят в неизвестном и вовсе не сахарном грядущем, да ещё на чужой сложной планете, Радослав вернулся душой к утраченной, – и если по существу вопроса, то настоящей и первой когда-то привязанности сердца, – последней земной жене.

...На том празднике они с Ксенией страшно поссорились. Он её раскритиковал за «пошлейшее» платье, как он его обозвал, за феерическую причёску, за туфельки, усыпанные стразами. Но сам не хотел себе признаться в том, что она стала сияющим центром среди довольно однообразно одетых людей, по большей части загруженных и даже усталых, для коих собрание было всего лишь данью какой-то архаичной традиции. Некоторые и в будничной, чуть ли не неряшливой одежде прибыли. Их жёны, если они и находились рядом, выглядели им под стать. В небоскрёбе ГРОЗ – в своём рабочем улье они не любили расслабляться по-настоящему. Пусть и усыпанный блёстками, а официоз.

А она осветила то праздничное мероприятие по-настоящему. Женщины уже сожалели, что проигнорировали возможный конкурс красоты. Её мысленно поедали глазами, как ту же сочную черешню, те из мужчин, кто ещё имели

вкус к тому, или же те, кто были молоды и чувственно-сочные сами. Она сияла от всеобщего внимания ещё больше. Она смеялась и выглядела бесподобно. Она стала кидать в него лёгкие шары, срывая их с огромной синтетической ёлки, и они бились об пол, тончайшие как плёнка, и все замерли от её хулиганства, вовсе не игрушечного неистовства. Чудесная, несовременно роскошная, несуразная. Она вызывала тайную усмешку, удивление, оторопь даже, а всё равно ею нельзя было ни восхищаться.

Только что жизнерадостная как самая юная из юных, она вдруг завизжала, не вытерпев его одёргиваний, хмурого не праздничного лица, стала хватать со стола черешню горстями и опять бросала в него, явив всем свою большую невротическую изнанку, о которой знать посторонним было и ни к чему. Он схватил её в охапку, потому что позор был по любому. Выволок её из банкетного зала прочь, а за его пределами встряхнул и ударил по щеке. Не сильно, но чтобы привести в чувство.

Пелагею он там не видел, не заметил, как и её дочь. Зал был очень просторный, народу много. Скорее всего, она со своим Ландышем ушли рано, до главного номера новогодней вечеринки – истерики Ксении. Так и закончился тот праздник, коему Ксения настолько радовалась и готовилась заранее. Он думал, что, оставив её дома одну, чтобы осознала своё безобразное поведение, уже долго, очень долго туда не придёт. А придёт только к детям. И неожиданно дома, по-

сколькx дети разъехались на каникулы, они стали мириться...

– За что? – и она произнесла она свою вечную присказку, – За что мне судьба такая досталась? Да и есть ли у меня муж? А кто? Мой работодатель, которому я воспитываю его детей. Ну, уж заодно парочку и мне состряпал. Чтобы не скучала.

– Не смей так о детях! «Состряпал! Тебя саму состряпали, как куклу-пищалку!

– А я нарядила детям ёлку. Так радовалась, что она настолько похожа на живую и душистую, не отличишь от подлинной. Дети вернутся, а тут такая красота. Папа привёз старые игрушки из детства....

– Какой ещё папа припёрся к тебе с того света со своими игрушками?

– С какого того света? Это же был твой отец Ростислав, и он привёз нашим детям – своим внучатам твои старые игрушки.

Тут он присмотрелся и вдруг увидел на ветвях домашней ёлки старые собственные игрушки из своего детства. Девочка-балерина, гриб-лесовик, гномик, заснеженный домик – всё это вогнало в такую боль. Потому что... Он обернулся на Ксению и увидел вместо неё девочку из своей юности. Он подошёл ещё ближе к домашней ёлке. Он разглядел, что наряд на куколке тот самый, сшитый Нэей из клочка паутинообразной органзы, светящейся в темноте. После того, как он ободрал игрушечную танцовщицу, играя ею, Нэе стало жаль

игрушку. Она её починила. Это было в тот самый вечер, проведённый им у отца вместе с Нэей. И отец сохранил те новогодние игрушки, зачем-то привёз.

Зачем? Как напоминание о том, о чём беспутный сын не имел права забыть? Или по старческой своей скупости не хотел тратиться на новые игрушки для внучат? Он раскритиковал человекообразного хрупко-стеклянного гриба с потемневшим от времени личиком, так похожим на лицо Хагора, и неожиданно одним щелчком разбил его, как и того двойника, что болтался на ветвях той ёлки в доме отца... Таких грибов-лесовиков у отца было несколько.

– Всё будем бить или детям оставим на радость хоть что-то, как вернуться? – спросила Ксения, извиваясь змеиным телом и спуская вниз через бёдра блестящее скользкое платье, как некую нелепую и своё отслужившую шкуру змеи. Она думала, что он сейчас уйдёт, и ей было уже на него наплевать. Туфельки полетели в угол вслед за раскритикованным, обозванным самыми последними словами платьем, в сравнении с которыми слово «пошлейшее» было похвалой. «Су-чья шкурка», «сеть для ловли кобелей». Вот каковы были те обозначения.

– Для чего ты позволила моему отцу – беспробудному алкоголику войти в наш дом в моё отсутствие? Да ещё оставила его тут на несколько дней. То-то я смотрю, что в моём кабинете всё разворочено, всё вверх тормашками. Он обыск у меня, что ли, делал?

– Зачем бы ему? Да и какой такой у тебя тут кабинет? Ты же тут не живёшь. Там одна пыль клоками и валялась повсюду. Вот Ростислав как человек домовитый и навёл порядок.

Он на что-то наступил, раздался хруст, поскольку он задел ёлку, и пара игрушек свалилась. Но ему показалось, что в разгар зимы пришла весна, и с нежным хрустом лопаются весенние почки в заснеженном лесу за окнами старого дома. Он надвигался на неё, но прижать к дереву её было невозможно, как к тому самому дубу в весеннем лесу, а ёлка угрожающе шаталась и скрипела, грозя окончательным обрушением.

– Пошёл, пошёл! – и она не говорила куда, – но только уж не возвращайся! Со своими космическими безликими пчёлками жужжи, трутень космический, и своё жало в них суй, но уж не в меня!

Он повалил её на диван, едва не опрокинув и саму ёлку. Зазвенели старые игрушки, посыпались золочённые шишки, запели хрустальными голосами серебряные птицы... Настолько запомнившейся и сильной была та страсть, усиленная примирением после дикой ругани, едва не дошедшей до побоища. Их супружеское единение давно уже было редким событием, но после того внезапно вернулся, не то чтобы медовый месяц, а некий период с медовым привкусом... И был он почти мистическим знаком грядущего перелома, но не к счастливому будущему, а к окончательному обрыву всякого уже будущего – их общего.

Он резко оборвал созерцание её красоты внутри самого себя, вернул себя в ту реальность, что и будет теперь его реальностью. А в этой новой реальности для той изнеженной, временами ленивой, чуточку шальной и чуточку грустной, искренней и верной, и всё равно чуточку непристойной в своих шалостях с другими мужчинами, непохожей ни на кого женщины, места никто не припас. Она осталась в старой Вселенной уже навсегда.

Фривольные игры давно не юной Пелагеи

– Да – а! – протянул он с тяжким вздохом и пробормотал, еле шевеля губами, – Прости ты меня. Скотина я. Был и остался, если для тебя.

– Молишься, что ли, – искоса взглянул на него Андрей Скворцов, редкий молчун.

– Не простит, – отозвалась вещая баба Яга. – Потому что не забудет тебя. Один день будешь прощён, другой снова подвергнут мысленной каре. Если любила, то так и будет. А нет, то и повезло ей, забудет быстро. У женщин всё иначе, чем у вас, у козлоногих Панов. У вас как? Что ни дерево, то нимфа под ним, что ни речка, то наяда там сверкает голой опой. И любая из их сонмища единственная, хоть и на день-ночь, а вечная. Так мы, дуры, и думаем, когда рты свои раскрываем и ловим ваши лживые слова.

– Ну, ты и банальная же баба, Бусинка моя, хотя и умная ведьма, – вместо Радослава отозвался Кук. – Ну что? Придёшь в мою опочивальню-то? Я ещё ого – огонь! Скромничать не буду. Член знатный, хотя и в Клубе старпёров. На ночьку – вечность, как ты и сказала. Уж так давно я с красавицами не ласкался. А ты, моя Бусинка, вон какая грудастая, задастая, да и талия твоя как у юницы. Ну есть амфора, полная благодати душистой. Глаза же твои всё ещё с охочим огнём, губы жадные, да и опыт у тебя поистине космического масштаба.

– Сатир, – засмеялась Пелагея. – И ведь при всём честном народе заявку даёт на моё присвоение. А ну как приду?

– Так и приходи. Я ж не шучу. Это пусть Радослав со своими воспоминаниями целуется. А мне не с кем и там. Меня все предавали.

– Посмотрю ещё на твоё поведение, – пробурчала вдруг помрачневшая Пелагея. – А в Космосе, между тем, всегда ночь. Так что смотри, как бы я за язык тебя не поймала.

– Лучше поймай за что другое. Я на слова-то не охоч. Я на другое дело искусник.

Пелагея какое-то время вглядывалась в насупленное лицо Радослава. – Не горюй, Радослав Венд, – и поправилась, – Радослав Пан. Помнишь, как хотел для всех всеобщей праведности? А я сразу поняла, что будешь ты нарушителем этой самой праведности. Но рано или поздно встретишься мне на узкой космической дорожке, по которой и отправишься на

поиски погранных и утраченных идеалов. В отличие от своего отца ты отнюдь не «пряничный человечек», которого обгрызла твоя мать, да и конкуренции в сугубо мужской среде он не выдержал. Обкрошился он. И мне его жаль. Потому что люблю его до сего времени.

– Хорош пряничек, – подал реплику новоявленный Радослав. – Уж такой железный пряничек – молоток отбойный, зубы выбьет любому...

– А тебя, Радослав, мне не жаль, – перебила его с особым нажимом Пелагея.

– Да у кого твой отец хоть когда, не то что зуб, а и планшет величиной с ладонь из рук выбил? Даже если кто того стоил? – встрял Кук.

Пелагея перебила Кука, обращаясь к Радославу, – Не потому мне тебя не жаль, что не люблю, а потому что ты сильный и двуличный. Как и Кук. Понятно, что люблю тебя как сына. А Кука, понятно, я не усыновляю в силу его возраста. Я его буду любить иначе. Да, Кук? Уговор в силе? Я не молодая, да и ты, хотя и достойный член, а в составе космического Клуба старпёров. Я насчёт вечности пошутила. Скину вас в условленных координатах, и когда ещё встретимся.

– Разошлась! – подал голос Кук, – попридержи свою силу для меня. А то вдруг растратишься на говорильню, а там и сбежишь от меня в стазис-камеру, чтобы отдохнуть до самой уже своей застойной Бусинки. А было такое, было! Сбегали от меня чаровницы, когда на своей нежной шкуре чувство-

вали, какого гиганта заловили себе, а выдержать-то сил не имели. Помню, одна так в ночном пеньюаре и улепётывала от меня посреди ночи. Я всегда, – а те времена не были исключением из правил и установок моей жизни, – редко отдыхал. В каком-то курортном местечке было. Развлеклась милая гулёна, короче...

– Ты бил их что ли? – любопытствовала Пелагея. Она с одной стороны, вроде бы, и одёргивала непомерно разошедшегося Кука, а с другой стороны постоянно его провоцировала на откровенно непубличную тему. Но по-хитрому, исподтишка. Ей, очевидно, нравился уклон его настроения, его впадение в старческую эротоманию. – Ревнивый, наверное, ты был. Как и все те, кто практикует к женщинам потребительский подход.

При последних её словах Кук опять встал, походил по тесному отсеку, огромный и ничуть не весёлый, как могло бы показаться, слушая его рассказы и не видя самого лица. – Чего ради я бы их бил? Я их любил. Да не каждая из них была мне впору. Учти, что я не только достойный, а стойкий и весьма крупный пока ещё член Клуба космического братства, а вовсе не старпёров. Это же шутка была. Чего старпёрам рядом с нами делать? Космос не лежанка у Бога за пазухой, а вселенская неохватность.

Все дружно засмеялись, хотя уговор между Пелагеей и Куком шуткой вовсе не был. Андрей одновременно с Радославом обернулись в сторону Пелагеи и одновременно замерли,

пораженные тем, что и у стариков страсти вовсе не угасают.

– Наши страсти угасают только вместе с самой нашей жизнью, – поддержала вещь Яга их невысказанную мысль. – Очень часто умирающие деды требуют перед своим последним издыханием себе свою старушку под бочок. Или не старушку. Уж у кого как. Так я наслышана. Хотя сексуальность стариков – тема весьма закрытая.

– Какой я тебе старик! – возмутился Кук, – да и умирать я не собираюсь ни сегодня, ни завтра, ни через десять лет.

– Отлично, милый. Как хорошо я вас повеселила. Да? Отвлекла от тяжёлых мыслей.

– То есть? Розыгрыш? – неподдельно возмутился Кук.

– Уговор в силе. Я же сказала.

Непостижимое омоложение старого Кука

Кук вошёл в носовую часть управляющего сектора. Он долго стоял, как некий монумент, расставив ноги и задрав квадратный подбородок кверху. В профиль он был всё ещё хорош, лобаст, с крупным прямым носом, с мощной шеей. Вселенский мыслитель и воитель, стратег, одним словом. А, может, он и мнил себя таким монументом для будущих потомков.

– Это моя Вселенная, и она именно такая, а не другая. А кому она не нравится, пусть изобретает себе другую, и

пусть попробует сделать её такой же убедительной, как моя Вселенная. Вот был я на одной планете в заброшенной колонии. Деградация полная. Там все жители стали похожи на картофелины, такие же неразличимые личносно и ужасно все грязные. Лица бугристые, далёкие от совершенства, и при этом их основным качеством было критиканство в адрес друг друга. Да и всего, что их окружало. Ведь когда критикуешь, тем самым и приподнимаешь свою значимость.

– А женщины какие там были? – любопытствовал Андрей.

– Такие же. Правда, их можно было отмыть и дочиста, и тогда они являли свою нежную и розоватую кожу. Но как раз к чистоте там стремиться было себе дороже. Любители чистоты первые попадали под раздачу критиканов, поскольку резко выделялись в неразличимой куче прочих картофелин.

– Ну и фантаст! – засмеялась Пелагея, – ты-то как там жил? Под градом непрерывной критики?

– Я отшельником жил. И вынужденно не мылся. Критиканство – это же род лицемерия, скрывающий отсутствие любви к ближнему своему под маской заботы о нём. Поэтому я не терплю критиканов с той самой поры.

– А природа там какая была? – спросил Радослав.

– Природа? Прекрасная, как ей и положено быть на планете, где обитают разумные существа, подобные нам. Сиреневые дали, хрустальный купол небес.

– Ещё один сиреневый «Ирис»? Ты точно фантаст, Кук, но

с не очень развитым творческим воображением, поскольку технарь. Сознайся хотя бы теперь, что ты придумал сказку про ту «Ирис»? – не отставал от него Радослав.

Кук подошёл к нему, глядя пристально и всё также невесело, – Запомнил, значит, про «Ирис». Может, и придумал всё. Меня же перезагрузили после всех тех погружений в неведомое.

– А райские миры ты посещал? – опять спросил Радослав. – Они существуют?

– Не встречал. Как и адских, чтобы совсем уж. Поскольку это две крайности, в каждой из которых человек перестаёт уже быть человеком. Там, – и он указал пальцем вверх, – если кто столь высоко поднимется, он уже ангел, а там, – и он опустил палец вниз, – всё человеческое распадается. Человек это и есть выбор между верхом абсолюта – вечностью и низом кромешного хаоса – ничто. Он – вектор, а в какую сторону устремляться – его выбор.

– Или же нам так проще думать, что это наш свободный выбор, а не выбор тех, кто нами играет. Но я уверен, что выигрыш, как и проигрыш от нас тоже зависит, – ответил ему Радослав. – Где-то слышал я эти ангельские напевы про устремление ко всеобщей праведности.

– Я же был твоим учителем в твоей юности. От меня и слышал. Можешь предложить другую конфигурацию развития?

– Не прямолинейную? Конечно. Скорее мы развиваем-

ся, как и Вселенная по движущейся спирали, устремлённой вдоль бесконечной горизонтали. Прошлое подпирает сзади, как непроходимая стена, и там уже ничего нет, всё стирается. Потому и не знает никто настоящей истории. Она просто уничтожена, а будущее проектируется каждым живым мгновением. Оно строится из кирпичей настоящего.

– А! Слышал такое. А вот ты знаешь, что разумная жизнь и создаёт третье измерение в пространстве? Те миры, что разбросаны по периферии Мироздания, двухмерны. Они как некая голография, поскольку необитаемы. А дальше и вообще одномерность. Ну что же. Мероприятие вроде дружеских бесед у чисто символического камина, предваряющее жёсткое вхождение в рабочий режим, после праздничного обеда будет завершено. Недолгий отдых каждому в собственной кубатуре, – и Кук многозначительно глянул в сторону Пелагеи. Она прикрыла миндалевидные глаза восточного божества, и неясно, слушала или спала, заскучав от их разговоров. – На моей широкой груди и подремлешь после обеда, – строго прикрикнул на неё Кук, – или думала, как и всякая кокетка, что разговоры на скользкую тему тебя ни к чему не обязывают?

Она ничего не ответила.

– А я, – продолжил Кук, так и не дождавшись её реплики, – член не только действующий и серьёзный, впаянный в весьма нешутливый и секретный Клуб, а и злопамятный, если меня как юнца кто-то осмелится водить за нос. Ты уснула,

что ли, Бусинка, от старческого утомления?

– Отстань, сатир козлоногий, – отозвалась, наконец, Пелагея.

– Пан, то есть сатир, не моё новое имя. Я – Белояр Кук. Если пообещаешь мне свою дочку, чтобы я как Кук обзавёлся собственной кукушкой, то я тобой уж и не понуждаюсь. Буду ожидать тогда своей законной свадьбы с нею.

– Не дури, – одёрнула она, – даже шутки должны иметь границы приличия. Ты выживающий из своего ума старец, хотя ум у тебя и был некогда вселенского размаха. Она юный цветок Ландыш. Она сама выберет того, кого захочет. Моё обещание или мой запрет для её будущего никчемность.

– Эх! Такие ли Ландыши, да целыми охапками я имел. Ну, я тебе покажу, какой я старец! – и Кук явил такой знакомый лошадиный оскал, совместный с волчьим накалом глаз, что Радослав понял, Кук – очередная маска на прежнем Артёме Воронове.

Только Пелагея ничуть его не боялась. Это был её звездолёт, и тут командовала она, – Покажешь, а я и посмотрю. Уж очень заинтриговал. А не получится ли так, что пустая бочка всех громче гремит? Я давно выявила закономерность, что скромные женщины и мужчины самые сексуальные и есть. А вот те, кто себя рекламируют, всегда обманывают.

– Это не обо мне. Я весомый и словом, и делом. Вся моя прежняя жизнь научила меня здраво оценивать собственные возможности и отучила от ложной скромности с женщина-

ми. Я полон ожиданием и прочим богатым в себе содержанием. Картошечка рассыпчатая да с хреном, что может быть и слаще! – Он набрал связь с Ланой и сказал ей, – Ландыш, дочка, забыл тебе о гарнире к курочке сказать. Картошечка рассыпчатая да с ядрёным хренком. Найди там в рецептурных данных, как и что. Ага!

– Белояр, не будь же пошляком! Да ещё принародно. Проживание в неблагополучной колонии, да ещё в грязи, очень заметно на тебя подействовало. Я же не картофелина, в самом деле, чтобы рассыпаться от твоих хреновых комплиментов, – осадила Пелагея.

– Какая же ты картофелина, Пелагеюшка. Ты сдобушка сливочно-шоколадная! – и добавил уже тихо, так что услышал его только Радослав. – Подсушенная, конечно... Да я пока зубаст, – Кук сел в кресло и сладостно потянулся, поскрипел суставами, разминая их.

– Скрипишь как сундук на ржавых петлях, а мечтаешь о Ландыше! – не пощадила его Пелагея, – меня сушкой старой обзываешь, а сам?

– Ну и ушастая! И то, уши у тебя знатные. Серёг в них навинтила до самых плеч, а они не обрываются. Вот уж любовная прелюдия у нас с тобой удалась на славу! Люблю я задиристых девчат.

Андрей и Радослав давились смехом, представляя примерно одно и то же, как скрипучий сатир и экзотическая баба Яга залягут вместе в тесной кубатуре для послеобеденно-

го отдыха. И кто кого там загрызёт, оставалось только гадать.

Была непредставимой, невозможной, абсурдной мысль о том, о чём никто в данный момент и не забывал. Всего лишь пару земных суток назад Кук ликвидировал женщину, которую когда-то любил долгие годы на Земле. Клариссу Бете, зашифрованную под именем Рита. А Виталия Вайса, выродившегося до массового палача и преступника, когда-то бывшего любящим мужем самой Пелагеи, также убили, вернее, покарали в небоскрёбе ГРОЗ в служебных апартаментах совсем недавно.

Но все веселились и радовались. Кто предстоящему праздничному обеду, кто предстоящей радости иного свойства, редчайшей уже, от того и ценной, а Кук и тому и другому. Поэтому радость эта представлялась Радославу извращённой и жуткой. Нерадостной ничуть.

– «Любовь и смерть всегда вдвоём», – процитировала что-то архаичное Пелагея, почти прошептала. К чему? Как шелестящее эхо его собственных мыслей извне коснулось его ушей.

– Пожалуй, я пойду сразу спать, – сказал Радослав. Есть ему не хотелось. – А после уж чаю попою.

– Обидишь Ландыша, – отверг его отказ Кук, – девочка так старается. Да и традицию нарушать нехорошо. Какой же отменный кулинар моя названная дочка Ландыш! Даже такого привереду как ты, Радослав, насколько я это помню, она не разочарует своей стряпнёй. Тут уж Пелагея постаралась,

дочь воспитала многосторонне. Никакому роботу так не суметь. Я уже предвкушаю её кушанья. А вот у меня сколько было жён, а ни одна из них готовить не умела.

– На Паралее отличная кухня. Дома яств на каждом углу и очень дешёвые, исключая те, куда вхожи их высшие сословия. Там я не был. Из соображений уже морального порядка. Не люблю неравенства, – подал голос Андрей. Кук встал и подошёл к Пелагее.

– Это хорошо. Дома яств, феи-колокольчики, значит, от голода не зачихнем. Ну, так обедать? – он обнял её за плечи, стал их нежно массировать. – А кому и не только обедать. Когда ещё придётся, Бусинка... Пошутил я насчёт детки Ландыша. Как увидел тебя, так сразу и вспомнил, что не старец я вовсе. Мне и ста лет нет. Мне ещё жить и жить.

Обернувшись, он оглядел, по видимости лишь не замечающих его откровенных приставаний к женщине, условно младших соратников, тоже давно уже не юнцов. К сожалению, в маленьком вместилище звездолёта укромных уголков для интимного шушуканья не было. Только ещё более маленькие купе для отдыха и сна.

– Вот это напор у деда. Ему, а не тебе надо было присвоить имя Пан, – прошептал Андрей Радославу, пока Кук препирался с Пелагеей. Конечно, Воронов был когда-то их учителем, и все его характерные особенности были им известны. Но представить его в молодости в аспекте его отношений с женщинами, кого он ухватывал своими вороньими цепкими

когтями и возносил в своё сияющее гнездо-небоскрёб, было не под силу. Если в таком почтенном возрасте он таков, то каким же был одержимым тогда? Личная жизнь вышестоящих иерархов была закрыта для обучаемых в Космической Академии юнцов. Да и не интересовала никого в силу вполне понятной собственной переполненности каждого своими сложностями, трудной учёбой и бурно клокочущими увлечениями.

Новелла о Веге

Когда-то Воронов казался существом, стоящим выше пола, и слухи о его романе с Вегой, девушкой-курсантом Академии, казались чьим-то наветом. Специфической низкой мезьей конкурентов и тех, кто был Вороновым обижен. Космический полубог и юная девушка, пусть и ярчайшей красоты, но плохо успевающая по основным дисциплинам и пребывающая в хроническом ожидании своего отчисления в менее престижные структуры? Такого не бывает, потому что быть не может! Ярко-рыжеволосые дети Веги, как-то внезапно у той появившиеся, никак не соотносились с Главой одного из крупнейших подразделений ГРОЗ. Он же был лыс как отполированная каменная сфера. А у ярчайшей шатенки Веги был собственный, белообрый к тому же, муж. Вега же после отбытия мужа из семейной ячейки, когда заверши-

ла свою борьбу с Вороновым по отмене для себя лично крепостного права, рассказывала как-то Радославу, в то время юному Рудольфу Венду, как оно всё и было.

Рассказала вскользь и почти скороговоркой. Но заряд даже предельно заниженной в ценовом отношении информации, опущенной ею умышленно в банальный житейский цинизм, – а что тут редкого или удивительного? – был наделён такой нешуточной скрываемой болью, что даже он, ключнувший на её призыв из-за вполне понятного юношеского стремления украсить собственный и всегда редкий отдых, был озадачен. И картина её личного падения в последующие неудачи нарисовалась как-то сама собой.

Однажды Воронов пригласил её посетить его для конфиденциальной беседы в собственные апартаменты в небоскрёбе ГРОЗ, где никогда она не была. У девушки затряслись поджилки в ожидании чего-то непоправимого. Отчислят! Но почему там, а не в самой Академии, где и положено? Выдал он ей и странное пожелание, поставившее в тупик, – непременно надеть красивое платье вместо положенной формы. У Веги не было платьев. Она носила только брючки даже в дни отдыха от учёбы и тренировок. Она и не умела носить платьев. Подруга лично обряжала её как новогоднюю ёлку в шёлковое платье, украшала бижутерией, объясняя, что шефу надоела форма, обезличивающая всех. И приглашение знак того, что общение будет протекать в человеческом формате. Вега стояла как натуральная уже и неподвижная ёлка,

боясь сделать лишний жест. Вдруг что сломается в её потрясающе-женственном облике, бывшем для неё самой неожиданным чудом. Туфли на каблучках она освоить уже не могла, поэтому оплела свои стройные тренированные ножки ремешками босоножек с плоской подошвой. Стала похожей на Артемиду-охотницу в шёлковой тунике и сандалиях. Поскольку от облегающего платья она тоже отказалась в силу непривычки.

Она шла по длинным затейливым коридорам небоскрёба-ракушки, и все встречные столбенели от её женского шика. «Неужели, это я»? – удивлялась она самой себе, сразу же на ходу обучаясь новой женственной походке. Открылась панель в служебный холл шефа, и такой ослепительной его улыбки она никогда, ни до, ни после уже не видела.

– Не ожидал! – воскликнул он, – Казалось бы, чего я не перевидал, а такое чудо преображения вижу впервые.

Шеф и учитель сам предложил ей, чуть ли не в ультимативной форме, родить ему сына, а желательно двух. Его любимая жена больна, а у него только дочь. Ему же нужна юная и целомудренная девушка для произведения его потомства. Он проверил её генетические данные, всю её родословную, как было возможно, и остановил на ней свой выбор. Не только потому, что у него приостанавливалось дыхание при взгляде на юную развитую амазонку, – таких хватало, и получше имелись, – а из-за потрясающего её здоровья. У неё, согласись она, будет всё и сразу, чего её сверстницы

добьются лишь через годы и годы труда и подвигов. Иначе она будет отчислена из Академии по причине неуспеваемости, что справедливо и не является шантажом с его стороны. Будет отправлена как техперсонал в удручающе беспросветную космическую колонию, откуда возврата на Землю в ближайшие десятилетия уже не будет.

После недолгой предваряющей беседы в почти домашней непринуждённой обстановке, под шум летнего ливня за огромным панорамным окном он и поставил её перед нелёгким выбором. Так, во всяком случае, живописала о том Вега. А она, начав почти с насмешки над собственным прошлым, постепенно входила и повышала градус того личного драматизма, которым и стала её дальнейшая жизнь.

После лёгкой закуски и фруктовых натуральных соков в алых красивых фужерах, – не тех ли самых, из которых он и угощал всех своих гостей-невольников? – он и овладел ею на том самом белом гостевом диване. Будь она в брючках, а тем более в форме курсанта, такого бы и не произошло. А платье делало её беззащитной. Присвоил он её быстро, умело, чтобы она не успела передумать, в своём секретном отсеке для отдыха в служебных апартаментах. Для неё всё происходящее было впервые. И это не напоминало ту любовь, о которой мечтает всякая девушка в преддверии взрослой жизни. Только кто плачет об утраченных мечтах, даже если помнит о них? Возможно, что диван тогда был и другой, не тот белый и воздушный, но это уже и не важно.

Платьев Вега после того визита опять не носила, оставаясь для всех прочих прежней недоступной амазонкой-красавицей. А против Воронова уже не мог бы спасти и железный доспех. Она стала его собственной вещью. Преступный всемогущий начальник по любому считал, что осчастливил пусть и соблазнительную, а полную никчемность. Вега на редкость была бестолкова. По физической подготовке отличница, а в остальном поражала невосприимчивостью к знаниям. Так что никакой особой безумной любви, сметающей все установки принятого в режимных закрытых учреждениях кодекса чести, с его стороны к собственной ученице не было. Об этом говорила сама некогда «осчастливленная» насилием амазонка. Потом уж она его полюбила со всем возможным пылом молодой и темпераментной женщины. Неистово.

Ох, и как зря она это сделала! Надо было хотя бы сердце запечатать от его вторжения, коли уж тело не сумела. Не заплавав даже в том секретном отсеке после утраты девственности, настолько крепка была её выдержка, она лила нескончаемые слёзы, став его тайной женой. Утрачивали былое сияние крупные глаза – звёзды, чем она и славилась, сохли губы, поскольку она почти онемели. Он не терпел и слова, сказанного поперёк или литературно необработанного. Она же не до ласканый в детстве ребёнок, росший с отцом и чёрствой мачехой, без родной матери ласковых слов произносить не умела. Телячьих нежностей стеснялась, считая их

за притворство. За спонтанную дерзость Воронов мог и ударить. Утончённого развития не имелось, заметного ума тоже, а красота приелась быстро.

Заброшенная и не всегда узнаваемая при редких случайных встречах вне дома своим предельно занятым, реально загруженным, надолго исчезающим патроном, Вега впала в некое подобие душевного анабиоза. Вроде, и живая, здоровая, гляделки глядят, ноги ходят, руки барабают, а вроде и нет её на белом свете. Любовь, пришедшая через слом воли, через боль и кошмар, так и осталась больной, ненормальной. Её приход оправдывало лишь одно, – появление на свет редких крепышей-сыновей. Только Вега не умела их любить, некогда ей было, да и трафарет материнской любви в ней отсутствовал, поскольку саму её никто в детстве не ласкал – не лелеял. Малышей-сыновей Воронов до времени навязал отцу Веги и её мачехе, осыпав их за то немалыми привилегиями и пособием по уходу, а сама юная родительница не то, чтобы с лёгкостью, а из-за одержимости другим чувством, о них забыла. Её полностью была поглотила пучина роковой любви. Любовь, как одно из самых высших чудес, к которому дано приобщиться смертному, несмотря на свою очевидность и относительную распространённость в человеческом сообществе, тем не менее, трудно поддаётся описанию. У кого-то она сияние и полёт в незримом хрустальном шаре над прочими обыденными головами, а у кого-то нечто противоположное. Да ведь Вега и сама всегда хотела полюбить кого-то

неординарного, будучи девушкой простой лишь по видимости. Вот судьба и преподнесла ей дар под стать её редкой красоте. С неё лишь картины писать – мифических амазонок с неопишимо прекрасным ликом, но с мечом.

Вот и любовь, пришедшая к Веге, держала в тренированной руке точно такой же меч, колющий её без жалости и вины. В её страдающей душе не осталось уже, что называется, живого места. И возникло неизбежное – исчерпанность чувствительности к боли и усталость от давления непомерных запросов. Очнувшись однажды в крошечном одиночестве, пусть и в распрекрасной персональной квартире, в новёхоньком небоскрёбе, она вспомнила вдруг о своём потрясающем женском шике, какой у неё, вроде, и имелся. Где же завалялся? Она его и нашла, восстановила и отправилась на самовольные поиски друзей-партнёров в бар «Звёздный Персей», расположенный на первом этаже того самого небоскрёба, куда и вселил её Воронов. Дети же отобрали почти сразу, как только она их выкормила собственной грудью по старинке, как требовал патриархальный владыка её тела и души. Ей самой ещё предстояло учиться и учиться.

В «Звёздном Персее» Вега стала некоронованной королевой. Именно там она по возможности и исцелялась от своей любви, ставшей душевной немощью. Она решила никого уже не любить. Никогда. Только властвовать над телами и животными душами других, как властвовал над нею сам Воронов. В духовной же составляющей её существа он не нуж-

дался, поскольку наличия развитого духа не во всех признавал. Выбрав Радослава, – в те времена бывшего курсантом Рудольфом Вендом, – как наиболее тонко-устроенного, образованного в её мнении человека среди всех прочих курсантов, она откровенничала только с ним. Других третировала по большей части или использовала для развлечения. Откровенность была с прицелом на развитие серьёзных отношений, поскольку от близкого человека тайн быть не должно. Всё равно же донесут, лучше уж рассказать свою версию событий.

Поперёк «многодетной захватчицы», пришедшей взять в «половецкий полон» её юного дурака сына, встала мама Карина. Двое детей это уже такой перебор, что она не стерпела. Вегу, обозванную «дикой половчанкой», чьё дело «метать стрелы в дикой степи», Карина изгнала из своего дома через хулиганское, по сути, мордобитие. Вот так почему-то мама Карина амазонку переименовала в «половчанку со стрелами». Может, перепутала или искренне считала, что это одно и то же. Или же был намёк на характерную восточную составляющую в облике красавицы. «Половчанка» могла бы при желании свалить с ног Карину одним ударом, но Вега лелеяла надежду на возможный мир через смирение перед мамой своего друга. Чтобы юный сокурсник стал уже настоящим пленником. Но не вышло. Со стороны беспечно-го курсанта имела место лишь интрижка, пугающая вначале, чем и распаляла. Ведь сам Воронов и тут был замешан, как

и в случае с Ритой... Интрижка, как ей и положено, быстро надоевшая и без всякой помощи мамы-спасительницы. Мама же не любила, незваных ею, гостей в своём доме. А уж наглых шлюх и вовсе не выносила.

Да и сама Вега феей «чистое сердце» не казалась, лживая и мстительная, так что полной веры ей не было. Сегодня с ним, а завтра пойдёшь проверить, с кем она? Ведь если он застал её в баре в обнимку с другим парнем, она уверяла потом, что так мстила ему за долгую разлуку. А как могло быть иначе, если загруженность учёбой и тренировками была постоянной, а выходные редкостью. Непонятно, на какой такой волшебной ниточке была подвешена собственная приписка Веги к Космической Академии, где она не училась и не появлялась. Чем жила, кто оплачивал питание-существование, вовсе не сиротское? Работа в казармах курсантов была также чисто символическая. Администратор там чего-то, чего нет в действительности. Пришла, посветила глазами-звёздами, посмеялась с тем или иным знакомцем, и нет её.

Как всегда и всё знающие подружки нашёптывали о том, что ничтожная Вега порушила союз с полубогом Вороновым сама. Не оценила редкое везение, оскорбила доверие, полезла со своим убогим представлением о должном и недолжном к тому, о ком мечтала всякая девушка, не исключая особо умных и продвинутых эволюционно и нравственно, в Космической Академии. Вега требовала у Воронова отринуть законную семью ради неё! А он отринул тупую и зарвавшуюся

девчонку ради блистательной и влиятельной, статусной и готовой для него на всё, умницы Риты. Рите же семья главы одного из подразделений ГРОЗ нисколько не мешала. У Риты и у Веги возникали спорадические битвы. Незаметные публично, но разящие сильно со стороны Риты, напоказ хулиганские и бесполезные по результату со стороны Веги. Кроме одного результата. Она всё ниже и ниже скатывалась по градуированной ценностной шкале во мнении своего непросто-го возлюбленного. По-женски мелочные, неуважаемые никем, битвы за обладание столь значимым человеком для тех, кто мог хотя бы и частично их наблюдать или быть вовлечён, являлись одним из аттракционов бесконечного житейского сериала, воспроизводящегося из века в век, под названием «любовный треугольник». Но по отношению к вершине такого вот треугольника, фигура была сложнее, в ней имелось много углов. Объёмная пирамида, скорее. Рите не угрожало ничего, потому и усилий с её стороны серьёзных не предпринималось. Вега боролась на последнем издыхании, казалось.

Но Воронов Вегу из жилого небоскрёба так и не отселил, из мнимых администраторов непонятно какого учреждения не разжаловал. Она вела всегда параллельную Воронову жизнь, отчего грозный шеф вдруг спохватился и к ней вернулся. Вернее, возвращался время от времени. Он всегда жил не одной, а сразу несколькими, параллельными одна другой, жизнями. С Земли Вегу с Каменобродским, вдруг возникшим внезапно и горячо уже любимым мужем, запу-

лили в космическую колонию после того, как Рудольф отбыл на Трол. Тому предшествовала некрасивая история, очень болезненная, а на трагедию не тянущая.

Жизнь Веги стала фарсом. Воронов запретил ей рожать очередного ребёнка, приказал прервать беременность, поскольку считал, что когда-то благодатный резервуар жизни безнадёжно информационно замусорен её последующими беспорядочными случками. Даже зная, что ребёнок будет его, он его не желал, заранее обзывая мутантом. Куда ей было деваться, зависимой без шанса оборвать неодолимые крепки? Она официально вышла замуж за Кремня, покинула дарёную квартиру и липовую работу, так и не получив диплома об окончании Академии, оставшись недоучкой. А ребёнка сохранила в себе. Унесла его к звёздам, туда, где Воронов, наконец-то, покинул её во всех смыслах. Чем и доказала другим, что безвыходных ситуаций не бывает.

Потом уж к Радославу пришло взрослое понимание, что отказа Воронову не могло и быть ни от кого, поскольку имелись сведения, что сыновья у него от космических пригожих амазонок и до Веги появлялись. И после Веги тоже, раз уж дело было поставлено на поток. Мальчики воспитывались в закрытых космических городках, а вот было ли у тех девушек сугубо личное счастье с самопровозглашённым Юпитером? Похоже, что и нет. Это был своеобразный контракт, – рождение ребёнка в обмен на блистательную карьеру.

Дочь Ксения так и осталась у него единственной. Види-

мо, для сотворения девочки ему не хватало тонкого и ювелирного вдохновения в силу отсутствия подлинной любви к тем, кого он избирал как кобыл для производства элитных жеребят.

Да что ему, теперешнему Радославу Пану, какая-то начисто забытая, а вдруг вспомнившаяся Вега? Что он Гекубе? Что ему Гекуба? Но так бывает, вдруг зацепит за душу, за текущие мысли некто, навсегда оставленный в исчезнувшем прошлом, не близкий, не друг, не любимая, а вынырнувший вдруг из забвения и требующий своего глотка живого настоящего воздуха.

Посещение отца и его новой жены Веги

Когда-то Воронов смёл, как лавина, со своей дороги Ростислава Паникина, отца Радослава, погребя и его выдающуюся честную карьеру в лучшем понимании этого слова, и ладную семейную жизнь. Так тогда думали наблюдатели и ближние, и дальние, не зная подлинной и тайной причины всех тех событий.

А вот и отгадка! Вот почему Вега. Отец Паникин опять всплыл и её вытолкнул заодно с собою. Вега в её настоящем бытии – житии являлась женой его отца. Она ничем не напоминала прежнюю Вегу. И вовсе не потому, что устарела, несколько опустилась, расширилась телесно и вообще раз-

добрела во всех смыслах. Стала по пустякам смешливой, бестолковой, беспамятной не только на зло, но и на всё то, что оставила в прошлом. Радослава, к примеру, не помнила, если не притворялась. Даже о тех двух сыновьях, рождённых от Воронова, начисто забыла. Помнила только тех, которые родились в космической колонии, чьим отцом был Кремень. Но и они с нею не общались.

А когда отец Паникин представил ей однажды Ксению как жену своего сына, мол, принимай гостью, даже если не звала, Вега сказала с усмешкой, – В детском городке, что ли, сын твой жену себе выбирал? Вроде, и зрелый совсем человек, а такая вертушка молоденькая рядом.

– Я Ксения Воронова, – с неуместной досадой отозвалась Ксения. – Мы почти ровесницы с тобой.

– Не помню, – ответила Вега. – Ксении Вороновой я никогда не знала

Так что, наспех искупавшись в тёплом море, они быстро дом отца покинули, чтобы навсегда забыть туда дорогу. Отец есть отец, он так и остался добряком, а видеть рядом с ним клушу, загорелую до цвета ржаной буханки, в расцветенном сине-голубыми ирисами сарафане, пропахшем потом и сладеньким вином, не хотелось повторно уж никак.

– У меня в юности был поклонник, который очень любил ирисы, – простодушно объяснила она, – Помню, он подарил мне большую драгоценную брошку в виде ириса. Я хранила её долго, да где-то так и потеряла. Или он сам же и отобрал?

Он мог. И прочие безделицы из стекла в форме такого вот цветка дарил. Я ради него заказывала себе домашние платья с рисунком ирисов. На улице я тогда в платьях не ходила. Я спортивная была, только в форме или в брючных костюмчиках щеголяла. Я же щеголиха была. А теперь вот полюбила платья. И сами ирисы я вдруг полюбила!

– Бывает такое в жизни, – меланхолично отозвался её муж. Вега показывала свои садовые клумбы, населённые растительной живностью, где царствовали ирисы всех цветов и оттенков. Она вдохновенно рассказывала, что ирис считался цветком Прометея, это цветные осколки мифической богини радуги Ириды. А у древних жрецов Египта ирис был символом молчания и красноречия одновременно, смотря по обстоятельствам, поскольку он и цветок познания. А также цветок воина, храбрости, ибо его стебли напоминают сабли. У древних японцев, к примеру, был даже праздник, посвящённый ирису...

Она трещала без умолку, словно убегала от самой себя или глушила в себе вылезавшие из глубины подсознания некие запретные знания о себе же. Сын мужа, едва она спотыкалась о него взглядом, странно менял её лицо. Будто она узрела не просто природный некий шедевр, а шедевр неземной.

– Ростик, неужели, он твой сын? – и страдальчески-суетливо одёргивала свой будничный сарафанчик, теребила свои заплетённые в детскую трогательную косу «дракоша», по-

скольку с гребнем на макушке, волосы, – Я пойду переоденусь. Такие гости....

– Да какие уж там особенные гости? – отмахнулся Ростислав, – Забрели по случаю. Не суетись ты! Коли банкет не планировался, какой с нас и спрос? – он обиженно намекал сыну, что родовые связи давно распались, и тут уж не обессудьте, каковы есть, без официоза и отшлифованного до блеска торжества.

Ксения брезгливо морщила носик. Удивительное разнообразие ирисов не извиняли для неё неряшества самих хозяев. Хозяйка тоже была чутка к отношению гостыи к себе. Она даже не пустила их в дом.

– Чего там нюхать наш трудовой пот. Посидим под тенью в саду.

Попили чайку, поклевали винограда. Папа неловко шутил, занимал гостей, устремлённых всей душой только к выходу из его фруктово-цветочного рая. У самого выхода наружу, когда пьяненькая хозяйка провожала гостей с ещё большим радушием, чем встретила, Ксения оттянула её несколько в сторону и долго что-то шептала на ушко. Вега заметно пошатнулась, привалилась к живой ограде, что было и понятно. Полный бокал виноградного вина осушила она, якобы в честь гостей. Но лицо... Оно было таково, что словно бы вместе с шёпотом ей вливали в ухо яд, как делали это средневековые злодеи, если тому верить. Но не верьте. Так не было. Она схватилась рукой за сарафан, оттягивая его от

груди, будто ткань стала жечь её. Отец поспешил подхватить жену, боясь за её сердце.

– Ростислав, – сказала Ксения, – У неё нет сердца. Там искусственный имплант. У неё и мозгов нет, их съел Космос. У неё и лицо синтетическое.

Жестокость Ксении зашкаливала, но отец и его жена ничего не ответили.

– Ты о чём ей пошептала? – спросил у Ксении Радослав за пределами папиного именища.

– Я всего лишь ей сказала, что те игрушечные ирисы, во все не из стекла, а из драгоценных камней, мой папа утаскивал из старинной маминой коллекции. Банально воровал для блудной девки. И броши эти хранились у моей мамы. У него просто не могло быть такой фантазии, чтобы самому придумать такое вот роскошество! Он убогий был на всю голову! Бездарь, который пёр напролом, стирая тех, кому и в подмётки не годился. Как и она сама, приговорённая с рождения быть садовницей, а не космической амазонкой, кем себя мнила.

– Зачем ты мстишь той, кто пострадала от твоего отца не меньше тебя самой? – спросил он, безучастный на тот момент и к Веге, и к своему отцу. – Он переехал её судьбу как трактор тот же цветник с ирисами. Если она всё забыла, то и хорошо. К чему тебе боль человека, ни в чём перед тобой не виноватого?

В той самой космической колонии, где Вега и жила неко-

гда со своим прежним мужем Каменобродским, она попала в серьёзную аварию, и пластические хирурги сделали ей новое лицо, ничем не напоминавшее ту Вегу. Только глаза – бархатистые и тёмно-фиолетовые, как разновидность ирисов в её саду, обманчиво-глубокие, а на самом деле всегда отрешённые от сложной душевной и мыслительной работы, были те же. Вега не любила ничего сложного, избегала и боялась, перекормленная сложностями в годы затяжного и мучительного романа с Вороновым. Её тянула к себе тихая простота в людях, простая тишина жизни бытовой. Так оно и было долгое время. Пока мужу Кремню повредило голову настолько в той же самой аварии, что он стал умственно и душевно инвалидом.

При возвращении на Землю они жили в маленьком домишке, совершенно всеми забытые. Он принимал жену то за подчинённого ему космического десантника, то за робота, когда отдавал команды зычным командным голосом или тыкал её ручищами, ища те элементы питания, что стоило бы заменить. Поскольку и подчинённый десантник, и обслуживающий робот рядом с ним никуда не годились в его мнении. Но это-то она ещё терпела. А он при выходе из дома начал приставать ко всем встречным женщинам, говоря, что он вдовец, жену похоронил в страшной космической колонии, а ему очень уж хочется трахаться, да не с кем. Мог и штаны распахнуть, чтобы явить свою жгучую зримую готовность к полноценной любви. Периодически его лечили в «Сарфи-

ре», он утихал, но всё повторялось. Даже отлично владея собою, он вдруг понял, что может хулиганить безнаказанно. Все местные женщины убегали прочь, едва видели его силуэт на горизонте. Здоровый телом как Минотавр, он хранил в себе неизрасходованную силу, имел немалую похоть. Жена жалела его, кормила отлично, ухаживала на совесть. А он жену отталкивал, орал, что не извращенец, любить юношей и роботов не умеет. Спасали только редкие ночи, когда бездействующие обычно препараты вдруг оказывали воздействие. И он, узнавая её, любил безоглядно и нежно, как в первые дни их любви, вспыхнувшей однажды и внезапно душным вечером в «Звёздном Персее». Или что-то другое там действовало.

Навалилась неизбежная усталость, иссякла даже память о прошлом гармоничном союзе, а с нею и благодарность. Мгновений, очищенных от мрака недуга, было мало, а остальная жизнь казалась бессмысленно длинной, мучительно-обесцвеченной. Как длинная дорога в песках для бедуина какого, идущего за своим верблюдом. А верблюд может плюнуть, может копытом садануть и бесконечно гадит. И ничего в глазах, кроме песка и верблюжьих фекалий. Любовь-вода была чрезвычайной редкостью, губы сохли, как было некогда с Вороновым-злодеем, когда он заточил её в башню небо-скрёба.

Вега была женщиной, наделённой редкой сексуальностью, и возраст мало что тут значил. Да она и не была старой ни-

чуть. За что она и бросила Кремня. Не от того даже, что устала тащить такую вот ношу на себе, а от недостачи того, от чего страдала сильнее, чем от безумия мужа. Да она бы и смирилась. Но однажды, как всё оно и происходит однажды, прогуливаясь по старым местам своей юности, где и оплакивала её как старуха, которой ничего уже не светит, она села на скамью в центре древнего города у великолепного фонтана. Могучий древний воин, больше мифический, чем реально некогда топтавший эту Землю, протягивал свою мощную длань куда-то вдаль, зовя давно изнеженное человечество на великие битвы. Его застывшая каменная экспрессия, его гигантский конь вовсе не были вымыслом в том смысле, что наполненные таким вот величием и предельно-возможной мужественностью мужчины и теперь изредка рождаются в реальности. Взять того же Воронова...

Неужели, никогда уж не притронуться к губам такого вот великана, что телом, что духом. Не к каменным, понятно. К живым и горячим. Застыть в невозможности сделать очередной вдох, попав в кольцо его страстных объятий...

Она глубоко задумалась. Сине-голубые ирисы мерцали на её кружевном нарядном платьице. На лице ни единой морщинки, руки сильные и гладкие, ножки всё также стройны как в молодости. И сандалии любимые открывали её изящные ступни. Волосы она давно уже не стригла, и они, забранные в густой пучок, были лишены искусственного пигмента. Она не поседела ни единым волоском. Природный цвет, что

редкость из редкостей в мире искусственной красоты.

«Наверное, я от глупости своей и не седею», – думала она, вспоминая, как Воронов величал её «пустышкой ослепительной». Как жаль, что ему она однажды взяла, да и отказала в той радости, чтобы и впредь ласкать ему её роскошные длинные волосы. А он любил и требовал, чтобы она их распускала в минуты их общего отдыха и любовного единения. Он наслаждался ею и зрительно тоже, он буквально изнемогал от вида её несовременной, а какой-то вневременной, редкостной красоты. Из мести ему она и приняла решение, всегда стричься под мальчика. В таких мелочах он насилия не проявлял, только вздохнул, как хочешь, мол... Всё равно любил, шею ласкал, стрижку тормозил и опять вздыхал...

Склонив нерадостную голову, думала она и о том, что кроме как быть прижизненной сиделкой при больном идиоте, без мужа, по сути, без детей, уже выросших и сбежавших, кто куда, она, похоже, умерла. Точно так же ей казалось когда-то, когда забрасывал её бессердечный бесподобный Воронов. И где же он, её утерянный женский шик? Может, опять стоит поискать? Да где уж теперь!

Тогда-то и встретила она нежданно-негаданно старого друга Ростислава, жившего недалеко от столичного мегаполиса, если по современным меркам. Одинокого абсолютно. Не утратившего мужскую свою статью, свою жаркую силу. Вот так и нашла она своим обманчивым глазам, своему новому лицу, пусть и не настолько красивому как прежде, а всё же

молодому по виду, нового созерцателя, а крепкому телу очередного крепыша-любовника. За что и не простили её дети, общие их с Кремнем.

Такое её поведение по отношению к покинутому мужу, претерпевшему такую беду, не говорило о ней как о ценной женщине. Но Паникин и сам опростился давно. С тех самых пор он забыл о незаменимой своей, жестокосердной Карине. Вега была той, кто заставила забыть. Во всяком случае, так говорила мать, спрашивая, что случилось с отцом? Куда он пропал, если окончательно переселился на Землю? Прежде хоть иногда навещал, а тут? Не впал ли в бедственное состояние ума?

– Какое опрощение всего! – произнесла мать. – Какое опустошение и странная тишина. Или же это дышит будущее, только не в затылок, а в лоб, гробовой уже тишиной? – она тосковала о нём! Об отце.

Когда-то отец, человек сильный, но мягкий, человеческий, уступил беспощадному человеку-вездеходу Воронову свою собственную колею. Беспринципную борьбу презрел. Из ГРОЗ ушёл совсем. Осознанно и добровольно. И жене Карине Венд дал вольную без позорных скандалов и всяческих выяснений. А то, что и отец Паникин, и бывшая сокурсница Вега, в настоящем дружная семья, стали некогда жертвами свирепого Ворона-Кука было чисто случайным совпадением.

Хотя и тут не исключалась насмешка Судьбы, той самой

сущности, скучающей в своих вселенских информационных сетях. Никогда прежде не думал Радослав о своём отце в таком вот непривычном ракурсе. Не думал, что было за что любить его отца такой вот Пелагее, если она не забыла его и за целую жизнь. И не за что самому отцу любить Карину Венд, что стала родной матерью Радослава. А вот Пелагею надо было беречь как сокровище всю жизнь. Ведь в юности и она была что надо, если верить тем, кто её в те времена знал.

Если видеть её утончённое порождение Лану – Ландыш, пусть и придумавшую как неизжитую пока подростковую игру такой вот маскарад под мальчика. Мужское опытное чутьё она обмануть не могла. Она будет страстной и яркой женщиной. Как её мать Пелагея Бусинка. С доброй и нежно-чувствительной душой, как у её отца Рамона Грязнова.

– На время обеденного отдыха и краткого расслабляющего сна нас заменит робот, дублирующий состав команды. А вот прокладывать курс на Паралею будем мы! – прогремел голосом прежнего жесткача Воронова тот, кто для Земли давно был покойником, а воскрес в околосолнечном пространстве в облике старого Кука. – Нас там ждут. Разумов всё подготовил к нашей высадке. Ты не думал, что вернёшься туда, Радослав? После гибели всё захвативших в свои лапы злокачественных перерожденцев Вайса «Змееголового» и Клариссы Бете, носящей кличку «Рита», вся база данных системы Магниус начисто исчезла из компьютеров ГРОЗ. И из дублирующих систем тоже. Но уже и до этого она была от-

несена к зоне консервации, чьё исследование и дальнейшее освоение отложено на неопределённый срок после открытия системы Регина. А проще навсегда. Внедрение на Трол признано ошибкой. Но работа над ошибками – это и есть наша задача. На Земле справятся без нас. Если же не справятся – мы вернёмся и поможем справиться.

Пост существование или начало ещё одной жизни?

Ксения родила на спутнике белокурого и зеленоглазого мальчика. И назвала его странным доисторическим именем – Космомысл, а зовет его Костя. Или лаская: – «Мыслишка моя». Его полюбил Артур. И Ксен его полюбил как родного. Артур считает его за сына, хотя он ему брат! Ах, что же за женщина ты, Ксения Воронова, она же Ксения Венд, ставшая Ксенией Паникиной. Фамилии меняются, а сама Ксения, что означает всем чужая, всё та же.

Деревья под куполом стали огромными и тенистыми, и маленький мальчик играет под ними теми же струями прозрачной воды у искусственной скалы. В совсем близком будущем он будет пить уже подлинную живую воду у настоящих скал на освоенной уже по-настоящему планете Земля-2, будет строителем её новых городов и прародителем новых будущих людей на ней.

Дав сыну такое имя, Ксения надеется, что он в своей жизни обретёт некий высший смысл. Не только свой, но и их общий всем смысл – человеческого существования во Вселенной. Не заблудится подобно отцу, а разовьёт данный им людям талант постижения Добра и зла в их трагическом противостоянии, переплетении и смертельной борьбе.

Над планетой восходил ярко-синий спутник Паж. Он взирал сверху, наблюдая, как там идёт строительство уже не только подземных ангаров, но и наземных поселений? Вокруг ещё таились опасности и непредсказуемости. Где-то продолжали кипеть в мощных бурях океаны, вздымались и проваливались в пучину острова и архипелаги, гибли первобытные формы неудавшейся чьей-то жизни, ревели чудовищные жерла вулканов. У этой планеты всё было в будущем. А каким оно будет это будущее, никто не знал.

И когда всё это происходило? И происходило ли вообще? А смертные индивидуально, но обладающие бессмертной коллективной душой демиурги смотрели на эту планету, как на своё возможное и уже совсем другое, не такое трагичное будущее, каким было их прошлое.

И потомки маленькой женщины – ангела Паралеи Нэи тоже будут обустраивать этот новый мир. С тем самым старым желанием построить в нём райскую гармонию, чтобы сбереечь хрупкое человечество для будущего, чтобы разгадать замысел о себе своего загадочного Создателя.